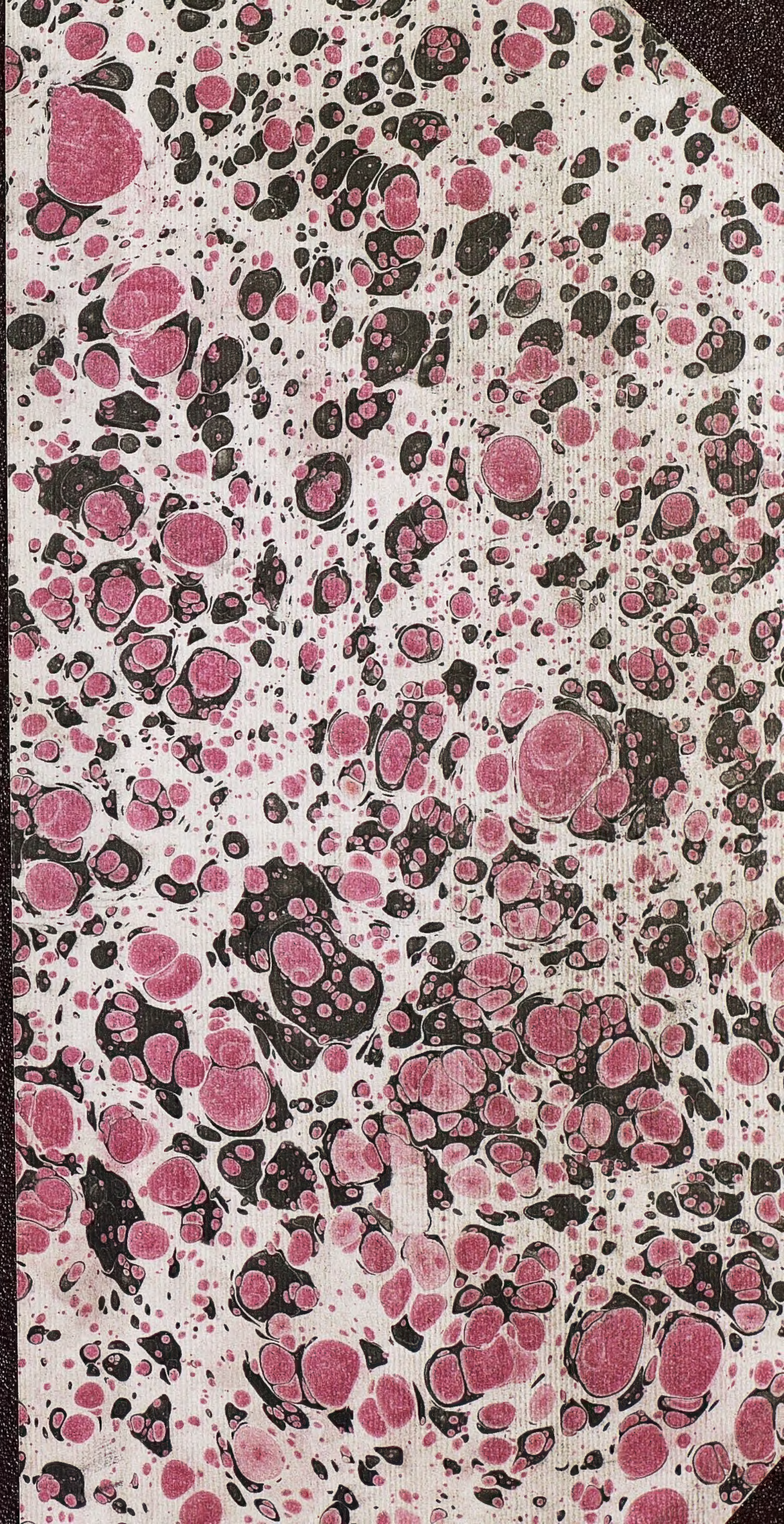

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОБЗОРЪ

деятельности

МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

1802—1902.

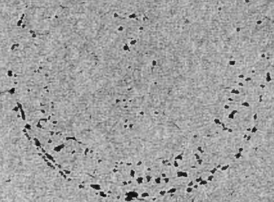
Составилъ

С. В. Рождественскій.

Изданіе Министерства Народнаго Просвѣщенія.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1902.

Николай

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОБЗОРЪ

ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

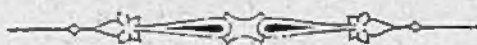
МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

1802—1902.

Составилъ

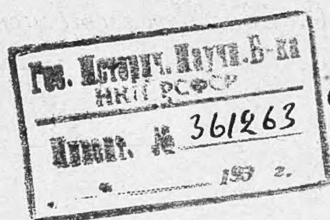
С. В. Рождественскій.

Изданіе Министерства Народнаго Просвѣщенія.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1902.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ТИПОГРАФІЯ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ 1899 г. покойнымъ министромъ Народнаго Просвѣщенія Н. П. Боголѣповымъ образовано было, подъ предсѣдательствомъ товарища министра Н. А. Звѣрева, совѣщаніе по вопросу объ изданіи ко дню столѣтняго юбилея Министерства Народнаго Просвѣщенія историческаго обзора его дѣятельности. Въ виду краткости времени, остававшагося до юбилея, совѣщаніе не нашло возможнымъ приступить къ составленію подробной исторіи Министерства и остановилось на предположеніи издать краткій историческій очеркъ, содержащій біографическія свѣдѣнія о лицахъ, стоявшихъ во главѣ Министерства, обзоръ законодательства и перечень важнѣйшихъ административныхъ распоряженій по вѣдомству Народнаго Просвѣщенія.

Составленный на этомъ основаніи сжатый историческій обзоръ организаціи Министерства и учрежденій, ему подвѣдомственныхъ, не даетъ полной и всесторонней картины ихъ дѣятельности, оцѣнки этой дѣятельности и нагляднаго изображенія ея результатовъ, то есть статистики народнаго просвѣщенія въ Россіи за послѣднее столѣтіе. Такая работа должна была бы опираться на рядъ предварительныхъ, спеціальныхъ изслѣдованій и требовала бы продолжительнаго изученія обширнаго историческаго и статистическаго матеріала, отчасти сосредоточеннаго въ Архивѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, отчасти разсѣяннаго по архивамъ другихъ учрежденій.

Въ интересахъ исторической науки совѣщаніе подъ предсѣдательствомъ Н. А. Звѣрева составило предположеніе о научномъ изданіи описанія дѣлъ Архива Министерства Народнаго Просвѣщенія. Но это предположеніе пока не осуществилось по неимѣнію необходимыхъ денежныхъ средствъ.

Обязанность подбора архивнаго матеріала возложена была на и. д. помощника начальника Архива Министерства, А. С. Раевскаго.

По порученію генералъ-адъютанта П. С. Ванновскаго настоящій трудъ въ рукописи былъ разсмотрѣнъ Предсѣдателемъ Ученаго Комитета, академикомъ Н. Я. Сонинымъ.

С. Рождественскій.

ВВЕДЕНІЕ.

I.

Манифестъ Императора Александра Павловича, 8 сентября 1802 г., преобразовавшій систему высшей администраціи Россіи, впервые сосредоточилъ управленіе народнымъ просвѣщеніемъ въ особомъ самостоятельномъ вѣдомствѣ.

Учрежденіе Министерства Народнаго Просвѣщенія отвѣчало потребности, постепенно созрѣвшей въ теченіе XVIII столѣтія. Ея еще не могло сознавать правительство Московскаго Государства. Въ до-петровской Россіи различныя средства просвѣщенія, въ частности—школы, должны были служить главнымъ образомъ цѣлямъ религіозно-нравственнымъ, интересамъ церкви, и обязанность удовлетворять просвѣтительныя потребности народа, блюсти за чистотой просвѣщенія лежала на церковной власти. Только въ концѣ XVII вѣка, когда во всѣхъ областяхъ московской жизни уже начиналось реформаціонное движеніе, обнаруживается сознаніе, что просвѣщеніе столько же важно для государства, сколько для церкви, и свѣтская власть начинаетъ оказывать могущественную поддержку новымъ просвѣтительнымъ предпріятіямъ. Проектъ высшаго училища или академіи, составленный въ послѣдніе дни царствованія Θеодора Алексѣевича, гласилъ, что царь, подобно Соломону, возъимѣлъ намѣреніе устроить «храмы чиномъ академіи» и «во оныхъ сѣмена мудрости, то есть, науки гражданскія и духовныя, наченше отъ грамматики, піитики, риторики, діалектики, философіи разумительной, естественной и нравной, даже до богословіи, учащей вещей божественныхъ и совѣсти очищенія, постановити. При томъ и ученію правосудія духовнаго и мірского, и прочимъ всѣмъ свободнымъ наукамъ, ими же цѣлость академіи, сирѣчь училища, составляется быти». Такимъ образомъ преподаваніе обнимаетъ всѣ науки, незапрещенныя церковью. Въ академію должны допускаться люди всѣхъ сословій и возрастовъ. Лица, окончившія курсъ свободныхъ наукъ, «будутъ пожалованы въ приличные ихъ разуму чины» и получатъ за мудрость свою

особенное царское щедрое милосердіе. Изъ не научившихся свободнымъ наукамъ никто не допускается въ государскіе чины, кромѣ благородныхъ. Изъ неблагородныхъ допускаются въ эти чины только за ученіе и за явныя на войнѣ и въ другихъ государственныхъ дѣлахъ заслуги [1]).

Потребовалось цѣлое столѣтіе на то, чтобы задачи народнаго просвѣщенія, смутно обозначившіяся въ концѣ XVII вѣка, были поставлены вполнѣ ясно и отчетливо: чтобы свѣтское образованіе, отдѣлившееся отъ религіозно-нравственнаго просвѣщенія, раздѣлилось, въ свою очередь, на двѣ самостоятельныя и одинаково важныя области, образованіе общее и профессіональное, чтобы выяснилось самостоятельное значеніе и взаимная связь главныхъ степеней общаго образованія: начальнаго, средняго и высшаго, чтобы, наконецъ, государство точно опредѣлило свои права и обязанности по отношенію къ народному просвѣщенію. Тогда только могла сложиться и выдѣлиться въ самостоятельную вѣтвь управленія «система» народнаго просвѣщенія.

Первые образовательные замыслы Петра Великаго были очень непрактичны. По возвращеніи изъ за-границы онъ бесѣдовалъ однажды съ патріархомъ Адріаномъ о Московской Академіи: «благодатію Божіею», сказалъ царь, «и у насъ есть школа; и пусть бы изъ этой школы во всякія потребы люди происходили: въ церковную службу, и въ гражданскую, воинствовать, знать строеніе и докторское врачевское искуство.» Но эта мысль о совмѣщеніи въ одной школѣ хранилища чистаго знанія «мудрости», профессіональнаго духовнаго училища и своего рода политехникума осталась, конечно, неосуществленной. Съ теченіемъ времени, подъ вліяніемъ общаго хода государственныхъ преобразованій, выяснились и окрѣпли два главные принципа, которые стали исходными пунктами законодательства о народномъ просвѣщеніи въ первой половинѣ XVIII вѣка: во-первыхъ, государство особенно нуждается въ профессіональномъ образованіи; общее образованіе, съ точки зрѣнія государственныхъ интересовъ, отодвигается на второй планъ; во-вторыхъ, профессіональное образованіе должно быть сословнымъ, иначе—каждое сословіе должно получать образованіе, соотвѣтствующее его положенію и обязанностямъ.

Большая часть специальныхъ училищъ XVIII столѣтія вела свое начало отъ эпохи преобразованій Петра Великаго: въ 1701 г. была учреждена въ Москвѣ, въ вѣдѣніи Оружейной

палаты, школа «математическихъ и навигацкихъ, т. е. мореходныхъ хитростно искусствъ ученія.» Это первое правительственное свѣтское училище въ Россіи готовило своихъ питомцевъ не только къ морскому дѣлу, но и ко всѣмъ родамъ службы. Въ 1715 г. была открыта въ Петербургѣ Морская академія, а Московская навигацкая школа осталась какъ бы приготовительнымъ для нея училищемъ. Въ 1752 г. и Морская академія и Навигацкая школа соединились въ одинъ Морской шляхетный корпусъ въ Петербургѣ. Для подготовки къ другимъ спеціальнымъ отраслямъ военнаго дѣла Петромъ были учреждены въ Москвѣ и Петербургѣ школы инженерныя и артиллерійскія при бомбардирской ротѣ и при артиллерійскомъ полку. Послѣ Петра Великаго эти школы подвергались разнымъ преобразованіямъ, пока въ 1762 г. не былъ учрежденъ Артиллерійскій и Инженерный шляхетный корпусъ. Но заботясь о насажденіи въ Россіи спеціальныхъ военныхъ знаній, Петръ не успѣлъ создать общаго военнаго училища. Этотъ пробѣлъ былъ восполненъ въ 1731 г. учрежденіемъ Сухопутнаго шляхетнаго кадетскаго корпуса. Всѣ эти профессіональныя военныя школы были сословными, дворянскими. Обученіе въ нихъ было для дворянства сословной повинностью, уклоненіе отъ которой каралось столь же строго, какъ и «нѣтство» на дѣйствительной службѣ. Если въ дворянскія профессіональныя школы и попадали ученики-разночинцы, то лишь потому, что правительство, особенно при Петрѣ Великомъ, дорожило всякимъ способнымъ къ ученію и службѣ человѣкомъ. Но извѣстныя профессіональныя знанія были нужны и низшему служилому люду, нижнимъ чинамъ, солдатамъ. Поэтому во второй четверти XVIII вѣка, когда утвердился сословный характеръ названныхъ выше училищъ, стали появляться низшія профессіональныя военныя школы: артиллерійская школа солдатскихъ пушкарскихъ дѣтей, «соединенная солдатская» школа, гарнизонныя школы, учрежденныя въ 1732 г.

При Петрѣ же Великомъ было положено начало спеціальному горному и медицинскому образованію. Горныя школы чисто практическаго характера были устроены сначала въ Олонцѣ и на Уралѣ. Съ теченіемъ времени онѣ пришли въ упадокъ, и только въ 1774 г. было учреждено въ Петербургѣ, въ вѣдѣніи Бергъ-Коллегіи, Горное училище. Послѣ упраздненія Бергъ-Коллегіи оно перешло въ управленіе Петербургской казенной палаты. Практическое медицинское обученіе въ первой половинѣ XVIII вѣка велось въ госпиталяхъ и аптекахъ подъ руководствомъ врачей-иностранцевъ. Въ

*

1787 г. медицинскія школы были отдѣлены отъ госпиталей и сдѣлались самостоятельными учебными заведеніями, съ болѣе теоретическимъ преподаваніемъ, подъ названіемъ медико-хирургическихъ училищъ.

Не успѣли организоваться въ теченіе XVIII столѣтія профессіональныя школы для подготовки къ общей гражданской службѣ, требовавшей юридическихъ познаній. Намѣреніе Петра учредить «академію политики» не было выполнено; основанная въ 1721 г. школа подъячихъ сообщала лишь практическія свѣдѣнія, необходимыя для дѣлопроизводства въ приказахъ, а предположенная инструкціей герольдмейстеру 1722 г. «краткая школа для изученія гражданскихъ дѣлъ», въ которой должны были учиться дворянскіе дѣти, кажется, совсѣмъ не была открыта. Эти неудачныя попытки создать специальныя юридическія школы побудили правительство въ срединѣ XVIII столѣтія вводить юридическія науки въ учебные планы военныхъ дворянскихъ училищъ.

Наконецъ, самую многочисленную и устойчивую по своимъ традиціямъ группу профессіональныхъ училищъ составили училища духовныя во главѣ съ Московской и Кіевской академіями, которыя стали разсадниками учителей для провинціальныхъ школъ, открытыхъ во исполненіе предписанія Духовнаго Регламента имѣть при каждомъ архіерейскомъ домѣ епархіальную школу. Въ послѣдніе годы царствованія Петра Великаго такихъ школъ было учреждено до 46. Ограниченныя сначала элементарнымъ курсомъ ученія, нѣкоторыя епархіальныя школы при благопріятныхъ условіяхъ, подъ руководствомъ энергичныхъ архіереевъ, умѣвшихъ обезпечивать свои школы хорошими преподавателями, развивались до уровня среднихъ училищъ и въ свою очередь являлись разсадниками учителей для низшихъ духовныхъ школъ. Указомъ 1737 г. епархіальныя школы были преобразованы въ семинаріи. Въ 1738 г. ихъ было 17, а въ 1764 г.—26.

Такъ сложилось, отъ Петра Великаго до Екатерины II, профессіональное образованіе, проникнутое строго сословнымъ духомъ. Ни въ учебномъ, ни въ административномъ отношеніяхъ оно не было подчинено одному общему плану, стройной системѣ. Профессіональныя школы призваны были удовлетворять неотложныя практическія потребности разныхъ вѣдомствъ: духовнаго, военнаго, морскаго, горнаго, медицинскаго. При этихъ условіяхъ не могло сложиться и единство учебнаго управленія. Оно было разбито между подлежащими вѣдомствами [2]).

Сосредоточивая преимущественное вниманіе на профессіональномъ образованіи, правительство XVIII столѣтія не могло не цѣнить значенія общаго образованія. Для успѣха самыхъ профессіональныхъ школъ было важно, чтобы въ нихъ поступали люди, уже овладѣвшіе подготовительнымъ, элементарнымъ образованіемъ. Само русское общество начала XVIII вѣка несомнѣнно чувствовало потребность прежде всего въ элементарномъ образованіи. Вотъ почему одновременно и въ связи съ устройствомъ ряда спеціальныхъ школъ правительство начинаетъ заботиться и о насажденіи элементарнаго общаго образованія.

Указомъ 1714 г. повелѣно было открыть во всѣхъ губерніяхъ «цыфирныя» школы для обязательнаго обученія ариѳметикѣ и геометріи «дворянскихъ и приказнаго чина, дьячихъ и подъяческихъ дѣтей, отъ 10 до 15 лѣтъ, опричь однодворцевъ». Уклоняющимся отъ этихъ школъ грозило запрещеніе жениться. Учителей должна была доставить Навигацкая школа, и потому цыфирныя школы состояли въ вѣдѣніи Адмиралтействъ-Коллегіи. Но этотъ первый энергичный приступъ къ насажденію обязательнаго элементарнаго, хотя односторонняго, математическаго образованія оказался въ концѣ концовъ совершенно неудачнымъ. При господствѣ профессіонально-сословной системы образованія, когда каждому классу населенія предназначалась своя спеціальная школа, въ общей элементарной школѣ некому было учиться. Въ 1716 г. запрещено было принимать въ цыфирныя школы дворянскихъ дѣтей, потому что дворянская молодежь должна была учиться въ столичныхъ спеціальныхъ училищахъ или проходить школу служебной практики въ гвардіи. Въ 1720 г. освободилось отъ обязанности посылать дѣтей въ школу купечество и посадское населеніе: въ своихъ челобитныхъ оно поставляло на видъ, что купеческія и посадскія дѣти съ раннихъ лѣтъ пріучаются къ наслѣдственной профессіи, математическія же науки имъ не нужны. Наконецъ, стали уходить изъ цыфирныхъ школъ и дѣти духовенства, для которыхъ были открыты свои профессіональныя школы. Какъ слабы были успѣхи цыфирныхъ школъ, свидѣтельствуютъ слѣдующія цифры: изъ 1389 учениковъ за время съ 1714 г. по 1722 г. окончило курсъ лишь 93, «а за тѣмъ оставшіе, едва не всѣ синодальной команды, бѣжали». Сенатъ, верховному вѣдѣнію котораго подлежали цыфирныя школы, убѣдившись въ ихъ несостоятельности, старался совсѣмъ отъ нихъ отдѣлаться. Въ 1723 г. цыфирныя школы въ Новгородской губерніи были переданы духовному вѣдом-

ству, а въ 1726 г. эта мѣра была обобщена: всѣ вообще цыфирныя школы соединялись съ духовными и переходили въ вѣдѣніе Синода. Но послѣдній также не хотѣлъ принимать ненужныхъ ему школъ и представлялъ, что «тѣ школы до духовнаго правительства не подлежатъ». Нѣкоторое время злосчастныя школы существовали какъ бы внѣ всякаго управленія, въ 1731 г. снова были отданы въ управленіе Адмиралтействъ-Коллегіи, а въ 1744 г. совсѣмъ прекратили отдѣльное существованіе, будучи соединены съ гарнизонными школами. Такъ неудаченъ былъ первый опытъ устройства элементарнаго образованія. Въ 1721 г. въ Регламентѣ Главному Магистрату Петръ возлагалъ заботы о начальныхъ школахъ на городскія управленія: «а что до содержанія малыхъ школъ принадлежитъ, въ которыхъ токмо читать, писать и ариѳметикѣ обучаться будутъ, о томъ во всѣхъ городахъ магистратамъ самимъ имѣть собраніе». Но и эта мысль не была осуществлена. На болѣе широкихъ и прочныхъ основаніяхъ новый опытъ насажденія правильнаго начальнаго образованія былъ предпринятъ только въ царствованіе Екатерины II [3]).

Среднее образованіе въ началѣ XVIII вѣка было представлено Московской гимназіей пастора Глюка, «разноязычными нѣмецкими школами», латино-итальянской школой, основанной братьями Лихудами школой эллино-греческой. Эти учебныя заведенія, возникшія по частной инициативѣ, но пользовавшіяся правительственной поддержкой *), были очень недолговѣчны и не могли представить прочной основы для созданія системы средняго образованія. «Прямыхъ школъ», говорилось въ указѣ объ основаніи Академіи Наукъ, «гимназіевъ и семинаріевъ нѣтъ, въ которыхъ бы молодые люди началамъ обучиться и потомъ выше градусы наукъ воспріять и угодными себя учинить могли.» Но въ послѣдніе годы жизни Петра уже заботитъ мысль о полной системѣ общаго образованія, элементарнаго, средняго, высшаго-университетскаго. Вѣнцомъ ея «для славы среди иностранцевъ» должно было явиться «общество ученыхъ людей, которые бы трудились надъ усовершенствованіемъ искусствъ и наукъ». Первымъ шагомъ къ осуществленію этого обширнаго плана было основаніе въ 1726 г. Академіи Наукъ съ университетомъ и гимназіей: «такимъ бы образомъ одно зданіе съ малыми убытками, тое же бы съ великою пользою чинило, что въ другихъ государствахъ три

*) Такъ, гимназія Глюка состояла въ вѣдѣніи Ингерманландской канцеляріи и изъ нея получала содержаніе.

разныя собранія чинять.» Но опытъ соединенія въ одномъ учрежденіи гимназіи, университета и Академіи Наукъ тоже оказался мало удачнымъ. Академическая гимназія могла дѣйствовать только благодаря искусственнымъ мѣрамъ, вербовкѣ казенныхъ стипендіатовъ; академическій же университетъ по временамъ, за недостаткомъ слушателей, существовалъ только номинально [4]).

Утвержденіе системы сословно-профессіональнаго образованія при преемникахъ Петра Великаго отразилось на новыхъ попыткахъ устройства средней и высшей школы. Наплывъ съ запада новыхъ культурныхъ идей, необходимость разобраться въ глубокихъ и разнообразныхъ впечатлѣніяхъ великой эпохи преобразованій и осмыслить ихъ сдѣлали передовое русское общество средины XVIII вѣка болѣе чуткимъ къ вопросамъ общаго образованія. Сначала правительство думало удовлетворить этой потребности введеніемъ общеобразовательныхъ наукъ въ курсъ профессіональныхъ дворянскихъ училищъ, Сухопутнаго шляхетнаго корпуса, Морскаго кадетскаго корпуса, а въ царствованіе Елизаветы Петровны остановилось на мысли объ учрежденіи вполнѣ самостоятельныхъ высшихъ и среднихъ общеобразовательныхъ заведеній по европейскому образцу, университетовъ и гимназій. Московскій университетъ, основанный 12 января 1755 г. въ составѣ трехъ факультетовъ, философскаго, юридическаго и медицинскаго, и гимназія при немъ, «безъ которой университетъ», по словамъ Ломоносова, «былъ бы пашней безъ сѣмянъ», положили начало прочной, непрерывной традиціи высшаго и средняго образованія въ Россіи. Въ 1758 г. по мысли университета была учреждена, подъ его вѣдѣніемъ, гимназія въ Казани для приготовленія университету слушателей.

Масса общества на первыхъ порахъ относилась къ новымъ учебнымъ заведеніямъ недовѣрчиво, равнодушно. Она предпочитала старыя профессіональныя школы или содержимые иностранцами частные пансіоны, дававшіе не только научное образованіе, но и свѣтское воспитаніе, которымъ очень дорожило дворянство. Первыхъ студентовъ университета приходилось набирать преимущественно изъ семинаристовъ, учениковъ въ гимназіи привлекать казенными стипендіями. Но передовые люди не смущались трудностями перваго шага и создавали новые широкіе планы. Кураторъ Московскаго университета И. И. Шуваловъ въ 1760 г. представилъ Сенату проектъ учрежденія во всѣхъ большихъ городахъ Имперіи гимназій, готовящихъ въ кадетскій корпусъ или

университетъ, а въ малыхъ городахъ—школъ грамотности для приготовленія дѣтей къ гимназіямъ. Но этотъ проектъ, отъ котораго Шуваловъ ждалъ великой пользы, остался надолго неосуществимымъ.

Сословный духъ, проникавшій общественное устройство XVIII вѣка, и привычка цѣнить въ образованіи прежде всего его практическую полезность положили своеобразный отпечатокъ на ту систему общаго образованія, начало которой при Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ составило эпоху въ исторіи рускаго просвѣщенія. Обѣ гимназіи, московская и казанская, были раздѣлены на два отдѣленія: для дворянъ и для разночинцевъ. Курсъ ученья для послѣднихъ имѣлъ реальное, техническое направленіе. Проектированныя Шуваловымъ гимназіи и школы предназначались для дворянства и имѣли цѣлью облегчить ему прохожденіе службы. Въ замѣчаніяхъ петербургскихъ академиковъ на проектъ Шувалова были высказаны мысли о необходимости для разныхъ сословій отдѣльныхъ школъ или разныхъ курсовъ ученья. Въ университетѣ также преобладали дворянскіе интересы: ученье зачитывалось въ службу, и при окончаніи курса студентъ получалъ оберъ-офицерскій чинъ. Такъ какъ дворянство очень дорожило свѣтскимъ воспитаніемъ своихъ дѣтей, то въ 1779 г. былъ учрежденъ при университетѣ вольный благородный пансіонъ. Такъ еще мало благопріятна была въ срединѣ XVIII столѣтія почва для утвержденія краеугольныхъ принциповъ общаго образованія: его безсословности, всеобщности и свободы отъ утилитарныхъ, профессіональныхъ тенденцій [5]).

Въ общемъ, въ первой половинѣ XVIII вѣка, отъ Петра Великаго до Екатерины II, еще не успѣла сложиться «система» народнаго просвѣщенія, но выяснились и отчасти окрѣпли важнѣйшіе ея элементы: былъ учрежденъ рядъ сословно-профессіональныхъ школъ, создано нѣсколько смѣлыхъ плановъ общаго образованія: начальнаго, средняго и высшаго; если не удалось осуществить ихъ въ цѣломъ, если правильная начальная школа совсѣмъ еще не привилась, а среднее и высшее образованіе было представлено только двумя гимназіями, университетомъ и Академіею Наукъ, то не потому, что эти планы сами по себѣ были несостоятельны. Виною тому были скорѣе различныя внѣшнія препятствія.

Наконецъ, въ эту эпоху начинаетъ высказываться мысль объ особомъ высшемъ правительственномъ учрежденіи, которое объ-

единило бы попеченія объ успѣхахъ народнаго просвѣщенія. Въ 1711 г. Лейбницъ совѣтовалъ Петру Великому учредить коллегію народнаго просвѣщенія, какъ самостоятельный органъ высшей администраціи, издающій предписанія по народному образованію и заботящійся о воспитаніи юношества, о приготовленіи учителей и изданіи учебниковъ. По другому, болѣе подробному плану Лейбница, эта коллегія, раздѣленная на департаменты и комитеты, вѣдаетъ: 1) собственно управленіе народнымъ просвѣщеніемъ, школами; 2) управленіе дѣлами печати (типографіями, книгопечатаніемъ и торговлей писчею бумагой); 3) управленіе медицинскими учрежденіями; 4) управленіе промышленностью и торговлею. «Президентъ или директоръ коллегіи долженъ быть членомъ высшаго государственнаго совѣта, а также тайнаго военнаго совѣта. Члены коллегіи, смотря по обстоятельствамъ, должны имѣть званіе царскихъ совѣтниковъ и секретарей». Въ другомъ проектѣ, относимомъ къ 1716 г., Лейбницъ помѣщалъ въ ряду 9 коллегій «ученую коллегію», тоже какъ органъ высшей администраціи, имѣющій, впрочемъ, двойственный характеръ. Главная обязанность этой коллегіи—«наблюдать, чтобы молодежь въ государствѣ была воспитываема хорошо и проходила бы всѣ науки, и испытывать тѣхъ изъ молодыхъ людей, которые отправляются за-границу, и потомъ представлять о нихъ царю для наблюденія за-границей, чтобы тамъ каждый изъ посылаемыхъ юношей учился тому, къ чему найденъ способнымъ по испытаніи.» Но коллегія вмѣстѣ съ тѣмъ и ученое учрежденіе: ея члены должны «каждый излагать свою науку по усовершенствованной методѣ и при томъ стараться слѣдить за открытіями и усовершенствованіями.» Но всѣ эти предложенія Лейбница не были приняты Преобразователемъ.

Послѣ Петра Великаго мысль о созданіи особаго органа управленія народнымъ образованіемъ зарождается въ самомъ русскомъ обществѣ. Ее высказалъ В. Н. Татищевъ въ «Разговорѣ о пользѣ наукъ и училищъ»: «сіе есть главнѣйшее и нужнѣйшее, чтобъ правленіе всѣхъ въ государствѣ училищъ такое было, которое бы въ состояніи находилось всѣ вреды и препятствія ко умноженію наукъ предупредить, а вкравшіяся отринуть, о сохраненіи общей пользы прилежать и оную, колико удобно, умножать. А понеже науки училища разныхъ качествъ и много о всемъ разсужденій всегда требуютъ, то весьма нужно, чтобъ для онаго особливое собраніе или коллегія учреждена была, которая бъ всегда на всѣ училища, какого бы оныя званія ни были, внятное

надзиранiе на ихъ порядки и поступки, а ко исправленiю и лучшему учрежденiю власть имѣла».

Почему же высшее государственное управленiе Россiи въ первой половинѣ XVIII столѣтiя страдало такимъ существеннымъ пробѣломъ, отсутствiемъ самостоятельнаго органа управленiя народнымъ просвѣщенiемъ? «Министерство народнаго образованiя», отвѣчаетъ на этотъ вопросъ профессоръ Владимiрскiй-Будановъ, «не только не было организовано въ первой половинѣ XVIII вѣка, но и не могло быть организовано. Такъ какъ народное образованiе нисколько не входило въ число задачъ правительственной дѣятельности, а всякое образованiе было приготовленiемъ къ тому или другому роду службы, то очевидно то, что́ мы нынѣ называемъ народнымъ образованiемъ, должно вѣдаться тѣми специальными органами, въ управленiи которыхъ находились различныя вѣтви государственной службы... Въ тѣ дни, когда школою была гвардiя, церковь, присутственное мѣсто, и внѣ ихъ ничего, что могло бы назваться образованiемъ въ собственномъ смыслѣ, никакой благоразумный государственный человѣкъ не пришелъ бы къ мысли устроить общiй центральный органъ управленiя такими столь разнообразными предметами. Словомъ, коллегiи образованiя не было устроено потому, что понятiя объ образованiи не было». Дѣйствительно, управленiе профессiональными школами съ удобствомъ распредѣлялось между различными органами морскаго, военнаго, духовнаго и другихъ вѣдомствъ, нуждамъ которыхъ онѣ служили; общеобразовательныя же учебныя заведенiя были слишкомъ малочисленны, чтобы для нихъ требовался особый органъ управленiя. Обязанности высшаго надзора за ними лежали на средоточiи всей вообще администрацiи, на Сенатѣ. Указомъ 15 декабря 1763 г. о раздѣленiи Сената на департаменты, на 3-й департаментъ возложено было завѣдыванiе дѣлами Академiи Наукъ, Московскаго Университета, Академiи Художествъ и всѣхъ прочихъ гражданскихъ школъ и училищъ [6]).

II.

Царствованiе Екатерины II составило новую эпоху въ исторiи русскаго просвѣщенiя. Въ лицѣ Императрицы-философа явился законодатель, лично прекрасно подготовленный къ разрѣшенiю очередныхъ задачъ народнаго образованiя. Въ первыхъ законодатель-

ныхъ проектахъ и публицистическихъ опытахъ Екатерины разбросанъ рядъ мыслей, предвѣщавшихъ, что въ реформахъ послѣдней четверти вѣка задачи общаго образованія будутъ выдвинуты на первый планъ. Какъ для Петра Великаго профессіональное образованіе было средствомъ распредѣлить между сословіями трудъ созданія матеріальнаго государственнаго могущества, такъ главное намѣреніе Екатерины клонилось къ тому, «дабы не науки токмо и художество умножить въ народѣ, но и вкоренить въ сердца добронравіе», «произвесть новое порожденіе, отъ котораго бы прямыя правила воспитанія непрерывнымъ порядкомъ въ потомство переходить могли», создать «народное умоначертаніе», являющееся залогомъ успѣха всѣхъ политическихъ реформъ. Всѣ эти планы, навѣянные просвѣтительной философіей XVIII вѣка, были преувеличенно смѣлы. Но изъ нихъ сами собой вытекали такія цѣли, которыя вполнѣ согласовались съ очередными, историческими задачами русскаго просвѣщенія: готовить въ школѣ не только профессіональнаго работника, но «человѣка и гражданина», искоренять всякое «злонравіе» дѣтскаго и юношескаго возраста средствами разумнаго воспитанія, гуманной педагогіи, а не карательными мѣрами, взятыми изъ уголовнаго кодекса; распространить просвѣтительныя заботы государства на женщинъ, «дабы всѣ дѣвушки не только обучались читать и писать, но имѣли бы и разумъ, просвѣщенный различными знаніями, для гражданской жизни полезными», наконецъ, объединить мѣропріятія правительства по народному образованію въ стройную систему.

Въ первые годы царствованія Императрица особенно увлекалась приложеніемъ на практикѣ своихъ излюбленныхъ воспитательныхъ идей по плану, изложенному Бецкимъ въ «Генеральномъ учрежденіи о воспитаніи обоего пола юношества». Основаніе въ 1764 г. Общества благородныхъ дѣвицъ при Воскресенскомъ Смольномъ монастырѣ и при немъ училища для мѣщанскихъ дѣвицъ, учрежденіе малолѣтнихъ воспитательныхъ отдѣленій при Академіи Художествъ, при гимназіи Академіи Наукъ, при Сухопутномъ шляхетскомъ корпусѣ должно было, по мысли Императрицы и Бецкаго, служить первымъ шагомъ къ осуществленію великой воспитательной реформы, созданію «новаго порожденія». Другіе вопросы народнаго образованія сначала не привлекали къ себѣ такого вниманія Императрицы. Въ Наказѣ Комиссіи о составленіи проекта новаго уложенія она ограничилась общими разсужденіями о пользѣ просвѣщенія для гражданскаго и государственнаго благосостоянія

и наставленіями о домашнемъ воспитаніи. Въ изданномъ затѣмъ «Начертаніи о приведеніи къ окончанію Комиссіи о составленіи проекта новаго уложенія» означены три рода учебныхъ заведеній: низшія, среднія и высшія. Но не столько по указаніямъ Императрицы, сколько по собственной инціативѣ, Комиссія занялась обсужденіемъ важнѣйшихъ вопросовъ народнаго образованія. Въ числѣ 18 спеціальныхъ комиссій, образованныхъ при Большомъ Собраніи, была учреждена въ маѣ 1768 г. «Комиссія о училищахъ и призрѣнія требующихъ».

Учебная комиссія составила проекты устройства четырехъ группъ учебныхъ заведеній, переданные ею въ Дирекціонную Комиссію: 1) нижнихъ деревенскихъ училищъ, 2) нижнихъ городскихъ училищъ, 3) среднихъ училищъ, 4) училищъ для иновѣрцевъ. Въ основу первыхъ двухъ проектовъ была положена идея обязательности элементарнаго обученія для всего мужескаго населенія; ученіе производится мѣстнымъ духовенствомъ или свѣтскими учителями по руководствамъ, изданнымъ Св. Синодомъ; надзоръ за школами ввѣряется духовенству, выборнымъ представителямъ дворянства, а главное завѣдываніе—архіереямъ и губернаторамъ. Среднія училища устраиваются по типу закрытыхъ гимназій для дворянъ и разночинцевъ; онѣ должны замѣнить собою и духовныя семинаріи; курсъ ученія—многопредметный, составленный изъ наукъ гуманитарныхъ и реальныхъ; управленіе гимназіями имѣетъ двойственный характеръ: оно находится въ рукахъ архіерея и губернатора, архимандрита, назначаемаго Синодомъ, и свѣтскаго ректора, опредѣляемаго университетомъ; учителя также дѣлятся на 2 группы: духовныхъ и свѣтскихъ, назначаемыхъ Синодомъ и университетомъ. Училища для инородцевъ, хотя имѣютъ цѣлью сближеніе ихъ съ русскимъ населеніемъ, но должны быть чужды всякаго принужденія и прозелитизма: «внушеніе всякому правилъ естественнаго закона не заключаетъ въ себѣ никакого принужденія вѣры, но можетъ оное вмѣстительно быть со всякою вѣрою». Въ октябрѣ 1771 г. комиссія занялась было разсужденіями объ университетахъ, но успѣла сдѣлать очень мало, такъ какъ въ концѣ октября была закрыта.

Наконецъ, былъ поставленъ вопросъ о центральномъ учебномъ управленіи. Учредить его предложила Академія Наукъ. Оно должно было находиться въ собственномъ вѣдѣніи верховной власти, ни отъ кого не зависѣть и не давать отчета никому, кромѣ Государя. Это вѣдомство или «правительство» состоитъ

изъ 9 лицъ, изъ коихъ три избираются изъ «знатныхъ просвѣщенныхъ любителей наукъ», а остальные — изъ ученыхъ; по выбытіи кого либо изъ членовъ выбираются три кандидата, и верховная власть утверждаетъ одного изъ нихъ. Оно должно завѣдывать всѣми учебными заведеніями безъ исключенія, низшими, средними и высшими, составить общій планъ и уставы учебныхъ заведеній. Члены «правительства» попеременно объѣзжаютъ учебныя заведенія и осматриваютъ ихъ. Но Комиссія не оцѣнила этого проекта. Въ дневной запискѣ 3 августа 1770 г. сказано: «обще господа члены разсуждали, какое учредить главное управленіе надъ училищами и, разсуждая, положили, чтобы особливаго правленія не дѣлать, а подчинить оныя Правительствующему Сенату».

Всѣ эти планы, составившіе въ совокупности цѣлую систему народнаго просвѣщенія, съ центральнымъ учебнымъ управленіемъ во главѣ, не были выполнены. Но они остались важнымъ историческимъ свидѣтельствомъ все ярче назрѣвавшей въ передовыхъ слояхъ русскаго общества потребности въ системѣ общаго образованія.

Какъ относилась Императрица къ столь серьезнымъ трудамъ Комиссіи по вопросамъ народнаго образованія? По мнѣнію графа Д. А. Толстаго она даже не знала о нихъ: «не можетъ быть сомнѣнія, что Императрица не видѣла работъ Комиссіи и не слыхала о нихъ; иначе было бы невѣроятно, чтобы такая умная и энергическая Государыня, дѣйствительно желавшая просвѣщенія Россіи и обращавшаяся ко многимъ лицамъ и вдалекѣ за совѣтами по учебной части, не воспользовалась тѣмъ, что у нея было подъ рукою.» Единственнымъ законодательнымъ актомъ семидесятыхъ годовъ, коснувшимся народнаго образованія и связаннымъ съ дѣятельностію Комиссіи, было «Учрежденіе для управленія губерній Всероссійской Имперіи». Возобновляя мысль Петра о возложеніи обязанности устройства элементарнаго образованія на органы мѣстнаго управленія, Императрица ввѣряла теперь «попеченіе и надзираніе о установленіи и прочномъ основаніи народныхъ школъ» на Приказы общественнаго призрѣнія. Имъ предписывалось не только во всѣхъ городахъ, но и въ многолюдныхъ селеніяхъ заводить элементарныя школы «для обученія чтенію, письму, ариѳметикѣ, катихизису всѣхъ тѣхъ, кои добровольно пожелаютъ обучаться въ оныхъ, въ чемъ однако же не чинить никому принужденія, но отдать на волю родителей отдавать дѣтей въ школу или оставлять ихъ дома», за ученіе установить умѣрен-

ную плату, освободивъ отъ нея бѣдныхъ. Затѣмъ излагаются обязанности Приказовъ наблюдать за исправнымъ содержаніемъ школъ и учителей, за школьной дисциплиной и гигіеной. Но всѣ эти предписанія остались мертвой буквой, потому что въ распоряженіи Приказовъ не было ни денежныхъ средствъ, ни учителей, ни школьныхъ помѣщеній, ни учебныхъ руководствъ. «Едва ли и сама Императрица», говоритъ графъ Толстой, «смотрѣла серьезно на этотъ бюрократическій обрывокъ многосложнаго законодательства о губерніяхъ, вошедшій въ него мимоходомъ, для вида и приличія, и продолжала непосредственно и по собственной иниціативѣ заниматься учебнымъ дѣломъ».

Дѣйствительно, семидесятые годы были для Екатерины періодомъ исканій, собиранія матеріаловъ о школахъ, гимназіяхъ и университетахъ. Она обращалась къ своимъ заграничнымъ корреспондентамъ, «господамъ философамъ, не принадлежащимъ ни къ какой сектѣ», съ просьбою сдѣлать «прекрасное дѣло», «составить планъ для обученія молодыхъ людей, начиная отъ азбуки до университета». Философы снабжали Императрицу разными литературными свѣдѣніями, но болѣе дѣятельной помощи оказать не могли: Гриммъ отказался принять на себя обязанность устройства учебной части въ Россіи, а Дидро прислалъ совершенно невыполнимый планъ. Сама же Екатерина чувствовала себя безпомощной въ столь сложномъ вопросѣ. «Меня увѣряютъ», писала она Гримму въ началѣ 1775 г., «что необходимы три разряда училищъ... Но я затрудняюсь составить себѣ понятіе объ университетѣ, который управлялъ бы во первыхъ гимназіями, а во вторыхъ училищами». Ее угнетало отсутствіе знающихъ, опытныхъ совѣтниковъ. «Екатерина Вторая», пишетъ она тому же Гримму въ 1776 г., «не смотря на свое могущество и добрую волю, не въ состояніи, по неимѣнію помощниковъ, сдѣлать для Россіи многихъ полезныхъ дѣлъ и, между прочимъ, не можетъ открыть училищъ низшихъ, среднихъ и высшихъ... Если вы согласитесь остаться у насъ, тогда и вы и Я скажемъ, что вы получили возможность принести большую пользу государству. Только вы одинъ можете оказать пользу въ этомъ дѣлѣ и гораздо болѣе, чѣмъ Я, такъ какъ вы знаете дѣло лучше Меня».

Только въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ Императрица Екатерина успѣла найти твердую точку опоры. Послѣ свиданія въ маѣ 1780 г. съ Императоромъ Іосифомъ II, познакомившимъ ее съ успѣхами австрійскихъ нормальныхъ школъ, устроенныхъ по

«саганской» методѣ, и со всѣми употребляемыми въ нихъ руководствами, она остановилась на мысли ввести эту методу у себя, въ Россіи. Гриммъ, баронъ Дальбергъ, профессоръ Шаденъ, академикъ Эпинусъ дружно поддержали это намѣреніе. Эпинусъ, представившій свои соображенія объ устройствѣ элементарныхъ школъ, предложилъ учредить немедленно высшую учебную комиссію изъ двухъ или трехъ членовъ, подъ предсѣдательствомъ высокопоставленнаго лица, которая приняла бы въ руководство австрійскую учебную систему безъ всякихъ измѣненій.

Эта система, зародившаяся въ Пруссіи, была упрочена и разработана настоятелемъ Саганскаго августинскаго монастыря въ Силезіи Фельбигеромъ. Императрица Марія-Терезія, озабоченая насажденіемъ народнаго образованія въ Австріи, пригласила Фельбигера въ 1774 г. въ Вѣну, назначила его директоромъ учительской семинаріи и поручила составить положеніе о начальномъ народномъ образованіи. Въ этомъ положеніи или уставѣ, утвержденномъ 6 декабря 1775 г., изложены основанія новой системы. Народныя школы раздѣлялись на элементарныя (Trivialschulen), среднія, въ которыхъ, сверхъ первоначальныхъ предметовъ, преподавались латинскій языкъ, рисованіе, межеваніе, основанія земледѣлія, географіи, исторіи, и нормальныя, т. е. образцовыя школы или учительскія семинаріи, приготовлявшія учителей для начальныхъ училищъ. Во всѣхъ школахъ вводился новый методъ преподаванія: одновременное занятіе со всѣми учениками въ классѣ и катехизація; изъ дисциплинарныхъ правилъ изгонялись нѣкоторыя позорящія и вредныя для здоровья наказанія. Частное обученіе должно было подчиняться методѣ, принятой въ правительственныхъ школахъ: домашніе учители обязывались держать экзаменъ въ учительской семинаріи или главной школѣ. Каждая школа управлялась своимъ попечителемъ или наблюдателемъ, а нѣсколько школъ—главнымъ попечителемъ. Въ каждой провинціи учреждалась училищная коммиссія съ участіемъ въ ней директора нормальной школы или учительской семинаріи. Главное управленіе начальнымъ народнымъ образованіемъ сосредоточено было въ Вѣнѣ, въ учрежденіи наименованномъ die General-Direction des Deutschen Schulwesens, при которомъ состояла главная учительская семинарія.

Чтобы ввести австрійскую систему въ Россіи, Императрица Екатерина нуждалась въ человѣкѣ, который бы не только хорошо изучилъ эту систему на мѣстѣ ея происхожденія и развитія, но

былъ бы также способенъ примѣнить ее къ русскимъ условіямъ, Императоръ Іосифъ указалъ ей на директора народныхъ школъ въ Темешварскомъ Банатѣ, православнаго серба Янковича-де-Миріево, и Екатерина поспѣшила пригласить его въ Россію. Лучшаго выбора сдѣлать было нельзя. Въ лицѣ Янковича Россія пріобрѣла дѣятеля, сослужившаго хорошую службу дѣлу народнаго образованія [7]).

III.

7 сентября 1782 г. на имя сенатора, тайнаго совѣтника Петра Васильевича Завадовскаго послѣдовалъ Высочайшій указъ: «По намѣренію Нашему учредить въ Имперіи нашей народныя школы, указали Мы собрать и перевести потребныя къ тому книги, и сверхъ того, для удобнѣйшаго изъясненія, призвали Мы одного изъ трудившихся въ устроеніи таковыхъ народныхъ школъ въ земляхъ владѣнія Его Величества Императора Римскаго, директора сихъ училищъ въ Темесварскомъ уѣздѣ Федора Янковича, знающаго языкъ россійскій и нашъ православный законъ исповѣдающаго. Соизволяя, чтобы сіе полезное и необходимо нужное заведеніе во всей Имперіи нашей въ наилучшемъ порядкѣ и въ совершенномъ единобразіи учинено было, признали Мы за благо учредить особую комиссію, подъ собственнымъ нашимъ вѣдѣніемъ, назначая васъ (Завадовскаго) къ составленію оной, и вслѣдствіе того повелѣваемъ: 1) книги, переведенныя и кои будутъ еще переведены въ пользу сихъ школъ разсмотрѣть, и все, что въ нихъ потребуетъ исправленія для соглашенія съ закономъ нашимъ православнымъ и съ состояніемъ гражданскимъ Имперіи нашей распорядить, представя Намъ, прежде изданія оныхъ въ печать, какія перемѣны и для чего сдѣланы. 2) Изъ тѣхъ книгъ, кои до вѣры касаются, сообщить оныя преосвященному епископу Новгородскому, требуя его мнѣнія къ поправленію оныхъ. 3) Отъ директора Янковича планъ его о школахъ и всѣ представленія и изъясненія принимая, имѣть по онымъ надлежащее разсужденіе и, что положено будетъ, представлять Намъ на утвержденіе. 4) Заведеніе народныхъ школъ начать съ здѣшней губерніи, и именно съ той самой, которая въ первой части города на иждивеніи Нашемъ учреждена, препоруча помянутому директору Янковичу, подъ вѣдѣніемъ вашимъ, ее устроить; а дабы вы извѣстны были, коликое число учителей къ таковому заведенію можно заимствовать отъ разныхъ мѣстъ, доставлены вамъ будутъ полученные Нами спи-

ски, по которымъ вы нужное ихъ число истребовать не оставьте, дабы они, подъ руководствомъ означеннаго Янковича, въ образѣ ученія наставлены быть могли». Членами Комиссіи, подъ предсѣдательствомъ Завадовскаго, были назначены академикъ Эпинусъ и состоявшій въ кабинетѣ Императрицы у принятія челобитенъ Петръ Ивановичъ Пастуховъ. Постоянное участіе въ трудахъ Комиссіи долженъ былъ принять Ѳедоръ Ивановичъ Янковичъ-де-Миріево. Такъ возникло учрежденіе, ставшее черезъ 20 лѣтъ ядромъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Плодотворная дѣятельность Комиссіи очертила кругъ главныхъ обязанностей Министерства и подготовила матеріалъ для разрѣшенія задачъ народнаго просвѣщенія, ставшихъ на очередь въ началѣ XIX вѣка.

Три главныхъ обязанности возложилъ на Комиссію указъ 7 сентября 1782 г.: 1) начертать и постепенно приводить въ исполненіе общій планъ народныхъ училищъ, 2) приготовить учителей, 3) перевести на русскій языкъ или вновь сочинить необходимыя учебныя руководства.

17 сентября 1782 г. уже былъ готовъ «Планъ къ установленію народныхъ училищъ въ Россійской Имперіи», утвержденный Императрицей 21 сентября. Учебную часть его составилъ Янковичъ, составленіе хозяйственной и «политической», административной, взяла на себя сама Комиссія, «поелику директору (Янковичу) гражданское здѣшнее состояніе мало извѣстно». По этому плану народныя училища раздѣлялись на три разряда: малыя или нижнія, среднія и главныя, курсы которыхъ располагались концентрически: два низшіе класса средняго училища соотвѣтствовали малому, а среднее училище совпадало съ тремя низшими классами главнаго, состоявшаго изъ четырехъ классовъ, изъ которыхъ послѣдній былъ двухгодичный. Въ 1783 г. были преобразованы по новому плану семь существовавшихъ уже тогда въ Петербургѣ малыхъ училищъ, а затѣмъ новыя училища стали открываться въ городахъ Петербургской губерніи. Кромѣ главнаго народнаго училища въ Петербургѣ, всѣ остальныя школы, открытыя въ 1782—1786 г.г., были малыя, т.е. двухклассныя, «за неимѣніемъ способныхъ для высшихъ классовъ учителей». Комиссія разсуждала, «что на первый разъ и число учащихся велико не будетъ, почему каждый изъ учителей сихъ обучать долженъ будетъ въ обоихъ классахъ всѣмъ положеннымъ тутъ предметамъ».

Приготовленіе учителей было сначала сосредоточено въ единственномъ главномъ народномъ училищѣ въ Петербургѣ. Первымъ директоромъ его былъ Янковичъ, въ 1785 г. замѣненный Осипомъ Петровичемъ Козодавлевымъ. Первые ученики были набраны изъ Александро-Невской семинаріи, Московской Славяно-Греко-Латинской Академіи, семинарій Смоленской и Казанской. На содержаніе училища и казенныхъ стипендіатовъ, готовящихся въ учители, было назначено 10.000 руб. По докладу Комиссіи, утвержденному Императрицей 9 Іюня 1783 г., при главномъ училищѣ должна была состоять особая учительская семинарія. Но до 1786 г. главное училище исполняло обязанности семинаріи, почему въ журналахъ Комиссіи оно называлось то учительской гимназіей, то учительской семинаріей. Въ іюлѣ 1786 г. учительская семинарія была отдѣлена отъ главнаго народнаго училища и стала самостоятельнымъ учебнымъ заведеніемъ. Въ ней преподавались тѣ же предметы, что и въ училищѣ, но болѣе подробно и основательно; главной же задачей было ознакомленіе учениковъ съ методами преподаванія.

Столь же энергично и успѣшно приступила Комиссія и къ исполненію своей третьей главной обязанности, къ составленію учебныхъ руководствъ и пособій. Съ 1782 г. Комиссія издала до 30 сочиненій оригинальныхъ и переводныхъ. И здѣсь особенно много потрудился Янковичъ, составившій нѣсколько элементарныхъ учебниковъ и руководствъ, въ которыхъ прежде всего нуждались новыя школы.

Энергичная дѣятельность Комиссіи съ самаго начала заслужила полное одобреніе Императрицы. Опытъ примѣненія новой системы въ одной Петербургской губерніи былъ удаченъ, и въ 1786 г. рѣшено было обратить его въ общегосударственную мѣру: къ этому времени были готовы 100 учителей и необходимыя учебныя пособія. Въ апрѣлѣ 1786 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ открытіи главныхъ народныхъ училищъ въ 25 внутреннихъ губерніяхъ. Днемъ открытія Комиссія положила назначить 22 сентября, день коронаціи Императрицы, «дабы сей день, въ блаженствѣ Россіи знаменитый, имѣлъ сугубую славу и по начавшемуся въ немъ всеобщему народному просвѣщенію». На намѣстниковъ губерній рескриптомъ 12 августа была возложена обязанность приготовить все нужное для открытія училищъ и изыскать средства для содержанія ихъ на средства мѣстныхъ Приказовъ общественнаго призрѣнія. Между тѣмъ

Комиссія выработала новый уставъ народныхъ училищъ, Высочайше утвержденный 5 августа 1786 г. Этотъ законодательный актъ, смѣнившій учебный планъ 1782 г., какъ временную мѣру, впервые полагалъ прочныя основы всеобщаго народнаго образованія въ Россіи.

По новому уставу, въ отличіе отъ учебнаго плана 1782 г., народныя училища раздѣляются на два разряда: главныя и малыя; среднія были признаны лишними. Главныя училища, открываемыя въ каждомъ губернскомъ городѣ, приготовляютъ учителей для малыхъ. Желающимъ продолжать свое ученіе въ высшихъ училищахъ, т. е. въ гимназіяхъ и университетахъ, преподается латинскій языкъ. Малыя училища, соотвѣтствующія двумъ низшимъ классамъ главныхъ, «должны существовать какъ въ губернскихъ городахъ, гдѣ одного главнаго не довольно, такъ и въ уѣздныхъ городахъ, и гдѣ еще по усмотрѣнію Приказа общественнаго призрѣнія на первый случай могутъ быть надобны». Ученіе вездѣ безплатно. Въ малыхъ училищахъ преподаются: чтеніе и письмо, ариѳметика, катихизисъ, священная исторія, русская грамматика, чтеніе книги о должностяхъ человѣка и гражданина, чистописаніе и рисованіе; въ старшихъ классахъ главныхъ народныхъ училищъ: катихизисъ, священная исторія, ариѳметика, русская грамматика, исторія, географія, геометрія, механика, физика, естественная исторія, гражданская архитектура.

Главное управленіе народными училищами остается въ рукахъ Комиссіи, которая иначе называется «Главнымъ правительствомъ училищъ» или «Главнымъ училищнымъ правительствомъ». Оно непосредственно подчиняется Верховной власти и представляетъ ей свои доклады. Для осмотра училищъ оно командируетъ своихъ членовъ, снабжая ихъ надлежащими инструкціями. Мѣстное управленіе училищами въ каждой губерніи ввѣряется губернатору подъ высшимъ наблюденіемъ генералъ-губернатора. Губернаторъ есть попечитель училищъ: «одна изъ числа первѣйшихъ должностей попечителя есть стараться о распространеніи народныхъ училищъ отъ главнаго, въ губернскомъ городѣ находящагося, не токмо по городамъ уѣзднымъ, но и другимъ селеніямъ, колико способы ему то дозволять будутъ». При объѣздѣ губерній, посѣщая училища, какъ заведенія «не менѣе другихъ въ себѣ пользы заключающія», губернаторъ ободряетъ учащихъ и учащихся, способствуетъ начальству училищъ въ ихъ устройствѣ и

подготовкѣ учителей, расширяетъ курсъ училищъ прибавленіемъ классовъ. Обязанность содержанія училищъ и заботы объ ихъ матеріальномъ благосостояніи возлагаются на Приказы общественнаго призрѣнія: они изыскиваютъ денежныя средства на содержаніе училищъ, устраиваютъ для нихъ помѣщенія, содержатъ учителей и покупаютъ учебники. На содержаніе главнаго народнаго училища назначено по штату 2.500 руб. въ годъ, на содержаніе малаго—500 руб. Руководство учебною частью ввѣряется въ каждой губерніи директору народныхъ училищъ, назначаемому генералъ-губернаторомъ. Онъ засѣдаетъ въ Приказѣ общественнаго призрѣнія по дѣламъ, касающимся училищъ, исправляетъ замѣченные имъ въ училищахъ недостатки, а о болѣе важныхъ докладываетъ Приказу, наблюдаетъ, чтобы никто не былъ опредѣленъ учителемъ, не выдержавъ экзамена въ главномъ народномъ училищѣ въ своихъ познаніяхъ и въ усвоеніи методовъ преподаванія. Директоръ обязанъ осматривать училище въ губернскомъ городѣ, по крайней мѣрѣ, разъ въ недѣлю, по уѣздамъ же, по крайней мѣрѣ, разъ въ годъ. Для наблюденія за малыми училищами въ каждомъ уѣздномъ городѣ попечитель избираетъ одного изъ гражданъ со званіемъ смотрителя училищъ.

По справедливому замѣчанію графа Д. А. Толстаго, въ уставѣ 1786 г., такъ подробно разработавшемъ систему народнаго образованія, особенно поразительнымъ является полное умолчаніе о духовенствѣ, какъ будто дѣло христіанско-нравственнаго просвѣщенія народа до него не касалось. «Такое устраненіе духовенства отъ дѣла, столь близкаго церкви, никакъ нельзя объяснить какою либо преднамѣренною тенденціозностью составителей устава... Очевидно, духовенство не было привлечено къ дѣлу народнаго образованія только потому, что не было къ нему готово, не умѣло и не могло за него взяться; это подтверждается какъ тѣмъ, что всѣ учебники по Закону Божію написаны были не духовными лицами, а Янковичемъ, и только просмотрѣны и одобрены митрополитомъ Новгородскимъ, такъ и тѣмъ, что Законъ Божій преподавался въ школахъ не священниками, а свѣтскими учителями. Какъ не вспомнить о данномъ Императрицѣ академикомъ Эпинусомъ совѣтѣ: одновременно съ просвѣщеніемъ народа возвысить уровень образованія и духовенства, дабы оно могло быть руководителемъ народной школы».

По закону 1786 г. заботы о дальнѣйшемъ развитіи системы народныхъ училищъ раздѣлились между Комиссіей, снабжающей

училища учителями и учебными пособіями, и органами общей мѣстной администраціи, которые обезпечиваютъ училища матеріальными средствами. Послѣ того какъ первый выпускъ ста учителей былъ размѣщенъ по открытымъ въ 1786 г. 25 главнымъ училищамъ, въ учительскую семинарію произведенъ былъ новый наборъ ста воспитанниковъ опять изъ духовныхъ семинарій. Этотъ второй комплектъ учителей занялъ мѣста въ главныхъ народныхъ училищахъ, открытыхъ въ 1786 г. въ остальныхъ 19 губерніяхъ.

Когда главныя народныя училища были повсемѣстно открыты, Комиссія сочла исполненной главную задачу учительской семинаріи, и въ средѣ ея даже возникла мысль закрыть семинарію, а приготовленіе учителей для всѣхъ классовъ училищъ обоихъ разрядовъ поручить главнымъ народнымъ училищамъ. Но справедливое опасеніе, что эти училища, недавно открытыя, не скоро будутъ въ состояніи исполнить такую серьезную обязанность, а также учрежденіе новыхъ училищъ въ областяхъ, присоединенныхъ отъ Польши, побудило Комиссію продолжить существованіе семинаріи, пополняя ее по прежнему воспитанниками духовныхъ семинарій. Однако убѣжденіе, высказанное Комиссіей, что учительская семинарія есть только временное учрежденіе, очень вредно отразилось на ея успѣхахъ: первые профессоры были замѣнены воспитанниками самой семинаріи, ученіе въ ней постепенно падало и въ 1792 г. совсѣмъ прекратилось. Въ 1794 г. оно снова возобновилось, а въ 1801 г. былъ послѣдній выпускъ учителей. По счету Комиссіи учительская семинарія за все время своего существованія приготовила 420 учителей, занявшихъ мѣста не только въ народныхъ училищахъ, но и въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Въ 1789 г., по порученію Комиссіи, членомъ ея Козодавлевымъ была произведена въ 10 центральныхъ губерніяхъ ревизія народныхъ училищъ, которая обнаружила главныя неблагопріятныя условія, задержавшія успѣхи училищъ и ихъ распространеніе. Въ учебномъ отношеніи Козодавлевъ нашелъ всѣ осмотрѣнныя имъ училища въ хорошемъ состояніи, но замѣтилъ, что курсъ главныхъ народныхъ училищъ слишкомъ высокъ для потребностей городскаго населенія: родители не видятъ пользы ученія въ старшихъ классахъ училищъ. Большіе недостатки открыла ревизія въ матеріальномъ положеніи училищъ нѣкоторыхъ мѣстностей, что̀ объяснялось недостаткомъ ревности со стороны мѣстной администраціи и Приказовъ общественнаго призрѣнія. Несмотря, однако, на многія неблагопріятныя условія, число училищъ,

устроенныхъ Комиссіей, постоянно росло: въ 1782 г. насчитывалось 8 училищъ съ 26 учителями, съ 474 учащимися мужескаго и 44 женскаго пола; въ 1801 г.—315 училищъ, 790 учителей, 18.128 учащихся мужескаго и 1.787 женскаго пола. «Всѣ сіи школы», писала Комиссія въ своемъ докладѣ Непремѣнному Совѣту, «находятся вездѣ въ совершенномъ единообразіи. Ученики всѣ, въ какой бы они школѣ ни были, читаютъ одинакія учебныя книги, и учители употребляютъ одинакій способъ обученія и наблюдаютъ одинакое распредѣленіе часовъ, назначенное прежде и послѣ полудня, такъ что науки въ школахъ сихъ преподаются въ самомъ отдаленномъ краю Россіи въ одно и то же время и на томъ единообразномъ основаніи, на каковомъ преподаются оныя и въ самой столицѣ».

Новой учебной системѣ, какъ образцовой, по волѣ Императрицы, должны были подчиниться всѣ общеобразовательныя и нѣкоторыя спеціальныя учебныя заведенія, возникшія въ разное время, находившіяся въ разныхъ вѣдомствахъ и необъединенныя какимъ либо общимъ планомъ. 7 сентября 1783 г. послѣдовалъ указъ, которымъ повелѣвалось: «находящемуся здѣсь (въ С.-Петербургѣ) при церкви лютеранской св. Петра нѣмецкому училищу быть впредь главнымъ народнымъ училищемъ для всѣхъ россійскихъ подданныхъ, языкъ нѣмецкій употребляющихъ, на такомъ основаніи, на какомъ состоятъ заведенныя россійскія, съ тою, однако, разницею, что училищу сему позволяется не только сохранить заведенные уже въ немъ классы сверхъ предписанныхъ вообще для нормальныхъ училищъ, но и прибавлять къ онымъ другіе, по обстоятельствамъ и надобности, соблюдая токмо завсегда предписанный способъ ученія». Переводъ учебныхъ книгъ для всѣхъ нѣмецкихъ училищъ и наблюденіе за преподаваніемъ въ нихъ возлагалось на особую управу изъ попечителя церкви св. Петра, двухъ ея проповѣдниковъ, надзирателя училища и выборныхъ отъ церковнаго собранія. «Управа сія зависѣть должна отъ Комиссіи объ установленіи народныхъ училищъ, получать отъ нея подробнѣйшія о должности своей наставленія, представлять ей случаи сомнительные на разрѣшеніе и черезъ нее, гдѣ надобно, испрашивать Высочайшія повелѣнія».

Указомъ 5 сентября 1784 г. повелѣно было произвести подробную ревизію частныхъ пансіоновъ и школъ въ Петербургѣ. Осмотръ русскихъ школъ Комиссія поручила профессору главнаго народнаго училища Сырейщикову, иностранныхъ пан-

сіоновъ—членамъ управы нѣмецкихъ училищъ. Всѣмъ содержателямъ пансіоновъ предложено было подвергнуться испытанію, иностранцамъ въ главномъ народномъ училищѣ нѣмецкомъ, русскимъ—въ главномъ народномъ училищѣ русскомъ. Отказавшіеся отъ испытанія не имѣли права съ 1 января 1785 г. ни содержать пансіоновъ, ни учить въ нихъ. Результатомъ осмотра было закрытіе всѣхъ русскихъ школъ и одного иностраннаго пансіона. Учащимся въ русскихъ школахъ предложено было перейти въ народныя училища, гдѣ они могли учиться съ большею пользою и притомъ безплатно. 30 иностранныхъ пансіоновъ и школъ оставлены подъ условіемъ введенія въ нихъ новыхъ методовъ ученія. На будущее время Янковичъ составилъ, по порученію Комиссіи, наказъ о пансіонахъ, по которому всѣ петербургскіе пансіоны, по примѣру народныхъ училищъ, подчинялись Комиссіи и Приказу общественнаго призрѣнія. Способъ ученія въ пансіонахъ согласовался съ методами въ народныхъ училищахъ. Открытіе новыхъ пансіоновъ разрѣшалось Комиссіей, одобряющей учебный планъ, составъ преподавателей. Успѣхи преподаванія въ народныхъ училищахъ должны были повѣряться полугодичными публичными испытаніями въ присутствіи директора народныхъ училищъ и члена управы нѣмецкихъ училищъ.

«Единообразіе въ книгахъ и учебномъ способѣ, чтобъ не воспослѣдовало ни въ учителяхъ, ни въ книгахъ какого разврата ко вреду общей пользы», служило также политическимъ цѣлямъ. Русское народное училище на окраинахъ государства являлось орудіемъ тѣснаго сплоченія ихъ съ коренной Россіей. Эта политическая роль русскихъ школъ особенно серьезна была въ прибалтійскихъ и западныхъ губерніяхъ. Управѣ нѣмецкихъ училищъ было предписано, «дабы во всѣхъ народныхъ Россійской Имперіи нѣмецкихъ училищахъ, сверхъ прочихъ наукъ, стараться завести ученіе россійскаго языка», «такъ какъ каждому изъ подданныхъ россійскихъ языкъ россійскій весьма нуженъ». Указомъ 4 февраля 1785 г. Лифляндскому и Эстляндскому генералъ-губернатору графу Брауну повелѣно было построить дома для народныхъ училищъ Рижской губерніи и открыть въ нихъ училища «къ размноженію въ тамошнемъ краѣ необходимаго знанія россійскаго языка». Въ западныхъ губерніяхъ первыя русскія народныя училища были открыты въ 1789 г. въ Кіевѣ и губерніяхъ Полоцкой и Могилевской. Внѣ вліянія Комиссіи оставались сначала польскія училища, въ значительномъ числѣ разсѣянныя по всему

западному краю и подчиненныя или Приказамъ общественнаго призрѣнія, или учрежденной при польскомъ правительствѣ Эдукаціонной Комиссіи. Но въ 1800 г. возбужденъ былъ вопросъ о преобразованіи ихъ по общему плану русскихъ народныхъ училищъ. Сначала по просьбѣ Подольскаго гражданскаго губернатора Юзефовича Комиссія назначила для наблюденія за польскими школами «директора, а по здѣшнему—визитатора, который бы, зная введенное въ здѣшнихъ школахъ обыкновеніе и методу ученія, изъ польскаго на латинскій языкъ, могъ по временамъ года, объѣзжая школы, осматривать и порядокъ наблюдать». Этотъ случай далъ поводъ Комиссіи обратиться въ 1800 г. къ губернаторамъ Минской, Волынской, Подольской и Литовской губерній съ предложеніемъ доставлять ей подробныя свѣдѣнія и вѣдомости о состояніи въ этихъ губерніяхъ школъ и пансіоновъ на томъ основаніи, что она «имѣетъ въ своемъ вѣдѣніи всѣ школы и пансіоны въ Россійской Имперіи». Въ слѣдующемъ году Подольскій военный губернаторъ Розенбергъ прислалъ въ Комиссію рапортъ директора подольскихъ школъ и реестръ книгамъ, «наполненнымъ многими изъясненіями, неприличными монархическому правленію», и просилъ Комиссію обсудить вопросъ: нѣтъ ли удобности ввести въ тамошнія училища образъ ученія и самыя книги, для россійскихъ училищъ Комиссіею изданныя. 6 декабря 1801 г. Комиссія представила Государю всеподданнѣйшій докладъ о преобразованіи польскихъ училищъ западнаго края по образцу русскихъ народныхъ училищъ «для приведенія присоединенной Польши въ тѣсный союзъ съ Россіею». Но это дѣло не было доведено до конца; съ учрежденіемъ Министерства Народнаго Просвѣщенія во главѣ учебнаго управленія въ западномъ краѣ стали лица, которыя поставили своею цѣлью сдѣлать школу орудіемъ не русскаго, а польскаго вліянія.

Учебные планы и методы народныхъ училищъ рекомендовались также духовнымъ школамъ. Когда въ 1785 г. Св. Синодъ поручилъ епископу-коадъютору Кіевской митрополіи устроить семинарію «для вящшаго утвержденія православія и просвѣщенія народнаго», то Императрица указала, «чтобы для преподаванія ученій, свойственныхъ церкви и народу полезныхъ, сей семинаріи присвоенъ былъ образъ, для всѣхъ училищъ въ Имперіи Ея Императорскаго Величества узаконенный». Обращаясь къ Завадовскому съ просьбою доставить въ Синодъ необходимыя свѣдѣнія о способахъ преподаванія въ народныхъ училищахъ, оберъ-про-

куроръ Синода упомянулъ, что обстоятельное описаніе народныхъ училищъ должно служить «пособіемъ какъ той новоучреждаемой семинаріи, такъ и прочимъ училищамъ». Въ 1786 г. Смоленскій епископъ Пароеній просилъ Комиссію прислать ему учителя для введенія въ Смоленской семинаріи методовъ народныхъ училищъ.

Наконецъ, Комиссія принимала участіе въ преобразованіи учебныхъ плановъ нѣкоторыхъ заведеній совершенно отличнаго отъ народныхъ училищъ типа: училища Воспитательнаго общества благородныхъ и мѣщанскихъ дѣвицъ, Сухопутнаго кадетскаго корпуса, Казанской гимназіи, Инженернаго кадетскаго корпуса, училища солдатскихъ дѣтей, Рязанскаго дворянскаго училища. Главной задачей Комиссіи было примѣнить, по мѣрѣ возможности, учебные планы и методы народныхъ училищъ ко всѣмъ этимъ разнороднымъ заведеніямъ. Принципіально важное значеніе имѣлъ въ глазахъ Комиссіи вопросъ объ отношеніи главныхъ народныхъ училищъ къ гимназіямъ, назначеніе которыхъ, какъ среднихъ общеобразовательныхъ училищъ, до нѣкоторой степени было одинаково. 14 августа 1789 г., по поводу указа о подчиненіи казанскихъ гимназій мѣстному Приказу общественнаго призрѣнія и согласованіи ихъ курса съ курсомъ главнаго народнаго училища, Комиссія разсуждала, что «бывшее въ гимназіяхъ ученіе ни числомъ наукъ, ни пространствомъ оныхъ, не только не превосходитъ ученіе открытаго въ Казани главнаго народнаго училища, но еще сему гораздо уступаетъ по выбору лучшихъ и полезнѣйшихъ предметовъ». На этомъ основаніи Комиссія пришла къ заключенію, «что обучавшіеся въ оныхъ гимназіяхъ не токмо безъ потери, но еще съ вящшею пользою могутъ ученіе свое продолжать въ упомянутомъ главномъ народномъ училищѣ, споспѣшествуемы будучи въ ономъ и лучшимъ образомъ наставленія, и что даже до будущаго о гимназіяхъ по всему государству постановленія тамошнему юношеству нѣтъ почти нужды въ ученіи тѣхъ гимназій на такомъ основаніи, какъ оно до сего времени было».

Это недоброжелательное отношеніе къ гимназіямъ, какъ къ конкурентамъ главныхъ народныхъ училищъ, выразилось также въ послѣдней большой, выполненной Комиссіею, работѣ, которая должна была завершить зданіе учебной системы, а самой Комиссіи сообщить авторитетъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Указомъ 29 января 1786 г. предписано было Комиссіи присту-

пить къ составленію плановъ университетовъ и гимназій на слѣдующихъ основаніяхъ: на первое время достаточно имѣть три университета: во Псковѣ, Черниговѣ и Пензѣ; богословскій факультетъ не входитъ въ составъ университета, а медицинскіе факультеты открываются въ такихъ размѣрахъ, какіе нужны для снабженія обширной Имперіи искусными врачами; управленіе университетами, ихъ права и преимущества согласуются съ учрежденіями государственными. При указѣ былъ доставленъ планъ австрійскихъ учебныхъ заведеній, пригодность котораго для Россіи должна была оцѣнить Комиссія. Кромѣ того Завадовскій предложилъ воспользоваться проектомъ преобразованія Московскаго университета, выработаннымъ особой комиссіей. 24 февраля 1787 г. Комиссія постановила поднести Императрицѣ подробный планъ учрежденія въ Россіи университетовъ, излагавшій мысли о преподаваніи наукъ въ ихъ взаимной связи и послѣдовательности. По мнѣнію Комиссіи, только теперь, въ послѣдней четверти XVIII вѣка, когда на прочныхъ началахъ поставлена система начальнаго образованія, наступило время насадить въ Россіи высшее образованіе, открыть университеты. Цѣль университета—«доставленіе государству людей, могущихъ отправлять служенія, кои въ отправляющемъ предполагаютъ знаніе нѣкоторыхъ вышнихъ наукъ, почему и называются университеты вышними науками». Университетъ раздѣляется на 3 факультета: философическій, врачебной науки, правовѣдѣнія. «Ученіе философское соединяетъ главныя народныя школы съ вышними науками. Посему оно есть собственно среднее звено той цѣпи, которая начальное ученіе съ науками званія (науки званія суть тѣ, посредствомъ коихъ учащійся пріобрѣтаетъ себѣ въ общежительствѣ особенное званіе; науки приготовительныя называются всѣ вмѣстѣ ученіемъ философическимъ) соединяетъ и къ обоимъ имѣетъ свое отношеніе». Для поступленія на философическій факультетъ необходимо свидѣтельство о прохожденіи курса главнаго народнаго училища. Съ этой точки зрѣнія гимназіи, какъ школы, подготовляющія къ университету, были ненужны, и Комиссія оставила вопросъ о гимназіяхъ въ сторонѣ. Не должно быть сословныхъ ограниченій при вступленіи въ университетъ: «путь къ просвѣщенію отверзается каждому, лишь бы желающій просвѣтиться былъ человѣкъ, имѣющій не поврежденный умъ». Поэтому званіе студента можетъ принять на себя и человѣкъ не свободный «безъ всякаго наукамъ предосужденія». Науки должны преподаваться на русскомъ языкѣ, но, по недостатку русскихъ ученыхъ, профессорами

назначаются сначала иностранцы. Во главѣ университета стоитъ правленіе: ежегодно избираемый ректоръ и «надзиратели» факультетовъ. Права куратора или попечителя принадлежатъ мѣстному генералъ-губернатору. Высшее начальство надъ университетомъ есть Главное училищъ правительство, именующееся нынѣ Комиссіей объ училищахъ. Представляя Императрицѣ этотъ планъ, который долженъ былъ лечь въ основаніе подробнаго университетскаго устава, Комиссія указала, что ежегодное содержаніе каждаго университета не превыситъ 40.000 рублей. Но созданный Комиссіей планъ по разнымъ обстоятельствамъ не былъ приведенъ въ исполненіе.

Создать полную систему народнаго образованія Комиссіи не удалось: болѣе или менѣе прочно и удачно были поставлены элементарныя школы, малыя народныя училища; главныя народныя училища оказывались неудовлетворительными въ томъ отношеніи, что высшіе ихъ классы мало удовлетворяли непосредственнымъ потребностямъ общества и не давали подготовки къ высшему образованію; вопросомъ о гимназіяхъ, какъ школахъ, дающихъ законченное среднее образованіе и готовящихъ къ университетамъ, Комиссія совсѣмъ не занималась; подробно разработанный планъ университетовъ остался въ проектѣ. Положеніе самой Комиссіи, какъ «Главнаго училищнаго правительства», было недостаточно устойчиво и опредѣленно: во все время своего существованія она имѣла характеръ скорѣе временнаго, чѣмъ постояннаго учрежденія, органически входившаго въ составъ высшаго государственнаго управленія.

Уставъ 1786 г. поставилъ Комиссію, какъ «Главное училищное правительство», подъ непосредственное вѣдѣніе Верховной власти. Ей одной Комиссія обязана была представлять свои доклады и отчеты. Сначала, когда Императрица Екатерина съ особеннымъ вниманіемъ слѣдила за успѣхами учебной реформы, Комиссія представляла ей на утвержденіе всѣ, даже мелкія, свои постановленія. Но впослѣдствіи, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, Комиссія находила возможнымъ обходиться безъ Высочайшаго утвержденія. Такъ, послѣ открытія въ 1789 г. второй группы главныхъ народныхъ училищъ, Комиссія рѣшила сократить число воспитанниковъ учительской семинаріи и перемѣнить характеръ преподаванія въ ней. Но это постановленіе не было представлено Императрицѣ на томъ основаніи, «что въ разсужденіи осложнившихся дѣлъ отъ сугубыя войны (съ Турціей и Швеціей), а съ тѣмъ и бремени правленія, Ея Императорскимъ Величествомъ

подъемлемаго, можно Комиссіи обойтися, не отягощая Ея Величества оными докладами».

По вступленіи на престолъ Императора Павла, Комиссія поднесла ему рапортъ о своей дѣятельности. Рескриптомъ 3 января 1797 г. на имя графа Завадовскаго Государь выразилъ свое благоволеніе и признательность къ трудамъ Комиссіи «въ распространеніи училищъ, служащихъ къ просвѣщенію народному и пользѣ общественной». Въ томъ же году, 24 іюля, генералъ-прокуроръ Беклешовъ объявилъ Правительствующему Сенату именной Высочайшій указъ слѣдующаго содержанія: «Его Императорское Величество Высочайше повелѣть соизволилъ называть народныя училища школами». Тогда Комиссія въ засѣданіи 11 августа опредѣлила: «какъ народныя училища по силѣ прописаннаго указа велѣно называть школами, то и Комиссіи о учрежденіи училищъ, по теченію ея дѣлъ, именоваться впредь Комиссіею о учрежденіи школъ».

Но, сообщивъ Комиссіи, какъ «Главному училищному правительству», авторитетъ Министерства, уставъ 1786 г. не коснулся ея отношеній къ Сенату, третій департаментъ котораго, по закону 1763 г., вѣдалъ дѣла Академіи Наукъ, Московскаго университета, Академіи Художествъ и всѣхъ прочихъ гражданскихъ школъ и училищъ. До 1800 г. Сенатъ не имѣлъ никакихъ свѣдѣній о подвѣдомственныхъ ему учебныхъ заведеніяхъ и не вмѣшивался въ дѣла Комиссіи. Въ этомъ году, 15 марта, по предложенію генералъ-прокурора Обольянинова, Сенатъ «предписалъ» Комиссіи доставить подробныя свѣдѣнія «о всемъ томъ, что только относится до школъ и до правилъ, коими оныя руководствоваться долженствуютъ». Такія же обстоятельныя свѣдѣнія должны были доставить гражданскіе губернаторы о подчиненныхъ имъ учебныхъ заведеніяхъ. Комиссія не замедлила исполнить этотъ указъ и въ апрѣлѣ представила Сенату краткую характеристику состоянія народныхъ училищъ и своихъ работъ, съ необходимыми документальными приложеніями. Въ февралѣ 1801 г. Сенатъ снова потребовалъ отъ Комиссіи объ учрежденіи училищъ, Юстицъ-Коллегіи, Римско-Католическаго Департамента и всѣхъ губернскихъ правленій доставленія подробныхъ свѣдѣній объ учебныхъ заведеніяхъ съ приложеніемъ списковъ всѣхъ воспитанниковъ, съ означеніемъ, какого они закона, какихъ родителей, какихъ лѣтъ, на какомъ основаніи принимаются и выпускаются и какимъ именно предметамъ обучаются. На этотъ разъ въ своемъ отвѣтѣ

Комиссія ограничилась краткими общими свѣдѣніями, дополнявшими ея первый подробный докладъ. Этимъ и ограничились сношенія Комиссіи съ Сенатомъ, не приведя ни къ какимъ результатамъ.

По восшествіи на престолъ Императора Александра I, Коммисія, по собственной иниціативѣ, представила Государю всеподданнѣйшій рапортъ о своей дѣятельности. Вслѣдъ затѣмъ, на основаніи Высочайшаго указа Сенату 30 марта 1801 г. о доставленіи «изъ всѣхъ мѣстъ свѣдѣній о образѣ правленія, въ оныхъ и въ подчиненныхъ имъ мѣстахъ существующаго, о родѣ дѣлъ, въ оныхъ находящихся, штатовъ о чиновникахъ, о суммахъ, какъ по штатамъ, такъ и особеннымъ постановленіямъ положенныхъ, и о расходахъ», генералъ-прокуроръ Беклешовъ обратился непосредственно къ первоприсутствующему въ Комиссіи П. С. Свистунову съ предложеніемъ доставить всѣ требуемыя свѣдѣнія члену Непремѣннаго Совѣта при Его Императорскомъ Величествѣ, сенатору Трощинскому. Въ отвѣтъ на это требованіе Комиссія представила свой первый докладъ Сенату съ приложеніями: вѣдомостью о доходахъ Комиссіи, реестромъ изданныхъ ею книгъ и пособій, вѣдомостями о числѣ школъ, учителей и учащихся.

До ноября 1799 г. предсѣдателемъ Комиссіи, «первымъ присутствующимъ» въ ней, былъ графъ П. В. Завадовскій. По увольненіи его отъ службы предсѣдательство въ Комиссіи перешло къ члену Комиссіи, сенатору П. С. Свистунову.

Сначала Коммисія собиралась два раза въ недѣлю, по вторникамъ и субботамъ, въ 10 час. утра, въ домѣ Завадовскаго, а съ 1785 г. въ домѣ Главнаго народнаго училища, купленномъ казною у купца Щукина. Съ октября 1784 г. Комиссія собиралась только разъ въ недѣлю. Съ 1787 г. засѣданія стали еще рѣже и то не въ полномъ составѣ членовъ.

Дѣлопроизводство вела канцелярія Комиссіи, штатъ которой былъ утвержденъ 16 марта 1784 г.: на жалованье двумъ секретарямъ, переводчику и двумъ писцамъ, на наемъ сторожа и на канцелярскіе расходы было назначено по 2.600 руб. ежегодно. Кромѣ этой штатной суммы, не измѣненной до самаго упраздненія Комиссіи, финансовыя средства Комиссіи составлялись изъ доходовъ съ дома купца Щукина, купленнаго казною и пожалованнаго Комиссіи указомъ 18 іюля 1783 г. Отдавая въ этомъ домѣ въ наемъ лавки и торговыя мѣста, Комиссія увеличила

приносимый имъ годовой доходъ съ 10.090 руб. до 50.009 руб. Изъ этой «экономической» суммы ежегодно расходовалось до 35.000 рублей на содержаніе учительской семинаріи, изданіе книгъ и учебныхъ пособій, доставленіе студентовъ изъ духовныхъ семинарій, отправленіе въ разныя мѣста учителей по требованіямъ Приказовъ общественнаго призрѣнія. Излишекъ доходовъ вносился въ Государственный Земельный Банкъ для приращенія капитала, который въ 1801 г. достигъ 192.000 рублей [8]).

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Графъ П. В. Завадовскій.—Графъ А. К. Разумовскій.

I.

Если Императрица Екатерина II успѣла достигнуть извѣстныхъ успѣховъ въ своихъ заботахъ о народномъ образованіи, то она была обязана ими въ значительной степени своему умѣнью организовать спеціальное учрежденіе, дотолѣ небывалое въ Россіи, облеченное правами и авторитетомъ центральнаго учебнаго управленія или Министерства Народнаго Просвѣщенія. Если, съ другой стороны, не всѣ образовательные проекты второй половины XVIII вѣка были осуществлены и полной системы народнаго образованія все таки не было создано, то виною тому были недостатки въ организаціи этого учебнаго управленія. Комиссіи, учрежденной съ цѣлью ввести въ Россію австрійскую систему народныхъ школъ, не доставало полноты власти, авторитета и матеріальныхъ средствъ, чтобы довести до конца зданіе этой системы. По справедливому замѣчанію современниковъ, дѣло народнаго образованія въ Россіи въ концѣ XVIII столѣтія представляло необычайную смѣсь и пестроту. Такимъ образомъ на рубсжѣ новаго XIX столѣтія изъ всѣхъ очередныхъ вопросовъ народнаго просвѣщенія особенно выдвигался вопросъ о созданіи центральнаго органа управленія, объединяющаго въ своихъ рукахъ правительственныя попеченія о народномъ образованіи.

Обстоятельства первыхъ лѣтъ царствованія Императора Александра Павловича связали учебную реформу съ реформою высшей администраціи. Въ своихъ преобразовательныхъ стремленіяхъ молодой Государь возвращался къ идеямъ лучшихъ дней царствованія Екатерины II: въ мысляхъ ея «Наказа» онъ видѣлъ собраніе «избраннѣйшихъ истинъ», освѣщающихъ путь его собственныхъ реформъ. Свидѣтель широкаго административнаго про-

извола въ послѣдніе годы жизни Екатерины и при отцѣ, онъ особенно горячо желалъ утвердить въ Россіи господство закона, «начала и источника народнаго блаженства». Изъ того же круга «избраннѣйшихъ истинъ» онъ почерпнулъ взглядъ на просвѣщеніе, какъ на могучее орудіе въ рукахъ правительства для достиженія политическихъ цѣлей.

Высшее руководство «систематической работой надъ реформою безобразнаго зданія государственной администраціи» принадлежало въ 1801—1803 гг. знаменитому «Неоффиціальному Комитету», тѣсному кружку ближайшихъ друзей Императора Александра: Н. Н. Новосильцову, князю А. Чарторыйскому, В. П. Кочубею, графу П. А. Строганову. Записки послѣдняго о засѣданіяхъ Комитета раскрываютъ иногда до мелкихъ подробностей ходъ подготовки разнообразныхъ реформъ, которыми Неоффиціальный Комитетъ надѣялся совершенно обновить государственный строй Россіи, и которыя порицались стариками, людьми екатерининскаго времени. Въ первомъ засѣданіи Комитета, 24 іюня 1801 г., рѣшено было раздѣлить всю задуманную имъ грандіозную работу на три послѣдовательныя части: 1) изучить дѣйствительное состояніе государства въ его настоящемъ видѣ, 2) совершить реформу различныхъ частей администраціи, 3) увѣнчать всѣ преобразованія составленіемъ уложенія, на основаніи истиннаго народнаго духа, которое ручалось бы за прочность реформъ. Лично Государь выражалъ нетерпѣніе перейти прямо къ вопросу объ административной реформѣ. Но этотъ порядокъ работы не былъ строго соблюденъ въ послѣдующихъ засѣданіяхъ: намѣченные сначала вопросы постоянно перебивались вопросами, неожиданно возникавшими изъ текущихъ событій внутренней и внѣшней политики.

Вопросомъ о народномъ просвѣщеніи Комитетъ впервые занялся въ засѣданіи 23 декабря 1801 г., когда, внѣ программы, Государь предложилъ обсудить полученную имъ отъ Лагарпа записку о народномъ образованіи. На основаніи этого проекта надлежало учредить по сей части государственнаго управленія особый комитетъ, поставя во главѣ его министра. Такое центральное учрежденіе должно было имѣть свои вѣтви въ губерніяхъ и инспекторовъ, назначаемыхъ отъ дворянства. Далѣе Лагарпъ указывалъ на необходимость имѣть школы и учителей въ селеніяхъ, что̀ трудно вездѣ и въ особенности у насъ, но, замѣчаетъ онъ, «не начавъ ничего, нельзя ничего достигнуть». Въ письмѣ, приложенномъ къ проекту, онъ просилъ сообщить ему свѣдѣнія о настоя-

Г. Серг. Вязмитиновъ.

Стр 32, № 3

щемъ положенiи народнаго образованiя въ Россiи. Государь приказалъ Комиссiи училищъ доставить требуемыя свѣдѣнiя, но она ограничилась историческимъ изложенiемъ учрежденiя самой Комиссiи и указанiемъ цѣли своихъ занятiй. Сотрудники Государя обратили его вниманiе на то, что у насъ дѣло народнаго образованiя представляетъ необычайную смѣсь и пестроту. По мнѣнiю графа Строганова, общественное образованiе должно заключать въ себѣ всѣ общiя свѣдѣнiя, которыя надлежало распространить въ народѣ, въ различной степени; затѣмъ слѣдовало образованiе спецiальное для лицъ, которыя, уже получивъ общее образованiе, готовятъ себя къ извѣстному поприщу общественной дѣятельности: морской службѣ, артиллерiи, инженерному дѣлу, а также правовѣдѣнiю. Подобнымъ образомъ, сказалъ онъ, устроены учебныя заведенiя во Францiи. Но Государь возразилъ, что не все то удобно вводить у насъ, что хорошо за-границею, что надлежало измѣнить для насъ многое изъ существующаго во Францiи, сообразно обстоятельствамъ, и что у насъ есть старинныя учрежденiя, къ коимъ слѣдовало примѣнять новыя. Положено было составить на сей предметъ особую комиссiю. Новосильцовъ замѣтилъ къ тому, что мы вообще нуждаемся въ систематическомъ устройствѣ».

Въ февралѣ 1802 г. Комитетъ, по волѣ Государя, вернулся къ главному предмету своихъ занятiй, отъ котораго онъ постоянно отрывался нетерпящими отлагательства текущими дѣлами. Въ засѣданiи 10 февраля кн. Чарторыйскiй изложилъ проектъ реформы высшей администрацiи. Сущность ея заключалась въ раздѣленiи административной власти между Министерствами, причемъ на первомъ мѣстѣ кн. Чарторыйскiй поставилъ Министерство Народнаго Образованiя. Государь и всѣ члены Комитета остались вполнѣ довольны трудомъ кн. Чарторыйскаго, но дополнили его соображенiями объ участiи министровъ въ Непремѣнномъ Совѣтѣ и о необходимости выбора министровъ изъ лицъ одинаковаго образа мыслей. Поэтому въ проектѣ Новосильцова, читанномъ 11 апрѣля, о раздѣленiи отдѣльныхъ отраслей управленiя между министрами всѣ они составляли одно цѣлое, одно Министерство, раздѣленное на 8 частей. Кругъ вѣдомства Министерства Просвѣщенiя очерченъ въ проектѣ Новосильцова, какъ онъ переданъ Строгановымъ, очень неточно и, очевидно, наскоро: «Министерство Народнаго Просвѣщенiя, занявъ мѣсто Комиссiи правленiя училищъ, будетъ имѣть въ управленiи: библiотеки, коллекцiи минераловъ и проч., академiи и всѣ воспитательныя заведенiя».

Между тѣмъ за нѣсколько дней до этого совѣщанія 11 апрѣля Государь сообщилъ членамъ Комитета проектъ Лагарпа объ устройствѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія и проектъ директора Кадетскаго корпуса генерала Клингера объ устройствѣ народныхъ училищъ. Государь раздѣлялъ мнѣніе Лагарпа о необходимости безотлагательно приступить къ обсужденію его проекта, Новосильцовъ же и другіе члены Комитета возразили, «что отъ такого отдѣльнаго исполненія одной изъ частей проекта могла произойти несвязность прочихъ, весьма вредная для успѣха дѣла, и что лучше было подождать двѣ или три недѣли, нежели торопиться съ несвоевременнымъ предложеніемъ одного вѣдомства. Государь, казалось, сознавалъ справедливость этого мнѣнія». Проектъ Клингера, предлагавшаго устроить училища во всѣхъ селеніяхъ Имперіи съ учителями изъ семинаристовъ или унтеръ-офицеровъ, былъ признанъ неудобнымъ во многихъ отношеніяхъ.

По запискамъ Строганова, въ послѣдній разъ Неоффиціальный Комитетъ занялся вопросомъ о народномъ просвѣщеніи 12 мая 1802 г., когда обсуждались присланныя графомъ А. Воронцовымъ замѣчанія на проектъ указа объ учрежденіи министерствъ. «Въ статьѣ о министрѣ Народнаго Просвѣщенія графъ предложилъ исключить изъ этого вѣдомства всѣ учебныя заведенія, состоящія подъ покровительствомъ вдовствующей Императрицы. Государь сказалъ, что это было уже рѣшено Комитетомъ и будетъ постановлено особымъ указомъ. По мнѣнію графа слѣдовало также исключить изъ помянутаго Министерства всѣ кадетскіе корпусы, долженствующіе находиться въ вѣдѣніи Военнаго и Морскаго министровъ. Его Величество изъявилъ мнѣніе, что нѣтъ причины исключать ихъ изъ вѣдомства ученыхъ заведеній. Князь Чарторыйскій возразилъ, что кадетскіе корпусы имѣли спеціальное назначеніе, и потому не слѣдовало подчинять ихъ Министерству, имѣющему цѣлью общее образованіе. По мнѣнію графа Строганова, надлежало на первый разъ оставить ихъ въ вѣдѣніи министра Народнаго Просвѣщенія, сообразно съ общею системою управленія. Онъ замѣтилъ, что во Франціи спеціальныя школы были подчинены различнымъ Министерствамъ потому, что воспитанники этихъ школъ, получивъ приготовительное (общее) образованіе въ общихъ учебныхъ заведеніяхъ и поступивъ въ спеціальныя училища, считались на службѣ и только довершали тамъ курсъ наукъ пріобрѣтеніемъ знаній, необходимыхъ по ихъ части. И потому,

если у насъ будетъ принята эта система, то слѣдовало, по его мнѣнію, предоставить окончательное образованіе молодыхъ людей въ спеціальныхъ заведеніяхъ по тѣмъ Министерствамъ, въ вѣдѣніи которыхъ они будутъ состоять на службѣ; въ противномъ же случаѣ спеціальныя учебныя заведенія должны быть поручены Министерству Народнаго Просвѣщенія. Наконецъ, послѣ нѣкотораго спора о томъ, какъ назвать Министерство: Министерствомъ *общественнаго образованія* или *воспитанія,* принято было названіе Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Такъ записки графа Строганова проливаютъ достаточно свѣта на постепенное разрѣшеніе вопроса объ учрежденіи Министерства Народнаго Просвѣщенія. Разногласія между членами Комитета по нѣкоторымъ отдѣльнымъ пунктамъ не затемнили сущности этого вопроса, какъ она выяснилась изъ опыта учебной политики XVIII вѣка, особенно изъ опыта Комиссіи объ учрежденіи народныхъ училищъ. Интересы общаго образованія выдвинулись теперь безусловно на первый планъ, и Комитетъ готовъ былъ даже ввести въ систему общаго образованія спеціальныя учебныя заведенія. Такимъ образомъ, главной задачей вновь образуемой отрасли высшаго государственнаго управленія было объединеніе разрозненныхъ дотолѣ мѣропріятій по насажденію общаго образованія во всѣхъ его степеняхъ [9]).

8 сентября 1802 г. послѣдовалъ манифестъ объ учрежденіи Министерствъ.

«Мы заблагоразсудили», гласилъ онъ, «раздѣлить государственныя дѣла на разныя части, сообразно естественной ихъ связи между собою, и для благоуспѣшнѣйшаго теченія поручить оныя вѣдѣнію избранныхъ Нами министровъ, постановивъ имъ главныя правила, коими они имѣютъ руководствоваться въ исполненіи всего того, чего будетъ требовать отъ нихъ должность, и чего Мы ожидаемъ отъ ихъ вѣрности, дѣятельности и усердія ко благу общему. На Правительствующій же Сенатъ, коего обязанности и первоначальную степень власти Мы указомъ Нашимъ, въ сей день даннымъ, утвердили, возлагаемъ важнѣйшую и сему верховному мѣсту наипаче свойственную должность разсматривать дѣянія министровъ по всѣмъ частямъ, ихъ управленію ввѣреннымъ, и по надлежащемъ сравненіи и соображеніи оныхъ съ государственными постановленіями и съ донесеніями прямо отъ мѣстъ до Сената дошедшими, дѣлать свои заключенія и представлять Намъ докладомъ. Учреждая Министерство на таковыхъ правилахъ, Мы

имѣемъ лестную надежду, что оно споспѣшествовать Намъ будетъ къ утвержденію народнаго спокойствія, сего истиннаго и ненарушимаго оплота Царей и Царствъ; къ сохраненію и возвышенію общаго всѣхъ благосостоянія и къ воздаянію должнаго каждому отъ лица правосудія; къ оживленію трудолюбія, промышленности и торговли; къ распространенію наукъ и художествъ, столь необходимыхъ для благоденствія народовъ: словомъ, къ приведенію всѣхъ частей государственнаго управленія въ прочное и намѣренію Нашему соотвѣтственное устройство».

Седьмой параграфъ манифеста опредѣлялъ кругъ вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія: «министръ народнаго просвѣщенія, воспитанія юношества и распространенія наукъ имѣетъ въ непосредственномъ вѣдѣніи своемъ Главное училищное правленіе со всѣми принадлежащими ему частями, Академію Наукъ, Россійскую Академію, университеты и всѣ другія училища, кромѣ предоставленныхъ особому попеченію любезнѣйшей родительницы Нашей Императрицы Маріи Ѳеодоровны и находящихся по особенному повелѣнію Нашему въ управленіи другихъ особъ или мѣстъ; типографіи частныя и казенныя, исключая изъ сихъ послѣднихъ состоящія также подъ непосредственнымъ чьимъ-либо вѣдомствомъ; цензуру, изданіе вѣдомостей и всякихъ періодическихъ сочиненій, народныя библіотеки, собраніе крѣпостей, натуральные кабинеты, музеи и всякія учрежденія, какія впредь для распространенія наукъ быть могутъ». Восьмымъ параграфомъ каждому министру опредѣлялся помóщникъ съ званіемъ товарища министра.

Остальные параграфы (IX—XIX) манифеста излагали принципы министерскаго управленія, порядокъ всеподданнѣйшихъ докладовъ, отношенія министровъ къ Комитету Министровъ, Сенату и Совѣту. По затруднительнымъ вопросамъ, которыхъ министръ не можетъ разрѣшить собственною властью, но которые не требуютъ ни отмѣны существующихъ законовъ,ни введенія новыхъ, министръ долженъ входить со всеподданнѣйшимъ докладомъ, «предварительно предложивъ его прочимъ министрамъ для надлежащаго соображенія со всѣми государственными частями, въ вѣдѣніи ихъ находящимися»; ежегодные отчеты министры представляютъ Верховной власти черезъ Правительствующій Сенатъ, который даетъ объ отчетѣ свое заключеніе. Но и помимо этихъ отчетовъ Сенатъ слѣдитъ за злоупотребленіями въ дѣятельности министровъ и, въ случаѣ обнаруженія ихъ, требуетъ отъ мини-

custom-start стровъ объясненій. Всѣ министры суть члены Совѣта, который «не иначе приступаетъ къ разсмотрѣнію дѣлъ, какъ въ присутствіи по меньшей мѣрѣ 5 министровъ, въ числѣ которыхъ долженъ находиться и министръ, по части коего дѣло будетъ трактовано». Каждый министръ обязанъ въ трехмѣсячный срокъ образовать свою канцелярію и сочинить ей штатъ, до утвержденія котораго министръ работаетъ съ помощью временной канцеляріи.

Двумя указами того же дня назначенъ былъ личный составъ руководящихъ дѣятелей новаго Министерства: министромъ—графъ П. В. Завадовскій, его товарищемъ—М. Н. Муравьевъ, членами Комиссіи объ училищахъ, которая въ началѣ слѣдующаго года преобразовалась въ совѣтъ министра подъ именемъ Главнаго Правленія Училищъ, тайные совѣтники князь Адамъ Чарторыйскій, графъ Северинъ Потоцкій, генералъ-маіоры Клингеръ и Хитрово, академики статскіе совѣтники Озерецковскій и Фусъ, правителемъ дѣлъ Комиссіи—коллежскій совѣтникъ В. Н. Каразинъ. Изъ журналовъ Комиссіи видно, что въ работахъ ея съ перваго же засѣданія принялъ участіе и главный дѣятель старой Комиссіи объ учрежденіи народныхъ училищъ Ѳ. И. Янковичъ-де-Миріево [10]).

Графъ Завадовскій былъ типичнымъ представителемъ вельможной среды второй половины XVIII вѣка. Сынъ казака Стародубскаго повѣта, онъ родился въ 1738 г., первоначальное образованіе получилъ въ домѣ своего дѣда малороссійскаго подкоморія Михаила Ширая, а затѣмъ въ іезуитскомъ училищѣ въ Оршѣ и въ Кіевской духовной академіи. У іезуитовъ онъ изучилъ польскій языкъ, что̀ дало ему возможность впослѣдствіи входить въ близкія отношенія съ польскими аристократами, а въ Кіевской академіи пріобрѣлъ любовь къ классической римской литературѣ. Служебную дѣятельность Завадовскій началъ въ 1760 г. въ Малороссійской Коллегіи въ Глуховѣ въ должности повытчика. Здѣсь умомъ и образованностью онъ обратилъ на себя вниманіе фельдмаршала Румянцева, управлявшаго Малороссіей, и скоро былъ назначенъ правителемъ его тайной канцеляріи. Въ 1769—1774 г.г. онъ участвовалъ въ турецкой войнѣ и въ заключеніи Кучукъ-Кайнарджійскаго договора. Представленный Императрицѣ, какъ авторъ образцовыхъ донесеній и докладовъ по дѣламъ Малороссіи, Завадовскій былъ оставленъ при дворѣ «у принятія челобитенъ и для прочихъ дѣлъ». Съ этихъ поръ возвышеніе Завадовскаго пошло такъ быстро, что въ немъ видѣли даже сопер-

ника Потемкину: онъ былъ главнымъ директоромъ банковъ, первоприсутствующимъ въ Комиссіи объ учрежденіи училищъ, участвовалъ въ составленіи нѣкоторыхъ важныхъ государственныхъ актовъ, получилъ званія сенатора и въ 1793 г., вмѣстѣ съ братьями Яковомъ и Ильей, титулъ графа Римской Имперіи. Завистники и недоброжелатели Завадовскаго не упускали случая посмѣяться надъ его украинской лѣнью, чувственностью, пристрастіемъ къ землякамъ, простымъ малороссамъ, привычкой уснащать рѣчь цитатами изъ классическихъ авторовъ. Но не обладая творческимъ умомъ и энергіей, онъ не испортилъ, однако, ни одного крупнаго дѣла, которымъ руководилъ: въ дѣятельности Комиссіи объ учрежденіи училищъ и Министерства Народнаго Просвѣщенія подъ управленіемъ Завадовскаго нельзя указать такихъ пробѣловъ и промаховъ, въ которыхъ можно было бы обвинить лично его. Императоръ Павелъ сначала благоволилъ къ Завадовскому и въ 1797 г. возвелъ его въ графское достоинство. Но въ 1799 г. Завадовскій былъ уволенъ отъ службы за безпорядки въ состоявшемъ подъ его управленіемъ ассигнаціонномъ банкѣ и удалился на родину въ Малороссію. Императоръ Александръ въ первый же день своего царствованія распорядился призвать Завадовскаго снова на государственную службу и рескриптомъ 5 іюня 1801 г. назначилъ его предсѣдателемъ Комиссіи о составленіи законовъ. Ставъ во главѣ дѣла, особенно близкаго сердцу Государя, Завадовскій принялъ участіе въ обсужденіи основъ административной реформы: въ первомъ засѣданіи Неоффиціальнаго Комитета постановлено было поручить ему подготовить преобразованіе Сената. Вмѣстѣ съ графомъ А. Р. Воронцовымъ Завадовскій стоялъ за дарованіе законодательныхъ правъ Сенату. Рескриптомъ 8 сентября 1802 г. Завадовскій былъ призванъ къ управленію Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія. Но Императоръ Александръ и его ближайшіе друзья и совѣтники не любили Завадовскаго, какъ не любили вообще представителей стараго поколѣнія, неодобрительно смотрѣвшихъ на реформаторскія увлеченія молодыхъ людей. Рѣзкій, но едва ли вполнѣ справедливый, отзывъ о Завадовскомъ данъ въ письмѣ Государя къ Лагарпу: «vos regrets sur la nomination de Zavadovski à la place de ministre de l'instruction publique seraient diminués, si vous étiez au fait de l'organisation de son Ministère. Il est nul. C'est un Conseil, composé de Mouravief, Klinguer, Chartoryski, Novosiltzef etc., qui régit tout; il n'y a pas un papier,

qui ne soit travaillé par eux, pas un homme, qui ne soit placé par eux. La fréquence de mes rapports avec les deux derniers surtout empêche le ministre d'opposer le moindre obstacle au bien que nous tachons de faire. Au reste, nous l'avons rendu content au possible, un vray mouton, enfin il est nul et n'est dans le Ministère que pour ne pas crier, s'il en fût exclû». Столь же сурово отзывался о Завадовскомъ гр. Строгановъ въ письмѣ къ Новосильцову въ 1804 г.

Совѣтъ министра или Главное Правленіе Училищъ, энергію котораго Императоръ Александръ противополагалъ апатіи министра, по своему личному составу дѣйствительно являлся яркимъ выразителемъ реформаторскихъ стремленій правительства. Его членами были: сенаторъ М. Н. Муравьевъ, товарищъ министра и попечитель Московскаго университета, нѣкогда преподававшій Государю русскій языкъ и словесность, одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ людей своего времени, видѣвшій въ свободѣ и образованіи «главный фундаментъ, на которомъ созидается благосостояніе народа», и въ свободѣ изслѣдованія—«необходимое условіе не только для развитія просвѣщенія, но и для поднятія народной нравственности»; Н. Н. Новосильцовъ, первый попечитель С.-Петербургскаго учебнаго округа и президентъ Академіи Наукъ, предсѣдатель Комиссіи составленія законовъ, докладчикъ Государя по самымъ разнообразнымъ вопросамъ государственнаго управленія, старшій и самый осторожный изъ членовъ Неоффиціальнаго Комитета; князь А. А. Чарторыйскій, попечитель Виленскаго университета и товарищъ министра Иностранныхъ Дѣлъ, «очутившійся», по его словамъ, «въ положеніи воина, брошеннаго дружественною рукою и случаемъ въ чужіе ряды», какъ дипломатъ и попечитель, направлявшій свою «систему» къ одной завѣтной цѣли, постепенному возстановленію Польши и полонизаціи западно-русскихъ областей; графъ П. А. Строгановъ, товарищъ министра Внутреннихъ Дѣлъ, управлявшій нѣкоторое время С.-Петербургскимъ округомъ, самый младшій и увлекающійся изъ друзей Государя, воспитанникъ якобинца Ромма, ревностный почитатель Мирабо; графъ С. О. Потоцкій, попечитель Харьковскаго университета, широко образованный вельможа, искренно преданный интерессамъ своего университета и много для него сдѣлавшій; генералъ-маіоръ Ѳ. И. Клингеръ, попечитель Дерптскаго университета и директоръ Кадетскаго корпуса, извѣстный нѣмецкій романистъ, человѣкъ твердаго и независимаго характера;

М. М. Сперанскій, назначенный членомъ Главнаго Правленія Училищъ въ 1809 г., въ эпоху своего наибольшаго вліянія; академики: Румовскій, попечитель Казанскаго университета, Озерецковскій и Фусъ, неутомимые работники по всѣмъ вопросамъ, требовавшимъ спеціальныхъ научныхъ знаній; Янковичъ-де-Миріево, Свистуновъ, Пастуховъ—члены старой Комиссіи объ учрежденіи училищъ, полезные своею практической опытностью. Правителемъ дѣлъ Комиссіи былъ В. Н. Каразинъ, имя котораго связано съ основаніемъ Харьковскаго университета. Его преемникомъ явился Ив. Ив. Мартыновъ, переводчикъ греческихъ классиковъ, довѣренный сотрудникъ министра.

Въ этомъ составѣ главныхъ дѣятелей новоучрежденнаго Министерства ясно различаются двѣ группы лицъ: одна—это ближайшіе друзья Государя, члены Неоффиціальнаго Комитета; имъ принадлежало руководящее вліяніе; ихъ участіе въ Главномъ Правленіи Училищъ сообщало Министерству Народнаго Просвѣщенія особенный авторитетъ и независимость въ осуществленіи его плановъ. Другую группу составили ученые спеціалисты и практическіе дѣятели, выносившіе на своихъ плечахъ всю тяжесть исполнительной работы [11]).

1803 и 1804 годы были временемъ наиболѣе горячей работы Министерства при графѣ Завадовскомъ: были организованы центральныя учрежденія и учебные округи, созданы уставы высшихъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, изданъ цензурный уставъ, опредѣлены отношенія къ Министерству Академіи Наукъ. Въ послѣдующіе годы предстояло перейти отъ теоретическихъ построеній къ осуществленію ихъ на практикѣ. Проведеніе въ жизнь уставовъ и регламентовъ порождало массу неожиданныхъ и трудно разрѣшимыхъ вопросовъ. Послѣ 1804 г. работа Министерства направлялась преимущественно на борьбу съ тѣми препятствіями, которыя на каждомъ шагу воздвигала дѣйствительность смѣлымъ преобразовательнымъ планамъ.

11 апрѣля 1810 г. графъ П. В. Завадовскій оставилъ управленіе Министерствомъ и былъ назначенъ на постъ предсѣдателя Департамента Законовъ Государственнаго Совѣта, сохраненный имъ до дня смерти 10 января 1812 г. Преемникомъ графу Завадовскому назначенъ былъ графъ Алексѣй Кирилловичъ Разумовскій, занимавшій дотолѣ постъ попечителя Московскаго учебнаго округа. Сынъ извѣстнаго малороссійскаго гетмана Кирилла Григорьевича, онъ родился въ 1748 г. и получилъ сначала блестя-

Г. Андрей Разумовскій

щее образованіе дома, при чемъ для него съ братьями устроенъ былъ особый институтъ, въ которомъ Шлецеръ преподавалъ статистику подъ названіемъ «познаніе своего отечества», потомъ заграницею, во Франціи. По словамъ современника, «это былъ самый ученый, образованный и умный человѣкъ тогдашней аристократіи, русскій магнатъ de l'ancien régime comme il faut, придворный человѣкъ съ замѣчательнымъ ученымъ образованіемъ». Онъ собралъ обширную библіотеку, каталогъ которой составилъ профессоръ Геймъ, и предавался занятіямъ своей любимой наукой ботаникой, тогда какъ старшій братъ его Григорій былъ спеціалистомъ по минералогіи. «Изъ познаній своихъ», говоритъ Вигель, «дѣлалъ графъ А. К. Разумовскій то же употребленіе, что и изъ богатства: онъ наслаждался ими одинъ, безъ малѣйшаго удовольствія, безъ всякой пользы для другихъ. Въ подмосковномъ великолѣпномъ помѣстьѣ своемъ Горенкахъ, среди царской роскоши, заперся онъ одинъ со своими растеніями». Пройдя различныя ступени придворной службы, графъ Разумовскій былъ въ 1786 г. назначенъ сенаторомъ, а въ 1795 г. вышелъ въ отставку. Только въ 1808 г. графъ былъ вызванъ изъ своего ученаго уединенія, чтобы занять постъ попечителя Московскаго округа по смерти М. Н. Муравьева. Онъ принялъ его неохотно, единственно «изъ угожденія волѣ Государя», какъ сказано было въ Высочайшемъ рескриптѣ.

Назначенный 11 апрѣля 1810 г. министромъ Народнаго Просвѣщенія, не подготовленный къ широкой административной дѣятельности, графъ Разумовскій не измѣнялъ круто общаго направленія дѣятельности ввѣреннаго ему Министерства. Слабыя стороны системы, установленной реформами 1802—1804 годовъ, еще не успѣли къ концу перваго десятилѣтія выступить достаточно рѣзко. Борьба съ Наполеономъ отвлекала вниманіе правительства отъ вопросовъ внутренней политики. Въ обществѣ еще сильны были идеи, царившія въ первые годы вѣка. Нѣкоторые вліятельные сотрудники перваго министра оставались на своихъ постахъ при его преемникѣ. Но многіе постепенно сошли со сцены: оставилъ Главное Правленіе Училищъ Ѳ. И. Янковичъ-де-Миріево, умершій въ 1814 г., въ 1807 г. умеръ М. Н. Муравьевъ, въ 1808 г. — П. С. Свистуновъ, въ 1810 г. покинулъ постъ попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа Н. Н. Новосильцовъ, замѣненный С. С. Уваровымъ, будущимъ министромъ, въ 1812 г. умеръ казанскій попечитель Ст. Я. Румовскій, и на его мѣсто былъ назначенъ дѣйствительный камергеръ М. А.

Салтыковъ. Постъ московскаго попечителя занялъ въ 1810 г. сенаторъ П. И. Голенищевъ-Кутузовъ. Кипучая дѣятельность Главнаго Правленія Училищъ значительно ослабѣла при графѣ Разумовскомъ. «Оно собиралось несравненно рѣже, чѣмъ въ первые годы Министерства. Еще при Завадовскомъ оно замѣнило еженедѣльныя собранія свои ежемѣсячными; при Разумовскомъ сроки были еще продолжительнѣе, и предметы совѣщаній относились болѣе къ хозяйственной, нежели къ учебной части. Въ составъ Главнаго Правленія Училищъ не вступали новыя лица, протоколы подписывались только двумя присяжными членами-академиками, для которыхъ посѣщеніе засѣданій было оффиціальною обязанностью».

Но продолжая подъ управленіемъ графа Разумовскаго политику первыхъ лѣтъ, Министерство начинало уже испытывать вліяніе перемѣны, наступавшей въ настроеніи общества въ послѣдніе годы борьбы съ Наполеономъ. При графѣ Разумовскомъ, говоритъ академикъ Сухомлиновъ, «въ обществѣ уже начали обнаруживаться слѣды реакціи; сочувствіе къ университетамъ протестантской Германіи поколебалось; стали являться защитники католической системы воспитанія, возвѣщавшіе приближеніе временъ Рунича и Магницкаго. Іезуиты завладѣли общественнымъ воспитаніемъ, вербуя питомцевъ преимущественно въ богатыхъ и знатныхъ семействахъ, и только учрежденіе Царскосельскаго лицея спасло отъ іезуитскихъ рукъ многихъ юношей и въ числѣ ихъ будущее свѣтило нашей литературы Пушкина. Министру Просвѣщенія доказывали, что любовь къ наукамъ и забота о нихъ есть опасная ошибка; въ учебныхъ заведеніяхъ, которыя съ такими свѣтлыми надеждами учреждаемы были во всѣхъ краяхъ Россіи, видѣли скопище полузнаекъ, самоувѣренныхъ и заносчивыхъ, легкомысленныхъ поклонниковъ моды, всегда готовыхъ разрушить то, чего они не жалуютъ, то-есть все». Эти идеи внушались министру извѣстнымъ поборникомъ католической реакціи, сардинскимъ посланникомъ при русскомъ дворѣ графомъ Жозефомъ де-Местромъ, съ которымъ графъ Разумовскій находился въ дружескихъ отношеніяхъ. Вліянію де-Местра приписывалось введеніе новыхъ цензурныхъ ограниченій и измѣненіе политики Министерства въ Западномъ краѣ, гдѣ графъ Разумовскій покровительствовалъ іезуитамъ въ ихъ борьбѣ съ княземъ Чарторыйскимъ. Когда правительство рѣшило положить конецъ іезуитской пропагандѣ, графъ сознаЛъ трудность своего положенія.

Утомленный государственной службой, къ которой никогда не чувствовалъ призванія, графъ вышелъ въ отставку 4 сентября 1816 г. Умеръ онъ въ 1822 г. въ Малороссіи [12]).

II.

Первымъ изъ центральныхъ учрежденій Министерства явилась Комиссія объ училищахъ, открывшая свои засѣданія подъ предсѣдательствомъ министра 13 сентября 1802 г. По личному составу и обязанностямъ, изложеннымъ въ указѣ 8 сентября, она была звеномъ, связующимъ Министерство Народнаго Просвѣщенія со старой Комиссіей объ учрежденіи училищъ. Можно сказать, что до 1803 г. подъ именемъ Министерства продолжала существовать въ обновленномъ составѣ эта старая Комиссія. Теперь, по указу 8 сентября, на нее возложена была задача, аналогичная той, надъ которой Комиссія трудилась въ 1782—1789 г.г.: составить и привести въ исполненіе планъ учебной системы, но на болѣе широкихъ основаніяхъ. Членамъ Комиссіи предлагалось раздѣлить между собою «вѣдѣніе всѣхъ состоящихъ въ Имперіи верхнихъ и нижнихъ училищъ по полосамъ или провинціямъ»; «каждый членъ Комиссіи обязанъ особенно пещись объ успѣхахъ всѣхъ заведеній, для распространенія просвѣщенія учрежденныхъ, по соображенію нуждъ и удобностей каждаго отдѣленія, нѣсколько губерній объемлющаго»; каждое новое распоряженіе представляется на разсмотрѣніе полнаго собранія Комиссіи и утверждается министромъ; въ случаяхъ же, превышающихъ его власть, подносится на конфирмацію Государя; въ тѣхъ полосахъ, гдѣ не было университетовъ, должно прежде всего озаботиться устройствомъ послѣднихъ; торопиться учрежденіемъ университетовъ слѣдуетъ потому, что они «могутъ удобно принять на себя надзираніе надъ всѣми прочими училищами и вспомоществовать членамъ (Комиссіи) въ управленіи ихъ отдѣленій»; наконецъ, Комиссіи предписывалось сочинить общій планъ скорѣйшаго осуществленія изложенныхъ предначертаній, содержащій «правила, на которыхъ должны быть основаны сношенія и зависимость окружныхъ училищъ отъ центральныхъ университетовъ, а сихъ послѣднихъ отъ членовъ Комиссіи».

24 января 1803 г. Высочайше утверждены были «Предварительныя правила народнаго просвѣщенія», законодательный актъ, излагавшій основы новой учебной системы и соотвѣтство-

вавшій, по значенію, уставу 1786 г.» Теперь Комиссія объ училищахъ преобразовалась въ Главное Правленіе Училищъ, высшій совѣщательный органъ Министерства; положеніе его и составъ «Предварительныя правила» опредѣлили въ слѣдующихъ статьяхъ: «народное просвѣщеніе въ Россійской Имперіи составляетъ особую государственную часть, ввѣренную министру сего отдѣленія и подъ его вѣдѣніемъ распоряжаемую Главнымъ Училищъ Правленіемъ». «Главное Училищъ Правленіе состоитъ изъ попечителей университетовъ и ихъ округовъ съ другими членами, опредѣленными отъ Императорскаго Величества». Одновременно съ утвержденіемъ «Предварительныхъ правилъ» послѣдовало назначеніе попечителей учебныхъ округовъ: Московскаго округа—товарища министра Муравьева, Виленскаго—товарища министра Иностранныхъ Дѣлъ кн. А. А. Чарторыйскаго, Дерптскаго—генерала Ѳ. И. Клингера, Харьковскаго—графа С. О. Потоцкаго, С.-Петербургскаго—Н. Н. Новосильцова, Казанскаго—графа Мантейфеля, котораго вскорѣ, 20 Іюня, смѣнилъ вице-президентъ Академіи Наукъ Ст. Я. Румовскій. Кромѣ попечителей въ составъ Главнаго Правленія вошли и остальные члены бывшей Комиссіи: Ѳ. И. Янковичъ-де-Миріево, П. С. Свистуновъ, академики Н. И. Фусъ и Н. Я. Озерецковскій. Въ слѣдующіе затѣмъ годы членами Правленія были еще назначены: въ 1804 г. товарищъ министра Внутреннихъ Дѣлъ графъ П. А. Строгановъ, временно исполнявшій обязанности попечителя С.-Петербургскаго округа, въ 1805 г.—графъ Платеръ, въ 1806 г.—лейбъ-медикъ Франкъ, въ 1807 г.—графъ А. К. Разумовскій, новый попечитель Московскаго округа, въ 1809 г.—товарищъ министра Юстиціи М. М. Сперанскій и д. ст. с. Дивовъ, «кавалеръ» при великихъ князьяхъ Николаѣ и Михаилѣ Павловичахъ.

Дѣятельность Главнаго Правленія Училищъ, открытаго 25 Января 1803 г., въ главныхъ ея чертахъ сводилась къ осуществленію плана учебной системы, начертанной въ «Предварительныхъ правилахъ народнаго просвѣщенія». Главное Правленіе работало надъ составленіемъ уставовъ и учебныхъ плановъ университетовъ, среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, вѣдало назначеніе и перемѣщеніе педагогическаго персонала, снабжало училища книгами и учебными пособіями, управляло хозяйственною частью учебныхъ заведеній, разрѣшало всѣ вопросы учебнаго дѣла, выдвигаемые практикой, наконецъ, контролировало цензурныя учрежденія. Такое разнообразіе функцій Главнаго Правленія повело къ выдѣленію нѣкоторыхъ спеціальныхъ учрежденій,

его исполнительныхъ органовъ: въ мартѣ 1803 г. образованы были, по проекту Янковича-де-Миріево, Канцелярія Правленія, раздѣлявшаяся на двѣ экспедиціи, ученую и экономическую, и состоявшая въ непосредственномъ вѣдѣніи академиковъ Озерецковскаго и Фуса, и Контора, управлявшая доходами Правленія, получаемыми отъ Щукина дома; въ 1808 г. дѣла по хозяйственной экспедиціи и Конторѣ поручены были особому Хозяйственному Комитету; въ іюнѣ 1803 г. составленъ былъ Комитетъ изъ академиковъ Румовскаго, Озерецковскаго и Фуса для разсмотрѣнія изданныхъ бывшею Комиссіею народныхъ училищъ учебныхъ книгъ; Географическое заведеніе, существовавшее при бывшей Комиссіи, преобразовано было, по плану Фуса, въ Географическую экспедицію; наконецъ, на основаніи 41-й статьи Предварительныхъ правилъ предпринято было изданіе «Періодическаго Сочиненія объ успѣхахъ народнаго просвѣщенія», по плану Озерецковскаго, назначеннаго редакторомъ этого изданія. Главное Правленіе обладало своими «экономическими» доходами, на счетъ которыхъ отнесенъ былъ штатъ Канцеляріи Правленія—25.590 рублей.

Въ началѣ 1803 г. организованъ былъ и Департаментъ Народнаго Просвѣщенія. По утвержденному 7 января штату составъ его опредѣленъ въ 12 чиновниковъ, содержаніе которыхъ исчислено въ 21.225 рублей. Первымъ директоромъ Департамента былъ И. И. Мартыновъ, извѣстный переводчикъ греческихъ классиковъ, пользовавшійся большимъ расположеніемъ графа Завадовскаго и въ сентябрѣ 1804 г. смѣнившій Каразина въ должности правителя дѣлъ Главнаго Правленія Училищъ.

XII статья Манифеста 1802 г. поручила разсмотрѣніе представляемыхъ министрами ежегодныхъ всеподданнѣйшихъ отчетовъ Сенату, при общемъ собраніи котораго былъ учрежденъ «Комитетъ для предварительнаго освидѣтельствованія министерскихъ отчетовъ». Комитетъ излагалъ свои замѣчанія на отчетъ министра въ особой запискѣ, вносимой въ общее собраніе Сената, который представлялъ отчетъ со своимъ заключеніемъ уже на Высочайшее благоусмотрѣніе. Главной задачей Комитета было опредѣлить, насколько дѣйствія Министерства за отчетный періодъ были согласны съ законами и цѣлесообразны, насколько ясны, отчетливы и вѣрны фактическія данныя. Такъ при разсмотрѣніи перваго отчета Министерства, за время отъ его учрежденія до 1 января 1803 г., Комитетъ нашелъ значительный пробѣлъ въ вѣдомости о существующихъ учебныхъ заведеніяхъ и составилъ дополнительную

вѣдомость пропущенныхъ министерскимъ отчетомъ 86 училищъ. Но иногда критика отчета простиралась на самое существо нѣкоторыхъ вопросовъ. Такъ въ отчетахъ за 1803—1804 г. г. Комитетъ обратилъ вниманіе на малое число учащихъ и учащихся русскому языку въ университетахъ Виленскомъ и Дерптскомъ и указалъ на необходимость болѣе энергичныхъ въ этомъ отношеніи мѣръ. Замѣчанія Комитета сообщались Департаменту Народнаго Просвѣщенія, который съ своей стороны присылалъ разъясненія. Повѣрять фактическія данныя министерскихъ отчетовъ XIII статья манифеста 8 сентября 1802 г. предписывала посредствомъ сравненія и соображенія ихъ «съ рапортами, прямо отъ мѣстъ Правительствующему Сенату въ теченіе того года доставленными». Но, несмотря на неоднократные указы XVIII вѣка объ этихъ рапортахъ, Сенатъ не получалъ никакихъ свѣдѣній объ учебныхъ заведеніяхъ. Поэтому Комитетъ, разсматривавшій первый отчетъ графа Завадовскаго, нашелъ нужнымъ требовать отъ губернаторовъ доставленія въ Сенатъ полугодовыхъ донесеній о состоящихъ въ ихъ губерніяхъ учебныхъ заведеніяхъ, о числѣ учащихъ и учащихся, а также мѣсячныя вѣдомости о суммахъ, отпускаемыхъ на училища изъ Приказовъ общественнаго призрѣнія и прочихъ губернскихъ мѣстъ; такіе же полугодовые рапорты и ежемѣсячныя денежныя вѣдомости, по мнѣнію Комитета, должны были бы представлять и университеты, «сравненные въ отношеніи къ присутственнымъ мѣстамъ съ коллегіями и состоящіе по представленной имъ внутренней расправѣ прямо подъ аппеляціею Сената. Въ общемъ собраніи Сенатъ постановилъ требовать отъ губернаторовъ доставленія не только общихъ полугодовыхъ рапортовъ и ежемѣсячныхъ вѣдомостей, но еще особыхъ рапортовъ въ случаѣ какихъ важныхъ пособій, по требованіямъ губернскихъ директоровъ отъ земскаго правительства учиненныхъ». О рапортахъ же отъ университетовъ въ журналѣ общаго собранія Сената не упоминается. Процедура разсмотрѣнія министерскихъ отчетовъ затягивалась на продолжительное время. Такъ первый краткій отчетъ графа Завадовскаго о дѣятельности Министерства до 1 января 1803 г. былъ разсмотрѣнъ Комитетомъ въ ноябрѣ 1803 г., общимъ собраніемъ Сената въ декабрѣ и поднесенъ на Высочайшее воззрѣніе въ февралѣ 1804 г. [13]).

Новая реформа центральнаго управленія Имперіи, выразившаяся въ «Общемъ учрежденіи Министерствъ» 1811 г. и составлявшая часть грандіознаго преобразовательнаго плана,

созданнаго Сперанскимъ, не внесла существенной перемѣны въ организацію Министерства Народнаго Просвѣщенія. Манифестъ 25 іюля 1810 г. «О раздѣленіи государственныхъ дѣлъ на особыя управленія» указывалъ «истинный разумъ» реформы въ томъ, что бы въ раздѣленіи дѣлъ государственныхъ ввести болѣе соразмѣрности, установить въ производствѣ ихъ болѣе единообразія, сократить и облегчить ихъ движеніе, означить съ точностію предѣлы власти и отвѣтственности. Министерству Народнаго Просвѣщенія отводилось мѣсто въ группѣ высшихъ государственныхъ учрежденій, получившей наименованіе «Государственной Экономіи». О кругѣ вѣдомства Министерства было сказано: «къ предметамъ, кои доселѣ состояли въ вѣдомствѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, присоединяются всѣ вообще академіи и учебныя ихъ заведенія, исключая духовныхъ. Тѣ академіи, кои имѣютъ главныхъ директоровъ, остаются въ управленіи ихъ на точномъ основаніи особенныхъ ихъ уставовъ, сохраняя однакоже во всѣхъ дѣлахъ государственныхъ непрерывную связь и отношеніе къ министру Народнаго Просвѣщенія». Вмѣстѣ съ Медико-Хирургической академіей въ вѣдомство Министерства Народнаго Просвѣщенія, по указу 17 августа 1810 г. «О раздѣленіи государственныхъ дѣлъ по Министерствамъ», перешли учрежденія и дѣла по медицинскому образованію и управленію. Этотъ же указъ точнѣе опредѣлилъ отношенія къ Министерству учебныхъ заведеній духовныхъ и военныхъ. Исключались изъ вѣдомства Министерства духовныя училища только православнаго исповѣданія; всѣ остальныя должны были входить въ общую систему учебныхъ заведеній, подвѣдомыхъ университетамъ и окружному начальству. Въ организаціи военныхъ училищъ, предположенныхъ къ открытію, Министерство должно было только оказывать содѣйствіе военному вѣдомству. Наконецъ «Общее учрежденіе Министерствъ» 25 Іюня 1811 г. формулировало всѣ произведенныя измѣненія. «Общее учрежденіе Министерствъ» распадалось на двѣ главныя части: 1) «Образованіе Министерствъ» и 2) «Общій наказъ Министерствамъ». Первая часть излагала: 1) составъ отдѣльныхъ учрежденій Министерства: департаментовъ, совѣта министра, общаго присутствія департаментовъ, канцеляріи министра и разныхъ особенныхъ установленій; 2) порядокъ опредѣленія и увольненія чиновниковъ, производства въ чины и наградъ; 3) порядокъ дѣлопроизводства, ревизію дѣлъ, отчетности въ суммахъ и дѣлахъ. «Общій наказъ Министерствамъ» опредѣлялъ: 1) степень и пре-

дѣлы власти министровъ и ихъ товарищей; 2) отношенія ихъ къ разнымъ установленіямъ; 3) сношеніе министровъ съ разными мѣстами и лицами, имъ равными; 4) дѣйствія Министерствъ на подчиненныя имъ управленія; 5) силу и порядокъ ихъ отвѣтственности; 6) степень и предѣлы власти департаментовъ и ихъ директоровъ; 7) обязанности канцеляріи министра и ея директора; 8) обязанности разныхъ чиновъ, составляющихъ департаментъ, и отношенія ихъ къ директору; 9) силу и порядокъ отвѣтственности директоровъ и другихъ чиновниковъ. Согласно манифесту 25 іюня каждое Министерство должно было получить еще особое «учрежденіе», примѣненное къ его особымъ задачамъ. Министерство Народнаго Просвѣщенія получило его только въ 1817 г. въ связи съ преобразованіемъ въ Министерство Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія. До этого времени оно продолжало сохранять нѣкоторыя особенности, сравнительно съ общей организаціей Министерствъ. Самой важной изъ нихъ было отсутствіе Канцеляріи министра.

Не внося прямыхъ существенныхъ измѣненій въ организацію Министерства Народнаго Просвѣщенія, реформа высшихъ государственныхъ учрежденій въ 1810—1812 г.г., особенно новое образованіе Государственнаго Совѣта и Комитета Министровъ, не могла не отразиться на самостоятельности дѣйствій Министерства. До 1810 г. проекты постановленій по вѣдомству Министерства, разработанные Главнымъ Правленіемъ Училищъ, восходили прямо на утвержденіе верховной власти по всеподданнѣйшимъ докладамъ министра. По новому образованію Государственнаго Совѣта 1810 г. министры должны были вносить на уваженіе Совѣта: 1) вопросы, требующіе новаго закона, устава или учрежденія, 2) вопросы, требующіе отмѣны, ограниченія или дополненія прежнихъ положеній, 3) дѣла, требующія въ законахъ, уставахъ и учрежденіяхъ изъясненія истиннаго ихъ смысла, 4) ежегодныя смѣты приходовъ и расходовъ, 5) дѣла объ отчужденіи государственныхъ имуществъ въ частное владѣніе и частныхъ имуществъ на государственныя нужды, 6) ежегодные отчеты о дѣятельности Министерствъ. Указомъ 20 марта 1812 г., установившимъ компетенцію Комитета Министровъ, послѣднему должны были представляться: 1) изъ текущихъ дѣлъ тѣ, по которымъ нужно общее соображеніе или содѣйствіе разныхъ Министерствъ, а также тѣ, въ исполненіи которыхъ встрѣтитъ министръ по обстоятельствамъ сомнѣніе; 2) всѣ дѣла, до Высочайшаго разрѣшенія принадлежащія, т. е.

тѣ, разрѣшеніе коихъ превышаетъ предѣлъ власти, ввѣренной въ особенности каждому министру. При этихъ условіяхъ Главное Правленіе Училищъ не могло сохранить того исключительно высокаго авторитета, какимъ оно обладало въ первые годы, и должно было стать въ рядъ съ совѣтами министра въ другихъ Министерствахъ [14]).

Еще не успѣло организоваться центральное управленіе, какъ Комиссія объ училищахъ, представлявшая сначала все Министерство, приступила къ выполненію первой и главной задачи, лежавшей на Министерствѣ, къ составленію общаго плана учебныхъ заведеній. Въ первомъ засѣданіи Комиссіи 13 сентября 1802 г. Ѳ. И. Клингеру поручено было «сочинить проектъ объ устроеніи и распоряженіи нижнихъ училищъ», а академикамъ Озерецковскому и Фусу—«сдѣлать начертаніе, въ которыхъ городахъ Россійской Имперіи выгоднѣе и удобнѣе завести университеты, съ назначеніемъ въ зависимость ихъ училищъ, состоящихъ въ прилежащихъ къ нимъ губерніяхъ». Въ послѣдующія засѣданія, происходившія сначала еженедѣльно, а съ 18 октября, по предложенію министра, дважды въ недѣлю, Комиссія занялась обсужденіемъ плановъ Клингера, Озерецковскаго и Фуса, а также проектами и мнѣніями, поданными другими членами. Такъ въ засѣданіи 4 октября представили: Янковичъ-де-Миріево «Разсужденіе объ училищахъ въ Россійской Имперіи», излагавшее его мнѣнія объ учрежденіи университетовъ, «о политической взаимной зависимости» учебныхъ заведеній, объ устройствѣ въ нихъ учебной и хозяйственной частей, а князь Чарторыйскій—«Начала для образованія народнаго воспитанія въ Россійской Имперіи», сочиненіе на французскомъ языкѣ, состоявшее изъ 10 отдѣленій и 102 статей. Принявъ «съ отличнымъ уваженіемъ» этотъ проектъ, Комиссія положила взять его «въ разсужденіе при сочиненіи общаго плана» учебныхъ заведеній. Въ этомъ же засѣданіи Комиссія поручила правителю дѣлъ приготовить общій планъ гимназій, согласивъ всѣ высказанныя мнѣнія. Составленіемъ общаго плана Комиссія спѣшила, не дожидаясь исполненія одобреннаго ею 20 сентября предположенія Фуса о необходимости собрать точныя и всестороннія свѣдѣнія о существующихъ учебныхъ заведеніяхъ. Каразинъ быстро исполнилъ возложенное на него порученіе. 11 октября Комиссія приступила къ обсужденію представленнаго имъ «Предначертанія устава объ общественномъ воспитаніи», начавъ со статей о начальныхъ, уѣздныхъ и губернскихъ училищахъ, а въ слѣдующемъ засѣданіи, 18 октября,

перейдя къ постановленіямъ объ университетахъ. Въ этихъ же засѣданіяхъ, вмѣстѣ съ проектомъ общаго плана, обсуждались выработанные особымъ комитетомъ проекты уставовъ и штатовъ Академіи Наукъ, Россійской Академіи и Московскаго университета.

Живой интересъ, съ какимъ Императоръ Александръ въ первые годы своего царствованія относился къ вопросамъ народнаго просвѣщенія, побудилъ министра «хотя въ одной части Имперіи привести въ дѣйство благотворныя намѣренія Его Императорскаго Величества относительно до распредѣленія училищъ такъ, чтобъ онѣ имѣли общее средоточіе, одну систему зависимости и управленія». Съ этой цѣлью 4 октября графъ Завадовскій предложилъ графу Потоцкому и князю Чарторыйскому, «заняться соображеніемъ всего касающагося до университета Виленскаго, слѣдуя тому расположенію, какое имѣла бывшая въ Польшѣ Эдукаціонная Комиссія. Наипаче взять въ разсужденіе распоряженія оной Комиссіи относительно до имѣній, присвоенныхъ университету, и зависѣвшихъ отъ него училищъ».

Наконецъ, въ началѣ 1803 г. былъ готовъ общій планъ учебной системы, Высочайше утвержденный 24 января подъ именемъ «Предварительныхъ правилъ народнаго просвѣщенія». Принципы, намѣченные въ манифестѣ объ учрежденіи Министерствъ и въ указѣ объ обязанностяхъ Комиссіи училищъ, развивались здѣсь въ стройную систему. Въ основу ея полагалась идея общеобразовательной школы, необходимой «для нравственнаго образованія гражданъ». Профессіональныя цѣли школы ограничивались тѣмъ, что она должна была воспитывать просвѣщенныхъ чиновниковъ: «ни въ какой губерніи, говорилось въ 24-й статьѣ «Правилъ», спустя пять лѣтъ по устроеніи въ округѣ, къ которому она принадлежитъ, на основаніи сихъ правилъ училищной части, никто не будетъ опредѣленъ къ гражданской должности, требующей юридическихъ и другихъ познаній, не окончивъ ученія въ общественномъ или частномъ училищѣ». Учебныя заведенія раздѣлены на четыре разряда, «соотвѣтственно обязанностямъ и пользамъ каждаго состоянія»: 1) училища приходскія, 2) уѣздныя, 3) губернскія или гимназіи и 4) университеты. Въ каждомъ округѣ, на которые раздѣляется Имперія, всѣ четыре разряда училищъ располагаются въ іерархическомъ порядкѣ въ отношеніи учебнаго плана и управленія. Учебные планы располагаются такъ, что каждое низшее училище служитъ подготовительной ступенью къ высшему, до университета включительно, въ кото-

ромъ «преподаются науки во всемъ пространствѣ, нужныя для всѣхъ званій и разныхъ родовъ государственной службы». Университетъ, съ попечителемъ во главѣ, есть учебно-административное средоточіе своего округа: въ его непосредственномъ вѣдѣніи находятся губернскія гимназіи. Директоры гимназій имѣютъ «общее смотрѣніе» надъ уѣздными и подобными имъ училищами, а смотрители уѣздныхъ училищъ наблюдаютъ за порядкомъ въ приходскихъ. Эти послѣднія ввѣряются «просвѣщенной и благонамѣренной попечительности» помѣщиковъ, приходскаго духовенства и почетнѣйшихъ жителей. Содержаніе учебныхъ заведеній обезпечивается казной, Приказами общественнаго призрѣнія и доходами городскихъ обществъ; только вопросъ о содержаніи приходскихъ училищъ отлагался впредь «до соображенія мѣстныхъ обстоятельствъ и удобностей». Въ заключеніе «Предварительныя правила» призывали «всѣхъ благонамѣренныхъ гражданъ» вспомоществовать правительству патріотическими приношеніями и пожертвованіями частныхъ выгодъ общей пользѣ».

Близкую аналогію этой системѣ представляютъ нѣкоторые западно-европейскіе образовательные планы, продукты умственнаго движенія второй половины XVIII столѣтія: планъ, представленный Кондорсе въ 1792 г. Законодательному Собранію во Франціи, уставъ польской Эдукаціонной Комиссіи 1783 г. Но, заимствуя нѣкоторыя основныя идеи изъ учебныхъ порядковъ Западной Европы, наши реформаторы не были слѣпыми подражателями. Журналы засѣданій Комиссіи объ училищахъ и Главнаго Правленія Училищъ свидѣтельствуютъ, что они умѣли самостоятельно и критически работать надъ вопросами народнаго просвѣщенія [15]).

Первымъ условіемъ успѣшнаго осуществленія новаго учебнаго плана были денежныя средства, необходимыя для реформы старыхъ и устроенія новыхъ учебныхъ заведеній. Съ этой цѣлью Главное Правленіе въ нѣсколькихъ засѣданіяхъ составило смѣту на содержаніе университетовъ, гимназій и уѣздныхъ училищъ. Эта смѣта, Высочайше утвержденная 17 марта 1803 г., была лишь «примѣрнымъ» и, конечно, очень умѣреннымъ исчисленіемъ средствъ, требуемыхъ новою системою просвѣщенія. Весь ежегодный расходъ опредѣлился въ 1.319.450 рублей: на 4 университета 520.000 руб.; на 42 гимназіи—236.000 руб.; на 405 уѣздныхъ училищъ—563.450 руб. Въ смѣту не вошли расходы на Виленскій и Дерптскій университеты съ учебными заведеніями ихъ округовъ, обладавшіе

спеціальными рессурсами (кромѣ гимназіи и уѣзднаго училища въ самомъ Кіевѣ). Общая сумма, показанная въ итогѣ смѣты, должна была составляться изъ средствъ казны, Приказовъ общественнаго призрѣнія и городскихъ обществъ. Опредѣлить часть расхода, падавшую на казну, невозможно, такъ какъ средства, отпускаемыя Приказами общественнаго призрѣнія и городскими обществами, были неустойчивы и подвергались постояннымъ колебаніямъ. Можно замѣтить только, что Приказы и городскія думы съ теченіемъ времени сокращали свои субсидіи и даже совсѣмъ отказывались уплачивать ихъ подъ разными предлогами, и вся тяжесть расходовъ на высшія и среднія школы постепенно падала на казну. 1 апрѣля послѣдовалъ Высочайшій рескриптъ министру Финансовъ объ отпускѣ 500.000 руб. на 1803 г. въ счетъ вышеозначенной смѣты [16]).

Другимъ важнымъ условіемъ правильной дѣятельности преѳбразуемыхъ и вновь устраиваемыхъ учебныхъ заведеній было обезпеченіе ихъ учебными книгами и пособіями. Въ этомъ отношеніи большую услугу Министерству оказала бывшая Комиссія объ учрежденіи народныхъ училищъ, создавшая значительную учебную литературу. Принявъ предложеніе Янковича держаться этихъ книгъ, восполняя пробѣлы русской учебной литературы переводами новѣйшихъ классическихъ сочиненій, Главное Правленіе Училищъ поручило 20 іюня 1803 г. разсмотрѣть изданія бывшей Комиссіи Румовскому, Озерецковскому и Фусу, а 3 октября того же года постановило, что въ среднихъ и низшихъ школахъ должны обязательно употребляться книги, одобренныя Главнымъ Правленіемъ и, по большей части, изданныя бывшей Комиссіей. Въ 1805 г. Фусъ составилъ программу конкурса для оригинальныхъ и переводныхъ учебныхъ книгъ по предметамъ, вновь вводимымъ въ программы гимназій и уѣздныхъ училищъ. Авторами и переводчиками должны были выступить по преимуществу профессора университетовъ [17]).

III.

Однимъ изъ важнѣйшихъ недостатковъ учебной администраціи по уставу 1786 г. было отсутствіе правильно устроенной системы мѣстныхъ органовъ управленія учебными заведеніями. Основы этой системы намѣтилъ указъ 8 сентября 1802 г., предположивъ раздѣлить Имперію на учебные округа, административ-

ными центрами которыхъ должны были явиться университеты со своими попечителями во главѣ. Болѣе подробно развита эта мысль въ Предварительныхъ правилахъ народнаго просвѣщенія. Такъ какъ учебно-административнымъ средоточіемъ округа являлся университетъ, то раздѣленіе Имперіи на учебные округа зависѣло отъ того, въ какихъ городахъ будутъ учреждены университеты. Первыя предположенія по этому вопросу представили Комиссіи объ училищахъ академики Фусъ и Озерецковскій 20 сентября 1802 г. Оба они предлагали раздѣлить Имперію на 6 главныхъ полосъ. Фусъ намѣчалъ въ качествѣ университетскихъ городовъ: С.-Петербургъ, Москву, Харьковъ, Казань, Вильну и Дерптъ, а Озерецковскій— Москву, Дерптъ, Воронежъ, Харьковъ, Казань и Устюгъ-Великій. Училища С.-Петербургской, Новгородской, Олонецкой и Выборгской губерній онъ предлагалъ оставить въ непосредственномъ вѣдѣніи Комиссіи. Обсудивъ эти проекты, Комиссія въ томъ же засѣданіи признала полезнымъ «на первое время учредить одинъ университетъ въ городѣ Кіевѣ или въ Казани, потому что въ первомъ изъ нихъ учреждена Академія, а во второмъ существуетъ обширная гимназія; слѣдственно у учащихся въ нихъ найдется довольно такихъ способностей, съ коими бы могли они проходить университетское ученіе; въ прочихъ же городахъ, назначаемыхъ для университетовъ, учредить на первый разъ гимназіи, въ коихъ бы учащіеся могли приготовить себя къ университетскимъ лекціямъ, а родители чтобы исподволь ощутили пользу, проистекающую отъ ученія». Въ одномъ изъ послѣдующихъ засѣданій подали свои мнѣнія Янковичъ-де-Миріево и кн. Чарторыйскій. Первый замѣнялъ Харьковъ Кіевомъ, второй вполнѣ соглашался съ проектомъ Фуса. «Предварительныя правила» не только утвердили раздѣленіе государства на 6 округовъ съ тѣми университетскими городами во главѣ, которые намѣчали Фусъ и кн. Чарторыйскій, но предназначили къ открытію университетовъ еще слѣдующіе города: Кіевъ, Тобольскъ, Устюгъ-Великій «и другіе, по мѣрѣ способовъ, какіе найдены будутъ къ тому удобными». Наконецъ, указъ 24 января 1803 г. раздѣлилъ Имперію на учебные округа слѣдующимъ образомъ: Московскій округъ составили губерніи Московская, Смоленская, Калужская, Тульская, Рязанская, Владимірская, Костромская, Вологодская, Ярославская, Тверская; Виленскій—губерніи Виленская, Гродненская, Витебская, Могилевская, Минская, Волынская, Кіевская, Подольская; указомъ 25 ноября 1810 г. къ Виленскому округу присоединена Бѣлостокская

область; Дерптскій—губерніи Лифляндская, Эстляндская, Финляндская, Курляндская; С.-Петербургскій—губерніи С.-Петербургская, Псковская, Новгородская, Олонецкая, Архангельская; Харьковскій—губерніи Слободско-Украинская, Орловская, Воронежская, Курская, Черниговская, Полтавская, Николаевская, Таврическая, Екатеринославская и земли донскихъ и черноморскихъ казаковъ; Казанскій—губерніи Казанская, Вятская, Пермская, Нижегородская, Тамбовская, Саратовская, Пензенская, Астраханская, Кавказская, Оренбургская, Симбирская, Тобольская, Иркутская.

Кругъ власти попечителей былъ опредѣленъ указомъ объ обязанностяхъ Комиссіи училищъ и Предварительными правилами народнаго просвѣщенія. Попечитель является представителемъ своего округа въ С.-Петербургѣ, по званію члена Главнаго Правленія училищъ; заботится объ устроеніи университета и другихъ училищъ и о приведеніи ихъ въ цвѣтущее состояніе; отвѣчаетъ за благоустройство округа, знакомясь съ положеніемъ дѣлъ по донесеніямъ университета и, гдѣ его не было, отдѣльныхъ училищъ, или посредствомъ личныхъ обзоровъ округа, предпринимаемыхъ, по крайней мѣрѣ, одинъ разъ въ два года; представляетъ на утвержденіе министра профессоровъ и директоровъ гимназій; представляетъ годичные отчеты о суммахъ на содержаніе училищъ округа; всякое новое распоряженіе по учебной и хозяйственной части или вопросъ, превышающій его власть, предлагаетъ на разрѣшеніе министра или на общее разсужденіе Главнаго Правленія Училищъ. Въ этихъ первыхъ постановленіяхъ объ обязанностяхъ попечителей не былъ точно опредѣленъ кругъ дѣлъ, подлежащихъ собственной власти попечителя. Практика не замедлила поднять этотъ вопросъ, и 25 іюля 1803 г. петербургскій попечитель Н. Н. Новосильцевъ внесъ въ Главное Правленіе записку, въ которой указывалъ на необходимость точно установить, «въ какихъ именно случаяхъ попечитель обязанъ предварительно доносить министру Просвѣщенія о распоряженіяхъ по части своей, имъ предпринимаемыхъ, въ какихъ—Главному Училищъ Правленію, и, наконецъ, въ какихъ случаяхъ онъ имѣетъ власть поступать по своему усмотрѣнію, относясь къ министру Просвѣщенія для вѣдѣнія». 8 августа Главное Правленіе постановило «приступить къ сочиненію проекта такого наказа, въ коемъ бы предписаны были подробнымъ и опредѣленнымъ образомъ должности вообще Главнаго Училищъ Правленія, и въ особенности попечителей и ихъ

сочленовъ». Сочиненіе проекта поручили Каразину. Но чѣмъ кончилось все это дѣло, изъ журналовъ Главнаго Правленія не видно. При попечителяхъ положено было состоять канцеляріямъ, на содержаніе которыхъ ассигновано по штатамъ 22.000 руб. ежегодно.

Первою обязанностію попечителей, по вступленіи въ должность, было подробное ознакомленіе съ положеніемъ учебнаго дѣла въ ихъ округахъ, какъ на это прямо указалъ графъ Завадовскій въ первомъ засѣданіи Главнаго Правленія. Но совмѣстная работа надъ уставами учебныхъ заведеній и надъ другими общими вопросами не позволяла попечителямъ на долго отлучаться изъ С.-Петербурга. Поэтому Главное Правленіе разрѣшило попечителямъ пользоваться другими средствами для знакомства со своими округами. Дерптскій попечитель Клингеръ составилъ наказъ Дерптскому университету, въ которомъ требовалъ доставленія подробныхъ свѣдѣній о состояніи учебныхъ заведеній округа. Харьковскій попечитель графъ Потоцкій сообщилъ Главному Правленію о своемъ намѣреніи отправить для обозрѣнія округа особаго визитатора и спрашивалъ, не будетъ ли эта мѣра признана полезною и относительно прочихъ округовъ. Правленіе вполнѣ одобрило мысль попечителя, находя, что «таковое мѣстное, личное изслѣдованіе невозможно замѣнить требованіемъ письменныхъ свѣдѣній и вообще никакими другими средствами, въ разсужденіи особливо новости нынѣшняго устройства училищной части въ Имперіи». Вообще же Главное Правленіе Училищъ на первыхъ порахъ не рѣшалось связывать попечителей подробной регламентаціей ихъ обязанностей и предоставляло имъ широкую свободу дѣйствій.

Узаконенія первыхъ лѣтъ надѣлили попечителей властью и средствами, достаточными для широкаго и энергичнаго руководительства дѣлами учебныхъ округовъ. Трудамъ первыхъ попечителей Министерство было обязано тѣми успѣхами, какихъ оно достигло до начала слѣдующей эпохи, проникнутой уже совершенно другимъ духомъ и цѣлями. Даже тогда одинъ изъ попечителей, графъ Ливенъ, откровенно и категорически заявлялъ, что онъ «никогда не затруднялся недостаткомъ власти, что большая власть легко можетъ быть поводомъ къ злоупотребленіямъ, которыя нигдѣ не производятъ вреднѣйшихъ дѣйствій, какъ по учебной части» [18]).

IV.

Работа надъ университетскими уставами началась съ обсужденія въ Комиссіи объ училищахъ 18 октября 1802 г. тѣхъ статей составленнаго Каразинымъ «Предначертанія устава объ общественномъ воспитаніи», которыя были посвящены положенію университетовъ въ общей учебной системѣ. Въ томъ же засѣданіи Комиссія обсуждала проектъ устава Московскаго университета, выработанный особымъ Комитетомъ, съ цѣлью привести его въ соотвѣтствіе съ новыми принципами народнаго просвѣщенія *). Главное Правленіе Училищъ продолжила работу и 7 февраля 1803 г. приступило къ составленію «общаго» университетскаго устава, «который бы могъ служить образцомъ частнымъ». Трудъ былъ раздѣленъ между Фусомъ, Озерецковскимъ, Янковичемъ и Клингеромъ. Работа надъ общимъ уставомъ шла параллельно съ обсужденіемъ отдѣльныхъ уставовъ Виленскаго и Дерптскаго университетовъ съ цѣлью достиженія необходимаго единства. Вся работа продолжалась свыше года. Порядокъ изданія университетскихъ уставовъ былъ слѣдующій: 4 апрѣля 1803 г.—актъ утвержденія и 18 мая 1803 г.—уставъ Виленскаго университета и училищъ его округа, 12 декабря 1802 г.—уставъ Дерптскаго университета, 5 ноября 1804 г.—утвердительныя грамоты и уставы университетовъ Московскаго, Харьковскаго и Казанскаго. Такимъ образомъ каждый университетъ получилъ отдѣльный уставъ, но такъ какъ всѣ три устава 5 ноября 1804 г. разнились между собою лишь въ нѣкоторыхъ статьяхъ, то въ нихъ и можно видѣть первый «общій» уставъ русскихъ университетовъ, съ которымъ были согласованы уставы университетовъ Виленскаго и Дерптскаго.

Первообразомъ университета, созданнаго уставомъ 1804 г., былъ, по словамъ академика Сухомлинова, университетъ, проектированный при Екатеринѣ II Комиссіею объ учрежденіи училищъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Главное Правленіе Училищъ широко пользовалось подробными свѣдѣніями объ организаціи и состояніи германскихъ университетовъ, доставленными корреспондентомъ Правленія графомъ д'Антрегомъ, и нѣкоторыми иностранными уче-

*) Онъ былъ учрежденъ 18 марта 1802 г. и состоялъ изъ сенаторовъ М. Н. Муравьева, графа Потоцкаго, профессора Баузе и дѣлопроизводителя Каразина.

ными, напримѣръ, Брандесомъ и Мейнерсомъ, извѣстнымъ своими трудами по исторіи университетовъ. Но авторитетъ этихъ ученыхъ не подавлялъ самостоятельности мнѣній членовъ Главнаго Правленія, и тѣ совѣты, которые оказались непримѣнимыми къ русской жизни, были отвергнуты. Въ результатѣ уставъ 1804 г. создалъ организацію, по общему духу и многимъ частностямъ близко сходную съ устройствомъ университетовъ протестантской Германіи [19]).

Уставъ 1804 г. надѣлилъ университеты широкой автономіей и свободой преподаванія. Первымъ условіемъ автономіи провинціальнаго университета являлось пребываніе попечителя вдали отъ него, въ С.-Петербургѣ. Пользу этой отдаленности попечительской власти доказывалъ Мейнерсъ; по его мнѣнію, живя постоянно въ университетскомъ кругу, попечитель подвергается опасности поддаться вліянію партіи или кружка и уклониться отъ начала невмѣшательства во внутреннія дѣла университета. Въ самомъ университетѣ «высшая инстанція по дѣламъ учебнымъ и по дѣламъ судебнымъ» есть совѣтъ, состоящій изъ ординарныхъ и заслуженныхъ профессоровъ подъ предсѣдательствомъ ректора. Права совѣта очень обширны: онъ избираетъ ректора, инспектора казенныхъ студентовъ, профессоровъ, почетныхъ членовъ, адъюнктовъ; назначаетъ учителей въ гимназіи и уѣздныя училища своего округа; опредѣляетъ порядокъ учебной жизни какъ университета, такъ и всѣхъ училищъ ему подвѣдомыхъ, и слѣдитъ за ихъ успѣхами посредствомъ ежегодныхъ испытаній; контролируетъ дѣятельность хозяйственныхъ учрежденій; является высшей инстанціей университетскаго суда; наконецъ, въ особыхъ ежемѣсячныхъ собраніяхъ совѣтъ выступаетъ, какъ учрежденіе ученое, гдѣ профессора и почетные члены «разсуждаютъ о сочиненіяхъ, новыхъ открытіяхъ, опытахъ, наблюденіяхъ и изслѣдованіяхъ».

Исполнительная власть ввѣряется правленію университета, состоящему изъ ректора, декановъ факультетовъ и непремѣннаго засѣдателя, назначаемаго попечителемъ изъ ординарныхъ профессоровъ.

«Ученое сословіе» университета раздѣляется на четыре отдѣленія или факультета: нравственныхъ и политическихъ наукъ; физическихъ и математическихъ наукъ; медицинскихъ наукъ; словесныхъ наукъ. Составъ каѳедръ въ факультетахъ не былъ одинаковъ во всѣхъ трехъ университетахъ. Въ уставахъ Харьковскаго и Казанскаго университетовъ нѣтъ теоріи искусствъ и археологіи, присутствіе которыхъ въ учебномъ планѣ Московскаго университета

объясняется личнымъ сочувствіемъ попечителя Муравьева и нѣкоторыхъ профессоровъ къ изученію классической древности. За то въ составъ физико-математическаго факультета Харьковскаго университета введена каѳедра военныхъ наукъ въ удовлетвореніе желаній мѣстнаго дворянства, а въ Казанскомъ университетѣ, попечитель котораго Румовскій былъ ученымъ астрономомъ, учреждена каѳедра теоретической астрономіи. Курсъ ученія проходится въ 3 года. Изученію спеціальныхъ факультетскихъ предметовъ должно предшествовать слушаніе «пріуготовительныхъ» курсовъ.

Уставъ предоставляетъ профессору при чтеніи лекцій руководиться своимъ сочиненіемъ или трудами другихъ ученыхъ, обязывая его только представлять избранную книгу на разсмотрѣніе совѣта. Профессоръ неограниченно пользуется всѣми книгами университетской библіотеки, даже признанными цензурою вредными. Уставъ рекомендуетъ профессорамъ, кромѣ лекцій, устраивать со студентами бесѣды, «въ которыхъ профессора, предлагая на изустное изъясненіе предметы, исправляли бы сужденія ихъ (студентовъ), и самый образъ выраженія и пріучали бы ихъ основательно и свободно изъяснять свои мысли». Для пользованія учебными пособіями и для спеціальныхъ занятій при университетахъ учреждаются библіотеки, кабинеты, лабораторіи, институты. Съ особеннымъ вниманіемъ уставъ останавливается на педагогическомъ институтѣ, разсадникѣ учителей для гимназій и уѣздныхъ училищъ.

И по отношенію къ учащемуся юношеству уставъ 1804 г. усвоилъ одну изъ основныхъ мыслей проекта 1787 г., которую еще ранѣе мужественно отстаивалъ Ломоносовъ: «науки называются свободными для того, что всякому оставлена свобода ихъ пріобрѣтать». Уставъ не знаетъ сословныхъ ограниченій и ставитъ одно лишь условіе для поступленія въ университетъ: «никто не можетъ быть принятъ въ университетъ студентомъ, не имѣя нужныхъ познаній для слушанія курсовъ, въ университетѣ предположенныхъ». Студенты раздѣляются на своекоштныхъ и казенныхъ, которыхъ государство готовитъ себѣ на службу, прежде всего на педагогическую и медицинскую. Кандидаты педагогическаго института, содержимые на казенномъ иждивеніи, обязуются прослужить въ вѣдомствѣ Министерства въ званіи учителей не менѣе 6 лѣтъ. Излагая общія правила студенческой дисциплины, уставъ не входитъ въ подробную регламентацію внѣшняго поведенія и нравственной жизни студентовъ. Совѣты иностранныхъ ученыхъ о

неумѣстности школьной дисциплины въ университетѣ въ данномъ случаѣ не прошли безслѣдно.

Всѣ члены университетскаго сословія подлежатъ вѣдѣнію университетскаго суда, инстанціи котораго составляютъ ректоръ, правленіе и совѣтъ, откуда дѣла переносятся уже въ Сенатъ.

Кромѣ исполненія своей прямой обязанности, научнаго образованія юношества, университетъ получилъ по уставу и другіе способы широкаго просвѣтительнаго воздѣйствія на общество. Онъ устраиваетъ ученыя общества, поощряетъ научную дѣятельность частныхъ лицъ избраніемъ ихъ въ почетные члены, возведеніемъ въ ученыя степени и наградами. Обладая правомъ цензуры не только трудовъ членовъ своего сословія, но и всѣхъ вообще, за нѣкоторыми исключеніями, книгъ, печатаемыхъ въ предѣлахъ округа, университетъ становится на стражѣ мѣстной литературной производительности. Наконецъ, какъ учебно-административный центръ, университетъ направляетъ весь ходъ учебной жизни округа; уставъ посвящаетъ особую главу устройству училищнаго комитета, состоящаго изъ профессоровъ, непосредственнаго органа университета по управленію училищами.

Права и привилегіи университетовъ и университетскаго сословія изложены были въ особыхъ утвердительныхъ грамотахъ, дарованныхъ каждому университету. По чинопроизводству ректору присвоенъ 4-й классъ, ординарнымъ профессорамъ—7-й, экстраординарнымъ профессорамъ, адъюнктамъ и докторамъ наукъ—8-й, магистрамъ—9-й, кандидатамъ—12, успѣшно окончившимъ курсъ студентамъ—14-й. Званіе заслуженнаго профессора, пріобрѣтенное 25-лѣтней службой, даетъ право на пенсію въ размѣрѣ полнаго оклада жалованья. Грамотами опредѣлены также пенсіонныя права вдовъ и дѣтей университетскихъ преподавателей [20]).

Отъ энергіи попечителей и благопріятныхъ мѣстныхъ условій зависѣло открыть новые университеты сразу во всей широтѣ ихъ организаціи. Исключеніе составилъ С.-Петербургскій университетъ; учрежденіе его должно было совершиться постепенно. Обязанность Академіи Наукъ, по регламенту 1803 г., давать высшее научное образованіе опредѣленному числу своихъ воспитанниковъ, существованіе въ столицѣ нѣсколькихъ спеціальныхъ высшихъ учебныхъ заведеній, наконецъ, финансовыя затрудненія не позволяли правительству спѣшить съ устройствомъ С.-Петербургскаго университета. Но въ одномъ отношеніи отсутствіе университета должно было неблагопріятно отражаться на учебныхъ заведеніяхъ

С.-Петербургскаго округа: не было разсадника учителей, въ которыхъ вездѣ чувствовался сильный недостатокъ. Въ удовлетвореніе этой насущной потребности еще въ 1803 г. пришлось возстановить учительскую гимназію, учрежденную при Екатеринѣ II и потомъ пришедшую въ упадокъ. Комплектъ учениковъ въ 100 человѣкъ наполнили, по установившейся традиціи, воспитанниками духовныхъ семинарій, Московскаго и Виленскаго университетовъ, Казанской гимназіи. Указъ 16 апрѣля 1804 г. преобразовалъ гимназію въ Педагогическій институтъ, какъ отдѣленіе будущаго университета, съ курсомъ наукъ гимназическихъ, преподаваемыхъ, однако, съ возможною обширностью. Послѣдующія мѣры постепенно расширили кругъ преподаванія въ институтѣ и сообщили ему нѣкоторыя функціи университета. Въ 1806 г. и 1811 г. введенъ былъ рядъ новыхъ наукъ, а въ 1811 г. учреждены публичные курсы для вольныхъ слушателей, готовящихся къ экзаменамъ на основаніи указа 6 августа 1809 г. Наконецъ, признано было возможнымъ готовить въ институтѣ не только учителей, но и профессоровъ: въ 1808 г. отправились за-границу для усовершенствованія въ наукахъ 12 студентовъ, предназначенныхъ на каѳедры будущаго университета. Въ 1811 г. графъ Разумовскій представилъ Государю проектъ учрежденія въ С.-Петербургѣ Государственнаго учительскаго института, вмѣсто университета. Въ слѣдующемъ году этотъ проектъ внесенъ былъ въ Комитетъ Министровъ, но по причинѣ тревожныхъ обстоятельствъ военнаго времени возвращенъ министру и вновь поставленъ на очередь при слѣдующемъ министрѣ князѣ А. Н. Голицынѣ [21]).

Послѣ изданія уставовъ 1804 г. важнѣйшая работа по приведенію ихъ въ дѣйствіе раздѣлилась между попечителями. Министру и Главному Правленію Училищъ предстояло теперь восполнять пробѣлы уставовъ, обнаруженные опытомъ, и устранять препятствія, которыя воздвигались мѣстными условіями. Главною заботою было замѣщеніе достойными профессорами университетскихъ каѳедръ. Поднятый графомъ Потоцкимъ вопросъ о способѣ назначенія профессоровъ до образованія университетскихъ совѣтовъ Главное Правленіе разрѣшило въ томъ смыслѣ, что на первыхъ порахъ эта важная забота должна быть предоставлена всецѣло попечителямъ, которыхъ трудно связывать какими либо инструкціями. По недостатку русскихъ ученыхъ большую часть каѳедръ пришлось замѣстить иностранцами, и только съ теченіемъ времени Министерство стало настойчиво требовать отъ университетовъ

выбора профессоровъ изъ своихъ питомцевъ, а въ 1808 г. сдѣланъ былъ первый опытъ посылки русскихъ студентовъ за-границу для приготовленія къ профессурѣ.

Не всегда гладко шло дѣло съ примѣненіемъ на практикѣ университетской автономіи, что́ прежде всего объяснялось отсутствіемъ традицій и внутренняго единства среди профессорскихъ корпорацій; иногда и попечители позволяли себѣ нарушать ее. Но всѣ отдѣльные случаи недоразумѣній и нарушеній автономіи не колебали принципіально порядковъ, введенныхъ уставами 1804 г. Было сдѣлано только одно измѣненіе въ уставахъ, по указанію опыта: въ 1809 г. постановлено избирать въ Московскомъ университетѣ ректора, по примѣру Виленскаго, черезъ 3 года; въ 1811 г. это правило распространено на Харьковскій и Казанскій университеты [22]).

Трудно было замѣстить на первыхъ порахъ профессорскія каѳедры; не меньшаго труда стоило доставить профессорамъ слушателей. Нѣсколько крупныхъ пожертвованій частныхъ лицъ на нужды университетовъ далеко не характеризовали истиннаго отношенія массы общества къ университетскому образованію. «Дворянство, стремившееся въ военную службу, предпочитало спеціальныя учебныя заведенія; для чиновниковъ заведены были особые упрощенные курсы; лица, желавшія обезпечить дѣтямъ не одну только карьеру, но и правильное воспитаніе, предпочитали частные пансіоны». Попечители, вникавшіе въ настроеніе общества, преимущественно дворянства, встрѣчали съ его стороны или равнодушіе къ высшему образованію или превратное пониманіе цѣлей послѣдняго. Чтобы привлечь слушателей въ университеты, правительство должно было прибѣгнуть къ старымъ традиціоннымъ средствамъ: служебнымъ привилегіямъ и казеннымъ стипендіямъ. Первое средство должно было дѣйствовать, главнымъ образомъ, на дворянство, второе—на бѣдняковъ-разночинцевъ. Знаменитый указъ 6 августа 1809 г. объ экзаменахъ на чины, упрекнувъ дворянство въ томъ, что оно менѣе другихъ пріемлетъ участіе въ школьномъ воспитаніи своихъ дѣтей, поставилъ его служебную карьеру въ зависимость отъ университетскихъ дипломовъ. Но инціатива этой рѣзкой мѣры, возбудившей негодованіе чиновнаго міра, принадлежала не Министерству, а М. М. Сперанскому. Въ 1806 г. даны были нѣкоторыя льготы лицамъ, поступающимъ по окончаніи университетскаго курса въ военную службу.

Но университеты должны были готовить своихъ слушателей не только къ общей гражданской службѣ, но и къ двумъ спеціальнымъ профессіямъ: медицинской и педагогической. Эта послѣдняя обязанность университетовъ имѣла важное значеніе для самого Министерства Народнаго Просвѣщенія, потому что отъ ея успѣшнаго выполненія зависѣлъ успѣхъ реформы средняго образованія. Дворянство трудно было привлечь къ этимъ спеціальнымъ отраслямъ государственной службы, и кандидатовъ для нихъ пришлось набирать изъ духовнаго сословія и разночинцевъ. Для этихъ то бѣдняковъ семинаристовъ и разночинцевъ главною приманкой было казенное содержаніе, обязывавшее, впрочемъ, къ шестилѣтней службѣ въ вѣдомствѣ Министерства. Въ 1803 г. Главное Правленіе Училищъ разрѣшило профессорамъ Московскаго университета открыть публичные курсы «по самымъ занимательнымъ наукамъ»: натуральной исторіи, опытной физикѣ, коммерческой наукѣ, исторіи европейскихъ государствъ.

Но университетскія аудиторіи пустовали не только вслѣдствіе слабаго интереса общества къ высшему образованію. Серьезныя причины открывались въ самомъ учебномъ строѣ университетовъ и гимназій. Успѣху занятій въ университетахъ много препятствовало чтеніе лекцій на иностранныхъ языкахъ выписанными изъ за-границы профессорами. Но устранить это препятствіе возможно было лишь постепенно, посредствомъ образованія русскихъ профессоровъ. Еще болѣе важное значеніе имѣла неудовлетворительность подготовки, съ которою студенты вступали въ университетъ. Насколько она могла быть слабой, свидѣтельствуетъ отзывъ Харьковскаго попечителя: «если бы университетъ сохранилъ въ строгомъ смыслѣ всѣ правила, которыми долженъ руководствоваться въ пріемѣ студентовъ, то онъ не имѣлъ бы нынѣ ни одного студента». Съ этой цѣлью обращено было особенное вниманіе на «пріуготовительные курсы», подготовлявшіе къ слушанію спеціальныхъ факультетскихъ наукъ. По представленію Харьковскаго университета, утвержденному министромъ въ 1811 г., такіе курсы должны были продолжаться 2 года. Въ Казанскомъ университетѣ въ первые годы все преподаваніе ограничивалось этими приготовительными курсами. Для чиновниковъ, готовившихся къ экзаменамъ по указу 1809 г., пришлось организовать также особые упрощенные курсы. Но сущность вопроса заключалась, конечно, не въ томъ, чтобы приспособлять университетское преподаваніе къ низкому уровню под-

готовки слушателей, но чтобы преподаваніе въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, готовящихъ къ университетамъ, поднять до надлежащей высоты [23]).

V.

Одновременно съ уставомъ университетовъ Московскаго, Казанскаго и Харьковскаго 5 ноября 1804 г. утвержденъ былъ «Уставъ учебныхъ заведеній подвѣдомыхъ университетамъ». Въ составленіи этого устава особенно дѣятельное участіе принималъ неутомимый Н. И. Фусъ. 27 сентября 1802 г. онъ представилъ Комиссіи объ училищахъ «начертаніе» тѣхъ перемѣнъ, которыя надлежало произвести въ «Уставѣ о народныхъ училищахъ» (1786 г.), сообразно съ принципами новой системы просвѣщенія. По плану Фуса установленіе системы новыхъ учебныхъ заведеній, среднихъ и низшихъ, должно было совершиться путемъ реорганизаціи уже существующихъ: прибавленіемъ новыхъ классовъ, расширеніемъ учебнаго плана и новымъ распредѣленіемъ предметовъ преподаванія. Шестнадцатилѣтнее существованіе народныхъ училищъ, по мнѣнію Фуса, подготовило реформу и обезпечивало достаточное количество образованныхъ людей, изъ которыхъ можно было выбирать учителей; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ совѣтовалъ возстановить учительскую гимназію и поторопиться съ утвержденіемъ уставовъ Академіи Наукъ и Московскаго университета, обязанныхъ съ своей стороны подготовлять достойныхъ наставниковъ. Въ засѣданіи 4 октября высказалъ свои мнѣнія Янковичъ-де-Миріево; онъ предлагалъ, между прочимъ, оставить дворянскія училища въ вѣдѣніи губернаторовъ и предводителей дворянства, подчинивъ ихъ только въ учебномъ отношеніи университетамъ, а народныя училища, городскія и сельскія, и пансіоны—въ вѣдѣніи Приказовъ общественнаго призрѣнія; считалъ нужнымъ установленіе платы за ученіе, «поелику всѣ приказы отзываются въ скудости средствъ на содержаніе училищъ»; наконецъ, совѣтовалъ въ сельскихъ школахъ «съ нравственными науками соединить и практическое упражненіе въ хозяйствѣ». Вопросъ о сельскихъ школахъ, кромѣ того, отдѣльно разрабатывался по порученію Комиссіи Ѳ. И. Клингеромъ. Перенесенное въ Главное Правленіе Училищъ обсужденіе общаго устава среднихъ

и низшихъ школъ шло параллельно съ разработкой отдѣльныхъ уставовъ училищъ Виленскаго и Дерптскаго округовъ [24]).

Уставъ 5 ноября 1804 г. представляетъ подробное развитіе общихъ началъ, начертанныхъ въ «Предварительныхъ правилахъ народнаго просвѣщенія». Главы объ административныхъ обязанностяхъ директоровъ губернскихъ гимназій и смотрителей уѣздныхъ училищъ являются прямымъ продолженіемъ постановленій университетскаго устава «объ управленіи и надзираніи училищъ» и развиваютъ до конца основную идею всей системы учебной администраціи, іерархическую зависимость отдѣльныхъ разрядовъ школъ. Подчинивъ директоровъ гимназій университетамъ, смотрителей уѣздныхъ училищъ губернскимъ директорамъ, уставъ 1804 г. закончилъ новое устройство учебной администраціи, сообщивъ ей необходимую сосредоточенность и независимость. Но ввѣривъ управленіе учебнымъ округомъ коллегіальному учрежденію, училищному комитету изъ профессоровъ, уставъ не провелъ далѣе начала коллегіальности; во главѣ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній стоитъ единоличная власть директоровъ и смотрителей. Ежемѣсячныя «педагогическія совѣтованія» учителей гимназій съ директорами отнесены къ числу «частныхъ обязанностей» учителей и не имѣютъ характера постояннаго учрежденія съ опредѣленнымъ кругомъ обязанностей и правъ.

Каждому разряду общеобразовательной школы, гимназіи, уѣздному и приходскому училищамъ, усвояются уставомъ двѣ цѣли; 1) подготовлять къ поступленію въ высшую школу, 2) давать законченное образованіе тѣмъ, кто не желаетъ продолжать его дальше. Такъ, въ гимназіяхъ преподаются «науки хотя начальныя, но полныя въ разсужденіи предметовъ ученія, тѣмъ, кои не имѣя намѣренія продолжать оныя въ университетахъ, пожелаютъ пріобрѣсть свѣдѣнія, необходимыя для благовоспитаннаго человѣка»; кромѣ того гимназіи приготовляютъ учителей для низшихъ школъ; уѣздныя училища должны «открыть дѣтямъ различнаго состоянія необходимыя познанія, сообразныя состоянію ихъ и промышленности»; цѣль приходскихъ училищъ — «доставить дѣтямъ земледѣльческаго и другихъ состояній свѣдѣнія имъ приличныя, сдѣлать ихъ въ физическихъ и нравственныхъ отношеніяхъ лучшими, дать имъ точныя понятія о явленіяхъ природы и истребить въ нихъ суевѣрія и предразсудки, дѣйствія коихъ столь вредны ихъ благополучію, здоровью и состоянію». Соотвѣтственно двоякой цѣли каждаго разряда школъ учебный планъ

располагается съ такою послѣдовательностью, что въ программѣ высшей школы уже не повторяются предметы, проходимые въ низшей. Курсъ гимназіи, распредѣленный на 4 годичные класса, при 30 недѣльныхъ часахъ въ каждомъ, обнимаетъ слѣдующіе предметы: языки латинскій, нѣмецкій, французскій, дополнительный курсъ географіи и исторіи, статистику общую и частную Россіи, философію и изящныя науки, начала политической экономіи, математику чистую и прикладную, опытную физику и естественную исторію, основанія коммерческихъ наукъ и технологіи, рисованіе. Уставъ разрѣшаетъ и увеличивать число предметовъ по мѣрѣ надобности и возможности. На каждую гимназію полагается 8 штатныхъ учителей. Учителя наукъ называются старшими, учителя языковъ—младшими; первые по службѣ состоятъ въ 9-мъ классѣ, вторые—въ 10-мъ; учитель рисованія—въ 12-мъ.

Въ уѣздномъ училищѣ ученье раздѣляется на 2 годичныхъ курса, при 28 часахъ въ недѣлю, и ведется двумя учителями; преподаются: Законъ Божій и Священная исторія, должности человѣка и гражданина, русская грамматика (въ губерніяхъ съ населеніемъ не русскимъ и мѣстный языкъ), чистописаніе, правописаніе и правила слога, всеобщая географія и начальныя правила математической географіи, географія Россіи, всеобщая и русская исторія, ариѳметика, начальныя правила физики, естественной исторіи и технологіи, «имѣющія отношеніе къ мѣстному положенію и промышленности», рисованіе. Учителя уѣзднаго училища состоятъ въ 12-мъ классѣ.

Приходское училище состоитъ изъ одного класса, который въ случаѣ большаго числа учениковъ можетъ быть раздѣленъ на 2 отдѣленія. Ученіе продолжается одинъ годъ; дѣти обучаются чтенію, письму, первымъ дѣйствіямъ ариѳметики, главнымъ началамъ Закона Божія и нравоученія, причемъ читается съ объясненіями книга «Краткое наставленіе о сельскомъ домоводствѣ».

Не ограничиваясь краткими, сухими постановленіями о составѣ и распредѣленіи учебныхъ курсовъ и пособій, о производствѣ публичныхъ испытаній, уставъ останавливается на обязанностяхъ учителей и подробно излагаетъ правила ихъ нравственнаго поведенія по отношенію къ ученикамъ и другъ къ другу. Вмѣстѣ съ тѣмъ уставъ сохранилъ въ полной силѣ руководство для учителей, изданное бывшей Комиссіей о народныхъ училищахъ. Вообще уставъ очень широко смотритъ на обязанности учителей; они—не только наставники въ наукахъ, но и воспита-

тели, заступающіе мѣсто родителей; «главный предметъ юношескаго наставленія» состоитъ въ томъ, «чтобы пріучить дѣтей къ трудолюбію, возбудить въ нихъ охоту и привязанность къ наукамъ, показать имъ путь къ наукамъ, дать почувствовать цѣну оныхъ и употребленіе и чрезъ то сдѣлать ихъ способными ко всякому званію; особливо же дать уму и сердцу ихъ надлежащее направленіе, положить въ нихъ твердыя основанія честности и благонравія, исправить и преодолѣть въ нихъ худыя склонности». Отъ этихъ «общихъ» обязанностей учителей уставъ отличаетъ «частныя», имѣющія цѣлью усовершенствованіе учителей: они должны стараться о распространеніи своихъ познаній въ наукахъ, вести записки объ успѣхахъ наукъ въ губерніи, собирать мѣстныя историческія, метеорологическія, топографическія и статистическія свѣдѣнія.

Особая глава устава посвящена частнымъ пансіонамъ, пользовавшимся въ то время довѣріемъ общества. Каждому, обладающему соотвѣтственнымъ образовательнымъ цензомъ, предоставляется заводить частный пансіонъ; разрѣшеніе на открытіе пансіона и утвержденіе его учебнаго плана зависитъ отъ университета; содержатель пансіона не стѣсняется въ выборѣ предметовъ обученія, но обязательно должны преподаваться русскій языкъ и Законъ Божій. Ближайшее наблюденіе за дѣятельностью частныхъ пансіоновъ ввѣряется директорамъ гимназій.

Во всеподданнѣйшемъ докладѣ объ утвержденіи уставовъ трехъ университетовъ и подвѣдомственныхъ имъ училищъ министръ испросилъ на содержаніе гимназій и уѣздныхъ училищъ прибавку въ 44.030 р. къ суммѣ, назначенной по росписи 17 марта 1803 г. Эта прибавка вызывалась увеличеніемъ числа учебныхъ предметовъ въ гимназіяхъ и открытіемъ новыхъ училищъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ министръ представилъ, на основаніи отзывовъ попечителей, что города и Приказы общественнаго призрѣнія отпускаютъ крайне скудныя суммы на содержаніе учебныхъ заведеній, и находилъ «единымъ и надежнымъ средствомъ прибѣгнуть къ щедротамъ Монарха, покровительствующаго наукамъ для народнаго блага, всеподданнѣйше прося повелѣть всю назначенную по штатамъ для училищъ сумму сполна отпускать отъ казны», суммы же отъ городовъ и Приказовъ общественнаго призрѣнія употреблять на издержки сверхъ штата, на строительныя и тому подобныя надобности. По размѣрамъ опредѣленнаго штатами содержанія гимназіи и уѣздныя училища дѣлились на 3 разряда: на гимназію 1-го разряда ассигновано 6.650 руб., 2-го—

6.150 руб., 3-го 5.650 руб., на уѣздное училище 1-го разряда—1.600 р., 2-го—1.410 р., 3-го—1.250 рублей [25]).

Введеніе въ дѣйствіе устава 5 ноября 1804 г. не замедлило встрѣтиться съ очень серьезными препятствіями: недостаткомъ педагогическаго персонала, скудостью матеріальныхъ средствъ, недовѣріемъ общества къ новой системѣ просвѣщенія. На устраненіе этихъ препятствій направлены были мѣропріятія Министерства послѣ 1804 г.

Преобразованіе старыхъ училищъ и открытіе новыхъ должно было совершаться подъ ближайшимъ руководствомъ директоровъ гимназій и смотрителей уѣздныхъ училищъ; но составъ тѣхъ и другихъ въ началѣ реформы совершенно не соотвѣтствовалъ важности возлагаемой на нихъ задачи: директорами назначались отставные, необразованные офицеры; смотрителями малыхъ училищъ, опредѣленными Приказами общественнаго призрѣнія, оказывались невѣжественные купцы и мѣщане. Поэтому Министерство обратило въ 1803—1808 годахъ серьезное вниманіе на замѣщеніе отвѣтственныхъ и особенно важныхъ въ періодъ реформы должностей директоровъ и смотрителей достойными людьми, преимущественно заслуженными педагогами, на упроченіе ихъ служебнаго положенія и на точное выясненіе педагогическихъ и административно-хозяйственныхъ обязанностей [26]).

Еще болѣе серьезнымъ препятствіемъ успѣшному проведенію реформы былъ крайній недостатокъ въ учителяхъ. Матеріальная необезпеченность и низкое соціальное положеніе учителя отвращали учащуюся молодежь отъ педагогической карьеры. Педагогическій трудъ менѣе, чѣмъ какой либо другой, встрѣчалъ сочувствіе со стороны сословныхъ традицій общества. Дворянство еще не освободилось отъ вѣковыхъ предразсудковъ противъ гражданской службы, и въ его глазахъ педагогическая профессія была менѣе другихъ совмѣстна съ дворянскимъ достоинствомъ. Лицамъ изъ податныхъ сословій само правительство сначала ставило нѣкоторыя препятствія, не желая выпускать ихъ безъ особенной нужды изъ оклада. Но въ 1812 г. разрѣшеніе принимать на службу въ канцелярію Сената и въ департаменты Министерствъ лицъ изъ податныхъ состояній распространено было на учебную службу: дозволено вступать въ нее, съ исключеніемъ изъ окладовъ, вольноотпущеннымъ и уволеннымъ мѣщанскими и купеческими обществами лицамъ, «отличившимся талантами и знаніемъ наукъ или изящныхъ искусствъ». Оставалось одно духовенство, единственное

сословіе, съ призваніемъ и традиціями котораго педагогическая дѣятельность находилась въ полномъ согласіи. Въ 1815 г. позволено было принимать на учебную службу лицъ, уволенныхъ изъ духовнаго званія, безъ предварительнаго представленія о нихъ Сенату. Въ томъ же году Комитетъ Министровъ разрѣшилъ содержать при гимназіяхъ изъ свободныхъ капиталовъ особыхъ стипендіатовъ для приготовленія учителей уѣздныхъ и приходскихъ училищъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Министерство старалось обезпечить по возможности матеріальное положеніе учителей. Въ 1805 г. издано, въ исполненіе 23-й статьи «Предварительныхъ правилъ», постановленіе о пенсіяхъ учителямъ и ихъ семействамъ. Пенсіонный капиталъ составляется изъ ежегодно въ теченіе 20 лѣтъ отпускаемой казною суммы въ 30.000 рублей, а на составленіе капитала для единовременныхъ выдачъ тѣмъ же порядкомъ отпускается 20.000 рублей. Въ 1809 г. дома учителей гимназій и уѣздныхъ училищъ были освобождены отъ постоя [27]).

Въ связи съ вопросомъ о недостаткѣ учителей поднимался другой, о недостаточности вообще матеріальныхъ средствъ, которыми располагало Министерство для проведенія учебной реформы. Назначеніе отъ казны въ 1803 г. штатнаго содержанія гимназіямъ и уѣзднымъ училищамъ было шагомъ къ полному освобожденію городскихъ управленій и обществъ отъ прежнихъ расходовъ на народное образованіе. Дѣйствительно, Приказы общественнаго призрѣнія и городскія общества постепенно стали отказываться отъ уплаты дополнительныхъ суммъ на содержаніе училищъ, ссылаясь на недостатокъ своихъ средствъ. Это и побудило Министерство, по инициативѣ Харьковскаго попечителя графа Потоцкаго, испросить Высочайшую милость: штатныя суммы на содержаніе гимназій и уѣздныхъ училищъ отпускать полностью изъ казны. Съ теченіемъ времени пришлось назначать для нѣкоторыхъ мѣстностей увеличенные штаты; въ 1805 г. были возвышены штаты гимназій и уѣздныхъ училищъ С.-Петербургской губерніи, а въ 1810 г.— Московской. Оставался еще одинъ источникъ увеличенія матеріальныхъ средствъ учебныхъ заведеній—частная благотворительность. Постановленіе 1816 г. о порядкѣ наградъ благотворителямъ, изданное въ дополненіе и развитіе 48-й статьи «Предварительныхъ правилъ», откровенно объяснило, какія серьезныя надежды возлагало правительство на «пожертвованія благомыслящихъ особъ въ пользу народнаго просвѣщенія». Съ цѣлью заинтересовать провинціальное общество, особенно дворянское, успѣхами народнаго

образованія, была учреждена въ 1811 г. должность почетныхъ смотрителей уѣздныхъ училищъ изъ мѣстныхъ помѣщиковъ, «наиболѣе благорасположенныхъ къ наукамъ и могущихъ по достатку и щедрости своей споспѣшествовать выгодамъ училищъ» [28]).

Не такъ скоро, какъ недостатки и пробѣлы внѣшней организаціи школъ, могли обнаружиться слабыя стороны новыхъ учебныхъ плановъ. Но съ первыхъ же поръ стало ясно, что новыя школы мало удовлетворяютъ потребностямъ тѣхъ классовъ общества, для которыхъ онѣ предназначались. Донесенія попечителей, профессоровъ-визитаторовъ, директоровъ гимназій единодушно отмѣчали, какъ повсемѣстный фактъ, слишкомъ малое число учащихся въ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ, и объясняли это печальное явленіе слабостью образовательныхъ стремленій общества. Но сознавалась и другая, не менѣе важная причина, коренившаяся въ учебныхъ планахъ средней школы. Опытъ удостовѣрялъ, что гимназія съ трудомъ достигала своей первой цѣли— «готовить учащихся къ слушанію академическихъ или университетскихъ курсовъ наукъ». Она не удовлетворяла также и тѣхъ, кто не желалъ продолжать образованія въ университетѣ. Богатые дворяне вообще старались избѣгать общесословной школы, предпочитая домашнихъ учителей и частные пансіоны; бѣдные чиновники, купцы и мѣщане, желавшіе поскорѣе пристроить своихъ дѣтей на службу или къ дѣламъ, не доводили ихъ до старшихъ классовъ гимназій; оканчивали полный курсъ лишь немногіе, «развѣ по особливой къ наукамъ склонности»; для большинства многопредметная программа гимназій казалась излишней роскошью. Всѣми этими недостатками, ярко выступившими уже въ первые годы дѣйствія устава 1804 г., была вызвана реформа, предложенная С.-Петербургскимъ попечителемъ С. С. Уваровымъ. 7 ноября 1811 г. министръ утвердилъ проектъ новаго учебнаго плана гимназій; науки философскія и политико-экономическія изъ него совсѣмъ исключались, усиливалось преподаваніе Закона Божія и русскаго языка, но особенное вниманіе обращалось на преподаваніе древнихъ языковъ, признанныхъ «однимъ изъ главныхъ способовъ образованія»: латинскому языку отводилось 32 часа, начиная съ 3-го класса, греческому—6 часовъ въ двухъ старшихъ классахъ. Новая программа была введена сначала, въ видѣ опыта, въ одну петербургскую гимназію [29]).

Но предложенная Уваровымъ реформа не устраняла еще одной причины несочувствія общества къ новой школѣ. Творцы

устава, создавая школу, общую для всѣхъ сословій и всѣхъ мѣстностей, предполагали такое единство образовательныхъ потребностей общества, какого въ дѣйствительности не существовало. Оказалось необходимымъ сообщить извѣстную гибкость общимъ типамъ школы, приспособляя ихъ къ сословнымъ и мѣстнымъ потребностямъ. Дворянству сдѣлана была уступка постепеннымъ открытіемъ при нѣкоторыхъ гимназіяхъ «благородныхъ пансіоновъ». Одни изъ нихъ были только воспитательными заведеніями, питомцы которыхъ проходили научные предметы въ гимназіи; въ другихъ, въ дополненіе къ гимназическому курсу, преподавались еще предметы, особенно цѣнимые дворянами: военныя науки и «пріятныя искусства»; третьи, наконецъ, по примѣру Московскаго университетскаго благороднаго пансіона, дѣлались совершенно самостоятельными учебно-воспитательными заведеніями, съ гимназическимъ курсомъ, дополненнымъ нѣкоторыми науками и искусствами, между прочимъ тѣми, которыя нужны были для экзамена по указу 6 августа 1809 г. [30]). Иначе удовлетворены были потребности купечества и мѣщанства, искавшихъ прежде всего подготовки къ практической дѣятельности. Въ наказахъ визитаторамъ, посылаемымъ университетами для обозрѣнія училищъ, предписывалось «разсматривать народныя въ разныхъ мѣстахъ упражненія и родъ промышленности, дабы къ усовершенствованію ихъ можно было наклонять и принаравливать самое ученье тамошнихъ школъ». Эта цѣль достигалась открытіемъ при гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ особыхъ классовъ для преподаванія наукъ, имѣющихъ близкое отношеніе къ мѣстной торговлѣ и промышленности. Такъ были учреждены: при смоленской гимназіи въ 1804 г.—классы коммерческихъ наукъ, при херсонской гимназіи въ 1814 г.—мореходный классъ, при ревельскомъ уѣздномъ училищѣ въ 1815 г.—коммерческій классъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ этимъ специальнымъ курсамъ давалось такое развитіе, въ ущербъ общимъ предметамъ гимназическаго курса, что общеобразовательная гимназія или уѣздное училище превращались въ спеціальную школу: такъ возникли коммерческія гимназіи въ Одессѣ, Таганрогѣ, водоходное училище въ Ригѣ [31]). Другаго рода дополнительные спеціальные курсы открывались въ учебныхъ заведеніяхъ мѣстностей съ многочисленнымъ инородческимъ населеніемъ. Такъ, въ училищахъ Казанскаго округа еще до реформы существовали классы татарскаго языка и при иркутскомъ училищѣ съ 1792 г.—классъ японскаго языка. Въ 1806 г.

Казанскій попечитель предлагалъ сосредоточить при казанской гимназіи преподаваніе восточныхъ языковъ: арабскаго, турецкаго. японскаго, китайскаго, манчжурскаго, персидскаго, грузинскаго и армянскаго. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ Министерство допустило устройство особыхъ училищъ для мѣстнаго инородческаго населенія. Такъ, въ Астрахани въ 1804 г. учреждено армянское училищѣ на средства купца Агабобова, въ Нѣжинѣ въ 1811 г.— греческое училище на пожертвованіе мѣстнаго греческаго общества, въ Москвѣ въ 1815 г.—Лазаревское училище для воспитанія дѣтей армянскаго происхожденія. Высочайше утвержденное 9 декабря 1804 г. Положеніе для евреевъ предоставило имъ право воспитывать своихъ дѣтей, безъ всякаго различія отъ другихъ національностей, во всѣхъ общихъ россійскихъ училищахъ, гимназіяхъ и и университетахъ съ правомъ пріобрѣтать ученыя степени. Но вмѣстѣ съ тѣмъ евреи сохранили право учреждать на свой счетъ свои особенныя училища съ разрѣшенія правительства [32]).

Преобразованіе старыхъ учебныхъ заведеній въ гимназіи и уѣздныя училища совершалось постепенно и медленно. Оно далеко еще не было закончено въ 1808 г., къ которому относится слѣдующая таблица [33]).

Учебные округа.	Число губернскихъ городовъ.	Число гимназій.	Число учениковъ.	Число уѣздныхъ городовъ.	Число уѣздныхъ училищъ.	Число учениковъ.
С.-Петербургскій	5	3	294	43	5	1.066
Московскій	10	10	447	116	44	2.356
Виленскій	8	6	1.305	89	54	7.422
Харьковскій	11	8	477	109	18	1.747
Казанскій	13	5	315	129	5	248
	47	32	2.838	486	126	12.839

Зависимость низшихъ училищъ отъ высшихъ, какъ отъ административныхъ центровъ и разсадниковъ учителей, заставила Министерство начать учебную реформу съ учрежденія университетовъ и среднихъ школъ; устройство низшихъ, приходскихъ

училищъ являлось заключительнымъ актомъ всей реформы. Совершенно вѣрно оцѣнилъ эту послѣдовательность Шторхъ: «что сначала были учреждены высшія учебныя заведенія, можетъ удивлять лишь людей, незнакомыхъ съ положеніемъ дѣла. Для цѣлесообразнаго устройства низшихъ учебныхъ заведеній сперва должны были существовать университеты; ибо какимъ инымъ путемъ Главное Правленіе Училищъ могло бы ознакомиться съ мѣстными обстоятельствами разнородныхъ частей Имперіи, на которыя при устройствѣ школъ слѣдовало обратить вниманіе, и кому другому оно могло бы поручить исполненіе своихъ начертаній?» Но, сосредоточивъ особенное вниманіе и заботы Министерства на высшихъ и среднихъ школахъ, Главное Правленіе Училищъ не довело до конца реформы начальнаго народнаго образованія. Предварительныя правила народнаго просвѣщенія и уставъ 1804 г. надолго поставили дѣло начальнаго образованія въ неблагопріятныя условія тѣмъ, что не обезпечили ему необходимыхъ матеріальныхъ средствъ и просвѣщенной энергической иниціативы, ввѣривъ его «благонамѣренной попечительности» помѣстнаго дворянства, сельскаго духовенства и самыхъ сельскихъ обществъ. Вотъ какъ описываетъ положеніе сельскихъ школъ С.-Петербургскаго учебнаго округа его историкъ, А. С. Вороновъ: «въ устройствѣ хозяйственной части сельскихъ училищъ (по уставу 1804 г.) заключались, между прочимъ, и препятствія къ распространенію ихъ въ такой степени, въ какой можно было ожидать того. Жители казенныхъ селеній не чувствовали еще особенной потребности къ ученію, не охотно соглашались на заведеніе училищъ, которыя должны были содержаться на ихъ счетъ; помѣщики съ своей стороны также весьма не многіе заботились объ этомъ. Одно только духовенство, поощряемое училищнымъ начальствомъ, старалось заводить сельскія школы, жертвуя въ пользу ихъ трудомъ и нерѣдко имуществомъ своимъ; многія сельскія училища содержались вполнѣ на счетъ мѣстнаго духовенства, пользуясь отъ него помѣщеніемъ, освѣщеніемъ и отопленіемъ. Были еще случаи, впрочемъ рѣдкіе, что сельскія училища возникали на счетъ пожертвованій частныхъ лицъ. Но вообще всѣ сельскія училища не имѣли прочнаго существованія и большею частію закрывались въ скоромъ времени послѣ открытія» [34]). Эту характеристику положенія сельскаго начальнаго образованія въ С.-Петербургскомъ учебномъ округѣ можно, безъ сомнѣнія, распространить и на другіе учебные округа.

Возложивъ заботы объ устройствѣ и содержаніи начальныхъ народныхъ школъ на сельскую интеллигенцію, помѣщиковъ и духовенство, Главное Правленіе Училищъ послѣ изданія устава 1804 г. не принимало никакихъ общихъ мѣръ для скорѣйшаго осуществленія системы начальнаго образованія, начертанной уставомъ 1804 г., и ограничивалось обсужденіемъ разныхъ частныхъ вопросовъ. Въ 1805 г. разсматривалось предложеніе директора училищъ Олонецкой губерніи о предоставленіи сельскимъ обществамъ рубки лѣса въ казенныхъ дачахъ безъ платы попенныхъ денегъ, какъ «единственномъ способѣ къ успѣшнѣйшему учрежденію приходскихъ училищъ». Въ 1807 г. обсуждался интересный вопросъ, возникшій въ Харьковскомъ округѣ: могутъ ли крѣпостные люди быть учителями въ сельскихъ училищахъ? Попечитель одобрилъ мнѣніе директора училищъ, выразившаго опасеніе, чтобы «при низкомъ мнѣніи къ сему состоянію (крѣпостному) не произвести купно презрѣнія къ публичному учительскому званію». Главное Правленіе постановило, «что помѣщики могутъ употреблять способныхъ крѣпостныхъ людей своихъ для обученія юношества въ приходскихъ училищахъ, но таковаго состоянія учители не должны по общимъ узаконеніямъ почитаться въ дѣйствительной государственной службѣ, ниже пользоваться правами и преимуществами съ оною соединенными». Въ 1816 г., по представленію Казанскаго университета, разрѣшены были нѣкоторыя недоумѣнія о чинопроизводствѣ приходскихъ учителей [35]).

При равнодушіи массы помѣщиковъ и свободнаго сельскаго населенія къ образованію, при полномъ отсутствіи спеціально подготовленныхъ свѣтскихъ народныхъ учителей, одно сельское духовенство могло съ нѣкоторымъ успѣхомъ вести дѣло начальнаго народнаго образованія. Но на этомъ поприщѣ духовенство должно было подчиняться руководительству не только Министерства Народнаго Просвѣщенія, но и своего собственнаго центральнаго вѣдомства, Святѣйшаго Синода. Призванный указомъ 24 января 1803 г. къ «содѣйствію благоуспѣшному теченію» народнаго просвѣщенія, Синодъ препроводилъ 12 сентября 1804 г. составленное имъ Положеніе объ участіи священно- и церковно-служителей въ устроеніи сельскихъ приходскихъ училищъ на разсмотрѣніе министра графа Завадовскаго и Главнаго Правленія Училищъ, которые признали это Положеніе «на первый случай достаточнымъ». Правительствующій Сенатъ, соглашаясь съ заключеніемъ Министерства, съ своей стороны далъ предписаніе всѣмъ начальникамъ

губерній и губернскимъ правленіямъ о содѣйствіи духовному начальству въ заведеніи сельскихъ школъ.

Составленное Синодомъ Положеніе восполнило до извѣстной степени весьма важный пробѣлъ, допущенный Министерствомъ; оно представило рядъ мѣръ, которыми надлежало привести въ дѣйствіе постановленія устава 1804 г. о сельскихъ приходскихъ школахъ. Не считая возможнымъ возложить всю тяжесть преподаванія въ сельскихъ школахъ на мѣстныхъ священниковъ, обремененныхъ не только своими прямыми пастырскими обязанностями, но и хозяйственнымъ, земледѣльческимъ трудомъ, Синодъ предписываетъ вести ученье въ школахъ дьяконамъ и причетникамъ, обучавшимся въ семинаріяхъ; училища открываются въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ имѣются подобные дьяконы и причетники, въ противномъ случаѣ архіереямъ вмѣняется въ обязанность опредѣлять на діаконскія и причетническія мѣста лицъ, способныхъ къ преподаванію; училища помѣщаются въ особыхъ домахъ «отъ свѣтскаго правительства»; обученіе производится по книгамъ, изданнымъ правительствомъ, при чемъ духовенство не принимаетъ на себя никакихъ расходовъ по пріобрѣтенію этихъ книгъ и пособій; въ мѣстностяхъ инородческихъ ученье ведется на мѣстномъ нарѣчіи, «доколѣ всѣ прихожане, отъ мала до велика, разумѣть будутъ совершенно россійскій языкъ»; вмѣстѣ съ учениками въ школахъ должны подготовляться къ учительской должности и неученые причетники; при перемѣщеніи діаконовъ и причетниковъ и опредѣленіи на службу семинаристовъ, епархіальные архіереи должны принимать во вниманіе нужды школъ. Соглашаясь на эти, предложенныя Св. Синодомъ, мѣры, Главное Правленіе Училищъ въ сущности возлагало главную тяжесть заботы объ учрежденіи приходскихъ училищъ на духовное вѣдомство, оставляя за органами Министерства лишь внѣшній надзоръ за ними. Такимъ образомъ руководительство дѣломъ начальнаго народнаго образованія съ учрежденіемъ Министерства Народнаго Просвѣщенія все еще не получило полнаго единства и сосредоточенности [36]).

VI.

Университетъ, гимназія, уѣздное и приходское училища по уставамъ 1804 г. являлись основными типами общеобразовательныхъ школъ—высшей, средней и низшей. Одновременно началъ

вырабатываться новый типъ школы, «гимназіи высшихъ наукъ» или «лицея», учебнаго заведенія, соединявшаго курсы университетскій и гимназическій. Въ 1803 г. П. П. Демидовъ, жертвуя 3578 душъ и 100 тыс. рублей въ пользу ярославской гимназіи, просилъ «возвысить ее въ такое училище, которое бы имѣло одинаковую степень съ университетомъ и всѣ преимущества онаго, заведя въ немъ классъ наукъ университетскихъ». Во исполненіе этой просьбы 28 января 1805 г. былъ Высочайше утвержденъ уставъ Ярославскаго высшихъ наукъ училища; оно должно было занимать «первую степень непосредственно послѣ центральныхъ университетовъ, въ Имперіи существующихъ»; предметами преподаванія назначались словесность древнихъ языковъ и россійское краснорѣчіе, философія, право естественное и народное, математика, естественная исторія, химія и технологія, политическая исторія, политическая экономія и наука о финансахъ. Во главѣ училища стоятъ проректоръ и совѣтъ профессоровъ, которымъ предоставляются права профессоровъ университета; студентамъ, успѣшно окончившимъ курсъ, дано право поступать на службу 14-мъ классомъ. Другимъ подобнымъ училищемъ явился Царскосельскій лицей, въ правахъ и преимуществахъ совершенно уравненный съ университетами. По уставу 12 августа 1810 г. онъ имѣлъ цѣлью «образованіе юношества, особенно предназначеннаго къ важнымъ частямъ службы государственной»; кругъ преподаванія дѣлился на 2 курса, «начальный» и «окончательный», по три годичныхъ класса въ каждомъ; въ трехъ младшихъ классахъ преподаются гимназическія науки, кромѣ политической экономіи, статистики, коммерческихъ наукъ, технологіи; за то введенъ особый курсъ «изящныхъ наукъ и гимнастическихъ упражненій». Курсъ трехъ старшихъ классовъ обнимаетъ основныя науки трехъ университетскихъ факультетовъ: нравственно-политическаго, физико-математическаго и словеснаго. Въ 1813 г. учрежденъ былъ при лицеѣ благородный пансіонъ съ особымъ учебнымъ курсомъ; онъ долженъ былъ: 1) служить разсадникомъ учениковъ для лицея и 2) «доставить новый способъ дворянству для приличнаго званію сему воспитанія». Курсъ ученія въ пансіонѣ разсчитанъ на 9 лѣтъ и раздѣленъ на три класса; въ младшій трехгодичный курсъ принимаются дѣти безъ всякой подготовки; два слѣдующіе класса, тоже трехгодичные, соотвѣтствуютъ гимназическому и университетскому курсамъ самого лицея. Въ учебномъ планѣ пансіона полнѣе представлены науки, необходимыя для служебной карьеры дворянина, юридическія и воен-

ныя; въ служебныхъ правахъ воспитанники пансіона уравнены съ лицеистами; управленіе пансіономъ подчинено общему надзору лицейскаго начальства. Въ 1805 г. обратился къ Государю графъ И. Безбородко съ просьбою объ учрежденіи въ Нѣжинѣ «гимназіи высшихъ наукъ» для неимущихъ дворянъ и молодыхъ людей другихъ состояній на средства, завѣщанныя его братомъ, княземъ Безбородко. Эта просьба была исполнена уже при князѣ А. Н. Голицынѣ.

Въ правительственныхъ сферахъ въ эту эпоху находила себѣ сторонниковъ мысль, что лицеи являются болѣе подходящимъ для Россіи типомъ учебныхъ заведеній, чѣмъ университеты. Вотъ что писалъ В. П. Кочубей М. М. Сперанскому по поводу намѣренія дюка де-Ришелье основать въ Одессѣ лицей: «не университеты нужны намъ, когда некому въ нихъ и учиться, а особливо университеты на нѣмецкую стать, но училища первыя и вторыя.... Система лицеевъ есть самая лучшая, какую для Россіи принять можно» [37]).

Состоятельные классы общества, особенно дворянство, неудовлетворенные государственными общеобразовательными школами, охотно отдавали своихъ дѣтей въ частные пансіоны, программы которыхъ сообразовались съ образовательными потребностями общества. Предварительныя правила народнаго просвѣщенія и уставы университетовъ и гимназій 1804 г., подчиняя частныя школы и пансіоны контролю общаго учебнаго начальства, ничѣмъ не стѣсняли ихъ развитія. Поэтому частные пансіоны, содержимые по большей части иностранцами, стали успѣшно конкуррировать съ гимназіями и уѣздными училищами. Но недостатокъ хорошаго педагогическаго персонала, тормозившій успѣхъ государственныхъ школъ, крайне вредно отражался также на частномъ обученіи и домашнемъ воспитаніи. Первой заботой правительства въ этомъ дѣлѣ было огражденіе класса содержателей частныхъ школъ и домашнихъ наставниковъ отъ негодныхъ элементовъ. При графѣ Разумовскомъ, наканунѣ Отечественной войны, подъ вліяніемъ возбужденія въ обществѣ національнаго чувства, Министерство поднимаетъ вопросъ о вредѣ иностранныхъ воспитателей и принимаетъ ограничительныя мѣры противъ частныхъ пансіоновъ. Въ 1811 г., въ особомъ докладѣ Государю, министръ писалъ: «въ отечествѣ нашемъ далеко простерло корни свои воспитаніе, иноземцами сообщаемое. Дворянство, подпора государства, возрастаетъ нерѣдко подъ надзоромъ людей, одною собственною корыстью занятыхъ,

презирающихъ все не иностранное, не имѣющихъ ни чистыхъ правилъ нравственности, ни познаній. Слѣдуя дворянству, и другія состоянія готовятъ медленную пагубу обществу воспитаніемъ дѣтей своихъ въ рукахъ иностранцевъ... Всѣ почти пансіоны въ Имперіи содержатся иностранцами, которые весьма рѣдко бываютъ съ качествами, для званія сего потребными. Не зная нашего языка и гнушаясь онымъ, не имѣя привязанности къ странѣ, для нихъ чуждой, они юнымъ россіянамъ внушаютъ презрѣніе къ языку нашему и охлаждаютъ сердца ихъ ко всему домашнему, и въ нѣдрахъ Россіи изъ россіянъ образуютъ иностранца». Министръ предлагалъ усилить надзоръ за содержателями пансіоновъ, требовать отъ нихъ и отъ учителей знанія русскаго языка и преподаванія на немъ всѣхъ наукъ, обложить пансіоны 5% сборомъ съ платы за учениковъ и получаемую сумму обратить на устройство особыхъ училищъ для дѣтей бѣдныхъ дворянъ и лицъ, оказавшихъ отечеству важныя услуги. 25 мая Государь утвердилъ эти предположенія. Въ слѣдующемъ году министръ поднялъ вопросъ о домашнихъ наставникахъ-иностранцахъ и предложилъ возстановить указъ 1757 г. объ экзаменахъ для пріѣзжихъ иностранцевъ. Комитетъ Министровъ нашелъ эту мѣру стѣснительною какъ для учителей, такъ и для родителей, которые, «выписывая изъ за-границы учителей, ввѣряютъ имъ для воспитанія дѣтей своихъ, предпочитая нравственное ихъ образованіе ученію языкамъ и наукамъ, а потому и не имѣютъ надобности въ означенныхъ аттестатахъ». Но Государь согласился съ объясненіями министра и 19 января 1812 г. утвердилъ его мнѣніе. Высочайшее повелѣніе 20 декабря положило конецъ педагогической дѣятельности іезуитовъ среди столичнаго общества. Покровительство графа Разумовскаго не спасло ихъ. Всѣ іезуиты были высланы изъ С.-Петербурга и іезуитское училище закрыто. Но помимо невѣжественныхъ иностранцевъ среди домашнихъ наставниковъ было много другихъ сомнительныхъ элементовъ. Въ Сибири въ роли домашнихъ наставниковъ часто выступали ссыльные, потому что, по объясненію мѣстныхъ властей, казенныя училища находились въ дурномъ состояніи. По донесенію директора тобольской гимназіи нѣкоторые ссыльные старались узаконить свою педагогическую практику и являлись въ гимназію за оффиціальными дозволеніями и аттестатами. Министръ въ 1813 г. воспретилъ выдачу имъ дозволеній и аттестатовъ на томъ основаніи, что «людямъ, за порочность въ Сибирь сосланнымъ, не должно ввѣрять обученіе дѣтей» [38]).

Насажденіе общаго образованія было первой и важнѣйшей задачей Министерства. Манифесты и указы 1802-го и 1810—11 годовъ исключили изъ его вѣдомства: училища, предоставленныя попеченію Императрицы Маріи Ѳеодоровны; духовныя академіи и училища православнаго исповѣданія, училища военныя и всѣ тѣ, «кои особенно учреждены для образованія юношества къ отдѣльной какой либо части управленія», напримѣръ, Горный корпусъ. Такимъ образомъ, задачи специальнаго образованія возложены были на подлежащія вѣдомства, обязанныя, однако, сохранять съ Министерствомъ Просвѣщенія «въ дѣлахъ общихъ нужную связь и сношеніе». Тѣмъ не менѣе, постепенно въ вѣдѣніи Министерства сосредоточилась группа самыхъ разнообразныхъ по происхожденію и задачамъ специальныхъ учебныхъ и воспитательныхъ заведеній: учебныя заведенія и учрежденія по медицинскому образованію и управленію, съ Медико-Хирургической академіей во главѣ; нѣсколько коммерческихъ, техническихъ, художественныхъ школъ; нѣкоторыя человѣколюбивыя учрежденія, какъ напримѣръ, Институтъ слѣпыхъ въ С.-Петербургѣ, Институтъ глухонѣмыхъ графа Ильинскаго въ с. Романовѣ Волынской губерніи. По отношенію къ пестрой группѣ всѣхъ этихъ учрежденій Министерство ограничивалось лишь внѣшнимъ наблюденіемъ. Поглощенное заботами о системѣ общаго образованія, оно не предпринимало широкихъ и систематическихъ мѣръ къ развитію какой либо отрасли образованія специальнаго. Только подготовка медицинскаго персонала особенно озабочивала Министерство, потому что государство нуждалось въ медикахъ не менѣе, чѣмъ въ учителяхъ.

Изъ всѣхъ разрядовъ специальныхъ учебныхъ заведеній, подчиненныхъ другимъ вѣдомствамъ, Министерство было прямо заинтересовано въ устройствѣ военныхъ училищъ, потому что сущность этого вопроса, какъ онъ былъ поставленъ въ Неоффиціальномъ Комитетѣ, заключалась въ томъ, чтобы опредѣлить отношеніе общаго образованія къ специальному военному. Проектъ князя Зубова объ устройствѣ военныхъ училищъ, на которыя дворянство разныхъ губерній жертвовало значительныя суммы, страдалъ, по замѣчанію графа Строганова, крайнею ограниченностью общаго научнаго образованія въ корпусахъ. Между тѣмъ члены Неоффиціальнаго Комитета въ запискѣ, составленной Новосильцовымъ, желали дать общему образованію возможно широкое развитіе и съ этой цѣлью предполагали присоединить военныя школы для научнаго образованія къ губернскимъ гимназіямъ. Въ концѣ концовъ

имъ удалось склонить на свою сторону Государя, находившаго сначала страннымъ обученіе кадетъ въ гимназіяхъ. Но Государь никакъ не соглашался съ тѣмъ, чтобы выпускать молодыхъ людей офицерами прямо изъ гимназій, и находилъ нужнымъ довершать образованіе кадетъ въ С.-Петербургѣ, въ высшихъ военныхъ училищахъ. Наконецъ, Государь принялъ предложеніе назначить особую Комиссію для обсужденія вопроса о корпусахъ. Рескриптомъ 9 октября 1803 г. была образована, подъ предсѣдательствомъ министра графа Завадовскаго, Комиссія для выработки плана учрежденія военныхъ училищъ или корпусовъ; въ составъ ея вошли князь Чарторыйскій, Н. Н. Новосильцовъ, Ѳ. И. Клингеръ, графъ Зубовъ, инженеръ-генералъ фонъ Сухтеленъ, вице-адмиралъ Чичаговъ и генералъ-маіоръ Бегичевъ 1-й. Въ занятіяхъ Комиссіи пожелалъ принять участіе и Великій Князь Константинъ Павловичъ «что, по словамъ графа Строганова, не понравилось членамъ, не знавшимъ, какой оборотъ примутъ совѣщанія въ его присутствіи». Рескриптъ предполагалъ сосредоточить въ корпусахъ лишь военное обученіе и воспитаніе для трехъ тысячъ дворянскихъ дѣтей, общеобразовательнымъ же наукамъ и языкамъ обучать ихъ въ гражданскихъ гимназіяхъ. Руководясь этой инструкціей, Комиссія выработала планъ военнаго воспитанія, Высочайше утвержденный 21 марта 1805 г. Въ 10 губернскихъ городахъ учреждаются военныя училища для военнаго воспитанія 3.000 дворянъ. Начальное общее образованіе воспитанники получаютъ въ особыхъ училищахъ съ двугодичнымъ курсомъ, устроенныхъ при корпусахъ, и затѣмъ поступаютъ на 5 лѣтъ въ губернскія гимназіи, гдѣ взамѣнъ латинскаго языка проходятъ начальный курсъ фортификаціи; по окончаніи курса гимназій и губернскихъ военныхъ училищъ воспитанники переходятъ для спеціальнаго военнаго образованія въ «вышніе кадетскіе корпуса», первый и второй, въ С.-Петербургѣ, а неспособные къ военной службѣ—въ университеты. Высочайшимъ рескриптомъ 29 марта 1805 г. на имя Великаго Князя Константина Павловича былъ учрежденъ, подъ его предсѣдательствомъ, Непремѣнный Совѣтъ для устроенія и главнаго управленія военно-учебныхъ заведеній. Въ составъ его вошелъ министръ Народнаго Просвѣщенія графъ Завадовскій [39]).

VII.

Учебная реформа 1803—1804 годовъ создала систему просвѣщенія на основахъ, общихъ для всего населенія Имперіи, безъ различія національностей, вѣроисповѣданій и сословій. Но единство и стройность системы не могли быть строго выдержаны на практикѣ. Разнообразныя мѣстныя условія вносили болѣе или менѣе важныя видоизмѣненія въ самые типы школъ и ихъ учебные планы. Дѣйствіе этихъ условій должно было сказываться особенно сильно на окраинахъ государства, гдѣ преобладало иноплеменное населеніе, съ оригинальнымъ складомъ соціальнаго быта и культуры, или гдѣ высшіе руководящіе классы были иноплеменнаго происхожденія. Такими окраинами были западныя и юго-западныя области и прибалтійскій край, вошедшіе въ составъ учебныхъ округовъ Виленскаго и Дерптскаго, въ которыхъ дѣйствовали особые уставы учебныхъ заведеній.

Вопросомъ великаго политическаго значенія было устройство учебнаго дѣла въ западномъ и юго-западномъ краѣ, въ областяхъ, возвращенныхъ отъ Польши при Екатеринѣ II. Въ глазахъ руководящихъ дѣятелей польской интеллигенціи западно-русскія области оставались польскими провинціями; народное просвѣщеніе въ духѣ польской государственной идеи признавалось могущественнымъ факторомъ возрожденія Польши. Обстоятельства первыхъ лѣтъ царствованія Александра Павловича сложились необыкновенно благопріятно для плановъ польскихъ патріотовъ. Руководителемъ учебнаго дѣла въ западныхъ губерніяхъ, соединенныхъ въ обширный Виленскій учебный округъ, сталъ горячій патріотъ, князь Адамъ Чарторыйскій, пользовавшійся громаднымъ вліяніемъ на молодого Государя, и полнымъ довѣріемъ и уваженіемъ перваго министра Народнаго Просвѣщенія графа Завадовскаго, тоже питавшаго симпатіи къ полякамъ. При такомъ исключительномъ личномъ положеніи и связяхъ князь Чарторыйскій могъ смѣло направить свою дѣятельность, какъ попечителя Виленскаго округа, къ той же цѣли, которой онъ служилъ и на посту товарища министра Иностранныхъ Дѣлъ, къ возрожденію и возстановленію политической самостоятельности Польши. Планы Чарторыйскаго не встрѣчали препятствія со стороны самой системы народнаго просвѣщенія, установленной для всей Имперіи. Эта система близко совпадала

съ планомъ образованія, созданнаго въ Польшѣ Эдукаціонной Комиссіей, которая послѣ закрытія іезуитскаго ордена и обращенія іезуитскихъ капиталовъ на нужды просвѣщенія стала высшей властью въ дѣлахъ просвѣщенія въ Польшѣ. Вырванное изъ рукъ іезуитовъ дѣло народнаго просвѣщенія, со времени учрежденія въ 1773 г. Комиссіи, предоставлено было вѣдѣнію и контролю государства и цѣлямъ послѣдняго должно было служить. Все государство было раздѣлено на 10 учебныхъ округовъ: шесть въ областяхъ Короны, четыре въ Литвѣ; во главѣ учебныхъ заведеній поставлены двѣ «главныя школы»: Краковская и Виленская; въ каждомъ округѣ предположена сѣть среднихъ и низшихъ школъ (окружныхъ, подокружныхъ и парафіальныхъ или приходскихъ), находящихся во взаимной іерархической зависимости; для подготовки педагогическаго персонала учреждены учительскія семинаріи при главныхъ школахъ; въ 1776 г. основано Общество для изданія учебныхъ руководствъ. Еще до утвержденія Предварительныхъ правилъ народнаго просвѣщенія князь Чарторыйскій, совмѣстно съ графомъ Потоцкимъ, попечителемъ Харьковскаго округа, получилъ отъ министра порученіе устроить учебное дѣло въ Виленскомъ округѣ, руководствуясь планами Эдукаціонной Комиссіи. Такимъ образомъ, князю Чарторыйскому и его сотрудникамъ не было надобности добиваться особой системы просвѣщенія для своего округа: общегосударственная система открывала имъ полную возможность направить здѣсь учебную политику къ достиженію ихъ главной цѣли—полонизаціи западно-русскаго населенія.

Дѣйствительно, уставы учебныхъ заведеній Виленскаго округа не отступали отъ общихъ нормъ въ установленіи тѣхъ порядковъ, которые подлежали вѣдѣнію и контролю центральной власти, Министерства, и составляли, въ сущности, формальную сторону учебнаго дѣла. Но власти попечителя и мѣстнаго учебнаго начальства предоставлена была свобода наполнять эти нормы живымъ содержаніемъ и давать учебному дѣлу совершенно оригинальное направленіе.

Устроеніе Виленскаго округа началось съ изданія 4 апрѣля 1803 г. акта утвержденія, а 18 мая того же года—устава Императорскаго Виленскаго университета и училищъ его округа. Виленскій университетъ, преобразованный въ послѣдній разъ при послѣднемъ польскомъ королѣ Станиславѣ-Августѣ въ 1771 г., получилъ теперь организацію аналогичную съ устройствомъ дру-

гихъ русскихъ университетовъ, уставы которыхъ были утверждены годомъ позже. Нѣкоторыя особенности допущены были въ постановленіяхъ: о выборѣ ректора на 3 года, о правахъ профессоровъ на пенсіи, о составѣ факультетскихъ каѳедръ, о спеціальныхъ курсахъ, о предоставленіи университету права распоряженія нѣкоторыми церковными бенефиціями и мѣстами канониковъ, наконецъ, о матеріальныхъ средствахъ университета: сверхъ штатнаго содержанія въ 105 тысячъ рублей изъ поіезуитскихъ доходовъ ему торжественно были обѣщаны фундуши изъ тѣхъ же поіезуитскихъ имуществъ; въ 1807 г. для приведенія въ порядокъ управленія всѣми училищными или эдукаціонными фундушами, розданными въ аренду частнымъ лицамъ изъ 6%, учреждены были двѣ комиссіи, одна для литовскихъ, другая для юго-западныхъ губерній. Для приготовленія римско-католическихъ священниковъ и учителей при университетѣ должны были состоять, по уставу, Главная духовная семинарія и Учительская семинарія. Въ декабрѣ 1803 г., по собственной иниціативѣ университета, съ разрѣшенія министра, учрежденъ былъ Комитетъ изъ профессоровъ для разсмотрѣнія правительственныхъ постановленій о другихъ университетахъ имперіи и примѣненія ихъ къ Виленскому университету.

Уставъ Виленскаго университета 1803 г. содержалъ въ себѣ и общія постановленія объ училищахъ его округа. Въ нихъ также можно отмѣтить нѣсколько частныхъ особенностей, сравнительно съ уставомъ среднихъ и низшихъ школъ 5 ноября 1804 г.: гимназіи состоятъ изъ 6 классовъ; изъ нихъ два первые «должны почитаться какъ уѣздное училище»; въ каждой гимназіи полагается 6 старшихъ учителей и 4 младшихъ; уѣздное училище состоитъ изъ трехъ классовъ и имѣетъ трехъ старшихъ учителей; при гимназіи и уѣздномъ училищѣ полагается духовникъ; въ приходскомъ училищѣ преподаются: чтеніе и письмо, Законъ Божій, нравоученіе, ариѳметика и «простое и точное познаніе существенныхъ предметовъ, относящихся къ земледѣлію и ремесламъ». Въ управленіи школами есть одна существенная особенность: директоры гимназій и смотрители уѣздныхъ училищъ выбираются университетомъ на 4 года [40]).

Введеніе въ дѣйствіе этого устава встрѣчало значительныя затрудненія вслѣдствіе того хаотическаго состоянія, въ какомъ находились учебныя заведенія западнаго края въ моментъ реформы. 14 іюля 1804 г. князь Чарторыйскій представилъ министру «Предначертаніе устроенія училищъ въ округѣ Императорскаго

Виленскаго университета». Докладъ открывался картиной безпорядковъ, проистекавшихъ изъ отсутствія опредѣленной системы: училища, содержимыя разными духовными обществами (іезуитами, піарами, доминиканами, базиліанами), училища, устроенныя бывшей Эдукаціонной Комиссіей, русскія народныя училища, находившіяся въ вѣдѣніи Комиссіи объ учрежденіи народныхъ училищъ, не имѣли единства ни въ устройствѣ, ни въ управленіи, ни въ учебныхъ планахъ; безпорядокъ увеличивался случайными распоряженіями мѣстныхъ властей. Согласно «Предначертанію» Чарторыйскаго изъ общаго числа училищъ Виленскаго округа 5 губернскихъ гимназій и 11 уѣздныхъ училищъ получаютъ содержаніе изъ поіезуитскихъ доходовъ; на гимназіи ассигнуется 28.500 р.—по 5.700 р. на каждую, и на уѣздныя училища 31.020 р.—по 2.820 р. на каждое; остальныя 40 училищъ, преобразуясь въ гимназіи и уѣздныя училища, остаются на иждивеніи духовныхъ обществъ. Въ административномъ и учебномъ отношеніяхъ всѣ вообще училища получаютъ единообразное устройство, согласно съ общимъ уставомъ. На основаніи 38-й и 39-й статей этого устава въ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ прибавляется по одному старшему учителю, и въ распредѣленіи предметовъ и часовъ по классамъ сохраняется порядокъ, введенный Эдукаціонной Комиссіей. Оставленъ былъ открытымъ только вопросъ о русскихъ народныхъ училищахъ въ Бѣлоруссіи, устроенныхъ при Императрицѣ Екатеринѣ; реформа ихъ была отложена до полученія подробныхъ донесеній объ ихъ состояніи отъ визитаторовъ. По докладу министра 30 іюля «Предначертаніе» было утверждено Государемъ [41]).

За общимъ уставомъ училищъ Виленскаго округа 18 мая 1803 г. и «Предначертаніемъ» 30 іюля 1804 г. послѣдовалъ особый «Уставъ для приходскихъ училищъ губерній Волынской, Кіевской и Подольской», составленный по проекту визитатора этихъ губерній Ѳаддея Чацкаго и Высочайше утвержденный 31 августа 1807 г. Приходскія училища, городскія и сельскія, предназначаются для образованія «скудныхъ» дворянъ, ремесленниковъ и крестьянъ, и раздѣляются на большія и малыя. Ставя приходскія училища, согласно съ общегосударственнымъ порядкомъ, подъ вѣдѣніе начальника уѣзднаго училища и высшихъ учебно-административныхъ инстанцій, уставъ придаетъ особенное значеніе наблюденію и контролю мѣстнаго дворянства, въ лицѣ его предводителей, и духовенства; но опредѣляя роль послѣдняго,

уставъ дѣлаетъ такія оговорки: «училища названы приходскими не для того, что они наипаче бываютъ при римско-католическихъ приходскихъ церквахъ, но потому, что пространство прихода, гдѣ оныя будутъ заведены, почитается приходскимъ учебнымъ округомъ. Мѣстное духовное начальство не имѣетъ другой надъ ними власти, кромѣ той, какая принадлежитъ ему надъ всякимъ прихожаниномъ въ отношеніи къ духовнымъ обязанностямъ и какая поручается оному симъ уставомъ. Учащіеся въ сихъ училищахъ не будутъ преклоняемы къ перемѣнѣ вѣры другихъ исповѣданій». По образцу мужскихъ училищъ предполагается устройство приходскихъ училищъ для дѣвицъ, съ женскимъ учебнымъ персоналомъ. Постановленія о содержаніи учителей и учительницъ разработаны очень тщательно. Въ заключеніе выражалась надежда, что этотъ уставъ будетъ принятъ и въ другихъ губерніяхъ Виленскаго округа [42]).

Хотя уставы учебныхъ заведеній Виленскаго округа и «Предначертаніе» вырабатывались подъ непосредственнымъ руководствомъ князя Чарторыйскаго, всетаки польскіе патріоты находили въ нихъ нѣкоторые частные недостатки, не совмѣстимые съ ихъ планами. Особенную тревогу вызвалъ въ 1805 г. пріѣздъ въ Кіевъ министра для обсужденія вопроса объ основаніи здѣсь новаго университета, предположеннаго Предварительными правилами 1803 г. Ясна опасность, какой грозило польскимъ планамъ учрежденіе Кіевскаго университета: онъ долженъ былъ образовать новый округъ, оторвавъ юго-западный край отъ округа Виленскаго; его нельзя было полонизировать такъ безусловно, какъ университетъ Виленскій. На борьбу съ этою опасностью польская партія выставила своего лучшаго борца Ѳаддея Чацкаго, визитатора училищъ Кіевской, Волынской и Подольской губерній. Онъ представилъ графу Завадовскому слѣдующіе доводы противъ учрежденія университета въ Кіевѣ: «открывать университетъ въ Кіевѣ чрезвычайно неудобно во-первыхъ потому, что недалеко отъ Кіева уже открытъ университетъ въ Харьковѣ, во-вторыхъ потому, что Кіевъ стоитъ въ сторонѣ отъ сѣверо-западнаго края, занимаетъ невыгодное положеніе для такого заведенія, въ-третьихъ потому, что желанія обывателей, несущихъ свои пожертвованія на пользу образованія, таковы, чтобы преподаваніе шло на польскомъ языкѣ, чего нельзя достигнуть въ Кіевѣ, какъ въ древнѣйшемъ русскомъ городѣ, гдѣ гражданское право должно преподаваться на основаніи права русскаго, не здѣшняго, а право

церковное на основаніи права восточнаго, и богословіе въ духѣ «благочестія» (православія). Такія затрудненія не имѣли бы большого значенія, если бы русское духовенство было болѣе или менѣе сносно образовано; но до тѣхъ поръ, пока не устранится это послѣднее неудобство, учрежденіе университета въ Кіевѣ останется дѣломъ очень спорнымъ, тѣмъ болѣе, что школьное образованіе унаслѣдовало здѣсь нѣмецкій уставъ, допускающій только четыре факультета». Министръ уступилъ этимъ доводамъ, уступилъ, какъ справедливо замѣтилъ профессоръ Владимірскій-Будановъ, «по убѣжденію, то-есть, призналъ, что юго-западный край есть законный районъ для польской школы». Но мысль о необходимости особаго просвѣтительнаго центра для этого края Чацкій осуществилъ въ другой формѣ, основаніемъ въ 1805 г. гимназіи съ особыми правами и особымъ расширеннымъ курсомъ въ Кременцѣ. «Новое заведеніе предназначалось стать средоточіемъ просвѣщенія для всѣхъ разбросанныхъ обломковъ нѣкогда могучей Рѣчи Посполитой, мѣстомъ умственнаго, а за нимъ и политическаго возрожденія». Оно должно было притягивать польскую молодежь также изъ за-границы, изъ австрійской и прусской Польши. Для графа Завадовскаго эти сокровенные планы польскихъ патріотовъ были закрыты блестящими внѣшними условіями, въ которыхъ возникала новая гимназія; онъ привѣтствовалъ ее, какъ «будущія Аѳины», и восхвалялъ «геній Чацкаго, воскрешающій на польскомъ Парнасѣ музы, умершія въ Аттикѣ». Средства, собранныя Чацкимъ для его любимаго дѣтища, были громадны: въ 1807 г. ежегодный доходъ гимназіи превышалъ 62.000 рублей. Необычайно широкъ былъ и учебный планъ гимназіи. «Такъ какъ», говоритъ профессоръ Владимірскій-Будановъ, «то была собственно не гимназія, а университетъ въ миніатюрѣ, то она дѣлилась на два курса: низшій, состоявшій изъ четырехъ классовъ (по одному году) и высшій, состоявшій изъ трехъ курсовъ (по два года). Вопреки общепринятой системѣ здѣсь посвящается низшему и среднему образованію меньше времени, чѣмъ высшему. Точно также, обратно общепринятому порядку, низшее и среднее образованіе носило характеръ спеціальный, а высшее, напротивъ, энциклопедическій» [43]).

Уставами 18 мая 1803 г. и 31 августа 1807 г., «Предначертаніемъ» 30 іюля 1804 г., учрежденіемъ Кременецкой гимназіи— исчерпываются важнѣйшія законодательныя мѣры по устройству Виленскаго округа. Учебное дѣло, формально поставленное на

основахъ общегосударственныхъ, отдано было въ руки вождей польской патріотической партіи, князя Чарторыйскаго, Чацкаго и другихъ. Сознаніе нѣкоторыхъ частныхъ неудачъ и мелкія опасенія подавлялись для этой партіи чувствомъ общаго удовлетворенія и широкими надеждами, которыя внушали польскимъ патріотамъ устройство Виленскаго округа. «Виленскій университетъ былъ въ полномъ смыслѣ польскій и для польскихъ провинцій», писалъ въ своихъ мемуарахъ князь Чарторыйскій; «нѣсколько лѣтъ спустя вся Польша наполнилась училищами, въ которыхъ польское національное чувство могло совершенно свободно развиваться» [44]).

Время управленія Министерствомъ графа Разумовскаго было значительно менѣе благопріятно учебной политикѣ князя Чарторыйскаго и его сотрудниковъ. Новый министръ уже не питалъ къ нимъ такого неограниченнаго довѣрія, за которое князь Чарторыйскій горячо восхвалялъ графа Завадовскаго; въ высшихъ правительственныхъ сферахъ получили сильное вліяніе іезуиты, прямые враги учебной системы князя Чарторыйскаго; самъ Чарторыйскій уѣхалъ за-границу въ 1810 г. и только черезъ шесть лѣтъ снова вступилъ въ должность попечителя. При такихъ условіяхъ польской патріотической партіи трудно было отпарировать удары, нанесенные ея планамъ. Управленіе округомъ оставалось на прежнихъ основаніяхъ; 18 ноября 1810 г. къ округу Виленскаго университета была присоединена Бѣлостокская область, и университету поручено было министромъ устроить въ ней учебныя заведенія на основаніяхъ, общихъ для всего округа. Но черезъ 2 года произошло событіе, прямо нарушившее единство учебной системы въ западномъ краѣ: преобразованіе Полоцкой іезуитской коллегіи въ академію и подчиненіе ей всѣхъ іезуитскихъ училищъ въ Имперіи. Правительство Императора Александра относилось сначала къ іезуитамъ очень сдержанно и не желало обнародовать въ Россіи папское бреве о возстановленіи ордена іезуитовъ. Высочайшимъ указомъ 1801 г. іезуитамъ разрѣшено было устраивать свои заведенія только въ городѣ Полоцкѣ, гдѣ уже существовалъ іезуитскій новиціатъ, который былъ осмотрѣнъ Императоромъ Александромъ во время путешествія его въ Мемель. Тѣмъ же указомъ предрѣшено было не допускать іезуитовъ до преобразованія Виленскаго университета. Съ избраніемъ генераломъ іезуитскаго ордена Грубера въ 1802 г. начинаетъ быстро расти вліяніе іезуитовъ въ Петербургѣ. Свою пропаганду іезуиты

направили на высшее петербургское общество; орудіемъ ея было воспитаніе русскаго юношества въ іезуитскихъ пансіонахъ. Эти пансіоны и конвикты появились въ разныхъ мѣстахъ Россіи. Но іезуитовъ очень тяготила зависимость ихъ учебныхъ заведеній, по общему порядку, отъ университетовъ. Особенно непріятна была имъ эта зависимость въ западномъ краѣ, гдѣ руководители учебнаго дѣла, продолжая политику Эдукаціонной Комиссіи, видѣли въ іезуитахъ прямыхъ своихъ антагонистовъ. «Іезуиты», говоритъ профессоръ Кояловичъ, «не нравились Чарторыйскому. Ихъ теорія была слишкомъ широка, могла возвышаться даже надъ интересами Польши, чего особенно нужно было опасаться въ то время, когда іезуиты пользовались теплымъ пріютомъ въ Россіи». Правая рука Чарторыйскаго, Ѳ. Чацкій въ одномъ письмѣ 1804 г. негодовалъ на то, что іезуиты сохранили свои школы въ Бѣлоруссіи, и возрождающееся вліяніе іезуитовъ считалъ опаснымъ для польскихъ національныхъ интересовъ. Утративъ надежду овладѣть Виленскимъ университетомъ, іезуиты направили всѣ усилія къ тому, чтобы изъять свои училища изъ-подъ его вѣдѣнія и составить изъ нихъ какъ бы особый учебный округъ. Первый шагъ былъ неудаченъ: докладная записка генерала ордена Березовскаго объ оставленіи іезуитскихъ училищъ независимыми отъ университетовъ, поданная имъ Государю въ 1806 г., осталась безъ послѣдствій. Тогда Березовскій началъ переписку о томъ же дѣлѣ съ министромъ графомъ Разумовскимъ и другими покровителями іезуитовъ изъ русской аристократіи. Неизвѣстно, чѣмъ кончились бы эти домогательства, если бы ихъ не поддержалъ всей силой своего литературнаго таланта графъ де-Местръ. Въ своихъ знаменитыхъ письмахъ къ графу Разумовскому онъ подвергъ язвительной критикѣ всю систему общественнаго образованія въ Россіи, всѣ правительственныя идеи, на которыхъ строились учебныя реформы первыхъ лѣтъ XIX столѣтія. Съ этой критикой де-Местръ съумѣлъ соединить апологію іезуитовъ и ихъ учебной системы и въ заключеніе просилъ министра исходатайствовать іезуитскимъ училищамъ независимость отъ Виленскаго университета. Наконецъ, цѣль была достигнута. Высочайшая грамота 1 марта 1812 г., уравнивая Полоцкую академію въ правахъ и преимуществахъ съ университетами, поставила ее подъ непосредственное покровительство верховной власти, а по учебной части подчинила Министерству Народнаго Просвѣщенія. Академія состояла изъ трехъ факультетовъ: языковъ, свободныхъ

художествъ (подъ этимъ именемъ разумѣлись науки философскія, юридическія и естественныя) и богословскихъ наукъ. Академіи подчинены были всѣ іезуитскія училища въ государствѣ. Другой ударъ планамъ польской патріотической партіи нанесенъ былъ въ дѣлѣ учрежденія Кіевской гимназіи. Замѣнивъ Кіевскій университетъ Кременецкой гимназіей, Чацкій попытался и въ Кіевѣ устроить такую гимназію, которая была бы «гнѣздомъ чисто польскаго образованія». По его иниціативѣ дворянство Кіевской губерніи и магистратъ г. Кіева изъявили желаніе пожертвовать крупную сумму (свыше 500.000 руб.) на учрежденіе гимназіи въ Кіевѣ, но подъ условіемъ, «чтобы знатная часть наукъ въ сей гимназіи преподавалась на польскомъ языкѣ». Но это условіе показалось невозможнымъ даже графу Завадовскому, представившему неудобства открытія въ Кіевѣ польской гимназіи. Самъ князь Чарторыйскій не рѣшился поддерживать своего ревностнаго помощника, предлагая учредить на пожертвованную сумму польскую гимназію въ другомъ городѣ. Упрямство Чацкаго погубило его дѣло. Пожертвованіе было принято и гимназія въ Кіевѣ учреждена, но съ русскимъ учебнымъ языкомъ и отчасти русскими учителями. Въ программу ея также введены были нѣкоторые университетскіе предметы. 30 января 1812 г., въ день торжественнаго открытія гимназіи, Чацкому оказаны были великія почести и оваціи; но вмѣстѣ съ тѣмъ это былъ для него моментъ жестокаго нравственнаго пораженія. Въ слѣдующемъ году онъ умеръ. Оставаясь въ рукахъ прежнихъ дѣятелей, ходъ учебной жизни Виленскаго округа продолжалъ направляться къ намѣченной цѣли—полонизаціи западнорусскаго населенія. Интимная переписка польскихъ патріотовъ раскрываетъ въ подробности избранныя ими главныя средства: замѣщеніе учительскихъ мѣстъ поляками, преподаваніе всѣхъ предметовъ на польскомъ языкѣ и низведеніе русскаго языка въ число второстепенныхъ предметовъ. Приниженное положеніе русскаго учителя и русскаго языка въ Виленскомъ округѣ не могло укрыться отъ вниманія правительства, несмотря на всю осторожность мѣстнаго начальства и полное довѣріе къ нему перваго министра. Сенатъ, ревизуя отчеты Министерства за 1803 и 1804 годы, ставилъ ему на видъ малое число учащихъ и учащихся русскому языку въ Виленскомъ и Дерптскомъ округахъ. Но только въ 1814 г. графъ Разумовскій обратилъ серьезное вниманіе Виленскаго университета на этотъ вопросъ. Министръ прямо объяснялъ малые успѣхи учащихся въ русскомъ языкѣ

тѣмъ, что они «обучаются русскому языку по большей части поляками и на польскомъ языкѣ»; университету предложено было доставить Министерству списокъ учителей русскаго языка съ обозначеніемъ ихъ національности, изыскать средства замѣщенія мѣстъ преподавателей этого предмета русскими людьми и немедленно ввести въ употребленіе по всѣмъ училищамъ округа Краткую россійскую грамматику, изданную Главнымъ Правленіемъ Училищъ [45]). Трудно сказать, какое дѣйствіе имѣло это предложеніе, пока не изданы документы, рисующіе детали учебной жизни западнаго края при графѣ Разумовскомъ.

Въ 1811 г., по иниціативѣ попечителя, въ программы гимназій Виленскаго округа введено было преподаваніе древней классической литературы. Это была новость, аналогичная реформѣ гимназической программы, предпринятой въ томъ же году С.-Петербургскимъ попечителемъ С. С. Уваровымъ, выдвигавшимъ на первый планъ преподаваніе древнихъ языковъ. Точно также Чарторыйскій въ своемъ представленіи министру писалъ: «j'ai toujours envisagé l'étude des auteurs classiques comme un objet de la plus grande importance pour la jeunesse; en effet c'est elle qui fait le fond de toute éducation publique et qui contribue le plus à former le coeur, l'esprit et le goût». При университетѣ Чарторыйскій устроилъ на свой счетъ филологическій институтъ, подъ руководствомъ профессора классической словесности, для подготовки учителей древнихъ языковъ. Въ апрѣлѣ министръ утвердилъ это представленіе [46]).

Въ прибалтійскихъ губерніяхъ, районѣ Дерптскаго учебнаго округа, не существовало такого остраго національно-политическаго вопроса, какъ въ округѣ Виленскомъ. Но и въ Дерптскомъ округѣ введеніе новой системы просвѣщенія встрѣтилось съ такими мѣстными условіями, которыя потребовали частныхъ видоизмѣненій въ этой системѣ. Въ нѣкоторыхъ же случаяхъ реформѣ оказано было прямое сопротивленіе со стороны мѣстныхъ привиллегированныхъ корпорацій.

Какъ и въ другихъ округахъ, реформа началась съ университета. 12 декабря 1802 г. Дерптскій университетъ получилъ актъ постановленія, утверждающій его права и преимущества, а 12 сентября слѣдующаго года—уставъ. Проекты устава, правилъ для учащихся и правилъ для училищной комиссіи были выработаны совѣтомъ университета и потомъ представлены въ Главное Правленіе Училищъ, гдѣ они обсуждались при участіи

депутатовъ университета, профессоровъ Паррота и Глинки. Въ главныхъ чертахъ уставъ Дерптскаго университета былъ согласованъ съ уставами другихъ университетовъ, но въ частностяхъ допускалъ рядъ особенностей. Администрація Дерптскаго университета была болѣе сложной. Дворянскимъ обществамъ прибалтійскаго края предоставлено право выбирать кураторовъ для управленія, совмѣстно съ университетскимъ начальствомъ, Высочайше пожалованными университету земельными имуществами. Кромѣ того для управленія всѣми имуществами и доходами университета учреждены: хозяйственный комитетъ, контора, казначейство. Въ учебномъ отношеніи важнѣйшая особенность состояла въ иномъ распредѣленіи каѳедръ по четыремъ факультетамъ: богословскому, юридическому (на этомъ факультетѣ три отдѣльныя каѳедры посвящены провинціальному праву прибалтійскихъ областей), медицинскому и философскому; послѣдній дѣлился на четыре класса: физико-математическій, естественныхъ наукъ, филологоисторическій и технолого-экономическій; къ этому классу отнесены науки: экономія, технологія, гражданская архитектура, камеральная наука, финансы, торговля, военныя науки. Во главѣ философскаго факультета поставлены два декана.

Нѣсколько ранѣе устава, именно 23 августа 1803 г., были утверждены правила для учащихся въ Дерптскомъ университетѣ. Изложенію правилъ предпослано общее разсужденіе объ университетѣ, какъ учебномъ заведеніи и какъ «расправѣ подчиненныхъ». Правила различаютъ три рода обязанностей студента: 1) къ самому себѣ, 2) ко всѣмъ членамъ и чинамъ университета, 3) «ко внѣшней публикѣ.» Необходимость подробной регламентаціи всѣхъ отношеній и поведенія студента, какъ въ стѣнахъ университета, такъ и внѣ его, доказывается тѣмъ соображеніемъ, что обязанности молодаго человѣка, готовящагося еще вступить въ число гражданъ, не могутъ быть одинаковы съ обязанностями дѣйствительнаго члена общества, и поступки его наравнѣ съ преступленіями послѣдняго наказываться не могутъ.

Актомъ, завершающимъ новое устройство университета, были «Постановленія для Императорскаго Дерптскаго университета, относительно до надзиранія училищъ его округа» 21 марта 1804 г. Порядокъ управленія гимназіями, уѣздными и приходскими училищами установленъ на точномъ основаніи Предварительныхъ правилъ народнаго просвѣщенія и по аналогіи съ порядками другихъ округовъ. Предположено открыть въ четырехъ губерніяхъ

округа 4 гимназіи (въ Митавѣ, Ригѣ, Ревелѣ, Выборгѣ) и 30 уѣздныхъ училищъ. Штатная сумма на содержаніе гимназій и училищъ округа, исчисленная въ 118.000 рублей, должна составляться изъ поступленій отъ городскихъ магистратовъ и другихъ мѣстныхъ источниковъ; недостатокъ же покрывается казною изъ остатковъ суммъ, назначенныхъ для другихъ округовъ [47]).

Послѣ изданія университетскаго устава съ дополнительными къ нему постановленіями дѣло организаціи округа перешло въ руки университета и попечителя; Главное же Правленіе Училищъ лишь разрѣшало возникавшія недоразумѣнія. Первой и очень трудной задачей было преобразованіе существующихъ учебныхъ заведеній въ гимназіи и уѣздныя училища. Въ донесеніи за 1803 г. университетъ указывалъ на пестроту учебныхъ заведеній прибалтійскаго края: «университетъ нашелъ въ препорученныхъ его надзору училищахъ четырехъ губерній многіе роды оныхъ въ разсужденіи основанія и содержанія, какъ то: казенныя, дворянскія, городскія, смѣшанныя казенныя и городскія и на особенныхъ заведеніяхъ; въ нѣкоторыхъ обучались одни мужчины, въ другихъ однѣ женщины, а въ иныхъ оба пола.» Главными учебными заведеніями въ моментъ реформы были слѣдующія: академическая гимназія въ Митавѣ, основанная курляндскимъ герцогомъ Петромъ въ 1775 г., въ которой преподавались, кромѣ обычныхъ гимназическихъ предметовъ, богословіе и юриспруденція; Императорскій лицей въ Ригѣ, основанный королемъ Карломъ XI, соединявшій курсы гимназіи и уѣзднаго училища; Домское училище въ Ригѣ, основанное во времена реформаціи и содержимое изъ городскихъ доходовъ; дворянское и домское училище въ Ревелѣ, основанное въ 1769 г. и содержимое эстляндскимъ дворянствомъ; городская гимназія въ Ревелѣ, основанная въ 1630 г. Кромѣ этихъ главныхъ учебныхъ заведеній, болѣе или менѣе обезпеченныхъ казною, дворянскими обществами и городскими магистратами, всѣ остальныя училища въ большихъ и малыхъ городахъ находились, по донесенію университета, въ очень печальномъ состояніи вслѣдствіе недостатка матеріальныхъ средствъ, учителей, ветхости и неудобства помѣщеній.

Уже въ первомъ своемъ отчетѣ о состояніи округа въ 1803 г. университетъ писалъ, что «высокая мысль Его Императорскаго Величества преобразовать состояніе училищъ во всей Имперіи и приноровить къ оному будущія средства—принята была жителями сихъ губерній (прибалтійскихъ) за величайшую милость, хотя кое

гдѣ, а особенно въ Митавѣ, Ригѣ и Ревелѣ, встрѣтились затрудненія въ исполненіи, кои однако же, какъ можно надѣяться, уступятъ лучшему намѣренію». Характеръ встрѣченной университетомъ оппозиціи точнѣе выясненъ въ слѣдующемъ отчетѣ 1804 г.: «магистраты въ Ригѣ, Дерптѣ, Ревелѣ, Митавѣ, совѣтъ профессоровъ въ Митавѣ и курляндское дворянство, желая управлять сими училищами, утверждаются на правахъ, кои столь же противны великодушнымъ пожертвованіямъ Его Императорскаго Величества, сколько и общему плану общественнаго наставленія».

Самымъ крупнымъ и характернымъ эпизодомъ въ этой оппозиціи было дѣло о преобразованіи Митавской академической гимназіи. Въ ноябрѣ 1802 г. курляндское дворянство, опираясь на указъ 11 марта 1801 г., освобождающій его отъ участія въ устроеніи Дерптскаго университета, обратилось къ министру Внутреннихъ Дѣлъ съ просьбою поднести на Высочайшее утвержденіе «начертаніе о распространеніи» Митавской гимназіи и наименованіи ея Рыцарской академіей. Попечитель округа Ѳ. И. Клингеръ, которому былъ отданъ на разсмотрѣніе этотъ проектъ, высказался рѣшительно противъ превращенія Митавской гимназіи въ академію, то-есть въ другой университетъ. Указъ 7 марта 1803 г. подчинилъ гимназію университету; но указъ исполнялся плохо, и университетъ жаловался министру на самоуправство гимназіи. Въ 1805 г. курляндское дворянство обратилось съ новой просьбой, уже на имя Н. Н. Новосильцова, оставить Митавской гимназіи ея прежнія права и преимущества, предлагая основать на свои средства губернскую гимназію общаго типа. Главное Правленіе Училищъ отвѣтило отказомъ на эту просьбу, и университетъ составилъ планъ преобразованія гимназіи по общему типу. Наконецъ, на третью просьбу дворянства, переданную черезъ графа Буксгевдена, Рижскаго военнаго губернатора, послѣдовало Высочайшее повелѣніе 26 января 1807 г. оставить Митавскую гимназію на прежнемъ основаніи, но съ подчиненіемъ Дерптскому университету. Главное Правленіе Училищъ составило тогда планъ устройства Митавской гимназіи по образцу Ярославской Демидовской гимназіи высшихъ наукъ. Но попечитель Ѳ. И. Клингеръ въ особой запискѣ остался при прежнемъ мнѣніи о необходимости преобразованія Митавской гимназіи на общихъ основаніяхъ [48]).

Настаивая на подчиненіи учебныхъ заведеній своего округа общегосударственной организаціи, Дерптскій университетъ счи-

талъ, однако, необходимымъ нѣкоторыя частныя видоизмѣненія въ ихъ устройствѣ и учебныхъ планахъ, соотвѣтственно мѣстнымъ условіямъ. Въ 1804 г. попечитель представилъ Главному Правленію Училищъ составленное университетомъ общее постановленіе для гимназій округа; но Главное Правленіе въ засѣданіи 25 августа постановило оставить это представленіе безъ послѣдствій въ виду составленія общаго для всѣхъ округовъ устава среднихъ учебныхъ заведеній. Въ слѣдующемъ году профессоръ Парротъ, по порученію училищной комиссіи университета, представилъ Главному Правленію Училищъ планъ устройства въ небольшихъ городахъ уѣздныхъ училищъ съ сокращеннымъ курсомъ, съ меньшимъ числомъ учителей, взамѣнъ чего увеличивалось число учителей въ училищахъ большихъ городовъ: эти училища должны были называться училищами 1-й степени, со штатнымъ содержаніемъ въ 2.400 рублей, училища меньшія—2-й степени, съ содержаніемъ по 1.300 рублей; предполагалось открыть училищъ 1-й степени—24, училищъ 2-й степени—9. Главное Правленіе одобрило этотъ проектъ, исключая наименованія училищъ по степенямъ. Наконецъ, 7 іюня 1806 г. попечитель внесъ въ Главное Правленіе выработанный университетомъ проектъ измѣненій въ общемъ уставѣ гимназій и уѣздныхъ училищъ Дерптскаго округа, объяснивъ, что опытъ убѣдилъ университетъ въ необходимости этихъ измѣненій, сообразно съ мѣстными обстоятельствами. Проектъ, Высочайше утвержденный 16 августа, ограничивалъ курсъ гимназіи тремя классами, въ которыхъ преподаются: Законъ Божій, философія, греческая и латинская филологія, исторія, географія, статистика, математика и естественныя науки, всеобщая и нѣмецкая филологія, наконецъ, еврейскій языкъ для поступающихъ на богословскій факультетъ. Кромѣ того полагаются учителя русскаго и французскаго языковъ и рисованья. Курсъ полнаго уѣзднаго училища раздѣленъ также на три класса при 4 учителяхъ, преподающихъ: каллиграфію, рисованіе, русскій, нѣмецкій, латинскій языки *), ариѳметику, геометрію, естественную исторію и технологію, географію, исторію, физику, антропологію и діететику, «познаніе отечественныхъ постановленій», нравоученіе и Законъ

*) Постановленіемъ 6 февраля 1805 г. Главное Правленіе исключило изъ предметовъ преподаванія въ уѣздныхъ училищахъ Дерптскаго округа латинскій языкъ. Но училищная комиссія университета въ отчетѣ за 1805 г., составленномъ Парротомъ, подробно мотивировала мнѣніе о необходимости отмѣнить это постановленіе.

Божій. Въ малыхъ уѣздныхъ училищахъ положено быть двумъ классамъ при двухъ учителяхъ.

Въ октябрѣ 1806 г. попечитель донесъ Главному Правленію Училищъ, что преобразованіе разнообразныхъ учебныхъ заведеній Дерптскаго округа въ гимназіи и уѣздныя училища закончено: открыто 5 гимназій и 33 уѣздныя училища съ 1.535 учащимися; преобразовано и вновь учреждено различныхъ учебныхъ заведеній, получающихъ содержаніе отъ городскихъ доходовъ—53 съ 2.119 учащимися обоего пола; наконецъ, преобразованы и частію вновь учреждены частныя учебныя заведенія, въ которыхъ насчитывалось 1,114 учащихся [49]).

Когда устройство гимназій и уѣздныхъ училищъ уже заканчивалось, университетъ въ 1805 г. поднялъ вопросъ о начальномъ образованіи. Проектъ университета о приходскихъ училищахъ вызвалъ большое разногласіе между Главнымъ Правленіемъ Училищъ, университетомъ, прибалтійскимъ дворянствомъ и духовенствомъ. Указами Императрицы Екатерины II 1765 и 1787 г.г. установленъ былъ порядокъ содержанія начальныхъ и приходскихъ училищъ прибалтійскаго края помѣщиками и духовенствомъ. Дерптскій университетъ, ставъ во главѣ учебнаго округа, немедленно обратилъ вниманіе на сельскія школы: на одного изъ профессоровъ, членовъ училищной комиссіи, возложена была обязанность наблюденія за приходскими училищами; вновь назначеннымъ смотрителямъ уѣздныхъ училищъ дано «особенное порученіе, состоящее въ приготовленіи къ будущему устроенію приходскихъ училищъ въ деревняхъ, для котораго дана имъ особенная инструкція, цѣль коей есть та, чтобы пригласить приходъ, какъ дворянство, такъ и крестьянъ и проповѣдника каждаго прихода, дабы они соединили свои силы къ произведенію сего дѣла»; одновременно съ уѣздными открытъ былъ рядъ городскихъ приходскихъ или народныхъ училищъ, мужскихъ и женскихъ. Эти предварительныя мѣры заключены были общимъ проектомъ учрежденія приходскихъ училищъ, написаннымъ по порученію университета неутомимымъ Парротомъ. Проектъ Паррота значительно отступалъ отъ общаго устава 1804 г. Приходскія училища отдѣляются отъ первоначальныхъ сельскихъ школъ, ввѣренныхъ попеченію помѣщиковъ, и по отношенію къ послѣднимъ составляютъ высшую ступень. Въ каждомъ приходѣ, имѣющемъ 6,000 душъ и меньше населенія, должно быть одно училище. Преподаваніе раздѣляется между пасторомъ, учителемъ и его

адъюнктомъ. Священнику даются нѣкоторыя права общаго надзора. Курсъ ученія, обнимающій письмо, ариѳметику, «познаніе природы», «познаніе отечества по гражданскому учрежденію», Законъ Божій и нравоученіе, опредѣленъ въ 3 года. Содержаніе приходскихъ училищъ принимается на счетъ казны: ежегодный расходъ на всѣ 279 училищъ прибалтійскихъ губерній исчисленъ въ 55.900 рублей. Для приготовленія учителей учреждаются на три года 5 семинарій, на которыя казна отпускаетъ 38.900 рублей. Наконецъ, на содержаніе приходскихъ училищъ въ городахъ, 27 мужскихъ и 27 женскихъ, испрашивается изъ казны 9.000 рублей ежегодно. Обсужденіе этого проекта въ Главномъ Правленіи Училищъ затянулось на два года, съ 2 марта 1805 г. по 14 марта 1807 г. Предположеніе о содержаніи приходскихъ училищъ на казенный счетъ было рѣшительно отвергнуто, какъ несогласное съ Предварительными правилами народнаго просвѣщенія, предоставившими заведеніе приходскихъ училищъ «доброй волѣ жителей, для которыхъ малыя издержки на столь полезный имъ предметъ не могутъ быть обременительными». Къ этому Главное Правленіе прибавило другой мотивъ: «полезно также не вдругъ открывать оныя (приходскія училища), дабы лучъ просвѣщенія постепенно проникалъ въ состоянія народныя». Н. Н. Новосильцовъ подалъ отдѣльное мнѣніе, въ которомъ подробно разобралъ проектъ Паррота; онъ не находилъ нужнымъ и учрежденіе семинарій на казенный счетъ, возлагая обязанности преподавателей на пасторовъ и пономарей. Къ мнѣнію Новосильцова присоединились Свистуновъ, князь Чарторыйскій, графъ Строгановъ, графъ Потоцкій. Вмѣстѣ съ тѣмъ, съ Высочайшаго разрѣшенія, проектъ отданъ былъ на разсмотрѣніе дворянскихъ и городскихъ обществъ прибалтійскихъ губерній. Съ своей стороны училищная комиссія университета старалась собрать свѣдѣнія о пожертвованіяхъ, какихъ можно ожидать отъ сельскихъ обществъ. Дворянство и духовенство отнеслись къ проекту несочувственно; дворянство желало оставить устройство приходскихъ училищъ на прежнихъ основаніяхъ, предоставивъ заведеніе ихъ доброй волѣ помѣщиковъ и населенія, и опасалось чрезмѣрныхъ расходовъ; духовенство стремилось удержать школы въ своемъ исключительномъ вѣдѣніи и не хотѣло подчиняться «посторонней власти» Дерптскаго университета. Зато многія сельскія общества, по донесенію училищной комиссіи, согласились на необходимыя пожертвованія въ пользу училищъ.

14 марта 1807 г. Главное Правленіе постановило поднести Государю сокращенный и измѣненный въ частностяхъ проектъ Паррота. Отвергнувъ предположеніе о содержаніи городскихъ и сельскихъ училищъ на казенный счетъ, Главное Правленіе согласилось увеличить сумму на учрежденіе учительскихъ семинарій до 42.000 рублей. Но Новосильцовъ, Свистуновъ, князь Чарторыйскій, графъ Потоцкій и графъ Строгановъ остались по этому вопросу при прежнемъ мнѣніи. Дальнѣйшаго движенія проектъ, повидимому, не получилъ [50]).

VIII.

Манифестъ 8 сентября 1802 г. въ понятіи «народное просвѣщеніе» соединялъ «воспитаніе юношества» и «распространеніе наукъ». На этомъ основаніи въ вѣдѣніе Министерства Народнаго Просвѣщенія отдавались всѣ ученыя учрежденія, библіотеки, музеи, съ Академіей Наукъ во главѣ. Съ самаго своего основанія, въ теченіе всего XVIII вѣка, Академія Наукъ выполняла двоякое назначеніе, указанное ей еще Петромъ Великимъ: «завести науки и людей елико мощно скорѣе обучити». Для этой послѣдней цѣли при Академіи состоялъ университетъ и гимназія. Съ подчиненіемъ Министерству реформа Академіи стала неизбѣжной по двумъ главнымъ причинамъ. Во-первыхъ, необходимо было точно опредѣлить положеніе Академіи въ новой системѣ народнаго просвѣщенія, въ іерархіи ученыхъ и учебныхъ учрежденій. Во-вторыхъ, внутреннее состояніе Академіи было очень печально, и «потребность образованія», по словамъ М. И. Сухомлинова, «всего живѣе сознаваема была въ ученой средѣ самой Академіи». Когда въ началѣ царствованія Александра I вопросъ о реформѣ былъ, наконецъ, поставленъ, «отовсюду послышались жалобы на крайнюю недостаточность научныхъ пособій, которыми могла располагать Академія, не имѣвшая ни инструментовъ для производства наблюденій, ни матеріальныхъ средствъ для ученыхъ предпріятій въ обширныхъ размѣрахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ академики жаловались на свое порабощеніе, вслѣдствіе полнѣйшаго господства бюрократіи въ управленіи академическими дѣлами. Представлено было нѣсколько проектовъ устава Академіи Наукъ, заключающихъ въ себѣ любопытныя черты умственной и общественной жизни того времени».

Еще до учрежденія Министерства, съ 18 марта 1802 г., работалъ особый комитетъ по составленію новыхъ уставовъ Академіи Наукъ, Россійской Академіи и Московскаго университета. Новый президентъ Академіи Н. Н. Новосильцовъ, назначенный 14 февраля 1803 г., быстро привелъ къ окончанію дѣло реформы. 25 іюня того же года Государь утвердилъ «Регламентъ Академіи Наукъ». Новый уставъ различаетъ двѣ главныя обязанности Академіи, общую и спеціальную. Согласно первой обязанности, Академія должна «расширять предѣлы знаній человѣческихъ, усовершенствовать науки, обогащать ихъ новыми открытіями, распространять просвѣщеніе, направлять, колико возможно, познанія ко благу общему, приспособляя къ практическому употребленію теоріи и полезныя слѣдствія опытовъ и наблюденій». Къ этой общей обязанности «присоединяется должность непосредственно обращать труды свои въ пользу Россіи, распространяя познанія естественныхъ произведеній Имперіи, изыскивая средства къ умноженію такихъ, кои составляютъ предметъ народной промышленности и торговли, къ усовершенствованію фабрикъ, мануфактуръ, ремеслъ и художествъ, сихъ источниковъ богатства и силы государствъ». Увеличивая число каѳедръ, между прочимъ, по наукамъ гуманитарнымъ, исторіи политической экономіи, статистикѣ, регламентъ устраняетъ односторонность утилитарнаго направленія, характеризовавшаго Академію XVIII столѣтія и допускавшаго права гражданства лишь для наукъ математическихъ и естественныхъ. Сообразно двумъ основнымъ цѣлямъ своей научной дѣятельности, теоретической и практической, Академія должна ежегодно издавать по одному тому «умозрительныхъ изслѣдованій» и «записокъ, достойныхъ примѣчанія по своей практической пользѣ, подъ именемъ Технологическаго журнала». Дѣйствительные члены Академіи, числомъ 38, раздѣляются на ординарныхъ академиковъ (18) и адъюнктовъ (20), «между коими полагается неопредѣленное число экстраординарныхъ академиковъ». Предоставляя Академіи полную свободу выбирать въ академики, адъюнкты, почетные члены и корреспонденты лицъ, «извѣстныхъ въ ученомъ свѣтѣ своими сочиненіями или полезными открытіями», русскихъ и иностранцевъ, даже сверхъ комплекта, и по наукамъ, не входящимъ въ составъ академическихъ, регламентъ удерживаетъ старый порядокъ спеціальной подготовки такъ называемыхъ «академическихъ воспитанниковъ». Эти воспитанники, въ числѣ 20, избираются изъ университетскихъ студентовъ и гимназистовъ, «имѣющихъ

постоянную склонность и отмѣнную способность къ одной изъ тѣхъ наукъ, коими Академія занимается» и опредѣляются въ Академію съ чиномъ 12-го класса, подъ руководство академиковъ. Послѣ экзаменовъ, завершающихъ спеціальную трехлѣтнюю подготовку, и заграничной командировки, воспитанники получаютъ чинъ 10-го класса и право на вакансіи адъюнктовъ. Регламентъ умалчиваетъ объ академической гимназіи. Съ учрежденіемъ университетовъ и гимназій она стала лишней и въ 1805 г. была упразднена, а оставшіеся въ ней 50 воспитанниковъ переведены въ губернскую петербургскую гимназію въ качествѣ пансіонеровъ Академіи. Управленіе Академіей распредѣляется между президентомъ, назначаемымъ Верховною властью «изъ особъ первыхъ четырехъ классовъ», непремѣннымъ секретаремъ, избираемымъ изъ академиковъ, конференціей, состоящей изъ академиковъ и адъюнктовъ, и комитетомъ правленія, состоящимъ изъ президента, двухъ академиковъ и двухъ совѣтниковъ, «свѣдущихъ законы и обрядъ гражданскій». Средства Академіи составляются изъ штатной ежегодной суммы въ 120.000 рублей и спеціальныхъ экономическихъ суммъ [51]).

Съ начала царствованія Александра I постепенно возродилось къ новой жизни другое высшее ученое учрежденіе, Россійская Академія. Еще до учрежденія Министерства, въ 1801 г., ей было возвращено прежнее содержаніе, отнятое Императоромъ Павломъ, а въ слѣдующемъ году даны средства на изданіе сочиненій и постройку особаго зданія. Подчиненная Министерству, Россійская Академія получила новый уставъ только въ 1818 г.

Къ началу 1812 г., среди политическихъ тревогъ и военныхъ приготовленій, готовилось открытіе въ С.-Петербургѣ Публичной Библіотеки, мысль о которой принадлежитъ Екатеринѣ II. Положеніе 14 октября 1810 г., подчинивъ Библіотеку вѣдѣнію Министерства, оставило ее подъ непосредственнымъ начальствомъ главнаго директора, которымъ тогда былъ графъ Д. А. Строгановъ. Въ 1811 г., по смерти Строганова, должность главнаго директора была упразднена, и помощникъ Строганова Оленинъ назначенъ директоромъ. 2 января 1812 г. Государь посѣтилъ Библіотеку, а 31 марта было издано «Начертаніе подробныхъ правилъ для управленія Императорскою Публичною Библіотекою.» Событія отечественной войны заставили отложить торжественное открытіе Библіотеки до 1814 г. [52])

Манифестъ 8 сентября 1802 г. отдалъ въ вѣдѣніе Министерства народныя библіотеки, собранія рѣдкостей, натуральные каби-

неты, музеи и «всякія учрежденія, какія впредь для распространенія наукъ заведены быть могутъ». Естественно, что заботы объ устройствѣ и развитіи всѣхъ этихъ учрежденій ложились на мѣстные учебные центры и мѣстную интеллигенцію. Министерство ограничивалось разсмотрѣніемъ и утвержденіемъ уставовъ и правилъ для отдѣльныхъ учрежденій и не принимало никакихъ общихъ мѣръ.

Вмѣстѣ съ уставами университетовъ и подвѣдомственныхъ имъ учебныхъ заведеній Главное Правленіе Училищъ приготовило законодательный актъ чрезвычайной важности: первый въ Россіи цензурный уставъ. Въ XVIII вѣкѣ наблюденіе за произведеніями печати не успѣло выдѣлиться въ особую, самостоятельную функцію высшей администраціи. Первыя цензурныя постановленія касались духовной литературы, и цензурныя обязанности возлагались на духовныя учрежденія. По уставу Славяно-Греко-Латинской Академіи, ректоръ и профессора должны были наблюдать, чтобы никто не читалъ и не имѣлъ у себя волшебныхъ, чародѣйныхъ, гадательныхъ и богохульныхъ книгъ. Съ учрежденіемъ Духовной Коллегіи, а затѣмъ Св. Синода, духовная цензура навсегда сосредоточилась въ его вѣдомствѣ. Отдѣленіе свѣтской цензуры отъ духовной совершилось по указу 4 октября 1727 г., когда наблюденіе за произведеніями свѣтской литературы поручено было Академіи Наукъ. Съ этого времени, въ теченіе всего XVIII вѣка, Академія играла роль центральнаго цензурнаго вѣдомства, въ особыхъ случаяхъ обращавшагося къ высшей инстанціи— Сенату. Съ 80-хъ годовъ начинаются заботы правительства объ устройствѣ мѣстныхъ цензуръ. Указомъ 15 января 1783 г. повелѣно было «типографіи для печатанія книгъ не различать отъ прочихъ фабрикъ и рукодѣлій,» вслѣдствіе чего дозволялось открывать ихъ повсюду безъ особыхъ разрѣшеній. Управамъ благочинія предписывалось отдаваемыя въ печать книги свидѣтельствовать, «чтобъ не было въ нихъ ничего противнаго законамъ Божіимъ и гражданскимъ». Указами 1796 и 1797 гг., «въ прекращеніе разныхъ неудобствъ, которыя встрѣчаются отъ свободнаго и неограниченнаго печатанія книгъ», частныя типографіи были закрыты и учреждены цензуры въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Ригѣ, Одессѣ и Радзивиловской таможнѣ, а въ 1799 г.—въ Вильнѣ, изъ трехъ лицъ въ каждомъ городѣ, назначаемыхъ Синодомъ, Сенатомъ, Академіею Наукъ и Московскимъ университетомъ. Въ высшей инстанціи цензурныя дѣла отданы въ вѣдѣніе 3-го департамента Сената.

Въ 1799 г. учреждены были цензоры при всѣхъ русскихъ портахъ, назначеніе коихъ предоставлено мѣстнымъ губернаторамъ. На содержаніе всѣхъ городскихъ цензуръ по штатамъ отпускалось свыше 20.000 рублей. Высшей инстанціей для отдѣльныхъ цензуръ былъ не только Сенатъ: по Высочайшему повелѣнію 4 іюля 1797 г. книги недозволенныя или сомнительныя подлежали разсмотрѣнію Совѣта Его Императорскаго Величества, а указъ 17 апрѣля 1800 г. подтвердилъ всѣмъ цензурамъ, чтобы онѣ безъ одобренія петербургской цензуры не дозволяли печатать книгъ. Наконецъ, крайнею мѣрою огражденія русскаго общества отъ «разврата вѣры, гражданскаго закона и благоденствія» явился указъ 18 апрѣля 1800 г., воспретившій ввозъ изъ за-границы всякаго рода книгъ и музыкальныхъ произведеній.

Вся эта система цензурныхъ установленій пала съ восшествіемъ на престолъ Императора Александра, какъ совершенно несогласная съ либеральными намѣреніями новаго правительства доставить обществу «всѣ возможные способы къ распространенію полезныхъ наукъ и художествъ». 31 марта 1801 г. отмѣнено было запрещеніе ввозить изъ за-границы всякія произведенія печати, а въ началѣ слѣдующаго года были уничтожены всякаго рода цензуры въ городахъ и при портахъ, дозволено вновь учреждать вольныя типографіи на основаніи закона 1783 г., но цензура печатаемыхъ въ нихъ книгъ была передана гражданскимъ губернаторамъ, при содѣйствіи директоровъ народныхъ училищъ; за учеными, учебными и другими правительственными учрежденіями, имѣвшими свои собственныя типографіи, оставлено право самостоятельной цензуры. Но и этотъ порядокъ былъ только временнымъ. Широта, съ которой очерченъ былъ кругъ вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія, возвышенный взглядъ на литературу, какъ на одинъ изъ главныхъ проводниковъ просвѣщенія, побудили возложить на это Министерство обязанности центральнаго цензурнаго вѣдомства. «Предварительныя правила народнаго просвѣщенія» предрѣшили, что «цензура всѣхъ печатаемыхъ въ губерніи книгъ принадлежитъ единственно университетамъ, коль скоро они въ округахъ учреждены будутъ». Руководствуясь этимъ постановленіемъ, Главное Правленіе Училищъ внесло въ уставы всѣхъ университетовъ, кромѣ Виленскаго, особыя главы о предварительной цензурѣ книгъ, издаваемыхъ въ предѣлахъ округа. Въ каждомъ университетѣ образуется цензурный комитетъ изъ декановъ всѣхъ факультетовъ; обязанности же лекторовъ цензуры

несутъ всѣ профессора, адъюнкты и магистры. Въ сомнительныхъ случаяхъ комитетъ представляетъ свое мнѣніе на разрѣшеніе совѣта университета. Жалобы авторовъ и издателей на цензурный комитетъ поступаютъ въ Главное Правленіе Училищъ. Уставы университетовъ не входятъ въ подробное изложеніе обязанностей цензоровъ, ограничиваясь общимъ замѣчаніемъ о цѣли учрежденія цензурныхъ комитетовъ, которая состоитъ въ томъ, «чтобъ отвратить изданіе сочиненій, коихъ содержаніе противно закону, правительству, благопристойности, добрымъ нравамъ и личной чести какого либо частнаго человѣка». Въ университетѣ Виленскомъ, по уставу его, обязанности цензурнаго комитета исполняются правленіемъ университета, куда представляютъ свои отзывы цензоры изъ профессоровъ каждаго факультета, въ сомнительныхъ случаяхъ обращающіеся къ собранію факультета.

Общимъ закономъ, объединяющимъ постановленіе университетскихъ уставовъ о цензурныхъ комитетахъ и подробно разъяснившимъ существо правъ и обязанностей цензуры, былъ «Уставъ о цензурѣ», составленный Главнымъ Правленіемъ Училищъ и Высочайше утвержденный 9 іюля 1804 г. Первымъ заговорилъ о необходимости такого закона Н. Н. Новосильцовъ въ засѣданіи Главнаго Правленія Училищъ 3 октября 1803 г., обратившій вниманіе Правленія на то, что до надлежащаго устройства цензурныхъ комитетовъ при университетахъ слѣдовало бы принять надежныя мѣры для предупрежденія злоупотребленій, которыя допускаются печатаніемъ книгъ, противныхъ религіи и правительству или клонящихся къ оскорбленію личной чести. Онъ предложилъ или установить предварительную цензуру въ лицѣ особыхъ цензоровъ, или издать законъ о книгопечатаніи, по образцу манифеста датскаго короля 1799 г., который бы точно опредѣлилъ кары авторамъ и издателямъ за книги, противныя религіи, государственному порядку и нравственности. Сначала Главное Правленіе Училищъ склонилось въ пользу втораго предложенія, и Новосильцовъ, по его порученію, составилъ переводъ датскаго закона о печати 1799 г. и проектъ необходимыхъ въ немъ измѣненій. Но академики Озерецковскій и Фусъ, на которыхъ была возложена подробная разработка вопроса о цензурѣ, высказались въ пользу установленія предварительной цензуры. Составленный ими проектъ легъ въ основаніе перваго цензурнаго устава. Во всеподданнѣйшемъ докладѣ объ утвержденіи устава и объ учрежденіи въ С.-Петербургѣ особаго цензурнаго комитета, до открытія университета, графъ

Завадовскій указалъ основную идею устава въ томъ, что имъ «нимало не стѣсняется свобода мыслить и писать; но токмо взяты пристойныя мѣры противъ злоупотребленія оной». На этомъ принципѣ основываются тѣ статьи устава, которыя опредѣляютъ существо цензорскихъ обязанностей. «Цензурный комитетъ и каждый цензоръ въ особенности при разсматриваніи книгъ и сочиненій наблюдаетъ, чтобы ничего не было въ оныхъ противнаго Закону Божію, правленію, нравственности и личной чести какого либо гражданина. Цензоръ, одобрившій книгу или сочиненіе, противное сему предписанію, какъ нарушитель закона, подвергается отвѣтственности по мѣрѣ важности вины» (§ 15). «Впрочемъ цензура въ запрещеніи печатанія или пропуска книгъ и сочиненій руководствуется благоразумнымъ снисхожденіемъ, удаляясь всякаго пристрастнаго толкованія сочиненій или мѣстъ въ оныхъ, которыя по какимъ либо мнимымъ причинамъ кажутся подлежащими запрещенію. Когда мѣсто, подверженное сомнѣнію, имѣетъ двоякій смыслъ, въ такомъ случаѣ лучше истолковать оное выгоднѣйшимъ для сочинителя образомъ, нежели его преслѣдовать» (§ 21)» «Скромное и благоразумное изслѣдованіе всякой истины, относящейся до вѣры, человѣчества, гражданскаго состоянія, законоположенія, управленія государственнаго или какой бы то ни было отрасли правленія, не только не подлежитъ и самой умѣренной строгости цензуры, но пользуется совершенною свободою тисненія, возвышающею успѣхи просвѣщенія».

Въ статьяхъ объ организаціи цензурныхъ комитетовъ и формальной сторонѣ ихъ обязанностей уставъ подробно развиваетъ тѣ постановленія, которыя вкратцѣ излагались въ университетскихъ уставахъ. Для книгъ, издаваемыхъ въ С.-Петербургскомъ учебномъ округѣ, учреждается особый цензурный комитетъ въ С.-Петербургѣ «изъ ученыхъ особъ, пребывающихъ въ сей столицѣ». Цензура сочиненій, издаваемыхъ Главнымъ Правленіемъ Училищъ, Академіями: Наукъ, Художествъ и Россійской, кадетскими корпусами, медицинской управой и разными правительственными учрежденіями и учеными обществами, возложена на попеченіе самихъ этихъ учрежденій. Журналы и періодическія сочиненія, выписываемыя изъ-за границы, разсматриваются въ особой цензурѣ при почтамтахъ. Вмѣстѣ съ уставомъ былъ изданъ примѣрный штатъ цензурнаго комитета въ С.-Петербургѣ. Наконецъ, духовная цензура по прежнему остается въ вѣдѣніи Св. Синода.

Ставъ высшей инстанціей по дѣламъ цензуры, Главное

Правленіе Училищъ старалось, по мѣрѣ возможности, сообразоваться съ либеральнымъ духомъ устава. Но постепенно, подъ давленіемъ внѣшнихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, свобода печати подвергалась въ нѣкоторыхъ вопросахъ ограниченіямъ, не согласовавшимся съ либеральнымъ духомъ устава. Такъ, послѣ Тильзитскаго мира всѣмъ учебнымъ округамъ предписано было, чтобы «цензуры не пропускали никакихъ артикуловъ, содержащихъ извѣстія и разсужденія политическія». Въ 1815 г. графъ Разумовскій запретилъ столичнымъ цензурнымъ комитетамъ пропускать въ журналахъ статьи, касающіяся Императорскихъ театровъ и актеровъ. Наконецъ, въ кругъ запретныхъ темъ, которыхъ почти не могла касаться литература, включено было крѣпостное право. Главному Правленію Училищъ приходилось иногда сдерживать чрезмѣрное усердіе цензоровъ, пускавшихся въ критику по существу разсматриваемыхъ книгъ, и разъяснять, что такая критика не входитъ въ обязанности цензуры, которой предоставлено только право внушать кроткими мѣрами сочинителямъ и переводчикамъ, чтобы они при изданіи въ свѣтъ сочиненій и переводовъ старались, сколько возможно, выправлять встрѣчающіяся въ слогѣ погрѣшности.

Наступавшая постепенно перемѣна въ общемъ характерѣ внутренней политики и ослабленіе прежняго довѣрія къ свободѣ общественнаго мнѣнія и свободѣ печати подготовили мѣру, которая нарушила единство цензурнаго вѣдомства, подтвержденное послѣ изданія цензурнаго устава указами: 6 декабря 1808 г. о непечатаніи никакихъ книгъ безъ разсмотрѣнія ихъ университетскими цензурными комитетами и 2 сентября 1810 г. о доставленіи въ Департаментъ Народнаго Просвѣщенія всѣхъ вновь издаваемыхъ книгъ, журналовъ и газетъ съ тою цѣлью, «чтобы Министерство Народнаго Просвѣщенія имѣло полныя свѣдѣнія по книгопечатанію по всей Имперіи». Но съ 1811 г. Министерство Народнаго Просвѣщенія должно было раздѣлить свои обязанности съ новоучрежденнымъ Министерствомъ Полиціи. Особенной Канцеляріи этого Министерства были поручены: «надзоръ за книгопродавцами и типографіями; наблюденіе, чтобы не обращались книги, журналы, мелкія сочиненія и листки безъ установленнаго отъ Правительства дозволенія; свѣдѣнія о дозволеніяхъ, данныхъ для тисненія новыхъ сочиненій и переводовъ; о вновь пропущенныхъ изъ за-границы книгахъ; дозволеніе представленія новыхъ театральныхъ сочиненій; надзоръ надъ изданіемъ и обращеніемъ разныхъ

публичныхъ извѣстій и прочіе предметы сего рода». Право разрѣшать открытіе частныхъ типографій оставлено за Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, но каждый разъ требовалось свидѣтельство отъ Министерства Полиціи о благонадежности предпринимателя. Мало того, министръ Полиціи облекался чрезвычайнымъ правомъ контроля надъ общей цензурой: «если министръ Полиціи усмотритъ, что въ книгахъ и сочиненіяхъ, и съ одобреніемъ цензуры изданныхъ, допущены мѣста и выраженія, подающія поводъ къ превратнымъ толкованіямъ, общему порядку и спокойствію противнымъ, таковыя министръ Полиціи обязанъ немедленно, съ замѣчаніями своими, вносить на Высочайшее усмотрѣніе и ожидать повелѣнія». Первый министръ Полиціи А. Д. Балашевъ понялъ очень широко свои цензурныя обязанности. Онъ просилъ графа Разумовскаго приказать цензурнымъ комитетамъ доставлять въ Министерство Полиціи свѣдѣнія о всѣхъ разрѣшаемыхъ ими въ печати книгахъ и не разрѣшать никакихъ частныхъ объявленій безъ дозволенія полиціи. «Цензурную ревизію» онъ сосредоточилъ въ особомъ комитетѣ, проектъ котораго былъ одобренъ Комитетомъ Министровъ и Высочайше утвержденъ 28 декабря 1811 г. Графъ Разумовскій заявилъ протестъ противъ этого учрежденія, справедливо доказывая, что оно лишаетъ общіе цензурные комитеты самостоятельности и даже дѣлаетъ ихъ ненужными. Съ своей стороны графъ Разумовскій составилъ проектъ измѣненій въ постановленіяхъ о цензурѣ для внесенія его въ Государственный Совѣтъ. Но этотъ протестъ былъ доложенъ Государю статсъ-секретаремъ Молчановымъ черезъ три мѣсяца и остался безъ послѣдствій. Уставъ 1804 г. формально сохранилъ свою силу, но на практикѣ его значеніе уже было подорвано [53]).

Князь Александръ Голицынъ

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Князь А. Н. Голицынъ. Министерство Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія (1817—1824 гг.).

I.

Назначеніе въ 1816 г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія князя А. Н. Голицына открыло новую эпоху въ исторіи Министерства. Въ это время, по окончаніи наполеоновскихъ войнъ, въ политикѣ Императора Александра, какъ и въ личныхъ его убѣжденіяхъ и характерѣ, совершалась глубокая перемѣна, отражавшая общій кризисъ въ политической и культурной жизни Европы: наступало торжество реакціи противъ результатовъ великой французской революціи и просвѣщенія XVIII вѣка.

Въ Россіи идеи западно-европейской реакціи пали на благопріятную почву въ тѣхъ кругахъ общества, которые не сочувствовали либеральнымъ реформамъ первой половины царствованія Императора Александра. Послѣ отечественной войны эти реформы стали подвергаться еще болѣе рѣшительному осужденію. Русское общество переживало тяжелую пору умственнаго броженія и смуты: старые идеалы колебались, новые еще не были созданы. Рѣзкими, но едва-ли преувеличенными, чертами охарактеризовалъ состояніе общества въ это время С. С. Уваровъ, бывшій тогда попечителемъ С.-Петербургскаго учебнаго округа, въ письмѣ за границу къ знаменитому Штейну: «состояніе умовъ теперь таково, что путаница мысли не имѣетъ предѣловъ. Одни хотятъ просвѣщенія безопаснаго, т. е. огня, который бы не жегъ; другіе (а ихъ всего болѣе) кидаютъ въ одну кучу Наполеона и Монтескье, французскія арміи и французскія книги, Моро и Розенкампфа, бредни Ш . . . . . . и открытія Лейбница; словомъ, это такой хаосъ криковъ, страстей, партій, ожесточенныхъ одна противъ другой,

всякихъ преувеличеній, что долго присутствовать при этомъ зрѣлищѣ невыносимо: религія въ опасности, потрясеніе нравственности, поборникъ иностранныхъ идей, иллюминатъ, философъ, франмасонъ, фанатикъ и т. п.; словомъ полное безуміе. Каждую минуту рискуешь компрометироваться или сдѣлаться исполнительнымъ орудіемъ самыхъ преувеличенныхъ страстей».

И религіозное настроеніе русскаго общества, каявшагося въ вольнодумствѣ и индиферентизмѣ, находило себѣ различный исходъ: одни возвращались къ положительному ученію православія, другіе попадали подъ вліяніе іезуитовъ, третьи увлекались туманнымъ мистицизмомъ, проповѣдью «внутренней церкви». Это послѣднее теченіе въ духовной жизни русскаго общества захватило и самого Императора Александра. Нравственныя потрясенія, перенесенныя въ великой борьбѣ съ Наполеономъ и личное знакомство съ корифеями западно-европейскаго мистицизма опредѣлили перемѣну его идеаловъ. Онъ поколебался въ идеяхъ своей юности и выразилъ новое, охватившее его, настроеніе въ знаменитомъ актѣ Священнаго Союза. По его мысли, принципы Священнаго Союза должны были не только водворить миръ и порядокъ въ международныхъ отношеніяхъ, но также руководить государями въ управленіи ввѣренными имъ государствами и воспитывать народныя массы. «Къ чему послужитъ Священный Союзъ», говорилъ Государь, «если начала его останутся одинокими и не проникнутъ въ сердце народа»? Ту же мысль выразилъ Сперанскій въ письмѣ къ Государю отъ 6 января 1816 г.: «всѣ благомыслящіе люди давно уже признали составъ такъ называемаго у насъ народнаго просвѣщенія весьма недостаточнымъ. При внутреннемъ свѣтѣ, озаряющемъ душу Государя, Его Величество нынѣ яснѣе еще, чѣмъ прежде, узритъ сіи недостатки. Если правила общественнаго порядка должны быть почерпаемы изъ ученія Христова, то кольми паче правила воспитанія» [54]). Такъ, общими условіями внѣшней и внутренней политики Россіи, опредѣлилась новая идеальная цѣль—«основать народное воспитаніе на благочестіи, согласно съ актомъ Священнаго Союза».

Въ лицѣ князя Голицына и его сотрудниковъ выступили представители новыхъ идеаловъ и воззрѣній на просвѣщеніе, прямо враждебныхъ тѣмъ, которыми вдохновлялись реформаторы первой эпохи. Князь Александръ Николаевичъ Голицынъ, сынъ капитана гвардіи, родился 8 декабря 1773 г.; еще мальчикомъ онъ былъ представленъ Императрицѣ Екатеринѣ, которой понра-

вился своею бойкостью. Воспитываясь въ Пажескомъ корпусѣ, онъ по праздникамъ являлся во дворецъ для игръ съ великими князьями Александромъ и Константиномъ. Въ 1791 г. князь пожалованъ былъ камеръ-юнкеромъ, а въ 1794 г. началъ военную службу поручикомъ Преображенскаго полка. Такъ блестяще начатая карьера была прервана кратковременной опалой при Императорѣ Павлѣ. Отставленный отъ службы по Высочайшему указу 6 мая 1799 г., князь жилъ въ Москвѣ до новаго царствованія. Императоръ Александръ приблизилъ къ себѣ товарища дѣтства, и князь Голицынъ снова вступилъ въ службу 2 сентября 1802 г. за оберъ-прокурорскій столъ 1-го департамента Сената, а 21 сентября назначенъ былъ оберъ-прокуроромъ этого департамента. Въ 1803 г., по увольненіи отъ должности синодальнаго оберъ-прокурора А. А. Яковлева, Государь пожелалъ назначить на его мѣсто князя Голицына, мотивируя свой выборъ необходимостью на этомъ важномъ посту имѣть преданнаго и близкаго, «своего» человѣка. Князь былъ удивленъ сдѣланнымъ ему предложеніемъ. Воспитанный въ духѣ религіознаго индиферентизма XVIII столѣтія, раздѣляя увлеченія свѣтскаго общества, князь Голицынъ откровенно заявилъ, что ни по убѣжденіямъ, ни по образу жизни онъ не годится для предлагаемаго ему поста: «Какой я прокуроръ, вѣдь я ничему не вѣрю»! говорилъ онъ Государю. Но Государь настоялъ на своемъ выборѣ, и указомъ 21 октября 1803 г. князь Голицынъ былъ назначенъ оберъ-прокуроромъ Св. Синода и статсъ-секретаремъ, что̀ давало ему право докладывать Государю синодскія дѣла лично, а не черезъ генералъ-прокурора или другихъ статсъ-секретарей, какъ было раньше. «Близость Голицына къ Государю придала блескъ и новой его должности, которая была до того времени невидною, и возвысила ее до степени равной съ первыми должностями въ государствѣ». Сначала служебная ревность молодого оберъ-прокурора вдохновлялась только формальнымъ чувствомъ долга, природной «языческой добросовѣстностью», по его собственнымъ словамъ. Но постепенно въ душѣ князя совершилась глубокая перемѣна, аналогичная той, которую испыталъ и его царственный другъ. Увлеченный подъемомъ религіознаго настроенія общества въ эпоху наполеоновскихъ войнъ, князь Голицынъ искренно заинтересовался религіозными вопросами; скептикъ и матеріалистъ превратился въ вѣрующаго человѣка и съ теченіемъ времени въ горячаго мистика. Исходя изъ мистическихъ понятій о церкви, не знаю-

щей вѣроисповѣдныхъ различій, князь Голицынъ «относился одинаково къ православной церкви, какъ и неправославнымъ церквамъ и исповѣданіямъ, принялъ подъ свое покровительство всѣ секты и религіозныя общества, не исключая людей Божіихъ и даже скопцовъ. Все это было для него явленіемъ одного и того же духа Христова, заслуживающимъ вниманія и уваженія».

Дѣятельность князя Голицына, какъ оберъ-прокурора, ознаменована нѣсколькими весьма важными мѣропріятіями, изъ коихъ нѣкоторыя имѣли близкую связь съ народнымъ просвѣщеніемъ. Подъ его предсѣдательствомъ были составлены особымъ комитетомъ Высочайше утвержденныя 26 іюня 1808 г. «Начертанія правилъ объ образованіи духовныхъ училищъ и содержаніи ихъ и духовенства». Указомъ того же дня учреждена была Комиссія Духовныхъ Училищъ. Далѣе, князь Голицынъ обратилъ вниманіе на организацію синодальнаго управленія, упорядочилъ канцелярію Синода и сношенія съ епархіальными архіереями, а въ 1805 г. испросилъ у Государя распоряженіе объ очередномъ вызовѣ архіереевъ для присутствія въ Синодѣ. Это распоряженіе способствовало усиленію власти оберъ-прокурора, позволяя ему оказывать вліяніе на наличный составъ членовъ Синода, такъ какъ вызовъ и увольненіе въ епархію архіереевъ совершались по докладамъ оберъ-прокурора.

Манифестомъ 25 іюня 1810 г. о новомъ раздѣленіи высшихъ государственныхъ установленій было учреждено «Главное управленіе духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій», и во главѣ новаго вѣдомства поставленъ князь Голицынъ, съ оставленіемъ въ должности оберъ-прокурора Св. Синода.

Въ 1812 г. князь Голицынъ временно управлялъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, а въ 1813 г. сдѣлался руководителемъ новаго религіозно-просвѣтительнаго предпріятія, Библейскаго общества въ С.-Петербургѣ, которое образовано было по инціативѣ Великобританскаго общества, ставившаго себѣ цѣлью распространеніе Св. Писанія между членами всѣхъ христіанскихъ исповѣданій, на разныхъ языкахъ, безъ всякихъ толкованій. Въ первомъ собраніи общества, 11 января 1813 г., участвовали представители самыхъ различныхъ круговъ общества: лица духовныя и свѣтскія, русскіе, англичане, нѣмцы, православные, католики, протестанты. Президентомъ комитета общества былъ избранъ князь Голицынъ. Государь, принявъ званіе члена общества, пожаловалъ ему единовременно 25 тысячъ рублей, а на будущее

время по 10 тысячъ ежегодно. Общество постановило на первое время ограничиться распространеніемъ въ народѣ, за самую малую плату, книгъ Ветхаго и Новаго Завѣта на славянскомъ языкѣ, пріобрѣтенныхъ отъ Св. Синода. Въ 1814 г. общество получило наименованіе «Россійскаго Библейскаго», съ правомъ открывать отдѣленія въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ. Тогда же въ составъ комитета общества впервые вошли нѣкоторыя лица изъ высшей православной іерархіи. Вслѣдствіе ограниченности запасовъ книгъ Св. Писанія, издаваемыхъ Синодомъ, самому обществу предоставлено было печатать Библію на свои средства, а въ 1816 г. разрѣшено приступить къ переводу Св. Писанія на русскій языкъ. Въ разрѣшеніи всѣхъ этихъ вопросовъ по устройству общества князь Голицынъ принималъ самое горячее участіе.

Занимая одновременно посты главноуправляющаго дѣлами иностранныхъ исповѣданій и оберъ-прокурора Св. Синода, пользуясь правомъ личныхъ докладовъ Государю, князь Голицынъ фактически пріобрѣлъ авторитетъ и положеніе министра духовныхъ дѣлъ къ тому времени, когда освободился постъ министра Народнаго Просвѣщенія, за выходомъ въ отставку 10 августа 1816 г. графа А. К. Разумовскаго. Мистицизмъ въ это время уже царилъ въ нѣкоторыхъ кругахъ общества. Личное настроеніе Императора Александра выразилось въ манифестѣ 1 января 1816 г., повторявшемъ идеи Св. Союза. Отставка графа Разумовскаго давала удобный поводъ приступить къ осуществленію идеи о просвѣщеніи народа въ духѣ Св. Союза. Первымъ шагомъ къ этой цѣли было назначеніе князя Голицына исправляющимъ должность министра Народнаго Просвѣщенія, съ оставленіемъ въ должностяхъ оберъ-прокурора и главноуправляющаго дѣлами иностранныхъ исповѣданій. Манифестъ 24 октября 1817 г. формально объединилъ всѣ эти вѣдомства учрежденіемъ Министерства Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія. Манифестъ такъ излагалъ цѣль и основанія реформы: «желая, дабы христіанское благочестіе было всегда основаніемъ истиннаго просвѣщенія, признали мы полезнымъ соединить дѣла по Министерству Народнаго Просвѣщенія съ дѣлами всѣхъ вѣроисповѣданій въ составъ одного управленія подъ названіемъ Министерства Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія. Само собою разумѣется, что къ оному присовокупляются и дѣла Св. Правительствующаго Синода съ тѣмъ, чтобы министръ Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія находился по дѣламъ симъ въ такомъ точно къ Синоду отноше-

нiи, въ каковомъ состоитъ министръ Юстицiи къ Правительствующему Сенату, кромѣ однако же дѣлъ судныхъ».

Для новаго Министерства нужны были новые люди. Его руководящими дѣятелями выступили теперь лица, рѣшительно осуждавшiя систему народнаго просвѣшенiя, созданную реформаторами первой эпохи. Въ либерализмѣ той эпохи и въ ея безусловномъ довѣрiи къ просвѣтительнымъ идеямъ XVIII вѣка представители новаго направленiя видѣли источникъ разнаго рода политическихъ потрясенiй и религiозныхъ смутъ. На почвѣ народнаго просвѣщенiя должна была теперь открыться борьба противъ политическаго либерализма и религiознаго вольнодумства XVIII-го и первыхъ лѣтъ XIX вѣковъ. Школа должна была стать орудiемъ политики.

Въ Главномъ Правленiи Училищъ, руководящемъ органѣ Министерства, наибольшимъ влiянiемъ стали пользоваться новые люди. То были: М. Л. Магницкiй, попечитель Казанскаго округа, Д. П. Руничъ, попечитель С.-Петербургскаго округа, А. С. Стурдза— крайнiе представители новаго направленiя. Болѣе умѣренныхъ взлядовъ держались: графъ И. С. Лаваль, архимандритъ Филаретъ, впослѣдствiи знаменитый митрополитъ Московскiй, графъ К. А. Ливенъ, попечитель Дерптскаго округа, впослѣдствiи министръ. Меньшее значенiе имѣли: М. А. Салтыковъ, оберъ-прокуроръ Св. Синода кн. Мещерскiй, ректоръ С.-Петербургской семинарiи архимандритъ Иннокентiй, баронъ Фитингофъ, членъ Евангелической консисторiи Адеркасъ, директоръ Департамента Торговли и Мануфактуръ Штеръ, О. С. Козодавлевъ, временно-управлявшiй Министерствомъ въ отсутствiе князя Голицына, З. Я. и Е. В. Карнѣевы, попечители Харьковскаго округа. Въ этомъ новомъ составѣ Главнаго Правленiя еще оставались нѣкоторые видные дѣятели предшествующей эпохи: С. С. Уваровъ, Н. И. Фусъ, И. И. Мартыновъ. Но Уваровъ, добившись открытiя С.-Петербургскаго университета, въ 1821 г. сложилъ съ себя званiе попечителя С.-Петербургскаго округа. Незамѣнимый труженикъ Фусъ съ прежнею ревностью продолжалъ нести на своихъ плечахъ текущую черную работу по должности члена Главнаго Правленiя Училищъ и Ученаго Комитета, уклоняясь отъ всякихъ столкновенiй въ принципiальныхъ вопросахъ съ руководителями новаго Министерства. Директоромъ Департамента Народнаго Просвѣщенiя былъ назначенъ В. М. Поповъ, бывшiй секретарь Библейскаго общества и директоръ Канцелярiи министра Внутреннихъ

Дѣлъ; директоръ другаго Департамента, Духовныхъ Дѣлъ, А. И. Тургеневъ былъ высокообразованный и гуманный человѣкъ, питомецъ Московскаго университетскаго благороднаго пансіона и Геттингенскаго университета; онъ находился въ близкихъ отношеніяхъ со всѣми выдающимися литературными дѣятелями того времени, состоялъ членомъ знаменитаго «Арзамаса», а съ 1812 г. несъ обязанности секретаря Библейскаго Общества.

Учрежденіе новаго Министерства возбудило недоумѣніе и тревогу среди лицъ, свободныхъ отъ мистическихъ увлеченій, хотя и непринадлежавшихъ къ либеральнымъ кружкамъ. Противъ него высказались Цесаревичъ Константинъ Павловичъ и Н. М. Карамзинъ. Даже дѣятели самого Министерства не всѣ были довольны. А. С. Стурдза, написавшій знаменитую инструкцію Ученому Комитету, вполнѣ сочувствуя основной мысли реформы—«сочетать навсегда науку съ религіей и скрѣпить благотворный между ними союзъ посредствомъ единства въ направленіи той и другой»—находилъ въ организаціи Министерства рядъ крупныхъ ошибокъ; по его мнѣнію, «самая грубая ошибка, впрочемъ умышленная, состояла въ томъ, что дѣла Синода и дѣла терпимыхъ религій, даже мусульманства и язычества, установили въ рядъ и распредѣлили по отдѣленіямъ и столамъ въ одномъ и томъ же департаментѣ». Дѣйствительно, эта несообразность, объясняемая общимъ характеромъ мистицизма той эпохи—вѣроисповѣднымъ индифферентизмомъ и полнымъ равнодушіемъ къ интересамъ господствующей церкви, возстановила, наконецъ, противъ Министерства православное духовенство и была причиной его паденія.

Министерство Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія просуществовало до 1824 г., когда вышелъ въ отставку князь А. Н. Голицынъ: онъ былъ побѣжденъ людьми, которые съ самаго основанія новаго Министерства усмотрѣли въ немъ врага православной церкви. Постепенно разростаясь, обвиненія противъ князя Голицына достигли чудовищныхъ размѣровъ: «слѣпотствующій министръ» рисовался «явнымъ врагомъ клятвеннымъ церкви и государства»; подъ его покровительствомъ зрѣлъ будто-бы планъ ниспроверженія православной вѣры, развращенія учащагося юношества, даже политической революціи, «разоренія Россіи».

Противъ князя Голицына сплотилась группа лицъ, очень различныхъ по характеру и убѣжденіямъ: митрополитъ Серафимъ, искренно убѣжденный въ опасности, грозящей церкви, могущественный временщикъ Аракчеевъ, видѣвшій себѣ соперника въ

князѣ Голицынѣ, мрачный фанатикъ—архимандритъ Фотій, «нравственный феноменъ»—Магницкій, понявшій шаткость положенія князя Голицына и заблаговременно примкнувшій къ его врагамъ. Въ числѣ враговъ министра былъ и адмиралъ Шишковъ, не принимавшій, впрочемъ, непосредственнаго участія въ борьбѣ противъ него. Навѣты Аракчеева, грубыя сцены, устроенныя Фотіемъ, предавшимъ министра проклятію, его посланія Государю «о томъ, какъ пособить, дабы остановить революцію», личныя жалобы митрополита произвели, наконецъ, свое дѣйствіе на Императора Александра. Въ 1824 г., когда происходили эти событія, онъ уже окончательно отрекся отъ либеральныхъ идей своей молодости и съ тревогою слѣдилъ за распространеніемъ «пагубнаго духа вольномыслія или либерализма». Его настроеніе въ это время было таково, что возможность политической революціи, какъ послѣдствія религіозно-нравственной смуты, не могла показаться ему невѣроятной.

Самъ князь Голицынъ понялъ, наконецъ, трудность своего положенія и обратился къ Государю съ просьбой уволить его отъ всѣхъ должностей. «Я чувствую», откровенно заявилъ онъ, «что на это пришла пора». Государь отвѣчалъ ему: «и Я, любезный князь, не разъ уже хотѣлъ объясниться съ вами откровенно. Въ самомъ дѣлѣ, ввѣренное вамъ Министерство какъ то не удалось вамъ. Я думаю уволить васъ отъ званія министра, упразднить сложное Министерство, но принять вашу отставку никогда не соглашусь. Вы останетесь при Мнѣ, вѣрнѣйшій другъ всего Моего семейства, и, кромѣ того, Я прошу васъ оставить за собою званіе члена Государственнаго Совѣта и главное управленіе почтовымъ департаментомъ. Такимъ образомъ дѣла пойдутъ по старому, и Я не лишусь вашей близости, вашихъ совѣтовъ».

15 мая 1824 г. князь А. Н. Голицынъ былъ уволенъ отъ должности министра, а 17 мая—отъ званія члена Комиссіи Духовныхъ Училищъ. Одновременно онъ сложилъ съ себя и обязанности президента Россійскаго Библейскаго общества. Оставаясь близкимъ человѣкомъ къ Императорской семьѣ, князь Голицынъ въ царствованіе Императора Николая I, въ 1830 г., былъ назначенъ канцлеромъ россійскихъ орденовъ; въ 1839—1843 гг. предсѣдательствовалъ въ общихъ собраніяхъ Государственнаго Совѣта. Кромѣ государственной службы, князь Голицынъ удѣлялъ много времени филантропической дѣятельности: былъ президентомъ Человѣколюбиваго Общества, содѣйствовалъ учрежденію

попечительнаго о тюрьмахъ общества, попечительства о бѣдныхъ, пріюта для неизлечимо больныхъ. Выйдя въ 1843 г. въ отставку, князь Голицынъ умеръ въ слѣдующемъ году въ Крыму [55]).

II.

Организація центральныхъ учрежденій Министерства Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія изложена въ актѣ «Учрежденія Министерства», сопровождающемъ манифестъ 24 октября 1817 г. и распадающемся на двѣ части: первая содержитъ постановленія общія и частныя объ отдѣльныхъ учрежденіяхъ, входящихъ въ составъ Министерства, вторая—«особенный наказъ» министру.

Соотвѣтственно двумъ главнымъ вѣдомствамъ, соединеннымъ въ Министерствѣ, учреждены два Департамента: Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія. Первый Департаментъ раздѣляется на четыре отдѣленія: 1) по дѣламъ греко-россійскаго исповѣданія, 2) по дѣламъ римско-католическаго, греко-уніатскаго и армянскаго исповѣданій, 3) по дѣламъ всѣхъ протестантскихъ исповѣданій, 4) по дѣламъ еврейской, магометанской и прочихъ вѣръ нехристіанскихъ. Въ Департаментѣ Народнаго Просвѣщенія, раздѣляющемся на четыре отдѣленія, сосредоточиваются дѣлопроизводства: 1) по Главному Правленію Училищъ (3 стола), 2) училищное (сношенія съ учебными округами—2 стола), 3) по особымъ заведеніямъ (2 стола), 4) хозяйственное (2 стола). Кромѣ того, въ Департаментѣ состоятъ столы секретарскій и журналистскій, вѣдающіе дѣла по управленію Департаментомъ. На особый столъ возложена обязанность храненія дѣлъ въ архивѣ.

Главное Правленіе Училищъ опредѣляется, какъ «Совѣтъ министра по части училищныхъ заведеній въ учебныхъ округахъ». Составъ и компетенція Главнаго Правленія остаются прежними: на его обязанности лежитъ разсмотрѣніе и составленіе всѣхъ новыхъ проектовъ по учрежденію и улучшенію учебныхъ заведеній. Особой канцеляріи Главнаго Правленія не полагается.

Отдѣльную часть Главнаго Правленія составляетъ Ученый Комитетъ, состоящій изъ трехъ или четырехъ членовъ. Ученому Комитету поручается: 1) разсмотрѣніе учебныхъ книгъ и пособій, 2) «сужденіе о книгахъ всякаго рода, входящихъ къ министру по разнымъ случаямъ и для разныхъ предлоговъ отъ издателей

и инымъ образомъ», 3) разсмотрѣніе проектовъ, предположеній и представленій по ученой части. Въ непосредственномъ вѣдѣніи Комитета находятся Экспедиція географическая, Экспедиція о снабженіи училищъ пособіями по части естественной исторіи и Журналъ Департамента Народнаго Просвѣщенія. «Содержаніе сего періодическаго сочиненія долженствуетъ быть съ наивящшимъ попеченіемъ и разборчивостью назначаемо и составлять изданіе столько же полезное, колико занимательное и пріятное для всеобщаго употребленія». Въ Ученомъ Комитетѣ сдѣлано было еще предложеніе, правда не осуществившееся, изъять изъ употребленія «Періодическое сочиненіе объ успѣхахъ народнаго просвѣщенія», какъ книгу опасную по нѣкоторымъ ся мѣстамъ, и замѣнить ее собраніемъ законовъ и правилъ, по плану Almanach de l'université de France.

Для непосредственнаго и ближайшаго занятія всѣми экономическими и казначейскими дѣлами по Департаменту Народнаго Просвѣщенія при Главномъ Правленіи Училищъ состоитъ хозяйственный комитетъ. Въ вѣдѣніи Департамента находятся еще книжный магазинъ и книжная лавка. Всего въ Департаментѣ Народнаго Просвѣщенія полагается 66 чиновниковъ, съ содержаніемъ въ 110.450 руб.. и въ Департаментѣ Духовныхъ Дѣлъ—44 чиновника, съ содержаніимъ въ 94.500 руб.

«Особенный наказъ» министру подробно регламентируетъ его власть, обязанности и отношенія къ отдѣльнымъ учрежденіямъ. Въ общемъ степень и предѣлы власти министра опредѣляются Общимъ учрежденіемъ Министерствъ 1811 г. Наказъ особенно подробно останавливается на отношеніяхъ министра къ духовнымъ учрежденіямъ, такъ какъ это были совершенно новыя отношенія. Должность оберъ-прокурора Св. Синода отдѣляется отъ должности министра и становится посредствующей инстанціей между нимъ и Синодомъ. Отношенія оберъ-прокурора Св. Синода къ министру приравниваются къ отношеніямъ оберъ-прокуроровъ Сената къ генералъ-прокурору. Доклады Государю по дѣламъ Синода дѣлаются министромъ. Министръ состоитъ членомъ Комиссіи духовныхъ училищъ и имѣетъ въ своемъ вѣдѣніи ея канцелярію. По дѣламъ иностранныхъ исповѣданій министръ сносится съ Римско-католической духовной коллегіей и Юстицъ-коллегіей лифляндскихъ и эстляндскихъ дѣлъ, чрезъ посредство ихъ прокуроровъ, «по правительственной токмо части дѣлъ»; по дѣламъ же судебнымъ эти коллегіи относятся къ Сенату и министру

Юстиціи. Заключительныя главы наказа посвящены подробностямъ назначеній на разныя должности по учрежденіямъ, входящимъ въ составъ Министерства, и порядка дѣлопроизводства въ Департаментахъ,—подробностямъ, не имѣющимъ важнаго значенія.

27 марта 1818 г. открылъ свою дѣятельность Ученый Комитетъ въ составѣ трехъ членовъ: графа И. С. Лаваля, Н. И. Фуса и А. С. Стурдзы. Въ первомъ засѣданіи Стурдза предложилъ составить подробный планъ занятій Комитета. 24 апрѣля проектъ инструкціи Комитету былъ одобренъ, причемъ только Фусъ сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній. Инструкція, утвержденная 5 августа 1818 г., явилась какъ бы комментаріемъ къ манифесту и «Учрежденію» Министерства 1817 г., раскрывающимъ духъ реформы. Основываясь на главѣ VII, §§ 82, 83 и 90 «Учрежденія» Министерства, инструкція указываетъ цѣль дѣятельности Комитета въ достиженіи «постояннаго и спасительнаго согласія между *вѣрою, вѣдѣніемъ и властью,* или, другими выраженіями, между христіанскимъ благочестіемъ, просвѣщеніемъ умовъ и существованіемъ гражданскимъ». Относя на этомъ основаніи всѣ вѣтви просвѣщенія къ тремъ кореннымъ началамъ—къ Богу, къ человѣку и къ природѣ, Стурдза предлагаетъ особую «классификацію учебной системы»: подраздѣленіе наукъ на теологическія, антропологическія и физико-математическія. Заключается инструкція подробными правилами, которыми Комитетъ долженъ руководиться при разсмотрѣніи книгъ. Особенная осторожность рекомендуется по отношенію къ книгамъ по философіи и естествознанію.

Необыкновенно обширный кругъ вѣдомства новаго Министерства былъ нѣсколько сокращенъ въ 1822 г., когда Высочайшимъ повелѣніемъ 30 мая всѣ медицинскія учрежденія, подвѣдомственныя Министерству Народнаго Просвѣщенія, переданы были въ вѣдѣніе Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, за исключеніемъ медицинскихъ факультетовъ, оставшихся въ составѣ университетовъ [56]).

III.

Преобразованіе системы народнаго просвѣщенія въ духѣ Священнаго Союза не коснулось основъ ея внѣшней организаціи: дѣленія государства на учебные округа, іерархіи учебныхъ заведеній, положенія университетовъ, какъ учебно-административныхъ центровъ. Общіе уставы университетовъ и среднихъ школъ 1804 г. не

были отмѣнены. Вниманіе рефарматоровъ сосредоточивалось на учебныхъ планахъ, на содержаніи предметовъ преподаванія и общемъ его направленіи, на гражданскихъ и нравственныхъ обязанностяхъ учащихъ и учащихся. Всѣ мѣры по этимъ вопросамъ клонились къ одной цѣли—изгнанію опаснаго духа философскаго вольномыслія и установленію «спасительнаго согласія между вѣрою, вѣдѣніемъ и властью».

Новыя просвѣтительныя идеи, провозглашенныя манифестомъ 24 октября 1817 г. и комментированныя инструкціей Ученому Комитету, предстояло примѣнить прежде всего къ университетамъ. Университетскій вопросъ теперь впервые осложнился политическими соображеніями, явившимися подъ вліяніемъ событій въ Германіи. Нѣмецкіе университеты приняли живое участіе въ національно-конституціонномъ движеніи, начавшемся въ Германіи въ исходѣ втораго десятилѣтія XIX вѣка. Послѣ Вартбургскаго праздника 1817 г. и убійства Коцебу «карлсбадскія конференціи», руководимыя австрійскимъ правительствомъ, выработали рядъ строгихъ мѣръ, ограничившихъ автономію германскихъ университетовъ и свободу преподаванія въ нихъ. Въ Россіи внимательно слѣдили за германскими событіями, и въ правительственныхъ сферахъ усвоенъ былъ взглядъ на нѣмецкіе университеты, какъ на очаги революціи. Выразителями его явились Стурдза и Магницкій. Авторъ инструкціи Ученому Комитету во время Ахенскаго конгресса, въ ноябрѣ 1818 г., составилъ записку о современномъ положеніи Германіи—«Mémoire sur l'etat actuel de l'Allemagne. Изображая опасности, которыми грозитъ спокойствію всей Европы революціонное движеніе въ Германіи, Стурдза съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на положеніи университетовъ и считаетъ необходимой коренную реформу: уничтоженіе средневѣковыхъ привилегій университетовъ, строгій контроль надъ преподаваніемъ. Магницкій, при обсужденіи въ Ученомъ Комитетѣ проекта новаго цензурнаго устава, съ обычной рѣзкостью изобразилъ политическую роль германскихъ университетовъ. «Профессоры безбожныхъ университетовъ», говорилъ Магницкій, «передаютъ тонкій ядъ невѣрія и ненависти къ законнымъ властямъ несчастному юношеству». На это обвиненіе возразилъ Фусъ: безбожныхъ университетовъ нигдѣ нѣтъ, а если есть въ нѣкоторыхъ изъ нихъ вольнодумцы, то простая справедливость запрещаетъ безъ убѣдительныхъ доказательствъ называть безбожными цѣлыя сословія и осуждать невинныхъ съ виновными. Но хотя не всѣ члены Главнаго Правленія Училищъ

раздѣляли крайніе взгляды Стурдзы и Магницкаго, въ общемъ авторитетъ германскаго университетскаго строя былъ подорванъ въ ихъ глазахъ. «Вооружаясь противъ университетовъ протестантской Германіи», говоритъ академикъ Сухомлиновъ, «члены Главнаго Правленія Училищъ не скрывали своего сочувствія къ католическимъ училищамъ Франціи и Австріи и въ особенности къ тѣмъ изъ нихъ, въ которыхъ наиболѣе господствовала клерикальная дисциплина».

Отрицательное отношеніе къ германскимъ университетамъ, смѣнившее прежнее увлеченіе ими, побуждало прежде всего оградить отъ ихъ вліянія русское учащееся юношество. 20 апрѣля 1820 г. Комитетъ Министровъ постановилъ отозвать изъ всѣхъ германскихъ университетовъ русскихъ студентовъ. Это положеніе не получило Высочайшаго утвержденія, но въ концѣ года графъ Нессельроде увѣдомилъ министра Внутреннихъ Дѣлъ, что Государь «обратилъ вниманіе на опасности, коимъ подвергаются подданные Его Величества, и именно студенты нѣмецкихъ провинцій Имперіи, кои находятся въ германскихъ университетахъ, сдѣлавшихся съ нѣкотораго времени театромъ всякаго рода неустройствъ, и гдѣ молодые люди почерпаютъ понятія самыя противныя религіи и нравственности». Признавая опасными лишь нѣкоторые университеты, Гейдельбергскій, Іенскій и Гиссенскій, и считая несвоевременнымъ общее распоряженіе объ удаленіи русскихъ юношей изъ нѣмецкихъ университетовъ, Государь выразилъ желаніе, чтобы Рижскій военный губернаторъ, маркизъ Паулуччи, «дружелюбными внушеніями и увѣщаніями» склонялъ родителей и опекуновъ къ вызову молодыхъ людей изъ Германіи, предупреждая, «что несогласіе ихъ на принятіе сего благонамѣреннаго совѣта покажетъ собственный ихъ образъ мыслей съ невыгодной стороны и будетъ имѣть послѣдствіемъ для ихъ дѣтей существенныя и неизбѣжныя неудобства въ Россіи». Маркизъ Паулуччи, увѣдомляя министра Внутреннихъ Дѣлъ о принятыхъ имъ мѣрахъ, высказалъ мнѣніе, что къ числу опасныхъ университетовъ слѣдуетъ отнести и Вюрцбургскій. Въ то же время попечитель Дерптскаго округа просилъ министра Народнаго Просвѣщенія исходатайствовать Высочайшее повелѣніе о недопущеніи въ Дерптскій университетъ студентовъ, обучавшихся прежде въ иностранныхъ университетахъ. Комитетъ Министровъ призналъ излишнимъ ходатайство объ особомъ Высочайшемъ указѣ и постановилъ уполномочить министра Народнаго Просвѣщенія разрѣшить этотъ вопросъ собствен-

ною властью: Дерптскій университетъ, по предписанію министра, долженъ былъ издать публикацію, что въ него не будутъ приниматься лица, обучавшіяся въ иностранныхъ университетахъ. 14 іюля 1822 г. Государь утвердилъ положеніе Комитета. Новымъ положеніемъ Комитета Министровъ 22 февраля 1823 г. запрещеніе обучаться въ четырехъ германскихъ университетахъ, признанныхъ особенно опасными, распространено было на юношество всего государства [57]).

Отрицательное отношеніе руководящихъ дѣятелей новаго Министерства къ основамъ университетскихъ уставовъ 1804 г. не вызвало, однако, общей реформы университетовъ. «Обновленіе» послѣднихъ совершалось путемъ отдѣльныхъ узаконеній и административныхъ распоряженій, посвященныхъ отдѣльнымъ университетамъ и вопросамъ университетской организаціи и преподаванія.

Самому радикальному преобразованію, руководимому М. Л. Магницкимъ, подвергся Казанскій университетъ. 10 февраля 1819 г. министръ, съ Высочайшаго разрѣшенія, поручилъ Магницкому, какъ члену Главнаго Правленія Училищъ, подробно обревизовать Казанскій университетъ, о положеніи котораго были получены неблагопріятныя извѣстія. Въ отчетѣ, представленномъ 9 апрѣля, Магницкій съ обычной рѣзкостью изобразилъ упадокъ университета: забвеніе «запутанными въ дѣлахъ и неблагонадежными» профессорами элементарныхъ требованій нравственнаго и служебнаго долга, распущенность студентовъ, небрежность и опасный духъ въ преподаваніи, жалкое состояніе учебныхъ пособій, злоупотребленія и безпорядки въ хозяйствѣ. Для искорененія зла Магницкій предложилъ крайнюю мѣру: по его мнѣнію, университетъ, «нарушившій коренныя обязанности свои, злоупотребившій сумму въ 2 милліона рублей (это была общая сумма расходовъ на университетъ со времени его основанія 5 ноября 1805 г.), причинившій очевидный вредъ не только отъ себя непосредственно, но и въ обширномъ округѣ, по непреложной справедливости и по всей строгости правъ, подлежитъ уничтоженію. Уничтоженіе сіе можетъ быть двухъ родовъ: 1) въ видѣ пріостановленія университета и 2) въ видѣ публичнаго его разрушенія». По докладу министра о результатахъ ревизіи Магницкаго послѣдовало Высочайшее повелѣніе: «для поддержанія Казанскаго университета въ существованіи его немедленно принять надлежащія мѣры къ приведенію всѣхъ частей онаго въ должный порядокъ»;

начать преобразованіе съ увольненія всѣхъ ненадежныхъ профессоровъ и замѣны ихъ профессорами изъ другихъ округовъ, притомъ преимущественно русскими людьми; предложить вопросъ о преобразованіи университета на обсужденіе Главнаго Правленія Училищъ. 14 іюня 1819 г. получили Высочайшее утвержденіе основанія реформы университета. Рѣшено было: 1) ввести преподаваніе богопознанія и христіанскаго ученія, 2) уволить ненадежныхъ профессоровъ, 3) учредить должность директора для экономической, полицейской и нравственной части, 4) преобразовать гимназію и главное народное училище. Исполненіе реформы возлагалось на попечителя, которымъ 8 іюня былъ назначенъ Магницкій. Въ руководство своимъ помощникамъ, директору и ректору университета, Магницкій составилъ инструкцію, Высочайше утвержденную 17 января 1820 г. Опубликованная въ Журналѣ Департамента Народнаго Просвѣщенія, она подробно излагаетъ, въ примѣненіи къ университету, идеи инструкціи Ученому Комитету, составленной Стурдзой, и вмѣстѣ съ послѣдней представляетъ полную программу дѣятельности Министерства Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія.

По смыслу Высочайшаго повелѣнія 14 іюня 1819 г. и инструкціи 17 января 1820 г. преобразованіе Казанскаго университета должно было совершиться безъ коренныхъ измѣненій его устава, путемъ административныхъ мѣръ, исходящихъ отъ попечителя и направленныхъ къ водворенію порядковъ, начертанныхъ въ инструкціи. Лишь нѣкоторыя мѣры, требовавшія измѣненій въ уставѣ, проходили черезъ центральныя учрежденія Министерства, Ученый Комитетъ и Главное Правленіе Училищъ, и утверждались законодательнымъ порядкомъ, или восходили на Высочайшее утвержденіе непосредственно по докладамъ министра.

Главное Правленіе Училищъ знакомилось съ результатами преобразованія университета по отчетамъ Магницкаго, которые, по словамъ его біографа, «были проникнуты самовосхваленіемъ, не знавшимъ никакихъ предѣловъ. Чѣмъ сильнѣе слышалось выраженіе сомнѣнія въ обществѣ, тѣмъ настойчивѣе старался онъ выставлять великія заслуги Казанскаго университета и довольно ясно высказывалъ желаніе, чтобы университетъ этотъ былъ принятъ образцомъ всѣхъ другихъ однородныхъ съ нимъ заведеній въ Россіи». Не входя въ подробный разборъ отчетовъ Магницкаго, Главное Правленіе нѣсколько разъ осторожно высказывало свои недоумѣнія и сомнѣнія. Такъ отчетъ за 1821—1822 г.

вызвалъ замѣчаніе, что въ немъ «заключаются однѣ только предположенія и очень мало о томъ, что́ сдѣлано»; въ другой разъ, по поводу пышной картины блестящаго состоянія университета, Главное Правленіе замѣтило, что для сужденія о ней «потребно постороннее достовѣрное утвержденіе и засвидѣтельствованіе». Произвольность отчетовъ Казанскаго попечителя побудила Главное Правленіе установить общія формы отчетовъ, обязательныя для попечителей всѣхъ округовъ.

Произведенная въ 1826 г., по Высочайшему повелѣнію, генералъ-маіоромъ Желтухинымъ ревизія раскрыла очень печальные результаты преобразованія Казанскаго университета. Профессорская корпорація и студенты были деморализованы, научная и литературная дѣятельность замерла. Обнаружены были также большія злоупотребленія въ веденіи университетскаго хозяйства. По разсмотрѣніи въ Главномъ Правленіи Училищъ донесенія Желтухина и оправданій Магницкаго, послѣдній 6 мая 1826 г. былъ уволенъ отъ должности попечителя и члена Главнаго Правленія Училищъ [58]).

Одновременно съ Казанскимъ Университомъ пережилъ тяжелое испытаніе его младшій собратъ, только что учрежденный университетъ С.-Петербургскій. Въ концѣ 1816 г. князь Голицынъ представилъ Государю проектъ своего предшественника о преобразованіи С.-Петербургскаго педагогическаго института, составлявшаго отдѣленіе будущаго университета, въ Главный педагогическій институтъ, высшее учебное заведеніе, замѣняющее университетъ. 23 декабря проектъ съ нѣкоторыми измѣненіями былъ утвержденъ. Уставъ, указывая спеціальное назначеніе института «въ образованіи учителей, магистровъ, адъюнктовъ, профессоровъ для всѣхъ училищъ въ Имперіи, подвѣдомственныхъ Министерству Просвѣщенія и независящихъ отъ онаго, наставниковъ для честныхъ учебныхъ заведеній или пансіоновъ, и для домашняго воспитанія», даетъ ему положеніе, близкое къ университету. Въ институтѣ «преподаются всѣ тѣ науки (исключая медицинскихъ), изящныя искусства и языки, коимъ обучаются въ университетахъ». Управленіе институтомъ организовано по образцу университетовъ. Въ служебныхъ и пенсіонныхъ правахъ и преимуществахъ профессора и проподаватели уравниваются съ преподавателями университетовъ. Комплектъ воспитанниковъ, принимаемыхъ на казенное содержаніе, назначенъ въ 100 человѣкъ. Курсы ученія раздѣляются: на «собственные» или спеціальные—для

воспитанниковъ, готовящихся къ профессорскому или учительскому званію, и публичные—для гражданскихъ чиновниковъ. Полный курсъ ученія проходится въ 6 лѣтъ и раздѣляется на предварительный—двухгодичный, высшій—трехгодичный и спеціальный—посвященный изученію педагогики. Предварительный курсъ обнимаетъ гимназическіе предметы, преимущественно старшихъ классовъ. Высшій курсъ раздѣляется на три отдѣленія или факультета: наукъ философскихъ и юридическихъ, наукъ физическихъ и математическихъ, наукъ историческихъ и словесныхъ. На публичныхъ курсахъ преподаются науки, нужныя для экзаменовъ на чины. Для производства этихъ экзаменовъ при институтѣ состоитъ особый комитетъ испытаній. Успѣшно окончившимъ курсъ воспитанникамъ дается право на чины 14—10-го классовъ. Лучшіе изъ казенныхъ воспитанниковъ, готовящіеся къ профессурѣ, посылаются за-границу подъ руководство иностранныхъ ученыхъ. Штатъ института исчисленъ въ 165.000 р. Въ эту сумму вошли 130.000 р., положенные по штату 1803 г. на университетъ.

При институтѣ 1 сентября 1817 г. былъ открытъ Благородный пансіонъ, подобный пансіону, существовавшему при Московскомъ университетѣ, на 100 воспитанниковъ. По курсу наукъ пансіонъ стоялъ ниже Главнаго педагогическаго института, а потому воспитанникамъ его, если бы кто пожелалъ изъ нихъ, предоставлялось право по выбытіи изъ пансіона довершать образованіе свое въ одномъ изъ факультетовъ Педагогическаго института. Управленіе пансіономъ устроено по образцу Царскосельскаго лицея: онъ находится въ вѣдѣніи попечителя округа и управляется правленіемъ, состоящимъ изъ директора института, инспектора пансіона и его помощника. По указу 14 февраля 1818 г. пансіонъ получилъ, вмѣстѣ съ Московскимъ университетскимъ пансіономъ, важное преимущество выпускать воспитанниковъ съ правомъ на чины 14—10-го классовъ и съ освобожденіемъ отъ экзаменовъ по указу 6 августа 1809 г.

Кромѣ пансіона при институтѣ, по инціативѣ попечителя, возникло еще особое отдѣленіе для приготовленія учителей уѣздныхъ и приходскихъ училищъ. Въ это время предполагалось дать широкое развитіе методѣ взаимнаго обученія въ начальныхъ школахъ, и въ 1818 г., по Высочайшему повелѣнію, были отправлены въ Англію 4 студента Педагогическаго института для практическаго ознакомленія съ этой методой. 13 апрѣля

1817 г. въ Главномъ Правленіи Училищъ С. С. Уваровъ, по поводу отчета о занятіяхъ студентовъ въ Англіи, высказалъ мысль о необходимости устроить «приличное и особое заведеніе, яко центръ для образованія нижнихъ народныхъ училищъ, и вмѣстѣ— приготовленія людей, способныхъ для введенія повсюду новой методы обученія». Архимандриты Филаретъ и Иннокентій, разсматривавшіе проектъ, высказались противъ него на томъ основаніи, что это отдѣленіе Педагогическаго института будетъ «чуждымъ членомъ въ цѣломъ организмѣ народнаго просвѣщенія». По ихъ мнѣнію, учителей для низшихъ училищъ должны были приготовлять гимназіи. Но Главное Правленіе согласилось съ Уваровымъ, и 25 октября 1817 г. былъ утвержденъ уставъ Втораго разряда Главнаго педагогическаго института. Воспитанники, въ числѣ 30 человѣкъ, набираемые преимущественно изъ дѣтей народныхъ учителей, обучавшихся въ уѣздныхъ училищахъ, принимаются на казенное иждивеніе. Четырехлѣтній курсъ обнимаетъ: Законъ Божій, русскій языкъ, математику и начала физики, исторію и географію, чистописаніе и рисованіе. Со временемъ Второй разрядъ долженъ соединиться съ Главнымъ институтомъ, но временно состоитъ подъ непосредственнымъ начальствомъ попечителя округа и подъ управленіемъ инспектора и хозяйственнаго комитета. Сверхъ того, для наблюденія за учебной частью учреждается особый совѣтъ, составленный изъ лицъ «опытныхъ въ народномъ воспитаніи». По недостатку свободныхъ суммъ, нужныхъ на содержаніе (30.000 р.) и первоначальное обзаведеніе (10.000 р.) Втораго разряда института, открытіе его пришлось отложить до 1819 г., когда онъ былъ преобразованъ въ Учительскій институтъ.

«Главному педагогическому институту для того, чтобы совершенно стать университетомъ, не доставало только этого имени и тогдашнихъ правъ университетовъ на управленіе дѣлами учебнаго округа». Оставленная было мысль объ основаніи университета въ С.-Петербургѣ снова возникла въ то время, когда основы уставовъ 1804 г. подвергались рѣзкому осужденію. Основаніе новаго университета не могло совершиться безъ борьбы между его инціаторомъ, молодымъ попечителемъ С.-Петербургскаго Округа, и дѣятелями новаго направленія. Уваровъ дѣйствовалъ поспѣшно, но осторожно. Когда Государь изъявилъ согласіе на учрежденіе университета, Уваровъ на слѣдующій же день представилъ заблаговременно приготовленный имъ проектъ «первоначальнаго обра-

зованія С. Петербургскаго университета», который и былъ утвержденъ 8 февраля 1819 г. Цѣль и сущность преобразованія Главнаго педагогическаго института въ университетъ изложена во § 2 этого акта: «образованіе учащихъ остается существеннымъ предметомъ С.-Петербургскаго университета на основаніи § 2 устава Главнаго педагогическаго института; но чрезъ учрежденіе С.-Петербургскаго университета достигаются еще другія цѣли, какъ-то: благоустройство С.-Петербургскаго учебнаго округа и распространеніе способовъ ученія на желающихъ довершить полный академическій курсъ высшихъ наукъ». Первоначальное образованіе университета сохранило въ основѣ уставъ института, дополненный нѣкоторыми новыми постановленіями. Особенностями устройства С.-Петербургскаго университета были: должность директора, назначаемаго безсрочно отъ правительства; раздѣленіе управленія между конференціей, управляющей ученой и учебной частями, и правленіемъ, вѣдающимъ хозяйство университета и дѣла округа; отсутствіе медицинскаго факультета и раздѣленіе на факультеты, существовавшее въ институтѣ. При университетѣ оставлены благородный пансіонъ и Второй разрядъ института, переименованный въ Учительскій институтъ.

Уставъ 8 февраля 1819 г. былъ временною мѣрой. Его долженъ былъ смѣнить полный уставъ, составленіе котораго предполагалось поручить «опытнѣйшимъ членамъ новаго университета». Обсужденіе этого устава въ Ученомъ Комитетѣ, Главномъ Правленіи Училищъ и двухъ особыхъ комитетахъ, съ участіемъ профессоровъ, вызвало открытый разрывъ между Уваровымъ и противниками стараго университетскаго строя. Проекту, который защищалъ Уваровъ, приписывалась цѣль «отвергнуть всякое нравственное и христіанское образованіе»; онъ былъ объявленъ «несогласнымъ съ духомъ правительства» и т. п. Въ іюлѣ 1821 г. Уваровъ вышелъ въ отставку. Его преемникомъ явился вѣрный союзникъ Магницкаго, Д. П. Руничъ, служившій ранѣе по Министерству Иностранныхъ Дѣлъ и по Герольдіи и въ 1819 г. назначенный членомъ Главнаго Правленія Училищъ. При обсужденіи инструкціи директору и ректору Казанскаго университета онъ заявилъ полное свое единомысліе съ Магницкимъ, а въ 1820 г. поднялъ знаменитое дѣло о книгѣ профессора Куницына—«Право естественное», предназначенной къ поднесенію Государю и одобренной Фусомъ. Руничъ представилъ безпощадный отзывъ объ этомъ сочиненіи, какъ «сборѣ пагубныхъ лже-

умствованій» и «святотатственномъ нападеніи на божественность Св. Откровенія, тѣмъ болѣе опасномъ, что оно покрыто широкимъ плащомъ философіи». Главное Правленіе постановило изъять книгу Куницына изъ продажи, отобрать ее изъ библіотекъ и отъ частныхъ лицъ, успѣвшихъ пріобрѣсти ее. Самъ Куницынъ былъ уволенъ отъ преподаванія въ университетѣ. Въ слѣдующемъ году назначенный исправляющимъ должность попечителя, Руничъ возбудилъ преслѣдованіе противъ профессоровъ Германа, Арсеньева, Раупаха, Галича, обвинивъ ихъ въ томъ, что «философскія и историческія науки преподаются въ университетѣ въ духѣ, противномъ христіанству, и въ умахъ студентовъ вкореняются идеи разрушительныя для общественнаго порядка и благосостоянія». Это дѣло прошло нѣсколько инстанцій: конференцію университета, Главное Правленіе Училищъ, Комитетъ Министровъ и, наконецъ, было прекращено въ февралѣ 1827 г. по повелѣнію Императора Николая I.

Въ своихъ представленіяхъ министру, доводимыхъ до свѣдѣнія Государя, Руничъ рѣзко осуждалъ преобразованіе Главнаго педагогическаго института въ университетъ и доказывалъ, что «институтъ съ переименованіемъ въ университетъ не преобразовался къ лучшему, а только лишился внутренняго порядка своего управленія, отъ чего произошло крайнее разстройство университета». «Чтобы доставить университету ту прочность, а государству ту пользу, которыя составляютъ всю важность высшихъ учебныхъ заведеній», Руничъ въ теченіе 1821—1822 г. предложилъ рядъ мѣръ, которыя должны были предшествовать новому полному уставу. Прежде всего, къ С.-Петербургскому университету примѣнена была инструкція директору и ректору Казанскаго университета. Затѣмъ, Высочайше одобрены были представленія: о пріостановкѣ въ 1822 г. пріема воспитанниковъ; «о разборѣ студентовъ по способностямъ и нравственности и увольненіи безнадежныхъ»; о закрытіи Учительскаго института; о преобразованіи С.-Петербургской гимназіи. Но своего особаго полнаго устава С.-Петербургскій университетъ не получилъ. Указомъ 4 января 1824 г. предписано было принять ему въ руководство уставъ Московскаго университета, «какъ древнѣйшаго изъ россійскихъ университетовъ, начала коего остались и понынѣ безъ всякихъ перемѣнъ кореннымъ закономъ сего высшаго учебнаго заведенія» [59]).

Слабѣе отразилось дѣйствіе новаго режима на остальныхъ

университетахъ. Въ Харьковѣ преслѣдованіе опаснаго духа въ преподаваніи вызвало увольненіе двухъ профессоровъ: философіи—Шада и математики—Осиповскаго. Въ іюнѣ 1824 г., черезъ мѣсяцъ послѣ отставки князя Голицына, въ Ученомъ Комитетѣ обсуждался проектъ Харьковскаго попечителя Е. В. Карнѣева о преобразованіи университета, встрѣтившій возраженія со стороны графа Лаваля и Фуса. Попечитель предлагалъ примѣнить въ Харьковѣ инструкцію Казанскому университету, измѣнить порядокъ назначенія ректора и декановъ: ректоръ долженъ назначаться высшимъ начальствомъ изъ чиновниковъ, свѣдущихъ въ наукахъ и опытныхъ въ службѣ, или изъ профессоровъ, но съ увольненіемъ отъ чтенія лекцій; деканы замѣняются непремѣнными совѣтниками, назначаемыми изъ постороннихъ лицъ по выбору начальства. Ученый Комитетъ одобрилъ эти предположенія, признавъ полезнымъ предоставить попечителю выборъ ректора изъ профессоровъ. Но дальнѣшаго движенія проектъ не получилъ.

Въ Дерптѣ попечитель графъ К. А. Ливенъ, искренній и ревностный піэтистъ, удалилъ изъ богословскаго факультета профессоровъ Хетцеля, Зегельбаха и Бёлендорфа, обвиненныхъ въ раціонализмѣ. Но тотъ же попечитель выхлопоталъ Дерптскому университету и подвѣдомственнымъ ему училищамъ новые уставы и штаты, надолго обезпечившіе имъ преимущество передъ другими университетами и учебными заведеніями другихъ округовъ [60]).

Магницкій и сторонники его взглядовъ старались придать частнымъ преобразованіямъ Казанскаго и С.-Петербургскаго университетовъ значеніе общихъ мѣръ. Они предлагали распространить эти преобразованія на всѣ университеты, изслѣдовавъ предварительно ихъ состояніе. Эти широкіе планы не были приведены въ исполненіе; но въ связи съ событіями въ Казани и С.-Петербургѣ были обсуждены и отчасти осуществлены нѣкоторыя общія мѣры по отдѣльнымъ вопросамъ университетскаго образованія.

Необходимость бдительнаго надзора за преподаваніемъ въ университетахъ признавалась руководящими дѣятелями Министерства послѣ 1816 г. также единодушно, какъ прежде составителями уставовъ 1804 г. свобода преподаванія считалась однимъ изъ главныхъ условій процвѣтанія университетовъ. Въ постановленіи Главнаго Правленія Училищъ 1821 г. о преподаваніи естественнаго права говорилось, что «всякое ограниченіе излишняго произвольства умствованій, зависящихъ отъ частнаго образа мыслей, водимыхъ страстями или заблужденіями, существенно полезно,

необходимо и должно быть обязанностью власти управляющей». Но мнѣнія о средствахъ этого надзора расходились. 10 марта 1823 г. Ученый Комитетъ обсуждалъ предложенный министромъ вопросъ: не нужно ли требовать отъ профессоровъ подробныхъ программъ по всѣмъ наукамъ, особенно философскимъ, для удостовѣренія въ духѣ преподаванія. Ученый Комитетъ высказался противъ этого предложенія, но призналъ полезнымъ представленіе вновь назначенными профессорами диссертацій для сужденія о ихъ знаніяхъ и направленіи. Непосредственный же надзоръ за профессорскими лекціями, по мнѣнію Комитета, лежалъ на обязанности попечителя. Въ томъ же году Магницкій въ отчетѣ о состояніи Казанскаго университета предлагалъ составить инструкціи для каждой каѳедры. Фусъ, дававшій въ Ученомъ Комитетѣ отзывъ объ этомъ отчетѣ, замѣтилъ, что «инструкціи полезны только тогда, когда вводятся для того, чтобы отнять возможность уклоняться отъ истиннаго предмета науки. Но если онѣ задерживаютъ ходъ науки, препятствуютъ введенію новыхъ началъ, ведущихъ къ новымъ открытіямъ, тогда онѣ вредны». Въ слѣдующемъ году Главное Правленіе Училищъ, отвергнувъ предложеніе попечителя Харьковскаго округа о составленіи профессорами для облегченія студентовъ краткихъ энциклопедическихъ обозрѣній читаемыхъ ими курсовъ, постановило по этому поводу, чтобы профессора представили черезъ совѣты университетовъ на одобреніе Главнаго Правленія подробные конспекты своихъ курсовъ, «безъ каковыхъ конспектовъ не можетъ быть дозволено впослѣдствіи ни одному профессору и самое преподаваніе». Это постановленіе было утверждено уже слѣдующимъ министромъ А. С. Шишковымъ [61]).

Магницкій, Руничъ и графъ Лаваль считали недостаточными мѣры надзора, но требовали прямо исключенія нѣкоторыхъ наукъ изъ круга университетскаго преподаванія. Противъ этой мѣры возсталъ попечитель Дерптскаго округа графъ Ливенъ. «Никакой учебный предметъ самъ по себѣ», говорилъ онъ, «не можетъ быть вреденъ, но духъ, въ которомъ онъ преподается, часто заслуживаетъ осужденія. Изъ курса университетскихъ наукъ нельзя исключить ни одного предмета, иначе университетъ перестанетъ быть университетомъ». Въ 1821 г. Ученый Комитетъ, по предложенію Главнаго Правленія, поручилъ графу Лавалю разсмотрѣть этотъ вопросъ, въ частности вопросъ о преподаваніи философіи. Инструкціи Ученому Комитету и ректору Казанскаго университета еще допускали преподаваніе философіи, хотя съ крайнею осторожно-

стію и преимущественно въ обличительномъ смыслѣ. Но въ 1823 г. Магницкій обратился къ министру съ оффиціальной запиской о запрещеніи преподаванія философіи, потому что «нѣтъ никакого способа излагать эту науку не только согласно съ ученіемъ вѣры, ниже безвредно для него». Магницкій ссылался на примѣръ Франціи, гдѣ будто бы правительство не допускало преподаванія философіи. Вопросъ отданъ былъ на предварительное обсужденіе графа Лаваля. Собранныя послѣднимъ свѣдѣнія о преподаваніи философіи во Франціи, его собственное мнѣніе и новые проекты Магницкаго обсуждались Главнымъ Правленіемъ Училищъ уже при слѣдующемъ министрѣ, когда 10 ноября 1826 г. было рѣшено, что «курсъ философскихъ наукъ, очищенный отъ нелѣпостей новѣйшихъ философовъ, основанный на истинахъ христіанскаго ученія и сообразный съ правилами монархическаго правленія, необходимъ въ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ».

Такой же опасности изгнанія изъ университетовъ подверглось «чадо философіи», по выраженію Магницкаго, наука естественнаго права, столь популярная въ XVIII вѣкѣ. Мнѣнія членовъ Главнаго Правленія Училищъ по этому вопросу раздѣлились. Стурдза и графъ Лаваль составили проекты курса естественнаго права, преслѣдовавшіе обличительныя цѣли. Магницкій и Руничъ настаивали на безусловномъ запрещеніи преподаванія этой «мнимой науки». Большинствомъ голосовъ Главное Правленіе постановило вытребовать отъ университетовъ всѣ руководства по естественному праву для разсмотрѣнія ихъ въ Ученомъ Комитетѣ и поручило составленіе новаго руководства Балугьянскому. Дѣло затянулось до 1825 г., когда Ученый Комитетъ рѣшилъ, что прекратить преподаваніе естественнаго права нельзя безъ Высочайшаго разрѣшенія. Вновь этотъ вопросъ былъ поднятъ при министрѣ С. С. Уваровѣ.

Для противодѣйствія опасному духу философскихъ и политическихъ наукъ Главное Правленіе Училищъ поспѣшило восполнить одинъ существенный пробѣлъ въ университетскомъ преподаваніи. Положенныя по уставамъ 1804 г. каѳедры богословія оставались незамѣщенными еще въ 1819 г. По постановленію Главнаго Правленія министръ циркуляромъ 22 февраля этого года предложилъ попечителямъ открыть каѳедры богословія. По общему для всѣхъ университетовъ правилу, «уроки богопознанія должны быть продолжаемы во весь курсъ ученья прочимъ пред-

метамъ, такъ чтобы всѣ студенты, доколѣ пребываютъ въ университетѣ, участвовали въ сихъ урокахъ». Число лекцій и ихъ распредѣленіе предоставлялось усмотрѣнію попечителя, а назначеніе профессора изъ духовныхъ лицъ—мѣстному архіерею [62]).

Движеніе законодательства и распоряженія Министерства по университетскому вопросу при князѣ Голицынѣ направлялись не только на достиженіе новыхъ просвѣтительныхъ цѣлей, но и на разрѣшеніе тѣхъ вопросовъ, которые были подняты практикой уставовъ 1804 г. еще въ первую эпоху. Недостатокъ въ профессорахъ былъ попрежнему значителенъ и препятствовалъ успѣхамъ университетскаго преподаванія. Приходилось одному профессору поручать преподаваніе нѣсколькихъ предметовъ, имѣющихъ мало связи между собой. Между тѣмъ, въ Высочайшемъ рескриптѣ князю Салтыкову 21 декабря 1815 г. повелѣвалось «отнынѣ не опредѣлять никого изъ чиновниковъ въ двѣ или три должности, по коимъ получаютъ они столько же окладовъ». Признавая невозможность примѣнить эту мѣру къ Министерству Народнаго Просвѣщенія, князь Голицынъ представилъ Государю докладъ, утвержденный 3 января 1817 г., о дозволеніи Министерству «профессоровъ и учителей опредѣлять на прежнемъ основаніи для преподаванія учебныхъ предметовъ въ разныхъ классахъ и мѣстахъ, съ окладами, по онымъ положенными». «Не безъизвѣстно Вашему Императорскому Величеству», писалъ министръ, «что при всѣхъ стараніяхъ правительства по части сего Министерства, при всѣхъ издержкахъ и при всѣхъ общихъ и частныхъ усиліяхъ, число людей, могущихъ съ честью и съ пользою заниматься преподаваніемъ, еще весьма ограничено, со включеніемъ даже и тѣхъ иноземцевъ, кои на сей конецъ по волѣ Вашего Величества призваны». Съ другой стороны приходилось ограждать университеты отъ недостойныхъ лицъ, искавшихъ каѳедры безъ достаточныхъ доказательствъ способности для занятія оныхъ. Циркуляромъ 19 февраля 1820 г. министръ предложилъ университетскому начальству руководиться § 79 устава Дерптскаго университета, требующимъ для занятія должностей профессора и адъюнкта ученыхъ степеней доктора и магистра. Постановленія университетскихъ уставовъ о пріобрѣтеніи ученыхъ степеней были недостаточно разработаны, и Комитетъ Министровъ въ 1818 г. поручилъ министру Народнаго Просвѣщенія «относительно точнѣйшей отвѣтственности при производствѣ на будущее время въ ученыя степени сообразить всѣ до сего касающіяся узаконенія и съ осо-

бымъ мнѣніемъ внести на уваженіе Комитета». При этомъ было предписано университетамъ временно прекратить производство въ ученыя степени. Утвержденное 20 января 1819 г. «Положеніе о производствѣ въ ученыя степени» распространено было, кромѣ университетовъ, на Полоцкую іезуитскую академію. Всѣ науки сгруппированы по четыремъ факультетамъ: богословскому, философскому, юридическому, медицинскому, независимо отъ распредѣленія факультетовъ въ каждомъ отдѣльномъ университетѣ. Ученыхъ степеней положено четыре: дѣйствительнаго студента, кандидата, магистра, доктора. Служебныя преимущества, соединенныя съ этими степенями, простираются только на лицъ, кои обучались въ казенныхъ россійскихъ учебныхъ заведеніяхъ [63]).

Какъ и въ первую эпоху, университеты были бѣдны слушателями и выпускали слишкомъ незначительное число педагоговъ и медиковъ, которыхъ прежде всего требовало отъ университетовъ правительство. Въ этомъ вопросѣ Министерство князя Голицына развивало мѣры, намѣченныя и отчасти осуществленныя его предшественниками. Для подготовки педагоговъ учрежденъ былъ Главный педагогическій институтъ и при немъ Второй разрядъ. По уваженію «чрезвычайной во врачахъ надобности по всѣмъ вѣдомствамъ въ Имперіи», въ 1819—1820 г.г. были устроены медицинскіе институты при университетахъ Московскомъ и Виленскомъ на 100 казенныхъ воспитанниковъ, Дерптскомъ—на 40. Въ 1823 г. разрѣшено было увеличить число казенныхъ студентовъ Казанскаго университета по факультетамъ: медицинскому, физико-математическому и ѳеико-филологическому, до 40 человѣкъ на каждомъ. Кромѣ этихъ постановленій для отдѣльныхъ университетовъ, въ 1819 г. разрѣшено было всѣмъ вообще университетамъ принимать въ число казенныхъ медицинскихъ воспитанниковъ молодыхъ людей изъ податныхъ состояній. Наконецъ, въ 1822 г., съ цѣлью вообще привлечь большее число слушателей въ университеты, повышены были права на чины окончившимъ курсъ со степенями дѣйствительнаго студента и кандидата: первой степени присвоенъ чинъ 12-го класса, второй—10-го класса. Это были преимущества Московскаго и Петербургскаго университетскихъ пансіоновъ, дарованныя имъ указомъ 14 февраля 1818 г. Необходимость распространенія ихъ на университеты мотировалась тѣмъ соображеніемъ, «что каждый по возможности старается поступить лучше въ пансіонъ, чѣмъ въ университетъ, поелику въ первомъ надѣется воспользоваться при

выпускѣ бо́льшимъ чиномъ, и такимъ образомъ университеты лишаются не малаго числа студентовъ» [64]).

Были предложены мѣры также для улучшенія подготовки студентовъ къ слушанію научныхъ курсовъ. Слабость научной подготовки студентовъ обнаружилась съ самаго начала дѣйствія университетскаго и гимназическаго уставовъ 1804 г., и тогда уже устраивались «пріуготовительные» курсы, имѣвшіе общеобразовательный характеръ и предшествовавшіе курсамъ спеціальнымъ. Но когда попечитель Харьковскаго округа въ 1819 г. представилъ Главному Правленію Училищъ предположеніе университета посвятить первые два года прохожденію приготовительныхъ курсовъ и лишь третій годъ спеціальнымъ факультетскимъ предметамъ, то получилъ отказъ; «нужно обратить особенное вниманіе», говорилось въ опредѣленіи Главнаго Правленія, «на преподаваніе въ гимназіи опредѣленныхъ тамъ наукъ, такъ чтобы учащіеся въ оной получали достаточное и полное образованіе во всѣхъ преподаваемыхъ тамъ наукахъ до той степени, какая требуется для студентовъ, способныхъ слушать профессорскія лекціи. Тогда гимназія достигнетъ точной своей цѣли, и университетъ, какъ высшее мѣсто для усовершенствованія въ наукахъ, не будетъ имѣть нужды заниматься непринадлежащимъ ему дѣломъ обученія приготовительнымъ наукамъ, кои составляютъ собственную обязанность гимназіи».

Въ 1824 г. Главное Правленіе Училищъ отвергло предложеніе о напечатаніи, для облегченія студентовъ, краткихъ энциклопедическихъ обозрѣній по наукамъ, по которымъ нѣтъ печатныхъ руководствъ. Напротивъ, было признано полезнымъ составленіе самими студентами записокъ, такъ какъ эта работа служитъ «къ усугубленію ихъ труда и поддержанію вниманія». Энциклопедическія обозрѣнія признаны были даже совершенно ненужными и вредными, «поелику всякое энциклопедическое образованіе, способствуя поверхностнымъ понятіямъ о наукахъ, не доставляетъ государству прямо образованныхъ членовъ, наводняетъ всякія состоянія людьми несвѣдущими и самонадѣянными, служащими въ тягость каждому обществу и начальству». Отвергая эти мѣры, Главное Правленіе Училищъ усвоило мысль Уварова, что подготовленіе слушателей для университетовъ есть главная обязанность гимназіи, и на этой мысли основало реформу средняго образованія [65]).

IV.

Уже при первыхъ двухъ министрахъ выяснились главныя препятствія успѣшному развитію средняго и низшаго образованія: несоотвѣтствіе учебныхъ плановъ потребностямъ общества, скудость матеріальныхъ средствъ, недостатокъ учителей. Съ появленіемъ князя Голицына во главѣ Министерства побужденія къ преобразованіямъ, вытекавшія изъ практики устава 6 ноября 1804 г., осложнились новыми общими воззрѣніями на задачи и средства народнаго просвѣщенія. Въ эту же эпоху начинаетъ крѣпнуть сознаніе преимущественной важности начальнаго образованія, какъ основы всей системы народнаго просвѣщенія, и необходимости создать болѣе дѣйствительныя мѣры для успѣшнаго его развитія. Въ 1817 г. въ докладѣ, составленномъ по проекту Уварова, объ учрежденіи Втораго разряда при Главномъ педагогическомъ институтѣ для приготовленія учителей приходскихъ и уѣздныхъ училищъ былъ высказанъ такой взглядъ на значеніе начальнаго образованія: «извѣстно и неоспоримо, что нижнія народныя училища служатъ существеннымъ основаніемъ народнаго образованія и тѣмъ необходимѣе, что предметъ обученія въ оныхъ долженъ необходимо простираться на самыя обширнѣйшія состоянія народа, распространять между онымъ истинное просвѣщеніе, развивать первоначальныя способности и открывать путь дарованіямъ къ употребленію ихъ на пользу во всякомъ родѣ познаній. По сему самому и въ общей системѣ нашего народнаго просвѣщенія училища таковыя состоятъ въ тѣсной связи съ высшими учебными заведеніями. Слѣдовательно, хорошія народныя училища способствуютъ къ цвѣтущему состоянію гимназій, приготовляя имъ способныхъ учениковъ и учителей въ достаточномъ всегда числѣ. Гимназіи тѣмъ же самымъ служатъ университетамъ, а отъ сихъ могутъ пріобрѣтать и академіи мужей съ талантами и основательными познаніями. Такимъ образомъ, нижнія народныя училища, яко первоначальные разсадники просвѣщенія, должны необходимо предохранены быть отъ конечнаго разстройства». По поводу того же учрежденія Уваровъ говорилъ, что «безъ надлежащей постановки воспитанія простаго народа вся система народнаго просвѣщенія—зданіе на пескѣ». Въ 1820 г., поручая вновь образованному комитету для учрежденія училищъ взаимнаго обученія сочинить проектъ устава Учительскаго института, министръ внушалъ,

что «народныя училища важнѣе академій и университетовъ и гораздо непосредственнѣе дѣйствуютъ на счастье народовъ и твердость государствъ» [66]).

Отчеты и представленія попечителей при князѣ Голицынѣ, какъ и въ первые годы дѣйствія устава 1804 г., свидѣтельствовали, что среднія и низшія школы не вполнѣ удовлетворяютъ потребностямъ общества. Такъ въ 1819 г. попечитель Московскаго округа, князь Оболенскій доносилъ, «что во всѣхъ почти гимназіяхъ число учащихся весьма не велико, а высшіе классы въ нѣкоторыхъ и вовсе пусты, отъ чего и число студентовъ въ университетѣ значительно быть не можетъ. Причина сему та, что въ гимназіяхъ обучаются дѣти или однихъ бѣдныхъ губернскихъ чиновниковъ, или купцовъ и мѣщанъ. Ни тѣ, ни другіе не оканчиваютъ всего курса наукъ: первые потому, что принуждены бываютъ скорѣе опредѣляться въ службу, дабы тѣмъ помочь своему семейству; а послѣдніе для того, что, научившись читать и писать столько, чтобъ умѣть вести торговые счеты, обыкновенно оставляютъ училище; въ гимназію же переходятъ весьма немногіе». Въ 1816 г. попечитель С.-Петербургскаго округа обратилъ вниманіе на несоразмѣрность числа учениковъ въ старшихъ классахъ петербургской гимназіи, до которыхъ доходитъ не болѣе 10—12 человѣкъ, противъ низшихъ классовъ, гдѣ бываетъ по 100 и болѣе человѣкъ; попечитель совмѣстно съ гимназическимъ начальствомъ изыскивалъ «способы, которые могли бы служить побужденіемъ для родителей не спѣшить записывать въ службу недозрѣлыхъ сыновей своихъ, но оставлять ихъ въ гимназіи до окончанія курса въ высшихъ классахъ». На отрицательное отношеніе всѣхъ классовъ общества къ среднимъ и низшимъ школамъ указывалъ въ 1822 г. Магницкій. «Дворянство», по его словамъ, «почти нигдѣ не отдаетъ дѣтей своихъ въ гимназіи, уѣздныя и приходскія училища по весьма справедливому опасенію дурныхъ примѣровъ, которые дѣти ихъ могутъ имѣть отъ сообщества съ приходящими дѣтьми разнаго состоянія»; низшіе же классы «нимало не уважаютъ преподаваемыхъ въ народныхъ училищахъ наукъ» и предпочитаютъ частное обученіе. Причинами такого отношенія разныхъ классовъ общества къ государственнымъ школамъ Магницкій считалъ многопредметность курсовъ гимназій и уѣздныхъ училищъ, недостатокъ въ способныхъ преподавателяхъ и учебныхъ пособіяхъ и вообще ошибочную организацію учебной части [67]).

Вопросъ о пересмотрѣ программъ гимназій былъ поставленъ

на очередь уже въ 1811 г., когда по инициативѣ С. С. Уварова въ петербургской гимназіи введенъ былъ, въ видѣ опыта, новый учебный планъ. 6 декабря 1816 г. Уваровъ внесъ въ Главное Правленіе Училищъ предложеніе распространить на всѣ вообще гимназіи программу петербургской, польза которой доказана опытомъ нѣсколькихъ лѣтъ. Согласно съ мнѣніемъ Уварова *), Главное Правленіе Училищъ 1 марта 1817 г. признало необходимымъ «сдѣлать нѣкоторую перемѣну въ образованіи всѣхъ гимназій вообще» и поручило попечителямъ передать этотъ вопросъ на обсужденіе университетовъ. Одновременно подверглись пересмотру программы уѣздныхъ и приходскихъ училищъ. Инициаторъ реформы, Уваровъ, и другіе члены Главнаго Правленія нѣсколько расходились во взглядахъ на ея значеніе. Уваровъ, исключая изъ курса гимназій науки политическія и философскія и полагая въ основу его древніе языки, желалъ облегчить гимназіи достиженіе ея основной, по его мнѣнію, цѣли—«составлять средоточіе между нижними училищами и университетами». Между тѣмъ Стурдза, графъ Лаваль, графъ Ливенъ, архіепископъ Филаретъ и другіе критиковали по преимуществу общеобразовательное значеніе программъ 1804 г. Для нихъ главными вопросами реформы были: уничтоженіе энциклопедичности средняго образованія, исключеніе общественныхъ и философскихъ наукъ, какъ опасныхъ въ политическомъ и религіозно-нравственномъ отношеніяхъ, поднятіе религіознаго образованія. Особеннымъ нападкамъ подверглась «пагубная система энциклопедическаго образованія». Ученый Комитетъ, соглашаясь съ этимъ мнѣніемъ, полагалъ ограничиться въ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ преподаваніемъ наукъ, «полезныхъ и нужныхъ во всякомъ званіи и извѣстныхъ подъ именемъ litterae humaniores, преподаваніе же наукъ философскихъ и политическихъ предоставить единственно университетамъ. 27 марта 1819 г. Главное Правленіе Училищъ утвердило составленные Ученымъ Комитетомъ новые планы гимназій, уѣздныхъ и приходскихъ училищъ, введенные въ дѣйствіе циркулярнымъ предписаніемъ 5 іюня того же года. Изъ предметовъ гимназическаго курса были исключены миѳологія, всеобщая грамматика, начальный курсъ философіи и изящныхъ наукъ, основанія политической экономіи, коммерческихъ наукъ и технологіи; взамѣнъ того усилено преподаваніе языковъ, особенно

*) Уваровъ ссылался также на мнѣніе графа С. О. Потоцкаго о необходимости преобразованія гимназій.

древнихъ *) и расширенъ курсъ географіи и исторіи. Изъ курса уѣздныхъ училищъ исключены начала естественной исторіи и технологіи и сокращены курсы географіи и исторіи; латинскій и нѣмецкій языки сдѣланы обязательными только для готовящихся въ гимназію. Для приходскихъ училищъ оставлены всѣ предметы преподаванія, положенные по уставу 1804 г.

Для поднятія религіознаго образованія по всѣмъ вообще гимназіямъ, уѣзднымъ, приходскимъ и другимъ училищамъ, «какого бы рода оныя ни были», предписано было ввести чтенія изъ Св. Писанія или чтенія изъ Евангелистовъ, издаваемыя Департаментомъ Народнаго Просвѣщенія. Они должны были замѣнить книгу «О должностяхъ человѣка и гражданина», исключенную изъ числа учебныхъ руководствъ по предложенію архіепископа Филарета на томъ основаніи, что она изложена «по философскимъ началамъ, всегда слабымъ». Особыми постановленіями въ 1819—1820 г. Главное Правленіе Училищъ предписало ввести во всѣ гимназіи, уѣздныя, приходскія и другія училища ежедневное чтеніе Новаго Завѣта, независимо отъ уроковъ Закона Божія. Въ награду отличившимся ученикамъ должны были выдаваться книги Св. Писанія или, по крайней мѣрѣ, духовнаго содержанія.

Петербургская гимназія снова получила особое устройство и права. Въ 1817 г. ей было даровано важное преимущество выпускать лучшихъ своихъ воспитанниковъ съ аттестатами, имѣющими равную силу съ университетскими, и съ правомъ на чинъ 14-го класса. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ ней прибавленъ былъ 8-й классъ для курса правовѣдѣнія. Благодаря этому преимуществу, гимназія получала характеръ высшаго учебнаго заведенія и отвлекала учащихся отъ университета. Въ 1822 г. въ высшихъ классахъ гимназіи было до 150 учениковъ, тогда какъ въ университетѣ вольноприходящихъ студентовъ — 27 человѣкъ. Въ 1822 г., по проекту Рунича, она была обращена въ обыкновенную гимназію, комплектуемую воспитанниками Императорскаго Человѣколюбиваго Общества; состоявшій же при ней Благородный пансіонъ былъ преобразованъ въ самостоятельное Высшее училище [68]).

---

*) Греческій языкъ признанъ полезнымъ учебнымъ предметомъ по гимназіямъ «для предварительнаго приготовленія желающихъ къ совершеннѣйшему обученію оному въ университетахъ. Обученіе сему языку по гимназіямъ вводится въ употребленіе, смотря по желанію довольнаго числа учениковъ и по возможности въ отысканіи способнаго къ преподаванію онаго учителя, что и поставить въ обязанность училищнымъ мѣстнымъ начальствамъ».

Труднѣе была борьба съ двумя другими главными препятствіями успѣхамъ средняго и низшаго образованія, которыя были сознаны, но не устранены предшественниками князя Голицына: съ недостаткомъ въ учителяхъ и со скудостью матеріальныхъ средствъ учебныхъ заведеній. Прямыя средства, которыми Министерство князя Голицына старалось восполнить недостатокъ въ учителяхъ, были неновы и намѣчены уже при двухъ первыхъ министрахъ. То были: учрежденіе Главнаго педагогическаго института—для приготовленія профессоровъ и преподавателей гимназій и уѣздныхъ училищъ и при немъ Втораго разряда, переименованнаго въ Учительскій институтъ—для приготовленія учителей низшихъ школъ, увеличеніе числа казенныхъ стипендіатовъ въ нѣкоторыхъ университетахъ и гимназіяхъ. Въ 1819 г., «для снабженія низшихъ училищъ способными учителями», по предложенію попечителя Московскаго округа, при гимназіяхъ всѣхъ округовъ, по мѣрѣ средствъ каждой, постановлено содержать по нѣсколько казенныхъ воспитанниковъ изъ дѣтей бѣдныхъ родителей, полагая на каждаго по 100—200 руб. въ годъ, съ обязательствомъ прослужить въ учебномъ вѣдомствѣ 6 лѣтъ. Въ 1822 г. попечитель Казанскаго округа испросилъ разрѣшеніе «имѣть при гимназіяхъ кандидатовъ учительства для уѣздныхъ училищъ на счетъ остатковъ отъ штатныхъ суммъ по симъ училищамъ, за неимѣніемъ при нихъ учителей составляющихся». Каждый кандидатъ долженъ былъ поступать на службу въ то училище, изъ суммъ котораго онъ получалъ стипендію.

Но суть вопроса о недостаткѣ въ преподавателяхъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній заключалась въ очень тяжелыхъ матеріальныхъ условіяхъ, въ какія была поставлена педагогическая профессія. Главной причиной общей скудости матеріальныхъ средствъ, которыми могли располагать учебныя заведенія, были все учащавшіеся отказы городскихъ обществъ отъ взносовъ дополнительныхъ суммъ по штатамъ 1803—1804 гг., которые самимъ правительствомъ признавались очень недостаточными. Помимо разныхъ случайныхъ мотивовъ, было найдено одно общее основаніе для этихъ отказовъ, признанное правильнымъ Министерствомъ Финансовъ. Сущность этого основанія изложена въ докладной запискѣ министра Народнаго Просвѣщенія Комитету Министровъ о введеніи во всѣхъ округахъ платы за ученіе. «Училища въ уѣздныхъ городахъ, въ которыхъ оныя до 1804 г. состояли и которыя содержаніе свое получали отъ городовъ, поль-

зуются, по преобразованіи своемъ въ уѣздныя училища, таковымъ дополненіемъ суммъ отъ городскихъ обществъ. Но въ тѣхъ городахъ, въ коихъ училища вновь учреждаются, лишены они сего пособія, поелику Министерство Финансовъ, въ вѣдѣніи котораго состоятъ городскіе доходы, принимаетъ помѣщенное въ вышеприведенномъ параграфѣ *) слово *понынѣ* въ томъ смыслѣ, что должны быть производимы отъ городскихъ обществъ только тѣ суммы, какія на которое либо изъ училищъ до времени состоянія помянутаго постановленія, т. е. до 1804 г., отпускаемы были. Такимъ образомъ, училища сіи, оставаясь на одномъ содержаніи отъ казны по штату, какъ выше изъяснено, весьма скудно опредѣленномъ, терпятъ въ семъ случаѣ крайнюю нужду и едва существовать могутъ, подкрѣпляясь иногда малыми пожертвованіями частныхъ лицъ, кои, однакожъ, суть только временныя и весьма невѣрныя и не надежныя». При такихъ условіяхъ трудно было устранить матеріальную необезпеченность учительскаго сословія. Испрашивая въ 1816 г. разрѣшеніе профессорамъ и учителямъ, по установившемуся обыкновенію, занимать по нѣсколько должностей съ присвоенными имъ окладами, министръ прямо объяснилъ недостатокъ въ учителяхъ именно этой необезпеченностью и соціальной приниженностью педагогической профессіи: «чего можно ожидать отъ людей, находящихся въ столь бѣдственномъ положеніи? Въ случаяхъ смерти учителей въ народныхъ училищахъ, по пространству Имперіи разсѣянныхъ, нѣтъ возможности замѣщать ихъ. Никто не избираетъ добровольно сего рода службы; всѣ стремятся къ другимъ, выгоднѣйшимъ и болѣе уважаемымъ». **) Отзывы попечителей, университетовъ, губернскихъ директоровъ училищъ вполнѣ совпадали съ этимъ безотраднымъ заключеніемъ министра. Особенно рѣзко высказался по этому вопросу Харьковскій попечитель, графъ С. О. Потоцкій, въ 1817 г.: «учителя, говорилъ онъ, при многотрудной и изнурительной должности, не получая ни отъ правительства, ни отъ частныхъ людей достаточныхъ средствъ къ содержанію себя и семейства, должны наконецъ возненавидѣть носимое ими званіе и искать случая перейти въ другой родъ службы... Скудное состояніе сихъ чиновниковъ произвело нынѣ

*) 161 § Устава 1804 г.: «уѣздныя училища содержатся отъ казны на штатномъ положеніи, съ дополненіемъ суммъ отъ городскихъ обществъ, понынѣ отпускаемыхъ».

**) По словамъ министра, въ гимназіяхъ и народныхъ училищахъ учителя получали жалованья отъ 150 до 750 рублей.

столь неблагопріятное послѣдствіе, что не только иностранцы, но и одноземцы наши, изъ коихъ многіе могли бы съ пользою занять учительскія мѣста, не иначе, какъ изъ одной крайности рѣшаются поступать на оныя. При такихъ обстоятельствахъ и опредѣленіе казенныхъ студентовъ нисколько не можетъ ослабить вреда, происходящаго отъ общаго нерасположенія къ учительскому званію: ибо и они, поступая въ службу по принужденію, болѣе помышляютъ о своемъ избавленіи, нежели о пользѣ учащихся. По симъ уваженіямъ, основаннымъ на самомъ опытѣ, онъ (попечитель) за достовѣрное полагаетъ, что никакія мѣры, принимаемыя училищнымъ начальствомъ для усовершенствованія учебной части, не могутъ быть успѣшными, если прежде всего не будетъ обращено попеченіе о доставленіи учительскому званію бóльшихъ выгодъ и уваженій». Однако Министерство не рѣшалось на общую, радикальную мѣру—возвысить вознагражденіе преподавательскаго труда. Въ 1817 г. министръ писалъ: «сколько съ одной стороны не представляется необходимымъ умноженіе содержанія учителей во время ихъ службы и вознагражденія ихъ по окончаніи оной, но съ другой—предпринять общую мѣру для лучшаго обезпеченія вдругъ всего многочисленнаго класса народныхъ учителей, по пространству Имперіи разсѣянныхъ, правительству крайне было бы затруднительно и едва ли возможно. Министерство Просвѣщенія помышляло потому давно о способѣ, посредствомъ котораго, не выходя изъ штатнаго положенія, возможно было бы улучшить нѣкоторымъ образомъ состояніе сихъ чиновниковъ». Такимъ средствомъ Министерство признало установленіе платы за ученіе, которая впервые введена была въ 1805 г. въ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ Дерптскаго округа. Въ апрѣлѣ 1817 г. Уваровъ внесъ въ Главное Правленіе Училищъ предложеніе установить въ учебныхъ заведеніяхъ Петербургскаго округа самую умѣренную, но постоянную плату за ученіе, ссылаясь на примѣръ Германіи, Франціи, Англіи и доказывая вредъ безплатнаго обученія, «возраждающаго нѣкую пагубную безпечность въ родителяхъ, особливо въ нижнемъ классѣ, и въ разсужденіи прилежнаго хожденія дѣтей въ училища и ихъ успѣховъ». Уваровъ предложилъ на собираемую съ учениковъ сумму организовать «кассу народныхъ училищъ въ столицѣ» для выдачи наградъ учителямъ. 14 іюня проектъ Уварова былъ утвержденъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ Главное Правленіе потребовало отъ другихъ попечителей и университетовъ мнѣнія о повсемѣстномъ введеніи платы за ученіе. Не всѣ попечители были

согласны съ Уваровымъ: попечитель Московскаго округа допускалъ установленіе платы лишь въ училищахъ самой Москвы; въ примѣненіи къ школамъ всего округа эта мѣра, по его мнѣнію, была бы вредна; попечитель Казанскаго округа соглашался допустить плату лишь съ цѣлью получить средства для наградъ отличнѣйшимъ учителямъ и для ремонта училищныхъ зданій; попечитель Харьковскаго округа считалъ возможнымъ взиманіе лишь «ничтожной» платы. Наконецъ, 1 февраля 1819 г. Высочайше утверждено было положеніе Комитета Министровъ о введеніи платы за ученіе въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ ее признаетъ нужной Министерство, которому предоставляется назначать размѣръ платы въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, соотвѣтственно мѣстнымъ обстоятельствамъ. Въ докладной запискѣ князя Голицына, внесенной въ Комитетъ Министровъ, необходимость введенія платы съ учениковъ доказывалась не только тѣми аргументами, которые два года тому назадъ выдвинулъ Уваровъ; теперь, по мнѣнію министра, плата за ученіе должна была служить тѣмъ важнымъ рессурсомъ, дополнявшимъ скудное штатное содержаніе учебныхъ заведеній, какимъ были пособія отъ городскихъ обществъ.

Очень мало успѣло сдѣлать Министерство для возвышенія соціальнаго положенія учителей среднихъ и низшихъ школъ, которое измѣрялось ихъ служебными правами и преимуществами. Уставы учебныхъ заведеній и Положеніе о производствѣ въ ученыя степени, опредѣливъ права учителей на чины и классы должностей, не устанавливали точнаго порядка чинопроизводства. Между тѣмъ, по отзыву министра, «когда учащіе не удостовѣрены въ точномъ классѣ званія своего и должны служить неопредѣленное время въ ономъ для полученія повышенія по службѣ, такъ что ученики ихъ, вышедшіе въ студенты или въ другой родъ службы, нерѣдко получаютъ предъ ними преимущества и обходятъ ихъ въ чинахъ; то учащіе и не остаются охотно въ семъ родѣ служенія, столь для нихъ невыгодномъ, и вновь поступить въ оное мало желающихъ находится». Высочайше утвержденнымъ 27 января 1822 г. мнѣніемъ Государственнаго Совѣта установленъ общій четырехлѣтній срокъ выслуги по учебной службѣ для утвержденія въ классномъ чинѣ, а 12 апрѣля того же года въ частности для утвержденія въ чинѣ 7-го класса губернскихъ директоровъ училищъ положенъ срокъ выслуги въ 9 лѣтъ. Пенсіонныя права учителей гимназій и уѣздныхъ училищъ и вдовъ ихъ опредѣлены были еще указомъ 7 октября

1805 г.; но въ этомъ указѣ былъ важный пробѣлъ: онъ умалчивалъ о пенсіонныхъ правахъ дѣтей. 28 декабря 1818 г., по инціативѣ князя Чарторыйскаго, пенсіонныя права вдовъ учителей были распространены и на ихъ несовершеннолѣтнихъ дѣтей съ тѣмъ ограниченіемъ, что при жизни вдовъ-матерей дѣти не получаютъ отдѣльныхъ пенсій [69]).

V.

Потребности правительства, интересы высшаго сословія, воля частныхъ жертвователей на устроеніе новыхъ учебныхъ заведеній вносили въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ существенныя измѣненія въ систему общеобразовательныхъ школъ и создавали школы особаго типа: «благородный пансіонъ», «лицей,» «гимназію высшихъ наукъ.» Типы эти обозначились уже въ первую эпоху, и Министерству князя Голицына предстояло дать имъ дальнѣйшее развитіе или задержать его въ интересахъ цѣльности системы общаго образованія.

Въ 1818 г. Ученый Комитетъ, по поводу учрежденія пансіона при Симбирской гимназіи, высказалъ мнѣніе, что «пансіоны суть такія учебныя заведенія, въ коихъ содержаніе и безпрерывный надзоръ сопряжены съ преподаваніемъ учебныхъ предметовъ». Но Главное Правленіе Училищъ рѣшило иначе, и 30 января слѣдующаго года постановило, какъ общее правило: «пансіоны при гимназіяхъ и при университетахъ вообще почитать токмо мѣстами, опредѣленными для содержанія учащагося юношества, ученію же онаго быть обще съ прочими въ гимназіяхъ и университетахъ»; отступленія отъ этого правила, не нарушающія «общаго порядка въ системѣ ученія по гимназіямъ», допускаются лишь съ разрѣшенія министра. Исключенія составили благородные пансіоны при С.-Петербургскомъ и Московскомъ университетахъ и Высшее училище, преобразованное изъ пансіона петербургской гимназіи [70]).

Съ преобразованімъ Главнаго педагогическаго института въ университетъ, Благородный пансіонъ оставался на прежнемъ основаніи, какъ самостоятельное учебное заведеніе, непосредственно подчиненное университету, до 1830 г., когда онъ былъ преобразованъ въ первую гимназію. Преобразованіе петербургской гимназіи въ 1822 г. совершенно отдѣлило отъ нея пансіонъ, соста-

вившій особое учебное заведеніе подъ именемъ Высшаго училища. Сохраняя преимущества пансіона, дарованныя указами 10 февраля 1817 г. и 14 февраля 1818 г., Высшее училище имѣло цѣлью готовить чиновниковъ для гражданской службы. Курсъ училища, продолжавшійся 8 лѣтъ, заключалъ въ себѣ слѣдующіе предметы: Законъ Божій, всеобщую и русскую исторію, географію и статистику, всеобщую и русскую, ариѳметику и высшую математику, физику, химію, науки естественныя, этико-юридическія, военныя, языки русскій, латинскій, нѣмецкій, французскій и англійскій, искусства. Въ 1830 г., одновременно съ Благороднымъ университетскимъ пансіономъ, Высшее училище преобразовано во Вторую гимназію.

Въ 1819 г. Московскому университетскому благородному пансіону дарованъ былъ новый уставъ. Обсужденіе его вызвало интересную полемику между Ученымъ Комитетомъ и начальствомъ пансіона, попечителемъ округа и директоромъ, затронувшую нѣкоторые принципіальные вопросы: объ энциклопедическомъ образованіи, о преподаваніи нѣкоторыхъ наукъ, объ отношеніи пансіона къ университету. По новому уставу, утвержденному въ видѣ временной мѣры подъ названіемъ «проекта постановленія», пансіонъ остался въ составѣ университета, въ зависимости отъ него и въ вѣдѣніи попечителя округа. Курсъ ученія составляли науки нравственныя, политическія, физическія, математическія, историческія, словесныя, иностранные языки, древніе и новые, изящныя искусства и гимнастическія упражненія. Весь курсъ ученія распредѣленъ по тремъ классамъ, имѣющимъ каждый два отдѣленія, старшее и младшее, такъ что весь кругъ предметовъ проходился въ шесть лѣтъ, не считая приготовительнаго класса, назначеннаго «для первыхъ началъ». Уставъ санкціонировалъ литературныя занятія воспитанниковъ пансіона: «для большаго образованія ума и вкуса воспитанники каждую недѣлю имѣютъ собраніе, состоящее изъ отличнѣйшихъ пансіонеровъ: въ собраніи читаются рѣчи о предметахъ ученыхъ и нравственныхъ, воспитанники разбираютъ собственныя сочиненія, пишутъ разборы лучшихъ отечественныхъ сочиненій, стихотворныхъ и прозаическихъ по правиламъ критики, отдаютъ другъ другу отчетъ въ еженедѣльномъ чтеніи своемъ, предлагаютъ сомнѣнія на чтеніе и вопросы на сужденіе и рѣшеніе и занимаются произношеніемъ стиховъ и прозы». При выпускѣ воспитанники пансіона получаютъ права на чины 14—10 классовъ, съ освобожденіемъ отъ экзаменовъ по указу 6 августа

1809 г. и съ правомъ производства въ офицеры по истеченіи шестимѣсячной службы въ нижнихъ чинахъ.

Въ 1818 г. Главное Правленіе Училищъ, обсуждая просьбу графа Кушелева-Безбородко о наименованіи открываемого въ городѣ Нѣжинѣ высшаго учебнаго заведенія «лицеемъ», высказало мнѣніе, что «учрежденіе вновь лицеевъ, гдѣ бы то ни было, не согласуется съ общепринятою Главнымъ Правленіемъ Училищъ системою народнаго просвѣщенія въ государствѣ.» Въ 1821 г., по другому поводу, Ученый Комитетъ заявилъ, что учрежденіе лицеевъ или гимназій высшихъ наукъ порождаетъ затрудненія и неудобства, «поелику права, предоставленныя послѣднимъ, подавляя истинное просвѣщеніе, ни къ чему другому не служатъ, какъ только къ размноженію чиновниковъ въ государствѣ и къ злоупотребленіямъ всякаго рода». Тѣмъ не менѣе въ слѣдующіе годы закончено было устройство нѣсколькихъ учебныхъ заведеній этого типа.

Царскосельскій лицей оставался въ вѣдѣніи Министерства до 1822 г. По Учрежденію Министерства Духовныхъ дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія 1817 г. управленіе лицеемъ отнесено къ 3-му отдѣленію Департамента Народнаго Просвѣщенія, вѣдавшему дѣла особенныхъ ученыхъ и учебныхъ учрежденій, независимыхъ отъ учебныхъ округовъ. Съ 1817-го по 1822 г. былъ изданъ рядъ постановленій, дополнявшихъ первые уставы лицея и благороднаго пансіона при немъ. Въ эти же годы распоряженіями министра внесены были нѣкоторыя частныя измѣненія въ учебный планъ и хозяйство лицея; между прочимъ, въ 1821 г. прекращено было преподаваніе естественнаго права и введена вмѣсто него наука о финансахъ. Въ 1822 г. директоръ лицея Энгельгардтъ представилъ министру проектъ устава «Общества лицейскихъ друзей полезнаго», образовавшагося изъ литературныхъ собраній у директора; но проектъ этотъ не получилъ утвержденія. Указомъ 18 марта 1822 г. лицей вмѣстѣ съ пансіономъ былъ изъятъ изъ вѣдѣнія Министерства и подчиненъ Цесаревичу Константину Павловичу.

Въ 1817 г. получилъ уставъ Ришельевскій лицей въ Одессѣ, замѣнившій коммерческую гимназію, уѣздное и приходское училища и Воспитательный институтъ. Названіе лицею дано въ честь дюка де-Ришелье, долго управлявшаго Новороссійскимъ краемъ и опредѣлившаго на основаніе лицея «знатную сумму ежегоднаго дохода, ему принадлежащаго и заслугами его пріобрѣ-

теннаго». Кромѣ суммъ, пожертвованныхъ Ришелье, на содержаніе лицея были опредѣлены еще: штатная сумма въ 6.500 рублей, положенная на коммерческую гимназію, пособіе отъ города въ 6.500 рублей, плата съ пансіонеровъ и особый сборъ съ отпускаемаго за-границу хлѣба, по 2½ коп. сер. съ четверти. Для управленія лицеемъ составляется совѣтъ изъ родителей учениковъ, подъ предсѣдательствомъ Одесскаго градоначальника, называемый правленіемъ лицея. Попечитель Харьковскаго округа ежегодно присылаетъ визитатора для наблюденія за учебной частью. Курсъ ученія заключаетъ въ себѣ: Законъ Божій, языки русскій, латинскій, греческій, французскій, итальянскій и нѣмецкій, словесность, риторику, географію и исторію, философію, математику и физику, военныя науки и «пріятныя искусства». Весь кругъ образованія дѣлится на три періода: приготовительный для дѣтей 8—10 лѣтъ, литературный—отъ 10 до 16, и высшихъ наукъ—отъ 16 до 18 лѣтъ. «Сіе раздѣленіе», говорится въ уставѣ, «основано на естественномъ расположеніи въ дѣтяхъ, у коихъ двѣ способности, память и воображеніе, болѣе всего дѣйствуютъ. Оныя будутъ изощряемы съ начала, а науки отложатся до того времени, когда разсудокъ начнетъ приходить въ зрѣлость». Воспитанники лицея поступаютъ на гражданскую службу съ чиномъ 12-го класса, въ армію—офицерами послѣ предварительной трехмѣсячной службы въ нижнихъ чинахъ. При лицеѣ состоятъ: начальное училище съ 4-хъ-лѣтнимъ курсомъ, педагогическій институтъ, воспитанники котораго обучаются въ общихъ классахъ лицея, училище правовѣдѣнія и политической экономіи и училище коммерческое, съ двухгодичнымъ курсомъ каждое. Учрежденіе этихъ спеціальныхъ училищъ вызвано было отдаленностью Одессы отъ Харьковскаго университета и мѣстными ея потребностями. Въ 1823 г. Ришельевскій лицей изъятъ былъ изъ вѣдѣнія попечителя Харьковскаго округа и отданъ подъ управленіе генералъ-лейтенанта графа Витта, который, въ качествѣ попечителя, долженъ былъ сноситься непосредственно съ министромъ.

Въ 1818 г. въ Министерство обратился графъ Кушелевъ-Безбородко съ просьбою привести въ исполненіе планъ дѣда своего, графа Безбородко, и брата его, князя Безбородко, объ учрежденіи въ г. Нѣжинѣ высшаго учебнаго заведенія,—планъ, Высочайше утвержденный 29 іюля 1805 г. Съ своей стороны графъ Кушелевъ-Безбородко щедро дополнилъ пожертвованія князя и графа Безбородко на построеніе новыхъ зданій и на первоначаль-

ное обзаведеніе училища. Главное Правленіе Училищъ не согласилось на присвоеніе новому учебному заведенію названія лицея и на дарованіе ему особыхъ правъ, присвоенныхъ указомъ 14 февраля 1818 г. пансіонамъ при С.-Петербургскомъ и Московскомъ университетахъ, такъ какъ «распространеніе сихъ привилегій на другія учебныя заведенія послужитъ непремѣнно въ подрывъ университетамъ». Было рѣшено учредить въ Нѣжинѣ, согласно съ планомъ 1805 г., гимназію высшихъ наукъ по образцу Ярославской демидовской, подчинить ее попечителю Харьковскаго округа, а графу Кушелеву-Безбородко и за нимъ старшему въ родѣ носить званіе почетнаго попечителя. Это рѣшеніе было утверждено 11 апрѣля 1820 г., а 19 апрѣля послѣдовалъ рескриптъ на имя министра о приведеніи его въ исполненіе. По уставу, который гимназія получила только въ 1825 г., «она состоитъ между учебными заведеніями въ числѣ занимающихъ первую степень послѣ университетовъ, въ Имперіи существующихъ, и отличается предъ губернскими гимназіями какъ высшею степенью преподаваемыхъ въ ней наукъ, такъ и особенными ей дарованными правами и преимуществами». Во главѣ управленія стоятъ директоръ, конференція профессоровъ и правленіе. Учебный курсъ, соединяющій предметы средняго и высшаго образованія (Законъ Божій, языки и словесность русскую, латинскую, греческую, нѣмецкую, французскую, географію и исторію, науки физико-математическія, политическія, военныя и искусства), распредѣленъ на три послѣдовательные разряда, по три годичныхъ класса въ каждомъ. По окончаніи курса воспитанники получаютъ званія кандидата съ правомъ на чинъ 12-го класса, и студента—съ правомъ на чинъ 14-го класса.

Ярославское демидовское высшихъ наукъ училище осталось при старомъ уставѣ, но въ 1823 г. получило новый увеличенный штатъ. Въ слѣдующемъ году была учреждена должность директора училища, а Ярославскій гражданскій губернаторъ, т. с. Безобразовъ, облеченъ званіемъ почетнаго попечителя училища. Вскорѣ училище было изъято временно изъ вѣдѣнія Московскаго университета, и почетному попечителю предоставлено право входить съ представленіями непосредственно къ министру [71]).

Благородные университетскіе пансіоны, лицеи, гимназіи высшихъ наукъ получали привилегію, подобно университетамъ, выпускать своихъ воспитанниковъ съ правомъ на классные чины. Явилась необходимость внести нѣкоторое единообразіе въ эти привилегіи, получаемыя каждымъ учебнымъ заведеніемъ отдѣльно,

въ разное время. Вопросъ дважды обсуждался въ 1817 г. въ Комитетѣ Министровъ, который, между прочимъ, высказалъ мнѣніе о предпочтительности домашняго образованія для богатыхъ дворянъ и о возможности допущенія ихъ прямо къ окончательнымъ экзаменамъ въ благородныхъ университетскихъ пансіонахъ. Но это предположеніе было отвергнуто Государемъ. Въ февралѣ 1818 г. было издано «Начертаніе подробныхъ правилъ объ испытаніяхъ» въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, кромѣ университетовъ, воспитанники которыхъ при выпускѣ получаютъ право на классный чинъ. Одновременно указомъ 14 февраля пансіонамъ Московскаго университета и Главнаго педагогическаго института даровано было право выпускать воспитанниковъ съ чинами 14—10 классовъ. Другимъ указомъ того-же дня на воспитанниковъ Демидовскаго ярославскаго училища, гимназій петербургской и кіевской, пансіоновъ Московскаго университета и Главнаго педагогическаго института распространено преимущество, присвоенное университетскимъ студентамъ: для полученія офицерскаго чина въ военной службѣ служить 6 мѣсяцевъ въ нижнихъ чинахъ [72]).

Новый типъ школы явился и въ области начальнаго образованія. Проекты новыхъ мѣръ для развитія начальнаго образованія создавались при князѣ Голицынѣ въ связи съ двумя общественными предпріятіями того времени, библейскими обществами и школами взаимнаго обученія по ланкастерской методѣ. Было сдѣлано нѣсколько попытокъ подчинить приходскія училища цѣлямъ библейскихъ обществъ; но эти попытки не шли далѣе предположеній и остались безрезультатны. Такъ, въ 1818 г. Ученый Комитетъ разсматривалъ проектъ неизвѣстнаго автора объ учрежденіи сельскихъ библейскихъ школъ; Комитетъ рѣшилъ, что тѣ же цѣли образованія въ духѣ христіанскаго благочестія могутъ быть достигаемы и обыкновенными приходскими училищами. Въ слѣдующемъ году въ Главное Правленіе Училищъ обратились вятскіе губернаторъ и архіерей съ планомъ учрежденія 200 приходскихъ училищъ въ казенныхъ селеніяхъ Вятской губерніи; авторы этого плана также проводили мысль о соединеніи непосредственной цѣли сельской школы съ цѣлями библейскихъ обществъ. Тогда же явился проектъ одного частнаго лица о передачѣ сельскихъ школъ всецѣло въ руки духовенства, но онъ былъ отвергнутъ послѣ отрицательнаго отзыва о немъ архіепископа Филарета. По заключенію послѣдняго, въ основѣ этого

проекта лежало предположеніе «преобразовать приходское духовенство и его управленіе ради образованія приходскихъ народныхъ училищъ». Не входя по существу въ разсмотрѣніе этого общаго вопроса, архіепископъ Филаретъ сдѣлалъ слѣдующія отдѣльныя возраженія: «должность діакона-земледѣльца (а таковыхъ большая часть, кромѣ городскихъ) соединить съ должностію учителя неудобно. Плата за ученіе не доставитъ насущнаго хлѣба, который доставляетъ воздѣлываніе земли собственными руками. Семинаристовъ, окончившихъ курсъ ученія, не достаетъ и для священническихъ мѣстъ: гдѣ же взять ихъ въ учители съ чиномъ діакона? Церковной суммы въ большей части церквей едва достаетъ на собственныя потребности церквей. Впрочемъ, мысль употребить діаконовъ для наставленія отрочества, въ частномъ видѣ, не совсѣмъ неудобоисполнима и даже заслуживаетъ вниманія» [73]).

Болѣе важное практическое значеніе имѣлъ задуманный въ широкихъ размѣрахъ опытъ примѣненія къ начальному образованію методы взаимнаго обученія, возникшей въ концѣ XVIII вѣка и быстро распространившейся въ Западной Европѣ. Въ первые годы управленія князя Голицына и общество и начальства тѣхъ вѣдомствъ, гдѣ были учебныя заведенія, возлагали большія надежды на эту методу. Ею серьезно интересовался самъ Императоръ Александръ. Въ 1816 г. Государь повелѣлъ командировать въ Англію для изученія методы Ланкастера и Беля 4-хъ студентовъ Главнаго педагогическаго института: Буссе, Ободовскаго, Свенске и Тимаева. Они посѣтили также въ Швейцаріи институтъ Фелленберга и Песталоцци, осмотрѣли разныя учебныя заведенія Германіи и 25 сентября 1819 г. вернулись въ Петербургъ. По поводу этой командировки въ Главномъ Правленіи Училищъ въ 1817 г. С. С. Уваровъ изложилъ свое мнѣніе о возможности введенія методы Ланкастера въ русскія школы. По его мнѣнію, «метода Ланкастера, какъ и всѣ методы, имѣютъ характеръ національный, а потому прежде всего необходимо разсмотрѣть ее во всѣхъ частяхъ и, отбросивъ то, что намъ безполезно и даже вредно, дать ей направленіе, согласное съ духомъ нашего народа и съ положеніемъ вещей въ Россіи». Въ докладѣ того же года объ учрежденіи Втораго разряда при Главномъ педагогическомъ институтѣ было сказано, что «сей разрядъ весьма удобно можетъ сдѣлаться разсадникомъ къ скорѣйшему и надежному распространенію помянутой методы въ пространныхъ предѣлахъ государ-

ства, съ приличнымъ примѣненіемъ оной къ народному духу, обычаямъ и другимъ обстоятельствамъ». Между тѣмъ, независимо отъ правительственной инициативы, въ С.-Петербургѣ образовалось «Общество для заведенія училищъ по методѣ взаимнаго обученія», уставъ котораго былъ утвержденъ 14 января 1819 г. Учредителями его были графъ Толстой, Глинка, Гречъ, Кусовъ. Въ 1819 г. общество насчитывало до 100 членовъ, собрало по подпискѣ единовременныхъ взносовъ до 5.000 рублей, а ежегодныхъ свыше 2.000. Общество ставило своими цѣлями: 1) сочиненіе и изданіе руководства къ учрежденію первоначальныхъ школъ, таблицъ для обученія чтенію, письму и ариѳметикѣ и прочихъ учебныхъ пособій; 2) учрежденіе въ С.-Петербургѣ сначала одного, а потомъ, по мѣрѣ средствъ, еще нѣсколькихъ училищъ; 3) содѣйствіе и матеріальную помощь всѣмъ желающимъ заводить школы внѣ С.-Петербурга. Въ докладѣ объ утвержденіи устава общества Министерство подтвердило свое рѣшеніе, что метода Ланкастера «будетъ общимъ для всего государства учрежденіемъ, по которому откроется средство къ первымъ началамъ обученія для всего нижняго и бѣднаго состоянія людей». Государь, заинтересованный новымъ просвѣтительнымъ предпріятіемъ, приказалъ отпустить 8.000 рублей на первое изданіе Департаментомъ Народнаго Просвѣщенія уроковъ изъ Священнаго Писанія, составленіе которыхъ поручено было архіепископу Филарету. 8 Мая 1819 г. въ особомъ засѣданіи Ученаго Комитета, съ участіемъ архіепископа Филарета, князя Ливена, Уварова и директора Департамента Народнаго Просвѣщенія Попова были обсуждены основанія, на которыхъ возможно введеніе ланкастерской методы въ Россіи въ приходскихъ школахъ. Протоколъ этого засѣданія былъ доложенъ Государю. Въ виду широкаго примѣненія, какое предполагалось дать новой методѣ въ дѣлѣ начальнаго образованія, при Главномъ Правленіи Училищъ въ 1820 г. былъ образованъ особый Комитетъ для устройства и наблюденія за училищами взаимнаго обученія; въ составъ его вошли Магницкій, Руничъ, Уваровъ и Мартыновъ *). Проектъ устава Комитета, составленный Магницкимъ, нѣсколько разъ подвергался обсужденію и не былъ утвержденъ до самаго закрытія Комитета въ 1831 г. Очень скоро Комитетъ сталъ во враждебныя отношенія къ обществу заведенія ланкастерскихъ

---

*) Въ январѣ слѣдующаго года Уваровъ былъ уволенъ отъ присутствованія въ Комитетѣ.

училищъ и въ началѣ 1821 г. требовалъ даже его закрытія, обвиняя его въ неисполненіи Высочайшаго повелѣнія объ употребленіи въ училищахъ взаимнаго обученія таблицъ, изданныхъ Департаментомъ Народнаго Просвѣщенія. Также недоброжелательно относился Комитетъ къ Учительскому институту при С.-Петербургскомъ университетѣ, который, подобно своему предшественнику, Второму разряду Главнаго педагогическаго института, долженъ былъ служить разсадникомъ учителей для приходскихъ училищъ, устроенныхъ по ланкастерской методѣ. Магницкій составилъ проектъ предварительныхъ правилъ институту съ пояснительной запиской. Но съ первыхъ же шаговъ дѣятельность института подверглась осужденію. Изъ отчетовъ Магницкаго и Мартынова Комитетъ усмотрѣлъ, что въ институтѣ преобладаетъ метода Песталоцци, признанная вредной; Комитетъ полагалъ даже пріостановить преподаваніе въ институтѣ до правильной постановки въ немъ ланкастерской методы. 25 мая 1821 г. министръ предложилъ попечителямъ учебныхъ округовъ строго наблюдать, чтобы училища взаимнаго обученія устраивались не иначе, какъ по методѣ Ланкастера. Скоро стали раздаваться голоса противъ самой методы. Въ засѣданіи Комитета 4 сентября 1822 г. было выслушано мнѣніе барона Фитингофа о необходимости прекратить распространеніе школъ взаимнаго обученія и о вредѣ ихъ. Это заставило Главное Правленіе Училищъ снова обсудить вопросъ о пригодности ланкастерской методы для приходскихъ училищъ. 20 сентября 1822 г. было рѣшено принять ланкастерскую методу въ приходскихъ училищахъ только при обученіи чтенію и письму и первымъ четыремъ правиламъ ариѳметики; для закона же Божія, хотя и допущены были чтенія изъ Священнаго Писанія, Ветхаго и Новаго Завѣта, составленныя преосвященнымъ Филаретомъ по методѣ Ланкастера, но дальнѣйшее преподаваніе этого предмета должно было идти обыкновеннымъ путемъ. Метода Ланкастера также усердно вводилась военнымъ вѣдомствомъ въ школахъ полковыхъ, военныхъ поселеній и военно-сиротскихъ отдѣленій. Высочайшимъ повелѣніемъ 1820 г. полковыя школы отданы были «подъ вліяніе» Министерства Просвѣщенія, съ увольненіемъ Н. И. Греча отъ должности директора полковыхъ училищъ и съ упраздненіемъ этой должности. Въ 1823 г., по взаимному соглашенію Министерства съ военнымъ вѣдомствомъ, «вліяніе» Министерства было ограничено снабженіемъ полковыхъ школъ руководствами и наблюденіемъ за

методою. Постановленіемъ Главнаго Правленія Училищъ 20 сентября 1822 г. закончились мѣропріятія Министерства при князѣ Голицынѣ по введенію въ Россію ланкастерской методы [74]).

Къ частнымъ учебнымъ заведеніямъ князь Голицынъ относился благожелательнѣе своего предшественника и отмѣнилъ нѣкоторыя стѣснительныя мѣры. Въ 1816 г князь ходатайствовалъ передъ Комитетомъ Министровъ объ освобожденіи учителей казенныхъ заведеній, имѣющихъ у себя воспитанниковъ, отъ платежа 5% сбора. Комитетъ, соглашаясь на эту мѣру, съ своей стороны предложилъ вообще уничтожить этотъ сборъ съ содержателей частныхъ учебныхъ заведеній, что̀ и было исполнено указомъ 5 декабря. 23 января 1823 г. отмѣнено было запрещеніе учителямъ публичныхъ училищъ основывать частныя учебныя заведенія, выраженное въ § 239 устава учебныхъ заведеній Дерптскаго округа 1820 г. Эта мѣра мотивирована тѣмъ, что «воспрещеніе таковое, не принося никакой существенной пользы, обращается въ стѣсненіе какъ для учителей, которые при недостаточномъ жалованьѣ могли бы извлекать для себя чрезъ сіе выгоды, такъ и для самыхъ частныхъ училищъ, потому что они лишаются возможности имѣть лучшихъ учителей».

Частныя училища при иновѣрческихъ церквахъ, подчиненныя С.-Петербургской Управѣ нѣмецкихъ училищъ, были поставлены въ болѣе тѣсную зависимость отъ общаго учебнаго начальства. Въ 1818 г., по сношенію попечителя С.-Петербургскаго округа съ Управой, она ограничилась управленіемъ только училища Св. Петра; училища же при церквахъ Св. Анны и Екатерины были непосредственно подчинены управленію округа. Въ 1823 г. Управа нѣмецкихъ училищъ переименована въ Управленіе училищъ церкви Св. Петра и поставлена подъ вѣдѣніе попечителя округа, которому она обязана отчетностью. По отношенію къ училищамъ попечитель «имѣетъ наблюденіе токмо въ томъ, что касается до нравственной цѣли въ преподаваніи учебныхъ предметовъ» [75]).

VI.

Въ двухъ учебныхъ округахъ въ которыхъ дѣйствовали особые уставы, Виленскомъ и Дерптскомъ, въ послѣдніе годы пребыванія у власти князя Голицына произошли важныя перемѣны въ учебномъ дѣлѣ.

Главный организаторъ учебной системы въ западномъ краѣ, князь Чарторыйскій, оставался въ должности попечителя Виленскаго учебнаго округа до 1824 г.; но во вторую половину царствованія Императора Александра онъ утратилъ свое прежнее вліяніе. Съ выходомъ въ отставку графа Завадовскаго онъ лишился надежной опоры въ Министерствѣ; графъ Разумовскій проводилъ въ Виленскомъ округѣ уже такія мѣры, которыя были противны цѣлямъ попечителя и его единомышленниковъ. Наконецъ, при третьемъ министрѣ обнаружились первые признаки новой политической смуты, разразившейся возстаніемъ 1830 г. Эти же политическія осложненія опредѣлили въ дальнѣйшемъ характеръ политики Министерства въ западныхъ областяхъ.

Предметомъ большихъ тревогъ и заботъ для князя Чарторыйскаго и его сотрудниковъ было сохраненіе единства управленія обширнымъ Виленскимъ округомъ и единства учебной системы. Учрежденіе Полоцкой іезуитской академіи, надѣленной правами и привилегіями университетовъ, уже нарушало это единство. Слѣдующій серьезный ударъ системѣ князя Чарторыйскаго нанесъ указъ 23 сентября 1818 г., изъявшій учебныя заведенія Кіевской губерніи изъ вѣдомства Виленскаго университета, «по отдаленности отъ онаго и затрудненію по сей причинѣ въ управленіи ими», и причислившій ихъ къ Харьковскому округу.

Торжество іезуитовъ было непродолжительно. Въ мартѣ 1820 г. былъ изданъ, по докладу князя Голицына, указъ о высылкѣ іезуитовъ изъ Россіи, объ упраздненіи Полоцкой іезуитской академіи и подвѣдомственныхъ ей училищъ; въ докладѣ изложены узаконенія, начиная съ Петра Великаго, которыми разрѣшалось іезуитамъ пребываніе въ Россіи, и обвиненія ихъ въ нарушеніи этихъ узаконеній и, главнымъ образомъ, въ совращеніи православныхъ въ римскій католицизмъ. Указъ предписывалъ: выслать іезуитовъ подъ присмотромъ полиціи за предѣлы государства; въ приходы, гдѣ требы исправлялись іезуитами, назначить другихъ лицъ бѣлаго или монашествующаго духовенства; наличныя деньги отобрать въ Приказы общественнаго призрѣнія; недвижимыя имѣнія отдать въ управленіе Казенныхъ Палатъ; духовному юношеству римско-католическаго исповѣданія обучаться въ семинаріяхъ епархіальныхъ и главной при Виленскомъ университетѣ, юношеству же свѣтскому—въ общихъ училищахъ, подвѣдомственныхъ университетамъ; указъ прибавлялъ, что «начальство Народнаго Просвѣщенія приложитъ стараніе, чтобы при

нынѣшней перемѣнѣ, ежели нужно, учреждены были въ Бѣлорусскихъ губерніяхъ вновь училища для свѣтскаго юношества». Изгнаніе іезуитовъ дало Виленскому университету поводъ хлопотать о возстановленіи единства учебной системы въ западномъ краѣ. Университетъ полагалъ, что достаточно будетъ дать только лучшее устройство губернскимъ гимназіямъ въ Могилевѣ и Витебскѣ и уѣзднымъ училищамъ въ Оршѣ и Мстиславлѣ, а въ Полоцкѣ на мѣсто іезуитской академіи учредить лицей. Но дворянство Бѣлорусскихъ губерній черезъ своихъ маршаловъ просило передать іезуитскія училища въ руки другихъ монашескихъ орденовъ. Это ходатайство было поддержано митрополитомъ Сестренцевичемъ, и съ нимъ согласился Государь. Въ началѣ 1821 г. Ученый Комитетъ разсмотрѣлъ представленные піарами и доминиканами планы новаго устройства училищъ въ Бѣлоруссіи и опредѣлилъ: 1) оставить ихъ въ рукахъ католическаго духовенства разныхъ орденовъ, 2) по учебной части подчинить ихъ вѣдѣнію Виленскаго университета, хозяйственное же управленіе предоставить духовенству, 3) въ Полоцкѣ учредить училище высшихъ наукъ, въ другихъ городахъ низшія, 4) духовенству каждаго ордена поручить составленіе уставовъ и штатовъ для нравственнаго и хозяйственнаго управленія ввѣренными имъ училищами. На слѣдующій годъ дѣло было перенесено въ Комитетъ Министровъ. Князь Голицынъ, согласно съ Высочайшимъ повелѣніемъ и мнѣніемъ митрополита Сестренцевича, полагалъ передать поіезуитскія училища въ Бѣлоруссіи, въ Полоцкѣ—піарамъ, въ Оршѣ—доминиканамъ, въ Мстиславлѣ—бернардинамъ, въ Витебскѣ—базиліанамъ, назначивъ на содержаніе этихъ четырехъ училищъ 52.000 рублей, которые должны получаться съ предоставленныхъ каждому монастырю недвижимыхъ имѣній. Но Государь по послѣднему пункту утвердилъ другое мнѣніе Государственнаго контролера и министра Финансовъ, предложившихъ выдавать назначенную сумму изъ казны, имѣнія же поіезуитскія оставить въ казенномъ управленіи. По другимъ пунктамъ представленіе министра и предположенія Ученаго Комитета получили утвержденіе. Въ томъ же 1822 г., по представленію Великаго Князя Константина Павловича, воспрещено было юношеству западныхъ губерній обучаться въ заграничныхъ іезуитскихъ училищахъ; министру же Народнаго Просвѣщенія поручено распространить это правило и на прочія губерніи.

Перечисленіе Кіевской губерніи въ составъ Харьковскаго

учебнаго округа было крупной непріятностью для польской патріотической партіи. Но съ другой стороны въ томъ же году польское вліяніе въ юго-западномъ краѣ упрочивалось преобразованіемъ Кременецкой гимназіи въ Волынскій лицей. Рескриптъ 18 января 1819 г. на имя князя Голицына мотивировалъ это преобразованіе тѣмъ, что «губерніи Волынская и Подольская, по отдаленности ихъ отъ Виленскаго университета, имѣютъ надобность въ высшемъ училищѣ, которое благородному юношеству могло бы, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ частяхъ, замѣнять университетъ». Переименованіе гимназіи въ лицей не измѣнило ни организаціи ея, ни правъ. Единство управленія округомъ не было нарушено, такъ какъ лицей оставался въ зависимости отъ Виленскаго университета. Энциклопедизмъ учебнаго плана и спеціализація курсовъ получили еще большее развитіе. Въ общемъ, подобно гимназіи, «лицей былъ заведеніемъ совершенно польскимъ и по учебному языку, и по составу преподавателей, и лицъ начальствующихъ, и по характеру учебныхъ книгъ, и школьной жизни и, наконецъ, что̀ всего важнѣе, по большинству въ составѣ учащихся. Такой характеръ заведенія не былъ какимъ либо преступнымъ секретомъ, результатомъ чьихъ либо тайныхъ происковъ и вреднаго внушенія. Напротивъ, это было дѣломъ, освященнымъ русскою законодательною и правительственною властію».

Подчиненіе поіезуитскихъ училищъ въ Бѣлоруссіи въ учебномъ отношеніи Виленскому университету и преобразованіе Кременецкой гимназіи въ лицей были послѣдними успѣхами политики князя Чарторыйскаго. Въ теченіе двадцати лѣтъ подъ его управленіемъ учебная система въ западныхъ и юго-западныхъ губерніяхъ служила польской національно-государственной идеѣ. Высшее правительство и въ частности Министерство Народнаго Просвѣщенія не сознавало всѣхъ опасностей, которыми грозила эта система, и выступало на защиту русскихъ интересовъ лишь въ крайнихъ случаяхъ явнаго ихъ нарушенія. Такъ, при первыхъ двухъ министрахъ обращено было вниманіе на слабость преподаванія русскаго языка. При князя Голицынѣ замѣчено было, что ученики православнаго исповѣданія въ юго-западныхъ школахъ не имѣютъ православныхъ учителей и ходятъ, по общему школьному порядку, со всѣми прочими въ костелы. Въ предложеніи 23 сентября 1821 г. министръ обратилъ вниманіе православныхъ епископовъ юго-западнаго края на недостаточность мѣръ «для утвержденія молодежи въ началахъ христіанства и твердаго сохраненія ими правилъ религіи».

Только обнаруженіе тайной политической пропаганды въ Виленскомъ университетѣ и возстаніе 1830—1831 годовъ заставили правительство круто измѣнить политику въ западномъ краѣ. Въ результатѣ двадцатилѣтняго режима, установленнаго Чарторыйскимъ и Чацкимъ, школы Виленскаго округа представляли плодородную почву для политическихъ броженій. «Исключительно польскій личный составъ», говоритъ профессоръ Владимірскій-Будановъ, «польское направленіе преподаванія, полуобразованность, соединенная съ кичливостью всезнаекъ, общественныя собранія, баллотировки, рѣчи въ ученическихъ обществахъ влекли школы на путь скрытой политики, безъ всякаго прямого подстрекательства со стороны училищнаго начальства, директоровъ и учителей». Начальство округа старалось дѣйствовать лойяльно, и въ то время, когда среди учащейся молодежи уже работало нѣсколько тайныхъ обществъ, начальство Виленскаго университета издавало циркуляры о наблюденіи за преподаваніемъ и о воспитаніи молодежи въ духѣ уваженія и послушанія властямъ. Мѣстнымъ учебнымъ начальствомъ предлагалось слѣдить за тѣмъ, чтобы «учителя не вдавались въ политическіе предметы, особенно касающіеся нынѣшнихъ обстоятельствъ (циркуляръ 1821 г.), сдѣлавшихся несчастною причиною замѣшательствъ во многихъ государствахъ». Но въ это время правительство начинаетъ уже внимательнѣе присматриваться къ настроенію умовъ въ западномъ краѣ. Какъ видно изъ переписки Великаго Князя Константина Павловича, главнокомандующаго отдѣльнымъ литовскимъ корпусомъ, съ литовскимъ военнымъ губернаторомъ въ 1822 г., губернатору предписано было доводить до свѣдѣнія Великаго Князя все, касающееся Виленскаго университета. Такъ 31 іюля 1822 г. губернаторъ увѣдомилъ Великаго Князя объ избраніи ректоромъ университета ксендза А. Клончевича, заподозрѣннаго въ неблагонадежности, а Великій Князь донесъ объ этомъ Государю.

Слѣдствіе о тайныхъ обществахъ среди учащейся молодежи началось весной 1823 г. по поводу патріотическихъ надписей въ Виленской гимназіи и на стѣнахъ доминиканскаго монастыря. Сначала слѣдствіе ведено было мѣстнымъ учебнымъ начальствомъ въ разныхъ инстанціяхъ, а 28 іюня 1823 г. для дополнительнаго слѣдствія въ Вильну былъ командированъ Н. Н. Новосильцовъ, занимавшій въ это время постъ уполномоченнаго комиссара Его Императорскаго Величества при Государственномъ Совѣтѣ Царства Польскаго. 13 мая 1824 г. Новосильцовъ представилъ свое заключе-

ніе о произведенномъ разслѣдованіи Великому Князю Константину Павловичу, а послѣдній особымъ рапортомъ сообщилъ его Государю. Въ рапортѣ Великаго Князя сообщалось, что «цѣли тайныхъ обществъ, по увѣреніямъ бывшаго попечителя князя Чарторыйскаго, изъясненныя при случаѣ личныхъ съ нимъ по сему предмету переговорахъ, почитаемы были маловажными дѣтскими шалостями», но что слѣдствіе Новосильцова раскрыло ихъ истинный революціонный характеръ. Сущность результатовъ, къ которымъ пришелъ Новосильцовъ, заключалась въ слѣдующемъ: «въ 1817 и 1818 годахъ духъ реформы или преобразованія умовъ, который владычествовалъ въ большей части нѣмецкихъ университетовъ, а также въ Варшавскомъ и Краковскомъ, водворился и въ Виленскомъ университетѣ». Образовавшіяся здѣсь тайныя общества променистовъ, филаретовъ и филоматовъ стремились дать антиправительственное направленіе обученію и воспитанію юношества и занимались составленіемъ дерзкихъ памфлетовъ противъ Россіи и правительства. Вслѣдъ затѣмъ 11 іюня Новосильцовъ представилъ Великому Князю новый рапортъ, также переданный Государю, о причинахъ революціоннаго броженія среди учащихся. «Нерадѣніе и послабленія университетскаго начальства и полицейскихъ властей», по его мнѣнію, «позволили широко распространиться главному источнику пропаганды—учебнымъ книгамъ и компендіямъ, составленнымъ согласно съ тѣми началами, кои были проповѣдуемы и распространяемы революціонными лжеучителями XVIII вѣка. Конечно, и въ другихъ мѣстахъ Европы и въ самой Россіи преподавались науки по компендіямъ, но сіе происходило отъ того, что ядъ сихъ ученій не былъ вначалѣ познанъ... Однимъ словомъ, вся система ученія имѣла только то въ предметѣ, чтобы внѣдрять въ юношество республиканскія правила и питать въ немъ надежду на возстановленіе прежней Польши». Новосильцовъ совѣтовалъ примѣнить къ Виленскому университету мѣры, дѣйствовавшія въ университетахъ С.-Петербургскомъ, Казанскомъ, Дерптскомъ, между прочимъ учредить должность директора. Кромѣ главнаго слѣдствія о тайныхъ обществахъ было произведено еще дополнительное—о курсахъ философіи профессора Голуховскаго. Въ августѣ 1824 г. особый комитетъ (Новосильцовъ, Аракчеевъ и Шишковъ), разсмотрѣвъ, по Высочайшему повелѣнію, дѣло о тайныхъ обществахъ, постановилъ подвергнуть виновныхъ наказаніямъ «не по строгости законовъ, но по внушенію милосердія», а именно: изъ 108 членовъ тайныхъ обществъ наиболѣе виновныхъ удалить на

службу въ дальнія губерніи; прочимъ вмѣнить въ наказаніе время, проведенное подъ арестомъ при слѣдствіи; уволить отъ службы профессоровъ Лелевеля, Бобровскаго, Даниловича, Голуховскаго. Наконецъ, комитетъ призналъ необходимымъ распространить по всѣмъ учебнымъ округамъ мѣры, введенныя Новосильцовымъ въ Виленскомъ округѣ: исключеніе изъ программъ гимназій права естественнаго и политическихъ наукъ, усиленіе преподаванія древнихъ языковъ и русскаго, установленіе строгаго надзора за поведеніемъ учащихся. 14 августа всѣ эти постановленія комитета получили Высочайшее утвержденіе.

Раскрытіе тайной политической пропаганды въ учебныхъ заведеніяхъ Виленскаго округа повлекло за собой удаленіе князя Чарторыйскаго. 5 апрѣля 1824 г. онъ былъ уволенъ отъ должности попечителя. Его преемникомъ на очень короткое время (съ 5 апрѣля по 1 сентября) явился графъ Лаваль. 1 сентября 1824 г., уже при новомъ министрѣ, попечителемъ назначенъ Новосильцовъ. Признавая главнымъ источникомъ разслѣдованной имъ смуты ложное направленіе учебной системы, онъ поспѣшилъ поставить на очередь вопросъ о новомъ уставѣ для училищъ Виленскаго округа, возбужденный еще княземъ Голицынымъ, который предписалъ университету составить проектъ новаго устава [76]).

Въ 1820 г. Дерптскій университетъ и училища его округа получили новые уставы. По назначеніи министромъ князя Голицына, а попечителемъ округа—графа К. А. Ливена, Дерптскій университетъ добился прежде всего увеличенія штатовъ, о чемъ напрасно хлопоталъ при предшествующемъ министрѣ. Въ 1817 г. ходатайство князя Голицына, согласно съ заключеніемъ Главнаго Правленія Училищъ, объ усиленіи штатнаго содержанія Дерптскаго университета на слѣдующій годъ было удовлетворено. Государь повелѣлъ, не внося этого дѣла въ Государственный Совѣтъ, разрѣшить его непосредственнымъ соглашеніемъ министра народнаго просвѣщенія съ министромъ финансовъ. 7 августа 1817 г. былъ утвержденъ временный штатъ Дерптскаго университета, а новый уставъ 1820 г. превратилъ этотъ штатъ въ постоянный. Теперь общая сумма на содержаніе университета была возвышена съ 126.000 руб. до 359.910 руб.

Въ іюнѣ 1820 г. началось дѣло о новомъ уставѣ университета. Сначала попечителемъ былъ представленъ проектъ частныхъ измѣненій въ дѣйствующемъ уставѣ. Разсмотрѣніе его въ Главномъ Правленіи Училищъ, Комитетѣ Министровъ, Комиссіи состав-

ленія законовъ и Государственномъ Совѣтѣ привело, въ концѣ концовъ, къ выработкѣ новаго полнаго устава, Высочайше утвержденнаго 4 іюня 1820 г. Новый уставъ университета сохранилъ неприкосновенными основы стараго устава 1803 г. Измѣненіямъ подверглись лишь частности управленія, суда и учебнаго плана. Власть и обязанности ректора, совѣта и правленія въ существенныхъ чертахъ опредѣлены статьями, буквально заимствованными изъ стараго устава, иначе организованы «судебная расправа» и хозяйственное управленіе. Вмѣсто прежнихъ двухъ установлены три судебныя инстанціи: 1) ректорскій судъ, 2) университетскій судъ, въ которомъ, подъ предсѣдательствомъ ректора, засѣдаютъ деканъ юридическаго отдѣленія и университетскій синдикъ, и 3) высшее судебное мѣсто—«апелляціонная и ревизіонная инстанція», состоящая изъ семи профессоровъ, въ число которыхъ входятъ всѣ профессора юридическаго отдѣленія. На эту инстанцію апелляція приносится уже въ Сенатъ. Хозяйственное управленіе значительно упрощено. Оно сосредоточено въ одномъ учрежденіи—казначействѣ, состоящемъ подъ предсѣдательствомъ ректора изъ декановъ всѣхъ отдѣленій, кромѣ юридическаго. Должность кураторовъ, избираемыхъ дворянствомъ, упразднена.

Организація учебной части оставлена прежняя, за исключеніемъ нѣкоторыхъ перемѣнъ въ распредѣленіи наукъ по факультетамъ, при чемъ общее число каѳедръ увеличилось. Педагогическій институтъ преобразованъ въ педагогико-филологическую семинарію, предназначенную не только для приготовленія учителей, но и вообще для спеціальныхъ занятій студентовъ по классической филологіи. Для казенныхъ стипендіатовъ богословскаго отдѣленія устроена богословская семинарія.

Увеличеніе почти втрое штатной суммы на содержаніе университета дало возможность значительно возвысить оклады содержанія профессорскому персоналу и чиновникамъ и расходы на вспомогательныя учебныя учрежденія. Въ общемъ, по своему матеріальному обезпеченію, Дерптскій университетъ долго составлялъ счастливое исключеніе изъ другихъ университетовъ, вынужденныхъ до новаго общаго устава 1835 г. перебиваться скуднымъ содержаніемъ, опредѣленнымъ уставами 1804 г.

Одновременно съ уставомъ университета былъ проведенъ въ законодательномъ порядкѣ и утвержденъ уставъ учебныхъ заведеній, подвѣдомственныхъ университету. Представляя проектъ реформы министру и Главному Правленію Училищъ, попечитель

указывалъ на печальное положеніе учебныхъ заведеній, въ которое они приведены были скудостью матеріальныхъ средствъ и недостаткомъ учителей. Послѣ изъятія изъ Дерптскаго округа Финляндской губерніи штатная сумма на всѣ училища округа уменьшилась со 118.000 руб. до 98.000 руб. Проектъ попечителя исчислялъ новый штатъ въ 214.550 руб. Скудость стараго штата обусловливала недостатокъ въ учителяхъ: «никто не смѣетъ», писалъ попечитель, «рѣшиться вступить въ такое званіе, въ коемъ при обременительныхъ трудахъ не будетъ имѣть и насущнаго пропитанія. Особенно настоитъ недостатокъ въ способныхъ учителяхъ, ибо человѣку съ способностями всякой частный домъ, всякое другое положеніе представляетъ втрое и вчетверо болѣе выгодъ».

Уставъ сохранилъ три степени учебныхъ заведеній—гимназію, уѣздное и приходское училища, отвѣчающія потребностямъ трехъ главныхъ классовъ населенія, крестьянскаго, промышленнаго и служилаго. Но «какъ сіи три класса», говорится въ уставѣ, «проистекаютъ не изъ особаго устройства государственнаго, но изъ произвольно избраннаго или обстоятельствами опредѣленнаго званія каждаго гражданина: то и разные роды училищъ не должны исключительно принадлежать одному какому либо классу гражданъ, но всякій имѣетъ право пользоваться оными, т. е. правомъ продолжать дотолѣ свое образованіе, пока позволяютъ его внѣшнія обстоятельства».

Въ основу учебнаго плана гимназій съ пятью годичными классами положено изученіе классической филологіи: «языки и творенія классической древности всегда признаваемы были за истинное основаніе всякой учености, за лучшее средство не токмо къ изощренію и укрѣпленію духовныхъ силъ юноши, но и къ приготовленію его ко всякому другому ученію и къ открытію ему хода къ каждой наукѣ. Посему основательное и соотвѣтственное цѣли ученіе симъ языкамъ вмѣстѣ съ математикою составляетъ самую первую и существенную часть учебнаго плана гимназіи».

Уѣздныя училища по новому уставу состоятъ изъ двухъ классовъ, кромѣ торговыхъ городовъ, гдѣ прибавляется третій классъ для преподаванія нѣкоторыхъ спеціальныхъ предметовъ, и малыхъ городовъ, гдѣ полагаются одноклассныя училища. Въ уѣздныхъ городахъ, гдѣ нѣтъ гимназій, уставъ считаетъ нужнымъ «подать юношеству случай» къ обученію древнимъ языкамъ, которые должны преподаваться для желающихъ за особую плату.

Изъ начальныхъ одноклассныхъ училищъ 14 городскихъ

училищъ получаютъ содержанiе отъ казны по 300 руб. асс. Для приготовленiя учителей начальныхъ училищъ въ Дерптѣ учреждается особая семинарiя. Характерной особенностью устава 1820 г. являются подробныя методологическiя указанiя и постановленiя о преподаванiи и поддержанiи дисциплины. Эта обстоятельность устава стяжала ему особыя похвалы со стороны Ученаго Комитета и Коммиссiи составленiя законовъ. Управленiе учебными заведенiями было оставлено на прежнихъ основанiяхъ. Но и административная часть разработана въ новомъ уставѣ съ небывалой до тѣхъ поръ подробностью.

Въ связи съ освобожденiемъ крестьянъ прибалтiйскихъ губернiй отъ крѣпостной зависимости возобновились заботы объ улучшенiи начальнаго образованiя. Въ 1817 г. Эстляндскiй губернаторъ во всеподданѣйшемъ рапортѣ указывалъ, что изъ 35 кистерскихъ или приходскихъ и 223 сельскихъ школъ, существовавшихъ въ Эстляндiи въ 1787 г., осталось только 3 приходскихъ и 17 сельскихъ; губернаторъ ходатайствовалъ объ учрежденiи семинарiи для приготовленiя учителей. Это ходатайство губернатора вызвало различныя предположенiя со стороны Комитета Министровъ, попечителя Дерптскаго округа, Эстляндскаго дворянства и провинцiальной консисторiи, наконецъ, Министерства Народнаго Просвѣщенiя. Комитетъ Министровъ положилъ предписать Эстляндскому губернатору употребить всевозможное старанiе о возстановленiи школъ въ Эстляндiи на прежнихъ основанiяхъ. По плану губернатора содержанiе школъ должно быть обязанностью самого крестьянскаго населенiя; наблюденiе же и контроль надъ школами предоставляется помѣщикамъ и пасторамъ, которые рапортуютъ коммиссiи для введенiя новаго положенiя о эстляндскихъ крестьянахъ и консисторiи. По мнѣнiю попечителя округа, школы Эстляндiи, въ видѣ исключенiя, должны быть изъяты изъ вѣдѣнiя университета и подчинены особой комиссiи подъ начальствомъ министра Народнаго Просвѣщенiя; преподавателями могутъ быть пасторы и кистеры; они же приготовляютъ учителей изъ крестьянъ. Главное Правленiе Училищъ, соглашаясь съ этими предположенiями, старалось сохранить подчиненiе школъ окружному начальству. Наконецъ, выборные отъ дворянства и провинцiальная консисторiя возражали противъ возложенiя на пасторовъ обязанности готовить учителей. Въ докладѣ Государю 18 января 1819 г. князь Голицынъ, изложивъ всѣ обстоятельства дѣла, предложилъ учредить особую комиссiю для устройства сельскихъ школъ въ Эстляндiи подъ

вѣдѣніемъ попечителя округа. Указомъ 8 февраля того же года былъ учрежденъ «Комитетъ для учрежденія и управленія сельскихъ школъ въ Эстляндіи» изъ представителей дворянства и духовенства подъ предсѣдательствомъ президента эстляндской консисторіи ландрата фонъ-Майделя. Комитетъ составилъ положеніе для сельскихъ школъ въ Эстляндіи, разсмотрѣнное Государственнымъ Совѣтомъ и Высочайше утвержденное 20 сентября 1821 г. Указомъ 11 апрѣля 1824 г. на имя Рижскаго генералъ-губернатора маркиза Паулуччи разрѣшено учрежденіе въ остзейскихъ губерніяхъ частныхъ училищъ для приготовленія сельскихъ учителей. Новыми порядками было очень недовольно духовенство. Незадолго до отставки князя Голицына, весной 1824 года, маркизъ Паулуччи по просьбамъ Эстляндской провинціальной консисторіи, къ которой присоединился и ландратъ Майдель, возбудилъ ходатайство объ отмѣнѣ постановленія, которымъ пасторы обязываются отчеты по обозрѣнію школъ представлять особому комитету въ Ревелѣ. Пасторы желали получить полную независимость въ управленіи школами. Но Комитетъ Министровъ, выслушавъ объясненія князя Голицына, положилъ 13 мая 1824 г. оставить это ходатайство безъ послѣдствій. Въ Лифляндіи по положенію 26 марта 1819 г. начальныя училища остались въ вѣдѣніи мѣстнаго духовенства и помѣщиковъ, мѣстныхъ училищныхъ конвентовъ, Лифляндской оберъ-консисторіи и дворянскаго ландтага. Такимъ образомъ Министерство почти вовсе было устранено отъ дѣла начальнаго народнаго образованія въ прибалтійскомъ краѣ [77]).

Въ 1823 г. по иниціативѣ Казанскаго попечителя возникъ вопросъ объ устройствѣ учебной части въ Сибири. По представленному имъ въ Министерство плану, въ Барнаулѣ надлежало устроить высшее училище, какъ отдѣленіе Казанскаго университета, которое готовило бы учителей для сибирскихъ гимназій и училищъ, студентовъ для пекинской миссіи, чиновниковъ для мѣстныхъ административныхъ и судебныхъ учрежденій, а дѣтямъ промышленныхъ классовъ давало бы «образованіе и руководство къ торговлѣ съ Китаемъ, въ мануфактурахъ, языкахъ и проч.». Кромѣ того Магницкій предполагалъ учредить новую гимназію въ Енисейскѣ и рядъ уѣздныхъ училищъ. Этотъ проектъ былъ поддержанъ генералъ-губернаторомъ Западной Сибири, который находилъ учрежденіе высшаго училища въ средоточіи Сибири весьма полезнымъ «для утвержденія народной нравственности и, наконецъ,

для доставленія способовъ сибирскому юношеству участвовать въ высшемъ образованіи». Осенью 1823 г. проектъ Магницкаго и представленіе генералъ-губернатора разсмотрѣны были Сибирскимъ Комитетомъ, который, соглашаясь съ основными положеніями проекта, внесъ въ него существенныя измѣненія: вмѣсто Барнаула указалъ на Томскъ, какъ на мѣсто основанія высшаго училища, и мѣстный надзоръ за училищами положилъ вручить гражданскимъ губернаторамъ. Это положеніе Сибирскаго Комитета было Высочайше утверждено 24 февраля 1824 г., послѣ чего дѣло вернулось для подробной разработки въ Министерство. Въ Ученомъ Комитетѣ подробный разборъ проекта Магницкаго представили графъ Лаваль и Н. И. Фусъ, возражавшіе лишь противъ нѣкоторыхъ частныхъ пунктовъ. Наконецъ, Главное Правленіе Училищъ 17 апрѣля 1824 г. опредѣлило предоставить Казанскому попечителю и генералъ-губернатору Западной Сибири составить подробные уставы и штаты новыхъ учебныхъ заведеній. На этомъ дѣло остановилось. При слѣдующихъ министрахъ вопросъ объ устройствѣ учебной части въ Сибири разрѣшился въ связи съ общей реформой учебной системы [78]).

VII.

Реформа 1817 г. сохранила въ вѣдѣніи Министерства академіи, ученыя и литературныя общества и разнаго рода другія ученыя учрежденія и предпріятія. По «Учрежденію» 24 октября 1817 г. разсмотрѣніе всякихъ проектовъ и предположеній по всѣмъ этимъ учрежденіямъ сосредоточивалось въ Главномъ Правленіи Училищъ, а завѣдываніе текущими дѣлами—въ 3-мъ отдѣленіи Департамента. Само собою разумѣется, что Министерство могло вліять только на формальную сторону жизни подвѣдомственныхъ ему ученыхъ учрежденій: утверждать уставы и всякія измѣненія въ нихъ, слѣдить за точнымъ исполненіемъ уставовъ. По существу же заботы о благосостояніи ученыхъ учрежденій и о развитіи ихъ дѣятельности лежали на нихъ самихъ въ предѣлахъ правъ, предоставленныхъ уставами.

29 мая 1818 г. по всеподданнѣйшему докладу своего президента А. С. Шишкова получила уставъ Россійская Императорская Академія, «стражъ россійскаго языка». Глава 3-я устава гласила, что Академія, какъ «свободное сословіе, долженствующее само

собою дѣйствовать и данными ей средствами располагать, не можетъ иначе имѣть благоуспѣшнаго существованія, какъ находясь, согласно ея установленіямъ, подъ особеннымъ покровомъ Его Императорскаго Величества и подъ непосредственнымъ управленіемъ президента, распоряжаясь доходами своими по общему согласію членовъ и состоя, впрочемъ, въ вѣдѣніи Министерства Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія»; на основаніи манифеста 1802 г. президентъ доноситъ Государю «о всѣхъ нуждахъ, произведеніяхъ и успѣхахъ Академіи» черезъ министра. Въ эту же эпоху возникъ рядъ ученыхъ и литературныхъ обществъ. По общему порядку уставы этихъ обществъ, предоставляя имъ права самоуправленія, обязывали ихъ отчетностью передъ Министерствомъ [79]).

Не обладая правомъ прямаго руководительства научной и литературной производительностью подвѣдомственныхъ ему ученыхъ учрежденій, Министерство, однако, владѣло очень сильнымъ орудіемъ вліянія на развитіе науки и литературы. То была цензура. Дѣйствіе либеральнаго устава 1804 г. уже было стѣснено послѣдующими узаконеніями, особенно надѣленіемъ цензурными правами Министерства Полиціи. Въ 1817 г. князь Голицынъ предписалъ цензурнымъ Комитетамъ не пропускать «ничего, относящагося до правительства, не испросивъ прежде на то согласія отъ того Министерства, о предметѣ котораго въ книжкѣ (журнала) разсуждается». Такъ положено было начало множественности цензуръ. Еще менѣе согласовались принципы устава 1804 г. съ духомъ реформы 1817 г. Какъ говорилъ самый яркій представитель новаго направленія, Магницкій, «слово человѣческое есть проводникъ адской силы философіи XVIII в., книгопечатаніе— орудіе ея», и съ учрежденіемъ Министерства Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія сталъ на очередь вопросъ о преобразованіи цензуры.

Въ іюнѣ 1820 г. для составленія новаго устава по дѣламъ книгопечатанія былъ составленъ комитетъ изъ членовъ Главнаго Правленія Училищъ: князя Мещерскаго и Магницкаго, и членовъ Ученаго Комитета: Фуса, Рунича и графа Лаваля. По Высочайшей волѣ комитетъ принялъ во вниманіе правила о цензурѣ, дѣйствовавшія въ Варшавѣ, а также другія узаконенія, вышедшія послѣ 1804 г. Душою всего дѣла былъ Магницкій, составившій «проектъ мнѣнія о цензурѣ вообще и началахъ, на которыхъ предполагаетъ цензурный комитетъ составить для оной

уставъ». Этотъ предварительный планъ раздѣлялся на 4 отдѣленія: первое давало характеристику цензуры въ Западной Европѣ; во второмъ излагался очеркъ цензурныхъ установленій въ Россіи; въ третьемъ доказывалась угрожающая Европѣ опасность революціи, предупредить которую должны были воспитаніе и цензура; наконецъ, четвертое отдѣленіе содержало въ себѣ главныя начала цензурной реформы: «сосредоточеніе нравственной и ученой» цензуры исключительно въ вѣдомствѣ Народнаго Просвѣщенія, учрежденіе цензурныхъ комитетовъ, независимыхъ отъ университетовъ, въ обѣихъ столицахъ, Ригѣ и Вильнѣ, назначеніе цензорами лицъ «значительныхъ по званію ихъ и по довѣренности министра», начертаніе такого устава, который обнималъ бы «всѣ извороты и уловки настоящаго духа времени». Кромѣ этого проекта Магницкій составилъ еще секретную инструкцію цензурнымъ комитетамъ, поясняющую постановленія устава. Въ Главномъ Правленіи Училищъ проектъ новаго устава, представленный въ маѣ 1823 г., обсуждался преосвященнымъ Филаретомъ, графомъ Лавалемъ, Фусомъ, графомъ Ливеномъ, Мартыновымъ, Руничемъ и другими, которые, соглашаясь съ основными мыслями Магницкаго, предлагали разныя частныя измѣненія. Особый проектъ цензурнаго устава составилъ Стурдза. По словамъ академика Сухомлинова, онъ отличался большею, въ сравненіи съ проектомъ Магницкаго, мягкостью, терпимостью и отсутствіемъ фанатизма. Цѣлью цензурнаго разсмотрѣнія должно быть, по его мнѣнію, «указаніе вреда или безвредности книги, а отнюдь не ея критика».

Составленный комитетомъ 1820—1823 гг. проектъ цензурнаго устава не получилъ утвержденія. Изъ Главнаго Правленія Училищъ онъ былъ переданъ въ Ученый Комитетъ для сравненія его съ новымъ уставомъ для духовной цензуры. Назначеніе министромъ А. С. Шишкова дало новый оборотъ цензурной реформѣ, выразившейся, въ концѣ концовъ, въ уставѣ 10 іюня 1826 г. [80]).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

А. С. Шишковъ.—Князь К. А. Ливенъ.

I.

Съ отставкой князя Голицына распалось сложное зданіе Министерства Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія. Наступившее вскорѣ затѣмъ новое царствованіе выдвинуло новыя задачи внутренней политики и принесло другіе руководящіе взгляды, въ зависимость отъ которыхъ должно было стать дѣло народнаго просвѣщенія. Подъ руководствомъ адмирала Шишкова и князя Ливена совершился коренной пересмотръ учебной системы, и время этихъ двухъ министровъ можно считать первымъ періодомъ исторіи Министерства Народнаго Просвѣщенія въ царствованіе Императора Николая Павловича.

Преемникъ князя Голицына, адмиралъ А. С. Шишковъ вступилъ въ управленіе Министерствомъ будучи, уже семидесятилѣтнимъ старцемъ. Это былъ человѣкъ столько же непреклонныхъ, сколько оригинальныхъ убѣжденій и взглядовъ на событія своего времени и на просвѣщеніе. Представители младшихъ поколѣній, рѣшительные противники литературныхъ и общественныхъ взглядовъ Шишкова, отдавали дань уваженія прямотѣ и независимости его характера и чтили въ немъ «священную память двѣнадцатаго года».

Александръ Семеновичъ Шишковъ родился въ 1754 г. и воспитывался въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ, изъ котораго былъ выпущенъ мичманомъ въ 1772 г. Рядъ дальнихъ морскихъ плаваній обогатилъ его умъ многими сильными впечатлѣніями и закалилъ характеръ. Въ годы юности развилась въ немъ любовь къ литературѣ и опредѣлились навсегда вкусы въ этой области. Онъ на всю жизнь остался страстнымъ почитателемъ стилистовъ XVIII вѣка: Ломоносова, Сумарокова, Хераскова, Державина. Тогда же, молодымъ офицеромъ, онъ началъ пробовать свои силы на литера-

Николай

турномъ поприщѣ: переводилъ съ нѣмецкаго и французскаго языковъ, пытался самъ сочинять драматическія произведенія. Преподавая въ Морскомъ корпусѣ тактику, перевелъ съ французскаго книгу «Морское искусство» и составилъ трех-язычный морской словарь. Въ самомъ концѣ царствованія Императрицы Екатерины онъ короткое время состоялъ правителемъ канцеляріи начальника Черноморскаго флота. Императоръ Павелъ, сначала не благоволившій къ Шишкову, скоро приблизилъ его къ себѣ и даже назначилъ генералъ-адъютантомъ. Но эта почетная должность доставила ему только огорченія и безпокойства. При вступленіи на престолъ Императора Александра Шишкову было уже около 50 лѣтъ. По своимъ взглядамъ онъ принадлежалъ къ кругу лицъ, идеализировавшихъ царствованіе Императрицы Екатерины II и осуждавшихъ все, что совершалось послѣ нея. Къ стремленіямъ людей молодыхъ, выступившихъ въ первые годы XIX столѣтія, Шишковъ относился несочувственно, приписывая ихъ пагубному вліянію французскаго «новомыслія» и не понимая, что въ этихъ стремленіяхъ возрождаются идеи, составлявшія истинную славу царствованія Екатерины. Вмѣстѣ съ своими сверстниками Шишковъ радостно привѣтствовалъ манифестъ юнаго Императора, обѣщавшаго идти по стопамъ Екатерины, и горько сѣтовалъ, что ближайшими совѣтниками Государя явились его молодые друзья, а не старые дѣятели екатерининскаго времени. Кружокъ друзей Государя, составлявшій знаменитый Негласный комитетъ, былъ проникнутъ, по мнѣнію Шишкова, «новымъ образомъ мыслей, новыми понятіями, возникшими изъ хаоса чудовищной французской революціи». Важнѣйшую реформу первыхъ лѣтъ царствованія Александра, учрежденіе министерствъ, онъ безусловно порицалъ. «Признаюсь», говоритъ онъ, «что сія перемѣна, разрушившая постановленіе Петра Великаго и Екатерины II, крѣпко меня опечалила: казалось мнѣ, что многое послѣ сего не устоитъ на своемъ мѣстѣ и что новый порядокъ и новое преобразованіе вещей едва ли поведутъ насъ по лучшему пути, нежели тотъ, который проложенъ былъ толь мудрыми монархами». Нескрываемое отрицательное отношеніе Шишкова къ новымъ людямъ и порядкамъ, желчныя нападки на французскія увлеченія высшаго общества, ссора съ вліятельнымъ морскимъ министромъ Чичаговымъ сильно вредили служебной его карьерѣ. Неблаговоленіе Государя къ Шишкову выразилось тѣмъ, что ему перестали присылать билеты на эрмитажные спектакли. Только примирившись съ Чичаговымъ, Шишковъ былъ назначенъ

на постъ предсѣдателя ученаго департамента Адмиралтейской Коллегіи и получилъ возможность бывать при дворѣ, но Государь оставался холоденъ и не обращалъ на него вниманія. Шишковъ твердо переносилъ опалу и на выражаемыя ему сожалѣнія гордо отвѣчалъ: «цари больше имѣютъ надобности въ добрыхъ людяхъ, нежели добрые люди въ нихъ». На досугѣ онъ погрузился въ свои любимыя учено-литературныя занятія по званію члена Россійской Академіи, куда онъ былъ выбранъ въ 1796 г. Въ 1803 г. появилось знаменитое «Разсужденіе о старомъ и новомъ россійскомъ языкѣ», опредѣлившее значеніе Шишкова въ исторіи русской литературы. Среди членовъ Академіи, уже клонившейся къ упадку и не успѣвавшей идти въ уровень съ новыми литературными теченіями, Шишковъ былъ самымъ энергичнымъ и предпріимчивымъ. По его иниціативѣ Академія стала издавать съ 1805 г. «Сочиненія и переводы»; съ 1807 г. онъ устраивалъ со своими друзьями, Державинымъ, Муравьевымъ, Хвостовымъ и другими, литературные вечера, которые въ 1810 г. превратились въ литературное общество—«Бесѣду любителей русскаго слова». Въ своихъ критическихъ и филологическихъ изслѣдованіяхъ Шишковъ не отдѣлялъ чисто научныхъ и литературныхъ вопросовъ отъ политическихъ. Въ литературныхъ новшествахъ молодыхъ писателей онъ усматривалъ вліяніе пагубнаго духа времени и французской революціи. Въ тревожное время ожиданія разрыва съ Франціей патріотическое чувство Шишкова достигло особаго напряженія и вылилось въ «Разсужденіи о любви къ отечеству», написанномъ въ 1811 г. Шишковъ опасался, чтобы это рѣзкое сочиненіе не было представлено «смѣлымъ покушеніемъ, безъ воли правительства, возбуждать гордость народную». Но вмѣсто ожидаемаго «гнѣва царскаго» страстный патріотизмъ Шишкова доставилъ ему 9 апрѣля 1812 г., послѣ паденія Сперанскаго, назначеніе на постъ государственнаго секретаря. Къ нему перешла лишь часть многосложныхъ обязанностей, лежавшихъ на Сперанскомъ. Государь приблизилъ къ себѣ Шишкова, «какъ искуснаго писателя-патріота, который могъ горячимъ словомъ дѣйствовать на народную массу». Обязанности же государственнаго секретаря по Государственному Совѣту переданы были старшему изъ статсъ-секретарей—Оленину. Постоянно находясь при Государѣ во время отечественной войны и похода 1812—1814 годовъ, Шишковъ составлялъ манифесты, рескрипты и указы по поводу главныхъ событій великой борьбы съ Наполеономъ. Подъ тяжелой риторической формой этихъ актовъ дышали искрен-

нія чувства и пламенный патріотизмъ, производившія сильное впечатлѣніе на общество. Самъ лично Шишковъ еще болѣе укрѣпился въ ненависти къ Франціи и ея просвѣщенію. По его мнѣнію, борьба военная должна смѣниться борьбой культурной противъ тлетворнаго вліянія Франціи. Уволенный отъ должности государственнаго секретаря и назначенный членомъ Государственнаго Совѣта, онъ съ обычной горячностью и рѣзкостью принималъ участіе въ обсужденіи различныхъ государственныхъ вопросовъ, никогда не поступаясь независимостью своихъ убѣжденій: въ 1815 г. представлялъ планъ новаго устройства цензуры, не имѣвшій успѣха, критиковалъ проектъ гражданскаго уложенія, составленный Сперанскимъ и Розенкампфомъ, выступалъ защитникомъ крѣпостнаго права. Въ то же время Шишковъ много трудился для Россійской Академіи, президентомъ который онъ былъ назначенъ въ 1813 г.

Политическія убѣжденія и литературные интересы Шишкова заставляли его принимать близко къ сердцу вопросы народнаго просвѣщенія. Отсутствіе національнаго духа было, по его мнѣнію, главнымъ недостаткомъ нашего новаго просвѣщенія, источникомъ ложнаго направленія всей русской культуры. За годъ до назначенія министромъ Народнаго Просвѣщенія князя Голицына Шишковъ далъ такой рѣзкій отзывъ о результатахъ, достигнутыхъ Министерствомъ въ первую эпоху его существованія: «кажется, какъ будто всѣ училища превратились въ школы разврата, и кто оттуда ни выйдетъ, тотчасъ покажетъ, что онъ совращенъ съ истиннаго пути, и голова у него набита пустотою, а сердце самолюбіемъ, первымъ врагомъ благоразумія». Назначеніе министромъ князя А. Н. Голицына отдавало Министерство Просвѣщенія въ руки такихъ же враговъ либерализма первыхъ лѣтъ царствованія императора Александра и французскаго «новомыслія», какимъ былъ и Шишковъ. Однако онъ не только не примкнулъ къ партіи князя Голицына, но въ дѣятельности Министерства подъ его управленіемъ усматривалъ крайнее развитіе пагубнаго «духа времени». Въ представленіи Шишкова мистицизмъ, покровительствуемый Министерствомъ, связывался съ дѣятельностью кружка Новикова при Императрицѣ Екатеринѣ II, черезъ него съ французскими революціонными ученіями и имѣлъ конечной цѣлью поколебать православіе въ Россіи и внутренними раздорами сокрушить ея могущество. Одно время онъ самъ былъ нечуждъ мистицизма, когда во время заграничнаго похода, вмѣстѣ съ Государемъ плакалъ надъ проро-

ческими книгами Ветхаго Завѣта, ища въ нихъ объясненія переживаемыхъ событій. Но эти увлеченія были мимолетны. Строгій православный догматизмъ и патріотизмъ Шишкова не могъ мириться съ безпочвеннымъ и космополитическимъ мистицизмомъ партіи князя Голицына. Въ знаменитомъ дѣлѣ о профессорахъ Петербургскаго университета 1822 г., доходившемъ до Государственнаго Совѣта, онъ подалъ интересное мнѣніе: не отрицая существованія въ университетѣ «нечестія», насажденнаго прежней «системой либерализма», онъ, тѣмъ не менѣе, по природному чувству справедливости призналъ слѣдствіе надъ профессорами пристрастнымъ и мѣтко охарактеризовалъ поведеніе обвинителей, какъ «облеченное въ силу и власть суевѣріе». Въ интригѣ противъ князя Голицына Шишковъ участія не принималъ. Его кандидатура на постъ министра была поставлена помимо его вѣдома и желанія. Императоръ Александръ, не раздѣлявшій многихъ крайнихъ мнѣній и увлеченій бывшаго государственнаго секретаря, не всегда къ нему благоволившій, не могъ не цѣнить его честности, патріотизма и религіозности. 15 мая 1824 г. Шишковъ былъ назначенъ министромъ Народнаго Просвѣщенія и главноуправляющимъ духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій также неожиданно для себя, какъ 12 лѣтъ назадъ государственнымъ секретаремъ.

Народное образованіе должно быть національнымъ—таковъ былъ основной идеалъ новаго министра. Въ первомъ засѣданіи Главнаго Правленія Училищъ, подъ своимъ предсѣдательствомъ, Шишковъ высказалъ взгляды на задачи Министерства. Оно должно, по словамъ министра, прежде всего оберегать юношество отъ заразы «лжемудрыми умствованіями, вѣтротлѣнными мечтаніями, пухлою гордостью и пагубнымъ самолюбіемъ, вовлекающимъ человѣка въ опасное заблужденіе думать, что онъ въ юности старикъ, и чрезъ то дѣлающимъ его въ старости юношею». «Науки», продолжалъ министръ, «изощряющія умъ, не составятъ безъ вѣры и безъ нравственности благоденствія народнаго . . . Сверхъ сего, науки полезны только тогда, когда, какъ соль, употребляются и преподаются въ мѣру, смотря по состоянію людей и по надобности, какую всякое званіе въ нихъ имѣетъ. Излишество ихъ, равно какъ и недостатокъ, противны истинному просвѣщенію. Обучать грамотѣ весь народъ или несоразмѣрное числу онаго количество людей, принесло бы болѣе вреда, нежели пользы. Наставлять земледѣльческаго сына въ риторикѣ было бы пріуготовлять его быть худымъ и безполезнымъ или еще вреднымъ гражданиномъ».

На этихъ идеяхъ основалъ Шишковъ свои планы, изложенные въ рядѣ докладовъ, записокъ и писемъ къ Государю. При первомъ же докладѣ 25 мая онъ просилъ Высочайшаго позволенія составить планъ, «какіе употребить способы къ тихому и скромному потушенію того зла, которое хотя и не носитъ у насъ имени карбонарства, но есть точно оное, и уже крѣпко разными средствами усилилось и распространилось». Министерство Просвѣщенія онъ обвинялъ не только въ попустительствѣ, но даже «во всякомъ покровительствѣ и ободреніи нравственнаго зла подъ названіемъ духа времени». «Для обузданія разврата» первой мѣрой предлагалась реформа цензуры. Не менѣе жестокія обвиненія пали на библейскія общества, распространявшія переводы «такъ называемыхъ духовно-философскихъ, а по настоящему ихъ смыслу карбонарскихъ и революціонныхъ книгъ», которыя слѣдовало уничтожить. Не избѣжалъ горькихъ упрековъ и обличеній Св. Синодъ и члены высшей церковной іерархіи (митрополитъ Серафимъ, архіепископъ Филаретъ), обвинявшіеся въ связяхъ и соучастіи съ мистиками и библейскими обществами; переводъ Священнаго Писанія на русскій языкъ, краткій катихизисъ Филарета признаны вредными предпріятіями. Но, ополчаясь на борьбу съ врагами истиннаго просвѣщенія, престарѣлый министръ чувствовалъ слабость своихъ гаснущихъ силъ и искалъ опоры въ Государѣ. Онъ представилъ ему проектъ рескрипта, который осуждалъ существовавшую доселѣ систему просвѣщенія и цензуры и повелѣвалъ министру приступить къ кореннымъ реформамъ. Но Государь не далъ этому проекту движенія.

Сотрудниками А. С. Шишкова по Главному Правленію Училищъ были, по большей части, новые люди, не пользовавшіеся вліяніемъ и авторитетомъ въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія. Самымъ выдающимся былъ Д. Н. Блудовъ, племянникъ Державина, двоюродный братъ Озерова, близкій другъ Карамзина и Жуковскаго, одинъ изъ основателей литературнаго общества «Арзамасъ». Въ 1827 г. онъ занялъ вновь возстановленную должность товарища министра Народнаго Просвѣщенія. Вновь въ составъ Главнаго Правленія Училищъ вошли: сенаторъ Муравьевъ-Апостолъ, вице-адмиралъ Сарычевъ, капитанъ I ранга Рикордъ, членъ Россійской Академіи Соколовъ, капитанъ-лейтенантъ князь Ширинскій-Шихматовъ, первый директоръ Канцеляріи министра, впослѣдствіи самъ министръ Народнаго Просвѣщенія. Перемѣнился также составъ попечителей учебныхъ округовъ. 24 іюля 1824 г. были

назначены новые директоры Департаментовъ: Народнаго Просвѣщенія—А. Ф. Балеманъ, котораго въ слѣдующемъ году смѣнилъ Д. И. Языковъ, и Департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій—Карташевскій. При Шишковѣ попечителями были назначены: С.-Петербургскаго округа въ 1826 г.—К. М. Бороздинъ, Московскаго въ 1825 г.—А. А. Писаревъ, Харьковскаго въ 1825 г.—А. А. Перовскій, Казанскаго въ 1827 г.—М. Н. Мусинъ-Пушкинъ, Виленскаго въ 1824 г.—Н. Н. Новосильцовъ; Дерптскимъ округомъ продолжалъ управлять графъ К. А. Ливенъ.

Рѣшительно осуждая дѣятельность Министерства подъ управленіемъ своихъ предшественниковъ, Шишковъ задумалъ коренную реформу учебной системы на принципахъ національныхъ, одинаково чуждыхъ какъ философскаго либерализма эпохи графа Завадовскаго, такъ и космополитическаго мистицизма эпохи князя Голицына. Съ этой цѣлью онъ образовалъ особый комитетъ для пересмотра всѣхъ постановленій по учебной части и для составленія проекта общаго устава учебныхъ заведеній. По вступленіи на престолъ Императора Николая I этотъ комитетъ былъ замѣненъ новымъ, но имѣвшимъ ту же цѣль и извѣстнымъ подъ именемъ Комитета устройства учебныхъ заведеній. Но А. С. Шишкову не удалось довести до конца всѣхъ преобразованій, начатыхъ подъ его руководствомъ. При немъ явились: общій уставъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній 1828 г., временный уставъ учебныхъ заведеній Виленскаго округа, уставъ о цензурѣ, возстановленъ Главный Педагогическій Институтъ. 25 апрѣля 1828 г. А. С. Шишковъ былъ уволенъ отъ должности министра «по преклонности лѣтъ и по разстроенному здоровью», сохранивъ званія члена Государственнаго Совѣта и президента Россійской Академіи. Умеръ онъ въ 1841 г. [81]).

Одновременно съ увольненіемъ Шишкова министромъ Народнаго Просвѣщенія и предсѣдателемъ Комитета устройства учебныхъ заведеній былъ назначенъ попечитель Дерптскаго учебнаго округа, генералъ-отъ-инфантеріи князь Карлъ Андреевичъ Ливенъ. Онъ не былъ новымъ человѣкомъ для Министерства, такъ какъ въ теченіе 11 лѣтъ, по должности попечителя, члена Главнаго Правленія Училищъ и Комитета устройства учебныхъ заведеній, принималъ участіе въ разрѣшеніи важнѣйшихъ вопросовъ народнаго просвѣщенія. Отецъ князя Карла Андресвича, Оттонъ-Генрихъ фонъ-Ливенъ, былъ артиллерійскимъ генераломъ и кіевскимъ

Александръ Шишковъ.

комендантомъ. Онъ умеръ въ 1781 г., а вдова его Шарлотта Карловна въ 1783 г. была назначена воспитательницей младшихъ дѣтей Цесаревича Павла Петровича, въ томъ числѣ Великаго Князя Николая Павловича. Въ 1799 г. она получила вмѣстѣ съ дѣтьми графское достоинство, а въ 1826 г.—княжеское. Старшій изъ ея сыновей—Карлъ родился 1 февраля 1767 г. Записанный трехлѣтнимъ мальчикомъ въ 1770 г. въ военную службу, онъ принималъ участіе въ нѣкоторыхъ войнахъ второй половины XVIII вѣка: въ 1788 г.—въ шведской войнѣ, въ 1789—1790 г.г.—въ турецкой, въ 1792—1795 г.г.—въ польской. Въ 1799 г. былъ назначенъ Архангельскимъ военнымъ губернаторомъ, а въ 1801 г. по домашнимъ обстоятельствамъ и по разстроенному здоровью вышелъ въ отставку. На поприще общественной дѣятельности графъ Ливенъ вернулся въ 1813 г., когда онъ былъ избранъ въ число старшинъ русскаго библейскаго общества, а въ 1817 г. начался новый періодъ его государственной службы: 17 января онъ былъ назначенъ на постъ попечителя Дерптскаго учебнаго округа вмѣсто Ѳ. И. Клингера. Черезъ два года онъ занялъ еще постъ президента Евангелическо-Лютеранской Консисторіи.

Человѣкъ горячихъ и искреннихъ религіозныхъ убѣжденій, ясныхъ и твердыхъ нравственныхъ правилъ, графъ Ливенъ не раздѣлялъ крайнихъ взглядовъ и стремленій нѣкоторыхъ своихъ коллегъ по Главному Правленію Училищъ при князѣ А. Н. Голицынѣ. Онъ возсталъ противъ предложенія Магницкаго совершенно прекратить преподаваніе философіи; «одни только настоящіе ученые», говорилъ онъ, «могутъ дать основательный и удовлетворительный отвѣтъ на такой важный вопросъ». Онъ былъ также противъ предоставленія попечителямъ права удалять изъ учебныхъ заведеній преподавателей, заподозрѣнныхъ въ вольнодумствѣ, и утверждалъ, что усиленіе власти попечителей можетъ повлечь очень вредныя злоупотребленія. На предложеніе прекратить выписку профессорами изъ за-границы запрещенныхъ книгъ онъ отвѣтилъ, «что этою мѣрой могъ бы быть нанесенъ университетамъ послѣдній, вѣрнѣйшій, смертоносный ударъ». Не раздѣляя мрачныхъ взглядовъ Магницкаго на состояніе русскихъ университетовъ, онъ провелъ новый уставъ Дерптскаго университета, который не только сохранилъ, но и развилъ подробнѣе принципы прежняго устава. Когда въ первыхъ засѣданіяхъ Комитета устройства учебныхъ заведеній обсуждался планъ преобразованія университетовъ, предложенный министромъ Шишковымъ, графъ Ливенъ въ особой

запискѣ выступилъ защитникомъ принциповъ университетскихъ уставовъ 1803—1804 г.г. Какъ попечитель учебнаго округа, графъ Ливенъ поставилъ главною цѣлью всѣхъ учебныхъ заведеній нравственное и религіозное воспитаніе юношества и строго наблюдалъ за точнымъ соблюденіемъ своихъ предписаній и наставленій. Противникъ чрезмѣрнаго расширенія правъ попечителей, онъ не задумался удалить изъ богословскаго факультета въ Дерптѣ профессоровъ, обвиненныхъ въ раціонализмѣ. Учащихся онъ строго каралъ за проступки противъ нравственности. Черезъ три дня послѣ назначенія министромъ князь Ливенъ въ письмѣ къ своему другу Эверсу, ректору Дерптскаго университета, такъ опредѣлилъ основу своей будущей дѣятельности: «сердечная вѣра во Христа—вотъ основа всего; если на ней опирается научное зданіе, то не дастъ щелей и не рушится; тогда живущимъ въ немъ не будетъ опасно, но будетъ удобно, надежно и благотворно; Богъ съ благословеніемъ взираетъ на него». Главною заботой князя Ливена за пять лѣтъ его пребыванія во главѣ Министерства, которое при немъ окончательно вошло въ прежнія рамки 1811 г., было руководство занятіями Комитета устройства учебныхъ заведеній, успѣвшаго при Шишковѣ подготовить только часть обширной и сложной реформы. Князь Ливенъ провелъ чрезъ Государственный Совѣтъ проекты новаго устава и штатовъ гимназій, уѣздныхъ и приходскихъ училищъ и по утвержденіи новаго устава въ 1828 г. ввелъ ихъ въ дѣйствіе. Не со всѣми принципами новаго устава князь Ливенъ былъ согласенъ, но вновь пересматривать только что рѣшенный вопросъ о среднемъ и низшемъ образованіи онъ считалъ несвоевременнымъ и неудобнымъ, и обратился къ составленію новаго устава университетовъ въ связи съ нѣкоторыми другими вопросами высшаго образованія. Но до конца этого дѣла князь Ливенъ не довелъ. Уже въ 1828—1829 г.г. онъ жаловался въ своихъ письмахъ, что бремя власти ему не по плечу. 18 марта 1833 г. онъ по прошенію, по разстроенному здоровью, уволенъ былъ отъ должности министра, съ оставленіемъ членомъ Государственнаго Совѣта. Умеръ онъ въ 1844 г. Товарищемъ министра при князѣ Ливенѣ былъ до 1832 г. Д. Н. Блудовъ, а послѣ него—С. С. Уваровъ; директоромъ Департамента оставался до 1833 г.—Д. И. Языковъ, котораго смѣнилъ князь П. А. Ширинскій-Шихматовъ, носившій званіе управляющаго Департаментомъ. Вновь были назначены попечителями учебныхъ округовъ: С.-Петербургскаго въ 1832 г.—князь А. М. Дондуковъ-Корсаковъ, Москов-

скаго въ 1830 г.—князь С. М. Голицынъ, Харьковскаго въ 1830 г.—В. И. Филатьевъ, Кіевскаго въ 1832 г. г.—Е. Ф. фонъ-Брадке, Бѣлорусскаго въ 1829 г.—Г. И. Карташевскій, Дерптскаго въ 1828 г.—баронъ фонъ-деръ-Паленъ, Одесскаго въ 1830 г.—Н. Ѳ. Покровскій [82]).

II.

Съ назначеніемъ А. С. Шишкова министромъ началось постепенное распаденіе Министерства Народнаго Просвѣщенія и Духовныхъ Дѣлъ на его составныя части. Указъ 15 мая 1824 г. отдѣлилъ отъ Министерства вѣдомство православнаго исповѣданія и Св. Синода, управленіе же дѣлами иностранныхъ исповѣданій повелѣлъ привести въ предѣлы, въ которыхъ оно находилось до 1817 г. Такимъ образомъ А. С. Шишковъ являлся главою уже двухъ самостоятельныхъ вѣдомствъ—Министерства Народнаго Просвѣщенія и Главнаго Управленія духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій, почему и носилъ два званія—министра и главноуправляющаго. Общимъ для обоихъ вѣдомствъ учрежденіемъ была Канцелярія министра и главноуправляющаго. Слѣдующимъ шагомъ было назначеніе 25 апрѣля 1828 г. Д. Н. Блудова главноуправляющимъ духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій, съ оставленіемъ въ званіи товарища министра Народнаго Просвѣщенія. Окончательное распаденіе обоихъ вѣдомствъ произошло въ 1832 г., когда Блудовъ занялъ постъ министра Внутреннихъ Дѣлъ, сохранивъ за собою и управленіе дѣлами иностранныхъ исповѣданій. Это распаденіе сложнаго Министерства должно было ограничить кругъ его вѣдомства и возстановить его центральныя учрежденія, сообразно съ общимъ учрежденіемъ Министерствъ 1811 г.

Ограниченіе круга вѣдомства Министерства прежними, болѣе тѣсными предѣлами потребовало разъясненія вопроса, который до тѣхъ поръ ставился очень неясно, о «вліяніи» Министерства на учебныя заведенія другихъ вѣдомствъ. Высочайшій рескриптъ 19 августа 1827 г. о порядкѣ допущенія въ учебныя заведенія лицъ свободныхъ и крѣпостныхъ состояній распространилъ надзоръ Министерства на всѣ училища безъ исключенія, кромѣ военныхъ и духовныхъ. Комитетъ Министровъ въ 1829 г., по поводу записки министра Внутреннихъ Дѣлъ о вліяніи университетовъ

и попечителей учебныхъ округовъ на Медико-Хирургическую Академію и прочія учебныя заведенія вѣдомства Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, разрѣшилъ этотъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что надзоръ Министерства «долженъ ограничиться главнѣйше тѣмъ, чтобы въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ принимались въ классы и допускались къ слушанію лекцій только люди свободныхъ состояній, не исключая вольноотпущенныхъ; помѣщичьи же крестьяне и дворовые люди обучались бы токмо въ приходскихъ, уѣздныхъ и другихъ равныхъ имъ училищахъ». По отношенію же къ среднимъ и низшимъ учебнымъ заведеніямъ вѣдомства Министерства Внутреннихъ Дѣлъ вліяніе Министерства Народнаго Просвѣщенія должно касаться единственно учебной части. Въ 1827 г. начальникъ Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества, препровождая къ министру Народнаго Просвѣщенія вѣдомость о военныхъ училищахъ по методѣ взаимнаго обученія, увѣдомилъ его о Высочайшей волѣ, что вліяніе Министерства на эти училища «впредь имѣетъ состоять въ томъ только, что оному будетъ сообщаемо изъ Главнаго Штаба Его Величества о всѣхъ новыхъ заведеніяхъ и въ отношеніи потребности учебныхъ книгъ». 24 декабря 1830 г. Высочайше утверждено было Положеніе о волостныхъ училищахъ казенныхъ поселянъ, составленное министромъ Финансовъ и введенное въ дѣйствіе на первый разъ въ С.-Петербургской и Псковской губерніяхъ. Отдавая эти училища въ вѣдѣніе вице-губернатора и подъ ближайшій надзоръ окружнаго комиссара и волостнаго головы, Положеніе оставляетъ за учебнымъ начальствомъ, именно за штатными смотрителями уѣздныхъ училищъ, лишь «надзоръ по учебной и нравственной части» и прямо оговариваетъ, что чиновники Министерства Народнаго Просвѣщенія не должны вмѣшиваться въ хозяйственную часть волостныхъ училищъ.

Возвращеніе Министерства Народнаго Просвѣщенія въ предѣлы, установленные общимъ учрежденіемъ Министерствъ 1811 г., повлекло за собою преобразованіе центральнаго управленія. Въ 1826 г. была возстановлена должность товарища министра, которую занялъ Д. Н. Блудовъ, и на Министерство Народнаго Просвѣщенія распространены были Высочайше утвержденныя 30 декабря этого года «Дополнительныя статьи къ общему учрежденію Министерствъ о должности товарищей министровъ». 26 іюля 1824 г. А. С. Шишковъ подалъ Государю записку объ учрежденіи Канцеляріи министра, которой доселѣ Министерство Народ-

наго Просвѣщенія не имѣло, «уклоняясь отъ общаго постановленія о Министерствахъ». Государь изъявилъ свое согласіе, и 20 января 1825 г. послѣдовалъ указъ объ учрежденіи, на основаніи § 35 общаго учрежденія Министерствъ, Канцеляріи министра Народнаго Просвѣщенія и главноуправляющаго дѣлами иностранныхъ исповѣданій, состоящей изъ директора, трехъ столоначальниковъ и трехъ помощниковъ. Штатъ Канцеляріи опредѣленъ въ 15.250 рублей. Первымъ директоромъ Канцеляріи былъ князь Пл. А. Ширинскій-Шихматовъ. Канцелярія министра вѣдала: 1) все первоначальное движеніе бумагъ, къ министру входящихъ и разсылку ихъ по департаментамъ, 2) дѣла секретныя, 3) дѣла по особому назначенію министра, 4) сообщеніе приказаній министра, 5) частную переписку министра, 6) заготовленіе переписки на иностранныхъ языкахъ и переводъ бумагъ съ иностранныхъ языковъ. Дѣла, поступающія изъ Канцеляріи на разсмотрѣніе Главнаго Правленія Училищъ, равно какъ и всѣ тѣ, которыя будутъ поручены министромъ, докладываетъ директоръ Канцеляріи. Личный составъ Департамента Народнаго Просвѣщенія, по Высочайше утвержденному положенію Комитета Министровъ 25 октября 1824 г., былъ усиленъ учрежденіемъ должностей чиновниковъ по особымъ порученіямъ. Въ порядкѣ дѣлопроизводства важной новостью явились правила о ревизіи денежныхъ отчетовъ по Министерству и подвѣдомственнымъ ему учрежденіямъ. Со времени образованія Государственнаго Контроля, на основаніи манифеста 28 января 1811 г., Министерство представляло въ Государственную Экспедицію для ревизіи счетовъ годовые денежные отчеты по учебнымъ заведеніямъ, особо по каждому мѣсту, и въ томъ самомъ видѣ, какъ эти отчеты представлялись университетами и попечителями. По объясненію Министерства, составленіе общихъ годовыхъ отчетовъ по всему вѣдомству было невозможно по ограниченному числу чиновниковъ въ Департаментѣ Народнаго Просвѣщенія. Князь Голицынъ, по просьбѣ Государственнаго Контроля, изъявилъ согласіе на составленіе общихъ отчетовъ по Министерству; но эти обѣщанія остались безъ исполненія. На новую просьбу Государственнаго Контроля о присылкѣ общихъ отчетовъ А. С. Шишковъ отвѣтилъ прямо отказомъ, ссылаясь на то, что бухгалтерскій столъ Департамента Народнаго Просвѣщенія не въ состояніи выполнить эту работу и что составленіе годовыхъ отчетовъ, по общему учрежденію Министерствъ, возложено на Канцеляріи при министрахъ, каковой при министрѣ Народнаго Просвѣщенія

доселѣ не существовало; на образованную же вновь Канцелярію министра обязанностей по составленію общихъ отчетовъ не было возложено. Тогда Совѣтъ Государственнаго Контроля представилъ Комитету Министровъ записку съ заключеніемъ Экспедиціи для ревизіи счетовъ о порядкѣ денежныхъ отчетовъ Министерства: непосредственно въ Экспедицію должны представляться отдѣльные годовые отчеты отъ Департамента Народнаго Просвѣщенія, университетовъ, академій и другихъ высшихъ учрежденій; гимназіи же, уѣздныя и приходскія училища доставляютъ свои отчеты, вмѣстѣ съ подлинными шнуровыми книгами и документами, для ревизіи въ мѣстныя казенныя палаты. Эти правила по положенію Комитета Министровъ получили Высочайшее утвержденіе 12 января 1826 г.

При князѣ Ливенѣ произошло дальнѣйшее упрощеніе центральнаго управленія Министерства, какъ результатъ возвращенія его къ нормамъ 1811 г. Въ 1831 г. министръ внесъ въ Государственный Совѣтъ представленіе о преобразованіи Департамента Народнаго Просвѣщенія, объ упраздненіи нѣкоторыхъ излишнихъ частей и должностей, объ учрежденіи при Департаментѣ счетнаго отдѣленія, объ измѣненіяхъ въ учрежденіи Главнаго Правленія Училищъ 1817 г. и о новомъ устройствѣ Канцеляріи министра, по поводу отдѣленія отъ нея дѣлъ иностранныхъ исповѣданій. Государственный Совѣтъ мнѣніемъ, Высочайше утвержденнымъ 10 сентября 1831 г., призналъ правильными мотивы министра и положилъ утвердить его предположенія въ видѣ временной мѣры впредь до разсмотрѣнія въ законодательномъ порядкѣ общаго вопроса о новыхъ штатахъ всѣхъ Министерствъ, которымъ занимался особый комитетъ подъ предсѣдательствомъ сенатора Васильчикова. По окончаніи его работъ, князю Ливену предоставлено было вновь внести въ Государственный Совѣтъ проекты новыхъ штатовъ Министерства. Въ февралѣ 1832 г. князь Ливенъ получилъ увѣдомленіе объ окончаніи занятій комитета сенатора Васильчикова и снова вошелъ въ Государственный Совѣтъ съ проектами новыхъ штатовъ. Но этотъ вопросъ разрѣшенъ былъ уже при его преемникѣ, С. С. Уваровѣ.

Допущенныя въ 1831 г. измѣненія въ центральномъ управленіи Министерства Народнаго Просвѣщенія имѣли общую тенденцію упростить его составъ. Главное Правленіе Училищъ по существу осталось нетронутымъ, но оно лишилось двухъ своихъ вспомогательныхъ органовъ; были упразднены: Ученый Коми-

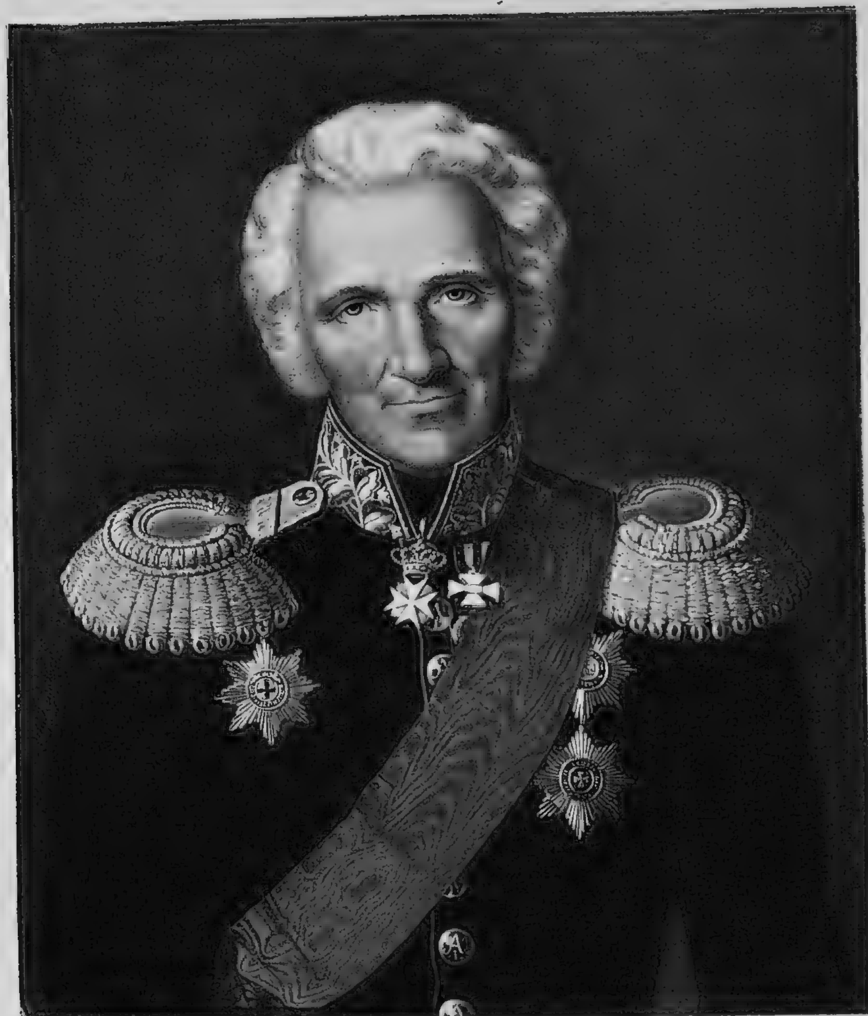
тетъ и Комитетъ для учрежденія училищъ взаимнаго обученія. Ученый Комитетъ, по мнѣнію министра, былъ ненуженъ, «потому что предметы занятій Комитета могутъ быть поручаемы министромъ членамъ Академіи или С.-Петербургскаго университета». Въ составѣ Департамента Народнаго Просвѣщенія оставлено 3 отдѣленія, изъ которыхъ вновь было организовано счетное отдѣленіе. Учрежденіе его вызывалось настоятельной необходимостью упорядочить денежную отчетность Министерства. Въ 1830 г. составлены были правила отчетности, которыя Государственный Совѣтъ предоставилъ министру ввести въ дѣйствіе съ Высочайшаго соизволенія. По этимъ правиламъ вся отчетность по Министерству сосредоточилась въ Департаментѣ, который обязанъ ежегодно представлять Государственному Контролю генеральный отчетъ о всѣхъ суммахъ и капиталахъ вѣдомства. Согласно съ установившимся ранѣе порядкомъ, высшія административныя и ученыя учрежденія Министерства представляютъ свои отчеты непосредственно въ Департаментъ, всѣ же остальныя—въ мѣстныя казенныя палаты, которыя передаютъ уже Департаменту обревизованные ими отчеты. Общее число служащихъ въ Департаментѣ и Канцеляріи министра сократилось до 42, при чемъ оклады содержанія чиновниковъ сохранены были прежніе.

Въ связи съ нѣкоторыми общими мѣропріятіями по центральному государственному управленію произведено было сокращеніе дѣлопроизводства въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія. Въ началѣ 1831 г. Государственный Совѣтъ, разсмотрѣвъ представленія о сокращеніи дѣлопроизводства по Министерствамъ: Иностранныхъ Дѣлъ, Народнаго Просвѣщенія, Морскому и по Государственному Контролю, призналъ возможнымъ распространить нѣкоторыя правила на всѣ вообще Министерства. Эти правила касались: мелочныхъ расходовъ, не вошедшихъ въ Государственную роспись, рапортовъ Сенату о полученіи указовъ, справокъ, нужныхъ Сенату отъ Министерствъ, переписки съ Герольдіей, сношеній Министерствъ между собою. Особо по Министерству Народнаго Просвѣщенія постановлено было правило о сношеніяхъ его съ Сенатомъ по представленіямъ объ утвержденіи въ чинахъ лицъ, имѣющихъ ученыя степени. Указомъ 6 мая того же года, сверхъ общихъ правилъ о сокращеніи дѣлопроизводства, изложенныхъ въ указѣ того же числа Комитету Министровъ, министру Народнаго Просвѣщенія предоставлено собственною властію разрѣшать дѣла по расходованію экономическихъ и остаточныхъ

суммъ высшихъ учебныхъ заведеній и по подпискѣ на разныя ученыя изданія для безденежной ихъ раздачи [83]).

Такъ центральное управленіе Министерства возстановлено было, съ нѣкоторыми измѣненіями, въ томъ первоначальномъ видѣ, въ какомъ оно существовало при первыхъ двухъ министрахъ. Но оно не вернуло себѣ прежней самостоятельности и авторитетности. Въ составѣ членовъ Главнаго Правленія Училищъ и на постахъ попечителей учебныхъ округовъ уже не было такихъ независимыхъ по своему оффиціальному положенію и вліятельныхъ по своей близости къ Государю лицъ, какими въ первую эпоху существованія Министерства являлись Муравьевъ, Новосильцовъ, Чарторыйскій, Строгановъ, Потоцкій, Сперанскій. Члены Главнаго Правленія Училищъ и попечители учебныхъ округовъ постепенно превращаются въ чиновниковъ Министерства въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Но еще болѣе, чѣмъ измѣненія въ личномъ составѣ сотрудниковъ министра, упадку прежняго значенія Главнаго Правленія Училищъ, какъ руководящаго органа Министерства, способствовало учрежденіе особыхъ комитетовъ по пересмотру учебной системы, составленныхъ по большей части изъ лицъ, независимыхъ отъ Министерства, облеченныхъ особымъ довѣріемъ Государя. Къ нимъ, особенно къ Комитету устройства учебныхъ заведеній, перешло то высокое значеніе въ разрѣшеніи важнѣйшихъ вопросовъ народнаго просвѣщенія, какимъ нѣкогда пользовалось Главное Правленіе Училищъ.

Предложеніемъ 11 декабря 1824 г. А. С. Шишковъ сообщилъ Главному Правленію Училищъ, что, вступивъ въ управленіе Министерствомъ, онъ убѣдился изъ хода дѣлъ, что «Министерство сіе отъ самаго начала своего не имѣло постояннаго плана, которымъ бы, всегда руководствуясь, могло оно въ продолженіе времени всѣ части онаго привести въ надлежащее устройство». Необходимо изъ дѣйствующихъ постановленій и распоряженій «извлечь постоянныя правила, какія изъ худыхъ или ненужныхъ постановленій, вкравшихся въ преподаваніе наукъ, остановить, искоренить и обратить къ началамъ, основаннымъ на чистотѣ вѣры, на вѣрности и долгѣ къ Государю и Отечеству, на спокойствіи, пользѣ и пріятностяхъ общежитія». Три члена Главнаго Правленія Училищъ, тайный совѣтникъ Муравьевъ-Апостолъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Магницкій и Казадаевъ назначены были въ комитетъ для подробнаго обозрѣнія положенія учебныхъ заведеній и составленія общаго устава. Въ то же время другіе три члена Глав-

Князь Карлъ Ливенъ

наго Правленія Училищъ, генералъ-маіоръ Карбоньеръ, капитанъ I ранга Рикордъ и капитанъ-лейтенантъ князь Ширинскій-Шихматовъ образовали другой комитетъ для устройства осмотра университетовъ, училищъ и пансіоновъ и для составленія инструкціи визитаторамъ. Новая учебная система, по предположенію министра, должна была основываться на слѣдующихъ началахъ: «I) Воспитаніе народное во всей Имперіи нашей, не смотря на разность вѣръ, ниже языковъ, должно быть русское. II) Греко-католикъ, римско-католикъ и лютеранинъ должны быть воспитаны, первый—въ твердомъ и незыблемомъ православіи, а второй и третій—во всей точности положительнаго исповѣданія своей вѣры. III) Все иновѣрное россійское юношество должно учиться нашему языку и знать его. Оно должно преимущественно изучать нашу исторію и законы. IV) Всѣ науки должны быть очищены отъ всякихъ непринадлежащихъ къ нимъ и вредныхъ умствованій. V) Излишнее множество и великое разнообразіе учебныхъ предметовъ должно быть благоразумно ограничено и сосредоточено, во-первыхъ, въ тѣхъ познаніяхъ, кои самымъ учрежденіемъ разныхъ учебныхъ заведеній постановлены, и, во-вторыхъ, сообразно съ званіями, къ которымъ учащіеся предназначаются. VI) Языкъ славянскій, т. е. высокій, и классическая россійская словесность повсемѣстно должны быть вводимы и ободряемы. VII) Языкъ греческій долженъ вездѣ, кромѣ училищъ иновѣрныхъ, имѣть преимущество предъ латинскимъ. VIII) Не должно терять изъ вида особенно того, что одно обученіе не есть воспитаніе и даже вредно безъ воздѣланія нравственности, которой христіанину внѣ церкви нигдѣ найти не можно». Наконецъ, на Ученый Комитетъ, усиленный назначеніемъ временнаго пятаго члена, капитана Крузенштерна, возложена обязанность новаго пересмотра учебныхъ книгъ и руководствъ.

Комитетъ составленія проекта общаго устава учебныхъ заведеній началъ работу 5 января 1825 г. подъ предсѣдательствомъ старшаго члена, И. М. Муравьева-Апостола, при дѣлопроизводителѣ П. Кеппенѣ, и имѣлъ 16 засѣданій до мая 1826 г. Магницкій воспользовался благопріятнымъ случаемъ подвергнуть мелочной и придирчивой критикѣ дѣйствія начальства С.-Петербургскаго учебнаго округа въ попечительство Уварова и успѣлъ на нѣсколько засѣданій свести работу комитета къ ревизіи дѣлъ С.-Петербургскаго округа, такъ что министръ вынужденъ былъ снова разъяснить комитету цѣль его занятій. Въ десятомъ засѣданіи Магницкій прочиталъ краткое введеніе къ проекту университетскаго

устава и самый проектъ. Взятый обратно авторомъ для исправленій, проектъ вновь не былъ представленъ. По предложенію предсѣдателя комитетъ положилъ потребовать отъ попечителей и университетовъ въ шестинедѣльный срокъ ихъ мнѣнія о желательныхъ перемѣнахъ въ уставахъ. На это требованіе отозвались попечители Московскаго, Харьковскаго, Дерптскаго округовъ и нѣкоторые профессора, приславшіе свои мнѣнія. Были истребованы также проектъ устава С.-Петербургскаго университета, составленный Балугьянскимъ, и мнѣнія ученыхъ медицинскихъ учрежденій. Собравъ эти матеріалы, комитетъ приступилъ къ чтенію устава Дерптскаго университета, но вскорѣ, на шестнадцатомъ засѣданіи, его занятія прекратились по случаю учрежденія 14 мая 1826 г. новаго Комитета устройства учебныхъ заведеній. Закрывая свой комитетъ, министръ поручилъ дѣлопроизводителю заняться сличеніемъ собранныхъ матеріаловъ для составленія проекта общаго устава четырехъ русскихъ университетовъ. Также безплодной осталась работа и другого комитета, учрежденнаго 11 декабря 1824 г. Составленный имъ проектъ инструкціи визитаторамъ былъ признанъ въ засѣданіи Главнаго Правленія Училищъ 10 ноября 1826 г. совершенно непригоднымъ и оставленъ безъ дальнѣйшаго движенія [84]).

Новый комитетъ возникъ подъ вліяніемъ событія 14 декабря 1825 г. Оно было объяснено, какъ прямое послѣдствіе ложнаго направленія учебной системы. Это убѣжденіе было высказано въ Высочайшемъ манифестѣ 13 іюля 1826 г., объявлявшемъ приговоръ надъ декабристами: «не просвѣщенію, но праздности ума, болѣе вредной, нежели праздность тѣлесныхъ силъ,—недостатку твердыхъ познаній должно приписать сіе своевольство мыслей, сію пагубную роскошь полупознаній, сей порывъ въ мечтательныя крайности, коихъ начало есть порча нравовъ, а наконецъ—погибель. Тщетны будутъ всѣ усилія, всѣ пожертвованія правительства, если домашнее воспитаніе не будетъ пріуготовлять нравы и содѣйствовать его видамъ». Такъ политическая сторона въ вопросѣ народнаго просвѣщенія опять выдвигалась на первый планъ, и учебная система должна была подчиниться прежде всего цѣлямъ политическаго воспитанія общества. Поставивъ на очередь коренную реформу учебной системы, Императоръ Николай обратился къ тому средству подготовки реформы, къ которому онъ неизмѣнно обращался для рѣшенія всѣхъ важныхъ государственныхъ вопросовъ: передалъ ее на обсужденіе особаго комитета изъ лицъ, пользую-

щихся личнымъ его довѣріемъ и по большей части не принадлежащихъ къ непосредственно заинтересованному реформой вѣдомству. Комитетъ, учрежденный рескриптомъ 14 мая 1826 г., былъ первымъ изъ этихъ особыхъ комитетовъ, характеризующихъ правительственную систему Императора Николая I.

Рескриптъ 14 мая 1826 г. на имя министра начинался словами: «обозрѣвая съ особеннымъ вниманіемъ устройство учебныхъ заведеній, въ коихъ россійское юношество образуется на службу государству, Я съ сожалѣніемъ вижу, что не существуетъ въ нихъ должнаго и необходимаго однообразія, на коемъ должно быть основано какъ воспитаніе, такъ и ученіе». Подъ предсѣдательствомъ Шишкова членами Комитета были назначены: генералъ-лейтенантъ графъ Ливенъ, тайный совѣтникъ Сперанскій, графъ Ламбертъ, тайный совѣтникъ Уваровъ, генералъ-лейтенантъ графъ Сиверсъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Шторхъ, исправляющій должность попечителя Харьковскаго Университета ст. с. Петровскій, флигель-адъютанты полковники Перовскій и графъ Строгановъ. Комитету поставлено въ обязанность сличить всѣ уставы учебныхъ заведеній Имперіи, начиная съ приходскихъ училищъ до университетовъ; разсмотрѣть и сличить курсы ученій, собравъ учебныя книги и руководства; «уравнять совершенно по всѣмъ мѣстамъ Имперіи всѣ уставы оныхъ заведеній, сообразуясь со степенями ихъ возвышенія, допустивъ должныя измѣненія для округовъ Дерптскаго и Виленскаго»; «опредѣлить подробно на будущее время всѣ курсы ученій, означивъ и сочиненія, по коимъ оные должны впредь быть преподаваемы»; поручить профессорамъ и академикамъ восполнить пробѣлы учебной литературы, «дабы уже за совершеніемъ сего воспретить всякія произвольныя преподаванія ученій по произвольнымъ книгамъ и тетрадямъ». Вслѣдъ затѣмъ, 21 мая, Государь утвердилъ докладъ министра о наименованіи Комитета—«Комитетомъ устройства учебныхъ заведеній», о назначеніи дѣлопроизводителемъ князя Ширинскаго-Шихматова и о способахъ постановки рѣшеній Комитета при разногласіи членовъ.

Засѣданія Комитета открылись 2 іюня рѣчью А. С. Шишкова о задачахъ его работъ. Сведя всѣ частныя задачи къ двумъ главнымъ—уравненію уставовъ всѣхъ учебныхъ заведеній и точному опредѣленію курсовъ ученія съ выборомъ лучшихъ руководствъ, министръ предложилъ прежде всего сравнить дѣйствующіе уставы: уставъ 5 ноября 1804 г. университетовъ Московскаго, Харьковскаго, Казанскаго, С.-Петербургскаго и училищъ, имъ подвѣдомыхъ,

уставъ Дерптскаго университета и училищъ его округа 4 іюня 1820 г., проектъ устава училищъ Виленскаго округа, введенный въ дѣйствіе въ 1825 г. О первомъ изъ этихъ уставовъ Шишковъ отозвался, какъ «о несовершенномъ опытѣ полнаго въ семъ родѣ произведенія», второй призналъ значительно лучшимъ, но рѣшительное предпочтеніе отдалъ третьему. Затѣмъ онъ изложилъ свое мнѣніе о причинахъ упадка учебныхъ заведеній и о способахъ къ ихъ поднятію, нѣкоторыя частныя замѣчанія о недостаткахъ дѣйствующихъ уставовъ и проектъ новаго распредѣленія учебныхъ предметовъ въ приходскихъ и уѣздныхъ училищахъ и гимназіяхъ. Главными причинами упадка учебныхъ заведеній онъ призналъ: 1) недостатки существующихъ уставовъ, въ которыхъ упущена основная цѣль народнаго просвѣщенія—«образованіе, приспособленное къ потребностямъ разныхъ состояній», 2) ограниченность суммъ на содержаніе педагогическаго персонала, 3) недостатокъ общаго и частнаго надзора за учебными заведеніями, 4) привилегіи лицеевъ и благородныхъ пансіоновъ, отвлекающія юношество отъ университетовъ, 5) слишкомъ долгій срокъ ученія въ гимназіяхъ и низшихъ училищахъ. Настаивая на единствѣ учебной системы, министръ высказался рѣшительно противъ частныхъ пансіоновъ и призналъ даже вреднымъ домашнее воспитаніе. Переходя къ изложенію общихъ основаній новаго устройства учебныхъ заведеній, Шишковъ поставилъ главнымъ требованіемъ, «чтобы оно не изглаживало въ русскихъ характера народнаго, но чтобы улучшало и укрѣпляло его». Раздѣленіе учебныхъ заведеній на приходскія, уѣздныя училища и гимназіи можетъ быть признано удовлетворительнымъ, но подъ условіемъ, чтобы каждый разрядъ училищъ давалъ законченное образованіе для того класса лицъ, для котораго онъ предназначенъ. Но при этомъ сдѣлана оговорка о нежелательности строгой сословной замкнутости школъ и о сохраненіи за низшими разрядами школъ значенія подготовительныхъ ступеней къ высшимъ. По мѣстнымъ обстоятельствамъ и особеннымъ цѣлямъ правительства могутъ быть устраиваемы въ школахъ общаго типа дополнительные классы, но учрежденіе особыхъ учебныхъ заведеній не должно быть допускаемо. Кромѣ того, возможно въ мѣстахъ, отдаленныхъ отъ университетовъ, устроеніе академій или лицеевъ, состоящихъ изъ одного или двухъ университетскихъ факультетовъ. Нѣкоторыми частными замѣчаніями о дѣйствующихъ уставахъ и изложеніемъ примѣрнаго учебнаго плана низшихъ и среднихъ училищъ Шишковъ закончилъ свою

рѣчь въ первомъ засѣданіи. Во второмъ засѣданіи, 26 іюня, онъ изложилъ свои мысли о порядкѣ управленія и взаимныхъ отношеніяхъ училищъ разныхъ разрядовъ. Обязанности попечителей учебныхъ округовъ онъ призналъ весьма неопредѣленными и права ихъ слишкомъ ограниченными. Попечители должны быть ближайшими помощниками министра, имѣющими право самостоятельно разрѣшать извѣстный кругъ вопросовъ, участвовать въ опредѣленіи университетами профессоровъ и директоровъ гимназій, при несогласіи же съ выборомъ университета представлять своихъ кандидатовъ. Выборъ ректоровъ необходимо уничтожить и назначать ихъ отъ правительства. Выборный ректоръ, зависящій отъ своихъ товарищей, не въ состояніи съ твердостью исполнять своихъ обязанностей, а правительство не можетъ имѣть никакого рѣшительнаго на университеты дѣйствія. Профессора должны быть освобождены отъ хозяйственныхъ и административныхъ обязанностей. Присутствіе ихъ въ правленіи университета безполезно, какъ безполезны и училищные комитеты. Въ составѣ университета достаточно оставить два присутственныхъ мѣста: совѣтъ, состоящій изъ ординарныхъ профессоровъ, и правленіе—изъ постороннихъ чиновниковъ. Съ уничтоженіемъ училищныхъ комитетовъ директора училищъ сносятся непосредственно съ попечителемъ. Власть директоровъ и смотрителей уѣздныхъ училищъ должна быть усилена. Въ томъ же засѣданіи избранъ былъ особый Комитетъ для разсмотрѣнія учебныхъ пособій, на основаніи статей 4-й и 5-й, рескрипта 14 мая, подъ предсѣдательствомъ Шторха, изъ академиковъ Круга, Грефе и Пандера, профессоровъ С.-Петербургскаго университета Чижова и Толмачева, бывшаго ректора Харьковскаго университета Стойковича и члена Россійской Академіи Соколова.

Изложенные министромъ тезисы, полагаемые въ основу реформы, не встрѣтили принципіальныхъ возраженій со стороны членовъ Комитета. На третьемъ засѣданіи, 17 іюля, поручено было правителю дѣлъ приступить къ составленію проекта устава среднихъ и низшихъ школъ, а на четвертомъ, 9 декабря, начато обсужденіе самаго проекта. Но такъ энергично начатая работа очень скоро стала затягиваться. Обсужденіе проекта новаго устава среднихъ и низшихъ школъ осложнилось многими частными вопросами, связанными съ этимъ проектомъ: о возстановленіи Главнаго педагогическаго института, о преподаваніи древнихъ языковъ, о ланкастерской методѣ, о дворянскихъ пансіонахъ, о новомъ распредѣленіи губерній по округамъ, о преобразованіяхъ

западно-русскихъ и сибирскихъ училищъ, о приготовленіи профессоровъ, о прибалтійскихъ сельскихъ школахъ, о школахъ Грузіи, объ уставахъ нѣкоторыхъ привилегированныхъ училищъ, о составленіи учебныхъ книгъ и т. п.*) О ходѣ занятій Комитета министръ доводилъ до Высочайшаго свѣдѣнія особыми экстрактами изъ журналовъ, на которыхъ Государь излагалъ свои мысли по разнымъ вопросамъ и полагалъ резолюціи на постановленія Комитета.

Государь былъ недоволенъ медленностью работъ Комитета и на журналѣ XXII засѣданія, 3 сентября 1827 г., написалъ: «Я требую непремѣнно, чтобы дѣло шло поспѣшнѣе». Эта резолюція побудила Комитетъ представить Императору очеркъ своихъ занятій и предположенія объ ихъ окончаніи. А. С. Шишкову не привелось довести руководимыхъ имъ реформъ до конца. Кромѣ разрѣшенія нѣкоторыхъ частныхъ вопросовъ, Комитетъ закончилъ въ январѣ 1828 г. работу по составленію устава среднихъ и низшихъ училищъ, а въ началѣ апрѣля готовъ былъ проектъ устава Главнаго педагогическаго института. Но въ этомъ же мѣсяцѣ А. С. Шишковъ былъ уволенъ въ отставку, и приготовленные проекты были проведены чрезъ Государственный Совѣтъ его преемникомъ по должности министра и предсѣдателя Комитета, княземъ Ливеномъ. Послѣ утвержденія устава среднихъ и низшихъ училищъ 8 декабря 1828 г., работы Комитета сосредоточились на выработкѣ новаго университетскаго устава, причемъ попутно продолжалось обсужденіе различныхъ частныхъ вопросовъ, связанныхъ съ главными реформами: о дополненіяхъ къ уставу 1828 г., о нѣкоторыхъ привилегированныхъ учебныхъ заведеніяхъ, объ училищахъ на западныхъ и восточныхъ окраинахъ, о новомъ раздѣленіи учебныхъ округовъ. Въ мартѣ 1833 г., когда вышелъ въ отставку князь Ливенъ, проектъ новаго устава университетовъ С.-Петербургскаго, Московскаго, Харьковскаго и Казанскаго находился уже въ Государственномъ Совѣтѣ и были готовы проекты уставовъ Дерптскаго университета и училищъ его округа, Нѣжинскаго и Демидовскаго лицеевъ. Въ это же время возникло нѣсколько новыхъ предположеній: о Бѣлорусскомъ университетѣ или лицеѣ въ Оршѣ,

---

*) Самъ Шишковъ не упустилъ случая изложить въ Комитетѣ свои излюбленныя мысли о русскомъ языкѣ и 10 января 1827 г. читалъ записку о необходимости обратить вниманіе на чужеязычныя слова, употребляемыя безъ всякой надобности въ учебныхъ «нашихъ книгахъ и о способахъ прекратить это неудобство». Записка была одобрена и Комитету разсмотрѣнія учебныхъ пособій даны нѣкоторыя инструкціи.

объ Институтѣ правовѣдѣнія въ Кіевѣ, о возобновленіи въ Москвѣ благороднаго университетскаго пансіона.

Дѣятельность Комитета устройства учебныхъ заведеній подъ предсѣдательствомъ А. С. Шишкова и князя Ливена была особенно кипуча и плодотворна. Въ эти семь лѣтъ рѣшительно всѣ вопросы народнаго просвѣщенія, требующіе законодательнаго разрѣшенія, проходятъ черезъ Комитетъ; при графѣ Уваровѣ, въ 30-хъ и 40-хъ годахъ, его дѣятельность постепенно замираетъ [85]).

III.

Въ результатѣ дѣятельности Комитета устройства учебныхъ заведеній при министрахъ А. С. Шишковѣ и князѣ К. А. Ливенѣ система народнаго просвѣщенія подверглась значительнымъ измѣненіямъ. Но нѣкоторыя основы этой системы, утвержденныя «Предварительными правилами 1803 г.», остались еще въ силѣ. До изданія въ 1835 г. «Положенія объ учебныхъ округахъ», кореннымъ образомъ измѣнившаго управленіе ими, порядокъ раздѣленія Имперіи на учебные округа неоднократно измѣнялся со стороны распредѣленія губерній между ними по соображеніямъ административной практики или въ виду политическихъ условій положенія нѣкоторыхъ областей. По указу 31 октября 1824 г. губерніи были распредѣлены по учебнымъ округамъ «сообразно раздѣленію губерній на округа генералъ-губернаторскаго управленія», причемъ Витебская и Могилевская губерніи перешли изъ Виленскаго въ С.-Петербургскій округъ, а Псковская губернія, отнесенная къ Дерптскому округу, временно причислена къ С.-Петербургскому въ виду того, что дѣлопроизводство и преподаваніе въ Дерптскомъ округѣ велось на нѣмецкомъ языкѣ. Комитетъ устройства учебныхъ заведеній, по инціативѣ графа Е. К. Сиверса, «не усматривая никакой существенной надобности въ совпаденіи учебныхъ округовъ съ генералъ-губернаторскими», нашелъ нужнымъ произвести нѣкоторыя перемѣны, Высочайше утвержденныя 6 декабря 1826 г., въ распредѣленіи губерній по округамъ, имѣя цѣлью установить такой порядокъ, «по которому губерніи сколько можно болѣе приблизились бы къ университетамъ, которыми онѣ по части училищной управляются». Но этой цѣли трудно было достигнуть вслѣдствіе отдаленности университетовъ отъ окраинъ государства. Необходимо было образованіе новыхъ учебныхъ округовъ. Но въ

виду особеннаго положенія нѣкоторыхъ областей онѣ были изъяты изъ системы учебныхъ округовъ и подчинены мѣстной высшей администраціи. Уставъ 1828 г. подчинилъ учебныя заведенія сибирскихъ губерній гражданскимъ губернаторамъ на правахъ попечителей округовъ. По указу 17 января 1829 г. изъ губерній Витебской и Могилевской образованъ новый Бѣлорусскій учебный округъ. По «Положенію о закавказскихъ училищахъ» 2 августа 1829 г. послѣднія подчинены Главноуправляющему Грузіей. Указами 30 іюля и 8 ноября 1830 г. и 9 декабря 1832 г. постепенно образованъ Одесскій учебный округъ, съ Ришельевскимъ лицеемъ во главѣ, изъ губерній Херсонской, Таврической и области Бессарабской. Первое предположеніе князя Ливена объ образованіи особаго учебнаго округа изъ Новороссійскаго края встрѣтило возраженія со стороны Сперанскаго, графа Строганова, В. А. и А. А. Перовскихъ. Императоръ Николай I разрѣшилъ этотъ споръ такой резолюціей: «Сообразивъ всѣ особыя мнѣнія съ замѣчаніями г. министра, мнѣ кажется, что учрежденіе особаго округа дѣйствительно не обѣщаетъ принести пользы. Мнѣ край сей довольно извѣстенъ, *онъ русскій;* одна Одесса представляетъ смѣсь, о которой князь Ливенъ упоминаетъ, и касательно ея Я долженъ сознаться, что раздѣляю совершенно его мнѣнія; но изъ сего самаго и заключаю, что опасно было бы подчинять весь край сему мѣсту, коего лицей не можетъ никогда замѣнить университетъ, и при томъ при малѣйшемъ неустройствѣ имѣлъ бы дурное вліяніе на цѣлый край, совершенно различный отъ Одессы и родомъ населенія и обычаями; но полезно бы было самый лицей сдѣлать независимымъ отъ Харьковскаго университета, подчинивъ ему всѣ мелкія учебныя городскія заведенія; стало—составить изъ города какъ бы самый округъ, давъ надежнаго попечителя». Новый общій указъ 12 января 1831 г. утвердилъ эти частныя измѣненія и снова урѣзалъ Виленскій округъ, присоединивъ Подольскую и Волынскую губерніи къ Харьковскому округу, а Минскую къ Бѣлорусскому. Скоро польское возстаніе повлекло за собой, по указу 1 мая 1832 г., закрытіе Виленскаго университета и упраздненіе его округа, училища котораго присоединены къ Бѣлорусскому округу. Наконецъ, 14 декабря 1832 г., въ виду чрезмѣрной обширности Харьковскаго округа и предположенія открыть высшее учебное заведеніе въ Кіевѣ, повелѣно было образовать Кіевскій учебный округъ изъ губерній Кіевской, Черниговской, Волынской и Подольской [86]).

IV.

По плану, принятому Комитетомъ устройства учебныхъ заведеній, обновленіе учебной системы должно было начаться съ низшихъ и среднихъ школъ и закончиться университетами. Проектъ новаго общаго устава университетовъ былъ готовъ въ 1832 г., но онъ не получилъ утвержденія, и при слѣдующемъ министрѣ, С. С. Уваровѣ, подвергся коренному пересмотру. Но время управленія Министерствомъ А. С. Шишкова и князя Ливена не прошло безслѣдно для университетовъ. Въ отдѣльныхъ постановленіяхъ, касавшихся послѣднихъ, уже выяснилось общее направленіе будущей реформы, подготовленной при князѣ Ливенѣ и завершонной уставомъ 1835 г.

Съ удаленіемъ отъ дѣлъ Магницкаго и Рунича для университетовъ окончилась эпоха чрезвычайныхъ мѣръ: въ 1826 г. была упразднена, «какъ безполезная», должность директора въ С.-Петербургскомъ и Казанскомъ университетахъ. Но вскорѣ затѣмъ послѣдовавшія мѣры показали, что правительство не считало возможнымъ возвратиться къ старымъ принципамъ академической свободы и самоуправленія. 28 іюля 1826 г., по представленію попечителя Виленскаго округа Н. Н. Новосильцова, повелѣно было ректоровъ Виленскаго университета впредь назначать отъ правительства, въ отмѣну 2 § устава Виленскаго университета 1803 г. объ избраніи ректора совѣтомъ. Эта мѣра непосредственно была вызвана особенными политическими обстоятельствами, обнаруженіемъ тайныхъ патріотическихъ обществъ среди университетской молодежи и желаніемъ согласовать строй Виленскаго университета съ двумя другими польскими университетами—Варшавскимъ и Краковскимъ. Но въ своемъ представленіи Новосильцовъ высказалъ общее мнѣніе объ университетскомъ самоуправленіи, признавъ устройство русскихъ университетовъ «республиканскимъ» и несообразнымъ съ общими государственными установленіями Россіи, основанными на единствѣ управленія и непосредственной зависимости отъ верховной власти. Почти одновременно созданъ былъ другой опасный для университетскаго самоуправленія прецедентъ. 2 августа 1826 г. разрѣшено попечителю Харьковскаго округа, по его усмотрѣнію, приглашать и опредѣлять въ университетъ, съ утвержденія министра, профессоровъ и адъюнктовъ. Въ докладѣ попечителя объяснялось, «что недостатокъ

въ отличныхъ профессорахъ и значительное число, особенно въ послѣдніе годы, праздныхъ каѳедръ болѣе всего приписать должно сказанному праву совѣта (т. е. праву избранія профессоровъ). Очевидныя выгоды въ семъ случаѣ для состоящихъ на лицо профессоровъ какъ по присутственнымъ университетскимъ мѣстамъ, такъ и по занятію непринадлежащихъ имъ каѳедръ, заставляютъ ихъ слишкомъ мало заботиться о пріумноженіи своихъ сочленовъ». Пала вмѣстѣ со своими творцами система мелочной и тенденціозной регламентаціи университетскихъ курсовъ, созданная Стурдзой и Магницкимъ, но убѣжденіе въ необходимости бдительнаго надзора со стороны Министерства за чтеніями профессоровъ осталось. Циркуляромъ отъ 11 іюня 1824 г. А. С. Шишковъ потребовалъ представленія профессорами подробныхъ конспектовъ ихъ курсовъ для разсмотрѣнія въ Главномъ Правленіи Училищъ. Другимъ циркуляромъ въ 1828 г. онъ вмѣнилъ профессорамъ въ обязанность ежегодно пересматривать свои конспекты и пополнять ихъ новыми научными открытіями, «такъ чтобы современемъ изъ краткихъ конспектовъ могли составиться по всѣмъ частямъ для напечатанія, на счетъ хозяйственныхъ суммъ университета, руководительныя книги, въ коихъ всѣ учебныя заведенія въ Россіи терпятъ большой недостатокъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ обязанность разсмотрѣнія и утвержденія профессорскихъ конспектовъ возложена на попечителей; «если же попечители найдутъ въ конспектѣ что либо затруднительное, то могутъ представлять о томъ на усмотрѣніе Министерства» [87]).

Задолго до начала разсужденій объ уставахъ университетовъ, въ сентябрѣ 1827 г., Комитету устройства учебныхъ заведеній пришлось заняться вопросомъ о приготовленіи профессоровъ. Его возбудилъ Парротъ, представившій Mémoire sur les universités de l'intérieur de la Russie, внесенный въ Комитетъ по Высочайшему повелѣнію Блудовымъ. Парротъ предлагалъ черезъ семь лѣтъ обновить всѣ каѳедры въ университетахъ Московскомъ, Харьковскомъ и Казанскомъ*) путемъ командировки достаточнаго числа молодыхъ ученыхъ для усовершенствованія въ наукахъ сначала въ Дерптъ на 5 лѣтъ, потомъ за-границу на два года. По истеченіи семи лѣтъ изъ старыхъ профессоровъ должны остаться не болѣе одного въ каждомъ университетѣ, въ должности ректора,

*) Петербургскій университетъ онъ почему то находилъ невозможнымъ привести въ цвѣтущее состояніе.

«дабы молодые профессора имѣли время узнать дѣла правленія». Въ Комитетѣ мнѣнія объ этомъ проектѣ раздѣлились: предсѣдатель Шишковъ, Сперанскій, графъ Строгановъ нашли его незаслуживающимъ дальнѣйшаго разсмотрѣнія; другіе—князь Ливенъ, графъ Ламбертъ, Уваровъ, Блудовъ, Крузенштернъ и Шторхъ—признали нѣкоторыя предположенія удобоисполнимыми. Высочайшей резолюціей 14 октября повелѣно было 20 лучшихъ студентовъ послать сначала на два года въ Дерптъ, потомъ также на два года въ Берлинъ или Парижъ, съ надежнымъ начальникомъ. Главное Правленіе Училищъ выработало подробный планъ командировки, одобренный Государемъ съ условіемъ, чтобы всѣ командируемые были природные русскіе. Въ началѣ слѣдующаго года въ университетахъ С.-Петербургскомъ, Московскомъ и Казанскомъ изъявили желаніе и найдены были достойными по 7 человѣкъ, въ Харьковскомъ—ни одного. Выразивъ Харьковскому университету свое неудовольствіе на то, что въ немъ «ни одного не нашлось кандидата на полезную службу», Государь приказалъ на томъ же основаніи выбрать нѣсколько человѣкъ изъ Виленскаго университета. Всѣ избранные отправлены были въ Дерптъ, гдѣ образовали профессорскій институтъ подъ начальствомъ профессора Перевощикова, со званіемъ директора. Въ томъ же 1828 г. въ С.-Петербургскій университетъ, на казенное содержаніе, откомандированы были 6 лучшихъ студентовъ С.-Петербургской и Московской духовныхъ академій для изученія россійскаго законовѣдѣнія и занятія впослѣдствіи профессорскихъ каѳедръ. Для практическаго ознакомленія съ законами они были отданы подъ руководство начальника II отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи Балугьянскаго; распредѣленіе же занятій, теоретическихъ и практическихъ, поручено было составить Сперанскому [88]).

Недовѣріе къ принципамъ уставовъ 1804 г. выразилось и въ постановленіяхъ объ учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Съ теченіемъ времени правительство все настойчивѣе стремилось обставить путь къ высшему образованію такими условіями, которыя охраняли бы учащуюся молодежь отъ вредныхъ политическихъ вліяній. Ограниченіе доступа въ университеты для лицъ низшихъ классовъ и стѣсненіе непосредственнаго общенія съ разсадниками западно-европейскаго просвѣщенія были признаны главными гарантіями политической безвредности высшаго образованія. При министрахъ Шишковѣ и князѣ Ливенѣ приняты первыя мѣры въ обоихъ означенныхъ направленіяхъ. Высочайшій

рескриптъ 19 августа 1827 г. открылъ собою рядъ мѣръ, стѣсняющихъ доступъ къ высшему образованію, разрѣшивъ принимать въ университеты и гимназіи только людей свободныхъ состояній, не исключая вольноотпущенныхъ. Съ цѣлью обезпечить университетамъ хорошо подготовленныхъ слушателей Высочайшимъ указомъ 9 ноября 1831 г. повелѣвалось «строго наблюсти, чтобы впредь въ студенты университетовъ никто не былъ принимаемъ, не окончивъ въ гимназіяхъ полнаго курса положенныхъ наукъ». Указъ вызванъ былъ дошедшими до Государя свѣдѣніями, «что въ университеты часто поступаютъ молодые люди студентами безъ надлежащихъ предварительныхъ познаній, отчего не въ состояніи будучи слѣдовать за чтеніемъ университетскихъ лекцій, вмѣсто пріобрѣтенія высшаго образованія теряютъ понапрасну время». Указъ Сенату 18 февраля 1831 г. изложилъ взглядъ правительства на воспитаніе русскаго юношества за-границей и поставилъ ему преграды. По словамъ указа, «молодые люди возвращаются иногда въ Россію съ самыми ложными о ней понятіями. Не зная ея истинныхъ потребностей, законовъ, нравовъ, порядка, а нерѣдко и языка, они являются чуждыми посреди всего отечественнаго». Указъ предписывалъ воспитывать юношество въ возрастѣ 10—18 лѣтъ непремѣнно въ Россіи. Изъятія изъ этого правила допускаются только съ Высочайшаго разрѣшенія, причемъ для усовершенствованія въ наукахъ не могутъ отправляться за-границу юноши моложе 18 лѣтъ. Лица, воспитанныя несогласно съ этими правилами, лишаются правъ вступать въ государственную службу.

Постепенно подготовлялась и отмѣна тѣхъ привилегій студентовъ въ судебно-полицейскомъ отношеніи, въ силу которыхъ студентъ былъ изъятъ изъ подъ вѣдѣнія общихъ судебныхъ и полицейскихъ установленій и подчиненъ своему университетскому суду и полиціи. Но случаи разгула, столкновеній съ полиціей и разныхъ безпорядковъ, доводимые до свѣдѣнія высшаго правительства, постепенно измѣнили этотъ взглядъ. Въ 1827 г. Императоръ Николай на докладѣ о подчиненіи своекоштныхъ студентовъ Московскаго университета надзору городской полиціи, наравнѣ съ другими обывателями, положилъ резолюцію: «На подчиненіе присмотру городской полиціи тѣмъ болѣе Я согласенъ, что сему иначе и быть не должно». Вмѣстѣ съ тѣмъ принимаются мѣры къ установленію системы строгой дисциплины и надзора за поведеніемъ студентовъ, которую считали излишней и вредной созда-

тели уставовъ 1804 г. Указомъ 14 августа 1824 г. на всѣ учебные округа распространены правила училищнаго надзора, выработанныя Новосильцовымъ для Виленскаго университета послѣ слѣдствія надъ тайными обществами. Могущественнымъ средствомъ дисциплины признано введеніе въ учебныя заведенія нѣкоторыхъ военныхъ порядковъ и форменной одежды. Эту мысль высказалъ Руничъ въ докладѣ объ измѣненіи формы чиновниковъ и воспитанниковъ высшихъ учебныхъ заведеній С.-Петербурга, Высочайше утвержденномъ 29 декабря 1825 г.: «порядокъ военной службы и вообще строгое наблюденіе установленныхъ формъ, чиноначаліе и точность въ исполненіи самомалѣйшихъ постановленій и обязанностей, составляютъ душу дисциплины и поддерживаютъ постоянный и единообразный во всемъ порядокъ . . . Постоянное же ношеніе форменныхъ мундировъ и строгое наблюденіе установленнаго порядка есть одно изъ надежнѣйшихъ къ тому средствъ» [89]).

Такъ въ рядѣ отдѣльныхъ постановленій опредѣлялись взгляды правительства на нѣкоторые основные пункты устройства университетовъ, взгляды, на которые должна была опереться будущая общая реформа университетовъ.

Когда дѣло о преобразованіи среднихъ и низшихъ школъ перешло въ Государственный Совѣтъ, князь Ливенъ 7 мая 1828 г. заявилъ въ Комитетѣ о своевременности приступить къ составленію проекта новаго устава университетовъ, исключая Дерптскій и Виленскій. Принявъ предложенный министромъ порядокъ совѣщаній, Комитетъ поручилъ правителю дѣлъ составить общее обозрѣніе всѣхъ проектовъ, касающихся университетовъ. Главные изъ нихъ были: проектъ устава С.-Петербургскаго университета, составленный въ 1823 г. Балугьянскимъ; проекты устава и штатовъ Харьковскаго университета, составленные Совѣтомъ его въ 1825 г.; замѣчанія совѣта Московскаго университета 1825 г. на существующій уставъ и штаты; проектъ устава Московскаго университета, составленный попечителемъ его въ 1826 г.; дѣло о перемѣнахъ въ уставѣ Казанскаго университета, находившееся съ 1820 г. на разсмотрѣніи Государственнаго Совѣта и въ 1827 г. возвращенное по Высочайшему повелѣнію въ Комитетъ. Тѣмъ временемъ самъ Комитетъ, исходя изъ предположеній, высказанныхъ министромъ въ особой запискѣ, занялся 3 декабря 1828 г. обсужденіемъ главныхъ основаній университетской реформы. Комитетъ былъ уже знакомъ со взглядами министра на университеты

по его запискѣ 1826 г., въ которой онъ разбиралъ предположенія Шишкова. Тогда князь Ливенъ показалъ себя защитникомъ организаціи, данной университетамъ уставами 1804 г. Въ немногихъ словахъ его взгляды заключались въ слѣдующемъ: главная цѣль университетовъ состоитъ въ доставленіи способовъ къ высшему образованію всѣмъ желающимъ, но при этомъ университеты должны сохранять за собою право управленія учебными заведеніями; университетъ въ обширномъ смыслѣ составляютъ всѣ учащіе, учащіеся и служащіе, въ ограниченномъ смыслѣ—«высшее академическое мѣсто, называемое совѣтомъ», подъ предсѣдательствомъ ежегодно избираемаго ректора; для возможнаго облегченія профессорской корпораціи отъ административныхъ обязанностей училищные комитеты должны находиться подъ предсѣдательствомъ директора, назначаемаго изъ постороннихъ чиновниковъ, и состоять не только изъ профессоровъ, но также изъ постороннихъ чиновниковъ; въ LXXV засѣданіи это предположеніе о реформѣ училищныхъ комитетовъ было уже оставлено. Ректору университета и директору училищъ округа предоставляется право прямо сноситься съ министромъ, помимо попечителя, кромѣ нѣкоторыхъ особенныхъ случаевъ; кругъ университетскаго преподаванія дѣлится, вмѣсто трехъ, на пять факультетовъ: философскій, математическій, филолого-историческій, юридическій и медицинскій; должность адъюнктовъ уничтожается; «для содержанія профессоровъ въ надлежащей дѣятельности» отъ нихъ требуются ежегодные отчеты объ успѣхахъ въ области ихъ наукъ; полный курсъ проходится въ 4 года; неокончившіе курса гимназій при поступленіи въ университеты подвергаются предварительнымъ испытаніямъ; самостоятельный университетскій судъ устраивается на основаніяхъ, принятыхъ для Дерптскаго университета; инспекторъ студентовъ избирается совѣтомъ изъ ординарныхъ профессоровъ; расходы на содержаніе столичныхъ университетовъ должны быть возвышены въ три раза, а провинціальныхъ—вдвое. Эти основныя предположенія, съ которыми одновременно Комитетъ разсматривалъ мнѣнія по разнымъ спеціальнымъ вопросамъ, поданныя профессорами и академиками, были приняты за исходные пункты при дальнѣйшемъ развитіи реформы. Въ LXXXI засѣданіи, 11 марта 1829 г., закончилось обсужденіе основъ университетской реформы, и правителю дѣлъ поручено было приступить къ составленію проекта устава 4-хъ университетовъ, руководствуясь предположеніями Комитета и существующими уставами. 7 октября

1829 г. была уже избрана комиссія (Блудовъ, Шторхъ, Крузенштернъ, графъ Строгановъ) для окончательнаго редактированія университетскаго устава. Но кромѣ разныхъ побочныхъ занятій, отвлекавшихъ вниманіе членовъ комиссіи и Комитета, неожиданно Комитету пришлось встрѣтиться съ обстоятельствами, которыя заставили вновь пересмотрѣть принципіальный вопросъ объ основахъ управленія университетами. 1 іюля 1830 г. министръ собщилъ Комитету Высочайшую волю, «чтобы ректоры университетовъ поступали впредь въ сіе званіе изъ профессоровъ не по выбору университетскаго совѣта, но по назначенію начальства, и притомъ не на срочное, а на неопредѣленное время». Комитетъ положилъ внести въ проектъ университетскаго устава постановленіе, чтобы совѣтъ университета избиралъ на должность ректора и представлялъ попечителю трехъ кандидатовъ съ означеніемъ числа голосовъ, полученныхъ каждымъ; чтобы попечитель доводилъ о семъ до свѣдѣнія министра со своимъ мнѣніемъ, а министръ, по своему усмотрѣнію, представлялъ Государю Императору объ утвержденіи одного изъ сихъ кандидатовъ. Въ апрѣлѣ слѣдующаго года Московскій попечитель князь Голицынъ обратился со всеподданнѣйшимъ представленіемъ о необходимости немедленной реформы Московскаго университета: замѣны выборнаго ректора назначеннымъ безсрочно отъ правительства директоромъ изъ постороннихъ лицъ. Переданное въ Комитетъ, это представленіе, съ подробными объясненіями князя Голицына, живо обсуждалось въ нѣсколькихъ засѣданіяхъ самимъ министромъ, членами: Балугьянскимъ, Крузенштерномъ, Перовскимъ, Сперанскимъ, Уваровымъ, Шторхомъ. Князь Ливенъ, признавая нѣкоторые недостатки въ существующемъ порядкѣ управленія университетами, полагалъ возможнымъ устранить ихъ другими мѣрами: отдѣленіемъ хозяйственной, счетной и вообще всей административной части отъ ученой и совершеннымъ освобожденіемъ отъ нея профессоровъ; порученіемъ университетской администраціи и управленія округомъ попечителю. Другіе члены Комитета тоже высказались противъ плана князя Голицына. На основаніи всѣхъ отзывовъ Комитетъ установилъ слѣдующія основы управленія университетами: вся административная часть отдѣляется отъ ученой и учебной, остающейся въ вѣдѣніи совѣта и ректора, и ввѣряется правленію, состоящему подъ предсѣдательствомъ попечителя изъ совѣтниковъ, назначаемыхъ изъ постороннихъ чиновниковъ; управленіе училищами округа, за исключеніемъ выбора и опредѣленія

учителей, возлагается тоже на правленіе университета или особый училищный комитетъ подъ предсѣдательствомъ попечителя; судъ университетскій остается на прежнемъ основаніи; должность ректора остается избирательной. Это заключеніе Комитета по Высочайшему повелѣнію доведено быдо до свѣдѣнія Московскаго попечителя, который согласился съ нимъ. Затѣмъ Комитетъ еще разъ вернулся къ вопросу объ отдѣленіи административной части отъ учебной и ученой и сдѣлалъ нѣсколько дополненій къ прежнимъ постановленіямъ. Не всѣ члены Комитета были согласны съ рѣшеніемъ отнять отъ университетовъ право управленія округами. Шторхъ желалъ пересмотрѣть этотъ вопросъ заново, а Крузенштернъ подалъ отдѣльное мнѣніе, въ которомъ доказывалъ, «что для благосостоянія училищъ необходимо должна существовать тѣсная связь между университетомъ и всѣми учебными заведеніями, подлежащими къ его округу». Наконецъ, 20 мая 1832 г. Комитету было объявлено о Высочайшемъ соизволеніи на его постановленія объ основаніяхъ новаго устройства 4-хъ университетовъ и на уничтоженіе училищныхъ комитетовъ. 27 августа 1832 г. члены Комитета подписали проекты устава 4-хъ университетовъ, положеніе объ отдѣленіи восточныхъ языковъ при С.-Петербургскомъ университетѣ и штаты этихъ университетовъ. Комитетъ постановилъ ходатайствовать объ утвержденіи новаго устава лишь на пять лѣтъ, въ видѣ опыта, съ тѣмъ, чтобы спустя этотъ срокъ Министерству предоставлено было пересмотрѣть уставъ. Въ октябрѣ 1832 г. уставъ (съ проектомъ указа Сенату объ его утвержденіи, объяснительной запиской о восточномъ факультетѣ С.-Петербургскаго университета и запиской о главныхъ измѣненіяхъ въ организаціи университетовъ) препровожденъ былъ по Высочайшему повелѣнію въ Государственный Совѣтъ. Въ апрѣлѣ слѣдующаго года Департаментъ Законовъ занялся разсмотрѣніемъ этихъ проектовъ и для личныхъ объясненій пригласилъ вновь назначеннаго управляющимъ Министерствомъ С. С. Уварова. На сдѣланныя Департаментомъ Законовъ замѣчанія о различныхъ пунктахъ реформы Уваровъ отозвался, что онъ не участвовалъ въ окончательномъ составленіи проекта университетскаго устава и просилъ вернуть ему проектъ для новаго пересмотра, что̀ и было исполнено, съ Высочайшаго соизволенія, въ маѣ 1833 г. [90]).

Въ то время, какъ Комитетъ только начиналъ обсужденіе основъ университетской реформы, возродилось къ новой жизни

учебное заведеніе, тѣсно связанное съ университетами—Главный педагогической институтъ. Возстановить его предложилъ на третьемъ засѣданіи Комитета графъ Е. К. Сиверсъ: «образованіе хорошихъ учителей достигнуто быть можетъ не университетскими лекціями, но основательнымъ обученіемъ и практическимъ приготовленіемъ достойныхъ и охотно себя сему званію посвящающихъ молодыхъ людей». Для процвѣтанія Главнаго педагогическаго института нужны были, по мнѣнію графа Сиверса, два условія: отдача его «подъ непосредственное вліяніе главнаго начальства по учебной части» и наполненіе его исключительно воспитанниками духовныхъ семинарій: «вотъ классъ людей, который въ Россіи долго еще будетъ составлять единственный разсадникъ достойныхъ наставниковъ юношества. Педагогическій институтъ процвѣталъ и приносилъ благотворительнѣйшіе плоды до тѣхъ поръ, пока воспитанники онаго исключительно выбираемы были изъ семинаристовъ; онъ сталъ чахнуть, когда принимали въ оный, кромѣ нихъ, и гимназистовъ; онъ изсохъ, когда вовсе прекратили пріемъ первыхъ въ оный». Въ заключеніе графъ Сиверсъ просилъ «не отлагать сего важнаго и, можно сказать, основного по Министерству Народнаго Просвѣщенія дѣла».

Мысль Сиверса о непосредственномъ подчиненіи института высшему учебному начальству поддержалъ Уваровъ, заявившій, что было бы полезно исключить институтъ хотя временно изъ вѣдомства С.-Петербургскаго учебнаго округа. По этому вопросу Государь положилъ резолюцію: «мнѣніе тайнаго совѣтника Уварова Я совершенно раздѣляю. Сему заведенію состоять непосредственно въ завѣдываніи министра или его товарища». Послѣ этого возникъ было вопросъ о преобразованіи С.-Петербургскаго университета въ Главный педагогическій институтъ, но это мнѣніе было отвергнуто на основаніи заключенія, даннаго графомъ Сиверсомъ и Шторхомъ. Сомнѣніе возбудилъ другой вопросъ—о наполненіи института исключительно семинаристами. 26 октября 1826 г. статсъ-секретарь Муравьевъ увѣдомилъ Комитетъ, что «Его Величество изволилъ найти учредить Педагогическій институтъ необходимо нужнымъ, имѣя въ виду устройство прежняго, какъ опытомъ уже доказавшаго всю свою пользу, и Его Величество желаетъ, чтобы Комитетъ симъ неотлагательно занялся; но въ то же время Его Величество не изволитъ видѣть причины, для которой надобно было допускать исключительное въ сей институтъ поступленіе воспитанниковъ духовныхъ семинарій». На пред-

ставленіе Комитета, что опытъ Учительской семинаріи времени Екатерины II и стараго Педагогическаго института вполнѣ оправдалъ довѣріе, съ которымъ правительство открыло для семинаристовъ педагогическое поприще, послѣдовалъ отвѣтъ, что Государь Императоръ согласенъ съ тѣмъ, чтобы въ Педагогическій институтъ были опредѣляемы *преимущественно* воспитанники духовныхъ семинарій.

При обсужденіи учебнаго плана института заявлено было еще мнѣніе о безполезности преподаванія въ немъ педагогики, «такъ какъ способнѣйшіе люди къ воспитанію юношества суть тѣ, которые сами получили хорошее нравственное воспитаніе, а не тѣ, кои лучше велерѣчатъ о семъ воспитаніи». Но Комитетъ не согласился съ этимъ мнѣніемъ и удержалъ педагогику въ смыслѣ практическаго обученія правиламъ и способамъ преподаванія. Окончательно редактированный подъ наблюденіемъ Уварова и одобренный Комитетомъ уставъ Главнаго педагогическаго института былъ Высочайше утвержденъ 30 сентября 1828 г. Въ существенныхъ чертахъ онъ воспроизвелъ старый уставъ 1816 г., но ввелъ и нѣкоторыя новыя постановленія: назначеніе директора предоставлено «непосредственному начальству» института, отнято у института право возведенія въ ученыя степени, изъ II и III отдѣленій исключено преподаваніе астрономіи и восточныхъ языковъ[91]).

V.

Самымъ крупнымъ плодомъ работъ Комитета устройства учебныхъ заведеній при Шишковѣ и князѣ Ливенѣ былъ новый уставъ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній 8 декабря 1828 г. Проектъ устава былъ разсмотрѣнъ сначала особой комиссіей (Крузенштернъ, Шторхъ, графъ Строгановъ), которая сдѣлала нѣсколько замѣчаній, принятыхъ съ нѣкоторыми измѣненіями Комитетомъ. 8 февраля 1828 г. проектъ представленъ былъ министромъ на «предварительное» благоусмотрѣніе Государя, и затѣмъ 24 февраля и 10 марта разсматривался въ Департаментѣ Законовъ и въ Общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта. Сдѣлавъ разныя частныя замѣчанія, Государственный Совѣтъ нашелъ проектъ заслуживающимъ утвержденія. Исправленный проектъ устава вторично былъ разсмотрѣнъ соединенными Департаментами

Законовъ и Экономіи 10 апрѣля, а 7 и 26 ноября Общимъ Собраніемъ Государственнаго Совѣта. Здѣсь проектъ вызвалъ нѣкоторыя серьезныя возраженія, которыя князь Ливенъ счелъ нужнымъ разобрать въ письмѣ къ Государю, посланномъ 5 декабря. Возраженія касались умноженія числа гимназій, отнятія у нѣкоторыхъ изъ нихъ права на производство въ классные чины, увеличенія жалованья учителямъ. Особенно горячо отвергалъ министръ это послѣднее возраженіе: «можно ли съ доброю совѣстью предъ Богомъ и Отечествомъ рѣшиться продлить существованіе учебныхъ заведеній въ таковомъ положеніи? и для чего? для сбереженія нѣсколькихъ сотъ тысячъ рублей? Ужъ не лучше ли вовсе закрыть училища, нежели оставлять ихъ на той степени несовершенства, на которой теперь они стоятъ». Черезъ три дня новый уставъ получилъ Высочайшее утвержденіе. Изданію устава предшествовало нѣсколько отдѣльныхъ постановленій, отчасти выработанныхъ Комитетомъ и вошедшихъ затѣмъ въ уставъ: въ 1824 г.—объ исключеніи изъ гимназій преподаванія политическихъ наукъ и усиленіи преподаванія языковъ, въ 1827 г.—о допущеніи въ гимназіи только лицъ свободныхъ состояній, а несвободныхъ—въ уѣздныя и приходскія училища, въ 1826 г.—объ устройствѣ при гимназіяхъ пансіоновъ для дѣтей дворянъ и чиновниковъ, въ 1828 г.—о недопущеніи въ гимназіи и уѣздныя училища кантонистовъ.

Уставъ 8 декабря 1828 г. учебныхъ заведеній, подвѣдомственныхъ университетамъ С.-Петербургскому, Московскому, Харьковскому и Казанскому, оказался ближе къ своему предшественнику, уставу 5 ноября 1804 г., чѣмъ можно было ожидать по предположеніямъ, высказаннымъ въ началѣ обсужденія реформы. Въ указѣ Сенату о введеніи въ дѣйствіе новаго устава побужденіемъ къ реформѣ учебныхъ заведеній представлено желаніе только «усилить способы ихъ дѣйствія и вмѣстѣ съ тѣмъ дать болѣе твердости и единообразія началамъ, на коихъ они были основаны». Уставъ сохранилъ три степени общеобразовательной школы: приходское училище, уѣздное училище и гимназію. Порядокъ управленія учебными заведеніями въ главныхъ чертахъ остался въ томъ видѣ, какъ былъ установленъ Предварительными правилами народнаго просвѣщенія и уставомъ 1804 г. Но долголѣтній опытъ далъ возможность въ новомъ уставѣ болѣе подробно и обстоятельно регламентировать права и обязанности учебнаго начальства, которыя уставъ 1804 г. намѣчалъ общими, мало опре-

дѣленными чертами. Директоръ гимназіи и всѣхъ училищъ губерніи есть «хозяинъ гимназіи и начальникъ всѣхъ казенныхъ училищъ, въ губерніи находящихся; его надзору подчинены пансіоны и другія частныя учебныя заведенія губерніи». Помощникомъ директора во всемъ, что касается до надзора за преподаваніемъ и нравственною частью воспитанія въ гимназіи, является инспекторъ. Неоффиціальныя ежемѣсячныя собранія учителей и директора «для педагогическихъ совѣтованій», заведенныя уставомъ 1804 г., новымъ уставомъ превращены въ совѣты гимназій. Они составляются изъ старшихъ учителей гимназіи подъ предсѣдательствомъ директора и обсуждаютъ всѣ важнѣйшія дѣла по гимназіямъ и по управленію подчиненными училищами. Съ цѣлью привлечь мѣстныя дворянскія общества къ дѣлу народнаго образованія вновь учреждена должность почетнаго попечителя гимназіи, выбираемаго на трехлѣтіе изъ мѣстныхъ дворянъ. Попечитель вмѣстѣ съ директоромъ имѣетъ общій надзоръ за состояніемъ гимназіи и особенно заботится объ изысканіи средствъ для открытія пансіоновъ при гимназіяхъ; онъ не имѣетъ права дѣлать распоряженія и лишь негласно сообщаетъ директору свои замѣчанія объ отступленіяхъ отъ устава и другихъ безпорядкахъ. Если нѣкоторые члены Комитета считали безполезною должность почетнаго попечителя, то другіе находили нужнымъ еще болѣе расширить участіе мѣстной высшей администраціи и дворянства въ управленіи училищами. Графъ Строгановъ предложилъ учредить въ каждомъ губернскомъ городѣ совѣты «для усовершенствованія училищной части», состоящіе изъ губернатора, губернскаго и уѣзднаго предводителей дворянства, почетнаго попечителя гимназіи, директора и городскаго головы. Къ этому предложенію присоединились, съ нѣкоторыми оговорками, Сперанскій и Крузенштернъ, противъ него высказались Шишковъ, князь Ливенъ, Уваровъ. Въ XXXIV засѣданіи Комитета была объявлена резолюція Государя: «Мнѣ кажется, что мысль допустить нѣкоторое участіе предводителей губернскихъ въ завѣдываніи училищами заслуживаетъ уваженія; надо только опредѣлить прямую обязанность ихъ въ семъ отношеніи. Мнѣ кажется, ихъ участіе должно быть родъ контроля или прокураторства для увѣдомленія министра о томъ, что въ губерніи по учебной части исполняется».

Оставивъ неприкосновеннымъ начало административной зависимости училищъ низшихъ отъ высшихъ, уставъ 1828 г. поколебалъ связь между ними въ другомъ отношеніи. Старый уставъ

каждому разряду училищъ усваивалъ двѣ цѣли: давать законченное образованіе, сообразно потребностямъ извѣстнаго класса, и служить переходной ступенью въ училища высшаго разряда для ищущихъ дальнѣйшаго образованія. Новый уставъ стремится изъ каждаго разряда училищъ сдѣлать самостоятельное цѣлое, дающее законченное образованіе. Только гимназіямъ по старому указана двоякая цѣль: «доставить способы приличнаго по званію ихъ воспитанія тѣмъ изъ молодыхъ людей, кои не намѣрены или не могутъ продолжать ученіе въ университетахъ, и готовящихся вступить въ оное снабдить необходимыми для сего предварительными знаніями». Соединяя съ каждымъ разрядомъ училищъ законченный кругъ образованія, новый уставъ пріурочиваетъ этотъ кругъ къ потребностямъ опредѣленнаго класса населенія: приходскія училища предназначены для людей «самыхъ нижнихъ состояній»; уѣздныя училища, «открытыя для людей всѣхъ состояній, въ особенности предназначены для того, чтобы дѣтямъ купцовъ, ремесленниковъ и другихъ городскихъ обывателей, вмѣстѣ съ средствами лучшаго нравственнаго образованія, доставить тѣ свѣдѣнія, кои по образу жизни ихъ, нуждамъ и упражненіямъ, могутъ быть имъ наиболѣе полезны»; «главнѣйшая цѣль учрежденія гимназій есть доставленіе средствъ приличнаго воспитанія дѣтямъ дворянъ и чиновниковъ». Съ цѣлью привлечь дворянство въ гимназіи, къ которымъ оно продолжало относиться недовѣрчиво, при всѣхъ гимназіяхъ на пожертвованія дворянства учреждаются пансіоны, какъ воспитательныя учрежденія, о чемъ возвѣстилъ еще указъ 19 декабря 1826 г. Эти пансіоны должны были служить цѣли, указанной Пушкинымъ въ его запискѣ о народномъ воспитаніи: «должно увлечь все юношество въ общественныя заведенія, подчиненныя надзору правительства; должно его тамъ удержать, дать ему время перекипѣть, обогатиться познаніями, созрѣть въ тишинѣ училищъ».

Но проводя рѣзче, чѣмъ предшествующіе уставы, принципъ сословности и законченности образованія для каждаго разряда учебныхъ заведеній, уставъ 1828 г. не создалъ замкнутыхъ сословныхъ школъ, какъ на этомъ особенно настаивалъ членъ Комитета графъ Ламбертъ: «дѣти, принадлежащіе разнымъ сословіямъ, разсуждалъ онъ, не могутъ быть воспитываемы вмѣстѣ. Въ разсужденіи нравственныхъ свойствъ смѣсь сія не можетъ быть допущена. Что касается до познаній, то и тутъ различія необходимы». Противъ этого мнѣнія горячо возсталъ князь Ливенъ, ясно и мѣтко

доказавшій невозможность примѣненія сословныхъ перегородокъ въ учебной системѣ: «въ государствахъ, гдѣ состоянія строго отдѣлены одно отъ другого, гдѣ переходъ изъ одного въ другое, наипаче изъ средняго въ дворянское, чрезвычайно труденъ, и очень рѣдко когда бываетъ, что тому или другому предоставляется дворянство только за долговременныя и весьма отличныя заслуги—въ такихъ, говорю, государствахъ очень легко завести таковый порядокъ. Но въ Россійскомъ государствѣ, гдѣ нѣтъ средняго или гражданскаго состоянія, гдѣ одно только купеческое сословіе нѣкоторымъ образомъ представляетъ оное, гдѣ ремесленникъ по всѣмъ отношеніямъ равенъ земледѣльцу и всегда почти больше развращенъ, гдѣ достаточный крестьянинъ во всякое время можетъ сдѣлаться купцомъ, а часто бываетъ тѣмъ и другимъ вмѣстѣ, гдѣ линія дворянскаго сословія толь необозримое имѣетъ протяженіе, что однимъ концомъ касается до подножія престола, а другимъ почти въ крестьянствѣ теряется, гдѣ ежегодно многіе изъ гражданскаго и крестьянскаго сословій, чрезъ полученіе военнаго или гражданскаго офицерскаго чина, поступаютъ въ дворянство,—въ Россійскомъ государствѣ таковое устройство училищъ затруднительно». Комитетъ согласился съ этимъ мнѣніемъ и опредѣлилъ, что сообщеніе образованія соотвѣтственно состоянію учащихся есть «преимущественное, но не исключительное назначеніе» учебныхъ заведеній. Окончательно вопросъ былъ рѣшенъ Высочайшимъ рескриптомъ 19 августа 1827 г. на имя министра. Онъ требовалъ, «чтобы повсюду предметы ученія и самые способы преподаванія были по возможности соображаемы съ будущимъ вѣроятнымъ предназначеніемъ обучающихся, чтобы каждый, вмѣстѣ съ здравыми, для всѣхъ общими понятіями о вѣрѣ, законахъ и нравственности, пріобрѣталъ познанія, наиболѣе для него нужныя, могущія служить къ улучшенію его участи и не бывъ ниже своего состоянія, также не стремился чрезъ мѣру возвыситься надъ тѣмъ, въ коемъ, по обыкновенному теченію дѣлъ, ему суждено оставаться». Далѣе рескриптъ разрѣшилъ допускать въ университеты и гимназіи только лицъ свободныхъ состояній, не исключая вольноотпущенныхъ; крѣпостнымъ же крестьянамъ и дворовымъ людямъ предоставлять обучаться въ уѣздныхъ и приходскихъ училищахъ, а также въ разныхъ техническихъ и промышленныхъ училищахъ.

Самыя важныя измѣненія въ учебныхъ планахъ сдѣланы для уѣздныхъ училищъ и гимназій. Курсъ училищъ приходскихъ остался почти тотъ же, заключая въ себѣ Законъ Божій, чтеніе

по книгамъ церковной и гражданской печати, чистописаніе, четыре правила ариѳметики. Въ селеніяхъ съ промышленнымъ населеніемъ разрѣшено устраивать дополнительные классы съ курсомъ низшаго класса уѣздныхъ училищъ. Методъ преподаванія допускается или обыкновенный, или по методѣ Ланкастера.

Въ уѣздныхъ училищахъ прибавленъ третій классъ, но изъ числа предметовъ, положенныхъ уставомъ 1804 г., исключены: «должности человѣка и гражданина», физика, естественная исторія, технологія; другіе предметы оставлены въ сокращенномъ видѣ. Соотвѣтственно мѣстнымъ условіямъ промышленности и торговли при уѣздныхъ училищахъ также допускается устройство дополнительныхъ курсовъ: законовѣдѣнія и судопроизводства, особенно торговаго, коммерческихъ наукъ и бухгалтеріи, механики, технологіи, архитектуры, сельскаго хозяйства и садоводства. Число учителей увеличено до пяти. Вопросъ о новыхъ учебныхъ планахъ гимназій вызвалъ особенно горячія и интересныя пренія въ Комитетѣ. Всѣ члены Комитета были противъ энциклопедизма учебныхъ плановъ 1804 г. и сходились на мысли, что новое устройство гимназій «должно имѣть цѣлью болѣе основательное, нежели обширное образованіе». Трудность вопроса заключалась въ томъ, чтобы согласовать программу гимназіи одновременно съ двоякимъ ея назначеніемъ: 1) готовить университетамъ слушателей и 2) давать законченное образованіе людямъ, не намѣревающимся переходить въ университеты. Первой цѣли удовлетворялъ учебный планъ гимназій, впервые введенный Уваровымъ въ С.-Петербургской гимназіи и распространенный на гимназіи всѣхъ округовъ въ 1819 г. Въ первоначальномъ видѣ проектъ новаго учебнаго плана, составленный по порученію Комитета профессорами-спеціалистами, давалъ дальнѣйшее развитіе уваровской программѣ, назначивъ 70 часовъ на латинскій языкъ и 50 на греческій. Но противъ этого преобладанія древнихъ языковъ возстали члены Комитета князь Ливенъ и графъ Е. К. Сиверсъ, напомнившіе Комитету о второй цѣли гимназій—давать законченное образованіе тѣмъ, «кои не имѣютъ намѣренія изучать университетскій курсъ». Въ интересахъ этой группы учащихся графъ Сиверсъ выдвигалъ на первый планъ математику, вмѣстѣ съ древними языками, а князь Ливенъ предлагалъ устроить особыя училища, параллельныя гимназіямъ, или ввести бифуркацію въ старшихъ классахъ гимназій. Самъ Уваровъ въ особомъ мнѣніи отъ 1 ноября 1826 г. высказался противъ введенія греческаго языка во всѣхъ гимназіяхъ, по недо-

статку хорошихъ преподавателей. Онъ находилъ возможнымъ ввести его лишь въ гимназіи при университетахъ и, кромѣ того, въ Ригѣ и Митавѣ. Въ заключеніе онъ выражалъ желаніе помѣстить въ учебный планъ гимназій французскій и нѣмецкій языки. Комитетъ не согласился съ Уваровымъ и положилъ ввести греческій языкъ во всѣ гимназіи, а французскій призналъ вовсе ненужнымъ. Но 20 декабря Комитету была объявлена резолюція Государя: «Я считаю, что греческій языкъ есть роскошь, когда французскій—родъ необходимости, а потому на это согласиться не могу, а требую подробнаго изложенія причинъ». Тогда Комитетъ представилъ подробное объясненіе о преимуществахъ преподаванія древней словесности. Комиссія, разсматривавшая проектъ устава передъ внесеніемъ его въ Государственный Совѣтъ, поддерживала мысль о бифуркаціи старшихъ классовъ. Въ концѣ концовъ учебный планъ гимназій изложенъ былъ уставомъ въ слѣдующемъ видѣ: «курсъ ученія въ губернскихъ гимназіяхъ раздѣляется на 7 классовъ; для каждаго назначается по одному году. Въ оныхъ преподаются: 1) Законъ Божій, Священная и церковная исторія, 2) россійская грамматика, словесность и логика, 3) языки латинскій, нѣмецкій и французскій, 4) математика до коническихъ сѣченій включительно, 5) географія и статистика, 6) исторія, 7) физика, 8) чистописаніе, черченіе и рисованіе». «Въ гимназіяхъ, состоящихъ при университетахъ, обучаютъ и языку греческому. По мѣрѣ нужды и возможности преподаваніе онаго будетъ вводимо и въ прочія губернскія гимназіи». Въ гимназіяхъ съ обоими древними языками на латинскій отведено 39 часовъ и на греческій 30, на математику $22^1/_2$; въ гимназіяхъ безъ греческаго языка число часовъ математики увеличено до $34^1/_2$. Въ сибирскихъ гимназіяхъ усмотрѣнію мѣстнаго начальства предоставляется ввести преподаваніе россійскаго правовѣдѣнія и татарскаго языка, вмѣсто одного изъ новыхъ.

Служебныя привилегіи, какъ и прежде, признаны важнымъ средствомъ привлеченія молодежи въ гимназіи. Успѣшно окончившіе курсъ опредѣляются на гражданскую службу на мѣста канцелярскихъ служителей высшаго разряда съ сокращеніемъ на одинъ годъ сроковъ производства, установленныхъ положеніемъ 14 октября 1827 г. Обучавшіеся же греческому языку опредѣляются на службу прямо 14-мъ классомъ. Экзаменующіеся по указу 6 августа 1809 г. подвергаются испытаніямъ лишь по предметамъ, не преподающимся въ гимназіяхъ. Плата за ученіе была установлена

только для гимназій: опредѣлять размѣры ея Комитетъ предоставилъ министру по сношенію съ попечителями. Предложеніе же нѣкоторыхъ членовъ Комитета ввести плату за ученіе и въ уѣздныхъ училищахъ, какъ поощреніе учителей и средство противъ излишняго прилива учениковъ, принято не было.

Съ самаго начала дѣйствія устава 1804 г. обнаружилась крайняя скудость матеріальнаго обезпеченія среднихъ и низшихъ школъ. Это былъ пунктъ, на которомъ сходились дѣятели самаго различнаго образа мыслей, и штаты 1828 г., дѣйствительно, явились крупнымъ шагомъ впередъ. По примѣрному штату, составленному комиссіей для разсмотрѣнія проекта устава, предположено было увеличить штаты 1804 г. въ 2 раза. Государственный Совѣтъ, хотя и нашелъ затруднительнымъ требованіе прибавочной суммы въ 1.780.000 рублей въ годъ, но всетаки согласился съ нимъ, принявъ во вниманіе, что эта прибавка потребуется не вдругъ, а постепенно, по мѣрѣ преобразованія гимназій и уѣздныхъ училищъ. Но на ряду со штатными суммами отъ казны новый уставъ сохранилъ и другой источникъ обезпеченія учебныхъ заведеній, оставивъ за городскими думами и Приказами общественнаго призрѣнія обязанность отпускать нѣкоторыя суммы на гимназіи и уѣздныя училища. Циркулярнымъ предложеніемъ министра попечителямъ учебныхъ округовъ отъ 26 сентября 1831 г. было разъяснено, что суммы, отпускаемыя Приказами общественнаго призрѣнія и городскими думами, должны расходоваться преимущественно на постройку и починку училищныхъ зданій и на другіе собственно для училищъ предметы. Содержаніе приходскихъ училищъ по прежнему предоставлено добровольнымъ пожертвованіямъ помѣщиковъ, духовенства, городскихъ и сельскихъ обществъ. Чтобы согласовать штаты съ мѣстными экономическими условіями, всѣ губерніи раздѣлены на три разряда. На содержаніе гимназіи въ губерніяхъ 1-го разряда опредѣлено 26.300 р., 2-го разряда—24.350 р. и 3-го разряда—22.400 р. Особые штаты даны столичнымъ гимназіямъ: штатъ каждой изъ трехъ петербургскихъ гимназій опредѣленъ въ 44.020 р., московскихъ—29.150 р. Точно также увеличены штаты уѣздныхъ училищъ по тремъ разрядамъ губерній: въ 1-мъ 5.400 р., во 2-мъ—4.950 р., въ 3-мъ—4.475 р. и даны особые штаты петербургскимъ и московскимъ училищамъ: 4.950 р. и 5.565 р. Всего на 48 гимназій положено 1.276.870 рублей, на 315 уѣздныхъ училищъ 1.534.195 руб.

Столь значительное увеличеніе штатовъ по уставу 1828 г. обусловлено, главнымъ образомъ, возвышеніемъ содержанія педагогическаго персонала, бѣдственное положеніе котораго не разъ рисовалось такими яркими красками. Въ гимназіяхъ назначено жалованье: директорамъ отъ 2.000 р. до 3.000 р., инспекторамъ отъ 1.600 р. до 2.500 р., старшимъ учителямъ отъ 1.375 р. до 2.250 р., младшимъ 1.200 р., законоучителямъ отъ 1.000 р. до 1.200 р.; въ уѣздныхъ училищахъ: смотрителямъ отъ 750 до 1.050 р., учителямъ отъ 625 до 825 р., законоучителямъ 500 р. Значительно расширены пенсіонныя права учителей сравнительно съ положеніемъ 7 сентября 1805 г. Директоры, инспекторы, штатные смотрители, учители гимназій и уѣздныхъ училищъ за 20 лѣтъ безпорочной службы награждаются пенсіями въ размѣрѣ половины оклада жалованья, за 25 лѣтъ—полнымъ окладомъ. За службу свыше 25 лѣтъ опредѣляется прибавка къ пенсіи. Вдовы и малолѣтнія дѣти педагоговъ, умершихъ ранѣе 20 лѣтъ службы, получаютъ единовременное пособіе, равное годовому окладу умершихъ. Вдовамъ же и дѣтямъ лицъ, прослужившихъ болѣе 20 лѣтъ, назначаются пенсіи, слѣдовавшія ихъ мужьямъ и отцамъ. Для учителей Сибири срокъ выслуги на пенсію сокращенъ на 5 лѣтъ, Въ приращеніе училищнаго пенсіоннаго капитала положено отпускать въ теченіе 20 лѣтъ ежегодно по 50.000 рублей изъ Государственнаго Казначейства [92]).

Введеніе новаго устава 8 декабря 1828 г. потребовало со стороны Министерства нѣкоторыхъ мѣръ, дополнявшихъ и разъяснявшихъ его. Окончательное введеніе новаго устава могло послѣдовать только съ 1832 г., потому что въ мартѣ этого года Комитетъ устройства учебныхъ заведеній одобрилъ составленный особой комиссіей изъ профессоровъ и директоровъ петербургскихъ учебныхъ заведеній подробные учебные планы гимназій и уѣздныхъ училищъ, разосланные при циркулярѣ министра отъ 29 іюня 1832 г. Между тѣмъ Комитетъ для разсмотрѣнія учебныхъ пособій, состоявшій подъ предсѣдательствомъ сначала Шторха, потомъ Перовскаго и Балугьянскаго, пересмотрѣлъ и вновь составилъ рядъ учебниковъ по разнымъ предметамъ. Къ 1837 г., когда прекратилась дѣятельность Комитета, имъ было разсмотрѣно 1960 печатныхъ и рукописныхъ сочиненій и переводовъ; изъ ихъ числа вновь составлено членами Комитета или подъ его руководствомъ 39 учебниковъ. Предполагалось еще издать новое руководство по дидактикѣ, которое замѣнило бы старое руководство для учителей,

изданное при Екатеринѣ II. Составленное профессоромъ Кошанскимъ «Наставленіе учителямъ, заключающее въ себѣ общія правила для руководства ихъ» было одобрено какъ Комитетомъ учебныхъ пособій, такъ и главнымъ Комитетомъ. Къ этому наставленію князь Ливенъ распорядился написать введеніе, «въ которомъ изъясняются обязанности учителей отъ побужденій вѣры». Но графъ Строгановъ въ XCV засѣданіи Комитета заявилъ мнѣніе, что введеніе «облечено въ формы неупотребительныя для такого рода сочиненій, напоминающія языкъ того времени, когда подъ покровомъ религіи скрывалось гоненіе на просвѣщеніе и науки», и выражалъ опасеніе, чтобы «введеніе сіе не было принято отголоскомъ помянутой эпохи». Государь, соглашаясь по существу съ мыслями князя Ливена, раздѣлялъ и сомнѣнія графа Строганова. Второй проектъ введенія, представленный княземъ Ливеномъ, по порученію Комитета былъ переработанъ Блудовымъ, но тоже не получилъ утвержденія. Въ 1835 г. вышло «Руководство къ дидактикѣ или наукѣ преподованія» Ободовскаго, и въ 1837 г. Комитетъ, уже при министрѣ Уваровѣ, положилъ снабдить этой книгой учебныя заведенія впредь до появленія другого совершеннѣйшаго въ семъ родѣ сочиненія.

Значительное увеличеніе суммъ на содержаніе учителей по новымъ штатамъ давало надежду, что въ будущемъ исчезнетъ тотъ крайній недостатокъ въ нихъ, отъ котораго такъ страдало учебное дѣло. 11 февраля 1831 г., по поводу введенія новыхъ штатовъ по училищамъ С.-Петербургскаго округа, князь Ливенъ распорядился воспретить преподаваніе одному учителю въ двухъ классахъ, съ производствомъ полнаго жалованья по обоимъ классамъ, и предписалъ «сдѣлать нынѣ же строгій разборъ учителямъ по ихъ способностямъ и поведенію и только способнымъ назначить полный окладъ по новымъ штатамъ; тѣхъ же, кои имѣютъ слабыя познанія, нестарательныхъ или сомнительнаго поведенія, таковыхъ оставить на жалованьѣ по прежнимъ штатамъ до пріисканія на мѣста ихъ лучшихъ, къ чему не представляется впрочемъ и затрудненія, такъ какъ жалованье по настоящимъ штатамъ болѣе нежели удвоено». Чтобы поддержать научный духъ въ преподавателяхъ среднихъ учебныхъ заведеній, циркуляромъ 9 марта 1832 г. имъ предложено было въ свободное отъ преподаванія время заниматься описаніемъ естественныхъ произведеній каждой губерніи; къ циркуляру были приложены инструкціи для наблюденій ботаническихъ, зоологическихъ, минералогическихъ и метеорологическихъ [93]).

VI.

Уставъ 8 декабря 1828 г. далъ нормы средняго и низшаго образованія, на которыхъ должно было зиждиться «необходимое единообразіе» учебной системы, требуемое рескриптомъ 14 мая 1826 г. Но существовалъ рядъ учебныхъ заведеній съ особыми учебными планами и правами, болѣе или менѣе далеко уклонявшихся отъ этихъ общихъ нормъ. То были: нѣкоторыя привилегированныя гимназіи, благородные университетскіе пансіоны, лицеи или «гимназіи высшихъ наукъ». Послѣ изданія устава 1828 г. становилась на очередь реформа этихъ училищъ. Комитетъ устройства учебныхъ заведеній принципіально былъ противъ привилегированныхъ учебныхъ заведеній. Если онъ допустилъ дальнѣйшее существованіе гимназій высшихъ наукъ или лицеевъ, то, по словамъ Сперанскаго, «болѣе для сохраненія ихъ и для извлеченія изъ учиненныхъ частными людьми на нихъ пожертвованій возможной пользы, нежели по убѣжденію въ существенной потребности особеннаго ихъ образованія».

Одновременно съ утвержденіемъ новаго устава 1828 г. послѣдовалъ особый указъ о преобразованіи по общему плану гимназій, устроенныхъ на особыхъ основаніяхъ: С.-Петербургской, Кіевской, Казанской, Слободско-Украинской, Таганрогской коммерческой, Херсонской. Въ 1830 г. были преобразованы въ гимназіи С.-Петербургское высшее училище и благородные пансіоны при университетахъ С.-Петербургскомъ и Московскомъ. Указъ 29 марта 1830 г. объявилъ дальнѣйшее существованіе этихъ пансіоновъ съ особыми учебными планами и привилегіями несовмѣстнымъ съ желаніемъ правительства поставить систему народнаго просвѣщенія на твердыхъ и единообразныхъ правилахъ и вреднымъ для основательнаго ученія благороднаго юношества въ университетахъ. Преобразованныя изъ благородныхъ пансіоновъ гимназіи всетаки остались закрытыми, исключительно дворянскими учебными заведеніями, хотя и лишенными прежнихъ привилегій [94]).

Преобразованіе университетскихъ благородныхъ пансіоновъ не осталось безъ протеста со стороны дворянства, для котораго самое названіе гимназія было непріятно. Когда въ 1832 г. товарищъ министра С. С. Уваровъ пріѣхалъ въ Москву для ревизіи университета, «его со всѣхъ сторонъ оглушали жалобы родителей, просящихъ единодушно о возстановленіи бывшаго благороднаго пансіона,

хотя не на томъ же основаніи или не съ одними правами, но, по крайней мѣрѣ, въ прежнемъ специальномъ направленіи сего заведенія. Всѣ твердили, что они готовы платить по 1.500 руб. и болѣе въ годъ за сына, если только открытъ вновь будетъ пансіонъ, куда могли бы отдавать въ Москвѣ дѣтей, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ правительства, и цѣль коего была бы нѣкоторымъ образомъ приспособлена къ будущему назначенію ихъ въ службѣ». Со своей стороны Уваровъ рѣшительно поддержалъ эти ходатайства, указывая на то, «что гимназическое ученіе едва ли принаровлено быть можетъ къ гражданскимъ потребностямъ тѣхъ классовъ, изъ коихъ образуются будущіе служители Отечества между дворянами». Другими словами, по мнѣнію Уварова, общая реформа 1828 г., повлекшая за собою преобразованіе университетскихъ благородныхъ пансіоновъ, еще недостаточно глубоко провела принципъ сословности и спеціальности въ гимназическомъ образованіи, не согласовала его съ потребностями дворянства. Такимъ образомъ принципъ сословности образованія оказался въ противорѣчіи со стремленіемъ правительства къ «единообразію» учебной системы. На предположеніе Уварова о преобразованіи 1-й Московской гимназіи снова въ спеціальное дворянское заведеніе Императоръ Николай положилъ резолюцію: «Не вижу никакого сему препятствія; сверхъ того, можно бы было приготовить проектъ лицея въ Москвѣ, на подобіе и по уставу Царскосельскаго, и представить Мнѣ». 22 февраля 1833 г. явился указъ «О предварительномъ образованіи Московскаго дворянскаго института». Для поступленія въ него требуется знаніе курса двухъ низшихъ классовъ гимназіи; самый институтъ состоитъ изъ пяти классовъ; греческій языкъ «преподается только тѣмъ воспитанникамъ, которые при особенныхъ способностяхъ изъявятъ на то свое собственное желаніе»; взамѣнъ того, бóльшее развитіе дается преподаванію новыхъ иностранныхъ языковъ; окончившіе курсъ института и поступившіе въ университетъ могутъ, при неимѣніи родителей и родственниковъ, продолжать жить въ институтѣ подъ надзоромъ и на попеченіи его начальства. Во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ устройство института основывается на уставѣ 1828 г. Такъ снова была сдѣлана уступка дворянству, не мирившемуся съ гимназіями, которыя правительство не рѣшилось превратить въ сословныя дворянскія школы [95]).

Далѣе необходимо было опредѣлить отношеніе къ системѣ 1828 г. Нѣжинской и Демидовской гимназій высшихъ наукъ и

Ришельевскаго лицея, какъ учебныхъ заведеній, соединяющихъ курсы университетскіе и гимназическіе и пользующихся особыми правами. Проекты новыхъ уставовъ Нѣжинскаго и Демидовскаго лицеевъ были разсмотрѣны и одобрены Комитетомъ устройства учебныхъ заведеній одновременно съ проектомъ университетскаго устава въ сентябрѣ 1832 г. По уставамъ 7 октября 1832 г. и 2 августа 1833 г. Нѣжинская и Демидовская гимназіи преобразованы въ высшія учебныя заведенія, подъ названіемъ лицеевъ, съ трехгодичнымъ курсомъ; для поступленія требуется знаніе полнаго гимназическаго курса; предметами преподаванія въ лицеѣ князя Безбородко назначены науки словесныя и физико-математическія; въ Демидовскомъ лицеѣ къ нимъ прибавлены еще латинская словесность, науки философскія и юридическія. Государственный Совѣтъ при разсмотрѣніи проекта устава обратилъ вниманіе Министерства на то, что въ лицеѣ «главныя познанія для учащихся должны составлять науки юридическія и камеральныя; прочія же, бывъ предметомъ общей образованности, суть уже второстепенныя»; въ служебныхъ правахъ студенты лицеевъ уравнены со студентами университетовъ; въ административномъ отношеніи лицей князя Безбородко подчиненъ попечителю Харьковскаго округа, Демидовскій лицей—Московскому университету; директоръ лицея князя Безбородко избирается попечителемъ округа, профессора—совѣтомъ лицея; въ лицеѣ Демидовскомъ и директоръ и профессора избираются Московскимъ университетомъ; непосредственное управленіе учебною и хозяйственною частями того и другого лицея ввѣрено совѣтамъ. Оба лицея содержатся на пожертвованныя основателями ихъ суммы. Въ томъ же направленіи подготовлялась и реформа Ришельевскаго лицея, получившаго новый уставъ въ 1837 г., по которому онъ раздѣленъ на собственно лицей, высшее учебное заведеніе, и гимназію, устроенную на общемъ основаніи устава 1828 г. Преобразованные лицеи уже не нарушали единообразія системы средняго образованія. Согласно съ планомъ Шишкова они остались высшими учебными заведеніями, составляющими какъ бы отдѣленія университетовъ [96]).

Наконецъ, предстояло согласовать съ новой системой положеніе частныхъ учебныхъ заведеній. Противъ нихъ высказались люди столь противоположныхъ воззрѣній, какъ Шишковъ и Пушкинъ. Въ своей рѣчи при открытіи Комитета устройства учебныхъ заведеній министръ призналъ вредными частные пансіоны и предлагалъ закрыть ихъ черезъ три года послѣ введенія общей

реформы. Пушкинъ въ запискѣ, поданной Государю, настаивалъ на необходимости «увлечь все юношество въ общественныя заведенія, подчиненныя надзору правительства» и «во чтобы то ни стало подавить воспитаніе частное». Но эти суровыя предположенія не осуществились. Уставъ 1828 г. не только разрѣшилъ открытіе частныхъ учебныхъ заведеній «для содѣйствія видамъ правительства въ распространеніи просвѣщенія», но даже призналъ, что «польза отъ хорошо устроенныхъ частныхъ учебныхъ заведеній столь важна и очевидна, что мѣстныя начальства обязаны способствовать поддержанію и улучшенію оныхъ». Уставъ не стѣснилъ развитія частныхъ училищъ какими либо новыми, особенными ограничительными или запретительными мѣрами. Онъ только поставилъ ихъ подъ «тщательный и безпрестанный надзоръ» учебнаго начальства, имѣвшій цѣлью строгое соблюденіе частными училищами всѣхъ общихъ узаконеній по учебному вѣдомству. Учебные планы частныхъ училищъ должны быть строго согдашены съ планами соотвѣтствующихъ имъ по степени казенныхъ училищъ; но не возбраняется введеніе въ нихъ дополнительныхъ наукъ, языковъ и искусствъ, «соображаясь съ мѣстными потребностями или особенною цѣлью заведенія»; не воспрещается также употребленіе, съ дозволенія начальства, учебныхъ книгъ и пособій взамѣнъ принятыхъ въ правительственныхъ школахъ; учителями допускаются всѣ лица, получившія отъ учебнаго начальства свидѣтельства на право преподаванія; безъ этихъ свидѣтельствъ никто не долженъ быть допускаемъ учителемъ или учительницей даже въ частныхъ домахъ.

Благопріятное отношеніе правительства къ частнымъ училищамъ снова измѣнилось послѣ 1830 г., «какъ по ходу политическихъ происшествій, такъ и по направленію общественнаго мнѣнія въ большей части иностранныхъ государствъ». Главная опасность частнаго обученія снова стала усматриваться въ томъ, что содержателями частныхъ училищъ и пансіоновъ по прежнему, въ большинствѣ случаевъ, являлись иностранцы. Циркуляромъ 22 апрѣля 1831 г. министръ предписалъ отъ желающихъ открыть пансіоны требовать засвидѣтельствованія мѣстнаго начальства и негласнаго розыска объ ихъ поведеніи и нравственности и на открытіе каждаго новаго пансіона испрашивать разрѣшеніе его, министра. Въ томъ же году князь Ливенъ провелъ черезъ Комитетъ Министровъ «Дополнительныя постановленія къ уставу 1828 г. о занимающихся содержаніемъ частныхъ учебныхъ заве-

деній и обученіемъ юношества», изложенныя въ указѣ 12 іюня 1831 г. Учебному начальству вмѣняется въ обязанность самый бдительный надзоръ за частными училищами, наблюденіе за «образомъ мыслей и нравственными качествами» содержателей пансіоновъ, за преподавателями, за учебными пособіями и библіотеками; особенное вниманіе обращено на педагоговъ-иностранцевъ: русскимъ миссіямъ за-границей поручено строго наблюдать за лицами, отправляющимися въ Россію въ качествѣ учителей и воспитателей; учебному же начальству предписывается допускать этихъ лицъ до педагогической практики лишь подъ условіемъ самыхъ надежныхъ гарантій въ ихъ благонадежности, и открытіе частныхъ пансіоновъ разрѣшать лицамъ, живущимъ въ Россіи не менѣе 5 лѣтъ [97]).

VII.

Уставъ среднихъ и низшихъ училищъ 1828 г. распространялся лишь на четыре учебные округа: С.-Петербургскій, Московскій, Казанскій и Харьковскій. На окраинахъ должны были дѣйствовать особые уставы, хотя и согласованные въ главныхъ чертахъ съ общими уставами. Такъ было рѣшено при открытіи Комитета устройства учебныхъ заведеній.

Указъ 8 декабря 1828 г. изъялъ изъ вѣдѣнія Казанскаго университета учебныя заведенія сибирскихъ губерній и подчинилъ ихъ мѣстнымъ губернаторамъ. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ учебныя заведенія Сибири подлежали дѣйствію устава 1828 г., который допустилъ лишь нѣкоторыя особенности въ учебномъ планѣ сибирскихъ гимназій, введя въ нихъ преподаваніе россійскаго правовѣдѣнія и татарскаго языка, вмѣсто одного изъ новыхъ. Кромѣ того, въ гимназіяхъ Сибири введено было преподаваніе ветеринарныхъ наукъ.

2 августа 1829 г. Высочайше утверждено было «Положеніе о Закавказскихъ училищахъ». До этого времени въ Закавказьѣ существовало одно казенное учебное заведеніе, Благородное училище въ Тифлисѣ. Въ 1827 г. Тифлисскій военный губернаторъ, генералъ-адъютантъ Сипягинъ, возбудилъ вопросъ о преобразованіи Тифлисскаго училища въ гимназію и объ учрежденіи въ Закавказскомъ краѣ 16 двухклассныхъ уѣздныхъ училищъ. Эти предположенія были разсмотрѣны въ Комитетѣ устройства учебныхъ заве-

деній и переданы на заключеніе Главноуправляющаго Грузіей, графа Паскевича-Эриванскаго, который согласился съ проектомъ Комитета. «По мѣстнымъ обстоятельствамъ и особеннымъ потребностямъ края» училища Грузіи и Армянской области подчинены «Положенію» 1829 г., но во всѣхъ прочихъ случаяхъ, не означенныхъ въ Положеніи, руководствуются уставомъ 8 декабря 1828 г. Тифлисская гимназія, директоръ которой есть непосредственный начальникъ всѣхъ Закавказскихъ училищъ, состоитъ изъ 7-ми классовъ, причемъ младшій классъ—7-й, имѣетъ значеніе приготовительнаго; въ остальныхъ шести классахъ преподаются науки, назначенныя уставомъ 1828 г., кромѣ древнихъ языковъ, замѣненныхъ татарскимъ и грузинскимъ языками; введено также россійское правовѣдѣніе и судопроизводство; при гимназіи состоитъ благородный пансіонъ для 40 казенныхъ стипендіатовъ, сыновей мѣстныхъ чиновниковъ и грузинскихъ дворянъ. Въ Тифлисѣ и другихъ городахъ учреждаются 20 двуклассныхъ уѣздныхъ училищъ «для дѣтей всякаго свободнаго состоянія». Курсъ этихъ училищъ приближается къ курсу училищъ приходскихъ по уставу 1828 г. Всѣми вообще учебными заведеніями Закавказья управляетъ на правахъ попечителя Главноуправляющій Грузіей. На ежегодное содержаніе гимназіи и 20 уѣздныхъ училищъ отпускается по штату 134.700 рублей [98]).

Осенью 1830 г. Комитетъ устройства учебныхъ заведеній приступилъ къ пересмотру уставовъ Дерптскаго университета и училищъ его округа, особенно училищъ сельскихъ. 9 октября была избрана особая коммиссія (Балугьянскій, Шторхъ, графъ Строгановъ), которая къ концу 1832 г. выработала проекты дополненій къ уставу и штатамъ Дерптскаго университета и училищъ его округа. Въ мартѣ 1833 г. они были представлены на Высочайшее усмотрѣніе. Но такъ какъ по новымъ штатамъ требовалась ежегодно прибавка изъ Государственнаго Казначейства въ 80.000 рублей, то Государь повелѣлъ снестись по этому вопросу съ министромъ Финансовъ. Послѣдній отозвался, что, соглашаясь на внесеніе означенной суммы въ смѣту 1834 г., онъ признаетъ вообще увеличеніе расходовъ по Министерству Народнаго Просвѣщенія крайне затруднительнымъ для Государственнаго Казначейства. На этомъ основаніи, а также въ виду новаго пересмотра общаго университетскаго устава, вопросъ о преобразованіи Дерптскаго округа по необходимости отложенъ былъ на неопредѣленное время. Изъ мѣропріятій самого Министерства по Дерптскому

округу важны были тѣ, которыя имѣли цѣлью утвердить преподаваніе русскаго языка. Императоръ Николай въ 1827 г., во время пребыванія въ Ригѣ и Ревелѣ, замѣтилъ слабые успѣхи тамошнихъ гимназистовъ въ русскомъ языкѣ и повелѣлъ «этотъ недостатокъ непремѣнно и безъ потери времени исправить». Въ слѣдующемъ году Министерство испросило Высочайшее соизволеніе имѣть при гимназіяхъ Дерптскаго округа и въ Домскомъ Ревельскомъ училищѣ по два учителя русскаго языка, съ увеличеннымъ содержаніемъ; имъ же поручено было преподаваніе исторіи и географіи. Далѣе Министерство требовало, чтобы всѣмъ студентамъ «изученіе русскаго языка постановлено было въ особенную обязанность и познаніе онаго сдѣлано неотмѣннымъ условіемъ для полученія ученой степени при учиненіи экзаменовъ» [99]).

Особенно труднымъ и сложнымъ дѣломъ было преобразованіе учебной системы въ западныхъ губерніяхъ послѣ обнаруженія тамъ революціонной польской пропаганды. Вспыхнувшее затѣмъ возстаніе 1830 г. сообщило этому преобразованію болѣе радикальный характеръ. Однимъ изъ главныхъ основаній системы князя Чарторыйскаго было единство въ направленіи учебнаго дѣла во всѣхъ областяхъ, нѣкогда принадлежавшихъ Польшѣ. Но еще въ бытность его попечителемъ началось распаденіе обширнаго Виленскаго округа: въ 1818 г. Кіевская губернія включена въ составъ Харьковскаго округа; указомъ 10 октября 1824 г., уже по выходѣ въ отставку князя Чарторыйскаго, отъ Виленскаго округа отрѣзаны Бѣлорусскія губерніи, Витебская и Могилевская, и причислены къ округу С.-Петербургскому; въ 1829 г. Бѣлорусскія губерніи образовали особый учебный округъ; въ началѣ 1831 г., по присоединеніи къ этому округу Минской губерніи, а Волынской и Подольской—къ Харьковскому, Виленскій округъ заключалъ въ себѣ только Виленскую и Гродненскую губерніи и и область Бѣлостокскую. Такъ ко времени польскаго возстанія было разрушено единство управленія учебнымъ дѣломъ въ западномъ краѣ.

Въ то же время подготовлялась реформа старой учебной системы по существу. Еще князь Голицынъ предписалъ Виленскому университету составить новый уставъ для училищъ его округа. Новосильцовъ, назначенный попечителемъ, послѣ произведеннаго имъ слѣдствія о тайныхъ обществахъ, еще болѣе убѣдился въ необходимости новаго устава. Главный недостатокъ дѣйствующаго устава, по его мнѣнію, заключался въ томъ, что

среднія училища готовили университетскихъ слушателей, а не давали законченнаго образованія, между тѣмъ какъ немногіе изъ гимназій поступали въ университетъ; большинство оставались съ незаконченнымъ образованіемъ, несоотвѣтствующимъ ихъ соціальному состоянію. Новосильцовъ образовалъ при Виленскомъ университетѣ особый училищный комитетъ и выработанный послѣднимъ проектъ новаго устава представилъ Государю въ Варшавѣ. Въ виду тревожнаго состоянія Виленскаго округа онъ просилъ Государя разрѣшить ему ввести новый уставъ въ дѣйствіе немедленно, не дожидаясь разсмотрѣнія его въ Министерствѣ и утвержденія законодательнымъ порядкомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Новосильцовъ просилъ Государя объ утвержденіи новыхъ штатовъ для округа и о введеніи въ употребленіе новыхъ учебныхъ книгъ безъ разсмотрѣнія ихъ въ Министерствѣ. На всѣ эти ходатайства Императоръ Александръ изъявилъ изустное согласіе, о чемъ Новосильцовъ увѣдомилъ министра 5 іюня 1825 года. Въ январѣ слѣдующаго года Ученый Комитетъ разсматривалъ уже дѣйствовавшій съ 1 сентября уставъ, который по отзыву Новосильцова очень сочувственно встрѣченъ былъ духовенствомъ и дворянствомъ западнаго края. Члены Ученаго Комитета также отозвались съ большими похвалами о новомъ уставѣ, а Руничъ предложилъ даже ввести его во всѣ учебные округа. 30 января 1829 г. князь Ливенъ предложилъ сличить неутвержденный уставъ Виленскаго округа съ новымъ общимъ уставомъ 8 декабря 1828 г. Эта работа была выполнена Виленскимъ университетомъ и въ сентябрѣ 1831 г. представлена въ Министерство. Но послѣ закрытія университета и упраздненія Виленскаго округа дѣло о новомъ уставѣ было прекращено.

Задача Министерства по отношенію къ губерніямъ, постепенно отходившимъ отъ Виленскаго округа, сводилась къ тому, чтобы искоренить господствующій «духъ полонизма» и распространить на нихъ общегосударственную учебную систему. Указомъ Сенату 17 января 1829 г. на Бѣлорусскія губерніи, составлявшія особый учебный округъ, распространенъ былъ только что утвержденный общій уставъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, въ дополненіе къ которому предписаны слѣдующія мѣры: обратить штатныя суммы, которыя отпускались на училища, содержимыя католическимъ духовенствомъ, на свѣтскія уѣздныя училища; въ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ имѣть учителей польскаго языка и словесности; ввести въ уѣздныя училища латинскій

языкъ; увеличить число русскихъ приходскихъ училищъ, содержимыхъ на счетъ казны. Съ своей стороны министръ обратилъ особенное вниманіе на образованіе дворянской молодежи въ Бѣлоруссіи и ходатайствовалъ черезъ Комитетъ Министровъ объ утвержденіи въ нѣкоторыхъ повѣтахъ уѣздныхъ училищъ, преимущественно для дворянства, о стипендіяхъ для молодыхъ дворянъ, по 5000 рублей на каждую гимназію, и о разрѣшеніи объявить дворянству о предполагаемомъ учрежденіи высшаго учебнаго заведенія въ Бѣлоруссіи. 9 сентября 1830 г., по положенію Комитета Министровъ, эти ходатайства были удовлетворены.

Возстаніе 1830—1831 годовъ побудило правительство къ болѣе энергичнымъ мѣрамъ. Высочайшее повелѣніе 4 апрѣля 1831 г. намѣтило главныя цѣли Министерства въ Бѣлорусскомъ округѣ и юго-западныхъ губерніяхъ: «Его Императорское Величество», говорилось въ немъ, «находя, что способъ нынѣшняго воспитанія юношества въ Бѣлоруссіи и другихъ губерніяхъ, возвращенныхъ отъ Польши, требуетъ неотлагательнаго преобразованія и совершенствованія, Высочайше повелѣть соизволилъ: 1) чтобы Министерство Народнаго Просвѣщенія, и въ особенности попечитель Бѣлорусскаго учебнаго округа, приложили всевозможное стараніе къ скорѣйшему исполненію имѣющихся предположеній о постепенномъ уничтоженіи духовныхъ училищъ при римско-католическихъ монастыряхъ и о преподаваніи на русскомъ языкѣ наукъ въ долженствующихъ замѣнить оныя свѣтскихъ училищахъ, имѣя постоянною цѣлію—направленіе публичнаго воспитанія къ сближенію тамошнихъ жителей съ природными россіянами, и 2) чтобы Министерство Народнаго Просвѣщенія принимало постоянно тѣ же мѣры и въ отношеніи училищъ Кіевской, Волынской и Подольской губерній, гдѣ исполненіе оныхъ будетъ тѣмъ легче и успѣшнѣе, что большая часть народонаселенія сихъ губерній состоитъ изъ природныхъ россіянъ».

На усиленіе русскаго языка въ учебныхъ заведеніяхъ западнаго края обратилъ вниманіе Министерства и Государственный Совѣтъ «при разрѣшеніи вопроса о введеніи русскаго языка въ судопроизводство» по губерніямъ западнымъ и юго-западнымъ. Государственный Совѣтъ «разсуждалъ, между прочимъ, что въ государствѣ самодержавномъ чѣмъ части, его составляющія, однороднѣе и чѣмъ законы единообразнѣе, тѣмъ и управленіе удобнѣе. Слѣдовательно, нельзя не желать, чтобы губерніи присоединенныя, и въ правѣ частной ихъ собственности и въ языкѣ судебномъ,

сколь можно болѣе были сближены съ цѣлымъ. Вопросъ о времени и способахъ сего сближенія зависитъ, однако, отъ степени и отъ пространства употребленія русскаго языка въ губерніяхъ, отъ Польши возвращенныхъ». Но имѣя основанія думать, что успѣхи русскаго языка доселѣ не были значительны, Государственный Совѣтъ положилъ: «сообщить министру Просвѣщенія о принятіи мѣръ на счетъ усиленія русскаго языка въ училищахъ западныхъ губерній». 7 іюля 1832 г. это мнѣніе было Высочайше утверждено. Съ 1832 г. начались крупныя реформы, которыя должны были создать новую учебную систему на мѣсто разрушенной системы князя Чарторыйскаго. 1 мая 1832 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе о закрытіи Виленскаго университета, главнаго центра польскаго вліянія въ западномъ краѣ, и упраздненіи Виленскаго учебнаго округа, всѣ училища котораго присоединялись къ округу Бѣлорусскому. Такимъ образомъ сѣверо-западный край снова соединялся въ одномъ учебномъ округѣ. Центромъ его и высшимъ учебнымъ заведеніемъ долженъ былъ сдѣлаться Бѣлорусскій лицей въ г. Оршѣ. Послѣдующія мѣропріятія осуществляли программу, намѣченную въ Высочайшемъ повелѣніи 4 апрѣля 1831 г.: рядъ училищъ, содержимыхъ католическимъ духовенствомъ, былъ преобразованъ въ свѣтскія гимназіи и уѣздныя училища, съ содержаніемъ изъ общаго поіезуитскаго фундуша и изъ доходовъ нѣкоторыхъ вновь упраздненныхъ католическихъ монастырей, въ имѣніяхъ которыхъ числилось болѣе 13 тысячъ крестьянъ мужского пола.

Подобныя же мѣры приняты были и въ юго-западныхъ губерніяхъ, входившихъ въ составъ Харьковскаго учебнаго округа. Въ нихъ еще былъ силенъ старый порядокъ, преобладали учителя поляки, преподаваніе велось на польскомъ языкѣ. Въ 1830 г. черезъ статсъ-секретаря Муравьева министру князю Ливену была объявлена Высочайшая воля объ отмѣнѣ въ училищахъ Кіевской губерніи преподаванія польскаго языка и наукъ на семъ языкѣ. Въ своемъ докладѣ по этому поводу министръ высказалъ мнѣніе о необходимости постепенныхъ мѣръ въ этомъ направленіи. Возстаніе 1831 г. захватило и юго-западный край. «Учащіеся или ушли въ повстанцы, или были взяты родителями по домамъ. Во всякомъ случаѣ», говоритъ профессоръ Владимірскій-Будановъ, «всѣ училища края, кромѣ кіевскихъ, опустѣли и, такъ сказать, естественно закрылись; поэтому указъ о закрытіи ихъ 21 августа 1831 г. былъ только признаніемъ совершившагося факта. Онъ

только развязывалъ руки правительству для введенія впослѣдствіи новыхъ основаній для народнаго образованія. Первоначально было предположено всѣ училища юго-западнаго края перевести на другой берегъ Днѣпра и въ центръ Имперіи». Но въ 1832—1834 гг. возстановляются закрытыя учебныя заведенія. Вмѣсто одной закрытой гимназіи въ Винницѣ открыто четыре новыхъ: въ Луцкѣ, Винницѣ, Каменецъ-Подольскѣ и Житомірѣ. Уѣздныхъ училищъ закрыто девять, вновь открыто шесть. 25 іюля 1832 г. князь Ливенъ испросилъ Высочайшее соизволеніе на упраздненіе въ Волынской и Подольской губерніяхъ приходскихъ училищъ, находящихся въ вѣдѣніи католическаго духовенства, и на открытіе такихъ училищъ при православныхъ приходскихъ церквахъ: «ибо симъ только средствомъ можно будетъ тамошній нижній классъ народа исторгнуть изъ рукъ духовенства западной церкви». Особенности положенія юго-западнаго края, особенно послѣ возстанія 1831 г., побудили выдѣлить его изъ чрезмѣрно обширнаго Харьковскаго учебнаго округа. 14 декабря 1832 г. образованъ Кіевскій округъ изъ губерній Кіевской, Волынской, Подольской и Черниговской. Вмѣстѣ съ тѣмъ выдвинулся вопросъ объ учрежденіи въ Кіевѣ высшаго учебнаго заведенія, въ формѣ перемѣщенія сюда Волынскаго лицея или основанія юридическаго института Св. Владиміра. Эти первоначальныя предположенія устранены были рѣшеніемъ основать въ Кіевѣ полный университетъ. Но открытіе Кіевскаго университета и окончательное устроеніе учебной системы въ западныхъ и юго-западныхъ губерніяхъ послѣдовало уже при слѣдующемъ министрѣ, С. С. Уваровѣ [100]).

VIII.

Мѣры, предпринятыя по отношенію къ ученымъ учрежденіямъ, состоявшимъ въ вѣдѣніи Министерства Народнаго Просвѣщенія, имѣли цѣлью улучшить ихъ матеріальныя средства. 30-го января 1830 г. былъ данъ указъ Правительствующему Сенату о дополнительныхъ пунктахъ къ регламенту Императорской Академіи Наукъ 1803 г. и о новомъ ея штатѣ. По новому закону число ординарныхъ академиковъ увеличено до 21, вновь распредѣлены академики по отдѣламъ: математическихъ наукъ, естественныхъ наукъ, историческихъ и политическихъ наукъ, число адъюнктовъ сокращено до 10, безъ предварительнаго раздѣленія ихъ по выше-

упомянутымъ отдѣленiямъ. Штатъ Академiи возвышенъ до 206.100 рублей. Нѣсколько ранѣе, 23 апрѣля 1829 г., пенсiонные капиталы Академiи, хранившiеся въ Государственномъ Заемномъ Банкѣ и Воспитательномъ Домѣ, слиты были въ одинъ неприкосновенный пенсiонный капиталъ въ размѣрѣ 120.000 рублей [101]).

Въ 1831 г., 10 сентября, получила новый штатъ Императорская Публичная Библiотека. Сумма на ежегодное содержанiе ея опредѣлена въ 45.500 рублей при 32 служащихъ [102]).

Въ 1828 г. Высочайшимъ рескриптомъ на имя министра А. С. Шишкова въ вѣдѣнiе Министерства былъ переданъ музеумъ, составленный покойнымъ Государственнымъ Канцлеромъ графомъ Н. П. Румянцевымъ, который словесно завѣщалъ своему брату и единственному наслѣднику, дѣйствительному тайному совѣтнику графу Румянцеву принести собранныя имъ коллекцiи въ даръ государству. Въ знакъ признательности за этотъ даръ и въ память жертвователей музеумъ получилъ названiе Румянцевскаго. 6 мая 1831 г. были Высочайше утверждены «Учрежденiе Румянцевскаго Музеума» и его штатъ: 13.065 рублей при 12 служащихъ [103]).

Задолго до своего назначенiя министромъ А. С. Шишковъ занимался вопросомъ о реформѣ цензуры. Въ 1815 г., когда возникъ споръ между Министерствами Народнаго Просвѣщенiя и Полицiи о границахъ ихъ цензурной власти, онъ заявилъ въ Государственномъ Совѣтѣ свое мнѣнiе о цензурной реформѣ. Главными недостатками устава 1804 г. Шишковъ считалъ: 1) малое число цензоровъ, 2) недостаточность руководящихъ правилъ, 3) «отсутствiе у цензуры довольнаго доступа и голоса къ защитѣ или одобренiю хорошей, и къ остановкѣ или обличенiю худой книги». По плану Шишкова, цензурное управленiе должно было раздѣляться на 2 комитета: верхнiй, состоящiй изъ министровъ Народнаго Просвѣщенiя и Полицiи, оберъ-прокурора Св. Синода и президента, и нижнiй—изъ людей избранныхъ, возмужалыхъ, добронравныхъ, ученыхъ, знающихъ языкъ и словесность; нижнiй комитетъ раздѣляется, на отдѣлы по родамъ подлежащихъ цензурѣ книгъ. Вторично свои мысли о цензурѣ А. С. Шишковъ изложилъ въ запискѣ, представленной Комитету Министровъ въ 1827 г. по поводу суда надъ петербургскими профессорами. Здѣсь онъ доказывалъ, что «цензура должна быть ни слабая, ни строгая, но къ сему еще должно присовокупить: *разумѣющая силу языка*; ибо безъ сего она будетъ препятствовать успѣхамъ просвѣщенiя, а иногда и сама, черезъ поправленiе

того, что̀ само по себѣ было невинно, сдѣлаетъ оное виновнымъ». Вступивъ въ управленіе Министерствомъ, Шишковъ засталъ уже готовымъ проектъ цензурной реформы, но онъ нашелъ его «далеко недостаточнымъ до желательнаго въ семъ случаѣ совершенства». Переработанный по замѣчаніямъ министра, новый «Уставъ о цензурѣ» былъ Высочайше утвержденъ 10 іюня 1826 г.

Отъ своего предшественника, устава 1804 г., уставъ 1826 г. отличался, прежде всего, бо̀льшимъ объемомъ: онъ содержалъ въ себѣ 19 главъ и 230 параграфовъ. Основная задача новаго закона изложена въ § 1: «цѣль учрежденія цензуры состоитъ въ томъ, чтобы произведеніямъ словесности, наукъ и искусствъ, при изданіи ихъ въ свѣтъ посредствомъ книгопечатанія, гравированія и литографіи, дать полезное или, по крайней мѣрѣ, безвредное для блага отечества направленіе». Главное управленіе цензуры ввѣряется министру Народнаго Просвѣщенія. Въ помощь ему и для высшаго руководства цензоровъ учреждается Верховный цензурный комитетъ. «Три главнѣйшія въ отношеніи къ цензурѣ попеченія, а именно: а) о наукахъ и воспитаніи юношества; б) о нравахъ и внутренней безопасности и в) о направленіи общественнаго мнѣнія, согласно съ настоящими политическими обстоятельствами и видами правительства,—опредѣляютъ составъ Верховнаго цензурнаго комитета изъ трехъ членовъ: министра Народнаго Просвѣщенія, министра Внутреннихъ Дѣлъ, министра Иностранныхъ Дѣлъ, или исправляющихъ ихъ должности». Правителемъ дѣлъ Верховнаго комитета состоитъ директоръ Канцеляріи министра Народнаго Просвѣщенія. Ежегодно правителемъ дѣлъ Верховнаго комитета составляется наставленіе цензорамъ, «долженствующее содержать въ себѣ особыя указанія и руководства для точнѣйшаго исполненія нѣкоторыхъ статей устава, смотря по обстоятельствамъ времени». Далѣе слѣдуютъ: Главный цензурный комитетъ въ С.-Петербургѣ, цензурные комитеты въ Москвѣ, Дерптѣ и Вильнѣ. Главный цензурный комитетъ подчиненъ непосредственно министру, остальные три комитета—попечителямъ учебныхъ округовъ. Должность цензора, «требующая постояннаго вниманія и сама по себѣ многотрудная и важная», не можетъ быть соединена съ другою должностью. Право собственной цензуры оставлено за духовнымъ вѣдомствомъ, академіями и университетами и нѣкоторыми административными учрежденіями, центральными и мѣстными. Таковы были основы новаго устройства цензуры, подробно регламентированныя въ первыхъ

11 главахъ устава. Послѣднія 8 главъ посвящены не менѣе подробному разъясненію обязанностей цензуры по отношенію къ разнаго рода произведеніямъ печати. Строгость, съ какою цензура должна оцѣнивать ихъ содержаніе и духъ, доведена до крайнихъ предѣловъ. Особенно характерны: § 15, запрещающій «пропускать къ печатанію мѣста въ сочиненіяхъ и переводахъ, имѣющія двоякій смыслъ, ежели одинъ изъ нихъ противенъ цензурнымъ правиламъ», и § 154: «сочиненія и рукописи на языкѣ отечественномъ, въ коихъ явно нарушаются правила и чистота русскаго языка, или которыя исполнены грамматическихъ погрѣшностей, не пропускаются къ напечатанію безъ надлежащаго со стороны сочинителей или переводчиковъ исправленія».

Крайне стѣснительный для литературы, прозванный *чугуннымъ*, уставъ 1826 г. просуществовалъ недолго. Когда въ 1827 г. министръ Внутреннихъ Дѣлъ, В. С. Ланской, приступилъ къ составленію новаго устава для цензуры иностранныхъ книгъ и испрашивалъ разрѣшеніе отступить отъ правилъ устава 1826 г., то Государь повелѣлъ не только не держаться этого устава, но и подвергнуть его подробному пересмотру. Трудами особой комиссіи, изъ генералъ-адъютантовъ—князя Васильчикова и Бенкендорфа, графа Нессельроде, В. С. Ланского, тайнаго совѣтника Уварова и дѣйствительнаго статскаго совѣтника Дашкова, былъ составленъ проектъ новаго цензурнаго устава, проведенный черезъ Государственный Совѣтъ министромъ княземъ Ливеномъ и Высочайше утвержденный 22 апрѣля 1828 г. Преимущества новаго цензурнаго устава, просуществовавшаго все время царствованія Императора Николая I, были подробно указаны въ мнѣніи Государственнаго Совѣта: «вѣдомство цензуры заключено въ предѣлахъ, болѣе соотвѣтствующихъ истинному ея назначенію. Ей не поставляется уже въ обязанность давать какое либо направленіе словесности и общему мнѣнію: она долженствуетъ только запрещать изданіе или продажу тѣхъ произведеній словесности, наукъ или искусствъ, кои, въ цѣломъ составѣ или въ частяхъ своихъ, вредны въ отношеніи къ вѣрѣ, престолу, добрымъ нравамъ и личной чести гражданъ. Она представляется какъ бы таможнею, которая не производитъ сама добротныхъ товаровъ и не мѣшается въ предпріятія фабрикантовъ, но строго наблюдаетъ, чтобы не были ввозимы товары запрещенные, но лишь тѣ, коихъ провозъ и употребленіе дозволены тарифомъ. Отъ сего существеннаго различія въ опредѣленіи цѣли и вѣдомства цензуры происходитъ и

различіе въ опредѣленіи обязанностей, возлагаемыхъ на цензоровъ. По проекту новаго устава они уже не поставлены судьями достоинства или пользы разсматриваемой книги. Они только отвѣтствуютъ на вопросъ: не вредна ли та книга; и все ихъ дѣйствіе ограничивается простымъ рѣшительнымъ на сей вопросъ отвѣтомъ. Проектъ новаго устава даетъ менѣе свободы собственному произволу цензоровъ и тѣмъ способствуетъ успѣхамъ истиннаго просвѣщенія, но въ тоже время даетъ имъ возможность запрещать всякую вредную книгу на основаніи положительнаго закона и не входя въ предосудительныя пренія съ писателями». Дѣйствительно, уставъ 1828 г. значительно сгладилъ крайности своего предшественника. Онъ предписываетъ цензорамъ «принимать всегда за основаніе явный смыслъ рѣчи, не дозволяя себѣ произвольнаго толкованія оной въ дурную сторону», «не дѣлать привязки къ словамъ и отдѣльнымъ выраженіямъ», запрещаетъ «входить въ разборъ справедливости или неосновательности частныхъ мнѣній или сужденій писателя», «входить въ сужденіе о томъ, полезно или безполезно разсматриваемое сочиненіе», «исправлять слогъ или замѣчать ошибки автора въ литературномъ отношеніи».

Организація цензурныхъ учрежденій по уставу 1828 г. значительно упрощена. Высшей инстанціей является Главное Управленіе Цензуры при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, состоящее изъ президентовъ Академій Наукъ и Художествъ, товарища министра Народнаго Просвѣщенія, представителей отъ духовнаго вѣдомства и Министерствъ Внутреннихъ и Иностранныхъ Дѣлъ, управляющаго III Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи и попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа. Мѣстные цензурные комитеты, подъ предсѣдательствомъ попечителей учебныхъ округовъ, учреждаются въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Ригѣ, Вильнѣ, Кіевѣ, Одессѣ и Тифлисѣ. Отдѣльные цензоры назначаются въ Дерптѣ, Ревелѣ и Казани. Привозимыя изъ за-границы произведенія печати разсматриваются въ Комитетѣ цензуры иностранной. Впослѣдствіи уставъ 1828 г. былъ дополненъ новыми постановленіями. Главнымъ изъ нихъ былъ законъ 8 января 1830 г. о правѣ собственности на произведенія наукъ, словесности, художествъ и искусствъ.

Полной концентраціи цензуры въ рукахъ Министерства Народнаго Просвѣщенія не достигъ и уставъ 1828 г. Право самостоятельной цензуры оставлено по прежнему за нѣкоторыми выс-

шими правительственными учрежденіями, университетами и академіями. Существованіе спеціальныхъ цензуръ, число которыхъ съ теченіемъ времени все умножалось, должно было неблагопріятно отражаться на единствѣ и самостоятельности цензурнаго управленія. Съ учрежденіемъ III Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, къ нему перешелъ высшій надзоръ по нѣкоторымъ цензурнымъ дѣламъ. Въ общемъ практика устава 1828 г. очень скоро начала отступать отъ его духа, и это дало поводъ А. В. Никитенко замѣтить въ концѣ 1830 г., что «цензурный уставъ совсѣмъ ниспроверженъ» [104]).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Графъ С. С. Уваровъ.—Князь П. А. Ширинскій-Шихматовъ.

I.

Время управленія Министерствомъ графа С. С. Уварова и князя П. А. Ширинскаго-Шихматова составило второй періодъ исторіи Министерства въ царствованіе Императора Николая I. Это былъ періодъ новыхъ всестороннихъ преобразованій по учебному вѣдомству, имѣвшихъ цѣлью глубже провести тѣ политическіе принципы, которые были указаны въ 1826 г. Комитету устройства учебныхъ заведеній. Учебная система графа Уварова, въ основѣ которой лежала программа, ярко выражавшая общій характеръ внутренней политики Императора Николая, во многихъ отношеніяхъ отступила отъ плана, выработаннаго при А. С. Шишковѣ и князѣ Ливенѣ. Но и система графа Уварова оказалась недолговѣчной. Во имя тѣхъ же общихъ политическихъ началъ проведены были, въ послѣднія 6 лѣтъ царствованія Императора Николая Павловича, такія мѣры, которыя уже разрушали эту систему.

Сергѣй Семеновичъ Уваровъ происходилъ изъ старинной дворянской фамиліи, родился въ Петербургѣ 25 августа 1786 г. и образованіе получилъ въ родительскомъ домѣ подъ наблюденіемъ матери и руководствомъ аббата Мангена. Начавъ въ 1801 г. службу «юнкеромъ» Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, въ 1806 г. онъ былъ назначенъ состоять при посольствѣ въ Вѣнѣ, а въ 1809 г. перешелъ на должность секретаря посольства въ Парижъ. Здѣсь сношенія съ членами Института и другими учеными побудили Уварова выступить на учено-литературное поприще: въ 1810 г. появился его трактатъ «Essai d'une Académie asiatique», въ которомъ онъ проводилъ мысль о важности для Россіи изученія Азіи.

31 декабря 1810 г. Уваровъ, имѣя всего 24 года отъ роду,

былъ назначенъ на должность попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа, съ производствомъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Десятилѣтнее управленіе Уварова учебнымъ округомъ ознаменовалось нѣсколькими очень крупными мѣрами: началомъ реформы учебныхъ плановъ гимназій на основѣ преобладанія древнихъ языковъ, учрежденіемъ Второго разряда Главнаго педагогическаго института и преобразованіемъ послѣдняго въ С.-Петербургскій университетъ.

Въ то же время Уваровъ работалъ на учено-литературномъ поприщѣ. Любимымъ предметомъ его занятій стали древніе языки, которые онъ изучалъ подъ руководствомъ извѣстнаго эллиниста, академика Грефе. Плодомъ этихъ занятій классической древностью явился рядъ спеціальныхъ изслѣдованій Уварова: «Essai sur les mystères d'Eleusis (1812 г.); De l'enseignement de l'histoire appliqué à l'éducation populaire; Nonnos von Panopolis (1817 г.); Un éxamen critique de la fable d'Hercule (1819 г.); Трактатъ о греческой антологіи (1820 г.); Ueber das homerische Zeitalter (1821 г.). Уваровъ не былъ чуждъ и новаго движенія въ русской литературѣ; онъ поддерживалъ близкія сношенія съ Карамзинымъ, Жуковскимъ, Батюшковымъ, Блудовымъ и участвовалъ въ литературномъ обществѣ «Арзамасъ». Еще въ началѣ своей ученой дѣятельности, въ 1810 г., онъ удостоился избранія въ почетные члены С.-Петербургской Академіи Наукъ, а 12 января 1818 г. Высочайшимъ указомъ былъ назначенъ президентомъ Академіи и сохранилъ этотъ постъ за собою до смерти, оказавъ много услугъ ученымъ предпріятіямъ Академіи. Ученыя заслуги Уварова цѣнились и за-границей: онъ былъ членомъ Геттингенскаго общества наукъ, Французской Академіи надписей и словесности, Королевскаго общества наукъ въ Копенгагенѣ.

Послѣ реформы Министерства въ 1817 г., ставъ въ оппозицію партіи крайней реакціи, столкнувшись съ нею въ вопросѣ объ учрежденіи С.-Петербургскаго университета и почувствовавъ себя лично оскорбленнымъ извѣстнымъ обвиненіемъ противъ петербургскихъ профессоровъ, Уваровъ въ 1821 г. оставилъ постъ попечителя и перешелъ на службу въ Министерство Финансовъ; съ 1822 г. по 1824 г. состоялъ директоромъ департамента мануфактуръ и внутренней торговли, а съ 1823 г. по 1826 г. управляющимъ Государственнымъ заемнымъ и коммерческимъ банкомъ; въ 1824 г. получилъ чинъ тайнаго совѣтника, а въ 1826 г.—званіе сенатора. Дѣятельное участіе въ Комитетѣ устройства учебныхъ

заведеній по составленію устава 1828 г. подготовило возвращеніе Уварова въ Министерство Народнаго Просвѣщенія: 21 апрѣля 1832 г. онъ былъ назначенъ товарищемъ министра. Командированный въ августѣ того же года для осмотра Московскаго университета и гимназій, Уваровъ въ отчетѣ объ этой командировкѣ, представленномъ 4 декабря съ заключеніемъ министра Государю, изложилъ свои общіе взгляды на задачи высшаго и средняго образованія, на цензуру. Черезъ три дня по увольненіи въ отставку князя Ливена, 21 марта 1833 г., послѣдовалъ Высочайшій указъ о назначеніи С. С. Уварова управляющимъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, съ оставленіемъ въ должности президента Академіи Наукъ. По особому Высочайшему разрѣшенію 23 марта Уваровъ принялъ на себя обязанности предсѣдателя Комитета устройства учебныхъ заведеній. 21 апрѣля 1834 г. онъ былъ утвержденъ въ должности министра.

Товарищами министра при С. С. Уваровѣ были: въ 1835—1836 гг. графъ Н. А. Пратасовъ и съ 1842 г. князь П. А. Ширинскій-Шихматовъ. Департаментомъ управлялъ князь Ширинскій-Шихматовъ по 13 апрѣля 1844 г., послѣдніе 2 года совмѣщая эту обязанность съ должностью товарища министра. 13 апрѣля 1844 г. директоромъ Департамента былъ назначенъ П. И. Гаевскій. Директорами Канцеляріи Министра при С. С. Уваровѣ были: П. М. Новосильскій съ 1833 г. до 1838 г. и В. Д. Комовскій съ 1839 г. до 1850 г. Нѣсколько разъ перемѣнялся и составъ попечителей учебныхъ округовъ. С.-Петербургскимъ учебнымъ округомъ управляли: князь А. М. Дондуковъ-Корсаковъ (1832—1842 гг.), князь Г. П. Волконскій (1842—1845 гг.), сенаторъ Мусинъ-Пушкинъ (1845—1856 гг.); Московскимъ: князь С. М. Голицынъ (1830—1835 гг.), графъ С. Г. Строгановъ (1835—1847 гг.), Д. П. Голохвастовъ (1847—1849 гг.), В. И. Назимовъ I-й (1849—1855 гг.); Харьковскимъ: В. И. Филатьевъ (1830—1834 гг.), графъ Ю. А. Головкинъ (1834—1846 гг.), харьковскіе генералъ-губернаторы: князь Н. А. Долгоруковъ (1846—1847 гг.) и С. А. Кокошкинъ 1847—1855 гг.); Казанскимъ: М. Н. Мусинъ-Пушкинъ (1827—1845 гг), В. П. Молоствовъ (1847—1857 гг.); Кіевскимъ: Е. Ѳ фонъ-Брадке (1832—1838 гг.), князь С. И. Давыдовъ (1838—1845 гг.), А. С. Траскинъ (1846—1848 гг.), кіевскій генералъ губернаторъ Д. Г. Бибиковъ I-й (1848—1852 гг.); Виленскимъ и Бѣлорусскимъ: Г. И. Карташевскій (1829—1835 гг.), Э. А Груберъ (1841—1850 гг.); Дерптскимъ: баронъ фонъ-деръ-Паленъ (1828—1835 гг.),

А. Б. Крафстремъ (1835—1854 гг.); Одесскимъ: Н. Ѳ. Покровскій (1830—1836 гг.), Д. М. Княжевичъ (1837—1844 гг.), князь Г. П. Волконскій (1845 г.), М. Н. Бугайскій (1846—1854 гг.); Кавказскимъ: В. Н. Семеновъ (1848—1852 гг.); Варшавскимъ: Н. А. Окуневъ (1839—1850 гг.).

Въ основу дѣятельности Министерства С. С. Уваровъ положилъ широкую програму, построенную на историческихъ принципахъ русской государственности и культуры. «Приноровить общее всемірное просвѣщеніе къ нашему народному быту, къ нашему народному духу», утвердить его на историческихъ началахъ православія, самодержавія и народности, по мысли Уварова, необходимо было для сохраненія могущества и благосостоянія Россіи. Эту знаменитую програму, выражавшую общій охранительный характеръ политики Императора Николая I, министръ изложилъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ 19 ноября 1833 г. и неоднократно повторялъ ее въ ежегодныхъ отчетахъ о дѣятельности Министерства, во всеподданнѣйшихъ докладахъ по общимъ вопросамъ народнаго просвѣщенія, въ обзорѣ дѣятельности Министерства за 10 лѣтъ (1833—1843 гг.), въ циркулярныхъ распоряженіяхъ. «Направленіе, данное Вашимъ Величествомъ Министерству, и его тройственная формула», писалъ Уваровъ въ 1843 г., «должны были возстановить нѣкоторымъ образомъ противъ него все, что носило еще отпечатокъ либеральныхъ и мистическихъ идей: либеральныхъ—ибо Министерство, провозглашая самодержавіе, заявило твердое желаніе возвращаться прямымъ путемъ къ русскому монархическому началу во всемъ его объемѣ; мистическихъ, потому, что выраженіе «православіе» довольно ясно обнаружило стремленіе Министерства ко всему положительному въ отношеніи къ предметамъ христіанскаго вѣрованія и удаленіе отъ всѣхъ мечтательныхъ призраковъ, слишкомъ часто помрачавшихъ чистоту священныхъ преданій церкви. Наконецъ, и слово «народность» возбуждало въ недоброжелателяхъ чувство непріязненное за смѣлое утвержденіе, что Министерство считало Россію возмужалою и достойною идти не позади, а по крайней мѣрѣ рядомъ съ прочими европейскими національностями». Въ пору оживленныхъ споровъ о значеніи національнаго принципа въ исторіи и культурѣ программа Уварова не могла быть достояніемъ только бюрократическихъ, оффиціальныхъ сферъ, но оставила слѣдъ въ исторіи общественнаго самосознанія. Уже въ 1834 г. о ней говорилъ Бѣлинскій въ своихъ знаменитыхъ «Литературныхъ мечтаніяхъ»:

«да, у насъ скоро будетъ свое русское народное просвѣщеніе, мы скоро докажемъ, что не имѣемъ нужды въ чужой умственной опекѣ. Намъ легко это сдѣлать, когда знаменитые сановники, подвижники царя на трудномъ поприщѣ народоправленія, являются посреди любознательнаго юношества въ центральномъ храмѣ русскаго просвѣщенія возвѣщать ему священную волю монарха, указывать путь къ просвѣщенію въ духѣ православія, самодержавія и народности». Въ 40-хъ годахъ сложилась славянофильская доктрина, съ которою программа Уварова близко сходилась во взглядѣ на значеніе историческихъ началъ русскаго государственнаго строя. Но политическія идеи первыхъ славянофиловъ не были поняты правительствомъ и признаны въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже опасными. По Высочайшему повелѣнію министръ особымъ циркуляромъ 29 мая 1847 г. на имя попечителей учебныхъ округовъ разъяснилъ, какого пониманія идеи «народности» должна держаться наука и литература: мечты славянофиловъ о культурномъ и политическомъ единеніи славянскихъ племенъ безполезны и вредны; слѣдуетъ руководиться исключительно идеей русской народности: «я обращаю слово», писалъ Уваровъ, «преимущественно къ тѣмъ преподавателямъ, которымъ досталось обработывать на ученомъ поприщѣ участокъ славный, но трудный: русскій языкъ и русскую словесность съ прочими соплеменными нарѣчіями, какъ вспомогательными средствами для родного языка, русскую исторію и исторію русскаго законодательства; имъ предпочтительно передъ другими принадлежитъ возбужденіе духа отечественнаго не изъ славянства, игрою фантазіи созданнаго, а изъ начала русскаго, въ предѣлахъ науки, безъ всякой примѣси современныхъ идей политическихъ».

Занимая дольше всѣхъ своихъ предшественниковъ постъ министра, Уваровъ успѣлъ провести принципы своей программы въ рядѣ важныхъ преобразованій, затронувшихъ всѣ стороны учебной системы: новая организація управленія учебными округами на началахъ бюрократическихъ; ограниченіе университетской автономіи и академической свободы университетовъ по новому уставу 1835 г.; утвержденіе классицизма, какъ основы общаго образованія и, параллельно, развитіе нѣкоторыхъ отраслей спеціальнаго образованія; болѣе строгое сословное разграниченіе разныхъ степеней школъ; подчиненіе частныхъ заведеній и домашняго образованія правительственному контролю; преобразованіе учебной системы на окраинахъ въ духѣ общегосударственномъ; созданіе

системы еврейскихъ казенныхъ училищъ; усиленіе средствъ ученыхъ учрежденій, подвѣдомственныхъ Министерству,—таковы были главные пункты преобразовательной дѣятельности Уварова.

Стараясь провести въ общественное сознаніе свою государственную программу, Уваровъ не покрывалъ тайной дѣятельность Министерства. Кромѣ ежегодно (съ 1831 г.) печатаемыхъ извлеченій изъ всеподданнѣйшихъ отчетовъ, изъ коихъ нѣкоторые были переведены на нѣмецкій языкъ, по порученію министра въ журналѣ Министерства былъ помѣщенъ общій обзоръ дѣятельности за 5 лѣтъ управленія Уварова. Въ 1843 г. онъ поднесъ Государю записку о дѣятельности Министерства за 10 лѣтъ своего управленія; Государь вернулъ ее съ надписью: «Прочелъ съ удовольствіемъ». Отдавая на судъ общественнаго мнѣнія въ годичныхъ отчетахъ и общихъ обозрѣніяхъ достигнутые имъ успѣхи, Министерство должно было выдержать въ 30-хъ годахъ полемику съ иностранной прессой по вопросу о состояніи народнаго просвѣщенія въ Россіи. Въ 1834 г. въ Revue germanique появилась статья о состояніи народнаго образованія въ разныхъ государствахъ, въ которой указывалось, что въ Россіи 1 учащійся приходится на 700 жителей. Уваровъ рѣшилъ опровергнуть этотъ фактъ. Съ Высочайшаго разрѣшенія 17 іюня 1834 г. отъ всѣхъ Министерствъ и отдѣльныхъ управленій собраны были свѣдѣнія о числѣ учащихся. По этимъ даннымъ, представленнымъ Государю и затѣмъ обнародованнымъ, на 50,585,857 жителей (кромѣ Царства Польскаго и Финляндіи) приходилось 244,993 учащихся, что́ выражалось отношеніемъ 1: 210. Громадная разница между этимъ отношеніемъ и тѣмъ, которое было сообщено иностраннымъ журналомъ, получилось потому, что послѣдній принялъ во вниманіе лишь число учащихся вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Уже въ отчетѣ за 1838 г. Уваровъ заявилъ, что эпоха крупныхъ преобразованій, имѣющихъ цѣлью утвердить основы новой системы просвѣщенія, закончена. Въ послѣдующихъ отчетахъ онъ постоянно проводилъ мысль, что дѣятельность Министерства направлена на утвержденіе этой системы и разработку ея частностей. Высочайшія отмѣтки на отчетахъ министра свидѣтельствовали, что Государь вполнѣ сочувствуетъ его взглядамъ. 1 іюля 1846 г. Уваровъ получилъ чрезвычайный знакъ монаршаго благоволенія: былъ возведенъ съ потомствомъ въ графское достоинство; принципы его государственной программы: «православіе,

самодержавіе, народность» вошли, какъ девизъ, въ его графскій гербъ.

Въ 1848 г., когда правительство такъ было встревожено новой революціонной грозой въ Западной Европѣ, положеніе графа Уварова поколебалось. Съ этого времени онъ сталъ терять престижъ самостоятельнаго руководителя своего вѣдомства и сдѣлался пассивнымъ исполнителемъ такихъ мѣропріятій, которыя уже нарушали созданную имъ систему. Онъ соглашался на нихъ, по мѣткому замѣчанію профессора Владимірскаго-Буданова, какъ на жертвы, которыми онъ спасалъ главное дѣло, подобно моряку, выбрасывающему дорогой грузъ за бортъ для спасенія корабля. Недовѣріе Государя къ университетамъ, выразившееся въ установленіи комплекта студентовъ, Высочайшій выговоръ за статью, напечатанную съ согласія министра въ «Современникѣ» въ защиту университетовъ, преобразованіе гимназій въ 1849 г., подорвавшее господство классицизма, учрежденіе Верховнаго Цензурнаго Комитета 2 апрѣля 1848 г., болѣзненно отозвались на графѣ Уваровѣ. 9 сентября 1849 г. его поразилъ нервный ударъ. 20 октября графъ былъ уволенъ по прошенію отъ должности министра съ оставленіемъ въ званіи члена Государственнаго Совѣта и президента Академіи Наукъ. 6 декабря 1850 г. ему былъ пожалованъ орденъ Св. Андрея Первозваннаго. Проведя послѣдніе годы жизни въ любимыхъ литературныхъ занятіяхъ, которыми онъ по временамъ дѣлился съ Академіей Наукъ, графъ Уваровъ скончался 4 сентября 1855 г. въ Москвѣ [105]).

Съ удаленіемъ графа Уварова для Министерства наступило очень трудное время. Мысль, что свободное развитіе научнаго образованія и литературы опасно въ политическомъ отношеніи, снова, какъ 30 лѣтъ тому назадъ, должна была стать руководящимъ мотивомъ политики Министерства. Удрученный европейскими событіями, съ 1848 г. направившимися къ разрушенію того политическаго порядка, на стражѣ котораго стояла Россія, Императоръ Николай Павловичъ, назначая въ 1850 г. новаго министра, напутствовалъ его словами: «Законъ Божій есть единственное твердое основаніе всякому полезному ученію». Черезъ нѣсколько лѣтъ, незадолго до своей кончины, Государь обратился съ рѣчью къ депутаціи отъ Московскаго университета по случаю его столѣтняго юбилея: «Я скажу вамъ теперь, какъ разумѣю Я въ наше время дѣло воспитанія. Ученье и ученость Я уважаю и ставлю высоко; но еще выше Я ставлю нравственность. Безъ нея

ученье не только безполезно, но даже можетъ быть вредно, а основа нравственности—святая вѣра. Вмѣстѣ съ ученьемъ надобно воспитывать религіозное чувство. Вотъ мой взглядъ на просвѣщеніе. Министерство меня поняло. Вотъ то, чего Я ожидаю отъ васъ. Вѣра пала у многихъ народовъ; она жива у насъ, какъ была всегда. Надобно сохранять то въ Россіи, что искони бѣ. Во многихъ земляхъ люди пришли къ разномыслію, никто не понимаетъ другъ друга, сами не вѣдаютъ что хотятъ. У насъ не то. Моя воля вамъ извѣстна: увѣренъ, что вы ее выполните».

Уволивъ графа Уварова, Государь остановилъ свой выборъ на товарищѣ его, князѣ П. А. Ширинскомъ-Шихматовѣ. 27 января 1850 г. онъ былъ назначенъ министромъ Народнаго Просвѣщенія, а товарищемъ министра—членъ Комиссіи прошеній сенаторъ тайный совѣтникъ А. С. Норовъ.

Князь Платонъ Александровичъ Ширинскій-Шихматовъ, сынъ отставного поручика Московской монетной роты, родился въ 1796 г. въ Смоленской губерніи, въ помѣстьѣ отца. Получивъ первоначальное воспитаніе въ родительскомъ домѣ въ духѣ строгаго церковнаго благочестія, князь поступилъ въ 1804 г. въ Морской кадетскій корпусъ, гдѣ учились его старшіе братья, Павелъ и Сергѣй. Вліянію послѣдняго, извѣстнаго впослѣдствіи аѳонскаго іеромонаха Аникиты, князь Платонъ Александровичъ былъ обязанъ своимъ глубоко религіознымъ міросозерцаніемъ.

По окончаніи курса въ 1807 г., князь Шихматовъ началъ службу во флотѣ и въ 1813 г. съ отличіемъ участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ русскаго флота подъ Данцигомъ. Выйдя въ 1816 г. по разстроенному здоровью въ отставку, князь прожилъ 4 года въ деревнѣ и въ 1820 г. вновь вступилъ въ службу начальникомъ II отдѣленія Инженернаго Департамента Военнаго Министерства. Въ 1824 г. онъ получилъ предложеніе занять должность директора Казанскаго университета, но А. С. Шишковъ, уже 15 лѣтъ знавшій князя Шихматова, назначилъ его на постъ директора вновь учрежденной Канцеляріи министра Народнаго Просвѣщенія, а черезъ 2 года управляющимъ дѣлами Комитета устройства учебныхъ заведеній. Въ 1827 г. князь отказался по болѣзни отъ должности директора Канцеляріи министра, сохранивъ за собою управленіе дѣлами Комитета устройства учебныхъ заведеній, дѣятельность котораго въ это время разросталась очень широко. Возстановивъ свое здоровье и силы для болѣе энергичной работы, князь Шихматовъ съ 1830 г. послѣдовательно занимаетъ

высшія должности по Министерству: въ 1830 г. онъ назначается предсѣдателемъ Комитета цензуры иностранной, въ 1833 г.— директоромъ Департамента Народнаго Просвѣщенія, въ 1836 г.— предсѣдателемъ Археографической Комиссіи, въ 1841 г.—предсѣдательствующимъ во II отдѣленіи Академіи Наукъ и 20 февраля 1842 г.—товарищемъ министра. Въ то же время князь участвовалъ въ различныхъ временныхъ комитетахъ и комиссіяхъ по вопросамъ, касавшимся Министерства Народнаго Просвѣщенія и общегосударственнымъ. Литературная дѣятельность князя выразилась въ рядѣ религіозно-нравственныхъ и патріотическихъ стихотвореній и біографическихъ очерковъ. «Вѣра, основанная на ней нравственность и любовь къ отечеству», говоритъ его біографъ, «вотъ единственные источники вдохновенія князя Платона Александровича; только на эти тоны была настроена его лира. Князь началъ писать съ раннихъ лѣтъ, слѣдуя примѣру старшаго брата своего, князя Сергѣя Александровича, и, подобно ему, онъ держался мнѣній и направленія А. С. Шишкова».

Князь Шихматовъ, по отзыву наблюдательнаго современника А. В. Никитенко, «былъ добръ и по природѣ и по убѣжденію христіанина, справедливъ, простъ и добродушенъ». Но, пріобрѣтя большой опытъ въ практической администраціи, онъ не имѣлъ достаточно силъ, «чтобы смѣло повернуть противъ вѣтра руль своего корабля, со всѣхъ сторонъ обуреваемаго грозною борьбою стихій» въ то трудное время, когда «подъ Министерство подкапывались со всѣхъ сторонъ», когда оно «сдѣлалось какою то сомнительною отраслью государственнаго управленія, а представитель его, министръ, скорѣе отвѣтное лицо передъ допросами, чѣмъ государственный чиновникъ». Министерство снова находилось въ ожиданіи коренного преобразованія: въ 1850 г. былъ образованъ подъ предсѣдательствомъ графа Д. Н. Блудова Комитетъ для пересмотра постановленій и учрежденій по части Министерства Народнаго Просвѣщенія. Направленіе работъ этого Комитета, закрытаго въ 1856 г., и вліяніе ихъ на дѣятельность Министерства не могутъ быть охарактеризованы, пока остаются неизвѣстны его бумаги. По свидѣтельству А. В. Никитенко, котораго А. С. Норовъ знакомилъ съ бумагами министра по важнѣйшимъ вопросамъ народнаго просвѣщенія, въ этихъ бумагахъ «вездѣ было видно благородное усиліе защищать дѣло просвѣщенія и отклонять слишкомъ рѣзкія преобразовательныя мѣры, клонящіяся къ стѣсненію его». Товарищемъ министра съ начала 1850 г. былъ А. С.

Норовъ, директоромъ Департамента оставался П. И. Гаевскій, директоромъ Канцеляріи министра въ 1852 г. временно былъ назначенъ В. И. Кузнецовъ. Попечителями учебныхъ округовъ вновь были назначены при князѣ Ширинскомъ-Шихматовѣ: Московскаго—генералъ-маіоръ В. И. Назимовъ 1-й (1849—1855 гг.) и Варшавскаго—д. с. с. П. А. Мухановъ (1851—1861 гг.), Харьковскій, Кіевскій и Виленскій округа оставались въ вѣдѣніи мѣстныхъ генералъ-губернаторовъ.

Не предпринимая коренныхъ преобразованій общихъ законоположеній по Министерству, князь Ширинскій-Шихматовъ въ кратковременное свое управленіе былъ точнымъ исполнителемъ Высочайшихъ повелѣній и указаній, имѣвшихъ цѣлью усилить строгость правительственнаго контроля надъ учебными заведеніями и литературой и дать учебной жизни направленіе въ духѣ тѣхъ началъ, которыя такъ опредѣленно были заявлены Императоромъ Николаемъ въ послѣдніе годы его жизни и вполнѣ согласовались съ личными убѣжденіями министра. Особенно важной своей обязанностью онъ считалъ, кромѣ того, личные осмотры учебныхъ заведеній въ убѣжденіи, «что ни что не дѣйствуетъ съ такимъ успѣхомъ на благосостояніе училищъ, какъ повѣрка дѣйствій служащихъ въ нихъ лицъ и направленіе общественнаго воспитанія внимательными осмотрами». 31 марта 1853 г. Государь разрѣшилъ министру уѣхать въ отпускъ за-границу для леченія тяжкой болѣзни, но усилившаяся болѣзнь не позволила князю воспользоваться отпускомъ и въ ночь съ 4 на 5 мая онъ скончался. На докладѣ о смерти министра Государь написалъ: «Душевно о немъ жалѣю, ибо искренно уважалъ и любилъ» [106]).

II.

Программа, съ которой Уваровъ вступилъ въ управленіе Министерствомъ, не требовала коренной реформы центральныхъ учрежденій Министерства. Они остались на старомъ основаніи общаго учрежденія Министерствъ 1811 г. Но указанія опыта и увеличеніе дѣлопроизводства ввели въ нихъ рядъ частныхъ перемѣнъ, не характеризовавшихъ, однако, новой эпохи въ исторіи Министерства. Самъ министръ не счелъ нужнымъ упоминать о нихъ во всеподданнѣйшей запискѣ о дѣятельности Министерства въ періодъ 1833—1843 г.г.

Вскорѣ по вступленіи въ управленіе Министерствомъ Уваровъ убѣдился въ неудобствѣ принятой его предшественникомъ мѣры сокращенія личнаго состава центральнаго управленія. 12 декабря 1834 г. онъ внесъ въ Государственный Совѣтъ представленіе о новыхъ штатахъ Канцеляріи министра и Департамента, о возстановленіи нѣкоторыхъ старыхъ и учрежденіи новыхъ должностей, о новомъ распредѣленіи отдѣльныхъ учрежденій. Министръ указывалъ, «что Департаментъ Народнаго Просвѣщенія въ нынѣшнемъ составѣ своемъ съ величайшимъ усиліемъ едва можетъ, по обширности непрестанно умножающихся занятій, слѣдовать съ успѣхомъ за быстрымъ ходомъ новаго устройства нѣкоторыхъ и предположеннаго улучшенія другихъ частей управленія». Увеличеніе дѣлопроизводства наглядно выразилось въ слѣдующей таблицѣ:

годы	число входящихъ	число исходящихъ
1817	4,337	3,751
1834	болѣе 15,000	около 11,332

Необходимыя прибавочныя суммы министръ предполагалъ заимствовать изъ хозяйственныхъ источниковъ Департамента. Не возражая по существу противъ этого проекта, Государственный Совѣтъ поставилъ на видъ всѣ неудобства изданія новыхъ штатовъ и переустройства центральныхъ учрежденій отдѣльно по каждому вѣдомству. Но, признавая полезнымъ не допускать никакихъ перемѣнъ въ отдѣльныхъ вѣдомствахъ до общаго пересмотра штатовъ и учрежденій всѣхъ Министерствъ, Государственный Совѣтъ всетаки уважилъ настоятельное ходатайство Уварова и положилъ ввести въ дѣйствіе проектированныя имъ мѣры, не поднося ихъ къ Высочайшей конфирмаціи. 31 мая 1835 г. Государь утвердилъ это мнѣніе.

По новому «Временному учрежденію» Канцелярія министра состоитъ изъ директора, трехъ секретарей и двухъ ихъ помощниковъ. Обязанности Канцеляріи, въ главныхъ чертахъ, остались тѣ же. Департаментъ Народнаго Просвѣщенія состоитъ изъ канцеляріи и трехъ отдѣленій. Между двумя первыми отдѣленіями раздѣляются дѣла по учебнымъ заведеніямъ и ученымъ учрежденіямъ. Третье отдѣленіе имѣетъ спеціальное назначеніе: вѣдаетъ счетныя и хозяйственныя дѣла. На основаніи «Общаго учрежденія Министерствъ» образовано «Общее присутствіе Департамента» изъ директора, начальниковъ отдѣленій и правителя кан-

целяріи. На это «общее присутствіе» возложены обязанности упраздненнаго хозяйственнаго комитета. Въ распоряженіи Департамента находится хозяйственная сумма, составляющаяся изъ доходовъ со Щукина двора и лавокъ въ домахъ Департамента. Въ вѣдѣніи Департамента состоятъ: Журналъ Министерства, возобновленный въ 1833 г., архивъ, казначейство, книжный магазинъ, экзекуторъ, смотритель Щукина двора, архитекторъ, библіотекарь, врачъ. Всего въ составъ Департамента входитъ 50 штатныхъ чиновниковъ. На содержаніе Канцеляріи министра назначено 16,130 рублей, Департамента—113,580 рублей.

Главное Правленіе Училищъ осталось на прежнемъ положеніи Совѣта министра, разсматривающаго всякаго рода проекты и предположенія по вопросамъ ученымъ, учебнымъ и хозяйственнымъ. Теперь оно было тѣсно связано съ Департаментомъ: «на имя Главнаго Правленія Училищъ не поступаетъ никакихъ бумагъ. Дѣла вносятся въ оное изъ Департамента, по приказанію министра. Никакое дѣло не можетъ вступить на разсмотрѣніе Главнаго Правленія Училищъ, не бывъ предварительно разсмотрѣно въ Департаментѣ». Обязанности правителя дѣлъ Главнаго Правленія исполняетъ директоръ Канцеляріи министра. При разногласіи членовъ Главнаго Правленія дѣло рѣшается по мнѣнію той стороны, съ которою согласится министръ. Въ случаѣ, когда всѣ члены высказываются противъ министра, дѣла рѣшаются Высочайшею властью. Всѣ эти постановленія не имѣли цѣлью вдохнуть новую жизнь въ учрежденіе, явно клонившееся къ упадку. При С. С. Уваровѣ важнѣйшіе вопросы по народному просвѣщенію разработывались въ Комитетѣ устройства учебныхъ заведеній и разныхъ спеціальныхъ комитетахъ и коммиссіяхъ. Засѣданія Главнаго Правленія Училищъ становились все рѣже: были годы (1836, 1837, 1838, 1839), когда оно собиралось по одному, по два раза, а въ срединѣ 40-хъ годовъ дѣятельность его совсѣмъ замерла.

Вынужденный отложить введеніе новыхъ штатовъ до общаго разрѣшенія этого вопроса по всѣмъ Министерствамъ, Уваровъ просилъ о назначеніи прибавочнаго содержанія чиновникамъ своей Канцеляріи и Департамента изъ хозяйственныхъ суммъ Министерства, что́ и было разрѣшено опредѣленіемъ Комитета Министровъ 10 іюля 1835 г. Всего было назначено на прибавки къ штатному содержанію 16.800 р. Черезъ 3 года состоялось новое возвышеніе содержанія, отпускаемаго на центральныя учрежденія

Министерства. Указомъ 23 декабря 1838 г. было введено новое росписаніе окладовъ содержанія чиновникамъ Почтоваго Департамента, Государственнаго Контроля, Министерствъ: Иностранныхъ Дѣлъ, Финансовъ, Внутреннихъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія. По послѣднему Министерству назначено въ добавокъ 75.700 руб., распредѣленныхъ между Канцеляріями министра и Главнаго Управленія цензуры, Департаментомъ Народнаго Просвѣщенія и Комитетомъ цензуры иностранной. Теперь общая сумма на содержаніе центральнаго управленія Министерства достигла 256.690 рублей.

Въ послѣдующіе годы въ составѣ центральнаго управленія Министерства возникло еще нѣсколько отдѣльныхъ учрежденій, въ зависимости отъ расширенія круга вѣдомства Министерства. 24 іюня 1837 г. учреждена должность вице-директора Департамента. 11 февраля 1836 г. по Высочайше утвержденному положенію Комитета Министровъ при министрѣ Народнаго Просвѣщенія должны состоять чиновники особыхъ порученій: 1—V класса, 4—VI, 4—VIII и 1 для письмоводства при товарищѣ министра. Образованіе Варшавскаго учебнаго округа по декрету 20 ноября (2 декабря) 1839 г. повлекло за собой учрежденіе особаго отдѣленія при Департаментѣ Народнаго Просвѣщенія. Въ 1840 г. учрежденъ въ Департаментѣ особый столъ по дѣламъ Московской и Виленской Медико-Хирургическихъ Академій [107]).

Въ эту же эпоху особенно выдвинулся вопросъ объ общемъ бюджетѣ Министерства и объ упорядоченіи управленія денежными средствами, принадлежащими какъ самому Министерству, такъ и подвѣдомственнымъ ему учрежденіямъ. Въ 30-хъ годахъ правительству пришлось встрѣтиться съ очень серьезными финансовыми затрудненіями: дефицитъ въ общемъ государственномъ бюджетѣ возрасталъ и въ 1835 г. министръ Финансовъ графъ Канкринъ подалъ мысль посредствомъ «нормальной росписи» установить для каждаго Министерства maximum его расходовъ, за предѣлы котораго оно не могло уже выходить. Чрезвычайные же расходы должны были покрываться изъ особой суммы, съ согласія министра Финансовъ. Государственный Совѣтъ одобрилъ этотъ проектъ, и по Высочайшему повелѣнію 7 января 1835 г. учреждены были по каждому Министерству особые комитеты изъ стороннихъ лицъ, на которыхъ, совмѣстно съ министрами, возложена обязанность «извлекать способы къ возможному уменьшенію расходовъ по каждому вѣдомству». Комитетъ по Министерствамъ Внутреннихъ

Дѣлъ, Юстиціи и Народнаго Просвѣщенія составили: дѣйствительные тайные совѣтники: Кушниковъ, Энгель, графъ Паленъ и тайный совѣтникъ Марченко. Министръ С. С. Уваровъ высказался принципіально противъ нормальной смѣты: «заблаговременно опредѣлить черту, болѣе которой не предвидится нужды въ новыхъ пожертвованіяхъ со стороны Правительства, Министерство не можетъ, ибо оно составляетъ одно цѣлое, предназначенное къ развитію во всѣхъ частяхъ, содержащее въ себѣ не только административное, но и умственное начало, не только настоящее, но и будущее». Результатъ работы комитета выразился въ слѣдующей таблицѣ:

Назначено по росписи 1835 г.	По норм. смѣтѣ.	Опредѣлено комитетомъ.	Высочайше принято.
6.973 тыс.	7.000 тыс.	7.821 тыс.	7.821 тыс.

Въ концѣ декабря 1836 г. Министерству объявлено было Высочайшее повелѣніе о рѣшительномъ и строжайшемъ запрещеніи дѣлать по Министерствамъ какія либо представленія о новыхъ прибавкахъ, превышающихъ нынѣшнюю смѣту, которую считать нормальною, а стараться, ежели будетъ возможно, смѣту 1838 г. понизить по каждому Министерству и ниже нормальнаго назначенія. Въ эти же годы послѣдовалъ рядъ мѣръ, стѣснившихъ права распоряженія Министерства принадлежащими ему спеціальными капиталами. Съ теченіемъ времени въ вѣдѣніи Министерства накопилось большое число такъ называемыхъ «экономическихъ» суммъ и фундушей различнаго происхожденія, составлявшихъ собственность учебныхъ заведеній и другихъ учрежденій, подвѣдомственныхъ Министерству. Въ распоряженіи ими не было единства, такъ какъ оно опредѣлялось уставами и правилами каждаго отдѣльнаго учрежденія, владѣвшаго этими капиталами. Самымъ крупнымъ капиталомъ былъ «общій эдукаціонный фундушъ», составившійся изъ поіезуитскихъ имѣній и капиталовъ. По взаимному соглашенію министровъ: Финансовъ, Внутреннихъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія, и по положенію Комитета Министровъ 21 апрѣля 1834 г. Высочайше повелѣно было весь эдукаціонный фундушъ обратить въ общую массу казенныхъ капиталовъ, Министерству же Народнаго Просвѣщенія отпускать ежегодно по смѣтамъ изъ Государственнаго Казначейства по 200.000 руб. Всѣ другія экономическія суммы, принадлежащія учрежденіямъ вѣдомства Министерства, университетамъ, лицеямъ, гимназіямъ и

уѣзднымъ училищамъ, свыше 6.793.000 руб., по Высочайшему повелѣнію 1837 г., соединены были въ «общій капиталъ гражданскихъ учебныхъ заведеній», съ предоставленіемъ министру Народнаго Просвѣщенія расходовать проценты съ этого капитала на нужды учебныхъ заведеній. По Высочайшему повелѣнію 21 февраля 1835 г. назначено было изъ Государственнаго Казначейства на постройки и починки училищныхъ зданій по 57. 142 руб. 85 коп. сер. въ годъ; но съ 1849 г. отпускъ этой суммы Министерству прекратился по затруднительному положенію Государственнаго Казначейства, и Министерство оказалось вынужденнымъ тратить на строительныя нужды не только проценты съ общаго экономическаго капитала учебныхъ заведеній, но и самый капиталъ. Кромѣ того Департаментъ Народнаго Просвѣщенія обладалъ собственнымъ хозяйственнымъ капиталомъ, который шелъ на изданіе учебныхъ пособій. Наконецъ, въ 30-хъ годахъ образовались два спеціальные пенсіонные капитала: для учителей приходскихъ училищъ и для призрѣнія домашнихъ наставниковъ и учителей.

Указы 12 марта 1835 г. о распространеніи силы узаконенія 17 сентября 1811 г. на начеты всякаго рода по вѣдомству Министерства Народнаго Просвѣщенія и 2 декабря 1837 г. о принятіи въ руководство по Министерству Народнаго Просвѣщенія изданныхъ для Министерства Внутреннихъ Дѣлъ правилъ объ отчетности въ казенныхъ постройкахъ дополнили правила отчетности по Министерству, изданныя при князѣ Ливенѣ въ 1830 г.

Въ самомъ началѣ управленія С. С. Уварова центральное управленіе Министерства размѣстилось въ новомъ зданіи. Еще въ январѣ 1828 г. министръ Двора сообщилъ Министерству Народнаго Просвѣщенія Высочайшую волю о застроеніи «регулярнымъ строеніемъ» мѣста у Чернышева моста по плану архитектора Росси. Въ 1833 г. новое зданіе было закончено и 21 октября принято Министерствомъ отъ строительной коммиссіи. Въ 1835 г. Министерству передана была часть зданій по другую сторону Чернышева переулка и Театральной улицѣ, принадлежавшихъ удѣльному вѣдомству. Ее приспособили подъ квартиру министра и помѣщеніе его канцеляріи [108]).

Разработка важнѣйшихъ законодательныхъ вопросовъ по вѣдомству народнаго просвѣщенія сосредоточивалась при С. С. Уваровѣ не въ Главномъ Правленіи Училищъ, уже пришедшемъ въ полный упадокъ, а въ Комитетѣ устройства учебныхъ заведеній. Этотъ Комитетъ просуществовалъ номинально все время

управленія Уварова, но фактически его дѣятельность прекратилась на 139-мъ засѣданіи 24 мая 1842 г. Подъ предсѣдательствомъ министра, въ теченіе 9 лѣтъ, Комитетъ имѣлъ всего 11 засѣданій. Важнѣйшей работой его въ этотъ періодъ было обсужденіе общаго университетскаго устава и отдѣльнаго устава университета Св. Владиміра. Кромѣ того Комитетъ занимался проектами уставовъ Нѣжинскаго и Ришельевскаго лицеевъ, Московскаго дворянскаго института, новаго положенія о Закавказскихъ училищахъ, положенія объ ученыхъ степеняхъ, новаго устройства приходскихъ училищъ Волынской губерніи, вопросами о преподаваніи естественнаго права, объ изданіи руководства по дидактикѣ. Но за этими исключеніями всѣ остальныя крупныя и мелкія мѣропріятія по учебному вѣдомству проводились уже помимо Комитета, утратившаго то руководящее значеніе, какое онъ имѣлъ при А. С. Шишковѣ и князѣ Ливенѣ.

Кромѣ Комитета разсмотрѣнія учебныхъ пособій, дѣйствовавшаго какъ отдѣленіе Комитета устройства учебныхъ заведеній, 23 апрѣля 1835 г., по представленію С. С. Уварова, былъ учрежденъ еще новый комитетъ для составленія руководства по естественному праву съ общимъ обозрѣніемъ энциклопедіи и литературы юридическихъ наукъ, изъ профессоровъ Бессера, Фишера и Штекгардта, подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Балугьянскаго. Но 8 октября 1835 г. этотъ комитетъ былъ закрытъ въ виду того, что по новому уставу университетовъ на юридическихъ факультетахъ не положено было каѳедры естественнаго права.

Наконецъ, въ 1841 г. при Министерствѣ учрежденъ былъ Временный Медицинскій Комитетъ подъ предсѣдательствомъ тайнаго совѣтника Маркуса для преобразованія медицинскихъ учебныхъ заведеній. По исполненіи Комитетомъ возложенныхъ на него задачъ, предсѣдатель предложилъ преобразовать его въ постоянное учрежденіе для наблюденія за всѣми медицинскими учебными заведеніями. Но по представленію статсъ-секретаря Танѣева этотъ комитетъ былъ закрытъ 20 января 1850 г. [109]).

Въ кратковременное управленіе Министерствомъ князя Ширинскаго-Шихматова не произошло никакихъ существенныхъ измѣненій въ организаціи центральнаго управленія Министерства. Самой характерной чертой его положенія въ 40-хъ годахъ было постепенное прекращеніе дѣятельности тѣхъ совѣщательныхъ учрежденій, въ которыхъ сосредоточивалась разработка важнѣйшихъ законодательныхъ проектовъ по части народнаго просвѣ-

щенія, Главнаго Правленія Училищъ и Комитета устройства учебныхъ заведеній. По выходѣ въ отставку графа Уварова новаго предсѣдателя въ Комитетъ не было назначено, и въ 1850 г. онъ состоялъ, кромѣ министра, только изъ трехъ лицъ: оберъ-шенка графа Віельгорскаго, графа Пратасова и правителя дѣлъ Гаевскаго. Въ виду того, что Комитетъ выполнилъ главныя, возложенныя на него, обязанности и вновь былъ образованъ подъ предсѣдательствомъ графа Блудова особый комитетъ для пересмотра постановленій и учрежденій по части Министерства Народнаго Просвѣщенія, князь Ширинскій-Шихматовъ 13 марта 1850 г. испросилъ Высочайшее соизволеніе на закрытіе Комитета. Но одновременно съ закрытіемъ Комитета устройства учебныхъ заведеній возникъ новый спеціальный комитетъ для разсмотрѣнія учебныхъ руководствъ. По поводу «Руководства по Всеобщей исторіи» профессора Лоренца, Цензурный Комитетъ, учрежденный 2 апрѣля 1848 г., предложилъ министру «въ видахъ образованія и всей будущности народа» обсудить, не слѣдуетъ ли всѣ новые учебники и книги для юношества подвергать строгому разсмотрѣнію прежде ихъ выпуска, сверхъ обыкновенной цензуры. Тогда министръ вошелъ съ докладомъ объ учрежденіи вышеозначеннаго комитета, въ видѣ опыта на два года, изъ директора Главнаго педагогическаго института Давыдова, инспектора казенныхъ училищъ С.-Петербургскаго округа и директоровъ всѣхъ с.-петербургскихъ гимназій. 14 марта 1852 г. этотъ комитетъ былъ оставленъ еще на 2 года.

Значительныя улучшенія произведены были при князѣ Ширинскомъ-Шихматовѣ въ порядкѣ дѣлопроизводства по учрежденіямъ Министерства, въ связи съ подобными же мѣропріятіями по всѣмъ вообще вѣдомствамъ. Въ 1851 г. былъ учрежденъ по Высочайшему повелѣнію особый Комитетъ по вопросу о сокращеніи во всѣхъ вѣдомствахъ дѣлопроизводства, которое «по обширности своей сдѣлалось обременительнымъ для правительственныхъ мѣстъ и лицъ». Не дожидаясь окончанія работъ этого Комитета, князь Ширинскій-Шихматовъ рядомъ циркуляровъ въ 1851—1852 годахъ преподалъ правила сокращенія дѣлопроизводства и излишней переписки между различными вѣдомствами и органами Министерства. 12 февраля 1852 г. Министерство получило черезъ Сенатъ указъ о приведеніи въ дѣйствіе Высочайше утвержденнаго въ январѣ того же года мнѣнія Государственнаго Совѣта о сокращеніи дѣлопроизводства и переписки по гражданскому управленію и проектъ измѣненій въ существующихъ узаконеніяхъ и прави-

лахъ относительно порядка дѣлопроизводства и круга дѣйствій разныхъ вѣдомствъ. 135 ст. мнѣнія Государственнаго Совѣта устанавливала новый порядокъ ревизіи суммъ Министерства: однѣ суммы подлежали окончательной ревизіи казенныхъ палатъ, другія—Департамента Народнаго Просвѣщенія и потомъ Государственнаго Контроля. Но Министерство признало такое раздвоеніе ревизіи вреднымъ: оно повлекло бы за собой запутанность въ счетахъ и породило бы, вмѣсто сокращенія переписки, новыя затрудненія. Поэтому князь Ширинскій-Шихматовъ исходатайствовалъ чрезъ Комитетъ Министровъ пріостановку дѣйствія означенной 135 ст. и сохраненіе прежняго порядка отчетности суммъ Министерства на основаніи Свода уставовъ счетныхъ.

Очень невыгодно отразился на Министерствѣ новый законъ 6 ноября 1852 г. о пенсіяхъ и пособіяхъ чиновникамъ, увольняемымъ отъ службы, и ихъ семействамъ. По всѣмъ вообще ученымъ и учебнымъ вѣдомствамъ этотъ указъ отмѣнилъ производство пенсій на службѣ сверхъ жалованья и производство пенсій за краткій 15-лѣтній срокъ и вмѣсто прежнихъ трехъ сроковъ (15, 20, 25 лѣтъ) оставилъ только два, 20 и 25 лѣтъ, съ тѣмъ, чтобы за 20 лѣтъ производилась половинная, а за 25 лѣтъ полная пенсія. Дѣйствію общаго пенсіоннаго устава, сохранившаго два срока, 25 и 35 лѣтъ, подчинены преподаватели разнаго рода искусствъ. Единовременныя пособія семействамъ умершихъ чиновниковъ выдаются соразмѣрно съ числомъ лѣтъ службы: до 10 лѣтъ полугодовое, отъ 10 до 25 лѣтъ—годовое жалованье. Пенсіи семействамъ умершихъ чиновниковъ учебнаго вѣдомства производятся по общему уставу: вдовѣ—половина жалованья, дѣтямъ—части остальной половины. Такъ учебная служба лишилась очень существенныхъ привилегій въ матеріальномъ отношеніи. Но новый законъ дѣйствовалъ недолго. Благодаря личному вмѣшательству въ это дѣло Цесаревича Александра Николаевича, право на полученіе пенсій сверхъ жалованья по учебной службѣ было возстановлено черезъ 3 года [110]).

III.

Первой крупной реформой, проведенной С. С. Уваровымъ, но задуманной не имъ лично, явилось «Положеніе объ учебныхъ округахъ» 25 іюня 1835 г., радикально измѣнившее порядокъ,

установленный «Предварительными правилами народнаго просвѣщенія».

Еще во второмъ засѣданіи Комитета устройства учебныхъ заведеній, 26 іюня 1826 г., А. С. Шишковъ предлагалъ расширить права попечителей по управленію учебными округами и уничтожить особые училищные комитеты, распредѣливъ ихъ обязанности между совѣтами и правленіями университетовъ. Этотъ планъ встрѣтилъ тогда возраженія со стороны графа Ливена, отстаивавшаго старый порядокъ управленія учебными округами и университетами. Послѣ того обсужденіе университетскаго вопроса было отложено; уставъ же среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній 1828 г. сохранилъ управленіе ими на прежнихъ основаніяхъ. Въ 1831—1832 годахъ, начавъ разсмотрѣніе университетской реформы съ признанія необходимости сохранить за университетами право управленія учебными округами, Комитетъ въ концѣ концовъ остановился на рѣшеніи передать это управленіе непосредственно въ руки попечителей. Въ этомъ рѣшеніи не участвовалъ С. С. Уваровъ, находившійся въ командировкѣ въ Москвѣ. Въ докладѣ Уварова о проектѣ Положенія объ учебныхъ округахъ такъ резюмированы главные мотивы реформы: «профессора не имѣютъ ни времени, ни надлежащихъ способностей къ практическому управленію и успѣшному обозрѣнію гимназій и училищъ»; университетамъ трудно завѣдывать учебными заведеніями, разсѣянными на разстояніи трехъ или четырехъ тысячъ верстъ; послѣ долголѣтняго университетскаго управленія гимназіи найдены въ печальномъ состояніи; въ другихъ государствахъ учебныя заведенія изъяты отъ управленія университетовъ. Докладъ называетъ Сперанскаго авторомъ проекта реформы, цѣль которой заключается «въ единствѣ власти и отвѣтственности, въ простотѣ и, слѣдовательно, достовѣрности управленія и въ возможности чаще и съ большею пользою обозрѣвать училища».

Сущность реформы, введенной «Положеніемъ объ учебныхъ округахъ», заключалась въ передачѣ всѣхъ обязанностей и правъ университетовъ по управленію учебными заведеніями ихъ округовъ въ руки попечителей. Но порядокъ іерархической зависимости низшихъ училищъ отъ среднихъ остался нетронутымъ. Непосредственно подчинены попечителю и обращаются къ нему съ донесеніями директора и почетные попечители лицеевъ и гимназій, инспекторы частныхъ училищъ и пансіоновъ. Уѣздныя и приходскія училища каждой губерніи по прежнему остаются

въ вѣдѣніи губернскихъ директоровъ *). Управленіе и надзоръ за училищами попечитель раздѣляетъ по своему усмотрѣнію съ помощникомъ и инспекторомъ казенныхъ училищъ. Для сохраненія пользы совѣщательнаго порядка и для обсужденія вопросовъ учебныхъ и хозяйственныхъ при попечителѣ образуется совѣтъ, состоящій изъ помощника попечителя, ректора университета, инспектора казенныхъ училищъ и одного или двухъ директоровъ гимназій. Совѣтъ лишенъ права инціативы; дѣла на обсужденіе поступаютъ только по назначенію попечителя; исполненія по его рѣшеніямъ производятся отъ имени попечителя. «Во всѣхъ училищныхъ дѣлахъ, требующихъ ученыхъ соображеній», попечитель испрашиваетъ мнѣніе университетскаго совѣта. Дѣлопроизводство по управленію округомъ сосредоточивается въ канцеляріи попечителя, которая есть вмѣстѣ и канцелярія совѣта. Штатъ управленія учебными округами С.-Петербургскимъ, Московскимъ, Казанскимъ, Харьковскимъ, Кіевскимъ и Одесскимъ исчисленъ въ 122.300 р., не считая содержанія попечителей и ихъ помощниковъ, опредѣляемаго особыми Высочайшими назначеніями [111]).

Новое «Положеніе» не распространялось на учебныя заведенія Сибири и Закавказскаго края, изъятыя изъ общей системы учебныхъ округовъ, и на Дерптскій округъ, такъ какъ уставы Дерптскаго университета и подвѣдомственныхъ ему училищъ предполагалось пересмотрѣть отдѣльно отъ общихъ уставовъ. Временно на особомъ положеніи оставался и Бѣлорусскій округъ, находившійся въ вѣдѣніи товарища министра графа Пратасова. Но скоро, по Высочайшимъ повелѣніямъ 6 іюля 1836 г. и 20 января 1837 г., управленіе обоими округами, Бѣлорусскимъ и Дерптскимъ, устроено было согласно съ общимъ «Положеніемъ». Учебныя заведенія Закавказья по Положенію 12 мая 1835 г. оставлены въ вѣдѣніи Главноуправляющаго Грузіей и Закавказскими областями. 20 января 1842 г., по положенію Комитета объ устройствѣ Закавказскаго края, для главнаго управленія всею учебною частью въ этомъ краѣ была учреждена должность главнаго инспектора закавказскихъ училищъ. Но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, 20 ноября, Государь повелѣлъ упразднить эту должность, возложивъ управленіе учебною частью на одного изъ воен-

---

*) Въ 1836 г. управленіе С.-Петербургской дирекціей училищъ отдѣлено отъ 2-й гимназіи и учреждена особая должность директора училищъ С.-Петербургской губерніи. Сб. пост., II, 1, № 514.

ныхъ членовъ Совѣта Главнаго Управленія Закавказскимъ краемъ. Наконецъ, 18 декабря 1848 г. издано особое Положеніе о Закавказскомъ учебномъ округѣ», составленное Намѣстникомъ и разсмотрѣнное Кавказскимъ Комитетомъ. Попечитель округа есть вмѣстѣ съ тѣмъ членъ Совѣта Главнаго Управленія Закавказскимъ краемъ. Пользуясь всѣми правами, предоставленными попечителямъ другихъ округовъ, онъ входитъ съ представленіями не къ министру Народнаго Просвѣщенія, а къ Намѣстнику Кавказскому. Совѣтъ попечителя состоитъ изъ помощника попечителя, инспектора казенныхъ училищъ, директора училищъ Тифлисской губерніи и директоровъ училищъ прочихъ губерній и областей, когда они по дѣламъ службы находятся въ Тифлисѣ. Какъ и въ другихъ округахъ, среднія и низшія училища группируются въ дирекціи, управляемыя директорами губернскихъ гимназій. При управленіи округомъ состоятъ «Комитетъ для начертанія учебныхъ пособій» и «Кавказскій Цензурный Комитетъ». Положеніе введено въ видѣ опыта на 3 года.

Гимназіи и училища въ Сибирскихъ губерніяхъ, подчиненныя по уставу 1828 г. гражданскимъ губернаторамъ, въ 1836 и 1840 годахъ, сверхъ того, поручены были въ вѣдѣніе генералъ-губернаторовъ Западной и Восточной Сибири [112]).

Декретомъ $\frac{\text{20 ноября}}{\text{2 декабря}}$ 1839 г. образованъ Варшавскій учебный округъ съ цѣлью «согласить во всѣхъ отношеніяхъ ходъ пріуготовительнаго ученія для вступленія воспитанниковъ учебныхъ заведеній Царства въ университеты русскіе». 19 іюня 1840 г. было издано Положеніе о Варшавскомъ округѣ, а 2 августа 1849 г. Высочайше утвержденъ его нормальный штатъ. Въ составъ округа вошли всѣ казенныя и частныя ученыя и учебныя учрежденія Царства Польскаго, за исключеніемъ спеціальныхъ духовныхъ и медицинскихъ заведеній. Подчиненный на общихъ основаніяхъ министру Народнаго Просвѣщенія, которому принадлежитъ «главное управленіе ученою частью въ Царствѣ Польскомъ», попечитель вмѣстѣ съ тѣмъ «во всѣхъ особенныхъ и нетерпящихъ отлагательства случаяхъ получаетъ отъ Намѣстника разрѣшенія и приказанія къ немедленному исполненію». Въ отношеніяхъ къ Совѣту Управленія и къ прочимъ вѣдомствамъ Царства, по части финансовой, судной и контрольной, попечитель дѣйствуетъ съ тѣми правами и обязанностями, кои присвоены главнымъ директорамъ Правительственныхъ Комиссій, съ тѣмъ однако измѣненіемъ, что если попечитель не будетъ вмѣстѣ главнымъ дирек-

Кн. Ширинскій Шихматовъ

торомъ Комиссіи Внутреннихъ Дѣлъ, то въ Совѣтѣ Управленія будетъ присутствовать только по дѣламъ, собственно до его части относящимся». Совѣтъ Народнаго Просвѣщенія въ Царствѣ сохраняется и долженъ состоять подъ предсѣдательствомъ попечителя, исполняя обязанности совѣта попечителя въ другихъ округахъ. Сохраняются также должности генеральныхъ визитаторовъ училищъ. Дѣлопроизводство вѣдаетъ правленіе округа, преобразованное изъ особаго отдѣленія Комиссіи Внутреннихъ Дѣлъ. Въ 1842 г. учрежденъ былъ особый комитетъ для надзора за частными учебными заведеніями г. Варшавы.

Отличительной чертой управленія учебными округами, расположенными на окраинахъ государства, было подчиненіе ихъ высшей мѣстной администраціи, тогда какъ Положеніе 1835 г., по общему порядку, ставило попечителей въ зависимость только отъ власти министра. Но скоро послѣдовалъ рядъ исключеній изъ этого общаго правила: управленіе нѣкоторыми учебными округами вручено было мѣстнымъ генералъ-губернаторамъ. Въ 1838 г., по докладу графа Бенкендорфа, послѣдовало Высочайшее повелѣніе, чтобы начальства учебныхъ округовъ по всѣмъ дѣламъ, которыя по существу своему и по общему порядку входятъ въ кругъ власти главныхъ мѣстныхъ начальствъ, оказывали имъ всякое содѣйствіе и не останавливались въ исполненіи мѣръ по полицейской части, предписанныхъ этими начальствами. Въ 1846 г. управленіе Харьковскимъ учебнымъ округомъ поручено было Черниговскому, Полтавскому и Харьковскому генералъ-губернатору князю Долгорукову, а затѣмъ его преемнику Кокошкину, въ 1847 г. управленіе Кіевскимъ округомъ—генералъ-губернатору Бибикову. Въ 1850 г. указомъ о возстановленіи Виленскаго учебнаго округа управленіе имъ было возложено также на мѣстнаго генералъ-губернатора Бибикова. Нормальный порядокъ управленія всѣми этими учебными округами возстановленъ былъ уже въ царствованіе Императора Александра II [113]).

IV.

«Положеніе объ учебныхъ округахъ» явилось введеніемъ къ университетской реформѣ: черезъ мѣсяцъ, 26 іюля 1835 г., былъ Высочайше утвержденъ «Общій уставъ Императорскихъ россійскихъ университетовъ». Послѣ того, какъ проектъ устава четырехъ университетовъ, составленный при князѣ Ливенѣ, по Высо-

чайшему повелѣнію былъ возвращенъ изъ Государственнаго Совѣта, С. С. Уваровъ призналъ «едва ли не тщетными шестилѣтніе усердные труды Комитета устройства учебныхъ заведеній». «Составленіе одного общаго устава для всѣхъ университетовъ Имперіи» объяснялъ онъ Государю въ концѣ 1833 г., «представляетъ затрудненія столь сильныя, недоумѣнія столь важныя, что едва ли рѣшить можно безусловно главный вопросъ, служащій основаніемъ сему дѣлу; и по истинѣ подчиненіе всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній одной, повсюду однообразной, формѣ вмѣщаетъ много различныхъ видовъ; не легко подвести подъ одно начало умственныя потребности жителей столицъ съ жителями заволжскими и закавказскими; не легко постановить для южныхъ губерній одну и ту же мѣру высшаго образованія, которая полезна для сѣверныхъ. Москва и Казань, Дерптъ и Харьковъ, С.-Петербургъ и губерніи отъ Польши возвращенныя — являютъ безконечный рядъ не только мѣстностей, но даже противоположностей; особенно въ высшей сферѣ просвѣщенія, и можетъ ли одинъ осселокъ, одно мѣрило равно удовлетворить ихъ требованіямъ и вмѣстѣ съ тѣмъ равно обезпечивать Правительство». По этимъ соображеніямъ возвращенные изъ Государственнаго Совѣта проекты уставовъ требовали столь значительныхъ измѣненій, что министръ не надѣялся въ скоромъ времени окончить сложный трудъ выработки общаго устава университетовъ. Между тѣмъ Комитетъ долженъ былъ заняться обсужденіемъ отдѣльнаго устава университета Св. Владиміра. Указъ 8 ноября 1833 г. объ учрежденіи этого университета предписывалъ «начертать нынѣ же» уставъ его. Въ соединенномъ засѣданіи Комитета устройства учебныхъ заведеній и Главнаго Правленія Училищъ, въ присутствіи Кіевскаго генералъ-губернатора, 29 ноября Сперанскій полагалъ назвать проектъ устава университета Св. Владиміра «предварительными правилами образованія» его въ виду того, что будущій общій уставъ долженъ быть распространенъ и на новый университетъ. Но министръ предположилъ идти обратнымъ путемъ и принять уставъ университета Св. Владиміра за образецъ, по основнымъ чертамъ котораго долженъ быть составленъ общій уставъ. Это было, по его мнѣнію, «удобнѣйшимъ и кратчайшимъ способомъ практически развязать сіе дѣло». Высочайшей резолюціей 13 декабря 1833 г. рѣшено было издать уставъ университета Св. Владиміра, не дожидаясь общаго устава, въ видѣ временной мѣры на 4 года.

Во всеподданнѣйшемъ докладѣ министръ такъ формулировалъ «внушенныя опытомъ улучшенія», внесенныя въ уставъ Кіевскаго университета, утвержденный 25 декабря 1833 г.: «судопроизводство университетское надъ своими членами уничтожено; власть попечителя и вліяніе министра опредѣлены въ ясныхъ границахъ; хозяйственная часть отдѣлена отъ учебной; постановлены строгіе экзамены для всѣхъ, допускаемыхъ къ университетскимъ лекціямъ; юридическія науки распредѣлены по Своду Законовъ; курсъ университетскій опредѣленъ на 4 года; внутренняя полиція ввѣрена особому, не изъ ученыхъ, чиновнику. Вообще все движеніе управленія внутренняго приспособлено къ видамъ правительства о точнѣйшемъ и неразрывномъ наблюденіи за духомъ и ходомъ высшихъ учебныхъ заведеній». Эти черты предстояло перенести на новый общій уставъ. Отъ попечителей учебныхъ округовъ и совѣтовъ С.-Петербургскаго, Московскаго, Харьковскаго и Казанскаго университетовъ потребованы были заключенія о томъ, какія статьи устава Кіевскаго университета могутъ быть превращены въ нормы, общія для всѣхъ университетовъ. Сводъ предположеній, доставленныхъ въ теченіе 1834 г. попечителями и университетскими совѣтами, проектъ устава, возвращенный изъ Государственнаго Совѣта, и уставъ университета Св. Владиміра составили матеріалъ, на основаніи котораго Комитетъ устройства учебныхъ заведеній наконецъ выработалъ проектъ новаго устава. Предварительное разсмотрѣніе его, по просьбѣ министра, принялъ на себя М. М. Сперанскій, предложившій новый планъ, по которому была составлена окончательная редакція устава. Когда Комитетъ занялся 15 іюля 1835 г. окончательнымъ разсмотрѣніемъ редакціи проекта устава, возникло разногласіе по важному вопросу объ ограниченіи права университетскихъ совѣтовъ на избраніе профессоровъ. Ст. 78-я устава, устанавливавшая это право, вмѣстѣ съ тѣмъ предоставляла и министру право назначать профессоровъ по собственному усмотрѣнію. Противъ этого ограниченія избирательнаго права совѣта возсталъ Сперанскій, замѣтившій, что «присвояемое министру право уничтожаетъ и выборъ университетскаго совѣта и конкурсъ». «Не лучше ли», говорилъ Сперанскій, «предоставить министру предлагать кандидатовъ совѣту чрезъ попечителя. Дѣйствіе будетъ то же, но не будетъ повода къ укоризнѣ въ самовластіи». Предсѣдатель и члены Комитета Балугьянскій и графъ Строгановъ согласились съ этимъ мнѣніемъ. Но графъ Пратасовъ въ особой запискѣ высказался за

сохраненіе прежней редакціи 78-й статьи: «нисколько не раздѣляя мнѣнія нѣкоторыхъ членовъ Комитета, что лица, составляющія область наукъ, должны быть изъяты изъ общихъ правилъ службы и имѣть самостоятельность, которая не присвоена даже и важнѣйшимъ государственнымъ чиновникамъ въ Россіи, я напротивъ думаю, что въ сей отрасли управленія чаще, чѣмъ во всякой другой, представляются случаи, въ коихъ нужно начальнику, облеченному Высочайшимъ довѣріемъ для главнаго наблюденія за правильнымъ ходомъ оной, дать самую прямую и рѣшительную власть, независимую отъ духа партій и интригъ, столь часто колеблющихъ дѣйствія ученыхъ сословій». Право министра назначать профессоровъ нужно «для предупрежденія могущаго случиться противодѣйствія направленіямъ правительства со стороны университетовъ, столь легко увлекаемыхъ гибельными теоріями вѣка и всегда болѣе или менѣе подверженныхъ заразѣ чужеземныхъ примѣровъ». Это право, «будучи совершенно сообразно съ духомъ прочихъ государственныхъ учрежденій въ нашемъ отечествѣ, усилитъ еще болѣе основную мысль новаго устава — сблизить, наконецъ, наши университеты, бывшіе доселѣ только блѣдными оттѣнками иностранныхъ, съ коренными и спасительными началами русскаго управленія». Вопросъ былъ рѣшенъ Высочайшей резолюціей: «Совершенно согласенъ съ графомъ Пратасовымъ». Названный «Общимъ уставомъ российскихъ университетовъ», новый уставъ былъ распространенъ, однако, только на 4 университета: С.-Петербургскій, Московскій, Харьковскій и Казанскій. Университеты Кіевскій и Дерптскій временно остались при особыхъ уставахъ.

Уставъ 26 іюля 1835 г. отразилъ въ себѣ глубокую, давно подготовлявшуюся въ правительственныхъ сферахъ, перемѣну во взглядахъ на значеніе университетовъ, какъ ученыхъ и учебныхъ учрежденій, на предѣлы университетскаго самоуправленія, на объемъ и направленіе университетскаго преподаванія. То, что доселѣ выражалось въ разныхъ проектахъ, инструкціяхъ и отдѣльныхъ административныхъ мѣрахъ, теперь обобщалось и получало законодательную санкцію. Реформа 1835 г., по словамъ министра, преслѣдовала двѣ главныя цѣли: «во-первыхъ, возвысить университетское ученіе до раціональной формы и, поставивъ его на степень, доступную лишь труду долговременному и постоянному, воздвигнуть благоразумную преграду преждевременному вступленію въ службу молодежи еще незрѣлой; во-вторыхъ, привлечь

въ университеты дѣтей высшаго класса въ Имперіи и положить конецъ превратному домашнему воспитанію ихъ иностранцами; уменьшить господство страсти къ иноземному образованію, блестящему по наружности, но чуждому основательности и истинной учености, и, наконецъ, водворить, какъ между молодыми людьми высшихъ сословій, такъ и вообще въ университетскомъ юношествѣ, стремленіе къ образованію народному, самостоятельному».

Прежде всего по новому уставу университетъ, говоритъ профессоръ Владимірскій-Будановъ, «уже не разсматривается какъ ученое общество, имѣющее двѣ равносильныя цѣли: преподаваніе и ученую разработку науки; засѣданія совѣта уже не обращаются въ засѣданія ученыхъ обществъ для рефератовъ и преній; университетъ уже не назначаетъ темъ для профессорскихъ сочиненій на преміи. Университетъ теперь есть только учебное заведеніе»... Автономія университетовъ подверглась значительному ограниченію. Оно выразилось въ отмѣнѣ университетскаго суда, въ усиленіи власти попечителя, въ стѣсненіи выборнаго начала. Уничтоженіе во всѣхъ инстанціяхъ собственнаго университетскаго суда, которымъ университеты, по свидѣтельству Департамента Народнаго Просвѣщенія, пользовались очень рѣдко, было однимъ изъ главныхъ отличій новаго общаго устава отъ проекта 1832 г., который не только не стѣснилъ судебныхъ правъ университетовъ, но еще болѣе расширилъ ихъ, по примѣру устава Дерптскаго университета. Отнынѣ предоставлялось только ректору, какъ предсѣдателю правленія, первоначально обслѣдовать возникавшія среди университетской корпораціи дѣла, дальнѣйшее производство которыхъ должно было переходить уже въ общія судебныя учрежденія. Попечитель, обязанный отнынѣ жить въ университетскомъ городѣ, является уже первенствующимъ членомъ университета, «состоящаго подъ его непосредственнымъ начальствомъ». «Онъ обращаетъ вниманіе на способности, прилежаніе и благонравіе профессоровъ, адъюнктовъ, учителей и чиновниковъ университета, исправляетъ нерадивыхъ замѣчаніями и принимаетъ законныя мѣры къ удаленію неблагонадежныхъ». Попечитель наблюдаетъ за дѣятельностью совѣта и правленія, имѣя право предсѣдательствовать въ нихъ по своему усмотрѣнію. Наконецъ, подъ непосредственнымъ начальствомъ попечителя состоитъ инспекторъ, избираемый имъ изъ военныхъ или гражданскихъ чиновниковъ, и его помощники.

Ректоръ избирается совѣтомъ изъ ординарныхъ профессоровъ

на 4 года и утверждается Высочайшей властью. Власть его увеличена правомъ дѣлать выговоры и замѣчанія профессорамъ и чиновникамъ въ случаѣ замѣченныхъ съ ихъ стороны упущеній и неисправностей.

Послѣ отнятія у университетовъ правъ управленія учебными округами и уничтоженія университетскаго суда власть и права совѣта оказались сильно ограниченными. По новому уставу всѣ функціи совѣта, состоящаго изъ ординарныхъ и экстраординарныхъ профессоровъ, сведены къ тремъ главнымъ: избранію ректора, почетныхъ членовъ и корреспондентовъ, профессоровъ и преподавателей; общему руководительству учебною частью; возведенію въ ученыя степени.

Хозяйство и полиція вѣдаются правленіемъ, состоящимъ изъ ректора, декановъ и синдика, избираемаго попечителемъ изъ чиновниковъ, имѣющихъ ученыя степени по юридическому факультету. Но зависимость правленія отъ совѣта замѣнилась зависимостью его отъ попечителя. Канцеляріи совѣта и правленія находятся въ вѣдѣніи синдика.

Совершенно обновилась факультетская организація. По новому уставу университетъ состоитъ изъ трехъ факультетовъ: философскаго, юридическаго и медицинскаго. Философскій факультетъ раздѣляется на два отдѣленія, наукъ историко - филологическихъ и физико-математическихъ. Въ группировкѣ каѳедръ по первымъ двумъ факультетамъ ясно выразились руководящіе взгляды министра на задачи высшаго образованія, стремленіе сообщить ему національный характеръ и сдѣлать политически безопаснымъ преподаваніе юридическихъ наукъ. Знаменательными нововведеніями на I-мъ отдѣленіи философскаго факультета были особыя каѳедры русской исторіи, исторіи и литературы славянскихъ нарѣчій. Въ это же отдѣленіе включены каѳедры философіи, политической экономіи и статистики. Лишенный этихъ каѳедръ, а также каѳедры естественнаго права, факультетъ нравственно-политическихъ наукъ, названный теперь юридическимъ, получилъ иной характеръ, болѣе спеціальный; болѣе половины каѳедръ посвящены дѣйствующему русскому законодательству. Юридическій факультетъ долженъ былъ готовить не ученыхъ юристовъ, а чиновниковъ. Каѳедра богословія, церковной исторіи и законовѣдѣнія сдѣлана внѣ-факультетской для всѣхъ вообще студентовъ православнаго исповѣданія. Продолжительность курсовъ философскаго и юридическаго факультетовъ опредѣлена въ 4 года, меди-

цинскаго—въ 5 лѣтъ. Факультетскія собранія распредѣляютъ курсы, разсматриваютъ методы преподаванія и руководства, производятъ испытанія студентамъ, ищущимъ ученыхъ степеней, чиновникамъ на первый разрядъ службы, кандидатамъ на учительскія должности въ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ, разсматриваютъ ученые труды профессоровъ и адъюнктовъ.

Профессора и прочіе преподаватели избираются совѣтомъ, но министру предоставлено право «по собственному своему усмотрѣнію назначать въ профессоры и адъюнкты на вакантныя каѳедры людей отличныхъ ученостью и даромъ преподаванія, съ требуемыми для сихъ званій учеными степенями», именно, со степенью доктора для ординарнаго и экстраординарнаго профессора и со степенью магистра для адъюнкта. Профессоръ, выслужившій 25 лѣтъ и получившій званіе «заслуженнаго», увольняется отъ службы, но можетъ подвергнуться вторичному избранію на 5 лѣтъ. Только въ крайнихъ случаяхъ и при томъ на непродолжительное время, профессоръ можетъ сразу занимать двѣ каѳедры. Два послѣднія постановленія вызваны отчасти увѣренностью, что принятыя правительствомъ мѣры создадутъ достаточное число кандидатовъ для занятія каѳедръ, отчасти прогрессирующей спеціализаціей науки, подъ вліяніемъ которой университетское преподаваніе утрачивало прежній энциклопедическій характеръ. Служебныя права, чинопроизводство и назначеніе пенсій профессорамъ и преподавателямъ оставлены на прежнихъ основаніяхъ.

Статьи устава, опредѣляющія порядокъ поступленія учащихся въ университетъ, прохожденія курса, испытаній и полученія служебныхъ правъ, совсѣмъ не выражали одной изъ главныхъ тенденцій реформы, указанной министромъ, сдѣлать университеты доступными по преимуществу дворянской молодежи, готовящейся къ государственной службѣ. Самъ по себѣ новый уставъ также мало стѣсняетъ доступъ въ университетъ, какъ и уставъ 1804 г. Для поступленія въ университетъ поставлено только одно условіе, предварительное испытаніе, при чемъ принимаются въ уваженіе одобрительныя свидѣтельства объ окончаніи полнаго гимназическаго курса, дающія право предстать на испытаніе прежде прочихъ или даже вовсе отъ него освобождающія. Университетъ открытъ и для вольнослушателей, служащихъ и не служащихъ; имъ предоставлено право посѣщать университетскія лекціи и пріобрѣтать ученыя степени по общимъ правиламъ. Всѣ студенты, успѣшно окончившіе курсъ, одинаково получаютъ при вступленіи въ граж-

данскую службу чинъ 12-го класса, а въ военной службѣ право производства въ офицеры черезъ 6 мѣсяцевъ. Всѣмъ отличнымъ студентамъ одинаково открыта дорога къ высшимъ ученымъ степенямъ. Для приготовленія учителей и врачей при университетахъ попрежнему состоятъ Педагогическій и Медицинскій институты, комплектуемые казеннокоштными студентами. Намѣреніе правительства сдѣлать университетское образованіе доступнымъ преимущественно для высшихъ классовъ, не нашедшее себѣ прямаго выраженія въ новомъ университетскомъ уставѣ, осуществилось въ рядѣ послѣдующихъ спеціальныхъ мѣръ.

Значительно улучшилось съ новымъ уставомъ матеріальное обезпеченіе университетовъ. Опытъ давно обнаружилъ крайнюю недостаточность содержанія, отпускаемаго по штатамъ 1804 г., содержанія, уже совершенно несоразмѣрнаго со штатами среднихъ учебныхъ заведеній послѣ реформы 1828 г. Съ самаго вступленія своего въ управленіе Министерствомъ С. С. Уваровъ неоднократно доводилъ до Высочайшаго свѣдѣнія о скудости матеріальнаго обезпеченія университетовъ, при которой «нѣтъ никакой возможности требовать отъ нихъ полезнаго вліянія на распространеніе въ государствѣ наукъ и на ходъ общественнаго образованія». Одинъ только Дерптскій университетъ былъ обезпеченъ новыми штатами 1817 г. При составленіи смѣты по Министерству на 1834 г. министръ представилъ Государю о самой необходимой прибавкѣ на содержаніе университетовъ С.-Петербургскаго и Московскаго, простирающейся въ совокупности до 340.075 руб. Вслѣдствіе этого по Высочайшему повелѣнію 6 декабря 1835 г. Московскому университету ассигновано было въ дополненіе къ штатной суммѣ на 2 года по 220.700 руб. При составленіи проекта новыхъ штатовъ для четырехъ русскихъ университетовъ имѣлось въ виду Высочайшее повелѣніе, объявленное министромъ Финансовъ, по возможности облегчить расходы Государственнаго Казначейства. Поэтому признано было необходимымъ не включать въ новые уставъ и штаты отдѣленія восточныхъ языковъ, проектированнаго при С.-Петербургскомъ университетѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ жалованье профессорамъ и чиновникамъ С.-Петербургскаго и Московскаго университетовъ оставлено въ размѣрахъ, предположенныхъ первоначально, въ виду дороговизны жизни въ столицахъ; жалованье же лицамъ преподавательскаго и административнаго персонала Казанскаго и Харьковскаго университетовъ уменьшено. Въ общемъ же оклады содержанія учеб-

наго персонала университетовъ возвышены вдвое и втрое. Всего ассигновано: на С.-Петербургскій университетъ—272.250 руб., на Московскій — 454.200 руб., на Харьковскій и Казанскій — по 370.000 рублей [114]).

Изданіемъ новаго устава еще не разрѣшался вполнѣ сложный университетскій вопросъ. Въ предѣлахъ общихъ нормъ устава послѣ 1835 г. предпринятъ былъ рядъ частныхъ мѣръ, регламентировавшихъ отдѣльныя стороны университетской жизни и группировавшихся около трехъ главныхъ вопросовъ: 1) расширенія круга преподаванія, 2) подготовки профессоровъ, 3) улучшенія состава учащихся.

По словамъ министра во всеподданнѣйшей запискѣ 1843 г., одною изъ главныхъ задачъ Министерства было «рѣшеніе вопроса о приспособленіи главнѣйшихъ началъ наукъ общихъ къ техническимъ потребностямъ ремесленной, фабричной и земледѣльческой промышленности». Къ этой цѣли и направлено было расширеніе круга преподаванія въ университетахъ. «Къ улучшенію земледѣлія въ Россіи», всеподданнѣйше доносилъ С. С. Уваровъ въ 1843 г., «открываются, по мѣрѣ приготовленія преподавателей, каѳедры агрономическихъ наукъ въ университетахъ; въ значительныхъ городахъ, гдѣ нѣтъ университетовъ, учреждаются публичныя лекціи объ этихъ предметахъ. Къ усиленію фабрикъ устроены при нѣкоторыхъ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ реальные классы, а въ университетахъ публичныя чтенія техническихъ наукъ. При С.-Петербургскомъ университетѣ введены лекціи о сельскомъ хозяйствѣ, лѣсоводствѣ и торговомъ счетоводствѣ; при Московскомъ—курсы сельскаго хозяйства, агрономіи и технической химіи, курсъ построенія машинъ, практической механики и начертательной геометріи. При Дерптскомъ университетѣ кромѣ публичныхъ чтеній о практической химіи, механикѣ и прочихъ частяхъ технологіи, учреждено практическое учебное заведеніе сельскаго хозяйства въ Альткустгофѣ. Такія же публичныя лекціи открыты при университетѣ Св. Владиміра и предположено учредить образцовые хуторы по крайней мѣрѣ при нѣкоторыхъ университетахъ». Къ предметамъ спеціальнаго образованія министръ относилъ восточные языки. Каѳедра восточной словесности полагалась по уставу во всѣхъ университетахъ. Но средоточіемъ востоковѣдѣнія министръ хотѣлъ видѣть Казанскій университетъ. «Между тѣмъ какъ въ Европѣ», говорилъ онъ, «оріентальная филологія не можетъ переступить за предѣлы кабинетнаго изуче-

нія, наравнѣ съ мертвыми языками древности, — тамъ изученіе разныхъ нарѣчій азіатскихъ вступаетъ въ разрядъ практическихъ занятій ими, какъ языкомъ живымъ, посредствомъ обращенія и сношенія съ народами, которые ими говорятъ. Восточное отдѣленіе въ Казанскомъ университетѣ представляетъ самый полный объемъ наукъ для познанія востока».

Съ 1809 г. на университетахъ лежала еще одна особенная обязанность, производство экзаменовъ на чины коллежскаго асессора и статскаго совѣтника. Для лицъ, готовящихся къ экзаменамъ, читались особые курсы. Эти курсы и испытательные комитеты при университетахъ были закрыты послѣ изданія 25 іюня 1834 г. новаго «Положенія о порядкѣ производства въ чины по гражданской службѣ». Но, уничтоживъ экзамены на чины коллежскаго асессора и статскаго совѣтника, новый законъ не уничтожилъ значенія образовательнаго ценза. Онъ раздѣлилъ всѣхъ лицъ, имѣющихъ по закону право вступленія въ службу, на три разряда по степенямъ образованія. Первый разрядъ, требовавшій высшаго образованія, давалъ право на болѣе сокращенный срокъ полученія чиновъ, чѣмъ второй разрядъ, ограничивавшійся требованіемъ гимназическаго образованія, а второй разрядъ, въ свою очередь, имѣлъ преимущество передъ третьимъ разрядомъ, къ которому относились всѣ лица, не имѣвшія свидѣтельствъ отъ учебныхъ заведеній или обучавшіяся только въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Лица съ домашнимъ образованіемъ могли пріобрѣсти права перваго и втораго разрядовъ, выдержавъ соотвѣтствующіе экзамены. Производство этихъ экзаменовъ осталось на обязанности университетовъ, при чемъ экзаменъ на первый разрядъ долженъ былъ производиться въ факультетахъ, а на второй въ испытательныхъ комитетахъ изъ профессоровъ подлежащихъ предметовъ. Испытанія же лицъ, принадлежащихъ къ третьему разряду, на основаніи Дополнительныхъ правилъ къ уставу о службѣ гражданской 28 ноября 1844 г. и правилъ, утвержденныхъ министромъ Народнаго Просвѣщенія 31 декабря 1845 г., поручены уѣзднымъ училищамъ и гимназіямъ. Дѣйствіе этихъ правилъ, введенныхъ сначала на три года, было продолжено на слѣдующія трехлѣтія распоряженіями 23 декабря 1848 г. и 31 декабря 1851 г. [115]).

Приготовленіе профессоровъ поставлено было на прочную почву уже предшественниками С. С. Уварова. Учрежденіе профессорскаго института въ Дерптѣ и командированіе молодыхъ

ученыхъ за-границу принесли свои плоды ко времени введенія новаго устава. Въ 1834 г. стали возвращаться изъ за-границы молодые ученые, плеяда будущихъ знаменитостей, высоко поднявшихъ русскую университетскую науку. Испытаніе первой партіи молодыхъ ученыхъ юристовъ произведено было по программѣ, составленной М. М. Сперанскимъ для студентовъ законовѣдѣнія при II отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи. Вслѣдъ затѣмъ, послѣ ряда магистерскихъ и докторскихъ диспутовъ, «послужившихъ къ оживленію ученаго духа между преподавателями и водворенію его между студентами, для которыхъ зрѣлище этихъ диспутовъ было совершенной новостью», на каѳедрахъ появился рядъ молодыхъ профессоровъ, среди которыхъ скоро заблистали имена Неволина, Пирогова, Иноземцева, Грановскаго и другихъ. 16 марта 1833 г., по докладу министра объ успѣшномъ окончаніи занятій первой группы молодыхъ людей въ профессорскомъ институтѣ въ Дерптѣ, Высочайше повелѣно было: «Профессорскій институтъ продолжить и новыхъ студентовъ вытребовать». Послѣ второго выпуска профессорскій институтъ былъ закрытъ въ надеждѣ, что преобразованные университеты, къ которымъ присоединился возстановленный Главный педагогическій институтъ, будутъ сами въ состояніи приготовлять себѣ профессоровъ. Съ закрытіемъ профессорскаго института не прекратились заграничныя командировки молодыхъ ученыхъ и въ одиночку и цѣлыми партіями. Эти командировки даже были обставлены особыми льготными условіями. 15 марта 1844 г. Сенатъ разрѣшилъ выдавать безденежно заграничные паспорты лицамъ, отправляемымъ въ чужіе края для усовершенствованія въ наукахъ. 3 января 1846 г. Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта постановлено было лицамъ, командируемымъ за-границу для усовершенствованія въ наукахъ, зачислять въ дѣйствительную службу время пребыванія въ чужихъ краяхъ. «Ученыя путешествія молодыхъ людей», писалъ министръ въ 1843 г., «служатъ непрерывною и живою связью между образованностью отечественною и развитіемъ наукъ въ Европѣ и постоянно поддерживаютъ русское ученое сословіе и русскіе университеты на высотѣ знаній народовъ, опередившихъ насъ нѣкогда на стезѣ образованія». Но послѣ событій 1848 г. это плодотворное непосредственное общеніе русской ученой молодежи съ западной наукой на время должно было прекратиться: въ мартѣ 1848 г. воспрещено было отпускать

и командировать за-границу лицъ, служащихъ по Министерству Народнаго Просвѣщенія. Оживившееся съ изданіемъ новаго устава и возвращеніемъ изъ за-границы профессорскихъ кандидатовъ возведеніе въ ученыя степени побудило министра поторопиться пересмотромъ стараго положенія объ ученыхъ степеняхъ. Опытъ свидѣтельствовалъ, что положеніе 1819 г. сильно затрудняло пріобрѣтеніе высшихъ ученыхъ степеней. Притомъ съ изданіемъ устава 1835 г. старое положеніе перестало соотвѣтствовать группировкѣ каѳедръ по факультетамъ. Въ Комитетѣ устройства учебныхъ заведеній проектъ новаго положенія объ испытаніяхъ па ученыя степени разсматривался вмѣстѣ съ проектомъ общаго устава университетовъ, но дѣло остановилось за разногласіемъ членовъ Комитета. Вторично составленіе новаго проекта положенія Комитетъ поручилъ статсъ-секретарю Балугьянскому. Разсмотрѣнный въ особомъ комитетѣ подъ предсѣдательствомъ министра, проектъ былъ утвержденъ, сначала въ видѣ опыта на 3 года, 28 Апрѣля 1837 г. и окончательно, подъ названіемъ «Положенія о производствѣ въ ученыя степени», 6 апрѣля 1844 г. Новое положеніе, распространенное на всѣ университеты, кромѣ Дерптскаго (для возведенія въ ученыя степени по медицинскимъ факультетамъ оставлены особыя постановленія), сохранило по факультетамъ философскому и юридическому три ученыя степени: кандидата, магистра и доктора.-

Хотя въ эпоху устава 1835 г. университеты уже не страдали отъ крайней скудости ученыхъ преподавателей, какъ это было при уставѣ 1804 г., но вполнѣ обезпечить университеты преподавательскими силами было нелегко. Въ 1848 г. С. С. Уваровъ внесъ въ Комитетъ Министровъ представленіе объ опредѣленіи при университетахъ С.-Петербургскомъ, Московскомъ, Харьковскомъ и Казанскомъ, по примѣру университетовъ Дерптскаго и Кіевскаго, особыхъ преподавателей съ званіемъ доцентовъ, которые составили бы разсадникъ для штатныхъ адъюнктскихъ и профессорскихъ мѣстъ. Необходимость этой мѣры министръ мотивировалъ указаніемъ на то, что «для замѣщенія вакансій профессоровъ и адъюнктовъ въ университетахъ часто не представляется достойныхъ кандидатовъ изъ русскихъ уроженцевъ. Причиною этого нельзя не полагать, между прочимъ, и то, что способнымъ молодымъ людямъ, желающимъ посвятить себя ученому поприщу, нѣтъ въ нашихъ университетахъ пріюта для приготовленія къ будущему назначенію, и оттого многіе изъ нихъ принуждены бываютъ

оставлять намѣреніе вступить въ службу по части учебной». По положенію Комитета Министровъ 28 іюня 1843 г. повелѣно было распространить на четыре русскіе университета 34-ю, 35-ю и 36-ю статьи устава университета Св. Владиміра 1842 г. [116]).

Третій главный вопросъ, около котораго группировались мѣропріятія, дополнявшія уставъ 1835 г., касался научной подготовки университетскихъ слушателей и соціальнаго ихъ состава. 29 января 1837 г. были изданы введенные въ дѣйствіе въ видѣ опыта на 4 года «Правила испытаній для желающихъ поступить въ университеты». Циркулярами 19 марта 1842 г. и 5 мая 1849 г. дѣйствіе правилъ продолжено было на слѣдующія четырехлѣтія. По объясненію министра, эти правила имѣли цѣлью поднять уровень подготовки университетскихъ слушателей и «удалить отъ университетскаго ученія молодыхъ людей, еще не приготовленныхъ къ нему предварительнымъ обученіемъ. Постановивъ 16-ти-лѣтній возрастъ необходимымъ условіемъ для принятія въ число студентовъ, эти правила опредѣлили въ точности степень познаній, безъ которыхъ посѣщеніе университета было бы для молодого человѣка безполезною тратою времени, для самаго заведенія — невыгоднымъ обремененіемъ». Циркулярнымъ предложеніемъ 19 октября 1844 г. запрещено было принимать въ студенты университетовъ окончившихъ курсъ гимназій съ неудовлетворительными успѣхами. Рядомъ другихъ распоряженій по разнымъ частнымъ случаямъ Министерство старалось заградить доступъ тѣмъ лицамъ, которыя не представляли достаточныхъ гарантій въ своей научной подготовкѣ. Гораздо болѣе труднымъ и сложнымъ дѣломъ оказалось достиженіе другой цѣли: привлечь въ университеты по преимуществу молодежь высшихъ классовъ и затруднить доступъ къ высшему образованію лицамъ низшихъ состояній. Рескриптъ 1827 г., воспретившій поступленіе въ университеты людямъ несвободныхъ состояній, остался единственнымъ законодательнымъ актомъ, прямо устраняющимъ отъ высшаго образованія извѣстный классъ. Уставъ 1835 г., правила испытаній 29 января 1837 г. и рескриптъ 9 мая 1837 г., вновь подтвердившій требованія строго соблюдать установленныя правила о пріемѣ въ учебныя заведенія людей различныхъ состояній, не создали въ этомъ направленіи новыхъ преградъ. Самъ министръ признавалъ затруднительнымъ преградить доступъ въ университеты людямъ низшихъ классовъ путемъ прямыхъ законодательныхъ мѣръ. 31 декабря 1840 г., послѣ доклада объ осмотрѣ

университета Св. Владиміра и словеснаго объясненія по поводу его съ Государемъ, онъ обратился къ попечителямъ учебныхъ округовъ съ секретнымъ циркуляромъ, въ которомъ писалъ: «по моему мнѣнію, при соблюденіи совершенной справедливости при пріемѣ студентовъ, необходимо нужно обращать нѣкоторое вниманіе какъ на происхожденіе молодыхъ людей, посвящающихъ себя высшимъ ученымъ занятіямъ, такъ и на открывающуюся передъ ними будущность. Если, съ одной стороны, просторное развитіе умственныхъ способностей приноситъ несомнѣнную пользу, то, съ другой, это развитіе должно быть соразмѣряемо съ будущимъ назначеніемъ въ жизни гражданской. Хотя по сему предмету трудно положить рѣшительную границу, постановивъ твердое правило, но не менѣе того можно и слѣдуетъ руководствоваться соображеніемъ, что, при возрастающемъ повсюду стремленіи къ образованію, наступило время пещись о томъ, чтобы чрезмѣрнымъ этимъ стремленіемъ къ высшимъ предметамъ ученья не поколебать нѣкоторымъ образомъ порядокъ гражданскихъ сословій, возбуждая въ юныхъ умахъ порывъ къ пріобрѣтенію роскошныхъ знаній, практическое приложеніе коихъ впослѣдствіи весьма часто не подтверждаясь успѣхомъ, обманываетъ надежды недостаточныхъ родителей и мечтательное ожиданіе юношей». Министръ предлагалъ попечителямъ представить свои соображенія о «мѣрахъ къ достиженію вышесказанной цѣли и о существѣ распоряженій, которыя надлежало бы сдѣлать со стороны правительства». Попечители С.-Петербургскій, Дерптскій, Одесскій и Харьковскій вполнѣ согласились съ основной мыслью министра и тоже высказались противъ прямого устраненія низшихъ классовъ отъ университетскаго образованія, но предложили рядъ косвенныхъ мѣръ: возвышеніе платы за ученіе, требованіе отъ поступающихъ въ университеты свидѣтельствъ о матеріальномъ обезпеченіи, устройство спеціальныхъ реальныхъ училищъ для низшихъ классовъ, уничтоженіе для лицъ изъ податныхъ классовъ служебныхъ привилегій по образованію, воспрещеніе пріема людей податнаго состоянія на казенныя стипендіи. Попечитель Казанскаго округа полагалъ, что еще не наступила пора ставить преграды стремленію въ его округѣ къ высшему образованію: люди низшихъ состояній поступаютъ преимущественно на философскій и медицинскій факультеты и выходятъ на службу въ учебное и медицинское вѣдомства, всегда нуждающіяся въ людяхъ; на юридическомъ же факультетѣ число студентовъ изъ низшихъ классовъ весьма ограничено. Наконецъ, попечитель

Московскаго округа графъ Строгановъ, позже другихъ приславшій свое заключеніе, горячо и рѣшительно опровергалъ какъ основную мысль министра, такъ и пользу всѣхъ ограниченій. По его убѣжденію, «всякія стѣснительныя мѣры къ остановленію юношества отъ вступленія въ университеты, при нынѣшнемъ устройствѣ учебной части, повлекутъ за собою вредныя послѣдствія для распространяющагося у насъ народнаго просвѣщенія и едва ли будутъ согласны съ общественнымъ мнѣніемъ. Конечно, университеты наши опустѣютъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, можно смѣло сказать, уничтожатся и всѣ начатые успѣхи въ дѣлѣ народнаго образованія» . . . Возраженія графа Строганова, конечно, не измѣнили мыслей министра и 1 декабря 1844 г. онъ представилъ Государю докладную записку о средствахъ «умѣрить приливъ юношества къ учебнымъ заведеніямъ высшаго разряда». Онѣ состояли въ запрещеніи допускать, безъ крайней необходимости, людей податного состоянія къ учительскимъ должностямъ и окончившихъ съ неудовлетворительными успѣхами гимназистовъ въ университеты и лицеи, въ увеличеніи платы за ученіе съ своекоштныхъ студентовъ. Но проводить эти мѣры, по мнѣнію министра, слѣдовало съ большимъ тактомъ и осторожностью: «при дѣйствіи подобныхъ мѣръ, тихихъ и негласныхъ, облеченныхъ лишь формою министерскихъ распоряженій, можно надѣяться, что стремленіе молодыхъ умовъ къ образованію, столь замѣтное нынѣ, будетъ удержано въ предѣлахъ нѣкоторой соразмѣрности съ гражданскимъ бытомъ разнородныхъ сословій, безъ явнаго, однако, нарушенія коренного начала, которымъ движется государство уже въ теченіе цѣлаго столѣтія, и къ которому нельзя прямо прикоснуться безъ величайшихъ затрудненій. Я смѣю думать, что если Вашему Императорскому Величеству благоугодно будетъ одобрить это направленіе Министерства, предоставляя ему распоряжаться въ своемъ кругу согласно съ обстоятельствами и въ объемѣ данной ему власти, то виды Вашего Величества будутъ достигнуты безъ возбужденія недоумѣній и противодѣйствій, всегда безполезныхъ, часто вредныхъ, и безъ стѣсненія правильнаго хода общей образованности, согласно съ естественными потребностями государства и съ особенными условіями нашихъ народныхъ учрежденій». Государь утвердилъ эти предположенія. Самымъ дѣйствительнымъ средствомъ остановить стремленіе низшихъ классовъ въ университеты Уваровъ считалъ возвышеніе платы со своекоштныхъ студентовъ, введенной на основаніи положенія Комитета Министровъ 21 марта

1839 г. (100 р. асс. въ Петербургскомъ и Московскомъ университетѣ, 50 р. въ Харьковскомъ и Казанскомъ, 14 р. сер. въ Кіевскомъ). На циркулярный запросъ министра о возвышеніи платы съ учащихся въ университетахъ и гимназіяхъ отъ 26 октября 1844 г. попечители учебныхъ округовъ высказались въ общемъ въ пользу лишь самаго незначительнаго возвышенія. На основаніи доставленныхъ попечителями соображеній Уваровъ въ іюнѣ 1845 г. представилъ докладъ Государю. «Имѣя въ виду», писалъ онъ, «что въ высшихъ и среднихъ заведеніяхъ очевидно умножается приливъ молодыхъ людей, отчасти рожденныхъ въ низшихъ слояхъ общества, для которыхъ высшее образованіе безполезно, составляя лишнюю роскошь и выводя изъ круга первобытнаго состоянія, безъ выгоды для нихъ и для государства,—я нахожу необходимымъ, по собственному убѣжденію и по предварительному соизволенію Вашего Императорскаго Величества, не столько для усиленія экономическихъ суммъ учебныхъ заведеній, сколько для удержанія стремленія юношества къ образованію въ предѣлахъ нѣкоторой соразмѣрности съ гражданскимъ бытомъ разнородныхъ сословій, возвысить сборъ платы съ учащихся въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ». Государь не только одобрилъ это предположеніе, но нашелъ недостаточной проектированную министромъ плату и назначилъ для университетовъ С.-Петербургскаго и Московскаго вмѣсто 40, какъ предполагалъ министръ, 50 р., для Харьковскаго, Казанскаго и Кіевскаго вмѣсто 20—40 р. и для лицеевъ Ришельевскаго и князя Безбородко вмѣсто 15—30 р. Но значительное и неожиданное увеличеніе платы за ученье казалось министру неудобнымъ, такъ какъ оно могло «затруднить Министерству способы удержать за публичнымъ воспитаніемъ въ его заведеніяхъ перевѣсъ надъ воспитаніемъ домашнимъ и частнымъ. . . . Доселѣ всѣ привыкли къ мысли, что у насъ образованіе народное есть великодушный даръ щедраго правительства». Министръ просилъ дозволенія сначала на пять лѣтъ ввести ту плату, которая проектирована имъ по сооображенію мѣстныхъ условій и на основаніи данныхъ, доставленныхъ начальствами учебныхъ округовъ. Но Государь согласился только на трехлѣтній срокъ. 15 іюня 1845 г. было издано «Положеніе о взиманіи платы за ученье въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ», а 31 декабря 1848 г. Высочайше повелѣно было возвысить плату за ученье въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ до предѣловъ, назначенныхъ раньше.

Другимъ косвеннымъ средствомъ устранить изъ университетовъ нежелательные элементы явилось требованіе отъ поступающихъ въ гимназіи дѣтей купцовъ и мѣщанъ увольнительныхъ отъ обществъ свидѣтельствъ. С. С. Уваровъ надѣялся, что это распоряженіе удалитъ изъ гимназій, какъ разсадниковъ университетскихъ слушателей, лицъ податныхъ состояній и сдѣлаетъ гимназіи, согласно съ уставомъ 1828 г., «мѣстомъ воспитанія для дѣтей дворянъ и чиновниковъ». Въ 1845 г. возникъ вопросъ: могутъ ли быть принимаемы въ университеты вольноотпущенные, не приписанные къ податному состоянію. Циркуляромъ 31 декабря министръ разрѣшилъ этотъ вопросъ въ отрицательномъ смыслѣ. Въ 1846 г. Сенатъ поручилъ министру подтвердить учебнымъ начальствамъ, чтобы къ слушанію университетскихъ лекцій не допускались лица, не имѣющія законныхъ доказательствъ о своемъ происхожденіи [117]).

Вполнѣ несовмѣстимымъ съ намѣреніями Министерства оказался и разрядъ приватныхъ слушателей, поступавшихъ въ университеты безъ предварительныхъ испытаній, не подвергавшихся переводнымъ экзаменамъ, внѣ лекцій не состоявшихъ подъ надзоромъ университетскаго начальства и, тѣмъ не менѣе, имѣвшихъ право по выслушаніи полнаго курса держать экзамены на званіе дѣйствительнаго студента и кандидата. При такихъ льготныхъ условіяхъ число вольнослушателей съ теченіемъ времени росло, и среди нихъ находились лица податныхъ состояній. Циркуляромъ 4 мая 1845 г. въ руководство университетскому начальству установлены были правила, имѣвшія цѣлью «сдѣлать существенное различіе между студентами университетовъ и приватными слушателями». Но они не разрѣшали всѣхъ возникшихъ изъ практики недоразумѣній, и подробное изученіе этого вопроса принялъ на себя попечитель С.-Петербургскаго учебнаго округа Мусинъ-Пушкинъ. Онъ представилъ въ 1846 г. проектъ положенія о приватныхъ слушателяхъ и обсуждалъ его въ особомъ комитетѣ изъ профессоровъ С.-Петербургскаго университета. Общее мнѣніе склонялось къ тому, чтобы по возможности ограничить кругъ приватныхъ слушателей. Самъ министръ держался мнѣнія, что разрядъ приватныхъ слушателей должно вовсе упразднить и допускать къ слушанію университетскихъ лекцій лишь такихъ постороннихъ лицъ, «коимъ университетское образованіе или свѣдѣнія въ нѣкоторыхъ предметахъ, въ университетахъ преподаваемыхъ, нужны по ихъ состоянію и роду занятій, и кои по

гражданскимъ или служебнымъ ихъ отношеніямъ не могутъ поступить прямо въ студенты университетовъ». 16 іюня 1847 г. Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта разрядъ «приватныхъ слушателей» въ университетахъ былъ упраздненъ, а служащимъ и отставнымъ чиновникамъ, а также лицамъ всѣхъ свободныхъ состояній, желающимъ пріобрѣсти необходимыя по ихъ занятіямъ знанія, предоставлено посѣщать лекціи съ правомъ подвергаться испытаніямъ на ученыя степени по статьѣ 5-й Положенія 6 апрѣля 1844 г. [118]).

Новая организація университетской инспекціи и подчиненіе студентовъ всестороннему и бдительному надзору и дисциплинѣ съ цѣлями «нравственнаго воспитанія» и «наружнаго образованія» довершали систему мѣръ, которыми правительство старалось оградить учащуюся молодежь отъ всякихъ общественныхъ и политическихъ вліяній, не согласныхъ съ принципами русскаго государственнаго строя. Уже въ одномъ изъ своихъ первыхъ циркуляровъ попечителямъ учебныхъ округовъ, 27 мая 1833 г., С. С. Уваровъ предписалъ обращать особенное вниманіе на нравственное воспитаніе учащихся и поддержаніе между ними дисциплины; министръ напоминалъ, «что дисциплина внутренняя, какъ между казенными, такъ и между своекоштными студентами, составляетъ главное ручательство за благосостояніе университета, и что начальство онаго обязано принимать неослабно къ водворенію сей дисциплины всѣ мѣры, закономъ предписанныя». Правительство давно отказалось отъ взгляда на неумѣстность подробной регламентаціи поведенія студентовъ, но до новаго общаго устава оставляло надзоръ за студентами въ рукахъ профессорской корпораціи, изъ среды которой выбирался инспекторъ. Теперь, вмѣстѣ съ уничтоженіемъ самостоятельнаго университетскаго суда, инспекція была изъята изъ вѣдѣнія совѣта и составила совершенно отдѣльную часть университетскаго управленія подъ непосредственнымъ начальствомъ попечителя. Реформа началась съ С.-Петербургскаго университета. 5 декабря 1833 г. по положенію Комитета Министровъ, вслѣдствіе представленія Министра Народнаго Просвѣщенія, рѣшено было для «водворенія въ университетѣ бдительнаго, неослабнаго и въ то же время благоразумнаго надзора нравственнаго и полицейскаго» назначить инспектора «изъ лицъ постороннихъ, военныхъ или гражданскихъ чиновниковъ, не имѣющихъ никакихъ другихъ должностей и занятій», который могъ бы «слѣдить безпрерывно за поступками студентовъ, ихъ образомъ мыслей,

который бы, такъ сказать, былъ душою всѣхъ ихъ движеній, являлся бы среди нихъ не только въ опредѣленное время, но и по всякому востребованію обстоятельствъ». Затѣмъ постепенно, отдѣльными постановленіями, эта мѣра была распространена и на другіе университеты. Уставъ 1835 г. санкціонировалъ ее, какъ постоянное общее правило, и, ввѣривъ инспекцію прямому начальству попечителей, предоставилъ имъ составить, сообразно съ мѣстными обстоятельствами, подробныя инструкціи инспекторамъ и ихъ помощникамъ. Еще въ 1834 г. была введена, въ видѣ опыта на 1 годъ, инструкція инспектору студентовъ Московскаго университета, послужившая образцомъ для подобныхъ же инструкцій инспекторамъ другихъ университетовъ. Во многомъ напоминая знаменитую инструкцію Магницкаго директору Казанскаго университета, новыя инструкціи подробно излагаютъ права и обязанности инспектора по части нравственной, учебной, полицейской и хозяйственной.

Обязательное ношеніе студентами форменной одежды также было признано однимъ изъ важныхъ средствъ дисциплины и «наружнаго образованія», которое въ глазахъ начальства являлось вѣрнымъ внѣшнимъ отраженіемъ воспитанія нравственнаго въ широкомъ смыслѣ этого слова. Самъ Императоръ Николай Павловичъ строго слѣдилъ за соблюденіемъ студентами формы. При встрѣчахъ съ неисправными студентами онъ лично назначалъ виновнымъ взысканія, а университетское начальство получало выговоры за послабленіе. Въ 1837 г. во исполненіе Высочайшей воли Министерствомъ были составлены правила о форменной одеждѣ студентовъ университетовъ и Главнаго педагогическаго института. Испрашивая позволеніе студентамъ носить шпаги, министръ представлялъ, что «съ ношеніемъ шпаги какъ бы соединяется понятіе о сохраненіи чести носимаго мундира. Студенты, рѣзко отличаясь тогда отъ воспитанниковъ среднихъ учебныхъ заведеній и почитая себя какъ бы въ службѣ, имѣли бы новое побужденіе удерживаться отъ поступковъ, не согласныхъ съ правилами благовоспитанности и приличія» [119]).

Въ 1843 г. С. С. Уваровъ съ чувствомъ гордости представлялъ Государю, что цѣль общаго преобразованія университетовъ достигнута. «Русскіе университеты, преобразованные въ духѣ и формѣ преподаванія, составляютъ нѣчто цѣлое, которое соотвѣтствуетъ требованію времени и видамъ правительства. Я не скажу, чтобъ университеты вполнѣ уже приняли развитіе, имъ принадлежащее, но смѣю думать, что всякій, кто безпристрастно

уважитъ матеріалы, изъ коихъ подлежало почти вновь соорудить эти высшія учебныя заведенія, который внимательно разсмотритъ нравственное ихъ положеніе въ сравненіи съ предыдущимъ,— увидитъ все, что отличаетъ ихъ настоящій видъ отъ прежняго. Онъ увидитъ на скамьяхъ университетскихъ дѣтей высшаго сословія, отцы коихъ находились на службѣ въ тѣхъ лѣтахъ, когда сынамъ предстоитъ еще подвергнуться экзамену, дабы получить право сдѣлаться питомцами университетскими. Онъ увидитъ на каѳедрахъ профессоровъ русскихъ младшаго поколѣнія, не уступающихъ ни въ чемъ лучшимъ преподавателямъ съ тѣмъ только различіемъ, что природное чувство привязанности ко всему народному укрѣпляетъ между ними и слушателями благородную связь, дотолѣ не бывалую или, по крайности, не въ этой мѣрѣ утвержденную. Можно съ гордостію сказать, что въ теченіе десятилѣтія ни одинъ изъ сихъ молодыхъ преподавателей не далъ правительству ни малѣйшаго повода къ сомнѣнію или недовѣрію; прибавимъ даже, что кто изъ нихъ отличнѣе по таланту, тотъ и замѣчательнѣе по чувству русскому и по непорочности мнѣній».

Мирное развитіе университетовъ снова было прервано въ концѣ сороковыхъ годовъ, когда начавшееся въ Западной Европѣ революціонное движеніе довело до крайняго напряженія опасенія русскаго правительства за политическую благонадежность русской интеллигенціи и заботы объ охранѣ учащейся молодежи отъ революціонныхъ вліяній. 19 марта 1848 г. министръ обратился съ циркуляромъ къ попечителямъ учебныхъ округовъ по поводу событій на Западѣ. Отвѣты попечителей были самые успокоительные. Они свидѣтельствовали, что настроеніе умовъ и духа учащейся молодежи не даетъ серьезныхъ поводовъ къ какимъ либо опасеніямъ. Осенью 1848 г., лично осмотрѣвъ Московскій университетъ и другія учебныя заведенія въ Москвѣ, министръ такъ отзывался въ своемъ докладѣ «О духѣ университетскаго юношества»: «я осмѣливаюсь донести, что не только не оказывается ничего предосудительнаго, но что по моему замѣчанію и по мнѣнію многихъ уважительныхъ наблюдателей общій духъ какъ будто утвердился и броженіе умовъ утихло при видѣ европейскихъ событій. Этотъ оборотъ въ понятіяхъ обнаруживается болѣе или менѣе во всѣхъ классахъ общества. Кажется, что умы, устрашенные внѣшними ужасами, ближе сомкнулись около народныхъ началъ и учрежденій. Вездѣ слышенъ отголосокъ общаго сознанія,

что посреди бурь, волнующихъ окрестныя государства, Россія, опираясь на твердомъ и незыблемомъ началѣ своемъ, сохраняетъ величественное спокойствіе, соотвѣтствующее ея достоинству и силѣ. Отвращеніе къ печальнымъ явленіямъ въ Западной Европѣ можно назвать всеобщимъ». Далѣе министръ доносилъ, что въ видахъ вящшаго укрѣпленія законнаго порядка имъ указаны попечителю нѣкоторыя слабыя стороны въ постановкѣ дисциплины. Какъ на «зло превыше всѣхъ прочихъ», министръ указывалъ на возможность у студентовъ мысли, «что они составляютъ отдѣльное сословіе, имѣющее свои виды, свой голосъ и даже свои права». «Въ продолженіе университетскаго ученія студенты in corpore не должны быть допускаемы ни къ какому общему изъявленію общей мысли». Здѣсь же Уваровъ высказалъ свой взглядъ на отношенія студентовъ къ профессорамъ: «отношеніе студентовъ къ наставникамъ называю неправильнымъ, коль скоро въ ихъ глазахъ профессоръ есть просто читающее лицо, безъ дальнѣйшаго вліянія на ихъ успѣхи, на ихъ судьбу, на ихъ гражданскій или учебный бытъ». По учебной части совѣту университета поручено было составить новыя программы наукъ юридическихъ и политическихъ, съ цѣлью ихъ сокращенія, и инструкціи деканамъ факультетовъ для наблюденій за исполненіемъ программъ. Эти распоряженія предполагалось распространить и на другіе университеты. Наконецъ, усиленіемъ строгости пріемныхъ экзаменовъ Уваровъ надѣялся «положить начало постепенному, такъ сказать, очищенію университета». «Студентовъ будетъ меньше», говорилъ онъ, «и они будутъ лучше образованы и нравственнѣе, чѣмъ въ прошедшемъ. Тщеславное усиліе умножать цифру студентовъ, дабы выказать тѣмъ благосостояніе университета, есть безсомнѣнно первый шагъ къ совершенному упадку подобныхъ заведеній».

Между тѣмъ въ обществѣ начались толки о преобразованіи университетовъ. Съ цѣлью успокоить часть общества, сочувствовавшую университетамъ, и опровергнуть «людей легкомысленныхъ, обвиняющихъ университеты въ образованіи будто бы поверхностномъ и ничтожномъ», въ «Современникѣ» въ мартовской книжкѣ за 1849 г. была помѣщена анонимная статья «О назначеніи русскихъ университетовъ». На основаніи историческихъ и статистическихъ данныхъ авторъ старался защитить университеты и классическое образованіе и «показать назначеніе и благотворное участіе русскихъ университетовъ въ общественномъ образованіи».

Но за эту статью, по докладу Комитета 2 апрѣля, былъ объявленъ Высочайшій выговоръ графу Уварову, и тогда онъ объяснилъ, что она была написана директоромъ Педагогическаго института И. И. Давыдовымъ, просмотрѣна и одобрена имъ, министромъ. 21 апрѣля появилось Высочайшее повелѣніе о рѣшительномъ запрещеніи печатать статьи за университеты и противъ нихъ. 30 апрѣля 1849 г. министру объявлено было статсъ-секретаремъ Танѣевымъ Высочайшее повелѣніе ограничить число студентовъ въ университетахъ 300 въ каждомъ съ воспрещеніемъ пріема студентовъ, доколѣ число ихъ не войдетъ въ указанный размѣръ, и съ условіемъ избранія изъ кандидатовъ «однихъ самыхъ отличныхъ по нравственному образованію». Затѣмъ на представленіе министра, что эта мѣра съ трудомъ можетъ быть примѣнена къ казеннокоштнымъ студентамъ, послѣдовала Высочайшая резолюція: «Объ казенныхъ и рѣчи нѣтъ; приказаніе касается до вольноприходящихъ и до слушателей. Въ медицинскій факультетъ можно принимать неограниченное число, но съ условіемъ строгой нравственности; затѣмъ, съ этими, не дозволяется, чтобъ общее число вольныхъ превосходило 300 человѣкъ». Баронъ (впослѣдствіи графъ) М. А. Корфъ въ своихъ запискахъ разсказываетъ со словъ Великой Княгини Елены Павловны, что истинное побужденіе къ ограниченію числа студентовъ заключалось не въ политическихъ событіяхъ того времени, а въ уклоненіи дворянъ отъ военной службы, такъ что для замѣщенія офицерскихъ вакансій приходилось выпускать изъ корпусовъ неокончившихъ курса юношей. Государь надѣялся, стѣснивъ средства къ поступленію въ университеты, снова направить молодыхъ дворянъ въ военную службу [120]).

Установленіе комплекта студентовъ въ университетахъ, запрещеніе поѣздокъ за-границу съ ученой цѣлью, распоряженіе доставлять литографированныя лекціи за подписями профессоровъ въ Публичную Библіотеку были только началомъ тѣхъ исключительныхъ мѣръ, которыя при слѣдующемъ министрѣ князѣ Ширинскомъ-Шихматовѣ парализовали нормальное дѣйствіе устава 1835 г. Въ началѣ 1850 г. князь Ширинскій-Шихматовъ предложилъ на Высочайшее разрѣшеніе вопросъ: «не слѣдуетъ ли свободныя ваканціи въ университетахъ предоставлять преимущественно тѣмъ молодымъ людямъ, которымъ по происхожденію ихъ и по коренннымъ государственнымъ законамъ даровано право вступленія въ гражданскую службу». Князь считалъ необходимымъ

разрѣшить этотъ вопросъ въ утвердительномъ смыслѣ по старымъ соображеніямъ: «лица низшаго сословія, выведенныя посредствомъ университетовъ изъ природнаго ихъ состоянія, не имѣя по большей части никакой недвижимой собственности, но слишкомъ много мечтая о своихъ способностяхъ и свѣдѣніяхъ, гораздо чаще дѣлаются людьми безпокойными и недовольными настоящимъ положеніемъ вещей, особливо если не находятъ пищи своему чрезъ мѣру возбужденному честолюбію или встрѣчаютъ на пути къ возвышенію неожиданныя преграды». 21 января Государь утвердилъ эти предположенія. 16 мая 1852 г. министръ утвердилъ положеніе о взиманіи платы за ученье въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ: въ университетахъ С.-Петербургскомъ и Московскомъ положена плата въ 50 руб., въ Харьковскомъ, Казанскомъ и Св. Владиміра—въ 40 рублей.

Съ другой стороны правительство обратило вниманіе, что многіе молодые люди по окончаніи университетскаго курса, не поступая на службу, остаются въ столицахъ и принимаютъ участіе въ изданіи газетъ и журналовъ. Такъ изъ 333 человѣкъ, окончившихъ курсъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ въ 1848—1850 годахъ, только 96 поступили на службу. Министръ объяснялъ это увлеченіе молодежи «скользкимъ поприщемъ» журналистики запрещеніемъ поступать на службу въ департаменты и канцеляріи Министерствъ и другихъ управленій и обязанностью служить предварительно три года въ провинціи. 15 апрѣля 1850 г. онъ испросилъ Высочайшее разрѣшеніе кандидатамъ С.-Петербургскаго университета поступать на службу прямо въ департаменты и канцеляріи Министерствъ и главныхъ управленій.

Осенью 1849 г., тотчасъ по выходѣ въ отставку графа Уварова, была наложена рука на выборное начало. Указомъ Сенату 11 октября предписано ректоровъ всѣхъ университетовъ, кромѣ Дерптскаго, избирать министру изъ лицъ, имѣющихъ ученыя степени, на неопредѣленное время. Избраніе декановъ оставлено на прежнемъ основаніи на 4 года, но министру дано право «продолжать пребываніе профессоровъ въ этомъ званіи и увольнять отъ онаго прежде срока, по своему усмотрѣнію», и представлять о назначеніи декановъ «независимо отъ университетскихъ выборовъ». Мотивы этой мѣры указаны очень кратко: «срочное назначеніе ректоровъ, съ соединеніемъ въ одномъ лицѣ непосредственнаго начальства надъ университетомъ и преподаванія по званію профессора, не соотвѣтствуетъ вообще пользѣ сихъ выс-

шихъ учебныхъ заведеній». Тѣмъ же указомъ предписано управляющему Министерствомъ составить проекты инструкцій ректорамъ и деканамъ. Эти инструкціи ректорамъ и деканамъ университетовъ (кромѣ Дерптскаго), директорамъ и инспекторамъ Главнаго педагогическаго института и лицеевъ Ришельевскаго, Демидовскаго и князя Безбородко сначала были утверждены на одинъ годъ, въ видѣ опыта, 25 октября и 21 ноября 1849 г. и введены въ дѣйствіе съ 1 января 1850 г. безъ опубликованія чрезъ Сенатъ, а окончательно утверждены—23 января 1851 г. Инструкціи имѣли «исключительною цѣлью усилить надзоръ за университетскимъ преподаваніемъ». На обязанности ректоровъ и декановъ лежало строго слѣдить за соблюденіемъ профессорами подробныхъ программъ ихъ курсовъ, разсматриваемыхъ и одобряемыхъ совѣтомъ. При разсмотрѣніи программъ предписывалось имѣть въ виду: «а) чтобы предметъ изложенъ былъ въ полнотѣ, сообразно съ потребностью университетскаго чтенія; б) чтобы какъ общія начертанія, такъ и отдѣльныя статьи программы строго соотвѣтствовали и ученой и нравственной цѣли; в) чтобы въ содержаніи программы не укрывалось ничего несогласнаго съ ученіемъ православной церкви, или съ образомъ правленія и духомъ государственныхъ учрежденій нашихъ, и г) чтобы, напротивъ, ясно и положительно выражались вездѣ, гдѣ только это правило можетъ имѣть разсудительное приложеніе, благоговѣніе къ святынѣ, преданность Государю и любовь къ отечеству». Циркуляромъ 13 декабря 1850 г. «по случаю Высочайшихъ замѣчаній на нѣкоторыхъ изъ печатныхъ диссертацій, написанныхъ для пріобрѣтенія ученыхъ степеней», министръ сдѣлалъ распоряженіе: «1) чтобы не только самыя диссертаціи были благонамѣреннаго содержанія, но чтобы и извлеченные изъ нихъ тезисы, которые испытуемый защищать долженъ, имѣли при такомъ же направленіи надлежащую полноту, опредѣлительность и ясность, не допускающія возможности понимать разнымъ образомъ одно и то же предложеніе; 2) при разсмотрѣніи диссертацій и при наблюденіи за защищеніемъ ихъ не допускать въ смыслѣ одобрительномъ обсужденія началъ, противныхъ нашему государственному устройству». Въ томъ же году по Высочайшему повелѣнію была ограничена публичность ученыхъ диспутовъ: постороннія лица допускались только по билетамъ. Наконецъ, въ 1852 г. съ цѣлью совершенно оградить русскіе университеты отъ иностраннаго вліянія воспрещено было приглашать иностранныхъ ученыхъ на вакантныя каѳедры.

Одновременно были введены очень важныя измѣненія въ учебные планы университетовъ. 7 ноября 1849 г. предписано пріостановить преподаваніе государственнаго права. Въ докладѣ управляющаго Министерствомъ было сказано, «что при настоящемъ, еще довольно шаткомъ, политическомъ состояніи Западной Европы весьма затруднительно положить опредѣленныя границы этой наукѣ, а съ другой, что и самый сокращенный объемъ ея не представляетъ достаточно ручательства, чтобы, при возбужденіи недавними событіями всеобщаго вниманія на преобразованіе нѣкоторыхъ правительствъ, никакое превратное примѣненіе не могло найти мѣста въ умахъ молодыхъ людей, посѣщающихъ университетскія лекціи». Государь положилъ резолюцію: «Дѣльно, и не возобновлять; совершенно лишнее». Въ то же время управляющему Министерствомъ предложено было «представить соображеніе о томъ, полезно ли преподаваніе философіи при настоящемъ предосудительномъ развитіи этой науки германскими учеными, не слѣдуетъ ли принять мѣры къ огражденію нашего юношества, получающаго образованіе въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, отъ обольстительныхъ мудрованій новѣйшихъ философскихъ системъ». По докладу князя Ширинскаго-Шихматова въ 1850 г. Высочайше повелѣно было упразднить преподаваніе философіи свѣтскими профессорами, возложить чтеніе логики и психологіи на профессоровъ богословія и программы по этимъ наукамъ составить по соглашенію Министерства съ духовнымъ вѣдомствомъ. Новыя однообразныя программы составлены были и по богословскимъ наукамъ: догматическому и нравственному богословію, церковной исторіи и законовѣдѣнію. Въ отчетѣ за 1852 г. министръ доносилъ: «прекращеніе провозглашенія съ университетскихъ каѳедръ мечтательныхъ теорій подъ именемъ философіи, съ порученіемъ чтенія логики и психологіи профессорамъ богословія, сроднило эти науки съ истинами откровенія».

Упраздненіе каѳедръ философіи повлекло преобразованіе философскихъ факультетовъ, «такъ какъ философія не могла уже служить отличительнымъ признакомъ цѣлаго факультета и присвоивать ему своего названія». 26 января 1850 г. философскіе факультеты раздѣлены были на два самостоятельные: историко-филологическій и физико-математическій. 5 ноября того же года упразднены педагогическіе институты при университетахъ и учреждены каѳедры педагогіи. «Исключительно практическое приготовленіе учителей» признано не достигающимъ цѣли по двумъ

причинамъ: оно не давало будущимъ учителямъ познанія полной системы образованія и воспитанія юношества; профессора, не ознакомленные съ правилами педагогіи, какъ науки, не могли быть надежными руководителями студентовъ [121]).

Въ результатѣ всѣхъ этихъ мѣръ, послѣдовавшихъ съ 1848 г., общій уставъ университетовъ 1835 г. оказался нарушеннымъ въ своихъ основаніяхъ, и съ началомъ новаго царствованія вновь стала на очередь коренная реформа университетовъ.

Вслѣдъ за университетами, послѣ изданія устава 1835 г., вновь подверглись преобразованіямъ Главный педагогическій институтъ и лицеи: Ярославскій, Демидовскій, Нѣжинскій князя Безбородко и Ришельевскій.

Какъ для стараго Педагогическаго института время попечительства С. С. Уварова, такъ для возобновленнаго Главнаго педагогическаго института время управленія его Министерствомъ было эпохою высшаго процвѣтанія. Въ виду того, что преобразованіе гимназій и уѣздныхъ училищъ вызывало усиленный спросъ на учителей, указомъ на имя министра 16 апрѣля 1832 г. Высочайше разрѣшено было набрать 2 возраста воспитанниковъ, по 30 человѣкъ каждый: въ первый возрастъ на одинъ только разъ воспитанниковъ духовныхъ семинарій, во второй возрастъ отличнѣйшихъ учениковъ гимназій съ тѣмъ, чтобы воспитанники перваго возраста оставались въ институтѣ 6 лѣтъ, а воспитанники втораго 9 лѣтъ. На будущее время разрѣшалось во всѣхъ трехъ возрастахъ имѣть по 40 человѣкъ, всего 120, вмѣсто 100 человѣкъ по штату. Въ 1844 г. на институтъ распространено было запрещеніе принимать лицъ изъ податного состоянія безъ увольнительныхъ свидѣтельствъ отъ обществъ, въ 1845 г. прекращенъ пріемъ лицъ, не имѣющихъ по происхожденію права вступленія въ государственную службу. Эта мѣра мотивирована тѣмъ, что уже не встрѣчалось «надобности для приготовленія преподавателей прибѣгать къ такимъ мѣрамъ, которыя не вполнѣ согласны съ другими видами правительства».

Послѣ введенія новаго университетскаго устава 1835 г. явилась необходимость согласовать учебный планъ института съ университетскимъ. 26 іюля 1847 г. Высочайше разрѣшено было ограничить составъ института только двумя факультетами, историко-филологическимъ и физико-математическимъ, юридическій же факультетъ, представленный только двумя каѳедрами, упразднить на томъ основаніи, что доведеніе его до полноты уни-

верситетскихъ факультетовъ потребовало бы значительныхъ суммъ; къ тому же этотъ факультетъ былъ безполезенъ, такъ какъ юридическія науки въ то время въ гимназіяхъ не преподавались. Курсъ ученія на каждомъ факультетѣ былъ четырехгодичный, что вмѣстѣ съ предварительнымъ курсомъ составляло 6 лѣтъ. Но скоро и предварительный курсъ оказался лишнимъ, такъ какъ гимназіи достаточно приготовляли своихъ питомцевъ къ слушанію высшихъ наукъ. Въ 1849 г. пріемъ на предварительный курсъ былъ прекращенъ. Въ 1852-мъ и 1854 г.г., отчасти въ связи съ реформою гимназій, проведена была дальше спеціализація преподаванія въ институтѣ: оба факультета раздѣлены на два особыя отдѣленія: наукъ математическихъ и естественныхъ, наукъ филологическихъ и историческихъ.

Въ 1838 г. С. С. Уваровъ возобновилъ свою давнишнюю мысль о созданіи разсадника учителей для низшихъ учебныхъ заведеній, уѣздныхъ и приходскихъ училищъ. Учителя уѣздныхъ училищъ, назначаемые изъ воспитанниковъ гимназій, при всемъ ихъ усердіи и способностяхъ, страдали отсутствіемъ усовершенствованныхъ методовъ преподаванія. 12 декабря утвержденъ былъ докладъ министра объ учрежденіи при Главномъ педагогическомъ институтѣ Втораго разряда изъ 30 воспитанниковъ, для приготовленія учителей въ уѣздныя училища, въ видѣ опыта на четыре года. Для практики въ преподаваніи воспитанниковъ Втораго разряда былъ заведенъ особый классъ полупансіонеровъ. 29 декабря 1842 г. министръ испросилъ Высочайшее разрѣшеніе продолжить существованіе Втораго разряда Института на будущее время. Но въ 1847 г. этотъ разрядъ и малолѣтнее отдѣленіе были закрыты, «какъ учрежденія, уже исполнившія временное свое назначеніе: ибо уѣздныя училища достаточно снабжаются учителями изъ гимназій и тѣми изъ воспитанниковъ приготовительнаго курса Главнаго педагогическаго института, которые не имѣютъ отличныхъ способностей, чтобъ сдѣлаться достойными профессорами или учителями гимназій».

Въ 1848 г., по особому Высочайшему повелѣнію, при Институтѣ учреждено было отдѣленіе для приготовленія домашнихъ наставниковъ: но оно не имѣло успѣха. Въ 1851 г. по этому отдѣленію окончило курсъ 5 человѣкъ, поступившихъ въ учителя гимназій, и больше желающихъ спеціализироваться по новому отдѣленію не оказалось. Между тѣмъ при князѣ Ширинскомъ-Шихматовѣ былъ поставленъ вопросъ о коренной реформѣ Инсти-

тута. Въ 1850 г. въ Министерство поступилъ проектъ новаго устава. Но по разнымъ обстоятельствамъ дѣло это затянулось до слѣдующей эпохи. Единственнымъ спеціальнымъ разсадникомъ учителей для низшихъ учебныхъ заведеній осталась учительская семинарія въ Дерптѣ [122]).

24 апрѣля 1840 г. получилъ новый уставъ и штатъ Нѣжинскій лицей князя Безбородко. Уже въ 1836 г., по введеніи въ дѣйствіе устава 1832 г., оказалось, что лицей «ослабѣваетъ по неопредѣленности цѣли и по неимѣнію въ новомъ составѣ своемъ гимназическихъ классовъ, которые могли бы служить разсадникомъ для онаго». Новый уставъ превратилъ лицей въ высшее юридическое учебное заведеніе съ трехгодичнымъ курсомъ: его главная цѣль есть «распространеніе основательныхъ свѣдѣній по части отечественнаго законодательства». При лицеѣ состоятъ благородный пансіонъ и гимназія, образованная на основаніи общаго устава 1828 г. На содержаніе лицея назначено 12.527 руб. 15 коп. и гимназіи 5.828 руб.

29 мая 1837 г. Высочайше утвержденъ былъ уставъ Ришельевскаго лицея, дѣло о которомъ тянулось съ 1821 г. Лицей раздѣляется на 2 отдѣленія съ трехгодичнымъ курсомъ: физико-математическое и юридическое; общими предметами для обоихъ отдѣленій назначены: философія, россійская словесность, всеобщая и русская исторія и статистика; для студентовъ православнаго исповѣданія учреждена каѳедра богословія, церковной исторіи и права; отдѣльно поставлена каѳедра восточныхъ языковъ. При лицеѣ состоятъ гимназія съ пансіономъ и институтъ восточныхъ языковъ. Штатъ лицея опредѣленъ въ 129.500 руб. Въ 1841 г., по ходатайству попечителя Одесскаго округа, было образовано въ видѣ опыта на 3 года, третье отдѣленіе въ лицеѣ, камеральное. Въ 1850 г., по примѣру университетовъ, въ лицеѣ прекращено преподаваніе философіи, а въ 1851 г. введена каѳедра педагогіи.

Въ высшее учебное заведеніе съ спеціальнымъ направленіемъ былъ преобразованъ и Демидовскій лицей по уставу 2 ноября 1845 г. Ему дано было назначеніе—«распространять основательныя свѣдѣнія по части камеральныхъ наукъ въ связи съ отечественнымъ законовѣдѣніемъ». Штатъ лицея опредѣленъ въ 16.373 руб. 43 коп.

Управленіе всѣми тремя лицеями подчинено было однообразному порядку и согласовано съ основами университетскаго устава 1835 г. Инструкція ректорамъ и деканамъ университетовъ распро-

странена была также на Главный педагогическій институтъ и на всѣ три лицея. Положеніемъ 1852 г. плата за ученье во всѣхъ трехъ лицеяхъ установлена по 40 р.

Къ лицеямъ былъ приравненъ, по уставу 10 мая 1848 г., Лазаревскій институтъ восточныхъ языковъ, соединявшій въ себѣ, подобно лицеямъ, общегимназическій курсъ и спеціальный, посвященный изученію восточныхъ языковъ и ихъ литературъ. Подчиненный въ отношеніи внутренней организаціи, учебнаго порядка, правъ и премуществъ постановленіямъ и правиламъ, дѣйствовавшимъ въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, Лазаревскій институтъ занималъ, однако, совершенно самостоятельное положеніе, такъ какъ былъ поставленъ подъ управленіе особаго попечителя, а въ высшей инстанціи подчиненъ главному начальнику, непосредственно назначаемому Государемъ Императоромъ.

Въ 1840 г. снова перешли въ вѣдѣніе Министерства Народнаго Просвѣщенія нѣкоторыя высшія медицинскія учебныя учрежденія. Указъ Правительствующему Сенату 27 апрѣля, имѣя цѣлью «сосредоточить по возможности преподаваніе врачебныхъ наукъ и управленіе высшими учебными заведеніями по сей части въ одномъ вѣдомствѣ», передалъ Медико-Хирургическія академіи, Московскую и Виленскую, изъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ въ Министерство Народнаго Просвѣщенія. Рескриптомъ 29 апрѣля на имя министра повелѣно было Виленскую академію преобразовать въ медицинскій факультетъ университета Св. Владиміра, а Московскую академію «поставить въ связь съ Московскимъ университетомъ». Это Высочайшее повелѣніе приведено было въ исполненіе по отношенію къ Виленской академіи въ 1841 г., а по отношенію къ Московской въ 1845 г. Въ 1848 и 1850 гг. утверждены были, въ видѣ опыта на четыре года, составленные по соглашенію съ Государственнымъ Коннозаводствомъ уставы Дерптскаго и Харьковскаго ветеринарныхъ училищъ. Воспитанники обоихъ училищъ должны были получать двоякое образованіе: учено-практическое и чисто практическое. Училища причислялись къ первому разряду учебныхъ заведеній и получали право производства въ ученыя ветеринарныя степени. Управленіе училищами организовано было по общему образцу высшихъ учебныхъ заведеній. На содержаніе училищъ назначено по штату: Дерптскаго 27.720 рублей и Харьковскаго 24.920 рублей [123]).

V.

Изданіемъ общаго устава университетовъ 1835 г. было закончено преобразованіе учебной системы, предпринятое въ 1826 г. во исполненіе Высочайшей воли—дать необходимое единообразіе уставамъ всѣхъ учебныхъ заведеній, начиная приходскими училищами и кончая университетами. Вся реформа распадалась на двѣ части. Первая—пересмотръ уставовъ среднихъ и низшихъ школъ—совершилась при участіи С. С. Уварова, какъ члена Комитета устройства учебныхъ заведеній, вторая—составленіе новаго университетскаго устава—подъ его непосредственнымъ руководствомъ, какъ министра и предсѣдателя Комитета. Въ преобразованіи среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, законченномъ въ 1837 г., онъ не имѣлъ возможности осуществить такъ полно и послѣдовательно свои идеи, какъ въ преобразованіи университетовъ. Незадолго до назначенія министромъ, въ концѣ 1832 г., во всеподданнѣйшемъ докладѣ о ревизіи Московскаго университета и гимназій онъ высказалъ свой взглядъ на недостатки реформы среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній по уставу 1828 г. и впослѣдствіи неоднократно излагалъ свои воззрѣнія на общія задачи средняго и низшаго образованія въ ежегодныхъ всеподданнѣйшихъ отчетахъ, въ запискѣ о десятилѣтіи Министерства за 1833—1843 г.г., въ докладахъ по разнымъ частнымъ вопросамъ. Вотъ существенное содержаніе этихъ взглядовъ. «Различіе потребностей разныхъ сословій народа и разныхъ состояній неминуемо ведетъ къ надлежащему разграниченію предметовъ ученія между ними. Система общественнаго образованія тогда только можетъ назваться правильно расположенною, когда она всякому открываетъ способы получить такое воспитаніе, какое соотвѣтственно роду жизни его и будущему призванію въ гражданскомъ обществѣ. Учебныя заведенія Министерства Народнаго Просвѣщенія предназначены преимущественно для распространенія образованія общаго, равно пригоднаго во всѣхъ положеніяхъ жизни, безъ прямаго отношенія къ какому либо частному призванію и роду занятій. Заведенія спеціальныя, будучи учреждаемы и содержимы, по большей части, тѣми вѣдомствами, къ которымъ они непосредственно относятся, какъ бы по необходимости отдѣлили отъ училищъ Министерства Народнаго Просвѣщенія все, что не относится особенно къ образованію общему. Опыты мно-

гихъ вѣковъ и примѣры просвѣщеннѣйшихъ народовъ единогласно признаютъ классическое ученіе самымъ превосходнѣйшимъ и дѣйствительнымъ способомъ къ такому умственному развитію. Стараясь привлечь къ изученію греческаго языка и словесности, Министерство руководствовалось не только убѣжденіемъ въ дознанномъ превосходствѣ этого способа къ умственному совершенствованію, но и въ необходимости основать новѣйшее русское образованіе тверже и глубже на древней образованности той націи, отъ которой Россія получила и святое ученіе вѣры и первые начатки своего просвѣщенія. Однако Министерство не могло и не желало оставить безъ удовлетворенія обнаружившееся повсемѣстно общее стремленіе къ промышленности. Не отрекаясь отъ главнаго, филологическаго характера обученія въ его заведеніяхъ, оно не упорствовало въ направленіи одностороннемъ и исключительномъ. Для того въ число задачъ, которыхъ рѣшеніе подлежало его попечительности, оно включило рѣшеніе вопроса о приспособленіи главнѣйшихъ началъ наукъ общихъ къ техническимъ потребностямъ ремесленной, фабричной и земледѣльческой промышленности». Но учебная система должна сообразоваться не только съ потребностями и интересами разныхъ классовъ, но также съ мѣстными условіями разныхъ областей; она должна быть «столь же опредѣлительною и твердою въ главныхъ началахъ и въ цѣли, сколько разнообразною и гибкою въ мѣстныхъ практическихъ примѣненіяхъ» [124]).

Изъ этихъ общихъ взглядовъ вытекали тѣ цѣли, къ которымъ велъ Уваровъ систему средняго и низшаго образованія: сословное разграниченіе общаго образованія, утвержденіе классицизма, какъ основы средняго образованія, развитіе спеціальнаго образованія для промышленныхъ классовъ.

Уставъ 1828 г. опредѣлилъ главнѣйшую цѣль учрежденія гимназій въ доставленіи средствъ приличнаго воспитанія дѣтямъ дворянъ и чиновниковъ; средствомъ привлечь симпатіи дворянства къ гимназіямъ должны были служить благородные пансіоны, устраиваемые на добровольныя пожертвованія дворянства и субсидируемыя казною. Эти пансіоны являлись по уставу только воспитательными учрежденіями. Но С. С. Уваровъ, исходя изъ мысли о необходимости для дворянства особаго, «спеціальнаго», какъ онъ говорилъ, образованія и воспитанія, циркуляромъ 18 мая 1833 г. указалъ благороднымъ пансіонамъ другое назначеніе, нарушавшее основную идею реформы 1828 г.—единообразіе

учебной системы: наряду съ общесословными гимназіями должны были стать благородные пансіоны и дворянскіе институты, какъ самостоятельныя учебныя заведенія. «Недостатокъ спеціальности въ нашей учебной системѣ», писалъ Уваровъ, «особенно ощутителенъ во второстепенныхъ училищахъ, и сей именно недостатокъ желательно пополнить основаніемъ благородныхъ пансіоновъ. Если дѣти дворянъ преимущественно будутъ поступать въ оные, то гимназіи съ уѣздными училищами останутся въ пользу прочихъ классовъ». Это ожиданіе министра не оправдалось. Сословныя дворянскія школы не могли получить такого развитія, чтобы сосредоточить въ себѣ всю дворянскую молодежь, искавшую гимназическаго образованія. Она продолжала учиться и въ общесословныхъ гимназіяхъ. Поэтому въ 40-хъ годахъ опять возрождается мысль, что въ гимназіяхъ должно воспитываться преимущественно дворянство. Но теперь эта мысль осуществляется не поощрительными мѣрами по отношенію къ дворянству, а запретительными по отношенію къ низшимъ сословіямъ. Первой мѣрой отвлеченія ихъ отъ гимназій, а слѣдовательно и отъ университетовъ, было возвышеніе платы за обученіе, послѣдовавшее въ 1845 г.

Такъ какъ уставъ 1828 г. оставилъ обученіе въ приходскихъ и уѣздныхъ училищахъ безплатнымъ, о платѣ же за ученіе въ гимназіяхъ вовсѣмъ не упомянулъ, то по распоряженію князя Ливена плата за ученье продолжала взиматься на основаніи положенія 1 февраля 1819 г. Циркуляромъ 13 іюля 1833 г. С. С. Уваровъ, не измѣняя размѣровъ платы, установилъ болѣе точный порядокъ распредѣленія ея: на награды учителямъ, на усиленіе экономическихъ суммъ учебныхъ заведеній и пенсіоннаго капитала приходскихъ учителей. По новымъ временнымъ правиламъ 11 декабря 1837 г. всѣ гимназіи Имперіи раздѣлены были на 2 разряда: въ гимназіяхъ перваго разряда взималось по 15 р. асс., второго по 10 руб. асс. Новыми временными правилами 16 іюля 1842 г. и 29 іюня 1844 г. эта плата была измѣнена на 4 и на 3 руб. сер., за исключеніемъ столичныхъ и нѣкоторыхъ другихъ гимназій. До сихъ поръ плата за ученье разсматривалась, какъ источникъ усиленія экономическихъ средствъ учебнаго вѣдомства. Въ докладѣ министра 2 іюня 1845 г. о возвышеніи платы за ученіе въ университетахъ и гимназіяхъ ей впервые было придано значеніе политической мѣры: министръ предложилъ возвысить плату за ученье «не столько для усиленія

экономическихъ суммъ учебныхъ заведеній, сколько для удержанія стремленія юношества къ образованію въ предѣлахъ нѣкоторой соразмѣрности съ гражданскимъ бытомъ разнородныхъ сословій». Утвердивъ предположенія министра и повелѣвъ еще болѣе возвысить плату въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ, Государь положилъ сверхъ того еще резолюцію: «При томъ надо сообразить, нѣтъ ли способовъ затруднить доступъ въ гимназіи для разночинцевъ». Уваровъ отвѣтилъ, что Министерствомъ уже приняты въ этомъ направленіи рѣшительныя мѣры и что въ Комитетъ Министровъ имъ внесена записка о средствахъ устранить отъ гимназій и дѣтей купцовъ, мѣщанъ и другихъ податного состоянія. Комитетъ Министровъ одобрилъ предложеніе Уварова требовать отъ поступающихъ въ гимназіи дѣтей купцовъ и мѣщанъ, при соблюденіи другихъ условій пріема, увольнительныя свидѣтельства отъ обществъ, къ которымъ они принадлежатъ. 14 іюня Государь положилъ резолюцію: «Согласенъ на 3 года, считаю полезнымъ дѣтей купцовъ 1-й гильдіи въ гимназіи допускать». Въ результатѣ этой мѣры, думалъ Уваровъ, гимназіи «сдѣлаются преимущественно мѣстомъ воспитанія для дѣтей дворянъ и чиновниковъ: среднее сословіе обратится въ уѣздныя училища» [125]).

Учебный планъ гимназій 1828 г. и основанныя на немъ программы 1832 г. настолько упрочили преобладаніе древнихъ языковъ, что Министерство не считало нужнымъ идти дальше въ этомъ направленіи, и учебные планы гимназій не подвергались общимъ кореннымъ измѣненіямъ до 1849 г. Оставалось распространить, согласно съ § 145 устава 1828 г., учебный планъ, содержащій оба древніе языка, по возможности на большее число губернскихъ гимназій. Ко времени реформы 1851 г. греческій языкъ преподавался въ 45 гимназіяхъ изъ общаго числа 74. Преобладаніе древнихъ языковъ должно было выступить еще ярче, когда изъ гимназическаго курса были исключены послѣдніе остатки наукъ философскихъ и общественныхъ — статистика и логика, и ослаблено преподаваніе математики. Циркуляръ 17 ноября 1844 г. предписалъ соединить преподаваніе статистики съ географіей, «ограничиваясь только выводами данныхъ, принадлежащихъ статистикѣ, отсѣкая отъ сей послѣдней всякія разсужденія, имѣющія ближайшую связь съ политическими науками». Черезъ 3 года, циркуляромъ 9 января 1847 г., прекращено преподаваніе логики на томъ основаніи, что оно «почти не приноситъ пользы и только оставляетъ въ памяти учениковъ отвлеченныя,

темныя понятія, которыя либо забываются ими, либо служатъ поводомъ къ ошибочнымъ примѣненіямъ». Преподаваніе математики было ограничено въ 1845 г. на основаніи заключеній начальствъ учебныхъ округовъ: было отмѣнено преподаваніе начертательной и аналитической геометріи.

«Приспособленіе главнѣйшихъ началъ наукъ общихъ къ техническимъ потребностямъ» разныхъ отраслей промышленности выразилось въ открытіи при гимназіяхъ по желанію и на средства мѣстныхъ обществъ, или классовъ спеціальныхъ уроковъ «реальныхъ» наукъ, не нарушавшихъ общаго учебнаго плана гимназій. Предоставляя сначала инициативу мѣстнымъ городскимъ обществамъ и учебнымъ начальствамъ, правительство затѣмъ сочло полезнымъ оказать положительное содѣйствіе производительнымъ классамъ въ средствахъ къ пріобрѣтенію техническихъ познаній. Министръ Финансовъ графъ Канкринъ, озабоченный развитіемъ профессіональнаго образованія, испросилъ въ 1836 г. Высочайшее повелѣніе объ устройствѣ при гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ тѣхъ городовъ, гдѣ нѣтъ университетовъ, отдѣленій реальныхъ школъ, а при университетахъ публичныхъ лекцій техническихъ наукъ. Положеніемъ 29 марта 1839 г. «на первый разъ» при гимназіяхъ въ Тулѣ, Вильнѣ и Курскѣ и при уѣздныхъ училищахъ въ Ригѣ и Керчи открыты были для желающихъ изъ учащихся и постороннихъ лицъ, въ зимніе мѣсяцы, реальные классы. Они содержались на спеціальныя суммы Министерства Финансовъ съ дополненіемъ изъ Государственнаго Казначейства; предметами преподаванія назначены: химія, механика, рисованіе и черченіе, технологія, въ Керченскомъ же училищѣ—коммерческія науки и бухгалтерія; распредѣленіе занятій не должно было нарушать общаго порядка ученія и относилось на свободное послѣобѣденное или вечернее время; лица свободнаго податного состоянія, получившіе аттестаты объ успѣшномъ окончаніи реальныхъ классовъ, освобождались отъ тѣлеснаго наказанія и увольнялись отъ рекрутской повинности, по внесеніи въ казну 500 р. асс. За обученіе платы не взималось, за исключеніемъ Рижскаго уѣзднаго училища.

Въ эти же годы сдѣланы были опыты устройства особыхъ учебныхъ заведеній съ параллельными курсами, классическимъ и реальнымъ. Въ учебный планъ Ларинской гимназіи, учрежденной въ 1834 г., введенъ былъ, начиная съ 3-го класса, дополнительный курсъ реальныхъ наукъ, освобождавшій отъ изученія древнихъ

языковъ. Въ 1839 г. была открыта въ Москвѣ 3-я гимназія, «какъ вообще для удовлетворенія усиливающейся потребности въ образованіи юношества, такъ и въ особенности для преподаванія въ семъ центральномъ пунктѣ нашей внутренней промышленности техническаго курса наукъ». Этотъ курсъ, параллельный классическому, начинался съ 4-го класса. Общими предметами для обоихъ отдѣленій назначены: Законъ Божій, русская грамматика, логика и русская словесность, всеобщая и русская исторія, математика и физика, географія и статистика, новые языки. Классическій курсъ предназначался преимущественно для дѣтей дворянъ, канцелярскихъ служителей и художниковъ, реальный—для дѣтей купеческаго и мѣщанскаго сословія и другихъ свободныхъ состояній. Успѣшно окончившіе классическое отдѣленіе надѣлялись правами, согласно уставу 1828 г.; дѣти купцовъ 1-й и 2-й гильдій, получившіе по реальному отдѣленію аттестаты 1-го разряда, уравнивались въ преимуществахъ съ воспитанниками коммерческихъ училищъ и Московской коммерческой академіи; дѣти же купцовъ 3-й гильдіи и мѣщанъ такими же аттестатами пріобрѣтали свободу отъ тѣлесныхъ наказаній и право откупаться отъ рекрутской повинности. Таковъ былъ, по словамъ министра, «первый приступъ къ распространенію техническаго ученія на среднія и низшія учебныя заведенія».

Цѣли готовить юношество къ практической дѣятельности должно было служить также преподаваніе въ гимназіи законовѣдѣнія. Съ конца тридцатыхъ годовъ при благородныхъ пансіонахъ нѣкоторыхъ гимназій (Псковской, Тульской, Новгородской, Кишиневской), по желанію и на пожертвованія мѣстныхъ дворянскихъ обществъ, стали открываться уроки русскаго законовѣдѣнія. Эти начинанія встрѣтили содѣйствіе со стороны Министерства Юстиціи: въ 1847 г. Министръ Юстиціи, по соглашенію съ Министромъ Народнаго Просвѣщенія, вошелъ въ Комитетъ Министровъ съ представленіемъ объ учрежденіи на суммы Министерства Юстиціи классовъ россійскаго законовѣдѣнія при нѣкоторыхъ губернскихъ гимназіяхъ. На первый разъ рѣшено было открыть эти классы въ двухъ западныхъ гимназіяхъ, Виленской и Минской, и въ трехъ великороссійскихъ: Смоленской, Воронежской и Симбирской. Циркуляромъ 11 марта 1848 г. С. С. Уваровъ разъяснилъ, что «мысль учрежденія юридическихъ классовъ въ гимназіяхъ основана на томъ, что не всѣ молодые люди, оканчивающіе гимназическій курсъ, поступаютъ въ университеты, гдѣ

бы они могли запастись для практической жизни юридическими познаніями; большая изъ нихъ часть, заключая ученье гимназическимъ образованіемъ, поступаетъ на службу губернскую или уѣздную безъ всякаго понятія о законахъ. Для этихъ то молодыхъ людей преподаваніе законовѣдѣнія, въ приличномъ для нихъ объемѣ, оказывается необходимо нужнымъ»; для поступающихъ же въ университетъ оно не должно быть обязательнымъ. Къ слѣдующему учебному году былъ выработанъ подробный планъ преподаванія законовѣдѣнія въ гимназіяхъ, разсчитанный на четыре урока въ каждомъ изъ трехъ высшихъ классовъ гимназіи.

Наконецъ, къ области «спеціальнаго образованія» С. С. Уваровъ относилъ восточные языки и оріентальную филологію. Въ 1835 г. онъ представилъ Государю особый докладъ, удостоившійся Его одобренія, объ усиленіи преподаванія восточныхъ языковъ въ Казанскомъ учебномъ округѣ. Въ послѣдующіе годы, съ цѣлью устранить «недостатокъ мѣстнаго спеціальнаго примѣненія» гимназическаго образованія и въ удовлетвореніе мѣстныхъ административныхъ и торговыхъ потребностей, Министерство ввело въ различномъ объемѣ преподаваніе восточныхъ языковъ не только въ училища Казанскаго округа, но также и въ учебныя заведенія южной окраины съ преобладающимъ инородческимъ населеніемъ [126]).

Въ то время какъ, по мнѣнію министра, положеніе классической системы можно было считать окончательно упроченнымъ, ей нанесенъ былъ ударъ, приведшій къ временному паденію классицизма, какъ основы общаго образованія. Въ концѣ 40-хъ годовъ, «вслѣдствіе броженія умовъ, охватившаго Западную Европу,» говоритъ историкъ средняго образованія въ Россіи, «гимназіи, преимущественно германскія, стали подвергаться озлобленнымъ нападкамъ. Съ одной стороны на изученіе классической древности хотѣли смотрѣть какъ на дѣло реакціонное; съ другой, считали его несогласнымъ съ принципомъ народности. . . Мнѣнія такого рода встрѣчали отголосокъ и у насъ. Составилось убѣжденіе, что занятія древними классиками отвлекаютъ молодежь отъ настоящаго пониманія народности, что если молодые люди не уважаютъ законовъ, то происходитъ это отъ незнакомства съ ними». Классическому образованію стали приписывать способность создавать «обманы воображенія», отрезвить отъ которыхъ могло только реальное образованіе. Эту мысль ясно выразилъ въ 1847 г. кіевскій генералъ-губернаторъ Бибиковъ въ запискѣ «Объ измѣненіи

учебнаго направленія»: «было бы полезно образованію молодыхъ людей въ учебныхъ заведеніяхъ дать направленіе болѣе матеріальное, которое, занимая умъ ихъ знаніями положительными, не давало бы времени воображенію отвлекать ихъ отъ полезныхъ занятій. Для сего нужны только нѣкоторыя преобразованія въ курсахъ гимназій и училищъ. Дѣятельность матеріальная уничтожила бы обманы воображенія, и успѣхи на этомъ поприщѣ увлекли бы всѣхъ и каждаго». Въ декабрѣ 1848 г. въ особомъ комитетѣ изъ директоровъ С.-Петербургскихъ гимназій, подъ предсѣдательствомъ попечителя округа Мусина-Пушкина, былъ обсужденъ вопросъ о бифуркаціи курса гимназій, и 22 декабря, по Высочайшему повелѣнію, проектъ новаго учебнаго плана гимназій внесенъ былъ въ Государственный Совѣтъ. Въ представленіи министра Государственному Совѣту основнымъ побужденіемъ къ реформѣ выставлена необходимость, «согласно съ современными потребностями, раздѣлить еще рѣшительнѣе двоякое предназначеніе гимназій, и съ большею опредѣлительностью перейти отъ общаго образованія къ спеціальному». Главная цѣль гимназій по уставу 1828 г. достигнута: «убѣжденіе въ пользѣ и важности классическаго ученія утвердилось», дворянская молодежь наполнила гимназіи и университеты. Теперь наступила пора приспособить учебный планъ гимназій и къ достиженію второй цѣли—готовить юношество прямо къ практической дѣятельности. Для этого «необходимо сдѣлать различіе въ ученіи между готовящимися въ университеты и тѣми, которые пожелаютъ изъ гимназіи перейти прямо въ службу». Реформа должна также содѣйствовать стремленію правительства остановить приливъ въ гимназіи и университеты людей изъ низшихъ классовъ: «во вновь предполагаемомъ узаконеніи полезно положительнѣе выразить, что гимназіи должны быть доступны—изъ сословій, коихъ дѣти не имѣютъ права поступать въ государственную службу, сверхъ дѣтей почетныхъ гражданъ, только дѣтямъ купцовъ 2-й и 3-й гильдій и мѣщанъ, но не иначе, какъ послѣ увольненія ихъ отъ обществъ». Такъ изложены были министромъ побужденія къ реформѣ и ея основанія. Онъ изобразилъ реформу гимназическаго курса, какъ дальнѣйшее развитіе принциповъ устава 1828 г., не колеблющее цѣльности учебной системы и одного изъ ея краеугольныхъ камней — первенствующаго положенія классицизма. «Университеты», говорилъ онъ, «будутъ получать изъ гимназій, можетъ быть, меньшее число студентовъ, но съ основательнѣйшимъ приготовленіемъ въ древнихъ языкахъ.

Такимъ образомъ меньшее количество вознаградится высшимъ качествомъ».

Государственный Совѣтъ согласился съ представленіемъ министра и мнѣніемъ, Высочайше утвержденнымъ 21 марта 1849 г., положилъ: 1) соотвѣтственно двоякой цѣли гимназій, указанной въ § 134 устава, желающіе поступить въ университетъ обязаны пріобрѣсти основательное знаніе латинскаго языка, поступающіе же на первое отдѣленіе философскаго факультета—сверхъ того, и знаніе греческаго языка. Воспитанники, намѣревающіеся прямо вступить на службу, военную или гражданскую, вмѣсто древнихъ языковъ изучаютъ математику или законовѣдѣніе; 2) кромѣ лицъ, имѣющихъ по своему происхожденію право на поступленіе въ государственную службу, въ гимназіи принимаются лица всѣхъ свободныхъ состояній, но лишь по увольненіи ихъ изъ прежняго состоянія; 3) по окончаніи курса лучшіе воспитанники, имѣющіе по происхожденію право вступить въ государственную службу, награждаются чиномъ 14-го класса, если «пріобрѣтутъ особенныя и отличныя познанія въ русскомъ законовѣдѣніи»; воспитанники же изъ дѣтей почетныхъ гражданъ, купцовъ и мѣщанъ, кончившіе курсъ съ отличіемъ, получаютъ лично почетное гражданство. Особымъ постановленіемъ введено новое раздѣленіе и послѣдовательность курсовъ. До четвертаго класса всѣ воспитанники вмѣстѣ учатся Закону Божію, русскому языку, математикѣ, географіи, новымъ иностраннымъ языкамъ, черченію, рисованію. Съ четвертаго класса, сверхъ общихъ предметовъ (Закона Божія, физики, математической географіи, нѣмецкаго и французскаго языковъ, математики, русскаго и славянскаго языковъ), вводятся спеціальные дополнительные курсы русскаго языка, математики и законовѣдѣнія—для выходящихъ изъ гимназій прямо въ службу, древнихъ языковъ—для поступающихъ въ университеты. 6 мая 1849 г. послѣдовало распоряженіе министра о введеніи новыхъ учебныхъ плановъ гимназій, а 12 сентября появился планъ и программы преподаванія законовѣдѣнія, составленныя профессоромъ К. А. Неволинымъ [127]).

Таковы были важнѣйшія перемѣны въ учебныхъ планахъ гимназій при С. С. Уваровѣ. За ними слѣдовалъ рядъ болѣе или менѣе мелкихъ видоизмѣненій и улучшеній въ преподаваніи, вводимыхъ или собственною властью попечителей учебныхъ округовъ, или утверждаемыхъ министромъ.

Второстепенное значеніе имѣли тѣ мѣропріятія, которыя съ

внѣшней стороны обезпечивали успѣхи гимназическаго ученья. Такъ 29 января 1837 г. появились временныя, на 4 года, правила испытаній въ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ, окончательно утвержденныя 15 февраля 1846 г. Степень успѣховъ и поведенія по этимъ правиламъ опредѣляется пятибалльной системой. Успѣшно выдержавшіе полное окончательное испытаніе въ гимназіи освобождаются отъ повѣрочнаго экзамена при поступленіи въ университетъ, «но не иначе, какъ по представленію попечителя учебнаго округа, съ разрѣшенія министра и смотря по степени довѣренности, которую заслуживаетъ гимназія». Въ связи съ вопросомъ объ окончательныхъ испытаніяхъ въ гимназіяхъ, рѣшенъ былъ вопросъ объ условіяхъ полученія чина 14-го класса. Циркуляромъ 12 сентября 1836 г. министръ разъяснилъ, что это право предоставляется только тѣмъ окончившимъ курсъ гимназій, которые, «сверхъ успѣховъ въ другихъ наукахъ, окажутъ въ греческомъ языкѣ познанія, сообразныя съ курсомъ онаго». Для гимназистовъ западнаго края условіемъ для полученія права на 14-й классъ было «совершенное знаніе русскаго языка и превосходные успѣхи въ россійской словесности», для воспитанниковъ закавказскихъ и сибирскихъ гимназій—знаніе русскаго законовѣдѣнія и судопроизводства.

Въ вопросѣ о поддержаніи дисциплины и порядка въ гимназіяхъ С. С. Уваровъ ограничился нѣсколькими отдѣльными мѣропріятіями, не имѣвшими выдающагося значенія: предписаніемъ строго слѣдить за религіозно-нравственнымъ развитіемъ воспитанниковъ, учрежденіемъ надзирателей за вольноприходящими учениками и комнатныхъ надзирателей въ пансіонахъ. На предложеніе попечителя Кіевскаго округа ввести тѣлесныя наказанія въ старшихъ классахъ гимназій министръ согласился лишь подъ условіемъ, чтобы они допускались въ случаяхъ крайней необходимости и не иначе, какъ по желанію или съ согласія родителей» [128]).

По мысли Уварова, изложенной въ циркулярѣ 16 мая 1833 г., рядомъ съ общесословной гимназіей, хотя и предназначенной преимущественно для дворянской молодежи, должна была стать «спеціальная» дворянская сословная школа—благородный пансіонъ или дворянскій институтъ. Цѣлью министра отнюдь не было учрежденіе благородныхъ пансіоновъ «въ видѣ исключительныхъ мѣстъ для воспитанія», по примѣру старыхъ университетскихъ благородныхъ пансіоновъ. Онъ не желалъ, «чтобы, возвращаясь къ прежнему безпорядку, питомцы оныхъ, получая за поверхност-

ное энциклопедическое образованіе значительные чины, выходили оттолѣ прямо въ гражданскую службу, минуя университеты». Дѣлать изъ благородныхъ пансіоновъ «университеты въ сокращенномъ видѣ, сосредоточивать отрывками въ нихъ то, что принадлежитъ въ цѣлости симъ послѣднимъ, не только не вмѣщало бы никакой пользы, но затрудняло бы болѣе и болѣе постепенное развитіе народнаго воспитанія». Другими словами «благородные пансіоны не могутъ быть вообще ничѣмъ инымъ, какъ пріуготовительными училищами къ слушанію лекцій въ университетахъ». Приглашая учебныя начальства и дворянство содѣйствовать распространенію благородныхъ пансіоновъ, министръ указалъ слѣдующія основанія для ихъ учрежденія: 1) «дворянскіе пансіоны, при гимназіяхъ учрежденные, суть учебныя заведенія пріуготовительныя къ университетамъ; они занимаютъ мѣсто домашняго пріуготовительнаго воспитанія или воспитанія въ частныхъ пансіонахъ; всякое высшее окончательное образованіе заключается въ университетахъ»; 2) въ курсахъ гимназическаго ученія, при введеніи оныхъ въ благородныхъ пансіонахъ, съ Высочайшаго разрѣшенія допускаются «только тѣ измѣненія, которыя, по примѣру предварительнаго образованія Московскаго дворянскаго института, имѣютъ цѣлью или сокращеніе времени, или распространеніе нѣкоторыхъ учебныхъ предметовъ, ближе принадлежащихъ къ образованію высшаго сословія»; 3) преимущества, предоставляемыя уставомъ 1828 г. воспитанникамъ гимназій, совершенно достаточны и для воспитанниковъ дворянскихъ институтовъ.

Къ концу 40-хъ годовъ всего открыто было 47 благородныхъ пансіоновъ при гимназіяхъ. Общая сумма пожертвованій дворянства превышала къ 1843 г. 13 милліоновъ рублей *).

---

*) Обыкновенно дворянское общество, желавшее открыть благородный пансіонъ, въ губернскомъ собраніи опредѣляло размѣръ ежегоднаго взноса съ ревизской души и число лѣтъ для накопленія необходимой суммы. Постановленіе дворянскаго общества представлялось на разсмотрѣніе Комитета Министровъ министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ входилъ въ сношеніе съ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія. Комитетъ Министровъ при разсмотрѣніи дворянскихъ ходатайствъ неоднократно обращалъ вниманіе, что взносы на учрежденіе благородныхъ пансіоновъ должны лежать исключительно на самихъ помѣщикахъ, а не на крестьянахъ ихъ, въ чемъ заключается одно изъ существенныхъ различій между земскими повинностями, налагаемыми по закону, и добровольными складчинами по приговору дворянства; что число душъ, за помѣщиками состоящихъ, можетъ быть пріемлемо только основаніемъ къ опредѣленію мѣры участія каждаго владѣльца въ предполагаемомъ взносѣ.

Въ общемъ благородные пансіоны оставались только воспитательными заведеніями, дополнявшими сверхъ того курсъ гимназій предметами для «наружнаго» образованія дворянина. Но нѣкоторые пансіоны были вполнѣ самостоятельными средними учебными заведеніями подъ названіемъ «дворянскихъ институтовъ». Строго держась принциповъ, изложенныхъ въ циркулярѣ 16 мая 1833 г., Министерство не допускало въ положеніяхъ и уставахъ дворянскихъ институтовъ значительныхъ отклоненій отъ общаго устава гимназій. Курсъ ученія въ Московскомъ институтѣ и 1-й С.-Петербургской гимназіи опредѣленъ былъ въ шесть лѣтъ. Этотъ срокъ 20 декабря 1837 г. повелѣно было распространить «и на другія гимназіи, въ коихъ воспитываются дѣти благороднаго сословія и признано будетъ нужнымъ прекратить пріемъ вольноприходящихъ учениковъ». Но въ институтахъ Нижегородскомъ и Пензенскомъ продолжительность курса была равна общему гимназическому. Въ Московскомъ институтѣ удержанъ для желающихъ греческій языкъ, въ институтахъ Пензенскомъ и Нижегородскомъ взамѣнъ его введены практическое землемѣріе, сельское хозяйство, законовѣдѣніе. При поступленіи на службу воспитанники дворянскихъ институтовъ не получали никакихъ особенныхъ преимуществъ: тамъ, гдѣ преподается греческій языкъ, знаніе его поставлено условіемъ для полученія права на чинъ 14-го класса; тамъ, гдѣ нѣтъ греческаго языка, оно пріобрѣтается одобрительнымъ аттестатомъ объ окончаніи полнаго курса наукъ. Управленіе дворянскими институтами, права и обязанности педагогическаго и служебнаго персонала устроены также согласно съ общимъ уставомъ гимназій. Всѣ воспитанники пансіоновъ, содержащіеся на счетъ казны и пожертвованій дворянскихъ обществъ, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 27 августа 1835 г. обязаны въ губерніяхъ, гдѣ они получили образованіе, прослужить шесть лѣтъ.

Въ запискѣ 1843 г. о десятилѣтіи Министерства Уваровъ съ большимъ одушевленіемъ говорилъ о выдающемся значеніи благородныхъ пансіоновъ и дворянскихъ институтовъ въ развитіи средняго образованія: «не останавливаясь на томъ, что число второстепенныхъ училищъ (т. е. гимназій), посредствомъ губернскихъ благородныхъ пансіоновъ, удвоено въ десять лѣтъ, я не затрудняюсь доложить Вашему Величеству, что въ совокупности среднія заведенія, можетъ быть, еще болѣе явили успѣховъ, чѣмъ высшія. Развитіе ихъ, многосложное, разновидное, затруднительное по недостаточному числу учителей и учебныхъ книгъ,

по матеріальному недостатку помѣщенія и пособій, это развитіе совершилось какъ будто чудомъ, отъ одного приглашенія Вашего Величества дворянству Имперіи». Но все-таки Уварову не удалось осуществить вполнѣ мысль о сосредоточеніи дворянской молодежи въ «спеціальныхъ» сословныхъ школахъ. Съ конца сороковыхъ годовъ ревность дворянства къ учрежденію благородныхъ пансіоновъ быстро слабѣетъ: съ 1849 г. до 1863 г. открыто всего четыре новыхъ пансіона [129]).

По отношенію къ уѣзднымъ и приходскимъ училищамъ Министерству также предстояло прежде всего выдержать принципъ сословности образованія, сосредоточивъ въ нихъ преимущественно низшіе классы. Эта цѣль косвенно достигалась изложенными выше стѣсненіями доступа въ гимназіи и университеты лицамъ податныхъ состояній, и министръ выражалъ надежду, что этими мѣрами удастся ограничить кругъ образованія для массы податныхъ классовъ приходскими и уѣздными училищами. Но и въ этихъ предѣлахъ Министерство соблюдало извѣстную сдержанность. По словамъ самого министра, оно «не принимало на себя обязанности учреждать на свой счетъ учебныя заведенія для мѣщанъ и поселянъ тамъ, гдѣ въ самихъ жителяхъ еще не пробудилось стремленіе къ образованію». Признавая необходимымъ въ открытіи уѣздныхъ и приходскихъ училищъ лишь идти на встрѣчу желаніямъ самихъ мѣстныхъ обществъ, Министерство не подвинуло ихъ развитія какими либо новыми общими мѣрами. Управленіе уѣздными училищами и учебные ихъ планы по уставу 1828 г. остались безъ существенныхъ измѣненій. Устраивая дополнительные «реальные» классы въ гимназіяхъ, Министерство тѣмъ охотнѣе допускало учрежденіе ихъ при уѣздныхъ училищахъ, гдѣ они болѣе соотвѣтствовали потребностямъ тѣхъ классовъ, для которыхъ преимущественно предназначались уѣздныя училища. Но какъ гимназіи не могли быть превращены въ сословныя дворянскія школы, такъ и уѣздныя училища не были исключительно сословными школами для городского класса. Присутствіемъ въ нихъ значительнаго числа дѣтей дворянъ и высшихъ слоевъ купечества объясняется фактъ многихъ ходатайствъ о введеніи въ уѣздныя училища дополнительныхъ уроковъ по такимъ предметамъ, которые не были предусмотрѣны уставомъ 1828 г. и которые должны были подготовлять учениковъ къ переходу въ гимназіи, минуя младшіе классы: по древнимъ и новымъ иностраннымъ языкамъ. Самъ министръ въ 1843 г. засвидѣтельствовалъ,

что изученіе древнихъ языковъ введено во многія уѣздныя училища по ходатайствамъ мѣстныхъ обществъ. Но когда попечитель Харьковскаго округа въ 1835 г. возбудилъ вопросъ о введеніи во всѣхъ тѣхъ уѣздныхъ училищахъ его округа, въ которыхъ учатся дѣти дворянъ и чиновниковъ, латинскаго и нѣмецкаго языковъ, то Комитетъ устройства учебныхъ заведеній отвѣтилъ отказомъ «какъ потому, что сіе было бы противно цѣли учрежденія сего рода училищъ, такъ и для того, что назначеніе новыхъ учителей повлекло бы за собою новыя значительныя издержки» [130]).

Всего менѣе сдѣлано было Министерствомъ подъ управленіемъ С. С. Уварова для начальнаго народнаго образованія, для приходскихъ училищъ. Въ этомъ отношеніи Министерство связано было тѣми условіями, въ которыхъ находилось крестьянское населеніе. Заботы о просвѣщеніи крѣпостныхъ крестьянъ по прежнему предоставлены были помѣщикамъ, и Министерство не обладало средствами контролировать и поощрять ихъ ревность. Эта ревность даже сдерживалась рескриптомъ 9 мая 1837 г., который, между прочимъ, требовалъ, «чтобы въ тѣхъ училищахъ, кои нынѣ существуютъ, или впредь заведены быть могутъ помѣщиками для обученія крѣпостныхъ ихъ людей въ собственныхъ ихъ селеніяхъ, сохраняемы были тѣ же самые предѣлы, какіе вообще постановлены для училищъ низшихъ. . . Уѣздные предводители дворянства обязаны имѣть за симъ ближайшій и самый точный надзоръ, донося подъ собственною ихъ отвѣтственностью своевременно и по порядку о всякомъ отступленіи, какое ими будетъ замѣчено». Такимъ образомъ наблюденіе за школами для крѣпостныхъ крестьянъ передавалось представителямъ чужого вѣдомства. Предводители дворянства сносились по этому вопросу прямо съ попечителями учебныхъ округовъ и даже съ самимъ министромъ, обходя тѣ мѣстныя учебныя начальства, которымъ низшія учебныя заведенія подчинены были по уставу 1828 г.

Власть Министерства была стѣснена и въ отношеніи школъ, содержимыхъ духовенствомъ. Въ 1836 г. Св. Синодъ составилъ «Правила для первоначальнаго обученія поселянскихъ, въ томъ числѣ и раскольническихъ дѣтей», предназначенныя сначала лишь для Олонецкой губерніи, но затѣмъ, съ Высочайшаго соизволенія, распространенныя и на другія епархіи, гдѣ есть раскольники. По этимъ правиламъ обязанность первоначальнаго обученія поселянскихъ дѣтей возлагалась на приходское духо-

венство; предметами обученія были Законъ Божій, чтеніе, письмо и начальная ариѳметика; вознагражденіе наставникамъ производилось изъ суммъ земскаго сбора; надзоръ за школами принадлежалъ благочиннымъ и архіереямъ. На просьбу оберъ-прокурора Св. Синода дать свое заключеніе С. С. Уваровъ отвѣтилъ, что въ этой мѣрѣ онъ усматриваетъ учрежденіе при церковныхъ причтахъ приходскихъ училищъ, которыя по уставу должны быть подчинены штатнымъ смотрителямъ уѣздныхъ училищъ. Но въ виду особенной цѣли, преслѣдуемой въ данномъ случаѣ правительствомъ, онъ не находитъ препятствій къ приведенію въ исполненіе составленныхъ Св. Синодомъ правилъ съ тѣмъ, чтобы благочинные ежегодно доставляли свѣдѣнія о школахъ директорамъ училищъ.

Наконецъ, хозяиномъ школъ для государственныхъ крестьянъ являлось новоучрежденное Министерство Государственныхъ Имуществъ. Указомъ 13 іюля 1842 г. повелѣвалось учреждать сельскія приходскія училища въ казенныхъ селеніяхъ на основаніи общаго учебнаго устава 1828 г., подъ непосредственнымъ наблюденіемъ мѣстнаго управленія государственными имуществами и на счетъ общественнаго сбора. Министерству Народнаго Просвѣщенія, въ лицѣ мѣстнаго учебнаго начальства, предоставлялось только «вліяніе» на новыя школы, т. е. наблюденіе за учебною частью и собираніе отчетовъ о состояніи школъ. Въ 1834 г. переданы въ вѣдѣніе Министерства ланкастерскія школы въ Бессарабіи, состоявшія подъ главнымъ надзоромъ епархіальнаго начальства.

Больше заботъ удѣляло Министерство городскимъ, особенно столичнымъ, приходскимъ училищамъ. Распространеніе ихъ задерживалось скудостью средствъ, отпускаемыхъ городскими обществами. Въ 1846 г., по представленію Министра Внутреннихъ Дѣлъ, разрѣшено было въ случаяхъ крайней бѣдности городскихъ обществъ отпускать необходимыя суммы изъ городскихъ доходовъ. Съ своей стороны Министерство обезпечивало изъ своихъ средствъ содержаніе 51 приходскихъ училищъ. Въ 1839 г. заботами попечителя Московскаго учебнаго округа, графа Строганова, издано было «Положеніе о городскихъ начальныхъ училищахъ въ Москвѣ» съ цѣлью расширить средства первоначальнаго образованія для мѣщанъ и ремесленниковъ. Это положеніе увеличивало число училищъ и матеріальныя ихъ средства и привлекало къ нимъ попечительность общества учрежденіемъ должности почетнаго

смотрителя и почетныхъ блюстителей. Въ слѣдующемъ году, по примѣру Москвы, и въ С.-Петербургѣ для попеченія о приходскихъ училищахъ опредѣлены были 6 почетныхъ блюстителей изъ купеческаго сословія. Въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ городахъ, общества которыхъ не имѣли средствъ сразу содержать уѣздныя и приходскія училища, Министерство разрѣшало замѣнять ихъ приготовительными или начальными классами при уѣздныхъ училищахъ [131]).

Въ эпоху С. С. Уварова уже не ощущалось такого крайняго недостатка педагогическихъ силъ, какъ прежде. Не ограничиваясь подготовкой учителей въ спеціальныхъ педагогическихъ разсадникахъ, во вновь возстановленныхъ въ Главномъ Педагогическомъ Институтѣ и Второмъ при немъ разрядѣ, въ педагогическихъ институтахъ при университетахъ, Министерство продолжало практиковать подготовку учителей для уѣздныхъ и приходскихъ училищъ въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ, содержа въ нихъ особыхъ стипендіатовъ. Опытъ давно уже привелъ къ убѣжденію, что однимъ изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ къ улучшенію состава сословія учащихъ является «улучшеніе и обезпеченіе ихъ положенія». Послѣ изданія штатовъ 1828 г. для гимназій и уѣздныхъ училищъ нельзя было разсчитывать въ скоромъ времени на дальнѣйшее общее возвышеніе матеріальнаго благосостоянія педагоговъ. Но преимущества учебной службы были вновь подтверждены Положеніемъ о чинопроизводствѣ и пенсіяхъ по учебной части (18 ноября 1836 г.) и Положеніемъ о преимуществахъ службы на окраинахъ (12 февраля 1836 г.) Въ 1837 г. должность директора гимназіи была повышена однимъ классомъ (изъ VII-го въ VI-й), «сообразно съ совершенствованіемъ гимназій и съ важностью, которую эти чиновники пріобрѣли какъ въ общемъ мнѣніи, такъ и въ системѣ публичнаго воспитанія». Въ циркулярѣ 1834 г. министръ рекомендовалъ попечителямъ «осмотрительный и непоспѣшный выборъ благонадежныхъ директоровъ», какъ важнѣйшее средство для приведенія гимназій въ цвѣтущее состояніе. Должность инспекторовъ гимназій съ пансіонами была повышена въ VII-й классъ. На основаніи положенія 18 ноября 1836 г. всѣ служащіе по учебной части раздѣлены были на два разряда, подобно всѣмъ гражданскимъ чиновникамъ: къ первому отнесены имѣющіе аттестаты высшихъ учебныхъ заведеній, ко второму— кончившіе курсъ среднихъ училищъ. Тѣмъ же положеніемъ опредѣлены были пенсіонныя права служащихъ по учебной части.

Въ 1842 г. директорамъ, инспекторамъ и преподавателямъ учебныхъ заведенiй разрѣшено было содержать у себя въ домахъ пансiонеровъ.

Уставъ 1828 г. и дополнительныя къ нему постановленiя, улучшивъ благосостоянiе и служебное положенiе педагогическаго персонала гимназiй и уѣздныхъ училищъ, совершенно обошли приходскихъ учителей. Въ 1845 г. Министерство насчитывало въ своемъ вѣдомствѣ свыше 2000 учителей приходскихъ, волостныхъ, начальныхъ и прочихъ низшихъ училищъ. Содержанiе этихъ учителей, въ зависимости отъ мѣстныхъ средствъ, было очень различно: крайними суммами ихъ окладовъ можно было считать 15—180 руб. сер. въ годъ. Только въ 1845 г. С. С. Уварову удалось провести очень важную мѣру—Положенiе о пенсiяхъ и единовременныхъ пособiяхъ учителямъ начальныхъ учебныхъ заведенiй, состоящихъ въ вѣдомствѣ Министерства. Намѣренiе Министерства, высказанное еще въ 1817 г., составить особый капиталъ на пенсiи приходскимъ учителямъ посредствомъ сбора платы за ученiе въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведенiяхъ, осуществилось въ очень скромныхъ размѣрахъ. Большая часть сбора расходилась на другiя цѣли, и къ 1833 г. этотъ капиталъ заключалъ въ себѣ 119.580 руб. 31 коп. асс., 1.029 р. 33 коп. сер. и 13 полуимперiаловъ золотомъ. Для усиленiя пенсiоннаго капитала постановлено было производить особые вычеты изъ жалованья учителей всѣхъ вообще приходскихъ, народныхъ и начальныхъ училищъ. Но капиталъ росъ медленно, и въ 1834 г. С. С. Уваровъ вошелъ въ Комитетъ Министровъ съ представленiемъ о производствѣ пенсiй учителямъ приходскихъ училищъ изъ городскихъ доходовъ. Но Комитетъ Министровъ не призналъ за учителями приходскихъ училищъ этого права. Такую же неудачу потерпѣло и другое ходатайство министра о производствѣ имъ пенсiй изъ общаго государственнаго пенсiоннаго капитала. Государственный Совѣтъ отклонилъ это ходатайство и призналъ возможнымъ только выдачу единовременныхъ наградъ отличнымъ учителямъ и пособiй ихъ семействамъ изъ имѣющагося въ распоряженiи Министерства капитала. Это мнѣнiе было Высочайше утверждено 4 февраля 1835 г. Между тѣмъ, посредствомъ отчисленiя части сбора платы за ученiе въ гимназiяхъ и вычетовъ изъ жалованья приходскихъ учителей, пенсiонный капиталъ въ 1844 г. достигъ 87.000 руб. сер. Тогда С. С. Уваровъ возобновилъ ходатайство объ изданiи общаго положенiя о пенсiяхъ

приходскимъ учителямъ. По его разсчету можно было ежегодно тратить на пенсiи и пособiя по 4.080 руб. сер. безъ уменьшенiя самаго капитала. Вмѣстѣ съ тѣмъ министръ считалъ справедливымъ при переходѣ учителей на другiя должности зачитать въ службу время, проведенное въ учительскомъ званiи. Но Государственный Совѣтъ отвергъ это предположенiе, «чтобы не дѣлать никакого постановленiя, могущаго поощрять приходскихъ учителей къ оставленiю ихъ званiя, въ которомъ они наиболѣе, если даже—говоря вообще—не исключительно представляются для правительства нужными». За этимъ исключенiемъ «Положенiе о пенсiяхъ и единовременныхъ пособiяхъ учителямъ начальныхъ учебныхъ заведенiй Министерства Народнаго Просвѣщенiя» было Государственнымъ Совѣтомъ одобрено и 9 января 1845 г. Высочайше утверждено. Высшiй окладъ пенсiи за 25-лѣтнюю службу опредѣлялся въ 90 руб. сер. для свѣтскихъ учителей и въ 60 рублей—для законоучителей, если оклады жалованья тѣхъ и другихъ не ниже этихъ цифръ. Для учителей, получающихъ меньшiе оклады жалованья, соотвѣтственно понижаются и полные оклады пенсiй. Разсчетъ пенсiй и единовременныхъ пособiй за службу менѣе 25 лѣтъ и пенсiонныя права вдовъ и дѣтей опредѣлены согласно съ общими узаконенiями о пенсiяхъ.

Усиливъ, по мѣрѣ возможности, средства подготовки учителей среднихъ и низшихъ школъ, возвысивъ ихъ матерiальное благосостоянiе, Министерство съ нѣкотораго времени считало уже возможнымъ дѣлать выборъ между кандидатами на учительскiя должности. Циркуляромъ 10 октября 1844 г. министръ потребовалъ, «чтобы праздныя мѣста учителей въ гимназiяхъ и уѣздныхъ училищахъ замѣщаемы были лицами, кончившими въ высшихъ или среднихъ учебныхъ заведенiяхъ курсъ ученiя и достаточно къ тому подготовленными. За нѣсколько лѣтъ передъ симъ, когда правительство не имѣло еще достаточнаго запаса молодыхъ людей, хорошо образованныхъ для педагогической службы, принятiе постороннихъ людей могло быть терпимо по необходимости; но въ настоящее время, при обильныхъ средствахъ къ образованiю учителей, при ежегодномъ преуспѣянiи гимназiй и педагогическихъ учрежденiй, этотъ приливъ въ училища чуждыхъ Министерству лицъ, большею частью бездарныхъ и слабо подготовленныхъ, долженъ быть рѣшительно прекращенъ». Циркуляръ запретилъ замѣщать учительскiя вакансiи людьми податного состоянiя и вольноотпущенными, «имѣющими единственно цѣлью выступить изъ пре-

дѣловъ своего состоянія». Только въ крайнихъ случаяхъ могутъ быть допускаемы до испытаній на званіе учителей гимназій и училищъ лица посторонніе, не кончившіе курса въ высшихъ или среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Обращено было вниманіе и «на возбужденіе умственной дѣятельности» учителей. Циркуляръ 24 мая 1840 г. предложилъ попечителямъ учебныхъ округовъ послѣдовать примѣру Казанскаго попечителя, Мусина-Пушкина, который въ 1838 г. сдѣлалъ распоряженіе о доставленіи ему учителями опытовъ ихъ научныхъ занятій для напечатанія лучшихъ трудовъ въ «Ученыхъ Запискахъ» Казанскаго университета или въ «Начальственныхъ распоряженіяхъ» по округу. Принять эту мѣру побудило попечителя наблюденіе, «что учителя по большей части ограничиваютъ занятія свои однимъ преподаваніемъ въ классахъ, не обращая особеннаго вниманія на то, чтобы слѣдить за ходомъ наукъ, и что такимъ образомъ большая часть наставниковъ уклоняется отъ умственной дѣятельности въ возрастѣ, наиболѣе къ тому доступномъ и способномъ» [132]).

Князь Ширинскій-Шихматовъ при назначеніи министромъ не считалъ нужными крупныя преобразованія въ среднемъ и низшемъ образованіи. «Среднія и низшія учебныя заведенія», писалъ онъ въ отчетѣ за 1850 годъ, «не требовали никакой особенно замѣчательной законодательной или административной мѣры. Министерство старалось возвысить ихъ благосостояніе осторожнымъ выборомъ начальниковъ и преподавателей, частымъ обозрѣніемъ довѣренныхъ отъ него лицъ и неупустительнымъ надзоромъ за духомъ, направленіемъ и успѣхами ученія».

Для князя Ширинскаго-Шихматова главной заботой по отношенію къ среднимъ и низшимъ учебнымъ заведеніямъ было исполненіе Высочайшей воли сдѣлать основой всякаго полезнаго ученія Законъ Божій, который долженъ преподаваться «лицами, проникнутыми убѣжденіемъ въ святости своего призванія, которыя бы съ теплотою вѣры и терпѣніемъ любви вселяли въ умы юношей и дѣтей святыя истины христіанства и посѣвали въ сердцахъ ихъ сѣмена добродѣтели, дѣйствуя не однимъ словомъ, но и назидательнымъ примѣромъ своей жизни». Съ этою цѣлью въ большихъ городахъ, гдѣ было много казенныхъ и частныхъ учебныхъ заведеній, учреждены въ 1850 г., по соглашенію съ духовнымъ начальствомъ, должности наблюдателей за преподаваніемъ Закона Божія. Тогда же составлены новыя программы по Закону Божію для гимназій [133]).

Гораздо болѣе важною по своимъ послѣдствіямъ мѣрою было новое общее измѣненіе учебныхъ плановъ гимназій. Хотя Уваровъ изображалъ реформу 1849 г., какъ мѣру непротиворѣчившую принципамъ классической системы, но скоро оказалось, что это былъ первый шагъ къ настоящему разрушенію классицизма въ гимназіяхъ. Въ началѣ 50-хъ годовъ нападки на классическое образованіе продолжались какъ въ Западной Европѣ, такъ и въ Россіи. Въ 1850 г. кіевскій генералъ-губернаторъ Бибиковъ повторилъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ свое предложеніе положить въ основу учебнаго плана гимназій реальныя науки. Въ октябрѣ 1851 г. статсъ-секретарь Танѣевъ обратился отъ имени Государя къ А. С. Норову, управлявшему Министерствомъ за отсутствіемъ князя Ширинскаго-Шихматова, съ запросомъ: «не полагаетъ ли онъ также, какъ и Его Величество, что преподаваніе греческаго языка во всѣхъ гимназіяхъ совершенно лишне. Его Императорское Величество соизволилъ находить достаточнымъ оставить преподаваніе сего языка только въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ, напримѣръ въ Нѣжинѣ и Таганрогѣ, въ прочихъ же отмѣнить и за симъ исключить изъ смѣты жалованье греческимъ учителямъ въ упраздненныхъ мѣстахъ». Норовъ въ своей докладной запискѣ, соглашаясь, что «преподаваніе греческаго языка не составляетъ еще общей потребности воспитанія», высказалъ, однако, соображенія въ пользу классическаго образованія вообще: «такъ называемое классическое воспитаніе, для котораго усвоены языки греческій и латинскій, я считаю весьма важнымъ по той причинѣ, что оно пріучаетъ съ малыхъ лѣтъ къ занятіямъ глубокомысленнымъ и чрезъ чтеніе великихъ древнихъ писателей направляетъ умы юношей къ высокому и изящному, а вмѣстѣ съ тѣмъ, съ образовавшимся въ нихъ вкусомъ и стремленіемъ къ наукѣ, отвлекаетъ отъ суетнаго чтенія безполезныхъ и вредныхъ книгъ . . . При теплой незыблемой вѣрѣ россіянъ, охраняемыхъ благочестивымъ скипетромъ Вашего Императорскаго Величества, классическое образованіе приноситъ и принесетъ, какъ я смѣю думать, хорошіе плоды». 8 октября Государь положилъ резолюцію: «Оставить рѣшеніе сего до возвращенія князя Шихматова». Министръ по возвращеніи поспѣшилъ представить докладъ, въ которомъ заявилъ, что онъ также, на основаніи личнаго обозрѣнія гимназій, считаетъ греческій языкъ излишнимъ и предлагаетъ оставить его: 1) въ гимназіяхъ университетскихъ городовъ для приготовленія молодыхъ людей на историко-филологическіе факуль-

19

теты, 2) въ гимназіяхъ южныхъ городовъ (Одессы, Таганрога, Нѣжина, Кишинева) со значительнымъ греческимъ населеніемъ, 3) наконецъ, въ главныхъ городахъ прибалтійскаго края, «по уваженію къ особому устройству гимназій Дерптскаго округа, имѣющихъ преимущественною цѣлью филологическое приготовленіе молодыхъ людей къ высшему образованію». Вмѣстѣ съ тѣмъ министръ призналъ необходимымъ замѣнить въ гимназіяхъ греческій языкъ науками естественными, «составляющими потребность современнаго образованія». Всѣ эти предположенія 12 октября удостоились Высочайшаго утвержденія, и циркуляромъ 14 мая 1852 г. введены были въ гимназіяхъ новые учебные планы. Теперь всѣ гимназіи были раздѣлены по различію учебныхъ плановъ на три разряда: 1) гимназіи съ естественной исторіей и законовѣдѣніемъ, 2) съ однимъ законовѣдѣніемъ, 3) 9 гимназій съ греческимъ языкомъ.

Но и въ тѣхъ съуженныхъ предѣлахъ, въ какіе поставлено было изученіе древнихъ языковъ съ 1852 г., оно и по существу должно было измѣнить свой старый характеръ. Въ программы латинскаго языка четырехъ старшихъ классовъ гимназій введены были отрывки изъ твореній св. отцовъ и церковныхъ писателей: Климента Римскаго, Кипріана, Августина, Тертуліана, Лактанція. Въ трехъ старшихъ классахъ гимназій съ греческимъ языкомъ введено было чтеніе отрывковъ изъ твореній Юстина Философа, Иринея, Игнатія Богоносца, Евсевія, Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго. Въ отчетѣ за 1852 г. министръ заявилъ, что «прямая цѣль» преподаванія греческаго языка есть «основательное изученіе твореній древнихъ эллинскихъ писателей и, въ особенности, св. отцовъ Восточной Церкви».

Учебные планы уѣздныхъ и приходскихъ училищъ остались безъ перемѣнъ. Изъ числа дополнительныхъ курсовъ, открываемыхъ при уѣздныхъ училищахъ на основаніи устава 1828 г., князь Ширинскій-Шихматовъ призналъ неудобными курсы «формъ дѣлопроизводства и судебнаго порядка», съ чѣмъ согласился и Комитетъ Министровъ.

Положеніемъ о платѣ за ученье 16 мая 1852 г. установленъ былъ размѣръ платы: для петербургскихъ и московскихъ гимназій въ 50 рублей, для Кіевской 1-й—въ 20 рублей, для Одесской и Таганрогской—въ 10—15 рублей, для прочихъ гимназій и для дворянскихъ уѣздныхъ училищъ—въ 5 рублей. Лица податного состоянія ни въ какомъ случаѣ не освобождаются отъ платы.

Собранныя за учение деньги расходуются на стипендіи и пособія ученикамъ и учителямъ и на покрытіе разныхъ сверхштатныхъ расходовъ [134]).

VI.

Система государственныхъ школъ составляла, по взгляду С. С. Уварова, «главное орудіе просвѣщенія и нравственной жизни народа». Она должна была подавлять по возможности частныя учебныя заведенія и домашнее образованіе. «Министерство», говорилъ онъ въ запискѣ 1843 г., «не могло упустить изъ виду великость вреда, который можетъ производить ученіе, предоставленное произволу людей, которые или не обладаютъ необходимыми познаніями и нравственными свойствами для дѣла столь великой важности, или не умѣютъ и не хотятъ дѣйствовать въ духѣ правительства и для цѣлей, имъ указываемыхъ. Надлежало включить и эту вѣтвь народнаго образованія въ общую систему, распространить и на нее усугубленный надзоръ свой, привесть ее въ соотвѣтствіе и связь съ воспитаніемъ общественнымъ, доставивъ перевѣсъ отечественному образованію передъ иноземнымъ. Безпрерывное умноженіе частныхъ заведеній и прибывающихъ изъ чужихъ краевъ учителей и воспитателей сдѣлали необходимымъ принять, наконецъ, особыя мѣры осторожности».

Въ первые же годы своего управленія Министерствомъ Уваровъ провелъ нѣсколько важныхъ мѣръ о частныхъ учебныхъ заведеніяхъ и домашнемъ веспитаніи. Спѣшить этими мѣрами онъ считалъ нужнымъ «какъ по ходу политическихъ происшествій, такъ и по направленію общественнаго мнѣнія въ большей части иностранныхъ государствъ». Въ 1833 г. онъ представилъ Государю докладъ о средствахъ противъ умноженія частныхъ пансіоновъ. Онъ призналъ, что ограничительныя мѣры его предшественниковъ не достигаютъ цѣли, не представляютъ гарантій въ благонадежности содержателей частныхъ пансіоновъ, особенно иностранныхъ. Поэтому министръ испрашивалъ Высочайшее соизволеніе на слѣдующія правила, которыми должно руководствоваться Министерство: 1) «впредь до усмотрѣнія особой надобности» остановить открытіе новыхъ частныхъ пансіоновъ въ столицахъ; 2) въ другихъ городахъ разрѣшать открытіе частныхъ пансіоновъ лишь тогда, если «не представляется другой возможности къ

образованію юношества въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ»; 3) разрѣшать устройство частныхъ пансіоновъ лишь русскимъ подданнымъ; 4) установить спеціальный надзоръ за частными пансіонами. Государь написалъ на докладѣ: «Совершенно согласенъ, и давно о семъ помышлялъ». Устроить особый надзоръ Министерство поспѣшило надъ частными учебными заведеніями въ столицахъ: 26 декабря 1833 г. были учреждены должности инспекторовъ, избираемыхъ министромъ на одинъ годъ изъ академиковъ, профессоровъ, адъюнктовъ и чиновниковъ. Частные пансіоны и училища въ провинціи остались подъ надзоромъ общаго учебнаго начальства. Въ 1835 г. собраны были въ систематическомъ порядкѣ всѣ постановленія и распоряженія о частныхъ учебныхъ заведеніяхъ, начиная съ устава 1828 г., и изданы подъ названіемъ «Положенія о частныхъ учебныхъ заведеніяхъ». Рескриптъ 9 мая 1837 г. обратилъ вниманіе Министерства на объемъ преподаванія въ частныхъ училищахъ и предписалъ, «чтобы всѣ частные пансіоны, относительно круга ихъ наукъ, раздѣлены были на степени, сообразно общему училищъ устройству, и чтобы въ тѣхъ изъ нихъ, коихъ кругъ ученія соотвѣтствуетъ гимназіямъ, ни подъ какимъ видомъ не были допускаемы лица крѣпостнаго состоянія» [135]).

Труднѣе было согласовать съ системой публичнаго образованія домашнее воспитаніе и обученіе. «Еще неуловимѣе, еще недоступнѣе было для Министерства», по словамъ С. С. Уварова, «воспитаніе, совершаемое въ домахъ и укрывающееся отъ непосредственнаго вліянія правительства за святыню семейнаго крова и родительской власти. Министерству оставались тутъ средства косвенныя». Такими средствами были: привлеченіе къ педагогической дѣятельности по преимуществу природныхъ русскихъ; испытанія для желающихъ заниматься домашнимъ обученіемъ; дарованіе домашнимъ наставникамъ и учителямъ правъ и преимуществъ государственной службы; точное опредѣленіе ихъ обязанностей и отвѣтственности. 1 іюля 1834 г. явилось «Положеніе о домашнихъ наставникахъ и учителяхъ». Всѣ поступающіе въ частные дома «для нравственнаго воспитанія дѣтей» обязываются пріобрѣсти званіе домашняго наставника или домашняго учителя. Пріобрѣсти эти званія могутъ лица свободнаго состоянія, христіанскаго исповѣданія, «извѣстныя со стороны нравственныхъ качествъ», русскіе подданные. Иностранные подданные допускаются къ педагогической дѣятельности, но правами и преимуществами, присвоен-

ными званіямъ домашняго наставника или учителя, не пользуются. Званіе домашняго наставника присвоивается исключительно лицамъ, успѣшно окончившимъ полный курсъ ученія въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній и имѣющимъ званіе дѣйствительнаго студента или ученую степень. Званіе домашняго учителя пріобрѣтается особымъ испытаніемъ въ университетѣ, лицеѣ или гимназіи. Испытуемые должны доказать, «что они имѣютъ не только общія, необходимыя для начальнаго обученія, но также и подробныя и основательныя свѣдѣнія въ тѣхъ предметахъ, которые они преподавать намѣрены». Домашніе наставники и учителя считаются состоящими на дѣйствительной государственной службѣ и получаютъ классные чины, начиная съ 14-го класса, и награды медалями и орденами. Достигшіе глубокой старости или подвергшіеся неизлечимой болѣзни получаютъ пожизненныя пособія изъ спеціальнаго капитала призрѣнія, находящагося въ Департаментѣ Народнаго Просвѣщенія. Женщины допускаются къ обученію и воспитанію дѣтей въ частныхъ домахъ также по полученіи свидѣтельства на званіе домашней учительницы. Капиталъ призрѣнія для выдачи пожизненныхъ пособій наставникамъ и учителямъ составляется изъ сборовъ, взимаемыхъ на основаніи положенія 20 февраля 1823 г. со свидѣтельствъ на право обученія въ частныхъ домахъ, съ аттестатовъ на званія наставниковъ и учителей по новому положенію. «Положеніе о пенсіяхъ и единовременныхъ пособіяхъ домашнимъ наставникамъ и учителямъ» было выработано и издано уже при слѣдующемъ министрѣ князѣ Ширинскомъ-Шихматовѣ въ 1853 г. Полный окладъ пенсіи за 25-лѣтнюю службу назначенъ домашнимъ наставникамъ въ 270 руб. сер., домашнимъ учителямъ, учительницамъ и наставницамъ въ 160 руб. сер., независимо отъ количества вознагражденія, получаемаго ими въ частныхъ домахъ. Нарушенія правилъ положенія 1834 г. караются денежными штрафами и преданіемъ суду «за лживый поступокъ». О лицахъ, принявшихъ въ свой домъ наставника, учителя или учительницу безъ надлежащихъ свидѣтельствъ, доводится до свѣдѣнія Его Императорскаго Величества. По новому положенію съ 1834 г. по 1843 г. выдано было свидѣтельствъ на право домашняго обученія 4483. Капиталъ призрѣнія съ 14.152 руб. сер. къ 1843 г. возросъ до 35.083 руб. сер.

Особенно озабочивали Министерство домашніе наставники и учителя изъ иностранцевъ. Положеніе 1834 г. требовало отъ нихъ представленія одобрительныхъ свидѣтельствъ отъ русскихъ миссій

за-границей. Въ мартѣ 1848 г., имѣя въ виду «настоящія смутныя происшествія за-границей и вредное направленіе умовъ», министръ предложилъ вовсе прекратить пріѣздъ въ Россію иностранцевъ съ цѣлью обученія дѣтей. Съ Высочайшаго соизволенія заграничнымъ посольствамъ и миссіямъ предложено было остановить на время выдачу свидѣтельствъ всѣмъ иностранцамъ и иностранкамъ, желающимъ выѣхать въ Россію для педагогической дѣятельности, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда иностранецъ или иностранка будутъ вызваны съ предварительнаго разрѣшенія русскаго правительства.

Въ 1843 г., по мнѣнію министра, главная цѣль была достигнута. «Домашнее воспитаніе», писалъ онъ, «мало-по-малу поглощено воспитаніемъ публичнымъ. Нынѣ частныя училища и пансіоны составляютъ малѣйшую частицу въ средствахъ народнаго образованія». Однако, по отчету министра за 1849 г. на общее число 2,142 учебныхъ заведеній, подвѣдомственныхъ Министерству, приходилось 559 частныхъ учебныхъ заведеній [136]).

Въ систему государственныхъ школъ введены были и учебныя заведенія для евреевъ. Общими Положеніями о евреяхъ 9 декабря 1804 г. и 13 апрѣля 1835 г. разрѣшено было евреямъ обучаться въ государственныхъ школахъ, безъ всякаго различія отъ другихъ національностей, и, сверхъ того, еврейскимъ обществамъ предоставлено заводить частныя и общественныя школы на общемъ основаніи, но подъ непремѣннымъ условіемъ—преподаванія русскаго языка. Но послѣ закона 1835 г. Министерство приступило къ разработкѣ общаго плана устройства еврейскихъ училищъ, обсужденнаго въ Особомъ комитетѣ объ устройствѣ евреевъ. Министръ постарался также собрать по этому вопросу, путемъ переписки и личныхъ бесѣдъ, мнѣнія выдающихся представителей еврейскихъ обществъ въ Россіи и за-границей. 17 марта 1841 г. онъ представилъ Государю докладъ «О преобразованіи евреевъ и о мнѣніи по сему предмету за-границею». «Въ теченіе многихъ столѣтій», писалъ министръ, «европейскія правительства старались разрѣшить этотъ вопросъ гоненіями и насильствами всякаго рода; впослѣдствіи обратились къ мѣрамъ кротости и къ внушеніямъ здравой логики. Кажется, этотъ послѣдній періодъ насталъ и для насъ; народы не истребляются, — особенно тотъ народъ, коего новѣйшая исторія начинается у подошвы Голгоѳы; но народы могутъ быть доведены до самой послѣдней степени моральнаго униженія, и на этой степени настигаютъ нынѣ евреевъ мѣры,

благодѣтельнымъ правительствомъ принимаемыя». Взамѣнъ частныхъ училищъ, руководимыхъ фанатичными раввинами, должны быть учреждены казенныя еврейскія училища двухъ степеней: 1) училища начальныя въ селахъ и мѣстечкахъ, 2) высшія училища въ губернскихъ городахъ, по примѣру училищъ въ Одессѣ, Кишиневѣ, Ригѣ. Съ цѣлью устранить вліяніе талмуда всѣ эти училища поставляются подъ начальство ученыхъ евреевъ, вызванныхъ изъ за-границы. Государь положилъ на докладѣ резолюцію: «Основанія справедливы». 22 іюня 1842 г. всѣ ученыя и учебныя еврейскія заведенія были подчинены надзору Министерства Народнаго Просвѣщенія, а для содѣйствія ему учреждена временная комиссія изъ нѣсколькихъ раввиновъ и ученыхъ евреевъ, на которую возложена задача выработать подробный планъ образованія евреевъ. Черезъ 2 года комиссія закончила свои работы и 13 ноября 1844 г. послѣдовалъ рядъ важныхъ постановленій: указъ министру Народнаго Просвѣщенія объ учрежденіи особыхъ училищъ для образованія еврейскаго юношества, изложеніе главныхъ основаній образованія евреевъ, Временныя правила о подчиненіи еврейскихъ ученыхъ и учебныхъ заведеній и домашнихъ учителей надзору Министерства, Положеніе о казенныхъ еврейскихъ училищахъ, Положеніе о раввинскихъ училищахъ, Положеніе о еврейскихъ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ и домашнихъ учителяхъ. Главной цѣлью этой новой системы еврейскихъ училищъ было «постепенное сближеніе евреевъ съ христіанскимъ народонаселеніемъ и искорененіе суевѣрія и вредныхъ предразсудковъ, внушаемыхъ ученіемъ талмуда». Всѣ существующія еврейскія учебныя и ученыя заведенія, открытыя по особымъ постановленіямъ съ разрѣшенія Министерства (талмудъ-торы, хадаримы, ешиботы, бесъ-медрацн), и домашніе учителя подчинены вѣдѣнію особыхъ временныхъ губернскихъ и уѣздныхъ комиссій, состоящихъ подъ предсѣдательствомъ губернскихъ директоровъ училищъ. Общія и частныя еврейскія училища подлежатъ постепенному закрытію, по мѣрѣ учрежденія казенныхъ училищъ 1-го и 2-го разряда, соотвѣтствующихъ въ учебномъ отношеніи приходскимъ и уѣзднымъ училищамъ, и раввинскихъ училищъ, соотвѣтствующихъ гимназіямъ, для приготовленія учителей для низшихъ училищъ и раввиновъ. Начальниками всѣхъ этихъ училищъ и преподавателями общихъ предметовъ назначаются христіане. Въ административномъ и хозяйственномъ отношеніяхъ еврейскія училища подчинены общимъ правиламъ учебнаго вѣдом-

ства. Наконецъ, частныя школы и домашніе учители поставлены подъ строгій контроль мѣстнаго учебнаго начальства. Право евреевъ обучаться въ общихъ государственныхъ и частныхъ христіанскихъ учебныхъ заведеніяхъ оставлено въ силѣ, согласно съ существующими уже о томъ постановленіями. Устройства казенныхъ еврейскихъ училищъ должно было составить особый предметъ расхода, покрываемый возстановленнымъ, по собственному желанію еврейскихъ обществъ, сборомъ съ шабашныхъ свѣчей. Временныя правила взиманія этого сбора составлены были въ 1845 г. и впослѣдствіи возобновлялись указами Сената 1849, 1850, 1852 г.г. [137]).

VII.

Тридцатилѣтній опытъ выяснилъ невозможность единства учебной системы на всемъ пространствѣ государства и необходимость согласовать ее на окраинахъ съ мѣстными, исторически опредѣлившимися, условіями. Но при предшественникахъ Уварова политика Министерства въ этомъ важномъ вопросѣ руководилась отдѣльными указаніями опыта и не была подчинена опредѣленной системѣ. Уваровъ, съ точки зрѣнія своей общей программы, впервые далъ принципіальное освѣщеніе политикѣ Министерства на окраинахъ.

Самымъ тяжелымъ наслѣдіемъ, переданнымъ Уварову его предшественниками, было преобразованіе учебной системы въ западныхъ губерніяхъ. «На поприщѣ вѣковой борьбы съ духомъ Польши», писалъ онъ въ 1838 г., «правительство дастъ нынѣ генеральное сраженіе». Взгляды его на задачи Министерства въ западныхъ губерніяхъ подробно изложены во всеподданнѣйшей запискѣ 1843 г. Въ борьбѣ двухъ враждебныхъ стихій, русской и польской, Министерство должно идти «среднимъ путемъ между двухъ крайнихъ мнѣній, равно одностороннихъ и опасныхъ». «Дворянство западныхъ губерній, привыкшее къ преподаванію въ училищахъ всѣхъ предметовъ на польскомъ языкѣ и къ духу отдѣльной національности, желало того же и во вновь открытыхъ училищахъ. Напротивъ, съ другой стороны требовали не только явнаго противодѣйствія прежнему, но и безпрерывнаго, рѣзкаго выраженія онаго во всѣхъ отношеніяхъ,—требовали, забывая, что эти насильственныя мѣры остановили бы надолго исполненіе главной цѣли правительства, когда бы жители того края пере-

стали отдавать своихъ дѣтей въ публичныя заведенія, и тѣмъ сдѣлали бы невозможнымъ правильное образованіе возрастающаго поколѣнія». Основной цѣлью политики Министерства, согласно съ личными намѣреніями Императора Николая, Уваровъ ставилъ «умственное сліяніе враждебныхъ началъ съ надлежащимъ перевѣсомъ русскаго», помня, что «сліяніе политическое не можетъ имѣть другого начала, кромѣ сліянія моральнаго и умственнаго».

Министерству Уварова предстояло создавать учебную систему въ западномъ краѣ почти заново. Въ началѣ тридцатыхъ годовъ «на всемъ пространствѣ отъ Нѣмана до Днѣпра не только не было высшаго учебнаго заведенія въ полномъ объемѣ, но и весь составъ второстепенныхъ учрежденій училищныхъ или находился въ развалинахъ или подлежалъ измѣненію въ главныхъ основаніяхъ и даже географическомъ раздѣленіи. Вездѣ воспитаніе и ученіе юношества слѣдовали прежнему превратному направленію. Языкъ русскій едва былъ слышенъ на этомъ огромномъ пространствѣ; даже въ близкой, родственной Литвѣ звуки его были чужды и незнакомы. Словомъ, образованіе юношества было устроено не въ видахъ общей государственной пользы, но подъ вліяніемъ мѣстныхъ страстей и предразсудковъ. Такимъ образомъ первою обязанностью Министерства явилось полное и коренное преобразованіе всего существующаго въ томъ краѣ по учебной части: необходимость коснуться въ одно время всѣхъ степеней народнаго воспитанія проистекала изъ самаго положенія вещей» [138]).

Все время управленія Министерствомъ Уварова западный край оставался раздѣленнымъ на два учебныхъ округа: Бѣлорусскій и Кіевскій. Высшими учебными заведеніями въ обоихъ округахъ должны были стать лицеи въ Оршѣ и Кіевѣ, куда рѣшено было перевести Волынскій лицей. Но съ учрежденіемъ въ Кіевѣ университета Св. Владиміра устроеніе Оршинскаго лицея, которымъ предполагалось замѣнить упраздненный Виленскій университетъ, было отмѣнено, и ассигнованныя на него суммы обращены въ пользу Кіевскаго университета. Кіевъ призванъ стать «средоточіемъ учебной системы всѣхъ западныхъ губерній для окончательнаго образованія молодыхъ людей, приготовленныхъ къ тому въ гимназіяхъ Кіевскаго и Бѣлорусскаго округовъ».

Рѣшенію учредить университетъ въ Кіевѣ предшествовали два отдѣльные проекта: перевести въ Кіевъ Волынскій лицей, закрытый 14 мая 1833 г., и основать особый Юридическій инсти-

тутъ Св. Владиміра. Послѣдній проектъ былъ Высочайше утвержденъ 9 мая 1833 г. Но въ томъ же году генералъ-губернаторъ графъ Левашевъ и Кіевскій попечитель Е. Ѳ. фонъ-Брадке возбудили ходатайство о замѣнѣ лицея и института университетомъ. Въ отвѣтъ на него послѣдовало Высочайшее повелѣніе, «чтобы переведенный изъ Кременца въ Кіевъ Волынскій лицей былъ распространенъ, усиленъ въ способахъ къ высшему образованію юношества и въ новомъ составѣ своемъ названъ университетомъ Св. Владиміра». 8 ноября 1833 г. послѣдовалъ указъ Правительствующему Сенату о главныхъ основаніяхъ учрежденія новаго университета, а 25 декабря утвержденъ его новый уставъ; нѣкоторыя положенія послѣдняго должны были стать образцомъ при составленіи общаго устава университетовъ. «Уставъ 1833 г.», говоритъ историкъ университета Св. Владиміра, «былъ знаменіемъ воскресенія русской образованности въ томъ краѣ, который наканунѣ признаваемъ былъ польскимъ». Какъ пояснялъ впослѣдствіи С. С. Уваровъ, университетъ призванъ былъ «служить соединенію польскаго юношества съ русскимъ въ Кіевѣ, этомъ нѣкогда первопрестольномъ городѣ Россіи, основательному изученію русскаго языка и словесности, знакомству съ учрежденіями и установленіями русскими». Уставъ 1833 г., явившійся до извѣстной степени прототипомъ общаго устава университетовъ 1835 г., заключалъ въ себѣ слѣдующія особенности: умалено значеніе университета, какъ ученаго общества; усилена власть попечителя; уничтоженъ самостоятельный университетскій судъ; правленіе поставлено въ болѣе самостоятельное положеніе по отношенію къ совѣту; должность ректора сдѣлана двухгодичной; министру предоставлено право назначать на вакантныя каѳедры по собственному усмотрѣнію, помимо выбора совѣта; курсъ опредѣленъ въ 4 года; факультетовъ положено два: философскій, состоящій изъ двухъ отдѣленій, и юридическій; поступленіе въ университетъ обусловлено экзаменомъ, при чемъ гимназическія свидѣтельства принимаются лишь «въ особое уваженіе»; инспекція находится въ вѣдѣніи особаго, военнаго или гражданскаго, чиновника, получающаго приказанія отъ ректора. На устройство и содержаніе новаго университета обращены были средства, принадлежавшія Волынскому лицею, Кіевской гимназіи, проектированному Институту правовѣдѣнія, а также капиталъ, пожертвованный въ пользу Кіевскаго университета еще въ 1803 г. Демидовымъ и возросшій теперь съ 50 до 200 тысячъ рублей. При назначеніи штата

ежегоднаго содержанія Министерство приняло середину между штатами Дерптскаго университета и штатами прочихъ университетовъ; штатъ былъ опредѣленъ въ 248.390 рублей.

Торжественное открытіе университета послѣдовало 15 іюля 1834 г. Первоначальный составъ преподавателей былъ преимущественно польскій. «Переводъ профессоровъ изъ Кременца въ Кіевъ былъ сдѣланъ преднамѣренно, чтобы не оттолкнуть отъ университета мѣстнаго населенія». Въ 1837 г. Уваровъ ревизовалъ Кіевскій университетъ и остался имъ доволенъ, хотя и не считалъ положеніе университета вполнѣ нормальнымъ. Поведеніе профессоровъ, переведенныхъ изъ Кременца, онъ признавалъ вполнѣ лойяльнымъ, но думалъ, что приспѣло время удалить ихъ «со всевозможною бережливостію и безъ малѣйшаго нареканія, ибо они въ юридическомъ смыслѣ безпорочны и ни въ чемъ не нарушили даннаго обѣщанія». Но удаленіе ихъ было необходимо для полнаго торжества русскихъ элементовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Уваровъ указывалъ на ложное и тяжкое положеніе польскихъ профессоровъ: «какое вліяніе можетъ имѣть надъ юношествомъ профессоръ, который не допускаетъ къ себѣ ни одного изъ студентовъ, видается съ ними только на лекціяхъ, избѣгая тщательно даже всякаго съ ними частнаго разговора, профессоръ, который не находитъ твердой опоры въ начальствѣ, ниже откровеннаго обхожденія съ товарищами». Не вполнѣ благонадежно было настроеніе студенчества, но «коренной духъ ложной національности», говорилъ министръ, «слившійся съ самыми сильными и тайными чувствами сердца, можно изгладить совсѣмъ развѣ только въ новомъ поколѣніи».

Скоро этотъ духъ снова заявилъ о себѣ. Въ 1837—1838 годахъ въ университетѣ были обнаружены слѣды польской революціонной пропаганды, и указомъ 9 января 1839 г. чтеніе лекцій въ университетѣ прекращено на годъ; всѣ студенты уволены съ правомъ перехода въ другіе университеты и поступленія на службу. Фонъ-Брадке былъ уволенъ отъ должности попечителя учебнаго округа и замѣненъ княземъ С. И. Давыдовымъ, бывшимъ минскимъ гражданскимъ губернаторомъ. 13 января временное управленіе университетомъ передано особой комиссіи, подъ предсѣдательствомъ генералъ-губернатора, изъ попечителя, его помощника и нѣкоторыхъ профессоровъ. Рескриптомъ на имя министра 26 апрѣля 1839 г. разрѣшено было вновь открыть университетъ съ сентября. «Университетъ вышелъ изъ тяжелаго испытанія не

безъ громадныхъ потерь: онъ лишился половины своихъ преподавателей и почти всѣхъ студентовъ».

Первый уставъ университета Св. Владиміра, введенный на 4 года, былъ возобновленъ еще на четырехлѣтіе въ 1838 г. Въ 1840 г. начато постепенное открытіе медицинскихъ курсовъ. Медицинскій факультетъ долженъ былъ замѣнить закрытую Виленскую медико-хирургическую академію, «послѣднее убѣжище ложнаго патріотизма» въ западномъ краѣ. 28 октября слѣдующаго года по положенію Комитета Министровъ Высочайше повелѣно избирать ректоровъ и декановъ на четыре года. По истеченіи второго четырехлѣтія дѣйствія временнаго устава, 9 іюня 1842 г. указомъ Сенату введенъ въ дѣйствіе новый уставъ, выработанный совѣтомъ университета и разсмотрѣнный Комитетомъ устройства учебныхъ заведеній. Профессоръ Владимірскій-Будановъ такъ характеризуетъ уставъ 1842 г.: онъ «во многомъ основывается на общемъ уставѣ университетовъ 1835 г., но въ значительномъ числѣ параграфовъ даетъ спеціальныя постановленія для университета Св. Владиміра. Именно, уставъ 1835 г. распространенъ на университетъ Св. Владиміра во всемъ, что касается порядка веденія дѣлъ въ факультетахъ, въ засѣданіяхъ совѣта и правленія, во всемъ, что касается лекцій, задачъ и испытаній, и, наконецъ, въ томъ, что относится къ инспекторской части, къ педагогическому и медицинскому институтамъ. Всѣ прочія части устава составляютъ черты отличія университета Св. Владиміра отъ прочихъ русскихъ университетовъ. Происхожденіе этихъ отличій объясняется во-первыхъ тѣмъ, что семилѣтній опытъ послѣ изданія устава 1835 г. указалъ необходимость нѣкоторыхъ измѣненій и приспособленій; во-вторыхъ внутренними особенностями, которыя хотѣлъ придать графъ Уваровъ университету въ Кіевѣ. Кіевскій университетъ, наравнѣ съ Дерптскимъ, считался на особомъ положеніи. Уваровъ считалъ съ одной стороны болѣе возможнымъ примѣнить къ нему вполнѣ порядки германскихъ университетовъ, съ другой стороны считалъ необходимыми особыя усиленныя мѣры правительственнаго контроля именно надъ этимъ университетомъ. Отсюда является двойственность въ основныхъ чертахъ устава 1842 г.: допуская свободу, усвоенную въ германскихъ университетахъ въ учебной части, уставъ во всемъ, что касается управленія, не даетъ и той доли правъ университету Св. Владиміра, какая была предоставлена прочимъ русскимъ университетамъ по уставу 1835 г.».

Разсадникомъ высшаго образованія для обоихъ округовъ, Бѣлорусскаго и Кіевскаго, сталъ университетъ Св. Владиміра. Но Министерство не закрывало доступа западно-русскому юношеству и въ другіе русскіе университеты. 13 іюня 1833 г. Высочайше утвержденнымъ положеніемъ Комитета Министровъ разрѣшено было отправить въ Петербургскій и Московскій университеты 50 человѣкъ отличнѣйшихъ и «благонадежнѣйшихъ по образу мысли» воспитанниковъ бѣлорусскихъ гимназій, съ назначеніемъ стипендій по 80—100 рублей каждому. 2 октября 1838 г. при университетахъ Петербургскомъ, Харьковскомъ, Московскомъ и Казанскомъ учреждено по пяти казенныхъ стипендій въ 500 руб. асс. для лучшихъ учениковъ изъ Бѣлорусскаго округа съ подчиненіемъ этихъ стипендіатовъ обычному обязательству шестилѣтней службы [139]).

Также заново пришлось создавать Министерству С. С. Уварова и систему средняго и низшаго образованія въ Бѣлорусскомъ и Кіевскомъ округахъ. Въ разработкѣ различныхъ проектовъ принимали участіе Особый Комитетъ по дѣламъ западныхъ губерній, Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, мѣстные губернаторы. Дважды, въ 1834-мъ и 1835 гг., для осмотра учебныхъ заведеній западнаго края командированъ былъ флигель-адъютантъ графъ Пратасовъ. Общій планъ, по которому создана была новая учебная система, изложенъ С. С. Уваровымъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ въ 1835 г. Министръ полагалъ необходимымъ возстановить въ западномъ краѣ систему учебныхъ заведеній «въ духѣ русскомъ, хотя большею частью подъ наружностью прежнихъ наименованій»; «дабы не испугать съ перваго пріема умы, ослѣпленные заблужденіями продолжительными и недавними, и прежде всего овладѣть довѣренностью того края въ учрежденіи сихъ училищъ, слѣдуя твердому плану, снисходить на первый случай къ тѣмъ мѣстнымъ требованіямъ, кои не явно противны сему плану, а между тѣмъ вводить непреклонно въ духѣ и формахъ преподаванія тѣ главныя условія, кои прямо относятся къ имѣющейся въ виду цѣли»; «воспользоваться довѣріемъ высшаго класса, дабы учредить возможное число благородныхъ пансіоновъ при гимназіяхъ, которые даютъ средства къ ближайшему надзору и къ точнѣйшему примѣненію принятыхъ началъ»; наконецъ, «перенести центръ учебной системы въ Россію, приноравливая всю систему въ должной постепенности къ избранному центру», какимъ уже былъ Кіевскій университетъ.

Государь написалъ на докладѣ: «Совершенно согласно съ

моими намѣреніями; строго держаться сего плана, ни въ чемъ не послабляя и отнюдь не удаляясь». Первой задачей Министерства, поставленной еще при князѣ Ливенѣ, было устранить католическое духовенство отъ народнаго образованія. Но вслѣдствіе скудости денежныхъ средствъ и недостатка въ русскихъ учителяхъ рѣшено было не спѣшить, какъ настаивалъ въ Комитетѣ по дѣламъ западныхъ губерній Виленскій военный губернаторъ князь Долгоруковъ, и закрывать духовныя училища «постепенно, по мѣрѣ какъ оныя, съ учрежденіемъ свѣтскихъ, сдѣлаются совершенно излишними». Въ апрѣлѣ 1833 г. министры Народнаго Просвѣщенія и Внутреннихъ Дѣлъ представили Государю совмѣстный докладъ о доходахъ закрытаго Виленскаго университета: общую сумму доходовъ съ эдукаціоннаго фундуша на 1833 г. министры исчислили въ 314.462 р. 49¼ коп. сер., 3.696 р. 20¼ коп. асс., 326 червонцевъ. Сверхъ того въ пользу училищъ въ 1832 г. отданы были доходы съ недвижимыхъ имѣній упраздненныхъ монастырей, превышавшіе 130.000 руб. Введеніе въ дѣйствіе новой системы средняго образованія началось съ 1834 г. 3 января былъ Высочайше утвержденъ примѣрный штатъ гимназій и уѣздныхъ училищъ губерній Виленской, Гродненской, Минской и области Бѣлостокской. Положено учредить 7 гимназій (изъ нихъ 2 въ Вильнѣ), 12 уѣздныхъ училищъ для дворянъ, 6 уѣздныхъ училищъ для мѣщанъ. Въ губерніяхъ бѣлорусскихъ, Витебской и Могилевской, по штату 24 октября 1836 г., положено 3 гимназіи, 5 дворянскихъ уѣздныхъ пятиклассныхъ училищъ и 3 трехклассныя уѣздныя училища. 1 января 1839 г. учебныя заведенія литовскихъ губерній получили новый штатъ, по которому должны были открыться: 1 дворянскій институтъ въ Вильнѣ, 6 гимназій, 17 дворянскихъ пятиклассныхъ уѣздныхъ училищъ, 3 особенныя четырехклассныя отдѣленія гимназій. Назначено штатное жалованье смотрителямъ приходскихъ училищъ Самогитіи, Виленской, Минской и Гродненской губерній. Наконецъ, 20 октября 1843 г. учебныя заведенія губерній Виленской, Ковенской, Гродненской и Минской получили новый штатъ, «примѣненный къ новому сихъ губерній составу». Въ штатъ были внесены: Виленскій дворянскій институтъ, 6 гимназій, 19 уѣздныхъ пятиклассныхъ для дворянъ училищъ, 3 четырехклассныя отдѣленія гимназій, 4 губернскихъ смотрителя приходскихъ училищъ.

Всѣ эти штаты не коснулись постановки начальнаго образованія: они опредѣлили только жалованіе особымъ смотрителямъ

приходскихъ училищъ для каждой губерніи. Для приходскихъ училищъ западнаго края изданы были особыя постановленія и правила. 28 октября 1833 г., по представленію попечителя Бѣлорусскаго округа, Главное Правленіе Училищъ разрѣшило учреждать, по мѣрѣ надобности, въ Виленской, Гродненской и Минской губерніяхъ на средства училищныхъ фундушей, городскихъ и сельскихъ обществъ, одно-и двухклассныя приходскія училища съ программами по уставу 1828 г., дополненными преподаваніемъ польскаго и жмудскаго (въ Самогитіи) языка и католическаго вѣроученія. Поставлять учителей должна была вновь учреждаемая семинарія въ Витебскѣ, по примѣру бывшей семинаріи при Виленскомъ университетѣ. 8 ноября 1845 г. введены были временныя, на три года, правила для приходскихъ училищъ Кіевской, Волынской и Подольской губерній. Они также должны устраиваться на различныя мѣстныя средства, а въ учебномъ и административномъ отношеніяхъ подчиняться уставу 1828 г. Въ 1853 г. эти правила обращены были въ постоянныя.

Штатъ учебныхъ заведеній Кіевскаго округа изданъ 16 іюня 1835 г. Въ этомъ округѣ положено быть 6 гимназіямъ (2 въ Кіевѣ), 16 дворянскимъ уѣзднымъ училищамъ, 2 уѣзднымъ мѣщанскимъ училищамъ. Въ 1842 г. министръ насчитывалъ въ учебныхъ заведеніяхъ Кіевскаго и Бѣлорусскаго округовъ отъ 15 до 20 тысячъ воспитанниковъ.

Въ отношеніи администраціи и учебныхъ плановъ гимназіи и уѣздныя училища обоихъ округовъ были подчинены указомъ 5 іюля 1834 г. общему уставу 8 декабря 1828 г. Но въ нѣкоторыхъ пунктахъ учебная система западнаго края имѣла свои особенности. Главною изъ нихъ было учрежденіе уѣздныхъ пятиклассныхъ дворянскихъ училищъ и четырехклассныхъ отдѣленій гимназій съ цѣлью сосредоточить по возможности полнѣе образованіе дворянской молодежи въ правительственныхъ школахъ и подавить домашнее воспитаніе. Графъ Пратасовъ, наблюдая ненадежное политическое настроеніе учащейся молодежи, выражалъ убѣжденіе, «что не въ училищахъ почерпается этотъ духъ, но въ домахъ родительскихъ, и что въ семъ отношеніи сами отцы развращаютъ дѣтей, стараясь искоренить изъ нихъ чувства, наставниками внушаемыя» [140]).

Такъ какъ главнымъ орудіемъ польскаго вліянія въ западномъ краѣ являлся польскій языкъ, то были приняты мѣры къ тому, чтобы сократить по возможности его преподаваніе и употре-

бленіе въ школахъ. Но этой цѣли можно было достигать только постепенно. При образованіи Бѣлорусскаго учебнаго округа въ 1829 г. для преподаванія польскаго языка въ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ разрѣшено было имѣть особыхъ учителей. Когда преподавательскія должности въ западномъ краѣ стали замѣщаться лицами русскаго происхожденія изъ воспитанниковъ Главнаго педагогическаго института, то въ послѣднемъ введено было преподаваніе польскаго языка, такъ какъ первоначальное обученіе въ западныхъ школахъ по необходимости должно было вестись на польскомъ языкѣ. Черезъ три года, въ 1836 г., это преподаваніе было прекращено, когда Министерство убѣдилось «въ распространеніи русскаго языка въ училищахъ западныхъ губерній и въ неожиданныхъ успѣхахъ въ ономъ даже въ заведеніяхъ начальныхъ». Наконецъ, во второй половинѣ 30-хъ годовъ преподаваніе польскаго языка было прекращено, и учителя польскаго языка исключены изъ штатовъ: въ 1835 г. въ учебныхъ заведеніяхъ Кіевской, Волынской и Подольской губерній, въ 1836 г.—Витебской и Могилевской, въ 1838 г.—Виленской, Гродненской, Минской и Ковенской. Такимъ образомъ преподаваніе польскаго языка постепенно прекратилось въ училищахъ всѣхъ девяти губерній западнаго края.

Наоборотъ, преподаваніе русскаго языка было усилено. По новымъ штатамъ въ гимназіяхъ западныхъ губерній назначено было по 2 старшихъ учителя русскаго языка и словесности и особый младшій учитель географіи. «Совершенное знаніе русскаго языка и превосходные успѣхи въ россійской словесности» были поставлены для учениковъ условіемъ для полученія права на чинъ 14-го класса взамѣнъ знанія греческаго языка [141]).

Изъ прочихъ спеціальныхъ вопросовъ учебнаго дѣла вниманіе Министерства особенно останавливали закрытыя учебныя заведенія и женское образованіе. Въ докладѣ 1838 г. Уваровъ писалъ: «въ губерніяхъ, отъ Польши возвращенныхъ, ничто не можетъ ближе согласоваться съ духомъ нашей системы, какъ продолжительное удержаніе юношества въ публичныхъ заведеніяхъ», и подавленіе домашняго воспитанія—«вѣрнаго союзника мѣстныхъ предразсудковъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ надежнѣйшимъ средствомъ воспитать юношество, особенно дворянское, въ желаемомъ направленіи представлялись закрытыя учебныя заведенія. Проектъ Виленскаго военнаго губернатора, внесенный имъ въ Комитетъ по дѣламъ западныхъ губерній, объ учрежденіи для дворянъ

лицеевъ въ Вильнѣ, Гроднѣ и Бѣлостокѣ былъ отвергнутъ. Государь призналъ ненужнымъ учрежденіе этихъ лицеевъ послѣ устроенія въ Полоцкѣ кадетскаго корпуса и въ Оршѣ лицея. Вмѣсто лицеевъ рѣшено было въ 1835 г. учредить благородные пансіоны при гимназіяхъ въ Вильнѣ и Гроднѣ. При первой Кіевской гимназіи по указу 1835 г. существовалъ конviктъ для бѣдныхъ дворянъ. 7 октября 1838 г. Виленская вторая гимназія съ благороднымъ пансіономъ была переименована въ Дворянскій институтъ, который по предположенію министра долженъ былъ современемъ возвыситься въ лицей. Всѣ эти пансіоны предназначались для казенныхъ стипендіатовъ и своекоштныхъ воспитанниковъ. Сверхъ того, Высочайшимъ указомъ Сенату 6 сентября 1837 г. было предоставлено министру Внутреннихъ Дѣлъ учредить въ западныхъ губерніяхъ особыя учебно-воспитательныя заведенія для дѣтей бѣдныхъ дворянъ и чиновниковъ подъ вѣдѣніемъ и на средства мѣстныхъ Приказовъ общественнаго призрѣнія съ пособіемъ отъ казны. Но затѣмъ, 24 мая 1838 г., по соглашенію министровъ Внутреннихъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія и по положенію Комитета Министровъ, этотъ проектъ былъ измѣненъ и рѣшено на средства Приказовъ общественнаго призрѣнія учредить пансіоны при гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ на общихъ основаніяхъ. 2 декабря явилось «Положеніе» о пансіонерахъ Приказовъ общественнаго призрѣнія при нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ западныхъ губерній. Въ 1836 г. по инціативѣ Кіевскаго попечителя при 1-й Кіевской гимназіи возникло особое воспитательное заведеніе для малолѣтнихъ въ возрастѣ 7—10 лѣтъ. Министръ предполагалъ дать широкое распространеніе подобнымъ заведеніямъ въ западныхъ губерніяхъ. То «безпрерывное наблюденіе», которымъ пансіонеры были ограждены «отъ внѣшнихъ неблагопріятныхъ вліяній», Министерство старалось распространить и на вольноприходящихъ учениковъ. Въ запискѣ 1843 г. Уваровъ объяснялъ, что «живя дотолѣ въ частныхъ домахъ, у людей, большею частью, бѣднаго сословія, которые ни своими понятіями, ни мыслями, ни образомъ жизни не могли служить примѣромъ для дѣтскаго возраста, ученики гимназій и уѣздныхъ училищъ все внѣклассное время оставались безъ надзора и подъ вліяніемъ всегда невыгоднымъ для нравственнаго ихъ усовершенствованія. Министерство учредило для нихъ общія квартиры, подъ присмотромъ особыхъ надзирателей. Заведенія эти, раздѣленныя на нѣсколько разрядовъ, устроены по

образцу благородныхъ пансіоновъ и учреждаются при всѣхъ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ западныхъ губерній, гдѣ только окажется возможность». Общія ученическія квартиры были устроены сначала въ Кіевскомъ, а потомъ въ Бѣлорусскомъ округахъ по Высочайшимъ повелѣніямъ 23 апрѣля 1840 г. и 22 октября 1841 г. Наконецъ, съ цѣлью дать возможность недостаточнымъ воспитанникамъ доводить до конца свое образованіе, Уваровъ 2 октября 1838 г. испросилъ Высочайшее соизволеніе на отпускъ гимназіямъ Бѣлорусскаго округа по 1.900 руб. сер. на каждую для выдачи ежегодныхъ стипендій бѣднымъ воспитанникамъ по 25—50 рублей [142]).

Политическая смута начала 30-хъ годовъ гнѣздилась также и въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. При осмотрѣ училищъ Бѣлорусскаго округа въ 1834 г. графъ Пратасовъ обратилъ вниманіе, что «духъ, враждебный правительству и русской національности», особенно распространенъ въ женскихъ школахъ: «въ восьми пансіонахъ для дѣвицъ, существовавшихъ въ Вильнѣ, господствовало совершенно польское направленіе, и несмотря на то, что образованіе, сообщаемое ими, было крайне жалко, пансіоны эти пользовались довѣріемъ лучшихъ фамилій. Даже въ Кіевѣ находилось одно изъ подобныхъ заведеній, извѣстное своимъ исключительно польскимъ характеромъ. Но особенное зло причиняли воспитательныя заведенія для дѣвицъ при монастыряхъ, которыя были изъяты отъ всякаго вліянія учебнаго начальства, и гдѣ духъ вредной пропаганды могъ развиваться безпрепятственно». Императоръ Николай понималъ важность этого вопроса и на докладѣ министра объ учрежденіи новыхъ учебныхъ заведеній въ Кіевѣ 19 сентября 1836 г. написалъ: «Неоспоримо полезно; но столь же, а можетъ быть болѣе пользы усилить способы русскаго женскаго воспитанія, безъ котораго другое по духу края не будетъ достаточно». Но преобразованіе женскихъ училищъ «встрѣчало преграды особаго рода: съ давнихъ поръ жители того края привыкли видѣть образованіе своихъ дочерей въ рукахъ нѣкоторыхъ женскихъ монашескихъ орденовъ, которые въ этомъ занятіи полагали исполненіе церковнаго обѣта и способы къ существованію. Нелегко было преодолѣть вмѣстѣ и народныя предубѣжденія и чувство религіозное». 16 іюня 1835 г. министръ испросилъ Высочайшее соизволеніе распространить надзоръ Министерства на всѣ женскія училища, содержимыя монастырями визитокъ, бернардинокъ, маріавитокъ, бенедиктинокъ и другихъ

женскихъ монашескихъ орденовъ съ тѣмъ, чтобы «сей надзоръ не былъ стѣснителенъ для монастырей и оставался всегда въ границахъ благовиднаго наблюденія». Въ 30-хъ годахъ началось открытіе свѣтскихъ женскихъ пансіоновъ, «приспособленныхъ преимущественно къ учебному женскому образованію средняго и низшаго класса дѣвицъ». 1 февраля и 7 іюля 1837 г. состоялись Высочайшія повелѣнія объ открытіи образцовыхъ пансіоновъ въ Вильнѣ, Витебскѣ, Минскѣ, Гроднѣ, Бѣлостокѣ, Кіевѣ, Винницѣ, Житомірѣ, Ровнѣ, Каменецъ-Подольскѣ, Полоцкѣ, съ производствомъ пособія отъ казны по 1.500 руб. сер. въ годъ. Тогда же на докладѣ С. С. Уварова и князя Долгорукова объ учрежденіи въ Вильнѣ центральнаго женскаго института для Бѣлорусскаго округа 1 февраля 1837 г. Государь положилъ резолюцію: «Нахожу удобнѣе помѣстить заведеніе сіе въ Бѣлостокѣ, гдѣ дворецъ могу на сіе отдать. Какъ начальницѣ, такъ и всѣмъ классным дамамъ быть непремѣнно русскимъ, иначе цѣль не достигается». Въ 40-хъ годахъ приняты были рѣшительныя мѣры къ тому, чтобы изъять женское образованіе въ Западномъ краѣ отъ католическаго духовенства. Въ апрѣлѣ 1840 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе не допускать при женскихъ пансіонахъ монахинь и закрыть въ Витебской и Могилевской губерніяхъ женскія монастырскія заведенія черезъ 2 года; о распространеніи же этой мѣры на всѣ западныя губерніи должны были представить общій докладъ министры Внутреннихъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія. По взаимному соглашенію обоихъ Министерствъ рѣшено было обождать окончанія работъ особаго комитета по вопросу о передачѣ въ казну населенныхъ имѣній закрытыхъ монастырей. Указомъ 1 января 1842 г. суммы, принадлежавшія закрытымъ женскимъ монастырямъ, въ количествѣ 70 тысячъ руб. сер., переданы Министерству Народнаго Просвѣщенія на содержаніе свѣтскихъ училищъ. Наконецъ въ началѣ февраля 1843 г. былъ представленъ докладъ, за подписями министра Внутреннихъ Дѣлъ Перовскаго и временно управлявшаго Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія князя Ширинскаго-Шихматова, о закрытіи женскихъ пансіоновъ при монастыряхъ западныхъ губерній, о передачѣ въ распоряженіе Министерства Народнаго Просвѣщенія зданій упраздненныхъ монастырей и о разрѣшеніи открывать свѣтскіе пансіоны. Государь 4 февраля положилъ резолюцію: «Согласенъ; но могутъ быть переданы только тѣ зданія, кои военному вѣдомству не нужны». На проценты съ переданной въ

Министерство Народнаго Просвѣщенія суммы былъ учрежденъ въ Вильнѣ образцовый женскій пансіонъ для дѣвицъ средняго состоянія и школы: одноклассныя въ Витебскѣ и Минскѣ и двухклассныя въ Вильнѣ.

Образцовые частные женскіе пансіоны, пользовавшіеся правительственными субсидіями, представляли то неудобство, что содержательницами ихъ являлись лица польскаго происхожденія. На это обстоятельство обратилъ вниманіе въ 1849 г. Витебскій губернаторъ, записка котораго, по Высочайшему повелѣнію, передана была графу Уварову. Послѣдній въ представленіи Комитету Министровъ 27 іюля 1849 г. объяснилъ, что частные пансіоны, находясь подъ бдительнымъ надзоромъ учебнаго начальства, приносятъ несомнѣнную пользу тѣмъ, что ограждаютъ женскую молодежь «отъ вредныхъ внушеній, какими сопровождается тамъ (въ западномъ краѣ) домашнее воспитаніе». Но «пріискать въ этомъ краѣ русскихъ содержательницъ пансіоновъ рѣшительно нельзя, а если бы даже и можно было вызвать для сего способныхъ и благонадежныхъ лицъ изъ внутреннихъ губерній, то пансіоны ихъ, по предубѣжденію тамошнихъ жителей, не могли бы существовать собственными средствами, и для поддержанія оныхъ до того времени, пока заведенія эти пріобрѣтутъ довѣріе родителей дѣвицъ, правительство должно было бы понести весьма большія издержки, къ покрытію которыхъ не имѣется въ виду источника» [143]).

Уже въ 1838 г. Уваровъ считалъ преобразованіе учебной системы въ западныхъ губерніяхъ законченнымъ. «Поле сраженія», писалъ онъ въ докладѣ объ осмотрѣ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеній, «по собственному сознанію враговъ остается въ рукахъ правительства».

Князь Ширинскій-Шихматовъ не измѣнилъ политики Министерства на окраинахъ, въ частности въ западномъ краѣ, и держался программы своего предшественника. Важнѣйшей перемѣной для западнаго края было возстановленіе Виленскаго учебнаго округа. По указу 2 мая 1850 г. губерніи Виленская, Гродненская, Минская и Ковенская составили особый Виленскій округъ, остальныя же двѣ губерніи, Витебская и Могилевская, отошли къ округу Петербургскому. Тотъ же указъ управленіе новымъ округомъ возложилъ, на правахъ попечителя, на Виленскаго генералъ-губернатора Бибикова. Генералъ-губернаторъ не замедлилъ предложить нѣкоторыя мѣры для улучшенія учебнаго дѣла въ

западномъ краѣ. Первое его предложеніе объ учрежденіи при Виленскомъ учебномъ округѣ спеціальнаго военнаго класса для желающихъ поступить въ военную службу воспитанниковъ Виленскаго дворянскаго института и гимназіи было отвергнуто Государемъ. Второе предложеніе о пріемѣ въ гимназіи только дѣтей родовыхъ и личныхъ дворянъ и купцовъ первыхъ двухъ гильдій удостоилось Высочайшей резолюціи: «Это совершенно справедливо; такъ и приказать по всѣмъ западнымъ губерніямъ». Министръ распорядился распространить эту мѣру на всѣ вообще западныя губерніи, входящія въ составъ округовъ Виленскаго, Кіевскаго и С.-Петербургскаго, испросивъ только два исключенія: въ пользу реальныхъ отдѣленій при нѣкоторыхъ гимназіяхъ и въ пользу конвиктовъ, учрежденныхъ по записямъ и по духовнымъ завѣщаніямъ, оговаривающимъ право поступленія и для лицъ податныхъ состояній. Наконецъ, третій проектъ генерала Бибикова касался упраздненія четырехклассныхъ отдѣленій гимназій и преобразованія пятиклассныхъ дворянскихъ училищъ въ обыкновенныя уѣздныя по уставу 1828 г. Государь приказалъ было и эту мѣру «исполнить по всему Западному краю»: но министръ рѣшительно возсталъ противъ нея. Онъ доказывалъ, что дворянскія пятиклассныя уѣздныя училища вполнѣ удовлетворяютъ мѣстнымъ потребностямъ и заслужили довѣренность дворянства; состоя изъ 5—3 классовъ, равняющихся соотвѣтствующимъ классамъ гимназій, дворянскія училища даютъ возможность своимъ воспитанникамъ продолжать образованіе въ гимназіяхъ *). Уѣздныя же училища общаго типа не принаровлены къ потребностямъ дворянства и не даютъ возможности переходить прямо въ высшіе классы гимназій. Министръ опасался, что проектированная Бибиковымъ реформа повлечетъ за собою вновь развитіе домашняго воспитанія и частныхъ пансіоновъ, уже прекратившихъ существованіе въ западныхъ губерніяхъ, и правительство выпуститъ изъ своихъ рукъ образованіе весьма значительной части мѣстной дворянской молодежи; «главными стихіями воспитанія сдѣлались бы по прежнему безумный польскій патріотизмъ и слѣпой римско-католическій фанатизмъ». 28 января 1852 г. Государь призналъ всѣ эти соображенія справедливыми.

Въ 1850 г., въ виду предположенной люстраціи помѣщичь-

*) По свѣдѣніямъ Министерства въ 1852 г. въ 17 гимназіяхъ и 3 отдѣленіяхъ гимназій западнаго края числилось 5.876 учащихся, изъ нихъ 4.572 дворянъ; въ 33 уѣздныхъ училищахъ 3.790, изъ нихъ 3.458 дворянъ.

ихъ имѣній въ западныхъ губерніяхъ, учреждены были на семь лѣтъ землемѣрные классы при гимназіяхъ Виленской и Минской на счетъ особаго сбора съ помѣщиковъ на производство межеванія и люстраціи. Курсъ землемѣрныхъ наукъ раздѣленъ былъ на 2 годичныхъ класса, параллельныхъ VI и VII классамъ гимназіи [144]).

На принципахъ примиренія двухъ враждебныхъ началъ, польскаго и русскаго, должны были зиждиться, по убѣжденію С. С. Уварова, мѣры правительства по преобразованію учебной системы въ Царствѣ Польскомъ. Здѣсь, говорилъ онъ, «ходъ публичнаго образованія долженъ былъ во многомъ представлять отличительныя черты и разниться отъ мѣръ, припятыхъ въ западныхъ и остзейскихъ губерніяхъ. Чѣмъ опредѣлительнѣе мысль указа 20 ноября 1839 г., присоединившаго учебную часть Царства къ вѣдомству Министерства Народнаго Просвѣщенія, тѣмъ осторожнѣй и безпристрастнѣй должны были быть первый приступъ къ дѣлу и самый выборъ пути. Этотъ путь лежитъ между двумя крайностями: между ультра-русскимъ, понятнымъ, но безплоднымъ и безполезнымъ, чувствомъ явнаго презрѣнія къ народу, имѣвшему доселѣ мало правъ на наше сочувствіе, и между ультра-европейскою наклонностью сдѣлаться въ глазахъ этого народа предметомъ слѣпого энтузіазма. Тутъ, какъ и во всѣхъ почти дѣйствіяхъ государственныхъ, средняя стезя являла твердость и обезпечивала успѣхи».

«Учебная система Царства требовала коренного преобразованія. Объемъ наукъ въ уѣздныхъ училищахъ не соотвѣтствовалъ цѣли оныхъ; въ гимназіяхъ общее филологическое образованіе смѣшано было съ ученіемъ спеціальнымъ, техническимъ; для высшаго образованія учреждены были дополнительные курсы съ экзаменаціоннымъ комитетомъ, замѣнявшіе нѣкоторымъ образомъ упраздненный Варшавскій университетъ и снабжавшіе учителями и наставниками общія и частныя заведенія Царства». Преобразованіе среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній Царства, по указанію С. С. Уварова, облегчалось тѣмъ, что при составленіи въ 1834 г. устава гимназій, училищъ обводовыхъ и первоначальныхъ Царства Польскаго, былъ уже принятъ въ руководство уставъ 1828 г. Поэтому теперь оставалось дополнить уставъ 1834 г. постановленіями, изданными послѣ 1828 г. Эта работа, составленіе проекта новаго устава, была исполнена особой комиссіей изъ членовъ Совѣта народнаго просвѣщенія Царства; проектъ былъ

предварительно разсмотрѣнъ и одобренъ по части учебной въ общемъ собраніи Совѣта народнаго просвѣщенія и по части финансовой—въ Совѣтѣ Управленія Царства.

31 августа 1840 г. былъ изданъ «Уставъ гимназій, училищъ обводовыхъ и первоначальныхъ Варшавскаго учебнаго округа». Въ основу его положенъ общій уставъ 8 декабря 1828 г. съ допущеніемъ только самыхъ необходимыхъ, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, измѣненій. Первоначальныя училища учреждаются на средства помѣщиковъ, городскихъ и сельскихъ обществъ, «съ участіемъ казны, принимающей на себя въ семъ случаѣ не свыше одной трети издержекъ». Въ колоніяхъ и мануфактурныхъ городахъ могутъ быть учреждаемы еще воскресно-ремесленныя школы, на основаніи особыхъ правилъ. Обводовыя училища, соотвѣтствующія училищамъ уѣзднымъ по уставу 1828 г., имѣютъ 4 класса и раздѣляются на общія и реальныя. Особенностью общихъ обводовыхъ училищъ, сравнительно съ уѣздными, является преподаваніе латинскаго, польскаго и нѣмецкаго языковъ. Реальныя училища, сообразно съ мѣстными обстоятельствами, получаютъ направленіе техническое, коммерческое или агрономическое. Въ гимназіяхъ въ число общихъ предметовъ преподаванія введены польскій языкъ и словесность. По штату отпускается на содержаніе 9 гимназій Варшавскаго округа 549.600 злотыхъ и на 21 обводовое училище 467.710 злотыхъ.

Уставъ 31 августа далъ систему общаго образованія, средняго и низшаго. Для образованія спеціальнаго устроены были особыя училища. Реальная гимназія въ Варшавѣ должна была доставлять дѣтямъ средняго сословія «познанія въ практическомъ приложеніи точныхъ наукъ къ ремесламъ и промышленности, а вмѣстѣ съ тѣмъ отвлечь ихъ отъ образованія филологическаго, которое отнимаетъ у нихъ трудъ и время безъ существенной пользы въ отношеніи къ способамъ существованія». 10 апрѣля 1840 г. издано «Положеніе о юридическихъ классахъ при губернской Варшавской гимназіи» «для образованія кандидатовъ въ среднія служебныя должности». Въ томъ же году открытъ «Институтъ сельскаго хозяйства и лѣсоводства» въ Маримонтѣ съ низшей сельской школой. Въ 1844 г. въ Варшавѣ учреждена Художественная школа. Къ числу спеціальныхъ училищъ отнесена была еще русско-нѣмецкая школа въ Варшавѣ, учрежденная по мысли намѣстника Царства графа Паскевича. Не желая допускать дѣтей нѣмцевъ, живущихъ въ Варшавѣ, въ однѣ учебныя заведенія вмѣстѣ съ поля-

ками, онъ находилъ «болѣе полезнымъ, чтобы дѣти нѣмцевъ, если они не могутъ быть русскими, оставались, по крайней мѣрѣ, нѣмцами».

По закрытіи Варшавскаго университета былъ учрежденъ Временной Экзаменаціонный Комитетъ для испытанія кандидатовъ на учительскія мѣста, а при немъ дополнительные курсы, имѣвшіе цѣлью готовить воспитанниковъ, посылаемыхъ въ русскіе университеты, а также учителей для обводовыхъ училищъ и частнаго преподаванія. Съ преобразованіемъ гимназій, по новому «Положенію» 2 апрѣля 1842 г., «Варшавскіе Педагогическіе курсы» получили «исключительно педагогическо-практическое направленіе въ объемѣ, необходимомъ для образованія учителей обводовыхъ училищъ». Въ томъ же направленіи, по положенію 10 марта 1843 г., преобразованъ «Институтъ первоначальныхъ учителей», учрежденный въ 1805 г. Прусскимъ правительствомъ въ Ловичѣ и затѣмъ переведенный въ г. Радзиминъ. Частныя учебныя заведенія, домашніе наставники и учителя подчинены были дѣйствію особаго положенія 18 января 1841 г., «основаннаго на точныхъ началахъ узаконеній, введенныхъ по сей части въ Имперіи».

Преобразованіе учебныхъ заведеній Царства и обновленіе состава преподавателей, по распоряженію министра, повлекло за собой введеніе новыхъ учебныхъ руководствъ. Это важное дѣло исполнилъ особый комитетъ въ Варшавѣ, на который возложена была обязанность разсмотрѣть, «какія изъ учебныхъ книгъ Имперіи могутъ быть введены въ учебныя заведенія Царства безъ измѣненій, и какія съ перемѣнами по недостаточному знанію русскаго языка учениками низшихъ классовъ, съ тѣмъ, чтобы послѣдняя мѣра была только временная, впредь до открытія возможности усвоить тѣмъ заведеніямъ всѣ учебныя книги Имперіи». Сверхъ того въ распоряженіе учебныхъ заведеній Варшавскаго округа было передано, съ Высочайшаго соизволенія, изъ дублетовъ Публичной Библіотеки по разнымъ отраслямъ науки и литературы въ 1840 г. до 130 тысячъ и въ 1842 г.—до 120 тысячъ томовъ.

Не находя возможнымъ возстановить Варшавскій университетъ, С. С. Уваровъ рѣшилъ направить польское юношество для высшаго образованія въ русскіе университеты, гдѣ оно должно было готовиться также къ педагогической, административной и судебной дѣятельности. Но «противъ сей мѣры», писалъ министръ, «нетрудно было возражать съ разныхъ сторонъ, указывать на

опасности этого пріобщенія польской молодежи къ русской и въ будущемъ предугадывать послѣдствія неблагопріятныя». Наоборотъ, по мнѣнію министра, «чѣмъ рѣшительнѣе эта мѣра, тѣмъ ближе она можетъ привести къ желаемому слiянію двухъ противоположныхъ доселѣ стихій», русской и польской. Государь согласился съ Уваровымъ и разрѣшилъ ему «идти осмотрительно и твердо опредѣленнымъ путемъ». По правиламъ 31 іюля 1846 г. въ гимназіи и университеты Имперіи допущены уроженцы Царства Польскаго, съ разрѣшенія попечителя Варшавскаго округа; они пользуются всѣми правами и преимуществами наравнѣ съ природными русскими, но при выпускѣ изъ гимназій получаютъ чинъ 14-го класса только за успѣхи въ русской словесности»; на службу въ западныя губерніи они могутъ опредѣляться по прослуженіи 5 лѣтъ въ губерніяхъ великорусскихъ. Въ 1837 г., по Высочайшему повелѣнію, въ русскіе университеты отправлено 15 пансіонеровъ Царства для приготовленія къ учительской дѣятельности. 15 іюля 1842 г. эта мѣра была повторена. Положеніемъ 11 августа 1845 г., съ цѣлью приготовленія учителей и чиновниковъ для Царства Польскаго, учреждены въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Имперіи стипендіи педагогическія и юридическія,— послѣднія въ университетахъ Петербургскомъ и Московскомъ, въ которыхъ были открыты въ 1840 г. 2 каѳедры законовъ Царства Польскаго. На производство стипендій опредѣлена сумма въ 31.820 руб., которая и раньше предназначалась на содержаніе въ русскихъ университетахъ пансіонеровъ Царства. Большое вниманіе обращено было на усиленныя занятія пансіонеровъ Царства русскимъ языкомъ. 31 іюля 1846 г. Высочайше повелѣно было допускать въ гимназіи и высшія учебныя заведенія Имперіи только тѣхъ уроженцевъ Царства, которымъ, по дополнительному положенію 1845 г., разрѣшено обучаться въ гимназіяхъ Царства и которые представятъ свидѣтельства объ исполненіи рекрутской повинности или освобожденіи отъ нея. По окончаніи полнаго курса этимъ лицамъ предоставлено пользоваться всѣми преимуществами воспитанниковъ Имперіи. Пансіонеры и стипендіаты Царства пользовались нѣкоторыми привилегіями: прошедшимъ дополнительные и педагогическіе курсы въ Варшавѣ сокращался однимъ годомъ срокъ пребыванія въ университетѣ; на службу они опредѣлялись прямо на высшіе оклады, но по общему правилу обязаны были 6-лѣтней службой.

Другимъ важнымъ средствомъ «къ желаемому слiянію двухъ

противоположныхъ стихій» Уваровъ считалъ распространеніе русскаго языка, но совѣтовалъ пользоваться этимъ орудіемъ съ осторожностью. Во всеподданнѣйшемъ докладѣ 1839 г. онъ высказалъ убѣжденіе, что «мѣры, которыя дотолѣ принимались, мало соотвѣтствовали цѣли, потому что слишкомъ рѣзко и преждевременно обнаруживали виды правительства. Въ политическомъ смыслѣ языкъ можно уподобить оружію, которое должно нанести рану рукѣ, неопытно имъ владѣющей. Въ бывшихъ польскихъ и даже остзейскихъ губерніяхъ можно, не запинаясь, сказать русскимъ подданнымъ: учитесь по русски. Въ Царствѣ введеніе языка русскаго требуетъ другихъ условій». Свой планъ, одобренный Государемъ, Уваровъ изложилъ въ запискѣ 1843 г.: «вмѣсто притѣснительнаго, безусловнаго повелѣнія о введеніи русскаго языка я старался, удовлетворяя справедливымъ требованіямъ мѣстности, поселить въ умахъ уваженіе къ русскому образованію, довѣріе къ видамъ правительства и точное, хотя не явное, сознаніе добрыхъ намѣреній Министерства». Между тѣмъ въ 1840 г. въ Министерство доставлена была записка графа Адама Гуровскаго о народномъ образованіи въ Польшѣ съ просьбою доложить о ней Государю. Графъ Гуровскій предлагалъ замѣнить въ преподаваніи польскій языкъ русскимъ, во избѣжаніе же рѣзкой перемѣны ввести церковно-славянскій языкъ, отдавъ ему половину часовъ, отведенныхъ латинскому языку, классическую систему въ гимназіяхъ замѣнить реальной, ввести юридическіе курсы въ гимназіяхъ. Доводя до Высочайшаго свѣдѣнія содержаніе этой записки, Уваровъ замѣтилъ, что предлагаемыя реформа нарушала бы единообразіе учебной системы. Но Государь написалъ на докладѣ: «Согласенъ: во всякомъ случаѣ введеніе славянскаго языка вмѣсто половины часовъ латинскаго нахожу весьма полезнымъ вездѣ». Эта резолюція, относившаяся ко всѣмъ вообще учебнымъ заведеніямъ Имперіи и Царства, побудила Уварова представить 10 декабря 1840 г. краткій докладъ о преподаваніи славянскаго языка и ученомъ изученіи его и славянскихъ литературъ; по важности латинскаго языка, какъ богослужебнаго, въ католической Польшѣ онъ не считалъ возможнымъ стѣснять его въ пользу славянскаго. Но, во исполненіе Высочайшаго повелѣнія объ усиленіи преподаванія славянскаго языка въ учебныхъ заведеніяхъ Польши, министръ предписалъ ввести его въ три старшіе класса гимназіи и по возможности въ два высшіе класса обводовыхъ училищъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ 18 января 1841 г. и 16 января

1842 г. Министерство предписало: учителями русскаго языка въ гимназіи и обводовыя училища назначать только лицъ, могущихъ съ пользою преподавать славянскій языкъ; вмѣнить въ непремѣнную обязанность пансіонерамъ Царства въ русскихъ университетахъ изученіе славянскаго и русскаго языковъ и строго слѣдить за ихъ успѣхами.

Не успѣла учебная система въ Царствѣ Польскомъ утвердиться на новыхъ основаніяхъ, какъ эти основанія подверглись существеннымъ измѣненіямъ.

Уставъ 31 августа 1840 г., скопированный съ общаго устава 1828 г., утверждалъ въ Варшавскомъ учебномъ округѣ преобладаніе филологическаго, классическаго образованія. Но очень скоро было признано необходимымъ выдвинуть на первый планъ образованіе реальное. 21 марта 1845 г. утверждено было составленное во исполненіе Высочайшей воли министромъ Народнаго Просвѣщенія, по соглашенію съ намѣстникомъ и статсъ-секретаремъ Царства Польскаго, «Дополнительное положеніе по управленію Варшавскимъ учебнымъ округомъ», «не подлежавшее никакому оглашенію». Новое положеніе предписывало: обученіе въ первоначальныхъ школахъ оставить на прежнемъ основаніи; число уѣздныхъ училищъ, служащихъ приготовительными заведеніями къ гимназіямъ, уменьшить до дѣйствительной въ нихъ потребности, прочія же постепенно преобразовать въ реальныя съ направленіемъ техническимъ или агрономическимъ, смотря по мѣстнымъ условіямъ; уменьшить число филологическихъ гимназій такъ, чтобы въ каждой губерніи было не болѣе одной, исключая Варшавской; вмѣсто упраздненныхъ гимназій учредить высшія реальныя училища, преимущественно въ Калишѣ, Кельцахъ или Седльцахъ; такъ какъ гимназіи предназначаются для лицъ высшихъ сословій, то возвысить плату за обученіе во всѣхъ филологическихъ учебныхъ заведеніяхъ, съ изъятіями для дѣтей бѣдныхъ дворянъ и чиновниковъ; для воспитанія дворянскаго юношества учредить при гимназіяхъ пансіоны или институты, по примѣру Имперіи; въ университеты Имперіи посылать лучшихъ воспитанниковъ изъ дѣтей дворянъ и чиновниковъ; на устройство и преобразованіе реальныхъ заведеній отпустить въ распоряженіе Министерства единовременно 100.000 руб. изъ суммъ, предоставленныхъ собственному Его Величества распоряженію. По предложенію министра Совѣтъ народнаго просвѣщенія въ засѣданіяхъ $^{17}/_{29}$ и $^{19}/_{31}$ іюля утвердилъ планъ преобразованія учебныхъ заве-

деній и инструкціи преподаванія въ реальныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

$\frac{27 \text{ іюля}}{8 \text{ августа}}$ въ засѣданіи Совѣта подъ предсѣдательствомъ самого министра, послѣдній поставилъ на видъ, что внезапное преобразованіе системы, утвержденной уставомъ 1840 г., было бы не согласно съ Высочайшей волей о постепенности этого преобразованія, что, съ другой стороны, оно очень вредно отразилось бы на юношествѣ, уже начавшемъ свое образованіе въ училищахъ, подлежащихъ преобразованію, что, наконецъ, Министерство не располагаетъ необходимыми средствами. По этимъ соображеніямъ министръ предложилъ Совѣту принять общія предначертанія дополнительнаго положенія «за канву, по которой предлежитъ впослѣдствіи времени производить дальнѣйшее осуществленіе плана по указаніямъ опыта и мѣстныхъ потребностей». $^{2}/_{14}$ августа 1849 г. Высочайше утвержденъ былъ нормальный штатъ Варшавскаго учебнаго округа, въ видѣ опыта на 3 года, и временные штаты реальныхъ учебныхъ заведеній того же округа до окончательнаго ихъ устройства. Нормальнымъ штатомъ опредѣлены суммы на содержаніе правленія округа и цензурнаго комитета при немъ, отдѣльныхъ ученыхъ учрежденій, оставшихся послѣ закрытія Варшавскаго университета (Главной библіотеки, астрономической обсерваторіи, кабинетовъ), экзаменаціоннаго комитета и инспекторовъ частныхъ учебныхъ заведеній въ Варшавѣ, института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Маримонтѣ, института первоначальныхъ учителей въ Радзиминѣ, филологическихъ гимназій и филологическихъ уѣздныхъ училищъ. Временными штатами назначены суммы на содержаніе: реальной гимназіи въ Варшавѣ, художественной школы, высшихъ реальныхъ училищъ въ Кѣльцахъ и Калишѣ, уѣздныхъ реальныхъ училищъ въ Варшавѣ, Влоцлавкѣ, Маріамполѣ, Люблинѣ, Радомѣ, Плоцкѣ, реальнаго нѣмецко-русскаго училища въ Лодзи.

На особомъ положеніи созданъ былъ Благородный Институтъ въ Варшавѣ, открытый въ 1848 г. по примѣру дворянскихъ институтовъ Имперіи и надѣленный такими же привилегіями. На содержаніе казенныхъ стипендіатовъ назначено было по 7.000 руб. сер. изъ стипендіальныхъ суммъ. Планъ Института вырабатывался особымъ комитетомъ подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Царства тайнаго совѣтника Туркула.

Главной цѣлью общаго преобразованія учебной системы въ Царствѣ Польскомъ Уваровъ ставилъ поселить «нечувствительно»

въ умахъ польскаго юношества «уваженіе къ первенству Россіи между славянскими племенами, которое должно непринужденно и мало-по-малу перемѣнить до корня всѣ ихъ понятія». Уваровъ предвидѣлъ возможность частныхъ неудачъ: «здѣсь, какъ и во всѣхъ другихъ опытахъ государственныхъ, теряется нѣсколько процентовъ; счастливымъ можно назвать то правительство, которое обезпечиваетъ капиталъ». Неувѣренность въ силѣ и устойчивости русскаго элемента въ Царствѣ Польскомъ вызвала въ 1846 г. запрещеніе уроженцамъ западно-русскихъ губерній обучаться въ казенныхъ и частныхъ учебныхъ заведеніяхъ Варшавскаго округа. Уже съ 1841 г. обнаружились слѣды тайной политической пропаганды среди учащейся молодежи, и министръ требовалъ отъ попечителя округа «усугубленія надзора» за учащимися. Въ 1846 г. между учениками гимназій Варшавскихъ, Плоцкой и Щебржешинской были открыты «злоумышленные замыслы», которые побудили намѣстника Царства, съ Высочайшаго соизволенія, закрыть 3 старшіе класса Варшавскихъ гимназій и дополнительные юридическіе курсы. Съ своей стороны министръ представилъ докладъ по тому же вопросу. «Не входя въ разсмотрѣніе, въ какой степени можетъ соотвѣтствовать общей пользѣ обращеніе всѣхъ варшавскихъ гимназій въ уѣздныя училища», онъ указывалъ, что закрытіе высшихъ классовъ реальной гимназіи совершенно уничтожаетъ цѣль ея учрежденія и превращаетъ ее въ заведеніе, даже не равняющееся уѣзднымъ училищамъ. 21 іюля Государь разрѣшилъ сдѣлать исключеніе въ пользу реальной гимназіи [145]).

Князю Ширинскому-Шихматову пришлось заново пересмотрѣть систему средняго и низшаго образованія въ Варшавскомъ округѣ, которую его предшественникъ не успѣлъ поставить на прочное основаніе. Уставъ 31 августа 1840 г. утвердилъ филологическое образованіе. Дополнительное же положеніе по управленію округомъ 21 марта 1845 г., уменьшая число филологическихъ школъ, выдвигало реальное образованіе. Это преобразованіе, по докладу министра въ 1851 г., оказалось неудачнымъ: филологическія гимназіи готовятъ учениковъ къ университетамъ, «между тѣмъ какъ десятая часть ихъ не можетъ вступить въ оные»; число обучающихся въ филологическихъ уѣздныхъ училищахъ и готовящихся перейти въ гимназіи несоразмѣрно велико съ числомъ гимназій; высшія реальныя училища «составляютъ родъ смѣшанныхъ учебныхъ заведеній» и не достаточно спеціализированы; уѣздныя реальныя училища готовятъ учениковъ въ высшія реаль-

ныя училища и въ филологическія гимназіи, «не имѣя своей собственной окончательной цѣли»; школы первоначальныя, хотя и соотвѣтствуютъ своему назначенію, но «едва ли не получили слишкомъ обширнаго развитія, потому что обученіе въ нихъ обязательно, между тѣмъ какъ многія общины еще не чувствуютъ въ томъ надобности». По этимъ соображеніямъ Министерство составило планъ преобразованія, одобренный намѣстникомъ Царства: филологическія гимназіи преобразовать согласно съ Высочайше утвержденнымъ 21 марта 1849 г. мнѣніемъ Государственнаго Совѣта объ измѣненіяхъ въ учебныхъ планахъ гимназій Имперіи и при гимназіяхъ завести пансіоны на общемъ основаніи; уѣздныя филологическія училища преобразовать, по примѣру западныхъ губерній, въ пятиклассныя училища для дѣтей дворянъ и чиновниковъ, «съ округленнымъ курсомъ наукъ, дабы воспитанники могли получать въ нихъ окончательное образованіе и не имѣли надобности переходить въ гимназіи»; реальную гимназію въ Варшавѣ отдѣлить отъ художественной школы и «дать ей болѣе техническое, нежели ученое направленіе»; художественную же школу возвести на степень практическаго заведенія, поставивъ ее «въ соотношеніе» съ Императорской Академіей Художествъ; прочимъ высшимъ реальнымъ заведеніямъ дать также болѣе специальное направленіе, смотря по мѣстной надобности, окончившихъ же въ нихъ курсъ опредѣлять на службу по ихъ спеціальности, въ общую же гражданскую службу не принимать; уѣздныя реальныя училища преобразовать въ промышленно-ремесленныя школы въ мѣстностяхъ съ преобладающимъ промышленнымъ населеніемъ, а въ менѣе населенныхъ мѣстностяхъ довольствоваться устройствомъ при первоначальныхъ школахъ дополнительныхъ классовъ «въ томъ же направленіи»; наконецъ, первоначальныя училища вообще оставить на прежнемъ основаніи, но освободить населеніе отъ обязательнаго обученія, и общины, не желающія имѣть школы, освобождать «отъ училищной складки». Весь этотъ планъ 8 марта 1851 г. Высочайше повелѣно привести въ исполненіе. Высочайшимъ же повелѣніемъ 16 августа 1852 г. предписано было сохранить нормальные штаты 1849 г. для тѣхъ заведеній и учрежденій округа, которыя не подвергнутся измѣненіямъ въ силу новой реформы. И въ отдѣльныхъ вопросахъ учебнаго дѣла въ Царствѣ Польскомъ, представленныхъ на Высочайшее разрѣшеніе одновременно съ докладами о преобразованіи филологическихъ и реальныхъ училищъ, 8 марта 1851 г., князь

Ширинскій-Шихматовъ вносилъ только частныя дополненія и измѣненіе въ порядки, установленные его предшественникомъ и имѣвшіе конечною цѣлью возможное сближеніе учебной системы Царства съ общегосударственною. По соглашенію къ намѣстникомъ Царства Польскаго отмѣнены особыя мѣры по преподаванію славянскаго языка въ учебныхъ заведеніяхъ Царства, введеннаго вопреки намѣренію Уварова. Государь разрѣшилъ: освободить въ университетахъ отъ ученія славянскаго языка уроженцевъ Царства, посвящающихъ себя спеціально изученію законовѣдѣнія; въ гимназіяхъ преподаваніе славянскаго языка соединить съ русскимъ, а въ уѣздныхъ училищахъ вовсе отмѣнить; оставить это изученіе обязательнымъ для студентовъ изъ уроженцевъ Царства, готовящихся въ учителя общихъ предметовъ. Для приготовленія учителей русской словесности и исторіи опредѣлено 20 воспитанниковъ Главнаго педагогическаго института, обязанныхъ изучить основательно и польскій языкъ. Составлены новыя правила употребленія стипендіальнаго фонда, назначеннаго на образованіе польскаго юношества. Установленъ порядокъ чинопроизводства служащихъ по учебной части въ Царствѣ, основанный на общихъ правилахъ и узаконеніяхъ Имперіи. 16 августа 1852 г. разрѣшено уроженцамъ Царства съ дозволенія попечителя поступать въ уѣздныя училища Имперіи [146]).

Во всеподданнѣйшемъ докладѣ 1838 г., а затѣмъ въ запискѣ 1843 г., Уваровъ изложилъ общіе взгляды, которыми онъ руководился въ своихъ мѣропріятіяхъ по Дерптскому учебному округу. Въ Прибалтійскомъ краѣ политика Министерства должна опираться на иные принципы, чѣмъ въ западныхъ губерніяхъ. «Въ западномъ краѣ, гдѣ ошибки прежняго времени и самая сила вещей требовали измѣненій безотлагательныхъ, мѣры Министерства были обширны и рѣшительны. Въ нѣмецкихъ губерніяхъ, напротивъ, необходима большая осмотрительность, нѣкоторое даже снисхожденіе къ предразсудкамъ, вкоренившимся съ давнихъ лѣтъ въ томъ краѣ. Гдѣ политическая вѣрность сопутствуетъ политическимъ предразсудкамъ, гдѣ чувство преданности законному Государю большею частью покрываетъ, такъ сказать, странности обветшалыхъ понятій, тамъ, гдѣ враждебная недовѣрчивость, пополамъ съ природною гордостью и разсчетливостью, ищетъ и находитъ въ нашей исторіи нѣсколько поводовъ думать, что просвѣщеніемъ и талантами жители Балтійскихъ береговъ, нѣкогда превышая насъ, имѣли прямое вліяніе на судьбу Импе-

ріи—тамъ вопросъ принимаетъ совершенно другой оборотъ. Истинное и главное заблужденіе нѣмецкихъ губерній состоитъ въ томъ, что онѣ до сихъ поръ не постигаютъ, *что Россія возмужала*; онѣ видѣли въ пеленахъ нашъ государственный бытъ; весьма часто были призываны въ пѣстуны къ его колыбели и въ свидѣтели всѣхъ недоумѣній, всѣхъ ошибокъ, всѣхъ колебаній нашего внутренняго образованія. Оттого, что они угнетали Россію Императрицы Анны; оттого, что они вблизи видѣли Россію Елизаветы и Екатерины II, они упорно заключаютъ, что Россія тотъ же младенецъ, къ охраненію коего и они платили дань усердія, не всегда безпристрастнаго, не всегда безкорыстнаго. Словомъ,—*они не постигаютъ Россіи Николая I*». Этими различіями въ положеніи западныхъ и остзейскихъ губерній обусловливаются средства политики: въ западномъ краѣ, «не взирая на все непріязненное и ненавистное, одна и та же живость славянской крови, та же быстрота въ понятіяхъ, та же раздражительность въ соображеніи; тамъ можно уловить толпу, не знаю на долго ли, однимъ ловкимъ движеніемъ, нѣсколькими завѣтными словами; нѣмцевъ налету схватить нельзя; противъ нихъ надобно вести, такъ сказать, осаду: они сдадутся, но не вдругъ».

«Кромѣ провинціальнаго духа, имѣющаго свои рѣзкія черты», министръ указывалъ еще на «два замѣчательные источника внутреннихъ несогласій: разъединеніе церкви на чистыхъ протестантовъ и піэтистовъ и противоборство средняго и низшаго классовъ съ туземнымъ дворянствомъ». «Низшее и, большею частью, среднее сословіе, побуждаясь различными видами, расположены ближе соединиться съ государствомъ, войти въ тѣснѣйшій союзъ съ нашею вѣрою, съ нашими понятіями, съ нашимъ бытомъ; тогда какъ высшее сословіе упорствуетъ въ своемъ разъединеніи и опасается умственнаго движенія, могущаго увлечь за собою тщетныя преграды и безсильную его оппозицію» [147]).

Личное ознакомленіе съ Дерптскимъ университетомъ и округомъ побудило Уварова направить дѣйствія Министерства къ достиженію двухъ цѣлей: «во-первыхъ, къ устраненію нѣкоторыхъ застарѣлыхъ предразсудковъ края, которые были издавна источникомъ разнаго рода безпорядковъ въ учебныхъ заведеніяхъ, въ особенности въ университетѣ Дерптскомъ и, во-вторыхъ, къ сближенію тамошней учебной системы съ общимъ образованіемъ, въ Имперіи и къ распространенію русскаго языка и словесности отечественной». Указомъ 20 декабря 1835 г. министру поручено

было войти въ соображенія объ измѣненіи «нѣкоторыхъ формъ управленія Дерптскимъ округомъ». Этотъ указъ явился отвѣтомъ на докладъ Уварова, въ которомъ онъ, по поводу назначенія новаго попечителя, обязаннаго постоянно жить въ округѣ, указывалъ на устарѣлость стараго устава 1820 г. и на своевременность приступить къ согласованію его съ новымъ общимъ уставомъ университетовъ 1835 г. Испрашивая Высочайшій указъ объ измѣненіи нѣкоторыхъ пунктовъ въ правилахъ объ учащихся 1834 г., министръ полагалъ, что «симъ вмѣстѣ изъявлено будетъ Высочайшее соизволеніе на пересмотръ существующихъ по Дерптскому учебному округу постановленій и на постепенное сближеніе оныхъ съ духомъ монархическаго единства». 25 сентября 1836 г. попечитель генералъ-лейтенантъ Крафстремъ представилъ составленный университетомъ проектъ измѣненій въ общемъ уставѣ 1835 г. для Дерптскаго университета и соображенія о порядкѣ управленія училищами Дерптскаго округа. Доводя до свѣдѣнія Государя объ этихъ проектахъ, Уваровъ въ обширномъ докладѣ 16 декабря изложилъ свою программу. По его мнѣнію преобразованіе Дерптскаго университета и училищъ Дерптскаго округа могло быть двоякое: *окончательное*, имѣющее цѣлью рѣшительное сближеніе ихъ съ русскими учебными заведеніями, или *приготовительное*, «предполагающее только примѣненіе нѣкоторыхъ статей изъ уставовъ россійскихъ университетовъ и училищъ». Отдавая рѣшительное предпочтеніе первому преобразованію, какъ «необходимому и полезному», Уваровъ призналъ однако, «что такое преобразованіе было бы нынѣ и преждевременно и едва ли даже возможно», 1) потому что это преобразованіе явилось бы нарушеніемъ условій вызова иностранныхъ ученыхъ на основаніи акта учрежденія университета, 2) потому что оно встрѣтило бы препятствія со стороны плохого знанія русскаго языка учащимися. Поэтому преобразованіе слѣдовало начать не съ университета, а съ гимназій и училищъ. Далѣе министръ предложилъ рядъ частныхъ мѣръ къ усиленію русскаго языка въ учебныхъ заведеніяхъ Дерптскаго округа, чтобы «приготовить всѣ стихіи», необходимыя для преобразованія училищъ, гимназій и университета. Въ заключеніе министръ просилъ оставить этотъ планъ «негласнымъ» и объявить Комитету устройства учебныхъ заведеній, что университетъ и училища Дерптскаго округа остаются при прежнихъ уставахъ впредь до особаго повелѣнія. Высочайшимъ повелѣніемъ 20 января 1837 г. общій поря-

докъ управленія учебными округами распространенъ былъ на Дерптскій учебный округъ; училищную комиссію при университетѣ замѣнилъ совѣтъ попечителя, согласно съ общимъ Положеніемъ 25 іюня 1835 г.

Подчиненныя новому порядку управленія учебныя заведенія Дерптскаго округа остались при старомъ уставѣ 1820 г., какъ объ этомъ было объявлено Комитету устройства учебныхъ заведеній 9 апрѣля 1837 г. Послѣ личнаго осмотра университета въ іюнѣ 1833 г., министръ предложилъ рядъ мѣръ, которыя не требовали крупныхъ измѣненій устава: усиленіе преподаванія Закона Божія и русскаго языка, водвореніе дисциплины между студентами. Слабость дисциплины министръ приписывалъ «остаткамъ врожденныхъ предразсудковъ въ соотношеніи съ нѣкоторыми давнишними обычаями германскихъ университетовъ, наклонностью къ поединкамъ и къ шумнымъ увеселеніямъ на открытомъ воздухѣ»; но здѣсь же онъ прибавлялъ, «что не только никакое политическое заблужденіе не присоединяется къ прочимъ заблужденіямъ юношей, но еще «что дерптскіе студенты вовсе не занимаются современной политикой». «Духъ университетскаго преподаванія основанъ на здравыхъ правилахъ». Религіозныя распри въ остзейскомъ протестантизмѣ не уклонили университета съ его прямого пути: «онъ не подавалъ повода къ нареканію, что онъ принимаетъ видъ какой либо секты между протестантами».

Сохранивъ особый уставъ, Дерптскій университетъ постепенно сталъ утрачивать изолированное положеніе. Кромѣ новаго порядка управленія округомъ на него распространены были нѣкоторыя общія постановленія для всѣхъ университетовъ: въ 1836 г.—ст. 80-я общаго университетскаго устава, предоставлявшая министру право по собственному усмотрѣнію замѣщать вакантныя каѳедры; въ 1841 г.—61-я, 67-я, 68-я статьи этого же устава объ избраніи ректора и декановъ на 4 года. Новыми рѣшительными мѣрами для установленія дисциплины, принятыми послѣ открытія между студентами тайнаго общества Burschenschaft, сокращены были судебныя права университета. Въ 1834 г. были введены въ видѣ опыта на 3 года, а указомъ Сенату 4 іюня 1838 г. Высочайше утверждены новыя «правила для учащихся въ Дерптскомъ университетѣ». Они упростили и ограничили университетскую судебную расправу, раздѣливъ ее на три инстанціи: 1) синдикальный судъ, 2) ректорскій судъ, 3) университетскій судъ. Но особенно строго съ этого времени стали

преслѣдоваться поединки между студентами. Въ 1837—1838 годахъ по докладу министра Высочайше повелѣно было судить за поединки военнымъ судомъ при Рижскомъ ордонансъ-гаузѣ и на основанiи общихъ россiйскихъ, а не мѣстныхъ законовъ.

Учебныя средства университета увеличились опредѣленiемъ въ 1839 г. семи частныхъ преподавателей съ правами адъюнктовъ и съ жалованьемъ въ 1.200 руб. По мысли министра они должны были составлять «хотя небольшой разсадникъ преподавателей, въ который поступали бы преимущественно лучшiе изъ студентовъ нашихъ университетовъ». 19 октября 1842 г. университетъ получилъ «дополнительный» штатъ, увеличившiй на 23.370 руб. сумму, отпускаемую изъ Государственнаго Казначейства на жалованье профессорамъ, преподавателямъ и на учебныя пособiя. Къ числу такихъ вспомогательныхъ учебныхъ учрежденiй университета прибавился фармацевтическiй институтъ.

Въ отчетѣ 1833 г. о ревизiи университета Уваровъ обратилъ вниманiе, что русскiй языкъ «принадлежитъ къ числу не довольно уваженныхъ предметовъ», но полагалъ достаточнымъ для устраненiя этого недостатка назначить на каѳедру русской словесности достойнаго профессора, который бы «имѣлъ влiянiе на распространенiе вкуса и на охоту учиться сему предмету». Но съ конца 1836 г. послѣдовали рѣшительныя мѣры. 19 декабря университету сообщено было Высочайшее повелѣнiе: 1) никого не удостоивать первыхъ ученыхъ степеней безъ достаточнаго знанiя русскаго языка, 2) черезъ пять лѣтъ никого не принимать въ студенты безъ предварительнаго строгаго экзамена въ основательномъ званiи русскаго языка. 15 декабря 1839 г. дѣйствiе этого правила было отсрочено до 16 декабря 1845 г. Въ этомъ году Министерство потребовало еще, чтобы студенты каждаго факультета, сверхъ русской словесности, по крайней мѣрѣ еще одну науку изучали на русскомъ языкѣ. Но совѣтъ университета не призналъ этого возможнымъ и поручилъ профессору Розбергу составить подробный планъ преподаванiя русскаго языка, утвержденный министромъ на 3 года 17 января 1846 г. и вторично на 3 года 21 августа 1849 г. Въ слѣдующемъ году по положенiю Комитета Министровъ повелѣно было, освободивъ лектора русскаго языка отъ преподаванiя въ гимназiи, и увеличивъ его жалованье на 1.600 руб., обязать его преподавать русскiй языкъ въ университетѣ не менѣе 6 часовъ въ недѣлю. Въ iюлѣ 1845 г., по случаю приближенiя срока для начала дѣйствiй правилъ о рус-

скомъ языкѣ въ университетѣ, попечителю округа были сообщены наставленія, опредѣляющія съ точностью мѣру требованій въ русскомъ языкѣ при пріемѣ въ университетъ и при удостоеніи ученыхъ степеней [148]).

По отношенію къ среднимъ и низшимъ училищамъ Дерптскаго округа заботы Министерства также сосредоточивались прежде всего на усиленіи преподаванія русскаго языка. Въ 30-хъ годахъ были приняты рѣшительныя мѣры: въ 1834 г. «совершенное знаніе русскаго языка и превосходные успѣхи въ россійской словесности» поставлены условіемъ полученія чина 14-го класса для оканчивающихъ гимназіи; въ 1836 г., по Высочайшему повелѣнію, запрещено было по истеченіи трехъ лѣтъ принимать учителями въ гимназіи и училища остзейскихъ уроженцевъ, неспособныхъ преподавать свой предметъ на русскомъ языкѣ; циркуляромъ 29 января 1837 г. усилено преподаваніе русскаго языка и исторіи и географіи въ уѣздныхъ училищахъ; сверхъ 4-хъ часовъ, опредѣленныхъ на русскій языкъ, положено еще 2 часа на исторію и географію России и одинъ часъ на чистописаніе; въ 1837 г. назначены учителя дополнительныхъ классовъ русскаго языка въ гимназіяхъ и нѣкоторыхъ уѣздныхъ училищахъ; обращено вниманіе на подготовку учителей русскаго языка въ Дерптской учительской семинаріи; въ Дерптѣ, Якобштадтѣ и Митавѣ устроены русскія начальныя училища; наконецъ, Министерство приняло за правило назначать на мѣста директоровъ гимназій и начальниковъ училищъ русскихъ уроженцевъ. 8 мая 1848 г., за нѣсколько дней до отъѣзда министра на ревизію Дерптскаго округа, генералъ-губернаторъ князь А. А. Суворовъ обратилъ его вниманіе «на крайне недостаточное знаніе русскаго языка всѣми состояніями Остзейскаго края» и даже нѣкоторыми учителями этого языка. По окончаніи ревизіи, 3 іюня, Уваровъ представилъ Государю докладъ, въ которомъ засвидѣтельствовалъ полное довольство состояніемъ округа и высказалъ, что «все, что слѣдовало сдѣлать въ пользу развитія русскаго языка въ Остзейскомъ краѣ, сдѣлано съ успѣхомъ несомнѣннымъ и что всякая дальнѣйшая въ настоящее время принудительная мѣра принесла бы болѣе вреда, чѣмъ пользы». Одновременно было упрочено положеніе другого «не довольно уваженнаго предмета»—православнаго Закона Божія—посредствомъ назначенія постоянныхъ законоучителей въ университетѣ, гимназіяхъ и другихъ училищахъ.

Въ 1842 г. начались преобразованія учебныхъ плановъ

среднихъ и низшихъ училищъ, по иниціативѣ самого начальства Дерптскаго округа, «находившаго полезнымъ для опредѣленія большей постепенности и связи въ ходѣ преподаванія, убавить излишне назначенные для древнихъ языковъ часы и усилить преподаваніе другихъ предметовъ». Въ своемъ представленіи попечитель генералъ-лейтенантъ Крафстремъ указывалъ, что преобладаніе древнихъ языковъ вредно отражается на преподаваніи математики, исторіи, русскаго и новыхъ языковъ. Новый примѣрный учебный планъ, испытанный въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, съ 1837 г., въ Дерптской гимназіи, оказался удовлетворительнымъ и попечитель просилъ разрѣшенія ввести его во всѣ гимназіи округа. Уваровъ, раздѣляя мнѣніе попечителя объ устарѣлости учебнаго плана 1820 г., испросилъ чрезъ Комитетъ Министровъ Высочайшее соизволеніе на предоставленіе Министерству измѣнять учебные планы гимназій Дерптскаго округа, и 23 февраля 1842 г. разрѣшилъ ввести новый учебный планъ гимназій на 3 года. Вторично на 3 года планъ утвержденъ въ 1845 г. и окончательно въ 1849 г. Но такого рѣшительнаго шага противъ преобладанія классицизма, какъ въ общей реформѣ гимназій 1849 г., начальство Дерптскаго округа не допустило. Въ этомъ году совѣтъ попечителя разсматривалъ предложеніе министра о введеніи въ гимназіи Дерптскаго округа курса законовѣдѣнія. Совѣтъ высказался противъ этого проекта, «взявъ въ соображеніе составъ здѣшнихъ гимназій, состоящихъ только изъ 5 классовъ и существующее уже съ давнихъ временъ во всѣхъ сословіяхъ направленіе, клонящееся преимущественно къ пріобрѣтенію знанія древнихъ языковъ или такъ называемаго классическаго образованія, съ которымъ сроднились всѣ понятія. Поэтому едва ли можно ожидать, чтобы курсъ законовѣдѣнія, если его и можно примѣнить, не разрывая общаго хода принятаго уже въ гимназіяхъ образованія, могъ пріобрѣсти успѣхъ». Дѣло осталось безъ послѣдствій. Наконецъ, совѣтъ вообще высказался противъ распространенія на гимназіи Дерптскаго округа общей реформы 1849 г. По новому учебному плану гимназій подверглось сокращенію число уроковъ по Закону Божію и древнимъ языкамъ, и увеличено число уроковъ по русскому и нѣмецкому языкамъ, по математикѣ, физикѣ, исторіи. Ученики трехъ высшихъ классовъ освобождаются, по желанію, отъ изученія греческаго языка, и для нихъ устраиваются особые «коллатеральные» классы съ преимущественнымъ изученіемъ французскаго и русскаго языковъ и практической

механики. «Внѣ курса» поставлены: православный Законъ Божій, русскій языкъ для нуждающихся въ упражненіи въ разговорномъ языкѣ, еврейскій языкъ, пѣніе, рисованіе. Въ 1849 г. министръ получилъ Высочайшее разрѣшеніе утвердить новый учебный планъ для уѣздныхъ училищъ, представленный попечителемъ и испытанный въ теченіе 3 лѣтъ. Новый учебный планъ, введенный циркуляромъ 3 іюня 1849 г., опредѣлилъ цѣль уѣздныхъ училищъ, какъ «совершенно практическую, приспособленную къ потребностямъ дѣтей гражданъ, посвящающихъ себя ремесламъ и промысламъ: слѣдовательно ученье въ нихъ окончательное; но вмѣстѣ съ тѣмъ уѣздное училище служитъ и приготовительнымъ заведеніемъ для вступленія въ низшій классъ гимназіи, для тѣхъ, которые пріобрѣтутъ, кромѣ указанныхъ знаній, и первоначальное познаніе въ латинскомъ языкѣ». И въ уѣздныхъ училищахъ предметами «внѣ курса» назначены: православный Законъ Божій, латинскій языкъ и пѣніе. Наконецъ, 11 марта 1848 г. введенъ новый учебный планъ въ нѣмецкихъ начальныхъ училищахъ. Предметы преподаванія (Законъ Божій, чтеніе, письмо, ариѳметика, нѣмецкій и русскій языки, церковное пѣніе) распредѣлены на три послѣдовательныя отдѣленія, по 28 часовъ въ каждомъ [149]).

Такъ постепенно, оставляя старые уставы учебныхъ заведеній Дерптскаго округа, Министерство вводило частныя преобразованія, клонившіяся къ одной основной цѣли, руководившей политикою его на окраинахъ, именно, къ сближенію мѣстныхъ порядковъ съ общегосударственною учебною системой.

При князѣ Ширинскомъ-Шихматовѣ продолжалось сближеніе Дерптскаго университета съ русскими университетами и упроченіе русскаго языка въ учебныхъ заведеніяхъ Дерптскаго округа. 1 августа 1849 г. статсъ-секретарь Танѣевъ увѣдомилъ Министерство, что на всеподданнѣйшее представленіе прибалтійскаго генералъ-губернатора о нераспространеніи на Дерптскій университетъ ограниченнаго пріема студентовъ послѣдовало Высочайшее рѣшеніе: «не ограничивать число поступающихъ въ богословскій и медицинскій факультеты. Но для прочихъ факультетовъ Его Величество находитъ число 300 достаточнымъ, признавая полезнѣе, чтобы дѣти благороднаго сословія искали преимущественно, какъ потомки древняго рыцарства, службы военной передъ службою гражданскою. На сей конецъ имъ открыта возможность поступать въ военно-учебныя заведенія или же прямо въ ряды войскъ, для чего и университетское образованіе не есть необходимость».

Затѣмъ, на Дерптскій университетъ были послѣдовательно распространены и другія мѣры: 13 марта 1850 г. — указъ 11 октября прошлаго года объ избраніи ректора, о раздѣленіи философскаго факультета и Высочайшее повелѣніе 26 января 1850 г. о принятіи въ университеты преимущественно лицъ, имѣющихъ право на вступленіе въ службу. Наконецъ, 19 апрѣля 1851 г. была Высочайше утверждена на годъ въ видѣ опыта, а 13 апрѣля слѣдующаго года окончательно, инструкція ректору Дерптскаго университета. Всѣ эти мѣры, по объясненію министра, клонились къ сближенію Дерптскаго университета съ прочими университетами Имперіи.

Въ учебномъ планѣ университета были сдѣланы нѣкоторыя частныя перемѣны: въ 1851 г. утверждены новые учебные планы для богословскаго и юридическаго факультетовъ и дипломатическихъ наукъ, а въ 1853 г. учреждена особая каѳедра русской исторіи, преподаваніе которой доселѣ было соединено со всеобщей. Министръ полагалъ, что занять новую каѳедру долженъ коренной русскій человѣкъ, чтобы поднять преподаваніе русской исторіи въ краѣ, «гдѣ преобладаніе русскаго элемента такъ важно». Одновременно министръ обратилъ вниманіе на то, что конспекты преподаванія въ Дерптѣ составляются на нѣмецкомъ языкѣ. Находя это «неприличнымъ», онъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы конспекты печатались по-русски съ нѣмецкимъ переводомъ. Сближеніе Дерптскаго университета съ русскими не могло успѣшно подвигаться впередъ, пока профессорская корпорація наполнялась иностранными учеными. Въ этомъ и Уваровъ видѣлъ одно изъ главныхъ препятствій къ «окончательному преобразованію Дерптскаго университета». Въ 1851 г. попечитель прямо обратился въ Министерство съ вопросомъ: «можно ли въ настоящее время избирать въ профессоры Дерптскаго университета ученыхъ изъ чужихъ краевъ, если внутри государства нельзя будетъ пріискать соотвѣтственныхъ потребностямъ лицъ, для нетерпящаго отлагательства замѣщенія вакантныхъ каѳедръ». Государь повелѣлъ: «увѣдомить попечителя, что Его Величество имѣетъ слишкомъ высокое мнѣніе о Дерптскомъ университетѣ, чтобы усомниться въ возможности обходиться ему безъ выписки профессоровъ изъ чужихъ краевъ, полагая, что въ числѣ приготовленныхъ имъ ученыхъ можно безъ затрудненія находить у насъ дома такихъ, которые, будучи допущены къ преподаванію высшихъ наукъ, сдѣлаютъ честь университету».

Упроченіе русскаго языка въ Остзейскомъ краѣ продолжало

озабочивать правительство, хотя, по мнѣнію Уварова въ 1848 г., дальнѣйшія понудительныя мѣры въ этомъ направленіи принесли бы болѣе вреда, чѣмъ пользы. Въ 1850 г. на докладной запискѣ министра объ успѣшномъ преподаваніи русскаго языка въ учебныхъ заведеніяхъ г. Ревеля Государь написалъ: «Прекрасно, но полезно бъ было и въ женскихъ училищахъ болѣе обратить вниманіе на русскій языкъ, ибо было бъ полезнѣе всего, чтобъ матери могли дѣтей пріучать къ русскому языку». Во исполненіе этой Высочайшей воли министръ предписалъ начальству Дерптскаго округа обратить особенное вниманіе на преподаваніе русскаго языка въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, а въ 1853 г. испросилъ соизволеніе подвергать испытанію въ русскомъ языкѣ уроженокъ прибалтійскихъ губерній, ищущихъ званія домашнихъ учительницъ. Въ эти же годы поднятъ былъ, по иниціативѣ остзейскаго генералъ-губернатора Головина, вопросъ о веденіи дѣлъ въ мѣстныхъ государственныхъ учрежденіяхъ на русскомъ языкѣ. Комитетъ Министровъ согласился съ мнѣніемъ «о необходимости принять положительныя мѣры ко введенію въ коронныхъ присутственныхъ мѣстахъ остзейскихъ губерній дѣлопроизводства на русскомъ языкѣ», но полагалъ, что нужно прежде всего приготовить достаточное число чиновниковъ, основательно знающихъ русскій языкъ; эта цѣль могла быть достигнута совокупными усиліями мѣстнаго главнаго начальства и Министерства Народнаго Просвѣщенія. Послѣднее, сказано въ заключеніи Комитета Министровъ, «обязано имѣть достаточныя средства къ преподаванію русскаго языка въ учебныхъ заведеніяхъ остзейскаго края и пріохотить воспитывающееся тамъ юношество не только къ основательному, такъ сказать, книжному изученію этого языка, но къ практическому упражненію въ разговорахъ и перепискѣ на ономъ». Это заключеніе было Высочайше одобрено и сообщено 3 января 1850 г. Министерству. На запросъ министра объ исполненіи Высочайшаго повелѣнія 16 декабря 1836 г. о постепенномъ введеніи русскаго дѣлопроизводства въ Дерптскомъ округѣ, попечитель отвѣтилъ, что переписка на русскомъ языкѣ производится по управленію округомъ, по университету, ветеринарному училищу, по управленію губернскихъ директоровъ. 14 февраля 1853 г. вновь были утверждены правила преподаванія русскаго языка въ Дерптскомъ университетѣ. 18 октября 1851 г. утверждено министромъ распредѣленіе преподаванія Закона Божія православнаго исповѣданія въ гимназіяхъ и училищахъ Дерптскаго округа [150]).

На основаніи Положенія 1835 г. объ управленіи учебными округами и общаго устава 1828 г. была преобразована учебная система въ Закавказскомъ краѣ. Указомъ Правительствующему Сенату 12 мая 1835 г. было введено новое положеніе и штаты закавказскихъ учебныхъ заведеній: гимназіи въ Тифлисѣ съ благороднымъ пансіономъ и 19 уѣздныхъ училищъ. Въ курсѣ гимназій, вообще согласованномъ съ уставомъ 1828 г., древніе языки замѣнены мѣстными (грузинскимъ, татарскимъ и армянскимъ), и, кромѣ того, введено преподаваніе россійскаго законовѣдѣнія и судопроизводства. Въ уѣздныхъ училищахъ также положено преподавать мѣстные языки. Изъ окончившихъ успѣшно гимназію ежегодно по пяти человѣкъ отправляются на казенномъ содержаніи въ университеты Имперіи для приготовленія къ учебной службѣ въ закавказскихъ училищахъ. Ежегодное штатное содержаніе гимназіи и училищъ опредѣлено въ 56.375 руб. Это положеніе дѣйствовало до 18 декабря 1848 г., когда былъ образованъ Кавказскій учебный округъ. По новому положенію, введенному въ видѣ опыта на 3 года, учебное дѣло на Кавказѣ получило дальнѣйшее широкое развитіе. Гимназій въ округѣ положено 5: двѣ въ Тифлисѣ (одна дворянская, другая коммерческая), по одной въ Кутаисѣ, Ставрополѣ, Екатеринодарѣ. Кромѣ двухъ основныхъ цѣлей гимназическаго образованія, поставленныхъ общимъ уставомъ 1828 г., кавказскимъ гимназіямъ поставлена еще третья—спеціальная: «образовать молодыхъ людей для государственной службы въ Кавказскомъ и Закавказскомъ краѣ». Курсъ гимназій расширенъ введеніемъ латинскаго языка и для учениковъ дворянскаго сословія—сельскаго хозяйства и гражданской архитектуры, а для учениковъ торговаго сословія—коммерческихъ наукъ. Уѣзднымъ училищамъ, число которыхъ по штатамъ увеличено до 21, также усвояется спеціальная цѣль—готовить «дѣтей недостаточныхъ дворянъ и чиновниковъ для государственной службы въ низшихъ управленіяхъ вообще»; съ этой цѣлью въ нихъ преподаются «краткія понятія о канцелярскомъ порядкѣ», а по мѣстнымъ потребностямъ могутъ быть вводимы и другіе предметы, особенно коммерческія науки. Важной новостью положенія 1848 г. были постановленія о приходскихъ училищахъ, учреждаемыхъ по мѣрѣ надобности для одного только христіанскаго населенія и всякій разъ не иначе, какъ съ разрѣшенія Намѣстника Кавказскаго. Приходскія училища содержатся на средства мѣстныхъ обществъ, въ землѣ войска Черноморскаго—на мѣстныя войско-

выя суммы, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, въ видѣ исключенія, на счетъ казны. По учебнымъ планамъ приходскія училища раздѣляются на общія, дающія общее элементарное образованіе, и спеціальныя, сообщающія первоначальныя сельскохозяйственныя и коммерческія знанія. Наконецъ, разрѣшено заводить въ округѣ на общихъ основаніяхъ частные пансіоны и школы грамоты. Штатное содержаніе всего Кавказскаго округа, какъ управленія его, такъ и учебныхъ заведеній, опредѣлено въ 185.980 руб. Внѣ общей системы учебныхъ заведеній Кавказскаго округа остались два мусульманскихъ училища при мечетяхъ Аліева и Омарова ученія, основанныя въ 1847 г. и 1848 г. Въ этихъ училищахъ, съ трехгодичнымъ курсомъ, преподавались мѣстные и русскій языки, сокращенная географія и исторія, ариѳметика, начало русскаго законовѣдѣнія и судопроизводства, чистописаніе. Оба училища подчинены главному начальству Намѣстника Кавказскаго, назначающаго для нихъ попечителя изъ русскихъ чиновниковъ, и находятся въ непосредственномъ вѣдѣніи мѣстнаго мусульманскаго духовенства. Этотъ первый опытъ устройства особыхъ низшихъ мусульманскихъ училищъ, поставленныхъ подъ контроль правительства, былъ удаченъ: населеніе, по религіознымъ побужденіямъ не посылавшее своихъ дѣтей въ приходскія училища, отнеслось къ нимъ одобрительно и, въ 1850 г. Высочайше утвержденнымъ положеніемъ Кавказскаго Комитета Намѣстнику предоставлено было дать дальнѣйшее распространеніе этимъ училищамъ, а учителей для нихъ брать изъ казеннокоштныхъ воспитанниковъ Казанскаго округа. Въ 1853 г. на воспитанниковъ мусульманскихъ школъ Закавказья распространены права и преимущества, дарованныя воспитанникамъ первыхъ двухъ мусульманскихъ школъ Аліева и Омарова ученія.

Избранная часть кавказской учащейся молодежи должна была довершать свое образованіе въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Имперіи на казенныхъ стипендіяхъ. Особымъ положеніемъ 11 іюня 1849 г. подробно опредѣленъ былъ порядокъ избранія этихъ «кавказскихъ воспитанниковъ», какъ изъ мѣстныхъ жителей, такъ и изъ русскихъ дворянъ и чиновниковъ, прохожденія ими различныхъ учебныхъ курсовъ, опредѣленія ихъ на службу. Всѣ вообще кавказскіе воспитанники поставлены подъ особое покровительство предсѣдателя Кавказскаго Комитета и подчинены главному наблюденію управляющаго дѣлами Комитета.

29 октября 1853 г., уже по смерти князя Ширинскаго-Ших-

матова, было введено, также въ видѣ опыта на 4 года, новое положеніе о Кавказскомъ учебномъ округѣ съ цѣлію «постепенно ввести на Кавказѣ и за Кавказомъ ту же систему народнаго просвѣщенія, которая существуетъ въ прочихъ частяхъ государства». Новое положеніе внесло лишь нѣкоторыя частныя измѣненія и улучшенія въ установившійся порядокъ. Кавказскій округъ раздѣленъ былъ теперь на четыре дирекціи вмѣсто пяти, вслѣдствіе упраздненія самостоятельной Шемахинско-Дербентской дирекціи. Комитетъ для начертанія учебныхъ пособій упраздненъ. Дѣятельность цензурнаго комитета подчинена правиламъ общаго цензурнаго устава. Въ гимназіи допущены дѣти всѣхъ свободныхъ состояній и курсъ гимназій согласованъ съ общими реформами 1848 и 1852 годовъ; допущены также мѣстные языки. «Для доставленія нѣсколько высшаго образованія жителямъ тѣхъ губерній Закавказскаго края, въ которыхъ до времени еще не учреждены гимназіи» предположены особыя высшія четырехклассныя училища. Общая сумма на содержаніе округа, администраціи и учебныхъ заведеній возвышена до 219.740 руб. [151]).

VIII.

По отношенію къ ученымъ учрежденіямъ, состоявшимъ въ вѣдѣніи Министерства Народнаго Просвѣщенія, графъ Уваровъ руководился тою же главной цѣлью, къ которой онъ старался привести учебную систему: «сохраняя всѣ выгоды европейскаго просвѣщенія, подвинувъ умственную жизнь Россіи вровень съ прочими націями, дать ей самостоятельность народную, основать ее на началахъ собственныхъ и привести въ соотвѣтственность съ потребностями народа и государства».

«Первенствующее ученое сословіе» Россіи, Императорская Академія Наукъ, получила 8 января 1836 г. новый уставъ и штатъ, по которому сумма на содержаніе Академіи возвышена до 239.400 руб. Сохранивъ существенныя черты старой организаціи, Академія получила возможность значительно расширить свою ученую дѣятельность, привести въ порядокъ и обогатить музеи и коллекціи. Другимъ важнымъ событіемъ въ жизни Академіи Наукъ было присоединеніе къ ней Россійской Академіи. 11 апрѣля 1841 г. на докладной запискѣ Уварова о смерти президента Россійской Академіи адмирала Шишкова Государь написалъ:

«Представить проектъ соединенія Россійской Академіи съ Академіею Наукъ». Желая сохранить отдѣльное существованіе Академіи Наукъ, какъ учрежденія, «завѣщаннаго Россіи Петромъ Великимъ» и призваннаго разрабатывать преимущественно точныя науки, Уваровъ составилъ планъ такого ученаго учрежденія, которое подъ общимъ названіемъ «Императорскихъ Соединенныхъ Академій» распадалось бы на три самостоятельныя части: Академію Наукъ, занимающуюся точными науками, Академію русской словесности и Академію исторіи и филологіи. Каждая Академія имѣетъ особаго президента и вице-президента, конференцію, непремѣннаго секретаря. Общими органами всѣхъ трехъ учрежденій являются канцлеръ и общее собраніе всѣхъ дѣйствительныхъ членовъ. Но этотъ планъ не былъ принятъ Государемъ. По рескрипту на имя министра 19 октября 1841 г. Россійская Академія присоединена къ Академіи Наукъ въ видѣ особаго ея отдѣленія. Въ новомъ своемъ составѣ Академія Наукъ раздѣлялась на 3 отдѣленія: 1) физико-математическихъ наукъ, 2) русскаго языка и словесности, 3) историческихъ наукъ и филологіи. Тогда же было издано особое положеніе объ отдѣленіи русскаго языка и словесности [152]).

19 іюля 1838 г. былъ Высочайше утвержденъ уставъ Главной Астрономической Обсерваторіи въ Пулковѣ, поставленной подъ непосредственное вѣдѣніе Академіи Наукъ. Обсерваторіи поставлено въ обязанность не только разрабатывать теоретическую астрономію, но также «содѣйствовать всѣми мѣрами къ усовершенствованію практической астрономіи, въ приспособленіяхъ ея къ географіи и мореходству, и доставлять случай къ практическимъ упражненіямъ въ географическомъ опредѣленіи мѣстъ. На содержаніе Обсерваторіи положено по штату 62.200 руб. въ годъ. Въ слѣдующее царствованіе, по Высочайшему повелѣнію 13 апрѣля 1855 г., Обсерваторія, обязанная не только своимъ учрежденіемъ, но и выборомъ мѣстности, Императору Николаю I, получила наименованіе «Николаевской» [153]).

Въ новыя условія поставлены были Императорская Публичная Библіотека и Румянцевскій Музей. 21 августа 1845 г. Музей былъ подчиненъ начальству Императорской Публичной Библіотеки, 27 мая 1846 г. получилъ новый уставъ, 7 февраля 1850 г. Публичная Библіотека и Румянцевскій Музей перешли въ вѣдѣніе Министерства Двора и 20 февраля управленіе ими опредѣлено было новымъ дополнительнымъ положеніемъ. Въ 1834 г., по поводу

учрежденія въ Тамбовѣ, на средства дворянскаго общества, публичной библіотеки, состоялось Высочайшее повелѣніе: «для сохраненія благой въ семъ дѣлѣ цѣли и отклоненія вреда, могущаго произойти отъ фальшиваго направленія» передать всѣ подобныя библіотеки въ вѣдѣніе Министерства Народнаго Просвѣщенія. Въ 1843 г. Уваровъ насчитывалъ такихъ публичныхъ библіотекъ до 41 [154]).

Въ 1834 г. было призвано къ жизни новое ученое учрежденіе—Археографическая Комиссія. Въ этомъ году П. М. Строевъ закончилъ свое знаменитое предпріятіе, столь плодотворное для русской исторической науки, — археографическую экспедицію. 24 декабря были Высочайше утверждены «Правила Комиссіи для изданія собранныхъ археографической экспедиціею актовъ». По выполненіи этой первой задачи министръ полагалъ, «расширивъ и преобразивъ Комиссію, предназначить оную къ изданію недостающаго у насъ полнаго и систематическаго собранія источниковъ отечественной исторіи». На расходы Комиссіи по изданію актовъ была опредѣлсна сумма, пожертвованная на подобныя изданія покойнымъ государственнымъ канцлеромъ графомъ Н. П. Румянцовымъ. Къ общему недоумѣнію всѣхъ, понимавшихъ подвигъ Строева, предсѣдателемъ Комиссіи былъ назначенъ не онъ, а директоръ Департамента Народнаго Просвѣщенія князь П. А. Ширинскій-Шихматовъ. Когда были напечатаны четыре тома Актовъ Археографической Экспедиціи, по новымъ правиламъ 18 февраля 1837 г. Комиссія превратилась въ постоянное учрежденіе, состоящее при Департаментѣ Народнаго Просвѣщенія, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ министра. Предсѣдатель Комиссіи назначается Высочайшей властью по докладу министра, члены — министромъ, чиновники — предсѣдателемъ. На расходы Комиссіи отпускается по 4.000 руб. въ годъ. На Комиссію возложена обязанность вести систематическое изданіе источниковъ отечественной исторіи какъ литературнаго, такъ и юридическаго характера. Въ слѣдующемъ году для безостановочнаго продолженія дѣйствій Комиссіи Высочайше разрѣшено было отчислить въ ея распоряженіе въ теченіе двухъ лѣтъ до 50.000 руб. изъ хозяйственныхъ суммъ Департамента. Для сохраненія въ интересахъ исторической науки матеріаловъ, скрывавшихся въ разныхъ присутственныхъ мѣстахъ, въ началѣ 50-хъ годовъ создано было еще нѣсколько учрежденій. Высочайше утвержденнымъ положеніемъ Комитета Министровъ въ 1850 г. министру Юстиціи пре-

доставлено было учредить въ нѣкоторыхъ губерніяхъ губернскія и уѣздныя Комиссіи для разбора и приведенія въ порядокъ архивовъ вѣдомства Министерства Юстиціи. Къ участію въ этихъ Комиссіяхъ привлекались директоры и смотрители училищъ для отобранія документовъ, важныхъ въ историческомъ отношеніи. Указомъ Сенату 2 апрѣля 1852 г. въ Кіевѣ, Витебскѣ и Вильнѣ повелѣно было учредить центральные архивы для сосредоточенія въ нихъ древнихъ актовыхъ книгъ западныхъ губерній. Кіевскій архивъ отдавался въ вѣдѣніе университета Св. Владиміра, Витебскій — мѣстнаго генералъ-губернатора, Виленскій — попечителя округа [155]).

Самой тяжелой и отвѣтственной обязанностью Министерства въ эпоху графа Уварова и князя Ширинскаго-Шихматова была цензура. Основнымъ закономъ все это время оставался цензурный уставъ 1828 г., но его значеніе было совершенно подорвано позднѣйшими постановленіями и распоряженіями, а съ 1848 г. Министерство перестало быть главнымъ руководителемъ цензуры, такъ какъ само попало подъ контроль особаго верховнаго «Комитета 2 апрѣля». Еще будучи товарищемъ министра, въ 1832 г., Уваровъ высказалъ нѣкоторые руководящіе взгляды на задачи цензуры. По образному выраженію его задача цензуры— «умножать, гдѣ только можно, число умственныхъ плотинъ» противъ вторженія разрушительныхъ европейскихъ идей. Въ частности особенное вниманіе Уваровъ обратилъ на періодическую печать, «дерзавшую», по его мнѣнію, «выступать за предѣлы благопристойности, вкуса языка, и даже простирать свои покушенія къ важнѣйшимъ предметамъ государственнаго управленія и къ политическимъ понятіямъ, поколебавшимъ едва ли не всѣ государства въ Европѣ». Надлежало не только «укротить въ журналистахъ порывъ заниматься предметами, до государственнаго управленія или вообще до правительства относящимися», но подвергнуть строгому контролю и собственно литературное вліяніе періодической печати на публику, ибо «развратъ нравовъ пріуготовляется развратомъ вкуса».

Вступивъ въ управленіе Министерствомъ, Уваровъ началъ строго преслѣдовать всякаго рода политическія и соціальныя тенденціи какъ въ журналахъ, такъ и въ отдѣльныхъ произведеніяхъ литературы, оригинальной и переводной: нѣкоторые журналы («Московскій Телеграфъ» Полеваго, «Телескопъ» Надеждина) были запрещены; предписано цензурѣ «имѣть строжайшее наблюденіе,

чтобы въ повременныхъ изданіяхъ отнюдь не возобновлялась литературная полемика въ томъ видѣ, въ какомъ она въ прежніе годы овладѣла было журналами обѣихъ столицъ»; въ 1836 г. объявлено запрещеніе на нѣкоторое время ходатайствъ о новыхъ періодическихъ изданіяхъ; запрещено одному лицу быть отвѣтственнымъ редакторомъ двухъ періодическихъ изданій; подчинены стѣснительнымъ правиламъ издательская предпріимчивость и книжная торговля; рѣшено не допускать широкаго развитія дешевыхъ изданій для народа, по заключенію Главнаго Правленія Училищъ, «что приводить низшіе классы нѣкоторымъ образомъ въ движеніе и поддерживать оные какъ бы въ состояніи напряженія не только безполезно, но и вредно»; въ 1847 г. обращено вниманіе цензуры на «стремленіе нѣкоторыхъ авторовъ къ возбужденію въ читающей публикѣ необузданныхъ порывовъ патріотизма, общаго или провинціальнаго, стремленіе, становящееся иногда, если не опаснымъ, то по крайней мѣрѣ неблагоразумнымъ по тѣмъ послѣдствіямъ, какія оно можетъ имѣть»; тогда же подтверждено требованіе строжайшаго отношенія къ переводамъ съ иностранныхъ языковъ.

Всѣ эти мѣры, состоявшіяся до 1848 г., не сопровождались прямыми измѣненіями въ уставѣ 1828 г., хотя практическое ихъ примѣненіе часто нарушало его духъ. По докладной запискѣ барона Бруннова, члена Главнаго Управленія Цензуры, поданной въ 1836 г., былъ только усиленъ личный составъ цензурныхъ комитетовъ. Между тѣмъ компетенція Министерства Народнаго Просвѣщенія, какъ главнаго и самостоятельнаго руководителя цензуры, все болѣе стѣснялась, вслѣдствіе умноженія спеціальныхъ цензуръ. Рядомъ Высочайшихъ повелѣній, послѣдовавшихъ въ теченіе 30-хъ и 40-хъ годовъ, разнымъ вѣдомствамъ и учрежденіямъ (Министерствамъ Двора, Финансовъ, Военному, Внутреннихъ Дѣлъ, II и III отдѣленіямъ Собственной Его Величества Канцеляріи, Военно-Топографическому Депо, Шефу жандармовъ, Почтовому Департаменту, Вольно-Экономическому Обществу, Комиссіи построенія Исаакіевскаго Собора, Кавказскому Комитету, Главному Попечительству дѣтскихъ пріютовъ, Управленію Государственнаго Коннозаводства и т. д.) предоставлено было право просматривать и одобрять къ печатанію книги, журналы и газетныя статьи, которыя касались ихъ интересовъ. «Однимъ словомъ», говоритъ историкъ цензуры, «одна только чистая поэзія и беллетристика подлежали вѣдѣнію цензурныхъ комитетовъ; все же

прочее сверхъ ихъ отдавалось на просмотръ того или другого вѣдомства». На неудобство такого порядка указывалъ министру московскій попечитель графъ Строгановъ въ 1845 г.: «при точномъ исполненіи этихъ правилъ», говорилъ онъ, «я замѣтилъ на опытѣ, что писатели наши до крайности стѣсняются цензурою въ изданіи своихъ сочиненій; тѣмъ самымъ нерѣдко благонамѣренныя и полезныя для общей образованности статьи или остаются ненапечатанными или выходятъ въ свѣтъ совершенно несвоевременно». Но это представленіе графа Строганова не имѣло успѣха.

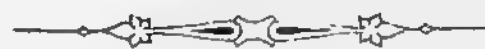
Чувствуя трудное положеніе Министерства въ вопросѣ о цензурѣ, на которую съ теченіемъ времени Императоръ Николай обращалъ все болѣе строгое вниманіе, Уваровъ сталъ думать о коренной реформѣ цензуры. Но на первое представленіе о необходимости дополненія и измѣненія устава 1828 г. Государь отвѣтилъ отказомъ. Въ началѣ 1848 г. по порученію министра особый комитетъ подъ предсѣдательствомъ князя Ширинскаго-Шихматова выработалъ проекты новаго цензурнаго устава и наказа цензорамъ. По этому проекту предполагалось устранить отъ дѣла цензуры ученое сословіе, соединить въ одинъ департаментъ оба петербургскіе цензурные комитета, обложить пошлиной иностранныя книги. Государственный Совѣтъ отвергнулъ проектъ и согласился только на нѣкоторыя частныя предположенія министра: на увеличеніе содержанія цензорамъ и назначеніе чиновниковъ особыхъ порученій при Главномъ Управленіи Цензуры.

Первыя же извѣстія о революціонномъ движеніи на Западѣ въ 1848 г. послужили предлогомъ къ новымъ крайнимъ мѣрамъ въ области цензуры, лишившимъ Министерство Народнаго Просвѣщенія значенія высшей самостоятельной цензурной инстанціи. 12 марта состоялось Высочайшее повелѣніе, объявленное министру генералъ-адъютантомъ княземъ Меншиковымъ: «1) начальству цензуры созвать цензоровъ, объявить имъ, что правительство обратило вниманіе на предосудительный духъ многихъ статей, съ нѣкотораго времени появляющихся въ періодическихъ изданіяхъ, и предупредить ихъ, что за всякое дурное направленіе статей журналовъ, хотя бы оно выражалось въ косвенныхъ намекахъ, цензура, сіи статьи пропустившая, подвергнется строгой отвѣтственности; 2) Главному Управленію строго взыскивать, по предоставленной начальству власти, за упущенія цензоровъ въ этомъ случаѣ; 3) теперь же поставить цензорамъ въ непремѣнную обязанность не пропускать въ печать выраженій, заключающихъ

намеки на строгость цензуры; 4) пояснить, что запрещеніе цензурою впускать въ Россію нѣкоторыя иностранныя книги заключаетъ въ себѣ запрещеніе и говорить объ ихъ содержаніи въ журналахъ, а тѣмъ болѣе печатать отрывки изъ нихъ въ подлинникѣ или въ переводѣ». Но и эти мѣры казались недостаточными. Высочайшимъ повелѣніемъ 2 апрѣля былъ образованъ Особый Комитетъ подъ предсѣдательствомъ князя Меншикова для высшаго надзора въ нравственномъ и политическомъ отношеніяхъ за духомъ и направленіемъ книгопечатанія. Членами Комитета были: Бутурлинъ, баронъ Корфъ, графъ Строгановъ, Дегай и Дубельтъ. Подчиненное въ своихъ цензурныхъ обязанностяхъ контролю Верховнаго Комитета, Министерство съ этого времени стало пассивнымъ исполнителемъ повелѣній, объявляемыхъ ему чрезъ Комитетъ, а иногда черезъ III Отдѣленіе Собственной Его Величества Канцеляріи. Получивъ за статью «О назначеніи русскихъ университетовъ» Высочайшій выговоръ, графъ Уваровъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ изъяснилъ трудность своего положенія и предложилъ вовсе отдѣлить цензуру отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, подчинивъ ее исключительно Комитету 2 апрѣля или этому Комитету совмѣстно съ III Отдѣленіемъ Собственной Его Величества Канцеляріи. Но и это предложеніе не было принято.

Главной задачей цензуры, руководимой Комитетомъ 2 апрѣля въ послѣдній годъ пребыванія у власти графа Уварова и при его преемникѣ, было по возможности совсѣмъ прекратить обсужденіе въ печати опредѣленнаго ряда темъ. Отъ 1848-го по 1854 г., по отдѣльнымъ Высочайшимъ повелѣніямъ и распоряженіямъ цензурнаго начальства, воспрещено было пропускать къ печатанію: «всякія, хотя бы и косвенныя, порицанія дѣйствій или распоряженій правительства и установленныхъ властей, къ какой бы степени сіи послѣднія ни принадлежали»; беллетристическія произведенія, «могущія дать поводъ къ ослабленію понятій о подчиненности или могущія возбуждать непріязнь и завистливое чувство однихъ сословій противъ другихъ»; «статьи, которыя своею таинственностью могутъ наводить лишь на одни ложныя или произвольныя предположенія»; «похвалы изобрѣтеніямъ, прежде нежели оныя будутъ изслѣдованы по правиламъ науки и признаны вполнѣ основательными»; статьи и изслѣдованія по исторіи смутъ и народныхъ возстаній; «разборъ и порицаніе существующаго законодательства»; статьи за университеты и противъ нихъ;

«критики, какъ бы благонамѣренны онѣ ни были, на иностранныя книги и сочиненія, запрещенныя и потому не должныя быть извѣстными»; «разсужденія, могущія поколебать вѣрованіе читателей въ непреложность церковныхъ преданій»; произведенія народной словесности безнравственнаго содержанія; статьи о представительныхъ собраніяхъ второстепенныхъ европейскихъ государствъ, объ ихъ конституціяхъ, выборахъ, утвержденныхъ законахъ, о депутатахъ, о народной волѣ, о требованіяхъ и нуждахъ рабочихъ классовъ, о безпорядкахъ, производимыхъ иногда своеволіемъ студентовъ, о поданіи голосовъ солдатами и т. п. По Высочайшему повелѣнію, объявленному графомъ Орловымъ 14 мая 1848 г., «тѣ изъ воспрещаемыхъ цензурою сочиненій, которыя обнаруживаютъ въ писателѣ особенно вредное, въ политическомъ или нравственномъ отношеніи, направленіе, должны быть представляемы отъ цензоровъ, негласнымъ образомъ, въ III Отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, чтобы послѣднее, смотря по обстоятельствамъ, или принимало мѣры къ предупрежденію вреда, могущаго происходить отъ такого писателя, или учреждало за нимъ наблюденіе». Въ нормальныя условія цензура вернулась уже въ новое царствованіе [156]).

Дозволено цензурою. СПБ. 19 Октября 1902 г. Экспедиція Заготовленія Государственныхъ Бумагъ

ГЛАВА ПЯТАЯ.

А. С. Норовъ.—Е. П. Ковалевскій.—Графъ Е. В. Путятинъ.

I.

Съ началомъ царствованія Императора Александра II Министерство Народнаго Просвѣщенія вновь вступило на путь коренныхъ преобразованій. Въ первые годы новаго царствованія, при министрахъ А. С. Норовѣ, Е. П. Ковалевскомъ и графѣ Е. В. Путятинѣ, были постепенно отмѣнены исключительныя мѣры, стѣснявшія дѣятельность центральнаго и мѣстнаго управленія и нарушавшія нормальное развитіе учебной жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ была подготовлена почва для всестороннихъ реформъ, проведенныхъ въ послѣдующую эпоху, при А. В. Головнинѣ.

Авраамъ Сергѣевичъ Норовъ родился 22 октября 1795 г. въ помѣстьѣ отца, въ Саратовской губерніи. Получивъ подготовительное образованіе дома, онъ былъ отданъ въ Московскій университетскій благородный пансіонъ, но курса въ немъ не кончилъ по неизвѣстнымъ причинамъ; въ 1810 г., выдержавъ экзаменъ въ военныхъ наукахъ, вступилъ въ службу юнкеромъ гвардейской артиллеріи и принялъ участіе въ войнѣ 1812 г. Въ разгарѣ сраженія при Бородинѣ, 26 августа, онъ былъ тяжко раненъ ядромъ въ ногу и взятъ въ плѣнъ французами. Въ Москвѣ ему ампутировали ногу, но заботами и искусствомъ французскихъ врачей, особенно Ларея, лейбъ-медика Наполеона, жизнь и здоровье его были спасены.

Слѣдующіе годы А. С. Норовъ провелъ въ деревнѣ въ научныхъ и литературныхъ занятіяхъ. Одаренный живымъ и пытливымъ умомъ, высоконравственнымъ и поэтическимъ настроеніемъ онъ особенно увлекался изученіемъ литературы, какъ

отечественной, такъ и иностранныхъ: французской, нѣмецкой, англійской, итальянской и отчасти испанской. Позже онъ занимался классической древностью и овладѣлъ еврейскимъ языкомъ. Не располагая обширными средствами, А. С. Норовъ успѣлъ, однако, составить обширную и хорошо подобранную библіотеку по литературѣ, исторіи, философіи, богословію, библейской исторіи и географіи. Плодомъ его литературныхъ занятій были собственные поэтическіе опыты, оригинальные и переводные, помѣщенные въ различныхъ журналахъ.

Возстановивъ свое здоровье, А. С. Норовъ совершилъ въ 1821 г. путешествіе по Западной Европѣ, посѣтилъ Германію, Францію, Италію и Сицилію, вездѣ восполняя пробѣлы своихъ кабинетныхъ занятій исторіей, литературой и искусствомъ. Въ 1822 г. онъ напечаталъ въ 2-хъ томахъ описаніе своего путешествія по Сициліи. По возвращеніи на родину А. С. Норовъ перешелъ въ 1823 г. на гражданскую службу съ чиномъ статскаго совѣтника, въ 1827 г. былъ назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій при министрѣ Внутреннихъ Дѣлъ и въ томъ же году сопровождалъ адмирала Синявина въ Англію въ должности секретаря. Вновь причисленный въ 1830 г. къ Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, онъ написалъ по порученію министра «Записку о составѣ и занятіяхъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ съ самаго его учрежденія». Интересуясь религіозными вопросами и исторіей церкви, въ 1834 г. А. С. Норовъ отправился въ новое путешествіе, въ Палестину, въ мѣстности древнихъ мало-азійскихъ церквей, въ Египетъ и Нубію. Вездѣ свои личныя впечатлѣнія и знакомство съ памятниками древности онъ старался свѣрять со свидѣтельствами древнихъ источниковъ и изслѣдованіями новыхъ ученыхъ, почему его описанія путешествій по Востоку возбуждали живой литературный и научный интересъ.

Въ 1839 г. А. С. Норовъ оставилъ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ и занялъ мѣсто правителя дѣлъ, а потомъ члена Комиссіи принятія прошеній на Высочайшее Имя и нѣсколько разъ исполнялъ обязанности статсъ-секретаря по дѣламъ этой комиссіи; въ 1849 г. онъ былъ назначенъ членомъ и помощникомъ попечителя Императорскаго Человѣколюбиваго Общества и присутствующимъ въ Правительствующемъ Сенатѣ. Въ 1850 г. началась государственная дѣятельность А. С. Норова по вѣдомству народнаго просвѣщенія: 11 февраля онъ былъ назначенъ товарищемъ министра Народнаго Просвѣщенія; въ слѣдующемъ

Авраамъ Норовъ

году былъ избранъ въ дѣйствительные члены Академіи Наукъ по отдѣленію русскаго языка и словесности и назначенъ предсѣдателемъ Археографической Комиссіи. Вступивъ по болѣзни князя Ширинскаго-Шихматова въ управленіе Министерствомъ 7 апрѣля 1853 г., А. С. Норовъ утвержденъ былъ министромъ 11 апрѣля 1854 г. Постъ товарища министра съ 24 іюля 1855 г. занималъ извѣстный писатель, членъ Академіи Наукъ, сенаторъ князь П. А. Вяземскій. Директоромъ Департамента оставался до февраля 1859 г. П. И. Гаевскій, директоромъ Канцеляріи министра А. А. Берте.

Попечителями учебныхъ округовъ вновь были назначены при А. С. Норовѣ: С.-Петербургскаго—д. с. с. князь Г. А. Щербатовъ (1856—1858 г.), Московскаго—сенаторъ т. с. Е. П. Ковалевскій (1856—1858 г.), Харьковскаго—т. с. Г. А. Катакази (1856—1857 г.) и д. с. с. П. В. Зиновьевъ (1857—1860 г.), Казанскаго—т. с. Э. А. Груберъ (1857—1859 г.), Кіевскаго—д. с. с. Ребиндеръ (1856—1858 г.), Виленскаго—генералъ-лейтенантъ баронъ Е. П. Врангель 2-й (1856—1861 г.), Дерптскаго—сенаторъ т. с. Е. Ѳ. фонъ-Брадке (1854—1862 г.), Одесскаго—д. с. с. Н. И. Пироговъ. Попечителемъ Кавказскаго округа оставался баронъ А. П. Николаи, Варшавскаго—д. с. с. П. А. Мухановъ.

Человѣкъ гуманный и просвѣщенный, но не обладавшій твердымъ характеромъ и легко поддававшійся постороннимъ вліяніямъ, А. С. Норовъ понималъ необходимость вывести ввѣренное ему Министерство изъ тѣхъ крайне стѣснительныхъ условій, въ какія оно было поставлено при его предшественникѣ, возстановить нормальное теченіе учебной жизни на точномъ основаніи дѣйствующихъ уставовъ. Эти благія намѣренія стали постепенно осуществляться со вступленіемъ на престолъ Императора Александра II. Возстановленіе Главнаго Правленія Училищъ и Ученаго Комитета вернуло Министерству полноту его первоначальной организаціи. Изъятіе управленія учебными округами изъ вѣдѣнія мѣстныхъ генералъ-губернаторовъ поставило мѣстное учебное начальство въ болѣе самостоятельное положеніе. Упраздненіе Комитета 2 апрѣля 1848 г. значительно развязало руки Министерству въ цензурномъ вопросѣ. Но, отстаивая необходимость благоразумной и законной свободы для науки и литературы, А. С. Норовъ не успѣлъ начать общаго преобразованія цензуры. По отношенію къ учебной системѣ онъ успѣлъ добиться отмѣны нѣкоторыхъ исключительныхъ мѣръ и представилъ Государю

докладъ о главныхъ основаніяхъ возстановленія нормальной учебной системы. Въ этомъ докладѣ онъ высказался за классическое и вообще широкое гуманитарное образованіе и возражалъ противъ односторонняго реализма, выдвинутаго послѣ 1848 г. Но осуществить всѣ намѣченныя преобразованія А. С. Норову не удалось: неудовольствіе Государя на безпорядки въ университетахъ и на дѣйствія цензуры побудило министра подать 18 марта 1858 г. прошеніе объ отставкѣ. 23 марта А. С. Норовъ былъ уволенъ отъ должности министра съ оставленіемъ во всѣхъ другихъ званіяхъ и должностяхъ. На всеподданнѣйшемъ отчетѣ А. С. Норова о дѣятельности Министерства за 1857 г., представленномъ на Высочайшее воззрѣніе уже новымъ министромъ, Государь написалъ: «Искренно благодарю бывшаго министра Народнаго Просвѣщенія за благія и чистыя его намѣренія. Да поможетъ Богъ его преемнику вести важную отрасль государственнаго управленія къ истинной пользѣ Россіи». Одновременно съ А. С. Норовымъ вышелъ въ отставку и товарищъ министра князь Вяземскій. Посвятивъ послѣдніе годы жизни научнымъ занятіямъ и совершивъ въ 1861 г. второе путешествіе въ Палестину, А. С. Норовъ скончался 23 января 1869 г. [157]).

Преемникомъ А. С. Норову былъ назначенъ 23 марта 1858 г. попечитель Московскаго учебнаго округа сенаторъ тайный совѣтникъ Евграфъ Петровичъ Ковалевскій, а товарищемъ министра тайный совѣтникъ Н. А. Мухановъ (съ 17 апрѣля 1858 г.). Е. П. Ковалевскій родился въ 1792 г. и получилъ воспитаніе въ Горномъ кадетскомъ корпусѣ, изъ котораго былъ выпущенъ въ 1810 г. съ званіемъ практиканта на Луганскій литейный заводъ. Въ 1816 г. онъ перешелъ на службу въ Департаментъ горныхъ и соляныхъ дѣлъ на должность чиновника особыхъ порученій. Съ успѣхомъ выполнивъ разныя порученія по горнымъ заводамъ и пройдя должности начальника чертежной мастерской и монетнаго отдѣленія Департамента, Е. П. Ковалевскій съ 1823 г. занималъ послѣдовательно должности инспектора классовъ Горнаго кадетскаго корпуса, члена комитета для устройства горныхъ заводовъ и ученаго комитета при корпусѣ, вице-директора Департамента, командира Горнаго кадетскаго корпуса. Въ 1830 г. Е. П. Ковалевскій оставилъ корпусъ и получилъ постъ Томскаго гражданскаго губернатора и главнаго начальника Колывано-Воскресенскихъ Алтайскихъ горныхъ заводовъ. Зачисленный въ 1833 г. въ корпусъ горныхъ инженеровъ съ чиномъ генералъ-

маіора, Е. П. Ковалевскій занималъ трудныя должности начальника горныхъ заводовъ и Томскаго губернатора до 1835 г., когда онъ вернулся къ болѣе спокойной дѣятельности въ званіи члена совѣта и ученаго комитета Корпуса горныхъ инженеровъ, съ 1836 г.—директора Департамента горныхъ и соляныхъ дѣлъ, съ 1837 г.—члена Горнаго Аудиторіата. Въ эти же годы онъ временно исполнялъ и другія высшія обязанности по горному управленію. Служба Е. П. Ковалевскаго по горному вѣдомству окончилась въ 1843 г., когда онъ былъ назначенъ къ присутствованію въ Правительствующемъ Сенатѣ, сначала по 4-му департаменту, потомъ по 2-му, Межевому и 1-му департаментамъ. Пробывъ затѣмъ короткое время первоприсутствующимъ въ 1-мъ отдѣленіи 5-го департамента, онъ занялъ въ 1856 г. постъ попечителя Московскаго учебнаго округа и черезъ 2 года постъ министра Народнаго Просвѣщенія. Директоромъ Департамента при Е. П. Ковалевскомъ, съ 1859 г. по 1861 г., былъ Н. Р. Ребиндеръ, директоромъ Канцеляріи Министра, съ 1859 г. по 1861 г., А. Е. Кисловскій. Попечителями учебныхъ округовъ вновь были назначены: С.-Петербургскаго—И. Д. Деляновъ (1858—1861 г.г.) Московскаго—А. Н. Бахметевъ (1858 г.), Свиты Его Величества ген.-маіоръ Н. А. Исаковъ (1859—1863 г. г.), Харьовскаго—ген.-лейтенантъ Д. С. Лёвшинъ (1860—1863 г. г.), Казанскаго—князь П. П. Вяземскій (1859—1862 г. г.), Кіевскаго—т. с. Н. И. Пироговъ (1858—1861 г. г.) и баронъ А. П. Николаи (1861 г.), Одесскаго—д. с. с. Н. Р. Ребиндеръ (1858—1859 г. г). и д. с. с. Могилянскій (1859—1862 г.г.).

За три года своего пребыванія во главѣ Министерства Е. П. Ковалевскій подвинулъ впередъ подготовку реформы учебной системы. Въ началѣ 1860 г. былъ обнародованъ «Проектъ Устава низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній», отданный на обсужденіе спеціалистовъ и всѣхъ вообще лицъ, интересующихся дѣломъ народнаго образованія. Дальнѣйшая обработка этого проекта совершилась уже при А. В. Головнинѣ. Въ 1859 г. былъ составленъ проектъ новаго цензурнаго устава, а въ слѣдующемъ году преобразовано Главное Управленіе Цензуры. Но всего болѣе труднымъ, неподдававшимся быстрому и ясному разрѣшенію, былъ вопросъ университетскій. Коренное разногласіе по этому вопросу съ двумя Высочайше назначенными комиссіями для разсмотрѣнія отчета министра за 1859 г. и для обсужденія предложенныхъ министромъ мѣръ къ прекращенію студенческихъ безпорядковъ побудило

Е. П. Ковалевскаго подать прошеніе объ отставкѣ. 28 іюня 1861 г. онъ былъ уволенъ отъ должности министра. Сохранивъ званіе члена Государственнаго Совѣта и принявъ участіе въ обсужденіи нѣкоторыхъ преобразованій по Министерству Народнаго Просвѣщенія, Е. П. Ковалевскій умеръ въ 1866 г. Уже послѣ его смерти въ «Вѣстникѣ Европы» за 1867 г. были напечатаны «Очерки этнографіи Кавказа», представлявшія часть большого труда «О народахъ, жившихъ и нынѣ живущихъ въ предѣлахъ Россіи» [158]).

На очень короткое время (съ 28 іюня по 25 декабря 1861 г.) постъ министра занялъ графъ Ефимъ Васильевичъ Путятинъ. Онъ родился въ 1806 г., воспитывался въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ, курсъ котораго окончилъ въ 1822 г., и въ теченіе трехъ лѣтъ находился въ кругосвѣтномъ плаваніи. Совершивъ въ послѣдующіе годы рядъ внутреннихъ и заграничныхъ плаваній и принявъ участіе въ Наваринскомъ сраженіи и кампаніяхъ противъ кавказскихъ горцевъ, Е. В. Путятинъ въ 40-хъ и 50-хъ годахъ выполнилъ рядъ чрезвычайно важныхъ дипломатическихъ порученій. Въ 1842 г. онъ совершилъ путешествіе въ Персію, результатомъ котораго было уничтоженіе стѣсненій для русской торговли на Каспійскомъ морѣ и въ Персіи, разграниченіе водныхъ пространствъ, устройство военной станціи въ Астрабадскомъ заливѣ, установленіе пароходнаго сообщенія по Каспійскому морю съ Кавказомъ и Персіей. Пробывъ затѣмъ нѣкоторое время предсѣдателемъ Комитета по составленію урочнаго положенія для судостроенія, получивъ въ 1849 г. званіе генералъ-адъютанта, а въ 1851 г.—чинъ вице-адмирала, Е. В. Путятинъ въ 1853 г. отправился изъ Англіи на фрегатѣ «Паллада» съ разными порученіями отъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ Китай и Японію. Преодолѣвъ значительныя препятствія, адмиралъ Путятинъ успѣлъ заключить въ 1855 г. съ японскимъ правительствомъ очень выгодный для Россіи торговый трактатъ. Изъ этого путешествія, часть котораго художественно описана И. А. Гончаровымъ, Е. В. Путятинъ возвратился въ С.-Петербургъ въ концѣ 1855 г.; 6 декабря онъ былъ возведенъ съ потомствомъ въ графское достоинство и назначенъ начальникомъ штаба Кронштадтскаго военнаго генералъ-губернатора. Пробывъ 1856 г. при посольствахъ въ Парижѣ и Лондонѣ для доставленія Морскому Министерству подробныхъ свѣдѣній о всѣхъ новѣйшихъ улучшеніяхъ по морской части, графъ Путятинъ въ слѣдующемъ году былъ снова командированъ въ Китай въ званіи чрезвычай-

Евграфъ Ковалевскій

наго посланника и полномочнаго министра, а затѣмъ былъ переименованъ въ званіе Императорскаго Комиссара съ назначеніемъ начальникомъ эскадры Восточнаго океана. Эта миссія имѣла очень серьезные результаты. Въ іюнѣ 1858 г. въ Тянь-Цзинѣ былъ подписанъ съ китайскими уполномоченными договоръ, которымъ на Россію распространялись политическія и торговыя преимущества наиболѣе благопріятствуемой державы. Въ Японіи учреждена постоянная дипломатическая миссія и пріобрѣтенъ островъ Сахалинъ. Пробывъ на дальнемъ Востокѣ до ноября 1858 г., графъ Путятинъ въ слѣдующемъ году былъ командированъ во Францію и Англію агентомъ по морской части. Въ эти же годы онъ занимался научно-литературными трудами, которые отчасти касались нѣкоторыхъ вопросовъ народнаго образованія. Перу его принадлежатъ: «Всеподданнѣйшій отчетъ о плаваніи отряда военныхъ нашихъ судовъ въ Японію и Китай въ 1852—1855 г.» («Морской сборникъ» 1856 г., книга 10); «Соображенія объ устройствѣ морского воспитанія въ Россіи на новыхъ началахъ» (тамъ же, 1859 г. кн. 2-12; 1860 г. книга 2); «Проектъ преобразованія морскихъ учебныхъ заведеній, съ учрежденіемъ новой гимназіи» (СПБ. 1860 г.). За 6 мѣсяцевъ управленія Министерствомъ графа Путятина произошли нѣкоторыя перемѣны въ составѣ высшихъ чиновъ Министерства; директорами Департамента были И. Д. Деляновъ (съ іюля по ноябрь 1861 г.) и графъ Д. А. Толстой (по 25 декабря 1861 г.), послѣднимъ директоромъ Канцеляріи Министра—А. С. Вороновъ. Изъ попечителей учебныхъ округовъ вновь были назначены: С.-Петербургскаго—сенаторъ генералъ-лейтенантъ Г. И. Филипсонъ (1861—1862г.г.), Виленскаго—князь А. П. Ширинскій-Шихматовъ (1861—1864 г. г.).

И для графа Путятина, какъ и для его предшественниковъ, особенно тяжелыми были заботы о преобразованіи цензуры и университетовъ. Вывести цензурное вѣдомство изъ крайне тяжелаго и запутаннаго положенія онъ считалъ возможнымъ только посредствомъ передачи его въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ. Что же касается университетовъ, то министръ склонялся къ мысли сдѣлать ихъ доступными только для высшихъ классовъ, на подобіе англійскихъ. Не успѣвъ достигнуть въ обоихъ вопросахъ никакихъ положительныхъ результатовъ, графъ Путятинъ 20 декабря 1861 г. былъ уволенъ въ отставку. Скончался онъ въ званіи члена Государственнаго Совѣта въ 1883 г. [159]).

II.

Послѣ 1824 г., во вторую четверть вѣка, въ исторіи центральнаго управленія Министерства наблюдаются два теченія: во-первыхъ, постепенный упадокъ значенія и, наконецъ, полное прекращеніе дѣятельности совѣщательныхъ органовъ, Главнаго Правленія Училищъ и Ученаго Комитета, и, во-вторыхъ, усложненіе исполнительныхъ органовъ, Канцеляріи Министра и Департамента, соотвѣтственно быстрому развитію дѣлопроизводства. Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ Главное Правленіе Училищъ, имѣвшее когда то важное руководящее значеніе, подготовлявшее проекты улучшеній и преобразованій по разнымъ частямъ вѣдомства Министерства, существовало лишь номинально; упраздненный Ученый Комитетъ лишь отчасти замѣнялся Комитетомъ разсмотрѣнія учебныхъ руководствъ. Между тѣмъ въ послѣдніе годы царствованія Императора Николая накопился матеріалъ для новыхъ обширныхъ преобразованій, и возникъ вопросъ, гдѣ должна сосредоточиться подготовка этихъ преобразованій, снова ли въ особыхъ временныхъ комитетахъ и коммиссіяхъ или въ самомъ Министерствѣ. Въ послѣднемъ случаѣ необходимо было возстановленіе старыхъ совѣщательныхъ учрежденій, Главнаго Правленія Училищъ и Ученаго Комитета. Сначала былъ избранъ первый путь, и подъ предсѣдательствомъ графа Блудова образованъ новый особый Комитетъ для пересмотра постановленій и учрежденій по Министерству Народнаго Просвѣщенія. Но въ февралѣ 1854 г. Норовъ представилъ Государю докладъ о возобновленіи дѣятельности Главнаго Правленія Училищъ и при немъ Ученаго Комитета: «возстановленіе и усиленіе Главнаго Правленія Училищъ», писалъ онъ, «было бы для Министерства великимъ добромъ . . . Все, что потребуетъ предварительнаго зрѣлаго обсужденія по ученымъ и учебнымъ вопросамъ, сосредоточивалось бы въ немъ, какъ въ мѣстѣ, самымъ своимъ назначеніемъ къ тому призванномъ, и не было бы надобности, въ случаѣ нужды, каждый разъ прибѣгать къ содѣйствію постороннихъ лицъ, коимъ не всегда и прилично ввѣрять дѣла, нерѣдко требующія тайны, ни учреждать особыхъ комитетовъ и комиссій, что также сопряжено съ различнаго рода неудобствами». 8 февраля Государь одобрилъ эту мысль и повелѣлъ: «по подробномъ обсужденіи сихъ предположеній войти со всеподданнѣйшимъ докладомъ объ

окончательномъ устроеніи оныхъ». Но этотъ докладъ былъ представленъ уже молодому Государю 8 марта 1856 г. А. С. Норовъ проектировалъ возстановить Главное Правленіе Училищъ вполнѣ въ прежнемъ составѣ и съ прежнею компетенціей, въ устройство же Ученаго Комитета ввести нѣкоторыя измѣненія: избирать членовъ на 3 года, съ жалованьемъ въ 1.000 рублей, изъ спеціалистовъ по каждой главной отрасли наукъ—по русской словесности, по древней филологіи, по новой филологіи, по исторіи и географіи, по математическимъ и естественнымъ наукамъ; для обогащенія учебной литературы устраивать конкурсы для соисканія денежныхъ премій, отъ 300 до 1.500 руб. сер.; на покрытіе всѣхъ расходовъ составить при Департаментѣ особый капиталъ посредствомъ вычета 2% съ полнаго сбора платы за ученіе во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ. Государь написалъ на докладѣ: «Согласенъ въ главныхъ основаніяхъ, но желаю, чтобы Главное Правленіе Училищъ было сколь возможно согласовано съ учрежденіемъ Совѣта о военно-учебныхъ заведеніяхъ: и поэтому начальнику Главнаго Моего Штаба по симъ заведеніямъ быть членомъ сего Правленія, такъ точно, какъ Министръ Народнаго Просвѣщенія есть членъ Совѣта о военно-учебныхъ заведеніяхъ. Равно желаю, чтобы Ученый Комитетъ былъ также образованъ, примѣняясь къ таковому же существующему по военно-учебнымъ заведеніямъ. По соглашенію съ генералъ-адъютантомъ Ростовцевымъ буду ожидать окончательное ваше представленіе по симъ предметамъ». Министръ, сличивъ устройство Главнаго Правленія Училищъ и Ученаго Комитета съ устройствомъ Совѣта и Учебнаго Комитета при Главномъ Штабѣ военно-учебныхъ заведеній, пришелъ къ заключенію, которое было обсуждено совмѣстно съ генералъ-адъютантомъ Ростовцевымъ и доложено Государю, что оба ряда учрежденій совершенно сходны между собою въ главныхъ чертахъ, почему министръ считалъ полезнымъ оставить и компетенцію Главнаго Правленія Училищъ и Ученаго Комитета въ прежнемъ видѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ генералъ Ростовцевъ передалъ министру Высочайшую волю: 1) чтобы мнѣнія Главнаго Правленія Училищъ по всѣмъ дѣламъ, относящимся до внутренняго устройства училищъ и внутренняго ихъ управленія, равно какъ и до измѣненій по части учебной и воспитательной вообще, представлялись непосредственно на Высочайшее воззрѣніе въ подлинникахъ; 2) чтобы въ случаяхъ разногласія между Главнымъ Правленіемъ и министромъ послѣдній повергалъ на Высочайшее рѣшеніе особымъ

докладомъ мнѣнія свое и Главнаго Правленія; 3) чтобы представленія къ наградамъ по Министерству восходили на Высочайшее благоусмотрѣніе черезъ Главное Правленіе; 4) чтобы вопросы по хозяйственной части училищъ были предоставлены окончательному рѣшенію не Сената, а Главнаго Правленія Училищъ; 5) чтобы изъ Главнаго Правленія Училищъ восходили въ Государственный Совѣтъ и Комитетъ Министровъ только дѣла, находящіяся въ общей связи съ другими отраслями государственнаго управленія, въ Совѣтъ—законодательныя, въ Комитетъ—административныя. Наконецъ, Государь выразилъ желаніе, чтобы министръ, не стѣсняясь этими выраженіями Высочайшей воли, высказалъ по поводу ихъ свое откровенное мнѣніе. А. С. Норовъ возразилъ только противъ дарованія Главному Правленію высшей власти по дѣламъ хозяйственнымъ. 5 мая 1856 г. послѣдовалъ указъ Правительствующему Сенату, призывавшій къ новой жизни Главное Правленіе Училищъ и возстановлявшій Ученый Комитетъ. Указъ дополнилъ существующія постановленія дарованіемъ Главному Правленію, по личной волѣ Государя, упомянутыхъ выше преимуществъ, назначилъ правителемъ дѣлъ вице-директора Департамента и поручилъ министру составить правила для Ученаго Комитета. Эти правила, Высочайше утвержденныя 15 іюня 1856 г., систематически излагаютъ предположенія министра, содержащіяся въ докладѣ 8 февраля, и совершенно чужды какой либо тенденціи, стремленія сообщить дѣятельности Комитета опредѣленное направленіе. 22 августа былъ закрытъ Комитетъ разсмотрѣнія учебныхъ руководствъ; его цензурныя обязанности отошли къ общей цензурѣ, а педагогическія и учебныя —къ Ученому Комитету [160]).

Такъ стараніями А. С. Норова была возстановлена полнота центральныхъ учрежденій Министерства. Особенныя преимущества, дарованныя Главному Правленію Высочайшей волей, должны были сообщить дѣятельности Министерства больше твердости и самостоятельности, чѣмъ было раньше, когда оно являлось исполнителемъ предначертаній, вырабатываемыхъ особыми комитетами и комиссіями.

Въ то же время продолжалъ усложняться составъ Департамента Народнаго Просвѣщенія. 11 іюня 1856 г. по Высочайше утвержденному мнѣнію Государственнаго Совѣта, «для уравненія занятій въ распорядительныхъ отдѣленіяхъ Департамента», учреждено было особое отдѣленіе, подъ названіемъ четвертаго, изъ

двухъ третьихъ столовъ перваго и третьяго отдѣленій. Счетное отдѣленіе должно было считаться пятымъ. Распредѣленіе занятій между отдѣленіями предоставлено усмотрѣнію министра. Новое распредѣленіе дѣлопроизводства въ Департаментѣ введено было распоряженіемъ министра 13 іюня 1856 г. Дѣла по учебнымъ округамъ раздѣлены были между всѣми четырьмя отдѣленіями, дѣла по ученымъ учрежденіямъ отнесены къ І-му отдѣленію, по еврейскимъ училищамъ—къ III-му, по медицинской части и судныя къ IV-му, общія къ І-му. 9 октября 1858 г. разрѣшено причислять къ Министерству въ случаяхъ надобности, сверхъ штата, лицъ, извѣстныхъ по своему образованію и благонамѣренности, съ цѣлью опредѣленія ихъ къ штатнымъ должностямъ, соотвѣтствующимъ ихъ познаніямъ причисленные содержанія не получаютъ и производятся въ чины по общимъ правиламъ о государственной службѣ. 8 февраля 1854 г., по докладу министра, ему разрѣшено было за каждую треть года представлять Государю вѣдомость о такихъ произведеніяхъ русской литературы, какія, по строгомъ обсужденіи въ Министерствѣ, признаны будутъ достойными воззрѣнія Монаршаго, съ краткимъ обозначеніемъ ихъ содержанія.

Въ порядкѣ службы и ея преимуществъ по вѣдомству народнаго просвѣщенія А. С. Норовъ успѣлъ исходатайствовать возстановленіе права на полученіе пенсій сверхъ жалованья на службѣ по учебнымъ должностямъ, права, отмѣненнаго указомъ 6 ноября 1852 г. Во всеподданнѣйшей запискѣ 20 декабря 1854 г. онъ объяснилъ, какъ важно возстановленіе въ полной силѣ пенсіонныхъ преимуществъ, дарованныхъ учебному вѣдомству Положеніемъ 18 ноября 1836 г.: «оно дало бы возможность замѣщать достойнымъ образомъ наставническія должности и сдѣлало бы менѣе ощутительною настоящую надобность въ усиленіи до крайности скудныхъ окладовъ въ низшихъ и среднихъ заведеніяхъ». Эту инициативу А. С. Норова горячо поддержалъ Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Николаевичъ, какъ главный начальникъ военно-учебныхъ заведеній. Онъ выразилъ мнѣніе, что учебная служба «не можетъ быть подведена вполнѣ подъ дѣйствіе общаго пенсіоннаго устава, но должна сохранить особыя данныя ей преимущества, если не хотѣть разрушить всего благотворнаго на умственное и нравственное образованіе и настоящаго и будущаго поколѣній вліянія, какое произвели и производятъ уставы, дарованные этой службѣ благостью и

мудростью Государя Императора». Комитетъ Министровъ, по запискѣ, внесенной министромъ 25 января 1855 г., положилъ: отъ дѣйствія указа 6 ноября 1852 г. о прекращеніи производства пенсій на службѣ сверхъ жалованья изъять служащихъ по учебной части Министерства Народнаго Просвѣщенія и военно-учебныхъ заведеній и, согласно мнѣнію министра Финансовъ, распространить это преимущество на всѣ вообще вѣдомства, которыя пользовались имъ до изданія указа 6 ноября 1852 г. Это положеніе было утверждено Императоромъ Александромъ II 5 апрѣля 1855 г.

Въ январѣ того же года Норовъ представилъ на разрѣшеніе Государственнаго Совѣта вопросъ: оставить ли въ силѣ дарованныя учебному вѣдомству Министерства права утвержденія въ чинахъ по должностямъ всѣхъ лицъ, пользовавшихся донынѣ симъ преимуществомъ, или же, соотвѣтственно буквальному смыслу ст. 716 устава о службѣ, допускать утвержденіе въ чинахъ по должностямъ только тѣхъ, которые получили университетское образованіе, или имѣютъ аттестаты о признанной по испытанію въ университетахъ способности къ преподаванію избраннаго ими предмета. Государственный Совѣтъ мнѣніемъ, Высочайше утвержденнымъ 17 января 1855 г., положилъ: лицамъ, опредѣляемымъ въ должности, для коихъ установлены положеніемъ 1846 г. спеціальныя испытанія, сохранить всѣ дарованныя имъ особыми уставами и положеніями преимущества по чинопроизводству, если они допущены къ должностямъ по выдержаніи спеціальныхъ испытаній или получили высшее образованіе, самыя же испытанія производить всегда въ университетахъ или лицеяхъ и только при невозможности исполненія сего, съ особаго разрѣшенія попечителя, допускать испытанія и въ гимназіяхъ [161]).

III.

Въ управленіи учебными округами учебному начальству возвращена была самостоятельность по точному смыслу положенія 1835 г. Указомъ Правительствующему Сенату 27 декабря 1855 г. управленіе учебными округами, находившимися въ вѣдѣніи мѣстныхъ генералъ-губернаторовъ, было снова возложено на особыхъ попечителей, кромѣ Сибири и Кавказа. 12 апрѣля 1859 г. Высочайше утверждено было «Положеніе объ управленіи гражданскими

Графъ Путятинъ

Дозв. ценз. СПБ. 23 Октября 1901 г. Экспедиція Заготовленія Государственныхъ Бумагъ

учебными заведеніями въ Западной Сибири». Оно ввѣрено мѣстному генералъ-губернатору, какъ главному начальнику всѣхъ гражданскихъ учебныхъ заведеній края. Для ближайшаго же надзора за ними учреждена должность главнаго инспектора училищъ Западной Сибири, состоящаго также членомъ Совѣта Главнаго Управленія Западной Сибири по дѣламъ, относящимся до училищной части.

2 іюля 1860 г. собственною властью Намѣстника Кавказскаго князя Барятинскаго утверждено было въ видѣ опыта по 1 января 1863 г. новое «Положеніе объ управленіи учебною частью на Кавказѣ», по которому «Намѣстникъ Кавказскій есть высшій блюститель точнаго и правильнаго исполненія всѣхъ постановленій по учебной части во ввѣренномъ ему краѣ»; начальникамъ областей, военнымъ и гражданскимъ губернаторамъ предоставлены права и обязанности попечителей учебныхъ округовъ; все дѣлопроизводство по учебной части сосредоточено въ департаментѣ общихъ дѣлъ Главнаго Управленія Намѣстника; во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ сохранено въ силѣ положеніе 1853 г.; къ существующимъ учебнымъ дирекціямъ прибавлены еще три новыя—Бакинская, Эриванская, Терская. Въ 1862 г. срокъ дѣйствія новаго положенія былъ продолженъ до 1 января 1866 г., а въ 1864 г. преемникъ князя Барятинскаго, Великій Князь Михаилъ Николаевичъ учредилъ, съ Высочайшаго соизволенія, должность главнаго инспектора учебныхъ заведеній на Кавказѣ и за Кавказомъ. Вновь подчинено было учебное управленіе въ Кавказскомъ краѣ Министерству Народнаго Просвѣщенія въ 1881 г.

Самое положеніе 1835 г. объ управленіи учебными округами оставалось неизмѣненнымъ до преобразованія въ 1860 г. попечительскихъ совѣтовъ. Это преобразованіе стояло въ связи съ закрытіемъ Главнаго Педагогическаго Института и педагогическихъ институтовъ при университетахъ. Ихъ рѣшено было замѣнить педагогическими курсами при университетахъ, наблюденіе за которыми и оцѣнку педагогическихъ способностей кандидатовъ на учительскія мѣста поручить преобразованнымъ совѣтамъ при попечителяхъ, какъ «посредникамъ между попечителемъ округа и педагогическими совѣтами гимназій въ рѣшеніи различныхъ педагогическихъ вопросовъ». По новому «Положенію о совѣтахъ при попечителяхъ учебныхъ округовъ» 20 марта 1860 г. они состоятъ подъ предсѣдательствомъ попечителя изъ постоянныхъ

членовъ (помощника попечителя, ректора университета, инспектора казенныхъ училищъ, директоровъ гимназій и дворянскихъ институтовъ), декановъ факультстовъ историко-филологическаго и физико-математическаго и шести профессоровъ по разнымъ спеціальностямъ, избираемыхъ на два года совѣтомъ университета; кромѣ того для испытанія кандидатовъ-педагоговъ и для разрѣшенія разныхъ спеціальныхъ вопросовъ приглашаются учителя. Совѣтъ занимается вопросами хозяйственно-административными и учебными: мѣрами улучшенія учебныхъ заведеній, оцѣнкою учебныхъ руководствъ, испытаніями кандидатовъ-педагоговъ, собираніемъ матеріаловъ для статистики учебнаго дѣла и по дѣламъ учебнымъ. Попечители приступаютъ къ распоряженіямъ не прежде, какъ обсудивъ ихъ предварительно въ совѣтѣ. Рѣшенія постановляются большинствомъ голосовъ, причемъ предсѣдателю принадлежатъ два голоса; при несогласіи попечителя съ мнѣніемъ большинства вопросъ передается на разрѣшеніе министра. Циркуляромъ 3 августа 1860 г. министръ пояснилъ, что рѣшенію попечительскихъ совѣтовъ могутъ подлежать только такія административныя дѣла, которыя не превышаютъ власти попечителя. Въ томъ же году послѣдовало разъясненіе вопроса о правѣ попечительскихъ совѣтовъ дѣлать оцѣнку учебныхъ руководствъ: въ циркулярѣ 14 декабря Е. П. Ковалевскій указалъ, что это право не должно уничтожать коренного начала, по которому утвержденіе учебныхъ руководствъ для общаго употребленія принадлежитъ центральному управленію, но что, съ другой стороны, попечительской власти предоставляется вводить различныя учебныя руководства, если того потребуютъ особенныя мѣстныя обстоятелялства. Съ тѣми же цѣлями децентрализаціи и упрощенія дѣлопроизводства Высочайше утвержденнымъ 23 августа 1860 г. положеніемъ Комитета Министровъ попечителямъ разрѣшено было самостоятельно рѣшать нѣкоторыя мелкія административныя и денежныя дѣла [162]).

IV.

Исходнымъ пунктомъ тѣхъ преобразованій учебной системы, къ которымъ Министерство обратилось въ царствованіе Императора Александра II, «преддверіемъ дѣйствій высокаго значенія и важности», явился всеподданнѣйшій докладъ А. С. Норова 5 марта

1856 г. Здѣсь министръ по пунктамъ изложилъ свои взгляды на главные недостатки существующей системы, а отмѣтки, сдѣланныя на докладѣ Государемъ, указывали предположеніямъ министра то или другое направленіе. Эти предположенія были слѣдующія:

Полагая «кореннымъ основаніемъ всего воспитанія и образованія отечественнаго» истины православной вѣры, необходимо обратить особенное вниманіе на методу преподаванія Закона Божія и выборъ законоучителей. Это преподаваніе должно «принять свойство нравственно-назидательнаго, одушевляющаго ученія, способнаго дѣйствовать на воспріимчивыя и мягкія сердца юношей и поселять съ христіанскимъ образомъ мыслей и жизни христіанскія чувствованія». Государь повелѣлъ войти по этому предмету въ сношенія съ духовными властями.

Реформа 1850 г., уничтожавшая въ среднемъ образованіи преобладаніе классицизма и сообщившая ему исключительно реальный характеръ, нарушила «гармонію въ системѣ гимназическаго образованія». «Министерство имѣетъ многія причины считать усиленный перевѣсъ реальныхъ началъ въ воспитаніи вредною крайностью и думаетъ, что, въ видахъ умственнаго развитія и нравственно-эстетическихъ требованій, преподаванію классическихъ языковъ надобно возвратить значительную часть его прежней силы, разумѣется не исключая изъ круга обученія въ среднихъ заведеніяхъ и наукъ реальныхъ, сколько это нужно для жизни, и не присвоивая учащимся помянутымъ языкамъ прежнихъ преимуществъ». Это предположеніе удостоилось Высочайшаго утвержденія.

Реальное образованіе должно быть сосредоточено въ спеціальныхъ заведеніяхъ, «ибо только подобныя учрежденія, при содѣйствіи практическихъ и техническихъ пособій, въ состояніи сообщить юношамъ свѣдѣнія основательныя, полныя и годныя для примѣненія въ различныхъ промышленныхъ операціяхъ». Государь одобрилъ эту мысль.

Необходимо дать широкое развитіе женскому образованію. «Учрежденіе открытыхъ школъ для дѣвицъ въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ и даже въ большихъ селеніяхъ было бы величайшимъ благодѣяніемъ для отечества и довершило бы великую и стройную систему народнаго образованія, обнимая собою всеобщія и спеціальныя нужды всѣхъ состояній и обоихъ половъ». Соглашаясь по этому вопросу съ министромъ, Государь повелѣлъ

приступить къ соображеніямъ объ устройствѣ на первый разъ въ губернскихъ городахъ женскихъ школъ, приближенныхъ по курсу преподаванія къ гимназіямъ.

Недостатокъ въ профессорахъ и «даже постепенное уменьшеніе высшихъ дѣятелей науки» грозитъ упадкомъ университетамъ. Надо принять мѣры къ подготовкѣ молодыхъ ученыхъ и, между прочимъ, возобновить заграничныя командировки. Учрежденіе Сибирскаго университета, которое Государь призналъ полезнымъ, «обѣщаетъ великія послѣдствія для края, котораго природныя богатства и мѣстныя обстоятельства ожидаютъ только животворнаго содѣйствія науки, чтобы доставить государству неисчислимыя выгоды».

Наконецъ, важнѣйшая забота Министерства должна направиться «на сосредоточеніе разнородныхъ стихій и частей государства въ одинъ плотный, крѣпкій составъ», на сліяніе «всѣхъ мѣстныхъ и провинціальныхъ патріотизмовъ и влеченій». Этой великой цѣли невозможно достигнуть иначе, какъ постепенно, и притомъ мѣрами не административными, а нравственными, сближая умы, племена и сословія единствомъ внутреннихъ началъ, которыя зависятъ отъ одного общаго плана воспитанія и отъ одной системы управленія въ сферѣ народнаго образованія». «Убѣжденный въ глубинѣ души моей», говорилъ А. С. Норовъ, «сознаніемъ необходимости общаго плана воспитанія для государства, опираясь на очевидныхъ свидѣтельствахъ опыта, подтверждающихъ эту вѣковѣчную истину всѣхъ образованныхъ странъ въ мірѣ, осмѣливаюсь сказать, что достиженіе специализма путемъ разъединенія воспитательныхъ учрежденій есть мѣра несогласная съ истинными началами государственной пользы и даже не соотвѣтствующая видамъ и цѣли, для которой предпринимается». Поэтому специальное образованіе должно утверждаться на общемъ и всѣ учебныя, нравственныя, педагогическія средства воспитанія, школы общія и специальныя, должны быть сосредоточены въ одной правительственной сферѣ, подчинены одному вѣдомству. Государь повелѣлъ представить полныя по сему предмету соображенія [163]).

Въ то же время, какъ Министерство при А. С. Норовѣ стало возвращаться къ мысли о возстановленіи классическаго и вообще широкаго гуманитарнаго образованія, вопросъ о преимуществахъ гуманитарнаго и реальнаго образованія, объ основахъ системы общаго образованія, сдѣлался предметомъ обсужденія въ педагогической литературѣ. Въ этотъ споръ вмѣшались такіе

авторитетные люди, какъ Т. Н. Грановскій, Н. И. Пироговъ, К. Д. Ушинскій. Еще въ 1847 г. Грановскій въ одной изъ своихъ статей писалъ: «споръ между филологіею и естествовѣдѣніемъ имѣетъ не одно теоретическое значеніе: онъ касается высшихъ вопросовъ нравственныхъ и общественныхъ. Отъ его рѣшенія зависитъ воспитаніе и, слѣдовательно, участь будущихъ поколѣній. Смѣемъ думать, что побѣда останется не на сторонѣ такъ называемыхъ реалистовъ». Въ 1855 г., за нѣсколько мѣсяцевъ до своей смерти, Грановскій представилъ Норову статью «Ослабленіе классическаго преподаванія въ гимназіяхъ и неизбѣжныя послѣдствія этой перемѣны», въ которой сильно порицалъ реформу учебнаго плана гимназій въ 1849—1851 г.г. «Мѣры, принятыя въ 1851 г., остановили правильное развитіе системы, зрѣло обдуманной и превосходно приводимой въ исполненіе. Люди, понимавшіе дѣло, были тѣмъ болѣе огорчены, что мѣры эти должны были неизбѣжно вести къ усиленію тѣхъ именно идей, противъ которыхъ онѣ очевидно были направлены . . . . Задача педагогіи состоитъ въ равномѣрномъ (гармоническомъ) развитіи всѣхъ способностей учащихся, изъ которыхъ ни одна не должна быть принесена въ жертву другой. Знакомя юношу только съ внѣшнею природой и съ ея механическими и химическими законами, естествознаніе, отрѣшенное отъ ученій, имѣющихъ предметомъ духовныя стороны бытія, неминуемо приводитъ къ матеріализму». Въ слѣдующемъ году въ «Морскомъ Сборникѣ» появилась статья знаменитаго хирурга Н. И. Пирогова подъ заглавіемъ «Вопросы жизни». Эта статья, перепечатанная по приказанію Норова въ журналѣ Министерства, явилась какъ бы оффиціозной программой, подготовлявшей реформу учебной системы. Усматривая важнѣйшій недугъ своего времени въ столкновеніи христіанскаго міросозерцанія съ матеріалистическимъ направленіемъ европейскаго общества средины XIX вѣка, Пироговъ говоритъ: «единственный путь вывести человѣчество изъ этого ложнаго и опаснаго положенія есть: приготовить насъ съ юныхъ лѣтъ къ этой борьбѣ, значитъ: «сдѣлать насъ людьми», то есть тѣмъ, чего не достигнетъ ни одна ваша реальная школа въ мірѣ, заботясь сдѣлать изъ насъ, съ самаго нашего дѣтства, негоціантовъ, солдатъ, моряковъ, духовныхъ пастырей или юристовъ. Всѣ, готовящіеся быть полезными гражданами, должны сначала научиться быть людьми. Поэтому всѣ до извѣстнаго періода жизни, въ которомъ ясно обозначаются ихъ склонности и ихъ

таланты, должны пользоваться плодами одного и того же нравственно-научнаго просвѣщенія. Не даромъ извѣстныя свѣдѣнія изстари называются humana, то есть необходимыя для каждаго человѣка». Съ другой стороны, противъ увлеченія классическимъ образованіемъ выступилъ Ушинскій. «Изученіе древнихъ языковъ», говорилъ онъ, «укоренилось въ западныхъ школахъ вовсе не вслѣдствіе сознанія необходимости ихъ для развитія высшихъ способностей духа, а вслѣдствіе причинъ историческихъ. Необходимость потомъ обратилась въ школьную привычку Европы, а ничто такъ не держится упорно, какъ школьныя привычки». Въ системѣ средняго образованія Ушинскій требовалъ равноправности съ гуманитарными науками наукъ математическихъ и естественныхъ. Эти статьи Пирогова, Грановскаго, Ушинскаго были только началомъ той горячей полемики, которая разыгралась позднѣе, когда въ концѣ 50-хъ годовъ Министерство отдало на обсужденіе спеціалистовъ и общества проекты реформы средней школы. Но въ одномъ пунктѣ сходились представители разныхъ направленій: что ожидаемая реформа учебной системы должна преслѣдовать не узкія утилитарныя цѣли, а задачи широкаго общаго образованія [164]).

А. С. Норову и его двумъ преемникамъ, Е. П. Ковалевскому и графу Путятину, не удалось выполнить круга преобразованій, намѣченныхъ въ докладѣ 5 марта 1856 г. Въ эту эпоху въ области народнаго просвѣщенія, какъ и въ другихъ областяхъ государственной жизни, только подготовлялись матеріалы для всестороннихъ реформъ, совершенныхъ въ первой половинѣ 60-хъ годовъ при министрѣ А. В. Головнинѣ и совершенно обновившихъ учебную систему Имперіи.

Университетскій вопросъ въ первые годы царствованія Александра II, при министрахъ Норовѣ, Ковалевскомъ и графѣ Путятинѣ, заключался въ слѣдующей дилеммѣ: должны ли университеты вернуться къ нормальнымъ порядкамъ устава 1835 г., нарушеннымъ исключительными мѣрами послѣднихъ лѣтъ предыдущаго царствованія, или для нихъ наступила эпоха новой общей реформы. Въ данный періодъ времени Министерство имѣло въ виду прежде всего первую цѣль.

Управленіе университетами подлежало дѣйствію особыхъ правилъ до Высочайшаго повелѣнія 13 мая 1861 г., возстановившаго выборъ ректоровъ и проректоровъ на точномъ основаніи устава 1835 г. Тогда же предписано было пересмотрѣть инструкцію ректо-

рамъ и деканамъ 1851 г. По отношенію къ профессорамъ 21 мая 1860 г. были установлены правила объ оставленіи на службѣ профессоровъ и адъюнктовъ, выслужившихъ 25 лѣтъ, по баллотировкамъ черезъ каждое пятилѣтіе. Запрещеніе приглашать иностранныхъ ученыхъ на университетскія каѳедры отмѣнено было въ январѣ 1862 г.

Начиная съ 1856 г., постепенно возстановлялся нормальный порядокъ учебной жизни университетовъ. По докладу А. С. Норова 12 апрѣля 1856 г. Высочайше повелѣно было прекратить преподаваніе въ столичныхъ университетахъ военныхъ наукъ и экзерцицій, введенныхъ въ 1854 г. во время Крымской войны. Въ 1857 г. возобновлено было преподаваніе государственнаго права европейскихъ державъ. Въ 1858 г. разрѣшены публичныя лекціи для постороннихъ слушателей. Наконецъ, была возстановлена самостоятельная каѳедра философіи. 10-лѣтній опытъ вполнѣ обнаружилъ неудобство совмѣстнаго преподаванія логики и психологіи съ богословіемъ и вредныя послѣдствія этой мѣры для широты и основательности высшаго образованія. 2 декабря 1859 г. министръ представилъ на Высочайшее воззрѣніе ходатайство попечителей учебныхъ округовъ о возстановленіи самостоятельной каѳедры философіи, логики и психологіи, и получилъ повелѣніе разсмотрѣть это дѣло въ Главномъ Правленіи Училищъ. Послѣднее вполнѣ соглашалось съ заключеніемъ Департамента, «что при совершенномъ измѣненіи теперь направленія современныхъ идей, вполнѣ отражающихъ въ себѣ чисто-утилитарныя стремленія вѣка, не представляется никакихъ препятствій къ возстановленію преподаванія философіи, если не въ полномъ ея объемѣ, то по крайней мѣрѣ въ одной ея части,—исторіи философіи, какъ науки, по преимуществу проясняющей истины и разрушающей предразсудки и стремленія къ матеріализму». Съ своей стороны министръ заявилъ, что митрополиты Московскій и Кіевскій также настаивали на освобожденіи профессоровъ богословія отъ преподаванія логики и психологіи. Высочайше утвержденнымъ 22 февраля 1860 г. положеніемъ Главнаго Правленія Училищъ была возстановлена въ университетахъ и Ришельевскомъ лицеѣ каѳедра исторіи философіи, логики и психологіи; профессорамъ же богословія сохранены права и оклады ординарныхъ профессоровъ. Въ 1857 г. по представленію попечителя С.-Петербургскаго округа Главное Правленіе Училищъ постановило испросить Высочайшее соизволеніе на допущеніе всѣхъ желающихъ къ присутствованію на уче-

ныхъ диспутахъ. Ограниченіе публичности диспутовъ было признано «мѣрою временною, вынужденною обстоятельствами частнаго случая, а не измѣненіемъ существа или цѣли закона». 9 ноября Государь утвердилъ это постановленіе. Въ 1859 г. возстановлено право университетовъ и Академіи Наукъ на выписку изъ заграницы книгъ и періодическихъ изданій безъ разсмотрѣнія ихъ цензурою.

Въ связи съ возвращеніемъ учебной жизни университетовъ къ нормамъ устава 1835 г. выдвинулись два спеціальные вопроса, давно озабочивавшіе Министерство: о сосредоточеніи преподаванія восточныхъ языковъ при одномъ изъ университетовъ и о подготовкѣ при университетахъ педагоговъ. Окончательнымъ рѣшеніемъ основать особый факультетъ восточныхъ языковъ при С.-Петербургскомъ Университетѣ послѣдній, по словамъ профессора Григорьева, былъ обязанъ попечителю Мусину-Пушкину, который покровительствовалъ оріентализму въ Казани и любовь къ нему принесъ и въ С.-Петербургъ. По словамъ указа Сенату 22 октября 1854 г., сосредоточеніе преподаванія восточныхъ языковъ въ С.-Петербургѣ вызвано тѣмъ, что здѣсь «соединяется больше средствъ для развитія этой обширной отрасли знанія и больше учебныхъ пособій, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ Имперіи». Новый факультетъ составляется изъ девяти каѳедръ, замѣщаемыхъ министромъ на основаніи общаго устава университетовъ. Для практическаго усовершенствованія стипендіатовъ четырехгодичный курсъ дополняется однимъ годомъ. Преподаваніе восточныхъ языковъ въ Казанскомъ университетѣ и первой Казанской гимназіи, въ Ришельевскомъ лицеѣ и гимназіи при немъ прекращается, суммы же и учебныя пособія названныхъ учебныхъ заведеній обращаются на штатное содержаніе факультета, исчисленное въ 26.276 р., включая содержаніе 29 стипендіатовъ. Но при слѣдующемъ министрѣ Е. П. Ковалевскомъ явилась мысль водворить восточный факультетъ въ Казань. Въ докладѣ 2 іюля 1860 г. объ осмотрѣ Казанскаго университета министръ выразилъ сожалѣніе о переводѣ факультета въ С.-Петербургъ, гдѣ онъ встрѣтилъ соперничество съ Восточнымъ Институтомъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Государь написалъ на докладѣ: «Сообразить, нельзя ли вновь учредить тамъ (въ Казани) восточный факультетъ, упразднивъ таковой здѣсь (въ С.-Петербургѣ)». Но этотъ проектъ не былъ осуществленъ вполнѣ. По новому докладу министра о необходимости большихъ расходовъ со стороны Государственнаго Казначей-

ства и о нежеланіи большинства петербургскихъ профессоровъ перейти на службу въ Казань, послѣдовало повелѣніе ограничиться преподаваніемъ въ Казани тѣхъ восточныхъ языковъ, которые наиболѣе необходимы для мусульманскаго населенія Поволжья. На этомъ основаніи 9 апрѣля 1861 г. министръ испросилъ Высочайшее разрѣшеніе ввести съ будущаго академическаго года въ Казанскомъ университетѣ преподаваніе языковъ арабскаго и турецко-татарскаго, на что Министерство Финансовъ согласилось отпускать ежегодно около 2.000 руб.

Заново пересмотрѣнъ былъ другой спеціальный вопросъ, о приготовленіи преподавателей для среднихъ школъ, послѣ закрытія Главнаго педагогическаго института. По требованію Министерства директоръ И. И. Давыдовъ въ 1857 г. представилъ свои предположенія о преобразованіи института. Самымъ важнымъ недостаткомъ, по мнѣнію Давыдова, была слабая подготовка поступающихъ въ институтъ гимназистовъ и семинаристовъ; слѣдовало продолжить курсъ института до шести лѣтъ, посвятивъ два первые года общему образованію. Товарищъ министра князь Вяземскій, подробно обревизовавшій институтъ по порученію министра, въ двухъ запискахъ доказывалъ необходимость особеннаго педагогическаго института или учительскихъ семинарій при учебныхъ округахъ и предлагалъ поднять Главный институтъ посредствомъ возстановленія «предварительнаго» курса. Отдѣльныя мнѣнія были поданы еще инспекторомъ института Тихомандрицкимъ, желавшимъ возстановить уставъ 1828 г., и Казанскимъ попечителемъ Груберомъ, засвидѣтельствовавшимъ преимущество университетскихъ кандидатовъ передъ питомцами института и прямо поставившимъ вопросъ: нужно ли дальнѣйшее существованіе института. На этотъ вопросъ отвѣтилъ Ученый Комитетъ, разсуждая о способахъ образованія преподавателей. Находя, что почти не существуетъ учрежденій для приготовленія наставниковъ въ низшія училища *), что Главный педагогическій институтъ и педагогическіе институты при университетахъ не удовлетворяютъ своему назначенію, Комитетъ намѣтилъ въ общихъ чертахъ проектъ педагогическихъ курсовъ при университетахъ и особой педагогической гимназіи. Департаментъ Народнаго Просвѣщенія, съ своей стороны, далъ

*) Исключенія составляли учительскія семинаріи въ Варшавѣ и Дерптѣ и спеціальные классы при Ставропольской гимназіи, удовлетворявшіе лишь мѣстнымъ потребностямъ.

заключеніе въ пользу основанія педагогическихъ курсовъ и педагогическихъ гимназій во всѣхъ округахъ. Главное Правленіе Училищъ, куда перенесено было все дѣло на окончательное разсмотрѣніе, постановило закрыть Главный педагогическій институтъ и основать при университетахъ педагогическіе курсы, какъ «открытыя» заведенія. 15 ноября 1858 г. это постановленіе удостоилось Высочайшаго утвержденія. Мнѣнія попечителей объ устройствѣ педагогическихъ курсовъ, истребованныя Министерствомъ, расходились въ вопросѣ о средствахъ педагогической практики кандидатовъ на учительскія должности: одни предлагали учредить особую педагогическую гимназію при каждомъ университетѣ, другіе находили болѣе удобнымъ и полезнымъ практиковать кандидатовъ во всѣхъ гимназіяхъ университетскаго города. Департаментъ сталъ на сторону второго мнѣнія, но дополнилъ его проектомъ преобразованія попечительскихъ совѣтовъ, какъ руководителей практической подготовкой кандидатовъ. Ежегодный расходъ на содержаніе педагогическихъ курсовъ и устройство практическихъ занятій опредѣленъ въ 69.350 руб. Главное Правленіе Училищъ, раздѣляя мнѣніе Департамента, одобрило составленныя имъ два положенія о педагогическихъ курсахъ и о попечительскихъ совѣтахъ, которые были Высочайше утверждены 20 марта 1860 г. Существенныя черты новаго способа приготовленія кандидатовъ-учителей были слѣдующія: на педагогическіе курсы при университетахъ принимаются казенными, общественными и частными стипендіатами и своекоштными лица, кончившія курсъ университета со степенью кандидата или дѣйствительнаго студента по историко-филологическому или физико-математическому факультетамъ; слушатели курсовъ подчиняются начальствамъ гимназій, къ которымъ они причислены; нормальный срокъ приготовленія на курсахъ—два года; предметы занятій дѣлятся на шесть отдѣловъ; кромѣ спеціальныхъ предметовъ общеобязательны педагогика и дидактика; занятія дѣлятся на теоретическія, подъ руководствомъ профессоровъ, и практическія, подъ наблюденіемъ особыхъ педагогическихъ комитетовъ; право же полученія должности преподавателя пріобрѣтается испытаніемъ—защитой сочиненія на избранную тему и пробной лекціей; по степени научныхъ познаній и педагогическихъ способностей кандидаты дѣлятся на два разряда: одни прямо занимаютъ должности въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, другіе должны начинать службу съ уѣздныхъ училищъ [165]).

Особенно серьезнымъ и труднымъ оказался вопросъ о пріемѣ учащихся въ университеты, о причинахъ и предотвращеніи студенческихъ безпорядковъ. Обсужденіе этого вопроса было уже приступомъ къ дѣлу общей университетской реформы. Еще въ декабрѣ 1854 г. А. С. Норовъ обратился къ Государю Николаю Павловичу съ ходатайствомъ о неограниченномъ пріемѣ студентовъ въ университеты Московскій и С.-Петербургскій, но получилъ разрѣшеніе только увеличить комплектъ студентовъ обоихъ университетовъ на 50 человѣкъ. По новому ходатайству министра молодой Государь 23 ноября 1855 г. соизволилъ на неограниченный пріемъ студентовъ во всѣ университеты, а 24 декабря было отмѣнено запрещеніе студентамъ медицинскаго факультета переходить на другіе факультеты. 20 января 1858 г. разрѣшено было оканчивающимъ курсъ высшихъ учебныхъ заведеній поступать на службу прямо въ Министерства и Главныя Управленія. Всѣ эти мѣры должны были значительно усилить наплывъ учащихся въ университеты. Но въ эти же годы вопросъ былъ освѣщенъ и съ другой стороны. Въ 1853 г. началось дѣло о пересмотрѣ правилъ испытаній для поступающихъ въ университеты. Циркуляромъ 19 апрѣля министръ предложилъ попечителямъ и совѣтамъ университетовъ представить свои мнѣнія о желательныхъ измѣненіяхъ въ правилахъ, утвержденныхъ въ 1837 г. Разрѣшеніе этого вопроса затянулось на нѣсколько лѣтъ. Въ общемъ годовомъ отчетѣ Норова за 1857 г. Государь обратилъ вниманіе на переполненіе студентами младшихъ курсовъ медицинскихъ факультетовъ и сдѣлалъ отмѣтку: «Усилить строгость пріемныхъ въ университеты и переводныхъ испытаній». Е. П. Ковалевскій въ маѣ 1859 г. въ запискѣ, разсмотрѣнной въ Совѣтѣ Министровъ, предложилъ установить болѣе строгія правила поступленія: 1) могутъ быть принимаемы молодые люди не ранѣе 18 лѣтъ; 2) пріемнымъ экзаменамъ должны подвергаться и имѣющіе гимназическіе аттестаты съ удостовѣреніемъ о способности поступить въ университетъ; 3) виновные въ явномъ послабленіи при испытаніяхъ и выдачѣ аттестатовъ предаются, какъ за подлогъ, уголовному суду. Между тѣмъ всѣ попечители учебныхъ округовъ и совѣты университетовъ единогласно высказались за болѣе строгую оцѣнку познаній при пріемѣ въ университеты и за измѣненіе существующихъ правилъ на томъ основаніи, «что въ послѣднее время обнаружилось сильное пониженіе уровня элементарныхъ познаній въ предметахъ общаго образованія, неприготовленность

къ успѣшному слушанію университетскихъ курсовъ большей части молодыхъ людей, поступающихъ въ университеты». На основаніи предположеній министра и отзывовъ попечителей Департаментъ выработалъ проектъ для пріемныхъ экзаменовъ, разсмотрѣнный въ Главномъ Правленіи Училищъ 22 января 1860 г. Здѣсь статсъ-секретарь баронъ Корфъ прочиталъ особое мнѣніе, «которое, заключая въ себѣ иныя начала, могло», какъ онъ выразился, «перенести сужденія Главнаго Правленія Училищъ на другое поле». Исходя изъ мысли, что «домъ науки долженъ быть открытъ всякому, какъ домъ молитвы, безъ спроса о томъ, насколько кто достоинъ войти туда», баронъ Корфъ предложилъ уничтожить всѣ пріемные и переводные экзамены, предоставить всѣмъ желающимъ посѣщать лекціи и держать испытанія на полученіе ученыхъ степеней. Съ этимъ мнѣніемъ согласился статсъ-секретарь Головнинъ. Но министръ и остальные семь членовъ признали, что предложенная реформа не соотвѣтствуетъ состоянію элементарнаго образованія, организаціи и средствамъ университетовъ и, наконецъ, общему гражданскому устройству Россіи. Поэтому большинствомъ голосовъ были выработаны слѣдующія правила: поступленіе въ университетъ обусловливается предварительнымъ испытаніемъ, отъ котораго освобождаются стипендіаты Царства Польскаго и получившіе отъ гимназій аттестаты, прямо предоставляющіе право поступленія въ университеты; испытанія производятся въ особыхъ комиссіяхъ изъ профессоровъ и учителей гимназій подъ предсѣдательствомъ декановъ факультетовъ историко-филологическаго или физико-математическаго и раздѣляются на полныя и сокращенныя: первыя — для неполучившихъ аттестатовъ объ окончаніи курса гимназій, вторыя—для имѣющихъ аттестаты, которые не освобождаютъ отъ вторичнаго испытанія. 22 февраля Государь утвердилъ мнѣніе большинства.

Въ это же время дѣятельно обсуждался вопросъ о поддержаніи дисциплины между студентами и о предотвращеніи столкновеній между студентами и полиціей, часто повторявшихся въ 1857 и 1858 годахъ. Государь повелѣлъ министру вмѣстѣ съ Главноуправляющимъ III отдѣленіемъ Собственной Его Величества Канцеляріи пріискать средства къ предупрежденію на будущее время подобныхъ безпорядковъ. 22 января 1859 г. министръ потребовалъ отъ попечителей ихъ мнѣнія по этому вопросу. Наиболѣе обширный и подробно мотивированный докладъ представилъ Н. И. Пироговъ, кіевскій попечитель. Корень всѣхъ безпорядковъ

онъ видѣлъ въ корпоративномъ духѣ студентовъ и предлагалъ одну изъ двухъ радикальныхъ мѣръ, «изъ которыхъ одна тщательно организуетъ студенческую корпорацію, до сихъ поръ существующую только извнѣ, и потому при явныхъ недостаткахъ не опредѣляющую ни одной истинно хорошей стороны, другая уничтожаетъ, не исключая даже названія, всѣ внѣшнія связи, поддерживающія корпоративный духъ между студентами, вноситъ въ среду ихъ новые элементы и сливаетъ ихъ съ другими гражданами. Первая усиливаетъ нравственное значеніе университета, но вмѣстѣ съ тѣмъ трудно исполнимая, налагаетъ и большую отвѣтственность на университетское начальство за поведеніе и нравственность учащихся. Вторая, болѣе современная и удобоисполнимая, дѣлаетъ университетъ тѣмъ, чѣмъ онъ уже есть и теперь, т. е. учрежденіемъ чисто научнымъ, отстраняя отъ него всякое вмѣшательство въ нравственную сферу лицъ, посѣщающихъ лекціи, и всякую отвѣтственность за поведеніе учащихся». Рѣшительное предпочтеніе Пироговъ отдавалъ второй мѣрѣ. С.-Петербургскій попечитель И. Д. Деляновъ не находилъ возможнымъ всецѣло подчинить студентовъ общему суду и полиціи и предлагалъ: отмѣнить форменную одежду, подчинить студентовъ общимъ судебнымъ установленіямъ лишь въ преступленіяхъ и проступкахъ, влекущихъ уголовныя и высшія исправительныя наказанія; для разбора всѣхъ остальныхъ учредить университетскій судъ. Харьковскій попечитель П. В. Зиновьевъ призналъ недѣйствительными всѣ мѣры строгости: по его мнѣнію, старанія правительства должны быть направлены на то, чтобы «облагородить» молодежь и отвлечь ее отъ праздности. Дерптскій попечитель Е. Ѳ. фонъ-Брадке, въ интересахъ своего округа и университета, проектировалъ подчиненіе городской полиціи вѣдѣнію попечителя, возстановленіе выборной ректуры и порученіе проректору наблюденія за студентами, дозволеніе студентамъ носить партикулярное платье. Наконецъ, ранѣе всѣхъ этихъ отзывовъ, министру была передана записка генералъ-маіора графа Шувалова, на которой Государь написалъ: «Есть хорошія мысли, которыя полезно сообщить Министру Народнаго Просвѣщенія». Графъ Шуваловъ считалъ нужнымъ: закрыть въ университетахъ курительныя и буфетныя комнаты, въ которыхъ также вывѣшиваются студентами разныя объявленія, уничтожить форменную одежду, увеличить число профессоровъ, придать университетскимъ занятіямъ характеръ публичныхъ чтеній, открытыхъ для всѣхъ. Результатомъ

всѣхъ этихъ мѣръ должно было явиться уничтоженіе корпоративнаго устройства и духа русскихъ университетовъ. Составленная по полученіи всѣхъ этихъ мнѣній записка министра о мѣрахъ предупрежденія студенческихъ безпорядковъ была разсмотрѣна въ Совѣтѣ Министровъ, и 6 мая 1859 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе о подчиненіи студентовъ внѣ университета надзору полиціи на общемъ основаніи; при задержаніи студента за преступленія или проступки, подлежащіе судебному преслѣдованію, къ слѣдствію командируется депутатъ отъ университета. Сверхъ того Государь повелѣлъ «при исполненіи указанной мѣры передать чрезъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ генералъ-губернаторамъ и губернаторамъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ находятся университеты, Высочайшую волю Его Величества о строгомъ съ ихъ стороны наблюденіи, чтобы мѣстныя полиціи обходились со студентами университетовъ благодушно, вѣжливо и снисходительно, и отнюдь не оскорбляя ихъ рѣзкими и неприличными выходками». По ходатайству Е. Ѳ. фонъ-Брадке постановленіе 6 мая не было распространено на Дерптскій университетъ, «такъ какъ причины, вызвавшія означенную мѣру, не существовали и не существуютъ въ Дерптскомъ университетѣ». Вслѣдъ затѣмъ изъ попечителей нѣкоторыхъ учебныхъ округовъ (Н. И. Пирогова, И. Д. Делянова, Н. А. Исакова, Ц. В. Зиновьева) подъ предсѣдательствомъ министра былъ образованъ совѣщательный комитетъ, который выработалъ дополнительныя правила, разсмотрѣнныя Совѣтомъ Министровъ 14 января 1860 г. и пояснившія обязанности и взаимныя отношенія общей полиціи и университетскаго начальства въ порядкѣ надзора за студентами. Но къ веснѣ безпорядки въ университетахъ усилились, и Государь заявилъ Е. П. Ковалевскому о своей рѣшимости не отступить предъ крайними мѣрами— закрытіемъ нѣсколькихъ университетовъ. На возраженіе министра, что это вызвало бы сильное неудовольствіе въ обществѣ, Государь отвѣчалъ: «Такъ придумайте же сами, что дѣлать; но предупреждаю васъ, что долѣе терпѣть такіе безпорядки нельзя, и Я рѣшился на строгія мѣры».

Въ слѣдующемъ году вопросъ о водвореніи порядка и дисциплины въ университетахъ снова сталъ предметомъ обсужденія въ двухъ особыхъ комиссіяхъ: 1) для разсмотрѣнія отчета министра Народнаго Просвѣщенія за 1859 г. (принцъ П. Г. Ольденбургскій, графъ С. Г. Строгановъ, баронъ М. А. Корфъ, П. Н. Игнатьевъ) и 2) для обсужденія предложенныхъ министромъ

мѣръ надзора за студентами (графъ Строгановъ, графъ Панинъ, князь В. Долгоруковъ). Новыя предположенія министра, изложенныя во всеподданнѣйшемъ докладѣ 13 апрѣля 1861 г., сводились, по его словамъ, «къ коренному преобразованію университетовъ относительно обучающихся въ нихъ студентовъ». Основная мысль министра заключалась въ томъ, что университеты—не воспитательныя, но высшія учебныя заведенія, что въ нихъ должны поступать молодые люди «не для внѣшнихъ и служебныхъ преимуществъ, а единственно для научнаго образованія»; для этой цѣли необходимо уничтожить всѣ преимущества студентовъ, какъ во время прохожденія курсовъ, такъ и по окончаніи ихъ, а съ другой стороны возвысить уровень университетскаго ученья, предоставивъ преимущества только лицамъ, достигшимъ по испытанію ученыхъ степеней, начиная съ кандидатской. По наиболѣе важнымъ пунктамъ министръ не былъ согласенъ съ мнѣніями обѣихъ комиссій. Съ первой онъ рѣшительно разошелся въ оцѣнкѣ факта неудовлетворительнаго состоянія университетовъ, которое, по мнѣнію комиссіи, было гораздо печальнѣе, чѣмъ это изображалъ министръ. Въ особой запискѣ 11 мая онъ изложилъ свои возраженія на нѣкоторыя мѣры, проектированныя второю комиссіей: на установленіе понудительныхъ правилъ для посѣщенія лекцій студентами, на ограниченіе числа вольнослушателей, на переводные экзамены на первыхъ двухъ курсахъ, на освобожденіе отъ платы лишь признанныхъ достойнѣйшими на вступительныхъ экзаменахъ, на сохраненіе служебныхъ правъ за окончившими курсъ университета. 31 мая 1861 г., на основаніи докладовъ обѣихъ комиссій, объясненій министра и другихъ мнѣній, Высочайше предписанъ былъ рядъ новыхъ правилъ о пріемныхъ экзаменахъ, о соблюденіи порядка, о переходныхъ экзаменахъ, объ отмѣнѣ форменной одежды, о платѣ за слушаніе лекцій, о стипендіяхъ и пособіяхъ, объ увеличеніи содержанія преподавателей. Сверхъ того Государь одобрилъ мнѣніе комиссіи, разсматривавшей отчетъ министра, что полезно было бы въ Журналѣ Министерства помѣщать статьи, опровергающія превратныя толкованія, которыя дозволяютъ себѣ редакторы нѣкоторыхъ повременныхъ изданій. Въ то же время особымъ Высочайшимъ повелѣніемъ, по положенію Главнаго Правленія Училищъ, предписано было казеннокоштныхъ студентовъ и пансіонеровъ въ университетахъ Московскомъ, Харьковскомъ, Казанскомъ и Св. Владиміра перемѣстить на вольныя квартиры съ тѣмъ, чтобы

опредѣленныя на ихъ содержаніе суммы отпускались имъ въ видѣ стипендій.

Серьезные безпорядки среди студентовъ С.-Петербургскаго Университета вызвали сперва временное закрытіе его, а 20 декабря 1861 г. окончательное, и это дало поводъ оффиціально объявить о начавшемся пересмотрѣ устава 1835 г. Это дѣло началось еще тогда, когда безпорядки въ университетахъ не успѣли принять особенно острыхъ формъ. Сначала попечителемъ княземъ Г. А. Щербатовымъ составленъ былъ проектъ новаго устава С.-Петербургскаго университета. Разсмотрѣнный совѣтомъ университета проектъ этотъ препровожденъ былъ послѣдовательно на заключенія университетовъ Московскаго, Харьковскаго и Св. Владиміра. Отзывы университетовъ составили матеріалъ, разработка котораго была поручена въ декабрѣ 1861 г. особой комиссіи при Министерствѣ, подъ предсѣдательствомъ бывшаго попечителя Дерптскаго округа фонъ-Брадке, составленной изъ попечителей другихъ округовъ и профессоровъ разныхъ университетовъ. Начертанный комиссіей проектъ общаго устава университетовъ получилъ дальнѣйшее движеніе уже при новомъ министрѣ А. В. Головнинѣ [166]).

V.

Въ области средняго и низшаго образованія первые годы царствованія Императора Александра II были также временемъ собиранія матеріаловъ для новой общей реформы. Пока шла эта подготовительная работа, до назначенія министромъ А. В. Головнина, въ существующей системѣ были сдѣланы лишь нѣкоторыя частныя улучшенія, изъ которыхъ главнымъ явилось дарованіе въ 1859 г. новыхъ, значительно увеличенныхъ, штатовъ гимназіямъ и уѣзднымъ училищамъ. Недостаточность штатовъ 1828 г. обнаружилась очень скоро, но вопросъ объ ихъ усиленіи долго не возбуждался, и для поднятія матеріальнаго благосостоянія учебныхъ заведеній Министерство обратилось къ старой, мало удовлетворительной мѣрѣ,—возвышенію платы съ учащихся: 4 декабря 1857 г. по положенію Главнаго Правленія Училищъ, «во вниманіе къ стѣсненному положенію учителей и училищъ вообще», Высочайше повелѣно было во всѣхъ гимназіяхъ, гдѣ съ приходящихъ учениковъ существуетъ плата по 5 руб., возвысить ее до 10 рублей, въ дворянскихъ училищахъ съ 5 до 8 руб., и

установить плату за ученье въ уѣздныхъ училищахъ по усмотрѣнію Министерства, сообразно съ мѣстными условіями. Нѣсколько ранѣе, 13 октября, разрѣшено было повысить плату съ воспитанниковъ дворянскихъ институтовъ и благородныхъ пансіоновъ. Но ходатайства А. С. Норова въ 1856 г. объ усиленіи смѣты его Министерства кредитомъ въ 300.000 руб. на неотложныя потребности было отклонено Высочайшей резолюціей: «На счетъ отпуска 300.000 руб. сер., не отвергая пользы сего пособія, нахожу, однако, въ теперешнее время невозможнымъ; имѣть это въ виду, когда финансовыя наши обстоятельства, съ Божіею помощью, придутъ въ лучшее состояніе». Въ 1858 г. новый министръ Е. П. Ковалевскій, «имѣя въ виду, безъ всякаго преувеличенія, бѣдственное положеніе учебныхъ заведеній», повергалъ на Высочайшее воззрѣніе ходатайство о необходимости удѣлить нѣкоторую сумму въ пользу Министерства и о возможности сдѣлать это въ виду предстоящаго увеличенія откупныхъ сборовъ. Снесясь, по Высочайшему повелѣнію, съ министромъ Финансовъ, онъ получилъ въ отвѣтъ, что, дѣйствительно, Государственное Казначейство можетъ удѣлить Министерству Народнаго Просвѣщенія до 700.000 руб. Послѣ того министръ внесъ въ Департаментъ Экономіи Государственнаго Совѣта подробное исчисленіе предметовъ, на которые должна быть распредѣлена обѣщанная сумма:

На усиленіе штатовъ 76 гимназій съ параллельными классами и Виленскаго Дворянскаго Института . .	312.555 р. 97 к.
На усиленіе штатовъ 385 уѣздныхъ и дворянскихъ училищъ	330.443 — 29 —
На учебныя заведенія Дерптскаго округа	17.000 — » —
На пособія приходскимъ училищамъ . . .	30.000 — » —
На строительныя надобности	30.000 — » —
Всего	719.999 р. 26 к.

Проектируя усиленіе штатовъ гимназій и уѣздныхъ училищъ, Министерство признало неудобнымъ существующее раздѣленіе штатовъ на три разряда по губерніямъ. Но, не имѣя возможности совершенно устранить это раздѣленіе, Министерство рѣшило по возможности сблизить эти штаты, назначивъ maximum прибавки на учебныя заведенія 3-го разряда и minimum—на учебныя заведенія 1-го. Изъ приходскихъ училищъ пособіе предназначалось только городскимъ. При опредѣленіи общей суммы пособія было

принято въ соображеніе, что изъ 34.000 учащихся въ городскихъ приходскихъ училищахъ почти четвертая часть принадлежитъ къ сословіямъ, не обязаннымъ никакими общественными денежными повинностями, на счетъ которыхъ падаетъ содержаніе приходскихъ училищъ. Сумма же, вносимая городами на этотъ предметъ, доходила въ 1857 г. до 120.000 руб. Поэтому назначеніе пособія отъ правительства въ 30.000 рублей соотвѣтствовало числу учащихся изъ сословій, свободныхъ отъ участія въ содержаніи приходскихъ училищъ. Пособіе должно было прежде всего поднять вознагражденіе учителей и законоучителей, потому что они «суть первые сѣятели всякаго добра въ массу народа; а между тѣмъ эти лица, въ особенности учители, по окладамъ содержанія и другимъ условіямъ ихъ службы, поставлены въ такое положеніе, что не только не могутъ имѣть на учащихся ожидаемаго отъ нихъ вліянія, но они сами лишены всякой нравственной силы ихъ тяжкимъ положеніемъ». Наконецъ, сумма на строительныя надобности должна была пополнить средства Министерства до отпуска вновь 57.000 руб., назначенныхъ по Высочайшему повелѣнію 21 февраля 1835 г., отпускъ которыхъ былъ прекращенъ въ 1849 г. Департаментъ Экономіи постановилъ: 1) внести испрашиваемые 720.000 руб. въ смѣту Министерства условно, поручивъ Министру Финансовъ представить Комитету Финансовъ при сводѣ Государственной росписи на 1859 г. мнѣніе Департамента Экономіи, «что улучшеніе положенія низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія принадлежитъ къ предметамъ наиполезнѣйшихъ и самыхъ необходимыхъ расходовъ»; 2) дѣлу о новыхъ штатахъ дать установленный ходъ. Въ силу этого постановленія Государственный Секретарь вернулъ въ Министерство проекты штатовъ для разсмотрѣнія ихъ въ Главномъ Правленіи Училищъ. Послѣднее безусловно одобрило эту важную мѣру, «которая способна извлечь учебныя заведенія изъ настоящаго, въ полномъ смыслѣ слова, бѣдственнаго ихъ положенія», и постановило «освятить день изданія штатовъ днемъ 17 апрѣля, какъ днемъ рожденія Его Императорскаго Величества, назначивъ этотъ день текущаго года и для введенія повсемѣстно новыхъ штатовъ». 14 апрѣля Государь утвердилъ журналъ Главнаго Правленія Училищъ резолюціей: «Весьма радъ, что благое это дѣло можно, наконецъ, привести въ исполненіе», а 17 апрѣля данъ былъ Сенату указъ о введеніи новыхъ штатовъ [167]).

Въ учебныхъ планахъ среднихъ и низшихъ школъ въ

данную эпоху существенныхъ перемѣнъ не произошло. Только въ 1859 г., по докладу управляющаго Межевымъ Корпусомъ, разрѣшено было устраивать, по соглашенію Министерствъ Государственныхъ Имуществъ, Внутреннихъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія, при губернскихъ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ двухгодичные дополнительные классы землемѣрія и таксаціи, ученики которыхъ уравнивались въ служебныхъ правахъ съ воспитанниками Константиновскаго межеваго и Горыгорѣцкаго земледѣльческаго институтовъ. Второстепенное значеніе имѣли постановленія о военнослужебныхъ правахъ воспитанниковъ гимназій, связанныя съ временнымъ введеніемъ въ курсъ столичныхъ гимназій военныхъ наукъ. За успѣхи въ военныхъ занятіяхъ дано было въ 1855—1856 годахъ право по окончаніи курса гимназій на производство въ офицеры—дворянамъ по выслугѣ въ унтеръ-офицерскомъ званіи 6 мѣсяцевъ, лицамъ прочихъ сословій—одного года или половины обыкновеннаго срока [168]).

По мнѣнію Норова, выраженному во всеподданнѣйшемъ докладѣ 5 марта 1856 г. и въ годовомъ отчетѣ по Министерству, будущая реформа учебной системы должна была возстановить господство широкаго общаго гуманитарнаго, въ частности классическаго образованія. «Господствующее направленіе образованія въ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ», говорилъ онъ, «должно быть классическое, общее для того, чтобы, развивая еще юныя впечатлительныя умственныя способности, предохранить ихъ отъ вліянія матеріализма, убивающаго въ самомъ началѣ всякое благородное побужденіе, раздражающаго себялюбіе и корысть . . . Безчисленные опыты доказали, что наиболѣе замѣчательные спеціалисты получили первоначально классическое образованіе, и, напротивъ того, попытки учрежденія среднихъ реальныхъ заведеній, даже и при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, не достигали желаемыхъ результатовъ». Эти взгляды не встрѣтили полнаго сочувствія со стороны Государя. На отчетѣ за 1857 г., противъ вышеприведенныхъ словъ министра о преимуществахъ классическаго образованія передъ реальнымъ, Государь написалъ: «Не раздѣляю сего убѣжденія». Въ томъ же году на ходатайство министра объ отмѣнѣ запрещенія принимать въ гимназіи западнаго края дѣтей изъ податныхъ классовъ, которое защищалъ генералъ-губернаторъ Бибиковъ, Государь отвѣтилъ резолюціей: «Согласенъ, но признаюсь, Я во многомъ раздѣляю мнѣніе Бибикова и, какъ вамъ уже лично говорилъ, полагалъ бы гораздо полезнѣе для

лицъ податного сословія учредить реальныя гимназіи, дабы дать воспитывающимся полезное для нихъ самихъ спеціальное образованіе. По Моему убѣжденію, все это должно относиться не для одного западнаго края, но и для великороссійскихъ губерній, на что и прошу обратить особенное ваше вниманіе».

Собираніе матеріала и начертаніе проектовъ новыхъ уставовъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній возложено было въ 1856 г. на Ученый Комитетъ. Ко времени назначенія министромъ Е. П. Ковалевскаго уже былъ готовъ проектъ устава гимназій, и министръ обратилъ особенное вниманіе на проекты уставовъ низшихъ учебныхъ заведеній. Въ февралѣ 1860 г. весь трудъ былъ законченъ и подъ заглавіемъ «Проектъ устава низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, состоящихъ въ вѣдомствѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» напечатанъ въ Журналѣ Министерства, въ С.-Петербургскихъ и Московскихъ Вѣдомостяхъ съ цѣлью получить отзывы не только спеціалистовъ, но вообще людей, принимающихъ близко къ сердцу великое дѣло общественнаго образованія въ Россіи. По этому проекту народныя училища раздѣлялись на низшія и высшія, четырехклассныя, назначаемыя преимущественно для торговаго и промышленнаго класса и замѣняющія уѣздныя училища. Гимназіи предположено было устроить двухъ типовъ, нормальныя или классическія, съ двумя древними языками, и реальныя, съ однимъ латинскимъ языкомъ и съ математикой и естествовѣдѣніемъ въ большемъ объемѣ. При гимназіяхъ проектировались педагогическіе курсы для приготовленія учителей въ высшія народныя училища и дополнительные спеціальные курсы по предметамъ, имѣющимъ прямое приложеніе къ жизни. Въ 1861 г. въ Министерствѣ собраны были оффиціальные и частные отзывы о проектѣ и въ Журналѣ Министерства напечатанъ «Сводъ печатныхъ рецензій на проектъ устава среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній».

Лѣтомъ того же года вопросъ объ устройствѣ начальнаго образованія былъ выдѣленъ изъ общаго плана. По Высочайшему повелѣнію 28 іюля 1861 г., согласно заключенію Е. П. Ковалевскаго, особому Комитету изъ представителей Министерствъ: Народнаго Просвѣщенія, Государственныхъ Имуществъ, Удѣловъ, Внутреннихъ Дѣлъ и Финансовъ, а также Православнаго духовнаго вѣдомства, поручено было начертать общій планъ устройства элементарныхъ школъ и училищъ разныхъ вѣдомствъ и затѣмъ проектъ этого плана внести чрезъ Министра Народнаго Просвѣще-

нія на разсмотрѣніе Главнаго Комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія не позже 1 ноября 1861 г. Съ Высочайшаго же соизволенія работы Комитета предварительно должны были поступить на разсмотрѣніе Святѣйшаго Синода. Въ то же время вопросъ о начальномъ народномъ образованіи разсматривался также въ особой комиссіи о сельскихъ школахъ при Редакціонныхъ Комиссіяхъ по крестьянскому вопросу. Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ губернскимъ комитетамъ поставлено было въ обязанность указать мѣры для распространенія грамотности между крестьянами, но лишь въ проектахъ восьми губернскихъ комитетовъ говорилось о средствахъ содержанія сельскихъ школъ. Особая комиссія, при участіи представителей Министерства Народнаго Просвѣщенія, признавала невозможнымъ обязательное учрежденіе сельскихъ училищъ и выразила мнѣніе, что это дѣло должно быть предоставлено доброй волѣ самихъ сельскихъ обществъ при условіяхъ матеріальной помощи со стороны правительства и подчиненія сельскихъ училищъ Министерству Народнаго Просвѣщенія. Въ концѣ октября 1861 г. графъ Путятинъ передалъ проектъ общаго плана сельскихъ училищъ на предварительное разсмотрѣніе Святѣйшаго Синода. Послѣдній въ своемъ заключеніи отъ 10 ноября указалъ, что при составленіи проекта не были приняты во вниманіе устроенныя духовенствомъ приходскія школы (ихъ насчитывалось 9.283 съ 159.000 учащихся), и заявилъ протестъ противъ сосредоточенія народнаго образованія въ рукахъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Наоборотъ, говорилось въ отзывѣ Святѣйшаго Синода, «духовенству должно предоставить въ первоначальной народной школѣ естественное законное первенство». Въ томъ же духѣ составлено было и особое мнѣніе члена комитета, составившаго проектъ, князя Урусова, представителя духовнаго вѣдомства. 13 ноября графъ Путятинъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ заявилъ свое согласіе съ мнѣніемъ Святѣйшаго Синода, а на другой день проектъ внесенъ былъ въ Главный Комитетъ о сельскомъ состояніи. Въ началѣ слѣдующаго года, по назначеніи министромъ А. В. Головнина, дѣло получило новый оборотъ [169]).

VI.

Резолюція Государя на тотъ пунктъ доклада 5 марта 1856 г., гдѣ говорилось о необходимости устройства всесословныхъ откры-

тыхъ женскихъ школъ, давала Министерству твердую опору для широкой постановки дѣла женскаго образованія. 28 марта, сообщивъ попечителямъ учебныхъ округовъ объ этой Высочайшей резолюціи, министръ потребовалъ отъ нихъ необходимыя свѣдѣнія и соображенія, главнымъ образомъ, «о томъ, какіе мѣстные способы представляются къ покрытію предстоящихъ издержекъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ просилъ министра Внутреннихъ Дѣлъ пригласить къ участію въ настоящемъ дѣлѣ дворянство и городскія общества. Проектъ положенія о женскихъ училищахъ былъ выработанъ попечителемъ С.-Петербургскаго округа на слѣдующихъ главныхъ основаніяхъ: «женскія училища должны существовать независимо отъ вліянія публики и другихъ случайностей; потому здѣсь необходимо благодѣтельное участіе правительства, которое можетъ ограничиться выдачею денежнаго пособія и покровительствомъ учреждаемымъ разсадникамъ»; за эту помощь правительство имѣетъ право опредѣлять плату за ученіе, опредѣлять нѣкоторое число ученицъ безплатно и подчинить женскія училища надзору губернскаго директора училищъ; при училищѣ состоитъ училищный совѣтъ изъ директора, содержательницы и нѣкоторыхъ почетныхъ лицъ города; учителями опредѣляются преимущественно преподаватели мужскихъ гимназій и стороннія лица, получающія права домашнихъ наставниковъ и учителей; курсъ назначается шестилѣтній и состоитъ изъ предметовъ обязательныхъ (Законъ Божій, русскій языкъ, ариѳметика, геометрія, физика, географія, естественная исторія, исторія, особенно русская, чистописаніе, рисованіе, рукодѣліе) и необязательныхъ (новые языки, танцы, музыка, пѣніе). По мнѣнію попечителя, на основаніи этого положенія женскія училища, не связанныя ни штатами, ни другими стѣснительными правилами, должны открываться по мѣрѣ мѣстныхъ потребностей и развиваться свободно, подъ надзоромъ однако же правительства, которое, въ случаѣ надобности, можетъ отказаться отъ покровительства имъ безъ особенныхъ затрудненій. Главное Правленіе Училищъ 11 апрѣля 1858 г. одобрило основанія этого проекта и съ своей стороны выдвинуло двѣ существенныя его черты: женскимъ училищамъ слѣдуетъ дать «характеръ частныхъ заведеній для того, чтобы упростить способы устройства и управленія новыхъ училищъ и тѣмъ содѣйствовать ихъ скорѣйшему развитію»; правительственное пособіе должно поступать въ безотчетное распоряженіе начальницы, ибо эта мѣра «дастъ возможность пріобрѣсти въ званіе начальницъ лицъ вполнѣ достой-

ныхъ такого довѣрія», «полезное же употребленіе суммъ постоянно будетъ повѣряться результатами дѣйствій начальницы». Въ отношеніи учебнаго плана Главное Правленіе сочло нужнымъ раздѣлить женскія училища на два разряда, соотвѣтственно мѣстнымъ условіямъ; учрежденіе училищнаго совѣта изъ мѣстныхъ жителей обоего пола Главное Правленіе не нашло удобнымъ, но признало полезнымъ установить почетное званіе попечительницы, «которая вліяніемъ своимъ можетъ содѣйствовать успѣху заведенія»; наконецъ, оно признало возможнымъ допустить учрежденіе при училищахъ пансіоновъ. 30 мая 1858 г. Государь утвердилъ журналъ Главнаго Правленія и «Положеніе о женскихъ училищахъ вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія». Утверждая управленіе женскими училищами на основаніяхъ, изложенныхъ С.-Петербургскимъ попечителемъ и Главнымъ Правленіемъ Училищъ, положеніе это раздѣляетъ училища по учебному курсу на два разряда: къ первому отнесены училища съ шестигодичнымъ курсомъ, ко второму—съ трехгодичнымъ. Въ училищахъ перваго разряда преподаются всѣ предметы, исчисленные въ первоначальномъ проектѣ, въ училищахъ второго разряда—Законъ Божій, русская грамматика, сокращенная русская исторія и географія, начала ариѳметики, чистописаніе и рукодѣліе. Оба разряда, «различествуя лишь въ объемѣ собственно научнаго образованія, имѣютъ одну цѣль—сообщать ученицамъ то религіозное, нравственное и умственное образованіе, котораго должно требовать отъ каждой женщины, въ особенности же отъ будущей матери семейства». Почти одновременно стала осуществляться мысль о всесословной открытой женской школѣ и въ вѣдомствѣ учрежденій Императрицы Маріи, особенно благодаря энергіи Н. А. Вышнеградскаго. 22 марта 1858 г. явился указъ Совѣту учебныхъ заведеній вѣдомства объ учрежденіи Маріинскаго женскаго училища. «Благопріятныя условія», говоритъ г-жа Лихачева, «въ которыя были поставлены женскія училища вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи, сразу обезпечившаго имъ денежныя средства, не существовали для училищъ Министерства Народнаго Просвѣщенія; послѣднія всецѣло зависѣли отъ добровольныхъ пожертвованій разныхъ сословій и лицъ». Несмотря, однако, на многія неблагопріятныя условія, всесословныя открытыя женскія училища продолжали рости. «Если и далѣе пойдетъ такъ», говорилось въ отчетѣ министра за 1858 г., «то просвѣщеніе въ Россіи получитъ сильное подкрѣпленіе, ибо никто и ничто не можетъ имѣть такого

благотворнаго вліянія на первоначальное образованіе юношества, какъ просвѣщенная мать». 17 іюля 1859 г., по докладу товарища министра, состоялось Высочайшее повелѣніе о раздѣленіи подвѣдомственности женскихъ училищъ: всѣ училища, учреждаемыя на частныя и общественныя пожертвованія, не исключая пользующихся покровительствомъ Государыни Императрицы, отданы въ вѣдѣніе Министерства. Всѣ же училища, содержимыя на средства вѣдомствъ, состоящихъ подъ управленіемъ принца Ольденбургскаго, должны состоять подъ вѣдѣніемъ Его Высочества. Опытъ скоро обнаружилъ необходимость болѣе подробнаго развитія положенія 1858 г. и нѣкоторыхъ измѣненій въ немъ. Попечители учебныхъ округовъ и начальники губерній указывали, какъ на главный недостатокъ положенія, на устраненіе отъ завѣдыванія училищами представителей сословій и обществъ, на средства которыхъ эти училища содержатся, а также на то, что безотчетное распоряженіе хозяйствомъ, выборъ должностныхъ лицъ и даже назначеніе платы за ученье предоставлено начальницѣ училища. Положеніе, переработанное Департаментомъ и разсмотрѣнное Главнымъ Правленіемъ Училищъ, было представлено на Высочайшее утвержденіе. По повелѣнію Государя проектъ новаго положенія былъ переданъ черезъ статсъ-секретаря Гофмана, управляющаго IV отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, Государынѣ Императрицѣ и по ея волѣ разсмотрѣнъ Главнымъ Совѣтомъ женскихъ учебныхъ заведеній. Совѣтъ нашелъ, что проектированныя новымъ положеніемъ правила уже дѣйствуютъ въ его училищахъ, и постановилъ отложить обсужденіе всего дѣла до окончанія 1861 г.—срока дѣйствія правилъ о женскихъ училищахъ вѣдомства Императрицы Маріи—съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи согласовать ихъ съ проектомъ Министерства. 10 мая 1860 г. проектъ новаго положенія о женскихъ училищахъ Министерства былъ утвержденъ въ видѣ опыта на три года. Теперь заново былъ установленъ порядокъ управленія училищами, учебная же часть оставлена безъ измѣненій. Начальникъ губерніи, по званію своему, есть почетный попечитель всѣхъ женскихъ училищъ, находящихся въ губерніи; онъ обязанъ всѣми мѣрами содѣйствовать развитію училищъ и изысканію средствъ ихъ существованія. При каждомъ училищѣ находятся совѣты: а) попечительный—«для ближайшаго содѣйствія успѣшному развитію училища со стороны общества» и б) педагогическій—для разрѣшенія вопросовъ учебныхъ и воспитательныхъ. Попечительный совѣтъ состоитъ

изъ пяти непремѣнныхъ (попечительница училища, уѣздный предводитель дворянства, директоръ училищъ или гимназіи или штатный смотритель, городской голова и начальница училища) и двухъ выборныхъ членовъ—отъ дворянъ или чиновниковъ и купечества. Попечительному совѣту принадлежитъ право выбора попечительницы изъ почетнѣйшихъ лицъ города и начальницы, утверждаемой въ этой должности попечителемъ округа. Въ вѣдѣніи попечительнаго совѣта состоятъ и всѣ элементарныя женскія школы, открываемыя на счетъ общественныхъ и частныхъ пожертвованій. Въ педагогическомъ совѣтѣ предсѣдательствуетъ губернскій директоръ училищъ или директоръ гимназіи, или штатный смотритель уѣзднаго училища; членами совѣта состоятъ всѣ служащіе при училищѣ по учебной и воспитательной части. Таковы были главныя перемѣны въ управленіи женскими училищами по новому положенію 1860 г [170]).

Система еврейскихъ учебныхъ заведеній, введенная узаконеніями 1844 г., потребовала, по указаніямъ опыта, нѣкоторыхъ дополненій и измѣненій. Главное затрудненіе, съ которымъ приходилось бороться правительству, заключалось въ томъ, чтобы преодолѣть недовѣріе евреевъ къ казеннымъ училищамъ и установить надъ этими училищами правительственный контроль, не затрогивающій религіозной и племенной щепетильности евреевъ. Въ 1855 г. было объявлено, что по истеченіи 20-лѣтняго срока право преподаванія еврейскихъ предметовъ будетъ оставлено исключительно за лицами, кончившими курсъ въ раввинскихъ училищахъ или въ общихъ учебныхъ заведеніяхъ. Высочайше утвержденнымъ 4 мая 1859 г. положеніемъ Комитета объ устройствѣ евреевъ приняты были слѣдующія мѣры: обученіе дѣтей евреевъ, купцовъ и почетныхъ гражданъ, въ общихъ правительственныхъ школахъ объявлено обязательнымъ; гдѣ же этихъ школъ нѣтъ, дозволено евреямъ учреждать на свой счетъ при гимназіяхъ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ пансіоны; обученіе еврейскихъ дѣтей закону вѣры предоставлено производить въ училищахъ или у частныхъ учителей; срокъ выдачи свидѣтельствъ меламдамъ, не окончившимъ курсъ въ раввинскихъ училищахъ или общихъ учебныхъ заведеніяхъ, ограниченъ 10-ю годами; учителей въ ешиботахъ и талмудъ-торахъ и содержателей частныхъ училищъ предписано опредѣлять изъ лицъ, получившихъ надлежащее образованіе; при каждомъ казенномъ еврейскомъ училищѣ опредѣленъ почетный попечитель изъ вліятель-

ныхъ и образованныхъ евреевъ; въ талмудъ-торахъ введено преподаванiе общихъ предметовъ, и ешиботы причислены къ второстепеннымъ училищамъ. 27 ноября 1861 г. Высочайше утвержденнымъ мнѣнiемъ Государственнаго Совѣта евреямъ, получившимъ образованiе, а равно служащимъ при еврейскихъ училищахъ, дарованы были нѣкоторыя личныя и служебныя преимущества. Но всѣ эти частныя мѣропрiятiя не успѣли утвердить введенной графомъ Уваровымъ системы еврейскихъ учебныхъ заведенiй, и въ послѣдующую эпоху рѣшено было въ корнѣ ее преобразовать [171]).

Признавъ охранительныя мѣры 1849—1850 годовъ лишь временными и утратившими свою цѣлесообразность съ началомъ новаго царствованiя, Министерство отказалось теперь и отъ давнишняго недоброжелательнаго взгляда на частныя учебныя заведенiя. Мысль о необходимости подавить по возможности частное обученiе смѣнилась убѣжденiемъ, «что частныя заведенiя, далеко не внушая недовѣрiя, заслуживаютъ скорѣе поощренiя», какъ выразился петербургскiй попечитель князь Г. А. Щербатовъ. Эта перемѣна во взглядахъ Министерства совпала съ небывалымъ подъемомъ общественной иницiативы въ первые годы царствованiя Императора Александра II. Въ ожиданiи реформъ, долженствовавшихъ глубоко измѣнить положенiе народныхъ массъ, интеллигентное общество увлекалось стремленiемъ содѣйствовать правительству въ распространенiи просвѣщенiя.

Первымъ выступилъ въ защиту частныхъ учебныхъ заведенiй попечитель С.-Петербургскаго округа князь Г. А. Щербатовъ. Ходатайствуя объ отмѣнѣ запретительныхъ мѣръ 28 ноября 1833-го и 11 апрѣля 1847 г., онъ обратилъ вниманiе Министерства на переполненiе казенныхъ заведенiй и доказывалъ, «что хорошо устроенные частные пансiоны и школы болѣе всего удовлетворяютъ условiямъ домашняго воспитанiя, дѣйствуя не на одно обогащенiе учащихся знанiемъ, но и на развитiе ихъ ума и характера въ кругу семейнаго, такъ сказать, быта; что это свойство частнаго воспитанiя, имѣющее рѣшительно важное влiянiе на образованiе дѣтей младшаго возраста, едва ли удободостижимо въ казенныхъ заведенiяхъ, гдѣ многочисленность учащихся, не говоря о другихъ обстоятельствахъ, всегда будетъ служить тому преградою; что въ частныхъ школахъ вообще матерiальный интересъ содержателей и содержательницъ неразрывно связанъ съ благоустройствомъ и хорошимъ порядкомъ училища, за которыми, кромѣ правительства,

сами родители имѣютъ строгій взыскательный надзоръ». Это ходатайство было поддержано и Московскимъ попечителемъ, который даже призналъ открытіе частныхъ пансіоновъ безъ ограниченія «истиннымъ благодѣяніемъ». Главное Правленіе Училищъ, разсмотрѣвъ заключеніе Департамента, вполнѣ согласилось съ доводами попечителей и положеніемъ, Высочайше утвержденнымъ 17 января 1857 г., постановило разрѣшить въ обѣихъ столицахъ открытіе установленнымъ порядкомъ частныхъ пансіоновъ и школъ безъ ограниченія ихъ числа, «но съ строгой разборчивостью нравственныхъ качествъ и благонадежности лицъ, желающихъ открывать эти пансіоны». 5 мая того же года была учреждена особая должность инспектора частныхъ учебныхъ заведеній въ Петербургѣ. Въ слѣдующемъ году министръ предоставилъ попечителямъ учебныхъ округовъ право разрѣшать собственною властью открытіе частныхъ пансіоновъ и школъ *).

Новымъ просвѣтительнымъ предпріятіемъ, всецѣло обязаннымъ частной инціативѣ, явились въ концѣ 50-хъ годовъ воскресныя школы. Устраиваемыя и руководимыя безвозмездно представителями разныхъ слоевъ интеллигенціи, желавшими удѣлить часть своего досуга дѣлу народнаго просвѣщенія, онѣ были открыты для лицъ всѣхъ возрастовъ и состояній, преимущественно для низшихъ, рабочихъ классовъ, не получившихъ никакого образованія. Преподаваніе опредѣлялось подготовкой учащихся: или ограничивалось обученіемъ чтенію и письму, или обнимало элементарныя знанія, соотвѣтствующія курсу приходскихъ училищъ. Возникая и быстро развиваясь въ разныхъ пунктахъ государства, воскресныя школы встрѣтили живое сочувствіе и поддержку со стороны начальства разныхъ вѣдомствъ, заинтересованныхъ въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія. Изъ попечителей учебныхъ округовъ особенно дѣятельную помощь школамъ оказалъ Кіевскій попечитель Н. И. Пироговъ. Весной 1860 г., когда ясно опредѣлились размѣры новаго просвѣтительнаго предпріятія, появились циркуляры Министровъ Внутреннихъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія, опредѣлившія отношенія высшаго правительства къ воскреснымъ школамъ. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ не только одобрялъ открытіе воскресныхъ школъ, но прямо рекомендовалъ губернаторамъ содѣйствовать ихъ широ-

*) Въ 1857 г. насчитывалось въ С.-Петербургѣ частныхъ пансіоновъ 39, школъ 117; въ Москвѣ—пансіоновъ 14 и школъ 21.

кому распространенію. Министръ Народнаго Просвѣщенія сообщилъ циркуляромъ начальствамъ учебныхъ округовъ, что, «вполнѣ сочувствуя съ своей стороны благой цѣли этихъ учрежденій (воскресныхъ школъ), столь важныхъ для просвѣщенія рабочаго и ремесленнаго класса, онъ не встрѣчаетъ никакого препятствія къ открытію воскресныхъ школъ, равно какъ и къ помѣщенію ихъ въ свободныхъ зданіяхъ учебныхъ заведеній Министерства». Другимъ распоряженіемъ 21 сентября 1860 г., «въ видахъ содѣйствія этому общественному дѣлу», разрѣшено было предоставить для помѣщенія воскресныхъ школъ въ Петербургѣ всѣ вообще зданія гимназій, уѣздныхъ и приходскихъ училищъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Министерство сочло нужнымъ подвергнуть воскресныя школы извѣстной регламентаціи и поставить ихъ подъ ближайшій надзоръ учебнаго начальства. Съ этой цѣлью въ маѣ 1860 г. были изданы правила объ открытіи воскресныхъ школъ, «дабы предупредить возможность уклоненія столь полезныхъ для народнаго образованія учрежденій отъ прямого пути, указываемаго самымъ ихъ назначеніемъ, т. е. распространять грамотность въ ремесленномъ и рабочемъ классѣ». Онѣ устраиваются съ разрѣшенія начальства учебнаго округа по сношенію съ мѣстнымъ губернскимъ начальствомъ и состоятъ въ вѣдѣніи директора училищъ, подъ непосредственнымъ надзоромъ штатныхъ смотрителей училищъ или другихъ лицъ, назначаемыхъ попечителемъ. Часы занятій назначаются на время послѣ обѣдни. По объему ученья воскресныя школы приравниваются къ приходскимъ училищамъ. Учебныя руководства употребляются только тѣ, которыя допущены для приходскихъ училищъ.

Между тѣмъ до Министерства стали доходить свѣдѣнія, что иногда усердіе учредителей или распорядителей воскресныхъ школъ завлекало ихъ далѣе границъ, указанныхъ школамъ прямымъ назначеніемъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ открыта была преступная пропаганда. Доводя объ этомъ до Высочайшаго свѣдѣнія, Шефъ жандармовъ предлагалъ вовсе закрыть воскресныя школы. Но противъ этой мѣры высказался министръ Е. П. Ковалевскій. Въ Совѣтѣ Министровъ рѣшено было не закрывать воскресныхъ школъ, но учредить за ними бдительный надзоръ и не допускать уклоненія ихъ отъ прямого назначенія. Циркуляромъ 30 декабря 1860 г. министръ пояснилъ мѣстнымъ учебнымъ начальствамъ правила наблюденія за воскресными школами. Этотъ циркуляръ былъ представленъ министромъ на Высочайшее воззрѣніе, потому что

Государь считалъ «дѣло народнаго образованія въ воскресныхъ школахъ весьма важнымъ» и желалъ знать мнѣніе министра по этому вопросу. Одобривъ циркуляръ, Государь 8 января 1861 г. повелѣлъ: копію его сообщить министру Внутреннихъ Дѣлъ, «отъ имени Его Величества подтвердить попечителямъ о неослабномъ наблюденіи за воскресными школами» и предложить духовному начальству назначить въ каждую воскресную школу священника, который, сверхъ преподаванія Закона Божія, наблюдалъ бы, «чтобы въ школѣ не допускалось ничего противнаго правиламъ православной вѣры и началамъ нравственности». 10 іюня 1862 г., при министрѣ А. В. Головнинѣ, воскресныя школы были закрыты.

Узаконенія, регулировавшія дѣятельность домашнихъ наставниковъ и учителей, остались безъ измѣненія и были дополнены только нѣкоторыми частными постановленіями: о чинопроизводствѣ домашнихъ наставниковъ и учителей, поступавшихъ въ общую гражданскую службу (16 іюля 1856 г.), о зачисленіи въ дѣйствительную службу времени, проведеннаго домашними наставниками и учителями изъ русскихъ подданныхъ за-границею въ обученіи дѣтей проживающихъ тамъ русскихъ подданныхъ (29 марта 1858 г.). Стѣсненія дѣятельности домашнихъ учителей и воспитателей изъ иностранцевъ продолжали дѣйствовать до конца царствованія Императора Николая I. Еще 11 мая 1855 г. А. С. Норовъ предписалъ попечителямъ учебныхъ округовъ прекратить выдачу свидѣтельствъ на право первоначальнаго обученія всѣмъ иностранцамъ, за исключеніемъ родившихся въ Россіи или уже извѣстныхъ по своей благонадежности. Но въ 1857 г. были составлены новыя паспортныя постановленія о въѣздѣ иностранцевъ въ предѣлы Россіи. Ими предоставлялось русскимъ посольствамъ, миссіямъ и консульствамъ выдавать безъ предварительнаго разрѣшенія Министерства Иностранныхъ Дѣлъ паспорты иностранцамъ, въѣзжающимъ въ Россію, въ томъ числѣ и лицамъ, желающимъ посвятить себя воспитанію юношества. Сообщая объ этихъ правилахъ попечителямъ учебныхъ округовъ, министръ циркуляромъ 21 мая 1858 г. предложилъ обращать «строгое вниманіе на удовлетворительность представляемыхъ иностранцами свидѣтельствъ о нравственныхъ качествахъ [172])».

VII.

Основная цѣль политики Министерства на окраинахъ не измѣнилась съ началомъ царствованія Императора Александра II. Эту цѣль А. С. Норовъ опредѣлилъ въ докладѣ 5 марта 1856 г., какъ «сліяніе всѣхъ мѣстныхъ и провинціальныхъ патріотизмовъ и влеченій», «сближеніе умовъ, племенъ и сословій единствомъ внутреннихъ началъ, которыя зависятъ отъ одного общаго плана воспитанія и отъ одной системы управленія въ сферѣ народнаго образованія».

Въ данный періодъ болѣе или менѣе значительныя преобразованія коснулись преимущественно западныхъ окраинъ, учебныхъ округовъ: Виленскаго, Кіевскаго, Варшавскаго, Дерптскаго. Въ западныхъ губерніяхъ учебная система, начиная съ 30-хъ годовъ, утверждалась на узаконеніяхъ двухъ родовъ: на общихъ уставахъ учебныхъ заведеній, имѣвшихъ цѣлью сблизить ее съ системой общегосударственной, и на спеціальныхъ постановленіяхъ по вопросамъ, возбужденнымъ особенными мѣстными условіями и политическими событіями, главнымъ образомъ возстаніемъ 1830—31 годовъ. При А. С. Норовѣ, Е. П. Ковалевскомъ и графѣ Е. В. Путятинѣ сохранили силу общіе уставы, введенные графомъ Уваровымъ, но были отмѣнены нѣкоторыя частныя мѣропріятія, вызванныя спеціальными политическими соображеніями.

Въ 1857 г. Министерство признало достигнутой главную цѣль реформы учебной системы въ западныхъ губерніяхъ послѣ возстанія 1830—1831 г.—сосредоточеніе мѣстной молодежи въ правительственныхъ школахъ: «значительное число учащихся въ гимназіяхъ западныхъ губерній, составляющее до 4000*) человѣкъ, дозволяетъ заключать, что юношество западныхъ губерній не уклоняется отъ гимназическаго образованія». Поэтому положеніемъ Главнаго Правленія Училищъ, Высочайше утвержденнымъ 5 мая, дозволено было поступать въ университетъ Св. Владиміра молодымъ людямъ, получившимъ домашнее образованіе, тогда какъ по 38 § устава, для привлеченія уроженцевъ западныхъ губерній въ правительственныя училища, разрѣшалось принимать въ уни-

*) Изъ числа 4655 учащихся въ гимназіяхъ и дворянскихъ училищахъ Виленскаго округа къ дворянскому сословію принадлежало 4048.

верситетъ только лицъ, успѣшно окончившихъ полный курсъ гимназій. Въ томъ же году, 17 января, Высочайше повелѣно было въ гимназіяхъ губерній Витебской, Могилевской, Ковенской, Виленской, Гродненской, Минской, Кіевской, Волынской и Подольской пріемъ учениковъ, «относительно ихъ происхожденія», производить на основаніяхъ общихъ для всей Имперіи.

Важнѣйшей особенностью системы среднихъ учебныхъ заведеній въ западныхъ губерніяхъ были пятиклассныя дворянскія уѣздныя училища и четырехклассныя отдѣленія гимназій. Тѣ и другія, предназначавшіяся преимущественно для дворянской молодежи, готовили своихъ воспитанниковъ прямо къ поступленію въ высшіе классы гимназій. Но послѣ 1850 г., съ введеніемъ въ учебные планы гимназій законовѣдѣнія и естественныхъ наукъ и съ прекращеніемъ преподаванія въ дворянскихъ училищахъ и гимназіальныхъ отдѣленіяхъ латинскаго языка, связь этихъ училищъ съ гимназіями порвалась. Необходимо было или согласовать ихъ курсъ съ новыми учебными планами гимназій или преобразовать ихъ въ учебныя заведенія съ законченнымъ курсомъ. Попечитель Виленскаго округа предложилъ преобразовать четырехклассныя отдѣленія Виленской и Бѣлостокской гимназій въ три параллельные класса при этихъ гимназіяхъ, а взамѣнъ 19 дворянскихъ училищъ округа учредить 7 гимназій, не вводя въ ихъ курсъ законовѣдѣнія, и 12 трехклассныхъ уѣздныхъ училищъ по уставу 8 декабря 1828 г., сохранивъ имъ названіе дворянскихъ и назначивъ дополнительныхъ преподавателей: римско-католическаго Закона Божія и польскаго языка. По составленному Департаментомъ проекту штата новаго ассигнованія изъ средствъ Государственнаго Казначейства не требовалось. Главное Правленіе Училищъ, съ своей стороны, согласилось съ проектомъ попечителя, и реформа была Высочайше утверждена 9 іюня 1858 г. Черезъ годъ въ Виленскомъ округѣ было открыто 6 новыхъ гимназій и 7 трехклассныхъ уѣздныхъ училищъ, остальныя же 6 пятиклассныхъ училищъ, по новому ходатайству попечителя, основанному на желаніяхъ мѣстнаго дворянства, были преобразованы въ 2 трехклассныя училища и въ 4 пятиклассныя отдѣленія гимназій (22 февраля 1860 г.). Одновременно былъ измѣненъ и порядокъ управленія средними и низшими училищами Виленскаго округа: онъ раздѣленъ на 13 дирекцій училищъ, по числу гимназій, а должности смотрителей приходскихъ училищъ упразднены. Утратившими свое первоначальное значе-

ніе были признаны общія ученическія квартиры при гимназіяхъ и училищахъ западнаго края, въ которыхъ, по мысли графа Уварова, учебное начальство должно было ближайшимъ образомъ слѣдить за воспитаніемъ юношества. Согласно съ отзывами попечителей и мѣстныхъ генералъ-губернаторовъ 30 мая 1858 г. постановлено закрыть общія ученическія квартиры въ губерніяхъ сѣверо-западныхъ, а въ Кіевской, Подольской и Волынской оставить только тамъ, гдѣ онѣ находятся «на степени закрытыхъ заведеній» и гдѣ для содержанія ихъ можетъ быть возвышена плата съ учениковъ. Родителямъ и опекунамъ, не имѣющимъ возможности содержать дѣтей дома, предоставлено было отдавать ихъ въ пансіоны, содержимые учителями и чиновниками по положеніямъ 19 іюня 1842 г. и 26 января 1843 г. и частными лицами.

Были сняты стѣсненія и съ женскаго образованія. Въ 1854 г. въ рапортѣ сенатора Ахлестышева «о нравственномъ состояніи» Витебской губерніи Императоръ Николай обратилъ вниманіе, что содержательницами частныхъ женскихъ пансіоновъ и школъ*) являются польскія урожденки, и написалъ: «Это не дозволено и Мной строго запрещено было». Тогда А. С. Норовъ объяснилъ въ Комитетѣ Министровъ, что соображенія графа Уварова о затруднительности пріискать въ западномъ краѣ русскихъ содержательницъ пансіоновъ, которыя пользовались бы довѣріемъ мѣстнаго общества, остаются и понынѣ въ силѣ. Но, чтобы выполнить по мѣрѣ возможности Высочайшую волю, онъ предложилъ предписать начальствамъ учебныхъ округовъ Кіевскаго и Виленскаго негласно: 1) дозволять открытіе частныхъ пансіоновъ въ западныхъ губерніяхъ преимущественно лицамъ русскаго происхожденія; изъ польскихъ же уроженокъ лишь воспитанницамъ правительственныхъ институтовъ; 2) усилить надзоръ за пансіонами, содержимыми польскими уроженками. Эти правила, одобренныя Комитетомъ Министровъ, были Высочайше утверждены 8 іюня 1854 г. Но они дѣйствовали недолго. 25 іюня 1857 г., по положенію Комитета Министровъ, разрѣшено было содержать частные пансіоны всѣмъ вообще благонадежнымъ уроженкамъ западныхъ губерній, по усмотрѣнію начальства округа и съ согласія генералъ-губернатора.

---

*) Въ 1854 г. въ 9 западныхъ губерніяхъ числилось 61 женское учебное заведеніе (въ томъ числѣ 6 образцовыхъ пансіоновъ) съ 2033 ученицами и 3 начальныя школы съ 111 ученицами.

Наконецъ, послѣ нѣкоторыхъ колебаній было возстановлено въ учебныхъ заведеніяхъ западнаго края преподаваніе польскаго языка, которое въ 30—40-хъ годахъ разсматривалось, какъ опаснѣйшее орудіе польской политической пропаганды. Въ 1854 г. польскій языкъ преподавался лишь въ нѣкоторыхъ частныхъ школахъ, и 8 февраля этого года состоялось Высочайшее повелѣніе о совершенномъ прекращеніи этого преподаванія въ Виленскомъ и Кіевскомъ округахъ. Но въ то же время въ правительственныхъ сферахъ начинаетъ уже измѣняться взглядъ на средства борьбы съ полонизаціей западно-русскаго населенія. Управлявшій Кіевскимъ округомъ князь Васильчиковъ выражалъ опасеніе, что отмѣна преподаванія польскаго языка можетъ снова усилить домашнее воспитаніе. Тогда же, въ 1854 г., А. С. Норовъ и Виленскій генералъ-губернаторъ, по поводу Высочайшаго повелѣнія объ устраненіи совмѣстнаго съ поляками воспитанія жмудскаго юношества, возражали: «всякая мѣра, указывающая въ западномъ краѣ на раздѣленіе жителей по племенамъ, едва ли будетъ соотвѣтствовать цѣлямъ правительства, такъ какъ край сей, находясь подъ державою русскою, долженъ безъ всякихъ племенныхъ различій сродниться съ Россіей». Они не видѣли особенной опасности въ совмѣстномъ воспитаніи польскаго, литовскаго и русскаго юношества. Въ докладѣ 12 ноября 1856 г. объ осмотрѣ учебныхъ заведеній западнаго края А. С. Норовъ уже прямо ходатайствовалъ о допущеніи преподаванія польскаго языка въ западныхъ губерніяхъ (кромѣ Витебской, Могилевской, Кіевской, Волынской и Подольской) по слѣдующимъ соображеніямъ: 1) совмѣстное изученіе родственныхъ языковъ, русскаго и польскаго, способствуетъ успѣхамъ въ томъ и другомъ; 2) неблаговидно лишать дѣтей возможности изучать родной языкъ, на которомъ, къ тому же, преподается для римско-католиковъ Законъ Божій; 3) «введеніе этого языка удовлетворило бы повсюду высказываемому съ покорностью желанію жителей края». За допущеніе польскаго языка въ училища юго-западнаго края высказался въ 1857 г. и Комитетъ Министровъ, по поводу ходатайства о томъ Кіевскаго генералъ-губернатора: «дозволеніе преподавать въ тамошнихъ учебныхъ заведеніяхъ польскій языкъ, если въ то же время изученіе и языка русскаго будетъ тамъ развиваться съ постоянствомъ и въ подлежащей степени, скорѣе послужитъ къ пользѣ, чѣмъ ко вреду, и не только въ учебномъ собственно, но и въ нравственномъ отношеніи, такъ какъ западнымъ уроженцамъ,

принадлежащимъ къ латинскому вѣроисповѣданію, для самаго исполненія религіозныхъ обязанностей необходимо знаніе польскаго языка». 20 апрѣля слѣдующаго года Государь утвердилъ распоряженіе министра о введеніи преподаванія польскаго языка въ дворянскомъ институтѣ, гимназіяхъ и дворянскихъ училищахъ Виленскаго округа въ объемѣ преподаванія новѣйшихъ языковъ, съ отнесеніемъ расходовъ на собственныя суммы учебнаго вѣдомства. Высочайшими повелѣніями 16 іюня и 6 сентября 1860 г. польскій языкъ введенъ, какъ необязательный предметъ для желающихъ, въ гимназіи и дворянскія училища Кіевской, Подольской и Волынской губерній. Въ эти же годы разрѣшено было преподаваніе польскаго языка и въ частныхъ женскихъ пансіонахъ [173]).

Такъ постепенно учебная система въ западныхъ губерніяхъ сближалась съ общегосударственной, пока польское возстаніе 1863 г. снова не нарушило ея спокойнаго развитія.

До учрежденія въ 1861 г. въ Царствѣ Польскомъ Правительственной Комиссіи Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія и упраздненія Варшавскаго учебнаго округа въ первые годы царствованія Императора Александра II въ этомъ округѣ произведены были лишь нѣкоторыя частныя измѣненія учебной системы. Предложенія сенатора Губе, вводившаго новыя судебныя учрежденія въ Царствѣ, объ учрежденіи въ Варшавѣ спеціальныхъ юридическихъ трехгодичныхъ курсовъ, и профессоровъ С.-Петербургскаго университета Чайковскаго и Калмыкова—объ учрежденіи высшей юридической школы съ четырехгодичнымъ курсомъ, на правахъ факультета, были отвергнуты намѣстникомъ Царства «по высшимъ государственнымъ соображеніямъ». Онъ высказался за сохраненіе стараго порядка—за пріобрѣтеніе польскимъ юношествомъ высшаго образованія въ русскихъ университетахъ, съ увеличеніемъ числа юридическихъ стипендіатовъ до сорока. «Я глубоко убѣжденъ», писалъ князь Горчаковъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ 21 іюля / 2 августа 1857 г., «что учрежденіе здѣсь (въ Варшавѣ) такого училища (юридическаго факультета) было бы, такъ сказать, новою преградою сближенія Польши съ Россіей и препятствіемъ польскому юношеству сродняться во время воспитанія своего съ прочими частями Государства и съ вѣрноподданническими чувствами». Государь сдѣлалъ отмѣтку: «И Я тоже». Между тѣмъ въ то же время учреждено было въ Варшавѣ другое высшее спеціальное учебное заведеніе, Императорская и Царская Медико-Хирургическая Академія.

Въ 1857 г., по иниціативѣ попечителя округа П. А. Муханова, предпринято было преобразованіе филологическихъ гимназій. Онъ находилъ ихъ устройство по общему образцу, съ бифуркаціей съ 4-го класса, неудовлетворительнымъ, и предложилъ начать бифуркацію съ 5-го класса на 2 отдѣленія: наукъ точныхъ и классическихъ; преподаваніе законовѣдѣнія начать съ 6-го класса и прибавить 8-й классъ для готовящихся къ судебной службѣ. На содержаніе 6 преобразуемыхъ гимназій требовалось 78.315 р. Разсмотрѣнный Совѣтомъ Народнаго Просвѣщенія и Главнымъ Правленіемъ Училищъ, этотъ проектъ былъ Высочайше утвержденъ, въ видѣ опыта на 3 года, 7/19 сентября 1857 г.

Въ томъ же году разрѣшено было не приводить въ исполненіе нѣкоторыхъ мѣръ по реальному образованію, предположенныхъ въ 1851 г.: преобразованія реальныхъ уѣздныхъ училищъ въ промышленно-ремесленныя школы и высшихъ реальныхъ училищъ въ спеціальныя высшія школы. По отзыву попечителя округа и тѣ и другія училища вполнѣ удовлетворяли своему назначенію. По положенію 2 ноября 1859 г. началась организація въ Царствѣ Польскомъ земледѣльческихъ школъ, по одной на каждую губернію, «имѣвшихъ цѣлью распространить между поселянами необходимѣйшія свѣдѣнія по части сельскаго хозяйства, образовать способныхъ земледѣльцевъ и хозяевъ и приготовить низшихъ служителей по разнымъ частямъ хозяйственнаго управленія». Въ болѣе свободныя условія поставлены были частныя учебныя заведенія, когда въ 1859 г. попечитель округа получилъ право разрѣшать открытіе четырехъ и пятиклассныхъ частныхъ училищъ и допускать окончившихъ въ нихъ курсъ въ казенныя учебныя заведенія.

Въ 1860 г. намѣстникъ Царства исходатайствовалъ Высочайшее соизволеніе на учрежденіе въ главнѣйшихъ городахъ пяти женскихъ училищъ для приходящихъ ученицъ, подобно открытому въ Варшавѣ, съ тѣмъ, чтобы эти училища находились въ непосредственномъ вѣдѣніи намѣстника. Въ 1857 г. было издано положеніе о стипендіяхъ ученикамъ среднихъ учебныхъ заведеній: на стипендіи бѣднымъ ученикамъ опредѣлена сумма въ 17.000 р. въ годъ, ученикамъ, отличающимся способностями къ математикѣ и техническимъ наукамъ,—8.000 р. изъ казны Царства Польскаго.

Педагоговъ для Варшавскаго учебнаго округа продолжали поставлять русскіе университеты. Въ 1858 г. попечителю округа

предоставлено было вызывать русскихъ учителей изъ внутреннихъ губерній, по сношенію съ мѣстными окружными начальствами, изъ числа лицъ, окончившихъ курсъ университетовъ или духовныхъ академій. Въ 1860 г. разрѣшено кандидатовъ-педагоговъ для Варшавскаго округа приготовлять на педагогическихъ курсахъ не только С.-Петербургскаго, но и Московскаго университета. Учрежденіе въ Седльцахъ института для приготовленія учителей уѣздныхъ училищъ было отмѣнено, по недостатку средствъ [174]).

Мѣропріятія по Дерптскому округу продолжали клониться къ сближенію его порядковъ съ общегосударственными. 2 мая 1858 г. былъ изданъ новый штатъ управленія округомъ. 11 января 1861 г. на Дерптскій округъ распространено положеніе 20 марта 1860 г. о попечительскихъ совѣтахъ и педагогическихъ курсахъ при университетѣ. Не успѣвъ уклониться отъ дѣйствія особенныхъ мѣръ, которымъ въ предшествующую эпоху подчинены были всѣ университеты, Дерптскій университетъ уже не могъ теперь жить прежнею изолированною жизнью. Но, когда возникло дѣло о прекращеніи студенческихъ безпорядковъ, то попечитель фонъ-Брадке исходатайствовалъ разрѣшеніе не распространять на Дерптскій университетъ новыхъ мѣръ надзора за студентами, «такъ какъ причины, вызвавшія означенныя мѣры, не существовали и не существуютъ въ Дерптскомъ университетѣ». Другія мѣры, вызванныя текущими потребностями учебной жизни университета, его администраціи и хозяйства, не знаменовали еще новой эпохи въ исторіи университета. Товарищъ министра князь Вяземскій вынесъ изъ осмотра университета въ 1856 г. очень благопріятное впечатлѣніе: «Дерптскій университетъ не только содѣйствуетъ распространенію образованности и полезныхъ свѣдѣній на потребность туземныхъ жителей, но дѣйствуетъ благотворно и на все государство. Многіе изъ тамошнихъ питомцевъ оказались впослѣдствіи отличными профессорами другихъ университетовъ; посредствомъ Дерптскаго университета проникаютъ живительной струею въ Балтійскій край и русскія стихіи. Если русскій языкъ тамъ мало употребителенъ и нельзя ожидать, чтобы онъ когда нибудь вытѣснилъ нѣмецкій—природный языкъ, то изученіе русской исторіи, русской словесности распространяется тамъ постепенно». Тѣмъ не менѣе уставъ 1820 г. былъ признанъ уже значительно устарѣвшимъ и въ 1856 г. попечителю округа фонъ-Брадке предложено учредить особую комиссію для пере-

смотра всѣхъ постановленій съ 1820 г. и для составленія проекта новаго устава и штатовъ. Въ 1857 г. эти проекты были представлены въ Министерство и переданы на разсмотрѣніе Ученаго Комитета, но затѣмъ дѣло остановилось до 1861 г., когда преобразованіе Дерптскаго университета поставлено было въ связь съ пересмотромъ общаго устава университетовъ.

Преобразованія по среднимъ и низшимъ учебнымъ заведеніямъ Дерптскаго округа находились въ связи съ общимъ закономъ 1859 г. о новыхъ штатахъ гимназій и уѣздныхъ училищъ, по которому на усиленіе штатовъ гимназій и училищъ Дерптскаго округа въ смѣту Министерства на счетъ Государственнаго Казначейства внесено было 17.000 руб. По новымъ штатамъ, Высочайше утвержденнымъ 11 января 1861 г., гимназіи были преобразованы въ семиклассный составъ; дворянское уѣздное училище въ Аренсбургѣ и высшія уѣздныя училища въ Перновѣ и Либавѣ преобразованы на основаніи особаго положенія въ четырехклассныя прогимназіи и издано новое положеніе о семинаріи для приготовленія начальныхъ учителей въ Дерптѣ. 30 мая 1858 г. установлены были новые размѣры платы за ученье въ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ Дерптскаго округа, причемъ проведено различіе платы въ низшихъ и высшихъ классахъ.

На восточныхъ и южныхъ окраинахъ учебное дѣло оставалось на прежнихъ основаніяхъ. Въ Кавказскомъ учебномъ округѣ положеніе 1853 г. было дополнено уставомъ горскихъ школъ 20 октября 1859 г., составленнымъ по порученію намѣстника Кавказскаго князя Барятинскаго и Высочайше утвержденнымъ въ видѣ опыта на 4 года. Горскія школы, «учреждаемыя на степени уѣздныхъ и первоначальныхъ училищъ», имѣли цѣлью «распространять гражданственность и образованіе между покорившимися мирными горцами и доставлять служащимъ на Кавказѣ семейнымъ офицерамъ и чиновникамъ средства къ воспитанію и обученію дѣтей». Школы дѣлятся на окружныя—четырехклассныя и начальныя—трехклассныя и управляются на общихъ основаніяхъ для подобнаго рода учебныхъ заведеній. При школахъ учреждаются пансіоны; они должны разумнымъ и нравственнымъ воспитаніемъ готовить молодыя поколѣнія горскаго населенія «къ той гражданственности, которая есть собственно главная цѣль ихъ образованія» [175]).

*

VIII.

Положеніе цензурнаго вѣдомства въ первые годы царствованія Императора Александра II оставалось по прежнему очень тяжелымъ. Это было время колебаній, исканія новыхъ началъ, на которыхъ предстояло построить реформу цензуры. Старое, традиціонное предубѣжденіе противъ общественнаго мнѣнія лишь постепенно уступало мѣсто противоположному воззрѣнію, по которому свобода печати являлась «условіемъ жизненности» всѣхъ преобразовательныхъ начинаній правительства, какъ это доказывали И. С. Аксаковъ, М. Н. Катковъ, П. А. Валуевъ, А. В. Никитенко. Какъ въ высшей цензурной инстанціи, въ Главномъ Управленіи Цензуры, такъ и въ инстанціяхъ второстепенныхъ сталкивались самые противоположные взгляды на обязанности цензуры. Сторонники большей свободы печати, изъ числа которыхъ выдавались товарищъ министра Народнаго Просвѣщенія князь Вяземскій, членъ Главнаго Управленія Цензуры Скрипицынъ, попечители С.-Петербургскаго и Московскаго учебныхъ округовъ князь Щербатовъ и генералъ Назимовъ, старались держаться точнаго смысла кореннаго закона, устава 1828 г.; другіе члены цензурнаго вѣдомства, наоборотъ, руководились дополнительными къ уставу постановленіями и распоряженіями 30-хъ и 40-хъ годовъ, считали обязанностью цензуры ученую и литературную критику, доискивались «скрытаго смысла» подлежащихъ цензурѣ сочиненій. По замѣчанію барона Медема, предсѣдателя Военно-Цензурнаго Комитета, «во всей Россіи не было, можетъ быть, двухъ цензоровъ, которые бы всегда одинаково понимали предѣлы дозволенной гласности». При этихъ условіяхъ въ дѣйствіяхъ цензуры не могло быть единства и послѣдовательности. «Сближая и сопоставляя между собою всѣ различныя мнѣнія относительно обязанностей цензуры и значенія литературы,» говоритъ одна оффиціальная записка 1862 г., «не трудно представить себѣ, къ какимъ противоположнымъ и разнороднымъ требованіямъ должна была поддѣлываться первая и съ какими затрудненіями бороться вторая; въ борьбѣ этой, конечно, не всегда сохранялось хладнокровіе съ ея стороны, и это подавало поводъ къ горькимъ жалобамъ, и если литература дѣлала промахи, бывала заносчива и говорила иногда раздражительнымъ тономъ, то и обвиненія противъ нея бывали неумѣренныя... Колеблемая многоразличными воззрѣніями

на дѣла прессы, цензура не находила твердой опоры и въ своихъ постановленіяхъ, ибо все основывалось не на точныхъ законахъ, а рѣшалось всего болѣе тактомъ и личнымъ взглядомъ цензоровъ и требованіями лицъ, вліявшихъ на цензуру».

Болѣе довѣрчивое отношеніе къ печати выразилось прежде всего въ томъ, что періодическія изданія получили возможность затрогивать такія темы литературнаго и общественнаго характера, какихъ совершенно не допускала цензурная практика предшествующей эпохи. Разрѣшеніе Каткову издавать «Русскій Вѣстникъ» и Кошелеву «Русскую Бесѣду», органъ славянофильской партіи, являлось знаменательнымъ событіемъ въ томъ отношеніи, что имъ упразднялось запрещеніе ходатайствовать объ изданіи новыхъ журналовъ. Мало того, Катковъ выхлопоталъ право вести въ своемъ журналѣ политическій отдѣлъ, который доселѣ былъ привилегіей лишь четырехъ газетъ: «С.-Петербургскихъ» и «Московскихъ Вѣдомостей», «Сѣверной Пчелы» и «Русскаго Инвалида». По примѣру Каткова и другіе издатели начали хлопотать о расширеніи своихъ программъ. Такъ въ результатѣ новаго теченія въ цензурѣ стала укрѣпляться серьезная политическая пресса, «законное и публичное средоточіе умственной дѣятельности», по выраженію Каткова, оказавшая большія услуги правительству въ подготовкѣ важнѣйшихъ преобразованій.

Съ другой стороны въ это же время продолжали практиковаться мѣропріятія въ духѣ предшествующей эпохи. Рядомъ Высочайшихъ повелѣній и распоряженій Министерства нѣкоторые политическіе и общественные вопросы совершенно исключались изъ сферы публичнаго обсужденія; другіе вопросы и темы дозволялось трактовать лишь въ извѣстныхъ предѣлахъ и въ опредѣленномъ направленіи. Съ особеннымъ вниманіемъ и «разумною бдительностью» должна была слѣдить цензура за обличительной литературой и за обсужденіемъ преобразовательныхъ начинаній правительства. Множественность спеціальныхъ цензуръ оставалась и въ данную эпоху: наканунѣ коренной реформы цензуры въ 1862 г. насчитывались 22 спеціальныя цензуры. Въ 1857 г. Высочайше разрѣшено было министрамъ и главноуправляющимъ докладывать Государю Императору о статьяхъ, въ которыхъ проявляются сужденія о вопросахъ государственныхъ или стремленіе къ нововведеніямъ. Когда на этомъ основаніи одно вѣдомство возбудило вопросъ о нѣкоторыхъ журнальныхъ статьяхъ и о романѣ «Старые годы», то управлявшій тогда Министерствомъ

Народнаго Просвѣщенія князь Вяземскій представилъ Его Величеству, что изъ числа означенныхъ статей только одна касается злоупотребленій по тому вѣдомству, которое на нихъ указывало. «Мнѣ кажется», говорилъ князь Вяземскій, «что въ этомъ отношеніи участіе г.г. министровъ въ дѣлахъ, подлежащихъ вѣдомству цензуры, должно быть ясно и твердо опредѣлено и положительно ограничено Высочайшими выраженіями Государя Императора... Иначе, если всѣ Министерства будутъ входить въ разсмотрѣніе разнородныхъ сочиненій, не имѣющихъ никакого характера, ни административнаго, ни политическаго, и подвергать заднимъ числомъ сужденію своему даже повѣсти и романы, то дѣло цензуры, при множествѣ журналовъ, нынѣ издающихся, такъ омногосложится и расплодитъ такую переписку, что добросовѣстное дѣлопроизводство по этому предмету окажется невозможнымъ». Эти слова князя Вяземскаго подтверждались такимъ, напримѣръ, фактомъ: въ 1856 г. рукопись подъ названіемъ «Хозяйственное обозрѣніе Оренбургской губерніи», кромѣ двухъ цензурныхъ инстанцій, поочередно разсматривалась въ 8 министерствахъ и главныхъ управленіяхъ.

Въ 1857 г. министру А. С. Норову была объявлена Высочайшая воля о составленіи новаго цензурнаго устава; былъ учрежденъ комитетъ для пересмотра постановленій по цензурѣ, въ которомъ особенно дѣятельное участіе приняли князь Вяземскій и академикъ А. В. Никитенко. Но этотъ комитетъ не успѣлъ выполнить возложенной на него задачи вслѣдствіе выхода въ отставку А. С. Норова и князя Вяземскаго. Въ 1858 г. А. С. Норовъ успѣлъ лишь представить Государю обширную записку о задачахъ цензурной реформы. Признавая, что въ дѣлѣ обновленія Россіи, для которой наступаетъ новая эпоха, литература призвана играть немаловажную роль, что литература должна содѣйствовать обществу въ разумѣніи и присвоеніи побѣдъ, одержанныхъ наукою и просвѣщеніемъ въ пользу правительствъ и въ пользу управляемыхъ, министръ указывалъ цѣль реформы въ томъ, чтобы «положительно опредѣлить и обозначить ту долю благоразумной и законной свободы, которую правительство полагаетъ возможнымъ предоставить наукѣ и литературѣ». Въ частности министръ ходатайствовалъ о назначеніи отъ различныхъ вѣдомствъ довѣренныхъ чиновниковъ, «которые могли бы разрѣшать спорные пункты, возникающіе въ цензурѣ», относительно статей, касающихся этихъ вѣдомствъ. Это ходатайство, имѣвшее

цѣлью ослабить дѣйствіе спеціальныхъ цензуръ, было удовлетворено Высочайшимъ повелѣніемъ 25 января 1858 г.

Новому министру Е. П. Ковалевскому Государь подтвердилъ свою мысль о необходимости коренной цензурной реформы, въ ожиданіи которой учрежденъ былъ въ январѣ 1859 г., подъ предсѣдательствомъ графа А. В. Адлерберга, особый негласный «Комитетъ по дѣламъ книгопечатанія». Ему вмѣнялось въ обязанность «принятіе мѣръ къ правильному и соотвѣтственному видамъ правительства направленію нашей литературы». Въ октябрѣ того же года самъ Комитетъ представилъ на Высочайшее усмотрѣніе всю трудность своего «неоффиціальнаго положенія»: ставъ «какимъ то чрезвычайнымъ контролирующимъ и, по своей уединенности, устрашающимъ постановленіемъ», не успѣвъ войти въ надлежащія отношенія съ литераторами, Комитетъ самъ ходатайствовалъ о прекращеніи своего существованія. По мнѣнію Комитета, все зло проистекало отъ несамостоятельности цензуры, подчиненной разнообразнымъ взглядамъ множества правительственныхъ, ученыхъ, филантропическихъ и другихъ учрежденій. Только посредствомъ образованія вполнѣ самостоятельнаго цензурнаго вѣдомства подъ предсѣдательствомъ министра Народнаго Просвѣщенія и при помощи большой правительственной газеты можно достичь главной цѣли, подчинить литературу правительственному вліянію.

Эти предположенія отчасти совпадали съ основаніями проекта новаго цензурнаго устава, внесеннаго въ маѣ 1859 г. Е. П. Ковалевскимъ въ Государственный Совѣтъ. Въ опредѣленіи обязанностей цензуры проектъ допускалъ совмѣщеніе либеральныхъ принциповъ перваго цензурнаго устава со стѣснительными постановленіями послѣдующаго времени. Организація цензурнаго управленія оставалась та же, но Главное Управленіе Цензуры получало болѣе самостоятельности. Противъ проекта высказался графъ Д. Н. Блудовъ, находившій въ немъ повтореніе «тѣхъ стѣсненій для умственнаго развитія страны», которыя появились послѣ 1848 г. Находя несвоевременнымъ изданіе новаго устава, графъ Блудовъ предлагалъ возстановить уставъ 1828 г., «не препятствовавшій постепенному развитію умственныхъ силъ народа и выраженію общественнаго мнѣнія». Въ іюнѣ 1859 г. проектъ былъ возвращенъ въ Министерство Народнаго Просвѣщенія, а 12 ноября состоялось Высочайшее повелѣніе объ отдѣленіи Главнаго Управленія Цензуры отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и образованіи изъ него особаго государственнаго

учрежденія. Но составленный статсъ-секретаремъ барономъ Корфомъ проектъ реформы не былъ принятъ. 24 января 1860 г. послѣдовало новое Высочайшее повелѣніе о преобразованіи Главнаго Управленія Цензуры. Оно сдѣлалось самостоятельнымъ вѣдомствомъ, подъ предсѣдательствомъ министра Народнаго Просвѣщенія, обязаннымъ слѣдить систематически за ходомъ литературы, направлять ее сколько возможно къ истинной цѣли просвѣщенія и государственной пользы. При Главномъ Управленіи учреждена канцелярія, по особому штату. Въ С.-Петербургскій и Московскій цензурные комитеты назначены особые предсѣдатели, съ увольненіемъ отъ этой обязанности попечителей учебныхъ округовъ. Въ Главномъ Управленіи, которому подчинены всѣ мѣстные цензурные комитеты и отдѣльные цензоры, сосредоточиваются для окончательнаго разрѣшенія всѣ дѣла и вопросы по внутренней и иностранной цензурѣ, возникающіе не только въ кругу самаго Управленія, но и въ другихъ вѣдомствахъ. Разногласія между ними и Главнымъ Управленіемъ разрѣшаются Высочайшей властью по докладу предсѣдателя.

Въ эти же годы, 1859-мъ и 1860-мъ, затронуты были два чрезвычайно важные вопроса: о правѣ печати обсуждать правительственныя мѣропріятія и предположенія и объ охранѣ личнаго достоинства отъ печатныхъ оскорбленій. Въ 1859 г. Совѣтъ Министровъ постановилъ, что «все, не противное основнымъ началамъ нашихъ государственныхъ учрежденій, представляемое въ видѣ разсужденій или предположеній, допускающихъ разсмотрѣніе и слѣдовательно опроверженіе, можетъ быть допущено къ обнародованію». Въ слѣдующемъ году особый комитетъ изъ министровъ Народнаго Просвѣщенія, Юстиціи, Внутреннихъ Дѣлъ и Шефа жандармовъ выработалъ двоякаго рода мѣры: судебныя и административныя, для охраненія личной чести частныхъ лицъ и достоинства государственныхъ сословій. Проектъ административныхъ мѣръ былъ Высочайше одобренъ, а проектъ судебныхъ мѣръ переданъ на заключеніе II Отдѣленія Собственной Его Величества Канцеляріи, но дальнѣйшаго движенія, кажется, не получилъ.

Однако всѣ частныя преобразованія и мѣры не могли улучшить отношеній между цензурнымъ вѣдомствомъ и литературой; «нескончаемая игра въ уступки, загадки и мистификаціи» съ обѣихъ сторонъ продолжалась, и все яснѣе становилась неизбѣжность коренной реформы цензуры. Новый министръ Народнаго

Просвѣщенія графъ Путятинъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ 9 ноября 1861 г., изобразивъ тяжелое положеніе цензуры, предложилъ рѣшительную мѣру: передать цензуру въ вѣдѣніе Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Тогда, по соглашенію графа Путятина съ статсъ-секретаремъ Валуевымъ, была образована изъ представителей обоихъ Министерствъ комиссія для разработки основаній цензурной реформы. Поставивъ сначала своею главной цѣлью подготовить переходъ отъ предупредительной цензуры къ карательной, члены комиссіи затѣмъ разошлись во мнѣніяхъ: одни стояли за преимущества предупредительной системы, другіе— карательной. «Вслѣдствіе этого раздвоенія мнѣній составилось два радикально противоположныхъ проекта: одинъ съ усиленнымъ предупредительнымъ характеромъ, другой—допускавшій начало судебнаго преслѣдованія за нарушеніе законоположенія о печати». Въ такомъ положеніи нашелъ вопросъ о цензурѣ новый министръ А. В. Головнинъ, при которомъ этотъ вопросъ былъ разрѣшенъ въ связи съ общими преобразованіями по Министерству Народнаго Просвѣщенія [176]).

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

А. В. Головнинъ.

I.

Предшественники А. В. Головнина въ первые годы царствованія Императора Александра II намѣтили рядъ коренныхъ реформъ по вѣдомству народнаго просвѣщенія. Матеріалъ для этихъ преобразованій собранъ былъ значительный, но основанія ихъ и направленіе предстояло опредѣлить новому министру. Въ это же самое время преобразовательная дѣятельность кипѣла въ другихъ вѣдомствахъ, и въ 1861—1862 г. г. во главѣ нѣкоторыхъ другихъ Министерствъ становятся также новые государственные дѣятели.

Александръ Васильевичъ Головнинъ, сынъ извѣстнаго адмирала и писателя Василія Михайловича Головнина, родился въ С.-Петербургѣ 25 марта 1821 г. Воспитаніе и образованіе онъ получилъ сначала въ I-й С.-Петербургской гимназіи, а потомъ въ Александровскомъ лицеѣ, курсъ котораго окончилъ 13 декабря 1839 г. первымъ ученикомъ съ золотой медалью. Прослуживъ три года въ Канцеляріи Государыни Императрицы по управленію учебными и благотворительными заведеніями, А. В. Головнинъ въ 1843 г. былъ назначенъ секретаремъ особенной канцеляріи Министра Внутреннихъ Дѣлъ Л. А. Перовскаго и по его порученію составилъ нѣсколько трудовъ, изъ коихъ особенно выдавался «Очеркъ исторіи и современнаго положенія городовъ Финляндіи». Въ 1848 г. А. В. Головнинъ перешелъ на службу въ Морское вѣдомство чиновникомъ особыхъ порученій при начальникѣ Главнаго Морского Штаба князѣ А. С. Меншиковѣ, а 7 сентября 1850 г. былъ командированъ въ распоряженіе августѣйшаго генералъ-адмирала Великаго Князя Константина Николаевича по Комитету пересмотра морскихъ уставовъ. Въ 1854 г. онъ

былъ уволенъ отъ должности старшаго чиновника особыхъ порученій при начальникѣ Главнаго Морского Штаба, съ оставленіемъ въ званіи камергера и при Великомъ Князѣ генералъ-адмиралѣ. Будучи однимъ изъ самыхъ близкихъ къ нему лицъ, пользуясь его полнымъ расположеніемъ и довѣріемъ, А. В. Головнинъ сталъ свидѣтелемъ и дѣятельнымъ участникомъ преобразовательнаго движенія, которое находило себѣ высокое одушевляющее покровительство со стороны Его Высочества. Въ это время, во второй половинѣ 50-хъ годовъ, Морское Министерство шло впереди другихъ вѣдомствъ по пути преобразованій. На службѣ по морскому вѣдомству подготовлялись многіе выдающіеся дѣятели преобразовательной эпохи: М. Х. Рейтернъ, товарищъ Головнина по лицею и почти одновременно съ нимъ назначенный министромъ Финансовъ, графъ Д. А. Толстой, князь Д. А. Оболенскій, В. А. Татариновъ и другіе. По почину морского вѣдомства въ 1855—1856 г. г. предпринята была чрезвычайно важная работа по всестороннему изслѣдованію народнаго быта Россіи, въ которой приняли участіе извѣстные литераторы и этнографы. На страницахъ «Морского Сборника» обсуждались самые жгучіе вопросы современности, въ томъ числѣ и вопросъ о народномъ просвѣщеніи. Въ этомъ журналѣ была напечатана статья Пирогова «Вопросы жизни». А. В. Головнинъ являлся посредникомъ въ личныхъ сношеніяхъ Великаго Князя со многими государственными дѣятелями, литераторами и учеными и велъ обширную переписку по важнѣйшимъ вопросамъ, въ которыхъ Великій Князь принималъ горячее участіе. Не занимая какого-либо высокаго самостоятельнаго поста, А. В. Головнинъ скоро выдвинулся въ рядъ видныхъ государственныхъ дѣятелей: въ 1859 г. получилъ званіе статсъ-секретаря Его Императорскаго Величества и чинъ тайнаго совѣтника, въ томъ же году былъ назначенъ членомъ Главнаго Правленія Училищъ, 25 декабря 1861 г. управляющимъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія и 6 декабря 1862 г. утвержденъ въ должности министра. Постъ товарища министра на короткое время занялъ съ 28 декабря 1861 г. баронъ А. П. Николаи, а послѣ его назначенія въ іюнѣ 1863 г. начальникомъ Главнаго Управленія Намѣстника Кавказскаго эта должность оставалась незамѣщенной. Директорами Департамента Народнаго Просвѣщенія при А. В. Головнинѣ были: статсъ-секретарь Б. П. Мансуровъ и за нимъ съ 21 мая 1864 г. К. К. Петерсъ; предсѣдателемъ Ученаго Комитета—А. С. Воро-

новъ. Попечителями учебныхъ округовъ вновь были назначены: С.-Петербургскаго—И. Д. Деляновъ (1862—1866 г.), Московскаго—генералъ-лейтенантъ Д. С. Левшинъ (1863—1867 г.), Харьковскаго—К. К. Фойгтъ (1863—1867 г.), Казанскаго—Ф. Ф. Стендеръ (1862—1865 г.), Кіевскаго—баронъ А. П. Николаи (1861 г.), за нимъ Ѳ. Ѳ. Витте (1862—1864 г.) и князь А. П. Ширинскій-Шихматовъ (1864—1867 г.), Виленскаго—И. П. Корниловъ (1864—1868 г.), Дерптскаго—графъ А. А. фонъ-Кейзерлингъ (1862—1879 г.), Одесскаго—А. А. Арцимовичъ (1862—1866 г.).

Подъ руководительствомъ А. В. Головнина преобразовательная работа по Министерству Народнаго Просвѣщенія развилась особенно широко и подвигалась впередъ съ чрезвычайной энергіей и быстротой. За четыре слишкомъ года подверглись коренному пересмотру всѣ сколько нибудь важныя законоположенія и вопросы по вѣдомству Министерства Народнаго Просвѣщенія. Для однихъ учрежденій были изданы новыя положенія, уставы и штаты, для преобразованія другихъ намѣчены новыя основанія и собранъ матеріалъ. Главныя цѣли преобразованій были изложены въ оффиціальной запискѣ, напечатанной въ 1865 г. подъ заглавіемъ «Обзоръ дѣятельности Министерства Народнаго Просвѣщенія и подвѣдомственныхъ ему учрежденій въ 1862, 1863 и 1864 годахъ». «На Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія», говорится здѣсь, «лежитъ обязанность, во-первыхъ, заботиться о правильномъ всестороннемъ нравственно-религіозномъ, умственномъ, физическомъ и эстетическомъ образованіи молодыхъ поколѣній, и, во-вторыхъ, содѣйствовать расширенію области человѣческихъ знаній вообще и въ особенности распространенію ихъ въ нашемъ отечествѣ». Въ частности по отношенію къ преобразованію учебной системы А. В. Головнинъ выдвинулъ въ своей программѣ слѣдующіе вопросы: необходимость распространять правильное образованіе во всѣхъ классахъ народа; усиленіе религіозно-нравственнаго образованія, которое на всѣхъ ступеняхъ общественнаго обученія должно стоять на первомъ планѣ; возбужденіе въ молодомъ поколѣніи серьезныхъ умственныхъ интересовъ, чуждыхъ карьеризма и грубыхъ практическихъ разсчетовъ; необходимость правильной постановки физическаго воспитанія и эстетическаго образованія. Перечисляя мѣропріятія Министерства по всѣмъ этимъ вопросамъ и отмѣчая недостатки существующей учебной системы, А. В. Головнинъ обратилъ вниманіе, какъ на одинъ изъ главныхъ недостатковъ, на отсутствіе единства въ учебномъ управленіи. «Многія тысячи учебныхъ заведеній», говорится

въ вышеупомянутомъ «Обзорѣ», «не только спеціальныхъ, но и общеобразовательныхъ, находятся въ вѣдѣніи другихъ Министерствъ и управленій. Бюджетъ Министерства Народнаго Просвѣщенія составляетъ съ небольшимъ 6 милліоновъ рублей, между тѣмъ какъ на учебныя заведенія и ученыя учрежденія по другимъ вѣдомствамъ расходуется слишкомъ вдвое большая сумма. Подвѣдомственность учебныхъ заведеній отдѣльнымъ Министерствамъ и управленіямъ во многихъ отношеніяхъ оказывается неудобною. При ней дѣлается невозможнымъ равномѣрное, прогрессивное движеніе разныхъ учебныхъ заведеній... Наконецъ, въ характерѣ и направленіи народнаго воспитанія, развиваемаго по разнообразнымъ видамъ, не можетъ образоваться единства, которое въ другихъ государствахъ такъ сильно содѣйствуетъ развитію національнаго духа, а также объединенію и слитію различныхъ классовъ и сословій общества». Во всеподданнѣйшемъ докладѣ 7 сентября 1865 г. министръ писалъ: «когда Министерство Народнаго Просвѣщенія значительнымъ улучшеніемъ своихъ училищъ удостоится одобренія Вашего Императорскаго Величества, тогда настанетъ время для передачи въ оное разныхъ учебныхъ заведеній изъ другихъ управленій, не имѣющихъ ни времени, ни педагогическихъ средствъ для занятія сими заведеніями, которыя всегда составляютъ для нихъ предметъ второстепенной важности. То, что говорится здѣсь собственно объ училищахъ, относится едва-ли не болѣе и къ ученымъ учрежденіямъ».

Характерной чертой дѣятельности Министерства подъ управленіемъ А. В. Головнина была широкая гласность, привлекавшая образованное общество къ всестороннему обсужденію важнѣйшихъ преобразованій по народному просвѣщенію. По распоряженію министра помѣщались въ Журналѣ Министерства и печатались отдѣльными книгами и брошюрами: выдержки изъ отчетовъ попечителей учебныхъ округовъ и ревизоровъ о состояніи учебныхъ заведеній, проекты и предположенія по учебной части, оффиціальныя и частныя мнѣнія и отзывы о нихъ, сборники различныхъ матеріаловъ, обзоры занятій совѣщательныхъ органовъ Министерства. Въ это же время, въ 1864 г. начато изданіе «Сборника Постановленій» и «Сборника распоряженій по Министерству Народнаго Просвѣщенія», заключающихъ въ себѣ богатый матеріалъ по исторіи просвѣщенія въ Россіи въ XIX вѣкѣ.

Изъ всѣхъ преобразованій, руководимыхъ А. В. Головнинымъ, онъ успѣлъ провести въ законодательномъ порядкѣ наиболѣе важ-

ныя: реформу центральнаго управленія Министерства и цензуры, университетскій уставъ 1863 г., уставъ гимназій 1864 г., положеніе о начальныхъ народныхъ училищахъ 1864 г., уставы и штаты нѣкоторыхъ ученыхъ учрежденій. За этими основными реформами 1863 и 1864 г.г. долженъ былъ послѣдовать рядъ преобразованій и улучшеній, касавшихся: лицеевъ, ветеринарныхъ училищъ, уѣздныхъ училищъ, женскихъ, еврейскихъ, частныхъ учебныхъ заведеній, домашнихъ наставниковъ, нѣкоторыхъ ученыхъ учрежденій и разныхъ спеціальныхъ вопросовъ по учебному вѣдомству. Планы и предположенія А. В. Головнина на будущее время были изложены и мотивированы въ «Обзорѣ дѣятельности Министерства въ 1862 — 1864 г.г.» и во всеподданнѣйшемъ докладѣ министра 7 сентября 1865 г. Этотъ обзоръ и докладъ 7 сентября Высочайше повелѣно было внести въ Совѣтъ Министровъ; предварительно же онъ былъ подвергнутъ разсмотрѣнію въ особой комиссіи, въ составъ которой вошли графъ С. Г. Строгановъ, баронъ Корфъ, князь Долгоруковъ, К. В. Чевкинъ, Е. П. Ковалевскій. Замѣчанія комиссіи, указывавшей главнымъ образомъ на необходимость большей осторожности и экономіи матеріальныхъ средствъ въ исполненіи широкихъ плановъ, начертанныхъ министромъ, были представлены на Высочайшее воззрѣніе въ концѣ мая 1866 г., когда А. В. Головнинъ уже оставилъ постъ министра. Найдя замѣчаніи комиссіи весьма основательными, Государь повелѣлъ передать ихъ для соображеній новому министру, графу Толстому. Съ своей стороны А. В. Головнинъ представилъ обширное письменное объясненіе на замѣчанія комиссіи.

14 апрѣля 1866 г. А. В. Головнинъ былъ уволенъ отъ должности министра, съ сохраненіемъ званій члена Государственнаго Совѣта и статсъ-секретаря. Причиною отставки А. В. Головнина было слѣдствіе, произведенное особой комиссіей подъ предсѣдательствомъ графа М. Н. Муравьева по дѣлу о покушеніи 4 апрѣля 1866 г. на жизнь Государя Императора и раскрывшее фактъ распространенія среди учащейся молодежи разрушительныхъ революціонныхъ ученій. Рескриптъ 13 мая 1866 г. на имя предсѣдателя Комитета Министровъ князя Гагарина возвѣстилъ Высочайшую волю, чтобы дѣятельность Министерства Народнаго Просвѣщенія руководилась отнынѣ по преимуществу охранительными началами христіанской религіи и существующаго государственнаго строя. Оставивъ постъ министра, А. В. Головнинъ въ слѣдующіе годы жизни, по званію члена Государственнаго Совѣта, принималъ

участіе въ разрѣшеніи нѣкоторыхъ важныхъ государственныхъ вопросовъ. Умеръ онъ 3 ноября 1886 г. [177]).

II.

Непосредственнымъ побужденіемъ къ реформѣ центральнаго управленія Министерства была отмѣтка Государя на журналѣ Государственнаго Совѣта 1859 года по проекту преобразованія Морского Министерства. Противъ объясненія Государственнаго Совѣта, что «Морское Министерство, усиливая власть мѣстныхъ начальниковъ, сокращая дѣлопроизводительство, уменьшая личный составъ чиновъ и обращая сберегаемые отъ этого уменьшенія денежные способы на увеличеніе окладовъ остающимся чинамъ, прежде всѣхъ другихъ Министерствъ приступило къ тому, къ чему рано или поздно приступятъ всѣ другія Министерства», Государь написалъ: «И что Я поставляю въ примѣръ всѣмъ г.г. министрамъ и главноуправляющимъ, надѣясь и возлагая на ихъ попеченіе достигнуть того же и по ввѣреннымъ имъ управленіямъ». Затѣмъ, при назначеніи министромъ А. В. Головнина Государь лично выразилъ ему свою волю, чтобы былъ составленъ и внесенъ въ Государственный Совѣтъ проектъ преобразованія Министерства Народнаго Просвѣщенія по примѣру Морского Министерства. Для собранія необходимыхъ матеріаловъ Высочайше повелѣно было 30 декабря 1861 г. сенатору статсъ-секретарю Камовскому обревизовать дѣлопроизводство Департамента и Канцеляріи Министра Народнаго Просвѣщенія за 1860 и 1861 годы, а 6 января слѣдующаго года—приступить къ составленію предположеній о преобразованіи Департамента и Канцеляріи Министра «съ уменьшеніемъ письменной работы, сокращеніемъ числа чиновниковъ и значительнымъ увеличеніемъ содержанія ихъ».

Еще до полнаго окончанія ревизіи статсъ-секретаря Камовскаго были произведены въ центральномъ управленіи Министерства важныя частныя измѣненія. 27 декабря 1861 г., вслѣдствіе изъятія учебной части въ Царствѣ Польскомъ изъ вѣдомства Министерства, упразднено отдѣленіе Департамента Народнаго Просвѣщенія по дѣламъ Варшавскаго учебнаго округа; 10 марта 1862 г. упразднена Канцелярія Министра, такъ какъ ревизія статсъ-секретаря Камовскаго выяснила, что, при значительномъ числѣ чиновниковъ, кругъ ея занятій очень ограниченъ, почему и дальнѣйшее ея существо-

ваніе въ видѣ отдѣльнаго учрежденія излишне. Указомъ того же дня упразднено Главное Управленіе Цензуры. 9 іюня издано «Положеніе объ особыхъ правахъ и обязанностяхъ Товарища Министра Народнаго Просвѣщенія», предоставившее ему разрѣшать собственною властію всѣ дѣла по еврейскимъ училищамъ и образованію евреевъ и нѣкоторыя другія менѣе важныя дѣла. Вскорѣ, однако, опытъ показалъ, что должность товарища министра могла бы быть вовсе не замѣщаема безъ ущерба для дѣла. Въ случаѣ отсутствія или болѣзни министра его обязанности могли быть временно поручены одному изъ высшихъ должностныхъ лицъ Министерства, пользующемуся довѣріемъ Государя Императора и хорошо знакомому съ ходомъ дѣлъ Министерства. Расширеніе власти попечителей учебныхъ округовъ и уменьшеніе числа дѣлъ, поступающихъ на окончательное разрѣшеніе Министерства, дѣлало ненужнымъ то облегченіе обязанностей министра, которое имѣлось въ виду Положеніемъ 9 іюня 1862 г. По всѣмъ этимъ соображеніямъ, послѣ назначенія товарища министра барона Николаи начальникомъ Главнаго Управленія Намѣстника Кавказскаго, никто не былъ назначенъ товарищемъ министра Народнаго Просвѣщенія, а сумма, отпускаемая на содержаніе барона Николаи, употреблена на усиленіе содержанія нѣкоторыхъ попечителей учебныхъ округовъ и ихъ помощниковъ. Вопросъ о сокращеніи дѣлопроизводства по Министерству, до полнаго преобразованія центральнаго управленія, разрѣшенъ былъ Высочайше утвержденнымъ 11 сентября 1862 г. положеніемъ Комитета Министровъ, которымъ расширены права попечителей по окончательному разрѣшенію нѣкоторыхъ разрядовъ дѣлъ, а директору Департамента Народнаго Просвѣщенія предоставлено распредѣлять по собственному усмотрѣнію дѣла между подвѣдомственными ему чинами и употреблять на награды остатки суммъ, ассигнуемыхъ на содержаніе Департамента.

10 іюля 1862 г. статсъ-секретарь Камовскій окончилъ ревизію Департамента, а весной слѣдующаго года въ Государственный Совѣтъ внесенъ былъ проектъ общаго преобразованія центральныхъ учрежденій Министерства. Въ представленіи Государственному Совѣту А. В. Головнинъ подробно изложилъ недостатки старой организаціи и мотивировалъ новыя мѣры съ точки зрѣнія тѣхъ основныхъ положеній, на которыя по Высочайшей волѣ должна была опереться реформа. Эти основанія заключались: 1) въ усиленіи власти мѣстныхъ учрежденій, 2) въ правильномъ распредѣленіи дѣлъ между разными учрежденіями, 3) въ сокращеніи и упрощеніи

Дозв. ценз. СПБ. 14 Марта 1902 г. Экспедиція Заготовленія Государственныхъ Бумагъ

дѣлопроизводства, 4) въ уменьшеніи личнаго состава чиновниковъ и 5) въ увеличеніи окладовъ ихъ содержанія. Все преобразованіе могло осуществиться безъ всякаго увеличенія постоянныхъ расходовъ изъ Государственнаго Казначейства. Лишь на особенные расходы при введеніи реформы и на выдачу единовременныхъ пособій чиновникамъ, остающимся за штатомъ, министръ испрашивалъ изъ казны 10.962 руб. 60 коп.

Государственный Совѣтъ въ засѣданіяхъ Соединенныхъ Департаментовъ Законовъ и Государственной Экономіи 27 апрѣля и 3 іюня 1863 г. согласился въ главныхъ основаніяхъ съ представленіемъ министра, но призналъ необходимымъ сдѣлать нѣкоторыя исправленія и дополненія въ статьяхъ проекта о Совѣтѣ Министра, объ Ученомъ Комитетѣ, объ особенной канцеляріи, о редакціи Журнала Министерства. Въ заключеніе, примѣняясь къ преобразованію Морского Министерства, Государственный Совѣтъ положилъ, не утверждая предположенные для центральнаго управленія Министерства Народнаго Просвѣщенія штаты, предоставить это будущему времени, когда самый опытъ укажетъ, какое число чиновниковъ и должностей необходимо оставить по введеніи въ дѣйствіе новаго учрежденія какъ въ центральномъ управленіи, такъ и въ прочихъ частяхъ вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія. 18 іюня былъ подписанъ Государемъ указъ Правительствующему Сенату и утверждено «Учрежденіе Министерства Народнаго Просвѣщенія».

Указъ предоставилъ министру немедленно привести въ дѣйствіе новое Учрежденіе и назначилъ въ его распоряженіе въ теченіе 1863 и 1864 годовъ 157.792 руб. 22 коп., которые распредѣляются по составнымъ частямъ управленія со всѣми необходимыми въ существующихъ штатахъ измѣненіями и сокращеніями; остающіяся же отъ упраздненія или сокращенія должностей суммы обращаются на прибавки къ содержанію остающихся на службѣ чиновниковъ, сообразно проекту новыхъ штатовъ. На единовременное пособіе чиновникамъ, остающимся за штатомъ, ассигновано 10.962 руб. 60 коп. Штатъ, составленный по указаніямъ опыта, долженъ быть внесенъ въ Государственный Совѣтъ въ теченіе второго года послѣ утвержденія настоящихъ предположеній, такъ, чтобы съ начала 1865 г. онъ могъ быть приведенъ въ дѣйствіе. Введенный временно съ 1 іюля 1863 г. проектъ штата былъ нѣсколько измѣненъ по указаніямъ опыта и въ ноябрѣ 1864 г. былъ внесенъ въ Государственный Совѣтъ, при чемъ министръ

просилъ предоставить чиновникамъ центральнаго управленія Министерства права на чинопроизводство и пенсіи со старшинствомъ со дня утвержденія Учрежденія Министерства, то есть съ 18 іюня 1863 г. Но Государственный Совѣтъ мнѣніемъ, Высочайше утвержденнымъ 10 мая 1865 г., постановилъ отложить окончательное разсмотрѣніе проекта штата до общаго сужденія о проектахъ штатовъ по Министерствамъ Морскому, Финансовъ и другимъ, предоставивъ министру Народнаго Просвѣщенія руководствоваться при распредѣленіи ассигнуемыхъ по смѣтамъ на центральное управленіе Министерства штатныхъ суммъ постановленіями Учрежденія 18 іюня 1863 г. Тогда А. В. Головнинъ испросилъ чрезъ Комитетъ Министровъ (3 декабря 1865 г.) Высочайшее соизволеніе на присвоеніе чиновникамъ центральнаго управленія Министерства правъ и преимуществъ дѣйствительной службы со дня назначенія ихъ въ должности по временному штату 1863 г.

По Учрежденію 18-го Іюня 1863 г. центральное управленіе Министерства составляютъ: 1) Совѣтъ Министра, 2) Департаментъ Народнаго Просвѣщенія, 3) Ученый Комитетъ, 4) Археографическая Комиссія, 5) Редакція Журнала Министерства, 6) Архивъ Министерства. При Министрѣ состоятъ чиновники для особыхъ порученій по штату.

Мотивы преобразованія Главнаго Правленія Училищъ въ Совѣтъ Министра изложены въ представленіи А. В. Головнина Государственному Совѣту: «по закону Главное Правленіе Училищъ, повидимому, имѣетъ большое значеніе, ибо въ немъ происходитъ высшее обсужденіе дѣлъ Министерства по частямъ ученой, учебной и хозяйственной, и заключенія онаго представляются прямо на Высочайшее утвержденіе по многимъ такого рода дѣламъ, по которымъ другіе министры обязаны входить съ представленіемъ въ Государственный Совѣтъ и Комитетъ Министровъ, но на дѣлѣ оно не имѣетъ этого великаго значенія. Государь Императоръ, не желая дѣлать для Министерства Народнаго Просвѣщенія исключенія изъ порядка, установленнаго для прочихъ гражданскихъ министровъ, изволилъ требовать, чтобы и по этому вѣдомству вносились въ Государственный Совѣтъ и Комитетъ Министровъ и другія высшія учрежденія тѣ дѣла, которыя вносятся въ оныя изъ прочихъ управленій. Посему Главное Правленіе Училищъ не имѣетъ на дѣлѣ значенія законодательнаго и высшаго административнаго учрежденія, и было бы

сообразнѣе съ дѣйствительнымъ значеніемъ Главнаго Правленія Училищъ преобразовать оное по образцу совѣтовъ прочихъ Министерствъ». По объясненію оффиціальнаго «Обзора дѣятельности Министерства въ 1862—1864 г. г.» замѣна Главнаго Правленія Училищъ Совѣтомъ Министра не только не расширила власти министра, но, напротивъ, значительно ее ограничила. Главное Правленіе Училищъ нисколько не стѣсняло власти министра, потому что дѣла въ немъ рѣшались по тому мнѣнію, на сторонѣ котораго былъ голосъ министра, хотя бы съ этимъ мнѣніемъ былъ согласенъ одинъ только членъ Правленія. Теперь же министръ, лишенный права представлять непосредственно на Высочайшее утвержденіе заключенія Совѣта и обязанный вносить важнѣйшія дѣла въ Государственный Совѣтъ и Комитетъ Министровъ, встрѣчалъ уже здѣсь лицъ себѣ равныхъ, а не подчиненныхъ. По мнѣнію Государственнаго Совѣта, особенное свойство предметовъ вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія, имѣющаго дѣло съ вопросами нравственно-воспитательными, требовало, чтобы составъ Совѣта Министра былъ бы организованъ на болѣе широкихъ основаніяхъ сравнительно съ совѣтами другихъ Министерствъ. По Учрежденію 10 іюня Совѣтъ Министра состоитъ, подъ предсѣдательствомъ министра, изъ товарища министра, двухъ штатныхъ и другихъ, по особеннымъ Высочайшимъ повелѣніямъ назначенныхъ членовъ, изъ директора Департамента, предсѣдателя Ученаго Комитета и попечителей учебныхъ округовъ во время пребыванія ихъ въ С.-Петербургѣ. Въ Совѣтъ приглашаются въ случаѣ надобности съ правомъ голоса предсѣдатель Археографической Комиссіи, непремѣнный секретарь Академіи Наукъ, директоръ Николаевской обсерваторіи, ректоры университетовъ, а также по усмотрѣнію предсѣдателя и свойству дѣла лица посторонніе. Кругъ дѣлъ, подлежащихъ вѣдѣнію Совѣта Министра, остался тотъ же, что и при существованіи Главнаго Правленія Училищъ.

Коренному преобразованію подвергся Департаментъ Народнаго Просвѣщенія. Ревизія статсъ-секретаря Камовскаго обнаружила существенные недостатки его организаціи. «Въ штатѣ Департамента числилось чрезмѣрно большое число лицъ, распредѣленныхъ по нѣсколькимъ іерархическимъ степенямъ, выражавшимся только формальною подчиненностью, а не въ дѣйствительномъ значеніи работы. Отвѣтственность за всѣ труды падала въ существѣ только на начальниковъ отдѣленій, и только они

*

работали самостоятельно, между тѣмъ какъ столоначальники и помощники ихъ несли обязанности, отнимавшія у нихъ возможность развиваться и переходить въ разрядъ настоящихъ дѣятелей. Вслѣдствіе топографическаго (по округамъ) распредѣленія дѣлъ между отдѣленіями у каждаго чиновника смѣшивались дѣла разнаго рода, требующія знанія разнообразныхъ постановленій. Вмѣстѣ съ тѣмъ оклады всѣхъ департаментскихъ чиновниковъ были столь незначительны, что ставили ихъ въ крайне стѣсненное положеніе». Новое Учрежденіе сосредоточиваетъ въ Департаментѣ все дѣлопроизводство по частямъ: инспекторской, распорядительной, судебной, хозяйственной и счетной. Взамѣнъ прежняго раздѣленія занятій по отдѣленіямъ назначено, по примѣру Морского Министерства, въ помощь директору и вице-директору, опредѣленное число дѣлопроизводителей, въ порядкѣ постепенности окладовъ и чиновъ, раздѣленныхъ на 4 разряда:

V	класса	съ окладомъ	въ	2.800	рублей.
VI	—	—	—	1.800	—
VII	—	—	—	1.200	—
VIII	—	—	—	1.000	—

Повышеніе въ классѣ и въ окладѣ положено обратить въ преимущество личное, даруемое чиновнику лично за достоинство и заслуги и не связанное съ самою должностью. По временному штату 18 іюня 1863 г. составъ Департамента образованъ изъ слѣдующихъ лицъ: 1 директоръ, 1 вице-директоръ, 11 дѣлопроизводителей, 4 помощника дѣлопроизводителей, 1 казначей, 1 экзекуторъ, 1 его помощникъ, 1 журналистъ, 1 его помощникъ; всего 22 лица. Для письмоводства вмѣсто прежнихъ канцелярскихъ чиновниковъ и служителей положено имѣть вольнонаемныхъ писцовъ, на наемъ которыхъ ассигнованно 9.000 руб. въ годъ. Для производства торговъ при Департаментѣ составляется временное присутствіе изъ директора, вице-директора и двухъ дѣлопроизводителей. Правила, опредѣляющія порядокъ дѣлопроизводства въ Департаментѣ, были утверждены министромъ 10 сентября 1863 г. Всѣ дѣла были раздѣлены на слѣдующіе разряды: I. По личному составу *). II. По высшимъ учебнымъ заведеніямъ. III. По среднимъ учебнымъ заведеніямъ. IV. По низшимъ учебнымъ заведеніямъ.

---

*) Въ томъ числѣ и дѣла о пенсіяхъ.

V. По ученымъ учрежденіямъ. VI. По еврейскому образованію и еврейскимъ училищамъ. VII. По женскимъ и частнымъ учебнымъ заведеніямъ и домашнему образованію. VIII. Общій: дѣла по управленіямъ учебныхъ округовъ и переписка съ разными вѣдомствами. Счетная часть осталась вь вѣдѣніи начальника счетнаго отдѣленія, дѣла по Совѣту Министра и Ученому Комитету—въ вѣдѣніи правителя дѣлъ этихъ учрежденій. Положено докладывать дѣла министру по подлиннымъ бумагамъ словесно директоромъ, вице-директоромъ и чиновниками по порученію министра; письменные доклады должны составляться только по дѣламъ особенно сложнымъ или требующимъ подробныхъ объясненій, соображеній и справокъ.

Прежній Архивъ Департамента преобразованъ въ Архивъ Министерства, находящійся въ вѣдѣніи особаго начальника. Общее число архивныхъ дѣлъ простиралось до 130.000. Въ мартѣ 1864 г. было приступлено къ разбору всѣхъ дѣлъ Архива на основаніи Высочайшаго повелѣнія 19 октября 1861 г. Къ 1 января 1865 года было разсмотрѣно 38.700 дѣлъ и отобрано изъ нихъ къ уничтоженію 31.400. Въ послѣдующіе годы разборка дѣлъ пошла значительно медленнѣе.

Учрежденіе 18 іюня оставило при Департаментѣ книжный магазинъ и складъ учебныхъ книгъ и пособій для снабженія ими учебныхъ заведеній всѣхъ округовъ. Но вскорѣ Министерство рѣшилось отказаться отъ этой операціи, унаслѣдованной имъ отъ Комиссіи о народныхъ училищахъ и несомнѣнно задерживавшей развитіе учебной литературы. Нерѣдко Департаментъ затруднялся давать ходъ въ учебныхъ заведеніяхъ Министерства новымъ учебникамъ, хотя бы они были и лучше изданныхъ Департаментомъ, потому только, что, затративъ на изданіе своего руководства значительный капиталъ, онъ долженъ былъ заботиться о выручкѣ этого капитала. Съ другой стороны эта операція была очень убыточна, особенно съ тѣхъ поръ какъ положеніемъ 20 марта 1860 г. было предоставлено совѣтамъ при попечителяхъ учебныхъ округовъ допускать къ употребленію учебники и руководства, которые будутъ признаны совѣтами удовлетворительными. Общая сумма недоимокъ къ 1864 г. достигла 35.000 руб. Поэтому 27 февраля 1864 г. было испрошено Высочайшее соизволеніе на принятіе слѣдующихъ мѣръ: 1) устройство, въ видѣ опыта на три года, снабженія училищъ книгами чрезъ книгопродавцевъ, 2) сложеніе съ училищъ недоимки за высланныя имъ книги, 3) предоставленіе всѣмъ желающимъ печатать и издавать

книги, право на изданіе коихъ принадлежитъ Министерству, 4) разсылку безденежно по учебнымъ заведеніямъ и распродажу остающагося въ складѣ запаса книгъ.

Въ новыя, болѣе благопріятныя, условія была поставлена редакція Журнала Министерства, принадлежавшая къ составу Департамента и, вслѣдствіе того, стѣсненная въ своихъ дѣйствіяхъ. Учрежденіе 18 іюня, образовавъ редакцію въ видѣ самостоятельнаго учрежденія и подчинивъ ее непосредственно министру, дало ей большую самостоятельность и свободу дѣйствій, примѣнительно къ тѣмъ условіямъ, которыя служатъ основаніемъ успѣшнаго развитія редакцій частныхъ журналовъ. Личный составъ редакціи былъ значительно уменьшенъ, а денежныя средства съ 1862 г. увеличены, какъ вслѣдствіе увеличенія объема журнала и большаго развитія дѣятельности редакціи, такъ и вслѣдствіе общаго возвышенія цѣнности литературнаго труда. 27 февраля 1864 г. была измѣнена программа журнала, дѣйствовавшая въ послѣдніе 4 года и сообщавшая ему спеціально педагогическое направленіе. Это направленіе приносило несомнѣнную пользу, содѣйствуя разработкѣ вопросовъ педагогіи. Но съ другой стороны А. В. Головнинъ думалъ, что дальнѣйшее изданіе оффиціальнаго педагогическаго журнала неудобно въ томъ отношеніи, что онъ стѣсняетъ своимъ соперничествомъ развитіе частной педагогической журналистики, необходимое для успѣховъ народнаго образованія. Поэтому министръ во всеподданнѣйшемъ докладѣ объ измѣненіи программы журнала предложилъ предоставить частнымъ изданіямъ разработку теоретическихъ вопросовъ педагогики и ограничить задачу оффиціальнаго журнала предѣлами, указанными Учрежденіемъ 1863 г. Новая программа Журнала Министерства дѣлилась на 5 отдѣловъ: I. Правительственныя распоряженія. II. Извѣстія о состояніи и дѣятельности ученыхъ учрежденій и учебныхъ заведеній Министерства. III. Извлеченія изъ отчетовъ лицъ, командируемыхъ Министерствомъ по дѣламъ службы, и лицъ, командируемыхъ для приготовленія къ профессорской и преподавательской дѣятельности и вообще съ ученой цѣлью. IV. Оффиціальныя статьи и извѣстія. V. Извѣстія о важнѣйшихъ распоряженіяхъ по учебной части въ иностранныхъ государствахъ.

Ученому Комитету, по предположенію А. В. Головнина, «для пользы дѣла нужно было дать болѣе самостоятельности и поставить его въ болѣе близкія, непосредственныя отношенія къ министру,

и притомъ специализировать предметъ его дѣятельности, которая должна касаться не администраціи, а собственно учено-учебныхъ предметовъ и вопросовъ, по которымъ министру нужно воспользоваться мнѣніемъ спеціальныхъ ученыхъ». Со стороны Государственнаго Совѣта возраженія не послѣдовало. По Учрежденію 1863 г. Ученый Комитетъ состоитъ изъ предсѣдателя, назначаемаго Именнымъ Высочайшимъ указомъ, постоянныхъ членовъ и правителя дѣлъ, назначаемыхъ министромъ. По усмотрѣнію предсѣдателя приглашаются съ правомъ голоса постороннія лица изъ ученыхъ и педагоговъ. Ученый Комитетъ по предложенію министра разсматриваетъ: 1) педагогическіе вопросы и предположенія, 2) учебныя руководства и программы преподаванія, 3) книги и періодическія изданія для учебныхъ заведеній, 3) сочиненія, подносимыя Государю Императору и Особамъ Императорской Фамиліи, 4) предположенія объ ученыхъ экспедиціяхъ, командировкахъ и разныхъ ученыхъ предпріятіяхъ, 5) проекты учрежденія ученыхъ обществъ, 6) отчеты профессоровъ и лицъ, имѣющихъ порученіе отъ Министерства, 7) конкурсы на составленіе учебныхъ руководствъ и присужденіе премій, 8) вообще всѣ дѣла и вопросы по назначенію министра. На покрытіе расходовъ по Ученому Комитету продолжаетъ составляться особая сумма изъ ежегоднаго 2% сбора съ платы за ученье въ высшихъ и среднихъ заведеніяхъ.

Къ составу центральнаго управленія Министерства по Учрежденію 1863 г. принадлежитъ Археографическая Комиссія. По 22-й ст. Учрежденія Комиссія «имѣетъ назначеніемъ систематическое изданіе въ свѣтъ источниковъ отечественной исторіи на основаніи правилъ, Высочайше утвержденныхъ для ея руководства 18 февраля 1837 г.». Комиссія состоитъ изъ предсѣдателя, назначаемаго Именнымъ Высочайшимъ указомъ Правительствующему Сенату, членовъ-сотрудниковъ, корреспондентовъ и художниковъ, избираемыхъ въ общихъ собраніяхъ Комиссіи и утверждаемыхъ предсѣдателемъ. На одного изъ членовъ возлагается дѣлопроизводство съ званіемъ правителя дѣлъ.

Въ проектѣ преобразованія центральнаго управленія, представленномъ Государственному Совѣту, была включена еще Особенная Канцелярія министра. Но Государственный Совѣтъ положилъ предоставить опыту рѣшеніе вопроса о возможности и необходимости этой канцеляріи. Чиновниковъ особыхъ порученій при министрѣ по штату назначено 5.

Общее число чиновъ центральнаго управленія по новому штату опредѣлилось въ 44 человѣка. Сумма на содержаніе всего центральнаго управленія Министерства составляла въ 1863 г. $2^{1}/_{4}\%$ со всей суммы, ассигнованной по смѣтѣ Министерства (6.181.847 руб. $28^{3}/_{4}$ коп.). Одновременно съ преобразованіемъ Министерства наличныя денежныя суммы переданы были на текущій счетъ въ Государственный Банкъ, а хранившіеся въ Департаментѣ разные капиталы въ тотъ же Банкъ для храненія. За годъ до реформы центральнаго управленія Министерства, по Высочайшему повелѣнію 4 іюня 1862 г., Щукинъ дворъ, опустошенный пожаромъ (отъ котораго пострадали и нѣкоторыя зданія Министерства), переданъ былъ въ вѣдѣніе Министерства Финансовъ, а Министерству Народнаго Просвѣщенія, взамѣнъ утраченнаго дохода, положено отпускать изъ Государственнаго Казначейства по 82.000 руб. въ годъ [178]).

Отдѣльной и особенно важной частью реформы центральнаго управленія Министерства при А. В. Головнинѣ было упраздненіе Главнаго Управленія Цензуры и передача послѣдней въ вѣдѣніе Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Представляя на воззрѣніе Государя Императора два противоположныя мнѣнія смѣшанной комиссіи изъ представителей Министерствъ Народнаго Просвѣщенія и Внутреннихъ Дѣлъ, А. В. Головнинъ высказался за установленіе карательной цензуры и за передачу ея въ вѣдѣніе Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

Подготовка реформы, пересмотръ постановленій по дѣламъ книгопечатанія и составленіе новаго устава были возложены на новую комиссію подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря князя Оболенскаго. Для нея были выписаны сборники иностраннаго законодательства о цензурѣ; русской же литературѣ предоставлена была свобода обсуждать столь жизненный для нея вопросъ. «Выходя изъ того убѣжденія, что система цензуры предварительной не можетъ у насъ удовлетворить ни правительства, ни литературы, но что рѣзкій переходъ отъ нея къ цензурѣ обратной, карательной, у насъ еще невозможенъ, предложено было комиссіи составить систему переходныхъ мѣръ отъ цензуры предварительной къ цензурѣ обратной. Такая система переходныхъ мѣръ казалась въ то время наиболѣе цѣлесообразною и современною и потому, что ожидалось въ скоромъ времени осуществленіе судебной реформы, ранѣе котораго невозможно было полное введеніе системы обратной цензуры». Комиссія работала совершенно самостоятельно и полу-

чала отъ Министерства только указанія нѣкоторыхъ предметовъ, на которые ей слѣдовало обратить вниманіе, а также сборники цѣнныхъ матеріаловъ. Въ 1862 г. были напечатаны: «Сборникъ постановленій и распоряженій по цензурѣ съ 1720 по 1862 г.», «Историческія свѣдѣнія о цензурѣ въ Россіи», «Краткое обозрѣніе направленія періодическихъ изданій и отзывовъ ихъ по важнѣйшимъ правительственнымъ и другимъ вопросамъ въ 1862 г.», «Сборникъ статей, не дозволенныхъ цензурой въ 1862 г.», «Мнѣнія разныхъ лицъ о преобразованіи цензуры» и нѣкоторые другіе матеріалы. Чтò особенно важно, въ этихъ трудахъ было собрано законодательство по цензурѣ и выяснена цензурная практика прошлыхъ временъ.

Между тѣмъ въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія подготовленъ былъ рядъ мѣропріятій, имѣвшихъ временное переходное значеніе. 10 марта 1862 г. послѣдовалъ указъ Правительствующему Сенату о преобразованіи цензурнаго управленія. Онъ предписывалъ: 1) Главное Правленіе Цензуры упразднить; 2) наблюденіе за нарушеніемъ цензурныхъ правилъ возложить на Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, которое объ изданіяхъ, подлежащихъ общей цензурѣ, сносится съ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, объ изданіяхъ же, изъятыхъ изъ общей цензуры, съ тѣми управленіями, коимъ тѣ изданія подвѣдомственны; 3) Министерству Внутреннихъ Дѣлъ передать суммы, назначенныя по штату 14 января 1860 г. на Главное Управленіе Цензуры; 4) прочія обязанности этого управленія возложить на Министерство Народнаго Просвѣщенія, подчинивъ ему цензурные комитеты и отдѣльныхъ цензоровъ; 5) изданія правительственныхъ учрежденій и губернскія вѣдомости цензировать начальствамъ этихъ учрежденій и губернаторамъ, обращающимся лишь въ сомнительныхъ случаяхъ къ общимъ цензорамъ или директорамъ училищъ; 6) мѣста въ книгахъ и статьи духовнаго содержанія разсматривать духовной цензурѣ, мѣста и статьи, касающіяся Императорской Фамиліи—Министру Двора, по всѣмъ прочимъ предметамъ Министерству Народнаго Просвѣщенія только въ сомнительныхъ случаяхъ обращаться къ другимъ вѣдомствамъ; 7) отмѣнить назначеніе отъ разныхъ вѣдомствъ чиновниковъ для просмотра касающихся ихъ статей; 8) цензуру статей и извѣстій политическаго содержанія оставить на обязанности общей цензуры, безъ участія Министерства Иностранныхъ Дѣлъ; 9) канцелярію Главнаго Управленія Цензуры переименовать въ Особенную Канцелярію

министра; 10) редактора литературныхъ обозрѣній для Государя Императора переименовать въ чиновника особыхъ порученій при министрѣ; 11) канцелярію министра упразднить.

Сохранивъ въ своемъ вѣдѣніи общую цензуру и стремясь доставить литературѣ возможныя облегченія, Министерство постепенно исходатайствовало: отмѣну специальныхъ цензуръ, особенно тягостныхъ для петербургскихъ періодическихъ изданій; дозволеніе всѣмъ газетамъ и журналамъ печатать частныя объявленія; разрѣшеніе весьма многимъ изъ нихъ получать изъ-за границы книги и періодическія изданія безъ цензуры; облегченія въ пересылкѣ газетъ и т. под. Сверхъ того Министерство старалось ввести въ практику цензуры возможную быстроту, устраняя съ этою цѣлью всѣ излишнія формальности и коллегіальный порядокъ, и сообщало редакторамъ каждое новое постановленіе или требованіе по цензурѣ, которое имъ полезно было бы знать. Всѣ эти мѣропріятія клонились къ тому, чтобы идти къ большему простору печатнаго слова, при чемъ преступленія его карались бы судомъ и выводился бы болѣе и болѣе произволъ изъ области цензуры. Но эти предположенія Министерства были остановлены происками революціонной пропаганды, общей и въ частности польской, побудившими усилить строгость цензуры. Въ то же время оказалось, что судебная реформа не можетъ вскорѣ осуществиться, и что самый трудъ комиссіи о книгопечатаніи не можетъ быть оконченъ къ тому сроку, какъ сначала предполагалось, и потому явилась необходимость въ изданіи временныхъ правилъ, которыя по разсмотрѣніи въ Совѣтѣ Министровъ были Высочайше утверждены 12 мая 1862 г. Эти правила опредѣляли предметы государственнаго управленія и вопросы государственной и общественной жизни, обсужденіе которыхъ не должно было допускаться въ печати. Вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣнялись, за нѣкоторыми исключеніями, всѣ постановленія и распоряженія по цензурѣ съ 1828-го по 1 января 1862 г.

Въ началѣ 1863 г. комиссія князя Оболенскаго составила проектъ новаго закона о печати, по которому управленіе дѣлами книгопечатанія сосредоточивалось въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ. 10 января, представляя трудъ комиссіи Государю въ Совѣтѣ Министровъ, А. В. Головнинъ доложилъ, что прежде обсужденія проекта комиссіи необходимо рѣшить вопросъ, кому завѣдывать цензурою—Министерству ли Внутреннихъ Дѣлъ, какъ предполагала комиссія, Министерству ли Народнаго Просвѣщенія или

особому установленію. При этомъ онъ объяснилъ, что Министерство Народнаго Просвѣщенія, имѣя обязанность покровительствовать литературѣ, заботиться о ея развитіи и преуспѣяніи, находясь къ литературѣ въ отношеніяхъ болѣе близкихъ, чѣмъ всякое другое вѣдомство, не можетъ быть ея строгимъ судьей. Положеніе Министерства Внутреннихъ Дѣлъ въ отношеніи къ цензурѣ—совсѣмъ другое. На него не возложена обязанность изыскивать средства къ развитію литературы. Оно обязано только наблюдать за ненарушеніемъ закона и способнѣе Министерства Народнаго Просвѣщенія оцѣнивать важность нарушенія; роль Министерства Внутреннихъ Дѣлъ въ цензурѣ яснѣе, опредѣлительнѣе и проще, а потому и самая цѣль достижимѣе.

Тогда указомъ Правительствующему Сенату 14 января 1863 г. цензурное управленіе было окончательно передано Министерству Внутреннихъ Дѣлъ [179]).

III.

Въ порядокъ управленія учебными округами, въ основѣ котораго лежало положеніе 1835 г., внесены были существенныя измѣненія нѣкоторыми специальными постановленіями и новыми уставами среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, окончательно разрушившими первоначальную административную связь между школами разныхъ степеней.

При А. В. Головнинѣ въ раздѣленіи Имперіи на учебные округи не произошло измѣненій, за исключеніемъ присоединенія Витебской и Могилевской губерній къ Виленскому учебному округу, по соображеніямъ политическимъ. Чрезмѣрная обширность С.-Петербургскаго и Казанскаго учебныхъ округовъ, при которой нѣкоторыя училища оказывались удаленными отъ центра своего округа на 1.000—1.500 верстъ, вызвала проектъ учрежденія двухъ новыхъ округовъ, Вологодскаго и Саратовскаго, внесенный министромъ въ Государственный Совѣтъ 5 сентября 1862 г. Но это ходатайство не было удовлетворено.

Предоставленіе попечителямъ учебныхъ округовъ правъ на пенсію по правиламъ учебнаго вѣдомства, по положенію Комитета Министровъ 26 апрѣля 1863 г., было вызвано желаніемъ Министерства привлекать на эти должности по преимуществу лицъ, уже занимавшихъ ученыя и учебныя должности, тогда какъ ранѣе

попечителями обыкновенно являлись лица, не служившія въ учебномъ вѣдомствѣ. Повсемѣстное увеличеніе числа учебныхъ заведеній разныхъ разрядовъ побудило усилить средства надзора за ними, который былъ возложенъ на инспекторовъ казенныхъ училищъ, по одному въ каждомъ округѣ, а въ столицахъ, кромѣ того, на инспекторовъ частныхъ учебныхъ заведеній. Мнѣніемъ Государственнаго Совѣта, Высочайше утвержденнымъ 24 декабря 1863 г., инспекторы казенныхъ училищъ переименованы въ окружныхъ инспекторовъ, и въ округахъ Московскомъ, Казанскомъ, Одесскомъ и Виленскомъ назначено еще по одному окружному инспектору, а 14 сентября 1864 г. въ Виленскомъ округѣ учреждена третья должность окружнаго инспектора исключительно для Ковенской губерніи. Окружные инспекторы сдѣланы членами попечительскихъ совѣтовъ; должность ихъ отнесена къ V классу; содержаніе и средства для разъѣздовъ по учебнымъ заведеніямъ усилены.

Въ связи съ реформою центральнаго управленія Министерства находилось значительное расширеніе власти попечителей и предоставленіе имъ права окончательно рѣшать многія дѣла, по которымъ въ прежнее время они должны были входить съ представленіемъ въ Министерство. Высочайше утвержденными: положеніемъ Комитета Министровъ 11 сентября 1862 г., мнѣніемъ Государственнаго Совѣта 18 іюня 1863 г. и положеніемъ Главнаго Правленія Училищъ 24 іюля 1864 г. предоставлено было попечителямъ разрѣшать окончательно собственною властію 36 разрядовъ дѣлъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ дозволено было прекратить представленіе въ Министерство нѣкоторыхъ особыхъ срочныхъ вѣдомостей.

Съ введеніемъ новыхъ уставовъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній существенно измѣнился порядокъ мѣстнаго управленія ими. Неудобства іерархическаго подчиненія училищъ каждой губерніи директору губернской гимназіи и штатнымъ смотрителямъ училищъ были доказаны опытомъ, и отъ этого порядка постепенно дѣлались отступленія. Въ 1863 и 1864 г.г. были образованы особыя дирекціи училищъ С.-Петербургской и Московской губерній. Въ эти же годы народныя и приходскія училища сѣверо-западныхъ губерній изъяты изъ вѣдѣнія директоровъ гимназій и подчинены особымъ директорамъ и инспекторамъ народныхъ училищъ. По новому положенію о начальныхъ народныхъ училищахъ 1864 г. они были изъяты изъ вѣдѣнія

директоровъ и штатныхъ смотрителей уѣздныхъ училищъ и подчинены уѣзднымъ и губернскимъ училищнымъ совѣтамъ. Прогимназіи, преобразованныя изъ уѣздныхъ училищъ, получили свое мѣстное управленіе въ лицѣ инспекторовъ [180]).

IV.

Къ началу 1862 г. комиссія подъ предсѣдательствомъ фонъ-Брадке составила проектъ новаго общаго устава университетовъ. Съ цѣлью привлечь общественное мнѣніе къ разрѣшенію вопроса столь высокой важности и выслушать замѣчанія авторитетныхъ спеціалистовъ, проектъ устава, по распоряженію Министерства, былъ напечатанъ и препровожденъ на разсмотрѣніе одновременно во всѣ университетскіе совѣты и къ нѣкоторымъ лицамъ духовнаго и гражданскаго вѣдомства, а также переведенъ на языки французскій и нѣмецкій и доставленъ многимъ иностраннымъ ученымъ и педагогамъ. Противъ обращенія къ иностраннымъ авторитетамъ въ обществѣ и печати сдѣланы были возраженія, что иностранцы, не знакомые съ русскимъ государственнымъ и соціальнымъ строемъ, не въ состояніи оцѣнить достоинства и раскрыть недостатки предполагаемыхъ преобразованій. На эти возраженія Министерство отвѣчало, что всѣ университеты въ христіанскомъ мірѣ имѣютъ болѣе или менѣе одинаковое устройство и существуютъ для одной и той же цѣли—развитія и распространенія науки, которая во всѣхъ странахъ одна и та же; какъ ни мало знаютъ иностранцы Россію, но университеты имъ извѣстны лучше, чѣмъ какія бы то ни было другія русскія учрежденія.

Обращеніе Министерства къ заинтересованнымъ спеціалистамъ и общественному мнѣнію встрѣтило живой откликъ. Изъ поступившихъ въ томъ же году мнѣній и замѣчаній, а также статей въ періодической литературѣ, былъ составленъ и напечатанъ особый сборникъ въ двухъ томахъ, представившій важный матеріалъ для исторіи нашего университетскаго образованія. Тутъ высказали свой взглядъ на высшее образованіе люди различныхъ круговъ общества и разнообразныхъ партій и убѣжденій. Въ сборникъ вошли 63 мнѣнія университетскихъ совѣтовъ и лицеевъ и лицъ, въ нихъ служащихъ, и 38 мнѣній отъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, не принадлежащихъ къ университетскому сословію. Изъ за-границы

поступило 19 мнѣній отъ профессоровъ и педагоговъ Германіи, Англіи, Франціи, Бельгіи, Швейцаріи. Сверхъ того было признано полезнымъ, посредствомъ личнаго наблюденія и изслѣдованія на мѣстѣ, собрать точныя свѣдѣнія о положеніи университетовъ Западной Европы. Эта работа была возложена на профессора К. Д. Кавелина, напечатавшаго затѣмъ рядъ статей о результатахъ своей командировки.

Обиліе и разнообразіе всѣхъ собранныхъ Министерствомъ отзывовъ и замѣчаній на проектъ устава не позволяютъ въ немногихъ словахъ сдѣлать ихъ полную характеристику.

Проектъ новаго устава сохранялъ общія черты дѣйствующаго устава 1835 г., мнѣнія же и отзывы наиболѣе авторитетныхъ представителей университетской науки клонились въ сторону возможно большаго развитія автономіи и академической свободы. Особенно горячую полемику возбудилъ основной вопросъ: о сохраненіи или коренномъ измѣненіи самаго типа русскаго университета. Н. И. Костомаровъ возобновилъ мысль, высказанную нѣсколько лѣтъ тому назадъ барономъ Корфомъ, о необходимости превратить университетъ въ открытое для всѣхъ учебное заведеніе, въ систему публичныхъ лекцій, преподаваемыхъ не для учащагося юношества, а для людей любознательныхъ обоего пола, всякаго званія и возраста; между посѣтителями лекцій не устанавливалось бы при этомъ никакихъ прочныхъ отношеній, кромѣ простого знакомства; какъ въ театрѣ, въ церкви или на улицѣ, такъ и въ стѣнахъ университета благочиніе охранялось бы общею государственною полиціею. Противники этого проекта возражали, что устраненіе изъ университетовъ всѣхъ учебно-воспитательныхъ элементовъ повлекло бы за собою прямо уничтоженіе университетовъ. Поэтому большинство мнѣній въ данномъ спорѣ стояло за выдѣленіе учащихся въ университетѣ вмѣстѣ съ учащими въ особую корпорацію. Нравственная связь между обоими элементами и авторитетъ автономной профессорской коллегіи представлялись прочными гарантіями мирнаго развитія русскихъ университетовъ. Н. И. Пироговъ глубже смотрѣлъ на этотъ вопросъ. Ни уничтоженіемъ корпоративнаго начала, ни его утвержденіемъ нельзя было, по его мнѣнію, достичь главной цѣли—водворить порядокъ и спокойствіе въ университетахъ. Нельзя уничтожить корпоративнаго духа тамъ, гдѣ учащіеся соединены возрастомъ, цѣлями, воспитаніемъ и т. п. Но, съ другой стороны, «для организаціи студентовъ въ правильную корпорацію намъ не достанетъ двухъ главныхъ условій: пре-

данія и нравственной суприматіи организаторовъ. Будь они у насъ на лицо, то уже давно бы все было организировано само собою». По другому основному вопросу—о принципахъ управленія университетами, большинство рецензентовъ рѣшительно высказались за широкую автономію университетскихъ коллегій. Наконецъ, мнѣнія рецензентовъ разошлись въ вопросѣ о свободѣ или принудительности ученія въ университетахъ. Одни считали совершенно излишнимъ помѣщать въ проектъ устава такія постановленія, которыя, стѣсняя самодѣятельность студентовъ, вводятъ въ университетъ систему принудительнаго труда. Другіе, полагая, что молодые люди, даже и въ студенческомъ возрастѣ, никогда не будутъ учиться добровольно, что при уничтоженіи обязательности аудиторіи останутся пустыми, что безъ принудительныхъ мѣръ студенты могутъ предаться праздности и подвергнуться всѣмъ печальнымъ ея послѣдствіямъ, требовали строгаго опредѣленія срока пребыванія въ университетѣ, правилъ пріема и испытаній, если не годичныхъ, то по крайней мѣрѣ послѣ двухлѣтняго посѣщенія лекцій. Таковы были три главные вопроса, на которыхъ сосредоточивалась критика проекта, начертаннаго комиссіей фонъ-Брадке.

Разобраться въ богатомъ матеріалѣ и на основаніи его исправить проектъ устава поручено было Ученому Комитету Министерства, усиленному спеціалистами изъ университетскихъ профессоровъ и другихъ лицъ. Каждый изъ членовъ Ученаго Комитета и приглашенныхъ лицъ избиралъ для обработки извѣстный отдѣлъ устава, составлялъ сводъ мнѣній по этому отдѣлу и на основаніи ихъ проектъ новой редакціи соотвѣтствующихъ статей устава. Раздѣленная между 21 лицами эта работа была выполнена въ 18 засѣданіяхъ, съ 27 іюня по 31 октября 1862 г., и въ результатѣ явился новый проектъ устава и штатовъ университетовъ, составленный и напечатанный, вмѣстѣ съ объяснительной запиской, въ концѣ года.

Основанія новаго проекта были разсмотрѣны Главнымъ Правленіемъ Училищъ и затѣмъ, по Высочайшему повелѣнію, въ началѣ 1863 г. подвергнуты подробному обсужденію въ особомъ совѣщаніи слѣдующихъ лицъ: генералъ-адъютанта графа Строганова, статсъ-секретаря барона Корфа, оберъ-гофмейстера барона Мейендорфа, генералъ-адъютанта князя Долгорукова и министровъ статсъ-секретарей Валуева и Головнина. Заключеніе этихъ лицъ было доложено Государю въ Совѣтѣ Министровъ, и тогда состоялось Высочайшее повелѣніе о внесеніи проектовъ

устава и штатовъ на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта. Между тѣмъ эти проекты были вторично разсмотрѣны въ Главномъ Правленіи Училищъ.

Въ представленіи Государственному Совѣту министръ, изложивъ вкратцѣ исторію прежнихъ уставовъ, отмѣтилъ слѣдующія главныя причины упадка университетовъ: 1) недостатокъ въ хорошихъ профессорахъ; 2) излишнее разнообразіе обязательныхъ предметовъ; 3) недостаточную подготовку поступающихъ въ университеты; 4) равнодушіе ученыхъ сословій къ интересамъ университетовъ и науки вообще, вызванное стѣсненіемъ ихъ автономіи и гнетомъ матеріальной нужды; 5) скудость учебныхъ пособій. Съ другой стороны министръ мотивировалъ преимущества новаго устава: онъ даетъ университетамъ большую самостоятельность въ дѣлахъ внутренняго управленія и позволяетъ имъ развиваться самостоятельно по мѣстнымъ условіямъ; доставляетъ средства имѣть постоянно достаточное число профессоровъ; возбуждаетъ между учащимися самостоятельное занятіе науками и подчиняетъ ихъ вліянію учебной корпораціи; усиливаетъ ученыя и учебныя средства университетовъ.

Разсмотрѣнный Государственнымъ Совѣтомъ, новый уставъ былъ Высочайше утвержденъ 18 іюня 1863 г. *) Указомъ того же дня Правительствующему Сенату предписано: новый уставъ ввести въ университетахъ: С.-Петербургскомъ, Московскомъ, Харьковскомъ, Казанскомъ и Св. Владиміра въ Кіевѣ; отпускъ суммъ на содержаніе университетовъ въ увеличенномъ размѣрѣ начать съ 1 сентября.

Всѣ нововведенія устава 1863 г. группируются вокругъ четырехъ главнѣйшихъ пунктовъ: управленія университетами, учебныхъ плановъ факультетовъ, обезпеченія университетовъ профессорами, организаціи учащихся.

---

*) Въ 1862 и 1863 г. г. до утвержденія новаго устава были приняты по университетамъ слѣдующія общія мѣры: 20 января 1862 г.—о разрѣшеніи студентамъ медицинскихъ факультетовъ переходить на другіе факультеты, съ разрѣшенія ближайшаго начальства; 14 іюля 1862 г. учреждены на счетъ Министерства стипендіи для лучшихъ изъ бывшихъ студентовъ закрытаго С.-Петербургскаго университета, имѣющія быть переданными по выбытіи ихъ въ распоряженіе совѣтовъ разныхъ университетовъ; 11 августа 1862 г. разрѣшено производить ректорамъ университетовъ добавочное жалованье по 1.000 р.; 6 сентября 1862 г. учреждены въ 5 университетахъ по 4 стипендіи имени Свв. Кирилла и Меѳодія, преимущественно для занимающихся славянской филологіей; 8 апрѣля 1863 г. обращено вниманіе попечителей на необходимость строгихъ испытаній при кандидатскихъ экзаменахъ.

Полагая въ основу управленія университетами принципъ автономіи, уставъ стремится къ правильному раздѣленію дѣлъ ученыхъ, хозяйственныхъ, полицейскихъ и судебныхъ, къ постепенности въ правахъ рѣшенія ихъ разными установленіями, причемъ высшею мѣстною властью является попечитель. Вмѣстѣ съ тѣмъ уставъ допускаетъ разнообразное развитіе общихъ началъ для каждаго университета въ отдѣльности.

Попечитель облеченъ правомъ принимать всѣ нужныя мѣры, чтобы принадлежащія къ университету лица исполняли свои обязанности; въ чрезвычайныхъ случаяхъ уполномоченъ дѣйствовать всѣми способами, хотя бы превышающими его власть, съ обязательствомъ немедленно доносить о нихъ министру; разрѣшаетъ, въ опредѣленныхъ уставомъ предѣлахъ, представленія по дѣламъ, превышающимъ власть университетовъ, или входитъ по такимъ дѣламъ съ представленіями къ министру; слѣдитъ за внутреннею жизнью университетовъ по подлиннымъ протоколамъ засѣданій совѣтовъ. Однимъ словомъ, по толкованію Министерства, власть попечителя снабжена достаточной силою, чтобы, съ одной стороны, удержать университетъ въ предѣлахъ, обозначенныхъ уставомъ, а съ другой—ходатайствовать объ университетѣ, когда онъ законно выражаетъ желаніе ввести новыя условія для дальнѣйшаго своего развитія, не опредѣленныя уставомъ.

Ближайшее управленіе университетомъ ввѣряется ректору, избираемому изъ ординарныхъ профессоровъ совѣтомъ на 4 года и утверждаемому Высочайшимъ указомъ. Ректоръ имѣетъ ближайшее попеченіе о благоустройствѣ университета, наблюдая за исполненіемъ всѣми служащими въ университетѣ ихъ обязанностей и за правильностью и полнотой преподаванія. Принимая въ чрезвычайныхъ случаяхъ мѣры, превышающія его власть, ректоръ немедленно сообщаетъ о нихъ совѣту, правленію или попечителю по принадлежности.

Средоточіемъ университетской жизни, высшей инстанціей, которой подчинены другіе органы университетскаго управленія, является совѣтъ, подъ предсѣдательствомъ ректора, изъ ординарныхъ и экстраординарныхъ профессоровъ. Съ правомъ совѣщательнаго голоса на засѣданіяхъ совѣта могутъ приглашаться доценты и другіе преподаватели. Окончательному утвержденію совѣта подлежатъ дѣла, касающіяся порядка преподаванія, приготовленія стипендіатовъ къ профессорскому званію, утвержденія въ ученыхъ степеняхъ, присужденія премій и медалей, изданія

ученыхъ трудовъ, постановленій университетскаго суда, финансовой смѣты. На утвержденіе попечителя представляются: мѣры къ усиленію ученой дѣятельности университета, избраніе почетныхъ членовъ, доцентовъ, преподавателей, служащихъ по учебно-вспомогательнымъ учрежденіямъ, по администраціи и хозяйству, избраніе членовъ университетскаго суда, допущеніе приватъ-доцентовъ къ чтенію лекцій, инструкціи для проректора или инспектора, правила для студентовъ, вольнослушателей и другія подобныя дѣла. Наконецъ, къ министру восходятъ дѣла: объ избраніи и увольненіи ректора, декановъ, проректора или инспектора и профессоровъ, о раздѣленіи факультетовъ на отдѣленія, о соединеніи и разъединеніи каѳедръ, объ опредѣленіи обязательныхъ предметовъ, о проектахъ уставовъ ученыхъ обществъ, о правилахъ испытаній на ученыя степени. Протоколы засѣданій совѣта представляются попечителю, годовой отчетъ, печатаемый во всеобщее свѣдѣніе,—министру.

Правленіе университета, состоящее подъ предсѣдательствомъ ректора изъ декановъ и проректора или инспектора, *) вѣдаетъ хозяйство университета, представляя болѣе важныя дѣла на утвержденіе совѣта, попечителя и министра, разбираетъ студенческія дѣла и налагаетъ взысканія на виновныхъ въ случаяхъ, опредѣленныхъ университетскими правилами, предаетъ виновныхъ университетскому суду въ надлежащихъ случаяхъ.

Новымъ учрежденіемъ по уставу 1863 г. является университетскій судъ. Онъ созданъ на началахъ, совершенно отличныхъ отъ устава 1804 г. Министерство объясняло, что духъ современнаго законодательства противится вообще развитію особыхъ привилегированныхъ юрисдикцій и склоняется болѣе къ уничтоженію и ограниченію существующихъ, нежели къ образованію новыхъ особенныхъ судилищъ, въ видѣ изъятій изъ общаго порядка судопроизводства. Судъ университетскій, по существу своему, долженъ простираться только на учащихся и ограничиваться только дѣлами дисциплинарными, т. е. дѣлами о проступкахъ, совершающихся внутри университетской корпораціи и не выходящихъ за ея предѣлы. Опредѣляя только общую идею университетскаго суда и его главные принципы—устность дѣлопроизводства и подчиненіе важнѣйшихъ опредѣленій суда утвер-

---

*) Въ Московскомъ университетѣ полагается еще совѣтникъ по хозяйственной части.

жденію совѣта, уставъ предоставляетъ самимъ университетамъ начертать подробности суда. Совѣтъ ежегодно выбираетъ трехъ судей изъ числа профессоровъ и къ нимъ трехъ кандидатовъ. Одинъ изъ судей долженъ быть непремѣнно юристъ; ему же принадлежитъ предсѣдательство. Полицейская или инспекторская власть вручается, по избранію совѣта, проректору изъ профессоровъ, избираемому на три года, или инспектору изъ постороннихъ чиновниковъ, окончившихъ курсъ университета—безсрочно. Министерство, съ своей стороны, отдавало рѣшительное преимущество проректору изъ профессоровъ, какъ лицу съ большимъ нравственнымъ авторитетомъ.

Ученая и учебная жизнь университета сосредоточивается въ факультетахъ. Деканы выбираются факультетами на три года изъ ординарныхъ профессоровъ. Собранія факультетовъ состоятъ изъ ординарныхъ и экстраординарныхъ профессоровъ. Къ составу факультетовъ принадлежатъ штатные доценты и лекторы и приватъ-доценты. Всѣ они приглашаются въ собранія факультетскія съ правомъ голоса въ случаѣ надобности. Новый уставъ сохраняетъ четыре факультета: историко-филологическій, физико-математическій, юридическій и медицинскій, замѣненный въ С.-Петербургскомъ университетѣ факультетомъ восточныхъ языковъ. Усиленіе ученыхъ силъ факультетовъ явствуетъ изъ слѣдующей таблицы:

	Число каѳедръ по уставу 1835 года.	Число каѳедръ по уставу 1863 года.
Историко-филологическихъ	8	11
Физико-математическихъ	8	12
Юридическихъ . .	7	13
Медицинскихъ . .	10	16
Восточныхъ (въ С.-Петербургѣ)	9	9

Въ общемъ число преподавателей по штату во всѣхъ пяти университетахъ увеличилось на 67%. Суммы на содержаніе музеевъ, библіотекъ, лабораторій, кабинетовъ и другихъ научно-учебныхъ вспомогательныхъ учрежденій въ университетахъ Московскомъ, Харьковскомъ, Казанскомъ и Св. Владиміра увеличены вдвое, а въ С.-Петербургскомъ въ четыре раза.

*

Уставъ удержалъ существовавшіе раньше разряды университетскихъ преподавателей: ординарные и экстраординарные профессоры, доценты, приватъ-доценты, лекторы языковъ. Для сисканія должности профессора необходима степень доктора соотвѣтствующей науки, доцента—степень магистра; для званія приватъ-доцента требуется, сверхъ кандидатской степени, защита особой диссертаціи.

Способы замѣщенія вакантныхъ каѳедръ сохранены прежніе: избраніе въ совѣтѣ абсолютнымъ большинствомъ голосовъ одного изъ кандидатовъ, предложенныхъ факультетомъ, конкурсъ, и, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, непосредственное назначеніе министромъ. По выслугѣ срока на полную пенсію профессора и прочіе преподаватели подвергаются новому избранію въ совѣтѣ для оставленія на службѣ на слѣдующее пятилѣтіе. Званіе заслуженнаго профессора дается за 25 лѣтъ службы штатнымъ преподавателямъ университета. Средствами обезпеченія университетамъ достаточнаго числа способныхъ преподавателей приняты: оставленіе при университетѣ молодыхъ людей для приготовленія къ профессорскому званію, командировки за границу, приватъ-доцентура. Для развитія большей интенсивности ученой дѣятельности университетовъ разрѣшается учрежденіе ученыхъ обществъ. Для обезпеченія матеріальнаго благосостоянія профессоровъ и возвышенія ихъ общественнаго положенія оклады содержанія профессоровъ и других служащихъ увеличены среднимъ числомъ вдвое: между тѣмъ, какъ свидѣтельствовало представленіе Государственному Совѣту, цѣны на всѣ предметы съ 1835 г. увеличились по крайней мѣрѣ втрое; поэтому уставъ разрѣшаетъ дополнить содержаніе профессоровъ изъ суммы, собираемой за слушаніе лекцій. Наконецъ, новымъ уставомъ возвышено служебное положеніе университетскаго сословія: должность ректора отнесена къ IV-му классу, ординарнаго профессора—къ V-му, экстраординарнаго—къ VI-му, доцента—къ VII-му, лекторовъ—къ VIII-му. Пенсіонныя права опредѣляются соотвѣтствующими законоположеніями Свода Законовъ. Порядокъ пріобрѣтенія ученыхъ степеней опредѣленъ въ 9-й главѣ устава лишь въ общихъ чертахъ. Подробности его предположено было разработать въ особомъ положеніи, съ утвержденіемъ послѣдняго министромъ.

По отношенію къ учащимся новый уставъ преслѣдовалъ двѣ главныя цѣли: 1) усилить вліяніе на нихъ ученой корпораціи и возстановить авторитетъ университетской власти, 2) возбудить

и поддержать въ студентахъ интересъ къ самостоятельнымъ занятіямъ наукою.

Вліяніе профессорской корпораціи на студентовъ должно было опираться, по смыслу устава, не только на ея ученый авторитетъ, но также на обширную автономію, ей предоставленную. Власть же университета надъ поведеніемъ студентовъ находила себѣ выраженіе въ университетскомъ судѣ, организація котораго изложена выше. Но, возстановляя корпоративность преподавательской среды, уставъ не даетъ корпоративнаго устройства студентамъ, разсматривая ихъ какъ жителей университетскаго города, подчиненныхъ общей полиціи и имѣющихъ право посѣщать лекціи на извѣстныхъ условіяхъ. На основаніи общихъ правилъ устава каждому университету предоставляется выработать свой дисциплинарный уставъ и опредѣлить всѣ детали внутренняго устройства студенческаго общества. Постороннія лица допускаются къ слушанію университетскихъ лекцій съ обязанностью соблюдать университетскія правила. Плата со студентовъ за слушаніе лекцій установлена: въ столичныхъ университетахъ—по 50 р., въ прочихъ по 40 р. Льготы во взносѣ платы или полное освобожденіе отъ нея даются недостаточнымъ студентамъ и стипендіатамъ *). Для обезпеченія успѣшности въ занятіяхъ студентовъ прежде всего была необходима хорошая подготовка ихъ къ слушанію лекцій. Отвѣтственность за эту подготовку была возложена теперь на гимназіи. Новый уставъ во всей силѣ принялъ постановленіе 1861 г. объ отмѣнѣ пріемныхъ испытаній въ самомъ университетѣ. Въ студенты принимаются всѣ, имѣющіе аттестатъ о знаніи полнаго гимназическаго курса; лица, получившія образованіе домашнее или въ частныхъ училищахъ, подвергаются испытанію въ гимназіяхъ. Но совѣту университета въ случаѣ необходимости предоставлено подвергать поступающихъ новому испытанію по особымъ правиламъ, утверждаемымъ попечителемъ. Чтобы устранить поверхностность и малую основательность занятій, причину которой Министерство усматривало въ слишкомъ большомъ числѣ обязательныхъ факультетскихъ предметовъ, уставъ даетъ право университетскимъ совѣтамъ, съ утвержденія попечителя, раздѣлять

---

*) Всѣхъ постоянныхъ стипендій въ распоряженіи Министерства въ 1863 г. было 590 на сумму 115.932 р.; стипендій другихъ вѣдомствъ, обществъ и частныхъ лицъ—259 на сумму 52.146 р.

факультеты на отдѣленія по мѣстнымъ обстоятельствамъ, педагогическимъ соображеніямъ и имѣющимся средствамъ. Обязательность ученія оставлена, но совѣту дано право опредѣлять кругъ обязательныхъ предметовъ. Богословіе оставлено по прежнему обязательнымъ для всѣхъ студентовъ православнаго вѣроисповѣданія. Но кромѣ этой внѣ-факультетской каѳедры учреждены еще двѣ самостоятельныя: церковной исторіи на историко-филологическомъ факультетѣ и церковнаго права—на юридическомъ. Поощреніемъ къ научнымъ занятіямъ попрежнему остаются медали и стипендіи. Контроль надъ занятіями студентовъ устанавливается совѣтами университетовъ съ утвержденія попечителя и сообразно съ мѣстными условіями. Студенты, выдержавшіе полное испытаніе съ отличнымъ успѣхомъ и представившіе одобренную факультетомъ диссертацію, утверждаются въ первой ученой степени—кандидата, выдержавшіе испытаніе только удовлетворительно и не представившіе диссертаціи получаютъ званіе дѣйствительнаго студента.

Введеніе новаго устава потребовало значительной прибавки суммъ изъ Государственнаго Казначейства. Содержаніе пяти университетовъ по новымъ штатамъ исчислено въ 1.872.439 р., противъ штатовъ 1835 г. болѣе на 884.101 р. 74 к. Эта сумма не выражала всѣхъ потребностей университетовъ, ибо часть необходимыхъ расходовъ отнесена на спеціальныя средства университетовъ. Они составляются изъ сбора за слушаніе лекцій, изъ частныхъ пожертвованій и вообще изъ разныхъ спеціальныхъ источниковъ. Признанныя собственностью университета, они не подлежатъ общимъ правиламъ о финансовыхъ смѣтахъ, и остатки ихъ не могутъ быть отбираемы въ казну, какъ это случилось въ 1860 и 1863 г.

Приведеніе въ дѣйствіе устава 1863 г., допускавшаго разнообразное развитіе общихъ нормъ для каждаго университета, соотвѣтственно мѣстнымъ условіямъ и потребностямъ, потребовало отъ Министерства не только циркулярныхъ разъясненій точнаго смысла разныхъ статей устава, но и такихъ мѣропріятій, которыя давали опредѣленное направленіе развитію той или другой стороны университетской жизни.

Уставъ предоставлялъ совѣту каждаго университета вырабатывать подробныя правила по учебной, административной и дисциплинарной части, изъ которыхъ одни должны были поступать на утвержденіе попечителя, другія—министра. Циркуляромъ

20 іюля 1863 г., предлагая чрезъ попечителей университетамъ приступить къ составленію этихъ правилъ, министръ разъяснилъ, какія начала должны быть «обязательно приняты въ основаніе», и при этомъ просилъ имѣть въ виду, «что весьма желательно воспользоваться настоящимъ случаемъ, чтобы устранить отъ университетовъ самые поводы къ прискорбнымъ событіямъ, подобнымъ тѣмъ, которыя вынуждали прекращеніе чтенія лекцій и закрытіе цѣлыхъ университетовъ, дабы впредь ничто не нарушало обычнаго спокойнаго хода научной дѣятельности университетовъ». Руководясь этой инструкціей, университеты постепенно стали представлять на утвержденіе Министерства подробныя правила, касавшіяся слѣдующихъ сторонъ университетскаго быта: пріема въ студенты и допущенія вольнослушателей, обязанностей учащихся, взысканій за нарушеніе дисциплины, взиманія и распредѣленія спеціальныхъ суммъ, обязанностей проректора или инспектора, контроля надъ занятіями студентовъ, производства испытаній на ученыя степени, раздѣленія факультетовъ на отдѣленія и распредѣленія преподаванія.

Возлагая на университеты заботу о подготовкѣ достаточнаго числа преподавателей, Министерство съ своей стороны сочло нужнымъ принять энергичныя мѣры въ виду того, что наличнаго преподавательскаго состава рѣшительно не хватало для замѣщенія каѳедръ по новому уставу. Выяснилось, что для замѣщенія всѣхъ новыхъ каѳедръ нужно 178 преподавателей, а между тѣмъ изъ числа прежнихъ 265 каѳедръ въ 1863 г. многія были не заняты, другія въ скоромъ времени должны были сдѣлаться вакантными. По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, относившимся къ апрѣлю 1863 г., насчитывалось 22 вакантныхъ каѳедры, а 10 были заняты адъюнктами и частными преподавателями, за неимѣніемъ профессоровъ. Состоявшееся 20 января 1862 г. Высочайшее разрѣшеніе приглашать на службу въ университеты иностранныхъ ученыхъ помочь бѣдѣ также не могло. Единственнымъ средствомъ выйти изъ затруднительнаго положенія Министерство признало командированіе за границу избранныхъ кандидатовъ и магистровъ для усовершенствованія въ ихъ спеціальностяхъ. Въ 1862—1865 г.г. командированы были за границу 84 человѣка и 5 лицамъ назначены пособія для приготовленія въ Россіи. Все предпріятіе потребовало большихъ средствъ: дополненіями къ смѣтамъ 1862 и 1863 г.г. ассигновано по 100.000 рублей, и смѣтами 1864 и 1865 г.г. по 86.000 р. Для наблюденія за занятіями профессор-

скихъ кандидатовъ былъ командированъ за границу Н. И. Пироговъ. Всѣмъ командированнымъ вмѣнено въ обязанность каждые три мѣсяца представлять въ Министерство отчеты для напечатанія ихъ.

4 января 1864 г. министръ утвердилъ новое «Положеніе объ испытаніяхъ на званіе дѣйствительнаго студента и на ученыя степени», замѣнившее положеніе 1844 г. Главнымъ отличіемъ новаго положенія является большая спеціализація магистерскихъ экзаменовъ, имѣющая цѣлью требовать отъ магистранта болѣе глубокихъ и основательныхъ познаній въ избранной имъ спеціальности; поэтому увеличено было число разрядовъ магистровъ и докторовъ: по факультету историко-филологическому—10, по физико-математическому—11, по юридическому—7, по восточному—11; предметы испытаній по каждому разряду раздѣлены па главные и второстепенные; устный экзаменъ на степень доктора отмѣненъ, и для полученія высшей ученой степени обязательна лишь защита диссертаціи, самостоятельнаго ученаго сочиненія.

На университетахъ осталась также обязанность готовить учителей для среднихъ учебныхъ заведеній. Преобразованіе гимназій по уставу 1864 г. обратило особенное вниманіе Министерства на этотъ вопросъ. Учрежденные 20 марта 1860 г. педагогическіе курсы, какъ скоро выяснилъ опытъ, не удовлетворяли своему назначенію, прежде всего по недостаточному числу стипендій. Послѣ обращенія 200 стипендій закрытаго С.-Петербургскаго университета въ обязательныя для слушателей педагогическихъ курсовъ при другихъ университетахъ и послѣ учрежденія новыхъ стипендій для приготовленія учителей западныхъ губерній, въ 1864 г. всѣхъ стипендій для кандидатовъ педагоговъ было 259 на сумму 66.185 р. 70 к.; изъ этихъ стипендій 153 назначались для внутреннихъ губерній и 106 для западнаго края. Въ слѣдующемъ году число стипендій возросло до 290, но, какъ засвидѣтельствовалъ министръ, ихъ было совершенно недостаточно. Вмѣстѣ съ тѣмъ и въ самой организаціи курсовъ были обнаружены важные недостатки: размѣры стипендій оказались очень скудны, программы многопредметны и обременительны, контроль надъ занятіями кандидатовъ недостаточенъ. Въ 1864 г. вопросъ о приготовленіи учителей былъ снова возбужденъ Министерствомъ, и исходнымъ пунктомъ новаго проекта явилась мысль знаменитаго германскаго филолога и педагога Фр. Ричля о

научно-педагогическихъ семинаріяхъ при университетахъ по образцу существующихъ въ Германіи. Обсудивъ мнѣнія историко-филологическаго и физико-математическаго факультетовъ разныхъ университетовъ, попечительскихъ совѣтовъ и нѣкоторыхъ отдѣльныхъ лицъ, Ученый Комитетъ въ началѣ 1865 г. составилъ проектъ «Положенія о приготовленіи учителей для гимназій и прогимназій». 23 марта А. В. Головнинъ испросилъ Высочайшее одобреніе главнымъ основаніямъ этого положенія. Они заключались въ слѣдующихъ статьяхъ: 1) Учрежденіе особаго спеціальнаго заведенія для приготовленія учителей для гимназій и прогимназій признается излишнимъ и дѣло это возлагается на университеты. 2) Приготовленіе къ учительскому званію начинается въ продолженіе университетскаго курса на факультетахъ историко-филологическомъ и физико-математическомъ. Студенты, желающіе посвятить себя педагогической дѣятельности, сверхъ общихъ курсовъ имѣютъ спеціальныя занятія подъ руководствомъ профессора педагогики и нѣкоторыхъ другихъ профессоровъ. 3) Одинъ изъ профессоровъ историко-филологическаго факультета тѣхъ университетовъ, гдѣ находятся стипендіаты, долженъ преподавать имъ педагогику. 4) По окончаніи университетскаго курса учительскіе кандидаты причисляются на одинъ годъ къ гимназіямъ для практическихъ занятій. Это время зачитается имъ въ дѣйствительную службу. 5) За получаемыя стипендіи учительскіе кандидаты обязываются къ учебной службѣ на опредѣленное число лѣтъ. 6) По приведенію всѣхъ стипендій къ одному размѣру, по 360 р. каждая, общее число стипендіатовъ опредѣляется денежными средствами Министерства. Утвердить выработанное на изложенныхъ основаніяхъ положеніе предоставлено было министру. Въ своемъ докладѣ А. В. Головнинъ говорилъ, что введеніе этого положенія не потребуетъ новыхъ расходовъ изъ Государственнаго Казначейства. Но скоро этотъ разсчетъ оказался ошибочнымъ, и министръ былъ вынужденъ просить разрѣшеніе ходатайствовать черезъ Государственный Совѣтъ объ увеличеніи суммъ на стипендіи учительскимъ кандидатамъ. Всѣхъ стипендій въ 1865 г. было 290, на которыя ежегодно подготовлялось отъ 50 до 70 учителей. Между тѣмъ по свѣдѣніямъ Министерства оказывалось: что учительскихъ вакансій среднимъ числомъ открывается до 125, и изъ нихъ до 65 постоянно остаются незанятыми; что для полнаго введенія въ дѣйствіе новаго устава гимназій требуется еще до 300 учителей; что при увеличеніи числа

гимназій по 3 въ годъ для нихъ потребуется еще до 30 учителей ежегодно; что къ концу 10-лѣтія число вакансій достигнетъ 800. Поэтому министръ просилъ объ учрежденіи во всѣхъ университетахъ, кромѣ Дерптскаго, по 50 новыхъ стипендій по 360 руб., всего 300 стипендій на сумму 108.000 руб. Но, не дожидаясь удовлетворенія этого ходатайства, министръ особымъ всеподданнѣйшимъ докладомъ испросилъ 18 марта 1866 г. разрѣшеніе немедленно вводить въ дѣйствіе новое положеніе о приготовленіи учителей въ мѣрѣ имѣющихся денежныхъ средствъ. Выходъ въ отставку А. В. Головнина остановилъ окончательное рѣшеніе всего этого дѣла. Какъ видно изъ сообщенныхъ въ іюнѣ 1866 г. графу Д. А. Толстому замѣчаній Департамента Экономіи Государственнаго Совѣта на представленіе его предшественника, Департаментъ отнесся къ этому представленію отрицательно; по мнѣнію Департамента, при болѣе производительномъ употребленіи имѣющихся у Министерства суммъ число стипендій могло быть увеличено безъ новыхъ ассигнованій, и, во всякомъ случаѣ, этотъ вопросъ долженъ былъ бы разсматриваться въ связи съ проектомъ положенія о приготовленіи учителей. По желанію графа Толстого представленіе А. В. Головнина было возвращено обратно въ Министерство, и положеніе о приготовленіи учителей для гимназій осталось неутвержденнымъ окончательно и неопубликованнымъ.

Въ поясненіе статей устава о пріемѣ въ студенты университетовъ Министерство сдѣлало нѣсколько распоряженій, опредѣлившихъ порядокъ пріема воспитанниковъ среднихъ учебныхъ заведеній другихъ вѣдомствъ. Циркуляромъ 22 августа 1863 г. разрѣшено было воспитанниковъ духовныхъ семинарій, успѣшно окончившихъ курсъ, принимать въ университеты безъ экзамена, такъ какъ курсъ семинарскаго ученія признанъ соотвѣтствующимъ гимназическому. Воспитанниковъ же военно-учебныхъ заведеній циркуляромъ 4 мая 1864 г. предложено подвергать испытанію изъ всѣхъ предметовъ гимназическаго курса.

Новый уставъ, названный «общимъ» уставомъ русскихъ университетовъ, подлежалъ введенію въ пяти университетахъ, изъ которыхъ одинъ, С.-Петербургскій, былъ закрытъ; въ это же время было рѣшено основать Новороссійскій университетъ въ Одессѣ и приступлено къ пересмотру устава Дерптскаго университета. На этихъ трехъ университетахъ должны были сосредоточиться особенныя заботы Министерства наряду съ общими мѣрами по введенію новаго устава.

Вступивъ въ управленіе Министерствомъ, А. В. Головнинъ поспѣшилъ образовать особую комиссію подъ предсѣдательствомъ П. А. Плетнева для обсужденія вопросовъ, возбужденныхъ временнымъ закрытіемъ С.-Петербургскаго университета. На основаніи заключенія этой комиссіи и мнѣнія попечителя генерала Филипсона министръ въ январѣ 1862 г. доложилъ въ Совѣтѣ Министровъ о необходимости слѣдующихъ мѣръ: для управленія С.-Петербургскимъ университетомъ, впредь до открытія его по новому уставу, учредить временную комиссію изъ членовъ по назначенію Министерства; восточный факультетъ, въ виду необходимости его для практическихъ цѣлей государства, возстановить подъ названіемъ Восточнаго Института; профессоровъ и преподавателей прочихъ факультетовъ причислить къ Министерству съ сохраненіемъ содержанія; лицъ, завѣдующихъ учебно-вспомогательными учрежденіями, оставить въ ихъ должностяхъ; отпускать въ вѣдѣніе временной комиссіи штатныя и другія суммы, опредѣленныя на содержаніе университета; профессорскимъ стипендіатамъ, прибывшимъ изъ-за границы для замѣщенія каѳедръ, производить адъюнктское содержаніе до дѣйствительнаго опредѣленія ихъ къ должностямъ; бывшихъ студентовъ 4-го курса допустить къ окончательнымъ экзаменамъ въ особомъ испытательномъ комитетѣ. 25 января всѣ эти предположенія были Высочайше утверждены съ двумя лишь измѣненіями: разрѣшено открыть восточный факультетъ подъ тѣмъ же именемъ, и милость, испрашиваемую для студентовъ 4-го курса, распространить и на студентовъ 3-го курса. Затѣмъ Высочайшими повелѣніями 11 іюня 1862 г. и 18 іюня 1863 г. были открыты прочіе факультеты университета на основаніи новаго устава

Мысль о замѣнѣ Ришельевскаго лицея въ Одессѣ университетомъ появилась уже давно. Въ 1856 г. попечитель Одесскаго округа Н. И. Пироговъ представилъ Министерству записку о преобразованіи лицея въ университетъ съ тремя факультетами: историко-филологическимъ, физико-математическимъ и медицинскимъ. Затѣмъ бывшій Новороссійскій генералъ-губернаторъ графъ Строгановъ представилъ Государю свой проектъ Новороссійскаго университета съ двумя факультетами: юридическимъ и камерально-агрономическимъ. Но осуществленіе обоихъ проектовъ не могло быть согласовано съ денежными средствами лицея, и министръ графъ Путятинъ остановилъ это дѣло до разрѣшенія вопроса объ увеличеніи смѣтныхъ суммъ Министерства. Въ началѣ 1862 г.

явилось новое предположенiе объ основанiи университета въ Николаевѣ, вызванное передачей въ распоряженiе Министерства обширныхъ зданiй морскаго вѣдомства и нѣкоторыхъ учебно-вспомогательныхъ учрежденiй упраздненной штурманской роты. Но это предположенiе было скоро оставлено въ виду того, что общественное мнѣнiе на югѣ Россiи высказалось противъ него, и 10 iюня 1862 г. А. В. Головнинъ испросилъ въ Совѣтѣ Министровъ Высочайшее повелѣнiе о преобразованiи Ришельевскаго лицея въ Одессѣ въ университетъ на основанiи общаго университетскаго устава, по утвержденiи послѣдняго. Но мнѣнiемъ Государственнаго Совѣта 2 сентября 1863 г. было рѣшено отложить учрежденiе Новороссiйскаго университета по соображенiямъ финансовымъ и политическимъ и предоставить министру войти въ Государственный Совѣтъ съ новымъ представленiемъ весной слѣдующаго года. При окончательномъ разсмотрѣнiи дѣла въ Департаментахъ и Общемъ Собранiи Государственнаго Совѣта представленiе министра не встрѣтило особенно важныхъ возраженiй, кромѣ одного пункта—примѣненiя къ новому университету общаго устава 1863 г. Въ представленiи испрашивалось министру право: 1) замѣщать по его выбору должности ректора и декановъ изъ наличныхъ преподавателей университета, 2) разрѣшать временно и нѣкоторыя другiя отступленiя отъ устава, вызываемыя неустановившимся положенiемъ новаго университета. Государственный Совѣтъ возразилъ, что предоставленiе министру такихъ правъ являлось бы нарушенiемъ коренныхъ основанiй нашего законодательства, по которымъ мѣры, утвержденныя Верховной властью, могутъ быть ею же только и отмѣняемы. На это министръ отвѣтилъ, что, при невозможности организовать по выборному началу какое бы то ни было учрежденiе при самомъ основанiи его, неизбѣжнымъ является вмѣшательство административной власти для первоначальнаго замѣщенiя должностей. Другiя возраженiя Государственнаго Совѣта касались нѣкоторыхъ статей штата и времени открытiя университета.

11 iюля 1864 г. указомъ Правительствующему Сенату повелѣно было открыть съ 1 мая 1865 г. въ Одессѣ, взамѣнъ Ришельевскаго лицея, Новороссiйскiй университетъ съ историко-филологическимъ, физико-математическимъ и юридическимъ факультетами на основанiи общаго устава университетовъ и штатовъ временнаго и постояннаго. Министру разрѣшено было на первый разъ избрать по собственному усмотрѣнiю ректора и

декановъ, назначить профессоровъ, доцентовъ и опредѣлить чиновниковъ, утвержденіе которыхъ въ должностяхъ зависитъ по уставу отъ него; опредѣленіе же прочихъ служащихъ предоставлено попечителю округа. Временной штатъ университета опредѣленъ въ 167.400 руб. и нормальный въ 213.550 руб. *) [181]).

Съ преобразованіемъ Ришельевскаго лицея въ Новороссійскій университетъ остались въ вѣдѣніи Министерства два высшія учебныя заведенія подъ названіемъ лицеевъ—Ярославскій Демидовскій и Нѣжинскій князя Безбородко, существовавшіе на основаніи уставовъ 1845 и 1840 г.г. Министерству А. В. Головнина пришлось засвидѣтельствовать полный упадокъ обоихъ лицеевъ: количество поступающихъ воспитанниковъ было ничтожно, составъ преподавателей слабъ и недостаточенъ, средства содержанія крайне скудны. Причины упадка лицеевъ, по мнѣнію Министерства, заключались въ особомъ ихъ устройствѣ: они не имѣли научнаго или практическаго значенія, занимая какое то среднее мѣсто между университетами и гимназіями и не принадлежа вполнѣ ни къ разряду среднихъ, ни къ разряду высшихъ учебныхъ заведеній. Различныя предположенія о преобразованіи обоихъ лицеевъ сводились къ двумъ главнымъ: по одному ихъ слѣдовало превратить въ спеціальныя юридическія школы съ практическимъ направленіемъ, по другому—въ высшія училища технологическое и агрономическое. Признавая въ принципѣ полезнымъ преобразованіе лицеевъ въ высшія юридическія или техническія школы, Министерство не могло приступить къ нему по отсутствію денежныхъ средствъ и остановилось на мысли, сохранивъ за лицеями настоящее ихъ наименованіе, устроить ихъ по образцу и штату классическихъ гимназій съ двумя древними языками. Но и этотъ проектъ остался неосуществленнымъ, и преобразованіе лицеевъ совершилось при слѣдующемъ министрѣ графѣ Д. А. Толстомъ.

Изъ высшихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній, состоявшихъ въ вѣдомствѣ Министерства народнаго Просвѣщенія, ожидали преобразованія ветеринарныя училища въ Дерптѣ и Харьковѣ. Это дѣло началось еще въ 1857 г. и, на основаніи матеріаловъ, собранныхъ Министерствомъ и доставленныхъ особымъ комитетомъ по преобразованію ветеринарной части въ Россіи, Ученымъ Коми-

---

*) О преобразованіи Дерптскаго университета см. ниже.

тетомъ въ концѣ 1863 г. былъ составленъ проектъ новаго устава и штатовъ обоихъ ветеринарныхъ училищъ, соображенный также съ новымъ университетскимъ уставомъ. Особенное вниманіе Министерство обратило на то, чтобы создать разсадники не только ученыхъ спеціалистовъ-ветеринаровъ, не встрѣчающихъ довѣрія со стороны темной народной массы, но также простыхъ фельдшеровъ, вышедшихъ изъ народа, способныхъ замѣнить собою нынѣшнихъ знахарей и коноваловъ и сдѣлаться посредниками между народомъ съ его промышленностью и врачемъ съ его наукою. Но реформа ветеринарныхъ училищъ осуществилась также въ слѣдующую эпоху.

Имѣя въ своемъ вѣдѣніи нѣсколько спеціальныхъ учебныхъ заведеній, Министерство доселѣ не принимало систематическихъ мѣръ къ утвержденію въ Россіи на широкихъ началахъ высшаго техническаго и реальнаго образованія. А. В. Головнинъ возбудилъ этотъ вопросъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ 7 сентября 1865 г. «Для удовлстворенія современнымъ потребностямъ высшаго техническаго и реальнаго образованія», писалъ онъ, «желательно учредить въ разныхъ мѣстахъ Имперіи нѣсколько училищъ сего рода, подобно тому, какъ въ царствованіе Государя Александра Павловича было учреждено почти одновременно нѣсколько университетовъ. Успѣхъ Политехнической школы во Франціи и отличные результаты, достигнутые въ Германіи заведеніями, подобными этой знаменитой школѣ, ясно доказываютъ пользу подобныхъ заведеній. У насъ же, при предстоящей необходимости въ ученыхъ механикахъ для желѣзныхъ дорогъ, для внутренняго и морского пароходства, заведенія эти совершенно необходимы. Въ случаѣ одобренія этой мысли, она должна быть подробно разработана, составлены необходимые денежные разсчеты и проекты уставовъ, заблаговременно приготовлены профессора и преподаватели» [182]).

V.

Въ области средняго образованія А. В. Головнину предстояло вести реформу далѣе съ того пункта, на которомъ она остановилась при Е. П. Ковалевскомъ. Но прежде необходимо перечислить тѣ мѣропріятія Министерства, которыя имѣли цѣлью удовлетворить

неотложныя текущія потребности средняго образованія, а вмѣстѣ съ тѣмъ восполнить матеріалы для общей реформы. Въ теченіе 1862 и 1863 г.г. были командированы, съ Высочайшаго разрѣшенія, въ разныя губерніи члены Главнаго Правленія Училищъ Постельсъ, Могилянскій и Вороновъ, для всесторонняго изслѣдованія нуждъ и недостатковъ гимназій. Отчеты этихъ ревизоровъ, напечатанные по распоряженію Министерства, дали весьма важныя указанія для составленія проекта устава гимназій и прогимназій и послужили поводомъ къ нѣкоторымъ административнымъ мѣрамъ.

Той же цѣли выясненія недостатковъ школьной администраціи, педагогики и дисциплины должны были служить съѣзды педагоговъ: частные съѣзды преподавателей одного какого нибудь предмета, или общіе съѣзды директоровъ и инспекторовъ гимназій и преподавателей разныхъ предметовъ. Первый съѣздъ естествоиспытателей и учителей естественныхъ наукъ, по иниціативѣ профессора Кесслера, происходилъ въ Кіевѣ лѣтомъ 1861 г. Послѣ того были разрѣшены Министерствомъ: въ 1862 г. въ Кіевѣ—второй съѣздъ естествоиспытателей и учителей естественныхъ наукъ, въ 1863 г. въ Кіевѣ же—съѣздъ учителей русскаго языка и словесности, въ 1864 г. два общіе окружные съѣзда директоровъ и учителей гимназій въ Митавѣ и Одессѣ. Эти опыты, по оффиціальному свидѣтельству Министерства, неоспоримо доказали пользу подобныхъ съѣздовъ: «на нихъ, благодаря свободному обмѣну мнѣній, выясняются и устанавливаются правильные взгляды на способы преподаванія, дисциплинарныя и административныя мѣры и другіе вопросы школьной администраціи, педагогики и дидактики. Окружное начальство, пользуясь съѣздомъ, имѣетъ возможность оказать свое непосредственное вліяніе на преподавателей и директоровъ и разъяснить имъ необходимость тѣхъ или другихъ мѣръ и улучшеній гораздо удобнѣе, чѣмъ съ помощью циркуляровъ и предписаній. Присутствующіе на съѣздѣ родители и другія стороннія лица знакомятся съ дѣятельностью и взглядами педагогическаго сословія и заинтересовываются вопросами воспитанія, что въ особенности важно у насъ, гдѣ до сихъ поръ общество слишкомъ мало заботится о томъ, что совершается въ школѣ. Наконецъ, педагогическіе съѣзды производятъ благотворное оживляющее вліяніе на учителей. При обособленности нашихъ училищъ самый ревностный учитель легко можетъ впасть въ односторонность и рутину, если ему не пре-

доставить время отъ времени возможности ознакомиться со взглядами и дѣятельностью другихъ учителей, провѣрить свой опытъ опытомъ товарищей и освѣжить свои знанія свободнымъ обмѣномъ мысли съ собратьями по труду».

Выясненныя различными путями нужды и недостатки гимназій потребовали безотлагательныхъ мѣръ, независимо отъ общей реформы. Переполненіе учениками всѣхъ классовъ гимназій, особенно низшихъ, указывало на необходимость учрежденія новыхъ гимназій и устройство параллельныхъ классовъ. Къ концу 1861 г. въ вѣдѣніи Министерства находились: 83 гимназіи, 3 дворянскихъ института, 7 прогимназій въ сѣверо-западныхъ и остзейскихъ губерніяхъ, Рыцарское Домское училище въ Ревелѣ, всего 94 среднихъ учебныхъ заведеній. Въ теченіи 1862—1864 г.г. вновь учреждено 8 новыхъ гимназій, 1 прогимназія и коммерческое училище въ Одессѣ; временно закрыты по политическимъ соображеніямъ въ западномъ краѣ 3 гимназіи, 3 прогимназіи и Виленскій дворянскій институтъ и по недостатку средствъ Пензенскій дворянскій институтъ. Кромѣ открытія новыхъ гимназій, другимъ средствомъ удовлетворенія развивающихся образовательныхъ потребностей общества было открытіе параллельныхъ классовъ, предусмотрѣнное уставомъ 1828 г. Между тѣмъ съ теченіемъ времени полученіе необходимыхъ для этого средствъ все болѣе затруднялось. До 1847 г. параллельные классы при гимназіяхъ открывались на средства Государственнаго Казначейства, по особымъ каждый разъ положеніямъ Комитета Министровъ. Но съ 1847 г., по затруднительному положенію Государственнаго Казначейства, ходатайства Министерства встрѣчали все больше и больше препятствій, и наконецъ, послѣ отобранія въ казну, по указу 1860 г., экономическихъ и запасныхъ капиталовъ учебныхъ заведеній Министерство вовсе лишилось возможности открывать параллельные классы на свои средства. Предоставленное въ 1863 г. попечителямъ учебныхъ округовъ право повышать, сообразно съ мѣстными условіями, плату за ученье не могло значительно усилить спеціальныхъ средствъ гимназій. Между тѣмъ переполненіе классовъ (по 80-100 человѣкъ) крайне вредно отражалось на правильномъ ходѣ занятій. Изъ представленій попечителей учебныхъ округовъ оказалось, что въ 1863 г. на устройство параллельныхъ классовъ потребно 84.186 р. 40 к. и въ 1864 г.— 174.441 р. 45 к. Тогда министръ внесъ въ Государственный Совѣтъ представленіе объ экстраординарныхъ кредитахъ на

устройство параллельныхъ классовъ при гимназіяхъ. 21 октября 1863 г. Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта разрѣшено было отпустить на этотъ годъ 40.000 р. экстраординарнымъ кредитомъ и внести въ смѣту Министерства на 1864 г. особымъ кредитомъ сумму не свыше 100.000 р. На эти средства въ 1863 и 1864 г.г. было открыто 89 параллельныхъ классовъ по всѣмъ предметамъ, 6 параллельныхъ классовъ по нѣкоторымъ предметамъ и 2 приготовительныхъ класса.

Всѣ эти мѣры были далеко недостаточны. Многіе населенные и богатые города вовсе не имѣли среднихъ учебныхъ заведеній. Но дальнѣйшее развитіе сѣти гимназій могло идти успѣшно, по мнѣнію Министерства, лишь при матеріальной поддержкѣ заинтересованныхъ общественныхъ классовъ. «Правительство», сказано въ «Обзорѣ дѣятельности Министерства за 1862-1864 годы», «уже много сдѣлало пожертвованій въ пользу средняго образованія и теперь не перестаетъ ихъ дѣлать. Пора принять въ этомъ дѣлѣ участіе и нашему обществу, которое извлекаетъ изъ учебныхъ заведеній непосредственную для себя пользу». Министерство указывало на достойный подражанія примѣръ городовъ Риги, Керчи, Одессы, основавшихъ и содержавшихъ на свои средства среднія учебныя заведенія.

Матеріальная поддержка гимназіямъ со стороны дворянства въ 30-хъ и 40-хъ годахъ выражалась, главнымъ образомъ, въ устройствѣ и содержаніи благородныхъ пансіоновъ. Но эта ревность дворянства постепенно ослабѣвала, взносы опредѣленныхъ суммъ поступали крайне неисправно, довѣріе общества къ закрытымъ учебнымъ заведеніямъ ослабѣло, и число своекоштныхъ пансіонеровъ уменьшалось. Къ концу 1861 г. числилось всего 48 пансіоновъ, въ томъ числѣ 3 дворянскіе института. Черезъ три года осталось 38 пансіоновъ при гимназіяхъ и 1 дворянскій институтъ. Своекоштные воспитанники составляли 43% общаго числа пансіонеровъ, и большая часть пансіоновъ получила характеръ благотворительныхъ заведеній. Министерство вынуждено было даже поставить вопросъ о закрытіи благородныхъ пансіоновъ по недостатку средствъ ихъ содержанія. Въ 1862 г. противъ пансіоновъ высказался попечитель С.-Петербургскаго округа. Излагая невыгоды воспитанія въ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ и невозможность содержать пансіонеровъ на настоящія денежныя средства пансіоновъ, онъ предложилъ рядъ мѣръ къ уменьшенію

состава пансіоновъ въ С.-Петербургѣ. Прибѣгнуть же къ радикальной мѣрѣ, совершенному упраздненію пансіоновъ, попечитель считалъ невозможнымъ «по неукоренившимся еще здравымъ понятіямъ о воспитаніи». Главное Правленіе Училищъ согласилось съ нѣкоторыми предположеніями, высказанными попечителемъ. Послѣ того Министерство истребовало отъ всѣхъ попечителей мнѣнія о пансіонахъ. Отвѣты получились разные: одни попечители, находя, что пансіоны, какъ воспитательныя учрежденія, не отвѣчаютъ своей цѣли, высказались за закрытіе ихъ; другіе, напротивъ, считали необходимымъ и полезнымъ поддержаніе пансіоновъ. Главное Правленіе Училищъ пришло къ заключенію, что существованіе закрытыхъ учебныхъ заведеній, при всѣхъ ихъ недостаткахъ, необходимо и что упраздненіе пансіоновъ, въ видѣ общей мѣры, должно быть допущено лишь въ силу полнаго недостатка денежныхъ средствъ. Поэтому положеніемъ, Высочайше утвержденнымъ 1 іюля 1863 г., рѣшено было принять рядъ мѣръ, которыя поддерживали бы явно падавшія заведенія: побудить дворянскія общества къ исправному платежу опредѣленныхъ суммъ, возвысить плату за воспитанниковъ или соотвѣтственно уменьшить число вакансій, допустить пріемъ въ пансіоны дѣтей священнослужителей, почетныхъ гражданъ и купцовъ первыхъ двухъ гильдій.

Наблюденія попечителей, ревизіи членовъ Главнаго Правленія Училищъ, педагогическіе съѣзды открыли много недостатковъ въ составѣ учительскаго персонала, въ преподаваніи отдѣльныхъ предметовъ и въ школьной дисциплинѣ. Послѣдній вопросъ особенно тревожилъ правительство, какъ видно изъ «Обзора дѣятельности Министерства въ 1862—1864 годахъ»: «распространившіяся въ нашемъ обществѣ разныя уродливыя соціальныя и политическія теоріи не могли не проникнуть въ сферу домашняго и общественнаго воспитанія и не произвести на нее вреднаго вліянія. Отрицательное направленіе, отразившееся, между прочимъ, и на педагогической литературѣ, произвело страшную путаницу понятій не только у родителей, но даже у многихъ наставниковъ и воспитателей общественныхъ учебныхъ заведеній и имѣло слѣдствіемъ общій упадокъ школьной дисциплины. Вслѣдствіе этихъ неблагопріятныхъ условій, не говоря уже объ учебныхъ заведеніяхъ западнаго края, пришедшихъ въ совершенное разстройство по причинѣ тамошнихъ политическихъ безпорядковъ, и въ чисто русскихъ гимназіяхъ явились весьма прискорбные признаки

разстройства нравственно-воспитательной части». Устранить всѣ эти недостатки внутренней жизни среднихъ учебныхъ заведеній или, по крайней мѣрѣ, ослабить ихъ вредное дѣйствіе долженъ былъ новый уставъ.

Составленный и напечатанный при Е. П. Ковалевскомъ въ 1860 г. «Проектъ устава низшихъ и среднихъ училищъ» былъ переработанъ по оффиціальнымъ и частнымъ отзывамъ и замѣчаніямъ въ Ученомъ Комитетѣ, и въ 1862 г. явился новый «Проектъ устава общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній». Основныя положенія новой постановки реформы были слѣдующія: наши низшія и среднія училища должны имѣть характеръ общеобразовательный; всѣ общеобразовательныя учебныя заведенія сосредоточиваются въ одномъ вѣдомствѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія; обращается особенное вниманіе на приготовленіе способныхъ воспитателей и учителей, съ предоставленіемъ имъ правъ, соразмѣрныхъ съ важностью ихъ обязанностей; каждому учебному заведенію предоставляется возможность самодѣятельно совершенствоваться въ учебномъ и воспитательномъ отношеніи. Главною задачею всѣхъ учебныхъ заведеній поставляется воспитаніе человѣка, т. е. гармоническое развитіе его нравственныхъ, умственныхъ и физическихъ силъ, и преподаваніе должно имѣть одну эту формальную цѣль. Учебныя заведенія раздѣляются на три разряда: народныя училища, прогимназіи и гимназіи. Въ прогимназіяхъ, въ 4-хъ классахъ, преподаются: Законъ Божій, русскій языкъ, исторія, естествовѣдѣніе съ географіей, математика, французскій и нѣмецкій языки, чистописаніе, черченіе и рисованіе. Гимназіи, въ составѣ 4-хъ классовъ, служащія для продолженія общаго образованія и готовящія къ высшему спеціальному образованію, раздѣляются на филологическія съ двумя древними языками и реальныя съ латинскимъ языкомъ. Гимназіямъ реальнымъ дается перевѣсъ учрежденіемъ ихъ въ большемъ количествѣ. Этотъ второй проектъ былъ также подвергнутъ самому широкому и гласному обсужденію и въ переводахъ сообщенъ нѣкоторымъ ученымъ и педагогамъ Германіи, Франціи и Англіи. Поступившіе въ Министерство 365 отзывовъ (110 отъ университетовъ и педагогическихъ совѣтовъ и 225 отъ частныхъ лицъ) были напечатаны въ шести томахъ, а затѣмъ составленъ и напечатанъ систематическій сводъ этихъ отзывовъ; изъ-за границы было получено 42 отзыва, напечатанныхъ отдѣльнымъ томомъ. Какъ и слѣдовало ожидать, полемика по вопросу о гимназіяхъ сосредо-

точилась по преимуществу на одномъ пунктѣ, на преимуществахъ классицизма и реализма. Обѣ стороны соглашались, что среднія учебныя заведенія должны давать общее образованіе, и не могли придти къ соглашенію относительно того, какая школа лучше достигаетъ этой цѣли, классическая или реальная. Защитники классицизма отстаивали значеніе древнихъ языковъ, какъ лучшаго орудія формальнаго развитія учениковъ, и въ изученіи духовной стороны классическаго міра видѣли надежное средство укрѣпленія нравственныхъ идеаловъ юношества. Главнымъ недостаткомъ реальной школы они попрежнему считали односторонній утилитаризмъ, способность ея «приготовлять изъ учащихся не людей съ нравственными убѣжденіями, а безжизненные складочные магазины, болѣе или менѣе наполненные грузомъ разнаго рода знаній». Сторонники реализма съ своей стороны возражали, что формальныя цѣли образованія могутъ быть достигнуты и помимо преобладанія древнихъ языковъ; крайности же односторонняго, утилитарнаго направленія, по ихъ мнѣнію, не должны были компрометировать той серьезной мысли, что общее образованіе не можетъ быть оторвано отъ реальныхъ потребностей жизни, что задача общей школы—готовить къ жизненному труду. Ученый Комитетъ стремился примирить своимъ проектомъ обѣ враждующія стороны, но принятая имъ примирительная система, по справедливому замѣчанію историка средняго образованія въ Россіи, никого не удовлетворила: курсъ гимназіи съ двумя древними языками находили недостаточно классическимъ, курсъ гимназіи реальной—недостаточно реальнымъ. На основаніи этого огромнаго матеріала мнѣній и отзывовъ Ученый Комитетъ въ 1863 г. составилъ третій «Проектъ устава гимназій и прогимназій». На этотъ разъ гимназіи раздѣлены на «общія» съ латинскимъ языкомъ и классическія съ обоими древними языками. Прогимназіи соотвѣтствуютъ первымъ четыремъ классамъ гимназій. Исправленный Главнымъ Правленіемъ Училищъ проектъ 27 февраля 1864 г. внесенъ былъ въ Государственный Совѣтъ, который сдѣлалъ различныя замѣчанія, удостоившіяся Высочайшаго одобренія и побудившія Министерство передѣлать еще разъ свой проектъ. Наконецъ, послѣ вторичнаго разсмотрѣнія Государственнымъ Совѣтомъ, уставъ гимназій и прогимназій былъ Высочайше утвержденъ 19 ноября 1864 г., вмѣстѣ съ указомъ Правительствующему Сенату о введеніи новаго устава въ учебныхъ округахъ: С.-Петербургскомъ, Московскомъ, Казанскомъ, Харьков-

скомъ, Одесскомъ, Кіевскомъ, Виленскомъ и въ Сибири. Новый уставъ утвердилъ принципъ дуализма въ системѣ средняго образованія, предоставляя времени и опыту окончательное разрѣшеніе спора между классицизмомъ и реализмомъ. Министерство пояснило, что достигнуть основательности гимназическаго курса «возможно только при утвержденіи двоякаго рода гимназій, чисто классическихъ и неклассическихъ, съ большимъ развитіемъ въ сихъ послѣднихъ новыхъ языковъ и наукъ, изученіе которыхъ такъ настоятельно требуется духомъ времени. Другого рѣшенія этой дилеммы нѣтъ и быть не можетъ у насъ безъ вреда для классическаго образованія или безъ ущерба для общественныхъ интересовъ, и въ томъ и въ другомъ случаѣ безъ очевиднаго риска попасть на прежнюю ложную дорогу поверхностнаго энциклопедическаго ученія. Затѣмъ время лучше всего покажетъ, какія гимназіи на дѣлѣ окажутся у насъ, по нашимъ средствамъ, болѣе возможными и болѣе полезными; какія должны получить преобладаніе или и совершенный перевѣсъ; теперь же главное дѣло—поставить гимназіи на прочномъ фундаментѣ основательнаго и серьезнаго ученія». Основныя положенія реформы заключались въ слѣдующихъ постановленіяхъ устава.

«Гимназіи имѣютъ цѣлью доставить воспитывающемуся въ нихъ юношеству общее образованіе и вмѣстѣ съ тѣмъ служатъ приготовительными заведеніями для поступленія въ университетъ и другія высшія спеціальныя училища. По различію предметовъ, содѣйствующихъ общему образованію, и по различію цѣлей гимназическаго обученія гимназіи раздѣляются на классическія и реальныя. Кромѣ гимназій, тамъ, гдѣ представится надобность и возможность, а также въ мѣстахъ, не имѣющихъ гимназій, могутъ быть учреждаемы прогимназіи, въ составѣ 4-хъ низшихъ классовъ гимназіи, раздѣляющіяся на классическія и реальныя. Учрежденіе гимназій и прогимназій съ классическимъ и реальнымъ курсомъ предоставляется ближайшему усмотрѣнію Министра Народнаго Просвѣщенія». Къ этимъ основнымъ положеніямъ, устанавливающимъ два типа средней школы, въ примѣчаніи къ § 39 сдѣлано было важное дополненіе: «преподаваніе латинскаго языка вводится немедленно во всѣхъ классическихъ гимназіяхъ, а греческаго постепенно, по мѣрѣ приготовленія учителей этого языка». Итакъ, наряду съ двумя основными типами гимназій долженъ былъ временно существовать третій—гимназіи съ однимъ латинскимъ языкомъ. Вслѣдствіе этого явилось три отдѣльныхъ

учебныхъ плана гимназіи, различіе которыхъ явствуетъ изъ нижеслѣдующей таблицы:

Предметы.	Гимназія съ двумя древними языками.	Гимназія съ однимъ древнимъ языкомъ.	Гимназія реальная.
	Число недѣльныхъ уроковъ по одному часу въ каждомъ.		
Законъ Божій	14	14	14
Русскій языкъ и словесность	24	24	25
Латинскій языкъ	34	39	—
Греческій языкъ	24	—	—
Французскій или нѣмецкій языки.	19	франц. яз. 19 нѣмецк. яз. 19	22 24
Математика	22	22	25
Исторія.	14	14	14
Географія	8	8	8
Естественная исторія. . .	6	6	23
Физика и космографія . .	6	6	9
Чистописаніе, рисованіе и черченіе	13	13	20
	184	184	184

Проводя начало равенства въ организаціи обоихъ типовъ гимназіи, уставъ только въ одномъ изъ послѣднихъ параграфовъ (122-мъ) устанавливаетъ самое существенное между ними различіе: свидѣтельства объ окончаніи полнаго курса классическихъ гимназій открываютъ ихъ питомцамъ двери университета; свидѣтельства же объ окончаніи полнаго курса реальныхъ гимназій лишь принимаются въ соображеніе при поступленіи въ высшія спеціальныя училища на основаніи ихъ уставовъ.

Уставъ умалчиваетъ о дополнительныхъ курсахъ законовѣдѣнія и разныхъ реальныхъ наукъ, предположенныхъ предыду-

щимъ проектомъ, но, согласно § 41, «въ гимназіяхъ и классическихъ и реальныхъ сообщается ученикамъ высшаго класса передъ выпускомъ директоромъ или, по его выбору, инспекторомъ или однимъ изъ учителей въ краткомъ изложеніи по особо составленному, по распоряженію Министерства, учебнику или руководству понятіе о нашемъ государственномъ устройствѣ, объ основныхъ законахъ Имперіи, касающихся верховной власти, о значеніи разныхъ присутственныхъ мѣстъ и о главныхъ законахъ гражданскихъ и уголовныхъ».

Непосредственное управленіе гимназіей ввѣрено директору, инспектору и педагогическому совѣту, вліяніе котораго усилено и точно опредѣлено. Сословіямъ и обществамъ, содержащимъ на свой счетъ гимназіи, прогимназіи или пансіоны при нихъ, предоставлено право избирать на 3 года почетнаго попечителя, обязаннаго заботиться о матеріальномъ благосостояніи учебныхъ заведеній.

Въ положеніе педагогическаго персонала введены два главныхъ улучшенія: всѣ преподаватели наукъ и языковъ сравнены между собою въ служебныхъ правахъ; получаемое ими вознагражденіе увеличено на 50—100%, и размѣръ этого вознагражденія теперь обусловленъ единственно количествомъ труда или числомъ преподаваемыхъ уроковъ. Кромѣ того преподавателямъ предоставлены нѣкоторыя другія матеріальныя выгоды: особое вознагражденіе за исправленіе должностей секретаря педагогическаго совѣта и библіотекаря, право получать пособія изъ суммъ, собираемыхъ за ученье, право содержать у себя пансіонеровъ.

Новый уставъ совершенно свободенъ отъ сословныхъ тенденцій прежняго времени. «Въ гимназіи и прогимназіи обучаются дѣти всѣхъ состояній, безъ различія званія и вѣроисповѣданія», и пріемъ учениковъ обусловленъ исключительно пріемными испытаніями. Правила пріемныхъ, переводныхъ и окончательныхъ испытаній составляются попечительскими совѣтами, на основаніи мнѣній педагогическихъ совѣтовъ гимназій и прогимназій округа, и утверждаются попечителями. Размѣръ платы за ученье опредѣляется педагогическими совѣтами и утверждается Министромъ. Правила дисциплины составляются педагогическими совѣтами, причемъ высшей степенью взысканія является исключеніе изъ заведенія по приговору совѣта. Окончившіе курсъ гимназій или четвертаго класса гимназіи не подвергаются испытанію на первый классный чинъ. Окончившіе курсъ гимназій съ отличіемъ

опредѣляются въ гражданскую службу безъ различія состоянія, съ чиномъ 14-го класса.

Упадокъ школьной дисциплины и нѣкоторая нравственная деморализація учащихся, отмѣченные попечителями и ревизорами, не вызвали внесенія въ уставъ какихъ либо особенныхъ мѣръ. Въ 1865 г., жалуясь на равнодушіе общества къ дѣлу воспитанія, Министерство высказало взглядъ, что «гимназія есть заведеніе собственно учебное, а не воспитательное. Ученики большую часть дня проводятъ дома, а потому домашнее вліяніе, отражающееся на нихъ, обыкновенно пересиливаетъ то вліяніе, которое на нихъ могутъ имѣть преподаватели и начальство гимназіи. Слѣдовательно главная воспитательная сила заключается въ родителяхъ, родственникахъ или опекунахъ учащихся, а потому какія бы средства ни были придуманы со стороны учебнаго начальства къ огражденію учащихся отъ всевозможныхъ вредныхъ вліяній, которымъ они могутъ подвергаться, особенно на частныхъ квартирахъ, средства эти окажутся дѣйствительными только въ томъ лишь случаѣ, когда сами родители, родственники или опекуны учащихся примутъ непосредственное и живое участіе въ заботахъ начальства гимназій о нравственности обучающагося молодого поколѣнія». Поэтому улучшеніе воспитательной части гимназій выразилось въ томъ, что вмѣсто прежнихъ надзирателей, отъ которыхъ не требовалось ни высшаго научнаго, ни педагогическаго образованія и которые получали самое ничтожное вознагражденіе, положено имѣть при гимназіяхъ и пансіонахъ воспитателей изъ лицъ, окончившихъ университетскій курсъ, которые сравнены въ служебныхъ правахъ и преимуществахъ съ преподавателями гимназій.

На новыя основанія поставлено устройство пансіоновъ при гимназіяхъ и прогимназіяхъ. Они предназначены только для учениковъ прогимназій и низшихъ четырехъ классовъ гимназій. За исключеніемъ особо уважительныхъ случаевъ, ученики при переходѣ въ 5-й классъ выбываютъ изъ пансіона. Содержатся пансіоны на суммы Государственнаго Казначейства, пожертвованія мѣстныхъ сословій, обществъ и частныхъ лицъ, на счетъ платы за пансіонеровъ. Принимаются въ пансіоны дѣти всѣхъ вообще сословій, при чемъ наблюдается, чтобы въ пансіонъ, содержимый на счетъ одного сословія, воспитанники изъ другихъ сословій принимались не иначе, какъ съ согласія представителя того сословія, на счетъ котораго содержится пансіонъ.

Реформа гимназій и прогимназій требовала значительнаго увеличенія расходовъ на нихъ. По новымъ штатамъ содержаніе классической гимназіи съ обоими древними языками опредѣлено въ 21.200 р., гимназіи съ однимъ латинскимъ языкомъ—въ 19.880 р., реальной гимназіи—въ 20.290 р., прогимназіи съ обоими древними языками—въ 11.950 р., съ однимъ латинскимъ языкомъ—въ 11.020 р., реальной прогимназіи—въ 11.280 р. Въ представленіи Государственному Совѣту Министръ объяснилъ, что, при немедленномъ преобразованіи половины всѣхъ гимназій и прогимназій въ чисто классическія, а другой половины въ чисто реальныя, весь расходъ исчисляется въ 1.844.477 р. 60 к., противъ прежняго болѣе на 798.980 р. 24 к. Но такъ какъ по разнымъ соображеніямъ на первое время только $^1/_4$ общаго числа гимназій и прогимназій будутъ преобразованы въ реальныя, $^1/_4$ въ чисто классическія и $^1/_2$ въ гимназіи съ однимъ латинскимъ языкомъ, то потребуется прибавка въ 762.242 р. 24 к.; но и эта сумма можетъ быть разсрочена на нѣсколько лѣтъ. Сверхъ штатныхъ суммъ въ распоряженіе гимназій и прогимназій предоставляются спеціальныя средства, составляемыя изъ платы за ученье и пожертвованій. Новый уставъ предоставлялъ также городскимъ обществамъ, сословіямъ и частнымъ лицамъ устраивать гимназіи и прогимназіи и содержать ихъ на свой счетъ. При этомъ гимназіи и прогимназіи, управляемыя назначенными отъ правительства лицами, существуютъ на одинаковыхъ основаніяхъ съ правительственными учебными заведеніями; всѣ другія подчиняются общимъ узаконеніямъ о частныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

Послѣдовавшія вслѣдъ за утвержденіемъ новаго устава мѣропріятія группировались вокругъ вопроса о введеніи его въ дѣйствіе. 24 апрѣля 1865 г. Высочайше утверждено было мнѣніе Государственнаго Совѣта объ ассигнованіи Министерству 152.409 р. 20 к. въ счетъ суммы, слѣдующей по новымъ штатамъ гимназій, и объ отпускѣ на 1865 г. 63.503 р. 83 к. По плану, выработанному Совѣтомъ Министра на основаніи мнѣній начальствъ учебныхъ округовъ, отнесеніе той или другой гимназіи къ разряду реальныхъ или классическихъ должно было опредѣляться слѣдующими условіями: 1) отношеніемъ числа поступающихъ въ университетъ къ числу окончившихъ и не окончившихъ въ ней курсъ; 2) мѣстными условіями города, уѣзда и губерніи; 3) заявленіями мѣстныхъ обществъ въ пользу того или другаго направленія; 4) утвердившимся до сихъ поръ направленіемъ гимназіи въ сторону класси-

ческаго или реальнаго образованія; 5) необходимостью согласовать число классическихъ и реальныхъ гимназій и прогимназій съ предположеніями Министерства, разъясненными министромъ въ Государственномъ Совѣтѣ при исчисленіи суммъ, необходимыхъ для реформы. Тогда именно А. В. Головнинъ возражалъ противъ предположенія о преобразованіи въ реальныя цѣлой половины всѣхъ гимназій и доказывалъ превосходство древнихъ языковъ, какъ несравненно лучшаго педагогическаго орудія общаго образованія, а вслѣдствіе того и превосходство классическихъ гимназій съ двумя древними языками передъ всякими другими. Соглашаясь съ мнѣніемъ министра, Государственный Совѣтъ положилъ ограничить на первый разъ число гимназій реальныхъ одною четвертью всего числа гимназій. По всѣмъ этимъ соображеніямъ Министерствомъ было установлено слѣдующее распредѣленіе гимназій:

А. *Классическія съ двумя древними языками:* всѣ С.-Петербургскія гимназіи, кромѣ седьмой, С.-Петербургская Введенская прогимназія, всѣ Московскія—кромѣ третьей, Рязанская, 2-я Кіевская, 1-я Харьковская, 2-я Одесская и 1-я Казанская.

Б. *Реальныя:* 7-я С.-Петербургская, Архангельская, 3-я Московская, Бѣлоцерковская, Ровенская, Нѣжинская, 2-я Харьковская, Николаевская, Таганрогская, 2-я Казанская, Екатеринбургская, Астраханская, а также Керченская Александровская, если позволятъ средства.

С. Классическія съ однимъ латинскимъ языкомъ: всѣ остальныя гимназіи, кромѣ Новочеркасской и Устьмедвѣдицкой, о преобразованіи которыхъ необходимо предварительно снестись съ начальствомъ Войска Донскаго.

Этимъ планомъ, въ которомъ по особо уважительнымъ причинамъ могутъ быть допущены измѣненія, предложено было руководиться попечителямъ при введеніи въ дѣйствіе реформы.

По уставу (§ 45) введеніе новыхъ учебныхъ плановъ поставлено было въ зависимость отъ инструкціи Министерства, опредѣляющей объемъ преподаванія отдѣльныхъ предметовъ. Составленная Ученымъ Комитетомъ и одобренная 12 марта 1865 г. Совѣтомъ Министра инструкція не дала нормальныхъ программъ, но ограничилась лишь общими краткими опредѣленіями и руководящими замѣчаніями о преподаваніи отдѣльныхъ предметовъ. Разработка же подробныхъ программъ по каждому предмету, согласно съ § 72 устава, лежала на обязанности педагогическихъ совѣтовъ. Программы, выработанныя педагогическими совѣтами и

отдѣльными преподавателями и разсмотрѣнныя попечительскими совѣтами, должны были вноситься на разсмотрѣніе Ученаго Комитета, который представлялъ министру свое мнѣніе о всѣхъ программахъ по тому или другому предмету. Распредѣленіе часовъ ученья было опредѣлено министромъ, съ Высочайшаго разрѣшенія, 27 сентября 1865 г. въ видѣ опыта на 3 года: полагая нормальнымъ пять уроковъ въ день и сокращая продолжительность урока съ $1^1/_4$ часа до 1 часа, новое росписаніе распредѣляетъ классныя занятія съ 9 часовъ утра до $3^1/_4$ час. пополудни; отдыхъ между уроками долженъ продолжаться $^1/_4$ часа, а послѣ 3-го урока полчаса, съ $12^1/_2$ до 1 часа, назначается на завтракъ. Увеличеніе рекреаціоннаго времени было вызвано личнымъ наблюденіемъ министра, что ученики имѣютъ мало времени для отдыха и движенія между уроками.

Другимъ важнымъ условіемъ успѣшнаго дѣйствія новыхъ учебныхъ плановъ явился соотвѣтствующій подборъ учебныхъ руководствъ. 23 марта 1865 г. были Высочайше одобрены «Временныя правила о порядкѣ разсмотрѣнія, одобренія и введенія въ употребленіе учебныхъ руководствъ и пособій для среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія». Необходимость сосредоточить въ центральномъ управленіи Министерства разсмотрѣніе и одобреніе учебниковъ мотивировано тѣмъ, что до сихъ поръ эта обязанность была раздѣлена между нѣсколькими инстанціями, не сохранявшими единства въ дѣйствіяхъ по данному предмету: Ученымъ Комитетомъ, семью попечительскими совѣтами и педагогическими совѣтами гимназій. По новымъ правиламъ учебники и пособія, по просьбамъ авторовъ, разсматриваются Ученымъ Комитетомъ или попечительскими совѣтами, и заключенія поступаютъ на утвержденіе министра. Мнѣнія объ одобренныхъ Ученымъ Комитетомъ и попечительскими совѣтами учебникахъ и каталоги послѣднихъ печатаются въ Журналѣ Министерства. Въ случаѣ недостатка или неудовлетворительности наличныхъ учебныхъ книгъ и пособій на Ученый Комитетъ возлагается обязанность: а) дополнять каталогъ указаніемъ на лучшіе иностранные учебники съ цѣлью побудить къ переводу этихъ учебниковъ на русскій языкъ; в) съ разрѣшенія министра объявлять конкурсы для составленія лучшихъ учебниковъ. Учебная литература была дѣйствительно слишкомъ бѣдна, и въ 1865 и 1866 г.г. Министерствомъ были объявлены конкурсы на цѣлый рядъ учебниковъ: по математикѣ,

естественнымъ наукамъ, новымъ языкамъ, чистописанію, черченію и рисованію, правовѣдѣнію. Въ маѣ 1865 г. появился первый каталогъ учебниковъ и пособій для гимназій и прогимназій.

Наконецъ, едва ли не самымъ труднымъ вопросомъ, связаннымъ съ осуществленіемъ реформы, былъ вопросъ о приготовленіи знающихъ и опытныхъ преподавателей. Со временъ Императрицы Екатерины II это было больное мѣсто всѣхъ учебныхъ системъ, смѣнявшихъ одна другую.

Недостатокъ учителей среднихъ учебныхъ заведеній, котораго не могли восполнить университеты, побудилъ А. В. Головнина обратиться еще къ одному средству, рекомендованному священникомъ русской посольской церкви въ Вѣнѣ, къ вызову австрійскихъ славянъ для занятія учительскихъ мѣстъ по древнимъ языкамъ. 22 декабря 1865 г. Министерство получило Высочайшее разрѣшеніе на эту мѣру съ тѣмъ, чтобы расходы были отнесены на счетъ суммъ, ассигнуемыхъ на педагогическіе курсы. Тогда же министромъ было испрошено Высочайшее разрѣшеніе временно допускать къ преподаванію русскаго и древнихъ языковъ магистровъ и кандидатовъ духовныхъ академій, по предварительномъ удостовѣреніи въ основательности ихъ познаній.

Нѣсколькими распоряженіями второстепеннаго значенія (о надзорѣ за учениками гимназій внѣ стѣнъ заведеній, о сохраненіи должности почетнаго попечителя только при тѣхъ гимназіяхъ, при которыхъ существуютъ пансіоны на средства дворянства, о выдачѣ аттестатовъ оканчивающимъ курсъ гимназій, о содержаніи пансіонеровъ учителями гимназій и прогимназій) и утвержденіемъ разныхъ правилъ, вырабатываемыхъ мѣстными учебными начальствами, закончились мѣропріятія Министерства по осуществленію реформы средняго образованія подъ руководствомъ А. В. Головнина [183]).

VI.

Когда А. В. Головнинъ вступилъ въ управленіе Министерствомъ, проектъ общаго плана устройства народныхъ училищъ, составленный особымъ комитетомъ и возбудившій протестъ Святѣйшаго Синода, переданъ былъ уже на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта. 6 января 1862 г. этотъ проектъ и всѣ вообще бумаги о системѣ первоначальнаго народнаго образованія были возвращены изъ Государственной Канцеляріи на разсмо-

трѣніе и заключеніе новаго министра. Вскорѣ затѣмъ А. В. Головнинъ изложилъ въ Совѣтѣ Министровъ свои предположенія о дальнѣйшемъ движеніи реформы университетовъ, гимназій и низшихъ училищъ, представивъ Государю оба проекта Положенія о народныхъ школахъ, составленные Ученымъ Комитетомъ Министерства и Особымъ комитетомъ. 18 января послѣдовало Высочайшее повелѣніе: оба проекта разослать для разсмотрѣнія по всему учебному вѣдомству и отдѣльнымъ лицамъ по выбору Министерства, а также сообщить ихъ въ переводѣ на французскій, нѣмецкій и англійскій языки извѣстнѣйшимъ иностраннымъ педагогамъ.

Въ своей запискѣ министръ заявилъ, между прочимъ, что протестъ Святѣйшаго Синода противъ проекта общаго плана народныхъ училищъ основанъ на недоразумѣніи, что Министерство никогда не отрицало пользы училищъ, заводимыхъ духовенствомъ, и не предполагало переводить ихъ въ свое вѣдомство; что «нельзя, съ другой стороны, предполагать, чтобы Святѣйшій Синодъ, говоря объ исключительномъ правѣ духовенства учить народъ, понималъ подъ этимъ право учить наукамъ и вслѣдствіе этого слагалъ бы съ Министерства обязанность учреждать на свои средства училища разныхъ разрядовъ, не передавая оныхъ духовному вѣдомству». Устранить это недоразумѣніе должно было особое Высочайшее повелѣніе 18 января 1862 г.: «учрежденныя нынѣ и впредь учреждаемыя духовенствомъ народныя училища оставить въ завѣдываніи духовенства, съ тѣмъ, чтобы Министерство Народнаго Просвѣщенія оказывало содѣйствіе преуспѣянію ихъ по мѣрѣ возможности.—Оставить на обязанности Министерства Народнаго Просвѣщенія учреждать во всей Имперіи, по соглашенію съ подлежащими вѣдомствами, народныя училища, которыя и должны оставаться въ вѣдѣніи сего Министерства, при чемъ Министерству слѣдуетъ пользоваться содѣйствіемъ духовенства во всѣхъ случаяхъ, когда оно признаетъ это нужнымъ и когда духовенство найдетъ возможнымъ оказать ему содѣйствіе».

Пока собирались мнѣнія и отзывы, которые должны были послужить матеріаломъ для составленія новаго проекта, возникли непредвидѣнныя обстоятельства, повліявшія на ходъ дѣла. Политическія волненія въ западномъ краѣ потребовали неотлагательнаго учрежденія тамъ народныхъ школъ, не дожидаясь составленія общаго Положенія для всей Имперіи. Въ іюнѣ 1862 г. были закрыты воскресныя школы, и въ сентябрѣ Высочайше

повелѣно было соединить составленіе правилъ для воскресныхъ школъ съ общимъ Положеніемъ о народныхъ школахъ и внести его въ Совѣтъ Министровъ, обсудивъ предварительно въ особомъ совѣщаніи изъ слѣдующихъ лицъ: графа Строганова I, министровъ: Государственныхъ Имуществъ, Внутреннихъ Дѣлъ, Народнаго Просвѣщенія и оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода.

Въ началѣ 1863 г. Ученый Комитетъ составилъ новый проектъ Положенія о начальныхъ народныхъ училищахъ, воспользовавшись мнѣніями и отзывами, поступившими изъ Россіи и изъ-за границы, о первыхъ двухъ проектахъ. Въ основу новаго проекта были положены слѣдующіе принципы: 1) народныя училища раздѣляются на образцовыя, или нормальныя, устраиваемыя Министерствомъ, и начальныя, учреждаемыя обществами и частными лицами; въ устройствѣ и программахъ этихъ послѣднихъ училищъ допускается разнообразіе согласно съ мѣстными условіями; 2) школы состоятъ въ вѣдѣніи мѣстныхъ училищныхъ совѣтовъ изъ представителей разныхъ вѣдомствъ; 3) ученье необязательно и предоставляется выбору обществъ и частныхъ лицъ; 4) гдѣ народный языкъ не великорусскій, обученіе начинается на мѣстномъ нарѣчіи и потомъ переходитъ къ русскому языку; 5) воскресныя школы устраиваются на общихъ основаніяхъ.

Разсмотрѣнный въ особомъ совѣщаніи, проектъ былъ представленъ Государю въ Совѣтѣ Министровъ, при чемъ А. В. Головнинъ объяснилъ: 1) что для 6 западныхъ губерній составлены въ Западномъ Комитетѣ особыя временныя правила; 2) что подобныя же правила предположено составить для губерній: Кіевской, Волынской и Подольской; 3) что проектъ новаго Положенія о начальныхъ народныхъ училищъ предполагается распространить на учебные округи: Московскій, С.-Петербургскій (за исключеніемъ Витебской и Могилевской губерній), Казанскій, Харьковскій, Одесскій и на губерніи Черниговскую и Полтавскую Кіевскаго округа; 4) что сверхъ нынѣшней смѣты требуется ежегодная прибавка изъ казны. 12 апрѣля 1863 г. Государь повелѣлъ войти въ сношеніе съ Министерствомъ Финансовъ о постепенномъ ассигнованіи необходимыхъ денежныхъ средствъ, и вскорѣ былъ полученъ отвѣтъ отъ министра Финансовъ, что онъ не встрѣчаетъ препятствія ко внесенію въ смѣту Министерства Народнаго Просвѣщенія на 1864 г. 100.000 руб. сер.

Проектъ Положенія, по Высочайшему повелѣнію, долженъ былъ перейти теперь на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта. Но передъ этимъ возникла интересная переписка между А. В. Головнинымъ и главноуправляющимъ II-мъ отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи барономъ М. А. Корфомъ по вопросу объ участіи проектируемыхъ земскихъ учрежденій въ дѣлѣ народнаго образованія. 20 іюня 1863 г. баронъ Корфъ увѣдомилъ министра, что нѣкоторыя губернскія дворянскія собранія, а именно Нижегородское и С.-Петербургское, разсуждая о земскихъ учрежденіяхъ, выразили мысль, «что народныя школы должны быть подчинены этимъ учрежденіямъ». Баронъ Корфъ рѣшительно поддержалъ эту мысль. «Какъ ни обдуманно и осторожно», писалъ онъ, «составлены правила объ училищныхъ совѣтахъ, все же они будутъ совершеннымъ подобіемъ или повтореніемъ существующихъ уже у насъ многочисленныхъ и разнородныхъ мѣстныхъ комиссій и комитетовъ, общій характеръ коихъ составляетъ бюрократическое направленіе, т. е. форма, лишенная, въ большей части случаевъ, жизни». Земскія учрежденія представятъ, по его мнѣнію, болѣе ручательства въ успѣхѣ настоящаго дѣла, чѣмъ предполагаемые училищные совѣты. Въ своемъ отвѣтѣ А. В. Головнинъ напомнилъ, что въ совѣщаніяхъ подъ предсѣдательствомъ Великаго Князя Константина Николаевича онъ, министръ, дважды предлагалъ ввести въ кругъ обязанностей земства нѣкоторыя дѣла объ училищахъ. Но это предложеніе было отклонено замѣчаніемъ генералъ-адютанта Чевкина, что, пока земскія учрежденія не устроены, не слѣдуетъ расширять круга ихъ компетенціи далѣе предположеннаго и что новыя обязанности можно возложить на нихъ впослѣдствіи. Оставаясь при прежнемъ мнѣніи, что было бы полезно поручить земскимъ учрежденіямъ заботы объ увеличеніи матеріальныхъ средствъ училищъ и о способахъ учрежденія новыхъ школъ, А. В. Головнинъ не считалъ однако возможнымъ поручить имъ все управленіе училищами. Объ этой перепискѣ онъ обѣщалъ довести также до свѣдѣнія Государственнаго Совѣта.

Обширное представленіе министра Государственному Совѣту заключало въ себѣ изложеніе хода подготовки реформы, очеркъ исторіи народныхъ школъ, начиная съ эпохи Петра Великаго, постановленій устава 1828 г. и свода удѣльныхъ постановленій 1843 г. и, наконецъ, оправданіе принциповъ новаго закона. Прежде

всего онъ долженъ былъ прекратить существовавшій доселѣ антагонизмъ по дѣламъ учебнымъ, какъ между отдѣльными правительственными вѣдомствами, такъ и между училищами правительственными и частными, и соединить разрозненную дѣятельность, въ отношеніи народныхъ училищъ, разныхъ вѣдомствъ, православнаго духовенства и земскихъ учрежденій. Для достиженія этой цѣли учреждаются училищные совѣты изъ представителей отъ разныхъ вѣдомствъ. Нѣсколько позже, въ 1865 г., Министерство объяснило, что оно не придавало значенія спорамъ о централизаціи народныхъ училищъ въ одномъ вѣдомствѣ, и думало, что эта централизація могла бы скорѣе служить препятствіемъ, нежели облегченіемъ, къ развитію училищъ. Новое Положеніе, принимая во вниманіе, съ одной стороны, исторію нашихъ народныхъ училищъ и, съ другой, разнообразныя требованія массы населенія, не подчиняетъ народныхъ училищъ одному общему уставу, но допускаетъ разнообразіе, требуемое мѣстными условіями и соображеніями во всѣхъ отношеніяхъ, въ учебномъ, административномъ и хозяйственномъ. Это разнообразіе допускается и въ вопросѣ о языкѣ преподаванія. Чтобы не внушить населенію отвращенія къ школѣ, являющейся проводникомъ русскаго вліянія, не сдѣлать обученія механическимъ и малопонятнымъ, допускается въ мѣстностяхъ съ населеніемъ не великорусскимъ начинать обученіе на мѣстномъ нарѣчіи и затѣмъ уже постепенно переходить къ русскому языку. Ввести въ той или въ другой формѣ обязательность ученія не признается возможнымъ; развитіе начальныхъ школъ должно достигаться самостоятельной иниціативой обществъ и частныхъ лицъ; правительство же ограничивается поощрительными мѣрами и необходимыми пособіями. Ограниченіе свободы обученія частными лицами и учрежденія частныхъ школъ не вызывается требованіями педагогическими, нравственными и политическими. Условія элементарнаго обученія грамотѣ и первымъ дѣйствіямъ ариѳметики облегчаются для всѣхъ лицъ безъ различія, и въ хозяйственныхъ распоряженіяхъ школы поставляются въ полную зависимость отъ ихъ учредителей. Наконецъ, два послѣдніе вопроса, поставленные проектомъ положенія—слѣдуетъ ли поддерживать въ народныхъ училищахъ даровое ученіе и давать ли обучавшимся въ нихъ особыя преимущества,—разрѣшаются отрицательно. Установленіе хотя бы самой ничтожной платы за ученье признается полезнымъ при условіи назначенія ея самимъ обществомъ или

лицомъ, содержащимъ училища, и строгомъ согласованіи размѣровъ ея съ мѣстными условіями. Дарованіе особыхъ преимуществъ обучавшимся въ народныхъ училищахъ не оправдывается соображеніями государственной пользы: «гораздо выгоднѣе для самаго образованія народнаго желать, чтобы народъ шелъ учиться туда, гдѣ учатъ лучше и исправнѣе, а не туда только, гдѣ за ученіе даются награды». Наконецъ, финансовая сторона реформы заключалась въ томъ, что государство принимаетъ на себя не расходъ на штатное неизмѣнное содержаніе всѣхъ училищъ, а выдачу имъ, по мѣрѣ надобности, единовременныхъ пособій. По соглашенію съ министромъ Финансовъ, А. В. Головнинъ испрашивалъ на учрежденіе и первоначальное устройство народныхъ школъ 600.000 руб., отпускъ которыхъ разверстывался на 3 года: въ 1864 г.—100.000 р., въ 1865 г.—200.000 руб. и въ 1866 г.—300.000 руб. Таковы были основанія реформы начальнаго образованія. Представленіе министра заключалось такими словами: «предлагаемая система дѣйствій относительно народныхъ школъ имѣетъ, между прочимъ, то преимущество, что часть суммы, которая будетъ ассигнована на сей предметъ, поступитъ въ пользу православнаго сельскаго духовенства, въ возмездіе за полезные труды его по обученію народа. Такимъ образомъ расходъ этотъ достигнетъ двухъ цѣлей: обученія народа и улучшенія быта нѣкоторой части православнаго духовенства при обезпеченіи ему прямаго участія въ дѣлѣ народнаго образованія».

Обсужденіе проекта положенія въ Соединенныхъ Департаментахъ Государственнаго Совѣта открылось заявленіемъ Е. П. Ковалевскаго о необходимости предоставить земскимъ учрежденіямъ попеченіе о народномъ образованіи. «У насъ», говорилъ бывшій министръ, «обращали все вниманіе на высшія учебныя заведенія—университеты, отчасти и на среднія—гимназіи; собственно же народныя школы всегда оставались въ пренебреженіи. Отъ этого нашъ храмъ просвѣщенія, если смотрѣть на него прямо, представляетъ позолоченную крышу, довольно красивыя стѣны, но самый зыбкій фундаментъ; конечно, такія зданія не могутъ быть прочны . . . Необходимо, чтобы общество, какъ и во всѣхъ странахъ Европы, приняло дѣятельное въ этомъ участіе, сколько для воспособленія правительству въ финансовомъ отношеніи, столько же и потому, чтобы развить въ самомъ себѣ начала предполагаемаго самоуправленія въ хозяйственномъ смыслѣ и возбудить въ немъ энергію къ общественнымъ дѣламъ, уснув-

шую отъ безпрерывно и вездѣ продолжавшейся надъ нимъ опеки, породившей въ немъ апатію и привычку возлагать все на правительство». Правильное направленіе народнаго образованія должно гарантироваться пользою самаго общества, надзоромъ правительства и упроченіемъ религіозно-нравственнаго элемента въ основѣ народнаго образованія. Съ этимъ мнѣніемъ согласились еще два члена Совѣта, Хомутовъ и баронъ Корфъ. По мнѣнію 6 членовъ (князя Гагарина, Чевкина, Мѣтлина, Валуева, Головнина и Муханова) слѣдовало «возложить на земскія собранія обязанность заботиться объ увеличеніи средствъ училищъ и пріискивать способы къ учрежденію новыхъ народныхъ школъ и даже допустить участіе земства въ завѣдываніи школами. Но какъ народное образованіе должно быть общимъ во всей Имперіи, то правительство не только должно сосредоточить завѣдываніе этимъ важнымъ дѣломъ въ центральномъ управленіи Министерства Народнаго Просвѣщенія, но и имѣть вездѣ мѣстные органы управленія». Участіе земства въ управленіи училищами должно выражаться въ формѣ назначенія членовъ отъ земства въ уѣздные и губернскіе училищные совѣты. Вопросъ объ участіи земства въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія явился единственнымъ пунктомъ разногласія между членами Государственнаго Совѣта. Изъ частныхъ измѣненій въ проектѣ положенія самымъ важнымъ было исключеніе статьи, допускавшей мѣстныя нарѣчія при первомъ обученіи, «такъ какъ правительство должно озабочиваться развитіемъ общей русской грамотности, а не мѣстныхъ нарѣчій». Въ заключеніе Государственный Совѣтъ положилъ: проектъ исправить согласно мнѣнію, которое будетъ одобрено Государемъ, и затѣмъ уже поднести его на Высочайшее утвержденіе.

Указомъ Правительствующему Сенату отъ 14 іюля 1864 г. новое «Положеніе о начальныхъ народныхъ училищахъ» Высочайше повелѣно было ввести въ дѣйствіе постепенно, по предварительному сношенію министра Народнаго Просвѣщенія съ министромъ Внутреннихъ Дѣлъ и оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Синода, въ губерніяхъ, составляющихъ учебные округи Московскій, С.-Петербургскій (кромѣ губерній Витебской и Могилевской), Казанскій, Харьковскій и Одесскій, а также въ губерніяхъ Черниговской и Полтавской Кіевскаго округа. Одновременно, особымъ Высочайшимъ повелѣніемъ, Министерству ассигновано по смѣтѣ на 1865 г. 100.000 р. для распредѣленія этой суммы между губернскими училищными совѣтами и предоставлено дальнѣй-

шія ассигновки производить по соглашенію съ министромъ Финансовъ, испрашивая каждый разъ Высочайшее утвержденіе установленнымъ порядкомъ.

Положеніе 1864 г. въ Высочайше утвержденной редакціи распадается на два отдѣла. Въ первомъ изложены «цѣль, различные виды начальныхъ народныхъ училищъ и ученіе въ оныхъ». Къ начальнымъ народнымъ училищамъ отнесены всѣ вообще элементарныя школы всѣхъ вѣдомствъ, городскія и сельскія, содержимыя на средства казны, обществъ и частныхъ лицъ, а также воскресныя школы. Открытыя для дѣтей всѣхъ состояній, безъ различія вѣроисповѣданій, училища предназначены для утвержденія въ народѣ религіозныхъ и нравственныхъ понятій и распространенія первоначальныхъ полезныхъ знаній. Предметами учебнаго курса, преподаваемаго на русскомъ языкѣ по руководствамъ, одобреннымъ Министерствомъ или духовнымъ вѣдомствомъ, служатъ: Законъ Божій, чтеніе книгъ гражданской и церковной печати, письмо, начала ариѳметики, церковное пѣніе, гдѣ это возможно. Преподаваніе Закона Божія и наблюденіе за религіозно-нравственнымъ направленіемъ во всѣхъ начальныхъ училищахъ возлагается на мѣстнаго священника или особаго законоучителя. Прочимъ предметамъ обучаютъ священно-церковнослужители или лица, получившія особое разрѣшеніе уѣзднаго училищнаго совѣта. Установленіе платы за ученіе зависитъ отъ усмотрѣнія вѣдомствъ, обществъ и частныхъ лицъ, содержащихъ училища. Правительственныя вѣдомства и духовное начальство учреждаютъ и закрываютъ школы собственными распоряженіями, лишь сообщая о томъ, къ свѣдѣнію, уѣзднымъ училищнымъ совѣтамъ; общества же, городскія и сельскія, и частныя лица испрашиваютъ разрѣшеніе на открытіе школъ у уѣзднаго училищнаго совѣта; закрываются училища, въ случаѣ безпорядка и вреднаго направленія ученія, губернскими училищными совѣтами. Размѣръ содержанія и порядокъ отчетности объ училищахъ устанавливается самими вѣдомствами, обществами и лицами, содержащими училища. Въ распоряженія по всѣмъ этимъ вопросамъ училищные совѣты не вмѣшиваются, а только принимаютъ ихъ къ свѣдѣнію. Обществамъ, учреждающимъ школы, предоставлено избирать для завѣдыванія ими особыхъ попечителей и попечительницъ. Во второмъ отдѣлѣ Положенія изложены постановленія о составѣ и обязанностяхъ училищныхъ совѣтовъ. Уѣздные училищные совѣты состоятъ: изъ членовъ отъ Мини-

*

стерствъ Народнаго Просвѣщенія, Внутреннихъ Дѣлъ и духовнаго вѣдомства—по назначенію начальства, двухъ членовъ отъ уѣзднаго земскаго собранія по выбору послѣдняго и по одному члену отъ вѣдомствъ, которыя содержатъ народныя училища. Предсѣдатель выбирается членами совѣта изъ своей среды и утверждается губернскимъ совѣтомъ. Губернскіе совѣты состоятъ: изъ епархіальнаго архіерея, какъ первенствующаго члена, губернатора, директора училищъ, двухъ членовъ отъ губернскаго земскаго собранія. Попечитель округа присутствуетъ въ губернскомъ совѣтѣ въ бытность свою въ губернскомъ городѣ. На обязанности уѣзднаго совѣта, собирающагося ежегодно не менѣе двухъ разъ въ 2 недѣли, лежитъ: наблюденіе за преподаваніемъ въ училищахъ (кромѣ Закона Божія), разрѣшеніе открытія новыхъ училищъ, представленіе губернскому совѣту о закрытіи училищъ, признанныхъ вредными, снабженіе училищъ руководствами и пособіями, предоставленіе желающимъ званія учителей и учительницъ, представленіе губернскому совѣту о наградахъ достойнымъ учителямъ и объ удаленіи неблагонадежныхъ, составленіе ежегодныхъ отчетовъ. Подробности опредѣляются наказомъ отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Губернскій совѣтъ, собирающійся по мѣрѣ надобности, имѣетъ предметомъ: высшее попеченіе объ училищахъ, разсмотрѣніе отчетовъ уѣздныхъ совѣтовъ. Постановленія губернскаго совѣта сообщаются попечителю учебнаго округа для свѣдѣнія. Жалобы на его рѣшенія приносятся Правительствующему Сенату.

На основаніяхъ положенія 1864 г. призывались къ новой жизни воскресныя школы, закрытыя по Высочайшему повелѣнію 10 іюня 1862 г., кромѣ школъ Дерптскаго учебнаго округа. Къ этому времени общее число воскресныхъ школъ въ Имперіи доходило до 316, приблизительно съ 20,000 учащихся, хотя по наблюденію Министерства въ началѣ 1862 г. рвеніе въ пользу воскресныхъ школъ уже значительно ослабѣло. Главной причиной ихъ паденія Министерство считало то легкомысліе и необдуманность, которыми обыкновенно сопровождаются всякія наши общественныя начинанія: въ началѣ—необдуманное увлеченіе, а вслѣдъ за нимъ—быстрое охлажденіе и апатія. Лѣтомъ 1862 г. были обнаружены въ двухъ воскресныхъ школахъ въ С.-Петербургѣ преступные замыслы преподавателей, направленные къ потрясенію религіозныхъ вѣрованій и распространенію соціалистическихъ понятій. Хотя слѣдствіе и обнаружило,

что «преступные замыслы, въ которыхъ обвиняемы были всѣ воскресныя школы, возникли внѣ ихъ, занесены были въ нихъ изъ зараженной ложными идеями части общества и къ воскреснымъ школамъ не могли привиться при тѣхъ средствахъ оффиціальнаго и неоффиціальнаго надзора, какими онѣ были снабжены», однако всѣ воскресныя школы были закрыты. Положеніемъ 14 іюля 1864 г. онѣ были сравнены съ начальными народными училищами относительно порядка учрежденія, предметовъ преподаванія и надзора, и Министерство выражало надежду, что «учредители и распорядители воскресныхъ школъ, дѣйствуя съ большею чѣмъ прежде осмотрительностью, не позволятъ этому благодѣтельному учрежденію сойти съ надлежащаго пути и направятъ его къ истинному благу народа».

Положеніе 1864 г. лишь косвенно отразилось на томъ разрядѣ низшихъ учебныхъ заведеній, которыя составляли переходную ступень къ средней школѣ, т. е. на уѣздныхъ училищахъ, существовавшихъ по уставу 1828 г. и штатамъ 1859 г. Къ 1 января 1865 г. въ вѣдѣніи Министерства состояло 416 уѣздныхъ училищъ съ 23,952 учащихся. По отчетамъ попечителей учебныхъ округовъ и лицъ, ревизовавшихъ уѣздныя училища, они находились въ состояніи упадка. Сухость учебнаго курса, не приноровленнаго къ требованіямъ жизни, механическій способъ преподаванія, слабость педагогическаго персонала—таковы были главные недостатки уѣздныхъ училищъ, которые привели Министерство къ убѣжденію, что отпускаемая на нихъ сумма (болѣе 1 милліона рублей) можетъ быть употреблена несравненно болѣе производительнымъ образомъ. Принимая въ соображеніе двоякую цѣль, къ которой должно быть направлено элементарное ученіе въ зависимости отъ мѣстныхъ потребностей населенія (давать законченное образованіе и готовить къ средней школѣ), Министерство предположило замѣнять постепенно уѣздныя училища двоякаго рода школами: тамъ, гдѣ значительное большинство учащихся принадлежитъ къ крестьянскому и мѣщанскому сословіямъ, мѣсто уѣздныхъ училищъ должны занять двухклассныя или высшія приходскія училища, примѣненныя къ потребностямъ мѣстнаго населенія; тамъ же, гдѣ среди учащихся преобладаютъ дѣти дворянъ, чиновниковъ, купцовъ и фабрикантовъ, уѣздныя училища преобразуются въ гимназіи и прогимназіи. Наконецъ, нѣкоторыя уѣздныя училища могли быть преобразованы въ учительскія семинаріи. Эти опыты постепеннаго преобразованія уѣздныхъ учи-

лицъ въ школы двухъ смежныхъ съ ними типовъ начались въ 1864—1865 г.г. [184]).

Законъ 14 іюля 1864 г. поставилъ дѣло начальнаго образованія на широкое и прочное основаніе, поддержанное совокупностью другихъ реформъ, призвавшихъ къ плодотворному попеченію о народномъ образованіи земства и городскія общества. Дальнѣйшее развитіе начальнаго образованія зависѣло отъ двухъ главныхъ условій: наличности необходимыхъ матеріальныхъ средствъ и достаточнаго числа педагогически образованныхъ учителей. Испрашивая значительныя суммы изъ казны, Министерство держалось, вмѣстѣ съ тѣмъ, мнѣнія, что обезпеченіе народныхъ училищъ матеріальными средствами есть дѣло земское. Заботы же о подготовкѣ учителей составляли уже обязанность правительства.

Послѣ упраздненія Втораго разряда Главнаго педагогическаго института и до 60-хъ годовъ существовало только одно спеціальное училище для приготовленія народныхъ учителей—учительская семинарія въ Дерптѣ, и благотворное ея дѣйствіе, по признанію Министерства, лучше всего видно было изъ того, что начальныя училища остзейскаго края имѣли рѣшительное преимущество предъ подобными же училищами Имперіи, по основательности преподаванія и по нравственному вліянію на мѣстное населеніе. Между тѣмъ въ концѣ 50-хъ годовъ извѣстный знатокъ русскаго народа В. И. Даль, по личнымъ наблюденіямъ надъ учащимися въ сельскихъ школахъ, печатно заявилъ, что грамотность приноситъ крестьянамъ больше вреда, чѣмъ пользы. Этотъ фактъ Министерство поняло въ томъ смыслѣ, что вредъ можетъ принести только дурная школа, а дурная школа та, въ которой нѣтъ разумнаго руководителя, способнаго дѣйствовать не только на умственное, но и на нравственное развитіе дѣтей. Въ 1860 г. Ученымъ Комитетомъ составленъ былъ особый проектъ учительскихъ семинарій, а въ слѣдующіе годы Министерство командировало нѣсколькихъ педагоговъ за границу, преимущественно въ Германію и Швейцарію, для ознакомленія со средствами подготовки начальныхъ учителей. Въ обширной журнальной литературѣ и въ разныхъ запискахъ и мнѣніяхъ, собранныхъ Министерствомъ, обнаружились различныя мнѣнія по данному вопросу. «Незначительное число лицъ», говоритъ оффиціальная записка, резюмировавшая всѣ эти мнѣнія, «признавало излишнимъ приготовленіе особыхъ учителей для народныхъ училищъ и полагало, что дѣло народнаго обученія, особенно въ селахъ, должно быть всецѣло

ввѣрено духовенству. Огромное же большинство лицъ, представившихъ замѣчанія на проектъ и обсуждавшихъ этотъ вопросъ печатно, напротивъ, считало приготовленіе такихъ учителей дѣломъ рѣшительно необходимымъ, дѣломъ первостепенной важности, безъ котораго прочные успѣхи народнаго образованія немыслимы. Но при этомъ высказаны были различные взгляды на способы такого приготовленія. Одни стояли за особые учительскіе институты, устроенные въ видѣ открытыхъ заведеній; другіе полагали достаточнымъ учредить при гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ педагогическіе курсы съ практическими занятіями воспитанниковъ этихъ курсовъ въ мѣстныхъ народныхъ училищахъ; наконецъ, нѣкоторые считали возможнымъ приготовленіе учителей однимъ чисто практическимъ путемъ—прикомандировывая желающихъ получать учительскія мѣста къ такимъ народнымъ училищамъ, которыя имѣютъ хорошихъ учителей». Ученый Комитетъ, которому министръ поручилъ въ концѣ іюля 1864 г. обсудить вопросъ о приготовленіи учителей для народныхъ училищъ, рѣшительно высказался за спеціальные разсадники: учительскіе институты и семинаріи. Но, въ виду невозможности возложить на Государственное Казначейство отпускъ суммы, необходимой на учрежденіе учительскихъ семинарій, рѣшено было остановиться на педагогическихъ курсахъ при уѣздныхъ училищахъ, какъ «на мѣрѣ переходной, дополнительной и притомъ стоющей несравненно дешевле». Проекты положеній объ учительскихъ семинаріяхъ и педагогическихъ курсахъ, составленные Ученымъ Комитетомъ, были напечатаны въ журналѣ Министерства. 23 марта 1865 г. получено было Высочайшее разрѣшеніе устроить въ видѣ опыта въ учебныхъ округахъ С.-Петербургскомъ, Московскомъ, Харьковскомъ, Казанскомъ и Одесскомъ педагогическіе курсы при одномъ изъ уѣздныхъ училищъ въ каждомъ округѣ, употребивъ на это 17.725 рублей.

За разрѣшеніемъ этого главнаго вопроса о средствахъ обезпеченія народныхъ училищъ учителями, Министерство обратилось къ мѣрамъ по введенію въ дѣйствіе положенія 1864 г. Въ началѣ слѣдующаго года Ученый Комитетъ, по предложенію министра, пересмотрѣлъ учебныя руководства и пособія, употребляемыя въ низшихъ училищахъ разныхъ вѣдомствъ и составилъ проектъ объявленія конкурса на составленіе новыхъ учебниковъ для народныхъ училищъ. Въ августѣ 1864 г. министръ поручилъ Ученому Комитету и попечителямъ учебныхъ

округовъ составить проекты наказовъ училищнымъ совѣтамъ, какъ матеріалъ для начертанія общаго наказа отъ Министерства. Весной слѣдующаго года собраны были мнѣнія по этому вопросу другихъ Министерствъ и переданы на разсмотрѣніе Ученаго Комитета. Наиболѣе существенныя замѣчанія сдѣланы были Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ и оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Синода. Министерство Внутреннихъ Дѣлъ предложило контроль надъ народными школами со стороны духовнаго вѣдомства возложить на мѣстныхъ благочинныхъ, надзоръ же за учащими со стороны учебной передать членамъ уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ отъ земства. Оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода настаивалъ на томъ, что наблюденіе за преподаваніемъ Закона Божія должно принадлежать исключительно члену отъ духовнаго вѣдомства, тогда какъ въ проектѣ наказа говорилось только о «ближайшемъ наблюденіи» съ его стороны. Но ни А. В. Головнинымъ, ни его преемниками предположеніе о наказѣ училищнымъ совѣтамъ не было приведено въ исполненіе. Точно также не были окончательно составлены проектированныя въ началѣ 1866 г. правила о выдачѣ народнымъ училищамъ пособій изъ суммъ, отпускаемыхъ казною. Послѣдовавшее 14 апрѣля 1866 г. увольненіе А. В. Головнина отъ должности министра не позволило ему довести до конца всѣхъ мѣропріятій, связанныхъ съ реформою начальнаго народнаго образованія [185]).

VII.

Положеніе женскаго образованія было упрочено уже предшественниками А. В. Головнина. Въ 1865 г. въ вѣдѣніи Министерства насчитывалось 123 женскихъ учебныхъ заведеній 1-го и 2-го разряда съ 9,000 учащихся. Срокъ дѣйствія Положенія 10 мая 1860 г. былъ продолженъ въ 1863 г. на 2 года и затѣмъ еще на годъ до 10 мая 1866 г., причемъ Министерству предоставлено было разрѣшать нѣкоторыя отступленія, не затрагивающія сущности Положенія, которыя служили бы поощреніемъ для частныхъ лицъ и обществъ къ учрежденію и поддержанію женскихъ училищъ. А. В. Головнинъ признавалъ вполнѣ правильной основную идею Положенія 1860 г., заключавшуюся въ томъ, «чтобы, оставивъ за женскими училищами преимущественно характеръ общественныхъ учебныхъ заведеній, содержимыхъ на счетъ пожертвованій и взносовъ мѣстныхъ сословій, обществъ и

частныхъ лицъ, вмѣстѣ съ тѣмъ самою организаціею ихъ управленія соединить всѣ сословія и общества къ учрежденію, поддержанію и развитію сихъ заведеній». Тѣмъ не менѣе рѣшено было пересмотрѣть это Положеніе и внести въ него частныя измѣненія по указаніямъ опыта. Поэтому вопросъ о среднихъ женскихъ училищахъ подвергнутъ былъ гласному обсужденію вмѣстѣ съ другими вопросами народнаго образованія, и собранные мнѣнія и отзывы переданы на заключеніе попечителей учебныхъ округовъ. Кромѣ того членъ Совѣта Министра, тайный совѣтникъ Могилянскій въ 1864 г. осмотрѣлъ женскія училища вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія и представилъ министру свои замѣчанія.

Опираясь на весь этотъ матеріалъ, Министерство остановилось въ своихъ предположеніяхъ объ улучшеніи женскихъ училищъ на слѣдующихъ пунктахъ. Такъ какъ главной причиной медленнаго накопленія матеріальныхъ средствъ для дальнѣйшаго развитія женскихъ училищъ было отсутствіе общественной иниціативы, непривычка организовать общеполезное дѣло, то предположено было учреждать въ городахъ временные комитеты изъ представителей мѣстной администраціи и общества, которые по учрежденіи училищъ могли бы превратиться въ попечительные совѣты. Но одни общественныя и частныя средства не могли обезпечить существованія женскихъ училищъ, и Министерство пришло къ заключенію, что для поддержанія и дальнѣйшаго развитія женскихъ училищъ необходимо назначить ежегодное пособіе отъ казны, которое могло бы простираться для училища 1-го рязряда до 2000 руб. и для училища 2-го разряда до 1000 руб. Слабой стороной управленія женскими училищами былъ, по мнѣнію Министерства, составъ попечительныхъ совѣтовъ, который заключалъ въ себѣ поводы не къ сближенію, а разъединенію женскихъ училищъ съ обществомъ: въ составъ совѣтовъ попадали извѣстныя лица только въ силу своего оффиціальнаго положенія, но не имѣвшія вѣрнаго взгляда на задачи образованія и воспитанія: право трехъ непремѣнныхъ членовъ избирать всѣхъ остальныхъ порождало неудовольствіе и даже непріязнь къ училищу. Министерство полагало справедливымъ измѣнить составъ попечительныхъ совѣтовъ назначеніемъ въ число ихъ членовъ лицъ, выбираемыхъ тѣми сословіями, которыя содержатъ на свой счетъ училища, и безъ всякаго ограниченія при этомъ числа членовъ. Серьезные недостатки представ-

ляла и собственно учебная часть женскихъ училищъ: преподаваніе велось учителями мужскихъ гимназій и уѣздныхъ училищъ за ничтожную плату, учебные планы не были достаточно выработаны и приноровлены. Предположено было дать женскимъ училищамъ собственныхъ учителей, увеличивъ имъ вознагражденіе и сравнявъ въ правахъ и преимуществахъ съ учителями мужскихъ гимназій и уѣздныхъ училищъ. Что же касается учебныхъ плановъ, то Министерство желало дать имъ не только большую опредѣленность, но и спеціализировать ихъ съ цѣлью подготовки учительницъ и домашнихъ наставницъ. Таковы были главныя предположенія Министерства, на основаніи которыхъ Ученый Комитетъ выработалъ проектъ новаго Положенія о женскихъ училищахъ, напечатанный въ мартѣ 1865 г. въ журналѣ Министерства [186]).

Коренному преобразованію рѣшено было подвергнуть систему еврейскихъ учебныхъ заведеній, введенную графомъ Уваровымъ. Къ 1 января 1865 г. въ вѣдѣніи Министерства состояло: 2 раввинскихъ училища, 5 училищъ 2-го разряда, 100 училищъ 1-го разряда, 13 школъ грамотности, 1 дѣвичье училище, всего 121 училище съ 5,624 учащихся. Кромѣ того подъ надзоромъ Министерства находились 69 частныхъ школъ и 1,348 меламдовъ. Отчеты и отзывы попечителей учебныхъ округовъ и спеціальная ревизія еврейскихъ училищъ, произведенная тайнымъ совѣтникомъ Постельсомъ, привели къ заключенію, что опытъ насажденія системы казенныхъ еврейскихъ училищъ оказался неудаченъ: эти школы не пріобрѣли довѣрія и расположенія со стороны еврейскаго населенія. Спеціальные же денежные сборы, на которые содержались еврейскія школы, были тягостны. Съ другой стороны Министерство должно было принять во вниманіе еще одинъ важный фактъ—усиливающееся въ еврейскомъ юношествѣ стремленіе поступать въ общія учебныя заведенія, поощряемое нѣкоторыми льготами: установленіемъ въ 1863 г. стипендій для еврейскихъ мальчиковъ, обучающихся въ низшихъ и среднихъ общихъ учебныхъ заведеніяхъ, дарованіемъ въ 1861 г. права государственной службы и постояннаго пребыванія внѣ черты осѣдлости евреямъ, получившимъ ученыя степени. Въ то время, какъ Министерство Народнаго Просвѣщенія убѣдилось въ неудовлетворительномъ состояніи еврейскихъ училищъ, въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ возникло дѣло о преобразованіи коробочнаго и отмѣнѣ свѣчнаго сбора. Дѣло это, коснувшееся

матеріальныхъ средствъ существованія еврейскихъ училищъ, возбудило вопросъ: слѣдуетъ ли оставить еврейскія училища на будущее время, или лучше уничтожить ихъ, отказываясь отъ неудачнаго опыта? На эту послѣднюю мѣру Министерство не рѣшалось. Въ основаніе предстоящей реформы системы еврейскаго образованія Министерство находило возможнымъ положить слѣдующія начала: сохраненіе раввинскихъ училищъ, какъ дающихъ спеціальное систематическое образованіе; закрытіе училищъ 1-го и 2-го разряда, кромѣ мѣстностей, гдѣ нѣтъ общихъ училищъ; обращеніе суммъ, сберегаемыхъ отъ упраздненія еврейскихъ училищъ, на раздачу стипендій еврейскимъ дѣтямъ, учащимся въ общихъ школахъ; поощреніе раціонально поставленныхъ частныхъ еврейскихъ пансіоновъ. Но, высказывая эти предположенія, Министерство сознавало, что успѣшное ихъ выполненіе зависитъ отъ такихъ условій, которыя находятся внѣ его компетенціи. «Какія бы жертвы и усилія», говорилъ въ своемъ отчетѣ тайный совѣтникъ Постельсъ, «правительство ни употребляло на улучшеніе еврейскихъ училищъ, цѣль ихъ учрежденія все таки не будетъ достигнута, пока евреи останутся сплоченными въ тѣсныхъ предѣлахъ настоящей ихъ осѣдлости и при настоящихъ условіяхъ ихъ жизни» [187]).

Не успѣло Министерство А. В. Головнина выработать какихъ либо общихъ мѣропріятій и предположеній относительно частныхъ учебныхъ заведеній и домашняго обученія. Послѣ того, какъ въ 1857—1858 г.г. отмѣнены были мѣры, стѣснившія развитіе частныхъ учебныхъ заведеній, число послѣднихъ стало быстро расти. Но такъ какъ оставалось во всей силѣ требованіе, чтобы учебный курсъ частныхъ училищъ по возможности соотвѣтствовалъ курсу казенныхъ учебныхъ заведеній, то частныя школы не успѣли сложиться въ особые оригинальные типы, и въ 60-хъ годахъ онѣ дѣлились, по степени соотвѣтствія ихъ съ государственными учебными заведеніями, на 3 разряда. Въ концѣ 1864 г. насчитывалось частныхъ учебныхъ заведеній: на степени гимназій—75 (20 мужскихъ и 55 женскихъ), на степени уѣздныхъ училищъ—186 (47 мужскихъ и 139 женскихъ), на степени приходскихъ и начальныхъ училищъ—около 538, причемъ въ послѣдней группѣ замѣчалось большое разнообразіе устройства и объема преподаванія. Особую группу частныхъ учебныхъ заведеній составляли училища при церквахъ иностранныхъ исповѣданій, число которыхъ превышало 150. Наконецъ въ вѣдѣніи

Министерства находились домашніе учителя и наставники; къ 1865 г. ихъ число простиралось до 1,324. Въ 1864 г. Министерство предложило попечителямъ учебныхъ округовъ сообщить свои замѣчанія и отзывы о пересмотрѣ старыхъ положеній 30-хъ годовъ, которыми регулировалось дѣло частнаго обученія въ государствѣ. Донесенія попечителей отмѣтили два главные недостатка существующихъ законоположеній, мѣшавшихъ успѣшному развитію частныхъ учебныхъ заведеній: 1) излишнее подчиненіе ихъ курса курсу казенныхъ заведеній и 2) неблагопріятную педагогическую обстановку содержателей, учителей и воспитателей. Ученому Комитету поручено было составить проектъ новаго положенія о частныхъ училищахъ и домашнихъ учителяхъ съ цѣлью предоставить возможно большую свободу развитію частной педагогической дѣятельности. Но и это дѣло при А. В. Головнинѣ не было доведено до конца [188]).

VIII.

Въ государственной программѣ А. В. Головнина, какъ видно изъ Обзора дѣятельности Министерства за 1862—1864 гг. и всеподданѣйшаго доклада 7 сентября 1865 г., вопросъ о постановкѣ учебнаго дѣла на окраинахъ не имѣлъ такого выдающагося принципіальнаго значенія, какъ въ эпоху графа Уварова. Такъ ярко выраженное тогда стремленіе сдѣлать школу орудіемъ сплоченія окраинъ съ коренной Россіей съ теченіемъ времени ослабѣло и не поддерживалось съ прежней энергіей и послѣдовательностью. Къ тому же на двухъ окраинахъ, въ Царствѣ Польскомъ и на Кавказѣ, учебное управленіе было изъято изъ вѣдѣнія Министерства Народнаго Просвѣщенія и подчинено высшей мѣстной власти. Тѣмъ не менѣе, въ силу историческихъ обстоятельствъ, Министерство вынуждено было въ 60-хъ годахъ начать на нѣкоторыхъ окраинахъ преобразованія, имѣвшія въ виду не столько собственно учебные, сколько общегосударственные интересы.

Польское возстаніе 1863 г. вновь раскрыло всю глубину національно политическаго вопроса на западной окраинѣ и показало великое значеніе школы въ разрѣшеніи его. Въ самомъ Царствѣ Польскомъ за тѣ немногіе годы, въ теченіе которыхъ Варшавскій учебный округъ былъ упраздненъ и управленіе учеб-

ной частью находилось въ рукахъ Правительственной Комиссіи духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, учебная система была дважды преобразована, непосредственно предъ возстаніемъ и послѣ него. «Уставъ о общественномъ воспитаніи въ Царствѣ Польскомъ» 8 мая 1862 г., въ соотвѣтствіи съ общимъ либеральнымъ характеромъ государственныхъ преобразованій въ краѣ, возстановилъ полную систему національныхъ школъ, съ польскимъ преподавательскимъ персоналомъ и языкомъ, подчиненную особому мѣстному управленію — Правительственной Комиссіи. Низшія училища разныхъ разрядовъ, общеобразовательныя — элементарныя и спеціальныя — ремесленныя и коммерческія, подчинены были контролю и опекѣ мѣстныхъ обществъ, преимущественно дворянъ и духовенства. Уѣздныя училища, соотвѣтствовавшія первымъ классамъ гимназій, раздѣлены на общія, педагогическія и спеціальныя—ремесленныя. Въ гимназіяхъ утвержденъ классическій курсъ. Высшее общее образованіе сосредоточено въ Варшавской Главной Школѣ, организованной по образцу университетовъ съ 4-мя факультетами (медицинскимъ, физико-математическимъ, юридическимъ и историко-филологическимъ), спеціальное образованіе — въ Институтѣ политехническомъ и земледѣльческо-лѣсномъ, Институтѣ сельскаго хозяйства въ Маримонтѣ, Варшавской Художественной Школѣ. Начавшееся послѣ 1863 г. коренное преобразованіе всѣхъ учрежденій Царства, направленное къ полному объединенію его съ Имперіей, внесло существенныя измѣненія и въ учебную систему. Высочайшій рескриптъ 30 августа 1864 г. на имя намѣстника Царства графа Берга повелѣлъ сохранить неприкосновенными коренныя начала устава 1862 г., но вмѣстѣ съ тѣмъ принять такія мѣры, которыя не позволяли бы превращать школу въ орудіе для достиженія политическихъ цѣлей и охранили бы отъ польскаго вліянія другіе элементы населенія. «Предоставляя польскому юношеству», говорилось въ рескриптѣ, «обучаться на его природномъ языкѣ, надлежитъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, принять во вниманіе, что населеніе Царства состоитъ изъ лицъ, принадлежащихъ къ разнымъ племенамъ и вѣроисповѣданіямъ. Каждое изъ нихъ должно быть ограждено отъ всякаго насильственнаго посягательства, и въ этихъ видахъ необходимо, между прочимъ, озаботиться объ образованіи отдѣльныхъ для каждой народности училищъ, а въ школахъ общихъ, особенно же низшихъ, ввести обученіе на природномъ языкѣ большинства населенія, то-есть, или на польскомъ или на

русскомъ или на нѣмецкомъ или на литовскомъ, смотря по мѣстности и происхожденію жителей. Задача Россіи въ отношеніи Царства Польскаго должна заключаться въ полномъ безпристрастіи къ составнымъ стихіямъ тамошняго населенія.» Въ тотъ же день были изданы указы: о начальныхъ училищахъ, ввѣренныхъ ближайшему попеченію самихъ вновь возстановленныхъ сельскихъ обществъ, о казенныхъ женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, по образцу учрежденныхъ въ Имперіи, о русской гимназіи и нѣмецко-евангелическомъ училищѣ въ Варшавѣ, объ учрежденіи 10 учебныхъ дирекцій. Высшее наблюденіе за народными школами поручено Учредительному въ Царствѣ Комитету. Наконецъ, рескриптъ 30 августа преподалъ руководящія правила преобразованія среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній и, въ частности, повелѣлъ войти въ соображенія о скорѣйшемъ преобразованіи Варшавской Главной Школы въ университетъ. Къ началу 1866 г. были готовы и рескриптомъ 5 января введены въ дѣйствіе новые уставы и штаты мужскихъ гимназій и прогимназій для польскаго населенія, гимназій и прогимназій для русскаго греко-уніатскаго населенія; главнаго нѣмецко-евангелическаго училища въ Варшавѣ; нѣмецкой реальной гимназіи въ Лодзи; женскихъ гимназій и прогимназій; особыхъ педагогическихъ курсовъ для польскаго, русскаго греко-уніатскаго и литовскаго населенія. Такъ была устроена система средняго образованія, имѣвшая цѣлью «приспособить училища къ потребностямъ разныхъ въ Царствѣ населеній и развить въ оныхъ населеніяхъ основательное научное образованіе». Когда въ 1867 г. былъ возстановленъ Варшавскій учебный округъ, Министерству оставалось довершить этотъ циклъ реформъ преобразованіемъ Варшавской Главной Школы въ университетъ, а затѣмъ постепенно подчинять учебныя заведенія Царства Польскаго дѣйствующимъ уставамъ [189]).

Орудіемъ политической борьбы оставалась въ 60-хъ годахъ и школа западныхъ губерній. Польское дворянство западнаго края не мирилось съ учебной системой, установленный графомъ Уваровымъ, и при обсужденіи проекта устава общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній въ 1860—1861 гг. воспользовалось случаемъ откровенно заявить свои традиціонныя притязанія: въ отзывахъ и замѣчаніяхъ мѣстныхъ польскихъ дворянскихъ обществъ и даже нѣкоторыхъ педагогическихъ кружковъ были заявлены пожеланія о примиреніи публичнаго воспитанія съ семействомъ,

о привлеченіи къ дѣлу народнаго образованія представителей мѣстнаго дворянства, о возстановленіи преподаванія на польскомъ языкѣ и польскаго университета. Эти мнѣнія, опиравшіяся на убѣжденіе, что западный край по основамъ своей культуры есть край польско-католическій, свидѣтельствовали, что торжество русской народности въ немъ далеко еще не было обезпечено. Мѣстная учебная власть это прекрасно сознавала, и попечитель Виленскаго округа князь А. П. Ширинскій-Шихматовъ въ 1862 г. прямо заявилъ, что въ предѣлахъ округа «все образованное и все мыслящее сословіе принадлежитъ къ явнымъ противникамъ видовъ правительства, желающаго вызвать къ жизни и укрѣпить подавленное чувство русской національности». Перечисляя нужды округа, попечитель особенно настаивалъ на усиленіи правительственнаго контроля, на увеличеніи числа русскихъ преподавателей, на развитіи народныхъ училищъ и на сокращеніи числа среднихъ учебныхъ заведеній. Въ такомъ положеніи находилось учебное дѣло въ западномъ краѣ наканунѣ новаго польскаго возстанія. Когда мятежъ въ концѣ 1862-го и началѣ 1863 г. сталъ проникать въ Литву и Бѣлоруссію, Западный Комитетъ постановилъ поручить министру Народнаго Просвѣщенія, по соглашенію съ оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Синода и министрами Внутреннихъ Дѣлъ и Государственныхъ Имуществъ, составить правила для устройства сельскихъ школъ въ литовскихъ и бѣлорусскихъ областяхъ съ тѣмъ, чтобы возможно большее участіе въ этомъ дѣлѣ принадлежало правительству и православному духовенству, и наивозможно меньшее—польскимъ помѣщикамъ и латинскому духовенству. По мнѣнію Комитета, православное духовенство и русская школа являлись надежнѣйшей опорой правительства въ борьбѣ съ польской революціонной пропагандой. Государь утвердилъ положеніе Комитета резолюціей: «Желаю, чтобъ правила эти были составлены безъ всякаго промедленія».

Въ маѣ 1863 г. генералъ-губернаторъ сѣверо-западнаго края и главный начальникъ Витебской и Могилевской губерній, временно присоединенныхъ къ Виленскому учебному округу, М. Н. Муравьевъ, вполнѣ раздѣляя воззрѣніе Западнаго Комитета на великое политическое значеніе народной школы въ Литвѣ и Бѣлоруссіи, въ оффиціальный перепискѣ съ А. В. Головнинымъ подвергъ рѣзкой критикѣ ту систему, какой держалось Министерство въ западномъ краѣ со времени графа Уварова.

«Число гимназій и прогимназій Виленскаго учебнаго округа, писалъ Муравьевъ, не соотвѣтствуетъ потребности края; ихъ слишкомъ много, учащихся въ нихъ теперь очень мало. Умноженіе заведеній этихъ было постоянно заботою польскаго дворянства и римско-католическаго духовенства, стремившихся подавить въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ русскую народность и православіе. Съ этою цѣлью они не щадили пожертвованій для устройства гимназій, притомъ преимущественно въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ по отдаленности отъ центровъ, дѣятельный надзоръ правительства былъ затруднителенъ, и гдѣ, слѣдовательно, легче можно было надѣяться вытѣснить русскій элементъ и воспитать молодое поколѣніе въ духѣ ненависти ко всему русскому и въ несбыточныхъ мечтахъ объ отторженіи западныхъ нашихъ провинцій и соединеніи ихъ съ Польшею. Эти гимназіи польское дворянство и духовенство старались наполнять мѣстною шляхтою, чтобы предоставить ей съ окончаніемъ курса служебныя права, а затѣмъ служебныя должности въ мѣстной администраціи, которая, вслѣдствіе сего, въ свою очередь, обратилась въ орудіе враждебной Россіи партіи. Такимъ образомъ, въ гимназіяхъ Виленскаго округа правительство, тратя на содержаніе ихъ значительныя суммы, воспитывало враговъ себѣ и Россіи. Между тѣмъ какъ съ закрытіемъ нѣсколькихъ изъ этихъ заведеній употребляемыя на нихъ деньги могутъ быть съ пользою обращены на умноженіе народныхъ училищъ и сельскихъ школъ. Въ этихъ училищахъ и школахъ, приспособленныхъ къ потребностямъ населенія, съ одной стороны дѣти горожанъ и крестьянъ, представителей русскаго населенія края, будутъ укрѣпляться въ изученіи вѣры и языка предковъ, которые пропаганда напрасно старалась въ нихъ заглушить, съ другой стороны дѣти шляхты будутъ пріобрѣтать познанія, полезныя въ сферѣ ихъ обычной дѣятельности, и перестанутъ выходить безъ нужды въ сословіе чиновниковъ и увеличивать собою и безъ того уже многочисленный въ краѣ пролетаріатъ». Вину за такое ложное и опасное направленіе учебнаго дѣла въ западномъ краѣ Муравьевъ всецѣло возлагалъ на Министерство. «Министерство Народнаго Просвѣщенія», говорилъ онъ въ письмѣ къ А. В. Головнину 10 мая 1864 г., «по невѣдѣнію своему и по недостаточному обсужденію положенія дѣла горячо покровительствовало и всѣми мѣрами способствовало расширенію и утвержденію такой системы воспитанія въ западныхъ нашихъ провинціяхъ и тѣмъ, такъ сказать, допускало въ искони русскомъ

краѣ подготовленіе тѣхъ печальныхъ событій, которыя совершились въ минувшемъ году».

Съ своей стороны А. В. Головнинъ доказывалъ правильность политики Министерства, стремившагося дать перевѣсъ публичному образованію и воспитанію надъ частнымъ и домашнимъ; но, достигнувъ этой цѣли, Министерство оказалось безсильно противъ настроенія мѣстнаго польскаго общества; не въ учебныхъ заведеніяхъ, а въ антагонизмѣ этого общества и въ семейной средѣ ученики почерпали духъ неповиновенія и ненависти къ законной власти. Нельзя винить Министерство за слабое развитіе начальнаго образованія: препятствіями сему были крѣпостное право и недостатокъ денежныхъ средствъ. Ревностнаго сотрудника себѣ Муравьевъ нашелъ въ лицѣ новаго попечителя Виленскаго округа И. П. Корнилова. Послѣдній, по его собственнымъ словамъ, видѣлъ въ Виленскомъ учебномъ округѣ «не только правительственное учрежденіе для управленія народными школами и учебнымъ дѣломъ, но также признавалъ въ немъ и сильное орудіе русскаго общества для культурной борьбы съ мѣстнымъ польскимъ обществомъ и для возстановленія на русско-литовской землѣ русской культурной жизни. За неимѣніемъ въ краѣ мѣстнаго русскаго дворянства и русскихъ культурныхъ силъ, Виленскій учебный округъ по необходимости долженъ былъ проявить эти силы». И. П. Корниловъ не сходился со своимъ предшественникомъ княземъ Ширинскимъ-Шихматовымъ и съ самимъ М. Н. Муравьевымъ во взглядѣ на обиліе среднихъ учебныхъ заведеній въ западномъ краѣ: по его мнѣнію, «они представляли лучшее средство для поднятія въ краѣ русской культуры; нужно только сдѣлать ихъ дѣйствительными разсадниками русскаго просвѣщенія, уничтоживъ въ самомъ корнѣ все то, что служило прежде цѣлямъ ополяченія русскихъ и литовцевъ» [190]).

Свои предположенія объ учебныхъ заведеніяхъ западнаго края генералъ-губернаторъ изложилъ въ маѣ 1864 г. въ Западномъ Комитетѣ въ присутствіи министра Народнаго Просвѣщенія. Эти предположенія имѣли цѣлью: 1) оставить лишь самое необходимое число гимназій, прогимназій и дворянскихъ училищъ; 2) въ городахъ устраивать двухклассныя училища, отнюдь не допуская обученія польскому языку и 3) особенное вниманіе сосредоточить на размноженіи русскихъ элементарныхъ школъ. Высочайше утвержденнымъ 28 мая положеніемъ Комитета поручено было министру Народнаго Просвѣщенія всѣ предположенія генерала

Муравьева приводить въ исполненіе по мѣрѣ возможности. Въ октябрѣ 1863 г. былъ закрытъ Виленскій дворянскій институтъ, а лѣтомъ и осенью 1864 г. послѣдовало распоряженіе генералъ-губернатора о закрытіи по политическимъ соображеніямъ гимназій: Новогрудской, Кейданской, Поневѣжской, прогимназій: Тельшевской и Свислочской; на Министерство же Народнаго Просвѣщенія возложена была обязанность оформить эту чрезвычайную мѣру законодательнымъ порядкомъ и дать новое употребленіе ассигнуемымъ на закрытыя училища суммамъ. 15 іюня 1865 г. Высочайше утверждено было мнѣніе Государственнаго Совѣта о закрытіи и преобразованіи гимназій и уѣздныхъ училищъ Виленскаго округа: гимназіи Кейданская и Поневѣжская съ состоящими при нихъ дирекціями, прогимназія Свислочская, параллельные классы гимназій Бѣлостокской и Дрогичинское дворянское училище окончательно упразднены; дворянскія училища Брестъ-Литовское и Бобруйское преобразованы въ прогимназіи; въ 19 городахъ и мѣстечкахъ учреждаются двухклассныя уѣздныя училища; при народныхъ училищахъ городовъ Виленской, Ковенской, Гродненской и Минской губерній открываются смѣны для обученія дѣвочекъ. Аналогичное преобразованіе состоялось въ губерніяхъ Витебской и Могилевской: 19 октября 1865 г. постановлено было взамѣнъ упраздненныхъ пятиклассныхъ дворянскихъ и трехкласныхъ уѣздныхъ училищъ открыть одну прогимназію (въ г. Гомелѣ), 20 двухклассныхъ училищъ и 21 смѣну для дѣвочекъ. Для замѣщенія учительскихъ должностей въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ лицами русскими и православными учреждены были въ Московскомъ, Казанскомъ, и Харьковскомъ университетахъ 60 стипендій на историко-филологическихъ и физико-математическихъ факультетахъ. Сверхъ того, съ 1864 г. ассигновано было 50.000 руб. на производство служащимъ по учебной части лицамъ русскаго происхожденія и уроженцамъ прибалтійскихъ губерній добавочнаго жалованья въ размѣрѣ половинныхъ окладовъ [191]).

Еще до назначенія Муравьева генералъ-губернаторомъ Министерство приступило къ преобразованію начальнаго образованія на основаніи постановленія Западнаго Комитета. 18 января 1862 г. въ Совѣтѣ Министровъ Государь повелѣлъ: не ожидая окончательнаго составленія проекта общаго Положенія о народныхъ училищахъ, Министерствамъ Народнаго Просвѣщенія и Внутреннихъ Дѣлъ заняться неотлагательно устройствомъ народныхъ

училищъ въ западныхъ губерніяхъ. Вслѣдъ затѣмъ въ 1862—1863 г.г. по Высочайшимъ повелѣніямъ въ распоряженіе попечителей Виленскаго и Кіевскаго учебныхъ округовъ отпущены были значительныя суммы на скорѣйшее устройство сѣти народныхъ училищъ. Въ началѣ марта 1863 г. на разсмотрѣніе Западнаго Комитета поступилъ проектъ временныхъ правилъ для школъ въ шести сѣверо-западныхъ губерніяхъ. Одобряя этотъ проектъ и поручая министру Народнаго Просвѣщенія испросить сверхсмѣтный кредитъ на эти школы, Западный Комитетъ вмѣнилъ ему въ обязанность, чтобы ассигнованная сумма была употребляема преимущественно на поддержаніе учрежденныхъ православнымъ духовенствомъ, или при его содѣйствіи, народныхъ школъ, и, по мѣрѣ дѣйствительной надобности, на устройство новыхъ школъ въ возможно большемъ числѣ. По Высочайше утвержденнымъ 23 марта 1863 г. Временнымъ правиламъ и послѣдовавшимъ за ними отдѣльнымъ постановленіямъ въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ учреждены были 6 дирекцій; элементарныя народныя училища каждой губерніи въ отношеніяхъ административномъ, учебномъ и хозяйственномъ вѣдаются училищнымъ совѣтомъ, состоящимъ подъ предсѣдательствомъ директора народныхъ училищъ изъ представителей Министерствъ Внутреннихъ Дѣлъ и Государственныхъ Имуществъ, мѣстнаго епархіальнаго православнаго вѣдомства и инспекторовъ народныхъ училищъ; инспекторы, число которыхъ опредѣляется сообразно мѣстнымъ потребностямъ, могутъ назначаться изъ лицъ духовнаго вѣдомства; въ училища допускаются дѣти всѣхъ состояній безъ различія исповѣданій; преподаваніе ведется на русскомъ языкѣ. Въ слѣдующемъ году вѣдѣнію директоровъ народныхъ училищъ подчинены были и приходскія училища Виленскаго округа. На устройство и содержаніе народныхъ училищъ сѣверо-западныхъ губерній было отпущено въ ближайшіе годы, въ разное время, изъ Государственнаго Казначейства 121.732 руб. 50 коп. и на содержаніе дирекцій—35.560 руб. Такъ какъ устройство народныхъ училищъ не могло подвигаться безъ подготовленныхъ и благонадежныхъ учителей, то по Высочайшему повелѣнію 3 января 1863 г. въ распоряженіе попечителей Виленскаго и Кіевскаго округовъ отпущено было по 3.062 руб. 50 коп. единовременно на устройство учительскихъ семинарій, а 25 іюня 1864 г. явилось Положеніе о Молодечнинской учительской семинаріи, которая впослѣдствіи принята была за образецъ при устройствѣ

семинарій и во внутренней Россіи. Въ представленіи Государственному Совѣту, изъясняя необходимость учительскихъ семинарій въ западномъ краѣ, министръ коснулся вопроса о педагогической дѣятельности духовенства: «учительская семинарія—одно изъ орудій противодѣйствія вліянію польской національности—является учрежденіемъ ничѣмъ незамѣнимымъ. Въ гимназіи и во всякомъ другомъ учебномъ заведеніи, по различію происхожденія учащихся, неизбѣжно является столкновеніе народностей. Учительская семинарія можетъ и должна состоять вся, начиная отъ директора до воспитанниковъ, изъ лицъ только православнаго исповѣданія. Одно духовенство, какъ показалъ опытъ, не можетъ принять на себя и выполнить въ цѣлости всей задачи воспитанія народнаго. Обученіе въ училищѣ должно быть непрерывное и требуетъ слишкомъ много времени, котораго, за исполненіемъ духовныхъ требъ и обязанностей, не достанетъ у духовенства. Притомъ для вполнѣ успѣшной дѣятельности въ обученіи народа необходимо особое приготовленіе, котораго наше духовенство не получаетъ». Эти общія мѣры по преобразованію учебной системы въ сѣверо-западномъ краѣ сопровождались нѣкоторыми особыми распоряженіями по разнымъ спеціальнымъ вопросамъ: такъ въ 1863 г. рѣшено было издавать въ предѣлахъ округа народный журналъ на русскомъ, литовскомъ и самогитскомъ языкахъ, но черезъ 2 года, по обсужденіи этого вопроса въ Западномъ Комитетѣ, изданіе этого журнала найдено было рановременнымъ и ассигнованные на него 6.000 руб. обращены на усиленіе средствъ учебныхъ заведеній. Тѣмъ не менѣе Западный Комитетъ призналъ весьма полезнымъ для доставленія западному русскому населенію удобопонятнаго чтенія, въ духѣ православія и государственныхъ началъ, издавать соотвѣтствующія статьи не въ формѣ журнала, а отдѣльными выпусками; для жмудскаго же и литовскаго населенія переводить на мѣстныя нарѣчія и печатать русскими буквами молитвы, главныя правительственныя распоряженія и статьи духовно-нравственнаго содержанія. Въ 1864 г. назначено было ежегодное пособіе въ 2.600 руб. содержательницамъ частныхъ женскихъ пансіоновъ въ западныхъ губерніяхъ.

Другой исходъ получило дѣло о преобразованіи учебныхъ заведеній юго-западнаго края, Кіевскаго округа. Когда въ январѣ 1863 г. стала извѣстна Высочайшая воля о немедленномъ составленіи правилъ для народныхъ училищъ западныхъ губерній, Кіевскій генералъ-губернаторъ, генералъ-адъютантъ Анненковъ,

составилъ подъ своимъ предсѣдательствомъ особый Комитетъ изъ представителей духовнаго и учебнаго вѣдомства для обсужденія мѣръ по народному образованію въ юго-западномъ краѣ. Въ основу своихъ предположеній Комитетъ положилъ убѣжденіе, что элементарное образованіе народа не можетъ быть принято на счетъ правительства, что съ его стороны пособіе можетъ быть только средствомъ поддержанія школъ, впредь до окончательнаго устройства ихъ, и восполненіемъ тѣхъ недостатковъ, которые не могутъ быть покрыты собственными средствами крестьянскихъ обществъ. Для юго-западныхъ губерній Комитетъ считалъ одинаково полезными школы двухъ степеней: элементарныя церковно-приходскія школы и высшія образцовыя народныя училища. Хозяиномъ школъ первой степени является епархіальное начальство; учебное вѣдомство оказываетъ только содѣйствіе ихъ преуспѣянію, когда духовное вѣдомство признаетъ это нужнымъ и Министерство найдетъ возможнымъ. Образцовыя высшія училища устраиваются учебнымъ вѣдомствомъ, состоятъ въ его полномъ управленіи; духовенство только преподаетъ Законъ Божій и наблюдаетъ за религіозно-нравственнымъ образованіемъ учащихся, за поведеніемъ и направленіемъ учителей. Для снабженія школъ обѣихъ степеней учителями желательно устройство педагогическихъ семинарій или, по крайней мѣрѣ, курсовъ. Для православнаго и русскаго населенія въ городахъ Комитетъ призналъ необходимымъ устройство прогимназій, двухклассныхъ приходскихъ училищъ и одноклассныхъ отдѣленій для дѣвицъ. На покрытіе издержекъ по народному образованію генералъ-адъютантъ Анненковъ думалъ обратить часть 10% подоходнаго налога, собраннаго съ дворянскихъ имѣній юго-западнаго края. Всѣ эти предположенія были разсмотрѣны въ Совѣтѣ Министра, который сдѣлалъ нѣсколько существенныхъ замѣчаній и возраженій; не нашелъ возможнымъ налагать на крестьянскія общества какія либо принудительныя обязательства въ отношеніи устройства и содержанія народныхъ школъ; выразилъ желаніе подчинить болѣе дѣйствительному надзору учебнаго вѣдомства церковно-приходскія школы и всякаго рода частныя элементарныя училища; призналъ нужнымъ положить, что Министерству предоставляется также устраивать низшія элементарныя школы; наконецъ, находя весьма полезнымъ возложить на священниковъ наблюденіе за религіознымъ направленіемъ преподаванія въ начальныхъ школахъ, полагалъ сократить этотъ пунктъ, устранивъ изъ него обязанности,

имѣющія полицейскій характеръ и потому не свойственныя лицамъ духовнаго званія.

5 марта 1866 г. А. В. Головнинъ внесъ на усмотрѣніе Комитета Министровъ предположенія объ устройствѣ учебнаго дѣла въ губерніяхъ Кіевской, Волынской и Подольской: проектъ о преобразованіи 8-и дворянскихъ и 2-хъ уѣздныхъ училищъ въ прогимназіи, объ устройствѣ трехъ новыхъ прогимназій въ Подольской губерніи, и проектъ временныхъ правилъ для народныхъ училищъ. При обсужденіи этого проекта оберъ-прокуроръ Св. Синода графъ Д. А. Толстой выступилъ съ особымъ мнѣніемъ, въ которымъ энергично напалъ на основную мысль проекта. «Дѣятельность православнаго духовенства юго-западнаго края на поприщѣ народнаго образованія, писалъ оберъ-прокуроръ, не приводитъ къ мысли о необходимости сліянія церковно-приходскихъ школъ съ народными, содержимыми Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія. Заслуги духовенства въ этомъ отношеніи неоспоримы. Оно приступило къ повсемѣстному открытію школъ безъ всякихъ пособій отъ казны, по большей части жертвуя для сего изъ собственныхъ скудныхъ средствъ, которыми и понынѣ ограничивается, не получая никакого на этотъ предметъ пособія изъ Государственнаго Казначейства. Несмотря на это, его безкорыстными и неутомимыми, въ продолженіе многихъ лѣтъ, трудами учреждены и поддерживаются до 3,869 приходскихъ школъ въ трехъ юго-западныхъ губерніяхъ, тогда какъ Министерство Народнаго Просвѣщенія имѣетъ въ семъ краѣ всего 51 школу, и всѣ эти школы содержатся на счетъ казны. Довѣріе и сочувствіе сельскаго населенія къ школамъ, заведеннымъ духовенствомъ, выразившееся особенно въ послѣдніе годы, служатъ достаточнымъ ручательствомъ добросовѣстнаго веденія духовенствомъ дѣла народнаго обученія. Столь благотворная дѣятельность духовенства не можетъ не заслуживать полнаго одобренія и поощренія со стороны правительства и ни въ какомъ случаѣ не должна быть стѣсняема». Развивая далѣе свои возраженія, графъ Толстой перешелъ на почву общаго вопроса объ организаціи народнаго образованія и опредѣленно высказался противъ общаго Положенія о народныхъ училищахъ 1864 г. Въ заключеніе онъ предложилъ: оставить въ юго-западномъ краѣ приходскія школы, заведенныя духовенствомъ, въ его завѣдываніи въ силу Высочайшаго повелѣнія 18 января 1862 г.; если же Министерство найдетъ необходимымъ ввести составленныя имъ правила для своихъ

школъ въ юго-западномъ краѣ, то обсудить эти правила, не касаясь школъ, заведенныхъ или впредь имѣющихъ быть открытыми приходскимъ духовенствомъ. Это принципіальное разногласіе между Министерствомъ и оберъ-прокуроромъ Св. Синода разрѣшено было Высочайшей резолюціей 15 апрѣля 1866 г., послѣдовавшей одновременно съ назначеніемъ графа Толстаго министромъ Народнаго Просвѣщенія, резолюціей, которая не только дала иной оборотъ дѣлу объ учебной системѣ юго-западнаго края, но указала также новое направленіе дѣятельности Министерства въ общемъ вопросѣ о народномъ образованіи: «Раздѣляю вполнѣ особое мнѣніе оберъ-прокурора Св. Синода, и такъ какъ онъ теперь назначенъ вмѣстѣ съ тѣмъ министромъ Народнаго Просвѣщенія, то предоставляю ему впослѣдствіи, если признаетъ нужнымъ, войти въ Комитетъ съ особымъ своимъ соображеніемъ по сему предмету» [192]).

Въ разрѣшеніи національнаго вопроса на прибалтійской окраинѣ также нельзя было обойтись безъ крупныхъ преобразованій въ сферѣ учебнаго дѣла. Но Министерство А. В. Головнина не рѣшилось круто измѣнить прежней политики по отношенію къ учебной системѣ Дерптскаго округа. Въ 60-хъ годахъ онѣмеченіе народныхъ массъ, эстовъ и латышей, дѣлало большіе успѣхи, между прочимъ, черезъ посредство народныхъ школъ. Культурныя задачи нѣмецкаго дворянства и протестантскаго духовенства не покрывались тайной. Въ 1864 г. въ Ригѣ, при открытіи дворянскаго сейма, епископъ Вальтеръ въ своей проповѣди заявилъ, что германизація латышей и эстовъ составляетъ священный долгъ и важнѣйшую политическую задачу лифляндскаго дворянства. Это откровенное заявленіе, за которое епископъ Вальтеръ отрѣшенъ былъ отъ должности, возбудило страстную полемику между русской и нѣмецкой журналистикой, полемику, заставившую правительство выяснить положеніе русской народности и православія въ Прибалтійскомъ краѣ, а впослѣдствіи принять рядъ мѣръ къ огражденію ихъ достоинства и интересовъ.

Проектъ новаго устава Дерптскаго университета былъ составленъ сначала Комиссіею подъ предсѣдательствомъ фонъ-Брадке, которая занималась въ концѣ 1861 г. начертаніемъ проекта общаго университетскаго устава. Затѣмъ, по представленію новаго попечителя графа Кейзерлинга, проектъ переданъ былъ въ маѣ 1862 г. въ совѣтъ университета для согласованія съ основными положеніями общаго устава, причемъ должны были сохраниться непри-

косновенными нѣкоторыя старыя, коренныя особенности Дерптскаго университета. Въ новой редакціи проектъ представленъ былъ въ Министерство зимою 1864 г. По разсмотрѣніи въ Совѣтѣ министра и Ученомъ Комитетѣ онъ снова вернулся въ Дерптъ для исправленій и наконецъ, окончательно соглашенный Ученымъ Комитетомъ съ общимъ университетскимъ уставомъ, представленъ въ Государственный Совѣтъ. Пока проектъ проходилъ разныя инстанціи, попечители округа, фонъ-Брадке и за нимъ графъ Кейзерлингъ, возбудили ходатайство о немедленномъ усиленіи денежныхъ средствъ университета, въ виду настоятельныхъ потребностей времени, на сумму около 86.000 руб. въ годъ. Между тѣмъ были утверждены новые штаты 5-и университетовъ, и министръ предложилъ совѣту Дерптскаго университета обсудить вопросъ о примѣненіи ихъ къ потребностямъ послѣдняго, указывая, что въ такомъ случаѣ Дерптскій университетъ получитъ увеличенныя средства, хотя и не сразу, а въ извѣстной постепенности. Университетъ, однако, предпочелъ сохранить свой особый умѣренный штатъ, надѣясь, что испрашиваемая прибавка въ 86.000 руб. будетъ разрѣшена къ отпуску сразу съ начала 1864 г. Но министръ финансовъ объявилъ, что въ виду значительнаго по росписи на 1864 г. дефицита ассигнованіе 86.000 руб. невозможно, послѣ чего дѣло о новомъ штатѣ Дерптскаго университета было взято изъ Департамента Экономіи и вновь внесено на обсужденіе Государственнаго Совѣта уже вмѣстѣ съ проектомъ устава. Одобренные Государственнымъ Совѣтомъ новые уставъ и штатъ Дерптскаго университета были Высочайше утверждены и обнародованы указомъ Правительствующему Сенату 9 января 1865 г.

Сущность реформы Дерптскаго университета заключалась въ томъ, чтобы согласить по возможности его устройство съ новымъ общимъ уставомъ русскихъ университетовъ, удержавъ за нимъ тѣ особенности, которыя необходимы по мѣстнымъ условіямъ и исключительному положенію университета. Поэтому для характеристики новаго устава достаточно остановиться на тѣхъ его статьяхъ, которыми утверждаются особенности Дерптскаго университета.

Въ области общаго управленія университетомъ власти судебная, полицейская и нотаріальная оставлены на прежнемъ основаніи впредь до введенія въ остзейскихъ губерніяхъ общей судебной реформы. Особымъ постановленіемъ 28 іюня 1865 г. отмѣ-

нено было правило о преданіи военному суду студентовъ Дерптскаго университета за участіе въ поединкахъ. Въ вѣдѣніи университета оставлены также пожалованныя ему по учредительной грамотѣ земли въ Дерптѣ.

Главной особенностью учебнаго плана университета остался богословскій факультетъ въ составѣ пяти каѳедръ. Иначе сгруппированы каѳедры по другимъ факультетамъ. Въ общемъ Дерптскій университетъ по числу каѳедръ въ отдѣльныхъ факультетахъ былъ бѣднѣе другихъ университетовъ по уставу 1863 г. Каѳедра православнаго богословія поставлена внѣ факультетовъ. Особые лекторы назначены для мѣстныхъ языковъ—латышскаго и эстонскаго. Полученіе званія профессора осложнено условіемъ, не имѣющимся въ общемъ уставѣ 1863 г.: «никто не можетъ быть профессоромъ, не сдѣлавшись извѣстнымъ учеными трудами по предметамъ замѣщаемой каѳедры и даромъ преподаванія». Но для экстраординарнаго профессора, какъ и для доцента, требуется только степень магистра.

Пріемъ учащихся и обязанности ихъ опредѣлены согласно съ общимъ уставомъ, за исключеніемъ тѣхъ существенныхъ особенностей, которыя вытекали изъ устройства университетскаго суда въ Дерптѣ. Изъ другихъ отличій слѣдуетъ назвать постановленія о пріемѣ студентовъ дважды въ годъ и объ особой платѣ за слушаніе лекцій, составляющей неотъемлемую собственность преподавателей по принадлежности, сверхъ платы въ пользу университета.

Новый штатъ Дерптскаго университета опредѣленъ въ суммѣ 209.200 руб.; изъ нихъ 137.550 руб. на личный составъ и 71.650 руб. на учебныя пособія, хозяйственные и другіе расходы [193]).

Въ 1864 г. началось возбужденное Рижскимъ архіепископомъ Платономъ дѣло о поднятіи русскаго образованія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Дерптскаго округа. Въ отчетѣ о произведенномъ имъ обозрѣніи Рижской епархіи преосвященный Платонъ предложилъ слѣдующія мѣры: 1) увеличить число русскихъ наставниковъ вообще, 2) въ частности, поручить имъ преподаваніе русскаго языка и русской исторіи, 3) сдѣлать распоряженіе о тщательномъ преподаваніи русскаго языка во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ прибалтійскаго края. По Высочайшему повелѣнію особый Комитетъ (дѣйствительный тайный совѣтникъ князь Гагаринъ, генералъ-адъютанты князь Долгоруковъ

и князь Суворовъ, министры Государственныхъ Имуществъ и Внутреннихъ Дѣлъ, оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода, статсъ-секретарь князь Урусовъ и Лифляндскій генералъ-губернаторъ), обсудивъ эти предположенія, постановилъ передать ихъ на соображеніе министру Народнаго Просвѣщенія и генералъ-губернатору. На запросъ А. В. Головнина попечитель Дерптскаго округа графъ Кейзерлингъ отвѣтилъ докладомъ о желательности увеличить число учителей русскаго языка и возвысить содержаніе имъ, объ усиленіи средствъ осмотра учебныхъ заведеній. Соглашаясь съ этимъ мнѣніемъ и не видя надобности въ какихъ либо чрезвычайныхъ мѣрахъ, А. В. Головнинъ 8 марта 1865 г. испросилъ Высочайшее соизволеніе дать дѣлу дальнѣйшій ходъ чрезъ Комитетъ Министровъ. Выслушавъ 18 мая записку Головнина объ ассигнованіи суммъ на усиленіе преподаванія русскаго языка и объясненія генералъ-губернатора, Комитетъ Министровъ нашелъ, что для достиженія этой цѣли Министерству Народнаго Просвѣщенія «необходимо принять особо дѣятельныя мѣры», совокупно съ мѣстнымъ генералъ-губернаторомъ, и положилъ потребовать отъ министра новыхъ соображеній. Генералъ-губернаторъ графъ Шуваловъ, съ своей стороны, разошелся съ А. В. Головнинымъ въ оцѣнкѣ тѣхъ результатовъ, къ какимъ привели правительственныя мѣропріятія по утвержденію русскаго языка въ прибалтійскомъ краѣ. Въ то время, какъ, по мнѣнію министра, эти мѣры «увѣнчались несомнѣннымъ успѣхомъ», графъ Шуваловъ находилъ, что онѣ не достигли цѣли вслѣдствіе пассивнаго отношенія къ нимъ мѣстныхъ учебныхъ властей и даже противодѣйствія со стороны мѣстныхъ дѣятелей. Наиболѣе цѣлесообразнымъ средствомъ онъ считалъ учрежденіе самостоятельныхъ русскихъ гимназій въ прибалтійскомъ краѣ, на первый разъ въ Ригѣ и Ревелѣ, съ нѣкоторыми частными отступленіями отъ общаго устава 19 ноября 1864 г. Проектъ графа Шувалова встрѣтилъ возраженія съ разныхъ сторонъ. Ученый Комитетъ отнесся съ полнымъ сочувствіемъ къ мысли объ учрежденіи въ Ригѣ и Ревелѣ русскихъ гимназій, но нашелъ, что осуществленіе ея сопряжено съ нѣкоторыми серьезными затрудненіями, особенно со стороны обезпеченія этихъ гимназій хорошимъ преподавательскимъ персоналомъ. Командированный осенью 1865 г. для осмотра учебныхъ заведеній Дерптскаго округа членъ Совѣта Министра тайный совѣтникъ Могилянскій высказался прямо противъ предложеній графа Шувалова, находя, что въ учрежденіи русскихъ

гимназій въ Ригѣ и Ревелѣ нѣтъ необходимости, что эти гимназіи не будутъ въ состояніи конкуррировать съ нѣмецкими и не принесутъ ожидаемыхъ результатовъ. По мнѣнію Могилянскаго, противодѣйствіе онѣмеченію эстовъ и латышей должно было совершаться не въ гимназіяхъ, а въ низшихъ, особенно въ сельскихъ, училищахъ; въ среднихъ же учебныхъ заведеніяхъ слѣдовало постепенно усиливать русскій элементъ и преподаваніе русскаго языка. Архіепископъ Платонъ настаивалъ на болѣе радикальныхъ мѣрахъ. Наконецъ самъ министръ въ черновомъ проектѣ представленія Комитету Министровъ призналъ необходимыми слѣдующія мѣры: 1) преподаваніе нѣкоторыхъ предметовъ въ гимназіяхъ и университетѣ вести на русскомъ языкѣ, 2) для привлеченія русскихъ преподавателей назначить имъ 50% прибавки къ жалованью, 3) въ прочихъ училищахъ преподавателей русскаго языка назначать изъ природныхъ русскихъ, также съ прибавкой 50% къ жалованью, 4) наконецъ для латышей и эстовъ учредить народныя училища съ преподаваніемъ всѣхъ предметовъ на русскомъ языкѣ, а для управленія ими—особыя дирекціи въ вѣдѣніи попечителя округа. На этомъ дѣло о преобразованіяхъ по Дерптскому учебному округу при А. В. Головнинѣ и остановилось [194]).

IX.

Полагая первой основной обязанностью Министерства Народнаго Просвѣщенія совершенствованіе учебной системы въ Имперіи, А. В. Головнинъ не менѣе важное значеніе придавалъ и второй обязанности—«содѣйствовать расширенію области человѣческихъ знаній вообще, и въ особенности распространенію ихъ въ нашемъ отечествѣ». Обѣ эти основныя обязанности были тѣсно связаны одна съ другою. Если, по взгляду министра, самымъ существеннымъ недостаткомъ, бьющимъ въ глаза при поверхностномъ даже взглядѣ на учрежденія вѣдомства Народнаго Просвѣщенія, являлся недостатокъ въ хорошо подготовленныхъ и способныхъ дѣятеляхъ на поприщѣ науки и педагогіи, если въ мірѣ учащихъ замѣчалось отсутствіе умственной дѣятельности, интереса къ своему предмету, застой и апатія, передававшіеся и учащимся, то развитіе ученой производительности было однимъ изъ важныхъ условій правильнаго развитія и учебнаго дѣла.

Вотъ почему Министерство А. В. Головнина, одновременно съ кореннымъ преобразованіемъ учебной системы, удѣляло много вниманія нуждамъ ученыхъ учрежденій, стремясь создать для ихъ дѣятельности наиболѣе благопріятныя, по возможности, матеріальныя условія.

Устарѣлость устава и штата Императорской Академіи Наукъ, изданныхъ въ 1836 г., давно побуждала къ ихъ пересмотру. Но составленный въ 1857 г., по порученію президента Академіи графа Д. Н. Блудова, проектъ новаго устава не получилъ одобренія, и въ концѣ 1863 г. А. В. Головнинъ испросилъ Высочайшее повелѣніе «предоставить Академіи составить проектъ новаго устава и штата съ цѣлью усилить ученую дѣятельность Академіи, направивъ оную преимущественно на пользу Россіи», а затѣмъ представить проектъ въ Министерство Народнаго Просвѣщенія для внесенія установленнымъ порядкомъ въ Государственный Совѣтъ. Къ обсужденію новаго проекта, составленнаго особой комиссіей по назначенію графа Блудова, привлечены были и университеты съ цѣлью получить отъ нихъ соображенія, «какую преимущественно пользу университеты могутъ ожидать для своей дѣятельности отъ Академіи и въ чемъ должны состоять взаимныя сношенія этихъ учрежденій». Переданное въ началѣ 1865 г. на разсмотрѣніе II Отдѣленія Собственной Его Величества Канцеляріи и Министерства Финансовъ дѣло о преобразованіи Академіи затянулось, однако, на продолжительное время [195]).

14 августа 1862 г. Высочайше утвержденъ былъ новый уставъ Николаевской главной астрономической обсерваторіи. Главная цѣль этой реформы состояла въ томъ, чтобы обсерваторіи, какъ учрежденію, существующему не для одной только чистой науки, но и для приложенія выводовъ ея къ государственнымъ потребностямъ, предоставить большую самостоятельность въ дѣйствіяхъ. Для достиженія этой цѣли обсерваторія была изъята изъ прямой зависимости отъ Академіи Наукъ, какъ въ ученомъ, такъ и въ хозяйственномъ и административномъ отношеніи и подчинена непосредственно Министерству. Но въ виду преобладающаго значенія ученой дѣятельности обсерваторіи тѣсная связь ея съ Академіей была сохранена и послѣдней предоставлено право избранія директора обсерваторіи и представленія о назначеніи вице-директора и старшихъ астрономовъ. По новому штату на содержаніе обсерваторіи ассигновано 32.150 руб. Въ 1865 г., по сношенію съ Морскимъ Министерствомъ, А. В. Головнинъ испро-

силъ изъ Государственнаго Казначейства 3.000 руб. единовременно на устроеніе сѣти метеорологическихъ станцій и по 4.000 руб. ежегодно на ихъ содержаніе [196]).

Императорская Публичная Библіотека, съ 1849 г. находившаяся въ вѣдѣніи Министерства Императорскаго Двора, по указу 24 іюля 1863 г. вернулась снова въ вѣдомство Министерства Народнаго Просвѣщенія. Многія положенія стараго устава 1830 г. уже не соотвѣтствовали потребностямъ Библіотеки: ограниченность денежныхъ средствъ не позволяла Библіотекѣ стоять на уровнѣ своего ученаго достоинства, какъ главнаго отечественнаго книгохранилища. Въ ожиданіи новаго устава и штата, проекты которыхъ, составленные директоромъ Библіотеки, были напечатаны въ Журналѣ Министерства, Библіотекѣ даны были средства произвести нѣкоторыя капитальныя перестройки, пополнить свои книжныя и рукописныя сокровища, подвинуть впередъ дѣло ихъ каталогизаціи и обставить большими удобствами занятія посѣтителей [197]).

Переданный по Высочайшему повелѣнію 26 мая 1861 г. снова въ вѣдѣніе Министерства Народнаго Просвѣщенія Румянцевскій Музей былъ переведенъ въ Москву и помѣщенъ вмѣстѣ съ Московскимъ публичнымъ музеемъ, составившимся изъ коллекцій Московскаго университета. Соединенный Музей раздѣлился на слѣдующія части: 1) отдѣленіе рукописей и рѣдкихъ книгъ, 2) библіотеку, 3) отдѣленіе изящныхъ искусствъ и древностей, 4) отдѣленіе христіанскихъ древностей, 5) этнографическое отдѣленіе, 6) минералогическое собраніе, 7) зоологическій кабинетъ. Помѣщаемыя въ Музей коллекціи постороннихъ учрежденій и частныхъ лицъ остаются въ ихъ собственности. Въ 1863 и 1864 г.г. зоологическія и минералогическія коллекціи перенесены были въ зданіе университета. Въ 1864 г. при Музеѣ учреждено было общество древне-русскаго искусства. По Высочайше утвержденному 19 іюня 1862 г. Положенію, введенному временно на 3 года, оба учрежденія сохранили свою отдѣльность, но были объединены подъ общимъ управленіемъ попечителя Московскаго учебнаго округа, облеченнаго званіемъ директора обоихъ музеевъ. На управленіе и содержаніе помѣщеній ассигновано 16.845 руб. 12 коп. ежегодно. Вскорѣ былъ составленъ новый проектъ устава и штатовъ, напечатанный въ Журналѣ Министерства [198]).

Провинціальныхъ публичныхъ биліотекъ, состоявшихъ подъ наблюденіемъ Министерства въ силу Высочайшаго повелѣнія

1834 г., насчитывалось въ 60-хъ годахъ около 50. Но лишь немногія изъ нихъ поддерживали связь съ Министерствомъ присылкой своихъ отчетовъ, а Министерство, съ своей стороны, не имѣло никакихъ средствъ, чтобы содѣйствовать развитію этихъ библіотекъ, и ограничивалось разсылкою въ нихъ своего журнала и нѣкоторыхъ своихъ изданій. Въ нѣкоторыхъ городахъ Министерство разрѣшало соединять публичныя библіотеки съ библіотеками учебныхъ заведеній и открывать послѣднія, за нѣкоторую плату, для пользованія стороннимъ читателямъ [199]).

Послѣднюю группу учрежденій, процвѣтаніе которыхъ зависѣло не столько отъ матеріальной помощи со стороны Министерства, сколько отъ развитія общественной самодѣятельности, составляли ученыя общества. Въ 1865 г. Министерство насчитывало въ своемъ вѣдѣніи 28 ученыхъ обществъ, большая часть которыхъ сосредоточивалась въ столицахъ и въ прибалтійскихъ губерніяхъ; изъ нихъ только 7 обществъ получали постоянное вспомоществованіе отъ правительства на общую сумму въ 13.571 р. 27 коп. «Между тѣмъ», по оффиціальному заявленію Министерства, «у насъ, гдѣ слишкомъ укоренилась привычка полагаться во всемъ на правительство и ждать отъ него всякихъ начинаній, болѣе чѣмъ гдѣ либо желательно развитіе подобныхъ свободныхъ ассоціацій, учреждаемыхъ для общественной пользы». Поэтому Министерство, желая содѣйствовать развитію полезной дѣятельности ученыхъ обществъ, предложило въ 1864 г. Ученому Комитету войти съ ними въ сношенія, разсмотрѣть ихъ уставы и отчеты и представить соображенія о томъ, какое содѣйствіе могло бы оказать имъ Министерство.

Ставя первою обязанностью Министерства по отношенію къ ученымъ учрежденіямъ предоставленіе имъ возможно большихъ средствъ, А. В. Головнинъ находилъ возможнымъ сохранить за Министерствомъ право иниціативы разнаго рода ученыхъ предпріятій. Такъ, излагая въ 1865 г. предположенія Министерства на будущее время, онъ проектировалъ рядъ обширныхъ ученыхъ экспедицій: этнографическую, морскую, археографическую, учрежденіе премій и пособій для ученыхъ работъ. Съ изъятіемъ цензуры изъ вѣдѣнія Министерства Народнаго Просвѣщенія, по мнѣнію А. В. Головнина, не должны были порваться его связи съ литературой. «Министерство Народнаго Просвѣщенія», писалъ онъ, «не имѣя въ своемъ завѣдываніи управленія по дѣламъ книгопечатанія, можетъ только косвенно помогать литературѣ въ этомъ

отношеніи, при обсужденіи въ Государственномъ Совѣтѣ законовъ о книгопечатаніи. Но оно можетъ давать пособія на изданіе полезныхъ сочиненій, помогать литераторамъ и ученымъ, находящимся въ стѣсненномъ положеніи, оказывать помощь молодымъ дарованіямъ, доставляя имъ средства къ дальнѣйшему развитію и т. под.». Но всѣ эти обширные планы остались, по большей части, на бумагѣ, такъ какъ у Министерства едва хватало средствъ на выполненіе неотложныхъ и болѣе важныхъ предпріятій [200]).

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Графъ Д. А. Толстой.

I.

Время графа Д. А. Толстаго составило новую яркую эпоху въ исторіи Министерства Народнаго Просвѣщенія. Графъ Толстой не только довелъ до конца преобразованія, начатыя его предшественникомъ, но далъ всей учебной системѣ новое направленіе, твердо и рѣзко выраженное. Основы этой, созданной имъ системы, остались непоколебленными до конца минувшаго столѣтія.

Графъ Дмитрій Андреевичъ Толстой родился въ 1823 г., воспитаніе получилъ въ Александровскомъ лицеѣ, курсъ котораго окончилъ съ золотой медалью въ 1842 г., и началъ службу чиновникомъ VIII класса въ Канцеляріи Государыни Императрицы по управленію учебными и благотворительными заведеніями. Послѣ кратковременной отставки въ 1847 г. (съ 8 мая по 22 сентября) графъ перешелъ на службу въ Департаментъ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, гдѣ занималъ должности сначала чиновника особыхъ порученій VI класса, а затѣмъ вице-директора. Кромѣ исполненія прямыхъ служебныхъ обязанностей, графъ занимался и научными трудами. Въ 1848 г. онъ издалъ «Исторію финансовыхъ учрежденій въ Россіи со времени основанія государства до кончины императрицы Екатерины II» и за этотъ трудъ получилъ Высочайшую награду—бриллiантовый перстень. Въ томъ же году графу поручено было составленіе исторіи иностранныхъ исповѣданій въ Россіи. Плодомъ этихъ занятій была напечатанная въ 1864 г. книга—«Le catholicisme romain en Russie», доставившая автору ученую степень доктора философіи Лейпцигскаго университета. Въ декабрѣ 1853 г. графъ былъ назначенъ директоромъ Канцеляріи Мор-

Графъ Д Толстой

Дозв. ценз. СПБ. 23 Октября 1901 г. Экспедиція Заготовленія Государственныхъ Бумагъ

скаго Министерства, а въ 1860 г., 19 сентября, вступилъ въ Министерство Народнаго Просвѣщенія членомъ Главнаго Правленія Училищъ, и затѣмъ очень короткое время (съ 17 ноября по 25 декабря 1861 г.) управлялъ Департаментомъ Народнаго Просвѣщенія. Уволенный 25 декабря 1861 г. отъ всѣхъ должностей по Министерству Народнаго Просвѣщенія, графъ былъ назначенъ къ присутствованію въ Правительствующемъ Сенатѣ съ оставленіемъ въ придворномъ званіи гофмейстера. Присутствуя въ разныхъ департаментахъ Сената, онъ принималъ участіе въ подготовкѣ судебной реформы и съ февраля 1864 г. исполнялъ временно обязанности члена совѣтовъ Воспитательнаго общества благородныхъ дѣвицъ, Александровскаго и Екатерининскаго институтовъ.

3 іюня 1865 г. графъ Толстой занялъ постъ оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода. Совмѣщая его въ теченіе 14 лѣтъ съ должностью министра Народнаго Просвѣщенія, графъ успѣлъ провести рядъ важныхъ мѣропріятій по духовному вѣдомству, между прочимъ, преобразованіе духовно-учебныхъ заведеній. Когда въ мартѣ 1866 г. Комитетъ Министровъ обсуждалъ внесенный А. В. Головнинымъ проектъ временныхъ правилъ для народныхъ училищъ юго-западнаго края, графъ Толстой выступилъ съ особымъ мнѣніемъ, въ которомъ высказался противъ передачи церковно-приходскихъ школъ въ вѣдѣніе училищныхъ совѣтовъ и изложилъ свой общій взглядъ на права и обязанности духовенства по отношенію къ народному образованію. «Православная церковь», писалъ оберъ-прокуроръ, «охраняя и поддерживая чисто народныя русскія начала, въ томъ же духѣ воспитываетъ и своихъ пастырей. Коренныя начала, содержимыя нашею церковію, неизмѣнны, и ея служители посему всегда будутъ имѣть неоспоримое преимущество предъ всякими другими учителями народа, которые иногда могутъ увлекаться собственными воззрѣніями, не всегда полезными для правительства и государства... Поводомъ къ предполагаемому слiянію выставляется опасеніе, что существующее раздвоеніе въ устройствѣ училищъ будетъ ослаблять ихъ нравственное вліяніе и парализовать ихъ дѣятельность. Такое ослабленіе вліянія школъ возможно лишь при различіи религіозно-нравственнаго ихъ направленія, которое можетъ быть и при единствѣ ихъ устройства. Для достиженія единства недостаточно одного соединенія разнородныхъ, часто противорѣчащихъ, элементовъ. Единство *управленія* не составляетъ

еще единства *направленія,* а этого-то послѣдняго и слѣдуетъ достигнуть; оно можетъ послѣдовать и безъ предполагаемаго сліянія въ управленіи, если лица учебнаго вѣдомства будутъ вести обученіе народа въ строго православномъ духѣ, какъ это постоянно дѣлаютъ духовные пастыри». Это мнѣніе оберъ-прокурора удостоилось Высочайшаго одобренія, и 14 апрѣля 1866 г. графъ Толстой былъ назначенъ министромъ Народнаго Просвѣщенія съ оставленіемъ въ должности оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода, въ званіяхъ сенатора и гофмейстера. Кромѣ того, съ 23 апрѣля графъ состоялъ членомъ Главнаго Совѣта женскихъ учебныхъ заведеній и съ 1 января 1874 г.—почетнымъ опекуномъ. Товарищами министра при графѣ Толстомъ были: съ 1867-го по 1874 г. И. Д. Деляновъ и за нимъ князь А. П. Ширинскій-Шихматовъ. Директорами Департамента Народнаго Просвѣщенія послѣ К. К. Петерса были И. О. Гиртъ (1869—1871 г.г.) и М. Е. фонъ-Брадке (1871—1884 г.г.). На посту предсѣдателя Ученаго Комитета А. С. Воронова въ 1873 г. смѣнилъ А. И. Георгіевскій. Попечителями учебныхъ округовъ вновь были назначены: С.-Петербургскаго: князь П. И. Ливенъ (1866—1876 г.г.) и князь М. С. Волконскій (1876—1880 г.г.); Московскаго: князь А. П. Ширинскій-Шихматовъ (1867—1874 г.г.); Казанскаго: тайный совѣтникъ П. Д. Шестаковъ; Харьковскаго: тайный совѣтникъ Воскресенскій (1867—1875 г.г.), тайный совѣтникъ П. К. Жерве (1875—1879 г.г.), генералъ-лейтенантъ М. С. Максимовскій (1879—1884 г.г.); Виленскаго: тайный совѣтникъ П. Н. Батюшковъ (1868—1869 г.г.), тайный совѣтникъ Н. А. Сергіевскій (1869—1899 г.г.); Кіевскаго: генералъ-лейтенантъ П. А. Антоновичъ (1867—1880 г.г.), тайный совѣтникъ С. П. Голубцовъ (1880—1888 г.г.); Варшавскаго: тайный совѣтникъ Ѳ. Ѳ. Витте (1867—1879 г.г.), тайный совѣтникъ А. Л. Апухтинъ (1879—1897 г.г.); Одесскаго: тайный совѣтникъ С. П. Голубцовъ (1866—1880 г.г.), тайный совѣтникъ П. А. Лавровскій (1880—1885 г.г.); Дерптскаго: тайный совѣтникъ П. К. Жерве (1869—1875 г.г.), тайный совѣтникъ А. А. Сабуровъ (1875—1880 г.г.); Оренбургскаго: тайный совѣтникъ П. А. Лавровскій (1874—1880 г.г.), тайный совѣтникъ Даль (1880—1882 г.г.).

Руководящія начала для дѣятельности новаго министра изложены были въ Высочайшемъ рескриптѣ 13 мая 1866 г. на имя предсѣдателя Комитета Министровъ князя Гагарина: «Про-

видѣнію угодно было раскрыть предъ глазами Россіи, какихъ послѣдствій надлежитъ ожидать отъ стремленій и умствованій, дерзновенно посягающихъ на все, что для нея искони священно, на религіозныя вѣрованія, на основы семейной жизни, на право собственности, на покорность закону и на уваженіе къ установленнымъ властямъ. Мое вниманіе уже обращено на воспитаніе юношества. Мною даны указанія на тотъ конецъ, чтобы оно было направляемо въ духѣ истинъ религіи, уваженія къ правамъ собственности и соблюденія коренныхъ началъ общественнаго порядка и чтобы въ учебныхъ заведеніяхъ всѣхъ вѣдомствъ не было допускаемо ни явное, ни тайное проповѣданіе тѣхъ разрушительныхъ понятій, которыя одинаково враждебны всѣмъ условіямъ нравственнаго и матеріальнаго благосостоянія народа. Но преподаваніе, соотвѣтствующее истиннымъ потребностямъ юношества, не принесло бы всей ожидаемой отъ него пользы, если бы въ частной, семейной жизни проводились ученія, несогласныя съ правилами христіанскаго благочестія и съ вѣрноподданническими обязанностями. Посему Я имѣю твердую надежду, что видамъ моимъ по этому важному предмету будетъ оказано ревностное содѣйствіе въ кругу домашняго воспитанія». Предписывая попечителямъ учебныхъ округовъ принять выраженіе Монаршей воли, изложенное въ рескриптѣ, за руководство во всѣхъ дѣйствіяхъ по управленію округами, министръ обратилъ особенное вниманіе учебнаго начальства на точное, неослабное и неукоснительное исполненіе обязанностей, предписанныхъ общими законами и частными постановленіями Министерства, на строгую послѣдовательность въ дѣйствіяхъ, при неуклонномъ, но справедливомъ взысканіи за проступки учащихся, на постоянное наблюденіе за преподаваніемъ, на бдительный надзоръ за состояніемъ частныхъ учебныхъ заведеній, за домашними учителями и наставниками.

Оставляя неприкосновенными основы центральной и мѣстной администраціи Министерства Народнаго Просвѣщенія, ограничиваясь въ этомъ отношеніи нѣкоторыми частными измѣненіями и улучшеніями, графъ Толстой сосредоточилъ свое вниманіе на учебной системѣ. Всѣ задуманныя имъ и энергично проведенныя реформы распадаются на три главные цикла, охватывающіе области начальнаго, средняго и высшаго образованія.

Центромъ перваго круга реформъ явилось новое «Положеніе о начальныхъ народныхъ училищахъ» 1874 г., имѣвшее цѣлью

установить единство въ направленіи начальнаго образованія сельскаго населенія и подчинить его болѣе дѣйствительному вліянію Министерства и его мѣстныхъ органовъ. Около этого центральнаго закона группировались отдѣльныя мѣропріятія, изъ которыхъ наиболѣе важными были: учрежденіе должностей инспекторовъ народныхъ училищъ, усиленіе матеріальныхъ средствъ на развитіе этихъ училищъ, учрежденіе «образцовыхъ» сельскихъ училищъ и особыхъ училищъ для инородцевъ, подчиненіе Министерству начальныхъ школъ другихъ вѣдомствъ, наконецъ устройство учительскихъ семинарій. Въ то же время изданіемъ Положенія 1872 г. о городскихъ училищахъ и учительскихъ институтахъ была разрѣшена задача, поставленная при А. В. Головнинѣ, создать школу, приспособленную къ потребностямъ низшихъ классовъ городскаго населенія.

Въ области средняго образованія графъ Толстой далъ по новому уставу гимназій 1871 г. рѣшительный перевѣсъ классицизму, какъ основѣ общаго научнаго образованія, открывающаго доступъ въ университеты. Реальныя же гимназіи, преобразованныя въ реальныя училища по уставу 1872 г., получили назначеніе давать юношеству общее образованіе, приспособленное къ практическимъ потребностямъ.

Въ сферѣ высшаго образованія графъ Толстой довелъ до конца преобразованіе и устройство нѣкоторыхъ спеціальныхъ высшихъ учебныхъ заведеній, а послѣдніе годы своего управленія Министерствомъ посвятилъ разработкѣ новой реформы университетовъ, внесенной на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта въ началѣ 1880 г. и осуществленной нѣсколькими годами позже. Цѣлью этой реформы было усиленіе правительственнаго вліянія на управленіе университетами, контроля надъ преподаваніемъ въ нихъ, и утвержденіе порядка и дисциплины среди учащихся.

Въ соотвѣтствіи съ тремя группами главныхъ реформъ, проведенъ былъ рядъ мѣропріятій, касавшихся особенныхъ учебныхъ заведеній и разныхъ спеціальныхъ учебныхъ вопросовъ и ученыхъ учрежденій. Въ противоположность своему предшественнику графъ Толстой не отдавалъ своихъ предначертаній на судъ широкаго общественнаго мнѣнія и разрабатывалъ ихъ по преимуществу въ тѣсныхъ кругахъ спеціалистовъ. Человѣкъ сильной воли и энергичнаго характера, «популярности», по его собственнымъ словамъ, «не искавшій и популярничанья гнушавшійся», онъ въ осуществленіи нѣкоторыхъ особенно важныхъ реформъ,

какъ напримѣръ въ дѣлѣ преобразованія средней школы, не остановился передъ протестами общественнаго мнѣнія и преодолѣлъ могущественную оппозицію въ оффиціальныхъ сферахъ. Сильную публицистическую поддержку графъ Толстой встрѣтилъ со стороны М. Н. Каткова, который горячо защищалъ основы новой учебной системы, возбудившей горячую полемику въ журналахъ и газетахъ.

Когда въ концѣ 70-хъ годовъ развитіе политической крамолы вынудило правительство на чрезвычайныя мѣры, предсѣдатель Верховной Распорядительной Комиссіи графъ Лорисъ-Меликовъ въ апрѣлѣ 1880 г., во всеподданнѣйшемъ докладѣ начертывая картину внутренняго состоянія Россіи, далъ несочувственный отзывъ о дѣятельности Министерства Народнаго Просвѣщенія подъ управленіемъ графа Толстаго. Для молодыхъ поколѣній, писалъ графъ Лорисъ-Меликовъ, возросшихъ въ эпоху великихъ реформъ, «необходима была рука твердая, но не рѣзкая, руководимая не исключительно системою, но и извѣстною долею сердечности, чтобы сдержать наружныя проявленія горячей учащейся молодежи, чтобы направить ея стремленія, чтобы приготовить изъ нея полезныхъ и надежныхъ дѣятелей для будущаго. Къ несчастью, въ эту эпоху руководство учебнымъ вѣдомствомъ не было сопутствуемо описанными чертами, что́ было тѣмъ болѣе прискорбно, что руководящая власть была вооружена новою учебною системою и новыми уставами среднихъ учебныхъ заведеній, не имѣвшими за собою поддержки общественнаго мнѣнія. Чтобы возбудить эту поддержку, необходима была извѣстная мягкость пріемовъ и формъ. Противоположный способъ привелъ къ еще большему раздраженію общественнаго мнѣнія, и масса молодыхъ людей, враждебно отнесшаяся къ предъявленнымъ къ ней требованіямъ, встрѣтила въ семьѣ и обществѣ не осужденіе, а сочувствіе. Молодые люди, не кончивъ научной подготовки, не приспособленные къ труду и къ практической дѣятельности, стали выбрасываться школою въ жизнь и стали искать исхода въ дѣятельности внѣ закона, пополняя собою ряды послѣдователей соціальныхъ лжеученій». Въ ряду основныхъ мѣръ для водворенія порядка и спокойствія въ государствѣ графъ Лорисъ-Меликовъ призналъ необходимымъ «возстановить утраченное учебнымъ вѣдомствомъ довѣріе всѣхъ сословій и всѣхъ слоевъ общества, не касаясь коренныхъ основъ учебной системы. Необходимыя для этого измѣненія въ личномъ составѣ управленія

учебнымъ вѣдомствомъ», говорилъ онъ, «будутъ встрѣчены величайшимъ сочувствіемъ всею Россіею. Безъ этихъ измѣненій успѣхъ принимаемыхъ мѣръ будетъ постоянно парализоваться новымъ наслоеніемъ вредныхъ элементовъ, тревожныхъ для настоящаго и грустныхъ для будущаго».

24 апрѣля 1880 г. графъ Толстой былъ уволенъ, по прошенію, отъ должностей министра Народнаго Просвѣщенія и оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода и назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта. Черезъ 2 года онъ снова былъ призванъ къ болѣе активной государственной дѣятельности: 25 апрѣля 1882 г. занялъ постъ президента Императорской Академіи Наукъ, а 31 мая — министра Внутреннихъ Дѣлъ. Оставаясь въ этихъ должностяхъ до самой смерти, графъ Толстой, какъ министръ Внутреннихъ Дѣлъ, успѣлъ провести и подготовить рядъ крупныхъ законодательныхъ мѣръ, долженствовавшихъ возвысить въ мѣстномъ управленіи, городскомъ и сельскомъ, авторитетъ правительственной власти, поднять служилое значеніе помѣстнаго дворянства, подчинить болѣе точной регламентаціи крестьянскій бытъ. По должности президента Академіи Наукъ графъ содѣйствовалъ усиленію матеріальныхъ средствъ и успѣху ученыхъ предпріятій Академіи и посвящалъ свои досуги изслѣдованіямъ по исторіи просвѣщенія Россіи въ XVIII вѣкѣ. Въ «Сборникѣ Отдѣленія русскаго языка и словесности» онъ напечаталъ статью «Взглядъ на учебную часть въ Россіи въ XVIII столѣтіи до 1782 г.» и изслѣдованіе объ Академическомъ Университетѣ и Академической Гимназіи XVIII вѣка. Отдѣльной книгой вышелъ въ 1885 г. очеркъ «О городскихъ училищахъ въ царствованіе императрицы Екатерины II». Всѣ эти труды, основанные на изученіи неизданныхъ архивныхъ источниковъ, явились цѣнными вкладами въ исторію новаго русскаго просвѣщенія. Умеръ графъ Толстой 25 апрѣля 1889 г. [201]).

II.

«Учрежденіе» 18 іюня 1863 г. было послѣдней въ минувшемъ столѣтіи реформой центральнаго управленія Министерства Народнаго Просвѣщенія. За время графа Толстаго можно отмѣтить лишь рядъ мелкихъ улучшеній, имѣвшихъ цѣлью облегчить отдѣльнымъ органамъ отправленіе ихъ обязанностей. Въ 1873 г.

и 1878 г. министру предоставлено было собственною властью разрѣшать нѣкоторые мелкіе вопросы, не поднося ихъ на Высочайшее воззрѣніе. Въ 1876 г. товарищъ министра временно получилъ право вершить такія дѣла, «для рѣшенія которыхъ достаточенъ только однажды высказанный министромъ для руководства взглядъ его, такъ что для рѣшенія по каждому отдѣльному дѣлу требуется разсмотрѣніе собственно обстоятельствъ дѣла, неуклонное исполненіе закона, а затѣмъ разрѣшающая подпись министра». Равнымъ образомъ облегченъ былъ трудъ директора Департамента передачей нѣкоторыхъ второстепенныхъ его обязанностей вице-директору. Въ составѣ Департамента произошло одно только измѣненіе. Въ 1875 г., «по недостатку полныхъ и своевременныхъ статистическихъ данныхъ о состояніи образованія въ Имперіи по многочисленнымъ разрядамъ учебныхъ заведеній», учреждено при Министерствѣ особое статистическое отдѣленіе, обязанное собирать статистическія свѣдѣнія посредствомъ разсылки печатныхъ бланковъ таблицъ въ подвѣдомственныя Министерству учебныя заведенія и къ завѣдующимъ низшими училищами; расходъ на содержаніе новаго учрежденія отнесенъ былъ на суммы Ученаго Комитета. Но этотъ опытъ правильной постановки статистики народнаго образованія не удался, и въ 1881 г. статистическое отдѣленіе было упразднено. Такимъ образомъ организація Департамента осталась безъ существенныхъ перемѣнъ. Но въ 1870 г. произведено было по распоряженію министра новое распредѣленіе дѣлопроизводства: пенсіонныя дѣла выдѣлены въ особый разрядъ; дѣла по женскимъ и частнымъ учебнымъ заведеніямъ и домашнему воспитанію присоединены къ общему разряду; дѣла судебныя переданы въ вѣдѣніе особаго дѣлопроизводителя; дѣла строительныя распредѣлены по различнымъ разрядамъ.

Необходимость усилить надзоръ за учебниками и разными изданіями для народа вызвала учрежденіе особаго отдѣла Ученаго Комитета. 28 мая 1866 г. графу Толстому объявлено было черезъ Комитетъ Министровъ Высочайшее повелѣніе сообразить по взаимному соглашенію съ министромъ Внутреннихъ Дѣлъ мѣры, которыя могли бы быть приняты къ прекращенію изданія и изъятію изъ употребленія вредныхъ для молодаго поколѣнія учебниковъ, въ родѣ самоучителя Худякова и книги для чтенія Сувориной. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ отозвался, что кромѣ болѣе строгаго общаго цензурнаго надзора никакія другія мѣры

не представляются ему удобными. Графъ Толстой, съ своей стороны, находилъ полезнымъ, независимо отъ общей цензуры, сосредоточить въ Ученомъ Комитетѣ разсмотрѣніе книгъ для народнаго чтенія «съ точки зрѣнія педагогической цензуры». Съ этой цѣлью, съ Высочайшаго соизволенія 19 мая 1869 г., учрежденъ былъ особый отдѣлъ Ученаго Комитета. Въ 1872 г., въ память двухсотлѣтняго юбилея Императора Петра Великаго, учреждены были преміи за лучшія учебныя руководства и пособія для среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній. Присужденіе этихъ премій, на которыя ассигновано изъ казны ежегодно по 5.000 руб., возложено на обязанность Ученаго Комитета.

Вновь подверглась измѣненію программа Журнала Министерства. По отзыву графа Толстаго, съ устраненіемъ конкурренціи правительственнаго изданія, частная учено - учебная журналистика нисколько не оживилась и русскіе ученые и педагоги почти лишены были возможности обнародовать свои труды строго научнаго и педагогическаго содержанія, а также слѣдить на русскомъ языкѣ за успѣхами науки и практической педагогіи въ Россіи и за границею. На этомъ основаніи въ 1866 г. Журналу Министерства Народнаго Просвѣщенія возвращенъ былъ характеръ учено-учебнаго изданія на основаніи тѣхъ программъ, по которымъ онъ издавался при министрахъ графѣ Уваровѣ и Е. П. Ковалевскомъ.

Изъ учрежденій, не входившихъ въ составъ Министерства по закону 1863 г. и появленіе которыхъ вызвано было особенными обстоятельствами, состояли при Министерствѣ за время графа Толстаго: канцелярія министра по дѣламъ греко-уніатовъ Холмской епархіи, учрежденная въ 1869 г. и упраздненная въ 1874 г.; учрежденная въ 1872 г. Комиссія для изданія писемъ и бумагъ Петра Великаго; съ 1877 г. Комиссія по международному обмѣну изданій научныхъ и художественныхъ; съ 1873 г. Комиссія по устройству архивовъ, составленная изъ представителей разныхъ вѣдомствъ подъ предсѣдательствомъ сенатора Н. В. Калачева: въ 1878 г. этой Комиссіи поручено было составить общія для всѣхъ вѣдомствъ правила о порядкѣ храненія и уничтоженія архивныхъ дѣлъ [202]).

III.

Въ территоріальномъ распредѣленіи учебныхъ округовъ при графѣ Толстомъ болѣе или менѣе крупныя измѣненія произошли

на окраинахъ государства, въ связи съ преобразованіями мѣстныхъ учебныхъ порядковъ.

Вслѣдствіе преобразованія гражданскаго управленія Царства Польскаго на началѣ полнаго подчиненія его отдѣльныхъ частей подлежащимъ Министерствамъ была упразднена 15 мая 1867 г. Правительственная Комиссія Народнаго Просвѣщенія въ Царствѣ Польскомъ и возстановленъ Варшавскій Учебный Округъ, ввѣренный особому попечителю и непосредственно подчиненный Министерству. Составъ и порядокъ управленія округомъ организованы на основаніяхъ общаго положенія объ учебныхъ округахъ 1835 г. Штатъ управленія опредѣленъ въ 39.050 руб. Тогда же Комитетомъ по дѣламъ Царства Польскаго, при участіи министра Народнаго Просвѣщенія и товарища министра Финансовъ, постановлено было согласовать распредѣленіе учебныхъ дирекцій Царства Польскаго съ новымъ его дѣленіемъ на 10 губерній; при этомъ мѣстопребываніе начальника Люблинской дирекціи назначено въ г. Холмѣ съ цѣлью болѣе близкаго наблюденія за учебными заведеніями для греко-уніатскаго населенія края, а вѣдомству Лодзинской дирекціи подчинена вся Петроковская губернія. Высочайше утвержденными 30 іюля 1867 г. правилами для чиновниковъ русскаго происхожденія въ Царствѣ Польскомъ установлены, при извѣстныхъ условіяхъ, прибавки къ жалованью, черезъ каждыя 5 лѣтъ въ размѣрѣ 15%, а для служащихъ по учебной части 25% изъ того оклада, который получаетъ чиновникъ въ день выслуги установленнаго срока; въ отношеніи же пенсій этимъ чиновникамъ предоставлено, по ихъ усмотрѣнію, подчиняться или мѣстнымъ правиламъ объ эмеритурѣ, или общимъ пенсіоннымъ правиламъ Имперіи съ преимуществами, указанными въ законѣ 30 іюля 1867 года [203]).

Особенными соображеніями, именно заботами о развитіи русскихъ учебныхъ заведеній въ прибалтійскомъ краѣ, вызваны были измѣненія въ порядкѣ управленія Дерптскимъ учебнымъ округомъ. Для болѣе вѣрнаго наблюденія за этими заведеніями, сосредоточенными въ Ригѣ, начальство округа признавало необходимымъ находиться въ постоянныхъ и непосредственныхъ отношеніяхъ съ ними, а также съ русскимъ населеніемъ г. Риги. Но исполненіе этихъ обязанностей затруднялось пребываніемъ попечителя въ Дерптѣ, а также тѣмъ обстоятельствомъ, что занимавшій въ 60-хъ годахъ постъ попечителя округа графъ Кейзерлингъ былъ недостаточно знакомъ съ русскимъ языкомъ. Онъ

самъ обратился въ Министерство съ ходатайствомъ о назначеніи ему помощника, на котораго была бы возложена спеціальная обязанность по надзору за русскими учебными заведеніями и попеченію о преподаваніи русскаго языка, при условіяхъ присвоенія ему большей самостоятельности и постояннаго мѣстожительства въ Ригѣ. На этихъ основаніяхъ учреждена была 7 октября 1868 г. должность помощника попечителя Дерптскаго учебнаго округа, а 28 декабря министръ утвердилъ, по соглашенію съ мѣстнымъ генералъ-губернаторомъ, временную инструкцію для этой должности. Съ назначеніемъ новаго попечителя, П. К. Жерве, вполнѣ владѣвшаго русскимъ языкомъ, исчезло главное соображеніе, побудившее сложить съ Дерптскаго попечителя столь важную его обязанность ближайшаго блюстителя за успѣхами русскаго преподаванія въ прибалтійскомъ краѣ. Поэтому 13 марта 1870 г., по всеподданнѣйшему докладу министра, повелѣно было поставить помощника попечителя Дерптскаго округа въ такія же отношенія къ попечителю, какія существовали въ прочихъ округахъ; но тогда же графъ Толстой испросилъ Высочайшее соизволеніе на переводъ управленія округомъ изъ Дерпта въ Ригу съ цѣлью поставить его въ болѣе близкія отношенія къ мѣстной администраціи и къ тѣмъ среднимъ и низшимъ училищамъ, которыя сосредоточивались въ Ригѣ, Митавѣ и Либавѣ и требовали большихъ заботъ и болѣе тщательнаго надзора. Шестилѣтній опытъ обнаружилъ весьма важныя неудобства этой мѣры: рѣдкость собраній попечительскаго совѣта, остававшагося въ Дерптѣ, ослабленіе вліянія попечителя на университетъ. Къ тому же, съ упраздненіемъ должности Прибалтійскаго генералъ-губернатора, утратила свое значеніе близость попечителя къ высшей мѣстной администраціи. По Высочайшему повелѣнію 23 февраля 1876 г. управленіе Дерптскаго округа было снова возвращено въ Дерптъ, мѣстопребываніе же помощника попечителя и состоящаго подъ его предсѣдательствомъ Испытательнаго Комитета оставлено въ Ригѣ [204]).

Новый учебный округъ образованъ былъ на востокѣ Имперіи. Во всеподданнѣйшемъ отчетѣ объ осмотрѣ въ 1866 г. Казанскаго учебнаго округа министръ докладывалъ о необходимости выдѣлить нѣсколько губерній изъ этого громаднаго округа и образовать изъ нихъ новый округъ. Мысль эта удостоилась Высочайшаго одобренія, но затруднительное положеніе Государственнаго Казначейства заставило отложить осуществленіе ея до болѣе благопріятнаго времени. Чтобы хоть нѣсколько усилить

средства наблюденія за крайнимъ восточнымъ районом̆ъ Казанскаго округа, 11 февраля 1867 г. была учреждена новая должность окружного инспектора, обязаннаго жить въ городѣ Оренбургѣ. Но окружной инспекторъ не могъ замѣнить, по своему авторитету и размѣрамъ власти, попечителя, и графъ Толстой рѣшилъ вернуться къ проекту образованія новаго округа: 27 февраля 1873 г. онъ испросилъ Высочайшее соизволеніе возбудить это дѣло законодательнымъ порядкомъ. Мотивами, подробно изложенными въ представленіи Государственному Совѣту, были выставлены: громадность пространства Казанскаго округа (1.300.000 кв. верстъ и 16 милл. населенія), препятствовавшая личному знакомству попечителя со всѣми подробностями учебнаго дѣла, на чемъ особенно настаивали Комиссіи, разсматривавшія отчеты Министерства за 1868—1870 г.г.; увеличеніе числа учебныхъ заведеній, передача въ вѣдѣніе Министерства войсковыхъ и инородческихъ школъ Оренбургскаго края; предстоящее усложненіе обязанностей попечителя вслѣдствіе подчиненія ему губернскихъ и уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ. Высочайше утвержденнымъ 18 мая 1874 г. мнѣніемъ Государственнаго Совѣта было постановлено: 1) составъ Казанскаго учебнаго округа ограничить губерніями Казанскою, Симбирскою, Самарскою, Саратовскою, Астраханскою и Вятскою; 2) отчисливъ губерніи Нижегородскую и Пензенскую отъ Казанскаго округа, а Орловскую отъ Харьковскаго, присоединить Нижегородскую и Орловскую къ Московскому, а Пензенскую къ Харьковскому округу; 3) изъ губерній Пермской, Оренбургской и Уфимской, и областей: Уральской и Тургайской образовать Оренбургскій учебный округъ; 4) на содержаніе управленія Оренбургскаго округа ассигновать ежегодно по 27.409 р. 76 к., въ томъ числѣ 8.000 р. на содержаніе попечителя; 5) мѣру эту привести въ исполненіе въ видѣ опыта на 3 года [205]).

Закономъ 18 декабря 1867 г. объединено управленіе гражданскими учебными заведеніями Восточной Сибири на основаніи Положенія 1859 г. объ управленіи учебными заведеніями Западной Сибири. Подчиненное въ 1828 г. мѣстнымъ губернаторамъ, состоявшимъ на правахъ попечителей въ непосредственныхъ отношеніяхъ къ Министерству Народнаго Просвѣщенія, учебное дѣло въ Восточной Сибири страдало отсутствіемъ единства въ направленіи, нося на себѣ отпечатокъ личныхъ взглядовъ губернаторовъ или начальниковъ областей; иногда самые существен-

ные вопросы народнаго образованія получали въ разныхъ мѣстностяхъ края, при одинаковыхъ мѣстныхъ условіяхъ, рѣшеніе далеко не однообразное. Произведенная въ 1865—1866 г. по порученію Министерства ревизія сибирскихъ учебныхъ заведеній дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Латышевымъ показала, что отсутствіе въ Восточной Сибири спеціальнаго руководителя педагогическаго дѣла и полная его зависимость отъ мѣстныхъ губернаторовъ, какъ попечителей, составляетъ одно изъ важнѣйшихъ препятствій развитію образованія въ краѣ. Этотъ взглядъ раздѣляла и высшая мѣстная администрація. По ходатайству генералъ-губернатора Восточной Сибири, генералъ-лейтенанта Корсакова, и по представленію графа Толстаго Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта 18 декабря 1867 г. Положеніе 1859 г. объ управленіи гражданскими учебными заведеніями Западной Сибири, съ нѣкоторыми незначительными измѣненіями, распространено на Восточную Сибирь и управленіе учебными заведеніями послѣдней объединено въ рукахъ главнаго инспектора училищъ [206]).

По примѣру сибирскихъ генералъ-губернаторствъ организовано было управленіе учебною частью въ Туркестанскомъ краѣ. До 1875 г. оно находилось въ вѣдѣніи генералъ-губернатора, при которомъ съ 1870 г. находился старшій чиновникъ особыхъ порученій по учебной части и съ 1874 г.—особый чиновникъ, завѣдующій училищами Семирѣченской области. Общая училищная сумма Туркестанскаго края (31.100 р.) отпускалась по Главному Интендантскому Управленію Военнаго Министерства. Реформа этого порядка была связана съ общимъ преобразованіемъ управленія Туркестанскимъ краемъ. Въ проектѣ, представленномъ военному министру, туркестанскій генералъ-губернаторъ предполагалъ оставить въ вѣдѣніи Военнаго Министерства только общее административное управленіе краемъ, спеціальныя же его отрасли подчинить непосредственному вѣдѣнію соотвѣтствующихъ Министерствъ. Проектъ генералъ-губернатора, касающійся учебной части, представлялъ подробный планъ новаго устройства не только учебной администраціи Туркестанскаго края, но также двоякаго рода училищъ для туземнаго и русскаго населенія. Разсмотрѣнный сначала въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, этотъ планъ былъ представленъ въ Государственный Совѣтъ и Высочайше утвержденъ $^{17}/_{29}$ мая 1875 г. По новому закону, учебная администрація въ Туркестанѣ, которой подчинены всѣ инородче-

скія и русскія училища, сосредоточена въ вѣдѣніи мѣстнаго органа Министерства Народнаго Просвѣщенія, состоящаго при генералъ-губернаторѣ главнаго инспектора училищъ. Служащимъ по учебной части предоставлены всѣ права и преимущества, какими пользуются всѣ вообще служащіе въ краѣ по гражданскому вѣдомству. На содержаніе управленія по учебной части ассигновано по 7.800 руб. ежегодно. 1 марта 1877 г. для завѣдыванія всѣми вообще низшими начальными училищами края, какъ русскими, такъ и инородческими, учреждена должность инспектора народныхъ училищъ; должности же старшаго чиновника особыхъ порученій по учебной части при генералъ-губернаторѣ и завѣдующаго училищами Семирѣченской области упразднены. Министру Народнаго Просвѣщенія предоставлено издать особую инструкцію для инспектора народныхъ училищъ примѣнительно къ общимъ правиламъ о народныхъ училищахъ и ихъ инспекторахъ [207]).

Основнымъ закономъ, опредѣлявшимъ общій порядокъ внутренней организаціи окружныхъ управленій, продолжало оставаться Положеніе 1835 г., измѣненное и дополненное въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ пунктахъ позднѣйшими законоположеніями. Но ростъ дѣлопроизводства и усложненіе обязанностей попечителей вызвали давно ожидаемый пересмотръ совершенно устарѣвшихъ штатовъ окружныхъ управленій. Начатое графомъ Толстымъ, это дѣло было доведено до конца его преемникомъ А. А. Сабуровымъ.

Со времени изданія въ 1835 г. общаго Положенія объ учебныхъ округахъ постепенно осложнялись обязанности попечителей, 1) какъ самостоятельныхъ начальниковъ управленій, 2) какъ главныхъ мѣстныхъ органовъ, подчиненныхъ центральной власти, 3) какъ ревизоровъ.

На эту послѣднюю обязанность попечителей обращено было особенное вниманіе комиссіями подъ предсѣдательствомъ графа Строганова, разсматривавшими отчеты Министерства за 1868—1870 г.г. Первая изъ этихъ комиссій въ журналѣ своемъ выразила глубокое убѣжденіе, «что главная опора Министерства Народнаго Просвѣщенія въ исполненіи задачи, возложенной на него Монаршимъ довѣріемъ, должна заключаться въ мѣстныхъ дѣятеляхъ—попечителяхъ учебныхъ округовъ. Личный осмотръ министра служитъ надежною повѣркою степени участія мѣстныхъ дѣятелей въ народномъ просвѣщеніи, а потому весьма желательно было бы видѣть въ будущихъ отчетахъ Министерства Народнаго Про-

свѣщенія представленіе на Высочайшее воззрѣніе Государя Императора хотя краткаго очерка дѣятельности главныхъ сотрудниковъ министра, попечителей учебныхъ округовъ». На это замѣчаніе комиссіи послѣдовала Высочайшая резолюція: «Принять къ руководству», и тогда министромъ сдѣлано было циркулярное распоряженіе, чтобы въ годовые отчеты попечителей включались свѣдѣнія о личныхъ обзорахъ ими учебныхъ округовъ, всѣ общія по округу распоряженія о всѣхъ имѣющихся въ виду улучшеніяхъ. Комиссія за 1869 г. снова выразила желаніе, чтобы эти свѣдѣнія, сгруппированныя въ министерскихъ отчетахъ, «подтверждали несомнѣнную истину, что мѣры, пріемлемыя Министерствомъ къ правильному развитію учебнаго дѣла, должны быть преимущественно результатами указаній практики, извлекаемыхъ изъ тщательныхъ осмотровъ учебныхъ заведеній, производимыхъ лично попечителями округовъ и ихъ ближайшими сотрудниками». Государь написалъ на этомъ журналѣ: «Да». Такія же замѣчанія, получавшія Высочайшее одобреніе, сдѣланы были и комиссіей, разсматривавшей отчетъ министра за 1870 г. Дѣлопроизводство окружныхъ управленій разросталось до такихъ размѣровъ, которымъ совершенно не соотвѣтствовалъ личный составъ этихъ управленій, притомъ крайне скудно обезпеченный въ матеріальномъ отношеніи.

Совершенная недостаточность штатовъ управленій учебныхъ округовъ была сознана Министерствомъ уже въ началѣ 60-хъ годовъ, но при множествѣ другихъ неотложныхъ расходовъ оно было вынуждено по необходимости откладывать ходатайство о новыхъ штатахъ до болѣе благопріятнаго времени. 13 августа 1874 г. графъ Толстой испросилъ Высочайшее соизволеніе внести въ Государственный Совѣтъ проектъ новыхъ штатовъ. Но не смотря на то, что, по категорическому заявленію министра, положеніе окружныхъ управленій было безвыходно и требовало безъ всякаго дальнѣйшаго промедленія изданія для нихъ новыхъ штатовъ, усиленныхъ какъ въ отношеніи личнаго состава служащихъ, такъ и окладовъ ихъ содержанія, рѣшеніе этого дѣла затянулось до 1881 года [208]).

IV.

Ко времени назначенія графа Толстаго министромъ университетскій уставъ 1863 г. уже дѣйствовалъ въ полномъ объемѣ и

на Министерствѣ оставалась теперь обязанность наблюдать за правильностью его примѣненія и разрѣшать вновь возникавшіе изъ практики вопросы административной властью въ предѣлахъ закона или направлять ихъ разрѣшеніе законодательнымъ путемъ.

Важнѣйшіе вопросы, требовавшіе вмѣшательства Министерства въ университетскую жизнь при дѣйствіи устава 1863 г., касались: 1) способовъ осуществленія автономіи университетскихъ коллегій, 2) обезпеченія университетовъ преподавательскими силами, 3) организаціи учащихся.

20 сентября 1868 г. Высочайше одобренными «Правилами о правахъ и обязанностяхъ ректора университета, какъ предсѣдателя Совѣта» былъ регулированъ порядокъ разсмотрѣнія дѣлъ въ совѣтахъ, подачи членами особыхъ мнѣній и письменныхъ предложеній. Одновременно признано было необходимымъ внести измѣненія въ одну изъ важнѣйшихъ функцій университетскихъ совѣтовъ. § 78 устава требовалъ, чтобы профессора по выслугѣ 25 лѣтъ оставлялись на службѣ на 5 лѣтъ по избранію большинствомъ двухъ третей голосовъ членовъ Совѣта. Между тѣмъ опытъ показалъ, что при скудости ученыхъ и преподавательскихъ силъ часто не было возможности замѣстить своевременно каѳедры забаллотированныхъ профессоровъ, и сами университеты иногда ходатайствовали о порученіи этимъ профессорамъ чтенія лекцій по найму. Признавая такой порядокъ вещей безусловно вреднымъ, графъ Толстой 20 сентября 1868 г., согласно съ заключеніемъ Совѣта Министра, испросилъ Высочайшее разрѣшеніе назначать собственною властью, на основаніи 72 § устава, на вакантныя каѳедры тѣхъ самыхъ профессоровъ, которые не избраны Совѣтомъ, если эти каѳедры въ теченіе года не будутъ замѣщены по выбору. Вмѣстѣ съ тѣмъ министру было предоставлено войти съ представленіемъ въ Государственный Совѣтъ объ измѣненіи 78 § устава. 31 марта 1869 г. онъ былъ измѣненъ въ томъ смыслѣ, что для оставленія профессоровъ и прочихъ преподавателей на службѣ, по выслугѣ ими 25 лѣтъ, требовалось только абсолютное большинство голосовъ, какъ это было при уставѣ 1835 г. 12 мая 1871 г. состоялось Высочайшее повелѣніе о примѣненіи къ факультетскимъ собраніямъ, при баллотированіи въ нихъ на преподавательскія должности, 40 § устава, который разрѣшалъ членамъ Совѣта, неявившимся на засѣданіе, передавать свои голоса присутствующимъ членамъ.

Всѣ эти постановленія имѣли цѣлью точнѣе опредѣлить и

разъяснить общія положенія дѣйствующаго устава. Но вызывавшія ихъ обстоятельства, замѣшательства и борьба партій, возникавшія иногда въ университетскихъ коллегіяхъ, имѣли въ глазахъ министра принципіальное значеніе и служили для него доказательствами неправильности нѣкоторыхъ основъ устава 1863 г. [209]).

Другимъ важнымъ вопросомъ было обезпеченіе университетовъ преподавательскими силами. Уставомъ 1863 г. главная тяжесть этой заботы возлагалась на университетскія коллегіи. По мнѣнію комиссіи, Высочайше учрежденной для разсмотрѣнія отчета по Министерству Народнаго Просвѣщенія за 1874 г., «замѣщеніе вакантныхъ каѳедръ въ университетахъ не зависѣло исключительно отъ усилій Министерства и принимаемыхъ имъ мѣръ: оно зависитъ во многомъ отъ обстоятельствъ, состоящихъ внѣ того круга, на который простирается дѣйствіе Министерства Народнаго Просвѣщенія», отъ общихъ условій общественной и государственной жизни, вліяющихъ на притокъ свѣжихъ силъ къ ученому сословію, отъ процвѣтанія самихъ университетовъ, призванныхъ возбуждать въ учащихся священный огонь любви къ наукѣ. Комиссія съ своей стороны считала возможнымъ поставить въ обязанность Министерству лишь слѣдить за состояніемъ университетскихъ каѳедръ, причемъ въ ежегодныхъ всеподданнѣйшихъ отчетахъ должны были помѣщаться не только полныя свѣдѣнія о состояніи каѳедръ, но также заключенія министра о томъ, въ какой мѣрѣ составъ университетскихъ факультетовъ можно считать прочнымъ и обезпеченнымъ въ его организаціи. Это заключеніе комиссіи Высочайше повелѣно было принять къ руководству. Дѣйствительно, какихъ либо новыхъ общихъ мѣръ для приготовленія университетскихъ преподавателей не было принято. Высочайше утвержденная комиссія, разсматривавшая обзоръ дѣятельности Министерства за 1863—1864 г.г., пришла къ убѣжденію въ необходимости держаться слѣдующихъ правилъ при отправленіи молодыхъ людей за границу для приготовленія къ профессорскому званію: 1) посылать не иначе, какъ по указаніямъ университетовъ, и только тѣхъ, кои получили уже степень магистра или доказали свои способности преподаваніемъ въ высшемъ учебномъ заведеніи въ теченіе не менѣе двухъ лѣтъ; 2) представлять избранныхъ университетами кандидатовъ на утвержденіе министра; 3) отправлять за границу кандидатовъ лишь по тѣмъ каѳедрамъ, по которымъ нельзя приготовиться въ Россіи; 4) размѣръ вознагражденія командируемымъ ограничить окладомъ въ 1.200 руб.

По предложенію министра, эти правила были переданы на обсужденіе университетскихъ совѣтовъ, попечителей учебныхъ округовъ и Совѣта Министра, который изложилъ ихъ въ новой, болѣе подробной редакціи, причемъ допустилъ къ заграничной командировкѣ и кандидатовъ, доказавшихъ свои способности экзаменомъ на степень магистра, успѣшнымъ преподаваніемъ или научными трудами. 27 марта 1867 г. правила были Высочайше утверждены. 5 октября того же года Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта размѣръ содержанія профессорскимъ кандидатамъ за границей былъ повышенъ до 1.500 руб. Постановленіемъ Совѣта Министра 3 февраля 1869 г. по вопросу о примѣненіи 46 § устава къ избранію приватъ-доцентовъ было разъяснено, что ищущіе званія приватъ-доцента отнюдь не должны быть подвергаемы закрытому баллотированію и что оцѣнка ихъ достоинствъ какъ въ факультетахъ, такъ и въ совѣтѣ должна быть производима посредствомъ гласнаго обсужденія. Послѣ введенія новаго гимназическаго устава Министерство особенно было озабочено недостаткомъ въ профессорахъ и доцентахъ по греческой и римской филологіи. Высочайше утвержденнымъ постановленіемъ Совѣта Министра 10 іюля 1872 г. разрѣшено было, въ видѣ временной мѣры, учителей древнихъ языковъ изъ славянъ-иностранцевъ допускать прямо къ пріобрѣтенію ученыхъ степеней магистра и доктора классической филологіи, безъ предварительнаго испытанія на степень кандидата [210]).

Искони обязанностью университетовъ было приготовленіе не только профессоровъ для самихъ себя, но также учителей для среднихъ учебныхъ заведеній. Предпринятая графомъ Толстымъ реформа системы средняго образованія побудила Министерство усилить средства приготовленія преподавателей по нѣкоторымъ основнымъ предметамъ. Но новые разсадники педагогическихъ силъ созданы были внѣ университетовъ. Въ университетахъ же дано было возможно большее развитіе старому средству, стипендіямъ для готовящихся къ преподавательской профессіи. Число стипендій увеличилось посредствомъ отчисленія нѣкоторой части отъ суммъ, назначенныхъ на стипендіи и пособія студентамъ (27 марта 1867 г.), и назначенія большей части стипендіальныхъ суммъ на факультеты, приготовляющіе учителей и врачей [211]).

Съ исконной обязанностью университетовъ готовить профессоровъ и учителей связывалась еще одна спеціальная обязанность, производить испытанія на разныя званія и должности для госу-

дарственной и общественной службы, требующей образовательнаго ценза. Новымъ закономъ о специальныхъ испытаніяхъ по Министерству Народнаго Просвѣщенія 22 апрѣля 1868 г. эта обязанность была значительно облегчена. Въ представленіи Государственному Совѣту министръ объяснилъ, что обязанность производства этихъ испытаній необходимо сохранить за учебными заведеніями Министерства Народнаго Просвѣщенія, которыя лучше всего могутъ судить о степени общаго образованія испытуемыхъ, но на университетахъ должно лежать производство испытаній только на званія и должности, требующія высшаго образованія. Эта мысль была принята, и по новому закону спеціальныя испытанія на званіе учителей и воспитателей гимназій и прогимназій поручены университетамъ, а испытанія на всѣ прочія учительскія должности и званія—особымъ испытательнымъ комитетамъ при управленіяхъ учебныхъ округовъ, гимназіямъ и уѣзднымъ училищамъ. Полному испытанію на званіе учителя гимназіи и прогимназіи должны подвергаться лица, хотя и окончившія полный университетскій курсъ, но не по тому факультету, къ которому относится предметъ испытанія, а равно окончившіе курсъ духовныхъ академій. Въ случаяхъ невозможности замѣстить вакантныя мѣста учителей новыхъ языковъ лицами съ университетскимъ образованіемъ къ испытанію допускаются окончившіе курсъ среднихъ учебныхъ заведеній и заграничныхъ университетовъ. Недостатокъ въ учителяхъ побудилъ значительно облегчить въ нѣкоторыхъ случаяхъ эти университетскія испытанія. По всеподданнѣйшему докладу графа Толстаго 27 марта 1867 г. Министерству разрѣшено было, въ видѣ временной мѣры, опредѣлять на должности учителей по языкамъ древнимъ и русскому и исторіи кандидатовъ и магистровъ духовныхъ академій, выдержавшихъ испытаніе въ факультетскомъ объемѣ по тому предмету, который они намѣрены преподавать. Эта мѣра, какъ временная, не обусловленная положительнымъ срокомъ, не вошла въ новый законъ о спеціальныхъ испытаніяхъ, и 17 мая 1868 г. разрѣшено было продлить ее на неопредѣленное время. 31 августа 1870 г., по докладу управляющаго Министерствомъ, послѣдовало Высочайшее соизволеніе на допущеніе, по особо уважительнымъ обстоятельствамъ, къ сокращенному испытанію на званіе учителя гимназіи лицъ, имѣющихъ аттестаты, объ окончаніи университетскаго курса, хотя бы и по факультету, не соотвѣтствующему предмету испытанія. 26 апрѣля 1878 г. по иниціативѣ попечителя

Московскаго учебнаго округа, Высочайше разрѣшено допускать къ испытанію въ русскихъ университетахъ на званіе учителя древнихъ языковъ, на основаніяхъ, установленныхъ для славянскихъ стипендіатовъ, лицъ, окончившихъ курсъ въ заграничныхъ университетахъ. Наконецъ особое исключеніе было сдѣлано для Сибири во вниманіе къ постояннымъ затрудненіямъ при замѣщеніи преподавательскихъ должностей въ тамошнихъ учебныхъ заведеніяхъ: 10 января 1879 г. разрѣшено допускать на эти должности лицъ съ болѣе низкимъ образовательнымъ цензомъ.

Во всеподданнѣйшемъ отчетѣ объ осмотрѣ въ 1875 г. учебныхъ заведеній Одесскаго округа графъ Толстой высказалъ предположеніе о пользѣ установленія государственныхъ экзаменовъ для лицъ, поступающихъ на гражданскую службу. По Высочайшему повелѣнію этотъ вопросъ былъ переданъ на разсмотрѣніе министровъ и главныхъ начальниковъ всѣхъ вѣдомствъ. Отзывы получились разные, за и противъ предложенной мѣры, и 4 апрѣля 1877 г. по всеподданнѣйшему докладу графа Толстаго повелѣно было передать всю переписку о государственныхъ экзаменахъ изъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ особую Комиссію, учрежденную при Государственномъ Совѣтѣ подъ предсѣдательствомъ д. т. с. Делянова для пересмотра положеній о правахъ на чины и служебныя преимущества, даваемыя разными учебными заведеніями. А затѣмъ этотъ вопросъ связался съ проектомъ общей университетской реформы [212]).

Какъ въ 50-хъ годахъ, при А. С. Норовѣ и Е. П. Ковалевскомъ, такъ теперь при графѣ Толстомъ, поводомъ къ пересмотру общаго университетскаго устава явилось обсужденіе мѣръ для водворенія порядка и дисциплины среди учащихся. По уставу 1863 г. эта послѣдняя обязанность возложена была на университетскія коллегіи, и Министерству принадлежалъ лишь высшій за ними надзоръ. Но вновь возникшіе въ 60-хъ и 70-хъ годахъ серьезные безпорядки среди студентовъ высшихъ учебныхъ заведеній и опасенія связи этихъ безпорядковъ съ политическою смутою побудили не одно Министерство Народнаго Просвѣщенія принять экстренныя мѣры. Обсужденіе вопроса о причинахъ студенческихъ безпорядковъ и о предупрежденіи ихъ стало предметомъ особыхъ совѣщаній и соглашеній всѣхъ министровъ, заинтересованныхъ ими. Когда слѣдственною по дѣлу Каракозова комиссіей графа Муравьева былъ раскрытъ фактъ участія въ революціонной агитаціи многихъ студентовъ польскаго

происхожденія, то послѣдовало ограниченіе числа студентовъ поляковъ до 20%, а 21 августа 1866 г., по Высочайшему повелѣнію, была образована изъ ректоровъ университетовъ и директоровъ высшихъ учебныхъ заведеній комиссія подъ предсѣдательствомъ товарища министра И. Д. Делянова для изысканія средствъ успѣшнаго надзора за студентами внѣ стѣнъ университетовъ. На основаніи трудовъ этой комиссіи 26 мая 1867 г. были изданы, по Высочайше утвержденному положенію Комитета Министровъ, «Правила о надзорѣ за студентами внѣ стѣнъ университета и воспитанниками высшихъ учебныхъ заведеній разныхъ вѣдомствъ»; ими опредѣлялись взаимныя обязанности учебнаго начальства и полиціи по надзору за студентами, воспрещалось учащимся устраивать всякаго рода публичныя собранія съ благотворительною цѣлью, предписывалось высшимъ учебнымъ заведеніямъ въ вопросахъ дисциплины держаться единства дѣйствій и правилъ. Тогда же, съ начала 1867/8-го учебнаго года, введены были дополнительныя правила о постороннихъ слушателяхъ университетовъ. Допуская безпрепятственно къ слушанію университетскихъ лекцій лицъ всѣхъ состояній, имѣющихъ опредѣленное общественное положеніе или занятіе, новыя правила ставили непремѣннымъ условіемъ для всѣхъ окончившихъ курсъ среднихъ учебныхъ заведеній удовлетворительныя отмѣтки по главнымъ предметамъ гимназическаго курса. Въ мартѣ 1869 г. въ С.-Петербургскомъ университетѣ, Медико-Хирургической академіи и Технологическомъ институтѣ происходили безпорядки, при чемъ до свѣдѣнія Государя было доведено, что въ примѣненіи дисциплинарныхъ правилъ, установленныхъ въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ, нѣтъ необходимаго единообразія. Установить его на будущее время Высочайше повелѣно было особому Комитету: министрамъ Военному, Государственныхъ Имуществъ, Финансовъ, Народнаго Просвѣщенія, Шефу жандармовъ и С.-Петербургскому оберъ-полицеймейстеру. Подготовительный трудъ объединенія дисциплинарныхъ правилъ для студентовъ разныхъ вѣдомствъ былъ возложенъ на комиссію подъ предсѣдательствомъ товарища министра Народнаго Просвѣщенія изъ членовъ отъ этихъ вѣдомствъ. Особый комитетъ согласился съ мнѣніемъ комиссіи, что главныя начала дѣйствующихъ дисциплинарныхъ правилъ вполнѣ соотвѣтствуютъ своей цѣли и только должны быть приведены къ большему единообразію. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Комитетъ нашелъ нужнымъ принять

нѣкоторыя особыя мѣры, которыя затруднили бы наплывъ въ высшія учебныя заведенія людей, подающихъ мало надежды на успѣшное занятіе науками, и обезпечивали бы соблюденіе порядка со стороны принимаемыхъ. Эти мѣры предписывали: болѣе строгія условія пріема, затрудненіе перехода изъ однихъ заведеній въ другія, строгость всѣхъ вообще испытаній, усиленіе надзора инспекціи, привлеченіе учащихся къ болѣе интенсивнымъ научнымъ занятіямъ, распредѣленіе стипендій и пособій сообразно съ успѣхами и поведеніемъ учащихся и т. п. 8 іюля 1869 г., по докладу министра Народнаго Просвѣщенія, постановленія комитета были Высочайше утверждены. Вспыхивавшіе по временамъ новые безпорядки вызвали въ 70-хъ годахъ болѣе радикальныя мѣры *).—Въ концѣ 1874 г. для коренного изслѣдованія вопроса о студенческихъ безпорядкахъ было вновь образовано особое совѣщаніе министровъ подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Валуева, которое указало главныя причины студенческихъ волненій во внутренней организаціи университетовъ, признало общую ихъ реформу предметомъ несомнѣнной потребности и предложило слѣдующія начала для этой реформы: 1) ограниченіе автономіи профессорскихъ коллегій, съ изъятіемъ изъ ихъ вѣдѣнія административно-полицейскихъ обязанностей, 2) установленіе новаго порядка назначенія профессоровъ, 3) усиленіе правительственнаго контроля за преподаваніемъ, 4) ограниченіе излишняго притока мало приготовленныхъ и матеріально не обезпеченныхъ слушателей. Въ ожиданіи коренного преобразованія университетовъ, рѣшено было измѣнить устройство университетской инспекціи. По иниціативѣ временнаго Харьковскаго генералъ-губернатора графа Лорисъ-Меликова въ 1879 г. состоялось подъ предсѣдательствомъ П. А. Валуева новое совѣщаніе министровъ Народнаго Просвѣщенія, Финансовъ, Юстиціи, Внутреннихъ Дѣлъ, статсъ-секретаря Делянова и графа Лорисъ-Меликова. По рѣшенію этого совѣщанія графъ Толстой 2 августа 1879 г. испросилъ чрезъ Комитетъ Министровъ разрѣшеніе составить, не стѣсняясь дѣйствующимъ уставомъ университетовъ, инструкцію для университетской инспекціи съ присовокупленіемъ правилъ о дарованіи разныхъ льготъ, пособій и стипендій. Тѣмъ

---

*) Съ половины 1873 г. по 1 января 1877 г. изъ общаго числа лицъ, прикосновенныхъ къ противогосударственной пропагандѣ, воспитанники высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній составляли 50%.

же положеніемъ Комитета Министровъ попечителямъ учебныхъ округовъ предоставлено было измѣнять и увеличивать, по соглашенію съ мѣстными генералъ-губернаторами, составъ инспекціи. Въ представленіи Комитету графъ категорически заявилъ, что многолюднымъ университетскимъ коллегіямъ не свойственно заниматься дѣлами административно-полицейскими и судебными, «потому что такія коллегіи не легко поддаются какой бы то ни было отвѣтственности за свои дѣйствія и, еще болѣе, за свое бездѣйствіе». По новому порядку университетскій судъ упразднялся и его обязанности передавались правленію университета; совѣтъ университета устранялся отъ завѣдыванія стипендіями и другими льготами для студентовъ и отъ распоряженія спеціальными суммами; вся судебная и административно-дисциплинарная власть сосредоточивалась въ рукахъ правленія и инспекціи, личный составъ которой назначался министромъ и попечителемъ; студенты подвергались самому бдительному надзору инспекціи; профессора призывались къ содѣйствію инспекціи, къ точному и строгому соблюденію всѣхъ своихъ обязанностей, а равно и всѣхъ предписаній закона, относящихся къ государственной службѣ. Составленныя на этихъ основаніяхъ инструкція инспекціи, правила для студентовъ и предложеніе попечителямъ учебныхъ округовъ были Высочайше одобрены 5 ноября 1879 г. Высочайше утвержденнымъ 20 марта 1879 г. журналомъ того же Особаго совѣщанія воспрещено было воспитанникамъ духовныхъ семинарій поступать въ университеты и другія высшія учебныя заведенія, кромѣ историко-филологическихъ институтовъ и Ярославскаго Демидовскаго лицея, безъ выдержанія предварительнаго испытанія зрѣлости въ гимназіяхъ вѣдомства Министерства. Основанія къ этому запрещенію были подробно изложены министромъ въ особомъ всеподданнѣйшемъ докладѣ въ январѣ 1879 г.: послѣ гимназической реформы 1871 г. курсъ духовныхъ семинарій сталъ значительно ниже курса гимназій, нравственное воспитаніе семинаристовъ страдаетъ пробѣлами и недостатками, которые могутъ быть восполнены только постояннымъ наблюденіемъ въ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ. Если Министерство до сихъ поръ допускало семинаристовъ въ университеты то потому, что не желало дѣлать рѣзкаго перелома въ принадлежащихъ до 1871 г. семинаріямъ правахъ.

Когда въ 1874 г. совѣщаніе министровъ подъ предсѣдательствомъ П. А. Валуева высказало мнѣніе о необходимости пере-

смотра дѣйствующаго устава университетовъ, это дѣло уже было въ ходу. 12 августа 1872 г. министръ предложилъ попечителямъ учебныхъ округовъ пригласить совѣты университетовъ подать свои мнѣнія о желательныхъ измѣненіяхъ въ уставѣ 1863 г. «При предстоящемъ пересмотрѣ университетскаго устава», писалъ министръ, «я буду руководствоваться единственно соображеніями возможно большаго развитія науки во всѣхъ ея отрасляхъ и пользою многочисленныхъ университетскихъ слушателей, которые должны пріобрѣтать въ университетахъ дѣйствительное научное образованіе». Всѣ университеты, за исключеніемъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ профессоровъ, высказались или за полное сохраненіе устава 1863 г., или за желательность лишь нѣкоторыхъ частныхъ въ немъ измѣненій. Попечители же округовъ жаловались на трудность своего положенія при автономіи университетскихъ коллегій. Въ апрѣлѣ 1875 г. съ Высочайшаго соизволенія была образована подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря И. Д. Делянова комиссія для разработки проекта новаго устава; въ составъ ея вошли: товарищъ министра князь Ширинскій-Шихматовъ, члены Совѣта Министра Воскресенскій и Гезенъ, членъ Совѣта Министра Внутреннихъ Дѣлъ Варадиновъ, предсѣдатель Ученаго Комитета А. И. Георгіевскій, ректоры университетовъ (кромѣ Дерптскаго), директоръ Демидовскаго Лицея М. Н. Капустинъ, профессоры Коссовичъ, Любимовъ и Флоринскій, помощникъ попечителя Кіевскаго учебнаго округа генералъ-маіоръ Новиковъ. Осенью и зимой того же года, съ цѣлью собрать возможно полныя свѣдѣнія, отдѣлъ комиссіи съ предсѣдателемъ во главѣ посѣтилъ всѣ русскіе университеты, изслѣдуя на мѣстѣ состояніе каждаго университета въ отдѣльности. Но продолжительная и тщательная разработка университетскаго вопроса не привела комиссію къ единогласному заключенію: всѣ ректоры университетовъ высказались за сохраненіе основъ устава 1863 г. Противъ реформы высказались также нѣкоторые органы періодической печати; защитникомъ же ея въ этой области выступилъ профессоръ Н. А. Любимовъ. Къ концу 1879 г. проектъ новаго университетскаго устава былъ готовъ, и 6 февраля слѣдующаго года графъ Толстой внесъ этотъ проектъ, съ Высочайшаго соизволенія, на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта. Основныя черты реформы резюмировались въ слѣдующихъ положеніяхъ:

1) *По отдѣлу объ управленіи университетами:* усиливается правительственное вліяніе и, въ частности, власть попечителя.

За должностью ректора сохраняется выборный характеръ, но ей дается болѣе опредѣленное выраженіе. Кругъ дѣятельности совѣта ограничивается передачей нѣкоторыхъ функцій факультетамъ и правленію, получающимъ больше самостоятельности. Инспекторъ назначается министромъ.

2) *По отдѣлу объ учебной части:* правительственной власти даются средства наблюденія за правильнымъ ходомъ учебной жизни. При сохраненіи за профессорами значительной свободы преподаванія, принимаются мѣры для пресѣченія злоупотребленій оною. Дается большое развитіе приватъ-доцентурѣ и практическимъ занятіямъ. Экзамены отдѣляются отъ текущаго преподаванія.

3) *По отдѣлу о личномъ составѣ:* министру дается право назначенія профессоровъ съ сохраненіемъ за университетами права рекомендаціи кандидатовъ. Упраздненіемъ штатныхъ доцентовъ увеличивается разстояніе между профессоромъ и приватъ-доцентомъ. Повышеніе въ ординарные профессоры производится по старшинству. Отмѣняется баллотированіе на оставленіе на службѣ послѣ 25 лѣтъ.

4) *По отдѣлу объ учащихся:* усиливается надзоръ за студентами. Предметомъ особенной заботы является классъ недостаточныхъ. Поощряется устройство общежитій. Устанавливается контроль надъ раздачей стипендій. Сверхъ платы за ученье вводится гонораръ въ пользу преподавателей.—Послѣдовавшая въ апрѣлѣ 1880 г. отставка графа Толстаго остановила преобразованіе университетовъ на нѣсколько лѣтъ [213]).

За университетами въ общей системѣ учебныхъ заведеній слѣдовалъ рядъ высшихъ спеціальныхъ училищъ. Изъ всѣхъ видовъ государственной и общественой дѣятельности, къ которымъ готовили эти училища, Министерство Народнаго Просвѣщенія, конечно, всего болѣе заинтересовано было дѣятельностью педагогической. Между тѣмъ вопросъ о подготовкѣ педагоговъ былъ поставленъ очень шатко: Министерство колебалось въ выборѣ между особыми спеціальными педагогическими заведеніями и дополнительными педагогическими курсами, устроенными при общеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ 60-хъ годахъ практиковалось второе средство подготовки учителей для гимназій и народныхъ училищъ. При графѣ Толстомъ Министерство обращается къ мысли о преимуществѣ спеціальныхъ педагогическихъ училищъ. Не отрицая существенныхъ недостатковъ въ устрой-

ствѣ бывшаго Главнаго педагогическаго института, оно считало еще менѣе цѣлесообразными педагогическіе курсы при университетахъ. Какъ показалъ опытъ нѣсколькихъ лѣтъ, эти курсы привлекали очень незначительное число кандидатовъ; содержаніе же ихъ поглощало всѣ средства бывшаго Главнаго педагогическаго института и педагогическихъ институтовъ при университетахъ, при чемъ изъ общей суммы въ 69.350 руб. только 21.900 рублей шли собственно на содержаніе стипендіатовъ, а вся остальная сумма на вознагражденія разнаго рода руководителей. Наконецъ, сложность руководства и контроля нарушала единство направленія и плана въ практическомъ образованіи учительскихъ кандидатовъ. Между тѣмъ крайній недостатокъ въ учителяхъ и преимущественно по предметамъ историко-филологическаго факультета снова сталъ особенно ощутительнымъ при введеніи въ дѣйствіе устава гимназій 1864 г. По всѣмъ этимъ соображеніямъ рѣшено было, взамѣнъ педагогическихъ курсовъ при университетахъ, устроить особый институтъ для приготовленія учителей для гимназій, съ обращеніемъ на его содержаніе суммъ, назначенныхъ на педагогическіе курсы. 27 іюня 1867 г. послѣдовалъ указъ Правительствующему Сенату объ учрежденіи въ С.-Петербургѣ историко-филологическаго института. Въ отличіе отъ Главнаго педагогическаго института онъ имѣлъ цѣлью готовить только преподавателей для среднихъ учебныхъ заведеній, не возбраняя лучшимъ своимъ воспитанникамъ доступа къ профессорскимъ каѳедрамъ, и при томъ преподавателей только историко-филологическихъ наукъ: древнихъ языковъ, русскаго языка и словесности, исторіи. Учителей математики и физики въ достаточномъ числѣ доставляли физико-математическіе факультеты университетовъ. Штатное число воспитанниковъ было положено 100 человѣкъ, обязанныхъ жить въ зданіи института и на полномъ казенномъ содержаніи. Студентамъ, успѣшно окончившимъ курсъ, предоставляются всѣ права кандидатовъ университетовъ. Въ административномъ отношеніи институтъ непосредственно подчиненъ Министру Народнаго Просвѣщенія. Директоръ института назначается изъ лицъ, имѣющихъ ученую степень доктора по историко-филологическому факультету. Профессоры, преподаватели, наставники избираются конференціею. Управленіе учебной и хозяйственной частями раздѣляется между конференціей и правленіемъ. Въ 1870 г. при институтѣ была учреждена гимназія, въ которой студенты должны были знакомиться съ практикой преподаванія [214]).

Къ той же цѣли приготовленія учителей для гимназій графъ Толстой рѣшилъ направить преобразованіе Нѣжинскаго лицея князя Безбородко. Нѣсколько разъ во всеподданнѣйшихъ отчетахъ по Министерству за 1867—1871 г.г. министръ указывалъ на крайне бѣдственное положеніе Института, и 14 марта 1869 г. Высочайше повелѣно было приступить къ преобразованію лицея по личномъ осмотрѣ его министромъ. Но затруднительное положеніе Государственнаго Казначейства заставило отложить это дѣло. Осмотрѣвъ лично лицей въ 1873 г., графъ Толстой внесъ въ Государственный Совѣтъ представленіе о преобразованіи лицея въ историко-филологическій институтъ. Проектъ, составленный въ 1865 г. почетнымъ попечителемъ лицея графомъ Кушелевымъ-Безбородко и принятый министромъ А. В. Головнинымъ, онъ призналъ неудобоисполнимымъ, какъ нарушающій волю основателя лицея, желавшаго устроить въ Нѣжинѣ высшее учебное заведеніе. Государственный Совѣтъ согласился съ предположеніемъ министра, и 20 ноября 1874 г. Высочайше повелѣно было учредить въ Нѣжинѣ Историко-Филологическій князя Безбородко институтъ на основаніи устава и штата историко-филологическаго института въ С.-Петербургѣ, съ тѣмъ главнымъ различіемъ, что Нѣжинскій институтъ подчиненъ попечителю Кіевскаго учебнаго округа. 21 апрѣля 1875 г. институтъ получилъ свой особый уставъ. Права почетныхъ попечителей лицея, по смерти послѣдняго изъ графовъ Кушелевыхъ-Безбородко, были переданы въ родъ графовъ Мусиныхъ-Пушкиныхъ [215]).

Послѣ утвержденія классицизма по уставу гимназій 1871 г. историко-филологическіе факультеты и институты не въ состояніи были устранить крайній недостатокъ въ учителяхъ древнихъ языковъ, и Министерство должно было прибѣгнуть къ чрезвычайнымъ мѣрамъ: опредѣленію на учительскія мѣста кандидатовъ и магистровъ духовныхъ академій и вызову славянъ изъ заграничныхъ университетовъ. Въ связи съ послѣдней мѣрой явилось новое педагогическое учрежденіе, филологическая семинарія при Лейпцигскомъ университетѣ. Профессоръ этого университета, знаменитый филологъ Ричль изъявилъ согласіе руководить занятіями по классической филологіи кандидатовъ, избранныхъ Министерствомъ изъ русскихъ, западныхъ славянъ или уроженцевъ Германіи, изучившихъ русскій языкъ. По всеподданнѣйшему докладу графа Толстаго, утвержденному 14 августа 1873 г., курсъ ученія въ Лейпцигѣ былъ установленъ въ два года и на возна-

гражденіе профессора Ричля и содержаніе стипендіатовъ ассигновано 7.000—10.000 рублей въ годъ [216]).

Вмѣстѣ съ Нѣжинскимъ лицеемъ рѣшено было преобразовать и Демидовскій Ярославскій лицей. Изъ разнообразныхъ мнѣній, собранныхъ Министерствомъ при А. В. Головнинѣ, графъ Толстой отдалъ рѣшительное предпочтеніе проекту преобразованія лицея въ высшее юридическое училище, чтобы удовлетворить огромную потребность, вызванную судебной реформой, въ мировыхъ судьяхъ, адвокатахъ, прокурорахъ и разныхъ другихъ должностныхъ лицахъ по судебной части. Но чтобы это училище было дѣйствительно поставлено на степень, одинаковую съ университетами, какъ того желалъ незабвенный учредитель лицея и къ чему послѣдній тщетно стремился съ самаго своего основанія, необходимо было, по мнѣнію министра, устроить его вполнѣ по образцу юридическихъ факультетовъ, распространивъ на учащихъ и учащихся университетскія права и преимущества. Эти предположенія были представлены министромъ на предварительное одобреніе Государя, послѣ чего 3 іюля 1868 г. мнѣніемъ Государственнаго Совѣта положено было учредить Демидовскій Юридическій лицей, обративъ на его содержаніе 15.631 руб. 36 коп. въ годъ изъ доходовъ и капиталовъ, пожертвованныхъ Демидовымъ, а недостающую сумму, 30.712 руб. 27 коп., принять на счетъ Государственнаго Казначейства. Тогда же лицей получилъ временный на три года уставъ, составленный на общихъ основаніяхъ университетскаго устава 1863 г. Окончательный уставъ лицея былъ утвержденъ 25 декабря 1874 г. Важнѣйшимъ отличіемъ его отъ временнаго устава было ограниченіе автономіи лицея: министру предоставлено право избранія директора лицея и назначенія профессоровъ и доцентовъ по представленію совѣта [217]).

Смѣшеніемъ задачъ общаго и спеціальнаго образованія страдалъ также Лазаревскій институтъ восточныхъ языковъ, подчиненный особому главноначальствующему. По уставу 1848 г. институтъ совмѣщалъ въ себѣ какъ бы два отдѣльныя учебныя заведенія: общеобразовательную гимназію и двухгодичные спеціальные курсы восточныхъ языковъ. Но оба курса, ко взаимному ущербу, не были точно разграничены между собою: гимназическій курсъ давалъ слабую общую подготовку; спеціальный курсъ былъ слишкомъ кратокъ для хорошаго изученія новыхъ языковъ и такъ какъ институтъ давалъ своимъ воспитанникамъ очень ограниченныя права, то 0,9 изъ нихъ, по окончаніи гимназиче-

скаго курса, переходили въ университетъ. Въ 1868 г. по ходатайству попечителя института т. с. Лазарева онъ былъ переданъ въ вѣдѣніе Министерства Народнаго Просвѣщенія съ условіемъ ввести институтъ въ общую систему учебныхъ заведеній; званіе же главноначальствующаго временно возложено было на графа Толстаго. Преобразованіе Института, проведенное черезъ Кавказскій Комитетъ, имѣло цѣлью разграничить оба курса, общій и спеціальный, и поднять въ нихъ уровень преподаванія. По новому уставу 16 декабря 1872 г. институтъ подчиненъ, подъ главнымъ вѣдѣніемъ министра Народнаго Просвѣщенія, попечителю Московскаго учебнаго округа и кромѣ того имѣетъ особаго почетнаго попечителя изъ рода Лазаревыхъ. Общій курсъ устроенъ по образцу классическихъ гимназій, а спеціальный трехгодичный, имѣющій цѣлью изученіе восточныхъ языковъ, по образцу университетскаго факультета. Примѣненіе въ данномъ случаѣ правилъ университетскаго устава было безусловно необходимо, по словамъ графа Толстаго, чтобы гарантировать институту подборъ лучшихъ профессоровъ и преподавателей. Во главѣ спеціальныхъ классовъ поставленъ совѣтъ профессоровъ, облеченный правами университетскаго факультета за исключеніемъ права удостоенія ученыхъ степеней [218]).

Новое устройство по образцу университетскихъ факультетовъ и другихъ высшихъ спеціальныхъ училищъ получили Харьковское и Дерптское ветеринарныя училища, преобразованныя по положенію 8 мая 1873 г. въ Ветеринарные институты. Это дѣло тянулось съ 1856 г., но задерживалось разными неблагопріятными обстоятельствами, особенно недостаткомъ денежныхъ средствъ. По новому уставу ветеринарнымъ училищамъ данъ характеръ исключительно высшихъ учебныхъ заведеній, съ присвоеніемъ имъ наименованія институтовъ, а обучающимся въ нихъ—названія студентовъ. Учебному курсу сообщена большая полнота, сообразно съ современнымъ состояніемъ ветеринарныхъ наукъ. Кромѣ штатныхъ преподавателей допущены къ преподаванію приватъ-доценты. Въ отношеніяхъ внутренняго управленія, правъ и преимуществъ служащихъ, институты приравнены къ университетамъ. При каждомъ институтѣ учреждена особая фельдшерская школа для приготовленія простыхъ фельдшеровъ. Особой статьей Высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта министру вмѣнено въ обязанность постепенно ввести въ Дерптскомъ институтѣ преподаваніе всѣхъ предметовъ на русскомъ языкѣ. Въ то же

время Комитетъ по дѣламъ Царства Польскаго, въ соединенномъ засѣданіи съ Департаментомъ Экономіи Государственнаго Совѣта, разсмотрѣлъ представленіе графа Толстаго о преобразованіи Варшавской ветеринарной школы въ институтъ. Соединенное присутствіе разрѣшило этотъ вопросъ въ отрицательномъ смыслѣ, положивъ вмѣсто преобразованія Варшавской школы учредить новый Ветеринарный институтъ въ г. Казани [219]).

По Высочайше утвержденному 8 іюня 1869 г. положенію Комитета по дѣламъ Царства Польскаго Политехническій и Земледѣльческо-Лѣсной институтъ въ Новой-Александріи былъ преобразованъ въ Институтъ сельскаго хозяйства и лѣсоводства. Управленіе и учебная часть Института устроены въ главныхъ основаніяхъ по аналогіи съ университетами и другими высшими спеціальными училищами [220]).

Новыми, совершенно оригинальными высшими учебными заведеніями явились при графѣ Толстомъ: Лицей Цесаревича Николая въ Москвѣ, Археологическій Институтъ, Высшіе Женскіе курсы. Всѣ они возникли по иниціативѣ частныхъ лицъ.

Постепенный упадокъ Нѣжинскаго и Демидовскаго Лицеевъ и Лазаревскаго института, какъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній, и послѣдовавшее въ концѣ концовъ преобразованіе ихъ въ спеціальныя училища показывали, какъ трудно было соединить въ одномъ заведеніи элементы средняго и высшаго, общаго и спеціальнаго образованія. Но въ 1869 г., по частной иниціативѣ, возникло новое учебное заведеніе, напоминавшее по нѣкоторымъ чертамъ своей организаціи старые лицеи или гимназіи высшихъ наукъ. Въ 1867 г. М. Н. Катковъ и П. М. Леонтьевъ, люди близкіе графу Толстому и вліятельные сотрудники его по нѣкоторымъ учебнымъ реформамъ, предположили основать на свои средства въ Москвѣ, въ память Цесаревича Николая Александровича, лицей. Въ проектѣ устава учредители такъ формулировали преслѣдуемыя ими цѣли: 1) «удовлетворить глубоко чувствуемую потребность въ основательномъ и прочномъ образованіи русскаго юношества, какъ общемъ приготовительномъ, такъ и спеціально-ученомъ, которое, не уступая по высотѣ и силѣ своей образованію другихъ странъ, соотвѣтствовало бы истиннымъ потребностямъ нашего отечества» и 2) «путемъ живаго опыта способствовать развитію въ Россіи самостоятельнаго педагогическаго дѣла и выработать на практикѣ, безъ предварительной регламентаціи, его основанія, пріемы и способы». Эти цѣли, по

словамъ авторовъ проекта, не могли быть достигнуты ни обыкновеннымъ казеннымъ заведеніемъ, не обладающимъ необходимою свободою дѣйствій, ни обыкновеннымъ частнымъ, не имѣщимъ достаточнаго авторитета въ глазахъ общества. Чтобы избѣгнуть этихъ недостатковъ, предположено было организовать управленіе лицеемъ на совершенно оригинальныхъ принципахъ. Непосредственное завѣдываніе имъ ввѣряется правленію, которое должно преемственно хранить духъ заведенія. Личный составъ его опредѣляется отчасти избраніемъ, отчасти продолжительной службой въ главныхъ должностяхъ по лицею. Высшій же надзоръ принадлежитъ совѣту, членами котораго состоятъ: Московскій митрополитъ, министръ Народнаго Просвѣщенія, Московскій генералъ-губернаторъ и предсѣдатель Московской Судебной Палаты или лица, ими вмѣсто себя уполномоченныя. Разногласія между совѣтомъ и правленіемъ Лицея разрѣшаются административнымъ судомъ 1-го Департамента Правительствующаго Сената. Этотъ первоначальный проектъ былъ переданъ, по постановленію Департамента Законовъ Государственнаго Совѣта, на заключеніе министровъ Внутреннихъ Дѣлъ, Юстиціи, Финансовъ и оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода, которые отнеслись вполнѣ сочувственно къ основной мысли проекта, но возражали противъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ пунктовъ, особенно противъ совершенно исключительнаго состава совѣта и вмѣшательства Сената въ дѣла лицея. Исправленный проектъ устава лицея былъ Высочайше утвержденъ 12 іюля 1869 г. Въ учебномъ отношеніи лицей раздѣленъ на два курса, гимназическій восьмигодичный и университетскій трехгодичный. Въ первомъ объемъ преподаванія не долженъ быть меньше положеннаго для правительственныхъ классическихъ гимназій. Университетскіе курсы слушаются въ университетѣ на соотвѣтствующихъ факультетахъ подъ руководствомъ особыхъ туторовъ. Ученики, успѣшно окончившіе гимназическій и университетскій курсы, получаютъ всѣ права и преимущества воспитанниковъ правительственныхъ гимназій и университетскихъ студентовъ. Воспитанники живутъ или въ домахъ родителей и родственниковъ или въ особыхъ лицейскихъ пансіонахъ, въ которыхъ сосредоточиваются преподаваніе искусствъ и разныхъ тѣлесныхъ упражненій. Управленіе лицеемъ, какъ и въ первоначальномъ планѣ, ввѣрено правленію и совѣту, но составъ послѣдняго существенно измѣненъ, и все управленіе согласовано съ общимъ порядкомъ учебной администраціи: лицей

находится въ вѣдѣніи Министерства Народнаго Просвѣщенія; совѣтъ лицея состоитъ подъ предсѣдательствомъ министра въ бытность его въ Москвѣ, а въ другое время подъ предсѣдательствомъ генералъ-губернатора, изъ попечителя и помощника попечителя Московскаго учебнаго округа, ректора и одного изъ членовъ совѣта университета, членовъ лицейскаго правленія и почетныхъ членовъ лицея; кромѣ того въ совѣтѣ засѣдаютъ по желанію съ правомъ голоса: московскій губернскій предводитель дворянства, московскій городской голова и предсѣдатель Московской губернской земской управы. Подробности педагогической части уставъ представляетъ выработать основателямъ лицея въ особыхъ «статутахъ». «Заявленные» совѣту, эти статуты не могутъ быть измѣняемы ни совѣтомъ, ни правленіемъ безъ взаимнаго ихъ согласія. Въ 1872 г. служащимъ въ лицеѣ предоставлены права государственной службы [221]).

Основателемъ Археологическаго Института въ С.-Петербургѣ явился извѣстный археографъ и знатокъ русской старины Н. В. Калачовъ. Когда выяснилось, что составленный временною Комиссіею проектъ Главной Архивной Комиссіи и Археологическаго Института, какъ правительственныхъ учрежденій, неосуществимъ по невозможности разсчитывать на отпускъ изъ казны до 50.000 руб. въ годъ, Калачовъ обратился въ Министерство съ ходатайствомъ объ учрежденіи Института въ видѣ опыта на 4 года, на свой страхъ, въ собственномъ домѣ. 23 іюля 1877 г. по положенію Комитета Министровъ послѣдовало Высочайшее соизволеніе на открытіе Археологическаго Института, имѣющаго цѣлью приготовленіе спеціалистовъ по русской старинѣ для занятія мѣстъ въ архивахъ правительственныхъ, общественныхъ и частныхъ. Утвержденное тогда же временное положеніе объ Институтѣ замѣнено было 11 января 1880 г. новымъ, болѣе подробнымъ. Институтъ, поставленный подъ вѣдѣніе Министерства Народнаго Просвѣщенія, управляется директоромъ, правленіемъ и совѣтомъ. На должности директора и преподавателей назначаются преимущественно лица, служащія по вѣдомству Народнаго Просвѣщенія. Лицамъ, окончившимъ курсъ ученія, присвояются званія дѣйствительныхъ членовъ Института. Лица, оказавшія особыя матеріальныя и научныя услуги и содѣйствіе, получаютъ званія почетныхъ членовъ и сотрудниковъ Института. Почетнымъ членамъ присвоенъ заурядъ V классъ по должности и мундиру. Не получая никакой казенной субсидіи, не взимая платы со слушателей, Институтъ

долгое время долженъ былъ существовать на частныя пожертвованія [222]).

Наконецъ, на правахъ частныхъ учебныхъ заведеній, но состоящихъ подъ бдительнымъ надзоромъ Министерства, организовались Высшіе Женскіе Курсы въ нѣкоторыхъ университетскихъ городахъ. Стремленіе русскихъ женщинъ къ высшему научному образованію, недоступность для нихъ университетовъ и высшихъ спеціальныхъ училищъ въ самой Россіи, многія неблагопріятныя условія, которыми обставлено было пребываніе русской учащейся молодежи за границей возбудили среди профессоровъ С.-Петербургскаго и Московскаго университетовъ мысль объ устройствѣ особыхъ постоянныхъ чтеній для женщинъ по предметамъ историко-филологическаго и физико-математическаго факультетовъ, мысль, встрѣтившую горячее сочувствіе въ средѣ столичной интеллигенціи. Съ другой стороны, въ это же время правительство признало возможнымъ шире открыть женщинамъ поприще педагогической и медицинской дѣятельности, требовавшей высшаго образованія. Въ январѣ 1871 г., по обсужденіи въ Совѣтѣ Министровъ въ Высочайшемъ присутствіи вопроса о допущеніи женщинъ на службу въ общественныя и правительственныя учрежденія, послѣдовало Высочайшее повелѣніе, точно опредѣлившее «кругъ полезной для государства и общества служебной дѣятельности лицъ женскаго пола»: всѣми мѣрами способствовать распространенію курсовъ акушерскихъ наукъ, разрѣшить женщинамъ занятія фельдшерскихъ и аптекарскихъ должностей, поощрять женщинъ на поприщѣ педагогическомъ и по возможности расширить его, допустить женщинъ къ службѣ по телеграфному вѣдомству и по счетной части по вѣдомству IV отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, затѣмъ воспретить пріемъ женщинъ на всѣ другія мѣста въ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ.

Въ 1872 г. съ разрѣшенія Министерства открылись первые Высшіе Женскіе Курсы: въ С.-Петербургѣ—подъ руководствомъ профессора Бестужева-Рюмина, въ Москвѣ—профессора Герье и подъ личной отвѣтственностью ректора Московскаго университета. Вскорѣ въ Министерство поступили ходатайства объ открытіи такихъ же курсовъ въ Кіевѣ и Казани. Удовлетворивъ эти ходатайства, министръ въ предложеніи попечителямъ учебныхъ округовъ С.-Петербургскаго, Московскаго, Кіевскаго и Казанскаго опредѣлилъ условія, въ зависимости отъ которыхъ должно было

находиться дальнѣйшее существованіе курсовъ: они считаются частными учебными заведеніями, подчиненными надзору учебно-окружнаго начальства. Права преподаванія въ женскихъ гимназіяхъ и институтахъ министръ не счелъ возможнымъ предоставить оканчивающимъ курсъ. Между тѣмъ возбужденъ былъ вопросъ объ устройствѣ правительственныхъ женскихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Въ томъ же 1872 г. Высочайше повелѣно было особой комиссіи изъ министровъ Внутреннихъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія и главнаго начальника III Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи обсудить вопросъ о мѣрахъ, вызываемыхъ постоянно возраставшимъ приливомъ русскихъ женщинъ въ Цюрихскій университетъ и политехникумъ и нѣкоторыми прискорбными явленіями въ ихъ средѣ. Комиссія признала чрезвычайно важнымъ и существенно необходимымъ учрежденіе въ самой Россіи высшихъ женскихъ училищъ съ строго опредѣленнымъ и законченнымъ курсомъ, основаннымъ на изученіи историко-филологическихъ наукъ. Затѣмъ, 28 сентября 1873 г., была образована для составленія проекта устава высшихъ женскихъ учебныхъ заведеній новая комиссія, подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Делянова, изъ представителей Министерства Народнаго Просвѣщенія и IV Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи. Составленный этой комиссіей проектъ встрѣтилъ очень серьезное возраженіе со стороны принца П. Г. Ольденбургскаго, главноуправляющаго IV Отдѣленіемъ Собственной Его Величества Канцеляріи. Онъ указалъ, что проектъ комиссіи преслѣдуетъ чисто педагогическія цѣли, тогда какъ въ большинствѣ случаевъ русскія женщины ищутъ за границей чистаго научнаго знанія, высшаго образованія. Къ тому же, двухъ проектированныхъ высшихъ педагогическихъ училищъ было бы недостаточно для всей Россіи. Графъ Толстой согласился съ этимъ возраженіемъ и во всеподданнѣйшемъ докладѣ въ апрѣлѣ 1876 г. изложилъ свое мнѣніе, что подготовка женщинъ къ педагогической дѣятельности можетъ сосредоточиться въ спеціальныхъ классахъ при женскихъ гимназіяхъ и институтахъ, потребности же въ высшемъ научномъ образованіи могутъ служить высшіе курсы въ университетскихъ городахъ, при содѣйствіи мѣстныхъ профессоровъ. Это мнѣніе удостоилось Высочайшаго одобренія. Успѣхъ высшихъ женскихъ курсовъ черезъ нѣсколько лѣтъ сдѣлалъ возможнымъ обращеніе къ правительству и за матеріальной помощью. Впервые въ смѣту

1879 г. занесены были къ условному отпуску 3.000 рублей въ пособіе учрежденнымъ въ С.-Петербургѣ профессоромъ Бестужевымъ-Рюминымъ высшимъ женскимъ курсамъ, а начиная съ 1880 г. этотъ расходъ сдѣланъ постояннымъ [223]).

V.

Центромъ всѣхъ реформъ, проведенныхъ графомъ Толстымъ въ области средняго образованія, былъ пересмотръ устава гимназій и прогимназій 19 ноября 1864 г. Но, приступивъ съ осени 1866 г. къ собиранію матеріаловъ для реформы, Министерство должно было параллельно продолжать введеніе въ дѣйствіе устава 1864 г. Опытъ выяснилъ при этомъ три главныхъ вопроса, по которымъ графъ Толстой расходился во взглядахъ со своимъ предшественникомъ. Первый изъ нихъ касался учрежденія классическихъ или реальныхъ гимназій по выбору мѣстныхъ обществъ, соотвѣственно съ мѣстными потребностями. Одинъ изъ попечителей учебныхъ округовъ свидѣтельствовалъ, «что спрошенныя общества недоумѣвали, что и отвѣчать на предложенный имъ вопросъ, не смотря на то, что вопросъ былъ поставленъ опредѣлительно, съ яснымъ указаніемъ различія классическихъ и реальныхъ гимназій. Одни голословно желали классической гимназіи, другіе столь же голословно—реальной, но всѣ сходились въ одномъ желаніи, чтобы гимназія, устроенная въ ихъ мѣстности, давала ихъ дѣтямъ доступъ въ университетъ». Въ Министерство стали поступать ходатайства, чтобы изъ реальныхъ гимназій былъ открытъ доступъ въ университетъ, вопреки § 122 гимназическаго устава. Когда же эти домогательства были отклонены, то почти отовсюду послѣдовали настоятельныя просьбы о томъ, чтобы мѣстныя гимназіи были классическими; въ тѣхъ же, которыя были преобразованы въ реальныя, число учениковъ значительно уменьшилось. Такое отношеніе общества къ классическому и реальному образованію объяснялось, по мнѣнію графа Толстаго, недостаточной послѣдовательностью реформы 1864 г., соединившей классическія и реальныя гимназіи въ одну категорію учебныхъ заведеній, но, съ другой стороны, предоставившей однимъ только классическимъ гимназіямъ привилегію открывать своимъ воспитанникамъ двери университета. Устранить это противорѣчіе можно было, по мнѣнію министра, только путемъ коренныхъ перемѣнъ въ уставѣ.

Второй вопросъ заключался въ томъ, полезна или вредна строгая регламентація учебныхъ плановъ и программъ. Уставъ 1864 г. предоставилъ широкую свободу въ этомъ отношеніи мѣстнымъ учебнымъ начальствамъ. Графъ Толстой былъ съ этимъ несогласенъ. При личномъ осмотрѣ учебныхъ заведеній Московскаго и Казанскаго округовъ онъ обратилъ вниманіе на то, «что почти каждая гимназія руководствуется отдѣльными распредѣленіями по классамъ предметовъ преподаванія и отдѣльными программами. Даже и отдѣльно по гимназіямъ и по классамъ въ программахъ не видна общая цѣль и надлежащая постепенность; отчего преподаваніе по такой программѣ оказывается съ одной стороны слишкомъ краткимъ и непослѣдовательнымъ, а съ другой стороны слишкомъ вдающимся въ вопросы, мало или вовсе не относящіеся къ предмету». Въ нѣкоторыхъ учебныхъ округахъ для устраненія этой ненормальности по распоряженію попечителей были составлены программы, общія для всѣхъ гимназій округа. Но графъ Толстой рѣшился пойти дальше и замѣнить министерскую инструкцію, изданную при А. В. Головнинѣ, опредѣлявшую объемъ преподаванія слишкомъ въ общихъ чертахъ, новой, которая устанавливала бы не только крайніе предѣлы преподаванія каждой науки, но и распредѣляла бы учебный матеріалъ по классамъ. Циркуляромъ 12 ноября 1866 г. министръ предписалъ доставить въ Министерство существующія программы, общія—по цѣлому округу, или частныя—по каждой гимназіи, для составленія одной общей программы. «Только общая программа», говоритъ циркуляръ, «чуждая, впрочемъ, мелочныхъ подробностей, предоставленныхъ уставомъ утвержденію педагогическихъ совѣтовъ, можетъ установить надлежащее единство въ гимназическомъ преподаваніи».

Одновременно была ограничена свобода выбора преподавателями учебниковъ. Высочайше одобреннымъ циркуляромъ 12 ноября 1866 г. министръ предложилъ попечителямъ «обязать повсемѣстно учителей гимназій, чтобъ они въ теченіе по крайней мѣрѣ двухъ лѣтъ держались одного принятаго ими учебника, не обременяя учениковъ ни перемѣною онаго, ни ненужнымъ накопленіемъ нѣсколькихъ учебныхъ книгъ по одной наукѣ». Вообще же предписано было строго относиться къ одобренію новыхъ или отмѣнѣ старыхъ руководствъ, такъ какъ случалось, что то или другое руководство было одобряемо лишь потому, что оно находилось уже въ употребленіи. Для облегченія же ученикамъ

пользоваться книгами для чтенія министръ рекомендовалъ заводить при гимназіяхъ особыя ученическія библіотеки.

Не былъ доволенъ графъ и основательностью преподаванія въ гимназіяхъ. Обративъ вниманіе, что повѣрочныя испытанія при университетахъ нерѣдко обнаруживали весьма слабыя познанія окончившихъ курсъ гимназій и «имѣя въ виду, что снисходительность въ оцѣнкѣ знанія молодыхъ людей дѣйствуетъ на нихъ вредно во всѣхъ отношеніяхъ, развивая въ нихъ поверхностность и кичливость», министръ циркуляромъ 21 сентября 1866 г. потребовалъ, «чтобы не было допускаемо неумѣстнаго послабленія въ оцѣнкѣ знаній при экзаменахъ». Въ слѣдующемъ году подтверждено было безусловное запрещеніе оставлять учениковъ въ одномъ классѣ болѣе 2-хъ лѣтъ.

Наконецъ, графъ Толстой разошелся со своимъ предшественникомъ и въ вопросѣ о воспитательномъ воздѣйствіи средняго учебнаго заведенія на учащихся. А. В. Головнинъ, смотря на гимназіи, какъ на учебныя прежде всего заведенія и возлагая воспитательныя обязанности на родителей, не поддержалъ падавшихъ благородныхъ пансіоновъ; уставъ 1864 г. допустилъ существованіе пансіоновъ, при томъ всесословныхъ, только при младшихъ классахъ гимназій и прогимназій. Графъ Толстой послѣ первой же ревизіи учебныхъ заведеній лѣтомъ 1866 г. въ Московскомъ и Казанскомъ округахъ во всеподданѣйшемъ докладѣ настойчиво указалъ на необходимость возрожденія благородныхъ пансіоновъ, закрытіе которыхъ онъ объяснялъ временными затрудненіями дворянства, вызванными крестьянскою реформою. Государь написалъ на докладѣ: «и Я сіе вполнѣ раздѣляю». Тогда, 19 ноября 1866 г., министръ обратился къ губернскимъ предводителямъ дворянства съ предложеніемъ о поддержаніи благородныхъ пансіоновъ при гимназіяхъ. «Для пользы большинства родителей», говорилось въ этомъ обращеніи, «весьма желательно, чтобы существующіе пансіоны были сохранены и чтобы дворянство не лишило ихъ необходимыхъ денежныхъ средствъ и нравственной поддержки, столь важной для процвѣтанія учрежденія, имѣющаго цѣлью удовлетвореніе общественной потребности. Министерство будетъ съ своей стороны всемѣрно содѣйствовать упроченію пансіоновъ и сдѣлаетъ все, что въ его власти, для усовершенствованія воспитательной части въ оныхъ». Такъ въ первые же годы управленія Министерствомъ графа Толстого были намѣчены главные вопросы, на которыхъ должна была сосредо-

точиться будущая реформа средняго образованія: 1) безусловное преобладаніе одного изъ двухъ главныхъ типовъ средней школы; 2) точная регламентація учебныхъ плановъ и программъ; 3) установленіе тѣсной связи между образовательной и нравственно-воспитательной функціями средней школы [224]).

Собираніе матеріаловъ для реформы началось осенью 1866 г. 5 октября Министерство предложило попечителямъ учебныхъ округовъ представить, по основательномъ обсужденіи въ попечительскихъ совѣтахъ, мнѣнія и соображенія о всѣхъ неудобствахъ, какія оказались на практикѣ при примѣненіи устава 1864 г., и о средствахъ устранить ихъ. Тогда же Министерство озаботилось собраніемъ статистическихъ данныхъ о гимназіяхъ за десятилѣтіе, съ 1857-го по 1866 годъ. Эти данныя, сведенныя въ таблицы, были разосланы попечителямъ округовъ и директорамъ гимназій, а затѣмъ, съ ихъ заключеніями и поясненіями, напечатаны въ журналѣ Министерства.

Обсужденіе всего собраннаго матеріала въ Ученомъ Комитетѣ и Совѣтѣ Министра, съ участіемъ особо приглашенныхъ спеціалистовъ: академика П. Л. Чебышева, П. М. Леонтьева, А. И. Георгіевскаго, А. П. Серно-Соловьевича, привело въ мартѣ 1869 г. къ слѣдующимъ предположеніямъ объ улучшеніи преподаванія въ гимназіяхъ: 1) для лучшей подготовки учениковъ учреждается приготовительный классъ; 2) курсъ гимназіи продолжается 8 лѣтъ; 3) число уроковъ увеличивается по главнымъ предметамъ, особенно по древнимъ языкамъ, и уменьшается по предметамъ второстепеннымъ; 4) по каждому предмету издается Министерствомъ подробный учебный планъ, обязательный для всѣхъ гимназій и прогимназій; 5) равнымъ образомъ издаются одинаковыя для всѣхъ гимназій и прогимназій правила испытаній и дисциплинарныхъ взысканій; 6) съ цѣлью большаго единства ученія и воспитанія обязанности воспитателей возлагаются на учителей, а директоры и инспекторы привлекаются къ преподаванію; 7) устанавливаются высшіе оклады жалованья для болѣе заслуженныхъ и опытныхъ преподавателей; 8) управленіе хозяйственной частью передается хозяйственному комитету, выбираемому изъ своей среды педагогическимъ совѣтомъ; 9) пансіоны устраиваются для всѣхъ вообще классовъ гимназій, а не только для низшихъ; 10) почетнымъ попечителямъ возвращается положеніе по уставу 1828 г.; 11) наконецъ, гимназіямъ и прогимназіямъ съ классическимъ курсомъ присвоивается просто наимено-

ваніе гимназій и прогимназій; реальныя же гимназіи должны получить особый уставъ и особое наименованіе. Составленый на этихъ главныхъ основаніяхъ проектъ измѣненій въ уставѣ 19 ноября 1864 г. былъ переданъ, по Высочайшему повелѣнію, въ особую комиссію, учрежденную 27 марта 1870 г. подъ предсѣдательствомъ графа Строганова изъ членовъ Государственнаго Совѣта: дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Валуева и тайнаго совѣтника Тройницкаго, министра Народнаго Просвѣщенія, членовъ Совѣта Министра—Постельса и Штейнмана, и директора 3-й С.-Петербургской гимназіи, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Лемоніуса. Обсудивъ проектъ и сдѣлавъ надлежащія исправленія, комиссія по всѣмъ вопросамъ пришла къ единогласному заключенію; на докладѣ министра объ этомъ $^3/_{15}$ іюня въ Югенгеймѣ Государь написалъ: «Весьма радъ».

Одновременно въ Министерствѣ разработанъ былъ проектъ устава реальныхъ училищъ. Въ этомъ вопросѣ министръ опирался на Высочайше утвержденное мнѣніе Департамента Законовъ Государственнаго Совѣта по поводу учреждении 6-й классической гимназіи въ Москвѣ: «реальныя гимназіи не только имѣютъ свое неоспоримое значеніе, но и составляютъ, особенно въ промышленныхъ и торговыхъ центрахъ, насущную потребность для мѣстныхъ жителей, доставляя имъ возможность подготовлять своихъ дѣтей какъ къ поступленію въ высшія спеціальныя учебныя заведенія, такъ и прямо на практическое поприще заводской и технической промышленности, нуждающейся до крайности въ отечественныхъ дѣятеляхъ». Съ своей стороны графъ Толстой объяснилъ, что, по его мнѣнію, реальныя гимназіи по уставу 1864 г. не въ состояніи удовлетворить ни одной изъ указанныхъ Департаментомъ потребностей, и заявилъ о готовящейся реформѣ ихъ. Тогда Департаментъ положилъ: «предоставить министру принять зависящія отъ него мѣры къ скорѣйшему составленію предположеній о надлежащемъ устройствѣ реальныхъ гимназій». Это положеніе было Высочайше утверждено 23 мая 1870 г., но незадолго передъ тѣмъ комиссія графа Строганова уже одобрила единогласно главныя основанія проектируемаго Министерствомъ преобразованія реальныхъ гимназій. Онѣ заключались въ слѣдующемъ: 1) реальныя гимназіи переименовываются въ реальныя училища и для нихъ издается особый уставъ; 2) училища учреждаются съ различными курсами, сообразно съ потребностями преобладающей мѣстной промышленности; 3) курсъ продолжается

по большей мѣрѣ 7 лѣтъ и обнимаетъ предметы общеобразовательные (особенное развитіе получаютъ: математика, отечественный языкъ, новые иностранные языки) и спеціальные; 4) курсъ реальныхъ училищъ долженъ служить продолженіемъ курса уѣздныхъ училищъ и по возможности готовить къ поступленію въ высшія спеціальныя училища; 5) по образцу правительственныхъ реальныхъ училищъ могутъ быть учреждаемы таковыя мѣстными обществами и земствами; 6) успѣшно окончившимъ курсъ реальныхъ училищъ можно предоставить права оканчивающихъ курсъ реальныхъ гимназій. Составленный на этихъ основаніяхъ проектъ устава реальныхъ училищъ былъ разсмотрѣнъ и единогласно одобренъ, за нѣкоторыми измѣненіями и исправленіями, комиссіей графа Строганова въ засѣданіяхъ 12, 15 и 17 февраля 1871 г. Въ этой же комиссіи разсматривался, но былъ отвергнутъ и другой учебный планъ реальныхъ училищъ, составленный особой комиссіей подъ предсѣдательствомъ члена Совѣта министра Народнаго Просвѣщенія, тайнаго совѣтника Воронова. По этому плану реальныя училища представлялись чисто общеобразовательными заведеніями съ 7-ми классным курсомъ, параллельными гимназіямъ.

27 февраля 1871 г. графъ Толстой внесъ въ Государственный Совѣтъ представленія объ измѣненіяхъ и дополненіяхъ въ уставѣ 19 ноября 1864 г. и объ уставѣ реальныхъ училищъ, а 8 марта для предварительнаго разсмотрѣнія обоихъ проектовъ по Высочайшему повелѣнію учреждено было Особое Присутствіе, на правахъ Департамента Государственнаго Совѣта, подъ предсѣдательствомъ графа Строганова изъ членовъ Государственнаго Совѣта: Наслѣдника Цесаревича Александра Александровича, принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, генералъ-адъютанта Чевкина, адмираловъ графа Литке и графа Путятина, статсъ-секретарей графа—Панина, Валуева, Головнина, князя Урусова, Грота, Тройницкаго и министровъ: Военнаго, Финансовъ и Народнаго Просвѣщенія. Присутствію было предоставлено, въ случаѣ надобности, приглашать для совѣщанія лицъ спеціально знакомыхъ съ дѣломъ народнаго образованія. «Во вниманіе къ важности дѣла и великимъ интересамъ отечества, съ нимъ связаннымъ» въ засѣданіяхъ Особаго Присутствія участвовалъ предсѣдатель Государственнаго Совѣта, Великій Князь Константинъ Николаевичъ. Въ представленіи Государственному Совѣту графъ Толстой представилъ слѣдующіе аргументы въ оправданіе предпринятой имъ

реформы. Вывелъ наше народное просвѣщеніе «на правильный, испытанный вѣками, широкій путь развитія, которымъ шло и продолжаетъ идти просвѣщеніе наиболѣе преуспѣвшихъ въ наукѣ народовъ», уставъ 1828 г., упрочившій положеніе гимназій, какъ *ученыхъ школъ* (gelehrte Schulen). Нарушили правильность развитія учебной системы реформы 1849—1851 годовъ. Графъ Толстой не пожалѣлъ рѣзкихъ красокъ для изображенія гибельныхъ послѣдствій этихъ реформъ. Онѣ—«если не единственная, то одна изъ важныхъ причинъ такъ сильно охватившаго наше учащееся юношество матеріализма, нигилизма и самаго пагубнаго самомнѣнія, ибо вопросъ между древними языками, какъ основою всего дальнѣйшаго научнаго образованія, и всякимъ другимъ способомъ обученія есть вопросъ не только между серьезнымъ и поверхностнымъ ученіемъ, но и вопросъ между нравственнымъ и матеріалистическимъ направленіемъ обученія и воспитанія, а слѣдовательно и всего общества». Отъ полной несостоятельности въ дѣлѣ науки, литературы и всего умственнаго развитія Россію спасли—сначала мѣры новаго царствованія, ослабившія дѣйствіе реформъ 1849—1851 годовъ, и затѣмъ уставъ 1864 г. Уставъ этотъ графъ Толстой признаетъ однимъ «изъ полезнѣйшихъ законоположеній»: «наибольшая заслуга устава 1864 г. заключается въ признаніи, что только тѣ учебныя заведенія могутъ приготовлять учащееся юношество къ университетскому образованію, въ коихъ нераздѣльно преподаются оба древніе языка». Недостатками же устава признаны: недостаточное количество учебнаго времени, пониженіе требованій отъ поступающихъ въ 1-й классъ, неопредѣленность учебнаго матеріала по отдѣльнымъ предметамъ, недостатокъ концентраціи учебнаго плана на главныхъ предметахъ: древнихъ языкахъ и математикѣ. «Настоящее мое представленіе въ Государственный Совѣтъ—такъ формулируетъ графъ Толстой сущность своей реформы—вызвано именно неотложною необходимостью освободить уставъ 1864 г. отъ этихъ болѣе или менѣе случайныхъ его неудобствъ и недостатковъ».

Во второмъ представленіи,—о преобразованіи реальныхъ гимназій, уставъ 1864 г. подвергнутъ очень суровой критикѣ со стороны своего значенія въ исторіи реальнаго образованія. Хотя, говоритъ графъ Толстой, въ уставѣ и выражено вполнѣ то вѣрное начало, что никакой реальный курсъ не можетъ служить надлежащимъ подготовленіемъ къ университету, но затѣмъ въ немъ допущены такія уклоненія отъ этого правильнаго воззрѣнія,

которыя сближаютъ реальныя гимназіи съ гибельными мѣрами 1849—1852 гг.: въ цѣломъ уставѣ принято изложеніе, дающее поводъ предполагать, будто бы реальныя гимназіи суть заведенія одного рода и порядка съ гимназіями университетскими или классическими; вслѣдствіе чего возникли ходатайства объ открытіи реалистамъ доступа въ университетъ; уставъ неправильно соединяетъ съ реальными гимназіями понятіе «общее образованіе», и приближаетъ ихъ курсъ къ курсу классическихъ гимназій, тогда какъ общимъ образованіемъ въ обширномъ смыслѣ можетъ быть названо образованіе элементарное, а въ тѣсномъ—только классическое; неправиленъ взглядъ, что реальныя гимназіи должны приготовлять къ поступленію въ высшія спеціальныя училища; по всѣмъ этимъ причинамъ «реальныя гимназіи», утверждалъ министръ, «являются учебными заведеніями, не имѣющими никакой положительной цѣли и не дающими никакого опредѣленнаго положенія молодымъ людямъ, которые оканчиваютъ въ нихъ курсъ ученія. Для высшаго университетскаго научнаго образованія онѣ нисколько не подготовлены; спеціальныхъ свѣдѣній для дальнѣйшаго практическаго изученія какой либо отрасли промышленности и занятій оною онѣ не имѣютъ; высшія же спеціальныя училища доступны для питомцевъ реальныхъ гимназій ничуть не болѣе, чѣмъ и для воспитанниковъ классическихъ гимназій». Поэтому задачей реформы поставлено «приноровленіе курса реальныхъ училищъ къ спеціальнымъ потребностямъ различныхъ родовъ промышленности и торговли». Они должны готовить «къ поступленію прямо на практическое поприще промышленныхъ занятій средняго разбора. Что же касается до перехода воспитанниковъ реальныхъ училищъ въ высшія спеціальныя учебныя заведенія, то желательно сдѣлать его возможнымъ не столько въ интересахъ этихъ заведеній, сколько ради того, чтобы способнѣйшимъ воспитанникамъ реальныхъ училищъ, желающимъ идти далѣе, не былъ прегражденъ путь».

Таковы были основныя положенія новой реформы средняго образованія. Въ подготовкѣ ея графъ Толстой не послѣдовалъ примѣру своего предшественника и не отдалъ ее на судъ общественнаго мнѣнія, какъ это было съ проектами устава 1864 г. Въ обсужденіи новаго преобразованія принялъ участіе тѣсный кругъ избранныхъ спеціалистовъ и государственныхъ людей. Но готовившаяся реформа и ея основныя начала—полное утвержденіе классической системы въ гимназическомъ образованіи и низведеніе

реальныхъ гимназій на степень профессіональныхъ школъ—не остались тайной для общества. Непривлеченное прямо къ дѣлу реформы, общественное мнѣніе отозвалось на нее въ необычайно жаркой газетной и журнальной полемикѣ. Въ то время, какъ профессоръ П. М. Леонтьевъ былъ главнымъ работникомъ по спеціальнымъ вопросамъ, по составленію новыхъ учебныхъ плановъ классическихъ гимназій, его другъ, М. Н. Катковъ, взялъ на себя задачу защитить и оправдать реформу передъ судомъ общественнаго мнѣнія. Въ рядѣ статей, помѣщенныхъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» за 1867—1871 г.г., онъ отстаивалъ классическую систему съ свойственнымъ ему публицистическимъ талантомъ и страстностью.

Когда введенъ былъ уставъ 1864 г., Катковъ отзывался о немъ, какъ объ актѣ, «заслуживающемъ полнаго сочувствія въ своихъ началахъ», утвержденіе котораго «было истиннымъ торжествомъ русской народности». Но уже тогда онъ указывалъ, какъ на главный недостатокъ устава, на отсутствіе послѣдовательности и твердости въ детальной разработкѣ этихъ истинныхъ началъ. Теперь эта мысль подробно развита была въ статьяхъ 1867—1871 г.г. «Новый уставъ (1864 г.)», говоритъ Катковъ, «слишкомъ отзывается борьбой, изъ которой онъ вышелъ; въ немъ слишкомъ замѣтны слѣды противодѣйствія тому, что должно быть его основой и въ чемъ должна состоять его сила; въ немъ есть нѣчто какъ бы двусмысленное и нерѣшительное. Онъ какъ бы не увѣренъ въ дѣйствительности принятыхъ имъ началъ, или какъ будто начала эти приняты имъ неохотно, и онъ какъ будто удержалъ за собой возможность отбросить ихъ въ удобную для того минуту и вывести дѣло на противный путь. Уставъ гимназій, дабы соотвѣтствовать своему назначенію, долженъ быть пересмотрѣнъ тщательно и добросовѣстно, съ ясною руководящею мыслью, съ глубокимъ убѣжденіемъ въ истинѣ положенныхъ въ основаніе ему началъ, съ рѣшимостію дать имъ подлежащее развитіе и устранить все, что придаетъ этому уставу характеръ полумѣры, ставитъ его въ зависимость отъ всякой случайности и подвергаетъ опасности отъ малѣйшаго дуновенія вѣтра». Эту мысль Катковъ подробно развилъ въ послѣдующихъ статьяхъ: о главныхъ чертахъ классической системы, о концентраціи преподаванія, какъ ея сущности, о необходимости классицизма для процвѣтанія самостоятельной науки во всѣхъ областяхъ знанія.

Противъ принциповъ новой реформы ополчились вліятельные

органы столичной повременной печати, во главѣ съ «Голосомъ» и «С.-Петербургскими Вѣдомостями». Въ страстности и рѣзкости полемики противники классицизма не уступали его защитникамъ. Катковъ видѣлъ во враждебной ему печати большую и опасную силу. «Толкуютъ», говорилъ онъ, «о вредномъ дѣйствіи печати, агитирующей въ анти-правительственномъ смыслѣ, но дѣйствіе печати, еслибъ оно было у насъ во сто разъ сильнѣе, ничего бы не значило безъ тѣхъ возбужденій, которыя нерѣдко получаетъ она, если не прямо, то косвенно, изъ весьма вліятельныхъ сферъ, и на которыя отчасти было указано въ Высочайшемъ рескриптѣ 13 мая 1866 г. на имя князя Гагарина. Безъ этихъ возбужденій не могла бы такъ разыграться и продолжаться съ такимъ упорствомъ агитація противъ учебной реформы и Министерства Народнаго Просвѣщенія, которое виновато только въ томъ, что слишкомъ вѣрно исполняетъ волю Преобразователя . . . . Впрочемъ, споръ, происходившій по учебному дѣлу въ печати, какого бы онъ ни былъ свойства, не повредилъ этому дѣлу, а принесъ ему пользу. Для здравомысленной части нашей публики разъяснился трудный и сложный вопросъ философскаго свойства,— разъяснился, быть можетъ, лучше, чѣмъ въ массѣ публики болѣе образованныхъ странъ». Самъ графъ Толстой былъ очень не доволенъ агитаціей противъ его реформы, и весной 1871 г., когда передъ внесеніемъ ея въ Государственный Совѣтъ полемика особенно обострилась, по его представленію, министръ Внутреннихъ Дѣлъ испросилъ Высочайшее повелѣніе о воспрещеніи печатать въ повременныхъ изданіяхъ коллективныя обсужденія, заявленія и порицанія законовъ или правительственныхъ предположеній.

Оба проекта графа Толстаго встрѣтили сильную оппозицію въ Государственномъ Совѣтѣ. Въ особомъ присутствіи Государственнаго Совѣта, посвятившемъ разсмотрѣнію проектовъ пять засѣданій (1, 8, 12, 16 и 23 апрѣля 1871 года), противъ нихъ рѣшительно возстали Д. А. Милютинъ, графъ Панинъ, графъ Литке Головнинъ, Гротъ, Чевкинъ.

Отвергая въ принципѣ мысль графа Толстаго, что выборъ между классической и реальной системой есть выборъ между нравственнымъ или матеріалистическимъ направленіемъ обученія и воспитанія, а, слѣдовательно, и всего общества, признавая необходимость существованія, независимо отъ классическихъ гимназій, реальныхъ учебныхъ заведеній, названные члены желали поставить ихъ въ такую же связь съ университстами, какъ и классиче-

скія гимназіи, сохранить за ними общеобразовательный характеръ и настаивали на введеніи латинскаго языка въ реальныя училища, на разрѣшеніи воспитанникамъ реальныхъ училищъ поступать на факультеты физико-математическій и медицинскій, на преобразованіи половины всѣхъ существующихъ гимназій въ реальныя. Итакъ шесть членовъ Особаго Присутствія отвергли въ принципѣ проектъ министра, остальные же девять членовъ высказались за него. Въ Общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта, состоявшемся 15 мая, 29 членовъ (князь Горчаковъ, князь Гагаринъ, графъ Шуваловъ 1-й, графъ Литке, графъ Панинъ, графъ Армфельтъ, Чевкинъ, Брокъ, Мѣтлинъ, Княжевичъ, Игнатьевъ, баронъ Ливенъ, Назимовъ, Дюгамель, Новосильскій, Фундуклей, Левшинъ, Милютинъ, баронъ Будбергъ, Герстфельдтъ, Мельниковъ, графъ Барановъ, Зеленой, Тимашевъ, Головнинъ, Гротъ, Абаза, Небольсинъ, баронъ Дельвигъ) подали голосъ противъ исключительнаго преобладанія классической системы и высказались за допущеніе реалистовъ въ университеты, и 18 (Предсѣдатель Совѣта, Великій Князь Константинъ Николаевичъ, Цесаревичъ Александръ Александровичъ, принцъ П. Г. Ольденбургскій, графъ Строгановъ, Гринвальдъ, графъ Путятинъ, князь Суворовъ, Титовъ, Замятнинъ, Валуевъ, Веригинъ, графъ Адлербергъ 2-й, графъ Шуваловъ 2-й, князь Долгорукій, Набоковъ, князь Урусовъ, графъ Панинъ, Грейгъ) согласились съ графомъ Толстымъ. «Нельзя признать справедливымъ», такъ резюмировано было мнѣніе большинства, «чтобы въ университетъ, въ этотъ храмъ разумѣнія наукъ, возбраняли входъ тѣмъ именно молодымъ людямъ, которые занимались изученіемъ наукъ по преимуществу— наукъ положительныхъ, а допускались бы въ него исключительно изучившіе языки древніе, языки мертвые». Меньшинство, наоборотъ, находило, что во всѣхъ государствахъ Европы только гимназіи, основными предметами коихъ являются оба древніе языка и математика, признаются подготовительными къ университетамъ учебными заведеніями, и самыя достовѣрныя данныя убѣждаютъ въ томъ, что вездѣ, гдѣ только процвѣтаютъ науки, въ томъ числѣ медицинскія и естественныя, однѣ только гимназіи съ полнымъ курсомъ классическимъ называются учеными школами, и только даваемое ими образованіе признается пригоднымъ для приготовленія къ поступленію въ университетъ. 6—18 іюня въ Эмсѣ состоялась Высочайшая резолюція: «Исполнить по мнѣнію 19 членовъ», а 19 іюня утвержденъ былъ проектъ измѣненій

и дополненій въ уставѣ гимназій и прогимназій 1864 г. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ разрѣшеніе возникшаго въ Государственномъ Совѣтѣ разногласія Высочайше было повелѣно: 1) не допускать окончившихъ курсъ въ реальныхъ училищахъ ни въ одинъ изъ факультетовъ университетовъ; 2) не превращать существующихъ классическихъ гимназій въ реальныя училища; 3) сумму, потребную для содержанія приготовительныхъ классовъ, въ размѣрѣ 944.600 руб., отпускать по мѣрѣ надобности съ 1872 г.; 4) въ случаѣ повышенія учителей, пользующихся наименьшимъ окладомъ, по выслугѣ пятилѣтія, на высшій окладъ и при недостаточности штатной суммы на покрытіе этого расхода, вносить недостающую сумму въ финансовыя смѣты Министерства; 5) предоставить министру, по сношенію съ II-мъ Отдѣленіемъ Собственной Е. И. В. Канцеляріи, представить на Высочайшее утвержденіе сводъ постановленій о гимназіяхъ и прогимназіяхъ, составивъ его изъ статей устава 1864 г., оставляемыхъ въ силѣ, и вновь утвержденныхъ измѣненій и дополненій; при этомъ классическія гимназіи и прогимназіи наименовать въ сводѣ просто гимназіями и прогимназіями, исключить изъ свода все относящееся до реальныхъ гимназій, и, наконецъ, 6) реальныя гимназіи оставить на прежнемъ основаніи, впредь до обсужденія Государственнымъ Совѣтомъ проекта особаго устава реальныхъ училищъ.

Во исполненіе 5-го пункта Высочайшаго повелѣнія въ Министерствѣ былъ составленъ проектъ устава гимназій и прогимназій и препровожденъ на заключеніе Главноуправляющаго II-мъ Отдѣленіемъ Собственной Е. И. В. Канцеляріи. Изъ сдѣланныхъ княземъ Урусовымъ замѣчаній графъ Толстой рѣшительно не согласился съ однимъ, касавшимся исключенія одного слова изъ проекта устава: въ § 130 было сказано, что *только* окончившіе курсъ ученья въ гимназіяхъ могутъ поступать въ университетъ. Князь Урусовъ находилъ слово *только* излишнимъ, потому что смыслъ постановленій устава, посвященнаго однимъ классическимъ гимназіямъ, по данному вопросу совершенно ясенъ. Но графъ Толстой не уступилъ и настоялъ на сохраненіи слова *только*. По всеподданнѣйшему докладу графа Толстаго, новый «Уставъ гимназій и прогимназій вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія» былъ Высочайше утвержденъ 30 іюля 1871 г.

Перенесеніе проекта о реальныхъ училищахъ изъ Особаго Присутствія въ Общее Собраніе Государственнаго Совѣта весною

1871 г. было отложено по случаю наступленія вакантнаго времени, и графъ Толстой воспользовался досугомъ для личнаго ознакомленія съ положеніемъ реальнаго образованія въ Германіи и съ иностраннымъ законодательствомъ по этому вопросу. Результаты своихъ изслѣдованій графъ изложилъ въ новомъ представленіи Государственному Совѣту отъ 1 декабря 1871 г. Очертивъ положеніе реальнаго образованія въ Германіи и отношеніе его къ классическому, онъ подробно разобралъ возраженія меньшинства членовъ Особаго Присутствія по вопросамъ: о цѣли реальныхъ училищъ, о продолжительности ихъ курса, о совмѣщеніи общихъ и прикладныхъ или спеціальныхъ предметовъ преподаванія, о возможности готовиться въ реальныхъ училищахъ къ поступленію въ высшія спеціальныя заведенія, о приспособленіи курсовъ реальныхъ училищъ къ мѣстнымъ потребностямъ. Въ заключеніе нѣкоторыя статьи проекта устава изложены были въ новой редакціи. Новое представленіе министра 1 декабря 1871 г. о преобразованіи реальныхъ гимназій было въ прежнемъ порядкѣ подвергнуто обсужденію сначала въ Особомъ Присутствіи Государственнаго Совѣта и на этотъ разъ встрѣтило еще болѣе сильную оппозицію: 17 февраля 1872 г. только 6 членовъ высказались за проектъ министра, остальные 9 были противъ. Въ Общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта 3 апрѣля на сторонѣ графа Толстаго также оказалось меньшинство. Разногласіе, возникшее въ Особомъ Присутствіи и Общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта при вторичномъ обсужденіи проекта, по прежнему сосредоточивалось на коренномъ вопросѣ: о равноправности реальныхъ училищъ, какъ школъ общеобразовательныхъ и готовящихъ къ поступленію въ высшія учебныя заведенія, съ классическими гимназіями. Оппозиція противопоставила проекту министра другой планъ реальныхъ училищъ, по которому онѣ имѣли, подобно гимназіямъ, одинъ и тотъ же курсъ для всѣхъ учениковъ, курсъ отвлеченно-теоретическій, построенный на преобладаніи математики и естествознанія, безъ практически-полезнаго примѣненія, т. е. являлись параллельными гимназіямъ общеобразовательными школами. Графъ Толстой и согласные съ нимъ члены Государственнаго Совѣта находили такой типъ средней школы опаснымъ, способнымъ развить въ юношахъ матеріалистическое міровоззрѣніе, излишнюю разсудочность и скептицизмъ. Государь согласился съ заключеніемъ меньшинства членовъ Государственнаго Совѣта и 15 мая 1872 г. утвердилъ «Уставъ реальныхъ училищъ вѣдом-

ства Министерства Народнаго Просвѣщенія». Такъ въ исторіи средняго образованія въ Россіи наступила новая эпоха.

Существенныя черты обоихъ уставовъ—классическихъ гимназій и реальныхъ училищъ—заключались въ нижеслѣдующемъ.

Классическая гимназія осталась основнымъ типомъ общеобразовательнаго и всесословнаго средняго учебнаго заведенія. Она доставляетъ юношеству общее образованіе и вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ приготовительнымъ заведеніемъ для поступленія въ университетъ и въ другія высшія спеціальныя училища. Въ гимназіи и прогимназіи обучаются дѣти всѣхъ состояній, безъ различія званія и вѣроисповѣданія. Учебный курсъ гимназіи составляется изъ тѣхъ же предметовъ, что и по уставу 1864 г., но распредѣляются эти предметы по новому плану съ цѣлью болѣе сосредоточить умственныя силы учащихся на главнѣйшихъ предметахъ гимназическаго курса и придать послѣднему большую серьезность, постепенность и послѣдовательность. Основными предметами признаются древніе языки и математика; имъ и удѣлено наибольшее количество времени: на латинскій языкъ—49 часовъ, на греческій—36, на математику (съ физикой, математической географіей и краткимъ естествовѣдѣніемъ)—37. «Лишь тогда и у насъ», пояснялъ министръ въ представленіи Государственному Совѣту, «прочно утвердится общепринятая система приготовленія къ высшему научному образованію, когда будетъ предоставлена учащемуся юношеству возможность безъ чрезмѣрныхъ усилій достигать надлежащей умственной зрѣлости на изученіи предмета, равномѣрно развивающаго и упражняющаго всѣ стороны человѣческаго духа; объ обремененіи же учащагося юношества назначеніемъ большаго числа уроковъ на существеннѣйшій предметъ гимназическаго ученія уже и потому не можетъ быть рѣчи, что при этомъ имѣется въ виду не расширеніе самыхъ предѣловъ преподаванія, а лишь сообщеніе ему большей основательности, вслѣдствіе чего большее число уроковъ по древнимъ языкамъ только облегчитъ для учениковъ изученіе оныхъ». Усиленіе преподаванія греческаго языка сравнительно съ иностранными гимназіями мотивировано важностью этого языка въ исторіи русскаго просвѣщенія. Оставлено то же число уроковъ на русскій языкъ и на новые языки съ условіемъ обязательности одного изъ нихъ. Уменьшено число уроковъ по Закону Божію, исторіи, естествовѣдѣнію, чистописанію, черченію и рисованію. Космографія замѣнена математической географіей. Вновь введенъ одинъ урокъ логики. Общее число ча-

совыхъ уроковъ въ недѣлю опредѣлено въ 206 для учащихся одному новому языку и въ 225 для учащихся обоимъ языкамъ, вмѣсто 230 часовъ по уставу 1864 г. Курсъ прогимназіи приравненъ первымъ 4-мъ классамъ гимназіи. Предоставленіе учителямъ права давать уроки по нѣсколькимъ предметамъ доказывается примѣромъ иностранныхъ гимназій и желаніемъ сообщить больше единства преподаванію однородныхъ предметовъ.

Но сокращая общее число уроковъ и концентрируя курсъ на нѣкоторыхъ важнѣйшихъ предметахъ, графъ Толстой счелъ необходимымъ удлиннить продолжительность курса гимназій посредствомъ открытія приготовительныхъ классовъ и раздѣленія курса VII класса на 2 года. Открытіе приготовительныхъ классовъ объяснено необходимостью возвысить уровень требованій для пріема въ 1-й классъ гимназій и уравнять подготовку учениковъ къ изученію предметовъ собственно гимназическаго курса. Увеличеніе же курса еще однимъ—8-мъ годомъ, по мысли министра, имѣло цѣлью: 1) облегчить прохожденіе гимназическаго курса и сдѣлать его возможнымъ для учениковъ даже посредственныхъ способностей, 2) возвысить его уровень и основательность и 3) такимъ образомъ доставить университетамъ болѣе зрѣлыхъ слушателей.

Сравнительно съ своимъ предшественникомъ уставъ 1871 г. особенно выдвигаетъ впередъ значеніе воспитательнаго воздѣйствія гимназіи на учащихся. Воспитаніе и обученіе въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ поставлены въ ближайшую связь между собою посредствомъ привлеченія директоровъ и инспекторовъ къ преподавательской дѣятельности, а учителей къ воспитательной въ должностяхъ классныхъ наставниковъ. Въ пансіоны при гимназіяхъ допущены ученики всѣхъ классовъ, и вообще пансіонамъ дана болѣе широкая постановка.

Съ цѣлью возвысить матеріальное положеніе учителей, уставъ предоставляетъ болѣе заслуженнымъ и опытнымъ изъ нихъ право на высшіе оклады, которые раздѣляются въ гимназіяхъ на 4 разряда (750, 900, 1250, 1500 руб. за 12 уроковъ), а въ прогимназіяхъ на 3 разряда (750, 900, 1250 руб.). Кромѣ того, въ пользу учителей обращается сборъ за экзамены съ постороннихъ лицъ, а учителя отечественнаго и древнихъ языковъ получаютъ вознагражденіе за исправленіе письменныхъ работъ учениковъ. Дѣти учителей освобождаются отъ платы за ученье.

Частныя измѣненія въ порядкѣ управленія гимназіями, въ

правахъ и обязанностяхъ директора, педагогическаго совѣта, хозяйственнаго комитета направлены къ установленію большаго единства и опредѣленности въ компетенціи этихъ органовъ. Положеніе директора опредѣлено какъ начальника гимназіи. Составъ педагогическаго совѣта усиленъ допущеніемъ всѣхъ вообще преподавателей, надзирателей и воспитателей, но предѣлы его власти по разсмотрѣнію и одобренію программъ преподаванія, дисциплинарныхъ правилъ подверглись нѣкоторымъ сокращеніямъ въ цѣляхъ сохраненія необходимаго единообразія въ постановкѣ учебнаго дѣла. Хозяйственная функція передана особому хозяйственному комитету.

Для привлеченія большаго содѣйствія процвѣтанію гимназій со стороны мѣстныхъ обществъ признано справедливымъ предоставить избраніе почетныхъ попечителей тѣмъ земствамъ, сословіямъ и обществамъ, которыя заявятъ свое сочувствіе гимназіи или прогимназіи назначеніемъ на ея нужды опредѣленнаго ежегоднаго пособія. При этомъ права почетныхъ попечителей возстановляются по уставу 1828 г.

Штаты гимназій усилены прибавкой ничтожной суммы (60 р.), сравнительно со штатами 1864 г. гимназій съ двумя древними языками. Штаты прогимназій остались тѣ же.

Уставъ реальныхъ училищъ 15 мая 1872 г. опредѣляетъ ихъ цѣль въ доставленіи учащемуся юношеству всѣхъ состояній и вѣроисповѣданій общаго образованія, приспособленнаго къ практическимъ потребностямъ и къ пріобрѣтенію техническихъ познаній. Сообразно съ мѣстными потребностями реальныя училища учреждаются или въ составѣ полныхъ 6 классовъ, или съ курсомъ 5-ти, 4-хъ, 3-хъ, 2-хъ старшихъ классовъ. Учебный курсъ реальныхъ училищъ устраивается такъ, что преподаваніе общеобразовательныхъ предметовъ идетъ параллельно и одновременно съ преподаваніемъ предметовъ спеціальныхъ. Въ кругъ предметовъ общаго образованія введены: Законъ Божій, отечественный языкъ, математика, исторія, географія, новые иностранные языки. Далѣе слѣдуетъ группа предметовъ, посредствующихъ между общеобразовательными и спеціальными: математика, физика, естественная исторія, чистописаніе, черченіе и рисованіе. Наконецъ, по составу спеціальныхъ курсовъ училища дѣлятся на нѣсколько группъ. По мѣстнымъ потребностямъ V и VI классы учреждаются или въ составѣ двухъ отдѣленій—основнаго и коммерческаго, или одного изъ нихъ; при основномъ отдѣленіи можетъ быть учреждаемъ

высшій, дополнительный классъ, съ 3-мя отдѣленіями: а) общимъ, предназначеннымъ къ подготовленію учащихся въ высшія специальныя училища, б) механико-техническимъ, в) химико-техническимъ. Штатъ 6-класснаго реальнаго училища, съ отдѣленіями основнымъ и коммерческимъ, опредѣленъ въ 23.100 руб., а дополнительнаго класса съ тремя отдѣленіями въ 5.780 руб.

Управленіе реальными училищами, воспитательная часть, положеніе и права преподавательскаго персонала опредѣлены въ главныхъ чертахъ согласно съ уставомъ гимназій 1871 г. При каждомъ реальномъ училищѣ состоитъ еще попечительство для заботъ о матеріальныхъ интересахъ училища и учащихся [225]).

Дѣломъ практическаго осуществленія уставовъ 19 іюня 1871 и 15 мая 1872 г.г. графъ Толстой руководилъ съ тою же энергіей и настойчивостью, какую онъ проявилъ въ борьбѣ съ оппозиціею, отстаивая свою реформу въ законодательныхъ инстанціяхъ. Онъ хорошо зналъ, что реформа, возбудившая такую жаркую борьбу въ правительственныхъ сферахъ и въ журналистикѣ, будетъ встрѣчена несочувственно и даже враждебно массою общества, непосредственно ею заинтересованнаго. «Было бы непозволительно скрывать отъ себя», писалъ министръ въ первомъ же циркулярѣ по поводу новаго устава гимназій, «что въ настоящее время у насъ весьма распространено неимѣющее никакого разумнаго основанія, хотя и не лишенное поводовъ, предубѣжденіе противъ изученія древнихъ языковъ, и что это предубѣжденіе оказываетъ болѣе или менѣе вредное вліяніе на учащееся юношество, мѣшая ему пользоваться, какъ слѣдуетъ, самыми дѣйствительными способами основательнаго и методическаго подготовленія къ высшему научному образованію». Тѣмъ настойчивѣе, со всею силою своего властнаго характера, графъ Толстой стремился осуществить реформу быстро, неуклонно, безъ уступокъ и компромиссовъ. Во всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1873 г., полагая основаніемъ успѣха новой системы увѣренность въ ея прочности, онъ писалъ: «безъ этого перваго и важнѣйшаго условія напрасны были бы всѣ матеріальныя пожертвованія и всѣ нравственныя усилія правительства на дѣло общественнаго воспитанія, ибо какъ бы ни были совершенны и учебные планы и преподаватели учебныхъ заведеній, коль скоро заведенія эти колеблются въ самыхъ своихъ основаніяхъ, изъ нихъ могутъ выходить молодыя поколѣнія не иначе, какъ безхарактерныя, безъ твердыхъ нравственныхъ правилъ, нравственно разслабленныя и распущенныя

и не способныя ни повиноваться, ни повелѣвать, буде впослѣдствіи имъ выпадетъ на долю дѣйствовать на болѣе высокой чредѣ служенія престолу и отечеству». Поэтому графъ считалъ себя «свыше всякой мѣры осчастливленнымъ» неоднократными изъявленіями Высочайшей воли, устраняющими всякую мысль о возможности колебанія новой системы средняго образованія. 25 декабря 1873 г. на имя министра данъ былъ Высочайшій рескриптъ, въ которомъ говорилось: «вы усугубите рвеніе къ тому, чтобы положенныя въ основу общественнаго воспитанія начала вѣры и нравственности, гражданскаго долга и основательности ученія были ограждены и обезпечены отъ всякаго колебанія. Согласно съ симъ Я вмѣняю въ непремѣнную обязанность и всѣмъ другимъ вѣдомствамъ оказывать вамъ въ семъ дѣлѣ полное содѣйствіе».

Въ двухъ первыхъ циркулярахъ (26 іюня 1871 г. и 21 августа 1872 г.), выясняющихъ основы гимназической реформы, министръ особенно подчеркнулъ центральный пунктъ реформы: «всѣ лица, поставленныя въ ближайшее соприкосновеніе съ гимназіями и прогимназіями, должны проникнуться убѣжденіемъ, что тѣ изъ сихъ учебныхъ заведеній, въ коихъ преподаваніе древнихъ языковъ идетъ мало успѣшно, вовсе не достигаютъ своей цѣли и не соотвѣтствуютъ своему назначенію». Въ распредѣленіи занятій между наличными преподавателями министръ рекомендовалъ «взвѣшивать всѣ индивидуальныя особенности какъ преподавателей, такъ даже и личнаго состава учениковъ извѣстнаго класса, почему рѣшеніе этого вопроса и должно подлежать самому тщательному коллегіальному обсужденію, въ духѣ взаимнаго дружелюбія и исключительно въ видахъ общей пользы, а не должно быть дѣломъ одного лишь личнаго усмотрѣнія». Въ циркулярѣ 4 декабря 1871 г. министръ настаивалъ на томъ, «чтобы преподаватели, сколь можно болѣе, стремились къ согласованію между собою своего преподаванія такъ, чтобы одинъ предметъ по возможности содѣйствовалъ успѣшнѣйшему изученію другаго, сроднаго съ нимъ, и по меньшей мѣрѣ, чтобы къ ученикамъ не были одновременно обращаемы со стороны различныхъ преподавателей требованія, удовлетвореніе коихъ или превышало бы ихъ силы, или было бы для нихъ крайне затруднительно». Эта цѣль должна достигаться или частнымъ соглашеніемъ преподавателей или особыми комиссіями, постановленія которыхъ по важнѣйшимъ вопросамъ доставляются въ Министерство.

31 іюля 1872 г. были изданы «учебные планы» гимназій. Общій характеръ ихъ выясненъ въ циркулярѣ, при которомъ планы были разосланы: «въ видахъ возможно большаго объединенія преподаванія въ различныхъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ желательно, чтобы преподаватели строго держались въ обозначенныхъ предѣлахъ, имѣли въ виду съ одной стороны, что въ этихъ планахъ указано наименьшее, что можетъ быть сдѣлано по каждому предмету въ каждомъ классѣ, а съ другой, что расширеніе объема преподаванія какого либо предмета въ какомъ либо классѣ, если только оно не допущено въ нѣкоторыхъ случаяхъ самимъ учебнымъ планомъ, легко можетъ повлечь за собою или обремененіе для учащихся, или же стѣсненіе для преподаванія другихъ предметовъ. Предлагаемые нынѣ къ выполненію учебные планы составлены вообще такъ, что они нисколько не могутъ стѣснить свободной и благотворной дѣятельности каждаго преподавателя, и отъ собственнаго усердія, опытности и искусства каждаго изъ нихъ будетъ зависѣть достиженіе возможно лучшихъ результатовъ, но не въ смыслѣ расширенія объема преподаванія въ каждомъ классѣ, а въ смыслѣ большей его основательности и возможно большаго углубленія самаго разумѣнія учениковъ». По каждому предмету учебный планъ сопровождался объяснительною запиской, уясняющей, «въ какомъ духѣ должно быть ведено преподаваніе каждаго предмета и какъ должно быть согласовано между собою преподаваніе различныхъ предметовъ». Руководствуясь учебными планами и объяснительными записками, преподаватели должны составлять подробныя программы. Для нѣкоторыхъ предметовъ приложены были подробныя примѣрныя программы, необязательныя для преподавателей, но употребляемыя при экзаменахъ постороннихъ лицъ. Начало концентраціи учебнаго курса на главныхъ предметахъ въ новомъ учебномъ планѣ выразилось, между прочимъ, въ томъ, что преподаваніе русской грамматики въ низшихъ классахъ предложено согласовать съ преподаваніемъ грамматики латинской, изученіе древней исторіи поставлено въ связь съ изученіемъ древнихъ языковъ. По древнимъ языкамъ изученіе грамматики выдвинуто на первый планъ и проведено черезъ всѣ классы. Чтеніе авторовъ, сохраняя самостоятельное значеніе, отчасти должно было служить цѣлямъ грамматическаго изученія. Въ будущемъ, путемъ постепенныхъ указаній опыта и при участіи всего педагогическаго сословія гимназій и прогимназій, Министерство предполагало выработать

по каждому предмету наиболѣе удовлетворительный нормальный учебный планъ. Учебный планъ 1872 г. былъ вновь пересмотрѣнъ въ 1877 г. послѣ того, какъ въ 1875 г. двухлѣтній курсъ VII класса былъ раздѣленъ на два самостоятельные класса. Если VIII классъ не былъ учрежденъ съ самаго начала реформы, то это вызывалось, по словамъ министра, недостаткомъ денежныхъ средствъ и преподавательскихъ силъ. По новому плану сдѣланы лишь частныя измѣненія въ распредѣленіи учебнаго матеріала по классамъ. Впервые введенный планъ логики отнесенъ къ VII классу, дабы воспользоваться имъ при чтеніи твореній Платона. Первенствующее положеніе древнихъ языковъ въ гимназіяхъ закрѣплялось, кромѣ учебныхъ плановъ, постепенно установленнымъ обычаемъ назначать на мѣста директоровъ, инспекторовъ и классныхъ наставниковъ, т. е. на должности, сопряженныя съ наибольшимъ авторитетомъ и вліяніемъ на учениковъ, по преимуществу преподавателей древнихъ языковъ. Такъ, по всеподданнѣйшему отчету за 1878 г. изъ общаго числа директоровъ гимназій и прогимназій 103 лица преподавали древніе языки и только 22 лица—русскій языкъ, изъ общаго числа инспекторовъ—103 преподавали древніе языки и 32—русскій, изъ общаго числа (1,168) классныхъ наставниковъ болѣе половины (648) преподавали исключительно древніе языки.

На тѣхъ же основныхъ началахъ былъ установленъ порядокъ испытаній пріемныхъ, переводныхъ и выпускныхъ, по правиламъ 8 декабря 1872 г., разосланнымъ при циркулярѣ 7 января слѣдующаго года. Какъ пояснялъ циркуляръ, эти правила имѣли цѣлью: придать наибольшее значеніе постоянному прилежанію и вниманію учениковъ и ослабить дѣйствіе случайныхъ причинъ и обстоятельствъ, сократить время производства экзаменовъ, сосредоточить испытанія на главныхъ предметахъ т. е. на древнихъ языкахъ и математикѣ, направить вниманіе испытателей преимущественно на оцѣнку нравственнаго развитія учениковъ и зрѣлости ихъ для усвоенія высшихъ степеней образованія. Съ формальной стороны правила отличались чрезвычайно подробной, доходящей до мелочей, регламентаціей всѣхъ пріемовъ и процедуры экзаменовъ.

Вторымъ капитальнымъ вопросомъ при введеніи устава 1871 г. было осуществленіе мысли о совмѣщеніи научно-образовательной и нравственно-воспитательной задачъ гимназіи. Въ циркулярѣ отъ 21 августа 1872 г. министръ возлагалъ особыя надежды въ

дѣлѣ правильной постановки воспитанія и дисциплины на совмѣщеніе преподавательскихъ и воспитательскихъ должностей и на институтъ классныхъ наставниковъ, которые по общему правилу должны были назначаться изъ числа преподавателей, имѣющихъ наибольшее число уроковъ въ классѣ. При назначеніи высшихъ окладовъ предложено было оказывать предпочтеніе класснымъ наставникамъ передъ другими преподавателями. Такъ какъ классными наставниками назначались, по большей части, преподаватели древнихъ языковъ, то и въ матеріальномъ отношеніи они получали преимущество передъ своими коллегами. Министръ выражалъ пожеланіе, чтобы «институтъ классныхъ наставниковъ оказался живою, истинно-благотворной силой въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ, развиваясь соотвѣтственно индивидуальности личнаго состава каждаго педагогическаго совѣта въ отдѣльности», почему и не предполагалъ сначала стѣснять его развитія общею инструкціею отъ Министерства. Но затѣмъ 5 августа 1877 г. такая инструкція была дана: она разъяснила отношенія классныхъ наставниковъ къ ученикамъ, родителямъ и педагогическому персоналу. Далѣе слѣдовалъ рядъ особыхъ подробныхъ правилъ, регламентирующихъ поведеніе учениковъ въ стѣнахъ учебныхъ заведеній и внѣ ихъ и порядокъ надзора за учениками: «Правила по завѣдыванію пансіонами при гимназіяхъ и прогимназіяхъ» 23 мая 1872 г., «Правила для учениковъ гимназій и прогимназій» и «Правила о взысканіяхъ 4 мая 1874 г.» Въ объяснительной запискѣ къ этимъ правиламъ предписано, при оцѣнкѣ баллами вниманія и прилежанія учениковъ, также проводить различіе между главными и второстепенными предметами. Наконецъ, послѣднюю группу мѣропріятій, изданныхъ въ развитіе устава, составляли правила и инструкціи, посвященныя вопросамъ собственно административнымъ и хозяйственнымъ [226]).

Параллельно введенію гимназическаго устава и тѣмъ же порядкомъ производилось преобразованіе реальныхъ гимназій въ училища по уставу 15 мая 1872 г. Въ циркулярахъ 31 іюля и 7 августа того же года были разъяснены основныя начала новаго устава, по которымъ реальныя училища являются своего рода малыми или средними политехническими институтами, оказывающими и въ Западной Европѣ существенную пользу торговлѣ и промышленности; съ другой стороны, реальныя училища не должны быть профессіональными школами, имѣющими цѣлью приготовленіе учащихся къ какой либо одной промышленной

профессіи, но сохраняютъ общеобразовательный характеръ. Обращая вниманіе на разрѣшеніе принимать не успѣвающихъ одновременно по языкамъ и математикѣ гимназистовъ II—V классовъ въ соотвѣтствующіе классы реальныхъ училищъ, министръ указалъ, что такимъ образомъ, «благодаря реальнымъ училищамъ съ ихъ особыми отдѣленіями, начиная съ V класса, всѣ, даже и посредственныя способности, будутъ получать полезное направленіе, и можно полагать, что, при хорошемъ веденіи вообще всего учебно-воспитательнаго дѣла, ни одна сила не будетъ теряться даромъ для страны и еще менѣе обращаться во вредъ обществу». Затѣмъ были изданы: въ 1873 г.—учебные планы, составленные особою комиссіей спеціалистовъ подъ предсѣдательствомъ товарища министра, причемъ министръ еще разъ обратилъ особенное вниманіе на цѣль реальныхъ училищъ—«давать общее образованіе въ практическомъ направленіи», въ 1874 г.—правила испытаній, въ 1875 г.—инструкціи хозяйственнымъ комитетамъ. Всѣ онѣ были составлены по образцу аналогичныхъ правилъ и инструкцій для классическихъ гимназій. Въ 1878 г. были распространены на реальныя училища правила 4 мая 1874 г. о взысканіяхъ для учениковъ гимназій и прогимназій.

Графъ Толстой признавалъ необходимымъ торопиться съ преобразованіемъ реальныхъ гимназій въ училища и съ открытіемъ новыхъ училищъ. Въ 1873 г., испрашивая на это дѣло кредитъ въ 460.000 руб., онъ писалъ въ представленіи Государственному Совѣту: «я обратилъ особенное вниманіе на то, что произведенная уставомъ 1872 г. реформа въ реальномъ образованіи можетъ принести желаемые результаты въ томъ только случаѣ, если она на первое же время получитъ возможно большее примѣненіе, такъ какъ только при этомъ условіи можно надѣяться, что земства, общества и даже частныя лица, увидѣвъ на дѣлѣ пользу этой реформы, отнесутся къ ней сочувственно и своими пожертвованіями облегчатъ правительство въ расходахъ по устройству реальныхъ училищъ». Кромѣ суммъ на учрежденіе реальныхъ училищъ, въ 1875 и 1876 г.г. Министерству открыты были особые кредиты въ 40.430 руб. и 23.400 руб. на стипендіи лицамъ, готовящимся въ высшихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ къ преподаванію въ реальныхъ училищахъ химіи, механики и коммерческихъ наукъ. Для исполненія разныхъ порученій по устройству и развитію реальнаго образованія съ 1875 г. къ Министерству былъ прикомандированъ особый спеціалистъ [227]).

Такъ къ концу 70-хъ годовъ графъ Толстой успѣлъ утвердить новую систему средняго образованія, встрѣтившую въ основныхъ своихъ пунктахъ сильную оппозицію какъ въ правительственныхъ сферахъ, такъ и въ значительной части русскаго общества. Въ пріемахъ практическаго осуществленія этой системы графъ Толстой также держался иного пути сравнительно со своимъ предшественникомъ, какъ и въ способахъ подготовки реформы. Реформа 1864 г., созданная при широкамъ участіи общественнаго мнѣнія и стремившаяся къ примиренію различныхъ взглядовъ на сущность и задачи средняго образованія, была чужда тенденціи къ строгому единообразію и подробной регламентаціи; необходимость примѣненія общихъ порядковъ къ мѣстнымъ условіямъ и потребностямъ была однимъ изъ ея главныхъ принциповъ; инициативѣ и самостоятельности мѣстныхъ учебныхъ начальствъ и педагогическаго персонала предоставлялось широкое поприще. Наоборотъ, графъ Толстой стремился водворить всюду строгое единообразіе учебныхъ порядковъ и опредѣлить всѣ ихъ детали министерскими правилами и инструкціями. Этотъ бюрократическій характеръ практическаго выполненія реформы вызывалъ осужденіе не только со стороны ея безусловныхъ противниковъ, но также тѣхъ лицъ, которые соглашались съ ея принципами [228]).

VI.

За гимназіями и реальными училищами въ системѣ общеобразовательныхъ училищъ давно ожидали преобразованія уѣздныя училища, устроенныя по уставу 1828 г. При А. В. Головнинѣ Министерство успѣло основательно выяснить неудовлетворительность этихъ учебныхъ заведеній и рѣшило постенно преобразовывать ихъ, смотря по мѣстнымъ условіямъ, частью въ особыя двухклассныя или высшія приходскія училища съ курсомъ, примѣненнымъ къ потребностямъ мѣстнаго населенія, частью въ прогимназіи. Графъ Толстой вполнѣ раздѣлялъ мнѣніе о своевременности коренного преобразованія уѣздныхъ училищъ, но медлилъ имъ только по недостатку денежныхъ средствъ. Сами городскія общества и земства шли навстрѣчу намѣреніямъ Министерства и неоднократно обращались съ ходатайствомъ о преобразованіи, на ихъ земскія или городскія средства, уѣздныхъ

училищъ въ прогимназіи. Поддержанныя Министерствомъ, эти ходатайства удовлетворялись законодательнымъ порядкомъ.

Рѣшеніе приступить къ пересмотру устава уѣздныхъ училищъ возвѣщено было въ маѣ 1869 г., когда въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» появилась записка о проектѣ новаго устройства городскихъ училищъ и учительскихъ институтовъ съ цѣлью подвергнуть предположенія Министерства обсужденію людей свѣдущихъ и интересующихся дѣломъ народнаго образованія. Поступившіе въ Министерство отзывы были обсуждены въ попечительскихъ совѣтахъ учебныхъ округовъ, въ Ученомъ Комитетѣ и Совѣтѣ Министра. По полученіи затѣмъ отзыва Министерства Финансовъ о неимѣніи препятствій къ реформѣ проекты положеній о городскихъ училищахъ и учительскихъ институтахъ были внесены въ Государственный Совѣтъ. По объясненію министра причины полной неудовлетворительности уѣздныхъ училищъ, существовавшихъ по уставу 1828 г., заключались въ томъ, что курсъ ихъ былъ чисто теоретическій, нисколько не приспособленный къ потребностямъ людей, готовящихся къ практической дѣятельности, не могъ приготовить учениковъ къ слушанію практическихъ прикладныхъ курсовъ; непригодность учебнаго курса уѣздныхъ училищъ къ практическимъ потребностямъ мѣстнаго городскаго населенія не только составляла главную причину незначительнаго числа учащихся въ нихъ, но еще въ сильной степени затрудняла правильный ходъ ученія въ гимназіяхъ, такъ какъ большая часть дѣтей поступала въ гимназіи только потому, что имъ негдѣ больше учиться. Въ основу преобразованія уѣздныхъ училищъ проектъ Министерства полагалъ прусскую систему городскихъ школъ, «принимающую въ соображеніе и средства бѣднѣйшихъ мѣстностей и промышленныя потребности населенія и открывающую каждому способному ученику путь къ дальнѣйшему, общему и высшему научному и прикладному образованію». Вмѣстѣ съ тѣмъ, по примѣру Западной Европы, учреждаются учительскіе институты, потому что безъ кадра учителей, знающихъ и основательно подготовленныхъ, городскія училища не принесутъ никакой пользы.

Насажденіе въ Россіи правильной, общеевропейской системы городскихъ училищъ, по мнѣнію министра, должно было принести много пользы народному образованію вообще: городскія училища будутъ сообщать дѣтямъ всѣхъ классовъ городскаго насе-

ленія правильное общее начальное образованіе и необходимыя, по мѣстнымъ потребностямъ, прикладныя свѣдѣнія; они дадутъ возможность способнымъ дѣтямъ хорошо приготовиться къ гимназіямъ, высшимъ городскимъ училищамъ и другимъ среднимъ учебнымъ заведеніямъ; этимъ опредѣлится правильно кругъ начальныхъ знаній, которыя слѣдуетъ требовать отъ поступающихъ въ 1-й классъ среднихъ учебныхъ заведеній, вслѣдствіе чего можно будетъ правильно и прочно установить и учебный курсъ послѣднихъ; правильно устроенныя городскія училища дадутъ возможность открыть мѣстныя промышленныя и техническія школы, ибо сообщатъ ученикамъ тѣ познанія и то развитіе, которыя необходимы для пониманія и усвоенія курса этихъ школъ; практическія промышленныя и техническія школы доставятъ производительный и разнообразный исходъ ученикамъ, не могущимъ пройти весь курсъ ученья въ гимназіяхъ и другихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ; наконецъ, учительскіе институты и городскія училища покажутъ на самомъ дѣлѣ городскимъ обществамъ и земствамъ, въ чемъ должно состоять правильное начальное образованіе, и какъ должны быть устроены начальныя училища и учительскія школы для приготовленія сельскихъ учителей.

Изъ общаго числа 443 уѣздныхъ училищъ по проекту Министерства подлежало преобразованію 405, такъ какъ 32 училища въ юго-западныхъ губерніяхъ уже были преобразованы по закону 26 мая 1869 г., а остальныя 6 находились на особомъ положеніи.

По примѣру гимназической реформы представленіе графа Толстаго было сначала обсуждено въ Особомъ Присутствіи Государственнаго Совѣта, которое выразило свое полное сочувствіе преобразованію уѣздныхъ училищъ и, признавъ правильными основанія реформы, сдѣлало замѣчанія лишь по нѣкоторымъ частнымъ вопросамъ. Наконецъ, Общее Собраніе Государственнаго Совѣта, соглашаясь въ существѣ съ заключеніемъ Особаго Присутствія, мнѣніемъ положило: поднести къ Высочайшему утвержденію проекты положеній и штатовъ городскихъ училищъ и учительскихъ институтовъ; постепенно преобразовать по новому положенію 402 уѣздныхъ училища; учредить въ городахъ по избранію Министерства учительскіе институты; суммы на содержаніе учительскихъ институтовъ и 402 городскихъ училищъ (25 четырехклассныхъ, 75 трехклассныхъ и 302 двухклассныхъ),

всего 1.211.805 руб., ежегодно отпускать изъ Государственнаго Казначейства *) и, сверхъ того, ассигновать на первоначальное обзаведенiе институтовъ единовременно по 10.000 руб. на каждый, и на пособiя уѣзднымъ учителямъ, прикомандированнымъ къ институтамъ, по мѣрѣ надобности до 70.000 руб.; для ознакомленiя учителей уѣздныхъ училищъ съ лучшими способами начальнаго обученiя учредить при институтахъ особые дополнительные курсы; предоставить Министерству назначать въ городскiя училища, вмѣсто классныхъ, предметныхъ учителей, когда это будетъ признано полезнымъ. 31 мая 1872 г. Положенiя о городскихъ училищахъ и учительскихъ институтахъ удостоились Высочайшаго утвержденiя.

По окончательной редакцiи Положенiя 1872 г. городскiя училища имѣютъ цѣлью «доставленiе дѣтямъ всѣхъ сословiй начальнаго умственнаго и религiозно-нравственнаго образованiя». Это общеобразовательное назначенiе городскихъ училищъ выдвинуто Особымъ Присутствiемъ Государственнаго Совѣта, тогда какъ проектъ Министерства указывалъ вторую равносильную цѣль—сообщенiе прикладныхъ знанiй. Состоя въ главномъ вѣдѣнiи попечителей учебныхъ округовъ и въ ближайшемъ завѣдыванiи инспекторовъ народныхъ училищъ, городское училище управляется однимъ изъ учителей, со званiемъ инспектора, назначаемыхъ попечителемъ округа. «Для болѣе правильнаго и всесторонняго обсужденiя вопросовъ, относящихся преимущественно къ учебной и воспитательной части городскихъ училищъ, и для совокупнаго наблюденiя за исправностью матерiальной части сихъ заведенiй, при нихъ учреждаются педагогическiе совѣты, состоящiе подъ предсѣдательствомъ инспектора или завѣдующаго училищемъ, изъ законоучителя и всѣхъ прочихъ штатныхъ учителей и ихъ помощниковъ». При каждомъ училищѣ полагается почетный смотритель, избираемый на 3 года инспекторомъ народныхъ училищъ, если училище содержится на счетъ казны, или земствами и городскими обществами.

По учебному устройству городскiя училища раздѣляются на одноклассныя, двухклассныя, трехклассныя и четырехклассныя. Во всѣхъ этихъ училищахъ на прохожденiе полнаго курса назначается одинъ и тотъ же срокъ—6 лѣтъ и преподаются одни и

*) Въ счетъ этой суммы входятъ 940,067 руб., отпускаемыхъ на содержанiе 402 уѣздныхъ училищъ, и новымъ ассигнованiемъ—271,738 руб.

тѣ же предметы, но въ различномъ объемѣ: Законъ Божій, чтеніе и письмо, русскій языкъ и церковно-славянское чтеніе съ переводомъ на русскій языкъ, ариѳметика, практическая геометрія, географія и исторія отечественная съ необходимыми свѣдѣніями изъ всеобщей исторіи и географіи, свѣдѣнія изъ естественной исторіи и физики, черченіе и рисованіе, пѣніе, гимнастика. По желанію мѣстныхъ обществъ и при матеріальной поддержкѣ съ ихъ стороны могутъ быть преподаваемы дополнительные предметы и ремесла. Принимая эту учебную систему, установленную сначала въ Пруссіи и потомъ быстро распространившуюся по Западной Европѣ, Министерство исходило изъ мысли, что «правильное элементарное образованіе можетъ быть сообщаемо только *въ одномъ и томъ же* училищѣ, а не въ двухъ отдѣльныхъ учебныхъ заведеніяхъ, составляющихъ низшую и высшую степени, какъ наши приходскія и уѣздныя училища, потому что иначе оно утратитъ свою стройную цѣлость и единство, и, слѣдовательно, не достигнетъ вовсе своей цѣли». Съ цѣлью большей сосредоточенности въ преподаваніи и въ нравственномъ вліяніи на дѣтей во всѣ училища назначаются *классные*, а не *предметные* учителя. Только Законъ Божій, пѣніе и гимнастика преподаются особыми учителями.

Преподавательскій персоналъ городскаго училища состоитъ изъ законоучителя, штатныхъ учителей по числу классовъ и ихъ помощниковъ. Учителями и помощниками могутъ быть лица, успѣшно окончившія полный курсъ ученья въ учительскихъ институтахъ, а равно выдержавшія въ нихъ полное испытаніе какъ въ теоретическихъ научныхъ познаніяхъ, такъ и въ умѣньѣ преподавать въ городскомъ училищѣ. Инспекторы училищъ, законоучители, штатные учителя и ихъ помощники состоятъ на дѣйствительной государственной службѣ и пользуются правами на пенсіи и единовременныя пособія по разсчету жалованья, положеннаго штатами уѣздныхъ училищъ 17 апрѣля 1859 г.

Такъ какъ по мысли графа Толстаго городскія училища должны были давать элементарное образованіе и въ этомъ отношеніи замѣнить собою приходскія училища, то Положеніе открываетъ доступъ въ городскія училища дѣтямъ всѣхъ званій, состояній и вѣроисповѣданій не моложе 7 лѣтъ, безъ всякаго пріемнаго испытанія. Дѣти же старшаго возраста держатъ испытаніе въ чтеніи, письмѣ, ариѳметикѣ и началахъ Закона Божія.

Размѣръ платы за ученіе опредѣляется инспекторомъ народныхъ училищъ, соотвѣтственно средствамъ мѣстныхъ обществъ, и утверждается попечителемъ учебнаго округа. Дѣти, успѣшно прошедшія курсъ первыхъ четырехъ лѣтъ, могутъ поступать безъ испытанія въ первый классъ гимназій и реальныхъ училищъ. Получившіе же аттестаты объ окончаніи полнаго курса, если имѣютъ право на государственную службу, принимаются въ нее предпочтительно передъ необучавшимися въ городскихъ училищахъ или высшихъ школахъ и при производствѣ въ первый классный чинъ освобождаются отъ установленнаго испытанія. Желающіе быть учителями городскихъ училищъ оставляются при нихъ и по достиженіи 16 лѣтъ получаютъ преимущественное передъ другими кандидатами право на поступленіе въ учительскіе институты.

Штаты городскихъ училищъ опредѣлены: одноклассьнаго—въ 1.590 руб., двухклассьнаго—въ 2.190 руб., трехклассьнаго—въ 3.250 руб., четырехклассьнаго—въ 4.175 руб. Устройство и содержаніе городскихъ училищъ предоставлено также мѣстнымъ обществамъ, сословіямъ и частнымъ лицамъ на ихъ средства. Эти училища пользуются правами казенныхъ, если учителя въ нихъ назначаются отъ правительства; иначе они подчиняются общимъ узаконеніямъ о частныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

Учительскіе институты, закрытыя учебныя заведенія для приготовленія городскихъ учителей устраиваются по образцу подобныхъ же учебныхъ заведеній Западной Европы, какъ это было объяснено въ представленіи министра Государственному Совѣту. Управленіе ими организуется по общему типу среднихъ учебныхъ заведеній. Состоя въ главномъ вѣдѣніи попечителей учебныхъ округовъ, они управляются особыми директорами, пользующимися властью и правами директоровъ гимназій. По примѣру же гимназій разрѣшеніе вопросовъ учебныхъ, хозяйственныхъ и дисциплинарныхъ предоставляется педагогическому совѣту, состоящему подъ предсѣдательствомъ директора изъ законоучителя, всѣхъ штатныхъ преподавателей института и состоящаго при немъ городскаго училища. Права и преимущества преподавательскаго персонала опредѣляются общими правилами о государственной службѣ по учебной части.

Нормальное число воспитанниковъ въ каждомъ институтѣ полагается 75. Изъ нихъ 60 содержатся на счетъ Министерства. Остальныя 15 вакансій предоставляются стипендіатамъ другихъ

вѣдомствъ, обществъ, земствъ, а также своекоштнымъ пансіонерамъ. Принимаются въ институты молодые люди всѣхъ званій и состояній, не моложе 16 лѣтъ, здороваго тѣлосложенія и хорошей нравственности по выдержаніи предварительнаго испытанія по программамъ, утвержденнымъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія. Правительственные стипендіаты обязаны прослужить въ должности городскаго учителя 6 лѣтъ. Для стипендіатовъ другихъ вѣдомствъ, обществъ, сословій, земствъ и частныхъ лицъ срокъ обязательной службы зависитъ отъ усмотрѣнія жертвователей.

Учебный курсъ институтовъ раздѣляется на три годичные класса и «состоитъ», по словамъ представленія Государственному Совѣту, «съ одной стороны въ сообщеніи будущимъ учителямъ необходимыхъ научныхъ познаній по предметамъ курса начальныхъ училищъ, и съ другой—въ практическихъ упражненіяхъ въ преподаваніи». Предметами преподаванія въ институтахъ служатъ: Законъ Божій, педагогика, русскій языкъ и церковно-славянское чтеніе, ариѳметика и начальная алгебра, геометрія, исторія русская и всеобщая, географія русская и всеобщая, естественная исторія и физика, черченіе, рисованіе, чистописаніе, пѣніе, гимнастика. Воспитанники старшаго класса практикуются въ преподаваніи въ городскомъ училищѣ.

Положеніе 31 мая предоставило министру опредѣлить особыми правилами и инструкціями подробности управленія и учебной организаціи учительскихъ институтовъ. На этомъ основаніи были изданы: 1 іюня 1876 г.—инструкціи о порядкѣ управленія учительскими институтами, 13 ноября того же года въ видѣ опыта на три года—программа вступительнаго экзамена, инструкція касательно объема и методы преподаванія, программы и учебные планы. Имѣя въ виду спеціальное назначеніе учительскихъ институтовъ, инструкція рекомендовала, при опредѣленіи объема преподаванія разныхъ предметовъ, «принимать въ соображеніе программы городскихъ училищъ и поэтому тѣ отдѣлы, которые входятъ въ названныя программы, проходить болѣе обстоятельно по сравненію съ тѣми, которые или вовсе не внесены въ программы городскихъ училищъ, или же предназначены къ изученію въ краткомъ видѣ». Методъ догматическій, соединяемый съ частыми повторительными вопросами и съ разъясненіями самихъ воспитанниковъ, долженъ преобладать въ институтѣ надъ методомъ катехизическимъ, употребленіе котораго, главнымъ образомъ,

должно быть отнесено къ III классу, когда воспитанники знакомятся съ методикою учебныхъ предметовъ. На время постепеннаго преобразованія уѣздныхъ училищъ въ городскія Высочайше утвержденнымъ 31 мая 1872 г. мнѣніемъ Государственнаго Совѣта разрѣшено было устроить при учительскихъ институтахъ дополнительные курсы для учителей уѣздныхъ училищъ съ ассигнованіемъ на этотъ предметъ 70.000 руб., а министру предоставлено составить правила объ этихъ дополнительныхъ курсахъ и объ испытаніи прикомандированныхъ къ нимъ учителей. По правиламъ, изданнымъ 21 августа 1874 г., дополнительнымъ курсамъ поставлена была задача пополнять свѣдѣнія учителей уѣздныхъ училищъ, имѣющихъ сдѣлаться учителями городскихъ училищъ, по всѣмъ предметамъ курса послѣднихъ, и дать возможность теоретически и практически ознакомиться съ методическими пріемами элементарнаго обученія тѣмъ же предметамъ. Командируемые на курсы учителя подвергаются colloquium'у, выясняющему степень ихъ подготовки, а по истеченіи срока курсовъ держатъ окончательное испытаніе на званіе учителей городскихъ училищъ по правиламъ и программамъ, изданнымъ въ томъ же 1874 г. [229]).

VII.

По мысли графа Толстого учрежденіе учительскихъ институтовъ и преобразованіе уѣздныхъ училищъ въ городскія должно было послужить основой для правильной постановки всей вообще системы начальнаго образованія. Съ учрежденіемъ учительскихъ институтовъ, говорилъ онъ, «Министерство будетъ поставлено въ дѣйствительную возможность оказывать земствамъ по устройству начальныхъ училищъ то пособіе, въ которомъ они всего болѣе нуждаются, и вмѣстѣ съ симъ руководить всѣмъ народнымъ образованіемъ не только предписаніями и совѣтами, но на самомъ дѣлѣ посредствомъ хорошихъ учителей».

Коренной недостатокъ Положенія 14 іюля 1864 г. графъ Толстой видѣлъ въ неопредѣленныхъ отношеніяхъ центральнаго управленія Министерства и попечителей учебныхъ округовъ и всѣхъ другихъ представителей учебнаго вѣдомства къ училищнымъ совѣтамъ. Онъ желалъ утвердить управленіе начальнымъ образованіемъ на принципѣ, формулированномъ особой Комиссіей

при бывшихъ Редакціонныхъ Комиссіяхъ по крестьянскому дѣлу,— именно, что сельскія училища и учителя должны находиться въ прямомъ и непосредственномъ завѣдываніи Министерства Народнаго Просвѣщенія, которое одно только можетъ вести дѣло народнаго образованія правильнымъ путемъ по одному общему плану.

Въ іюлѣ 1867 г. министръ вошелъ въ Государственный Совѣтъ съ представленіемъ о нѣкоторыхъ мѣрахъ по начальному образованію, изъ которыхъ особенно важны были двѣ: установленіе новыхъ мѣстныхъ органовъ Министерства по наблюденію за начальными училищами и учрежденіе «образцовыхъ» сельскихъ училищъ. 29 мая 1869 г. Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта было постановлено: для наблюденія за народными училищами въ 33-хъ земскихъ губерніяхъ и въ Бессарабской области учреждаются должности инспекторовъ народныхъ училищъ, соединенныя со званіемъ непремѣнныхъ членовъ мѣстныхъ губернскихъ училищныхъ совѣтовъ; обязанности ихъ излагаются въ особой инструкціи, подлежащей Высочайшему утвержденію чрезъ Комитетъ Министровъ; министру предоставляется, не выходя изъ размѣра общей суммы, ассигнуемой на начальныя училища: а) открывать въ значительнѣйшихъ селеніяхъ образцовыя училища, предпочтительно одноклассныя и частью двухклассныя, избирая селенія, въ которыхъ состоятся приговоры обществъ о безвозмездной уступкѣ земли подъ устройство училища и о принятіи на свой счетъ ремонта, отопленія, освѣщенія училища и содержанія прислуги; б) снабжать лучшія вообще училища учебными пособіями и поощрять денежными выдачами лицъ, отличающихся на поприщѣ народнаго образованія; в) выдавать стипендіи, до 100 руб., лицамъ, окончившимъ духовныя семинаріи и выбраннымъ на учительскія должности земствами или обществами; г) поддерживать пособіями, преимущественно временными, училища, содержимыя духовенствомъ, земствомъ, обществами, частными лицами. Для осуществленія всѣхъ этихъ мѣропріятій ассигновано было съ 1870 г. по 306.000 р. ежегодно, а именно: на содержаніе 311 инспекторовъ 51.000 р. и на разъѣзды ихъ 17.000 р.; на содержаніе образцовыхъ двухклассныхъ училищъ 34.000 р., по 1.000 р. на каждое; на содержаніе одноклассныхъ 34.000 р., по 226 р. на каждое; на учебныя пособія и поощренія 68.000 р.; на стипендіи учителямъ изъ семинаристовъ 51.000 р.; на пособія разнымъ училищамъ 51.000 р.;

кромѣ того разрѣшено дополнительнымъ кредитомъ къ смѣтѣ Министерства на 1869 г. 202.000 р. на постройку домовъ и обзаведеніе образцовыхъ училищъ.

Провѣривъ на опытѣ нѣсколькихъ лѣтъ пользу образцовыхъ казенныхъ училищъ и систему пособій училищамъ, открываемымъ на мѣстныя средства, Министерство рѣшило дать этимъ мѣрамъ возможно широкое развитіе. Въ представленіи Государственному Совѣту 8 сентября 1873 г. министръ испрашивалъ дополнительный кредитъ въ 200.000 р. для распространенія закона 29 мая 1869 г. на губерніи, не имѣющія земскихъ учрежденій и училищныхъ совѣтовъ, и для приготовленія кандидатовъ изъ крестьянскихъ дѣтей къ поступленію въ учительскія семинаріи. Но это ходатайство было удовлетворено лишь на половину, и въ смѣту Министерства на 1874 г. было внесено дополнительнымъ кредитомъ на нужды начальнаго образованія 100.000 р. 25 февраля 1874 г., по всеподданнѣйшему докладу министра, разрѣшено было распространить на мѣстности, не имѣющія земскихъ учрежденій, постановленія о министерскихъ образцовыхъ училищахъ, и о пособіяхъ училищамъ, открываемымъ на мѣстныя средства, и лицамъ, усердствующимъ на пользу народнаго образованія. Въ томъ же году Министерство возбудило новое ходатайство о дополнительномъ кредитѣ въ 200.000 р. на 1875 г. При этомъ графъ Толстой, кромѣ прежнихъ мотивовъ, ссылался на положеніе Комитета Министровъ по поводу мнѣній Высочайше учрежденной Комиссіи для изслѣдованія сельскаго хозяйства и сельской производительности въ Россіи. Комиссія указала на необходимость учрежденія школъ для дѣвочекъ и распространенія въ народѣ ремесленнаго образованія. Комитетъ Министровъ предоставилъ министру Народнаго Просвѣщенія принять всѣ возможныя мѣры къ удовлетворенію этихъ нуждъ. 31 декабря 1874 г. Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Департамента Государственной Экономіи разрѣшено было ассигновать Министерству на 1875 г. на расходы по народному образованію 200.000 р.

3 іюня 1869 г. министръ испросилъ Высочайшее соизволеніе на изданіе временной, въ видѣ опыта на четыре года, инструкціи для образцовыхъ сельскихъ училищъ, которыя учреждались на средства Министерства и для которыхъ предполагалось составить особое положеніе. Эта инструкція, явившаяся уже послѣ изданія новаго положенія о начальныхъ училищахъ, 4 іюня 1875 г., опредѣляла цѣль министерскихъ учи-

лицъ въ доставленіи дѣтямъ сельскаго населенія «возможности пріобрѣтать элементарное образованіе въ болѣе полномъ и законченномъ видѣ, сравнительно съ другими сельскими начальными училищами». Поэтому въ кругъ обычныхъ предметовъ преподаванія введены еще: исторія, географія, естествовѣдѣніе и черченіе. Полный курсъ ученія продолжается: въ двухклассныхъ училищахъ 5 лѣтъ, въ одноклассныхъ—не менѣе 3-хъ лѣтъ. Управленіе училищами ввѣряется мѣстнымъ органамъ Министерства, попечителямъ учебнаго округа, директорамъ и инспекторамъ народныхъ училищъ. Съ согласія участниковъ въ устройствѣ и содержаніи училищъ избираются почетные блюстители училищъ, на обязанности которыхъ лежитъ оказаніе училищамъ нравственной и матеріальной поддержки.

По мысли графа Толстаго министерскія училища, какъ «лучшіе разсадники начальнаго образованія», должны были являться «образцами для подражанія», подобно городскимъ училищамъ по положенію 1872 г. Поэтому 22 декабря 1873 г. министръ предписалъ начальствамъ учебныхъ округовъ заботиться о равномѣрномъ распредѣленіи образцовыхъ училищъ. Но достигать своей цѣли министерскія училища могли лишь при полномъ матеріальномъ обезпеченіи. «Гораздо выгоднѣе для успѣховъ народнаго образованія», говорилъ графъ Толстой «устраивать меньшее число училищъ, но хорошихъ и обезпеченныхъ въ матеріальномъ отношеніи, чѣмъ разводить множество плохихъ училищъ, приносящихъ мало пользы и даже нерѣдко вредныхъ въ томъ отношеніи, что они подрываютъ въ обществѣ довѣріе къ образованію». Предлагая мѣстнымъ начальствамъ изыскивать всѣ возможныя средства къ открытію образцовыхъ училищъ, Министерство требовало также нѣкоторой осторожности и разрѣшило принимать отъ сельскихъ обществъ ходатайства объ открытіи образцовыхъ училищъ лишь при условіи утвержденія этихъ ходатайствъ установленнымъ порядкомъ, такъ какъ случалось, что общества нерѣдко замѣняли одни приговоры другими, а иногда и совсѣмъ уничтожали ихъ.

Учрежденіе должностей инспекторовъ народныхъ училищъ было первымъ шагомъ къ важной реформѣ, имѣвшей цѣлью подчинить управленіе дѣломъ начальнаго образованія болѣе дѣйствительному вліянію и контролю Министерства. На основаніи ст. 1-й закона 29 мая 1869 г. графъ Толстой внесъ 25 августа 1871 г. на разсмотрѣніе Комитета Министровъ проектъ инструкціи инспекторамъ народныхъ училищъ, составлен-

ный по соглашенію со Святѣйшимъ Синодомъ и Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ. Приглашенный въ засѣданіе Комитета генералъ-адъютантъ графъ Строгановъ I выразилъ мнѣніе, что обсужденіе по существу проекта инструкціи было бы несвоевременно, такъ какъ въ скоромъ времени въ Государственномъ Совѣтѣ долженъ былъ разрѣшаться общій вопросъ о порядкѣ управленія начальными училищами. Но Комитетъ единогласно согласился съ объясненіями графа Толстаго, настаивавшаго на необходимости разсмотрѣнія по существу проекта инструкціи. По рѣшенію Комитета инструкція ни въ чемъ не должна была измѣнять существующихъ узаконеній и правилъ по народному образованію; ея цѣль—лишь подробно развить эти правила и узаконенія, указать способы, которыми инспекторы могутъ осуществлять возложенное на нихъ наблюденіе за нравственною и учебною стороною народныхъ училищъ. Кромѣ того необходимо было, по мнѣнію Комитета, чтобы инструкція проводила различіе относительно послѣдствій надзора инспекторовъ надъ училищами, непосредственно подчиненными попечителямъ учебныхъ округовъ, и надъ училищами, подвѣдомственными училищнымъ совѣтамъ. Измѣненная по этимъ замѣчаніямъ инструкція была Высочайше утверждена 29 октября 1871 г. Наблюденію инспекторовъ народныхъ училищъ были подчинены: личный составъ училищъ, учебная и нравственная часть, руководства и пособія, внѣшнее и внутреннее благоустройство и матеріальное обезпеченіе, открытіе новыхъ училищъ, перемѣщеніе и распространеніе существующихъ. Сверхъ того инструкціею опредѣлены служебныя отношенія инспекторовъ къ разнымъ учрежденіямъ и лицамъ, порядокъ дѣлопроизводства и отчетности [230]).

Скоро инспекторы народныхъ училищъ доставили Министерству обильный матеріалъ для общей реформы управленія начальнымъ образованіемъ. О необходимости ея графъ Толстой говорилъ во всеподданнѣйшихъ отчетахъ за 1869 и 1870 гг., гдѣ указывалъ, что управленіе народными училищами лишено всякаго единства въ своей дѣятельности и не имѣетъ достаточныхъ средствъ для выполненія своего назначенія. Онъ предполагалъ дать другое устройство училищнымъ совѣтамъ, подчинивъ ихъ непосредственно попечителямъ учебныхъ округовъ, и по возможности широко развить институтъ инспекторовъ народныхъ училищъ. Эти предположенія, по надлежащей разработкѣ, были переданы на предварительное заключеніе Святѣйшему Синоду, министрамъ Финан-

совъ и Внутреннихъ Дѣлъ и главному начальнику III Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи. Святѣйшій Синодъ выразилъ свое полное сочувствіе проекту преобразованія училищныхъ совѣтовъ. Графъ Шуваловъ согласился съ необходимостью усиленія надзора за народными училищами. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, генералъ Тимашевъ, предложилъ по прежнему ввѣрить общее наблюденіе за ходомъ и направленіемъ преподаванія въ народныхъ училищахъ губернаторамъ, какъ представителямъ высшей администраціи въ губерніяхъ и ввести въ составъ училищныхъ совѣтовъ представителей отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Министръ Финансовъ, находя чрезмѣрною предположенную графомъ Толстымъ сумму на содержаніе инспекціи въ 446.000 р., настаивалъ на сокращеніи ея на 252.000 р.

10 іюня 1872 г., по всеподданнѣйшему докладу «о несоотвѣтствующемъ цѣли устройствѣ управленія народными училищами въ Имперіи», послѣдовало повелѣніе внести настоящее дѣло на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта. Въ своемъ представленіи отъ 21 августа министръ рѣшительно осудилъ существующую систему управленія начальными училищами: училищные губернскіе совѣты бездѣйствуютъ и не имѣютъ надъ собою почти никакого контроля, который возбуждалъ бы ихъ къ дѣятельности; изъ уѣздныхъ совѣтовъ нѣкоторые ни разу не собирались со времени своего учрежденія и даже не выбирали предсѣдателей. Реформа училищныхъ совѣтовъ, по мнѣнію министра, должна была состоять въ подчиненіи ихъ попечителямъ учебныхъ округовъ, въ назначеніи предсѣдателями совѣтовъ директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ, въ измѣненіи ихъ состава. «Такое устройство управленія начальными народными училищами, писалъ графъ Толстой, было бы болѣе правильнымъ и цѣлесообразнымъ, такъ какъ заключало бы въ себѣ представителей всѣхъ тѣхъ вѣдомствъ, которыя содержатъ у себя школы и въ то же время состояло бы подъ руководствомъ педагогически-опытныхъ и надежныхъ лицъ». Но особенно тщательно доказывалъ графъ Толстой необходимость усиленія инспекціи: переименованія 34-хъ инспекторовъ училищъ въ земскихъ губерніяхъ и въ Бессарабской области въ директоровъ училищъ и назначенія имъ помощниковъ, отъ 4-хъ до 6 на губернію, подъ названіемъ инспекторовъ.

Проектъ, разсмотрѣнный въ мартѣ 1873 г. соединенными

Департаментами Государственной Экономіи и Законовъ, не былъ окончательно принятъ Государственнымъ Совѣтомъ и оставался безъ движенія, пока не былъ данъ ему новый ходъ Высочайшимъ рескриптомъ 25 декабря 1873 г. на имя министра Народнаго Просвѣщенія. Рескриптъ возлагалъ на дворянство обязанность наблюденія за начальными народными училищами съ тѣмъ, чтобы мѣстные предводители дворянства, въ званіи попечителей таковыхъ училищъ, способствовали ближайшимъ своимъ участіемъ къ обезпеченію нравственнаго направленія этихъ школъ, а также ихъ благоустройству и размноженію, и чтобы права предводителей дворянства были опредѣлены особыми постановленіями. Во исполненіе Высочайшей воли «объ охраненіи дѣла народнаго образованія отъ постороннихъ пагубныхъ вліяній поддержаніемъ и упроченіемъ онаго въ духѣ религіи и нравственности и о возложеніи заботы о достиженіи сей цѣли на совмѣстныя усилія Министерства Народнаго Просвѣщенія, духовенства и дворянства» графъ Толстой пересмотрѣлъ свой проектъ и внесъ въ Государственный Совѣтъ 14 февраля 1874 г. новое представленіе, составленное по совѣщанію со многими предводителями дворянства. Здѣсь онъ по прежнему отстаивалъ необходимость дать наибольшую долю участія въ управленіи начальными училищами Министерству, «какъ единственному компетентному органу правительства въ отношеніи распространенія образованія», установить правильныя отношенія между Министерствомъ и его органами— съ одной стороны, и училищными совѣтами—съ другой, наконецъ передать всю учебную часть въ народныхъ училищахъ вѣдѣнію директоровъ и инспекторовъ. Дворянство, по мнѣнію министра, должно выполнять новую, возложенную на него монаршимъ довѣріемъ, обязанность чрезъ своихъ представителей въ училищныхъ совѣтахъ, въ которыхъ имъ дается преобладающее значеніе, какъ предсѣдателямъ. Наконецъ, для сохраненія за духовенствомъ права и обязанности наблюденія за религіознымъ обученіемъ въ начальныхъ училищахъ эти обязанности возлагаются на епархіальныхъ архіереевъ и приходскихъ священниковъ. Новое представленіе министра было разсмотрѣно сначала въ соединенныхъ Департаментахъ Государственной Экономіи и Законовъ, въ присутствіи приглашенныхъ въ засѣданіе: т. с. Побѣдоносцева, Шефа жандармовъ, министровъ: Народнаго Просвѣщенія, Государственныхъ Имуществъ и Внутреннихъ Дѣлъ, Государственнаго Контролера и товарища министра Финансовъ, а затѣмъ, 6 мая,

въ Общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта. Въ обѣихъ послѣднихъ инстанціяхъ проектъ не встрѣтилъ возраженій. Сдѣлавъ въ немъ нѣсколько детальныхъ исправленій, Государственный Совѣтъ постановилъ: новое положеніе, по Высочайшемъ утвержденіи, ввести во всѣ губерніи съ земскими учрежденіями; упразднить должности губернскихъ директоровъ училищъ и столичныя дирекціи въ С.-Петербургѣ и Москвѣ; на содержаніе новыхъ 34-хъ директоровъ народныхъ училищъ и 68 инспекторовъ ассигновать по 319.000 р. въ годъ; предоставить министру Народнаго Просвѣщенія, взамѣнъ инструкціи инспекторамъ 29 октября 1871 г., составить, по указанію опыта и по соглашенію съ подлежащими вѣдомствами, наказъ губернскимъ и уѣзднымъ училищнымъ совѣтамъ, который внести на разсмотрѣніе Комитета Министровъ. Въ заключеніе, Государственный Совѣтъ разсуждалъ, «что привлеченіе дворянскаго сословія Высочайшею волею Государя Императора, выраженною въ рескриптѣ на имя министра Народнаго Просвѣщенія отъ 25 декабря 1873 г., къ участію въ дѣлѣ народнаго образованія, нисколько не умаляетъ значенія полезной и безкорыстной, въ теченіе многихъ вѣковъ, дѣятельности православнаго духовенства на этомъ поприщѣ. Заслуги духовенства въ семъ отношеніи несомнѣнны: многочисленныя училища, имъ заведенныя и содержимыя на его счетъ, служатъ осязательнымъ сему доказательствомъ. Если, выражаясь словами Высочайшаго рескрипта, великое и священное дѣло народнаго образованія въ духѣ религіи и нравственности вызываетъ къ служенію оному всѣхъ просвѣщеннѣйшихъ людей страны, то поддержаніе и упроченіе онаго въ семъ истинно благомъ направленіи можетъ осуществиться лишь при совмѣстныхъ и единодушныхъ усиліяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, дѣйствующаго по ближайшимъ указаніямъ Верховной власти, дворянства, нынѣ вновь къ сему дѣлу призываемаго Монаршимъ довѣріемъ, и духовенства, которое, стоя близко къ народу, искони, въ силу пастырскихъ обязанностей, служило истиннымъ просвѣтительнымъ цѣлямъ. Министръ Народнаго Просвѣщенія, носящій и званіе оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода, проникаясь мыслію о важности совмѣстнаго на семъ поприщѣ дѣйствія свѣтскихъ и духовныхъ властей, не преминетъ, безъ сомнѣнія, выразить въ предложеніи Синоду, сколь желательно и необходимо для успѣха дѣла, чтобы при новомъ, предпринимаемомъ нынѣ устройствѣ училищной части, духовенство съ неослабнымъ усердіемъ продолжало нести

и усугубляло труды по исполненію обязанностей учителей и наставниковъ народа, распространяя въ населеніи, вмѣстѣ съ грамотностью, ясное разумѣніе Божественныхъ Истинъ Ученія Христова, съ живымъ и дѣятельнымъ чувствомъ нравственнаго и гражданскаго долга».

25 Мая / 6 Іюня 1874 г. Государь утвердилъ новое «Положеніе о начальныхъ народныхъ училищахъ». Сохраняя прежнюю группировку начальныхъ народныхъ училищъ, подвѣдомственныхъ училищнымъ совѣтамъ, и прежній порядокъ преподаванія, Положеніе 1874 г. существенно измѣнило систему управленія ими. «Попеченіе объ удовлетвореніи потребностей населенія въ начальномъ образованіи и о надлежащемъ нравственномъ направленіи онаго» возложено на уѣздные и губернскіе училищные совѣты, поставленные отнынѣ подъ предсѣдательство уѣздныхъ и губернскихъ предводителей дворянства. Кругъ обязанностей училищныхъ совѣтовъ ограниченъ вопросами хозяйственными и административными. Совѣты изыскиваютъ способы открытія новыхъ училищъ и закрываютъ училища, признанныя вредными, снабжаютъ ихъ руководствами и пособіями, утверждаютъ въ должностяхъ и отрѣшаютъ отъ нихъ учителей и учительницъ, распоряжаются пособіями, разсматриваютъ отчеты инспекторовъ. Жалобы на рѣшенія губернскихъ совѣтовъ, кромѣ вопросовъ по учебной части, приносятся Правительствующему Сенату. Предводителямъ дворянства, «по общему званію попечителей народныхъ училищъ», вмѣняется въ особую обязанность посѣщать по мѣрѣ возможности училища, вникая во всѣ ихъ нужды, изыскивая средства для удовлетворенія этихъ нуждъ, удостовѣряясь въ нравственныхъ качествахъ преподавателей и въ полезномъ вліяніи ихъ на учащихся. Управленіе собственно учебной частью ввѣрено непросредственнымъ органамъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Директоръ народныхъ училищъ каждой губерніи избирается попечителемъ учебнаго округа изъ лицъ, получившихъ высшее образованіе; онъ слѣдитъ за ходомъ учебной части въ народныхъ училищахъ, направляетъ дѣятельность инспекторовъ, состоитъ членомъ и управляетъ дѣлами губернскаго совѣта. Инспектора училищъ, избираемые изъ лицъ извѣстныхъ педагогическою опытностью, являются помощниками директора, состоятъ членами уѣздныхъ совѣтовъ и управляютъ ихъ дѣлами. Всѣ вообще вопросы по учебной части подлежатъ въ высшей инстанціи разрѣшенію министра Народнаго Просвѣщенія. Послѣдняя статья Положенія возлагаетъ

на губернатора «общее наблюденіе за ходомъ и направленіемъ первоначальнаго обученія въ губерніи. На этомъ основаніи, сверхъ принадлежащихъ по закону, какъ представителю высшей въ губерніи административной власти, правъ, ему предоставляется сообщать Министерству Народнаго Просвѣщенія свои по означенному предмету замѣчанія и соображенія».

При введеніи въ дѣйствіе Положенія 1874 г., послѣдняго въ XIX столѣтіи основнаго закона по начальному образованію, система надзора за училищами не могла быть установлена въ тѣхъ размѣрахъ, какъ предполагало Министерство. Вмѣсто 3—6 инспекторовъ на каждую губернію Государственный Совѣтъ согласился назначить лишь по 2, но предоставилъ министру въ случаѣ, если бы опытъ показалъ недостаточность числа инспекторовъ, къ концу 1875 г. ходатайствовать объ увеличеніи его съ тѣмъ, чтобы это ходатайство было подкрѣплено всѣми необходимыми данными. Графъ Толстой не преминулъ воспользоваться даннымъ ему правомъ и въ указанный срокъ внесъ въ Государственный Совѣтъ представленіе о назначеніи въ губерніи съ земскими учрежденіями 74-хъ новыхъ инспекторовъ. *) 27 апрѣля 1876 г. это ходатайство было удовлетворено, и Министерству ассигновано на содержаніе новыхъ инспекторовъ 148.000 р., отпускъ которыхъ былъ распредѣленъ на три года. Нѣкоторое матеріальное содѣйствіе Министерству въ содержаніи инспекторовъ оказало земство. 22 ноября 1875 г., по поводу ходатайства Елабужскаго уѣзднаго земства объ учрежденіи на его счетъ мѣстнаго инспектора народныхъ училищъ, Высочайше утвержденнымъ Мнѣніемъ Государственнаго Совѣта министру было предоставлено, по соглашенію съ министрами Внутреннихъ Дѣлъ и Финансовъ и главнымъ начальникомъ III Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, учреждать по ходатайствамъ земскихъ собраній, на ихъ счетъ, должности инспекторовъ народныхъ училищъ. Но эта помощь земствъ не получила широкаго развитія: въ 1882 г. изъ 165 инспекторовъ народныхъ училищъ получали содержаніе отъ земствъ только 24 [231]).

Законы 29 мая 1869 г. и 25 мая 1874 г., съ дополнительными постановленіями, распространялись во всей полнотѣ только на губерніи съ земскими учрежденіями, и возникалъ вопросъ,

---

*) По разсчету: 1 инспекторъ на 100 училищъ; всего въ земскихъ губерніяхъ насчитывалось 14.390 училищъ.

насколько приложима эта система въ мѣстностяхъ, не имѣющихъ земскихъ учрежденій, и въ особенности на окраинахъ съ разноплеменнымъ населеніемъ, съ особенными бытовыми и соціальными условіями. 28 февраля 1873 г. графъ Толстой внесъ въ Государственный Совѣтъ представленіе объ устройствѣ народныхъ училищъ въ губерніяхъ, гдѣ не введены земскія учрежденія: Архангельской, Оренбургской, Астраханской, шести сѣверо-западныхъ и трехъ юго-западныхъ. По плану, составленному особой комиссіей при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, были проектированы нѣкоторыя отступленія отъ системы, дѣйствовавшей въ земскихъ губерніяхъ; предполагалось устроить училища соразмѣрно съ числомъ мужскаго населенія въ каждой губерніи, по одному училищу на 1000 душъ, содержаніе училищъ отнести частью на особый сборъ съ крестьянъ всѣхъ наименованій, частью на счетъ мѣстнаго въ каждой губерніи поземельнаго сбора, частью на счетъ казны, управленіе же училищами организовать на основаніяхъ Временныхъ Правилъ 1863 г. для сѣверо-западнаго края. Обсудивъ этотъ проектъ, Департаментъ Государственной Экономіи принялъ во вниманіе, что съ начала 1873 г. вновь состоялись такія законоположенія, которыя имѣютъ непосредственную связь съ устройствомъ училищной части, и потому поручилъ государственному секретарю вернуть представленіе обратно въ Министерство для разъясненія нѣкоторыхъ вопросовъ, особенно вопроса о возможности распространить на не-земскія губерніи Положеніе 1874 г. Тогда въ началѣ 1875 г. при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія была образована, подъ предсѣдательствомъ И. П. Корнилова, новая комиссія изъ представителей Министерствъ Народнаго Просвѣщенія и Внутреннихъ Дѣлъ для пересмотра проекта устройства училищъ въ не-земскихъ губерніяхъ. Работа комиссіи затянулась на долго, такъ какъ было признано необходимымъ собрать отъ мѣстныхъ гражданскихъ и учебныхъ начальствъ подробныя и всестороннія соображенія и свѣдѣнія объ условіяхъ и нуждахъ народныхъ училищъ. Къ лѣту 1879 г. комиссія представила министру новый планъ, въ существенныхъ чертахъ сходный со старымъ. Весь расходъ на содержаніе по новому порядку училищъ въ 11 не-земскихъ губерніяхъ (вопросъ объ Оренбургской губерніи былъ выдѣленъ особо) былъ исчисленъ въ 1.286.190 руб.; приводить проектъ въ исполненіе было предположено не одновременно, но отдѣльно по губерніямъ или по группамъ губерній,

сообразно со средствами Государственнаго Казначейства и по соглашенію обоихъ Министерствъ, Народнаго Просвѣщенія и Внутреннихъ Дѣлъ. Графъ Толстой одобрилъ докладъ комиссіи за исключеніемъ предположенія ея объ устройствѣ въ Архангельской губерніи и въ глухихъ мѣстностяхъ другихъ губерній особыхъ «переходныхъ училищъ»; онъ находилъ, что такія училища, по трудности надзора за ними, легко явятся орудіемъ преступной пропаганды. Переданный затѣмъ на заключеніе Министерства Внутреннихъ Дѣлъ общій вопросъ о народномъ образованіи въ не-земскихъ губерніяхъ не получилъ разрѣшенія въ той постановкѣ, какая была дана ему проектомъ Министерства, и такимъ образомъ устройство начальнаго образованія въ не-земскихъ губерніяхъ при графѣ Толстомъ не успѣло стать предметомъ одного общаго закона, какимъ Положеніе 1874 г. было для губерній земскихъ. Пока тянулись занятія Комиссіи, общій вопросъ успѣлъ разбиться на рядъ частныхъ: преобразованія совершились особыми законоположеніями для отдѣльныхъ губерній или цѣлыхъ группъ губерній, при чемъ одни изъ этихъ законовъ охватывали всю мѣстную систему начальнаго образованія, другія касались отдѣльныхъ вопросовъ. Такъ въ Архангельской и Астраханской губерніяхъ, которыя по проектамъ Министерства стояли во главѣ не-земскихъ губерній, преобразованія ограничились только перемѣной въ надзорѣ за народными училищами: 9 декабря 1875 г. были учреждены для Архангельской губерніи должности директора и инспектора народныхъ училищъ, права и обязанности которыхъ опредѣлялись особою инструкціею Министерства Народнаго Просвѣщенія по соглашенію съ православнымъ духовнымъ вѣдомствомъ и Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, такъ какъ по Архангельской губерніи не могли быть вполнѣ примѣнены ни Положеніе 1874 г., ни Временныя Правила 1863 г. для сѣверо-западныхъ губерній. На такихъ же основаніяхъ была учреждена 28 декабря 1876 г. должность инспектора народныхъ училищъ въ Астраханской губерніи; 22 ноября 1875 г. дѣйствіе законовъ 29 мая 1869 г. и 25 мая 1874 г. было распространено на Уфимскую губернію, получившую земскія учрежденія. 10 мая 1877 г. Положенію 1874 г. подчинены начальныя училища въ области Войска Донскаго, 2 сентября 1880 г.—въ возсоединенной части Бессарабіи. 28 декабря 1876 г. для завѣдыванія начальными народными училищами въ С.-Петербургѣ, Москвѣ и Одессѣ учреждены особые училищные совѣты

на правахъ уѣздныхъ по Положенію 1874 г. Наконецъ, на окраинахъ западныхъ, южныхъ и восточныхъ, съ иноплеменнымъ населеніемъ, вопросъ о народномъ образованіи разрѣшался въ зависимости отъ общихъ государственныхъ мѣропріятій по отношенію къ этимъ окраинамъ. Учебное дѣло въ западныхъ губерніяхъ, въ привислинскомъ и прибалтійскомъ краяхъ, въ Сибири и Туркестанѣ обставлено было столь различными условіями, что не могло быть подчинено единообразнымъ общимъ правиламъ и требовало спеціальныхъ узаконеній, согласованныхъ съ мѣстными условіями [232]).

Параллельно реформѣ управленія начальными народными училищами Министерство должно было продолжать дѣло, только начатое при А. В. Головнинѣ—изыскать и развить средства приготовленія начальныхъ учителей. Признавъ наилучшимъ средствомъ учительскія семинаріи, А. В. Головнинъ на первое время рѣшилъ замѣнить ихъ педагогическими курсами при уѣздныхъ училищахъ разныхъ округовъ, устроенными по Высочайшимъ повелѣніямъ 23 марта 1865 г. и 31 января 1866 г. Въ 1870 г. Министерство располагало слѣдующими разсадниками учителей для сельскихъ начальныхъ школъ: тремя учительскими семинаріями: въ Молодечнѣ, Кіевѣ и Ригѣ, *) педагогическими курсами, учрежденными при двѣнадцати уѣздныхъ училищахъ учебныхъ округовъ С.-Петербургскаго, Московскаго, Казанскаго, Харьковскаго, Одесскаго, земскими школами: Александровской въ Рязани и Колмовской близъ Новгорода. По штатамъ эти учебныя заведенія приготовляли ежегодно до 600 учителей, обязанныхъ опредѣленнымъ срокомъ службы, а вмѣстѣ со стипендіатами земствъ—не болѣе 700.

При личномъ осмотрѣ педагогическихъ курсовъ въ Смоленскѣ, Владимірѣ, Харьковѣ, Воронежѣ, Курскѣ, Одессѣ, Кишиневѣ и Новочеркаскѣ, графъ Толстой нашелъ ихъ неудовлетворительными: «преподаваніе въ нихъ мало чѣмъ отличалось отъ преподаванія въ уѣздныхъ училищахъ, и если одни курсы были лучше другихъ, то это зависѣло единственно отъ мѣстнаго директора училищъ, руководящаго ими». На предположеніе министра объ учрежденіи вмѣсто педагогическихъ курсовъ учительскихъ семинарій сочувственно отозвались попечители учебныхъ округовъ,

---

*) Учительская семинарія въ Дерптѣ, основанная въ 1828 г., готовила учителей для городскихъ училищъ.

а также и комиссія, разсматривавшая отчетъ Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1869 г. По представленію министра, Высочайше утвержденнымъ 24 мая 1871 г. мнѣніемъ Государственнаго Совѣта, было постановлено: педагогическіе курсы при уѣздныхъ училищахъ упразднить и вмѣсто нихъ въ пяти учебныхъ округахъ учредить по одной учительской семинаріи, примѣнивъ къ нимъ штатъ и положеніе Молодечнинской семинаріи 17 марта 1870 г. Необходимые на содержаніе пяти семинарій расходы, по 84.050 руб. ежегодно, покрывались изъ суммъ, назначенныхъ по смѣтѣ Министерства на разныя статьи начальнаго образованія.

Распоряженіемъ министра 23 марта 1872 г. на вновь учрежденныя учительскія семинаріи распространено было Положеніе о Молодечнинской семинаріи 17 марта 1870 г. По этому положенію учительскія семинаріи представляютъ открытыя учебныя заведенія, имѣющія цѣлью доставить педагогическое образованіе молодымъ людямъ всѣхъ сословій православнаго исповѣданія и состоящія изъ трехъ годичныхъ классовъ; онѣ находятся въ вѣдѣніи попечителей учебныхъ округовъ и подъ непосредственнымъ начальствомъ директоровъ, управляющихъ при содѣйствіи совѣтовъ изъ всѣхъ наставниковъ семинаріи и учителей начальныхъ училищъ, состоящихъ при семинаріяхъ для практики воспитанниковъ въ преподаваніи; служебныя права и преимущества служащихъ въ семинаріяхъ подчинены уставу гимназій; обучаются въ семинаріи казенные стипендіаты, обязанные четырехлѣтней службой, по назначенію мѣстныхъ попечителей, и стипендіаты сельскихъ обществъ и частныхъ лицъ; преподаются: Законъ Божій, основанія педагогики, русскій и церковно-славянскій языки, ариѳметика, основанія геометріи, землемѣріе, черченіе, русская исторія въ связи съ главными понятіями о всеобщей, краткая всеобщая и болѣе подробная русская географія, свѣдѣнія по естественной исторіи, чистописаніе и пѣніе, ремесла и гимнастика; подробныя правила о порядкѣ управленія, надзора, учебнаго курса вырабатываются педагогическими совѣтами и черезъ попечителей представляются въ Министерство для составленія общей инструкціи для семинарій; содержаніе каждой изъ пяти семинарій опредѣлено въ 16.810 руб.

Пяти учительскихъ семинарій было, конечно, слишкомъ мало, и потому въ томъ же 1871 г. министръ вошелъ съ представленіемъ въ Государственный Совѣтъ о необходимости учрежденія

новыхъ семинарій. «Получаемыя Министерствомъ свѣдѣнія о недостаточности народныхъ учителей», писалъ графъ Толстой, «вполнѣ подтверждаются заявленіями гражданскихъ начальниковъ, а равно постоянными жалобами нашей періодической печати на эту недостаточность и проистекающія отъ нея грустныя послѣдствія въ дѣлѣ народнаго образованія. Самымъ же нагляднымъ и для всѣхъ убѣдительнымъ доказательствомъ въ настоящемъ случаѣ можетъ служить открытіе въ послѣднее время учительскихъ семинарій и школъ нѣкоторыми земствами на свой счетъ, а также поступающія въ Министерство ходатайства объ учрежденіи еще новыхъ подобныхъ же заведеній». Откладывать развитіе сѣти учительскихъ семинарій въ надеждѣ на просвѣщенную самодѣятельность мѣстныхъ обществъ или въ виду денежныхъ соображеній значило бы, по мнѣнію министра, вопреки интересамъ государства отказываться отъ правильнаго развитія народнаго образованія; «справедливость требуетъ согласиться», говорилъ онъ далѣе, «что единственно возможное средство упрочить народное образованіе состоитъ въ томъ, чтобы теперь же, въ виду возникающаго въ народѣ стремленія къ грамотности и въ самомъ началѣ устройства у насъ этого дѣла на новыхъ началахъ, сообщить оному опредѣленное и стройное направленіе въ духѣ господствующей церкви и пользъ государственныхъ, путемъ правильной и стройной организаціи народной школы, что̀, очевидно, немыслимо безъ учителей, основательно и соотвѣтственно къ тому подготовленныхъ, а это можетъ быть достигнуто только посредствомъ учительскихъ семинарій, не только правильно въ педагогическомъ отношеніи устроенныхъ, но и находящихся въ полномъ завѣдываніи училищнаго начальства». Проектъ графа Толстаго встрѣтилъ было возраженіе со стороны управлявшаго Министерствомъ Финансовъ, генералъ-адъютанта Грейга, указавшаго на значительность расходовъ на начальное образованіе и на затруднительное положеніе Государственнаго Казначейства. Но Государственный Совѣтъ согласился съ графомъ Толстымъ, возражавшимъ Грейгу, что польза учительскихъ семинарій стоитъ внѣ сомнѣній, что мѣры правительства должны прежде всего сообразоваться съ дѣйствительными потребностями нуждающагося въ образованіи населенія, что, наконецъ, полумѣры въ этой области могутъ быть скорѣе вредны, чѣмъ полезны; и 7 декабря 1871 г. было Высочайше утверждено постановленіе объ учрежденіи новыхъ пяти учительскихъ семинарій, а 23 марта слѣдую-

щаго года министръ утвердилъ для нихъ Положеніе, по образцу Положенія о Молодечнинской семинаріи.

Но и десятью семинаріями и нѣсколькими другими заведеніями, тождественными съ ними по задачамъ, Министерство ограничиться не могло. По разсчету, сдѣланному въ 1873 г., изъ 11,000 сельскихъ начальныхъ училищъ въ губерніяхъ пяти учебныхъ округовъ: С.-Петербургскаго, Московскаго, Харьковскаго, Казанскаго и Одесскаго, 532 училища вовсе не имѣли учителей, и 3,138 училищъ оставались при учителяхъ, рѣшительно не соотвѣтствовавшихъ своему званію и совершенно случайно попавшихъ на педагогическое поприще. Всѣ попытки мѣстнаго учебнаго начальства пополнить скудныя свѣдѣнія этихъ учителей и пріучить ихъ къ болѣе разумному преподаванію посредствомъ бесѣдъ, чтеній, образцовыхъ уроковъ на учительскихъ съѣздахъ были мало успѣшны. Оставлять значительную часть народныхъ училищъ на продолжительное время въ такомъ жалкомъ состояніи значило бы, по словамъ графа Толстаго, «намѣренно подрывать значеніе образованія въ глазахъ народныхъ массъ, которыя еще такъ недавно начали только понимать сколько нибудь это значеніе». Къ этому взгляду присоединилась комиссія, разсматривавшая отчетъ Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1872 г. Противъ мнѣнія ея, что увеличеніе числа учительскихъ семинарій и снабженіе ихъ всѣми необходимыми средствами «составляетъ одну изъ первѣйшихъ государственныхъ потребностей», Государь написалъ: «Да», а противъ выраженнаго комиссіею желанія, чтобы предположенія Министерства объ увеличеніи числа семинарій удостоились Высочайшаго одобренія:—«Вполнѣ». При этихъ условіяхъ Министерство могло смѣло ходатайствовать о расширеніи сѣти учительскихъ семинарій, и по Высочайше утвержденнымъ мнѣніямъ Государственнаго Совѣта было постановлено: 11 ноября 1873 г.—открыть еще пять учительскихъ семинарій, и 4 февраля 1875 г.—шесть. Въ эти же годы новыя учительскія семинаріи учреждались и въ одиночку въ разныхъ мѣстностяхъ. Однѣ изъ нихъ подчинялись общему Положенію объ учительскихъ семинаріяхъ, для другихъ были изданы особыя положенія, въ главныхъ чертахъ согласованныя съ общимъ, но отступающія отъ него въ разныхъ частностяхъ, вызываемыхъ особенными мѣстными условіями и потребностями населенія.

Очень важнымъ дополненіемъ къ первоначальной организаціи учительскихъ семинарій явилось учрежденіе при нихъ въ

1875 г. приготовительныхъ классовъ. Опытъ нѣсколькихъ лѣтъ убѣдительно показывалъ, что однимъ устройствомъ учительскихъ семинарій не исчерпывалась задача образованія народныхъ учителей и что забота о подготовленіи кандидатовъ на учительскія должности должна была начинаться ранѣе поступленія ихъ въ спеціальныя педагогическія школы. Поэтому, въ ряду мѣръ по приготовленію учителей народныхъ училищъ Министерство обратило вниманіе на выборъ учениковъ, поступающихъ въ учительскія семинаріи. Чтобы привлечь въ нихъ по преимуществу лицъ крестьянскаго сословія, которыя не стремились бы бросать учительское званіе ради болѣе выгодныхъ занятій, Министерство распорядилось въ 1872 г. избирать въ число воспитанниковъ учительскихъ семинарій преимущественно дѣтей крестьянъ, которые съ этою цѣлью и приготовлялись бы при двухклассныхъ сельскихъ училищахъ Министерства, получая стипендіи отъ 3 до 5 руб. въ мѣсяцъ. Въ 1875 г., по мысли попечителя Казанскаго учебнаго округа, П. Д. Шестакова, приготовленію крестьянскихъ дѣтей въ учительскія семинаріи дана была правильная организація: Высочайше утвержденнымъ 8 ноября мнѣніемъ Государственнаго Совѣта положено открыть при учительскихъ семинаріяхъ особые приготовительные классы съ назначеніемъ бѣднѣйшимъ, но способнѣйшимъ ученикамъ стипендій.

Подробности администраціи и учебнаго строя учительскихъ семинарій были разработаны въ инструкціи министра 4 іюля 1875 г. Въ ней детально изложены обязанности директора, наставниковъ, педагогическаго совѣта, воспитанниковъ, распредѣленіе учебныхъ занятій. Съ теченіемъ времени эти основныя мѣропріятія объ учительскихъ семинаріяхъ были дополнены постановленіями по разнымъ частнымъ вопросамъ: о служебныхъ преимуществахъ учителей и воспитанниковъ семинарій, о сверхштатныхъ учителяхъ, объ отбываніи воинской повинности воспитанниками, объ увеличеніи размѣра стипендій, о правѣ семинарій производить испытаніе на званіе учителя начальнаго училища, о суммахъ на строительныя надобности семинарій, о правѣ участія директоровъ учительскихъ семинарій въ училищныхъ и попечительскихъ совѣтахъ.

При всей энергіи, которую проявило Министерство въ открытіи учительскихъ семинарій, оно всетаки признавало, что «создать необходимое число такихъ учебныхъ заведеній на средства правительства положительно оказывается невозможнымъ по

огромности денежныхъ средствъ, какія на это потребовались бы. Участіе въ денежныхъ пожертвованіяхъ земства на это дѣло въ значительной степени облегчило бы расходы правительства». Министерство не обмануло въ своей надеждѣ: первымъ приняло на себя починъ въ устройствѣ учительской школы новгородское земство; его примѣру послѣдовали земство рязанское, черниговское, московское, тверское, с.-петербургское и другія. Нѣкоторыя земства, какъ напримѣръ казанское и самарское, устроили спеціально женскія учительскія семинаріи или школы для приготовленія сельскихъ учительницъ. 13 февраля 1871 г. министръ разъяснилъ, что разрѣшеніе на открытіе земствами учительскихъ школъ предоставляется совѣтамъ попечителей учебныхъ округовъ. Въ вознагражденіе за матеріальное содѣйствіе правительству въ дѣлѣ подготовленія учителей земства получили право ходатайства о нѣкоторыхъ преимуществахъ и льготахъ служащимъ и воспитанникамъ своихъ учительскихъ семинарій и школъ. 28 декабря 1871 г. министру было предоставлено по ходатайствамъ земскихъ собраній распространять на служащихъ въ земскихъ семинаріяхъ и школахъ права дѣйствительной государственной службы, а воспитанниковъ освобождать отъ рекрутской и другихъ натуральныхъ повинностей и отъ тѣлесныхъ наказаній, а 18 октября 1875 г. былъ установленъ порядокъ производства пенсій служащимъ въ земскихъ семинаріяхъ [233]).

Съ учрежденіемъ учительскихъ семинарій, какъ постоянныхъ спеціальныхъ разсадниковъ начальныхъ учителей, не утратили своего значенія съѣзды учителей, педагогическіе курсы и тому подобныя учрежденія. Устраивать совѣщанія учителей земскихъ и городскихъ начальныхъ школъ предоставлено было земскимъ и городскимъ учрежденіямъ по Земскому и Городовому Положенію. Въ 1870 г. по соглашенію Министерствъ Народнаго Просвѣщенія и Внутреннихъ Дѣлъ установлены были правила для педагогическихъ съѣздовъ учителей. 5 августа 1875 г. утверждены министромъ «Правила о временныхъ педагогическихъ курсахъ учителей и учительницъ начальныхъ народныхъ училищъ». Эти курсы, устраиваемые при учительскихъ семинаріяхъ, городскихъ училищахъ, двухклассныхъ сельскихъ училищахъ, должны были знакомить мало подготовленныхъ учителей и учительницъ съ лучшими способами обученія, обновлять и пополнять ихъ свѣдѣнія въ преподаваемыхъ предметахъ. Съ тѣми же цѣлями 18 марта 1878 г. Министерство разрѣ-

шило устраивать дополнительные курсы при учительскихъ семинаріяхъ.

Создавая спеціальныя учебныя заведенія и поддерживая разныя побочныя средства для приготовленія и совершенствованія начальныхъ учителей, Министерство старалось привлечь въ нихъ преимущественно лицъ крестьянскаго сословія. Но оно не желало вполнѣ закрыть доступа къ званію начальнаго учителя лицамъ другихъ состояній и не имѣющихъ спеціальной подготовки. Признавая полезнымъ привлекать къ дѣлу народнаго образованія окончившихъ высшія или среднія общеобразовательныя заведенія, министръ испросилъ 23 февраля 1876 г. Высочайшее соизволеніе освобождать этихъ лицъ при полученіи званія начальнаго учителя отъ спеціальныхъ испытаній; отъ нихъ требовалась лишь дача пробнаго урока. Въ 1875 г. комиссія, разсматривавшая отчетъ Министерства за 1873 г., обратила вниманіе на многочисленный контингентъ людей, изъ которыхъ многіе могли бы вступить въ учительское званіе, именно на отставныхъ и безсрочно-отпускныхъ унтеръ-офицеровъ. Государь написалъ на журналѣ комиссіи: «Вполнѣ сочувствую этой мысли», и 17 мая 1875 г. министръ предложилъ допускать этихъ нижнихъ чиновъ до занятія учительскихъ должностей по общему порядку.

Порядокъ спеціальныхъ испытаній на званіе начальнаго учителя былъ установленъ еще до учрежденія учительскихъ семинарій Высочайше утвержденнымъ 22 апрѣля 1868 г. мнѣніемъ Государственнаго Совѣта о спеціальныхъ испытаніяхъ по Министерству Народнаго Просвѣщенія. Онѣ должны были производиться въ особыхъ испытательныхъ комитетахъ, въ гимназіяхъ, прогимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ. Испытаніе опредѣляется объемомъ преподаванія приходскаго или начальнаго училища. Полнымъ испытаніямъ на званіе городскаго учителя и на званіе сельскаго учителя подвергаются лица, не окончившія курса въ уѣздномъ училищѣ или равномъ ему по разряду учебномъ заведеніи. 15 мая 1870 г. министръ утвердилъ правила спеціальныхъ испытаній.

Не въ одной скудости денежныхъ средствъ Министерство встрѣчало препятствіе къ образованію достаточнаго контингента начальныхъ учителей. Другой, не менѣе важной, причиной было нерасположеніе къ преподавательскому званію способныхъ лицъ изъ податныхъ состояній, проистекавшее изъ опасенія невозможности упрочить за собою однажды избранный родъ занятій въ

виду рекрутской повинности. Особенно важнымъ это обстоятельство представлялось въ вопросѣ о насажденіи начальнаго образованія среди инородцевъ. Поэтому въ 1870 г. Министерство возбудило вопросъ объ освобожденіи учителей начальныхъ училищъ отъ рекрутской и другихъ натуральныхъ повинностей. Прежде разрѣшенія этого вопроса законодательнымъ порядкомъ графъ Толстой вошелъ въ предварительныя сношенія съ министрами: Военнымъ, Внутреннихъ Дѣлъ и Финансовъ, и главноуправляющимъ II Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи. Всѣ были согласны съ пользою предположенной мѣры и только, вслѣдъ за Д. А. Милютинымъ, предлагали обставить ее такими условіями, которыя позволяли бы пользоваться льготою лицамъ, дѣйствительно подготовленнымъ къ учительскому званію. По обсужденіи вопроса въ Государственномъ Совѣтѣ 26 ноября 1870 г. было постановлено лицъ, занимающихъ должности учителей начальныхъ училищъ и выдержавшихъ установленное испытаніе соотвѣтствующихъ учебныхъ заведеній, освобождать отъ рекрутской и другихъ натуральныхъ повинностей [234]).

Въ систему начальнаго народнаго образованія входили два внѣ-школьныхъ средства просвѣщенія: публичныя народныя чтенія и читальни. Поводомъ къ установленію общихъ правилъ для народныхъ чтеній послужила всеподданнѣйшая записка с.-петербургскаго оберъ-полицiймейстера о пользѣ такихъ общедоступныхъ чтеній, отвлекающихъ народъ отъ разгула. Государю благоугодно было выразить мнѣніе, что хотя подобныя бесѣды дѣйствительно могутъ имѣть полезное вліяніе на народную нравственность, но съ другой стороны онѣ могутъ быть допущены лишь при крайне осторожной обстановкѣ. Поэтому министрамъ Военному, Внутреннихъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія, главному начальнику III отдѣленія Его Императорскаго Величества Канцеляріи, главному начальнику военно-учебныхъ заведеній и с.-петербургскому оберъ-полицiймейстеру повелѣно было совмѣстно обсудить начала, на которыхъ могутъ быть допущены публичныя чтенія для народа. Эта комиссія предположила устроить въ видѣ опыта народныя чтенія въ Соляномъ Городкѣ по текстамъ, одобреннымъ министромъ Народнаго Просвѣщенія, не дозволяя въ то же время устройства подобныхъ чтеній никакимъ обществамъ или частнымъ лицамъ; на будущее же время рѣшено было ввѣрить дѣло устройства чтеній для народа Министерству Народнаго Просвѣщенія, пре-

доставивъ ему разрѣшеніе вопроса, на какихъ условіяхъ устройство чтеній можетъ быть допущено въ видѣ общей правительственной мѣры. 19 декабря 1871 г. Государь утвердилъ постановленія комиссіи. Въ августѣ 1874 г. состоялось Высочайшее повелѣніе, чтобы уставы обществъ по устройству публичныхъ чтеній для народа и народныхъ читаленъ были утверждаемы не иначе, какъ чрезъ Комитетъ Министровъ. Между тѣмъ въ 1872 г. при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія возникла постоянная комиссія изъ лицъ, назначаемыхъ министромъ для устройства народныхъ чтеній въ С.-Петербургѣ, на которую было возложено и составленіе общихъ правилъ для устройства народныхъ чтеній въ губернскихъ городахъ. Составленныя комиссіей правила, одобренныя сначала министромъ Внутреннихъ Дѣлъ и Главнымъ Начальникомъ III Отдѣленія Его Императорскаго Величества Канцеляріи, были разсмотрѣны Комитетомъ Министровъ и Высочайше утверждены 24 декабря 1876 г. По этимъ правиламъ всѣ заботы о матеріальной сторонѣ дѣла въ устройствѣ чтеній для народа ввѣряются частнымъ обществамъ и лицамъ, получающимъ разрѣшеніе на это устройство; надзоръ же за ходомъ чтенія принадлежитъ директорамъ народныхъ училищъ подъ непосредственной ихъ отвѣтственностью; къ публичному чтенію допускаются только сочиненія, одобренныя Ученымъ Комитетомъ Министерства или Святѣйшимъ Синодомъ; лекторы, коими могутъ быть духовные лица, преподаватели и другія благонадежныя лица, не имѣютъ права отступать отъ утвержденнаго текста допущенныхъ къ чтенію сочиненій. Въ случаѣ нарушенія установленныхъ правилъ чтеніе подлежитъ немедленному прекращенію по распоряженію мѣстнаго губернатора.

Такому же непосредственному вѣдѣнію и контролю Министерства графъ Толстой считалъ необходимымъ подчинить и народныя читальни. Въ февралѣ 1873 г., испрашивая Высочайшее соизволеніе на открытіе при 1-мъ Московскомъ уѣздномъ училищѣ народной читальни, онъ писалъ: «народныя читальни могутъ имѣть несомнѣнно важное значеніе въ ряду образовательныхъ средствъ, назначенныхъ для массы, а потому, чтобы обезпечить за ними направленіе, соотвѣтствующее видамъ правительства, и устранить возможность сдѣлать изъ нихъ орудіе для достиженія какихъ либо чуждыхъ этимъ видамъ цѣлей, я полагалъ бы учрежденіе народныхъ читаленъ предоставить исключительно иниціативѣ и вѣдѣнію Министерства Народнаго Просвѣщенія, съ устраненіемъ

отъ этого дѣла вліянія постороннихъ обществъ и лицъ». Эти предположенія были Высочайше утверждены [235]).

Такъ въ срединѣ 70-хъ годовъ было закончено въ общихъ чертахъ устройство системы начальнаго народнаго образованія. Первые ея успѣхи не могли быть значительны по причинамъ, которыя изложены министромъ во всеподданнѣйшемъ отчетѣ о дѣятельности Министерства за 1875 г. По мнѣнію графа Толстаго, «огромная несоразмѣрность числа начальныхъ школъ и учащихся въ нихъ съ народонаселеніемъ доказываетъ, что значительная масса народа у насъ еще не проникнута убѣжденіемъ въ необходимости элементарнаго обученія, служащаго лучшимъ средствомъ къ нравственному и практически-полезному развитію ея. Противодѣйствовать этой косности нашего простолюдина въ непониманіи своихъ интересовъ должна отчасти и сама школа. Давая прочное начальное образованіе обучающимся въ ней дѣтямъ и, тѣмъ самымъ, представляя очевидную пользу начальнаго обученія, она можетъ располагать общество въ свою пользу. Но для этого необходимо, чтобы наша начальная школа стояла въ учебномъ и матеріальномъ отношеніи на уровнѣ, соотвѣтствующемъ важности ея значенія. Между тѣмъ большинство нашихъ школъ далеко не удовлетворяетъ этимъ необходимымъ условіямъ благоустроенной школы, а потому результаты ихъ дѣятельности представляются не настолько удовлетворительными, чтобы они могли, такъ сказать, обаятельно дѣйствовать на населеніе и убѣждать его въ пользѣ начальнаго обученія». Равнодушіе сельскаго населенія къ школѣ, вслѣдствіе котораго учащіеся не только вообще посѣщаютъ ее неаккуратно, но большею частью совершенно прекращаютъ ученье до окончанія курса*), графъ Толстой считалъ гораздо большимъ зломъ, чѣмъ необезпеченность школъ въ учебномъ и матеріальномъ отношеніяхъ: «при подобныхъ условіяхъ», писалъ онъ въ томъ же отчетѣ, «большинство учащихся пріобрѣтаетъ въ школахъ лишь поверхностныя познанія въ чтеніи и отчасти въ письмѣ, которыя, впрочемъ, вслѣдствіе непрочнаго усвоенія, скоро утрачиваются ими совершенно. Отсюда естественно слѣдуетъ, что обученіе для большинства учащихся въ нашихъ школахъ представляется, по крайней мѣрѣ, безполезнымъ и уже ни въ какомъ случаѣ не можетъ вести къ

*) По даннымъ за 1875 г. число выбывшихъ до окончанія курса превосходило число окончившихъ курсъ болѣе, чѣмъ въ $2^1/_2$ раза.

осуществленію той высокой задачи, которая положена въ основаніе нашей школы, т. е. къ утвержденію въ народѣ религіозныхъ и нравственныхъ понятій и къ распространенію первоначальныхъ полезныхъ знаній». Однимъ изъ важнѣйшихъ средствъ къ устраненію ненормальнаго положенія народныхъ школъ могло быть, по мнѣнію графа Толстаго, введеніе обязательнаго обученія, о которомъ тогда много спорили какъ въ педагогической литературѣ, такъ и въ общей періодической печати. «Глубоко убѣжденный въ несомнѣнной пользѣ этой мѣры,» говорилъ онъ, «я полагаю, однако, что при недостаточности числа какъ начальныхъ школъ, сравнительно съ народонаселеніемъ, такъ и хорошо подготовленныхъ учителей, обязательное обученіе должно вводиться у насъ постепенно, по мѣрѣ поступленія заявленій о томъ земскихъ собраній, городскихъ и сельскихъ обществъ и, при томъ, начиная съ тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ существуютъ благоустроенныя училища и хорошо подготовленные учители. Впрочемъ, въ виду важности вопроса о введеніи обязательнаго обученія, особливо у насъ въ Россіи, гдѣ экономическія и климатическія особенности представляютъ большое разнообразіе и не могутъ быть оставлены безъ вниманія, я считаю необходимымъ, независимо отъ того, что вопросъ этотъ былъ уже обсуждаемъ спеціалистами по народному образованію и Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, подвергнуть его самой тщательной разработкѣ и всестороннему обсужденію». Ученый Комитетъ, обсудивъ заявленныя нѣкоторыми земствами предположенія о введеніи обязательнаго обученія, призналъ преждевременнымъ возбуждать этотъ вопросъ во всей его широтѣ въ законодательномъ порядкѣ. На этомъ дѣло и остановилось.

Менѣе чѣмъ за годъ до выхода въ отставку графа Толстаго основы только что утвержденной системы начальнаго образованія были вновь обсуждены сначала въ Особомъ Совѣщаніи министровъ подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Валуева, а затѣмъ въ Комитетѣ Министровъ. Лѣтомъ 1879 г. Комитетъ Министровъ «выразилъ единогласное убѣжденіе, что духовно-нравственное развитіе народа, составляющее краеугольный камень всего государственнаго строя, не можетъ быть достигнуто безъ предоставленія духовенству преобладающаго участія въ завѣдываніи народными школами». По вопросу же, слѣдуетъ ли поддерживать и развивать порядокъ приготовленія учителей для народныхъ школъ посред-

ствомъ учительскихъ семинарій, Комитетъ, согласно заключенію статсъ-секретаря Валуева, счелъ нужнымъ замѣтить, «чтобы учебное вѣдомство приняло относительно учительскихъ семинарій къ руководству высказанное по отношенію къ высшимъ заведеніямъ начало о непривлеченіи въ нихъ искусственными мѣрами лицъ, принадлежащихъ къ низшимъ сословіямъ и преимущественно къ крестьянскому». На это графъ Толстой заявилъ, что въ числѣ лицъ, обучающихся въ учительскихъ семинаріяхъ, только приблизительно одна треть принадлежитъ къ крестьянскому сословію. Продолжая затѣмъ разсужденія объ участіи духовенства въ дѣлѣ народнаго образованія, Комитетъ Министровъ выяснилъ, что усилить это участіе нельзя безъ поднятія матеріальнаго благосостоянія духовенства, и поручилъ графу Толстому войти въ сношенія по этому вопросу съ другими вѣдомствами. Когда же онъ осенью 1879 г. обратился къ министру Финансовъ съ запросомъ о возможности отпуска изъ казны по 119.000 руб. ежегодно на пособіе церковно-приходскимъ школамъ и вознагражденіе законоучителямъ, то генералъ-адъютантъ Грейгъ отвѣтилъ отказомъ [236]).

При преемникахъ графа Толстаго дѣло о совмѣстной дѣятельности по народному образованію Министерства Народнаго Просвѣщенія и духовнаго вѣдомства получило новое направленіе.

VIII.

Особое положеніе въ системѣ среднихъ и низшихъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній продолжали занимать женскія и еврейскія училища. Преобразованіе тѣхъ и другихъ рѣшено было при А. В. Головнинѣ, когда Министерство успѣло уже собрать значительный матеріалъ. Совершенныя при графѣ Толстомъ преобразованія имѣли цѣлью ввести, по возможности, эти учебныя заведенія въ общую систему.

Положеніе о женскихъ училищахъ 10 мая 1860 г. оставалось въ дѣйствіи ровно 10 лѣтъ, въ теченіе которыхъ сдѣланы нѣкоторыя частныя дополненія къ нему: новый законъ о спеціальныхъ испытаніяхъ по Министерству Народнаго Просвѣщенія 22 апрѣля 1868 г. предоставилъ окончившимъ педагогическіе курсы при училищахъ 1-го разряда право на полученіе званій домашней учительницы или наставницы; 17 декабря 1869 г.

окончившія съ успѣхомъ общій курсъ училищъ получили право на награжденіе золотыми и серебряными медалями; 22 ноября 1869 г. министръ вошелъ въ Государственный Совѣтъ съ представленіемъ объ отпускѣ на 1870 г. дополнительнымъ кредитомъ суммы на пособіе женскимъ училищамъ съ тѣмъ, чтобы на дальнѣйшее время отпускъ этой суммы производился въ предѣлахъ возможности для Государственнаго Казначейства и не свыше 150.000 руб. въ годъ.

Между тѣмъ на основаніи представленныхъ попечителями округовъ соображеній и отзывовъ, провѣренныхъ лично графомъ Толстымъ при осмотрѣ женскихъ училищъ въ разныхъ округахъ, былъ составленъ и внесенъ въ Государственный Совѣтъ новый проектъ реформы женскихъ училищъ и 24 мая 1870 г. Высочайше утверждено было «Положеніе о женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія», введенное въ дѣйствіе въ учебныхъ округахъ С.-Петербургскомъ, Московскомъ, Харьковскомъ, Казанскомъ и Одесскомъ, губерніяхъ Черниговской и Полтавской, Западной и Восточной Сибири. По новому Положенію женскія гимназіи и прогимназіи остались открытыми учебными заведеніями, предназначенными для дѣвицъ всѣхъ сословій. Въ организаціи управленія гимназіями и прогимназіями произведены существенныя измѣненія: высшей мѣстной властью для нихъ является попечитель округа; попечительнымъ совѣтамъ поставлено болѣе узкое назначеніе—изысканіе и развитіе матеріальныхъ средствъ училищъ, наблюденіе за порядкомъ и благоустройствомъ; въ составъ попечительнаго совѣта входятъ лица обоего пола, избираемыя обществами, на средства которыхъ содержится училище; непремѣнными членами совѣта являются директоръ мужской гимназіи или смотритель уѣзднаго училища и начальница гимназіи или прогимназіи; учебная и воспитательная часть поставлена болѣе опредѣленно и самостоятельно; непосредственное управленіе гимназіей или прогимназіей ввѣрено начальницѣ, избираемой попечительнымъ совѣтомъ и утверждаемой въ должности высшей учебной властью; главное руководство учебнымъ и воспитательнымъ дѣломъ ввѣрено предсѣдателю педагогическаго совѣта, которымъ состоитъ директоръ мѣстной мужской гимназіи или штатный смотритель уѣзднаго училища; преподаватели, избираемые предсѣдателемъ педагогическаго совѣта, пользуются правами на чинопроизводство и пенсіи, сообразно своему образовательному цензу и званію.

Съ цѣлью возвысить основательность обученія и въ виду того, что женскія училища 1-го и 2-го разрядовъ соотвѣтствовали мужскимъ гимназіямъ и прогимназіямъ, курсъ женскихъ гимназій продолженъ до 7 лѣтъ; курсъ же прогимназій оставленъ прежній. Сохраняя въ учебномъ планѣ общаго курса дѣленіе предметовъ на обязательные и необязательные, новое Положеніе стремится дать этому курсу, по примѣру лучшихъ женскихъ училищъ Германіи и Швейцаріи, болѣе практическій характеръ, примѣняясь къ будущему предназначенію женщины. По объясненію Министерства только при такихъ условіяхъ: небольшомъ числѣ предметовъ, увеличенномъ срокѣ ученья и практическомъ характерѣ преподаванія, можно было водворить въ женскихъ училищахъ ученье основательное и удовлетворяющее потребностямъ населенія. Для большинства воспитанницъ женскихъ гимназій, принадлежащихъ къ недостаточнымъ состояніямъ, образованіе составляло единственный капиталъ, который могъ ихъ спасти отъ нищеты, и капиталъ этотъ въ большинствѣ случаевъ обращался на педагогическую дѣятельность. Съ этой цѣлью—дать бѣднымъ дѣвушкамъ возможность ознакомиться съ условіями и пріемами педагогическаго искусства—при гимназіяхъ учрежденъ 8-й, спеціальный, классъ, успѣшное окончаніе котораго даетъ право на званіе домашнихъ наставницъ и учительницъ.

Содержаніе женскихъ гимназій и прогимназій по прежнему отнесено было на счетъ общественныхъ и частныхъ пожертвованій. Но этихъ средствъ было недостаточно, и виной тому было прежде всего отсутствіе иниціативы въ нашемъ обществѣ, неумѣнье взяться за общеполезное дѣло и довести его до конца, на что жаловался и А. В. Головнинъ. Въ сочувствіи же интеллигентнаго общества дѣлу женскаго образованія сомнѣваться было нельзя. Чтобы облегчить обществу заботу о собираніи матеріальныхъ средствъ для открытія и поддержанія женскихъ училищъ, губернаторамъ предоставлено учреждать въ каждой губерніи особые комитеты изъ лицъ, желающихъ содѣйствовать дѣлу женскаго образованія. Но безъ правительственнаго пособія, какъ убѣждалъ собственный опытъ и примѣръ западныхъ странъ, обойтись было нельзя, и одновременно съ утвержденіемъ новаго Положенія Высочайше разрѣшено было вносить въ смѣты Министерства на пособія женскимъ гимназіямъ не свыше 150.000 р. въ годъ.

Положеніе 24 мая 1870 г. было дополнено въ послѣдующіе годы нѣкоторыми частными постановленіями, касавшимися админи-

стративной части: въ 1873 г.—о предоставленіи директорамъ реальныхъ училищъ и инспекторамъ прогимназій быть непремѣнными членами попечительныхъ и предсѣдателями педагогическихъ совѣтовъ женскихъ гимназій; въ слѣдующемъ году это право распространено на директоровъ учительскихъ институтовъ и семинарій; въ 1874 г.—о дарованіи пенсіонныхъ и служебныхъ правъ преподавателямъ и преподавательницамъ приготовительныхъ классовъ; въ 1878 г.—о правахъ на пенсіи начальницъ и надзирательницъ; въ 1879 г.—о порядкѣ утвержденія и увольненія членовъ попечительныхъ совѣтовъ. Сначала составленіе подробныхъ учебныхъ плановъ и программъ предоставлялось педагогическимъ совѣтамъ гимназій и прогимназій. Но 31 августа 1874 г., съ цѣлью установить единство въ учебномъ отношеніи между всѣми гимназіями, были изданы подробные учебные планы и правила переходныхъ и окончательныхъ испытаній.

Хотя Министерство согласилось присвоить женскимъ училищамъ названіе гимназій и прогимназій на томъ основаніи, что они соотвѣтствуютъ мужскимъ гимназіямъ и прогимназіямъ, но между тѣми и другими была существенная разница: въ женскихъ гимназіяхъ отсутствовали древніе языки. Естественно являлась мысль о возможности ввести въ среднія женскія училища тѣ основанія, на которыхъ утверждалась реформа мужскихъ гимназій 1871 г. Первый и весьма удачный опытъ устройства женской классической гимназіи сдѣланъ былъ въ Москвѣ частнымъ лицомъ, г-жею С. Н. Фишеръ. Горячая сторонница классическаго образованія г-жа Фишеръ желала «содѣйствовать укорененію учебной реформы (1871 г.) и хотя нѣсколько облегчить ея исполненіе». «Пріобщить матерей и воспитательницъ», говорила она, «къ тому циклу познаній, на которыхъ зиждется эта реформа, это самое лучшее подспорье ей, самый сильный ея двигатель». Эта мысль встрѣтила полное сочувствіе самого графа Толстаго, М. Н. Каткова, П. М. Леонтьева и другихъ лицъ, при содѣйствіи которыхъ гимназія г-жи Фишеръ была открыта въ 1872 г. По программамъ 31 августа 1874 г. древніе языки введены были въ качествѣ необязательныхъ предметовъ въ курсъ женскихъ гимназій, причемъ Министерство имѣло въ виду цѣль, выраженную товарищемъ министра, чтобы воспитанницы женскихъ гимназій «могли съ пользою для себя и для общества обучать юношество, готовящееся къ поступленію въ мужскія гимназіи и прогимназіи». Соглашаясь съ этой мыслью, графъ Толстой прибавлялъ, что онъ на дѣлѣ

убѣдился въ возможности совершенно успѣшно обучать дѣвицъ древнимъ языкамъ. Но введеніе древнихъ языковъ въ курсъ женскихъ гимназій, въ видѣ общей мѣры, не увѣнчалось успѣхомъ, какъ частный опытъ г-жи Фишеръ.

Такъ параллельно университетамъ и мужскимъ гимназіямъ, въ 70-хъ годахъ возникли высшія и среднія общеобразовательныя женскія училища. Оставалось восполнить эту параллель и создать училища для дѣвицъ, соотвѣтствующія городскимъ и уѣзднымъ мужскимъ училищамъ. Такую мысль впервые высказала комиссія, разсматривавшая отчетъ Министерства за 1875 г. Находя, что курсъ женскихъ гимназій и прогимназій по своей обширности доступенъ далеко не для всѣхъ классовъ городскаго населенія, комиссія выразила мнѣніе, что Министерство оказало бы истинное благодѣяніе для городскаго населенія и удовлетворило бы одной изъ самыхъ насущныхъ потребностей этого населенія, если бы чрезъ свои мѣстные органы старалось возбудить въ средѣ земскихъ и городскихъ сословій мысль о пользѣ учрежденія женскихъ городскихъ училищъ съ курсомъ менѣе обширнымъ въ сравненіи съ женскими гимназіями и прогимназіями. Противъ этого мнѣнія комиссіи сдѣлана была Высочайшая отмѣтка: «Сообразить». Въ 1878 г. комиссія повторила свою мысль, высказавъ при этомъ, что «правильное женское образованіе должно ограничиваться такими предѣлами, которые, не отклоняя учениць отъ главнаго назначенія, не стремились бы къ излишнему напряженію однихъ умственныхъ силъ, въ ущербъ болѣе важнаго для общественнаго благоденствія сохраненія тѣхъ женственныхъ качествъ, которыя должны украшать скромный семейный очагъ». Государь написалъ на журналѣ комиссіи: «Весьма желательно» [237]).

Преобразованіе еврейскихъ училищъ, въ принципѣ рѣшенное при А. В. Головнинѣ, осуществлено было графомъ Толстымъ въ 1873 г. тѣмъ особеннымъ порядкомъ, которымъ приведены были въ исполненіе и дѣйствовавшіе до того времени уставы о еврейскомъ образованіи. Одобривъ основанія реформы, Государь Императоръ въ декабрѣ 1872 г. разрѣшилъ министру представить проектъ указа непосредственно Его Величеству, минуя Государственный Совѣтъ. Разсмотрѣнный въ Совѣтѣ Министровъ, указъ 16 марта 1873 г. повелѣвалъ министру собственною властью утвердить положенія и штаты новыхъ еврейскихъ училищъ, съ правомъ производить въ нихъ нужныя измѣненія. Такой поря-

докъ принятъ былъ при графѣ Уваровѣ съ тою цѣлью, «чтобы законодательною санкціею не придавать характера неизмѣняемости и постоянства такимъ учебнымъ заведеніямъ, которыя, по самой своей сущности и взгляду на нихъ правительства, должны быть не болѣе какъ училищами временными, переходными до тѣхъ поръ, пока евреи не станутъ повсемѣстно помѣщать своихъ дѣтей въ общія учебныя заведенія». Основная мысль реформы состояла въ томъ, чтобы дать еврейскимъ училищамъ «устройство на иныхъ основаніяхъ, болѣе соотвѣтствующихъ системѣ общихъ училищъ». Указъ предписывалъ раввинскія училища въ Вильнѣ и Житомирѣ преобразовать въ еврейскіе учительскіе институты примѣнительно къ общему Положенію объ учительскихъ институтахъ 1872 г., училища 2-го разряда закрыть, училища 1-го разряда частью закрыть, частью преобразовать въ еврейскія начальныя училища, примѣняясь къ Положенію о городскихъ училищахъ 1872 г.; всѣ предстоящіе расходы покрывать изъ спеціальныхъ доходовъ и суммъ на образованіе евреевъ. 24 марта 1873 г. министръ утвердилъ Положенія о еврейскихъ начальныхъ училищахъ и учительскихъ институтахъ. Начальныя одноклассныя и двухклассныя училища, открывающіяся въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ при многочисленномъ еврейскомъ населеніи число общихъ училищъ недостаточно, должны сообщать не только элементарное образованіе, но и прикладныя знанія, соотвѣтственно нуждамъ мѣстнаго населенія. Преподаваніе всѣхъ предметовъ ведется на русскомъ языкѣ. Штатные учители и ихъ помощники изъ христіанъ пользуются правами государственной службы; о служебныхъ правахъ евреевъ должно быть издано особое Положеніе. Наблюденіе за преподаваніемъ еврейскихъ предметовъ ведется назначаемыми правительствомъ раввинами. Штатъ одноклассного училища опредѣленъ въ 1.815 руб. и двухклассного—въ 2.480 руб. Устройство еврейскихъ учительскихъ институтовъ во всѣхъ главныхъ чертахъ согласовано съ общимъ Положеніемъ 1872 г. съ нѣкоторыми отступленіями отъ него, вызываемыми спеціальнымъ характеромъ еврейскихъ институтовъ. На содержаніе каждаго института ассигнованы по штату 31.025 руб. Въ развитіе обоихъ Положеній министру предоставлено издать инструкціи о порядкѣ управленія учительскими институтами и училищами, объемѣ преподаванія, программы учебныхъ предметовъ и испытаній.

Въ 1875 г. Министерство нашло возможнымъ прекратить на будущее время выдачу стипендій евреямъ и еврейкамъ, уча-

щимся въ общихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ запискѣ графа Толстаго, разсмотрѣнной въ Комитетѣ Министровъ, было объяснено, что въ послѣдніе годы евреи перестали уклоняться отъ поступленія въ общія учебныя заведенія, и стали даже переполнять нѣкоторыя изъ нихъ. По мнѣнію министра, «число евреевъ въ учебныхъ заведеніяхъ должно увеличиваться совершенно независимо отъ какихъ бы то ни было поощрительныхъ мѣръ, единственно вслѣдствіе сознанной евреями необходимости общаго образованія для ихъ дѣтей, особенно въ виду закона объ общеобязательной воинской повинности, предоставляющей большія льготы окончившимъ курсъ въ общихъ учебныхъ заведеніяхъ».

Но ни стремленіе евреевъ въ общія учебныя заведенія, ни учрежденіе благоустроенныхъ казенныхъ еврейскихъ училищъ не могли парализовать вредной во многихъ отношеніяхъ дѣятельности разныхъ мелкихъ частныхъ школъ и особенно домашнихъ учителей—меламедовъ. Въ 1875 г. истекалъ срокъ, послѣ котораго должна была прекратиться выдача свидѣтельствъ на званіе меламедовъ лицамъ, не получившимъ образованія въ раввинскихъ или общихъ училищахъ. По разсмотрѣніи этого вопроса въ Министерствахъ Народнаго Просвѣщенія и Внутреннихъ Дѣлъ и въ Комитетѣ Министровъ было признано, «что число лицъ, могущихъ удовлетворять введеннымъ въ законъ условіямъ для полученія званія меламеда не соотвѣтствуетъ потребности еврейскаго населенія въ законоучителяхъ и что безусловное требованіе немедленнаго исполненія ограничительнаго о меламедахъ закона 1855 г. подастъ поводъ къ обходу евреями запрещенія, тѣмъ болѣе, что число признанныхъ меламедовъ и теперь значительно менѣе дѣйствительнаго числа лицъ, занимающихся обученіемъ еврейской вѣры». По этимъ соображеніямъ прежній порядокъ выдачи свидѣтельствъ меламедамъ былъ продолженъ еще на 2 года, до 3 мая 1877 г., а министру Народнаго Просвѣщенія предоставлено войти съ представленіемъ, въ законодательномъ порядкѣ, объ измѣненіи изданнаго въ 1855 г. закона о меламедахъ, такъ какъ по убѣжденію Министерства попытка Правительства приготовлять для меламедскихъ обязанностей лицъ съ достаточнымъ общимъ образованіемъ для сознанія несообразностей Талмуда не удалась, и не было надежды на успѣхъ ея въ будущемъ. Поэтому Министерство находило болѣе полезнымъ требовать отъ меламедовъ только общаго экзамена на званіе частнаго учителя: это требованіе, не затрудняя слишкомъ евреевъ, ставило бы ихъ въ одина-

ковое положеніе въ отношеніи преподавательской дѣятельности съ христіанами. «Если справедливо», добавлялъ графъ Толстой, «убѣжденіе въ томъ, что общее образованіе должно потрясти основы талмудическаго ученія, то это будетъ достигнуто помимо стѣсненія мѣрами Правительства вѣроученія евреевъ» [238]).

Давно ожидали согласованія съ новымъ учебнымъ строемъ законоположенія о частныхъ училищахъ и о домашнихъ наставникахъ, изданные въ 20-хъ и 30-хъ годахъ. Этотъ вопросъ, поставленный на очередь А. В. Головнинымъ, разрѣшенъ былъ его преемникомъ въ 1868 г. Въ представленіи Государственному Совѣту графъ Толстой призналъ, что неудовлетворительное состояніе учебныхъ заведеній есть очевидный фактъ, засвидѣтельствованный какъ оффиціальными донесеніями, такъ и заявленіями частныхъ лицъ въ печати. Главныя причины этой неудовлетворительности частныхъ училищъ министръ усматривалъ: 1) въ излишнемъ подчиненіи ихъ курса курсу казенныхъ училищъ и 2) въ невыгодныхъ условіяхъ педагогической обстановки содержателей, учителей и воспитателей частныхъ училищъ. «Казенныя училища относительно учебнаго курса никакъ не могутъ служить непремѣннымъ образцомъ для частныхъ училищъ». Такое требованіе прямо противорѣчитъ цѣли этихъ училищъ, или замѣняющихъ казенныя училища, гдѣ послѣднія плохи, или гдѣ ихъ недостаетъ, или возникающихъ тамъ, гдѣ казенныя училища не удовлетворяютъ всѣмъ потребностямъ общества въ образованіи. «Требовать, чтобы частныя училища по учебному курсу непремѣнно походили на казенныя, такъ же односторонне, какъ и настаивать, чтобы частныя училища въ этомъ отношеніи непремѣнно различались отъ казенныхъ. Правильно установить требованія этого рода можетъ только само общество, смотря по его потребностямъ. Задача же правительства должна заключаться въ доставленіи обществу, посредствомъ частныхъ училищъ, средствъ удовлетворять всѣмъ разнообразнымъ его потребностямъ въ образованіи, или, другими словами, въ предоставленіи полной свободы частнымъ училищамъ избирать тотъ или другой учебный курсъ съ тѣмъ, однако, чтобы этотъ курсъ всякій разъ былъ утверждаемъ учебнымъ начальствомъ». Съ предоставленіемъ частнымъ училищамъ свободы выбора учебнаго курса являлось болѣе цѣлесообразнымъ различать степени частныхъ училищъ уже не по сравненію съ казенными, а по числу классовъ и вообще продолжительности учебнаго времени. Воспитанникамъ частныхъ

училищъ, избравшихъ курсъ близкій къ курсу классическихъ гимназій слѣдовало, по мнѣнію министра, предоставить право поступленія въ университеты подъ условіемъ экзамена въ особыхъ комиссіяхъ наравнѣ съ окончившими курсъ казенныхъ гимназій.

Для улучшенія состава содержателей частныхъ училищъ и преподавателей министръ находилъ нужнымъ возвысить требованія отъ нихъ научныхъ свѣдѣній, соотвѣтственно разрядамъ частныхъ училищъ. Дѣйствовавшіе же дотолѣ узаконенія, обращавшія вниманіе лишь на доброе поведеніе, благонамѣренный образъ мыслей и русское подданство, препятствовали водворенію въ частныхъ училищахъ основательнаго солиднаго образованія и поддерживали духъ спекуляціи въ лицахъ, не призванныхъ и не приготовленныхъ къ педагогической дѣятельности. На этихъ основаніяхъ Высочайше утвержденнымъ 19 февраля 1868 г. мнѣніемъ Государственнаго Совѣта въ дѣйствующія узаконенія о частныхъ училищахъ введенъ былъ рядъ измѣненій и дополненій, изложенныхъ въ 12 пунктахъ.

Двумя мѣсяцами позже разрѣшенъ былъ вопросъ о пересмотрѣ узаконеній о домашнихъ наставникахъ и учителяхъ. Предположенія графа Толстаго объ измѣненіяхъ и дополненіяхъ въ Положеніи 1 іюля 1834 г., изложенныя въ представленіи Государственному Совѣту *), клонились къ двумъ главнымъ цѣлямъ: 1) «открыть поприще для педагогической дѣятельности въ частныхъ домахъ большему числу лицъ и при томъ лицъ, представляющихъ вполнѣ достаточное обезпеченіе въ научномъ и нравственномъ отношеніяхъ, и 2) расширить, по возможности, служебныя права и облегчить матеріальное положеніе лицъ, посвящающихъ себя этой дѣятельности и тѣмъ самымъ привлечь къ ней лицъ болѣе способныхъ». Этими средствами графъ Толстой надѣялся не только расширить кругъ образованныхъ лицъ, занимающихся частнымъ обученіемъ, но, что́ всего важнѣе, привлечь къ этому дѣлу природныхъ русскихъ людей и соразмѣрно съ тѣмъ уменьшить спросъ на иностранныхъ учителей. Онъ полагалъ, что послѣдніе до сихъ поръ предпочитались и стояли на первомъ планѣ въ общественномъ мнѣніи не по одной только модѣ, а и потому, что они не встрѣчали себѣ достаточной конкуренціи въ

---

*) Вопросъ о спеціальныхъ испытаніяхъ былъ выдѣленъ въ особое представленіе въ связи съ вопросомъ объ испытаніяхъ на разныя другія учебныя званія и должности. Вопросъ же о пенсіяхъ и пособіяхъ былъ отложенъ до болѣе подробной разработки.

образованныхъ русскихъ педагогахъ. Высочайше утвержденнымъ 22 апрѣля 1868 г. мнѣніемъ Государственнаго Совѣта было постановлено предоставить званіе домашняго наставника всѣмъ вообще лицамъ, окончившимъ курсъ ученья въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, званіе же домашняго учителя—лицамъ, не окончившимъ курса одного изъ высшихъ учебныхъ заведеній, но выдержавшимъ особое для того испытаніе. Далѣе подробно былъ изложенъ новый порядокъ служебныхъ правъ и преимуществъ домашнихъ наставниковъ и домашнихъ учителей.

Въ томъ же представленіи графъ коснулся вопроса о правѣ воспитанниковъ высшихъ и среднихъ училищъ заниматься частнымъ обученіемъ. Находя, что педагогическая дѣятельность студентовъ и гимназистовъ, при недостаткѣ хорошо подготовленныхъ домашнихъ учителей, не только полезна, но и необходима, онъ считалъ нужнымъ издать по этому предмету правила. Но Государственный Совѣтъ согласился съ мнѣніемъ Главноуправляющаго II Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, что разрѣшеніе воспитанникамъ учебныхъ заведеній заниматься преподаваніемъ въ частныхъ домахъ не можетъ по существу подлежать законодательному опредѣленію, и положилъ отнести этотъ вопросъ къ предметамъ распоряженій министра Народнаго Просвѣщенія. Наконецъ, Государственный Совѣтъ положилъ предоставить министру приступить къ составленію общаго Положенія изъ всѣхъ изданныхъ и сохраняющихъ силу постановленій о домашнихъ наставникахъ, учителяхъ и учительницахъ и о частныхъ начальныхъ учителяхъ и учительницахъ [239]).

IX.

Занятое пересмотромъ основъ общей учебной системы, Министерство Народнаго Просвѣщенія при А. В. Головнинѣ не успѣло выработать послѣдовательнаго и стройнаго ряда мѣръ по отношенію къ учебнымъ порядкамъ на окраинахъ. Когда же доведено было до конца преобразованіе общегосударственной учебной системы, тогда снова выдвинулся впередъ чрезвычайно важный и сложный вопросъ,—о согласованіи съ новой системой порядковъ, дѣйствовавшихъ на окраинахъ. Новой чертой въ политикѣ Министерства по этому вопросу при графѣ Толстомъ

является особенное вниманіе къ начальному народному образованію, тогда какъ предшествующіе министры сосредоточивались главнымъ образомъ на высшихъ и среднихъ училищахъ.

Въ прибалтійскомъ краѣ послѣ преобразованія Дерптскаго университета по новому уставу 1865 г. вниманіе Министерства обратилось къ среднимъ и низшимъ учебнымъ заведеніямъ. Относительно же Дерптскаго университета за время графа Толстаго могутъ быть отмѣчены нѣкоторыя, болѣе или менѣе крупныя, постановленія по частнымъ вопросамъ. Въ 1874 г., по ходатайству совѣта университета, штатное содержаніе его было увеличено на 21.750 р., предназначенныхъ на усиленіе личнаго состава, учебныхъ пособій и на хозяйственныя потребности. Это ходатайство было вызвано тѣмъ, что послѣ отобранія въ казну экономическаго капитала университета и введенія новаго устава Дерптскій университетъ утратилъ свое первенствующее нѣкогда матеріальное положеніе сравнительно съ другими университетами и не могъ удовлетворять нѣкоторыя важныя свои потребности. Въ 1879 г. по примѣру другихъ университетовъ измѣненъ былъ порядокъ оставленія на службѣ профессоровъ по выслугѣ 25-лѣтія. По уставу 1865 г. баллотированіе профессора происходило въ 2-хъ инстанціяхъ, въ факультетѣ и совѣтѣ, гдѣ для избранія требовалось $^2/_3$ голосовъ; университетъ же ходатайствовалъ, чтобы избраніе на новое пятилѣтіе совершалось только въ совѣтѣ, простымъ большинствомъ голосовъ, когда профессоръ представленъ факультетомъ, и $^2/_3$ голосовъ, когда онъ представленъ помимо факультета, однимъ изъ членовъ совѣта. Попечитель округа А. А. Сабуровъ поддержалъ это ходатайство, находя полезнымъ обезпечить университету болѣе продолжительную службу старшихъ его членовъ. Это должно было способствовать, говорилъ попечитель, уваженію къ преданіямъ университета и преклоненію передъ авторитетомъ выработавшихся въ немъ издавна взглядовъ и понятій, благодаря которымъ Дерптскій университетъ успѣлъ достичь процвѣтанія. 13 ноября 1879 г. § 51 устава измѣненъ былъ въ желаемомъ университетомъ смыслѣ.

При А. В. Головнинѣ выяснилось, что по отношенію къ среднимъ учебнымъ заведеніямъ Дерптскаго округа Министерству предстоятъ двѣ задачи: усилить по мѣрѣ возможности преподаваніе и употребленіе русскаго языка и разрѣшить вопросъ объ устройствѣ собственно *русскихъ* учебныхъ заведеній. Графъ Толстой не откладывалъ этого дѣла и $^1/_{13}$ іюня 1867 г. испросилъ черезъ

Комитетъ Высочайшее разрѣшеніе осуществить слѣдующія мѣры для усиленія преподаванія русскаго языка: 1) при 4-хъ низшихъ классахъ гимназій учредить параллельные классы русскаго языка съ увеличеніемъ числа учителей этого предмета; 2) опредѣлить учителя русскаго языка въ Дерптскую учительскую семинарію и учредить въ ней 4 стипендіи для русскихъ уроженцевъ; 3) въ особой комиссіи пересмотрѣть и исправить программы по русскому языку и составить инструкцію о методахъ его преподаванія; 4) въ одной изъ гимназій ввести преподаваніе на русскомъ языкѣ всеобщей исторіи; 5) Дерптское русское начальное училище преобразовать въ двухклассное; 6) улучшить матеріальное положеніе православныхъ законоучителей. Утверждая всѣ эти мѣры, Комитетъ Министровъ поручилъ графу Толстому «изыскать еще и другія средства, ведущія къ успѣшнѣйшему и скорѣйшему достиженію указанной цѣли». Такъ какъ первымъ условіемъ успѣховъ русскаго языка въ школахъ прибалтійскаго края было достаточное число учителей, которыхъ не могъ приготовлять мѣстный Дерптскій университетъ, то въ 1872—1873 г.г. учреждены были въ Московскомъ университетѣ и С.-Петербургскомъ историко-филологическомъ институтѣ 12 стипендій для приготовленія учителей русскаго языка для Дерптскаго округа.

Вопросъ о русскомъ языкѣ въ прибалтійскомъ краѣ былъ не только вопросомъ учебнымъ, но и административнымъ. Высочайшее повелѣніе 3 января 1850 г. о введеніи въ коронныхъ присутственныхъ мѣстахъ прибалтійскихъ губерній дѣлопроизводства на русскомъ языкѣ оставалось безъ исполненія по совершенному недостатку въ краѣ служащихъ, владѣющихъ русскимъ языкомъ. Тогда Комитетъ Министровъ положеніемъ 1 іюля 1867 г., утвердивъ предложенныя графомъ Толстымъ мѣры для усиленія преподаванія русскаго языка, обратилъ особое вниманіе всѣхъ министровъ и главноуправляющихъ на настоятельную необходимость совокупными усиліями всѣхъ вѣдомствъ исполнить наконецъ Высочайшую волю о русскомъ языкѣ въ дѣлопроизводствѣ присутственныхъ мѣстъ прибалтійскаго края. По предложенію министра попечитель Дерптскаго округа графъ Кейзерлингъ представилъ свои соображенія о томъ, что въ переписку учебныхъ заведеній съ разными присутственными мѣстами можетъ быть введенъ русскій языкъ, но что во внутреннемъ дѣлопроизводствѣ этихъ заведеній долженъ быть по необходимости сохраненъ языкъ, на которомъ ведется преподаваніе. Соображенія попечи-

теля были разсмотрѣны въ Совѣтѣ Министра, гдѣ составились два мнѣнія. Одни члены Совѣта находили, что переписка между учебными заведеніями и внутреннее въ нихъ дѣлопроизводство «не могутъ быть подводимы подъ общія условія дѣлопроизводства и бюрократическихъ формъ присутственныхъ мѣстъ. Здѣсь необходимъ полный просторъ въ употребленіи языка доступнаго; а потому требовать обязательнаго производства дѣлъ на русскомъ языкѣ, недостаточно еще усвоенномъ многими начальниками и преподавателями учебныхъ заведеній, значило бы подавить формою дѣйствительность и самую пользу дѣла или, иначе, поставить форму выше научныхъ цѣлей и педагогическихъ достоинствъ». Другіе члены Совѣта возражали, «что если задача учебныхъ заведеній Дерптскаго округа, въ особенности въ настоящее время, заключается въ распространеніи основательнаго знанія русскаго языка, то какимъ образомъ Министерство Народнаго Просвѣщенія, будучи, такъ сказать, главнѣйшимъ пропагаторомъ русской народности, могло бы допустить, чтобы тѣ же учебныя заведенія отчуждали отъ себя, по производству между собою переписки, употребленіе отечественнаго языка въ виду двухъ Высочайшихъ повелѣній». Генералъ-губернаторъ Альбединскій въ своемъ заключеніи по данному вопросу отозвался, что введеніе въ училищахъ Дерптскаго округа дѣлопроизводства на русскомъ языкѣ онъ находитъ «невозможнымъ и даже немыслимымъ». Споръ рѣшило Высочайшее повелѣніе 21 октября 1869 г.: 1) вмѣнить въ обязанность всѣмъ учебнымъ заведеніямъ Дерптскаго округа, содержимымъ вполнѣ или частью на счетъ казны, вести исключительно на русскомъ языкѣ переписку какъ съ коронными мѣстами и учрежденіями прибалтійскихъ губерній, такъ и внѣ оныхъ съ высшими и общими государственными установленіями и вообще съ губернскими присутственными мѣстами и 2) подтвердить дѣйствіе Высочайшаго повелѣнія 16 декабря 1836 г. объ опредѣленіи въ должности директоровъ и инспекторовъ гимназій и прогимназій, а равно и смотрителей уѣздныхъ училищъ, лицъ, которыя, при требуемыхъ для того качествахъ и способностяхъ, будутъ основательно знать русскій языкъ. Въ 1870 г. въ распоряженіе директоровъ гимназій Дерптскаго округа было отпущено 4.480 руб. на усиленіе канцелярскихъ средствъ для русской переписки.

Мысль графа Шувалова объ учрежденіи въ прибалтійскомъ краѣ русскихъ гимназій встрѣтила полное сочувствіе со стороны

его преемниковъ по должности генералъ-губернатора, графа Баранова и Альбединскаго. Графъ Толстой съ своей стороны также раздѣлялъ убѣжденіе въ пользѣ этой мѣры, и въ теченіе 1868—1871 гг. постепенно были открыты двѣ мужскія русскія гимназіи въ Ригѣ и Ревелѣ, подчиненныя дѣйствію общаго гимназическаго устава, сначала 1864-го, а потомъ 1871 г., и женская Ломоносовская гимназія въ Ригѣ на основаніи общаго Положенія о женскихъ гимназіяхъ. Но вводя эти первые опыты распространенія общей системы среднихъ учебныхъ заведеній на Дерптскій округъ, Министерство не препятствовало, однако, дальнѣйшему развитію нѣмецкихъ гимназій: въ 1874 г. пятиклассная городская гимназія въ Ригѣ была преобразована въ семиклассную, съ раздѣленіемъ курса старшаго возраста на классическое и реальное отдѣленія, и вновь учреждена Лифляндская общественная гимназія на средства дворянства; для обѣихъ гимназій составлены были особые уставы.

Принимая отъ своего предшественника дѣло объ очередныхъ задачахъ Министерства по отношенію къ Дерптскому округу, графъ Толстой высказалъ мысль, что корень вопроса лежитъ въ народныхъ училищахъ, которыя послѣ 1820 г., по разновременнымъ постановленіямъ, постепенно отходили изъ вѣдѣнія Министерства Народнаго Просвѣщенія. Евангелическо-лютеранскія школы находились въ вѣдѣніи лютеранскаго духовенства и дворянства, школы для православнаго населенія—въ вѣдѣніи православнаго духовенства. Когда Министерство возбудило вопросъ о подчиненіи всѣхъ народныхъ училищъ прибалтійскаго края его надзору, дворянство единогласно заявило, что въ такомъ случаѣ оно откажется отъ поддержанія школъ, на которыя оно расходовало ежегодно до 50 тыс. руб. Къ тому же устраненіе дворянства отъ завѣдыванія народнымъ образованіемъ могло бы неблагопріятно повліять на положеніе сельскаго населенія, поставленнаго въ тѣсную зависимость отъ дворянства. По этимъ соображеніямъ мысль о подчиненіи всѣхъ вообще народныхъ училищъ прибалтійскаго края Министерству была оставлена, но въ концѣ 60-хъ годовъ генералъ-губернаторъ Альбединскій возбудилъ вопросъ о надзорѣ Министерства надъ православными приходскими и такъ называемыми вспомогательными школами, подчиненными по правиламъ 1 мая 1850 г. духовенству. Число этихъ школъ къ 1870 г. достигло 369 съ 9.000 учащихся обоего пола. Но бѣдность духовенства и крестьянъ, отсутствіе матеріальной поддержки со стороны дворянства, равнодушіе мѣстныхъ властей мѣшали развитію

этихъ школъ, и онѣ влачили самое жалкое существованіе. Между тѣмъ не только отъ православныхъ, но даже и отъ лютеранскихъ сельскихъ обществъ поступали ходатайства объ учрежденіи школъ съ учителями русскаго языка. Бѣдственное положеніе православныхъ школъ обратило на себя вниманіе генералъ-губернатора Альбединскаго, и въ іюлѣ 1868 г. онъ исходатайствовалъ имъ ежегодное пособіе въ 10 тыс. рублей, а затѣмъ составилъ планъ новаго порядка управленія православными школами. Разсмотрѣнныя Ученымъ Комитетомъ Министерства и Святѣйшимъ Синодомъ предположенія генералъ-губернатора были изложены имъ во всеподданнѣйшей запискѣ отъ 15 октября 1869 г. и по Высочайшему повелѣнію переданы министру Народнаго Просвѣщенія. 22 ноября министръ внесъ въ Комитетъ Министровъ свое представленіе, вполнѣ согласное съ планомъ генерала Альбединскаго. Комитетъ положилъ передать это дѣло въ Департаментъ Экономіи Государственнаго Совѣта, министръ же особымъ докладомъ 17 декабря испросилъ Высочайшее соизволеніе на выдачу единовременнаго пособія въ 20 тыс. руб. изъ смѣты Министерства православнымъ сельскимъ школамъ и на устройство новаго управленія ими: оно должно было сосредоточиваться въ особомъ Совѣтѣ изъ представителей духовнаго и учебнаго вѣдомствъ (епархіальнаго архіерея, ректора Рижской семинаріи, попечителя округа или его помощника, директора Рижской Александровской гимназіи) подъ предсѣдательствомъ генералъ-губернатора и въ приходскихъ попечительствахъ изъ крестьянъ подъ предсѣдательствомъ мѣстнаго священника. Этотъ порядокъ былъ окончательно утвержденъ 2 марта 1870 г. мнѣніемъ Государственнаго Совѣта, который, сверхъ того, постановилъ: училища, устраиваемыя на счетъ правительства, подчинить попечителю округа; устроить семинарію для приготовленія русскихъ учителей въ народныя училища прибалтійскаго края; на учрежденіе семинаріи, на устройство новыхъ училищъ и на пособія существующимъ вносить въ смѣту Министерства съ 1871 г. по 30.000 руб. въ годъ. Скоро самъ Совѣтъ по дѣламъ православныхъ сельскихъ училищъ прибалтійскихъ губерній черезъ своего предсѣдателя, князя Багратіона, сталъ ходатайствовать о подчиненіи училищъ непосредственному вѣдѣнію Министерства. Крайне неудовлетворительное состояніе православныхъ школъ, особенно по сравненію съ матеріально обезпеченными и прекрасно организованными лютеранскими школами, Совѣтъ объяснилъ отсутствіемъ сколько нибудь правильнаго

надзора и руководства ими. Самъ же Совѣтъ, по собственному признанію, какъ учрежденіе коллегіальное и неимѣющее спеціальныхъ органовъ, не былъ въ состояніи удовлетворить требованіямъ такого надзора и руководства. Съ своей стороны князь Багратіонъ присовокупилъ, что подчиненіе сельскихъ православныхъ училищъ непосредственно Министерству Народнаго Просвѣщенія должно послужить первымъ, но прочнымъ шагомъ къ установленію ближайшихъ отношеній этого Министерства вообще къ дѣлу начальнаго народнаго образованія въ прибалтійскомъ краѣ. 24 апрѣля мнѣніемъ Государственнаго Совѣта, по представленію графа Толстого, было постановлено подчинить съ 1 іюля 1873 г. сельскія православныя училища и обученіе въ домахъ православныхъ жителей прибалтійскаго края вѣдѣнію начальства Дерптскаго учебнаго округа, учредить при округѣ двѣ должности инспекторовъ народныхъ училищъ и предоставить министру составить, по соглашенію съ мѣстнымъ генералъ-губернаторомъ, правила для руководства инспекторовъ.

Такъ законами 2 марта 1870 г. и 24 апрѣля 1873 г. было вновь положено начало распространенію общегосударственной системы управленія начальнымъ образованіемъ на прибалтійскій край. Подробности этого управленія и внутренняго устройства православныхъ школъ были опредѣлены изданными Министерствомъ Правилами для этихъ школъ 26 января 1870 г. и Инструкціей учителямъ 2 ноября 1874 г. Евангелическо-лютеранскія школы по 13 сентября 1860 г. и 25 апрѣля 1875 г. по прежнему остались въ вѣдѣніи дворянства и лютеранскаго духовенства, причемъ Высочайше повелѣно было составить для всѣхъ евангелическо-лютеранскихъ школъ прибалтійскихъ школъ одно общее Положеніе [240]).

Также и въ западныхъ губерніяхъ, въ учебныхъ округахъ Виленскомъ и Кіевскомъ, графъ Толстой считалъ особенно важнымъ дѣломъ развитіе народныхъ и особыхъ женскихъ училищъ. Онъ вполнѣ раздѣлялъ мнѣніе бывшаго Виленскаго генералъ-губернатора М. Н. Муравьева, что въ западномъ краѣ число среднихъ учебныхъ заведеній слишкомъ велико, и находилъ, «что едва ли полезно сохранять въ западномъ краѣ большое число мужскихъ среднихъ заведеній и въ особенности классическихъ, когда многіе изъ ихъ воспитанниковъ могутъ встрѣтить затрудненіе въ поступленіи въ высшія учебныя заведенія, гдѣ число студентовъ польскаго происхожденія ограничено». Съ другой стороны, по мнѣ-

нію графа Толстаго, «правительству сколько по нравственнымъ, столько же и по политическимъ соображеніямъ, слѣдовало не отвлекать отъ народа лучшія силы, ставя крестьянъ путемъ гимназическаго образованія въ несвойственное ихъ рожденію положеніе, а развивать эти силы путемъ приходскихъ и ремесленныхъ школъ и сохранять ихъ народу для его же нуждъ; исключительнымъ же талантамъ изъ крестьянъ всегда найдется мѣсто въ существующихъ гимназіяхъ». Это мнѣніе, что въ западныхъ губерніяхъ полезнѣе учреждать народныя и ремесленныя училища, чѣмъ размножать гимназіи и прогимназіи для высшихъ классовъ, было принято Комитетомъ Министровъ и Высочайше одобрено 20 января 1867 г. Не менѣе важнымъ представлялось графу Толстому и дѣло женскаго образованія въ западныхъ губерніяхъ, поддерживать которое онъ предполагалъ двумя средствами: 1) устройствомъ нѣсколькихъ казенныхъ училищъ и 2) пособіями лицамъ русскаго происхожденія, содержащимъ частные женскіе пансіоны. «Деньги, употребленныя на это дѣло», говорилъ графъ, «не пропадутъ даромъ: какъ бы ни казалась сначала незначительною сила русскаго вліянія, но если въ дѣлѣ народнаго воспитанія неуклонно будутъ слѣдовать разъ принятой системѣ, напередъ всесторонне обсужденной, то можно сказать съ увѣренностью, что съ теченіемъ времени эта сила обнаружитъ въ результатахъ свое полезное дѣйствіе: религіозный и политическій фанатизмъ, который до сего времени составлялъ и отчасти составляетъ въ краѣ основу женскаго воспитанія, неминуемо ослабѣетъ, ибо не будетъ поприща для такого рода дѣятельности, которая имѣла бы цѣлью возбужденіе презрѣнія и ненависти ко всему русскому». Во всѣхъ вообще преобразованіяхъ по западнымъ губерніямъ графъ Толстой рекомендовалъ соблюдать постепенность: по его словамъ, «всякое преобразованіе, клонящееся къ усиленію русской народности, а тѣмъ болѣе единовременное преобразованіе съ этою цѣлью всей учебной системы, неминуемо вызоветъ тайное противодѣйствіе во враждебной порядку части общества».

Эти общіе взгляды легли въ основаніе мѣропріятій, осуществленныхъ графомъ Толстымъ въ сѣверо-и юго-западныхъ губерніяхъ, въ предѣлахъ Виленскаго и Кіевскаго учебныхъ округовъ, по Высочайше утвержденнымъ мнѣніямъ Государственнаго Совѣта: 8 іюля 1868 г.—о преобразованіи среднихъ учебныхъ заведеній въ сѣверо-западномъ краѣ и 26 мая 1869 г.—объ устройствѣ училищной части въ Кіевской, Подольской и Волынской губерніяхъ.

Преобразованіе въ 1868 г. среднихъ учебныхъ заведеній въ Виленскомъ округѣ явилось дальнѣйшимъ исполненіемъ предначертаній Западнаго Комитета, Высочайше одобренныхъ еще въ 1864 г.: гимназіи въ Свенцянахъ и Новогрудкѣ, съ состоящими при нихъ дирекціями, и прогимназія въ Тельшахъ были упразднены, а взамѣнъ ихъ открыты двухклассныя уѣздныя училища; прогимназія Виленская преобразована въ гимназію, а прогимназіи Брестъ-Литовская и Бобруйская устроены по общему уставу и штатамъ 1864 г.; этому же уставу подчинена Слуцкая гимназія, изъятая изъ вѣдѣнія Виленскаго реформатскаго синода. Въ югозападномъ краѣ подверглись преобразованію дворянскія и уѣздныя училища: вопреки предположеніямъ попечителя Кіевскаго округа о преобразованіи всѣхъ этихъ училищъ въ прогимназіи, графъ Толстой нашелъ возможнымъ допустить это преобразованіе лишь тамъ, гдѣ преобладаетъ русскій православный элементъ. На этомъ основаніи въ 1868 г. были преобразованы въ гимназіи два Кіевскихъ, Златопольское и Острогское дворянскія и уѣздныя училища. Въ 1869 г. постановлено было упразднить 5 дворянскихъ и 1 уѣздное училище, а вмѣсто нихъ открыть 32 двухклассныхъ мужскихъ городскихъ училища, съ приготовительными классами и смѣнами для обученія дѣвочекъ, и столько же двухклассныхъ женскихъ училищъ.

Для народныхъ училищъ сѣверо-западнаго края оставлены были въ силѣ Временныя Правила 23 марта 1863 г., дополненныя нѣкоторыми новыми постановленіями, имѣвшими цѣлью усилить правительственный контроль надъ училищами и организовать приготовленіе народныхъ учителей: въ 1866 г. были учреждены двѣ новыя дирекціи народныхъ училищъ, Гродненская и Могилевская, по примѣру уже существующихъ; въ 1872 г. увеличена на 6.000 руб. сумма, ассигнованная на разъѣзды инспекторовъ народныхъ училищъ. Въ справедливомъ сознаніи, что «достоинство школъ находится въ прямой зависимости отъ достоинства учителей, отъ ихъ нравственныхъ качествъ, отъ ихъ подготовленности», Министерство не ограничилось одной учительской семинаріей въ Молодечнѣ, получившей въ 1870 г. новый уставъ, который сталъ образцомъ для этого рода учебныхъ заведеній: въ 1872 г. были учреждены учительскія семинаріи въ Полоцкѣ и Поневѣжѣ и въ 1874 г.—въ Несвижѣ; въ томъ же году открытъ учительскій институтъ въ Вильнѣ.

Продолжая въ Виленскомъ учебномъ округѣ мѣры, начатыя

при А. В. Головнинѣ, графъ Толстой долженъ былъ составить новый планъ устройства народнаго образованія въ юго-западныхъ губерніяхъ, такъ такъ проектъ А. В. Головнина по этому вопросу не былъ принятъ вслѣдствіе возраженій, сдѣланныхъ графомъ Толстымъ, какъ оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Синода. Получивъ черезъ Комитетъ Министровъ Высочайшее одобреніе своимъ взглядамъ на задачи народнаго образованія въ юго-западномъ краѣ, министръ весной 1869 г. внесъ въ Государственный Совѣтъ проекты, касавшіеся устройства въ этомъ краѣ разныхъ группъ училищъ, и 26 мая послѣдовало Высочайшее повелѣніе: при управленіи Кіевскаго учебнаго округа назначить 6 инспекторовъ народныхъ училищъ *); для приготовленія учителей учредить учительскую семинарію по образцу Молодечнинской; открывать одноклассныя народныя училища въ тѣхъ селеніяхъ, въ которыхъ состоятся приговоры обществъ объ отводѣ помѣщеній и принятіи ими на себя разныхъ хозяйственныхъ расходовъ, причемъ расходъ казны на каждое училище не долженъ превышать 226 руб.; на содержаніе инспекціи, на поддержаніе и поощреніе начальныхъ и приходскихъ училищъ, на субсидіи женскимъ пансіонамъ ассигновать по 75.400 руб. въ годъ. Одновременно было утверждено «Положеніе о народныхъ училищахъ въ губерніяхъ Кіевской, Подольской и Волынской». Его дѣйствію подчинены училища одноклассныя сельскія и двухклассныя городскія, мужскія и женскія. Онѣ находятся подъ ближайшимъ надзоромъ окружныхъ инспекторовъ, составляющихъ совѣтъ инспекціи подъ предсѣдательствомъ попечителя округа или его помощника. Надзоръ инспекціи распространяется также на всѣ частныя училища на степени уѣздныхъ, на еврейскія и другія училища для первоначальнаго обученія. Церковно-приходскія школы могутъ быть поручаемы надзору инспекціи по соглашенію министра съ епархіальнымъ начальствомъ. Непосредственными блюстителями одноклассныхъ училищъ являются законоучители, двухклассныя же управляются особыми смотрителями. Въ одноклассныхъ училищахъ проходится обычный кругъ элементарныхъ предметовъ; въ двухклассныхъ онъ дополняется исторіей, географіей, пѣніемъ, черченіемъ, рукодѣліемъ. Всѣ предметы преподаются на русскомъ языкѣ по одобреннымъ учебникамъ. При училищахъ обоихъ разрядовъ могутъ быть учреждаемы классы для взрослыхъ. Служеб-

*) Въ 1873 г. число инспекторовъ было удвоено.

ныя права преподавателей и смотрителей опредѣлены по соотвѣтствующимъ штатамъ для Виленскаго округа. На содержаніе одного двухклассснаго училища назначено по штату 3.250 руб. Учительская семинарія временно была учреждена въ Кіевѣ, а затѣмъ переведена въ м. Коростышевъ Кіевской губерніи. Въ 1875 г. была открыта еще учительская семинарія въ г. Острогѣ. 14 февраля 1877 г. по докладу министра Высочайше повелѣно было распространить на юго-западныя губернія постановленія о приготовленіи кандидатовъ въ учительскія семинаріи при двухклассныхъ училищахъ.

Согласно съ предположеніями попечителя Виленскаго округа, вновь открываемыя женскія училища въ сѣверо-западномъ краѣ предназначались преимущественно для образованныхъ, высшихъ классовъ. Дѣвочки же изъ низшихъ классовъ могли пользоваться особыми, предназначенными для нихъ, смѣнами при двухклассныхъ уѣздныхъ училищахъ. Но учреждать женскія училища всецѣло на счетъ казны не позволяли скудныя денежныя средства, которыми располагало Министерство. Поэтому вмѣсто дорого стоющихъ казенныхъ училищъ и въ виду невозможности устроить ихъ на казенный счетъ разомъ столько, сколько требуется, признано было болѣе выгоднымъ и удобнымъ вызывать, направлять и поддерживать частную дѣятельность. Объясняя въ представленіи Государственному Совѣту эту систему казенныхъ субсидій, графъ Толстой указывалъ ея различіе отъ прежней въ томъ, что пособія должны были отнынѣ назначаться не лицу, а училищу даннаго города съ тѣмъ, чтобы училища открывались въ опредѣленныхъ городахъ имѣющими на то право лицами православнаго исповѣданія или благонадежнѣйшими изъ лютеранокъ. 8 іюля 1868 г., вмѣстѣ съ преобразованіемъ среднихъ учебныхъ заведеній и мѣрами по начальному образованію, было постановлено: назначить ежегодное денежное пособіе частнымъ женскимъ училищамъ: двухклассснымъ въ 15 городахъ по 700 руб. на каждое, и одноклассснымъ въ 16 городахъ—по 385 руб.; Полоцкому образцовому пансіону оставить прежнее пособіе въ 2.000 руб. и Витебскій пансіонъ закрыть; въ распоряженіе попечителя округа отпустить 1.500 руб. на стипендіи для бѣдныхъ дѣвицъ. Всего ассигновано на пособія женскимъ училищамъ 20.160 руб. *).

---

*) Кромѣ того, въ Минскѣ и Витебскѣ существовали женскія гимназіи, состоявшія въ вѣдѣніи IV Отдѣленія Собственной Его Величества Канцеляріи.

Въ юго-западныхъ губерніяхъ большее развитіе дано было казеннымъ женскимъ училищамъ; на пособія же содержательницамъ частныхъ женскихъ пансіоновъ отпущено по 5.000 руб. въ годъ, въ томъ числѣ 1.500 руб. училищу въ г. Острогѣ, учрежденному Кирилло-Меѳодіевскимъ братствомъ. По Положенію 26 мая 1869 г. параллельно мужскимъ открыты были въ томъ же числѣ двухклассныя женскія училища. Для приготовленія этимъ училищамъ способныхъ и благонадежныхъ учительницъ изъ русскихъ дѣвицъ православнаго исповѣданія, а также начальныхъ и домашнихъ учительницъ, были основаны: женская гимназія въ Кіевѣ и прогимназіи въ г. Немировѣ и мѣстечкахъ Бѣлой Церкви и Златополѣ, для которыхъ издано особое Положеніе по образцу общаго Положенія 10 мая 1860 г. о женскихъ училищахъ вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія, но съ нѣкоторыми частными отступленіями по мѣстнымъ условіямъ. Таково въ главныхъ чертахъ было новое устройство учебныхъ заведеній въ западныхъ губерніяхъ. Особыя постановленія о добавочномъ жалованьѣ и о казенныхъ стипендіяхъ поддерживали русскій элементъ среди учащихъ и учащихся [241]).

Ко времени возстановленія Варшавскаго учебнаго округа въ 1867 г. уже были изданы главныя узаконенія во исполненіе Высочайшей воли, выраженной въ рескриптѣ 30 августа 1864 г.,— дать Царству Польскому систему учебныхъ заведеній, приспособленную къ потребностямъ разныхъ классовъ и народностей. Теперь на Министерство снова возлагалась задача содѣйствовать всѣми зависящими отъ него средствами предпринятому правительствомъ полному объединенію Царства, только что оправившагося отъ политической смуты, съ Имперіей.

Рескриптъ 30 августа 1864 года повелѣвалъ Намѣстнику Царства озаботиться преобразованіемъ Варшавской Главной Школы, существовавшей на основаніи устава $^{8}/_{20}$ мая 1862 г., въ университетъ. По плану, представленному Правительственной Комиссіей Народнаго Просвѣщенія Совѣту Управленія Царства, школа уравнивалась въ правахъ удостоенія разныхъ званій и ученыхъ степеней съ русскими университетами, сохраняя характеръ польскаго университета. Въ Совѣтѣ этотъ проектъ встрѣтилъ энергичныя возраженія со стороны членовъ: князя Черкасскаго, Заболоцкаго, Соловьева, Брауншвейга: они настаивали на мысли, что университетъ въ Варшавѣ долженъ быть чисто-русскій, потому что польскій университетъ могъ бы сдѣлаться такимъ

же центромъ политической пропаганды, какимъ въ свое время былъ Виленскій; русскій же университетъ въ Варшавѣ могъ быть устроенъ только постепенно. Въ январѣ 1867 г. бывшій Главный Директоръ Народнаго Просвѣщенія тайный совѣтникъ Витте представилъ всеподданнѣйшую записку о ходѣ преобразованій учебной части въ Царствѣ Польскомъ съ 30 августа 1864 г. Витте считалъ дальнѣйшее существованіе Главной Школы, какъ чисто польскаго учебнаго заведенія, съ польскимъ преподавательскимъ языкомъ и съ правомъ удостоенія высшихъ ученыхъ степеней, положительно вреднымъ и лично изложилъ Государю свое мнѣніе о необходимости преобразованія Главной Школы въ университетъ. По Высочайшемъ одобреніи этого мнѣнія записка Витте была передана въ Комитетъ по дѣламъ Царства Польскаго, который положилъ, что преобразованіе Главной Школы въ университетъ должно быть произведено въ томъ же духѣ и направленіи единенія съ Россіей, какіе положены въ основаніе всѣхъ учебныхъ реформъ въ Царствѣ съ 1864 г. Теперь эти задачи были возложены на министра Народнаго Просвѣщенія. Ознакомившись осенью 1868 г. съ положеніемъ учебнаго дѣла въ привислинскомъ краѣ, графъ Толстой также пришелъ къ убѣжденію въ необходимости какъ можно скорѣе преобразовать Главную Школу въ русскій университетъ, чтобы отвлечь польскую молодежь отъ университетовъ Краковскаго и Львовскаго. Но, выполняя Высочайшую волю о распространеніи на новый университетъ, сообразно мѣстнымъ условіямъ, правъ и преимуществъ, дарованныхъ университетамъ уставомъ 1863 г., графъ Толстой считалъ болѣе полезнымъ руководиться при составленіи проекта устава Варшавскаго университета также общимъ уставомъ 1835 г., чтобы усилить непосредственное вліяніе Министерства на университетъ. Составленные Министерствомъ проекты устава и штатовъ были препровождены на предварительное разсмотрѣніе и заключеніе намѣстника Царства и министра Финансовъ. Графъ Бергъ высказался въ пользу сохраненія преподаванія нѣкоторыхъ предметовъ на польскомъ языкѣ; замѣчанія же статсъ-секретаря Рейтерна клонились къ сокращенію предположенныхъ штатовъ. Окончательно проекты были разсмотрѣны въ Комитетѣ по дѣламъ Царства Польскаго и Высочайше утверждены 8 іюня 1869 г. указами Правительствующему Сенату. На содержаніе университета обращены 132.100 руб., ассигнуемые на Главную Школу, и сверхъ того 79.860 руб. изъ Государственнаго Казначейства.

Особенности внутренней организаціи Варшавскаго университета, согласно мысли графа Толстаго, были направлены къ двумъ главнымъ цѣлямъ: усиленію непосредственнаго вліянія Министерства и преобладанію русскихъ элементовъ. Отступленія отъ устава 1863 г. касались слѣдующихъ пунктовъ: должности ректора и инспектора замѣщаются по назначенію; хотя совѣту университета и присвоено право выбора профессоровъ и другихъ служащихъ, но министру дано право назначать профессоровъ на вакантныя каѳедры по собственному усмотрѣнію; этимъ же правомъ пользуется попечитель относительно лицъ, утвержденіе которыхъ предоставлено его власти; назначаемые самимъ министромъ профессоры не подвергаются баллотированію по выслугѣ 25-лѣтія и продолжаютъ службу по усмотрѣнію министра; совѣту не предоставлены права ходатайства объ учрежденіи ученыхъ обществъ, выбора почетныхъ членовъ, удостоенія званія почетныхъ докторовъ, приготовленія молодыхъ людей къ профессурѣ: снабжать преподавателями Варшавскій университетъ должны прочіе университеты; судебно-дисциплинарная власть надъ студентами ввѣряется инспектору, власть котораго вообще усилена, правленію и особому суду изъ трехъ профессоровъ по выбору совѣта; понижены условія относительно ученыхъ степеней для пріобрѣтенія профессорскаго званія; измѣнено число каѳедръ; для студентовъ введена форменная одежда; стѣсненъ доступъ постороннимъ слушателямъ. Особыя мѣры были приняты для доставленія преобладанія въ университетѣ русскому элементу: ректора и инспектора предположено назначать изъ природныхъ русскихъ; служащимъ русскаго происхожденія даны особыя служебныя преимущества на основаніи указа 30 іюля 1867 г.; русскій языкъ сдѣланъ обязательнымъ въ преподаваніи и дѣлопроизводствѣ, для диссертацій, публичныхъ рѣчей, студенческихъ сочиненій на преміи; въ 1870—1871 г. были сосредоточены въ Варшавскомъ университетѣ учрежденныя въ другихъ университетахъ казенныя стипендіи для русскихъ уроженцевъ Царства Польскаго православнаго и греко-уніатскаго исповѣданія. 5 мая 1872 г. состоялось Высочайшее повелѣніе о назначеніи всѣхъ безъ исключенія лицъ учебнаго персонала университета непосредственно правительственною властью.

Полное объединеніе Царства Польскаго съ остальными частями Имперіи требовало также подчиненія среднихъ учебныхъ заведеній Царства общимъ уставамъ. Но пока Министерство занято

было выработкой общей реформы средняго образованія, оно могло вводить въ Варшавскомъ учебномъ округѣ лишь нѣкоторыя подготовительныя мѣры. Высочайше утвержденнымъ 6 апрѣля 1867 г. положеніемъ Комитета по дѣламъ Царства Польскаго графу Толстому поставлено было въ обязанность пересмотрѣть существующее въ Царствѣ раздѣленіе среднихъ учебныхъ заведеній на категоріи польскихъ, русскихъ, смѣшанныхъ и нѣмецкихъ и постепенно уравнять ихъ путемъ усиленія преподаванія на русскомъ языкѣ. На основаніи предположеній попечителя округа, вполнѣ одобренныхъ графомъ Толстымъ, 10 февраля 1868 г. было постановлено: съ начала слѣдующаго учебнаго года во всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Варшавскаго округа, въ которыхъ преподаваніе ведется на польскомъ языкѣ, замѣнить его русскимъ для всѣхъ физико-математическихъ и историческихъ предметовъ; въ нѣмецкихъ же училищахъ ввести преподаваніе на русскомъ языкѣ всеобщей исторіи и географіи. Распространить эту мѣру на преподаваніе древнихъ языковъ графъ Толстой не рѣшился по недостатку знающихъ русскій языкъ учителей. Но скоро, 1 мая 1869 г., послѣдовало Высочайшее повелѣніе о преподаваніи въ польскихъ и нѣмецкихъ среднихъ школахъ Варшавскаго округа всѣхъ предметовъ на русскомъ языкѣ. Въ частныхъ училищахъ русскій языкъ сдѣланъ былъ обязательнымъ только для преподаванія физико-математическихъ и историческихъ наукъ. Но содержатели и содержательницы этихъ училищъ были предупреждены, что русскій языкъ впослѣдствіи, когда тó признаетъ благовременнымъ Министерство Народнаго Просвѣщенія, будетъ распространенъ и на другіе предметы преподаванія.

Какъ скоро получилъ законодательную санкцію новый общій уставъ гимназій и прогимназій, графъ Толстой предложилъ попечителю Варшавскаго округа представить свои соображенія о распространеніи этого устава на учебныя заведенія Царства Польскаго съ тѣмъ, чтобы отклоненія отъ общихъ постановленій оправдывались лишь неотложными мѣстными потребностями. Представленный затѣмъ Министерствомъ проектъ былъ единогласно одобренъ Комитетомъ по дѣламъ Царства Польскаго и Высочайше утвержденъ 6 іюня 1872 г. Измѣненія въ общемъ уставѣ коснулись какъ управленія, такъ и учебныхъ плановъ гимназій и прогимназій. Въ административномъ отношеніи онѣ были поставлены внѣ всякаго вліянія мѣстнаго общества. Исключая изъ устава всѣ статьи о почетныхъ попечителяхъ гимназій и о пансіонахъ,

содержимыхъ на средства мѣстныхъ обществъ, Министерство руководилось соображенiемъ, что «допущенiе малѣйшаго участiя польской шляхты и ксендзовъ въ учебной администрацiи могло бы пробудить въ легкомысленныхъ умахъ надежду на возвращенiе прежней шляхетно-клерикальной опеки надъ учебными заведенiями, которая во время своего господства, выразившагося особенно въ уставѣ объ общественномъ воспитанiи 1862 г., повела учебное дѣло въ краѣ по направленiю, несогласному съ началами государственнаго единства, положенными въ основанiе нынѣшней системы образованiя мѣстнаго населенiя». Другiя отклоненiя отъ общихъ порядковъ учебной администрацiи не имѣли важнаго значенiя и вызывались соображенiями чисто формальнаго свойства. Учебный планъ устава 1871 г. примѣненъ былъ къ гимназiямъ Варшавскаго округа съ тѣмъ только измѣненiемъ, что въ гимназiяхъ, въ которыхъ преобладалъ среди учащихся польскiй элементъ, введено было преподаванiе польскаго языка для желающихъ, безъ стѣсненiя основныхъ предметовъ.

По вопросу о финансовой сторонѣ реформы мнѣнiя въ Комитетѣ по дѣламъ Царства Польскаго разошлись: 4 члена, считая совершенно неотложнымъ дѣломъ распространенiе на Варшавскiй округъ общаго устава гимназiй, предлагали немедленно испросить изъ Государственнаго Казначейства необходимую добавочную сумму (65.880 руб. въ годъ); другiе три члена полагали возможнымъ отложить реформу до разсмотрѣнiя ея въ связи съ общими смѣтными предположенiями на 1873 г. Съ этимъ послѣднимъ мнѣнiемъ согласился Государь, и 30 апрѣля 1873 г. были утверждены штаты гимназiй и прогимназiй Варшавскаго округа. Для полноты реформы средняго образованiя въ привислинскомъ краѣ требовалось еще распространить на Варшавскiй округъ общiй уставъ реальныхъ училищъ, что и было исполнено въ силу Высочайшаго повелѣнiя 11 февраля 1874 г.

Начальное народное образованiе въ Привислинскомъ краѣ, по взгляду графа Толстаго, «имѣло особое политическое значенiе, такъ какъ тамъ одно лишь крестьянское сословiе, хотя и чуждое намъ по языку и вѣрѣ, не питаетъ вообще непрiязненныхъ чувствъ къ Россiи, ибо не проникло еще сепаратистическими мечтанiями, будучи предано почти исключительно матерiальнымъ интересамъ»; правительству необходимо поддержать это настроенiе и даже усилить его. Законъ 30 августа 1864 г. о начальныхъ школахъ оставался неизмѣннымъ въ законодательномъ порядкѣ,

но рядомъ административныхъ распоряженій дѣйствіе нѣкоторыхъ его статей было ограничено въ политическихъ видахъ. Такъ по ст. 38-й этого закона выборъ учителей предоставлялся мѣстнымъ гминнымъ и сельскимъ обществамъ, а по ст. 48-й преподаваніе во всѣхъ начальныхъ училищахъ должно было производиться на природномъ языкѣ жителей. Но во всеподданнѣйшемъ отчетѣ объ осмотрѣ Варшавскаго округа въ 1868 г. графъ Толстой указалъ на проистекающія отъ этихъ статей неудобства, особенно на то, что помѣщики и ксендзы заставляютъ сельскія общества выбирать такихъ учителей, которые по ихъ политической неблагонадежности не могутъ быть утверждаемы учебнымъ начальствомъ. По словесному Высочайшему повелѣнію министръ въ 1871 г. словесно же сдѣлалъ распоряженіе о постепенномъ введеніи въ начальныхъ училищахъ Варшавскаго округа преподаванія на русскомъ языкѣ, а также о назначеніи учителей по возможности самими начальниками учебныхъ дирекцій. Въ 1879 г. при назначеніи попечителемъ округа т. с. Апухтина ему было предложено по возможности не допускать ксендзовъ или допускать ихъ съ величайшею осторожностью къ преподаванію въ начальныхъ училищахъ. Эту осторожность учебнаго начальства вполнѣ раздѣляла и высшая мѣстная администрація, имѣвшая возможность наблюдать, что ксендзъ, допущенный къ должности законоучителя, всегда становится главнымъ руководителемъ школы, всецѣло подчиняя своему вліянію свѣтскаго учителя. Не менѣе важнымъ дѣломъ графъ считалъ подготовку учителей, «получившихъ солидное русское образованіе, согласное съ видами Правительства». Во всеподданнѣйшемъ отчетѣ объ осмотрѣ учебныхъ заведеній Варшавскаго округа въ 1868 г. министръ предложилъ нѣкоторыя преобразованія въ организаціи педагогическихъ курсовъ для народныхъ учителей: назначеніе инспекторовъ и учителей изъ природныхъ русскихъ, преподаваніе всѣхъ предметовъ на русскомъ языкѣ, устройство общежитій, учрежденіе стипендій для русскихъ уроженцевъ западнаго края, открытіе новыхъ педагогическихъ курсовъ. 30 ноября Государь положилъ резолюцію: «Все это нахожу совершенно справедливымъ». 16 февраля 1871 г. состоялось постановленіе объ учрежденіи новыхъ педагогическихъ курсовъ въ Кѣлецкой и Калишской учебныхъ дирекціяхъ. По Высочайшему повелѣнію 11 декабря 1872 г. всѣ педагогическіе курсы Варшавскаго округа, существовавшіе на основаніи устава $^{5}/_{17}$ января 1866 г., были переименованы въ учительскія семинаріи. 5 февраля

1869 г. и 1 іюля 1875 г. были отмѣнены наименованія учебныхъ заведеній Варшавскаго округа, въ томъ числѣ и начальныхъ училищъ, по національностямъ и вѣроисповѣданіямъ. 22 декабря 1867 г. на русскія православныя начальныя училища распространены льготы по денежнымъ пособіямъ, предоставленныя греко-уніатскимъ училищамъ. Съ 1872 г. введено обязательное преподаваніе русскаго языка въ начальныхъ училищахъ. 13 мая 1879 г. на русскихъ учителей начальныхъ училищъ Царства, переходящихъ на классныя должности въ Варшавскомъ учебномъ округѣ, распространены правила о преимуществахъ чиновниковъ русскаго происхожденія, служащихъ въ Царствѣ.

Такъ, наконецъ, въ результатѣ всѣхъ изложенныхъ мѣропріятій, графу Толстому удалось и народное образованіе въ Царствѣ Польскомъ подчинить общегосударственной системѣ [242]).

Въ восточныхъ губерніяхъ и областяхъ съ многочисленнымъ инородческимъ, нехристіанскимъ населеніемъ, въ предѣлахъ Казанскаго и Оренбургскаго учебныхъ округовъ, въ Сибири и Туркестанѣ самой важной заботой Министерства при графѣ Толстомъ было созданіе особой системы школъ для инородцевъ. Исходя изъ мысли, что эта система должна имѣть цѣлью «болѣе прочное сближеніе инородцевъ съ кореннымъ русскимъ народомъ путемъ постепеннаго распространенія между ними знанія русскаго языка», графъ Толстой изложилъ свои общія мысли о просвѣщеніи инородцевъ во всеподданнѣйшемъ отчетѣ объ осмотрѣ учебныхъ заведеній Казанскаго и Одесскаго учебныхъ округовъ въ 1866-мъ и 1867 г. г. Тогда же, по предложенію министра, попечитель Казанскаго округа подвергъ вопросъ объ образованіи инородцевъ разсмотрѣнію въ особомъ комитетѣ, который принялъ исходнымъ пунктомъ своей работы замѣчательный опытъ школы для дѣтей крещеныхъ татаръ, основанной въ 1863 г. профессоромъ Казанскаго университета Н. И. Ильминскимъ и крещенымъ татариномъ Васильемъ Тимофеевымъ, самоотверженными людьми, всѣ свои труды посвятившими христіанскому просвѣщенію инородцевъ. Цѣль школы первоначально заключалась въ обученіи дѣтей русской грамотѣ и началамъ христіанской вѣры на ихъ родномъ языкѣ; но затѣмъ она съ успѣхомъ стала достигать и другой цѣли: ея ученики самостоятельно открывали школы въ своихъ деревняхъ. Успѣхъ школы не оставлялъ сомнѣній въ цѣлесообразности положенныхъ въ основаніе ея началъ. Въ то же время при Одесскомъ учебномъ округѣ была составлена комиссія для

обсужденія мѣръ сближенія крымскихъ татаръ съ русскимъ населеніемъ. Для всесторонняго освѣщенія вопроса объ образованіи русскихъ инородцевъ, важнаго не только въ культурномъ, но и въ политическомъ отношеніи, одинъ изъ чиновниковъ Министерства былъ командированъ въ Алжиръ для изученія магометанскихъ школъ, устроенныхъ французскимъ правительствомъ; чрезъ одно довѣренное лицо были добыты свѣдѣнія о положеніи школъ въ англійской Индіи; наконецъ, къ разъясненію дѣла была привлечена оффиціальной статьей въ Журналѣ Министерства и періодическая печать. Собранный такими путями, матеріалъ былъ подвергнутъ обсужденію сначала въ училищныхъ совѣтахъ Казанскаго учебнаго округа, потомъ въ Ученомъ Комитетѣ, въ совѣтахъ попечителей учебныхъ округовъ и, наконецъ, въ Совѣтѣ Министра, въ присутствіи попечителей Казанскаго и Одесскаго округовъ и директора Департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій графа Сиверса. Выработанная здѣсь окончательно система образованія инородцевъ была изложена въ журналѣ засѣданія Совѣта 2 февраля 1870 г. Принявъ въ соображеніе племенное и религіозное разнообразіе русскихъ инородцевъ, различную степень ихъ культурности и обрусѣнія, Совѣтъ не нашелъ возможнымъ принять одну систему образованія для всѣхъ вообще инородцевъ и рѣшилъ раздѣлить всѣ мѣры по образованію инородцевъ согласно съ потребностями двухъ главныхъ группъ послѣднихъ: инородцевъ-христіанъ и татаръ-магометанъ. Обученіе инородцевъ первой группы, мало обрусѣлыхъ и почти не знающихъ русскаго языка, должно сосредоточиваться въ особыхъ школахъ, гдѣ преподаваніе ведется на мѣстномъ нарѣчіи по книгамъ, печатаннымъ русскими буквами и съ переводомъ на русскій языкъ для того, чтобы облегчить ученикамъ переходъ къ изученію русскаго языка. Для инородцевъ же, достаточно обрусѣлыхъ, школы учреждаются на общихъ основаніяхъ. Для обученія дѣвочекъ устраиваются особыя смѣны. Преподавателями должны быть или сами инородцы, хорошо знающіе русскій языкъ, или русскіе, владѣющіе мѣстными инородческими нарѣчіями. Для приготовленія учителей учреждается въ Казани учительская семинарія. Ближайшее завѣдываніе училищами поручается мѣстнымъ священникамъ или учителямъ, а общій надзоръ—инспекторамъ народныхъ училищъ. Мѣры для образованія второй группы инородцевъ, татаръ-магометанъ, должны отличаться особой осторожностью. Вести обрусеніе этого племени, фанатизируемаго многочисленнымъ духовен-

ствомъ, богатаго мечетями и школами, слѣдуетъ «лишь путемъ распространенія русскаго языка и образованія, съ устраненіемъ всѣхъ такихъ мѣръ, которыя могли бы породить въ этомъ, по природѣ подозрительномъ, племени опасеніе въ посягательствѣ правительства на отклоненіе дѣтей отъ ихъ вѣры». Для татаръ, также какъ для инородцевъ-христіанъ, учреждаются на счетъ казны начальныя, сельскія и городскія училища, преподавателями которыхъ являются или татары, знающіе русскій языкъ, или русскіе, говорящіе по татарски. Мѣстнымъ татарскимъ обществамъ предоставляется приглашать на свой счетъ законоучителя своей вѣры и избирать для каждаго училища изъ своей среды почетнаго блюстителя. Поступленіе дѣтей татаръ-магометанъ въ общія русскія училища облегчается и поощряется учрежденіемъ приготовительныхъ классовъ для обученія дѣтей русскому разговорному языку и освобожденіемъ ихъ отъ изученія не только христіанскаго Закона Божія, но также языковъ церковно-славянскаго, греческаго и нѣмецкаго, безъ ограниченія правъ и преимуществъ, получаемыхъ при окончаніи курса. Мѣстныя магометанскія общества должны быть располагаемы къ учрежденію на собственныя средства классовъ русскаго языка при медрессе и мектебе. Открытіе новыхъ мектебе и медрессе разрѣшается не иначе, какъ съ обязательствомъ имѣть при нихъ учителей русскаго языка на счетъ магометанскихъ обществъ. Для обученія магометанскихъ дѣвочекъ учреждаются или особыя смѣны при начальныхъ училищахъ или особыя казенныя школы. Для школъ и классовъ при медрессе и мектебе издаются учебныя книги. Общій надзоръ за училищами возлагается на инспекторовъ народныхъ училищъ. Для приготовленія татарскихъ учителей учреждаются двѣ учительскія школы: одна—для Казанскаго учебнаго округа, другая—для Крымскаго полуострова. Наконецъ, ради вящшаго побужденія татаръ къ усвоенію русскаго языка и образованности, постановлено, что черезъ опредѣленное число лѣтъ духовныя и общественныя должности предоставляются татарамъ-магометанамъ лишь подъ условіемъ окончанія курса казенныхъ магометанскихъ народныхъ училищъ. Таковы были мѣры для образованія инородцевъ, выработанныя Совѣтомъ Министра. 26 марта 1870 г. онѣ были Высочайше утверждены по докладу министра. Вмѣстѣ съ тѣмъ министръ испросилъ Высочайшее разрѣшеніе внести въ Государственный Совѣтъ проекты инородческихъ учительскихъ семинарій и школъ. 27 марта 1872 г. были утверждены Положенія и штаты

учительскихъ семинарій въ Казани и Иркутскѣ, по образцу Молодечнинской, и татарскихъ учительскихъ школъ въ Уфѣ и Симферополѣ, въ устройствѣ которыхъ допущены нѣкоторыя измѣненія и отступленія отъ общаго типа, вызываемыя той исключительною цѣлью, которой они должны были служить: готовить учителей въ начальныя магометанскія училища. Въ 1876 г. была учреждена еще татарская учительская школа въ Казани, какъ въ центрѣ магометанской интеллигенціи. 7 октября 1874 г. по ходатайству попечителей Казанскаго и Одесскаго округовъ министромъ было испрошено Высочайшее разрѣшеніе издать особыя правила для испытаній лицъ, желающихъ пріобрѣсти званіе учителя или учительницы инородческихъ школъ и русскихъ классовъ при магометанскихъ медрессе и мектебе [243]).

Введеніе новой системы образованія инородцевъ повлекло за собою передачу разнородныхъ инородческихъ училищъ, подчиненныхъ разнымъ вѣдомствамъ, въ непосредственное вѣдѣніе Министерства Народнаго Просвѣщенія. Сначала этотъ вопросъ былъ возбужденъ въ 1867 г. Оренбургскимъ генералъ-губернаторомъ, обратившимъ вниманіе Министерства, что, кромѣ народныхъ школъ въ селеніяхъ русскихъ крестьянъ, всѣ остальныя школы Оренбургскаго округа разбиты между отдѣльными вѣдомствами: Военнымъ, Горнымъ, Внутреннихъ Дѣлъ. Эта дробность управленія лишала школы Оренбургскаго края «правильнаго надзора и руководства, обусловливаемаго спеціальнымъ знаніемъ дѣла обученія и знакомствомъ съ современными требованіями педагогіи, отчего народное образованіе въ краѣ не могло имѣть ни желаемаго единства съ общепринятою системою народнаго образованія въ Имперіи, ни успѣшнаго хода въ своемъ развитіи». Поэтому генералъ-губернаторъ ходатайствовалъ о передачѣ въ исключительное управленіе Министерства Народнаго Просвѣщенія киргизскихъ, башкирскихъ и казачьихъ школъ Оренбургскаго края. Вскорѣ затѣмъ попечитель Казанскаго учебнаго округа вошелъ съ представленіемъ о подчиненіи Министерству магометанскихъ школъ, мектебе и медрессе. Оба эти ходатайства вполнѣ согласовались съ общей системой образованія, и графъ Толстой, по соглашеніи съ министрами Внутреннихъ Дѣлъ и Военнымъ, не замедлилъ дать имъ ходъ. Сначала 22 октября 1872 г. былъ причисленъ къ спеціальнымъ средствамъ Министерства хозяйственный башкирскій капиталъ подъ названіемъ «капитала на устройство и содержаніе начальныхъ училищъ въ мѣстностяхъ, населен-

ныхъ башкирами». Затѣмъ въ Государственный Совѣтъ было внесено представленіе о передачѣ всѣхъ вообще инородческихъ школъ въ вѣдѣніе Министерства Народнаго Просвѣщенія. При этомъ въ Соединенныхъ Департаментахъ Законовъ и Экономіи возникло разногласіе по вопросу о томъ, удобно ли подчинять учебному вѣдомству магометанскія школы, содержимыя на мѣстныя средства. Меньшинство членовъ высказалось противъ этой мѣры на томъ основаніи, «что преподаваніе въ магометанскихъ училищахъ имѣетъ по преимуществу религіозный характеръ». Но большинство членовъ Соединенныхъ Департаментовъ и Общее Собраніе Государственнаго Совѣта согласились съ заявленіемъ графа Толстаго, что было бы важною политическою ошибкою оставить магометанскія школы въ рукахъ фанатичнаго духовенства, проповѣдующаго вражду ко всему русскому и препятствующаго объединенію магометанъ съ кореннымъ населеніемъ Имперіи. 20 ноября 1874 г. Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта было постановлено: въ областяхъ Уральской и Тургайской, во Внутренней Киргизской Ордѣ, въ губерніяхъ Нижегородской, Казанской, Симбирской, Самарской, Саратовской, Астраханской, Пензенской, Вятской, Пермской, Оренбургской, Уфимской существующія нынѣ, а равно имѣющія быть открытыми впослѣдствіи инородческія школы и училища, подъ разными наименованіями, содержимыя на счетъ казны или мѣстныхъ средствъ, а равно занимающихся домашнимъ и частнымъ обученіемъ лицъ изъ числа инородцевъ-нехристіанъ подчинить учебному начальству вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія на общихъ основаніяхъ; отпускаемыя по смѣтѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ казенныя суммы на башкирскія и киргизскія школы перенести съ 1 января 1875 г. въ смѣту Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Въ томъ же направленіи и тѣмъ же законодательнымъ порядкомъ разрѣшенъ былъ вопросъ о народномъ образованіи въ Туркестанскомъ краѣ. И здѣсь иниціатива принадлежала мѣстному генералъ-губернатору, который представилъ Военному министру подробный проектъ устройства учебнаго дѣла въ Туркестанскомъ краѣ; предполагалось устроить двоякаго рода учебныя заведенія: народныя училища для туземнаго населенія и общеобразовательныя заведенія для дѣтей русскихъ служащихъ въ краѣ, учредить въ г. Ташкентѣ учительскую семинарію съ образцовымъ училищемъ, управленіе же всѣми учебными заведеніями края организовать

по примѣру сибирскихъ генералъ-губернаторствъ. $^{17}/_{27}$ мая 1875 г. состоялось постановленіе о передачѣ Министерству Народнаго Просвѣщенія всѣхъ русскихъ и инородческихъ училищъ Туркестанскаго края, объ учрежденіи должности главнаго инспектора училищъ, объ основаніи двухъ прогимназій; вопросъ же объ учительской семинаріи и о начальныхъ училищахъ, по сношенію съ Министерствомъ Финансовъ, былъ отложенъ и вновь возбужденъ черезъ три года: 13 января 1878 г., по ходатайству генералъ-губернатора, фонъ-Кауфмана I, графъ Толстой испросилъ Высочайшее разрѣшеніе открывать въ Туркестанскомъ краѣ приходскія училища на основаніяхъ, дѣйствующихъ въ сибирскихъ губерніяхъ, съ распространеніемъ на учителей правъ и преимуществъ, дарованныхъ по положенію Комитета Министровъ 22 октября 1876 г. служащимъ въ этомъ краѣ по вѣдомству Министерства Народнаго Просвѣщенія. 1 апрѣля 1880 г. были утверждены временныя, на четыре года, правила и штатъ Туркестанской учительской семинаріи [244]).

X.

Предположенія А. В. Головнина о преобразованіи ученыхъ учрежденій и о новыхъ ученыхъ предпріятіяхъ не могли осуществиться во всей широтѣ послѣ того, какъ Высочайше одобрены были замѣчанія Комиссіи графа Строганова, указавшей на невозможность обременять, безъ крайней нужды, Государственное Казначейство новыми расходами по вѣдомству Народнаго Просвѣщенія. Вслѣдствіе этого при графѣ Толстомъ мѣры, касавшіяся ученыхъ учрежденій, имѣли цѣлью удовлетвореніе лишь неотложныхъ ихъ потребностей.

Дарованіе Императорской Академіи Наукъ, отпраздновавшей въ 1876 г. полуторастолѣтній юбилей, новаго устава было отложено, но рядомъ отдѣльныхъ постановленій усилены ея ученыя средства и улучшено матеріальное положеніе: увеличены оклады содержанія академикамъ и лицамъ, служащимъ въ Академіи, соотвѣтственно съ новыми окладами профессоровъ и чиновниковъ университетовъ по уставу 1863 г.; по новому расписанію должности академиковъ и чиновниковъ Академіи возвышены по классамъ и разрядамъ мундировъ; на хозяйственныя потребности Академіи ассигновано по 57.735 руб. въ годъ и единовременно,

на капитальный ремонтъ зданій, 57.000 руб.; увеличены средства химической лабораторіи, музеевъ и библіотеки; преобразованы музеи анатомическій и этнографическій; на пожертвованные частными лицами капиталы учрежденъ рядъ премій за труды по разнымъ отраслямъ наукъ [245]).

Въ болѣе благопріятныя матеріальныя условія поставлена была Николаевская Главная Астрономическая Обсерваторія: усиленъ ея личный составъ учрежденіемъ новыхъ должностей адъюнктъ-астрономовъ и ученаго секретаря и разрѣшеніемъ назначать содержаніе сверхштатнымъ астрономамъ; возвышены оклады содержанія и служебныя права лицъ, занимающихъ при Обсерваторіи ученыя должности; увеличена до 12.000 руб. штатная сумма на ремонтъ домовъ, содержаніе прислуги и хозяйственные расходы; на изданія наблюденій ассигнованы новыя суммы [246]).

Въ мартѣ 1866 г. изъ Горнаго вѣдомства переданы были въ вѣдѣніе Министерства Народнаго Просвѣщенія обсерваторіи: Главная Физическая, Магнитная при Горномъ Институтѣ и Пекинская магнитная и метеорологическая. Составленные Академіей Наукъ проекты новаго положенія и штата Главной Физической Обсерваторіи возбудили разногласіе въ Соединенныхъ Департаментахъ Государственнаго Совѣта по вопросу о томъ, насколько настоитъ необходимость въ усиленіи денежныхъ средствъ Обсерваторіи. Это сомнѣніе устранено было Общимъ Собраніемъ Государственнаго Совѣта, выразившимъ мнѣніе, что «оставленіе Обсерваторіи безъ надлежащей поддержки было бы невозможно, тѣмъ болѣе, что изслѣдованіе климатическихъ условій, въ коихъ находятся различныя части нашего обширнаго отечества, представляется въ высшей степени важнымъ не только для науки, но и для административныхъ цѣлей. Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не принять въ соображеніе, что Россія нѣсколько лѣтъ тому назадъ стояла во главѣ метеорологическихъ и магнитныхъ наблюденій въ Европѣ, и потому отчужденіе ея отъ этого дѣла, особенно въ настоящее время, столь обильное великими начинаніями, было бы даже несовмѣстно съ ея достоинствомъ». По уставу 4 мая 1871 г. Главная Физическая Обсерваторія организована по примѣру Николаевской Астрономической. На содержаніе ея ассигновано по штату 25.900 руб. Въ 1875 г. при Обсерваторіи учрежденъ былъ сельско-хозяйственный отдѣлъ. Въ томъ же году, вслѣдствіе неудобствъ, съ которыми сопряжено было производство магнитныхъ и метеорологическихъ наблюденій въ центрѣ города, была устроена

въ паркѣ г. Павловска, на мѣстѣ, пожертвованномъ Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ, новая магнитная и метеорологическая Обсерваторія, какъ отдѣленіе Главной Обсерваторіи [247]).

12 мая 1870 г. Высочайше утверждено было новое временное, на 3 года, росписаніе должностей и расходовъ Императорской Публичной Библіотеки, и министру Народнаго Просвѣщенія предоставлено, по истеченіи этого срока, внести на окончательное утвержденіе Государственнаго Совѣта проектъ новаго штата и, если признано будетъ нужнымъ, новаго устава библіотеки. При этомъ въ дополненіе дѣйствующихъ узаконеній, постановлены были нѣкоторыя новыя основныя правила. По новому штату 1874 г. ежегодная сумма на содержаніе Библіотеки возвышена была на 4.450 руб. [248]).

Въ 1869 г., 28 мая, получили новый уставъ и штатъ Московскій Публичный и Румянцевскій Музеи, оставленные въ вѣдѣніи Министерства Народнаго Просвѣщенія, подъ непосредственнымъ управленіемъ назначаемаго Высочайшею властью директора; на усиленіе средствъ музеевъ ассигновано по 17.000 руб. въ годъ съ тѣмъ, чтобы къ 1872 г. внесенъ былъ на окончательное утвержденіе проектъ новаго штата. Но графъ Толстой, находя невозможнымъ требовать изъ Государственнаго Казначейства просимой директоромъ музеевъ суммы, испросилъ 5 мая 1872 г. Высочайшее соизволеніе продолжить дѣйствіе существующаго штата [249]).

Въ 1876 г. упрочено было существованіе Виленской Публичной Библіотеки, съ состоящимъ при ней Музеемъ, основанной въ 1865 г., по распоряженію генералъ-губернатора М. Н. Муравьева, и содержимой на сумму въ 7.000 руб., ассигнуемыхъ изъ процентнаго сбора съ польскихъ помѣщиковъ сѣверо-западнаго края. По Положенію 31 декабря 1876 г. эта библіотека, предназначенная «служить центромъ книжной и научной дѣятельности сѣверо-западнаго края и давать мѣстному обществу средства знакомиться съ русскою жизнью и произведеніями русской литературы», поставлена подъ управленіе особой временной комиссіи. Въ 1869 г. вновь опредѣленъ личный составъ и служебныя права членовъ Виленской Комиссіи для разбора древнихъ актовъ и увеличена на 2.000 руб. сумма на ея содержаніе [250]).

Изъ ученыхъ предпріятій Министерство графа Толстаго оказало поддержку и содѣйствіе вновь возникшимъ періодическимъ

съѣздамъ ученыхъ по нѣкоторымъ отраслямъ науки. Признавая такіе съѣзды «превосходною мѣрою для поддержанія и усиленія научной дѣятельности», въ особенности по естествознанію, графъ Толстой 12 мая 1867 г. испросилъ черезъ Комитетъ Министровъ Высочайшее соизволеніе учреждать подъ покровительствомъ министра Народнаго Просвѣщенія, на одобренныхъ имъ главныхъ основаніяхъ, періодическіе, черезъ каждые 2 года, съѣзды естествоиспытателей, имѣющіе цѣлью «споспѣшествовать ученой и учебной дѣятельности на поприщѣ естественныхъ наукъ, направляя эту дѣятельность, главнымъ образомъ, на ближайшее изслѣдованіе Россіи и на пользу Россіи». Первый такой съѣздъ состоялся въ С.-Петербургѣ въ 1867 г. Въ слѣдующемъ году, по иниціативѣ предсѣдателя Московскаго Археологическаго Общества графа А. С. Уварова, разрѣшенъ былъ первый съѣздъ въ Москвѣ русскихъ археологовъ. Слѣдующіе археологическіе съѣзды собирались періодически, черезъ каждые 3 года, въ городахъ, богатыхъ памятниками древности. Въ 1872 г. Юридическое Общество при Московскомъ университетѣ возбудило ходатайство объ устройствѣ періодическихъ, по возможности ежегодныхъ, съѣздовъ русскихъ юристовъ. Комитетъ Министровъ, «принявъ во вниманіе, согласно съ мнѣніемъ министра Юстиціи, что проектированное ограниченіе занятій съѣзда вопросами гражданскаго и торговаго права, представляетъ повидимому достаточное ручательство въ серьезности занятій собранія», нашелъ возможнымъ въ 1875 г. разрѣшить этотъ съѣздъ въ видѣ опыта при условіи, что онъ «будетъ имѣть характеръ совершенно частнаго собранія спеціалистовъ права и судебныхъ практиковъ». Проектъ основаній для устройства съѣзда былъ утвержденъ Государемъ, а программу его занятій предоставлено было утвердить министрамъ Народнаго Просвѣщенія и Юстиціи по взаимному соглашенію, «такъ какъ утвержденіе программы Высочайшею Его Императорскаго Величества властію неминуемо придало бы ей значеніе, несвойственное простому перечню разрѣшенныхъ къ обсужденію предметовъ» [251]).

Дозволено цензурою. СПБ. 31 Октября 1902 г.

Экспедиція Заготовленія Государственныхъ Бумагъ

Статсъ Секретарь Баронъ Николаи.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

А. А. Сабуровъ.—Баронъ А. П. Николаи.—Графъ И. Д. Деляновъ.

I.

Въ царствованіе Императора Александра III, подъ управленіемъ А. А. Сабурова, барона Николаи и графа И. Д. Делянова, дѣятельность Министерства Народнаго Просвѣщенія продолжала опираться на основныя законоположенія предшествующаго царствованія. Учебная система, установленная графомъ Толстымъ, отчасти получила дальнѣйшее развитіе и болѣе полное выраженіе, напримѣръ, въ новомъ уставѣ университетовъ, отчасти претерпѣла рядъ частныхъ измѣненій, въ результатѣ которыхъ въ исходѣ столѣтія сталъ на очередь рядъ новыхъ коренныхъ учебныхъ реформъ. Преемникъ графа Толстаго, статсъ-секретарь Его Императорскаго Величества, тайный совѣтникъ Андрей Алексанровичъ Сабуровъ родился въ 1837 г., воспитывался въ Александровскомъ лицеѣ и въ концѣ 1857 г. началъ службу въ Канцеляріи Комитета Министровъ. Перейдя въ 1859 г. въ Министерство Юстиціи, А. А. Сабуровъ въ теченіе 16 лѣтъ послѣдовательно занималъ должности: столоначальника, исправляющаго должность оберъ-секретаря 2-го отдѣленія 5-го Департамента Правительствующаго Сената, оберъ-секретаря Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента, товарища предсѣдателя С.-Петербургскаго окружнаго суда, товарища оберъ-прокурора Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента, члена Консультаціи, при Министерствѣ Юстиціи учрежденной, съ возложеніемъ обязанностей вице-директора Департамента Министерства. Въ эти же годы, онъ исполнилъ рядъ чрезвычайныхъ порученій по разнымъ вопросамъ, возникавшимъ въ судебномъ вѣдомствѣ: состоялъ директоромъ комитета попечительнаго о тюрьмахъ общества, членомъ комиссій о преобразованіи суда въ духовномъ

вѣдомствѣ, о пересмотрѣ 2-й главы Уложенія о наказаніяхъ, о преобразованіи тюремъ, предсѣдательствовалъ въ комиссіи объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній для ссыльныхъ женщинъ, сопровождалъ въ 1873 г. министра Юстиціи при ревизіи судебныхъ установленій Саратовской и Харьковской губерній.

31 мая 1875 г. А. А. Сабуровъ занялъ постъ попечителя Дерптскаго учебнаго округа и 24 апрѣля 1880 г. былъ пожалованъ въ статсъ-секретари Его Императорскаго Величества съ назначеніемъ управляющимъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія. Отъ этой послѣдней должности А. А. Сабуровъ былъ уволенъ, по прошенію, 24 марта 1881 г., съ оставленіемъ въ званіи статсъ-секретаря, и назначенъ сенаторомъ. Съ 1899 г. онъ состоитъ членомъ Государственнаго Совѣта.

На посту министра Народнаго Просвѣщенія А. А. Сабурова смѣнилъ его старшій сверстникъ по Александровскому лицею, баронъ Александръ Павловичъ Николаи. Онъ родился въ 1821 г., началъ службу въ 1840 г. въ канцеляріи Новороссійскаго и Бессарабскаго генералъ-губернатора и въ 1845 г. назначенъ былъ младшимъ чиновникомъ особыхъ порученій при Намѣстникѣ Кавказскомъ, съ которымъ совершилъ нѣсколько экспедицій противъ горцевъ. На Кавказѣ протекла большая часть службы барона Николаи. Съ 1848-го по 1861 г. онъ занималъ должности: директора походной канцеляріи Намѣстника Кавказскаго и главнокомандующаго отдѣльнымъ кавказскимъ корпусомъ, съ 1852 г. — члена Совѣта Главнаго Управленія Закавказскаго края и попечителя Кавказскаго учебнаго округа, съ 1860 г. сверхъ того—начальника управленія сельскаго хозяйства и промышленности на Кавказѣ и за Кавказомъ. 18 марта 1861 г. баронъ Николаи назначенъ былъ попечителемъ Кіевскаго учебнаго округа и 28 декабря того же года—товарищемъ министра Народнаго Просвѣщенія и членомъ Главнаго Управленія цензуры. Черезъ два года, получивъ званія статсъ-секретаря Его Величества и сенатора, онъ вернулся на Кавказъ, на постъ начальника Главнаго Управленія Намѣстника Кавказскаго, и занималъ его въ теченіе двѣнадцати лѣтъ, до 30 августа 1875 г., когда былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта. Какъ дѣятель, близко знакомый, по предшествующей службѣ, съ вопросами учебнаго вѣдомства, баронъ Николаи участвовалъ въ нѣсколькихъ комиссіяхъ, разсматривавшихъ ежегодные всеподданнѣйшіе отчеты по Министерству Народнаго Просвѣщенія, состоялъ съ 1878 г.

Дозв. ценз. СПБ. 26 Января 1902 г. Экспедиція Заготовленія Государственныхъ Бумагъ

почетнымъ опекуномъ по учрежденіямъ Императрицы Маріи, и, наконецъ, 24 марта 1881 г. былъ призванъ на постъ министра Народнаго Просвѣщенія, который занималъ, подобно своему предшественнику, менѣе года. 16 марта 1882 г. баронъ Николаи былъ уволенъ, по прошенію, отъ должности министра Высочайшимъ рескриптомъ. Умеръ 3 іюля 1899 г. въ своемъ имѣніи около Тифлиса.

Послѣ барона Николаи управленіе Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія ввѣрено было члену Государственнаго Совѣта, дѣйствительному тайному совѣтнику Ивану Давыдовичу Делянову, близко знакомому, уже въ теченіе 24-хъ лѣтъ, съ дѣятельностью Министерства. Продолжительная, почти 60-лѣтняя государственная служба новаго министра, была посвящена преимущественно двумъ вѣдомствамъ, Собственной Его Величества Канцеляріи и Министерству Народнаго Просвѣщенія, во главѣ котораго И. Д. Делямовъ оставался въ теченіе 15 лѣтъ, до самой смерти.

Питомецъ юридическаго факультета Московскаго университета, И. Д. Деляновъ въ ноябрѣ 1838 г. опредѣлился на службу во II Отдѣленіе Собственной Его Величества Канцеляріи и по должности сначала младшаго, потомъ старшаго, чиновника принималъ участіе въ разработкѣ различныхъ законодательныхъ вопросовъ. Въ 1857 г. онъ управлялъ дѣлами секретнаго комитета о раскольникахъ, въ слѣдующемъ году, 18 іюня, былъ назначенъ попечителемъ С.-Петербургскаго учебнаго округа и въ 1860 г. членомъ Главнаго Управленія Цензуры. Въ эти же годы онъ замѣнялъ А. С. Норова въ управленіи учебною частью въ институтахъ: Воспитательнаго Общества, Александровскомъ, Екатерининскомъ. 4 августа 1861 г. И. Д. Деляновъ назначенъ былъ директоромъ Департамента Народнаго Просвѣщенія, но оставался въ этой должности всего три мѣсяца. 17 ноября онъ былъ по прошенію уволенъ вовсе отъ службы, а 6 декабря назначенъ директоромъ Императорской Публичной Библіотеки. При новомъ министрѣ, А. В. Головнинѣ, въ февралѣ 1862 г. И. Д. Деляновъ вернулся на постъ попечителя С.-Петербургскаго округа, сохранивъ за собою и управленіе Публичной Библіотекой. За упраздненіемъ должности товарища министра, онъ фактически являлся ближайшимъ помощникомъ А. В. Головнина по управленію Министерствомъ: исполнялъ обязанности министра на время его отсутствія и, назначенный 1 декабря 1865 г. сенаторомъ, по Высочайшему повелѣнію 19 января 1866 г., присутствовалъ

на правахъ товарища министра въ Общемъ Собраніи и Департаментахъ Сената. Въ маѣ того же года, при графѣ Толстомъ, И. Д. Деляновъ занялъ возстановленную должность товарища министра и 16 апрѣля 1867 г. удостоился званія статсъ-секретаря Его Величества. Кромѣ исполненія обязанностей по должности товарища министра, онъ состоялъ еще членомъ Совѣта Павловскаго института по учебной части, членомъ Главнаго Совѣта женскихъ учебныхъ заведеній и съ 1874 г.—почетнымъ опекуномъ. 1 января 1874 г. И. Д. Деляновъ былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта, съ увольненіемъ отъ должности товарища министра и съ оставленіемъ во всѣхъ прочихъ званіяхъ и должностяхъ. По Высочайшему повелѣнію 1877 г. онъ исполнялъ по IV Отдѣленію Собственной Его Величества Канцеляріи обязанности, возложенныя на него особымъ распоряженіемъ Государя, и замѣнялъ главноуправляющаго вѣдомствомъ Императрицы Маріи на время его отсутствія.

Оставивъ постъ товарища министра, И. Д. Деляновъ не переставалъ участвовать въ разрѣшеніи нѣкоторыхъ особенно важныхъ вопросовъ по Министерству Народнаго Просвѣщенія: на него возложено было предсѣдательство въ комиссіи по составленію новаго университетскаго устава; при его дѣятельномъ участіи происходило обсужденіе труднаго вопроса объ изысканіи мѣръ противъ студенческихъ безпорядковъ. Призванный 16 марта 1882 г. на постъ министра Народнаго Просвѣщенія, И. Д. Деляновъ оставался на немъ до самой смерти, послѣдовавшей 29 декабря 1897 г. Кромѣ обычныхъ знаковъ Монаршаго благоволенія за ревностную службу, 23 ноября 1888 г., въ день полувѣковаго юбилея своей службы онъ былъ возведенъ въ графское Россійской Имперіи достоинство.

Товарищами министра при А. А. Сабуровѣ, баронѣ Николаи и графѣ Деляновѣ были тайные совѣтники: П. А. Марковъ (1880—1882 г.), князь М. С. Волконскій (1882—1896 г.), Н. М. Аничковъ (1896—1898 г.), по смерти графа Делянова временно управлявшій Министерствомъ до 12 февраля 1898 г. Директорами Департамента состояли: тайные совѣтники М. Е. Брадке (по 5 мая 1884 г.), Н. М. Аничковъ (1884—1896 г.) и академикъ дѣйствительный статскій совѣтникъ В. В. Латышевъ (1896—1898 г.). Предсѣдателемъ Ученаго Комитета оставался тайный совѣтникъ А. И. Георгіевскій. Попечителями учебныхъ округовъ были назначены: С.-Петербургскаго—дѣйствительный статскій

совѣтникъ Ѳ. М. Дмитріевъ (1881—1885 г.), генералъ-лейтенантъ И. П. Новиковъ (1885—1890 г.), тайный совѣтникъ М. Н. Капустинъ (съ 1890 г.); Московскаго—дѣйствительный статскій совѣтникъ П. А. Капнистъ (1880—1895 г.); тайный совѣтникъ Н. П. Боголѣповъ (съ 1895 г.); Казанскаго—дѣйствительные статскіе совѣтники: П. Н. Масленниковъ (1883—1890 г.), Н. Г. Потаповъ (1890—1894 г.), В. А. Поповъ (1894—1899 г.); Оренбургскаго—дѣйствительные статскіе совѣтники: Хр. П. Сольскій (1882—1885 г.), Д. С. Михайловъ (1885—1890 г.), И. Я. Ростовцевъ (съ 1890 г.); Харьковскаго—тайные совѣтники: Н. П. Воронцовъ-Вельяминовъ (1884—1896 г.) и И. П. Хрущовъ (1896—1899 г.); Одесскаго—дѣйствительный статскій совѣтникъ Хр. П. Сольскій (съ 1885 г.); Кіевскаго—тайный совѣтникъ С. П. Голубцовъ (1880—1888 г.), тайный совѣтникъ В. В. Вельяминовъ-Зерновъ (съ 1888 г.); Рижскаго—тайный совѣтникъ М. Н. Капустинъ (1883—1890 г.), тайный совѣтникъ Н. А. Лавровскій (съ 1890 г.); Западно-Сибирскаго—дѣйствительный статскій совѣтникъ В. М. Флоринскій (съ 1885 г.); Варшавскаго—дѣйствительный статскій совѣтникъ В. Н. Лигинъ (1897—1900 г.). Попечителемъ Кавказскаго округа съ 1873 г. состоялъ тайный совѣтникъ К. П. Яновскій [252]).

II.

Въ 80-хъ годахъ произведены были нѣкоторыя измѣненія въ составѣ центральнаго управленія Министерства и въ распредѣленіи обязанностей его органовъ, вызванныя увеличеніемъ числа разнаго рода подвѣдомственныхъ ему учрежденій и соотвѣтственнымъ ростомъ дѣлопроизводства.

Возраставшее съ теченіемъ времени число такихъ дѣлъ, которыя по установленному порядку представлялись на благовозрѣніе Государя Императора, но были не настолько важны, чтобы ихъ вершеніе нельзя было предоставить административной власти, побудило Министерство испросить 5 декабря 1881 г. Высочайшее соизволеніе подчинить всѣ подобнаго рода дѣла власти министра. Въ томъ же году, 25 апрѣля, съ Высочайшаго дозволенія, на основаніи 273-й ст. Учрежденія Министерствъ, былъ точно опредѣленъ кругъ правъ и обязанностей товарища министра Народнаго Просвѣщенія [253]).

Въ 1881 г. полный составъ Департамента заключалъ въ себѣ 58 лицъ, а на содержаніе его ассигновано было 124.641 руб., причемъ съ 1863 г., въ теченіе 18 лѣтъ, штатная сумма возвысилась всего на 24.270 руб. Между тѣмъ за то же время кругъ занятій Департамента значительно расширился вслѣдствіе возрастанія числа учебныхъ заведеній и возникновенія разнообразныхъ новыхъ дѣлъ. Съ 1864 г. число входящихъ бумагъ увеличилось на 63%, а число исходящихъ на 35%. Передача 17 апрѣля 1881 г. учебныхъ заведеній Министерства Финансовъ въ вѣдѣніе Министерства Народнаго Просвѣщенія поставила Департаментъ почти въ безвыходное положеніе, и Комиссія отъ обоихъ Министерствъ, опредѣлявшая порядокъ передачи этихъ учебныхъ заведеній, признала необходимымъ ассигновать на увеличеніе штатной суммы Департамента 20.200 руб. въ годъ, усиливъ его личный составъ новыми должностями втораго вице-директора, одного дѣлопроизводителя V-го класса, двухъ дѣлопроизводителей VII-го и двухъ VIII-го класса, двухъ помощниковъ дѣлопроизводителей и одного чиновника особыхъ порученій. Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта 9 марта 1882 г. эти предположенія были приняты съ тѣмъ, что взамѣнъ должности втораго вице-директора положено учредить двѣ или три новыя должности дѣлопроизводителей.

Утвержденіе «Основныхъ положеній о промышленныхъ училищахъ» 7 марта 1888 г. повело къ новому усиленію средствъ центральнаго управленія Министерства. Въ 1889 г., при обсужденіи проектовъ уставовъ техническихъ и ремесленныхъ училищъ, Государственный Совѣтъ обратилъ вниманіе на необходимость образовать для завѣдыванія этими училищами коллегіальное учрежденіе изъ ученыхъ спеціалистовъ и лицъ, практически опытныхъ въ промышленныхъ дѣлахъ. Сначала Министерство предполагало ограничиться преобразованіемъ существовавшаго при Ученомъ Комитетѣ отдѣленія по техническому и профессіональному образованію въ самостоятельное учрежденіе, но, вслѣдствіе желанія министра Финансовъ устроить управленіе техническими училищами на болѣе широкихъ основаніяхъ, особая комиссія подъ предсѣдательствомъ тайнаго совѣтника Аннина проектировала учредить для этой цѣли особый отдѣлъ въ составѣ центральнаго управленія Министерства, на что потребовалась бы свыше 60.000 руб. въ годъ. Но графъ Деляновъ, въ виду еще небольшаго числа промышленныхъ училищъ, нашелъ воз-

можнымъ организовать управленіе ими въ болѣе скромномъ видѣ. По его представленію 8 февраля 1893 г. Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта было опредѣлено: въ составѣ Департамента Народнаго Просвѣщенія учредить особое отдѣленіе для завѣдыванія промышленными училищами, поручивъ управленіе имъ, на правахъ директора Департамента, одному изъ членовъ Совѣта Министра; на него же возложить предсѣдательство въ Отдѣлѣ Ученаго Комитета по техническому и профессіональному образованію; служащимъ въ Отдѣленіи для завѣдыванія промышленными училищами предоставить права и преимущества, присвоенныя соотвѣтственнымъ должностямъ въ Департаментѣ; на содержаніе Отдѣленія отпускать по 16.500 руб. въ годъ. 27 февраля, съ Высочайшаго соизволенія, дана была инструкція Департаменту Народнаго Просвѣщенія и Отдѣленію для завѣдыванія промышленными училищами съ цѣлью опредѣлить ихъ взаимныя отношенія. Во главѣ новаго отдѣленія сталъ членъ Совѣта Министра, т. е. Аноповъ [254]).

Въ 1895 г. въ виду умножившагося числа судебныхъ дѣлъ, въ которыхъ Министерство Народнаго Просвѣщенія принимало участіе въ качествѣ стороны, графъ Деляновъ исходатайствовалъ законодательнымъ порядкомъ учрежденіе должности юрисконсульта при Министерствѣ.

Постепенное усложненіе обязанностей Ученаго Комитета побудило графа Толстаго устроить при немъ Особый отдѣлъ для разсмотрѣнія книгъ для народнаго чтенія. 15 января 1881 г., съ Высочайшаго разрѣшенія, предсѣдательство въ этомъ Отдѣлѣ возложено было на д. с. с. Маака. Но такое раздѣленіе Ученаго Комитета на два совершенно самостоятельные отдѣла нарушило единство его направленія и дѣятельности. 15 февраля 1884 г. предсѣдателю Ученаго Комитета вновь поручено было предсѣдательство и въ Особомъ отдѣлѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ Особый отдѣлъ были переданы дѣла административнаго характера по начальному образованію, а также разсмотрѣніе книгъ для дѣтскаго чтенія и произведеній изящной словесности, предназначающихся для поднесенія или посвященія Высочайшимъ особамъ.

По примѣру Особаго Отдѣла, по Высочайшему повелѣнію 13 января 1884 г. при Ученомъ Комитетѣ организовано было новое Отдѣленіе по техническому и профессіональному образованію, первой и главной обязанностью котораго было выработать общій нормальный планъ промышленныхъ училищъ. Въ 1893 г.

председательство въ немъ перешло къ члену Совета Министра, заведующему промышленными училищами [255]).

III.

Въ составе учебныхъ округовъ некоторыя измененія произошли въ 80-хъ годахъ. По Учрежденію управленія Закавказскаго края 26 апреля 1883 г. былъ возстановленъ Кавказскій учебный округъ. Попечителю округа, сверхъ всехъ общихъ правъ и обязанностей, предоставлено еще наблюдать за учебной частью въ Закавказскомъ девичьемъ институте и распоряжаться специальными суммами округа. Некоторое вліяніе на дела округа оставлено за главноначальствующимъ гражданскою частью: онъ разрешаетъ дела о казенныхъ стипендіатахъ, о принятіи въ учебныя заведенія детей, перешедшихъ установленный возрастъ, объ оставленіи учениковъ въ одномъ классе на третій годъ; наконецъ, предлагаетъ на обсужденіе попечителя свои предположенія по учебно-воспитательному делу въ крае. Въ 1886—1888 гг. главноначальствующему гражданскою частью предоставлено было право утверждать определенія совета при попечителе округа объ учебныхъ книгахъ и руководствахъ на туземныхъ языкахъ [256]).

12 марта 1885 г. учрежденъ былъ на общихъ основаніяхъ Западно-Сибирскій учебный округъ въ составе губерній: Тобольской и Томской и областей Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской, со штатомъ въ 22.250 руб. Состоявшееся въ 1884 г. разделеніе Восточной Сибири на два генералъ-губернаторства, Иркутское и Приамурское, на некоторое время нарушило правильность и единство учебнаго управленія на дальнемъ востоке. Учебная часть въ Забайкальской области, отошедшей въ составъ Приамурскаго генералъ-губернаторства, осталась въ веденіи главнаго инспектора училищъ Восточной Сибири, а въ областяхъ Амурской и Приморской—въ непосредственномъ веденіи местныхъ военныхъ губернаторовъ. Но Приамурскіе генералъ-губернаторы, баронъ А. Н. Корфъ и С. М. Духовской, находили нужнымъ иметь въ своемъ распоряженіи лицо, специально знакомое съ учебной службой. По усиленному ходатайству обоихъ генералъ-губернаторовъ и представленію Министерства 30 мая 1894 г. была учре-

ждена должность окружнаго инспектора училищъ Приамурскаго края [257]).

19 мая 1887 г. въ составъ Харьковскаго учебнаго округа отошли отъ Одесскаго округа Таганрогское градоначальство и Ростовскій уѣздъ. Въ 1893 г. учебная часть во Внутренней Букеевской Киргизской ордѣ передана была въ вѣдѣніе Казанскаго учебнаго округа [258]).

Въ 1883 г. подчинены были управленію С.-Петербургскаго учебнаго округа русскія среднія учебныя заведенія въ Финляндіи, но хозяйственная часть этихъ заведеній временно оставлена въ завѣдываніи состоящаго при генералъ-губернаторѣ Совѣщательнаго Комитета по дѣламъ русскихъ училищъ [259]).

7 марта 1886 г. управленіе Дерптскаго учебнаго округа переведено было въ Ригу, а въ 1893 г. Дерптскій округъ переименованъ въ Рижскій [260]).

Въ началѣ 1881 г. было приведено къ концу дѣло о новыхъ штатахъ управленій учебныхъ округовъ. При обсужденіи въ Соединенныхъ Департаментахъ Государственнаго Совѣта представленія графа Толстаго управляющій Министерствомъ статсъ-секретарь Сабуровъ призналъ возможнымъ, въ виду затруднительнаго положенія Государственнаго Казначейства, нѣсколько ограничить испрашиваемую сумму, устранивъ какъ вопросъ объ увеличеніи числа и возвышеніи содержанія помощниковъ попечителей, такъ и объ усиленіи средствъ инспекціи училищъ и школъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ статсъ-секретарь Сабуровъ полагалъ, что за Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія должно оставаться право возобновить ходатайство о дополненіи штатовъ управленія того или другаго округа по мѣрѣ надобности. Высочайше утвержденнымъ 27 января мнѣніемъ Государственнаго Совѣта общая сумма на содержаніе управленій учебныхъ округовъ была возвышена съ 93.657 руб. 92 коп. до 194.140 руб. По отдѣльнымъ округамъ эта сумма распредѣлялась слѣдующимъ образомъ:

С.-Петербургскій	23.750	руб.
Московскій	26.550	—
Казанскій	19.600	—
Харьковскій	21.350	—
Кіевскій.	23.850	—
Одесскій.	20.100	—
Виленскій	22.940	—

Дерптскій . . . . 17.750. руб.
Оренбургскій . . . . 18.250 — [261]).

IV.

Выходъ въ отставку графа Толстаго задержалъ на нѣсколько лѣтъ университетскую реформу. 5 мая 1880 г. все дѣло о новомъ уставѣ возвращено было изъ Государственной Канцеляріи въ Министерство, а 14 іюня, по докладу новаго управляющаго Министерствомъ статсъ-секретаря Сабурова, послѣдовало Высочайшее повелѣніе: «предоставить управляющему Министерствомъ вносить на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта отдѣльныя представленія по различнымъ частямъ предполагаемаго преобразованія въ той послѣдовательности, которая по ходу дѣла представится наиболѣе удобною; въ случаѣ надобности требовать по возникающимъ вопросамъ надлежащія свѣдѣнія и заключенія отъ университетовъ и попечителей учебныхъ округовъ, причемъ ускорить внесеніе въ Государстванный Совѣтъ предположенія объ устройствѣ инспекціи надъ студентами».

Между тѣмъ утвержденныя 26 октября 1879 г. новыя правила объ университетской инспекціи приводились въ исполненіе очень медленно, и 25 іюня 1880 г. статсъ-секретарь Сабуровъ предложилъ правленіямъ университетовъ, по разсмотрѣніи отдѣльныхъ случаевъ, вызывавшихъ какіе либо вопросы по поводу примѣненія правилъ для студентовъ на практикѣ, сообщить отзывъ относительно дополненія или измѣненія сихъ правилъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ управляющій Министерствомъ обратился къ попечителямъ и къ генералъ-губернаторамъ съ просьбою сообщить ихъ мнѣнія о новыхъ дисциплинарныхъ порядкахъ. Отвѣты попечителей и генералъ-губернаторовъ были различны; всѣ же университеты высказались противъ мѣропріятій 1879 г., находя, что они построены на недовѣріи къ университетскимъ корпораціямъ, вносятъ раздвоеніе въ управленіе университетами, возлагаютъ на инспекцію неисполнимыя нравственно-воспитательныя обязанности и вооружаютъ ее недостойными средствами для воздѣйствія на студентовъ. Съ своей стороны совѣты университетовъ предлагали возстановить устройство инспекціи по уставу 1863 г., хотя бы съ нѣкоторыми измѣненіями, а также высказались въ пользу корпоративнаго устройства студентовъ. 31 января

1881 г. статсъ-секретарь Сабуровъ внесъ въ Государственный Совѣтъ проектъ новаго устройства инспекціи, по которому инспекторъ, избираемый правленіемъ университета, подчинялся ректору; университетскій судъ созывался лишь въ чрезвычайныхъ случаяхъ, въ обыкновенныхъ же замѣнялся правленіемъ; совѣту давалось право составить инструкцію для инспекціи, а попечителю утвердить ее; на содержаніе инспекціи въ шести университетахъ испрашивалась общая сумма въ 84.000 руб. Но этотъ проектъ остался неразсмотрѣннымъ. Высказанная университетами мысль о корпоративномъ устройствѣ студентовъ, встрѣченная сочувственно въ Министерствѣ, и вновь возникшіе въ университетахъ безпорядки вызвали новый пересмотръ наболѣвшаго вопроса. Въ февралѣ 1881 г. по Высочайшему повелѣнію вопросъ объ устройствѣ быта студентовъ былъ переданъ на разсмотрѣніе особаго совѣщанія, подъ предсѣдательствомъ Военнаго министра графа Д. А. Милютина, изъ министровъ: Внутреннихъ Дѣлъ—графа Лорисъ-Меликова, Финансовъ—А. А. Абазы, Путей Сообщенія—генералъ-адъютанта Посьета, оберъ-прокурора Св. Синода—К. П. Побѣдоносцева, управляющихъ Министерствами: Народнаго Просвѣщенія—А. А. Сабурова, Государственныхъ Имуществъ—князя Ливена, статсъ-секретаря И. Д. Делянова, генералъ-адъютанта Н. В. Исакова и товарища министра Финансовъ Н. Х. Бунге. Половина членовъ этого совѣщанія (графъ Милютинъ, графъ Лорисъ-Меликовъ, А. А. Абаза, А. А. Сабуровъ и Н. Х Бунге) высказались за преобразованіе инспекціи съ подчиненіемъ ея ректору и правленію и за невоспрещеніе студентамъ устройства столовыхъ, читаленъ и разныхъ благотворительныхъ учрежденій. Статсъ-секретарь Деляновъ въ особомъ мнѣніи стоялъ за сохраненіе во всей силѣ мѣръ 1879 г. К. П. Побѣдоносцевъ, князь Ливенъ и Н. В. Исаковъ находили, что «для водворенія порядка и спокойствія въ нашихъ университетахъ требуется коренное ихъ преобразованіе». По докладу статсъ-секретаря Сабурова о результатахъ Совѣщанія 18 февраля 1881 г. правила и инструкція 1879 г. были отмѣнены; для университетовъ С.-Петербургскаго, Харьковскаго, Кіевскаго и Новороссійскаго была утверждена министромъ новая инструкція; въ Москвѣ установить новые порядки еще раньше предложено было попечителю округа по соглашенію съ генералъ-губернаторомъ; о Казанскомъ университетѣ не состоялось пока никакого постановленія.

24 марта 1881 г. статсъ-секретаря Сабурова смѣнилъ баронъ

А. П. Николаи, находившій, что «существующее неопредѣленное положеніе создано временными правилами для университетской инспекціи, которыя противорѣчатъ духу Высочайше утвержденнаго устава означенныхъ учебныхъ заведеній и нынѣ нигдѣ не примѣняются на практикѣ». По представленію барона Николаи 26 мая 1881 г. дѣйствующій уставъ возстановленъ былъ во всей силѣ: предоставленное 2 августа 1879 г. министру право издать инструкцію для университетской инспекціи и другія временныя правила отмѣнены, устройство инспекціи возстановлено по уставу 1863 г., министру дано право опредѣлять число чиновъ инспекціи и на содержаніе послѣдней, въ дополненіе къ штатной суммѣ, назначено 36.600 руб. Отвѣчая на выраженное нѣкоторыми членами Государственнаго Совѣта сомнѣніе, не предрѣшаетъ ли ходатайство министра хода общей реформы университетовъ, баронъ Николаи заявилъ, что дѣло это «по чрезвычайной важности своей требуетъ всесторонняго и основательнаго изученія. Только по предварительномъ исполненіи сего, а также удостовѣрившись на мѣстахъ, въ чемъ именно заключаются недостатки нынѣшняго положенія университетовъ, представится возможнымъ дать упомянутому общему вопросу надлежащее направленіе». Такимъ образомъ новый министръ не считалъ возможнымъ торопиться съ общей реформой университетовъ и желалъ до окончательнаго разрѣшенія этого вопроса оставаться на почвѣ дѣйствующаго устава. Однако, въ виду непрекращавшихся безпорядковъ и волненій между студентами, баронъ Николаи циркуляромъ 30 іюня предложилъ совѣтамъ университетовъ пересмотрѣть издаваемыя ими въ силу § 42 устава правила.

Но желаніе министра удержать обсужденіе мѣръ противъ студенческихъ безпорядковъ на почвѣ дѣйствующаго устава, до замѣны его новымъ, не осуществилось. Высочайшимъ повелѣніемъ 25 мая 1881 г., по докладу министра Внутреннихъ Дѣлъ графа Н. П. Игнатьева, была образована новая комиссія, подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Делянова, изъ представителей отъ Министерствъ: Военнаго, Народнаго Просвѣщенія, Внутреннихъ Дѣлъ, Государственныхъ Имуществъ и Путей Сообщенія На комиссію возлагалась обязанность «составить правила для усиленія надзора за учащейся молодежью». Принявъ во вниманіе состоявшееся 26 мая возстановленіе устава 1863 г. во всей его силѣ, но, съ другой стороны, находя положеніе университетовъ «исключительнымъ и расшатаннымъ», комиссія въ трехъ засѣ-

даніяхъ (22, 27 и 30 іюня) выработала рядъ предположеній: объ усиленіи власти попечителей и вліяніи ихъ на инспекцію, о средствахъ устранить искусственное привлеченіе въ университеты бѣдняковъ, не одаренныхъ особеннымъ прилежаніемъ или призваніемъ къ наукѣ, объ установленіи нормъ слушателей по факультетамъ и курсамъ, объ ограниченіи числа вольнослушателей, о введеніи разныхъ полицейскихъ и дисциплинарныхъ мѣръ. Но всѣ эти мѣры предсѣдатель комиссіи, И. Д. Деляновъ, призналъ не болѣе, какъ палліативами, и въ особой запискѣ, представленной чрезъ министра Внутреннихъ Дѣлъ Государю Императору, изложилъ свое особое мнѣніе о необходимости кореннаго преобразованія университетовъ на основахъ, предположенныхъ графомъ Толстымъ. «По мнѣнію моему», говорилъ статсъ-секретарь Деляновъ, «только коренными, а не палліативными средствами, предположенными комиссіей, которая была связана уставомъ 1863 г., возможно привести наши университеты въ нормальное положеніе и обратить ихъ изъ разсадниковъ политической агитаціи въ разсадники науки. По глубокому моему убѣжденію дѣло приведенія нашихъ университетовъ въ такое нормальное положеніе не терпитъ никакого отлагательства». Особое мнѣніе И. Д. Делянова Высочайше повелѣно было передать барону Николаи «съ указаніемъ того значенія, которое придается этому мнѣнію Его Императорскимъ Величествомъ», а составленныя комиссіей предположенія—сообщить на заключеніе подлежащихъ министровъ. «Вмѣстѣ съ тѣмъ Его Императорское Величество изволилъ выразить, что усиленіе надзора за учащеюся молодежью представляется мѣрою неотложно необходимою, и что правила, опредѣляющія на будущее время этотъ надзоръ, слѣдовало бы ввести въ дѣйствіе до начала учебнаго года». По совѣщаніи представителей разныхъ вѣдомствъ у графа Игнатьева большая часть новыхъ мѣръ была приведена въ исполненіе въ теченіе 1881—1882 учебнаго года по всѣмъ вѣдомствамъ, за исключеніемъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Во всеподданнѣйшемъ докладѣ 17 августа 1881 г. баронъ Николаи представилъ, что существующія по уставу 1863 г. правила, въ общихъ чертахъ согласныя по всѣмъ университетамъ, «заключаютъ въ себѣ нужныя для огражденія порядка постановленія», но что въ виду сугубой заботы объ охраненіи въ университетахъ порядка и спокойствія имъ предложено попечителямъ округовъ и совѣтамъ университетовъ пересмотрѣть эти правила. Нѣсколько позднѣе, въ октябрѣ,

баронъ Николаи представилъ свой отзывъ о предположеніяхъ комиссіи И. Д. Делянова. Высказавъ полное сочувствіе рѣшенію комиссіи держаться, по мѣрѣ возможности, на почвѣ устава 1863 г., министръ сдѣлалъ болѣе или менѣе значительныя возраженія противъ большей части предположеній комиссіи. Представленный графомъ Игнатьевымъ на Высочайшее воззрѣніе отзывъ министра былъ подвергнутъ въ январѣ 1882 г. обсужденію въ новомъ особомъ совѣщаніи, составленномъ изъ министровъ Народнаго Просвѣщенія, Финансовъ, Государственныхъ Имуществъ, Путей Сообщенія, Военнаго, Внутреннихъ Дѣлъ и статсъ-секретаря И. Д. Делянова [262]).

Съ назначеніемъ 16 марта 1882 г. министромъ статсъ-секретаря И. Д. Делянова дѣло коренной реформы университетовъ вступило въ новый фазисъ. 30 ноября 1882 г. составленный при графѣ Толстомъ проектъ новаго устава университетовъ съ немногими и незначительными измѣненіями внесенъ былъ въ Государственный Совѣтъ, разсмотрѣніе же его началось 22 октября 1883 г. Но, въ ожиданіи окончательнаго разрѣшенія вопроса о новомъ уставѣ, правительство продолжало изыскивать мѣры противъ повторявшихся время отъ времени студенческихъ безпорядковъ. Въ совѣщаніяхъ министровъ, состоявшихся въ 1882 и 1883 г.г., и въ особыхъ комиссіяхъ при Министерствахъ Народнаго Просвѣщенія и Внутреннихъ Дѣлъ былъ, между прочимъ, подвергнутъ подробному обсужденію вопросъ объ отдачѣ особенно виновныхъ въ безпорядкахъ воспитанниковъ высшихъ учебныхъ заведеній въ дисциплинарные баталіоны и о принудительномъ отбываніи воинской повинности уволенными за безпорядки изъ учебныхъ заведеній. Но всѣ выработанныя особыми совѣщаніями и комиссіями предположенія не получили утвержденія.

Между тѣмъ проектъ новаго устава университетовъ при обсужденіи его въ Соединенныхъ Департаментахъ и въ Общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта вызвалъ разномысліе по слѣдующимъ основнымъ пунктамъ: 1) о системѣ окончательныхъ испытаній, 2) о программахъ преподаванія, 3) о порядкѣ замѣщенія должностей ректоровъ, декановъ и секретарей факультетовъ, 4) о назначеніи профессоровъ по собственному усмотрѣнію министра, 5) о правѣ профессоровъ преподавать по нѣсколькимъ каѳедрамъ, 6) о распредѣленіи преподаванія по годамъ или полугодіямъ, 7) о гонорарѣ, взимаемомъ со студентовъ въ пользу профессоровъ. По всѣмъ этимъ вопросамъ большинство членовъ

Государственнаго Совѣта высказалось противъ предположеній Министерства, выраженныхъ въ проектѣ устава. Съ своей стороны И. Д. Деляновъ въ особомъ мнѣніи представилъ соображенія въ пользу мнѣній меньшинства, особенно настаивая на устройствѣ государственныхъ экзаменовъ, какъ на краеугольномъ основаніи всей университетской реформы. 15 августа 1884 г. проекты новаго устава и штатовъ удостоились Высочайшаго утвержденія, согласно съ предположеніями меньшинства членовъ Общаго Собранія Государственнаго Совѣта, и указомъ Сенату 25 августа повелѣно было привести ихъ въ дѣйствіе съ начала 1884—1885 учебнаго года въ университетахъ: С.-Петербургскомъ, Московскомъ, Харьковскомъ, Казанскомъ, Св. Владиміра и Новороссійскомъ.

25 мая 1888 г. состоялось Высочайшее повелѣніе объ открытіи Императорскаго Томскаго университета. Мысль объ основаніи университета въ Сибири была высказана еще въ Предварительныхъ правилахъ народнаго просвѣщенія, но затѣмъ надолго оставлена безъ исполненія и вновь была заявлена во всеподданнѣйшемъ докладѣ А. С. Норова въ 1856 г. Рѣшительный ходъ дѣлу основанія Сибирскаго университета, предположеннаго къ открытію сначала въ г. Омскѣ, данъ былъ въ 1876 г., но затѣмъ предпочтеніе оказано Томску. На первое время новый университетъ открытъ былъ въ составѣ одного медицинскаго факультета съ подчиненіемъ его общему уставу университетовъ, измѣненному въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ пунктахъ соотвѣтственно мѣстнымъ условіямъ и особенностямъ временнаго состоянія новаго университета: факультетское собраніе и совѣтъ соединены были въ одно коллегіальное учрежденіе; правленіе составлено подъ предсѣдательствомъ ректора изъ трехъ ординарныхъ профессоровъ, избираемыхъ попечителемъ, и инспектора студентовъ; въ составъ медицинскаго факультета введены нѣкоторые предметы физико-математическаго факультета; въ число студентовъ допущены воспитанники духовныхъ семинарій; плата за слушаніе лекцій понижена.

Сохранили свои особые уставы университеты Дерптскій и Варшавскій, но съ теченіемъ времени и на нихъ были распространены нѣкоторыя отдѣльныя постановленія новаго общаго устава.

Уставъ 1884 г., полнѣе всѣхъ предшествовавшихъ проводя начало подчиненія университетовъ правительственному контролю

и вліянію, предоставилъ Министерству разработать всѣ подробности учебнаго строя, администраціи и хозяйства университетовъ. Постепенное введеніе въ дѣйствіе новаго устава, обставленное изданными Министерствомъ многочисленными правилами и инструкціями, не замедлило встрѣтиться съ такими указаніями опыта, которыя въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ скоро отклонили теченіе университетской жизни отъ первоначально указаннаго уставомъ направленія.

Подчиненіе университетовъ сильной правительственной власти выразилось прежде всего въ расширеніи средствъ надзора за ними со стороны министра, получившаго право установить подробности новаго строя университетовъ, слѣдить за результатами преподаванія чрезъ посредство испытательныхъ комиссій, назначать и повышать по службѣ профессоровъ, избирать ректоровъ.

Попечитель округа является начальникомъ университета, дѣйствующимъ черезъ ректора, совѣтъ, правленіе и собранія факультетовъ и вліяющимъ на всѣ стороны жизни университета. Право созывать совѣтъ, правленіе и факультетскія собранія и присутствовать на ихъ засѣданіяхъ дало возможность попечителю близко знакомиться со всѣми возникающими въ университетѣ вопросами. Большая часть дѣлъ, разсматриваемыхъ въ этихъ комиссіяхъ, или разрѣшается собственною властью попечителя или восходитъ съ его заключеніемъ на разрѣшеніе министра. На попечителѣ лежитъ обязанность высшаго руководительства во всѣхъ распоряженіяхъ по охраненію порядка и дисциплины въ университетѣ. Наконецъ, попечитель получаетъ возможность вліять на личный составъ преподавателей университета, такъ какъ назначеніе и движеніе по службѣ профессоровъ и преподавателей совершается по представленіямъ и заключеніямъ попечителя.

Ректоръ, избираемый министромъ изъ ординарныхъ профессоровъ и назначаемый Высочайшимъ приказомъ на 4 года, непосредственно вѣдаетъ всѣми частями университетскаго управленія. Облеченный болѣе обширною властью, подчиненный попечителю и министру, ректоръ является всецѣло административнымъ органомъ, независимымъ по отношенію къ профессорской корпораціи.

Соотвѣтственно возвышенію власти и вліянія органовъ администраціи, понизилось и съузилось значеніе ученыхъ коллегій, совѣта и факультетскихъ собраній. Кругъ дѣлъ, подлежащихъ вѣдѣнію совѣта и факультетовъ, вообще значительно сокращенъ. Рѣшающая власть оставлена этимъ коллегіямъ лишь въ очень

узкой сферѣ собственно учебныхъ и ученыхъ вопросовъ. По дѣламъ административнымъ и хозяйственнымъ имъ оставлено только совѣщательное значеніе.

Правленіе университета, кромѣ обычныхъ хозяйственно-административныхъ функцій, теперь, послѣ упраздненія университетскаго суда, соединило въ своихъ рукахъ и обязанности судебно-дисциплинарныя по студенческимъ дѣламъ.

Инспекція поставлена совершенно независимо отъ профессорской коллегіи; инспекторъ, назначаемый министромъ, и его помощники, опредѣляемые попечителемъ, состоятъ подъ начальствомъ послѣдняго, но вмѣстѣ подчиняются въ своихъ дѣйствіяхъ ректору и исполняютъ его законныя требованія. 16 мая 1885 г. была утверждена министромъ инструкція о правахъ и обязанностяхъ инспекціи.

Въ положеніи преподавательской корпораціи особенно важной перемѣной было устраненіе выборнаго принципа, краеугольнаго камня университетской автономіи. Поставивъ условіемъ пріобрѣтенія профессорской каѳедры степень доктора соотвѣтствующей науки и испытанную способность къ преподаванію, уставъ далъ министру право замѣщать вакантныя каѳедры или по собственному усмотрѣнію или предоставлять университету избирать кандидата и представлять его на утвержденіе министра. Оставленіе профессора на службѣ по выслугѣ 25 лѣтъ, равно какъ и назначеніе профессору особаго вознагражденія сверхъ пенсіи при отчисленіи его за штатъ, зависитъ отъ министра. Заштатные профессора сохраняютъ, по желанію, право чтенія лекцій, участія въ засѣданіяхъ факультета и совѣта. Оклады жалованья профессоровъ оставлены были прежніе, но матеріальное ихъ положеніе возвышено установленіемъ особой платы (гонорара) со слушателей по 1 рублю за недѣльный часъ въ полугодіе и обращеніемъ въ пенсію по выслугѣ 30 лѣтъ полнаго оклада содержанія. Со званіемъ заслуженнаго профессора сопряжено право сохранять пенсію сверхъ жалованья при службѣ внѣ университета.

Упразднивъ должность штатнаго доцента, новый уставъ далъ широкое развитіе институту приватъ-доцентовъ, какъ разсаднику профессоровъ. Право приватъ-доцентуры, съ согласія факультета и разрѣшенія попечителя, предоставлено, кромѣ академиковъ, профессоровъ и лицъ, имѣющихъ высшія учебныя степени, всѣмъ выдержавшимъ устное испытаніе на степень магистра.

Имѣя право не только читать спеціальные необязательные курсы, но также конкуррировать съ профессорами въ чтеніи обязательныхъ курсовъ, приватъ-доценты не состоятъ на дѣйствительной службѣ и не получаютъ штатнаго постояннаго жалованья. Ихъ труды вознаграждаются изъ особой суммы въ 60.000 руб., назначенной по всѣмъ университетамъ. Средства приготовленія къ профессорскому званію сохранены прежнія: оставленіе молодыхъ людей, успѣшно окончившихъ общіе курсы, при университетѣ и командировки за границу. По этому вопросу Министерство издало въ 1884—1885 г.г. подробныя правила. Недостатокъ преподавателей по нѣкоторымъ основнымъ, съ точки зрѣнія новаго устава, предметамъ побудилъ Министерство поставить въ особо благопріятныя условія молодыхъ ученыхъ, совершенствующихся по этимъ предметамъ за границей. На русскую филологическую семинарію въ Лейпцигѣ, готовившую донынѣ преподавателей для гимназій, возложена была обязанность совершенствовать спеціалистовъ и для университетскихъ каѳедръ. «Только съ помощью этой семинаріи», говорилось въ одномъ представленіи графа Делянова Государственному Совѣту объ отпускѣ необходимой на ея содержаніе суммы, «можетъ быть правильно установлено и упрочено существованіе нашихъ историко-филологическихъ факультетовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и нашихъ гимназій и прочихъ среднихъ учебныхъ заведеній, значитъ и всей вообще системы средняго и высшаго образованія страны». Но въ 1888 г. дальнѣйшее существованіе семинаріи признано было излишнимъ и ассигнуемыя на нее суммы, по 17.500 руб. въ годъ, переданы на содержаніе другаго подобнаго учрежденія, института римскаго права при Берлинскомъ университетѣ, учрежденнаго въ 1886 г. съ цѣлью приготовить достаточное число профессоровъ римскаго права, которое, по мысли Министерства, должно было занять такое же основное, первенствующее положеніе на юридическихъ факультетахъ, какъ классическая филологія на историко-филологическихъ.

Статьи устава объ учащихся и изданныя Министерствомъ въ развитіе этихъ статей различныя правила имѣли главной цѣлью поставить студентовъ въ такое положеніе, въ которомъ ихъ вниманіе сосредоточивалось бы исключительно на научныхъ занятіяхъ и которое устранило бы почву, благопріятную для внутреннихъ безпорядковъ и противоправительственной пропаганды. Единственнымъ условіемъ поступленія въ университетъ уставъ

призналъ аттестатъ зрѣлости, полученный изъ гимназіи или равнаго ей по правамъ средняго учебнаго заведенія; въ число же вольнослушателей университета разрѣшено принимать лицъ, состоящихъ на государственной службѣ или имѣющихъ опредѣленное общественное положеніе. Но въ послѣдующее время введены были нѣкоторыя ограничительныя условія для поступленія въ университеты. Высочайше утвержденными положеніями Комитета Министровъ 5 декабря 1886 г. и 26 іюня 1887 г. министру Народнаго Просвѣщенія дано было право принять мѣры къ ограниченію числа евреевъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, и тогда распоряженіемъ министра пріемъ евреевъ въ высшія и среднія заведенія ограниченъ былъ опредѣленнымъ для каждаго учебнаго округа процентомъ. Въ томъ же году министръ предписалъ точно исполнять изданное еще въ 1880 г. распоряженіе, чтобы начальства среднихъ учебныхъ заведеній сообщали университетамъ и другимъ высшимъ учебнымъ заведеніямъ «полныя и обстоятельныя свѣдѣнія объ образѣ мыслей и направленіи желающихъ поступить въ нихъ молодыхъ людей, объ ихъ склонностяхъ, условіяхъ матеріальнаго быта и общественной среды, къ коей принадлежатъ ихъ родители, а также доставлять по возможности свѣдѣнія и о постороннихъ лицахъ, кои получатъ свидѣтельства зрѣлости и заявятъ о желаніи своемъ продолжать образованіе». Плата за слушаніе лекцій и за участіе въ практическихъ занятіяхъ была установлена двоякая: а) въ пользу университета по 5 руб. въ полугодіе и б) гонораръ въ пользу отдѣльныхъ преподавателей—по 1 руб. за недѣльный часъ, съ тѣмъ, чтобы общая сумма взимаемой со студента платы не превышала 25 руб. въ полугодіе. Въ 1887 г., съ цѣлью отвлечь отъ университетовъ лицъ низшихъ и неимущихъ классовъ, плата въ пользу университета была возвышена съ 10 до 50 руб. въ годъ.

Самый уставъ лишь въ общихъ чертахъ намѣтилъ правила поведенія студентовъ во время пребыванія въ университетѣ. Подробно этотъ вопросъ разработанъ былъ въ «Правилахъ для студентовъ», утвержденныхъ министромъ 16 мая 1885 г. Подчиняя студентовъ бдительному надзору университетскаго начальства и подробно регламентируя ихъ поведеніе, правила признаютъ студентовъ отдѣльными посѣтителями университета и не допускаютъ съ ихъ стороны никакихъ дѣйствій, носящихъ корпоративный характеръ, ни устройства какихъ либо общественныхъ учрежденій, не имѣющихъ научнаго характера. Внѣ зданій уни-

верситета студенты подлежатъ вѣдѣнію полиціи на общемъ основаніи. Проступки же противъ устава и правилъ разбираются инспекторомъ, ректоромъ и правленіемъ, налагающими на виновныхъ взысканія разныхъ степеней, отъ простаго выговора и кратковременнаго ареста въ карцерѣ до исключенія изъ университета. Этимъ же административнымъ органамъ предоставлено распредѣленіе между нуждающимися студентами разныхъ стипендій, пособій и льготъ относительно платы за ученье. Полученіе стипендій и пособій, назначаемыхъ правленіемъ, обусловлено особыми состязательными испытаніями, одобрительными отзывами инспекціи о поведеніи и факультетовъ объ успѣшности научныхъ занятій. Въ томъ же 1885 г. было возстановлено обязательное ношеніе студентами форменной одежды.

Сохранивъ прежнее дѣленіе университета на факультеты и распредѣленіе каѳедръ по нимъ, уставъ 1884 г. ввелъ въ учебный строй университетовъ нѣсколько существенныхъ новостей: раздѣленіе учебнаго курса на полугодія, конкурренцію преподавателей, читающихъ одинъ и тотъ же предметъ, отдѣленіе окончательныхъ экзаменовъ отъ текущаго преподаванія. Семестральнымъ дѣленіемъ учебнаго курса предполагалось удлинить весеннее полугодіе, установить большее разнообразіе курсовъ и болѣе частое повтореніе однихъ и тѣхъ же курсовъ для разныхъ слушателей, дать студентамъ возможность слушать значительное число лекцій, не разбрасываясь по множеству предметовъ, и повѣркою занятій студентовъ по полугодіямъ поощрять равномѣрность и непрерывность этихъ занятій. Но опытъ показалъ трудность распредѣленія всѣхъ курсовъ по полугодіямъ, и Высочайшимъ повелѣніемъ 24 февраля 1890 г. разрѣшено было университетамъ, въ измѣненіе 71-й статьи устава, представлять Министерству обозрѣніе преподаванія на весь академическій годъ. Профессорамъ и приватъ-доцентамъ уставъ предоставилъ читать параллельные курсы и вести практическія занятія по предметамъ, назначеннымъ по учебному плану, а также объявлять необязательные курсы и практическія занятія по другимъ предметамъ не только своего, но и чужаго факультета. Съ другой стороны студентамъ дано право слушать лекціи и принимать участіе въ практическихъ упражненіяхъ у тѣхъ преподавателей, у кого они сами пожелаютъ. Но такой порядокъ не устанавливалъ дѣйствительной свободы преподаванія и ученія. Учебный планъ по каждому факультету, обозначающій порядокъ наукъ и нормальный

ходъ ихъ изученія въ теченіе 8-ми на медицинскомъ факультетѣ—10-ти семестровъ и утверждаемый министромъ, поставленъ былъ въ зависимость отъ объема и характера государственныхъ экзаменовъ. Уставъ требуетъ преподаваніе на каждомъ факультетѣ устроить такъ, «чтобы студентамъ предоставлена была возможность въ надлежащемъ порядкѣ и полномъ объемѣ, выслушать всѣ тѣ предметы, которые входятъ въ составъ предстоящихъ каждому изъ нихъ, по избранному имъ разряду наукъ, испытаній по окончаніи полнаго университетскаго курса». Изданныя въ 1885 г. правила объ экзаменныхъ требованіяхъ въ испытательныхъ комиссіяхъ имѣли цѣлью «дать извѣстное направленіе обязательнымъ занятіямъ учащихся» и, слѣдовательно, опредѣляли общую постановку преподаванія на факультетахъ. Дѣйствительно, устанавливая экзаменныя требованія для комиссій историко-филологической и юридической, Министерство не ограничилось изложеніемъ основныхъ пунктовъ программъ по отдѣльнымъ наукамъ, но преподало руководящія указанія на главные предметы факультетскаго преподаванія, на ихъ взаимную связь и характеръ изученія. «Основаніе филологическаго образованія», говорится въ правилахъ, «какъ въ матеріальномъ, такъ и въ методологическомъ отношеніи, составляютъ оба классическіе языка съ ихъ литературами и относящимися къ нимъ дисциплинами и реальными свѣдѣніями». Поэтому классическая филологія и древняя философія поставлены основнымъ и общеобязательнымъ предметомъ изученія на историко-филологическомъ факультетѣ въ теченіе всѣхъ 8 семестровъ. Всѣ остальныя науки являются дополнительными и раздѣляются на 2 группы: наукъ словесныхъ и историческихъ. Но такое преобладаніе классической филологіи было непродолжительно. Въ 1889 г. историко-филологическіе факультеты получили прежнее устройство, существовавшее при старомъ уставѣ. Также и по юридическому факультету изложенію экзаменныхъ требованій Министерство предпослало общій взглядъ на задачи и характеръ русской юридической науки: на первый планъ выдвинуто римское право, «предметъ столь же всеобщій и обязательный для всякаго просвѣщеннаго юриста, къ какой бы ни принадлежалъ онъ странѣ и какому бы ни служилъ государству». Не надѣясь, что наши университеты сами будутъ въ состояніи приготовить достаточное число преподавателей этой основной юридической науки, министръ 15 ноября 1886 г. испросилъ Высочайшее соизволеніе на учрежденіе временнаго курса по римскому праву при юридическомъ

факультетѣ Берлинскаго университета съ цѣлью приготовленія профессоровъ для русскихъ университетовъ.

Не только общіе учебные планы по каждому факультету подлежали утвержденію Министерства. На каждое предстоящее полугодіе факультеты обязаны были представлять на утвержденіе министра обозрѣнія преподаванія, съ распредѣленіемъ лекцій и практическихъ занятій по днямъ недѣли и по часамъ. Правила 1885 г. о зачетѣ полугодій обратили особенное вниманіе университетовъ на развитіе практическихъ занятій и самостоятельной работы студентовъ посредствомъ семинаріевъ, домашнихъ работъ, внѣлекціонныхъ совѣщаній съ профессорами.

Раздѣливъ теченіе университетскаго курса на полугодія, новый уставъ упразднилъ переводные съ курса на курсъ экзамены (кромѣ полукурсовыхъ испытаній на медицинскихъ факультетахъ) и ввелъ такъ называемый «зачетъ полугодій», имѣвшій цѣлью лишь удостовѣрить прилежаніе студента и исполненіе обязанностей, возложенныхъ на него правилами для обезпеченія успѣшнаго хода его занятій. Но этотъ новый порядокъ контроля надъ занятіями студентовъ просуществовалъ въ полной силѣ недолго. Съ Высочайшаго соизволенія 22 августа 1889 г. введены были, въ видѣ временной мѣры, обязательныя полукурсовыя испытанія по всѣмъ факультетамъ. По правиламъ, изданнымъ въ 1890 г., факультеты получили право раздѣлять, съ утвержденія министра, предметы испытаній на 2 части: въ концѣ втораго и въ концѣ четвертаго полугодій. Такимъ образомъ возстановленъ былъ на половину прежній порядокъ ежегодныхъ испытаній.

Окончательная повѣрка результатовъ занятій студентовъ и испытаніе ихъ знаній производится въ особыхъ экзаменаціонныхъ комиссіяхъ при университетахъ, по каждому факультету отдѣльно. Предсѣдатели и члены комиссій назначаются министромъ. Общія для всѣхъ университетовъ правила испытаній въ комиссіяхъ и изложеніе требованій, коимъ должны удовлетворять испытуемые, утверждаются министромъ и печатаются во всеобщее свѣдѣніе. Выдержавшіе испытанія получаютъ, соотвѣтственно объему и качеству оказанныхъ познаній, дипломы 1-й или 2-й степени, которые для выдержавшихъ испытанія въ медицинской комиссіи замѣняются дипломомъ на званіе лѣкаря. Первоначально экзаменныя требованія были утверждены министромъ лѣтомъ 1885 г. и правила о производствѣ испытаній—въ 1887 г., но черезъ 2 года, послѣ личнаго обозрѣнія университетовъ графомъ Деля-

новымъ, для предсѣдателей экзаменныхъ комиссій была составлена инструкція, допустившая значительныя облегченія и отступленія отъ первоначальныхъ требованій. Для пріобрѣтенія ученыхъ степеней магистра и доктора предполагалось также составить особое положеніе, подлежащее утвержденію министра. Но оно не было издано и осталось въ силѣ старое Положеніе 4 января 1864 г.

Впредь до разрѣшенія общаго вопроса о служебныхъ правахъ, пріобрѣтаемыхъ окончаніемъ курсовъ въ учебныхъ заведеніяхъ по указу о введеніи новаго устава, лица, получившія дипломы 1-й и 2-й степени и ученыя степени магистра и доктора, при поступленіи на гражданскую службу утверждаются въ чинахъ: докторъ—VIII класса, магистръ—IX-го, имѣющій дипломъ 1-й степени—X-го и 2-й степени—XII-го.

Новые штаты, значительно улучшившіе матеріальное благосостояніе университетовъ, были объявлены временными. На всѣ 6 университетовъ ассигновано 2.268.790 руб. ежегодно. Штаты же отдѣльныхъ университетовъ опредѣлились слѣдующими суммами:

С.-Петерб.	Москов.	Харьков.	Казан.	Св. Владим.	Новорос.
311.050 р.	409.570 р.	327.190 р.	342.820 р.	332.070 р.	218.150 р.

Но эти увеличенныя средства далеко не удовлетворяли всѣхъ нуждъ университетовъ, и Министерство вынуждено было ходатайствовать о спеціальныхъ кредитахъ, особенно на усиленіе скудныхъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій. По ходатайству графа Делянова въ смѣту Министерства на 1889 г. внесенъ былъ къ условному отпуску кредитъ въ 250.000 руб. на улучшеніе и развитіе учебно-вспомогательныхъ учрежденій 6 университетовъ. Разрѣшая расходованіе этого кредита, Государственный Совѣтъ поручилъ министру внести особое представленіе съ объясненіемъ, какая именно общая сумма потребуется на изъясненную надобность и на сколько лѣтъ можетъ быть распредѣленъ отпускъ этой суммы. По разсчету Министерства на всѣ 6 университетовъ требовалась сумма въ 2.907.729 руб. 43 коп., но Высочайше утвержденнымъ 7 іюня 1890 г. мнѣніемъ Государственнаго Совѣта ассигновано было 1.500.000 руб. съ распредѣленіемъ этой суммы на 6 лѣтъ и подъ условіемъ, что каждый разъ при составленіи финансовой смѣты Министерство будетъ объяснять, на какія именно потребности предназначается испрашиваемый

кредитъ. Особымъ кредитомъ на 1887 г. было отпущено 100.000 руб. на усиленіе преподаванія и на установленіе контроля за занятіями студентовъ. Но при этомъ Государственный Совѣтъ предложилъ Министерству, «не отступая отъ предначертаннаго плана организаціи практическихъ занятій со студентами, принять въ самыхъ способахъ его осуществленія такія мѣры, которыя предотвращали бы потребность въ новыхъ пожертвованіяхъ со стороны казны».

Осенью 1888 г. графъ Деляновъ лично обозрѣлъ университеты, подчиненные дѣйствію новаго устава. Въ каждомъ университетѣ министръ выслушивалъ мнѣнія и желанія профессоровъ о лучшей постановкѣ учебнаго дѣла, знакомился съ состояніемъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій, обращался съ рѣчами къ студентамъ. Во всеподданнѣйшемъ докладѣ 13 ноября 1888 г., указавъ главныя цѣли, которыя преслѣдовалъ новый уставъ, министръ высказалъ слѣдующія соображенія: «было бы преувеличеніемъ сказать, что цѣли эти нынѣ вполнѣ достигнуты, но я имѣлъ случай убѣдиться, что довольно многое уже сдѣлано. Важнымъ препятствіемъ къ тому, чтобы университетскіе дѣятели со всею готовностью примкнули къ направленію, указываемому новыми постановленіями, служитъ то обстоятельство, что значительное разногласіе мнѣній въ правительственныхъ сферахъ, предшествовавшее утвержденію новаго устава, оставило не исчезнувшій еще слѣдъ, поселяя неувѣренность въ прочности вводимыхъ порядковъ..... Развитіе практическихъ занятій, въ особенности по наукамъ опытнымъ, встрѣчаетъ сочувствіе и въ профессорахъ и въ студентахъ; но замѣчается при этомъ 1) недостаточность второстепеннаго обучающаго персонала—профессорскихъ помощниковъ, ассистентовъ, лаборантовъ и проч., и крайняя его необезпеченность, и 2) недостатокъ средствъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій. Важно не привлеченіе къ высшему образованію большаго числа лицъ, а поставленіе избраннаго и способнаго меньшинства въ условія, благопріятныя для широкаго развитія талантовъ.... Умственное вооруженіе націи также требуетъ средствъ и пожертвованій, какъ и вооруженіе матеріальное, и также, какъ это послѣднее, вызывается требованіями государственной пользы.... Хотя повсюду встрѣченные мною спокойствіе и порядокъ служатъ свидѣтельствомъ дисциплинарнаго упорядоченія студентовъ, однако самыя опасенія могущихъ послѣдовать волненій и скрытая агитація, дѣйствовавшая въ студенческой средѣ, показываютъ, что эле-

менты броженія еще не исчезли, и университеты еще не гарантированы отъ повторенія безпорядковъ по тому или другому поводу. Требуется еще много и настойчивой бдительности начальства и, въ особенности, неуклоннаго по одному пути слѣдованія со стороны высшаго правительства, чтобы окончательно лишить враждебные элементы силы и довѣрія». Эти мысли и предположенія министра удостоены были Высочайшаго одобренія [263]).

За университетами, какъ общеобразовательными учебными заведеніями, въ вѣдѣніи Министерства въ послѣдней четверти вѣка сосредоточился рядъ спеціальныхъ высшихъ училищъ, которыя можно раздѣлить на нѣсколько группъ: педагогическихъ, техническихъ и медицинскихъ. Къ первой группѣ принадлежали историко-филологическіе институты въ С.-Петербургѣ и Нѣжинѣ, въ положеніи которыхъ не произошло существенныхъ перемѣнъ со времени изданія ихъ уставовъ. Вторую группу составляли технологическіе институты въ С.-Петербургѣ и Харьковѣ, Императорское Московское Техническое училище, Рижское Политехническое училище, Институтъ сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи. Всѣ эти учебныя заведенія, сосредоточеніе которыхъ въ вѣдомствѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія произошло въ связи съ возложеніемъ на это Министерство обязательства создать общій нормальный планъ профессіональнаго образованія, средняго и низшаго, были преобразованы въ 80-хъ и 90-хъ годахъ, въ административномъ и хозяйственномъ отношеніяхъ на основаніяхъ общихъ для всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній, въ учебномъ—сообразно съ спеціальнымъ назначеніемъ каждаго отдѣльнаго училища. Преобразованный въ послѣдній разъ на основаніи Положенія 23 марта 1887 г. С.-Петербургскій практическій технологическій институтъ и вновь учрежденный по Положенію 16 апрѣля 1885 г. институтъ Харьковскій, служащій центромъ высшаго техническаго образованія для юга Россіи, существуютъ съ тѣхъ поръ, какъ высшія открытыя училища съ 5-лѣтнимъ курсомъ, дающія технологическое образованіе по спеціальностямъ механической и химической. По штатамъ на содержаніе институтовъ ассигновано: С.-Петербургскаго—234.323 руб. 50 коп. и Харьковскаго—189.605 руб. [264]).

Императорское Московское Техническое училище, состоявшее до 1887 г. въ вѣдомствѣ учрежденій Императрицы Маріи, получило 6 іюня 1894 г. новое Положеніе, сблизившее его съ С.-Петербургскимъ технологическимъ институтомъ, но сохранившее

всѣ тѣ особенности преподаванія практическихъ специальныхъ предметовъ, которыя были выработаны въ послѣднія 25 лѣтъ и которыя, по отзывамъ фабрикантовъ и заводчиковъ, представлялись несомнѣнно цѣнными для промышленности. Штатъ училища опредѣленъ въ 207.508 руб. [265]).

Рижское Политехническое училище, основанное въ 1861 г. и въ 1881 г. переданное, вмѣстѣ съ другими спеціальными заведеніями, изъ Министерства Финансовъ въ вѣдѣніе Министерства Народнаго Просвѣщенія и содержимое главнымъ образомъ на счетъ платы за слушаніе лекцій, на пожертвованія разныхъ корпорацій, отъ казны же получающее субсидію лишь въ 10.000 руб., подверглось различнымъ частнымъ преобразованіямъ. Полное же преобразованіе училища предпринято было въ 1892 г., по поводу введенія въ немъ преподаванія на русскомъ языкѣ [266]).

Ново-Александрійскій институтъ, вслѣдствіе безпорядковъ временно закрытый въ 1890 г., предположено было сначала обратить въ среднее сельско-хозяйственное училище; но затѣмъ онъ былъ преобразованъ по новому уставу 17 апрѣля 1893 г. въ высшее учебное заведеніе съ двумя отдѣленіями, сельско-хозяйственнымъ и лѣснымъ, на одинаковыхъ правахъ съ другими высшими техническими заведеніями. На содержаніе института ассигновано по 132.970 руб. въ годъ [267]).

Изъ медицинскихъ учебныхъ заведеній въ вѣдѣніи Министерства Народнаго Просвѣщенія оставались ветеринарные институты, число которыхъ увеличилось послѣ преобразованія Варшавской ветеринарной школы въ 1884 г.—въ ветеринарное училище, а въ 1889 г.—въ институтъ. При осмотрѣ нѣкоторыхъ учебныхъ округовъ въ 1881 г. министръ Народнаго Просвѣщенія нашелъ неудовлетворительнымъ состояніе ветеринарныхъ институтовъ и возбудилъ вопросъ о возвышеніи научнаго ценза лицъ, поступающихъ въ институты, и о возможно большемъ приспособленіи этихъ заведеній къ практическимъ потребностямъ земства и общества. Но это дѣло о коренномъ преобразованіи ветеринарныхъ институтовъ не было доведено до конца. Кромѣ частныхъ улучшеній, вызванныхъ потребностями каждаго отдѣльнаго института, могутъ быть отмѣчены за данный періодъ и нѣкоторыя общія мѣры: въ 1886 г.—введеніе форменной одежды для студентовъ, въ 1887 г.—предоставленіе министру права установить комплектъ учащихся, въ 1891 г.—ограниченіе выборныхъ правъ профессорскихъ коллегій [268]).

Особнякомъ стояли въ ряду высшихъ учебныхъ заведеній два лицея: Демидовскій Юридическій въ Ярославлѣ и Московскій въ память Цесаревича Николая, и спеціальные классы при Лазаревскомъ институтѣ восточныхъ языковъ. Изъ этихъ учебныхъ заведеній новый уставъ и штатъ получилъ 17 апрѣля 1890 г. Лицей Цесаревича Николая. Основныя задачи и организація Лицея сохранились въ томъ видѣ какъ они были утверждены при жизни его основателей, М. Н. Каткова и П. М. Леонтьева. Казенная субсидія была увеличена до 38.000 руб. Въ 1893 г. Лицею Высочайше пожаловано наименованіе Императорскаго [269]).

Въ совершенно своеобразное учено-учебное учрежденіе развился Археологическій институтъ въ С.-Петербургѣ. Плодотворная дѣятельность института, въ теченіе первыхъ четырехъ лѣтъ существовавшаго исключительно на частныя средства, дала основаніе Министерству выхлопотать Институту постоянную правительственную поддержку. Въ 1882 г. институту назначена была субсидія изъ Государственнаго Казначейства по 6.000 руб. въ теченіе трехъ лѣтъ. Съ 1887 г. эта субсидія сдѣлана постоянной [270]).

Въ эту же эпоху, въ царствованіе Императора Александра III, былъ вновь разсмотрѣнъ еще столь недавно назрѣвшій вопросъ о допущеніи къ высшему научному образованію женщинъ. Въ результатѣ продолжительной и всесторонней законодательной разработки этого вопроса явилось преобразованіе Высшихъ женскихъ курсовъ въ С.-Петербургѣ и учрежденіе Женскаго Медицинскаго Института.

Обсужденіе мѣръ противъ безпорядковъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ не могло не коснуться Высшихъ женскихъ курсовъ. Собиравшаяся въ 1881 г., подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря И. Д. Делянова, комиссія по вопросу объ усиленіи надзора за учащеюся молодежью пришла, между прочимъ, къ заключенію, что Высшіе женскіе курсы должны быть немедленно закрыты, если бы административно-полицейская власть признала ихъ безусловно вредными, или переустроены на новыхъ основаніяхъ. Въ 1886 г. особое совѣщаніе, подъ предсѣдательствомъ И. Д. Делянова, изъ представителей Министерствъ Народнаго Просвѣщенія и Внутреннихъ Дѣлъ положило, «что пока не будетъ выработанъ уставъ, программы и правила предполагаемаго высшаго женскаго учебнаго заведенія, необходимо пресѣчь дальнѣйшее скопленіе въ большихъ городахъ молодыхъ дѣвицъ, ищущихъ не столько знанія, сколько превратно пони-

*

маемой ими свободы». На докладѣ министра 12 мая Государь написалъ: «Совершенно раздѣляю мнѣніе совѣщанія. Необходимо дать этимъ курсамъ твердое и правильное основаніе и устройство». Послѣ того пріемъ слушательницъ на курсы былъ прекращенъ, вопросъ же о дальнѣйшемъ ихъ существованіи переданъ на обсужденіе Высочайше учрежденной подъ предсѣдательствомъ князя М. С. Волконскаго комиссіи объ изысканіи главнѣйшихъ основаній для лучшей постановки женскаго образованія въ Имперіи. Комиссія, поставивъ своей первой задачей разслѣдованіе условій жизни, политическаго направленія и нравственнаго настроенія массы дѣвицъ, собирающихся на курсы со всѣхъ концовъ Россіи, пришла къ неутѣшительному выводу, что настоящее положеніе курсовъ во всѣхъ отношеніяхъ ненормально и не можетъ быть терпимо, и составила проектъ новаго Положенія для курсовъ, учебный планъ и примѣрный штатъ. Такъ какъ до утвержденія этихъ проектовъ должно было пройти довольно много времени, то за воспрещеніемъ пріема новыхъ слушательницъ и выпускомъ оканчивающихъ курсы, послѣдніе должны были на нѣкоторое время вовсе прекратить существованіе. Но въ январѣ 1889 г. на Высочайшее воззрѣніе повергнута была женою тайнаго совѣтника Лихачева отъ имени Общества для доставленія средствъ Высшимъ женскимъ курсамъ всеподданнѣйшая просьба, изъяснявшая, что Общество вынуждено будетъ, по лежащимъ на немъ обязательствамъ, приступить къ продажѣ всего своего имущества, оцѣниваемаго въ 300.000 руб. Собранное долголѣтнимъ трудомъ, съ принесеніемъ многихъ жертвъ, это имущество представляло весьма цѣнное подспорье для высшаго женскаго учебнаго заведенія; разрозненное же и распроданное въ разныя руки, оно потеряло бы все свое значеніе и погибло безвозвратно и безплодно для дѣла просвѣщенія. Это ходатайство Общества удостоилось Монаршаго вниманія, и 23 февраля министръ испросилъ Высочайшее разрѣшеніе допустить возобновленіе пріема на курсы съ тѣмъ, чтобы въ организаціи ихъ немедленно были произведены предположенныя комиссіей князя Волконскаго и Высочайше одобренныя измѣненія. Въ іюнѣ того же года Комитетъ Министровъ положилъ предоставить министру Народнаго Просвѣщенія, впредь до изданія законодательнымъ путемъ общихъ постановленій о высшемъ женскомъ образованіи, составить подробныя правила временнаго устройства и содержанія С.-Петербургскихъ Высшихъ женскихъ курсовъ. По утвержден-

ному тогда же товарищемъ министра княземъ М. С. Волконскимъ Временному Положенію С.-Петербургскіе высшіе женскіе курсы вновь были возстановлены, какъ частное учебное заведеніе, не дающее никакихъ правъ ни учащимъ, ни учащимся. Комплектъ слушательницъ назначенъ въ 400 человѣкъ, изъ которыхъ не болѣе 2% могутъ быть вольнослушательницами. Въ учебномъ отношеніи курсы раздѣлены на 2 отдѣленія: историко-филологическое и физико-математическое, и преподаваніе подчинено учебнымъ планамъ, составленнымъ въ Министерствѣ. Управленіе сосредоточивается въ лицѣ назначаемаго министромъ директора, избирающаго преподавателей, а руководство воспитательной частью—въ лицѣ инспектрисы и ея помощницъ. Хозяйственною частью завѣдуетъ особый попечительный совѣтъ, члены котораго назначаются министромъ. Слушательницы должны жить или у родителей и близкихъ родственниковъ или въ интернатѣ, но не на частныхъ квартирахъ. Годичный расходъ на содержаніе курсовъ по примѣрному росписанію исчисленъ въ 46.850 руб. [271]).

Съ бóльшимъ сочувствіемъ отнеслось Министерство къ учрежденію высшаго медицинскаго учебнаго заведенія для женщинъ. Ходатайствуя о возстановленіи Высшихъ женскихъ курсовъ, графъ Деляновъ высказалъ, «что учрежденіе женскихъ медицинскихъ курсовъ было бы гораздо цѣлесообразнѣе и полезнѣе, чѣмъ высшихъ женскихъ курсовъ». Послѣ упраздненія въ 1882 г. женскихъ врачебныхъ курсовъ при Петербургскомъ Николаевскомъ военномъ госпиталѣ, по Высочайшему повелѣнію 3 февраля 1883 г., составленъ былъ при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, подъ предсѣдательствомъ князя Волконскаго, комитетъ для составленія проекта Положенія объ институтѣ ученыхъ акушерокъ. Собравъ обширный матеріалъ по исторіи женскаго медицинскаго образованія въ Европѣ и Америкѣ, комитетъ выработалъ проектъ учрежденія, которому предположено было дать болѣе цѣлесообразное названіе Женскаго Медицинскаго Института. Сообщенный на заключеніе спеціальныхъ медицинскихъ учрежденій и другихъ заинтересованныхъ вѣдомствъ, проектъ встрѣтилъ принципіальное возраженіе со стороны товарища министра Внутреннихъ Дѣлъ, заявившаго, «что всѣ приводимые доводы о практическомъ значеніи и необходимости проектируемаго института основываются не на дѣйствительной потребности государства въ такомъ учрежденіи, а лишь на теоретическихъ соображеніяхъ и стремленіяхъ отдѣльныхъ лицъ къ такъ называемой эмансипаціи женщинъ».

На представленныя по этому поводу Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія объясненія графъ Д. А. Толстой отвѣтилъ въ томъ же смыслѣ, что «онъ не видитъ никакой общественной потребности въ женскомъ медицинскомъ образованіи». Но преемникъ графа Толстаго статсъ-секретарь И. Н. Дурново, «въ виду непрекращающихся ходатайствъ о допущеніи женщинъ къ высшему медицинскому образованію и во вниманіе къ высказаннымъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія доводамъ въ пользу неотложнаго разрѣшенія вопроса объ учрежденіи женскаго медицинскаго института», не нашелъ препятствій къ представленію этого дѣла на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта. Здѣсь проектъ Министерства также встрѣтилъ сильную оппозицію. Государственный Совѣтъ, «соглашаясь въ принципѣ съ предположеніемъ Министерства Народнаго Просвѣщенія о пользѣ учрежденія Женскаго Медицинскаго Института, тѣмъ не менѣе находилъ, что учрежденіе его не вызывается государственною необходимостью, а потому должно быть поставлено въ зависимость отъ тѣхъ средствъ, которыя на этотъ предметъ будутъ собраны отъ частныхъ пожертвованій». По этимъ соображеніямъ 3 февраля 1892 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе о предоставленіи министру Народнаго Просвѣщенія права вновь войти въ Государственный Совѣтъ съ ходатайствомъ о Женскомъ Медицинскомъ Институтѣ, когда 1) будетъ составлена полная и точная смѣта всѣхъ расходовъ на его содержаніе и 2) когда, соотвѣтственно съ этой смѣтой, будетъ собрана достаточная сумма. Во второмъ представленіи Государственному Совѣту въ 1895 г. графъ Деляновъ подробно разъяснилъ настоятельную потребность въ научно образованныхъ женщинахъ-врачахъ и указалъ, что открытіе института прекратило бы поступленіе русскихъ женщихъ въ заграничные университеты, гдѣ онѣ легко попадаютъ подъ пагубное вліяніе эмигрантовъ. Пожертвованный на содержаніе института капиталъ къ 1 марта 1895 г. достигъ 574.490 руб., кромѣ различныхъ обязательствъ частныхъ лицъ на сумму около 200.000 руб. При вторичномъ обсужденіи всего дѣла въ Государственномъ Совѣтѣ возникли разногласія по нѣкоторымъ спеціальнымъ пунктамъ, между прочимъ по вопросу о необходимости требовать отъ поступающихъ въ институтъ знаніе греческаго языка. Общимъ Собраніемъ Государственнаго Совѣта это послѣднее условіе признано излишнимъ, и 1 іюня 1895 г. Положеніе объ институтѣ и штатъ послѣдняго удостоились Высочайшаго утвержденія. Открытый въ

1897 г. въ С.-Петербургѣ институтъ предназначенъ «доставлять лицамъ женскаго пола медицинское образованіе, преимущественно приспособленное къ лѣченію женскихъ и дѣтскихъ болѣзней и къ акушерской дѣятельности». Управленіе Институтомъ, находящимся въ вѣдѣніи попечителя С.-Петербургскаго округа, ввѣрено директору при участіи совѣта преподавателей, правленія, попечительнаго комитета, инспектрисы и ея помощницъ. Курсъ ученія назначенъ въ 5 лѣтъ и составленъ по образцу медицинскихъ факультетовъ съ нѣкоторыми измѣненіями въ составѣ каѳедръ. Успѣшно оканчивающимъ курсъ предоставляется званіе «женщины-врача», право врачебной практики и занятія разныхъ врачебныхъ должностей, но безъ правъ государственной службы. Штатъ института опредѣленъ въ 63.000 руб. [272]).

V.

Оставляя постъ министра Народнаго Просвѣщенія, графъ Толстой въ прощальной рѣчи, обращенной къ чинамъ Министерства, заявилъ, что система средняго образованія останется непоколебленной. Тѣмъ не менѣе въ кратковременное управленіе Министерствомъ статсъ-секретарей А. А. Сабурова и барона Николаи уже сознана была необходимость нѣсколько смягчить строгость режима предшествующей эпохи въ отношеніи гимназій и реальныхъ училищъ, а въ концѣ 80-хъ годовъ пересмотръ учебныхъ плановъ повелъ къ такимъ результатамъ, которые побудили графа Делянова высказать опасенія за сохраненіе самыхъ основъ системы средняго образованія.

Высочайше учрежденныя комиссіи для разсмотрѣнія отчетовъ по Министерству Народнаго Просвѣщенія за послѣдніе годы управленія графа Толстаго неоднократно указывали на нѣкоторыя односторонности и увлеченія при примѣненіи уставовъ и правилъ классическихъ гимназій и реальныхъ училищъ. Такъ комиссія, разсматривавшая отчетъ за 1877 г., обратила особенное вниманіе Министерства «на общеизвѣстный и вѣроятно повсемѣстный фактъ, что родители, даже и весьма серьезно относящіеся къ дѣлу воспитанія, жалуются на излишнее обремененіе дѣтей задаваемыми уроками для занятій внѣ класснаго времени». Комиссія полагала, что Министерство «оказало бы истинное благодѣяніе учащемуся юношеству», если бы постаралось по возможности содѣйствовать

развитію дѣятельности классныхъ наставниковъ, обязанныхъ наблюдать за необремененіемъ учащихся непосильными работами, знакомить учителей съ индивидуальными способностями каждаго ученика и добровольно принимать на себя занятія съ неуспѣвающими. Слѣдующая комиссія высказала предположеніе объ изданіи особаго циркуляра попечителямъ учебныхъ округовъ, «въ которомъ были бы изложены соотвѣтственныя указанія по предмету избѣжанія излишняго обремененія учащихся въ гимназіяхъ». Тѣ же комиссіи обратили вниманіе на необходимость болѣе равномѣрнаго распредѣленія обязанностей классныхъ наставниковъ между преподавателями не только древнихъ языковъ, но и другихъ предметовъ гимназическаго курса.

Отрицательныя стороны порядковъ, установленныхъ графомъ Толстымъ въ гимназіяхъ, обнаружились прежде всего въ системѣ испытаній, и статсъ-секретаремъ Сабуровымъ, на основаніи постановленія Совѣта Министра о необходимости существенныхъ измѣненій въ правилахъ объ испытаніяхъ, предположено было издать новыя правила. Баронъ Николаи, затрудняясь дать дальнѣйшее движеніе этому дѣлу впредь до всесторонняго и полнаго его обсужденія, призналъ, однако, цѣлесообразнымъ немедленно примѣнить на практикѣ нѣкоторыя важнѣйшія предположенія Совѣта Министра. Циркуляромъ 28 апрѣля 1881 г. отмѣнено было установленное правилами объ испытаніяхъ 8 декабря 1872 г. исключительное значеніе, при экзаменѣ на аттестатъ зрѣлости, средняго математическаго вывода изъ четырехъ срочныхъ вѣдомостей за годъ; преподавателямъ предоставлено, не стѣсняясь этими отмѣтками, оцѣнивать передъ началомъ испытанія успѣхи учениковъ общею годовою отмѣткою, выражающею заключеніе преподавателя на основаніи собранныхъ имъ въ теченіе года наблюденій о прилежаніи и успѣхахъ ученика; педагогическимъ совѣтамъ вмѣнено въ обязанность, при переводахъ учениковъ изъ класса въ классъ, не ограничиваться механическимъ исчисленіемъ балловъ, а принимать во вниманіе совокупность всѣхъ данныхъ объ успѣхахъ каждаго ученика. § 59-й правилъ объ испытаніяхъ, по которому экзаменующійся на аттестатъ зрѣлости не допускался до дальнѣйшаго испытанія, если какая либо изъ письменныхъ его работъ оказывалась неудовлетворительною, былъ отмѣненъ вовсе, и присужденіе аттестата должно было производиться на основаніи одинаково какъ письменныхъ, такъ и устныхъ испытаній.

Учебный строй гимназій и прогимназій оставался неизмѣннымъ до конца 80-хъ годовъ. Графъ И. Д. Деляновъ, будучи рѣшительнымъ сторонникомъ классической системы, не могъ не видѣть, что преподаваніе древнихъ языковъ въ гимназіяхъ далеко неудовлетворительно и своими слабыми результатами подрываетъ престижъ классической системы. «Я не могу», говорилъ онъ въ представленіи Государственному Совѣту въ 1889 г., «умолчать о нѣкоторыхъ, обнаружившихся за эти 18 лѣтъ (1871—1889 г.), неправильностяхъ и нѣкоторой односторонности въ примѣненіи распоряженій Министерства Народнаго Просвѣщенія по учебной части, что̀ отразилось неблагопріятно на успѣхѣ преподаванія отдѣльныхъ предметовъ. Такъ, напримѣръ, въ преподаваніи древнихъ языковъ, говоря вообще, возобладало до нѣкоторой степени одностороннее грамматическое направленіе, такъ что прохожденіе подробнаго курса грамматики и упражненія въ переводахъ съ русскаго языка на древніе отдѣльныхъ фразъ и искусственно составленныхъ отрывковъ оттѣснили на второй планъ чтеніе и объясненіе писателей, и самые тексты писателей нерѣдко служили главнѣйше какъ бы матеріаломъ для устныхъ и письменныхъ упражненій въ этимологическихъ формахъ и синтаксическихъ оборотахъ». Какъ засвидѣтельствовалъ одинъ изъ циркуляровъ объ улучшеніи преподаванія древнихъ языковъ, и самое изученіе грамматики достигало очень плохихъ результатовъ. Въ распоряженіи управляющаго Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія отъ 16 іюля 1886 г. поставлялось на видъ, «что ученики гимназій при окончаніи ими курса обладаютъ не вполнѣ достаточнымъ запасомъ словъ и, зная коренное слово, не въ состояніи понять его значенія въ сложеніи съ какимъ нибудь другимъ словомъ и даже затрудняются отыскать начало слова, встрѣтившагося въ сравнительно рѣдко употребляемой формѣ . . .; что познанія въ семъ отношеніи учениковъ старшихъ классовъ иногда ниже познаній учениковъ среднихъ и даже низшихъ классовъ. . .; что однимъ изъ наиболѣе крупныхъ недостатковъ въ познаніяхъ учениковъ нашихъ гимназій по древнимъ языкамъ является неумѣлость разобрать и перевести новый, нечитанный отрывокъ». Такія печальныя наблюденія побудили Министерство къ рѣшительнымъ мѣрамъ. Съ цѣлью «не только устранить замѣченныя неправильности, но и вообще улучшить и сдѣлать болѣе плодотворнымъ гимназическое ученіе по древнимъ языкамъ», министръ образовалъ весной 1889 г. комиссію изъ спеціалистовъ по древнимъ языкамъ и изъ лицъ,

знакомыхъ по опыту съ гимназическимъ преподаванiемъ, подъ предсѣдательствомъ товарища министра князя М. С. Волконскаго. Комиссiя ограничилась сначала только программами древнихъ языковъ и пришла къ заключенiю о необходимости: 1) изученiе греческой и латинской грамматикъ съ упражненiями заканчивать въ VI классѣ, 2) курсъ 2-хъ старшихъ классовъ посвятить исключительно чтенiю авторовъ, 3) на испытанiяхъ зрѣлости письменные переводы съ русскаго языка на древнiе замѣнить переводами съ древнихъ языковъ на русскiй. Этимъ новымъ планомъ преподаванiя древнихъ языковъ и полагалъ ограничиться министръ, не касаясь общей таблицы числа уроковъ.

Между тѣмъ рѣшено было, по настоянiямъ духовнаго вѣдомства, увеличить въ 3-хъ старшихъ классахъ гимназiй число уроковъ Закона Божiя по одному на каждый классъ. Но такъ какъ это вызывало соотвѣтственное сокращенiе числа уроковъ по другимъ предметамъ, что̀ могло быть исполнено только законодательнымъ путемъ, то министръ призналъ нужнымъ пересмотрѣть всю вообще таблицу уроковъ и программы по уставу 1871 г. Составленные специалистами, профессорами и преподавателями, проекты измѣненiй и сокращенiй программъ по всѣмъ предметамъ подвергнуты были обсужденiю въ новой многочисленной комиссiи, подъ предсѣдательствомъ князя Волконскаго, изъ попечителей учебныхъ окуговъ, членовъ Совѣта Министра и Ученаго Комитета, директоровъ гимназiй, профессоровъ и преподавателей. Комиссiя получила инструкцiю, главные пункты которой были слѣдующiе: 1) *сохраняя нынѣ дѣйствующую систему классическаго образованiя,* сократить и упростить программы безъ ущерба, однако, для основательности образованiя; 2) сосредоточить изученiе грамматическаго матерiала древнихъ языковъ въ низшихъ классахъ (до V включительно) и посвятить большее количество времени на чтенiе древнихъ авторовъ въ старшихъ классахъ; 3) облегчить домашнюю подготовку уроковъ; 4) распредѣлить болѣе правильно и равномѣрно занятiя по днямъ недѣли. Руководствуясь этой инструкцiей, комиссiя выработала рядъ болѣе или менѣе существенныхъ измѣненiй въ преподаваніи всѣхъ предметовъ гимназическаго курса. По *Закону Божiю* число уроковъ было увеличено съ 13 до 16, согласно съ опредѣленiемъ Св. Синода. По *русскому языку съ церковно-славянскимъ* общее число уроковъ увеличено съ 24 до 25, но существенно измѣненъ планъ преподаванiя отдѣльныхъ дисциплинъ (грамматики, теорiи словесности,

исторіи русской литературы) въ томъ смыслѣ, что всѣ онѣ подчинены «одной главной цѣли—изученію литературнаго отечественнаго языка, къ которому, какъ къ центру, и должны быть направлены не только грамматическія, но и всѣ другія теоретическія и литературныя свѣдѣнія, извлекаемыя изъ разбора словесныхъ произведеній». Преподаваніе исторіи русской литературы замѣнено чтеніемъ и разборомъ самыхъ произведеній словесности въ исторической послѣдовательности. Упражненія въ церковно-славянскомъ чтеніи усилены. По *логикѣ* программа упрощена, и преподаваніе ея перенесено въ VIII классъ. По *древнимъ языкамъ* число уроковъ уменьшено, по латинскому языку съ 49 до 46, по греческому—съ 36 до 35. Измѣненія же въ самой системѣ преподаванія имѣли главною цѣлью устранить господствующее «одностороннее грамматическое направленіе». Для достиженія этой цѣли объемъ грамматическаго матеріала по обоимъ языкамъ былъ по возможности сокращенъ, переводамъ съ русскаго языка на греческій придано значеніе лишь дидактическаго пріема, главнѣйшимъ же предметомъ занятій по древнимъ языкамъ поставлено чтеніе и толкованіе авторовъ. По *математикѣ* не сдѣлано существенныхъ измѣненій ни въ количествѣ учебнаго матеріала, ни въ его распредѣленіи. Но въ цѣляхъ упрощенія курса исключены всѣ статьи, которыя, не находясь въ тѣсной связи ни съ предъидущимъ, ни съ послѣдующимъ курсомъ, служатъ лишь бо́льшимъ развитіемъ извѣстной теоріи. Всего на математику назначено 30 уроковъ. Краткій курсъ *естествовѣдѣнія*, на который въ 1877 г. назначено было 2 урока, вовсе исключенъ изъ учебнаго плана гимназій по совершенной невозможности преподавать его при 2 часахъ. По *физикѣ* оставлены прежніе 6 уроковъ, но сдѣлана перестановка учебнаго матеріала и введена новая статья о законѣ сохраненія энергіи. По *исторіи* число уроковъ увеличено съ 12 до 13. Эпизодическій курсъ всеобщей и русской исторіи въ младшихъ классахъ замѣненъ элементарнымъ курсомъ одной русской исторіи. На систематическій курсъ назначено 11 уроковъ вмѣсто 8 съ цѣлью поставить въ наиболѣе благопріятныя условія отечественную исторію. По *географіи* вмѣсто 10 назначено 8 уроковъ, отнесеныхъ на 4 низшіе класса. По *французскому и нѣмецкому* языкамъ оставлено прежнее число уроковъ—по 19, и на первомъ мѣстѣ поставлено чтеніе авторовъ, такъ какъ цѣлью преподаванія новыхъ языковъ должно быть умѣніе понимать нетрудныя сочиненія безъ помощи

общаго словаря. Обязанности научить говорить и писать на иностранныхъ языкахъ гимназія на себя принять не можетъ. По *чистописанію* число уроковъ увеличено съ 11 до 13.

Такимъ образомъ въ результатѣ сокращенія числа уроковъ по однимъ предметамъ и увеличенія по другимъ общее число недѣльныхъ уроковъ въ гимназіяхъ осталось неизмѣненнымъ, а именно 225 для обучающихся обоимъ новымъ языкамъ и 206 для обучающихся одному.

Въ связи съ пересмотромъ учебнаго плана гимназій министръ въ томъ же представленіи внесъ на уваженіе Государственнаго Совѣта вопросъ объ удлинненіи срока лѣтнихъ вакацій въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Этотъ вопросъ уже находился на разсмотрѣніи Государственнаго Совѣта осенью 1889 г., но былъ возвращенъ Министерству въ виду соображенія министра Финансовъ о возможности сокращенія дневнаго числа уроковъ въ классѣ съ 5 до 4-хъ и недѣльнаго съ 29—30 до 24-хъ и заявленія министра Народнаго Просвѣщенія о пересмотрѣ учебнаго плана гимназій особой комиссіей. Теперь, въ новомъ представленіи Государственному Совѣту, графъ Деляновъ рѣшительно воспротивился сокращенію числа уроковъ, невозможному безъ явнаго вреда для основательности прохожденія курса. Онъ предложилъ лишь узаконить двухмѣсячный срокъ лѣтнихъ каникулъ, практикующійся въ силу особыхъ обстоятельствъ во всѣхъ почти гимназіяхъ.

При обсужденіи внесеннаго Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія проекта измѣненій учебнаго плана гимназій въ Департаментахъ Государственнаго Совѣта предложенъ былъ новый, болѣе радикальный проектъ, требовавшій еще большаго сокращенія числа уроковъ по древнимъ языкамъ въ пользу нѣкоторыхъ другихъ предметовъ. Этотъ проектъ назначалъ на оба языка 69 часовъ (36 на латинскій языкъ и 33 на греческій), 6 часовъ на естественную исторію и сокращалъ на 2 часа число уроковъ математики въ пользу физики. По обсужденіи этого новаго проекта спеціалистами, профессорами и преподавателями, министръ въ Государственномъ Совѣтѣ рѣшительно высказался противъ него, такъ какъ принятіе его повело бы къ полному разрушенію классической системы: «при такомъ чрезмѣрномъ сокращеніи учебнаго времени, полагаемаго на изученіе древнихъ языковъ, нельзя уже будетъ думать о сохраненіи нынѣ дѣйствующей системы классическаго образованія; наши гимназіи будутъ лишь классическими по имени, а по существу своему многопредмет-

ными школами, не сосредоточивающими, а разсѣивающими вниманіе учениковъ и дѣлающими ихъ, вслѣдствіе этого, неспособными къ высшимъ научнымъ занятіямъ, которыя являются прямою цѣлью класической школы. Такимъ образомъ будетъ нанесенъ тяжкій ущербъ основательности гимназическаго образованія, а это поведетъ къ различнымъ нежелательнымъ послѣдствіямъ, не совмѣстимымъ съ государственными и научными интересами». Мнѣнію, что усиленныя занятія древними языками являются главной причиной переутомленія учениковъ, министръ противопоставилъ авторитетныя заявленія врачей иностранныхъ (Шарко, Вирхова, Вестфаля) и русскихъ (профессора Захарьина), что нѣтъ данныхъ приписывать именно классической системѣ какое либо переутомленіе учениковъ. Тѣмъ не менѣе графъ Деляновъ сдѣлалъ уступку и согласился назначить на преподаваніе латинскаго языка 42 часа въ недѣлю (вмѣсто предположенныхъ комиссіею спеціалистовъ 46) и на преподаваніе греческаго языка 33 (вмѣсто предположенныхъ 35), «не скрывая отъ себя, что онъ подвергаетъ этимъ самымъ классическую систему нѣкоторому риску». На математику было положено 29 часовъ и на физику 7.

Соглашаясь съ этими предположеніями министра, Государственный Совѣтъ, какъ видно изъ журнала Общаго Собранія 28 мая 1890 г., выразилъ мнѣніе, что «Министерство Народнаго Просвѣщенія, для лучшаго осуществленія проектируемыхъ имъ мѣръ къ улучшенію системы преподаванія въ гимназіяхъ, должно непремѣнно озаботиться наилучшей подготовкой учителей, которые своимъ умѣлымъ преподаваніемъ дѣйствительно облегчали бы успѣшное прохожденіе курса, имѣя въ виду не только заучиваніе учениками предметовъ, а толковое и сознательное усвоеніе ими оныхъ. Министерство должно употребить всѣ усилія къ пополненію учительскаго состава людьми, соединяющими хорошее знаніе предмета преподаванія съ любовью къ наукѣ и со способностью передавать ее легко и доступно своимъ ученикамъ. Безъ сомнѣнія, эти педагоги должны вмѣстѣ съ тѣмъ быть проникнуты сознаніемъ долга и воспитать въ молодомъ поколѣніи людей религіозныхъ, нравственныхъ и искренно патріотическихъ».

19 іюня 1890 г. Высочайше утверждено было мнѣніе Государственнаго Совѣта о новой таблицѣ числа недѣльныхъ уроковъ въ мужскихъ гимназіяхъ и о назначеніи двухъ мѣсяцевъ на лѣтнія вакаціи въ гимназіяхъ, реальныхъ училищахъ, городскихъ и

уѣздныхъ училищахъ. Новые учебные планы и примѣрныя программы для гимназій и прогимназій съ объяснительными записками, утвержденныя министромъ 20 іюля, разосланы были при циркулярѣ, которымъ вмѣстѣ съ тѣмъ возстановлена была продолжительность урока въ 55 минутъ. Измѣненіе учебныхъ плановъ и программъ повлекло за собой перемѣны въ порядкѣ испытаній. 12 марта 1891 г. были утверждены министромъ новыя правила испытаній, имѣвшія цѣлью: 1) устранить одновременное производство испытаній въ однихъ классахъ и продолженіе уроковъ въ другихъ; 2) равномѣрно распредѣлить по классамъ устныя и письменныя испытанія; 3) сократить время на производство испытаній, 4) избѣгнуть односторонности въ смыслѣ испытанія только памяти; 5) дать большій просторъ педагогическимъ совѣтамъ въ сужденіи о переводѣ учениковъ изъ класса въ классъ.

Такъ первоначальный, чисто спеціальный вопросъ объ улучшеніи преподаванія древнихъ языковъ превратился въ вопросъ принципіальный о дальнѣйшемъ сохраненіи классической системы. По собственному сознанію министра Народнаго Просвѣщенія, въ 1890 г. упрощеніе этой системы сразу доведено было до того предѣла, за которымъ начиналось уже ея разрушеніе. Что же касается заключительнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта о необходимости озаботиться лучшей подготовкой преподавателей, то при жизни графа Делянова въ этомъ направленіи не было принято новыхъ общихъ мѣръ [273]).

Другая группа мѣропріятій по гимназіямъ за время управленія Министерствомъ графа Делянова была вызвана не недостатками и пробѣлами самаго устава 1871 г., а соображеніями посторонними. Онѣ касались: 1) постановки воспитанія и дисциплины въ гимназіяхъ и 2) соціальнаго состава учащихся.

Циркуляръ министра 20 ноября 1882 г. отмѣтилъ фактъ сильнаго упадка дисциплины въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ; изъ дѣлъ Министерства усматривалось, «что въ послѣднее время въ 13-ти гимназіяхъ и одной прогимназіи и въ 10-ти реальныхъ училищахъ обнаружились на отдѣльныхъ ученикахъ болѣе или менѣе значительные слѣды пагубнаго вліянія преступной пропаганды и что, сверхъ того, за то же самое время въ 14-ти гимназіяхъ и въ 4-хъ реальныхъ училищахъ имѣли мѣсто крупные коллективные безпорядки или же неслыханныя и почти невѣроятныя безчинства отдѣльныхъ учениковъ». Заключая по всѣмъ этимъ печальнымъ явленіямъ, что надзоръ за

учащимися значительно ослабѣлъ и что начальники среднихъ учебныхъ заведеній и прочіе наставники юношества не принимали надлежащихъ мѣръ къ поддержанію дисциплины, министръ предложилъ начальству и всему учебно-воспитательному персоналу гимназій въ точности руководствоваться всѣми изданными при графѣ Толстомъ постановленіями и распоряженіями по части воспитательной и дисциплинарной, обращая особенное вниманіе на необходимость установленія правильныхъ, близкихъ и довѣрчивыхъ отношеній между семьей и школой. Дополнивъ эти основныя правила и инструкціи нѣкоторыми новыми частными распоряженіями, имѣвшими цѣлью укрѣпить дисциплину и усилить надзоръ за учащимися, Министерство остановило особенное вниманіе на пансіонахъ и общежитіяхъ при учебныхъ заведеніяхъ, какъ на одномъ изъ надежнѣйшихъ средствъ подчинить учащихся нравственному вліянію школы. Съ самаго начала своего управленія Министерствомъ И. Д. Деляновъ предложилъ учебному начальству строго соблюдать изданныя по этому предмету въ 1874 г. правила и прилагать возможныя старанія къ склоненію какъ земскихъ и другихъ учрежденій, такъ и вообще жертвователей, опредѣляемыя ими на пользу учащагося юношества суммы предназначать не только на учрежденіе стипендій, но преимущественно на устройство общежитій, подчиненныхъ надзору учебнаго начальства. Въ циркулярѣ 7 февраля 1891 г., обративъ вниманіе учебнаго начальства на то, что значительная часть учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ (болѣе 10%) живетъ на квартирахъ у чужихъ людей, извлекающихъ изъ того свои выгоды и, за рѣдкими исключеніями, вовсе не пекущихся о своихъ юныхъ квартирантахъ, министръ указалъ на необходимость устройства пансіоновъ или хотя бы общежитій, склоняя къ пожертвованіямъ мѣстныя общества и земства. При этомъ министръ исходилъ изъ того общаго взгляда, проводимаго и уставомъ 1871 г., что «задача всякой школы заключается не только въ сообщеніи учащимся опредѣленнаго запаса знаній, но и въ развитіи и укрѣпленіи тѣхъ нравственныхъ навыковъ и стремленій, безъ которыхъ наилучшими познаніями нельзя принести должной пользы отечеству. Обученіе и воспитаніе должны идти рука объ руку, взаимно пополняя другъ друга». На всеподданнѣйшемъ докладѣ графа Делянова объ этомъ распоряженіи Государь Императоръ начерталъ: «Радуюсь этому доброму и полезному началу». Главнымъ препятствіемъ къ желательному развитію пансіоновъ и общежитій

являлась крайняя скудость матеріальныхъ средствъ, которыми могло распоряжаться учебное начальство. Циркуляромъ 28 августа 1892 г. Министерство разъяснило, что оно не располагаетъ никакими средствами для матеріальнаго содѣйствія открытію и содержанію пансіоновъ при среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и что въ этомъ отношеніи со стороны учебнаго вѣдомства могла бы быть оказана нѣкоторая денежная помощь лишь ассигнованіемъ небольшой суммы на первоначальное обзаведеніе изъ спеціальныхъ средствъ учебныхъ заведеній, если наличное состояніе таковыхъ суммъ позволяетъ. Проектируя учрежденіе пансіоновъ и общежитій, Министерство разсчитывало, что расходы на устройство помѣщеній и на первоначальное ихъ обзаведеніе лягутъ на пожертвованія мѣстнаго дворянства, земства и общества, а текущіе расходы по содержанію пансіоновъ будутъ покрываться на счетъ платы за воспитанниковъ. Общее число пансіоновъ и общежитій, казенныхъ и частныхъ, за время царствованія Императора Александра III возросло съ 1.046 до 2.517 и число воспитанниковъ въ нихъ съ 8.982 до 11.428 [274]).

Въ связи съ вопросомъ о нравственномъ воспитаніи учащагося юношества въ срединѣ 80-хъ годовъ выдвинулся и вопросъ о соціальномъ составѣ учениковъ среднихъ учебныхъ заведеній. Такъ какъ въ уставъ 1871 г. перенесено было правило, что въ гимназіи допускаются дѣти всѣхъ состояній, безъ различія вѣроисповѣданія и званій, то гимназіи стали наполняться такими учениками, «которымъ», говорилъ министръ, «по условіямъ быта ихъ родителей совершенно не слѣдуетъ стремиться къ среднему гимназическому, а затѣмъ и къ высшему университетскому образованію». Между тѣмъ попечитель Виленскаго учебнаго округа обратилъ вниманіе Министерства на неудобства пріема въ среднія учебныя заведенія дѣтей лицъ, занимающихся нѣкоторыми предосудительными профессіями, и на вредное вліяніе, оказываемое этими учениками на ихъ товарищей. Соглашаясь съ этимъ мнѣніемъ, министръ сдѣлалъ распоряженіе, доведенное 11 апрѣля 1887 г. до Высочайшаго свѣдѣнія, о недопущеніи въ среднія учебныя заведенія дѣтей лицъ, занимающихся нѣкоторыми предосудительными профессіями. Вскорѣ эта мѣра получила болѣе широкое значеніе. На совѣщаніи министровъ Народнаго Просвѣщенія, Внутреннихъ Дѣлъ, Государственныхъ Имуществъ, управляющаго Министерствомъ Финансовъ и оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода предположено было испросить Высочайшее

соизволеніе на допущеніе впредь въ гимназіи и прогимназіи дѣтей лишь нѣкоторыхъ сословій, не ниже купцовъ 2-й гильдіи. Но на всеподданнѣйшемъ докладѣ статсъ-секретаря Делянова Государь Императоръ 23 мая выразилъ мысль, что, признавая эту мѣру несвоевременною и неудобною, Онъ полагалъ бы за лучшее достигнуть цѣли отвращенія наплыва въ гимназіи и прогимназіи дѣтей лицъ, не соотвѣтствующихъ по домашней ихъ обстановкѣ среднему образованію, другими какими либо способами. Тогда И. Д. Деляновъ довелъ до Высочайшаго свѣдѣнія, что по соглашенію съ означенными выше лицами онъ предположилъ, независимо отъ возвышенія платы за ученье, разъяснить учебному начальству о приниманіи въ гимназіи и прогимназіи дѣтей изъ среды, представляющей достаточно ручательствъ въ правильномъ надзорѣ за ними, ограничить извѣстнымъ % число учащихся евреевъ и предоставить министру право опредѣлить плату за слушаніе лекцій въ университетахъ, не стѣсняясь установленной нормой въ 50 р. Получивъ Высочайшее одобреніе, министръ 18 іюня 1887 г. предложилъ учебному начальству допускать въ гимназіи и прогимназіи «только такихъ дѣтей, которыя находятся на попеченіи лицъ, представляющихъ достаточное ручательство въ правильномъ надъ ними домашнемъ надзорѣ и въ предоставленіи имъ необходимаго для учебныхъ занятій удобства. Такимъ образомъ, говорилось въ циркулярѣ, при неуклонномъ соблюденіи этого правила, гимназіи и прогимназіи освободятся отъ поступленія въ нихъ дѣтей кучеровъ, лакеевъ, поваровъ, прачекъ, мелкихъ лавочниковъ и тому подобныхъ людей, дѣтей коихъ, за исключеніемъ развѣ одаренныхъ необыкновенными способностями, вовсе не слѣдуетъ выводить изъ среды, къ коей они принадлежатъ». Относительно евреевъ сдѣлано было распоряженіе 10 іюля 1887 г. объ ограниченіи пріема ихъ въ гимназіи и прогимназіи въ мѣстностяхъ, входящихъ въ черту постоянной осѣдлости евреевъ, 10%, въ мѣстностяхъ внѣ черты 5%, а въ С.-Петербургѣ и Москвѣ 3%.

Озабочиваясь отвлеченіемъ отъ гимназій нежелательныхъ элементовъ, И. Д. Деляновъ во всеподданнѣйшемъ отчетѣ по Министерству за 1884 г. высказалъ мнѣніе, что полезно было бы закрыть приготовительные классы при тѣхъ гимназіяхъ, гдѣ, по мѣстнымъ условіямъ, это окажется удобнымъ. По статистическимъ даннымъ оказывалось, что изъ 9.386 учениковъ приготовительныхъ классовъ 3.122 или $^1/_3$ дѣтей принадлежали къ низшимъ классамъ общества. 11 апрѣля 1887 г. министръ испросилъ Высочайшее

соизволенiе прекратить со слѣдующаго учебнаго года прiемъ учениковъ въ приготовительные классы гимназiй и прогимназiй, а затѣмъ внесъ въ Государственный Совѣтъ представленiе о прекращенiи отпуска казенныхъ средствъ на содержанiе приготовительныхъ классовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ министръ ходатайствовалъ о повышенiи требованiй по русскому и церковно-славянскому языку отъ поступающихъ въ 1-й классъ. Высочайше утвержденнымъ 30 мая 1888 г. мнѣнiемъ Государственнаго Совѣта было постановлено: отпускъ изъ казны средствъ на содержанiе приготовительныхъ классовъ при гимназiяхъ и прогимназiяхъ прекратить, кромѣ тѣхъ мѣстностей, гдѣ разговорный языкъ большинства населенiя не русскiй; вообще же оставить приготовительные классы тамъ, гдѣ содержанiе ихъ можно отнести на счетъ платы за ученье, опредѣляемой министромъ по соображенiю мѣстныхъ условiй, или на счетъ мѣстныхъ средствъ; принимать учениковъ приготовительныхъ классовъ на свободныя вакансiи 1-го класса по состязательному испытанiю наравнѣ съ прочими. По свѣдѣнiямъ Министерства, на содержанiе приготовительныхъ классовъ ассигновалось всего по штату 233.386 р.; изъ нихъ на долю казны приходилось 201.699 р. 69 к., мѣстныхъ обществъ—25.648 р. 50 к., спецiальныхъ средствъ—6.037 р. 81 к.

Высочайшiя резолюцiи на всеподданнѣйшихъ докладахъ министра Народнаго Просвѣщенiя 29 марта и 16 iюня 1887 г. указали на желательность сокращенiя числа гимназiй путемъ преобразованiя ихъ въ реальныя и промышленныя училища. Въ iюнѣ же 1887 г. министръ всеподданнѣйше доносилъ, что имъ собраны сравнительныя статистическiя данныя о числѣ учениковъ, количествѣ параллельныхъ классовъ и средствахъ содержанiя гимназiй и прогимназiй, а также сдѣлано соображенiе о возможности закрытiя или преобразованiя гимназiй, смотря по мѣстнымъ условiямъ и средствамъ, на нихъ отпускаемымъ. Но дальнѣйшiя по этому дѣлу предположенiя были остановлены впредь до разрѣшенiя вопроса о преобразованiи реальныхъ и открытiи промышленныхъ училищъ. Въ противномъ случаѣ, по словамъ министра, закрытiе гимназiй лишило бы ихъ учениковъ возможности продолжать свое образованiе и поставило бы мѣстныя общества въ крайне затруднительное положенiе. По мнѣнiю министра, и безъ этой радикальной мѣры можно достигнуть значительнаго сокращенiя числа учащихся въ гимнаiяхъ и улучшенiя ихъ состава; дурное же направленiе учащихся зависитъ не отъ количества гимназiй

и прогимназій, а отъ качества учениковъ и переполненія каждой изъ нихъ въ отдѣльности. Результаты, достигнутые въ этомъ вопросѣ за время царствованія Императора Александра III, явствуютъ изъ слѣдующихъ данныхъ: съ 1882 по 1895 г.г. общее число гимназій и прогимназій возросло съ 133 до 167, число прогимназій понизилось съ 82 до 58, число параллельныхъ классовъ уменьшилось съ 396 до 289, общее число учащихся въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ упало съ 65.751 до 62.863. Уменьшилось число учащихся преимущественно изъ городскихъ и сельскихъ сословій; въ 1881 г. они составляли 45,2% общаго числа учащихся, а въ 1894 г.—37,6%. По вѣроисповѣданіямъ болѣе, чѣмъ на половину, сократилось число учениковъ изъ евреевъ. Распредѣленіе учащихся по сословіямъ за данный періодъ видно изъ слѣдующей таблицы:

	1881 г.		1894 г.	
Дворянъ и чиновн.	31,211	(47,5%).	35,444	(56,4%).
Духовн. званія . .	3,410	(5,2%).	2,120	(3,4%).
Городск. сословій .	24,464	(37,2%).	19,910	(31,7%).
Сельск. состоянія.	5,276	(8%).	3,768	(6%).
Иностранцевъ . .	1,390	(2,1%).	1,050	(1,7%).
Казачьяго и нижн. чиновъ			480	(0,7%).
Инородцевъ и прочихъ званій			91	(0,1%).

Значительнымъ измѣненіямъ подвергся и другой типъ средней общеобразовательной школы—реальное училище [275]).

Опытъ скоро обнаружилъ главный недостатокъ реальныхъ училищъ въ томъ, что курсъ ихъ не давалъ вполнѣ достаточной подготовки ни для практической дѣятельности, ни для поступленія въ высшія спеціальныя училища. На этомъ основаніи управляющій Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія статсъ-секретарь Сабуровъ 13 августа 1880 г. испросилъ Высочайшее соизволеніе на образованіе при Министерствѣ особой Комиссіи подъ предсѣдательствомъ товарища министра тайнаго совѣтника Маркова для пересмотра устава и программъ реальныхъ училищъ. Но затѣмъ это дѣло было отложено и вновь возобновилось въ связи 1) съ обширнымъ планомъ промышленно-техническаго образованія и 2) съ изложенными выше мѣропріятіями по гимназіямъ. Въ проектѣ общаго нормальнаго плана промышленнаго образованія въ Россіи, представленномъ на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта 27 ноября 1886 г., были изложены также осно-

ванія реформы реальныхъ училищъ. По заявленію Министерства, реальныя училища уклонились отъ своего прямаго назначенія, указаннаго уставомъ 1872 г.: не давая своимъ питомцамъ надлежащей подготовки къ практической промышленной дѣятельности, они превратились въ подготовительныя школы къ полученію высшаго техническаго образованія. Желая вернуть реальныя училища къ ихъ прямому назначенію, Министерство предположило: ограничить курсъ реальныхъ училищъ пятью классами съ тѣмъ, чтобы они отвѣчали исключительно потребностямъ общаго образованія для лицъ средняго класса общества и служили вмѣстѣ съ тѣмъ подготовительными школами для перехода въ среднія техническія училища, доступъ же къ высшему образованію предоставить только воспитанникамъ гимназій. Этотъ проектъ встрѣтилъ возраженіе со стороны большинства членовъ Государственнаго Совѣта, полагавшаго, что реальныя училища должны имѣть семилѣтній общеобразовательный курсъ и приготовлять своихъ учениковъ непосредственно къ поступленію въ высшія техническія училища. Государь Императоръ, повелѣвъ оставить проектъ Министерства безъ послѣдствій, преподалъ лично министру Народнаго Просвѣщенія указанія по этому предмету. 4 октября 1887 г. въ Государственный Совѣтъ внесенъ былъ новый проектъ устава реальныхъ училищъ и положенія о промышленныхъ училищахъ. Теперь, согласно съ Высочайшей волей, лично выраженной министру Народнаго Просвѣщенія, курсъ реальныхъ училищъ предположено было оставить въ составѣ шести классовъ. И на этотъ разъ Соединенные Департаменты Государственнаго Совѣта не соглашались съ мнѣніемъ Министерства, что реальныя училища должны быть подготовительными школами къ среднимъ техническимъ училищамъ, и постановили выдѣлить изъ общаго плана промышленнаго образованія вопросъ о реальныхъ училищахъ. Сущность этого вопроса должна была заключаться въ томъ, чтобы внести въ организацію реальныхъ училищъ, согласно Высочайшимъ указаніямъ, всѣ тѣ улучшенія и исправленія, которыя, не измѣняя цѣли и назначенія этихъ заведеній, могли бы содѣйствовать болѣе правильной постановкѣ въ нихъ учебнаго дѣла. Это постановленіе Государственнаго Совѣта имѣло принципіально очень важное значеніе: выдѣленіе реальныхъ училищъ изъ системы промышленно-техническаго образованія утверждало за ними преобладающій характеръ общеобразовательныхъ школъ, наряду съ гимназіями.

9 іюня 1888 г. Высочайше утвержденъ былъ проектъ штата реальныхъ училищъ и измѣненій въ уставѣ 15 мая 1872 г. Сохраняя прежнюю цѣль и назначеніе, реальныя училища остались въ составѣ шести классовъ. Приготовительные классы разрѣшено содержать на спеціальныя и мѣстныя средства. 5-й и 6-й классы остались въ составѣ двухъ отдѣленій, основнаго и коммерческаго. Техническія отдѣленія при дополнительномъ классѣ упразднены, какъ не принесшія ожидаемой пользы. Но дополнительный классъ сохраненъ для подготовки ко вступленію въ высшія спеціальныя училища. По новому распредѣленію учебныхъ предметовъ въ четырехъ младшихъ классахъ усилено преподаваніе математики и новыхъ языковъ, введена естественная исторія; въ старшихъ классахъ усилено преподаваніе Закона Божія, исторіи и географіи и исключены химія и механика; наконецъ сокращено преподаваніе графическихъ искусствъ. 29 апрѣля 1895 были утверждены министромъ новыя правила объ испытаніяхъ въ реальныхъ училищахъ. Какъ пояснилъ циркуляръ министра о введеніи этихъ плановъ въ дѣйствіе, они имѣли цѣлью: 1) установить переводные экзамены по законченнымъ предметамъ курса, 2) сократить время, посвящаемое переводнымъ экзаменамъ, 3) дать большій просторъ сужденіямъ педагогическихъ совѣтовъ о переводѣ учениковъ изъ класса въ классъ, 4) ограничить право перехода въ дополнительный классъ, дабы остановить ростъ числа поступающихъ изъ реальныхъ училищъ въ высшія спеціальныя учебныя заведенія. Вскорѣ опытъ потребовалъ новыхъ улучшеній въ реальныхъ училищахъ. По иниціативѣ попечителя Виленскаго учебнаго округа особой комиссіей при Министерствѣ и Ученымъ Комитетомъ были составлены новое распредѣленіе и программы учебныхъ предметовъ, утвержденныя министромъ 26 іюля 1895 г. И на этотъ разъ улучшеніе коснулось, главнымъ образомъ, общеобразовательныхъ предметовъ: Закона Божія, русскаго и новыхъ иностранныхъ языковъ, географіи, исторіи, математики. Въ соціальномъ составѣ учащихся въ реальныхъ училищахъ за царствованіе Императора Александра III преобладаніе получили дѣти городскихъ сословій, какъ видно изъ слѣдующей таблицы:

	1882 г.	**1895 г.**
Дворянъ и чиновн.	7,204 (41,2%).	9,719 (37,4%).
Духовн. званія . .	443 (2,5%).	201 (0,8%).

Городск. сословій .	7,064 (40,4%).	11,392 (43,8%).
Сельск. сословій. .	2,065 (11,8%).	2,988 (11,5%).
Иностранцевъ. . .	708 (4,1%).	1,702 (6,5%).

Такъ въ управленіе Министерствомъ графа Делянова оба типа средней школы, классическая гимназія и реальное училище, столь рѣзко раздѣленные реформою 1871—1872 г.г., начали постепенно сближаться другъ съ другомъ. Съ одной стороны сознана была необходимость сгладить крайности классической системы и обратить больше вниманіе на преподаваніе въ гимназіяхъ другихъ важныхъ предметовъ; съ другой стороны, реальныя училища въ значительной степени утратили характеръ профессіональныхъ училищъ [276]).

VI.

Система низшихъ учебныхъ заведеній продолжала опираться на законоположенія 70-хъ годовъ. Необходимость обезпеченія постепенно расширяющейся сѣти начальныхъ училищъ хорошо подготовленными учителями вызвала рядъ мѣропріятій, имѣвшихъ цѣлью расширить производительность спеціальныхъ педагогическихъ разсадниковъ, учительскихъ институтовъ, семинарій и школъ и правильно организовать другія средства подготовки начальныхъ учителей. Въ 1896 г. въ вѣдѣніи Министерства Народнаго Просвѣщенія состояли слѣдующія учебныя заведенія для приготовленія начальныхъ учителей и учительницъ: 10 учительскихъ институтовъ, 56 учительскихъ семинарій и школъ, 6 семинарій и школъ на правахъ частныхъ училищъ, 2 центральныхъ училища въ нѣмецкихъ колоніяхъ Самарской и Саратовской губерній, 3 постоянныхъ педагогическихъ курса, 1 кистерская школа въ Колпани С.-Петербургской губерніи, всего 78 заведеній.

Въ состояніи учительскихъ институтовъ, воспитанниками которыхъ замѣщались учительскія мѣста не только въ городскихъ и уѣздныхъ училищахъ, но также въ начальныхъ школахъ, не произошло никакихъ сколько нибудь важныхъ измѣненій; для учительскихъ же семинарій и школъ были изданы нѣкоторыя новыя постановленія, касающіяся главнымъ образомъ матеріальнаго ихъ положенія. Въ 1881 г. Министерству предоставлено право разрѣшать пріемъ воспитанниковъ, соотвѣтственно познаніямъ, во всѣ классы

семинарій и школъ, за исключеніемъ лишь выпускнаго. Въ 1882 г., въ удовлетвореніе желаній земскихъ учрежденій, городскихъ обществъ и частныхъ лицъ, усердствующихъ въ пользу учительскихъ семинарій и школъ матеріальными средствами, личными услугами и заботливостью, имѣть при нихъ своихъ представителей, разрѣшено было, въ видѣ общей мѣры, учреждать при этихъ семинаріяхъ и школахъ должности почетныхъ попечителей на основаніяхъ постановленій о почетныхъ попечителяхъ гимназій. Этой мѣрой Министерство надѣялось привлечь къ учительскимъ семинаріямъ и школамъ больше матеріальныхъ средствъ и расширить разумное и полезное наблюденіе за ними. Въ 1881—1882 г.г. разрѣшено увеличивать размѣры казенныхъ стипендій воспитанникамъ семинарій до размѣровъ, опредѣляемыхъ мѣстными условіями, и, въ случаяхъ необходимости, выдавать единовременныя пособія; перемѣщеніемъ же свободныхъ казенныхъ стипендій въ приготовительные классы дана была возможность увеличить число учащихся въ этихъ классахъ и тѣмъ улучшить составъ поступающихъ въ семинаріи учениковъ. Въ 1887 г. служащимъ въ земскихъ учительскихъ семинаріяхъ дарованы пенсіонныя права, одинаковыя съ правами служащихъ въ правительственныхъ семинаріяхъ. Важной новостью въ учебномъ отношеніи было введеніе въ 90-хъ годахъ обученія сельскому хозяйству.

Лицъ, окончившихъ курсъ спеціальныхъ педагогическихъ заведеній, не хватало для замѣщенія всѣхъ вакансій въ начальныхъ училищахъ; недостатокъ же спеціалистовъ долженъ былъ пополняться людьми, получившими общее образованіе, которое позволяло бы имъ быстро освоиваться съ ихъ педагогическими обязанностями. Послѣдовавшее въ 1876 г. разрѣшеніе лицамъ, окончившимъ курсъ высшихъ и среднихъ общеобразовательныхъ заведеній, получать званіе начальнаго учителя безъ испытанія, но подъ условіемъ пробнаго урока, распространено было въ 1881 г. на воспитанницъ женскихъ прогимназій и низшихъ классовъ институтовъ, если онѣ, по достиженіи шестнадцатилѣтняго возраста, будутъ исполнять въ теченіе полугода обязанности учительскихъ помощницъ, и въ 1884 г.—на окончившихъ полный курсъ духовныхъ семинарій, съ освобожденіемъ ихъ отъ дачи пробнаго урока.

Для лицъ, не имѣвшихъ общаго образовательнаго ценза, измѣнены были законодательнымъ порядкомъ въ 1896 г. правила о спеціальныхъ испытаніяхъ на званія начальнаго учителя и

учительницы. Законъ 1868 г. различалъ званія городскаго и сельскаго начальнаго учителя и для каждаго званія установилъ особое испытаніе. Между тѣмъ реформами 70-хъ годовъ объемъ курса начальныхъ школъ былъ установленъ одинаковый какъ для городскихъ, такъ и для сельскихъ. На этомъ основаніи по новымъ правиламъ, примѣнительно къ установленной Святѣйшимъ Синодомъ программѣ испытаній на званіе учителей церковно-приходскихъ школъ, были объединены требованія образовательнаго ценза отъ учителей и учительницъ первоначальныхъ училищъ вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія всѣхъ наименованій. При этомъ имѣя въ виду, что въ общемъ не представлялось затрудненій въ замѣщеніи учительскихъ мѣстъ даже въ сельскихъ школахъ лицами, удовлетворяющими болѣе высокимъ требованіямъ, чѣмъ тѣ, какихъ требовалъ законъ 1868 г. о спеціальныхъ испытаніяхъ, Министерство сочло нужнымъ отнынѣ повысить требованія отъ ищущихъ званія начальнаго учителя или учительницы *). Наконецъ въ 1882 г., по соглашенію съ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ и оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Синода, разрѣшено было отъ лицъ, занимающихся домашнимъ обученіемъ среди крестьянъ, не требовать свидѣтельствъ о правѣ на учительское званіе, предоставляя мѣстнымъ полицейскимъ властямъ наблюдать, чтобы этимъ обученіемъ не занимались лица, не благонадежныя въ политическомъ или нравственномъ отношеніи.

По свѣдѣніямъ 1896 г., разработаннымъ г. Фармаковскимъ, дѣло обезпеченія низшихъ учебныхъ заведеній, подвѣдомственныхъ Министерству, преподавателями съ надежнымъ образовательнымъ цензомъ было поставлено достаточно удовлетворительно. Изъ общаго числа начальныхъ учителей и учительницъ 76% окончили курсъ въ высшихъ, среднихъ или спеціальныхъ педагогическихъ заведеніяхъ, 20% пріобрѣли учительское званіе по особому испытанію и только 4% не имѣли дипломовъ на право преподаванія [277]).

Начатое въ 1872 г. преобразованіе высшаго разряда начальныхъ школъ, уѣздныхъ училищъ, въ городскія затянулось на очень продолжительное время: черезъ 25 лѣтъ, въ 1897 г., оставалось еще 131 уѣздное училище. По оффиціальному объясненію, причины такой медленности заключались отчасти въ

---

*) На прежнемъ основаніи остался порядокъ испытаній учителей инородческихъ школъ.

недостаткѣ денежныхъ средствъ, отчасти въ отсутствіи побужденій у городскихъ обществъ ходатайствовать о преобразованіи уѣздныхъ училищъ по Положенію 1872 г.: старыя училища, при большей кратковременности обученія въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, давали одинаковыя съ городскими училищами права по отбыванію воинской повинности. Съ другой стороны, учрежденіе городскихъ училищъ замедлялось по недостатку подготовленныхъ учителей и ихъ помощниковъ. Въ 1882 г. Министерство разрѣшило, въ видѣ временной мѣры, занимать мѣста помощниковъ городскихъ учителей лучшимъ сельскимъ учителямъ, получившимъ образованіе въ учительскихъ семинаріяхъ. Постепенное развитіе сѣти городскихъ училищъ за первыя 25 лѣтъ ихъ существованія сопровождалось нѣкоторыми дополнительными мѣрами къ Положенію 1872 г. Классная система преподаванія при одномъ учителѣ требовала отъ послѣдняго слишкомъ большаго напряженія силъ. Поэтому Министерство допускало въ нѣкоторыхъ училищахъ замѣну классной системы предметной съ увеличеніемъ числа учителей на счетъ мѣстныхъ средствъ. Въ нѣкоторыхъ учебныхъ округахъ разрѣшено было введеніе различныхъ дополнительныхъ предметовъ преподаванія, смотря по мѣстнымъ условіямъ. Въ 1897 г. всего насчитывалось 527 городскихъ училищъ [278]).

Больше вниманія и заботъ, чѣмъ уѣздныя и городскія училища, привлекали къ себѣ собственно начальныя школы различныхъ типовъ. Начатое при графѣ Толстомъ сосредоточеніе начальныхъ школъ разныхъ вѣдомствъ въ завѣдываніи Министерства Народнаго Просвѣщенія продолжалось и при его преемникахъ. Но сосредоточить управленіе начальнымъ народнымъ образованіемъ всецѣло въ своихъ рукахъ Министерству не удалось, и въ 80-хъ годахъ его значеніе, какъ главнаго руководителя этого дѣла, начинаетъ оспаривать духовное вѣдомство. Статсъ-секретарь А. А Сабуровъ, раздѣляя въ существѣ мысль своего предшественника о поддержаніи церковно-приходскихъ школъ и о вознагражденіи законоучителей, находилъ, что первый вопросъ долженъ подлежать обсужденію духовнаго вѣдомства, второй же—необходимо отложить на неопредѣленное время въ виду неблагопріятнаго отзыва Министерства Финансовъ. При новомъ разсмотрѣніи всего этого дѣла въ февралѣ 1881 г. въ Комитетѣ Министровъ сужденія послѣдняго сосредоточились, главнымъ образомъ, на заявленіи оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода тайнаго совѣтника К. П. Побѣдоносцева, «что церковно-приходскія школы,

по самымъ условіямъ существующаго въ нихъ обученія и надзора, представляютъ собою гораздо болѣе гарантій для правильнаго и благонадежнаго въ церковномъ и народномъ духѣ образованія, нежели другіе виды народныхъ школъ, и потому заслуживаютъ особыхъ со стороны правительства поддержки и поощренія». Между тѣмъ, по объясненію оберъ-прокурора, церковно-приходскія школы видимо падали: количество ихъ, доходившее въ 70-хъ годахъ до 18.000, постепенно сократилось до 4.000. Столь быстрое уменьшеніе числа церковныхъ школъ оберъ-прокуроръ приписывалъ преимущественно тому обстоятельству, что происшедшее въ 1880 г. разъединеніе управленія учебнымъ и духовнымъ вѣдомствами лишило эти школы денежныхъ вспомоществованій со стороны Министерства; духовное же вѣдомство было не въ состояніи покрывать изъ собственныхъ источниковъ всѣ потребные для содержанія и развитія школъ расходы. Обсудивъ эти заявленія, Комитетъ Министровъ нашелъ, «что возможно полное осуществленіе стремленія правительства доставить духовенству надлежащее участіе въ религіозно-нравственномъ направленіи начальнаго народнаго образованія достижимо лишь при условіи мѣропріятій, которыя относились бы ко всѣмъ элементарнымъ народнымъ школамъ въ ихъ совокупности», и положилъ предоставить оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода, по сношеніи съ подлежащими вѣдомствами, войти въ установленномъ порядкѣ съ особымъ представленіемъ о церковно-приходскихъ школахъ. Это положеніе Комитета Министровъ передано было затѣмъ на разсмотрѣніе новаго министра Народнаго Просвѣщенія, барона Николаи.

Въ январѣ 1882 г. дѣло о вліяніи православнаго духовенства на народное образованіе въ третій разъ поступило въ Комитетъ Министровъ по запискѣ министра Народнаго Просвѣщенія. «Я проникнутъ убѣжденіемъ», писалъ баронъ Николаи, «что народная школа для достиженія своей просвѣтительной цѣли должна быть основана на религіи и что одна изъ важнѣйшихъ задачъ, возложенныхъ на духовенство, заключается въ содѣйствіи къ укрѣпленію въ народѣ сознательнаго религіознаго чувства». Къ этой цѣли ведутъ два пути: 1) преподаваніе въ народной школѣ Закона Божія и 2) наблюденіе за этимъ преподаваніемъ и вообще за религіозно-нравственнымъ обученіемъ въ школахъ. Баронъ Николаи находилъ, что существующія законоположенія «вполнѣ удовлетворяютъ потребности дать представителямъ церкви прямое

и постоянное влiянiе на религiозное образованiе народа и на огражденiе школы отъ вторженiя въ нее всякихъ антирелигiозныхъ вѣянiй». Если же на дѣлѣ эта цѣль не достигалась, то виною тому были не недостатки законодательства, а иныя фактическiя условiя: численный недостатокъ законоучителей и обремененность духовенства его прямыми пастырскими обязанностями. Въ частности по вопросу о церковно-приходскихъ школахъ баронъ Николаи опровергъ мнѣнiе, что паденiе ихъ числа зависѣло отъ разъединенiя вѣдомствъ духовнаго и учебнаго. По удостовѣренiю министра, «пособiя, которыя выдавались отъ Министерства Народнаго Просвѣщенiя церковно-приходскимъ школамъ, не подвергались измѣненiю при соединенiи или разъединенiи двухъ вѣдомствъ». Далѣе онъ заявилъ, что подчиненiе церковно-приходскихъ школъ исключительно духовному начальству съ передачей послѣднему тѣхъ денежныхъ средствъ, которыя обращаются на эти школы, не встрѣтитъ серiознаго возраженiя со стороны Министерства Народнаго Просвѣщенiя, но что это выдѣленiе едва ли можетъ разрѣшить задачу лучшаго утвержденiя въ народѣ знанiя религiозныхъ началъ. Отстаивая мнѣнiе, что всѣ мѣры къ упроченiю влiянiя православнаго духовенства должны быть предпринимаемы на почвѣ дѣйствующихъ законовъ и что всѣ онѣ находятся, къ сожалѣнiю, въ прямой зависимости отъ финансовыхъ условiй, баронъ Николаи предложилъ передать дальнѣйшее движенiе этого дѣла оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода. Состоявшееся въ этомъ смыслѣ положенiе Комитета Министровъ было Высочайше утверждено 22 января 1882 г. Наконецъ, вопросъ о церковно-приходскихъ школахъ былъ разрѣшенъ при слѣдующемъ министрѣ, графѣ Делляновѣ. 2 ноября 1882 г. Высочайше утвержденнымъ мнѣнiемъ Государственнаго Совѣта предоставлено было оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода, по сношенiю съ министромъ Народнаго Просвѣщенiя, распорядиться о перечисленiи изъ смѣты Министерства въ смѣту Святѣйшаго Синода, начиная съ 1883 г., 30.000 руб., назначенныхъ на пособiе церковно-приходскимъ школамъ, и 25.600 руб.—на поддержанiе школъ, содержимыхъ духовенствомъ, земствомъ и обществами, всего 55.500 руб. Законами же 13 iюня 1884 г. и 1 мая 1891 г. церковно-приходскiя школы и школы грамоты сосредоточены были въ вѣдѣнiи духовнаго начальства и для управленiя ими въ вѣдомствѣ Святѣйшаго Синода организованъ рядъ специальныхъ учебно-административныхъ учрежденiй.

Циркуляромъ министра 1891 г. предписано было при открытіи подвѣдомственныхъ Министерству школъ входить предварительно въ сношенія съ епархіальнымъ начальствомъ, причемъ, по разъясненію Сената, учебное начальство не было обязано «принимать сообщенный отзывъ епархіальнаго вѣдомства къ непремѣнному исполненію и ставить открытіе новыхъ свѣтскихъ школъ въ зависимость отъ согласія духовнаго начальства».

Въ связи съ этими постановленіями возбужденъ былъ и принципіальный вопросъ о единствѣ управленія начальнымъ образованіемъ. Высочайше утвержденнымъ 12 мая 1887 г. мнѣніемъ Государственнаго Совѣта поручено было «оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода и министру Народнаго Просвѣщенія внести въ Государственный Совѣтъ особое, въ установленномъ порядкѣ, представленіе по вопросу о томъ, не представится ли болѣе удобнымъ сосредоточить дѣло развитія первоначальнаго народнаго образованія въ одномъ вѣдомствѣ, какъ для наилучшаго направленія сего дѣла по существу, такъ и въ видахъ наиболѣе цѣлесообразнаго и бережливаго употребленія средствъ Государственнаго Казначейства, могущихъ быть назначаемыми на потребности первоначальнаго народнаго образованія». Въ 1893 и 1895 г.г. это постановленіе было подтверждено; но въ 1897 г., при обсужденіи ходатайства оберъ-прокурора о дополнительномъ ассигнованіи средствъ на церковно-приходскія школы и школы грамоты, Государственный Совѣтъ высказался въ томъ смыслѣ, что возложенное въ 1887 г. на оберъ-прокурора и министра Народнаго Просвѣщенія порученіе «должно почитаться отмѣненнымъ» на томъ основаніи, «что дѣло начальнаго народнаго образованія представляетъ такія обширныя и важныя задачи, достиженіе которыхъ не можетъ быть посильно для одного какого либо сословія, учрежденія или вѣдомства». Вслѣдъ затѣмъ Государственный Совѣтъ поручилъ оберъ-прокурору и министру «принять зависящія мѣры къ охраненію въ дѣлѣ народнаго образованія единства направленія».

Въ результатѣ всѣхъ перемѣнъ въ порядкѣ завѣдыванія начальнымъ народнымъ образованіемъ къ концу столѣтія въ вѣдѣніи Министерства Народнаго Просвѣщенія сосредоточились слѣдующіе разряды начальныхъ школъ: 1) образцовыя училища по закону 29 мая 1869 г., 2) приходскія училища по уставу 1828 г., 3) училища въ земскихъ губерніяхъ по Положенію 1874 г., 4) училища въ губерніяхъ Кіевской, Волынской и Подольской, 5) училища въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ, 6) учи-

лища Кавказскаго округа, 7) училища въ прибалтiйскихъ губернiяхъ, 8) училища въ губернiяхъ Царства Польскаго, 9) частныя училища 3-го разряда, 10) училища, преобразованныя изъ церковно-приходскихъ школъ иностранныхъ исповѣданiй, 11) начальныя еврейскiя училища, 12) училища для инородцевъ, 13) начальныя училища, существующiя на основанiи особыхъ для каждаго изъ нихъ уставовъ и положенiй.

Главная тяжесть содержанiя начальныхъ школъ лежала на земствахъ, обществахъ и сословiяхъ. По свѣдѣнiямъ 1896 г. изъ общаго числа (31,594) начальныхъ школъ, подвѣдомственныхъ Министерству, 27,373 школы содержались на счетъ земствъ, городскихъ и сословныхъ обществъ, 3,094—на счетъ казны, остальныя—на счетъ фабрикъ, заводовъ и частныхъ лицъ.

По отчету за 1899 г. средства содержанiя начальныхъ училищъ распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

Всего поступило (въ рубляхъ) . . .	26.482.544.	
Изъ Госуд. казначейства	2.497.872.	
Отъ земствъ	9.127.529.	
Отъ сельск. обществъ	5.823.276.	36.713.
Отъ город. обществъ	4.571.551.	
Частн. и общ. пожертв.	2.216.561.	
Платы за ученье	767.478.	
Изъ оброчн. источник.	1.440.566.	

Эти цифры вполнѣ оправдали положенный въ основанiе реформъ 60-хъ годовъ принципъ, что созданiе и содержанiе народной школы есть дѣло столько же провительственное, сколько и земское. Кредитъ Министерства на нужды начальнаго народнаго образованiя послѣ 1881 г., по смѣтѣ котораго на этотъ предметъ вновь отпущено было 100.000 руб., въ теченiе 15 слишкомъ лѣтъ не только не увеличился, но даже сократился, за перечисленiемъ въ 1883 г. 25.500 руб. въ смѣту Святѣйшаго Синода на поддержанiе церковно-приходскихъ школъ, и дѣятельность Министерства по открытiю новыхъ школъ почти прекратилась. Опираясь на неоднократныя изъявленiя Высочайшей воли, чтобы дѣлу народнаго образованiя въ Имперiи была оказана правительствомъ существенная помощь, Министерство съ 1896 г. начало усиленно ходатайствовать объ увеличенiи соотвѣтствующихъ кредитовъ. Государственный Совѣтъ, съ своей стороны, признавалъ эту мѣру безотлагательно необходимою. Такъ въ постановленiи 3 апрѣля 1897 г., между прочимъ, говорилось: «достигнутые результаты

представляются совершенно недостаточными въ сравненіи съ тѣмъ, что́ должно сдѣлать. Число начальныхъ школъ не отвѣчаетъ потребности. Даже обученіе грамотѣ составляетъ счастливый удѣлъ относительно незначительнаго числа подростающаго поколѣнія. Не можетъ быть вопроса о необходимости пожертвованій казны на нужды народнаго образованія». Тѣмъ не менѣе ходатайства Министерства, не смотря на всю ихъ умѣренность, удовлетворены были лишь отчасти: такъ въ 1896 г. заявленныя требованія на потребности народнаго образованія простирались до 930.831 руб., увеличеніе же кредита по смѣтѣ 1897 г. выразилось лишь суммою въ 250.000 руб. Въ 1897 г. новыя потребности исчислялись въ 933.139 руб.; кредитъ же по смѣтѣ 1898 г. увеличенъ былъ лишь на 200.000 руб. Вслѣдствіе этого новые кредиты немедленно исчерпывались, и множество ходатайствъ оставались неудовлетворенными.

Всѣ разряды начальныхъ школъ, подчиненныхъ Министерству Народнаго Просвѣщенія, вмѣстѣ съ городскими и уѣздными училищами, по словамъ г. Фармаковскаго, изслѣдовавшаго положеніе начальной школы въ концѣ XIX в. «представляютъ значительное разнообразіе въ формахъ подчиненія Министерству, въ отношеніяхъ къ органамъ учебной власти и мѣстному представительству и въ размѣрахъ правъ учащаго персонала. Что же касается педагогической организаціи училищъ, то въ этомъ отношеніи мы, напротивъ, встрѣчаемъ чрезвычайную простоту: всѣ исчисленныя категоріи представляютъ, по существу своему, или школу начальнаго обученія, или низшее элементарное училище, притомъ съ курсомъ или болѣе компактнымъ или болѣе расширеннымъ». Всѣ училища одноклассныя суть собственно школы грамотности, дополненныя преподаваніемъ началъ Закона Божія и ариѳметики. Дальнѣйшую ступень народнаго образованія представляетъ двухклассное училище. Первый классъ этого училища составляетъ не что иное, какъ обычную одноклассную школу; второй же классъ обнимаетъ высшій, дополнительный курсъ начальнаго обученія, характеризуемый тѣмъ, что здѣсь сообщаются дѣтямъ свѣдѣнія по исторіи, географіи, естествовѣдѣнію. Наконецъ, на третьей ступени начальной школы стоятъ училища многоклассныя, къ которымъ слѣдуетъ отнести училища уѣздныя, городскія по Положенію 1872 г., такъ называемыя центральныя училища и т. п. Указанными тремя основными формами исчерпывается система начальнаго образованія, существующая

въ вѣдомствѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Но для того, чтобы получить вполнѣ точное представленіе объ этой системѣ, необходимо отмѣтить то обстоятельство, что одни изъ начальныхъ одноклассныхъ училищъ существуютъ для дѣтей школьнаго возраста, другія же—для взрослаго населенія, и что затѣмъ въ однихъ изъ этихъ училищъ преподаваніе ведется лишь на одномъ государственномъ языкѣ, а въ другихъ, кромѣ государственнаго языка, и на мѣстныхъ нарѣчіяхъ. По свѣдѣніямъ 1896 г., изъ 32.708 начальныхъ училищъ 94% принадлежали къ первой ступени начальнаго образованія, 4% ко второй и 2% къ третьей. При этомъ 97% училищъ назначались для дѣтей школьнаго возраста и 3% для взрослаго населенія. Училищъ двуязычныхъ считалось 21% общаго числа [279]).

Законодательныя мѣры 80-хъ и 90-хъ годовъ о начальныхъ школахъ, подвѣдомственныхъ Министерству Народнаго Просвѣщенія, лишь въ нѣкоторыхъ частностяхъ измѣнили и дополнили основные законы 1869 и 1874 г.г. Въ административномъ отношеніи онѣ коснулись преимущественно личнаго состава органовъ управленія начальнымъ образованіемъ. Въ 1888 г. Министерство возбудило вопросъ объ устраненіи лицъ нехристіанскихъ исповѣданій отъ завѣдыванія начальными училищами, «руководствуясь тѣмъ убѣжденіемъ, что нравственное направленіе русской народной школы можетъ быть установлено лишь на началахъ христіанскихъ и что попеченіе о сей школѣ не можетъ быть безопасно ввѣрено лицамъ нехристіанскихъ вѣроисповѣданій, такъ какъ отъ таковыхъ лицъ, хотя бы они сами по себѣ вполнѣ заслуживали довѣрія, невозможно ожидать должной ревности въ проведеніи въ школѣ нравственно-религіозныхъ началъ, совершенно чуждыхъ, а нерѣдко и противоположныхъ ихъ міровоззрѣнію». Департаментъ Законовъ, не отрицая правильности этого взгляда, нашелъ, однако, полезнымъ и возможнымъ сохранить за предводителями дворянства изъ нехристіанъ общее попеченіе о начальномъ народномъ образованіи, устранивъ ихъ отъ участія въ училищныхъ совѣтахъ. Высочайше утвержденнымъ 19 декабря 1888 г. мнѣніемъ Государственнаго Совѣта было постановлено: предсѣдательство и вообще участіе въ училищныхъ совѣтахъ предоставляется только лицамъ христіанскаго исповѣданія; при утвержденіи въ должности уѣзднаго или губернскаго предводителя дворянства нехристіанина предсѣдательство переходитъ къ лицу, которое по закону заступаетъ мѣсто предводителя за его отсут-

ствіемъ или болѣзнью; если же и этотъ замѣститель будетъ не христіанинъ, то предсѣдательство возлагается на старшаго члена совѣта отъ гражданскихъ вѣдомствъ. Въ 1888 г. министру Народнаго Просвѣщенія предоставлено учреждать при приходскихъ училищахъ, въ которыхъ обучаются однѣ дѣвочки или дѣти обоего пола, должности почетныхъ блюстительницъ на основаніяхъ, существующихъ для почетныхъ блюстителей этихъ училищъ. Въ 1887 г. разрѣшено, по ходатайствамъ земскихъ собраній, допускать въ засѣданія уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ земскихъ врачей по вопросамъ санитарно-гигіеническаго состоянія училищъ. Въ 1895 г. въ составъ училищныхъ совѣтовъ введены земскіе начальники.

Распредѣленіе различныхъ функцій по завѣдыванію начальнымъ образованіемъ между органами Министерства, съ одной стороны, земствами и городскими обществами, съ другой, возбуждало не разъ еще со времени графа Толстаго принципіальныя недоразумѣнія относительно предѣловъ власти и взаимныхъ отношеній той и другой стороны.

Только полная и всесторонняя исторія этихъ отношеній, не входящая въ программу настоящаго очерка, можетъ дать безпристрастную ихъ оцѣнку. Но нельзя не остановиться на нѣкоторыхъ особенно важныхъ и характерныхъ случаяхъ недоразумѣній, разрѣшаемыхъ обыкновенно Правительствующимъ Сенатомъ. Въ 1885 г. было разъяснено, что земскимъ собраніямъ не предоставлено закономъ учреждать, безъ надлежащаго разрѣшенія, учебно-воспитательныя учрежденія, дѣйствующія на основаніи особыхъ, земствомъ же утвержденныхъ правилъ; въ 1889 г.,—что въ кругъ вѣдѣнія земства по училищному дѣлу вовсе не входитъ собственно педагогическая часть, подчиненная педагогическимъ и училищнымъ совѣтамъ и другимъ органамъ, въ дѣятельность коихъ земству вмѣшиваться не предоставлено. Съ другой стороны, въ 1893 г., по дѣлу о С.-Петербургской городской училищной комиссіи, Сенатъ разъяснилъ, что «по смыслу дѣйствующихъ законоположеній участіе земства и городовъ въ попеченіи о народномъ образованіи не можетъ быть ограничено исключительно хозяйственными распоряженіями, а можетъ безпрепятственно проявляться до предѣловъ, за которыми начинается исключительная сфера власти правительственныхъ органовъ... Устраненіе земскихъ и городскихъ управленій отъ участія въ завѣдываніи школами, открываемыми и содержимыми большею частью на ихъ средства, помимо несоотвѣтствія сего требованіямъ

закона и справедливости, по всей вѣроятности, явилось бы поводомъ для сказанныхъ управленій воздержаться въ будущемъ отъ денежныхъ пожертвованій въ пользу училищъ, что́ несомнѣнно отразилось бы вредно на дальнѣйшемъ развитіи народнаго образованія». Требованіе закона, чтобы участіе земствъ и городовъ въ завѣдываніи училищами оставалось «въ предѣлахъ, закономъ опредѣленныхъ», устраняетъ возможность какихъ бы то ни было опасеній относительно вреда, могущаго послѣдовать для народнаго образованія отъ двоевластія и отъ умаленія той первенствующей и руководящей роли, которая въ такомъ важномъ дѣлѣ должна принадлежать неотъемлемо правительственной власти. По этимъ соображеніямъ Сенатъ призналъ за городскими думами право учреждать комиссіи для завѣдыванія училищами, составлять для нихъ инструкціи, учреждать должности «экспертовъ по учебной части». Въ 1892 г. возникъ чрезвычайно важный вопросъ, насколько допустимы между учителями, съ одной стороны, и земствами, городскими или сельскими обществами, съ другой, договоры и контракты, касающіеся размѣровъ содержанія или вознагражденія учителей или учительницъ, исправнаго исполненія ими обязанностей, а также срока пребыванія ихъ на учительскомъ мѣстѣ. По разсмотрѣніи этого вопроса въ Министерствахъ Народнаго Просвѣщенія, Внутреннихъ Дѣлъ и Юстиціи графъ Деляновъ циркуляромъ 3 августа 1892 г. сдѣлалъ распоряженіе, чтобы лица, желающія занять мѣста учителей начальныхъ училищъ или уже занимающія таковыя должности, не вступали съ земскими, городскими и сельскими общественными учрежденіями ни въ какіе договоры по предметамъ, предоставленнымъ по закону вѣдѣнію училищнаго начальства, и, въ частности, по опредѣленію размѣра содержанія этихъ лицъ. На точкѣ зрѣнія, что народный учитель есть не наемникъ содержателей училищъ, а должностное лицо, по уполномочію правительства отправляющее свои служебныя обязанности, стоялъ и Сенатъ въ разъясненіяхъ недоразумѣній и споровъ по вопросу о юридическомъ положеніи учителей.

Въ учебномъ собственно отношеніи законы о начальномъ образованіи, изданные при графѣ Толстомъ, требовали подробнаго развитія, такъ какъ сами они опредѣляли постановку учебно-воспитательнаго дѣла лишь въ самыхъ общихъ чертахъ. Только одни министерскія образцовыя училища были снабжены при самомъ ихъ учрежденіи по закону 1869 г. опредѣленными программами

и правилами. Великое разнообразіе мѣстныхъ условій, отсутствіе прочныхъ традицій въ дѣлѣ начальнаго обученія не позволяли распространить эти программы и правила безъ провѣрки ихъ продолжительнымъ опытомъ на начальныя училища разныхъ типовъ и наименованій. Вотъ почему только 7 февраля 1897 г. Министерство признало возможнымъ издать общія программы для всѣхъ вообще одноклассныхъ училищъ, но только въ качествѣ примѣрныхъ, а не обязательныхъ, нормъ. По этимъ программамъ учебный курсъ одноклассонаго училища опредѣленъ въ 3 года, причемъ учащіеся раздѣляются на 3 послѣдовательныя отдѣленія. Число часовъ въ недѣлю назначено 24. На пѣніе и гимнастику отведены особые часы. Въ 1885 г. былъ установленъ новый порядокъ испытаній для полученія свидѣтельствъ о знаніи курса начальныхъ училищъ лицами, желающими воспользоваться льготою по военной повинности; былъ упрощенъ составъ испытательныхъ комиссій и установленъ минимальный возрастъ для испытуемыхъ въ 11 лѣтъ.

Въ 80-хъ годахъ возникла мысль сдѣлать начальную школу проводникомъ не только начатковъ общаго образованія, но и практическихъ знаній. Министерство содѣйствовало учрежденію при начальныхъ училищахъ разнообразныхъ ремесленныхъ классовъ и, по ходатайству одного земскаго собранія, разрѣшило обучаться въ этихъ классахъ уже окончившимъ курсъ. Кромѣ того на отводимыхъ школамъ участкахъ земли преподавалось: травосѣяніе, садоводство, огородничество, плодоводство, а въ южныхъ губерніяхъ шелководство и виноградарство. Но развитіе этого дѣла замедлялось недостаткомъ учителей, обладающихъ спеціальными знаніями по разнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства. Въ 1890 г. министръ Государственныхъ Имуществъ испросилъ Высочайшее соизволеніе на устройство въ лѣтнее время при спеціальныхъ учрежденіяхъ Министерства Государственныхъ Имуществъ безплатныхъ курсовъ для обученія народныхъ учителей разнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства. Въ 1897 г. явился законъ объ отводѣ сельскимъ начальнымъ училищамъ земельныхъ отъ казны участковъ и о безденежномъ отпускѣ казеннаго лѣса на постройку и отопленіе.

По наблюденіямъ мѣстныхъ учебныхъ начальствъ обученіе ремесламъ не пользовалось особымъ сочувствіемъ коренного русскаго населенія, такъ какъ, по убѣжденію крестьянъ, это обученіе отвлекаетъ молодежь отъ земледѣлія. На окраинахъ же съ ино-

родческимъ населеніемъ сочувствіе послѣдняго къ ремесленнымъ занятіямъ было несомнѣнно: стремящіеся къ осѣдлости инородцы цѣнятъ ремесла тамъ, гдѣ климатическія и почвенныя условія неблагопріятны для земледѣлія. Противъ распространенія въ народѣ через посредство начальной школы ремесленныхъ и сельско-хозяйственныхъ знаній сдѣланы были возраженія и со стороны нѣкоторыхъ круговъ интеллигентнаго общества на томъ основаніи, что эта роль народной школы можетъ исказить ея основной, общеобразовательный характеръ, внести въ задачи и организацію школы нѣчто чуждое ея истинному назначенію. Шестой всероссійскій съѣздъ сельскихъ хозяевъ въ 1895 г. высказался также противъ преподаванія сельскаго хозяйства, какъ особаго предмета въ начальной школѣ. Находя, что она, по объему своего курса, является недостаточной для хорошей подготовки воспитанниковъ въ низшія сельско-хозяйственныя училища, съѣздъ призналъ полезнымъ разрѣшать земствамъ открытіе народныхъ школъ высшаго типа [280]).

Изъ внѣшкольныхъ средствъ просвѣщенія новыя мѣропріятія посвящены были народнымъ чтеніямъ, читальнямъ и библіотекамъ. По закону 1876 г. народныя чтенія устраивались только въ губернскихъ городахъ. По Положенію Комитета Министровъ 11 октября 1894 г. эти чтенія разрѣшены были также въ уѣздныхъ городахъ и селеніяхъ съ тѣмъ, чтобы чтенія производились подъ непосредственнымъ наблюденіемъ и отвѣтственностью ближайшихъ представителей духовнаго или учебнаго вѣдомства и чтобы нравственная и политическая благонадежность лицъ, занимающихся устройствомъ народныхъ чтеній, была надлежащимъ образомъ удостовѣрена. Въ 1890 г. Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, по соглашенію съ учебнымъ и духовнымъ вѣдомствами, составлены правила о народныхъ читальняхъ и о порядкѣ надзора за ними. Въ эти читальни допускались только книги и періодическія изданія, одобренныя Особымъ Отдѣломъ Ученаго Комитета, и въ 1888 г. послѣднему поручено было, по Высочайшему повелѣнію, пересмотрѣть каталоги какъ существующихъ, такъ и имѣющихъ возникнуть впредь безплатныхъ народныхъ читаленъ [281]).

VII.

Изъ особенныхъ разрядовъ среднихъ и низшихъ общеобразовательныхъ училищъ въ 80-хъ и 90-хъ годахъ ожидали пре-

образованія женскія гимназіи и прогимназіи въ связи съ пересмотромъ всей вообще системы женскаго образованія. Уже черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ изданія Положенія 1870 г. комиссіями, разсматривавшими ежегодные отчеты министра, неоднократно высказывалась мысль объ учрежденіи такихъ женскихъ училищъ, «которыя доставляли бы большинству дѣвицъ изъ средняго сословія образованіе, вполнѣ соотвѣтствующее ихъ жизненнымъ потребностямъ и нуждамъ и не клонящееся къ отчужденію ихъ отъ ихъ общественной среды». Въ августѣ 1880 г. статсъ-секретарь Сабуровъ испросилъ Высочайшее соизволеніе учредить подъ предсѣдательствомъ товарища министра особую комиссію для обсужденія вопроса о новомъ типѣ женскихъ училищъ, посредствующемъ между начальными школами и гимназіями. Но затѣмъ это дѣло остановилось и было возобновлено въ 1885 г., когда, съ Высочайшаго соизволенія 27 декабря предшествующаго года, была образована при Министерствѣ новая комиссія, подъ предсѣдательствомъ товарища министра князя М. С. Волконскаго, изъ представителей: Министерства Народнаго Просвѣщенія, Духовнаго вѣдомства и вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи. Новой комиссіи поставлена была болѣе обширная задача, чѣмъ первой,—изыскать главныя основанія для лучшей постановки женскаго образованія вообще. Точки зрѣнія, которыми предстояло руководствоваться комиссіи, были указаны во всеподданнѣйшемъ докладѣ графа Делянова: «учрежденіе въ послѣднее время, начиная съ конца 60-хъ годовъ, большаго количества женскихъ гимназій и прогимназій вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія, безъ одновременнаго открытія училищъ съ законченнымъ элементарнымъ курсомъ, а также и школъ съ профессіональнымъ характеромъ, отражается теперь неблагопріятно на образованіи дѣвицъ, которыя стремятся, по выходѣ изъ среднихъ учебныхъ заведеній, въ различные высшіе женскіе курсы какъ въ Россіи, такъ и за-границей; причемъ большинство увлекается не столько научными занятіями, сколько ложнымъ стремленіемъ и желаніемъ выйти изъ своей семьи и изъ своей среды, оставить обыденныя обязанности и добиться правъ, едва ли соотвѣтствующихъ призванію женщины. Поступая на высшіе курсы, дѣвицы не приносятъ съ собою должной подготовки и потому не понимаютъ или превратно понимаютъ читаемыя имъ лекціи. Съ другой стороны, нельзя считать правильнымъ, что женскія учебныя заведенія, состоящія въ вѣдѣніи Министерства Народнаго Про-

свѣщенія, а равно въ вѣдомствѣ учрежденій Императрицы Маріи, назначены не только давать воспитаніе и образованіе учащимся въ нихъ дѣвицамъ, но и права на званіе домашнихъ и начальныхъ учительницъ, чѣмъ онѣ, особенно же гимназіи, привлекаютъ къ себѣ и такихъ лицъ, которымъ свойственно было бы искать элементарнаго образованія, и чему не соотвѣтствуетъ болѣе обширный курсъ гимназій и институтовъ». Выработанные комиссіей на этихъ основаніяхъ проекты преобразованія женскихъ учебныхъ заведеній, въ томъ числѣ проектъ учрежденія Маріинскихъ четырехклассныхъ женскихъ училищъ, соотвѣтствовавшихъ городскимъ училищамъ въ системѣ мужскихъ учебныхъ заведеній, внесены были впослѣдствіи на уваженіе Государственнаго Совѣта, но не получили утвержденія. Для гимназій и прогимназій осталось въ силѣ Положеніе 1870 г., дополненное нѣкоторыми отдѣльными постановленіями: о назначеніи предсѣдателями педагогическихъ совѣтовъ начальниковъ и преподавателей среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній, о дарованіи служебныхъ правъ лицамъ, занимающимъ учебныя должности въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, о предоставленіи званія начальныхъ учительницъ окончившимъ прогимназіи, о порядкѣ награжденія лучшихъ ученицъ медалями. Маріинскія же училища учреждались постепенно, по особымъ положеніямъ для отдѣльныхъ областей и мѣстностей. Такъ въ 1887 г. были преобразованы въ четырехклассныя училища гимназіи и прогимназіи войска Донскаго; въ 1890 и 1894 гг. учреждены Маріинскія училища въ Рижскомъ округѣ (въ Юрьевѣ и Якобштадтѣ), на Кавказѣ (въ Батумѣ, Карсѣ и Шушѣ), въ Туркестанѣ (въ Маргеланѣ и Самаркандѣ). При такомъ маломъ числѣ Маріинскихъ училищъ потребностямъ низшихъ классовъ продолжали служить прогимназіи, какъ видно изъ слѣдующей таблицы о распредѣленіи въ 1894 г. учащихся въ женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ по сословіямъ [282]):

СОСЛОВІЯ.	Въ гимн. въ %.	Въ прогимн. въ %.
Дочери дворянъ и чиновниковъ	49,3	21,6
Духовнаго званія	3,7	7,2
Городскихъ сословій	39,3	55,2
Сельскихъ сословій	4,6	14,8
Иностранокъ	2,1	0,6
Прочихъ сословій	1,0	0,6

Предпринятый въ 80-хъ годахъ пересмотръ законодательства о евреяхъ не только не далъ Министерству Народнаго Просвѣщенія новыхъ положительныхъ результатовъ, но даже заставилъ его отказаться отъ нѣкоторыхъ давно поставленныхъ цѣлей. Въ 1891 г. министры Народнаго Просвѣщенія и Внутреннихъ Дѣлъ въ совмѣстномъ всеподданнѣйшемъ докладѣ высказались противъ главныхъ предположеній высшей комиссіи о евреяхъ, состоявшей подъ предсѣдательствомъ графа Палена: противъ обязательнаго обученія евреевъ русской грамотѣ, учрежденія на новыхъ началахъ отдѣльныхъ еврейскихъ училищъ и учительскихъ семинарій, возстановленія раввинскихъ училищъ. Съ своей стороны министры признали полезнымъ, сохранивъ существующую систему образованія евреевъ, содѣйствовать устройству возможно большаго числа профессіональныхъ школъ, удовлетворяющихъ потребностямъ городскаго еврейскаго населенія. Такъ какъ проекты комиссіи графа Палена объ образованіи евреевъ были признаны одни преждевременными и безполезными, а другіе нетребующими законодательной санкціи, то они и остались безъ дальнѣйшаго движенія. Наиболѣе же трудный, почти безнадежный, вопросъ о меламдахъ сталъ предметомъ новаго разсмотрѣнія въ Государственномъ Совѣтѣ по представленію графа Делянова. «Если обозрѣть», писалъ министръ, «почти полувѣковую и еще незавершившуюся нынѣ исторію дѣлъ съ меламдами, то нельзя будетъ не придти къ заключенію о полнѣйшей справедливости мысли, высказанной графомъ Уваровымъ, что при настоящемъ состояніи евреевъ также трудно разрушить старое, какъ и соорудить новое зданіе. И замѣчательно, что трудность разрушенія этого зданія постоянно возрастала по мѣрѣ возрастанія усилій къ его разрушенію принимавшимися правительствомъ мѣрами. Иначе, впрочемъ, и быть не могло, такъ какъ чѣмъ выше были требованія, предъявлявшіяся правительствомъ къ меламдамъ, чѣмъ они были неосуществимѣе для меламдовъ, тѣмъ они должны были вызывать большія сопротивленія со стороны этихъ лицъ и, слѣдовательно, дѣлать борьбу съ ними болѣе трудною. Разсчитывать уничтожить этотъ классъ лицъ строгостью принимаемыхъ противъ него мѣръ не представляется возможнымъ. Отказавшись отъ мысли объ уничтоженіи меламдовъ или о замѣнѣ ихъ другими лицами, правительство должно стараться по возможности поколебать нравственный авторитетъ меламдовъ въ глазахъ массы еврейскаго населенія. А въ этихъ видахъ слѣдуетъ заботиться не о возвышеніи

умственнаго уровня меламдовъ, а о возможно большемъ умственномъ развитіи окружающей ихъ среды». По этимъ соображеніямъ законъ 1 марта 1893 г. отмѣнилъ испытаніе на званіе меламда, но предоставилъ министру Народнаго Просвѣщенія составить подробныя правила надзора за дѣятельностью меламдовъ и за ихъ хедерами (начальными школами). Эти правила изданы были въ 1894 г., и въ томъ же году Министерство сдѣлало распоряженіе, чтобы въ талмудъ-торахъ учительствовали лица, имѣющія по крайней мѣрѣ званіе начальнаго учителя [283]).

Для частныхъ учебныхъ заведеній наиболѣе существенное значеніе имѣли законы 12 апрѣля 1883 г. и 27 ноября 1884 г. о дарованіи правъ по отбыванію воинской повинности, принадлежащихъ правительственнымъ мужскимъ гимназіямъ, также и гимназіямъ частнымъ при соблюденіи слѣдующихъ условій: 1) курсъ первыхъ шести классовъ частной гимназіи долженъ вполнѣ соотвѣтствовать курсу правительственной гимназіи; 2) учителями должны быть лица, имѣющія право преподаванія въ этихъ послѣднихъ заведеніяхъ; 3) гимназія должна произвести предварительно не менѣе четырехъ выпусковъ окончившихъ полный курсъ; 4) испытанія въ объемѣ курса четырехъ и шести классовъ производятся въ присутствіи депутатовъ отъ учебнаго вѣдомства и на основаніямъ, установленныхъ для правительственныхъ гимназій. Воспитанники, прошедшіе курсъ 6 классовъ, причисляются, по отношенію къ отбыванію воинской повинности, ко 2-му разряду, окончившіе курсъ 3-го класса—къ 3-му разряду и неокончившіе курса этого класса—къ 4-му.

Дарованіе льготъ по воинской повинности воспитанникамъ частныхъ учебныхъ заведеній было чрезвычайно благопріятно для матеріальнаго преуспѣянія послѣднихъ. Но съ другой стороны, тѣ условія, которыми обставлено было полученіе этихъ правъ, заставляли частныя училища строго согласоваться во всемъ съ правительственными школами и препятствовали свободѣ и разнообразію внутренняго ихъ развитія, отсутствіе которыхъ признавалось въ предшествующую эпоху важнымъ недостаткомъ въ дѣлѣ частнаго образованія [284]).

VIII.

Еще графъ Уваровъ высказывалъ мысль, что на Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія лежитъ обязанность заботиться не

только о развитіи общаго образованія, но и о приспособленіи его къ потребностямъ отечественной промышленности. Практически эта мысль выразилась сначала въ устройствѣ спеціальныхъ, реальныхъ курсовъ и классовъ при общеобразовательныхъ заведеніяхъ и въ учрежденіи нѣкоторыхъ самостоятельныхъ спеціальныхъ училищъ. Но впослѣдствіи ходъ событій заставилъ Министерство устремить всѣ свои силы на преобразованіе системы общаго образованія, при чемъ само «реальное» образованіе оцѣнивалось по преимуществу со стороны его общаго, а не прикладнаго значенія. Разнаго рода профессіональныя училища, возникавшія по частной и общественной инициативѣ и состоявшія въ разныхъ вѣдомствахъ, не были подчинены общему плану и крайне неравномѣрно удовлетворяли потребностямъ развивавшейся русской промышленности. Наконецъ, въ послѣднюю четверть XIX вѣка потребность въ техническомъ и промышленномъ образованіи, широко и систематически поставленномъ, достаточно выяснилась, и въ 1877 г. на Министерство Финансовъ возложено было составленіе общаго плана профессіональнаго образованія и выработка типовъ промышленныхъ школъ. Но затѣмъ эта задача перенесена была на Министерство Народнаго Просвѣщенія. 17 апрѣля 1881 г., по докладу министра Финансовъ, состоялось Высочайшее повелѣніе о передачѣ промышленныхъ и техническихъ учебныхъ заведеній Министерства Финансовъ въ вѣдомство Министерства Народнаго Просвѣщенія, и вновь учрежденному при Ученомъ Комитетѣ Особому Отдѣленію по техническому и профессіональному образованію поручено было составить общій нормальный планъ промышленныхъ училищъ *). Выработанный особымъ отдѣленіемъ Ученаго Комитета, при участіи другихъ вѣдомствъ, проектъ дважды разсматривался Государственнымъ Совѣтомъ, вмѣстѣ съ планомъ преобразованія реальныхъ училищъ, и 7 марта 1888 г. Высочайше утверждены были «Основныя положенія о промышленныхъ училищахъ».

Новый законъ установилъ три типа училищъ: среднія техническія, низшія техническія и ремесленныя. Среднія техническія училища «сообщаютъ знанія и умѣнія, необходимыя техникамъ, какъ ближайшимъ помощникамъ инженеровъ и другихъ высшихъ

*) 9 іюня 1895 г. въ вѣдѣніе Министерства Народнаго Просвѣщенія переданы были всѣ частныя профессіональныя школы, соотвѣтствующія по курсу уѣзднымъ и начальнымъ училищамъ.

руководителей промышленнаго дѣла». Низшія училища, «наряду съ обученіемъ пріемамъ какого либо опредѣленнаго производства, сообщаютъ знанія и умѣнія, необходимыя и непосредственнымъ руководителямъ труда рабочихъ въ промышленныхъ училищахъ». Наконецъ, «ремесленныя училища имѣютъ цѣлью практическое обученіе пріемамъ какого либо производства и сообщеніе знаній и умѣній, необходимыхъ для осмысленной въ семъ производствѣ работы». Училища всѣхъ этихъ трехъ типовъ могутъ существовать или отдѣльно или въ соединеніи съ подобными же училищами различныхъ степеней и спеціальностей. Съ промышленными училищами, по мѣрѣ возможности, соединяются дополнительныя школы для обученія въ свободное время рабочихъ промышленныхъ заведеній и приготовительныя общеобразовательныя школы. Содержаніе промышленныхъ училищъ относится на счетъ казны, земствъ, обществъ, сословій и частныхъ лицъ. Принимаются въ училища лица всѣхъ состояній и вѣроисповѣданій. Для поступленія въ ремесленное училище требуется свидѣтельство объ окончаніи курса какой либо начальной школы, въ низшее техническое училище — аттестатъ городскаго, уѣзднаго или сельскаго двухкласснаго училища, и въ среднее техническое училище — удостовѣреніе объ окончаніи 5 классовъ реальнаго училища или среднеобразовательнаго заведенія. Успѣшно окончившіе среднее техническое училище съ четырехлѣтнимъ курсомъ получаютъ званіе техника по соотвѣтственной спеціальности. Окончившіе же училище съ двухъ или трехлѣтнимъ курсомъ получаютъ званіе техника только послѣ двухъ или трехъ лѣтъ непрерывной промышленной дѣятельности. Преподавателямъ наукъ и прикладныхъ предметовъ, имѣющимъ званіе техника, предоставляются права государственной службы.

Разработка подробной организаціи промышленныхъ училищъ въ учебномъ, административномъ и хозяйственномъ отношеніяхъ, составленіе уставовъ и штатовъ для каждаго типа училищъ и опредѣленіе мѣстностей для ихъ открытія возложено было подъ предсѣдательствомъ т. с. Ильина на особую временную комиссію изъ представителей Министерствъ: Народнаго Просвѣщенія, Финансовъ, Внутреннихъ Дѣлъ и Государственныхъ Имуществъ. Собравъ подробныя свѣдѣнія о состояніи и нуждахъ заводской и фабричной промышленности и о состояніи ремесленнаго и техническаго образованія въ Имперіи, комиссія установила 5 спеціальностей для среднихъ техническихъ училищъ (механи-

ческую, химическую, строительную, сельско-хозяйственную и горнозаводскую), 3 для низшихъ (механическую, химическую и строительную) и для ремесленныхъ училищъ специальность по обработкѣ дерева и металла. Для каждаго типа училищъ были составлены таблицы часовъ учебныхъ занятій и штаты: содержаніе ремесленнаго училища опредѣлено въ 12.000 руб., низшаго техническаго—отъ 17.000 до 19.500 руб., въ зависимости отъ специальности училища, средняго техническаго—отъ 25.000 до 27.500 руб. Расходы же на соединенныя училища разныхъ специальностей и степеней исчислялись отъ 34.000 до 106.000 руб. На счетъ Государственнаго Казначейства Комиссія признала нужнымъ открыть: 7 среднихъ техническихъ училищъ (въ Красноуфимскѣ, Москвѣ, Н.-Новгородѣ, Казани, Тифлисѣ, Смоленскѣ, одномъ изъ городовъ Самарской губерніи), 15 низшихъ (въ Москвѣ, Н.-Новгородѣ, Казани, Тифлисѣ, Екатеринославѣ, Астрахани, Ташкентѣ, Одессѣ, Оренбургѣ, Томскѣ, Орлѣ, Брянскѣ, Островѣ, Архангельскѣ, С.-Петербургѣ), 17 ремесленныхъ училищъ (въ Москвѣ, Смоленскѣ, Екатеринославѣ, Астрахани, Ташкентѣ, Петрозаводскѣ, посадѣ Вознесеньѣ, Рыбинскѣ, пос. Павловѣ, Сапожкѣ, Тулѣ, Жиздрѣ, пос. Клинцахъ, Бахмутѣ, Царицынѣ, Златоустѣ, Батумѣ), всего около 40 училищъ въ 31 пунктѣ. Наконецъ, комиссія высказала мысль о сосредоточеніи управленія промышленными училищами въ особомъ учрежденіи при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія и объ учрежденіи особой инспекціи для наблюденія за правильнымъ ходомъ промышленнаго образованія. По разсмотрѣніи всѣхъ этихъ предположеній комиссіи въ Государственномъ Совѣтѣ, 26 іюня 1889 г. были Высочайше утверждены штаты промышленныхъ училищъ и разсмотрѣны таблицы учебныхъ занятій, а 27 сентября утверждены министромъ подробные уставы училищъ всѣхъ трехъ типовъ. Что же касается учрежденія училищъ разныхъ специальностей въ намѣченныхъ комиссіей пунктахъ, то Государственный Совѣтъ нашелъ необходимымъ предоставить Министерству извѣстную свободу дѣйствій въ насажденіи промышленнаго образованія, чтобы дать ему возможность дѣлать тѣ отступленія отъ подробностей намѣченнаго плана, какія оказались бы необходимыми по требованіямъ практики. Въ виду невозможности единовременнаго осуществленія общаго плана, Министерство должно было ежегодно входить въ подробныя соображенія о томъ, въ какихъ мѣстностяхъ и какія училища предполагается учредить въ ближайшемъ будущемъ, опредѣлять размѣры необхо-

димыхъ средствъ и, по соглашенію съ министромъ Финансовъ, представлять свои предположенія на уваженіе Государственнаго Совѣта. Вся эта работа по развитію сѣти промышленныхъ училищъ и выработка разнаго рода дополнительныхъ постановленій къ общему плану легла на учрежденное въ 1893 г. въ составѣ Департамента Народнаго Просвѣщенія Особое Отдѣленіе по завѣдыванію промышленными училищами.

Какъ было предусмотрѣно Государственнымъ Совѣтомъ въ 1889 г. и какъ то въ дѣйствительности выяснилъ опытъ, Министерство не могло ограничиться тремя главными типами промышленныхъ училищъ и поставило своей задачей выработать и другіе, болѣе простые и дешевые типы профессіональныхъ школъ. По указанію Государственнаго Совѣта большую пользу должны были принести такія школы, которыя служили бы не только для образованія фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ, но и для подготовленія вообще свѣдущихъ ремесленниковъ, способныхъ самостоятельно руководить небольшими мастерскими. Согласно съ этимъ указаніемъ были составлены и Высочайше утверждены 20 декабря 1893 г. «Основныя правила о школахъ ремесленныхъ учениковъ» съ трехлѣтнимъ курсомъ и со штатомъ въ 7465 руб. Эти школы, не задаваясь цѣлью подготовленія болѣе или менѣе закончившихъ свое обученіе ремесленниковъ, должны были до нѣкоторой степени замѣнять періодъ ученичества у частныхъ мастеровъ. Вслѣдъ затѣмъ былъ проектированъ еще болѣе простой типъ низшей ремесленной школы, предназначенной преимущественно для крестьянскаго населенія тѣхъ мѣстностей, гдѣ существуетъ кустарное производство и гдѣ крестьяне, кромѣ земледѣлія, вынуждены обращаться къ вспомогательнымъ заработкамъ. Въ этихъ школахъ крестьянскія дѣти, не отрываясь отъ привычныхъ условій жизни, должны были обучаться не только какому либо ремеслу, но и нѣкоторымъ общеобразовательнымъ предметамъ: Закону Божію, русскому языку, ариѳметикѣ. По закону 24 апрѣля 1895 г. курсъ низшихъ ремесленныхъ школъ опредѣленъ въ 4 года и штатъ—въ 2.770 руб.

Изыскивая наиболѣе дешевые и удобоисполнимые способы распространенія профессіональныхъ знаній, Министерство остановилось еще на мысли организовать разнаго рода профессіональные курсы, особенно рисованіе и черченіе какъ общее, такъ и въ приложеніи къ различнымъ отраслямъ промышленности, при общеобразовательныхъ и иныхъ учебныхъ заведеніяхъ для лицъ,

уже получившихъ общее образованіе. Озаботиться этимъ дѣломъ Министерство предложило попечителямъ учебныхъ округовъ и выразило надежду, что его начинанія встрѣтятъ сочувствіе и матеріальную помощь со стороны городскихъ думъ, земскихъ собраній, купеческихъ, мѣщанскихъ и ремесленныхъ обществъ, фабрикантовъ и заводчиковъ.

Въ дѣлѣ развитія профессіональнаго образованія правительство особенно нуждалось въ матеріальномъ содѣйствіи общества, непосредственнымъ потребностямъ котораго это образованіе должно было служить. Министерство ссылалось на примѣръ Австріи, гдѣ промышленныя училища различныхъ типовъ, подробно разработанныхъ, возникаютъ въ большемъ числѣ, чѣмъ въ какомъ либо другомъ государствѣ, или съ малымъ пособіемъ отъ казны или даже вовсе безъ всякаго казеннаго пособія. Дѣйствительно, надежды на общественное содѣйствіе не остались тщетны: въ первые же 5 лѣтъ со времени изданія общаго нормальнаго плана промышленныхъ училищъ, съ 1889-го по 1894 г. было пожертвовано городами и обществами единовременно до 1.640.000 руб. и ежегоднаго пособія до 89.000 руб. Еще болѣе крупныя пожертвованія сдѣланы были нѣкоторыми частными лицами: Ѳ. В. Чижовъ отказалъ около 5½ милліоновъ рублей на устройство промышленныхъ училищъ въ Костромской губерніи, Н. П. Трапезниковъ— около 3 милліоновъ, кромѣ попуднаго сбора съ золотыхъ пріисковъ, на ремесленное училище въ Иркутскѣ, д. с. с. Комаровъ на низшее техническое училище въ Рыбинскѣ и т. п. Съ цѣлью обезпечить промышленнымъ училищамъ постоянное и организованное матеріальное содѣйствіе со стороны общества закономъ 24 апрѣля 1895 г. разрѣшено было устройство при училищахъ попечительствъ изъ мѣстныхъ, пользующихся почетной извѣстностью, промышленныхъ дѣятелей, членовъ почетныхъ и членовъ соревнователей, избираемыхъ самими попечительствами.

Успѣшное развитіе промышленнаго образованія затруднялось пріисканіемъ достаточнаго числа свѣдущихъ и способныхъ преподавателей, особенно для ремесленныхъ училищъ, по небольшому сравнительно вознагражденію за педагогическій трудъ въ нихъ. На окончившихъ курсъ высшихъ спеціальныхъ училищъ трудно было разсчитывать, потому что эти лица имѣли всегда возможность найти себѣ выгодныя занятія на фабрикахъ и заводахъ. По мнѣнію Министерства, естественнымъ контингентомъ для ремесленныхъ училищъ являются воспитанники техническихъ

училищъ типа ремесленнаго училища Цесаревича Николая или Комиссаровскаго училища въ Москвѣ; но чтобы эти молодые люди могли сдѣлаться хорошими преподавателями, нужна была спеціальная подготовка. Съ 1889 до 1891 г. на приготовленіе учителей специальныхъ предметовъ для реальныхъ и промышленныхъ училищъ отпускалось ежегодно по 15.700 руб.; съ 1891 г. эта сумма уменьшена до 10.000 руб. и съ 1896 г. вновь возвышена на 5.700 руб. Спеціальный расходъ потребовался также на снабженіе училищъ учебниками и пособіями. 29 мая 1890 г. ассигновано было на преміи за лучшіе учебники и пособія по 7.000 руб. ежегодно, въ теченіе 9 лѣтъ, 1.000 руб. на вознагражденіе золотыми медалями рецензентовъ и 2.000 руб. на пріобрѣтеніе руководствъ по предметамъ техническаго и ремесленнаго обученія. Правила о присужденіи этихъ премій составлены были примѣнительно къ Положенію о преміяхъ Императора Петра Великаго.

Дополнительными правилами о пріемѣ учащихся въ низшія техническія и ремесленныя училища, дарованіемъ отсрочки по отбыванію воинской повинности до двадцати-четырехлѣтняго возраста и опредѣленіемъ пенсіонныхъ правъ преподавателей промышленныхъ училищъ заключенъ былъ циклъ важнѣйшихъ мѣропріятій по устройству профессіональнаго образованія въ Россіи [285]).

IX.

Политическія смуты 30-хъ и 60-хъ годовъ въ Царствѣ Польскомъ и западныхъ губерніяхъ, вліятельная оппозиція привилегированныхъ корпорацій прибалтійскаго края, автономное положеніе Финляндіи, наконецъ, низкій уровень развитія и косность инородческаго населенія восточныхъ областей Имперіи препятствовали быстрому и полному осуществленію стремленій правительства распространить общегосударственную учебную систему на окраины. Въ царствованіе Императора Александра III въ ряду мѣропріятій, направленныхъ къ тѣсному сплоченію окраинъ съ центромъ Имперіи, учебныя реформы на окраинахъ занимали очень видное мѣсто.

Преобразованіе учебныхъ порядковъ въ прибалтійскомъ краѣ было однимъ изъ наиболѣе выдающихся фактовъ въ исторіи

Министерства Народнаго Просвѣщенія въ данную эпоху. Послѣ попытокъ въ 60-хъ и 70-хъ годахъ поднять значеніе русскаго языка въ учебныхъ заведеніяхъ Дерптскаго округа и основанія новыхъ русскихъ училищъ Министерство въ 80-хъ годахъ должно было признать, что эти мѣры плохо достигаютъ цѣли и общій характеръ учебнаго дѣла въ прибалтійскомъ краѣ, враждебный русскому вліянію, остается неизмѣннымъ. Въ представленіи Комитету Министровъ въ 1887 г. графъ Деляновъ изложилъ соображенія, побудившія правительство приступить къ рѣшительнымъ реформамъ. Указавъ, что нѣмцы составляютъ менѣе 1/13 части всего населенія прибалтійскаго края, но что на нѣмецкое высшее и среднее образованіе правительство тратитъ втрое больше средствъ, чѣмъ на русское, министръ писалъ: «поддерживая нѣмецкія училища преимущественно передъ русскими, правительство тѣмъ самымъ воспитываетъ въ народѣ мысль, что эсто-латышскій край не есть русскій, что онъ примыкаетъ къ иной, чужеземной культурѣ. Эта мысль невольно усваивается самими учебными заведеніями, весь внутренній строй которыхъ получаетъ характеръ отчужденія отъ Россіи; на преподаваніе русскаго языка смотрятъ въ этихъ училищахъ, какъ на уступку печальной необходимости; юноши воспитываются по нѣмецкимъ учебникамъ, читаютъ только нѣмецкія книги и почерпаютъ въ нихъ свое міровоззрѣніе... Иныхъ результатовъ и не могло быть, благодаря той системѣ, которая установилась относительно управленія учебными заведеніями. Въ восьми гимназіяхъ и пяти реальныхъ училищахъ избраніе учителей предоставлено сословнымъ коллегіямъ, которыя поставили себѣ задачею охраненіе остзейскаго характера учебныхъ заведеній; при назначеніи учителей въ шести правительственныхъ гимназіяхъ попечитель принужденъ въ четырехъ ограничиваться воспитанниками Дерптскаго университета, такъ какъ отъ учителей требуется основательное знаніе нѣмецкаго языка. Коллегіямъ принадлежитъ также выборъ учителей въ начальныя училища, и только въ послѣднее время возстановлены права окружнаго управленія относительно казенныхъ уѣздныхъ училищъ, отданныхъ дворянству для поддержанія въ нихъ нѣмецкой культуры. Наконецъ, всѣ народныя школы оставались до настоящаго времени подъ управленіемъ сословій». Основанныя на этихъ соображеніяхъ учебныя преобразованія шли параллельно реформамъ судебныхъ и административныхъ учрежденій прибалтійскихъ губерній.

Дерптскій (съ переименованіемъ Дерпта въ Юрьевъ—Юрьев-

скій) университетъ сохранилъ свой прежній уставъ 1865 г., но въ послѣдній внесены были нѣкоторыя существенныя измѣненія послѣ общей реформы университетовъ по новому уставу 1884 г. Высочайше утвержденнымъ 20 ноября 1889 г. мнѣніемъ Государственнаго Совѣта порядокъ назначенія ректора, проректора, декановъ и профессоровъ Дерптскаго университета былъ согласованъ съ постановленіями общаго университетскаго устава на томъ основаніи, что, по объясненію министра, «въ Дерптскомъ университетѣ болѣе, чѣмъ гдѣ либо, оказывалась настоятельная потребность обезпечить дѣйствіе правительственной власти при назначеніи профессоровъ... По особымъ условіямъ этого университета, въ немъ даже въ большей степени проявляется господство крѣпко сплоченныхъ партій, которыя преслѣдуютъ чуждыя наукѣ цѣли, находя опору, главнымъ образомъ, въ богословскомъ факультетѣ». Въ томъ же году постановленіемъ 7 іюля былъ упраздненъ самостоятельный университетскій судъ, какъ учрежденіе, несовмѣстимое со вновь введенными въ прибалтійскихъ губерніяхъ общими судебными установленіями, и дисциплинарная часть въ университетѣ подчинена также уставу 1884 г. Особенностью Дерптскаго университета являлись также студенческія корпораціи, поддерживавшія связь между студентами разныхъ поколѣній. Находя, что на этой корпоративной организаціи «зиждется твердость балтійскихъ воззрѣній и тайнаго тяготѣнія къ германскимъ идеямъ», министръ испросилъ въ 1894 г. Высочайшее соизволеніе на введеніе для студентовъ Юрьевскаго университета общей форменной одежды, при которой должны были исчезнуть внѣшніе знаки принадлежности студентовъ къ корпораціямъ. За этой первой мѣрой послѣдовали съ теченіемъ времени и другія противъ студенческихъ корпорацій. Въ 1888 г. возвышена была плата за слушаніе лекцій до 50 руб. въ годъ.

Въ учебномъ отношеніи самымъ важнымъ было преобразованіе въ 1889 г. юридическаго факультета, вызванное предстоявшимъ введеніемъ въ прибалтійскомъ краѣ Судебныхъ уставовъ Императора Александра II и производства дѣлъ въ судебныхъ учрежденіяхъ на русскомъ языкѣ. Въ этихъ видахъ признано было необходимымъ дать юридическому факультету Дерптскаго университета устройство одинаковое съ юридическими факультетами другихъ университетовъ. Не надѣясь, что самъ университетъ возьметъ на себя починъ этой реформы, графъ Деляновъ вошелъ съ представленіемъ о ней въ Государственный Совѣтъ; но по-

слѣдній нашелъ, что проектируемая реформа, имѣя значеніе временнаго отступленія отъ закона, должна проходить въ порядкѣ, установленномъ для чрезвычайныхъ административныхъ мѣръ. Поэтому преобразованіе юридическаго факультета совершилось по особому всеподданнѣйшему докладу министра. Вмѣстѣ съ тѣмъ Высочайше разрѣшено было, при опредѣленіи на новыя каѳедры преподавателей изъ русскихъ лицъ или изъ лицъ, обязавшихся читать на русскомъ языкѣ, назначать имъ профессорскіе оклады по общему уставу 1884 г. Профессорамъ же, читающимъ лекціи по существующимъ уже каѳедрамъ на русскомъ языкѣ, назначено добавочное содержаніе, въ размѣрѣ 600 руб. для ординарнаго и 300 руб. для экстраординарнаго, а въ 1892 г. эти профессора сравнены были и въ пенсіонныхъ правахъ съ профессорами прочихъ университетовъ.

Таковы были главныя законодательныя мѣры, которыя, въ связи съ министерскими распоряженіями по нѣкоторымъ частнымъ вопросамъ и постепенной замѣной нѣмецкаго профессорскаго персонала русскимъ, вывели, наконецъ, Дерптскій университетъ изъ его до того времени изолированнаго положенія [286]).

Положеніе средняго образованія въ прибалтійскомъ краѣ въ началѣ царствованія Императора Александра III характеризовалось параллельнымъ существованіемъ правительственныхъ нѣмецкихъ и русскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, различныхъ и по преподавательскому языку и по всему учебному и административному строю. Учредивъ нѣсколько русскихъ гимназій, Министерство продолжало покровительствовать и нѣмецкимъ. Послѣдними мѣрами въ этомъ направленіи были: преобразованіе Либавской гимназіи и постановленіе о реальныхъ училищахъ, открытіе дворянскихъ нѣмецкихъ гимназій въ Биркенруэ въ 1882 г. и въ Феллинѣ въ 1885 г. Но скоро политика Министерства получила новое направленіе. Въ 1885 г. эстляндскій губернаторъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ о состояніи губерніи указалъ на несовмѣстимость такого порядка съ государственными интересами: «на ряду съ русскими гимназіями, мужской и женской, подчиненными Министерству Народнаго Просвѣщенія, въ Ревелѣ существуютъ, на положеніи среднихъ учебныхъ заведеній, Рыцарское Домское и реальное училища, отъ Министерства почти не зависящія, съ нѣмецкимъ преподавательскимъ языкомъ. Подобная конкурренція въ насажденіи въ русскомъ городѣ среди учащагося юношества русскаго и иноземнаго просвѣщенія могла бы казаться

странной и свидѣтельствовать только о долготерпѣніи правительства, если бы подобная конкурренція ограничилась соревнованіемъ между казенными и частными учебными заведеніями. Но подобное явленіе становится крайне прискорбнымъ, когда само правительство выступаетъ въ роли какъ бы конкуррента съ самимъ собою, содержа на счетъ казны одновременно двѣ правительственныя гимназіи: одну съ русскимъ преподавательскимъ языкомъ, а другую съ нѣмецкимъ. Значеніе подобнаго самотормаза, который правительство себѣ на казенныя деньги создаетъ въ дѣлѣ средняго образованія, представляется совершенно непонятнымъ».

Эти соображенія эстляндскаго губернатора, сообщенныя по Высочайшему повелѣнію министру Народнаго Просвѣщенія, вполнѣ совпадали съ предположеніями Министерства о своевременности приступить къ полному преобразованію прибалтійскихъ учебныхъ порядковъ послѣ того, какъ мѣры предшествующаго времени объ усиленіи русскаго вліянія признаны были недѣйствительными и плоды ихъ постепенно уничтоженными. Прежде чѣмъ распространить на мужскія гимназіи и реальныя училища Дерптскаго округа общіе уставы 1871и 1872 г.г., графъ Деляновъ счелъ необходимымъ замѣнить въ нихъ нѣмецкій преподавательскій языкъ русскимъ. 10 апрѣля 1887 г., по положенію Комитета Министровъ, Высочайше повелѣно было начать постепенно преподаваніе во всѣхъ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, пользующихся правами и преимуществами правительственныхъ училищъ, на русскомъ языкѣ. Особымъ постановленіемъ 17 ноября того же года преподаваніе Закона Божія разрѣшено было вести на природномъ языкѣ учащихся, и разрѣшеніе этого вопроса для каждаго учебнаго заведенія въ отдѣльности предоставлено попечителю округа. Лифляндское дворянство не замедлило повергнуть на Высочайшее воззрѣніе свои соображенія противъ замѣны нѣмецкаго преподавательскаго языка русскимъ и просило о сохраненіи нѣмецкаго языка въ гимназіяхъ, содержимыхъ на счетъ дворянства и городовъ. Это ходатайство было отклонено; дворянство же не пожелало подчинять своихъ училищъ закону 1887 г., и дворянскія гимназіи въ Биркенруэ, Феллинѣ и Гольдингинѣ и Рыцарское Домское училище были постепенно закрыты. Введеніе преподавательскаго русскаго языка и обновленіе личнаго состава преподавателей лицами, знающими русскій языкъ, подготовили почву для заключительной реформы—закона 24 апрѣля 1890 г. о примѣненіи къ правительственнымъ гимназіямъ Дерптскаго округа

(Дерптской, Митавской, Ревельской и Рижской губернской) общаго устава и штата 30 іюля 1871 г. съ нѣкоторыми измѣненіями. Представляя Министерству проектъ реформы, попечитель округа М. Н. Капустинъ указывалъ, что старый коренной уставъ 1820 г. настолько былъ измѣненъ послѣдующими постановленіями и распоряженіями, что единство управленія гимназіями было совершенно утрачено, и онѣ руководились въ своей дѣятельности не столько закономъ и распоряженіями Министерства, сколько предписаніями окружнаго начальства и обычаемъ. Всякая дальнѣйшая отсрочка общей реформы, по мнѣнію попечителя, должна была въ конецъ разстроить гимназіи, при чемъ полное ихъ паденіе могло быть приписано закону 1887 г. о введеніи русскаго языка преподаванія. Примѣненіемъ общаго устава къ гимназіямъ Перновской, Аренсбургской и Рижской закончилось преобразованіе важнѣйшей группы среднихъ учебныхъ заведеній прибалтійскаго края.

Вопросъ о примѣненіи устава 1872 г. къ реальнымъ училищамъ Дерптскаго округа возбужденъ былъ статсъ-секретаремъ А. А. Сабуровымъ. Въ іюнѣ 1880 г. онъ испросилъ Высочайшее соизволеніе, впредь до пересмотра общаго устава реальныхъ училищъ, разрѣшать ихъ учрежденіе въ Дерптскомъ округѣ тамъ, гдѣ мѣстныя общества доставятъ необходимыя денежныя средства, и съ тѣми измѣненіями въ уставѣ 1872 г., которыя вызваны будутъ мѣстными обстоятельствами. По Высочайше одобренному 30 іюня 1880 г. своду этихъ измѣненій открываемыя на средства городскихъ обществъ реальныя училища должны были пользоваться нѣмецкимъ преподавательскимъ языкомъ и состоять въ вѣдѣніи училищныхъ коллегій, получившихъ право завѣдывать хозяйственною частью, избирать директора и инспектора. На основаніи этого закона въ 1880—1881 г.г. открыты были нѣмецкія реальныя училища въ Ревелѣ, Либавѣ, Дерптѣ и Ригѣ. Отсутствіе же параллельныхъ нѣмецкимъ русскихъ училищъ побудило подчинить открытыя впослѣдствіи реальныя училища въ Ригѣ и Митавѣ новому общему уставу 1888 г. Наконецъ, закономъ 8 января 1891 г. послѣдній общій уставъ и штатъ реальныхъ училищъ былъ примѣненъ, съ нѣкоторыми измѣненіями, и къ остальнымъ училищамъ Дерптскаго округа. При обсужденіи этого дѣла Государственный Совѣтъ остановился особенно на предположеніи Министерства Народнаго Просвѣщенія, вполнѣ согласномъ съ мнѣніями министра Внутреннихъ Дѣлъ и

прибалтійскихъ губернаторовъ, упразднить училищныя коллегіи, оказывавшія упорное сопротивленіе закону о русскомъ языкѣ, въ случаѣ же отказа городскихъ обществъ продолжать содержаніе училищъ на новыхъ основаніяхъ—постепенно закрыть послѣднія по примѣру дворянскихъ гимназій. Но Государственный Совѣтъ согласился съ ходатайствомъ попечителя округа М. Н. Капустина о сохраненіи этихъ коллегій, не находя основаній опасаться противодѣйствія правительству со стороны городскихъ обществъ и училищныхъ коллегій при условіи мѣръ, обезпечивающихъ въ дѣлѣ управленія училищами необходимое вліяніе мѣстнаго учебнаго начальства. На этомъ основаніи училищнымъ коллегіямъ, составленнымъ изъ представителей городскаго общества и учебнаго вѣдомства, было оставлено право управленія хозяйственною частью училищъ и рекомендація кандидатовъ на вакантныя учительскія мѣста.

Преобразованіе мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній не могло достигать главной цѣли безъ соотвѣтствующихъ мѣропріятій по отношенію къ женскимъ училищамъ. «Нѣмецкая женская школа», говорилъ графъ Деляновъ въ 1890 г., «служитъ едва ли не самымъ сильнымъ орудіемъ воспитанія всего подрастающаго поколѣнія въ нѣмецкомъ духѣ. Можно съ увѣренностью сказать, что пока женскія училища прибалтійскаго края сохранятъ свой нѣмецкій характеръ, до тѣхъ поръ не можетъ быть и рѣчи о сближеніи населенія этого края съ русскими». Кромѣ двухъ русскихъ гимназій съ 450 учащимися въ Ригѣ и Ревелѣ, въ Дерптскомъ округѣ въ 80-хъ годахъ существовало еще 20 нѣмецкихъ женскихъ училищъ болѣе, чѣмъ съ 3.300 учащимися. Эти школы, содержимыя на средства городскихъ обществъ и пожертвованные капиталы, представляли особый типъ такъ называемыхъ «публичныхъ» учебныхъ заведеній, существовавшихъ только въ Дерптскомъ округѣ и находившихся въ условіяхъ, отличныхъ отъ правительственныхъ и частныхъ учебныхъ заведеній. По Высочайшему повелѣнію 16 іюля 1888 г., съ цѣлью объединить руководство всѣми этими женскими училищами, не имѣвшими одного общаго устава, всѣ училища, имѣющія не менѣе 4-хъ классовъ, подчинены были непосредственному вѣдѣнію попечителя округа, имѣющія же менѣе 4-хъ классовъ—директорамъ и инспекторамъ народныхъ училищъ. 17 апрѣля 1890 г. министру было предоставлено ввести постепенно въ отдѣльныхъ училищахъ преподаваніе всѣхъ предметовъ, кромѣ Закона Божія, на русскомъ языкѣ,

начиная съ низшихъ классовъ или съ отдѣльныхъ учебныхъ предметовъ.

Въ аналогичныя условія поставлены были и всѣ вообще частныя училища, мужскія и женскія, которыхъ въ 1888 г. насчитывалось 335 съ 13.660 учащихся. Подчиняя ихъ дѣйствію общихъ законовъ, Министерство, кромѣ главной цѣли всѣхъ учебныхъ реформъ въ прибалтійскомъ краѣ, имѣло еще въ виду пресѣчь возможные пути обхода закона 10 апрѣля 1887 г. о русскомъ языкѣ. Дѣйствительно, послѣ изданія этого закона города и сословія, содержащія на свой счетъ училища съ правами правительственныхъ, стали ходатайствовать о превращеніи ихъ въ частныя учебныя заведенія или же назначали частнымъ училищамъ значительныя денежныя пособія, искусственно поддерживая въ нихъ преподаваніе на нѣмецкомъ языкѣ. Первой мѣрой явилось Высочайшее повелѣніе 28 февраля 1885 г., подтвердившее законъ 1853 г., чтобы обученіе русскому языку въ учебныхъ заведеніяхъ Дерптскаго округа, мужскихъ и женскихъ, было обязательно для всѣхъ русскихъ подданныхъ и чтобы всѣ желающіе получить право на обученіе публичное и частное, не исключая иностранцевъ, подвергались испытанію по русскому языку. По закону 23 мая 1889 г. преподаваніе на русскомъ языкѣ сдѣлано обязательнымъ для всѣхъ частныхъ учебныхъ заведеній. Но Государственный Совѣтъ не счелъ возможнымъ опредѣлить срока осуществленія этого закона и предоставилъ министру принимать постепенно, по ближайшему его усмотрѣнію, надлежащія мѣры. Въ 1892 г., по инициативѣ эстляндскаго губернатора князя Шаховскаго, всѣ безъ исключенія воспитательно-учебныя заведенія Дерптскаго округа, въ которыхъ призрѣваются дѣти старше 8 лѣтъ, подчинены были вѣдѣнію учебнаго начальства Министерства Народнаго Просвѣщенія. Наконецъ, закономъ 2 февраля 1893 г. на частныя учебныя заведенія Дерптскаго округа распространены были общія узаконенія, дѣйствующія въ другихъ округахъ [287]).

Не менѣе сильное сопротивленіе со стороны дворянства и лютеранскаго духовенства встрѣтила и реформа начальнаго образованія въ прибалтійскомъ краѣ. Въ этомъ отношеніи Министерство Народнаго Просвѣщенія стремилось къ достиженію 3-хъ главныхъ цѣлей: 1) сосредоточить въ своихъ рукахъ управленіе начальными школами всѣхъ разрядовъ, 2) ввести въ нихъ преподаваніе на русскомъ языкѣ и 3) обезпечить школы необходимыми матеріальными средствами.

Къ началу царствованія Императора Александра III управленіе начальнымъ народнымъ образованіемъ въ прибалтійскомъ краѣ попрежнему лишено было единства и систематичности: завѣдываніе православными сельскими школами принадлежало совмѣстно духовнымъ и учебнымъ властямъ; управленіе евангелическо-лютеранскими школами, по разновременнымъ узаконеніямъ, находилось всецѣло въ рукахъ мѣстнаго дворянства и лютеранскаго духовенства, и Высочайшее повелѣніе 25 апрѣля 1875 г. объ изданіи, общаго единообразнаго Положенія объ этихъ школахъ оставалось неисполненнымъ; наконецъ, хозяевами городскихъ начальныхъ училищъ, существовавшихъ по уставу 1820 г., были городскія училищныя комиссіи. Начало преобразованія этой сложной администраціи положено было, по докладу министра Внутреннихъ Дѣлъ, Высочайшимъ указомъ 19 февраля 1886 г. о подчиненіи находящихся въ Лифляндской, Эстляндской и Курляндской губерніяхъ начальныхъ народныхъ училищъ и учительскихъ семинарій, въ видахъ объединенія надзора за ними и единства въ направленіи учебнаго дѣла, Министерству Народнаго Просвѣщенія, на которое перешла, такимъ образомъ, обязанность составить общее Положеніе для этихъ школъ. Но ставя основной цѣлью всѣхъ своихъ реформъ въ Дерптскомъ округѣ, по возможности, полное объединеніе его учебныхъ порядковъ съ общегосударственными, Министерство нашло возможнымъ и управленіе начальнымъ образованіемъ подчинить общему закону. Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта 26 января 1887 г. въ Дерптскомъ округѣ учреждена была одна должность директора народныхъ училищъ и четыре должности инспекторовъ, къ которымъ причислены и двѣ должности инспекторовъ православныхъ сельскихъ школъ*). Въ вѣдѣніи новыхъ органовъ учебнаго надзора сосредоточились городскія и сельскія начальныя училища всѣхъ разрядовъ и наименованій, а также частныя школы и домашнее обученіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ Государственный Совѣтъ поручилъ министру Народнаго Просвѣщенія въ особой инструкціи подробно опредѣлить права и обязанности директора и инспекторовъ и ихъ отношенія къ различнымъ мѣстнымъ учрежденіямъ, прикосновеннымъ къ учебному дѣлу. Въ маѣ того же года графъ

*) Въ. 1892 г. была учреждена вторая должность директора народныхъ училищъ; въ 1897 г.—третья должность директора и 6 новыхъ должностей инспекторовъ народныхъ училищъ.

Деляновъ внесъ въ Комитетъ Министровъ проектъ «Наставленія» для управленія начальными училищами прибалтійскаго края, объяснивъ, что вслѣдъ затѣмъ Министерство намѣрено приступить къ составленію общаго Положенія для названныхъ школъ. Одобренный Комитетомъ проектъ былъ изданъ 17 мая 1887 г. подъ названіемъ «Временныхъ дополнительныхъ правилъ объ управленіи начальными училищами въ губерніяхъ Лифляндской, Курляндской и Эстляндской». По этимъ правиламъ мѣстныя учебно-административныя учрежденія (верховный комитетъ и уѣздные комитеты земскихъ школъ въ Лифляндіи, высшія комиссіи школъ и училищные совѣты въ Эстляндіи и Курляндіи и разныя подчиненныя имъ инстанціи, городскія училищныя комиссіи) не были упразднены, но причислены къ вѣдомству Министерства и поставлены въ извѣстную зависимость отъ послѣдняго. Директоръ народныхъ училищъ назначенъ членомъ верховнаго комитета и высшихъ комиссій сельскихъ школъ, инспекторы—членами училищныхъ совѣтовъ и уѣздныхъ комитетовъ въ районахъ ихъ инспекцій. Всѣ разногласія, возникающія въ верховномъ комитетѣ и высшихъ комиссіяхъ, разрѣшаются министромъ. Типы начальныхъ школъ остаются неизмѣненными, но по ходатайствамъ волостныхъ обществъ и отдѣльныхъ лицъ, содержащихъ училища, волостныя и приходскія школы могутъ быть преобразованы въ двухклассныя и одноклассныя министерскія училища. Для всѣхъ предметовъ обученія, кромѣ Закона Божія, русскій языкъ получаетъ первенствующее значеніе; мѣстный же языкъ употребляется, какъ вспомогательное средство, на первыхъ порахъ обученія. Всѣ правила и инструкціи, издаваемыя верховнымъ комитетомъ и высшими комиссіями, подлежатъ утвержденію министра. Объемъ преподаванія опредѣляется издаваемыми Министерствомъ программами. Съ особаго Высочайшаго соизволенія 24 апрѣля 1890 г. разсмотрѣніе учебныхъ книгъ и руководствъ для начальныхъ школъ, требовавшее близкаго знакомства съ мѣстными условіями народнаго быта и знанія мѣстныхъ языковъ, передано было попечительскому совѣту Дерптскаго округа, при которомъ для этой цѣли образованъ особый комитетъ изъ спеціалистовъ.

Какъ и слѣдовало ожидать, новый порядокъ управленія начальными школами былъ встрѣченъ очень несочувственно дворянствомъ и лютеранскимъ духовенствомъ; введеніе же преподаванія на русскомъ языкѣ принято было за посягательство на исконныя привилегіи края. Противодѣйствіе реформѣ не замедлило отра-

зиться очень тяжело на матеріальномъ обезпеченіи школъ и учителей, зависѣвшихъ въ этомъ отношеніи отъ мѣстныхъ обществъ, землевладѣльцевъ и духовенства. Учителя, приступавшіе къ преподаванію на русскомъ языкѣ, иногда лишались жалованья или получали его въ уменьшенномъ размѣрѣ. Несмотря на содѣйствіе губернскаго начальства, побуждавшаго приходы и волостныя общества къ уплатѣ полнаго жалованья учителямъ, притѣсняемымъ дворянствомъ и духовенствомъ, осуществленіе закона грозило затянуться на долгіе годы. Такое положеніе дѣла, внушавшее учителямъ мысль, что правительство не въ состояніи оказать имъ поддержку, не могло быть терпимо, и 8 іюля 1889 г., по ходатайству попечителя округа, особымъ кредитомъ ассигновано было въ распоряженіе Министерства по 5.000 руб. на поддержаніе сельскихъ лютеранскихъ школъ и ихъ учителей въ Дерптскомъ округѣ. Но эта матеріальная помощь еще не могла вполнѣ обезпечить школъ, такъ какъ передъ послѣдними открылась новая, еще большая опасность—потеря всего имущества. Подъ предлогомъ, что школьныя земли и зданія составляютъ церковное имущество, церковныя власти Лифляндской губерніи стали отбирать у школъ ихъ имущества и выселять учителей изъ ихъ помѣщеній. Между тѣмъ неприкосновенность правъ владѣнія евангелическо-лютеранскихъ школъ ихъ имуществами ограждена была Положеніемъ 13 ноября 1860 г. о крестьянахъ Лифляндской губерніи, при чемъ право распоряжаться какъ имуществами школъ, такъ и другими средствами ихъ содержанія, предоставлялось исключительно училищной власти. Опираясь на этотъ законъ, Комитетъ Министровъ въ октябрѣ 1890 г. постановилъ: 1) учебному начальству прибалтійскаго края имѣть неослабное наблюденіе, чтобы существующія въ Лифляндіи евангелическо-лютеранскія приходскія школы неотъемлемо пользовались всѣми принадлежащими имъ по закону имуществами; 2) въ видахъ лучшаго осуществленія этой задачи немедленно привести въ надлежащую ясность и точную извѣстность матеріальныя средства каждой школы въ отдѣльности, и 3) въ случаяхъ сомнѣній и недоразумѣній по вопросамъ о правѣ школы на какой либо источникъ дохода или недвижимое имущество представлять дѣло на разрѣшеніе министра Народнаго Просвѣщенія.

Въ матеріальной помощи нуждались и православныя сельскія училища, число которыхъ въ 1883 г. достигло 392—140 приходскихъ и 252 вспомогательныхъ. Послѣднія, устраиваемыя въ

отдаленіи отъ приходскихъ церквей, соотвѣтствовали характеру населенія края, гдѣ народъ не живетъ по большимъ и многолюднымъ деревнямъ, а разсѣянъ по мызамъ и хуторамъ, но сравнительно съ приходскими школами обставлены были крайне скудно. Въ 1880 г. Совѣтъ по дѣламъ православныхъ сельскихъ училищъ ходатайствовалъ передъ Министерствомъ объ увеличеніи ежегоднаго пособія этимъ училищамъ до 40.000 руб. въ годъ, но Министерство, затрудняясь обременять Государственное Казначейство новымъ расходомъ, испросило только разрѣшеніе отпустить единовременное пособіе изъ своихъ кредитовъ въ 25.000 руб. Но вскорѣ затѣмъ, по докладу предсѣдателя совѣта Прибалтійскаго православнаго братства т. с. Галкина-Враскаго Государынѣ Императрицѣ о бѣдности православныхъ школъ, препятствующей назначать въ нихъ хорошо подготовленныхъ учителей, Ея Величество просила министра Народнаго Просвѣщенія исходатайствовать этимъ школамъ ежегодное пособіе въ размѣрѣ отъ 40 до 50 тысячъ рублей. Но Государственный Совѣтъ нашелъ возможнымъ въ 1883 г. увеличить кредитъ на пособіе православнымъ школамъ лишь на 20.000 руб. въ годъ. Въ 1889 г. вся сумма, ассигнуемая на нужды православныхъ прибалтійскихъ школъ, въ размѣрѣ 32.190 руб., была перечислена въ спеціальныя средства завѣдующаго ими Совѣта.

Съ подчиненіемъ Министерству Народнаго Просвѣщенія начальнаго обученія въ прибалтійскихъ губерніяхъ и съ изданіемъ законовъ о русскомъ преподавательскомъ языкѣ должны были измѣниться и средства приготовленія начальныхъ учителей. Дворянство не пожелало подчинить состоявшихъ въ его завѣдываніи учительскихъ семинарій новымъ законамъ и ходатайствовало о закрытіи ихъ. Со своей стороны Министерство сочло излишнимъ дальнѣйшее существованіе 1-ой Дерптской (нѣмецкой) семинаріи, и послѣдняя была упразднена въ 1889 г. Но двухъ правительственныхъ семинарій (2-ой Дерптской и Прибалтійской, переведенной въ 1885 г. изъ Риги въ г. Гольдингенъ) оказалось мало, и въ 1894 г. была учреждена семинарія въ г. Валкѣ на основаніи общаго положенія объ учительскихъ семинаріяхъ, но съ правомъ пріема лицъ евангелическо-лютеранскаго исповѣданія. Наконецъ, для приготовленія учителей для лютеранскихъ школъ, хорошо владѣющихъ русскимъ языкомъ, въ 1891 г. разрѣшено было принимать въ Гатчинскую и Псковскую учительскія семинаріи молодыхъ людей изъ финновъ, латышей и эстовъ лютеранскаго исповѣданія [288]).

Въ Царствѣ Польскомъ и западныхъ губерніяхъ задачей Министерства въ теченіе царствованія Императора Александра III было постепенное укрѣпленіе и дальнѣйшее развитіе порядковъ, насажденныхъ при А. В. Головнинѣ и графѣ Толстомъ.

Въ докладѣ о состояніи привислинскаго края, разсмотрѣнномъ въ Комитетѣ по дѣламъ Царства Польскаго въ январѣ 1881 г., генералъ-губернаторъ П. П. Альбединскій коснулся положенія учебныхъ заведеній Варшавскаго округа и представилъ соображенія о желательности отмѣнить нѣкоторыя строгія мѣры, вызванныя особенными политическими обстоятельствами, въ которыхъ совершилось преобразованіе учебной системы Царства Польскаго въ 60-хъ годахъ. Комитетъ согласился съ предположеніями генералъ-адъютанта Альбединскаго, но напомнилъ о необходимости «слѣдовать постоянному правилу—избѣгать всего, что могло бы подать поводъ къ мысли о перемѣнѣ взгляда правительства на дѣла Царства Польскаго». Высочайше одобренныя постановленія Комитета объ участіи гминныхъ и сельскихъ обществъ въ избраніи учителей для начальныхъ училищъ, о занятіи римско-католическими священниками законоучительскихъ должностей, о преподаваніи польскаго языка и словесности, послужили для Министерства руководящими указаніями на характеръ дальнѣйшихъ мѣропріятій по Варшавскому учебному округу.

Вскорѣ послѣ изданія новаго устава университетовъ 1884 г. графъ Деляновъ образовалъ подъ своимъ личнымъ предсѣдательствомъ особое совѣщаніе, съ участіемъ попечителя Варшавскаго округа и ректора университета, о распространеніи на послѣдній новаго устава. Совѣщаніе признало, что допущенныя при основаніи Варшавскаго университета ограниченія въ составѣ каѳедръ и преподавателей оказываютъ очень неблагопріятное вліяніе на общее состояніе университета и на успѣхъ его дѣятельности, согласно съ видами правительства. Для этого необходимо было поставить Варшавскій университетъ въ одинаковыя матеріальныя условія съ другими университетами, примѣнивъ къ нему уставъ и штатъ 1884 г., но съ нѣкоторыми существенными измѣненіями. По мнѣнію совѣщанія, въ Варшавскомъ университетѣ не могли быть допущены ни институтъ приватъ-доцентовъ, который повлекъ бы за собою нежелательную въ правительственныхъ видахъ конкурренцію съ русскими профессорами польскихъ ученыхъ, ни система гонораровъ, которая установила бы столь же нежела-

тельную денежную зависимость русскаго преподавателя отъ инородческой, польско-еврейской аудиторіи. Поэтому совѣщаніе остановилось на мысли расширить пенсіонныя права варшавскихъ профессоровъ и сдѣлать прибавку къ текущимъ окладамъ и на основаніи этихъ соображеній составило проектъ примѣненія къ Варшавскому университету устава и штата 1884 г. Но этотъ проектъ въ цѣломъ видѣ остался безъ послѣдствій по причинѣ затруднительнаго положенія Государственнаго Казначейства. Только въ 1889 г. явилось постановленіе объ увеличеніи денежныхъ средствъ Варшавскаго университета, впредь до подчиненія его общему уставу, на 15.000 руб. «для улучшенія матеріальнаго благосостоянія наиболѣе достойныхъ изъ его профессоровъ».

Распространеніе на Варшавскій университетъ административной организаціи прочихъ университетовъ не встрѣчало особенныхъ затрудненій, такъ какъ уставъ этого университета построенъ былъ на томъ же принципѣ подчиненія его правительственной власти, къ осуществленію котораго стремилась и послѣдняя общая университетская реформа. Въ Варшавскомъ университетѣ этотъ принципъ получилъ полное выраженіе, когда законъ 1872 г. о назначеніи всего учебнаго персонала правительственной властью дополненъ былъ постановленіемъ 1 декабря 1887 г., по которому увольненіе и оставленіе на службѣ преподавателей по выслугѣ 25-лѣтія предоставлено было также власти министра и попечителя. Съ другой стороны для университета сдѣлано было очень важное отступленіе отъ общаго устава: въ 1884 г. попечитель округа возбудилъ вопросъ о допущеніи въ университетъ воспитанниковъ православныхъ духовныхъ семинарій въ видахъ усиленія русскаго элемента. Генералъ-губернаторъ далъ свое согласіе на эту мѣру подъ условіемъ нѣкоторыхъ гарантій въ серьезности и благонадежности принимаемыхъ лицъ, и въ томъ же 1884 г. министръ испросилъ Высочайшее соизволеніе на пріемъ нѣсколькихъ семинаристовъ, учившихся въ Нѣжинскомъ историко-филологическомъ институтѣ. Съ 1888 г. плата со студентовъ Варшавскаго университета возвышена была до 100 руб.

Въ учебномъ отношеніи важной мѣрой, имѣвшей цѣлью «удовлетворить справедливое чувство мѣстнаго населенія», явилось назначеніе особаго преподавателя польской словесности, входившей въ составъ каѳедры славянской филологіи. Эта мѣра допущена была по инщіативѣ генералъ-адъютанта Альбединскаго и по

заключенію Комитета по дѣламъ Царства Польскаго, находившаго, что преподаваніе польской словесности, являясь вполнѣ нормальнымъ въ привислинскомъ краѣ, не можетъ подать повода, при надлежащемъ надзорѣ, «опасаться излишняго возбужденія національнаго чувства».

Система среднихъ учебныхъ заведеній, уже подчиненная общимъ уставамъ гимназій и реальныхъ училищъ, требовала нѣкоторыхъ частныхъ улучшеній по указаніямъ опыта, особенно матеріальнаго обезпеченія какъ самихъ учебныхъ заведеній, такъ и преподавательскаго персонала для привлеченія въ его среду возможно большаго числа русскихъ. Кромѣ общаго закона 1886 г. о преимуществахъ службы въ отдаленныхъ мѣстностяхъ и въ Царствѣ Польскомъ, этой цѣли должны были служить нѣкоторыя спеціальныя постановленія для Варшавскаго учебнаго округа. Въ 1882 г. сборъ за ученье обращенъ былъ въ спеціальныя средства учебныхъ заведеній. Въ 1883 г. былъ изданъ новый штатъ шестиклассныхъ прогимназій, опредѣлившій содержаніе каждой изъ нихъ въ 14.550 руб. Въ 1882 г. вознагражденіе преподавателей мужскихъ гимназій, прогимназій и реальныхъ училищъ за дополнительные уроки возвышено было съ 40 до 60 руб. за урокъ. Въ 1889 г. директора реальныхъ училищъ уравнены были въ пенсіонныхъ правахъ съ директорами гимназій.

Важной въ нравственномъ отношеніи перемѣной въ учебныхъ планахъ гимназій и реальныхъ училищъ явилось усиленіе въ 1882 г. преподаванія польскаго языка, число уроковъ котораго сравнено съ числомъ уроковъ французскаго и нѣмецкаго языковъ. Эта мѣра, потребовавшая дополнительнаго ежегоднаго расхода въ 3.160 руб., по мнѣнію ея инціатора генералъ-губернатора Альбединскаго, «скорѣе всего могла бы вполнѣ примирить мѣстное населеніе съ преобладаніемъ въ школѣ языка русскаго, какъ языка государственнаго». Вновь оживившееся въ 80-хъ годахъ стремленіе правительства поднять воспитательное значеніе средней школы посредствомъ устройства пансіоновъ распространено было и на Варшавскій округъ: въ 1888 г. при гимназіяхъ, прогимназіяхъ и реальныхъ училищахъ разрѣшено было устраивать пансіоны на общихъ основаніяхъ не только для доставленія родителямъ возможности помѣщать дѣтей въ благоустроенныя воспитательныя заведенія, но также съ цѣлью способствовать укрѣпленію въ учащихся здравыхъ понятій объ обязанностяхъ русскаго подданнаго и гражданина [289]).

Не касаясь основъ высшаго и средняго образованія въ привислинскомъ краѣ и предлагая въ этомъ отношеніи лишь нѣкоторыя мѣры къ удовлетворенію справедливыхъ требованій мѣстнаго національнаго чувства, генералъ-губернаторъ Альбединскій въ докладѣ 1881 г. обратилъ особенное вниманіе правительства на начальныя школы, положеніе которыхъ онъ призналъ колеблющимся и едва ли не ухудшившимся. Замѣченное имъ ослабленіе усердія крестьянскихъ обществъ къ школѣ онъ объяснилъ лишь отчасти отсутствіемъ у крестьянъ сознанія пользы образованія, но также нѣкоторыми крайностями существующей системы: устраненіемъ сельскихъ обществъ отъ избранія учителей, недопущеніемъ римско-католическихъ священниковъ къ преподаванію Закона Божія, извращеніемъ цѣли народной школы, обращенной въ орудіе обрусенія крестьянскаго сословія посредствомъ обязательнаго преподаванія на русскомъ языкѣ всѣхъ предметовъ. Съ своей стороны Комитетъ по дѣламъ Царства Польскаго нашелъ нужнымъ «принять мѣры къ упроченію положенія школьнаго дѣла въ Царствѣ, къ устраненію недоразумѣній относительно законныхъ основаній того состоянія онаго, которое выработалось въ теченіе 16-ти-лѣтняго дѣйствія новой системы народнаго образованія, и при этомъ допустить все то, что, не нарушая установившагося порядка вообще, можетъ соотвѣтствовать желаніямъ и пользамъ мѣстнаго сельскаго населенія». По этимъ соображеніямъ Комитетъ поручилъ управляющему Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія озаботиться разрѣшеніемъ вопросовъ, возбужденныхъ генералъ-губернаторомъ: 1) представить на Высочайшее утвержденіе проектъ постановленія, опредѣляющаго участіе гминныхъ и сельскихъ обществъ въ назначеніи учителей, 2) ввести обученіе польскому чтенію и письму въ школахъ, гдѣ большинство учащихся принадлежитъ къ польской народности, 3) установить основанія допущенія римско-католическихъ священниковъ до законоучительскихъ должностей по ходатайствамъ гминныхъ и сельскихъ обществъ. Всѣ эти постановленія Комитета Высочайше повелѣно было исполнить, и Министерствомъ былъ внесенъ въ томъ же году въ Государственный Совѣтъ проектъ правилъ, предоставляющихъ гминамъ и сельскимъ обществамъ право рекомендаціи кандидатовъ на учительскія мѣста. Но Государственный Совѣтъ согласился съ возраженіями министра Внутреннихъ Дѣлъ графа Толстаго и вновь назначеннаго министромъ Народнаго Просвѣщенія И. Д. Делянова, что участіе сельскихъ

обществъ въ назначенiи учителей, являясь исключительной льготой для привислинскаго края, вело бы часто къ недоразумѣнiямъ и пререканiямъ съ учебнымъ начальствомъ, такъ какъ преобладающее влiянiе въ гминахъ принадлежитъ крупнымъ землевладѣльцамъ-полякамъ. Поэтому закономъ 5 марта 1885 г. подтвержденъ былъ порядокъ назначенiя учителей сельскихъ школъ непосредственно начальниками учебныхъ дирекцiй, при чемъ кандидаты должны выбираться изъ лицъ, окончившихъ курсъ учительскихъ семинарiй или получившихъ званiе начальнаго учителя по особому испытанiю *). Тотъ же законъ утвердилъ преподаванiе всѣхъ предметовъ, кромѣ Закона Божiя и природнаго языка учащихся, на русскомъ языкѣ.

Значительно большiя трудности встрѣтило разрѣшенiе другаго вопроса, отъ котораго зависѣло то или другое направленiе начальной школы польскихъ губернiй: о допущенiи ксендзовъ къ преподаванiю Закона Божiя. По этому вопросу возникло крупное разногласiе между Варшавскимъ генералъ-губернаторомъ, генералъ-адъютантомъ Гурко и министромъ, графомъ Деляновымъ. Послѣ того какъ въ 1889 г. генералъ-адъютантъ Гурко во всеподданнѣйшемъ докладѣ обратилъ вниманiе на вредныя послѣдствiя совершеннаго устраненiя католическихъ священниковъ отъ законоучительства въ народныхъ школахъ, особое совѣщанiе, состоявшееся въ 1890 г. подъ предсѣдательствомъ графа Делянова съ участiемъ генералъ-губернатора, пришло единогласно къ заключенiю о необходимости на будущее время удовлетворять по возможности, на точномъ основанiи закона 30 августа 1864 г., ходатайства мѣстныхъ обществъ о назначенiи законоучителями приходскихъ католическихъ священниковъ. Но это постановленiе, за нѣкоторыми исключенiями, осталось неисполненнымъ, и мѣстное учебное начальство, ссылаясь на трудность надзора за законоучителями-ксендзами, возбудило вопросъ о прекращенiи подобныхъ ходатайствъ, когда началась искусственно возбужденная епархiальнымъ римско-католическимъ начальствомъ агитацiя въ пользу допущенiя ксендзовъ въ школы. Тогда графъ Деляновъ внесъ въ мартѣ 1892 г. въ Комитетъ Министровъ дѣло о разъясненiи точнаго смысла узаконенiй 30 августа 1864 г. и 5 марта 1885 г. и ходатайствовалъ о предоставленiи ему, совмѣстно съ

---

*) Съ 1886 г. спецiальныя испытанiя на учительскiя званiя сосредоточены были въ особомъ испытательномъ комитетѣ при попечителѣ округа.

генералъ-губернаторомъ, выработать общія основанія для руководства по данному вопросу. Въ Комитетѣ Министровъ этотъ крайне трудный вопросъ также возбудилъ разногласіе. Генералъ-адъютантъ Гурко повторилъ свое прежнее мнѣніе, что устраненіе ксендзовъ отъ преподаванія и обученіе римско-католическому Закону Божію въ большомъ числѣ школъ православными и лютеранами есть большая политическая ошибка, отталкивающая народъ отъ школы, и что оффиціальное, открытое преподаваніе ксендзовъ менѣе вредно и опасно, чѣмъ косвенное воздѣйствіе ихъ на учениковъ и родителей, проявляющееся въ конфессіоналахъ. На это графъ Деляновъ возразилъ, что недопущеніе ксендзовъ до законоучительскихъ должностей есть печальная необходимость, вызванная непримиримымъ политическимъ фанатизмомъ польскаго католическаго духовенства, но что, съ другой стороны, Министерствомъ приняты мѣры, чтобы обученіе Закону Божію въ католическихъ школахъ не поручалось лицамъ иныхъ исповѣданій. Оспаривая же правильность представленныхъ генералъ-адъютантомъ Гурко данныхъ, свидѣтельствующихъ объ упадкѣ начальныхъ школъ привислинскаго края, министръ заявилъ, что лучше не имѣть вовсе школы, чѣмъ допускать существованіе школы, всецѣло руководимой католическимъ ксендзомъ. По мнѣнію министра Финансовъ оба противоположные взгляда крайни и должны вести къ вреднымъ результатамъ. Центръ тяжести вопроса, говорилъ И. А. Вышнеградскій, заключается въ томъ, чтобы предохранить отъ гоненій со стороны высшаго духовнаго начальства тѣхъ ксендзовъ, которые будутъ дѣйствовать въ правительственномъ духѣ. Наконецъ, оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода предложилъ руководиться точнымъ смысломъ закона 1864 г., именно признать назначеніе законоучителями приходскихъ католическихъ священниковъ общимъ нормальнымъ положеніемъ, а отступленія отъ него—исключеніями изъ общаго правила, зависящими отъ административной власти. Обсудивъ всѣ заявленныя мнѣнія, Комитетъ Министровъ остановился на слѣдующихъ положеніяхъ: 1) ходатайства о замѣщеніи должностей законоучителей въ гминныхъ и сельскихъ католическихъ начальныхъ училищахъ Царства Польскаго мѣстными приходскими священниками, возбуждаемыя мѣстными обществами, разрѣшаются по предварительномъ, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, соглашеніи училищнаго начальства съ мѣстнымъ губернскимъ начальствомъ. Въ случаѣ разногласія дѣло представляется на окончательное разрѣшеніе

Варшавскаго генералъ-губернатора; 2) преподаванiе Закона Божiя римско-католическаго вѣроисповѣданiя въ упомянутыхъ училищахъ не должно быть поручаемо лицамъ, принадлежащимъ къ инымъ вѣроисповѣданiямъ. Утвердивъ 16 марта 1892 г. эти положенiя, Государь Императоръ противъ мнѣнiя министра Финансовъ о томъ, что полезно было бы войти въ соглашенiе съ Римской Курiей о несмѣщенiи безъ особой вины ксендзовъ-законоучителей, ведущихъ преподаванiе въ духѣ правительства, написалъ: «Нахожу замѣчанiе министра Финансовъ существенно *важнымъ* и *необходимымъ* и на это обращаю особое вниманiе министра Внутреннихъ Дѣлъ».

Въ матерiальномъ отношенiи начальныя школы привислинскаго края не менѣе, чѣмъ гдѣ либо, нуждались въ правительственной помощи. Обсужденiе этого вопроса и разныхъ къ нему проектовъ тянулось въ теченiе 30 лѣтъ. Въ 1895 г. общая сумма годоваго расхода на содержанiе училищъ, 907.000 руб., составлялась изъ казеннаго пособiя въ 128.000 руб., пособiй отъ городскихъ обществъ въ 196.000 руб., отъ сельскихъ въ 572.000 руб. и иныхъ поступленiй въ суммѣ 11.000 руб. Такъ какъ не разъ возникавшiя предположенiя о преобразованiи «училищной складки» на содержанiе начальныхъ школъ въ болѣе равномѣрные общественные сборы были признаны неосуществимыми, на содѣйствiе же дворянства и католическаго духовенства нельзя было разсчитывать въ виду ихъ враждебнаго отношенiя къ правительственной школѣ, то Министерству оставался одинъ исходъ—просить объ усиленiи казеннаго пособiя, чтобы поддержать и двинуть дальше развитiе правительственныхъ школъ, особенно въ виду существовавшаго въ краѣ тайнаго обученiя. Представленiе графа Делянова объ отпускѣ изъ казны 230.000 руб. въ годъ на введенiе нормальныхъ штатовъ въ существующiя школы и на устройство новыхъ встрѣчено было въ принципѣ полнымъ сочувствiемъ со стороны Государственнаго Совѣта, который призналъ однако болѣе полезнымъ обратить всю сумму на пособiя уже существующимъ школамъ и мнѣнiемъ, Высочайше утвержденнымъ 13 марта 1895 г., ассигновалъ Министерству на этотъ предметъ по 100.000 руб. въ годъ. Отдѣльная сумма въ 4.000 руб. отпускалась Варшавскому округу на изданiе учебниковъ для начальныхъ школъ. Въ 1885 г. разрѣшено было деньги, выручаемыя отъ продажи учебниковъ, употреблять на изданiе и распространенiе простонародныхъ книгъ въ краѣ. Въ 1897 г., по новому ходатайству Мини-

стерства, кредитъ на содержаніе народныхъ училищъ Варшавскаго округа увеличенъ былъ въ 1898 г. на 62.000 руб., а начиная съ 1899 г.—на 130.000 руб. въ годъ. Въ 1898 г. учреждено было 12 должностей инспекторовъ народныхъ училищъ и одна должность помощника инспектора училищъ г. Варшавы; на содержаніе всѣхъ этихъ чиновниковъ ассигновано по 27.000 руб. въ годъ.

Особенныхъ расходовъ потребовали школы для греко-уніатскаго населенія Сѣдлецкой и Люблинской губерній, возсоединившагося съ Православною церковью. На устройство и содержаніе этихъ школъ значительныя суммы ассигнованы были въ 1885 г. [290]).

Итакъ учебная система Царства Польскаго въ послѣдней четверти XIX вѣка окончательно утверждена была на принципѣ возможнаго сближенія ея съ системой общегосударственной.

Народнымъ образованіемъ въ западныхъ губерніяхъ Министерство продолжало руководить на основаніи и въ духѣ основныхъ законоположеній 60-хъ и 70-хъ годовъ, имѣвшихъ главною цѣлью упроченіе въ краѣ русской народности. Враждебное этимъ намѣреніямъ правительства польско-католическое вліяніе, побѣжденное въ открытой борьбѣ, еще пользовалось значительной силой и вынуждало правительство при распространеніи на западныя губерніи общегосударственныхъ учебныхъ порядковъ обставлять ихъ нѣкоторыми мѣрами предосторожности и усугублять за ними надзоръ. Въ 1882 г., 28 декабря, къ Виленскому округу примѣнено было Положеніе 1872 г. о городскихъ училищахъ и штатъ ихъ съ нѣкоторыми измѣненіями: въ число учебныхъ предметовъ введенъ Законъ Божій римско-католическаго исповѣданія, преподающійся на русскомъ языкѣ, и избраніе почетныхъ смотрителей предоставлено директорамъ народныхъ училищъ. Въ 1891 г. потребовалась особая законодательная мѣра для обезпеченія пособій отъ городовъ сѣверо-западнаго края городскимъ приходскимъ училищамъ, доставлявшимъ элементарное образованіе низшимъ городскимъ классамъ христіанскаго исповѣданія. Ссылаясь на недостаточность средствъ для покрытія всѣхъ обязательныхъ расходовъ, города стали прекращать эти пособія. По объясненію генералъ-губернатора, дѣйствительная причина этихъ отказовъ скрывалась въ нежеланіи вліятельныхъ гласныхъ изъ евреевъ нести расходъ на русскія училища, ненужныя для еврейскихъ дѣтей. Постановленіемъ 11 іюня 1891 г. производство пособій казнѣ изъ средствъ городовъ сѣверо-западнаго края, а

равно и пополненіе недоимокъ за прежнее время отнесено къ числу обязательныхъ расходовъ этихъ городовъ. Въ юго-западномъ краѣ остался въ силѣ законъ 26 мая 1869 г., но министру дано право разрѣшать открытіе двухклассныхъ училищъ, мужскихъ на правахъ уѣздныхъ и женскихъ, во всѣхъ городахъ края, тогда какъ первоначально учрежденіе ихъ ограничено было опредѣленнымъ рядомъ мѣстностей. По Высочайшему повелѣнію 8 октября 1887 г. въ вѣдѣніе Министерства перешли иновѣрческія школы юго-западнаго края. Въ 1892 г. утверждено было преподаваніе Закона Божія римско-католическаго исповѣданія на русскомъ языкѣ въ народныхъ школахъ сѣверо-западнаго края. По Временнымъ Правиламъ 1863 г. Законъ Божій долженъ былъ преподаваться на мѣстномъ нарѣчіи; но постепенно, въ силу послѣдующихъ правительственныхъ распоряженій, русскій языкъ смѣнилъ мѣстныя нарѣчія, которыя оставлены были, какъ вспомогательное средство въ первый годъ обученія. По представленію попечителя Виленскаго округа, что имѣется достаточное число лицъ инославныхъ исповѣданій, владѣющихъ русскимъ языкомъ, министръ 7 февраля 1892 г. исходатайствовалъ Высочайшее утвержденіе правила о преподаваніи Закона Божія на русскомъ языкѣ.

Умноженіе числа учебныхъ заведеній, подвѣдомственныхъ дирекціямъ народныхъ училищъ, и важное политическое значеніе учебнаго надзора въ западныхъ губерніяхъ послужили основаніями къ усиленію личнаго состава инспекціи, увеличенію средствъ ея содержанія и уравненію мѣстныхъ директоровъ и инспекторовъ въ правахъ и преимуществахъ службы съ директорами и инспекторами внутреннихъ губерній. Но средства общаго надзора оказывались совершенно безсильными въ борьбѣ съ нѣкоторыми тайными происками польско-католической пропаганды, именно съ тайнымъ обученіемъ. Тайныя школы, особенно распространенныя въ мѣстностяхъ съ католическимъ населеніемъ, крайне недовѣрчиво относившимся къ правительственнымъ школамъ, имѣли дѣйствительной своей цѣлью ополяченіе мѣстнаго населенія, воспитаніе его въ духѣ польскихъ политическихъ идей, противныхъ русскому правительству и народности. Такой характеръ тайныхъ школъ въ западномъ краѣ заставлялъ Министерство усматривать въ открытіи ихъ важное преступное дѣяніе, направленное къ достиженію противоправительственныхъ цѣлей. Между тѣмъ по статьѣ Уложенія о наказаніяхъ открытіе учебныхъ и

воспитательныхъ заведенiй безъ разрѣшенiя учебнаго начальства являлось не болѣе, какъ полицейскимъ проступкомъ, влекущимъ за собою очень незначительныя взысканiя, и долголѣтнiй опытъ показалъ, что дѣйствующiя правила о недозволенномъ обученiи представляются недостаточными для борьбы противъ тайныхъ школъ; число же послѣднихъ, несмотря на всѣ усилiя администрацiи, не только не уменьшалось, но даже увеличивалось. Въ 1883 г. возникло предположенiе изъять изъ вѣдѣнiя общихъ судебныхъ установленiй всѣ дѣла о тайныхъ школахъ западнаго края и усилить самую отвѣтственность за ихъ содержанiе. Возникшая по этому вопросу переписка между Министерствами Народнаго Просвѣщенiя, Внутреннихъ Дѣлъ и Юстицiи была надолго задержана въ области обсужденiй и совѣщанiй. Наконецъ, 3 апрѣля 1892 г., согласно съ заключенiемъ Комитета Министровъ, состоялся Высочайшiй указъ Правительствующему Сенату о «Временныхъ Правилахъ о взысканiяхъ за тайное обученiе въ сѣверо-и юго-западныхъ губернiяхъ». По этимъ правиламъ устройство и содержанiе школы какого либо рода безъ дозволенiя правительственной власти наказывается штрафомъ до 300 руб. или арестомъ до 3-хъ мѣсяцевъ. Этому же взысканiю подвергаются всѣ лица, оказывающiя то или другое содѣйствiе устройству тайной школы, а также лица, имѣющiя право частнаго обученiя, если окажутся виновными въ совмѣстномъ обученiи, безъ дозволенiя правительства, дѣтей нѣсколькихъ семействъ или взрослыхъ постороннихъ лицъ у себя на квартирахъ или въ частныхъ домахъ. Возбужденiе дѣлъ о тайномъ обученiи возложено на мѣстныя дирекцiи и инспекторовъ народныхъ училищъ при содѣйствiи полицiи и сельскихъ властей, а наложенiе взысканiй предоставлено мѣстнымъ генералъ-губернаторамъ и губернаторамъ Минскому, Витебскому и Могилевскому [291]).

До 80-хъ годовъ Министерство Народнаго Просвѣщенiя было совершенно устранено отъ управленiя учебными заведенiями Финляндiи и только играло роль посредника между мѣстной администрацiей и законодательной властью при учрежденiи или субсидированiи русскихъ учебныхъ заведенiй. Завѣдыванiе этими училищами какъ средними, такъ и низшими, принадлежало особому, состоящему при генералъ-губернаторѣ Совѣщательному Комитету. Въ 1881 г. генералъ-губернаторъ графъ Гейденъ, «въ виду тѣсной связи русскихъ училищъ Финляндiи съ учебною частью въ Имперiи», возбудилъ вопросъ о подчиненiи Министерству Народнаго Просвѣщенiя въ учебномъ отношенiи первоначально

среднихъ учебныхъ заведеній: Гельсингфорсскихъ русскихъ гимназій, Александровской мужской и Маріинской женской, и вновь учреждаемаго въ г. Выборгѣ русскаго реальнаго училища. Относительно же подчиненія Министерству русскихъ народныхъ школъ генералъ-губернаторъ предполагалъ возбудить впослѣдствіи особое ходатайство. Высочайше утвержденнымъ 15 марта 1883 г. мнѣніемъ Государственнаго Совѣта дѣло было рѣшено въ утвердительномъ смыслѣ, при чемъ было предрѣшено, что въ вѣдѣніе Министерства должны поступить и всѣ впредь имѣющія открыться среднія учебныя заведенія. Въ учебномъ отношеніи эти заведенія подчинены были начальству С.-Петербургскаго учебнаго округа; хозяйственное же управленіе ими осталось временно на обязанности Совѣщательнаго Комитета при генералъ-губернаторѣ. Передача Министерству народныхъ школъ отложена была на неопредѣленное время, и участіе Министерства въ ихъ развитіи выражалось въ ходатайствахъ объ отпускѣ болѣе или менѣе значительныхъ казенныхъ субсидій. Существуя на скудныя средства, собираемыя по добровольной подпискѣ между небольшимъ кругомъ небогатыхъ, по большей части, русскихъ людей, и разнаго рода частныя пожертвованія, эти школы, по крайней скудости своего матеріальнаго обезпеченія, не только не могли соперничать съ богатыми училищами финляндскими и шведскими, но съ трудомъ могли удовлетворять и своему прямому назначенію—давать элементарное русское образованіе молодымъ поколѣніямъ русскаго населенія Финляндіи. Но и казенныя пособія, о которыхъ не разъ ходатайствовало Министерство, не могли покрыть всѣхъ настоятельныхъ нуждъ русскихъ начальныхъ школъ. Такъ по разсчету въ 1895 г. на всѣ 15 школъ, состоявшихъ въ вѣдѣніи Совѣщательнаго Комитета при генералъ-губернаторѣ, требовалось 17.920 руб. мет. въ годъ и не хватало 10.600 руб. Но ходатайство Министерства объ отпускѣ этой суммы не увѣнчалось полнымъ успѣхомъ; съ 1896 г. положено отпускать въ пособіе русскимъ школамъ въ Финляндіи по 4.000 руб. мет. въ годъ [292]).

Иныя сравнительно съ западными окраинами, хотя не менѣе трудно преодолимыя, препятствія продолжало встрѣчать Министерство и въ послѣдней четверти XIX вѣка на окраинахъ южныхъ и восточныхъ съ многочисленнымъ инородческимъ и иновѣрческимъ населеніемъ: своеобразныя культурныя условія нѣкоторыхъ областей, ихъ пустынность и кочевой образъ жизни населенія, низкій уровень развитія нѣкоторыхъ инородцевъ, фана-

тизмъ иновѣрнаго духовенства. Наконецъ, здѣсь, какъ вездѣ и всегда, Министерство могло располагать лишь очень скудными денежными рессурсами.

Главной заботой по отношенію къ инородческому и иновѣрному населенію южныхъ и восточныхъ областей и окраинъ являлось развитіе начальнаго образованія на основаніи общихъ принциповъ, выработанныхъ въ 70-хъ годахъ. Начатое тогда, въ видахъ единства системы образованія для инородцевъ, сосредоточеніе въ вѣдѣніи Министерства разнородныхъ инородческихъ школъ продолжало подвигаться постепенно впередъ: въ 1884 г. педагогическая часть калмыцкихъ училищъ подчинена была общей дирекціи училищъ Астраханской губерніи; въ 1884 г. правилами о кавказскихъ армяно-грегоріанскихъ церковныхъ начальныхъ училищахъ на представителей Министерства возложено наблюденіе за преподаваніемъ всѣхъ предметовъ, кромѣ Закона Божія, а въ 1891 г. попечителю Кавказскаго округа предоставлено при нарушеніи этихъ правилъ входить съ представленіями къ главноначальствующему гражданскою частью на Кавказѣ или о закрытіи училищъ или о полномъ подчиненіи ихъ учебному начальству по закону 25 мая 1874 г.; въ 1892 г. въ вѣдѣніе Министерства переданы горскія школы Терской области и протестантскія церковныя школы въ Закавказскомъ краѣ. Но Министерство не могло быть полнымъ распорядителемъ инородческихъ школъ; необходимость сообразовать руководство ими съ разнообразными мѣстными условіями быта заставила удержать извѣстное вліяніе на организацію учебнаго дѣла за высшей мѣстной администраціей, какъ это было на Кавказѣ, въ Туркестанѣ, степныхъ областяхъ Западной Сибири, Закаспійской области.

Особенно труднымъ дѣломъ оказалось установленіе надзора надъ магометанскими школами. Предположенное въ 1874 г. изданіе особой инструкціи по этому предмету не было приведено въ исполненіе, такъ какъ проектъ инструкціи встрѣтилъ очень серьезныя возраженія со стороны Оренбургскаго генералъ-губернатора и губернаторовъ нѣкоторыхъ восточныхъ губерній. Сущность этихъ возраженій сводилась къ тому, что проектируемыя правила «могутъ послужить поводомъ къ возбужденію неудовольствія среди мусульманъ, которые усмотрятъ въ правилахъ инструкціи мѣры, направленныя къ стѣсненію мусульманской религіи». Баронъ Николаи въ 1882 г. тоже призналъ, что инструкція вовсе не внушаетъ той осторожности въ наблюденіи за мусульманскими

школами, какую рекомендовалъ нѣкогда Государственный Совѣтъ. Поэтому онъ испросилъ чрезъ Комитетъ Министровъ Высочайшее разрѣшеніе не издавать проектируемой инструкціи, но предложить попечителямъ учебныхъ округовъ содѣйствовать установленію осторожнаго фактическаго наблюденія за означенными школами, которое, не возбуждая ропота, пріучало бы муллъ и вообще магометанское населеніе къ мысли о небезконтрольности ихъ школъ и о подчиненности ихъ учебному начальству. Черезъ нѣкоторое время Министерство вновь возбудило вопросъ о принятіи нѣкоторыхъ подготовительныхъ мѣръ по преобразованію магометанскихъ школъ, о введеніи въ нихъ обязательнаго обученія русскому языку и объ испытаніи кандидатовъ на духовныя должности въ знаніи русскаго языка. Этотъ проектъ также встрѣтилъ возраженія со стороны Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, которое сочло невозможнымъ пока преобразованіе мусульманскихъ школъ, но предложило установить извѣстный образовательный цензъ для засѣдателей Оренбургскаго магометанскаго духовнаго собранія и высшаго приходскаго духовенства, а отъ сельскихъ муллъ требовать знанія разговорной русской рѣчи. 16 іюля 1888 г. эти предположенія были Высочайше одобрены и 11 октября 1890 г. утверждены по докладу министра Внутреннихъ Дѣлъ соотвѣтствующія правила.

Кромѣ подчиненія болѣе или менѣе дѣйствительному надзору учебнаго начальства различныхъ инородческихъ и иновѣрныхъ школъ, Министерство продолжало развивать мѣры, предписанныя основнымъ для образованія инородцевъ закономъ 26 марта 1870 г.: учреждало, по инициативѣ мѣстной администраціи, разныхъ типовъ народныя школы, для совмѣстнаго обученія русскихъ и инородцевъ или для однихъ послѣднихъ, цѣлыми группами или въ одиночку, допуская по мѣстнымъ условіямъ нѣкоторыя отступленія отъ общей организаціи; дѣлало опыты вечернихъ курсовъ для взрослыхъ туземцевъ и ремесленныхъ классовъ; содѣйствовало устройству пансіоновъ и ученическихъ квартиръ учрежденіемъ должностей почетныхъ смотрителей. Средства приготовленія учителей для инородческихъ школъ усилены были увеличеніемъ числа стипендіатовъ въ Казанской учительской семинаріи, учрежденіемъ учительской школы въ г. Бирскѣ, киргизской учительской школы въ г. Орскѣ и чувашской учительской школы въ Симбирскѣ.

По слабому культурному развитію многихъ инородческихъ племенъ ихъ образовательныя потребности совершенно удовле-

творялись системой начальнаго образованія. Для инородцевъ же, обладавшихъ большимъ развитіемъ, и для отдѣльныхъ способныхъ личностей открыты были высшія и среднія общія учебныя заведенія какъ въ центрѣ Имперіи, такъ и на окраинахъ, гдѣ среднія школы открывались прежде всего въ интересахъ русскаго населенія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ правительство допускало особенныя льготы инородцамъ, учащимся въ гимназіяхъ. Такъ въ гимназіяхъ Оренбургской и Омской дѣти киргизовъ были освобождены отъ изученія греческаго языка съ цѣлью облегчить имъ болѣе основательное изученіе русскаго языка и вообще прохожденіе гимназическаго курса. Большое значеніе для инородцевъ, стремившихся въ гимназіи, имѣло также сохраненіе приготовительныхъ классовъ въ гимназіяхъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ разговорный языкъ большинства населенія не русскій. Наконецъ, сохранено было въ силѣ Положеніе «о кавказскихъ воспитанникахъ», обучавшихся на счетъ казны въ высшихъ общихъ и спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ Имперіи. Въ 1884 г. установленіе числа и размѣра кавказскихъ стипендій, въ предѣлахъ назначенныхъ для того суммъ, и распредѣленіе стипендій по учебнымъ заведеніямъ предоставлены были власти главноначальствующаго гражданскою частью на Кавказѣ [293]).

X.

По отношенію къ ученымъ учрежденіямъ за время царствованія Императора Александра III Министерство продолжало являться ходатаемъ передъ Верховной властью о ихъ матеріальныхъ нуждахъ и вызываемыхъ научными требованіями измѣненіяхъ въ организаціи этихъ учрежденій.

По смерти графа Толстаго Высочайшимъ указомъ 3 мая 1889 г. президентомъ Императорской Академіи Наукъ былъ назначенъ Его Императорское Высочество Великій Князь Константинъ Константиновичъ. Начатое по повелѣнію Императора Александра II въ 1863 г. при президентѣ графѣ Блудовѣ дѣло о пересмотрѣ устава и штата Академіи не выходило изъ области первоначальныхъ предположеній, пока не выяснилось, что новая организація Академіи не можетъ быть осуществлена сообразно съ требованіями современной жизни до тѣхъ поръ, пока не выяснится напередъ въ существѣ, можетъ ли Академія разсчитывать

на предоставленіе ей отъ Монаршихъ щедротъ болѣе широкихъ средствъ, необходимыхъ для ея процвѣтанія и приданія ея дѣятельности способовъ къ дальнѣйшему плодотворному развитію.

Скудость средствъ лишала Академію возможности брать на себя починъ въ какихъ либо обширныхъ научныхъ предпріятіяхъ, достойнымъ образомъ расширять музеи и библіотеки и привлекать въ свою среду свѣжія силы, соотвѣтственно съ ростомъ и специализацией науки. Эти соображенія Августѣйшаго президента представлены были въ 1890 г. министромъ Народнаго Просвѣщенія на благовоззрѣніе Государя Императора и Высочайше одобрены съ тѣмъ, чтобы при окончательной разработкѣ предположеній объ увеличеніи средствъ Академіи имѣлась въ виду надлежащая умѣренность. Въ 1893 г. былъ разсмотрѣнъ Государственнымъ Совѣтомъ и 1 іюня Высочайше утвержденъ новый штатъ Академіи, возвысившій служебныя преимущества членовъ и другихъ должностныхъ лицъ Академіи и увеличившій суммы на содержаніе конференціи, канцеляріи конференціи, правленія и библіотеки въ общей сложности на 53.563 руб. 29 коп. ежегодно, считая въ томъ числѣ расходъ на учрежденіе особой зоологической лабораторіи. Кромѣ увеличенія общаго бюджета Академія получала изъ Государственнаго Казначейства по представленіямъ Министерства на различныя нужды и ученыя предпріятія единовременныя ассигнованія, общая сумма которыхъ за время царствованія Императора Александра III достигла свыше 550.000 руб. 13 января 1895 г. въ распоряженіе Академіи Высочайше пожаловано было по 50.000 руб. ежегодно для пособій нуждающимся ученымъ, литераторамъ и публицистамъ. Распредѣленіе этой суммы возложено на особую постоянную комиссію при Академіи [294]).

Щедрую помощь получили также учрежденія, подвѣдомственныя Академіи Наукъ: Главная Физическая и Николаевская Главная Астрономическая Обсерваторіи. Для усовершенствованія метеорологическихъ наблюденій и болѣе широкаго ихъ распространенія былъ усиленъ личный составъ Физической обсерваторіи; увеличены средства на содержаніе метеорологическихъ станцій съ 6.500 руб. до 12.000 руб. въ годъ и на изданіе наблюденій съ 8.000 руб. до 20.000 руб.; преобразованы горныя обсерваторіи; расширено изданіе лѣтописей обсерваторіи; съ 1883 г. начато постепенное объединеніе подъ вѣдѣніемъ Обсерваторіи метеорологическихъ наблюденій, производимыхъ разными вѣдомствами, наконецъ, приняты мѣры къ примѣненію этихъ наблюденій къ

практическимъ нуждамъ мореплаванія и сельскаго хозяйства. Въ 1897 г. Физическая обсерваторія получила новый штатъ въ 103.720 руб.

Николаевская главная астрономическая обсерваторія обогатилась устройствомъ 30-дюймоваго рефрактора, обошедшимся казнѣ въ 300.000 руб., и приспособленіями для работъ по астрофизикѣ и астрофотометріи, на которыя также потребовались значительныя ассигнованія: 36.000 руб. на постройку общаго зданія для этихъ работъ, 20.000 руб. на пріобрѣтеніе большаго астрографа, 4.000 руб. на устройство астрофизической лабораторіи [295]).

1 іюня 1895 г. дарованъ былъ новый штатъ Императорской Публичной Библіотекѣ, средства которой оставались неизмѣненными съ 1874 г. По категорическому заявленію директора А. Ѳ. Бычкова начальство Библіотеки, при соблюденіи самой строгой экономіи, было доведено до невозможности исполнять указанныя ему закономъ обязанности: ни «пещись о приведеніи Библіотеки въ возможное благоустройство», когда всѣ служащіе подавлены непосильной работой, очень скудно вознаграждаемой, ни «принимать мѣры къ постепенному приращенію Библіотеки», ни «направлять устройство и дѣйствія ея къ главной цѣли—общей пользѣ», когда съ каждымъ годомъ приходилось все болѣе и болѣе отказывать читателямъ въ справедливыхъ и постоянно растущихъ требованіяхъ даже наиболѣе выдающихся книгъ. По новому штату на содержаніе Библіотеки положено съ 1896 г. по 133.470 руб. въ годъ и съ 1899 г.—по 142.470 руб., въ томъ числѣ 40.000 руб. на пріобрѣтеніе книгъ и рукописей, 9.000 руб. на переплеты, 5.000 руб. на каталогизацію, отчеты и т. п. По настоянію министра Финансовъ Государственнымъ Совѣтомъ отвергнуто было предположенное возвышеніе классовъ нѣкоторыхъ должностей: директора Библіотеки съ IV-го на III-й, его помощника съ V-го на IV-й и т. д. На особые кредиты отнесено было предпринятое въ 1889 г. сооруженіе новаго зданія для Библіотеки [296]).

Подобно Императорской Публичной Библіотекѣ страдали отъ несоотвѣтствія задачъ и средствъ ихъ достиженія Московскій Публичный и Румянцевскій Музеи. Неоднократныя ходатайства директора Музеевъ объ увеличеніи суммъ на ихъ содержаніе были отклонены по затруднительному состоянію Государственнаго Казначейства и только въ 1893 г. на содержаніе и ремонтъ зданій было добавлено по 1.000 руб. въ годъ [297]).

По Высочайшему повелѣнію 10 декабря 1882 г. перешелъ въ

вѣдѣніе Министерства Народнаго Просвѣщенія отъ Министерства Финансовъ Императорскій Россійскій Историческій Музей въ Москвѣ. По Положенію 1888 г. Музей, состоящій подъ предсѣдательствомъ одного изъ членовъ Императорской фамиліи, имѣетъ цѣлью «собирать и хранить разнородные памятники древности и старины, которые въ своей совокупности представляли бы наглядную и по возможности полную во всѣхъ частностяхъ картину прошлой жизни какъ русскаго народа, такъ и народовъ, когда либо обитавшихъ въ предѣлахъ Россійской Имперіи». На содержаніе Музея по временному штату ассигновано по 18.988 руб. въ годъ [298]).

Изъ провинціальныхъ ученыхъ учрежденій, служащихъ не только интересамъ исторической науки, но и практическимъ потребностямъ судебнаго вѣдомства и частныхъ лицъ, улучшено было положеніе Кіевскаго и Виленскаго центральныхъ архивовъ древнихъ актовыхъ книгъ, служба въ которыхъ требовала спеціальныхъ знаній и большой опытности. Въ 1890 г. начато было дѣло объ измѣненіи дѣятельности всѣхъ центральныхъ архивовъ древнихъ актовъ, переданное въ 1892 г. въ особую комиссію изъ представителей Министерствъ: Народнаго Просвѣщенія, Внутреннихъ Дѣлъ и Юстиціи [299]).

Въ 1883 г. въ вѣдѣніе Министерства поступилъ Кавказскій Музей и Тифлисская Публичная Библіотека, на содержаніе которыхъ по штату 1884 г. ассигновано 12.955 руб. [300]).

Первостепенное значеніе, какое для русской исторической науки и археологіи имѣетъ всестороннее изученіе прошлой и и настоящей жизни христіанскаго Востока въ предѣлахъ древней Византійской Имперіи, возбудило мысль объ учрежденіи въ Константинополѣ русскаго археологическаго института. Начатое въ 1888 г. русскимъ посломъ А. И. Нелидовымъ дѣло разсматривалось въ 1894 г. въ Государственномъ Совѣтѣ, гдѣ возникло сомнѣніе о цѣлесообразности этого учрежденія. По мнѣнію нѣкоторыхъ членовъ Государственнаго Совѣта, для успѣховъ каждаго предпріятія на Востокѣ необходимо для него полное матеріальное обезпеченіе; съ точки зрѣнія политическихъ интересовъ было бы нежелательно, чтобы начинаніе русскаго правительства потерпѣло неудачу вслѣдствіе невозможности оказывать ему надлежащую поддержку; поэтому предпочтительнѣе казалось основаніе такого института въ Аѳинахъ или дарованіе какому нибудь ученому учрежденію необходимыхъ средствъ для изслѣдо-

ванiй по древней византiйской культурѣ. Всѣ эти возраженiя были отклонены объясненiями А. И. Нелидова, что цѣль института заключается не въ производствѣ археологическихъ изысканiй въ широкихъ размѣрахъ на всемъ Востокѣ, а лишь въ организацiи и направленiи дѣятельности пребывающихъ въ Константинополѣ русскихъ ученыхъ, а для этой цѣли совершенно достаточны испрашиваемыя средства. По убѣжденiю вѣдомства Иностранныхъ Дѣлъ подобное учрежденiе укрѣпило бы связи Россiи съ серьезною частью мѣстнаго общества и значительно содѣйствовало бы упроченiю русскаго влiянiя на православное населенiе востока. 23 мая 1894 г., по Высочайше утвержденному мнѣнiю Государственнаго Совѣта, на содержанiе Археологическаго Института въ Константинополѣ ассигновано по 12.000 руб. золотомъ въ годъ [301]).

По смерти великой княгини Екатерины Михаиловны всѣ состоявшiя подъ ея покровительствомъ и объединенныя особымъ управленiемъ учебныя и благотворительныя учрежденiя Высочайшимъ указомъ Сенату 27 iюня 1894 г. переданы были разнымъ вѣдомствамъ, при чемъ Еленинскiй Клиническiй Институтъ, учрежденный въ 1885 г. съ цѣлью высшаго усовершенствованiя врачей и сообщенiя имъ спецiальныхъ свѣдѣнiй по различнымъ отраслямъ медицины, перешелъ въ вѣдомство Министерства Народнаго Просвѣщенiя [302]).

Николай

Дозволено цензурою. СПБ. 15 Ноября 1902 г.

Экспедиція Заготовленія Государственныхъ Бумагъ

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Н. П. Боголѣповъ.—П. С. Ванновскій.—Г. Э. Зенгеръ.

I.

Послѣднія пять лѣтъ истекшаго перваго столѣтія своего существованія Министерство Народнаго Просвѣщенія, по Высочайшей волѣ нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора и подъ руководствомъ тайнаго совѣтника Н. П. Боголѣпова, генералъ-адъютанта П. С. Ванновскаго и тайнаго совѣтника Г. Э. Зенгера, посвятило разработкѣ проектовъ и предположеній по преобразованію существующей учебной системы.

Николай Павловичъ Боголѣповъ родился 24 ноября 1846 г., учился въ 1-й Московской гимназіи и Московскомъ университетѣ, на юридическомъ факультетѣ, курсъ котораго кончилъ со степенью кандидата въ 1868 г. Прослуживъ затѣмъ до мая 1869 г. въ 6-мъ Департаментѣ Правительствующаго Сената, вышелъ въ отставку и занялся приготовленіемъ къ профессорской дѣятельности. Въ 1873—1876 гг. читалъ въ Московскомъ университетѣ, по приглашенію юридическаго факультета, римское право въ качествѣ сторонняго преподавателя. Въ мартѣ 1876 г. защитилъ на степень магистра гражданскаго права диссертацію: «Значеніе общенароднаго права (jus gentium) въ римской юриспруденціи» и вслѣдъ затѣмъ былъ избранъ доцентомъ. Въ 1881 г., послѣ защиты докторской диссертаціи: «Формальныя ограниченія свободы завѣщаній въ римской классической юриспруденціи», получилъ званіе ординарнаго профессора и нѣкоторое время исполнялъ обязанности секретаря факультета. Въ октябрѣ 1883 г. былъ избранъ совѣтомъ университета и утвержденъ въ должности ректора и въ сентябрѣ слѣдующаго года, по введеніи новаго университетскаго устава, назначенъ ректоромъ на 4 года. Разстроенное здоровье не позволило Н. П. Боголѣпову долго пробыть въ этой должности, и въ сентябрѣ 1887 г. онъ былъ уволенъ отъ

нея. Въ ноябрѣ 1891 г. Н. П. Боголѣповъ вновь былъ назначенъ ректоромъ и оставался имъ до 1893 г. Черезъ два года, 29 іюня 1895 г., онъ былъ назначенъ попечителемъ Московскаго учебнаго округа, 12 февраля 1898 г.—управляющимъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія и 6 декабря того же года утвержденъ министромъ. Кромѣ мѣропріятій, направленныхъ къ разрѣшенію разнообразныхъ текущихъ вопросовъ учебнаго вѣдомства, при Н. П. Боголѣповѣ Министерство занялось подготовкой нѣкоторыхъ важныхъ преобразованій, изъ которыхъ на первую очередь поставлена была реформа средней школы. Довести ее до конца Н. П. Боголѣповъ не успѣлъ: 14 февраля 1901 г., во время пріема просителей въ зданіи Министерства, онъ былъ раненъ выстрѣломъ изъ револьвера мѣщаниномъ Карповичемъ и 2 марта, послѣ тяжкихъ страданій, скончался. Кромѣ двухъ диссертацій Н. П. Боголѣповъ напечаталъ «Пособіе къ лекціямъ по исторіи римскаго права», М. 1890 г., и рядъ критическихъ статей въ «Юридическомъ Вѣстникѣ» и «Критическомъ Обозрѣніи» за 80-е годы.

На время болѣзни Н. П. Боголѣпова управленіе Министерствомъ передано было товарищу министра Н. А. Звѣреву, а 24 марта 1901 г. министромъ Народнаго Просвѣщенія назначенъ былъ членъ Государственнаго Совѣта, генералъ - адъютантъ П. С. Ванновскій.

Петръ Семеновичъ Ванновскій родился 24 ноября 1822 г., воспитывался въ 1-мъ московскомъ кадетскомъ корпусѣ и въ 1840 г. началъ офицерскую службу въ лейбъ-гвардіи Финляндскомъ полку. Въ 1854 г. участвовалъ въ кампаніи противъ турокъ. Въ 1857 г. былъ назначенъ начальникомъ Стрѣлковой офицерской школы, въ 1861 г., въ чинѣ генералъ-маіора, директоромъ Павловскаго кадетскаго корпуса, а съ преобразованіемъ послѣдняго въ 1863 г. въ Павловское военное училище—начальникомъ его и состоялъ членомъ Комитета по преобразованію военно-учебныхъ заведеній. Въ 1868 г. П. С. Ванновскій былъ причисленъ къ Главному Управленію военно-учебныхъ заведеній для особыхъ порученій; въ томъ же году, за отличіе по службѣ, произведенъ въ генералъ-лейтенанты съ назначеніемъ начальникомъ 12-й пѣхотной дивизіи и въ 1876 г. получилъ въ командованіе 12-й армейскій корпусъ. Въ русско-турецкой войнѣ 1877—1878 гг. П. С. Ванновскій принималъ участіе сначала въ должности начальника штаба Рущукскаго отряда, которымъ командовалъ Наслѣдникъ

Тайный Совѣтникъ

Цесаревичъ Александръ Александровичъ, потомъ—командующаго восточнымъ и сѣвернымъ отрядами. По окончаніи войны, въ 1879 г. П. С. Ванновскій вернулся на постъ командира 12-го корпуса, временно командовалъ войсками Кіевскаго военнаго округа и 22 мая 1881 г. призванъ къ управленію Военнымъ Министерствомъ, а 1 января 1882 г. утвержденъ въ должности Военнаго министра. Шестнадцатилѣтнее управленіе П. С. Ванновскаго Военнымъ Министерствомъ, соединенное съ выполненіемъ чрезвычайныхъ порученій по организаціи военныхъ силъ Россіи, вознаграждено было рядомъ Высочайшихъ рескриптовъ и высшихъ знаковъ Монаршаго благоволенія: 22 іюня 1890 г., въ день 50-лѣтія службы, онъ былъ зачисленъ въ списки лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка, 1 января 1895 г. получилъ орденъ Св. Андрея Первозваннаго. 1 января 1898 г. П. С. Ванновскій по прошенію, вслѣдствіе разстроеннаго здоровья, былъ уволенъ отъ должности Военнаго министра и назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта и шефомъ 131-го пѣхотнаго Тираспольскаго полка, оставаясь также членомъ Комитета Сибирской желѣзной дороги. Въ слѣдующемъ году онъ исполнилъ особое, Высочайше возложенное на него порученіе—разслѣдовать причины безпорядковъ между студентами С.-Петербургскаго университета въ февралѣ 1899 г.

24 марта 1901 г. П. С. Ванновскій призванъ былъ на постъ министра Народнаго Просвѣщенія слѣдующимъ Высочайшимъ рескриптомъ: «Петръ Семеновичъ! Правильное устройство народнаго образованія составляло всегда одну изъ главныхъ заботъ Русскихъ Государей, твердо, но постепенно стремившихся къ его усовершенію въ соотвѣтствіи съ основными началами русской жизни и потребностями времени. Опытъ послѣднихъ лѣтъ указалъ однако на столь существенные недостатки нашего учебнаго строя, что Я признаю благовременнымъ безотлагательно приступить къ коренному его пересмотру и исправленію. Высоко цѣня вашу государственную опытность и просвѣщенный умъ, Я избралъ васъ въ сотрудники Себѣ въ дѣлѣ обновленія и устроительства русской школы и жизни и, призывая васъ на особо важную нынѣ должность министра Народнаго Просвѣщенія, твердо увѣренъ, что вы строго и неуклонно будете идти къ намѣченной Мною цѣли и въ дѣло воспитанія русскаго юношества внесете умудренный опытомъ разумъ и сердечное о немъ попеченіе. Да благословитъ Господь Наши труды; да помогутъ Намъ въ нихъ родители и семьи, ближайшимъ образомъ обязанные пещись о своихъ дѣтяхъ, и

тогда скоро наступитъ время, когда Я и со Мною весь народъ будетъ съ гордостью и утѣшеніемъ видѣть въ молодомъ поколѣніи твердую и вѣрную надежду отечества и стойкую опору его въ будущемъ». Во исполненіе этой Высочайшей воли Министерство занялось собираніемъ и разработкой необходимаго матеріала, при чемъ на первый планъ выдвинулись вопросы о преобразованіи среднихъ учебныхъ заведеній и университетовъ. Къ веснѣ 1902 г. былъ уже готовъ ко внесенію въ Государственный Совѣтъ проектъ Положенія о средней общеобразовательной школѣ, но Высочайшимъ рескриптомъ 11 апрѣля П. С. Ванновскій былъ уволенъ по прошенію отъ должности министра, и по указу того же дня въ управленіе Министерствомъ вступилъ товарищъ министра, дѣйствительный статскій совѣтникъ Г. Э. Зенгеръ.

Григорій Эдуардовичъ Зенгеръ родился 13 марта 1853 г. По окончаніи въ 1874 г. курса историко-филологическаго факультета С.-Петербургскаго университета въ теченіе года состоялъ штатнымъ преподавателемъ древнихъ языковъ въ 5-й Петербургской гимназіи. Затѣмъ, будучи уволенъ по прошенію отъ службы въ гимназіи, но оставаясь при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію, продолжалъ научныя занятія въ Берлинѣ. По представленіи разсужденія pro venia legendi по римской эпиграфикѣ былъ назначенъ въ 1877 г. исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора по каѳедрѣ всеобщей исторіи въ Нѣжинскій историко-филологическій институтъ. Въ 1885 г. перешелъ на должность доцента по всеобщей исторіи въ Варшавскій университетъ и въ 1886 г. перемѣщенъ на каѳедру римской словесности. Въ томъ же году защитилъ въ университетѣ Св. Владиміра диссертацію на степень магистра римской словесности: «Критическій комментарій къ нѣкоторымъ спорнымъ текстамъ Горація» и въ слѣдующемъ году утвержденъ былъ экстраординарнымъ профессоромъ. Въ 1894 г. возведенъ Московскимъ университетомъ въ степень доктора римской словесности honoris causa, безъ представленія диссертаціи, и назначенъ ординарнымъ профессоромъ, въ 1896 г.—деканомъ историко-филологическаго факультета, въ 1897 г.—ректоромъ университета и въ этой должности оставался до 19 августа 1899 г., когда былъ по прошенію уволенъ отъ службы. 13 марта 1900 г. занялъ постъ попечителя Варшавскаго учебнаго округа. 17 ноября 1901 г. назначенъ былъ товарищемъ министра Народнаго Просвѣщенія и 11 апрѣля 1902 г.—управляющимъ Министерствомъ.

30 августа за отличіе произведенъ въ тайные совѣтники. Сверхъ магистерской диссертаціи Г. Э. Зенгеромъ напечатаны: «Замѣтки къ латинскимъ текстамъ», вып. I—X, въ «Варшавск. универс. извѣстіяхъ» за 1886, 1887, 1889, 1890, 1892, 1893 годы; «Еврейскій вопросъ въ древнемъ Римѣ», Варшава, 1889 г.; «Критическія замѣтки къ В. Флакку и Стацію» въ Сборникѣ «Χαριστήρια», М. 1896 г.; «Критическія замѣтки къ нѣкоторымъ мѣстамъ въ латинскихъ стихотвореніяхъ вновь изданныхъ польскихъ писателей XVI—XVII вв.» и рядъ мелкихъ статей и рецензій въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» и «Филологическомъ Обозрѣніи».

10 іюня на имя Г. Э. Зенгера данъ былъ Высочайшій рескриптъ, опредѣлившій дальнѣйшее движеніе учебной реформы, начатое при двухъ предшествующихъ министрахъ: «Григорій Эдуардовичъ! Назначивъ васъ управлять Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, Я возложилъ на васъ, въ числѣ важнѣйшихъ обязанностей, задачу разработать и представить на Мое утвержденіе черезъ Государственный Совѣтъ проекты преобразованія средней школы и высшихъ учебныхъ заведеній. Дабы при выполненіи этой работы воспользоваться тѣмъ, что Я призналъ полезнымъ въ предположеніяхъ вашихъ ближайшихъ предмѣстниковъ, Мною разрѣшено вамъ подвергнуть новому разсмотрѣнію составленные ими проекты, касающіеся средней школы. Независимо отъ сего признаю нужнымъ преподать нѣкоторыя руководительныя указанія. Прежде всего подтверждаю Мое требованіе, чтобы въ школѣ съ образованіемъ юношества соединялось воспитаніе его въ духѣ вѣры, преданности престолу и отечеству и уваженія къ семьѣ, а также заботы о томъ, чтобы съ умственнымъ и физическимъ развитіемъ молодежи пріучать ее съ раннихъ лѣтъ къ порядку и дисциплинѣ. Школа, изъ которой выходитъ юноша съ одними лишь курсовыми познаніями, не сродненный религіозно-нравственнымъ воспитаніемъ съ чувствомъ долга, съ дисциплиной и съ уваженіемъ къ старшимъ, не только не полезна, но часто вредна, развивая столь пагубныя для каждаго дѣла своеволіе и самомнѣніе. Для указанной Мною цѣли слѣдуетъ немедленно позаботиться о томъ, чтобы постепенно въ столицахъ и губернскихъ городахъ были устраиваемы воспитательные пансіоны при среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, строго подбирая для воспитательнаго дѣла наилучшихъ людей и отнюдь не допуская къ нему лицъ, не подготовленныхъ къ указаннымъ Мною задачамъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Я считаю необходимымъ разработку вопроса о лучшемъ матеріальномъ обезпеченіи лицъ, призванныхъ нести учебную и воспитательную службу. Относительно устройства школы, Я желаю, чтобы она была трехъ разрядовъ: низшая съ законченнымъ курсомъ образованія, средняя школа разныхъ типовъ, также съ законченнымъ образованіемъ и средняя съ подготовительнымъ для университета курсомъ школа. Что касается университетовъ, то послѣ печальнаго опыта минувшихъ лѣтъ, Я ожидаю отъ учебной администраціи и профессоровъ сердечнаго и предусмотрительнаго участія къ духовному міру ввѣренной ихъ попеченіямъ молодежи. Да помнятъ они, что во всѣхъ случаяхъ сомнѣній, борьбы и увлеченій молодежь въ правѣ искать и находить въ своихъ руководителяхъ недостающихъ ей—опыта, стойкости убѣжденій и сознанія зависимости иногда цѣлой жизни отъ одной минуты безразсуднаго увлеченія. Родительскому сердцу Моему было отрадно узнать, что значительное большинство студентовъ въ концѣ нынѣшняго учебнаго года въ самостоятельномъ сознаніи своего долга вернулись къ учебнымъ занятіямъ и порядку. Я хочу вѣрить, что послѣ лѣтняго отдыха и успокоеннаго обращенія къ своей совѣсти, а также подъ благотворнымъ вліяніемъ родителей и близкихъ, учащаяся молодежь внемлетъ Моему голосу, призывающему ее вмѣстѣ со всѣми Моими вѣрноподданными подъ сѣнь труда и законности. Безпорядкамъ, позорящимъ науку и университеты, которыми въ прежнее время справедливо гордилась Россія, и губящимъ столько дорогихъ отечеству и Мнѣ молодыхъ жизней, долженъ быть, во благо ввѣреннаго Мнѣ Богомъ народа, положенъ конецъ».

Въ связи съ перемѣною лицъ во главѣ Министерства измѣнился въ 1897—1902 гг. личный составъ и другихъ высшихъ его чиновъ. Послѣ тайнаго совѣтника Н. М. Аничкова, назначеннаго 12 февраля 1898 г. сенаторомъ, товарищами министра состояли: при Н. П. Боголѣповѣ—дѣйствительный статскій совѣтникъ Н. А. Звѣревъ, назначенный 16 мая 1901 г. сенаторомъ, и при П. С. Ванновскомъ, испросившемъ Высочайшее соизволеніе на учрежденіе второй должности товарища министра,—сенаторъ тайный совѣтникъ И. В. Мѣщаниновъ, съ 1 апрѣля 1901 г. по 11 апрѣля 1902 г., и Г. Э. Зенгеръ, съ 17 ноября 1901 г. Съ 29 апрѣля 1902 г. товарищемъ министра состоитъ бывшій директоръ Императорскаго Института экспериментальной медицины, дѣйствительный статскій совѣтникъ

Генералъ-Адъютантъ Ванновскій

Дозв. ценз. СПБ. 23 Октября 1901 г. Экспедиція Заготовленія Государственныхъ Бумагъ

С. М. Лукьяновъ. Постъ директора Департамента вмѣсто академика В. В. Латышева, назначеннаго членомъ Совѣта Министра, занялъ 28 апрѣля 1898 г. правитель Канцеляріи Московскаго учебнаго округа, статскій совѣтникъ В. А. Рахмановъ и постъ предсѣдателя Ученаго Комитета, вмѣсто А. И. Георгіевскаго, назначеннаго сенаторомъ,—академикъ, тайный совѣтникъ Н. Я. Сонинъ. Управляющимъ особымъ отдѣленіемъ Департамента для завѣдыванія промышленными училищами вмѣсто И. А. Анопова назначенъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Н. И. Тавилдаровъ. Попечителями учебныхъ округовъ за послѣднія пять лѣтъ назначены: С.-Петербургскаго: академикъ д. с. с. Н. Я. Сонинъ (1899—1901 г.) и т. с. В. К. Анрепъ (1901—1902 г.); Московскаго: д. с. с. П. А. Некрасовъ (съ 1898 г.); Казанскаго: д. с. с. М. М. Алексѣенко (1899—1901 г.) и д. с. с. С. Ѳ. Спѣшковъ (съ 1901 г.); Харьковскаго: д. с. с. В. К. Анрепъ (1899—1901 г.) и д. с. с. М. М. Алексѣенко (съ 1901 г.); Кіевскаго: с. с. В. И. Бѣляевъ (съ 1902 г.); Виленскаго: д. с. с. В. А. Поповъ (съ 1899 г.); Варшавскаго: д. с. с. Г. Э. Зенгеръ (1900—1901 г.) и А. Н. Шварцъ (съ 1902 г.); Рижскаго: д. с. с. А. Н. Шварцъ (1900—1902 г.) и к. с. П. П. Извольскій (съ 1902 г.); Кавказскаго: д. с. с. М. Р. Завадзскій (съ 1901 г.); Западно-Сибирскаго: т. с. Л. И. Лаврентьевъ (съ 1899 г.).

II.

Вновь выяснившееся въ 80-хъ годахъ несоотвѣтствіе личнаго состава и матеріальныхъ средствъ центральнаго управленія Министерства съ быстро расширявшимся кругомъ его обязанностей побудило Н. П. Боголѣпова начать дѣло о реорганизаціи этого управленія. Но первоначальныя предположенія не получили дальнѣйшаго движенія, такъ какъ вниманіе Министерства въ послѣдніе годы было всецѣло поглощено подготовкой ряда законодательныхъ проектовъ по преобразованію и улучшенію учебной системы.

Въ 90-хъ годахъ вновь крайне обострился вопросъ о борьбѣ съ періодически повторявшимися волненіями молодежи въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, нарушавшими правильный ходъ учебной жизни, тяжко отражавшимися на судьбѣ сотенъ молодыхъ людей и вносившими смуту и тревогу въ общественное настроеніе. И теперь, какъ 40 лѣтъ тому назадъ, изысканіе средствъ

предупрежденія и пресѣченія студенческихъ безпорядковъ привело къ мысли о пересмотрѣ нѣкоторыхъ основъ организаціи высшихъ учебныхъ заведеній, въ частности университетовъ. Въ первой половинѣ 1899 г. продолжительные и упорные безпорядки, возникшіе сначала въ С.-Петербургскомъ университетѣ, быстро распространились на большинство высшихъ учебныхъ заведеній. По разслѣдованіи, произведенномъ генералъ-адъютантомъ П. С. Ванновскимъ, причинъ и обстоятельствъ, среди которыхъ возникли эти безпорядки, въ правительственномъ сообщеніи 25 мая 1899 г. вниманіе Министерства обращено было на нѣкоторыя ненормальныя условія въ положеніи учащейся молодежи, а 29 іюля опубликованы были Высочайше утвержденныя Временныя Правила объ отбываніи воинской повинности, въ видѣ наказанія, воспитанниками высшихъ учебныхъ заведеній, исключаемыми за коллективные безпорядки.

Обращаясь къ выясненію тѣхъ причинъ безпорядковъ, которыя коренятся въ самомъ строѣ университетской жизни, Н. П. Боголѣповъ въ іюнѣ 1899 г. образовалъ подъ своимъ предсѣдательствомъ особое совѣщаніе изъ попечителей учебныхъ округовъ и начальниковъ высшихъ учебныхъ заведеній для обсужденія мѣръ, какія на основаніи дѣйствующихъ законоположеній могли бы быть приняты въ цѣляхъ водворенія спокойствія въ высшихъ школахъ, установленія правильнаго хода учебныхъ занятій и улучшенія быта студентовъ. Нѣкоторыя изъ выработанныхъ совѣщаніемъ предположеній были осуществлены властью министра, другія облечены въ форму законодательныхъ постановленій. Циркуляромъ министра 27 іюня 1899 г. внесены были нѣкоторыя измѣненія въ положеніе университетской инспекціи и въ направленіе ея дѣятельности: на обязанность инспекціи возложено было не только наблюденіе за внѣшнимъ порядкомъ въ стѣнахъ заведенія, но и благожелательное попеченіе о различныхъ нуждахъ учащихся. Необходимое въ этихъ видахъ усиленіе личнаго состава инспекціи обезпечено было особымъ кредитомъ въ 78.180 р. Съ цѣлью устранить неравномѣрное распредѣленіе учащихся по университетамъ циркуляръ 5 іюля 1899 г. предложилъ попечителямъ учебныхъ округовъ направлять молодыхъ людей, получающихъ аттестаты зрѣлости, въ университетъ того округа, гдѣ они окончили гимназіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ составлена была примѣрная таблица возможнаго численнаго состава наиболѣе многолюдныхъ факультетовъ разныхъ университетовъ для руководства при осеннемъ пріемѣ студентовъ.

Однимъ изъ лучшихъ средствъ упорядоченія внѣшней жизни студентовъ совѣщаніе признало устройство общежитій, которыя ставятъ иногороднихъ юношей въ нормальныя условія жизни, сохраняютъ ихъ здоровье и спасаютъ отъ сиротливаго одиночества въ чужомъ большомъ городѣ. 6 марта 1900 г. на учрежденіе общежитій при университетахъ на предположенныхъ Министерствомъ основаніяхъ, по Высочайше утвержденному мнѣнію Государственнаго Совѣта, ассигновано было 3.262.000 руб. Но ни благопріятная матеріальная обстановка, ни бдительный надзоръ не представляли сами по себѣ достаточныхъ гарантій правильнаго развитія и направленія духовныхъ интересовъ учащихся. Обративъ вниманіе на эту сторону дѣла, Министерство сочло нужнымъ подтвердить и разъяснить желательность сближенія студентовъ съ преподавательскимъ персоналомъ на почвѣ научныхъ интересовъ и потребностей. Въ циркулярѣ 21 іюля 1899 г. министръ преподалъ руководящія указанія по этому вопросу и предложилъ озаботиться возможно широкимъ развитіемъ практическихъ занятій по всѣмъ факультетамъ, научныхъ и литературныхъ собесѣдованій, музыкальныхъ кружковъ. Расходъ на организацію практическихъ занятій исчисленъ былъ въ 32.400 руб. въ годъ. Кромѣ всѣхъ перечисленныхъ сейчасъ мѣръ, получившихъ болѣе или менѣе полное осуществленіе, совѣщаніе подъ предсѣдательствомъ Н. П. Боголѣпова разсмотрѣло еще нѣсколько предложеній, признанныхъ неудобными или неосуществимыми: объ устройствѣ особыхъ судовъ при учебныхъ округахъ по дѣламъ о студенческихъ безпорядкахъ, объ установленіи комплекта учащихся въ университетахъ, о повѣрочныхъ испытаніяхъ при поступленіи въ университетъ, объ обязательномъ отбываніи воинской повинности уволенными за безпорядки прежде обратнаго пріема ихъ въ учебныя заведенія, объ узаконеніи курсовыхъ и иныхъ сходокъ и другихъ общественныхъ организацій. По мнѣнію совѣщанія дѣятельность этихъ организацій трудно было бы удержать въ законныхъ предѣлахъ и она легко могла бы принять направленіе, нетерпимое въ учебныхъ заведеніяхъ. При близкихъ и добрыхъ отношеніяхъ между студентами и педагогическимъ составомъ, говорилось въ циркулярѣ 21 іюля 1899 г., всѣ вопросы и недоразумѣнія разрѣшаются непосредственными объясненіями профессора съ аудиторіей или учебнаго начальства съ отдѣльнымъ курсомъ или заинтересованною группою студентовъ, при чемъ какая либо регламентація этихъ есте-

ственныхъ взаимныхъ отношеній является совершенно излишнею.

Съ назначеніемъ на постъ министра генералъ-адъютанта П. С. Ванновскаго началось уже дѣло о пересмотрѣ дѣйствующихъ уставовъ и штатовъ университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній. 29 апрѣля 1901 г. черезъ попечителей учебныхъ округовъ было предложено совѣтамъ университетовъ и соотвѣтствующимъ коллегіямъ въ другихъ высшихъ школахъ высказать свои соображенія о желательныхъ измѣненіяхъ въ уставахъ и штатахъ и, сверхъ того, представить мотивированныя заключенія на предложенные Министерствомъ вопросы. Поступившіе въ отвѣтъ на это предложеніе отзывы, при всемъ разнообразіи высказанныхъ въ нихъ мнѣній сходившіеся въ признаніи необходимости возвратиться къ началамъ автономіи и узаконить студенческія организаціи, были объединены въ систематическій сводъ особой комиссіей изъ четырехъ членовъ Совѣта Министра, подъ предсѣдательствомъ т. с. И. К. Ренара, и составили основной матеріалъ, обсужденіе котораго, съ Высочайшаго соизволенія 18 мая 1902 г., предположено возложить на болѣе многочисленную комиссію съ участіемъ профессоровъ и представителей другихъ вѣдомствъ.

По Высочайшему повелѣнію въ августѣ 1901 г. П. С. Ванновскій образовалъ совѣщаніе съ оберъ-прокуроромъ Св. Синода и министрами: Военнымъ, Финансовъ, Внутреннихъ Дѣлъ, Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ, Юстиціи и Путей Сообщенія. Совѣщаніе, находя необходимымъ установить въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ разныхъ вѣдомствъ по возможности одинаковый распорядокъ въ томъ смыслѣ, чтобы разрѣшенное въ одномъ учебномъ заведеніи не считалось запрещеннымъ и тѣмъ болѣе караемымъ въ другомъ, обсудило вопросы: 1) объ организаціи студенческихъ учрежденій и 2) о правилахъ для совмѣстнаго дѣйствія учебнаго начальства, полиціи и войсковыхъ частей при прекращеніи студенческихъ безпорядковъ. Въ срединѣ 1901—1902-го учебнаго года сдѣланъ былъ опытъ введенія Временныхъ Правилъ о студенческихъ организаціяхъ по курсамъ и факультетамъ. 17 мая 1901 г. подтверждено было воспрещеніе пріема въ университеты лицъ, оканчивающихъ курсъ иноокружныхъ гимназій. 22 іюля пріемъ евреевъ разрѣшенъ въ меньшей противъ прежняго нормѣ съ цѣлью постепенно уничтожить допущенный сверхкомплектъ. 22 декабря была образо-

вана подъ предсѣдательствомъ товарища министра Г. Э. Зенгера комиссія по вопросу о сосредоточеніи дѣлъ по проступкамъ студентовъ въ особыхъ профессорскихъ дисциплинарныхъ судахъ. Циркуляромъ 11 января 1902 г., по поводу замѣченнаго ослабленія дѣятельности университетской инспекціи, разъяснены были попечителямъ учебныхъ округовъ значеніе и задачи инспекціи и указаны печальныя послѣдствія фактическаго упраздненія инспекціи или отсутствія, въ случаѣ массовыхъ безпорядковъ, въ распоряженіи администраціи такого органа, который могъ бы установить, кто изъ студентовъ принималъ участіе въ безпорядкахъ.

Лѣтомъ 1902 г. подготовленъ былъ рядъ новыхъ мѣропріятій, опубликованныхъ къ наступленію новаго учебнаго года. Циркуляръ 29 іюля внесъ нѣкоторыя измѣненія въ порядокъ пріема учащихся въ высшія учебныя заведенія. Секретныя характеристики абитуріентовъ средней школы отмѣнены. Эти характеристики предписано замѣнить выдаваемыми абитуріентамъ выписками изъ ихъ кондуита за послѣдніе года, выписками, которыя не должны, однако, имѣть рѣшающаго значенія при зачисленіи въ студенты, если окончательная оцѣнка поведенія абитуріента одобрительна. Вмѣстѣ съ тѣмъ предложено отдавать, при равенствѣ прочихъ условій, предпочтеніе абитуріентамъ тѣхъ гимназій и реальныхъ училищъ, изъ которыхъ въ послѣдніе годы поступало въ данное высшее учебное заведеніе сравнительно меньшее число лицъ, участвовавшихъ затѣмъ, въ бытность студентами, въ безпорядкахъ. 24 августа послѣдовало Высочайшее соизволеніе на введеніе «Временныхъ правилъ о профессорскомъ дисциплинарномъ судѣ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія» и новыхъ правилъ объ организаціи студентовъ по курсамъ подъ руководствомъ избираемыхъ совѣтомъ заведенія кураторовъ изъ числа преподавателей, а также объ устройствѣ научныхъ, литературныхъ и другихъ кружковъ. Обѣ эти мѣры, устанавливающія на новыхъ началахъ внутренній бытъ высшихъ учебныхъ заведеній, разсмотрѣны были въ особомъ совѣщаніи министровъ Внутреннихъ Дѣлъ, Финансовъ, Путей Сообщенія, управляющаго Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія и завѣдывавшаго текущими дѣлами Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ.

Вопросъ о борьбѣ противъ студенческихъ безпорядковъ не могъ совершенно отвлечь вниманіе Министерства отъ текущихъ

потребностей и дальнѣйшаго развитія научно-учебной дѣятельности университетовъ и высшихъ спеціальныхъ школъ. За послѣднее пятилѣтіе приняты были въ этомъ отношеніи нѣкоторыя важныя мѣры. Съ осени 1898 г. открытъ юридическій факультетъ при Томскомъ университетѣ и съ осени 1900 г.— медицинскій при Новороссійскомъ университетѣ. Въ 1899 г. учрежденъ Восточный институтъ въ г. Владивостокѣ, имѣющій цѣлью доставлять учащимся спеціальное образованіе, подготовляющее ихъ къ службѣ въ административныхъ и торговопромышленныхъ учрежденіяхъ восточно-азіатской Россіи и прилегающихъ къ ней государствъ. Въ 1900 г. открыты въ Москвѣ высшіе женскіе курсы на основаніяхъ аналогичныхъ съ установленными для С.-Петербургскихъ женскихъ курсовъ, съ отпускомъ изъ казны по 8.600 руб. въ годъ на содержаніе администраціи, и согласно Высочайше утвержденному мнѣнію Государственнаго Совѣта 7 апрѣля 1901 г. министру поручено было составить общее Положеніе о высшихъ женскихъ курсахъ. Въ теченіе года въ Министерство поступили заключенія совѣтовъ курсовъ, но окончательное обсужденіе этого вопроса было отложено до общаго пересмотра уставовъ высшихъ учебныхъ заведеній. Равнымъ образомъ начато дѣло объ изданіи новаго Положенія Женскаго Медицинскаго Института, для чего образовано особое совѣщаніе.

Серьезнымъ вопросомъ въ послѣдніе годы явился недостатокъ въ профессорахъ. Въ 1899 г. увеличены были, по настойчивому ходатайству Министерства, средства для приготовленія профессоровъ на 5.000 руб. въ годъ, такъ какъ установленнаго ранѣе кредита въ 50.000 руб. не хватало, и Министерство вынуждено было отказывать все большему числу лицъ въ оставленіи при университетѣ и командировкахъ съ научными цѣлями. По распоряженію генералъ-адъютанта П. С. Ванновскаго университетами объявленъ былъ конкурсъ на соисканіе вакантныхъ каѳедръ, при чемъ за недостаткомъ полноправныхъ кандидатовъ министръ испросилъ Высочайшее соизволеніе допускать къ конкурсу и лицъ, имѣющихъ степень магистра, съ тѣмъ, чтобы послѣднія назначались лишь исправляющими должность экстраординарныхъ профессоровъ и чтобы они давали обязательство въ теченіе 3-хъ лѣтъ пріобрѣсти степень доктора.

III.

Не менѣе, чѣмъ университетскій вопросъ, озабочивалъ правительство и волновалъ общество и вопросъ о преобразованіи средней школы. На первую очередь эта задача была поставлена Н. П. Боголѣповымъ.

Въ циркулярѣ 8 іюля 1899 г. попечителямъ учебныхъ округовъ объ учрежденіи особой комиссіи по вопросу о среднемъ образованіи министръ обратилъ вниманіе попечителей на жалобы педагоговъ и родителей, указывающихъ на слѣдующіе недостатки среднихъ школъ: 1) отчужденность школы отъ семьи и бюрократическій ея характеръ, формализмъ и мертвенность, ставящіе въ ложныя взаимныя отношенія преподавателей и учениковъ; 2) невниманіе къ личнымъ особенностямъ учащихся и пренебреженіе воспитаніемъ нравственнымъ и физическимъ; 3) нежелательную спеціализацію школы съ самыхъ младшихъ классовъ; 4) чрезмѣрность ежедневной умственной работы; 5) несогласованность программъ между собою и съ учебнымъ временемъ и наполненіе ихъ требованіями второстепенными или даже излишними; 6) недостаточное преподаваніе русскаго языка, русской исторіи и русской литературы и слабое ознакомленіе съ окружающей природой; 7) излишнія требованія при преподаваніи древнихъ языковъ и неправильную его постановку; 8) недостаточную умственную зрѣлость оканчивающихъ курсъ гимназій; 9) неудовлетворительную постановку преподаванія въ реальныхъ училищахъ. Находя, что въ этихъ жалобахъ многое преувеличено, а многое вызвано ошибочнымъ представленіемъ о всесильномъ значеніи школы и невниманіемъ къ совокупности жизненныхъ условій, въ какія школа поставлена, Н. П. Боголѣповъ призналъ, тѣмъ не менѣе, въ нихъ извѣстную долю справедливости. 7 января 1900 г. открылись засѣданія Высочайше учрежденной подъ предсѣдательствомъ министра комиссіи изъ представителей Министерства Народнаго Просвѣщенія и другихъ вѣдомствъ: профессоровъ, педагоговъ и врачей. Въ циркулярѣ 8 іюля 1899 г. и въ рѣчи при открытіи засѣданій комиссіи министръ разъяснилъ задачи ея работъ: всесторонне обсудить существующій строй средней школы, выяснить его недостатки и указать мѣры къ ихъ устраненію при условіи сохраненія основъ классической гимназіи и реальнаго училища, какъ

двухъ главныхъ типовъ средней школы въ Россіи; подвергнуть разсмотрѣнію вопросъ о видоизмѣненіи существующихъ типовъ или о созданіи какого нибудь новаго типа, если бы такой вопросъ былъ возбужденъ. Въ частности министръ обратилъ особенное вниманіе комиссіи на вопросы нравственнаго и физическаго воспитанія учащихся, на подготовку преподавателей средней школы и матеріальное ихъ обезпеченіе, наконецъ, просилъ комиссію руководиться соображеніемъ, что въ дѣлѣ преобразованія средней школы нужно идти постепенно и осторожно, «ибо учебное дѣло не терпитъ грубой ломки». Въ 32 общихъ засѣданіяхъ и многочисленныхъ засѣданіяхъ подкомиссій, съ 7 января по 7 марта, комиссія обсудила вопросы: о положительныхъ и отрицательныхъ сторонахъ существующихъ типовъ средней школы, о новыхъ возможныхъ типахъ, о постановкѣ важнѣйшихъ предметовъ преподаванія, о физическомъ воспитаніи учащихся, объ экзаменахъ и учебникахъ, о приготовленіи преподавателей и улучшеніи ихъ матеріальнаго положенія. Полнаго единомыслія по нѣкоторымъ основнымъ вопросамъ комиссія не достигла. Классицизмъ и реализмъ, единство и множественность типовъ средней школы, концентрація и бифуркація учебнаго курса встрѣтили снова, какъ и въ старину, убѣжденныхъ и трудно примиримыхъ защитниковъ и противниковъ *). Опираясь на труды комиссіи, напечатанные въ 8 томахъ, Н. П. Боголѣповъ 29 апрѣля 1900 г. повергнулъ на Высочайшее благовоззрѣніе основныя черты своихъ предположеній о реформѣ средней школы. Относя къ числу наиболѣе настоятельныхъ мѣръ педагогическую подготовку учителей средней школы и улучшеніе матеріальнаго и служебнаго ихъ положенія, министръ проектировалъ учредить въ видѣ опыта при университетахъ особые педагогическіе курсы, установить особыя испытанія для кандидатовъ на учительскія мѣста, улучшить вознагражденіе преподавательскаго труда, на что̀ потребовалось бы 7—10 милліоновъ рублей въ годъ, возвысить служебное положеніе преподавателей. Всѣ эти мѣры, по мнѣнію министра, могли бы разрѣшить важнѣйшую задачу по улучшенію средней школы,—дать ей способнаго, подготовленнаго и бодраго учителя: «а какъ скоро эта задача будетъ разрѣшена», говорилъ

*) Вопросы о педагогической подготовкѣ учителей и матеріальномъ ихъ обезпеченіи, по предложенію министра 16 ноября 1898 г., обсуждались кромѣ того отдѣльно въ попечительскихъ совѣтахъ.

Н. П. Боголѣповъ, «потеряетъ свою теперешнюю остроту и вопросъ о томъ, какіе предметы должны быть положены въ основу школы, ибо хорошій учитель можетъ въ большей или меньшей мѣрѣ достигнуть желаемой цѣли на всякомъ предметѣ».

Въ вопросѣ объ организаціи средней школы министръ призналъ необходимымъ сохранить оба существующіе типа, гимназію и реальное училище, при условіи сообщенія имъ болѣе національнаго характера, большаго вниманія къ задачамъ нравственнаго и физическаго воспитанія учащихся и нѣкоторыхъ измѣненій въ учебныхъ планахъ гимназій и реальныхъ училищъ. По отношенію къ классическимъ гимназіямъ самое важное измѣненіе должно заключаться въ томъ, что изученіе древнихъ языковъ отодвигается въ старшіе классы: преподаваніе латинскаго языка начинается съ 3-го, греческаго языка—съ 4-го и даже съ 5-го класса. При этомъ греческій языкъ остается обязательнымъ лишь для готовящихся поступить на историко-филологическіе факультеты. Отнесеніе древнихъ языковъ въ старшіе классы содѣйствовало бы болѣе сознательному ихъ изученію и дало бы возможность основательно поставить преподаваніе другихъ важныхъ предметовъ, а также физическое развитіе учащихся.

Въ болѣе простомъ видѣ представлялось, по мнѣнію Н. П. Боголѣпова, преобразованіе реальныхъ училищъ, получающихъ общеобразовательный характеръ путемъ возможнаго сближенія съ классическими гимназіями. Эта цѣль достигается: 1) учрежденіемъ 8-го класса, 2) усиленіемъ преподаванія новыхъ языковъ, 3) допущеніемъ реалистовъ на физико-математическій и медицинскій факультеты. Низшіе классы реальныхъ училищъ и гимназій сближаются по своимъ программамъ, что̀ облегчаетъ переходъ изъ одного учебнаго заведенія въ другое и позволяетъ устраивать въ маленькихъ городахъ общія прогимназіи. На отдаленныхъ окраинахъ, гдѣ образованный классъ немногочисленъ, могутъ быть устраиваемы соединенныя среднія школы съ бифуркаціей, начиная съ 5-го класса, на 2 отдѣленія, гимназическое и реальное. Дабы избѣгнуть крайняго переполненія классовъ, при которомъ не можетъ быть рѣчи о правильномъ веденіи преподаванія, необходимо установить и строго соблюдать разумную норму предѣльнаго состава классовъ, что̀ въ свою очередь вызываетъ необходимость открытія новыхъ гимназій и реальныхъ училищъ. Съ цѣлью пробудить въ работникахъ школы живой интересъ къ дѣлу и личный починъ, необходимо ослабить мертвый бумажный конт-

роль и мелочную регламентацію учебнаго дѣла, проникнутую духомъ недовѣрія къ педагогическому персоналу. Наконецъ, признано желательнымъ предоставить обществамъ и частнымъ лицамъ болѣе широкую возможность учреждать, съ разрѣшенія Министерства, новые типы средней школы.

Подробная разработка уставовъ и штатовъ среднихъ школъ на изложенныхъ основаніяхъ возложена была на новую комиссію подъ предсѣдательствомъ попечителя Кавказскаго учебнаго округа К. П. Яновскаго. Но, не дожидаясь законодательнаго разрѣшенія общаго вопроса о реформѣ средней школы, Н. П. Боголѣповъ призналъ полезнымъ ввести нѣкоторыя улучшенія по частнымъ вопросамъ, разрѣшеніе которыхъ предоставлено власти министра. Особенно важное значеніе придавалъ онъ составленію новыхъ правилъ объ экзаменахъ, которые по самому существу дѣла оказываютъ глубокое и многостороннее вліяніе на весь ходъ школьной жизни. Лѣтомъ 1900 г. приступлено было къ пересмотру правилъ объ экзаменахъ; въ февралѣ слѣдующаго года они были готовы, но утвержденіе ихъ не состоялось по причинѣ послѣдовавшей затѣмъ смерти министра. Нѣкоторыя частныя измѣненія въ порядкѣ переводныхъ и пріемныхъ испытаній были, однако, сдѣланы. 1 августа 1900 г. отмѣнены въ гимназіяхъ письменныя испытанія по древнимъ языкамъ и составлены новые учебные планы по этимъ предметамъ, обратившіе главное вниманіе на чтеніе авторовъ и еще болѣе, чѣмъ планы 1890 г., сократившіе изученіе грамматики. Педагогическимъ совѣтамъ гимназій, мужскихъ и женскихъ, дано право переводить изъ класса въ классъ хорошо успѣвающихъ учениковъ безъ экзаменовъ. Пріемные экзамены въ приготовительные классы установлены, кромѣ августа, также въ маѣ, до лѣтнихъ вакацій. Циркуляромъ 2 августа того же года отмѣнены обязательныя лѣтнія работы, состоявшія въ письменныхъ упражненіяхъ; ихъ рекомендовано было замѣнить такими необязательными работами или занятіями, которыя имѣли бы въ виду развитіе индивидуальныхъ склонностей учащихся и пробужденіе въ нихъ самодѣятельности. Особенное вниманіе Министерство обратило при этомъ на образовательныя прогулки и путешествія. Тогда же Министерство напомнило и пояснило нѣкоторыя стороны дѣятельности педагогическихъ совѣтовъ и хозяйственныхъ комитетовъ гимназій съ цѣлью оживить ихъ дѣятельность. Особый циркуляръ разъяснилъ порядокъ возбужденія вопросовъ объ открытіи новыхъ среднихъ школъ

и преобразованіи существующихъ въ заведенія съ высшимъ составомъ классовъ. Въ 1898 г. допущены къ преподаванію французскаго языка въ низшихъ классахъ лица женскаго пола.

По назначеніи министромъ генералъ-адъютанта П. С. Ванновскаго дѣло о преобразованіи средней школы получило новое направленіе. Въ концѣ мая 1901 г., съ Высочайшаго соизволенія, при Министерствѣ образована была подъ предсѣдательствомъ министра новая комиссія, въ составъ которой вошли: товарищи министровъ Народнаго Просвѣщенія и Финансовъ, вице-президентъ Академіи Наукъ, директоръ Департамента Народнаго Просвѣщенія, директоръ Педагогическаго Музея военно-учебныхъ заведеній, члены Совѣта Министра, попечители учебныхъ округовъ, нѣкоторые академики, профессора, директоры и преподаватели гимназій и реальныхъ училищъ. Въ 8 засѣданіяхъ, съ 28 мая по 7 іюня, комиссія занималась: 1) обсужденіемъ «Основныхъ положеній устройства общеобразовательной средней школы» и таблицы уроковъ, составленныхъ въ Министерствѣ, 2) разсмотрѣніемъ вопроса о возможности съ начала 1901—1902 учебнаго года произвести нѣкоторыя измѣненія въ курсѣ гимназій и реальныхъ училищъ примѣнительно къ новому учебному плану средней школы и 3) вопросомъ о подготовкѣ преподавателей для средней школы вообще и новыхъ языковъ въ частности.

По проекту «Основныхъ положеній», выработанному комиссіей, правительственная средняя школа представлялась единой, одного общаго для всѣхъ учебныхъ заведеній сего рода типа. Задача средней школы—доставлять юношеству воспитаніе и возможно законченное среднее образованіе и въ то же время подготовлять къ поступленію въ высшія учебныя заведенія. Первые три класса представляютъ полный курсъ низшей школы. Курсъ IV—VII классовъ заключаетъ въ себѣ слѣдующіе предметы: Законъ Божій, русскій языкъ, логику, литературу, русскую и всеобщую, законовѣдѣніе, отечествовѣдѣніе, французскій и нѣмецкій языки, математику, физику, космографію, исторію русскую и всеобщую, географію и естествовѣдѣніе. Съ IV класса ученики дѣлятся на 2 группы: одни изучаютъ дополнительный курсъ естествовѣдѣнія и графическія искусства; другіе въ тѣ же часы занимаются латинскимъ языкомъ. Греческій языкъ допущенъ въ качествѣ необязательнаго предмета въ зависимости отъ экономическихъ средствъ заведенія, размѣровъ помѣщенія и количества желающихъ изучать этотъ языкъ. Обращается особое вниманіе на воспитаніе

молодежи, пріученіе ея къ школьной дисциплинѣ: усиливается преподаваніе гимнастики, воинскихъ и физическихъ упражненій; вводятся подвижныя игры, ручной трудъ, образовательныя экскурсіи. Во всѣхъ университетскихъ городахъ, а также въ Вильнѣ, одна изъ имѣющихся въ нихъ среднихъ школъ должна быть съ обязательнымъ преподаваніемъ греческаго и латинскаго языковъ. Для поступленія въ высшія учебныя заведенія приняты слѣдующія основанія: изучавшіе оба древніе языка принимаются на всѣ факультеты университета безъ испытанія; изучавшіе одинъ латинскій языкъ—на факультеты: историко-филологическій и богословскій (Юрьевскаго университета) съ дополнительнымъ экзаменомъ по греческому языку; пріемъ лицъ, не изучавшихъ вовсе древнихъ языковъ, на всѣ факультеты производится на основаніи правилъ, вырабатываемыхъ соотвѣтствующими факультетами и утверждаемыхъ министромъ. Пріемъ въ высшія спеціальныя учебныя заведенія опредѣляется уставами послѣднихъ. Наконецъ, промышленныя и всякаго рода техническія школы поставляются особо, причемъ, съ цѣлью облегченія перехода изъ одной школы въ другую, программы первыхъ трехъ классовъ во всѣхъ среднихъ школахъ по возможности сближаются.

При обсужденіи проекта основныхъ положеній существенное разногласіе между членами комиссіи вызвалъ первый и главный вопросъ — о желательности и осуществимости въ интересахъ средняго и высшаго образованія вновь проектированнаго типа единой школы, аналогичнаго въ главныхъ чертахъ съ тѣмъ типомъ гимназій, который созданъ былъ реформами 1849—1852 гг. Въ зависимости отъ положительнаго и отрицательнаго отвѣта на этотъ коренной вопросъ подвергнуты были критикѣ и другія основныя положенія.

Разномысліе возбудилъ и второй вопросъ—о введеніи съ начала 1901 — 1902 учебнаго года нѣкоторыхъ измѣненій въ учебные планы гимназій и реальныхъ училищъ, измѣненій, предложенныхъ особой подкомиссіей подъ предсѣдательствомъ В. К. фонъ-Анрепа. Одни члены комиссіи высказались противъ этой мѣры отчасти потому, что реформа еще не проведена въ законодательномъ порядкѣ, отчасти потому, что поспѣшная и крутая ломка существующаго учебнаго строя можетъ принести значительный вредъ. Въ заключеніе преній принята была, съ нѣкоторыми измѣненіями, составленная подкомиссіей таблица измѣненій въ учебномъ планѣ младшихъ классовъ гимназій и реальныхъ училищъ.

Наконецъ, вопросъ о подготовкѣ преподавателей для средней школы былъ предварительно разработанъ, по порученію министра, попечителемъ Казанскаго учебнаго округа М. М. Алексѣенко. По обсужденіи его доклада было признано, что большинство членовъ комиссіи отдаетъ предпочтеніе устройству педагогическихъ семинарій при учебныхъ округахъ.

Въ рединѣ іюня 1901 г., представивъ результаты работъ комиссіи на благовоззрѣніе Его Императорскаго Величества, П. С. Ванновскій испросилъ Высочайшее соизволеніе передать предположенія комиссіи на обсужденіе попечительскихъ совѣтовъ и педагогическихъ совѣтовъ нѣкоторыхъ среднихъ учебныхъ заведеній и на заключеніе оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода, митрополита С.-Петербургскаго и Ладожскаго и тѣхъ министровъ, въ вѣдомствѣ которыхъ находятся учебныя заведенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ на докладѣ министра Государю Императору благоугодно было написать: «Надѣюсь, что будетъ также обращено серьезное вниманіе и на усиленіе религіозно-нравственнаго воспитанія нашего юношества».

Въ ожиданіи же законодательнаго утвержденія реформы началось постепенное практическое ея примѣненіе. По Высочайшему повелѣнію въ видѣ временной, на одинъ годъ, мѣры въ мужскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ съ осени 1901 г. прекращено было преподаваніе латинскаго языка въ первыхъ двухъ классахъ и греческаго въ 3-мъ и 4-мъ, взамѣнъ чего усилено преподаваніе русскаго языка и географіи, и вновь введены въ первый классъ: русская исторія какъ элементъ не только образовательный, но и воспитательный, имѣющій цѣлью посѣять въ сердцахъ учащихся первыя сѣмена любви къ отечеству, одинъ новый языкъ и естествовѣдѣніе. Соотвѣтствующія измѣненія сдѣланы были въ распредѣленіи уроковъ первыхъ двухъ классовъ реальныхъ училищъ. Въ теченіе 1901—1902 года послѣдовалъ рядъ распоряженій, внесшихъ существенныя измѣненія въ порядокъ испытаній въ среднихъ школахъ. 24 апрѣля 1901 г. разрѣшено постороннихъ лицъ, экзаменующихся по древнимъ языкамъ, освобождать отъ письменныхъ испытаній. 14 февраля слѣдующаго года установлены новыя правила о переводныхъ экзаменахъ, по которымъ ученики, получившіе общую годовую отмѣтку по каждому предмету не менѣе 3-хъ, переводятся въ слѣдующій классъ безъ экзамена. Распоряженіемъ 31 марта лица домашняго воспитанія допущены къ испытаніямъ изъ курса

нѣсколькихъ послѣдовательныхъ классовъ одновременно, но при условіи соотвѣтствующаго возраста.

Собранные въ теченіе осени отзывы попечительскихъ и педагогическихъ совѣтовъ и заключенія другихъ Министерствъ доставили новый матеріалъ для обсужденія проекта основныхъ положеній организаціи средней школы. Вторично это обсужденіе произведено было новой комиссіей подъ предсѣдательствомъ министра, съ участіемъ представителей другихъ вѣдомствъ въ январѣ 1902 г., послѣ чего нѣсколькими подкомиссіями были разработаны отдѣльные вопросы реформы. Но предположенное ко внесенію въ Государственный Совѣтъ представленіе окончательнаго проекта новаго Положенія о средней школѣ было остановлено выходомъ изъ Министерства генералъ-адъютанта П. С. Ванновскаго.

Разсмотрѣніе законодательныхъ проектовъ Н. П. Боголѣпова и П. С. Ванновскаго, съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго въ апрѣлѣ 1902 г., предположено было поручить тѣмъ совѣщательнымъ органамъ, коимъ по закону предоставлено разсмотрѣніе дѣлъ, относящихся до внутренняго устройства учебныхъ заведеній, то есть, Ученому Комитету и Совѣту Министра.

Но прежде, чѣмъ приступить къ этой работѣ, Министерство должно было рѣшить вопросъ о дальнѣйшемъ существованіи временныхъ измѣненій въ учебныхъ планахъ гимназій, прогимназій и реальныхъ училищъ, введенныхъ Высочайшимъ повелѣніемъ 11 іюня 1901 г. Признавая невозможнымъ, по соображеніи фактическихъ обстоятельствъ, создавшихся въ школѣ, возвратиться къ старому порядку, управляющій Министерствомъ испросилъ Высочайшее соизволеніе на порученіе особой комиссіи изъ директоровъ гимназій и реальныхъ училищъ разныхъ округовъ выработать мѣры для установленія и на будущій учебный годъ (1902—1903) временнаго устройства гимназій и реальныхъ училищъ, но подъ условіемъ, чтобы оно было осуществлено съ наименьшими потрясеніями для школы, съ возможнымъ соблюденіемъ педагогическихъ требованій и при томъ такъ, чтобы не предрѣшались конечные результаты реформы средней школы. Предположенія комиссіи директоровъ были послѣдовательно разсмотрѣны Ученымъ Комитетомъ и Совѣтомъ Министра, послѣ чего 20 іюля 1902 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе о временномъ устройствѣ учебной части въ гимна-

зіяхъ, прогимназіяхъ и реальныхъ училищахъ. Гимназіи: рижская городская, при обоихъ историко-филологическихъ институтахъ, гимназическіе классы Лазаревскаго Института восточныхъ языковъ *) и Лицея Цесаревича Николая и гимназическія отдѣленія церковныхъ училищъ, программы которыхъ не подвергались измѣненіямъ въ 1901—1902 гг., сохранили старые учебные планы 1890 г. Во всѣхъ остальныхъ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ курсъ первыхъ двухъ классовъ сдѣланъ общимъ; въ курсъ III класса гимназій введенъ латинскій языкъ, а въ реальныхъ училищахъ усилено преподаваніе новыхъ языковъ и графическихъ искусствъ. Для IV класса гимназій составлены двѣ таблицы уроковъ, одна съ греческимъ языкомъ, другая—безъ него. Первая таблица вводится въ гимназіяхъ: 3-й петербургской, 5-й московской, 4-й варшавской, 2-й кіевской и юрьевской, вторая—во всѣхъ остальныхъ гимназіяхъ. Всѣ вообще мѣропріятія, изложенныя въ Высочайшемъ повелѣніи 20 іюля, разрѣшено сохранить въ силѣ и по истеченіи 1902—1903 учебнаго года, впредь до введенія утвержденныхъ въ законодательномъ порядкѣ новыхъ уставовъ гимназій, прогимназій и реальныхъ училищъ, съ предоставленіемъ, однако, министру Народнаго Просвѣщенія права видоизмѣнять число уроковъ по каждому предмету и распредѣленіе ихъ по классамъ по своему ближайшему усмотрѣнію по истеченіи 1902—1903 учебнаго года и до введенія въ дѣйствіе новыхъ уставовъ. Вслѣдъ затѣмъ Министерство приступило къ исполненію Высочайшей воли объ усиленіи средствъ физическаго развитія учащейся молодежи. 5 августа Г. Э. Зенгеръ испросилъ Высочайшее соизволеніе на принятіе двухъ мѣръ: 1) съ цѣлью устранить наблюдаемое иногда среди учащихся чрезмѣрное утомленіе педагогическимъ совѣтомъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній въ видѣ опыта разрѣшено на одинъ годъ въ тѣ недѣли, въ которыя не приходится праздничныхъ дней, давать учащимся по одному дню отдыха съ тѣмъ, однакоже, чтобы эти дни не были въ безконтрольномъ распоряженіи учащихся, а посвящались разумнымъ развлеченіямъ и чтобы количество такихъ дней не превышало въ теченіе учебнаго года семи; 2) училищные врачи сдѣланы постоянными членами педа-

*) Съ Высочайшаго соизволенія 19 августа на гимназическіе классы Лазаревскаго Института распространенъ былъ порядокъ, введенный въ большинствѣ гимназій.

гогическихъ совѣтовъ. Независимо отъ сего циркуляромъ 15 августа преподаны были подробныя указанія по вопросу о физическомъ воспитаніи учащихся.

Относительно средняго женскаго образованія нѣсколько существенно важныхъ постановленій состоялось при Н. П. Боголѣповѣ. Къ 1900 г., когда общая сумма казенныхъ пособій женскимъ гимназіямъ и прогимназіямъ простиралась лишь до 350.000 руб. въ годъ, Министерство могло представить убѣдительныя доказательства въ пользу неотложности усиленія матеріальнаго обезпеченія этихъ заведеній: гимназій, имѣющихъ удовлетворительные бюджеты, насчитывалось лишь 35%; остальныя гимназіи не располагали достаточными средствами, при чемъ 16% изъ нихъ признаны были прямо бѣдствующими. Еще печальнѣе было положеніе женскихъ прогимназій, изъ числа которыхъ лишь 4% имѣли средства, равняющіяся бюджету мужскихъ прогимназій; изъ числа остальныхъ прогимназій 64% влачили самое жалкое существованіе, располагая доходомъ ниже 5.000 руб. *). Чтобы хотя нѣсколько устранить вредное вліяніе этой бѣдности на ходъ учебнаго и воспитательнаго дѣла въ женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, Министерство, намѣтивъ путь постепеннаго ихъ улучшенія, на первый разъ возбудило ходатайство объ ассигнованіи по 150.000 руб. въ годъ, въ прежней формѣ пособій, на нужды средняго женскаго образованія. Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта 27 марта 1900 г. это ходатайство было удовлетворено.

Закономъ 10 іюня 1900 г. улучшены были условія службы въ женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ: значительно возвышены оклады пенсій и единовременныхъ пособій начальницамъ, надзирательницамъ, законоучителямъ и преподавателямъ; лицамъ женскаго пола дано право сохранять пенсіи какъ при вступленіи въ бракъ, такъ и при пользованіи пенсіей за службу мужа; дѣтямъ предоставлено право на пенсіи и пособія за службу матерей, если имъ не слѣдуетъ пенсіи за службу отцовъ; круглыя же

---

*) Наиболѣе обезпеченными въ матеріальномъ отношеніи были женскія училища Варшавскаго округа, на содержаніе которыхъ ассигновалось изъ казны свыше 290.000 руб. въ годъ, гимназіи Выборгская и Гельсингфорская и нѣкоторыя училища Виленскаго, Кіевскаго, Кавказскаго округовъ и генералъ-губернаторствъ Приамурскаго и Туркестанскаго. Въ 1899 г. сумма казенныхъ ассигнованій составляла 8,77% общаго бюджета женскихъ учебныхъ заведеній.

сироты, имѣющія право на пенсіи какъ послѣ отца, такъ и послѣ матери, получаютъ законныя части изъ той пенсіи, которая выше. Необходимыя суммы на пенсіи и пособія отнесены на средства Государственнаго Казначейства, тогда какъ раньше онѣ шли изъ спеціальнаго капитала домашнихъ наставниковъ и наставницъ. Освободившуюся часть этого капитала Министерство намѣревалось обратить на обезпеченіе судьбы лицъ, содержащихъ частныя учебныя заведенія и преподающихъ въ нихъ. Но этотъ вопросъ не вышелъ изъ области первоначальныхъ предположеній.

Въ іюлѣ 1899 г. управлявшій С.-Петербургскимъ учебнымъ округомъ, Л. И. Лаврентьевъ представилъ министру проектъ измѣненій въ узаконеніяхъ о частныхъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ матеріалъ для составленія новаго общаго Положенія по этому предмету. Въ ноябрѣ 1901 г. проектъ разсмотрѣнъ Ученымъ Комитетомъ, послѣ чего долженъ поступить на обсужденіе особой комиссіи.

IV.

Въ системѣ начальнаго народнаго образованія трудно разрѣшимымъ оказался вопросъ о разграниченіи сферъ компетенціи Министерства Народнаго Просвѣщенія и Духовнаго Вѣдомства. Предположенное Государственнымъ Совѣтомъ объединеніе дѣятельности обоихъ вѣдомствъ не было достигнуто. По поводу проекта Положенія о школахъ духовнаго вѣдомства, внесеннаго оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Синода на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта, Н. П. Боголѣповъ въ отзывѣ отъ 15 декабря 1900 г. выразилъ мнѣніе, что дальнѣйшее расширеніе правъ духовнаго вѣдомства по завѣдыванію народнымъ образованіемъ «едва ли можетъ быть оправдано съ точки зрѣнія потребностей государства и задачъ самого духовнаго вѣдомства». Съ своей стороны оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода объяснилъ несочувствіе къ его проекту «временнымъ, но печальнымъ, настроеніемъ и нестроеніемъ нашего общественнаго организма, конецъ которому должна положить, между прочимъ, дружная и неустанная работа обоихъ вѣдомствъ на пользу народнаго просвѣщенія». Генералъ-адъютантъ П. С. Ванновскій въ отзывѣ отъ 25 сентября 1901 г. призналъ необходимымъ: установить правильную точку зрѣнія на права и обязанности обоихъ вѣдомствъ и на взаимныя между ними отношенія, уравнять права церковныхъ школъ и школъ учебнаго вѣдомства, въ цѣляхъ же единства управленія народ-

нымъ образованіемъ создать не только мелкіе мѣстные органы изъ представителей разныхъ вѣдомствъ, но и общіе органы уѣздные, губернскіе и центральные. 18 января 1902 г. состоялось Высочайше утвержденное постановленіе Государственнаго Совѣта, долженствующее служить исходнымъ пунктомъ новыхъ законодательныхъ работъ: оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода и министрамъ Народнаго Просвѣщенія и Внутреннихъ Дѣлъ поручено сообразить вопросъ объ объединеніи дѣятельности этихъ вѣдомствъ въ области народнаго обученія и предположенія свои внести въ Государственный Совѣтъ.

Независимо отъ этого капитальнаго вопроса въ послѣдніе годы поднятъ былъ вопросъ и о пересмотрѣ общихъ узаконеній о начальномъ образованіи, дѣйствующихъ собственно по вѣдомству Министерства Народнаго Просвѣщенія. При Н. П. Боголѣповѣ начата была разработка общихъ основаній для объединенія положеній и правилъ о народныхъ училищахъ, существующихъ въ различныхъ частяхъ Имперіи. При П. С. Ванновскомъ въ мартѣ 1902 г. учреждена была особая комиссія, подъ предсѣдательствомъ товарища министра И. В. Мѣщанинова, для обсужденія основныхъ положеній по преобразованію низшей школы. Кромѣ того при Н. П. Боголѣповѣ и П. С. Ванновскомъ начаты были подготовительныя работы для составленія новыхъ положеній и уставовъ отдѣльныхъ разрядовъ училищъ: городскихъ училищъ, одноклассныхъ и двухклассныхъ министерскихъ школъ, приходскихъ училищъ, начальныхъ и центральныхъ училищъ въ селеніяхъ бывшихъ нѣмецкихъ колонистовъ, сельскихъ училищъ Рижскаго округа. Но изъ всѣхъ этихъ начинаній практическое осуществленіе получили лишь тѣ мѣропріятія, которыя вызывались неотложными очередными потребностями начальнаго народнаго образованія и касались отдѣльныхъ его сторонъ и вопросовъ. Бо̀льшая часть этихъ мѣропріятій была задумана и приведена въ исполненіе при Н. П. Боголѣповѣ.

Считая однимъ изъ первыхъ условій правильнаго руководства начальнымъ образованіемъ надлежащее развитіе школьной инспекціи, призванной не только наблюдать за начальною школою, но и руководить ею и помогать ей въ повседневныхъ нуждахъ, Н. П. Боголѣповъ обратилъ вниманіе на недостаточность ея личнаго состава: въ 1899 г. на каждаго инспектора приходилось среднимъ числомъ въ Европейской Россіи 120 училищъ, расположенныхъ на пространствѣ 18,000 кв. верстъ и болѣе, чѣмъ въ

2 уѣздахъ, а въ Азіатской Россіи — 95 училищъ на пространствѣ 470,000 кв. верстъ и болѣе, чѣмъ въ 5 уѣздахъ. При такихъ условіяхъ инспекція не могла надлежащимъ образомъ исполнять своихъ обязанностей; всего же печальнѣе, по наблюденіямъ Министерства, было то, что недостаточность личнаго состава инспекціи являлась неустранимымъ препятствіемъ къ устройству новыхъ школъ, такъ какъ нерѣдко на мѣстѣ не оказывалось лица, которое могло бы принять на себя хлопоты по открытію новаго училища и снабженію его всѣмъ необходимымъ. Но признавая желательнымъ имѣть инспектора въ каждомъ уѣздѣ, Министерство не могло разсчитывать на ассигнованіе изъ Государственнаго Казначейства соотвѣтствующихъ суммъ и ограничилось постепеннымъ учрежденіемъ должностей директоровъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ и увеличеніемъ численнаго состава инспекторовъ по мѣрѣ настоятельныхъ и неотложныхъ потребностей школьнаго дѣла и съ такимъ разсчетомъ, чтобы 1) инспекторскій участокъ состоялъ не болѣе, какъ изъ 2 уѣздовъ и 2) уѣзды, имѣющіе свыше 100 училищъ, составляли самостоятельные участки. Увеличеніе канцелярскихъ средствъ каждаго директора народныхъ училищъ на 300 руб. и учрежденіе 50 новыхъ должностей дѣлопроизводителей имѣло цѣлью облегчить канцелярскія обязанности директоровъ и сохранить имъ больше времени и силъ для исполненія болѣе важныхъ обязанностей. Видное мѣсто въ числѣ мѣропріятій, проектированныхъ при Н. П. Боголѣповѣ въ сферѣ управленія начальнымъ образованіемъ, долженъ былъ занять наказъ училищнымъ совѣтамъ; проектъ его былъ разосланъ на заключеніе окружныхъ управленій, но дальнѣйшаго движенія не получилъ.

Вновь обострился въ послѣдніе годы, съ открытіемъ бо́льшаго числа училищъ, вопросъ о развитіи и совершенствованіи средствъ подготовки народныхъ учителей. По собраннымъ Министерствомъ даннымъ въ 1899 г. открылось 7,931 учительскихъ вакансій, въ томъ числѣ 1,592 вакансіи во вновь устроенныхъ школахъ. Изъ этого числа вакансій были замѣщены: лицами, имѣющими свидѣтельства на званіе учителя или учительницы, 6,590 или 83%, и лицами, не имѣющими такихъ свидѣтельствъ, 805, т. е. 10%; осталось незамѣщенныхъ вакансій 536, т. е. 7%. По образовательному цензу болѣе ⅓ лицъ, поступившихъ въ 1899 г. въ учителя и учительницы, не обладали ни спеціальной подготовкой, ни достаточнымъ общимъ образованіемъ. Въ виду такого

печальнаго положенія дѣла принята была экстренная мѣра: на основаніи особыхъ правилъ, утвержденныхъ министромъ 31 марта 1900 г., въ 33 пунктахъ Имперіи, преимущественно при городскихъ училищахъ, женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ открыты были годичные педагогическіе курсы. Но лучшимъ, испытаннымъ средствомъ подготовки народныхъ учителей продолжали оставаться учительскія семинаріи, выпускавшія учителей хорошо подготовленныхъ, вообще устойчивыхъ въ религіозно-нравственномъ отношеніи, наконецъ, тѣсно связанныхъ съ народомъ по самому своему происхожденію *), и только недостатокъ денежныхъ средствъ не позволялъ открывать учительскія семинаріи въ достаточномъ числѣ: вовсе не имѣли ихъ губерніи Нижегородская, Костромская, Черниговская, Полтавская, Петроковская, Екатеринославская, Самарская, Вятская, Ставропольская, Пермская, степныя области и восточная Сибирь. Начатыя съ 1900 г. ходатайства объ учрежденіи новыхъ учительскихъ семинарій удовлетворялись постепенно: въ 1900 г. открыта семинарія въ г. Читѣ, въ 1901—1902 г.г.—въ г. Новомосковскѣ Екатеринославской губерніи, Ставрополѣ-Кавказскомъ и селѣ Великіе Сорочинцы Полтавской губерніи. Весной 1902 г. достигнуто соглашеніе съ Министерствомъ Финансовъ и Государственнымъ Контролемъ по вопросу объ учрежденіи новыхъ семинарій въ Петрозаводскѣ, Семипалатинскѣ и слободѣ Кукаркѣ Вятской губерніи. Въ то же время улучшено матеріальное положеніе существующихъ семинарій и приняты мѣры къ развитію нѣкоторыхъ побочныхъ средствъ подготовки и совершенствованія учителей: 26 ноября 1899 изданы правила о съѣздахъ учителей начальныхъ училищъ. Эти съѣзды были прекращены съ 1883 г. въ виду обнаружившагося тогда общественнаго броженія. Разрѣшая вновь съѣзды, Министерство старалось придать имъ исключительно дѣловой характеръ, и съ этой цѣлью ограничило ихъ раіонами инспекторскихъ участковъ и поставило подъ руководство инспекторовъ народныхъ училищъ, съ участіемъ членовъ мѣстныхъ училищныхъ совѣтовъ и представителей учрежденій, содержащихъ школы. Въ томъ же году министру предоставлено право учреждать собственною властью педагогическіе музеи при дирекціяхъ народныхъ училищъ. Въ 1902 г. разрѣшено устройство при семинаріяхъ двухклассныхъ образцовыхъ училищъ.

Законъ 12 іюня 1900 г. о пенсіонной кассѣ народныхъ

---

*) Около 70% учащихся въ семинаріяхъ принадлежитъ къ крестьянскому сословію.

учителей создалъ, при значительной поддержкѣ со стороны Государственнаго Казначейства, нѣкоторое обезпеченіе учителямъ на случай ихъ инвалидности, а семьямъ ихъ на случай смерти главы семейства. Насколько печально отражалась на положеніи народной школы крайняя скудость матеріальнаго обезпеченія учителей свидѣтельствовали такіе факты, какъ прекращеніе дѣятельности многихъ школъ вслѣдствіе перехода учителей на болѣе выгодную службу по полицейскому или акцизному вѣдомству въ тѣ годы, когда вводились институтъ полицейскихъ урядниковъ и казенная продажа питей.

Обладая едва достаточными средствами снабженія народныхъ школъ учителями, Министерство также стѣснено было и въ средствахъ развитія до желательныхъ нормъ низшихъ и начальныхъ училищъ разныхъ типовъ. По точнымъ статистическимъ разсчетамъ изъ общаго числа дѣтей школьнаго возраста въ Имперіи училось въ народныхъ школахъ не болѣе ⅓. Незначительность же числа учащихся по заключенію Министерства, главнымъ образомъ, объяснялась тѣмъ, что школъ было слишкомъ мало и онѣ не могли вмѣстить всѣхъ дѣтей, которыя могли бы и желали бы учиться. Всюду, гдѣ открывались новыя школы, онѣ обыкновенно сразу наполнялись учащимися, и отказы въ пріемѣ дѣтей за недостаткомъ мѣста представляли явленіе обычное для всѣхъ мѣстностей Имперіи, отъ С.-Петербурга до отдаленнѣйшихъ захолустьевъ Сибири. Такое положеніе школьнаго дѣла побудило Министерство къ новымъ усиленнымъ ходатайствамъ объ увеличеніи подлежащихъ кредитовъ. Эти ходатайства увѣнчались успѣхомъ: при Н. П. Боголѣповѣ въ 1899 и 1900 г.г. ассигнованъ былъ 1.000.000 руб., что̀ составило увеличеніе средствъ, расходуемыхъ на нужды народнаго образованія, на 62%, при П. С. Ванновскомъ—еще 1.000.000 руб. Кромѣ этихъ главныхъ кредитовъ Министерство испросило особыя суммы для поддержанія и развитія нѣкоторыхъ отдѣльныхъ разрядовъ училищъ: кредитъ на содержаніе приходскихъ училищъ увеличенъ былъ послѣдовательно, начиная съ 1899 г.—на 5.000 руб., на 10.000 руб. и на 300.000 руб. На нужды городскихъ училищъ ассигновано по смѣтамъ: 1900 г.—50.000 р., 1901 г.—100.000 руб., 1902 г.—150.000 руб., 1903 г.—200.000 руб., 1904 г.—250.000 руб. Кромѣ того образованъ спеціальный капиталъ для удовлетворенія строительныхъ нуждъ городскихъ училищъ. Особыя суммы исходатайствованы генералъ-адъютантомъ П. С. Ванновскимъ на

потребности начальныхъ школъ юго-западнаго края: 217.785 руб. единовременно и по 99.473 руб. ежегодно.

На новыхъ началахъ организованъ былъ при Н. П. Боголѣповѣ порядокъ распредѣленія кредитовъ на нужды начальнаго образованія. Прежній порядокъ, когда Министерство при распредѣленіи своихъ кредитовъ руководствовалось исключительно ходатайствами мѣстныхъ учрежденій и училищныхъ начальствъ, признанъ былъ неудобнымъ въ томъ отношеніи, что, ставя дѣло въ зависимость отъ личной энергіи мѣстныхъ дѣятелей, онъ не вполнѣ соотвѣтствовалъ общимъ интересамъ страны. По новому порядку задача Министерства заключается въ томъ, чтобы являться съ своею помощью тамъ, гдѣ въ ней испытывается особая необходимость, при чемъ мѣриломъ этой необходимости служитъ, главнымъ образомъ, наличное состояніе образовательныхъ средствъ въ отношеніи къ числу населенія данной мѣстности: чѣмъ меньше школъ и многочисленнѣе населеніе, чѣмъ больше дѣтей, остающихся безъ обученія, тѣмъ нужнѣе правительственное содѣйствіе по развитію народнаго образованія.

Весьма важнымъ условіемъ правильнаго и своевременнаго распредѣленія казенныхъ пособій являлась наличность мѣстныхъ расходныхъ кассъ. По закону 29 мая 1869 г. казенныя пособія отпускались первоначально въ размѣрѣ 5.000 руб. на губернію и притомъ только на земскія губерніи и на немногія изъ прочихъ. Впослѣдствіи, за отчисленіемъ по каждой губерніи 750 руб. въ распоряженіе духовнаго вѣдомства, названныя суммы сократились до 4.250 руб. на губернію. Но, признавая существованіе мѣстныхъ суммъ необходимымъ средствомъ успѣшнаго веденія школьнаго дѣла, Министерство распространило отпускъ этихъ суммъ на мѣстности, ранѣе не пользовавшіяся ими, и довело ихъ въ большей части губерній до 6.000 руб. въ годъ.

Съ цѣлью возможно быстраго удовлетворенія потребностей, признанныхъ на мѣстѣ уважительными, за центральнымъ управленіемъ Министерства оставлено было лишь общее руководство и составленіе общихъ предположеній по удовлетворенію мѣстныхъ нуждъ начальнаго образованія; всѣ же разрѣшенныя къ отпуску суммы съ 1899 г. стали переводиться въ вѣдѣніе попечителей учебныхъ округовъ для распредѣленія ихъ между отдѣльными мѣстностями. Въ своемъ распоряженіи Министерство оставляло лишь незначительную долю кредита, около 10%, какъ необхо-

димый резервъ для подкрѣпленія мѣстныхъ кассъ и для удовлетворенія потребностей общаго характера.

При распредѣленіи новыхъ кредитовъ особенное вниманіе Министерство обратило на одноклассныя и двухклассныя образцовыя училища, состоявшія въ его исключительномъ вѣдѣніи. Серьёзными препятствіями для успѣшнаго развитія этихъ училищъ были: обязательное участіе мѣстныхъ источниковъ въ ихъ содержаніи, ограниченность предѣльныхъ нормъ казенныхъ пособій, сложный порядокъ открытія ихъ въ зависимости отъ разрѣшенія Министерства. Эти недостатки устранены были закономъ 5 іюня 1900 г., который предоставилъ попечителямъ учебныхъ округовъ разрѣшать собственною властью открытіе образцовыхъ одноклассныхъ и двухклассныхъ училищъ, съ отпускомъ на содержаніе первыхъ до 500 руб. и на содержаніе вторыхъ до 1.000 руб., и съ разрѣшенія министра—до 700 руб. и 1.400 руб. Болѣе значительное увеличеніе ежегодныхъ пособій допускается по соглашенію съ Министерствомъ Финансовъ.

Съ утвержденіемъ и изданіемъ «Примѣрныхъ программъ предметовъ, преподаваемыхъ въ начальныхъ народныхъ училищахъ вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія» учебный курсъ начальныхъ школъ получилъ, наконецъ, опредѣленность и устойчивость. Въ 1899 г. при Министерствѣ образована была особая комиссія для обсужденія вопроса о постановкѣ ремесленнаго и техническаго обученія въ начальныхъ училищахъ, возбужденнаго въ 1897 г. Особымъ Отдѣломъ Ученаго Комитета. Находя, что соединеніе общаго и спеціальнаго образованія въ одномъ и томъ же учебномъ заведеніи, какъ показываетъ опытъ, крайне неблагопріятно отражается на результатахъ учебно-воспитательнаго дѣла, комиссія, однако, признала, что преподаваніе въ начальныхъ школахъ «ручнаго труда», преслѣдующее не только прямыя утилитарныя цѣли, но также содѣйствующее развитію душевныхъ и физическихъ силъ дѣтей, желательно по мѣрѣ возможности и не въ ущербъ прямой задачѣ школы. Соглашаясь съ заключеніями комиссіи, Министерство сдѣлало соотвѣтствующія предложенія учебно-окружнымъ начальствамъ и Особому Отдѣленію Ученаго Комитета по техническому и профессіональному образованію. Въ 1899 г. при начальныхъ училищахъ всѣхъ учебныхъ округовъ насчитывалось ремесленныхъ классовъ 1.231.

Особой комиссіей при Министерствѣ пересмотрѣны были

правила о народныхъ чтеніяхъ и собесѣдованіяхъ, о народныхъ школахъ и внѣшкольныхъ библіотекахъ. Проектъ новыхъ правилъ, имѣвшихъ цѣлью упростить существовавшій дотолѣ сложный порядокъ разрѣшенія народныхъ чтеній и передававшихъ право этого разрѣшенія мѣстнымъ учебнымъ властямъ, былъ внесенъ въ Комитетъ Министровъ и Высочайше утвержденъ 27 января 1901 г. Въ послѣднее время Министерствомъ составлены предположенія о народныхъ чтеніяхъ при учебныхъ заведеніяхъ, о мѣрахъ къ облегченію устройства народныхъ библіотекъ, о расширеніи выбора книгъ для послѣднихъ.

V.

Въ области профессіональнаго образованія задачи Министерства за послѣднія 5 лѣтъ сводились къ выполненію общаго плана учрежденія промышленныхъ училищъ и исправленію его по указаніямъ опыта. Въ 1899 г. Министерство испросило ежегодный отпускъ, въ теченіе 5 лѣтъ, кредита въ 20.000 руб. на устройство низшихъ ремесленныхъ школъ и школъ ремесленныхъ учениковъ съ цѣлью открытія этихъ школъ временно своею властью до утвержденія представленій о нихъ въ законодательномъ порядкѣ. Въ томъ же году Высочайше утверждено было мнѣніе Государственнаго Совѣта о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ и дополненіяхъ въ основныхъ положеніяхъ о низшихъ ремесленныхъ школахъ, выработанъ и утвержденъ министромъ уставъ этихъ школъ.

Въ 1900 г. первоначальный планъ учрежденія промышленныхъ училищъ въ большей своей части былъ выполненъ и выдающіеся промышленные центры Имперіи уже имѣли соотвѣтствующія школы. По отчету за 1899 г. всего числилось: 15 среднихъ техническихъ училищъ съ 2,528 учащихся, 18 низшихъ съ 1,646 учащихся, 23 ремесленныхъ училищъ съ 1,698 учащихся, 15 школъ ремесленныхъ учениковъ съ 958 учащихся, 31 низшая ремесленная школа съ 1,845 учащихся; въ ремесленныхъ школахъ разныхъ наименованій, существующихъ на основаніи особыхъ уставовъ, училось около 5,420 человѣкъ. Въ видахъ правильнаго дальнѣйшаго развитія промышленнаго образованія Министерство въ 1900 г. потребовало отъ попечителей учебныхъ округовъ доставленія свѣдѣній о томъ, въ какихъ

пунктахъ представляется необходимымъ или полезнымъ открыть новыя промышленныя училища, какихъ типовъ и специальностей.

Въ это же время Министерство сочло необходимымъ возбудить вопросъ объ измѣненіяхъ, согласно съ указаніями опыта, въ организаціи среднихъ и низшихъ техническихъ училищъ. По мнѣнію Министерства, восьмиклассныя техническія училища, соединяя реальное и промышленное образованіе, представляютъ вполнѣ удачный и жизненный типъ учебнаго заведенія, который долженъ готовить своихъ учениковъ не только къ практической дѣятельности, но желающихъ и наиболѣе способныхъ — къ поступленію въ высшія техническія заведенія. Другимъ желательнымъ типомъ являлось среднее техническое училище съ четырехлѣтнимъ курсомъ, открытое для учениковъ городскихъ училищъ и выпускающее своихъ воспитанниковъ непосредственно и исключительно на поприще практической дѣятельности. Эти предположенія Министерства сообщены были весной 1901 г. учебно-окружнымъ управленіямъ, а весной слѣдующаго года образована была, подъ предсѣдательствомъ Н. И. Тавилдарова, особая комиссія изъ представителей Министерства и заинтересованныхъ вѣдомствъ по вопросамъ: о планѣ дальнѣйшаго насажденія промышленнаго образованія и о реорганизаціи среднихъ и низшихъ техническихъ училищъ. Въ результатѣ своихъ занятій комиссія пришла къ заключенію о цѣлесообразности установить градацію промышленныхъ учебныхъ заведеній, сообразно съ цѣлями, ими преслѣдуемыми, и контингентомъ принимаемыхъ лицъ, въ слѣдующей системѣ: 1) для подготовленія искусныхъ рабочихъ и мастеровыхъ—низшія ремесленныя школы и школы ремесленныхъ учениковъ, съ пріемомъ учениковъ, изъ окончившихъ курсъ начальныхъ училищъ; 2) для подготовки мастеровъ—ремесленныя училища, въ ученики которыхъ принимаются лица, окончившія курсъ двухклассныхъ сельскихъ училищъ; 3) для подготовки техниковъ—техническія училища съ контингентомъ учащихся изъ окончившихъ курсъ городскихъ четырехклассныхъ училищъ. Что касается дальнѣйшаго плана насажденія промышленнаго образованія, то комиссія намѣтила рядъ пунктовъ, въ которыхъ желательно открытіе промышленныхъ училищъ разныхъ типовъ, причемъ, сообразно потребностямъ промышленности и мѣстнымъ ассигнованіямъ, эти пункты распредѣлены были на три очереди.

По отношенію къ высшимъ спеціальнымъ учебнымъ заведе-

ніямъ главной заботой Министерства являлось расширеніе ихъ помѣщеній въ виду все увеличивавшагося съ теченіемъ времени пріема учащихся. Въ 1898 г. для означенной цѣли ассигновано было 1.570.000 руб. Въ 1900 г. состоялось открытіе Технологическаго института въ г. Томскѣ, имѣющаго 4 отдѣленія: механическое, химическое, горное и инженерное, но первоначально открытаго въ составѣ двухъ первыхъ.

Наконецъ, обращено было вниманіе и на развитіе женскаго профессіональнаго образованія, упорядоченіе котораго, по словамъ всеподданнѣйшаго отчета за 1899 г., и надлежащая его организація должны идти рука объ руку съ развитіемъ вообще промышленнаго образованія въ Россіи. Для этой цѣли въ составѣ Отдѣленія Ученаго Комитета, вѣдающаго дѣла промышленныхъ училищъ, учрежденъ былъ особый отдѣлъ по женскому профессіональному образованію: въ 1900 г. на содержаніе отдѣла ассигновано по 3.600 руб. въ годъ.

Въ заключеніе обзора важнѣйшихъ мѣропріятій Министерства по отдѣльнымъ разрядамъ учебныхъ заведеній за послѣднее пятилѣтіе должно быть упомянуто еще одно, имѣвшее чрезвычайно важное значеніе для всѣхъ вообще учебныхъ заведеній, исключая народныхъ. Съ 1899 г. нормальный строительный кредитъ по смѣтамъ Министерства въ теченіе 3-хъ лѣтъ назначенъ былъ по 2.500.000 руб. въ годъ. Съ 1900 г., на остающіеся 2 года, онъ былъ увеличенъ до 2.800.000 руб. При этомъ Министерство получило право располагать порядкомъ и размѣромъ отпуска суммъ въ предѣлахъ утвержденныхъ ассигнованій на тѣ или другія строительныя нужды, по своему усмотрѣнію, сообразно дѣйствительнымъ потребностямъ. Всего за три года, съ 1 января 1899 г. по 1 января 1902 г., Министерство получило въ свое распоряженіе 8.100.000 руб., независимо отъ суммъ, отпущенныхъ на устройство студенческихъ общежитій, и на 1902 г. еще 4,000,000 руб.

VI.

Въ составѣ и организаціи ученыхъ учрежденій, подвѣдомственныхъ Министерству, за послѣднее пятилѣтіе не произошло крупныхъ измѣненій. Но развитіе ихъ дѣятельности потребовало

со стороны правительства новыхъ значительныхъ пожертвованій въ видѣ увеличенія штатныхъ назначеній или единовременныхъ ассигнованій на разныя ученыя предпріятія.

Въ Императорской Академіи Наукъ въ 1899 г., по случаю исполнившагося столѣтія со дня рожденія А. С. Пушкина, учрежденъ при Отдѣленіи русскаго языка и словесности особый разрядъ изящной словесности. На образованіе Пушкинскаго фонда положено отпускать по 15.000 руб. ежегодно. Въ 1898—1899 г.г. утверждены новые штаты музеевъ: геологическаго, антропологіи и географіи, азіатскаго, ботаническаго.

Изъ числа ученыхъ предпріятій Академіи особенно выдаются: экспедиція для производства градусныхъ измѣреній на островѣ Шпицбергенѣ, организованная особой комиссіей подъ предсѣдательствомъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Константиновича и обошедшаяся казнѣ въ 210.000 р.; экспедиція для изслѣдованія земли Санникова и островов за Ново-Сибирскимъ архипелагомъ, стоившая 180.000 руб. Значительныя суммы были испрошены: въ 1899 г.—на изданіе архивныхъ документовъ XVI—XVII вв. и указателя русской литературы по математикѣ и естественнымъ наукамъ, и въ 1900 г.— на окончательное устройство зоологическаго музея.

Въ 1898 г. изданъ законъ объ объединеніи дѣятельности метеорологическихъ учрежденій. Въ слѣдующіе годы учреждено Одесское отдѣленіе Главной Астрономической Обсерваторіи, утверждены новые штаты Иркутской и Екатеринбургской магнитно-метеорологическихъ обсерваторій, исходатайствованы средства на устройство метеорологическихъ станцій по линіи Сибирской желѣзной дороги, на постройки Константиновской обсерваторіи въ г. Павловскѣ, на расходы по метеорологическому съѣзду при Академіи Наукъ.

Въ 1899 г. утверждено новое положеніе и штатъ С.-Петербургскаго Археологическаго Института съ усиленіемъ суммъ на его содержаніе до 18.000 руб. въ годъ.

Въ 1900 г. увеличены штаты Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго Музеевъ съ 39.000 руб. до 59.200 руб.

Въ эти же годы Министерство исходатайствовало крупныя суммы на строительныя нужды: Императорской Публичной

Библіотеки, Императорскаго Клиническаго Института Великой Княгини Елены Павловны, Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго Музеевъ, Музея изящныхъ искусствъ имени Императора Александра III [303]).

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Расходы Государственнаго Казначейства по вѣдомству Министерства Народнаго Просвѣщенія.

1802 г. . 1.113.504 р. асс.
1803 — . 1.615.956 — —
1804 — . 2.878.118 — —
1805 — . 2.600.934 — —
1806 — . 2.766.512 — —
1807 — . 2.946.994 — —
1808 — . 3.153.367 — —
1809 — . 3.603.544 — —
1810 — . 2.509.110 — —
1811 — . 3.504.490 — —
1812 — . 2.782.277 — —
1813 — . 2.654.624 — —
1814 — . 2.412.621 — —
1815 — . 2.351.780 — —
1816 — . 2.470.562 — —
1817 — . 3.095.792 — —
1818 — . 3.825.218 — —
1819 — . 9.723.060 — —
1820 — . 6.547.738 — —
1821 — . 7.927.970 — —
1822 — . 8.724.935 — —
1823 — . 6.553.372 — —
1824 — . 6.538.350 — —
1825 — . 8.600.933 — —
1831 — . 4.465.863 р. 28½ к. асс.
1832 — . 4.613.120 — 7¼ ———
1833 — . 5.093.198 — 31¾ ———
1834 — . 5.631.602 — 4¾ ———
1835 — . 6.831.484 — 82¾ ———
1836 — . 6.511.100 — 21 к. + 185.000 р. сер. взамѣнъ эдук. фундуша по Полож. 21 апр. 1834 г.

1837 г. . 7.051.537 р. 35 к. + 185.000 р. с.
1838 — . 7.107.682 — 35 — + 185.000 р.
1839 г. . 7.385.012 — 38 — + 185.000 р.
1840 — . 2.448.761 р. 70 к. серебр.
1841 — . 2.693.367 — 76 — —
1842 — . 2.765.380 — » — —
1843 — . 2.706.073 — 90 — —
1844 — . 2.711.448 — 58 — —
1845 — . 2.754.839 — 51 — —
1846 — . 2.759.050 — 79 — —
1847 — . 2.774.197 — 36 — —
1848 — . 2.877.342 — 43 — —
1849 — . 2.812.213 — 85 — —
1850 — . 2.759.306 — 37 — —
1851 — . 2.864.464 — 53 — —
1852 — . 2.852.662 — 13 — —
1853 — . 2.844.180 — 89 — —
1854 — . 2.837.433 — 65 — —
1855 — . 2.909.632 — 15½ к. —
1856 — . 2.917.462 — 26½ — —
1857 — . 2.933.068 — 34 к. —
1858 — . 2.881.012 — 99 — —
1861 — . 3.657.764 — 68½ к. —
1862 — . 4.156.824 — 5 к. —
1863 — . 5.902.295 — 10¼ к. —
1864 — . 6.244.522 — 43 к. —
1865 — . 6.467.952 — 63½ к. —
1866 — . 7.066.150 — 30 к. —
1867 — . 7.259.500 — 47¾ к. —

1868 г.	. 8.854.780 р.	14¼ к.	серебр.
1869 —	. 9.289.455 —	85¼ —	—
1870 —	. 10.130.528 —	17½ —	—
1871 —	. 10.615.480 —	58 к.	—
1872 —	. 11.285.687 —	» —	—
1873 —	. 12.334.889 —	» —	—
1874 —	. 13.168.125 —	» —	—
1875 —	. 14.630.027 —	» —	—
1876 —	. 15.163.443 —	» —	—
1877 —	. 15.754.166 —	» —	—
1878 —	. 15.971.289 —	» —	—
1879 —	. 16.256.044 —	» —	—
1880 —	. 16.785.972 —	» —	—
1881 —	. 17.382.870 —	» —	—
1882 —	. 18.056.393 —	» —	—
1883 —	. 18.427.188 —	» —	—
1884 —	. 19.698.357 —	» —	—
1885 —	. 20.446.411 —	» —	—
1886 г.	. 20.984.507 р.	» к.	серебр.
1887 —	. 20.864.169 —	» —	—
1888 —	. 21.410.174 —	» —	—
1889 —	. 22.082.976 —	» —	—
1890 —	. 22.937.523 —	» —	—
1891 —	. 22.964.724 —	» —	—
1892 —	. 21.868.914 —	» —	—
1893 —	. 22.411.434 —	» —	—
1894 —	. 22.217.935 —	» —	—
1895 —	. 23.600.125 —	» —	—
1896 —	. 24.863.061 —	» —	—
1897 —	. 25.495.487 —	» —	—
1898 —	. 26.440.843 —	» —	—
1899 —	. 28.761.171 —	» —	—
1900 —	. 33.180.829 —	» —	—
1901 —	. 33.076.518 —	» —	—
1902 —	. 36.624.312 —	» —	—

ПРИМѢЧАНІЯ *).

1. Владимірскій-Будановъ, «Государство и народное образованіе въ Россіи съ XVII в. до учрежденія Министерствъ.«Ж. М. Н. Пр., 1873», ч. 169—170; 1874 г.,ч. 172—173. Соловьевъ, «Исторія Россіи»,т. XIII, гл. 2. Милюковъ, «Очерки по исторіи русск. культуры», в. 2-й. С. Смирновъ, «Исторія Москов. словяно-греко-латинской академіи». Ѳ. И. Леонтовичъ, «Школьн. вопросъ въ древней Руси», Варш. универс. извѣстія, 1894 г., V. Въ приложеніи перечень главн. монографій по данному вопросу.

2. Гр. Д. А. Толстой, «Взглядъ на учебную часть въ Россіи въ XVIII в. до 1782 г.»

3. Владимірскій-Будановъ, «Государство и народное образованіе въ Россіи въ XVIII в., ч. 1-я. Милюковъ, «Очерки», в. 2-й.

4. Гр. Толстой, «Взглядъ на учебную часть въ Россіи въ XVIII в.» Его же статьи объ академич. гимназіи и академич. университетѣ XVIII в. въ «Запискахъ» Академіи Наукъ, т. 41. Пекарскій,«Исторія Императ. Академіи Наукъ въ С.-Петербургѣ», 2 тт. 1870—1873.

5. Шевыревъ, «Исторія Императ. Москов. Университета», М. 1855. Иконниковъ, «Русскіе университеты въ связи съ ходомъ общественн. образованія», «Вѣстникъ Европы», 1876, №№ 9—11. Гр. Толстой, «Взглядъ на учебн. часть въ Россіи». Милюковъ, «Очерки», в. 2-й. Артемьевъ, «Казанскія гимназіи въ XVIII в.», Ж. М. Н. Пр., 1874 г., чч. 173, 174, 176. Владиміровъ, «Историч. записка о 1-й Казан. гимназіи», К. 1867. Сушковъ, Московскій университ. благородн. пансіонъ», М. 1858.

6. Владимірскій-Будановъ, «Государство и народное образованіе въ Россіи XVIII в.». Демковъ, «Исторія русск. педагогіи», ч. II, гл. 8-я. «Разговоръ» Татищева изданъ въ 1887 г. Н. А. Поповымъ.

7. Библіографич. указанія на литературно-педагогич. труды Екатерины II см. у Демкова, «Исторія русск. педагогіи», ч. II и А. Н. Пыпина, «Исторія русск. литературы, т. IV, гл. 36-я. Гр. Толстой, «Взглядъ на учебную часть въ Россіи XVIII в.». Его же, «Городскія училища въ царствованіе Екатерины II», СПБ. 1886. Вороновъ, «Ѳ. И. Янковичъ-де-Миріево», СПБ. 1858.

8. Гр. Толстой, «Городскія училища». «Сборн. матеріаловъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи», изд. Мин. Нар. Просв., т. I. Никольскій, «Школьн. реформа Екатерины II», Ж. М. Н. Пр., 1872, ч. 162. Журналы Комиссіи о народн. училищахъ въ Архивѣ Мин. Нар. Пр.

9. Богдановичъ, «Исторія царствованія Императора Александра I», т. I., приложенія. Шильдеръ, «Императоръ Александръ I», т. II, прилож. Пыпинъ, «Обществен. движеніе въ Россіи при Александрѣ I».

---

*) Сокращенія: Сб. п.=Сборникъ постановленій по Министерству Народнаго Просвѣщенія; Сб. р.= Сборникъ распоряженій по Министерству Народнаго Просвѣщенія; Арх. Мин.=Архивъ Министерства Народнаго Просвѣщенія; к.=картонъ; д.=дѣло.—Первые 3 тома Сборника постановленій по М-ству Нар. Просв. цитируются по 2-му изданію.

10. П. С. З., № 20406. Сборн. п., т. I, № 1. Журн. Комиссіи объ училищахъ 1802 г. въ «Сборн. матер. для ист. просв. въ Россіи», т. II.

11. Богдановичъ, op. cit., т. I. Шильдеръ, op. cit., т. II. Пыпинъ, «Обществен. движ.», гл. 2-я. Сухомлиновъ, «Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи въ царствов. Имп. Александра I», СПБ. 1866, гл. 1-я. Н. Н. Буличъ, «Очерки по ист. рус. литер. и просв.», т. I, СПБ. 1902, лекціи 1—5-я.

12. Сухомлиновъ, «Матеріалы», гл. 1-я. Васильчиковъ, «Семейство Разумовскихъ», ч. 2-я.

13. Сб. п., т. I., №№ 2, 5, 7, 8. Сб. р., т. I., №№ 5, 12, 42. Журн. Главн. Прав. Уч-щъ за соотвѣтств. годы и мѣсяцы въ Арх. Мин. Объ отчетахъ гр. Завадовскаго, Арх. Мин., к. 725, д. № 34665. «Сборн. матер. для исторіи просв. въ Россіи», т. IV. Сухомлиновъ «Матеріалы», гл 1-я.

14. Сб. п., т. I, №№ 183, 188, 223. П. С. З., № 24686. Арх. Мин., к. 1050, д. № 38328. Середонинъ, «Истор. обзоръ дѣятельности Комитета Министровъ», СПБ. 1902, т. I, гл. 1-я. Шильдеръ, «Имп. Александръ I», т. II, гл. 2-я, т. III, гл. 1-я.

15. Журн. Комиссіи училищъ за 1802 г. и Главн. Правл. Уч-щъ за 1803—1804 гг. въ Арх. Мин. Сб. п., т. I, № 7. Сухомлиновъ, «Матеріалы», гл. 2-я.

16. Сб. п., I, № 13. Журн. Главн. Правл. Уч-щъ 1803 г.

17. Журн. Комиссіи уч-щъ 1802 г. и Главн. Правл. Уч-щъ, 1803 г., 28 марта, 4 и 20 іюня, 3 окт.; 1805 г., 23 марта. Сухомлиновъ, «Матеріалы», гл. 2-я.

18. Жур. Комиссіи уч-щъ 1802 г. Сб. п., I, №№ 2, 6, 8, 155, 198, 232, 233. Сухомлиновъ, op. cit., гл. 2-я. Журн. Гл. Прав. Уч-щъ, 7 Февр. 1803 г. Ѳеоктистовъ, «Матеріалы для ист. просв. въ Россіи. I. Магницкій», стр. 184.

19. Журн. Главн. Прав. Уч-щъ, 1803—1804 гг. Сухомлиновъ, op. cit., гл. 1—2-я.

20. Сб. п., I, №№ 61, 62, 63.

21. Журн. Комиссіи уч-щъ, 27 сент. и 4 окт. 1802 г. Журн. IX и XI засѣд. Ком-та устр. учебн. завед. въ Арх. Мин. Сб. п., I. №№ 19, 36, 44, 144. Сб. р., I, № 4. Вороновъ, «Ист.—статист. обозр. учебн. завед. С.-Петерб. учебн. округа», ч. I, СПБ. 1849, стр. 111.

22. Журн. Гл. Прав. Уч-щъ 7 февр. 1803 г.; 11 мая 1808 г.; 20 іюля и 7 окт. 1809 г. Сб. п., I, №№ 168, 203, 209, 210, 218. Сб. р., №№ 54, 57, 125, 183. Сухомлиновъ, «Матеріалы». Буличъ, «Очерки», лекціи 6—7-я. Милюковъ, «Очерки», в. 2-й. Шевыревъ,» Ист. Импер. Моск. унив»., гл. 8—9-я. Багалѣй, «Опытъ исторіи Харьков. универс.», т. I. Буличъ, «Изъ перв. лѣтъ Казан. университета».

23. П. С. З., № 23771. Сб. п., I, №№ 110, 122, 128, 203, 241. Сб. р., I, № 70, 95, 110, 120. Милюковъ, «Очерки», в. 2-й, стр. 311. Сухомлиновъ, «Матеріалы», гл. 2-я. Отзывъ Казанскаго попечителя: «рѣдко кто, развѣ по особливой къ наукамъ склонности, окончивъ гимназическіе курсы, въ университетъ вступить пожелаетъ». Журн. Гл. Правл. Уч-щъ, 17 ноября 1804 г.

24. Журн. Комиссіи уч-щъ и Гл. Правл. Уч-щъ, 1802—1804 гг.

25. Сб. п., I, № 64. Вороновъ, «Ист.-стат. опис. учеб. завед. С.-Петерб. уч. окр.», ч. I. Шмидъ, «Исторія средн. учебн. завед. въ Россіи», СПБ., 1878, стр. 51 и слѣд.

26. Сб. р., I, №№ 6, 8, 32, 35, 36, 44.

27. Сб. п., I, №№ 95, 158, 246, 276, 289. Сб. р., I, №№ 95, 121. Журн. Гл. Правл. Уч-щъ, 13 и 27 іюля, 31 авг. 1805 г.

28. Жур. Гл. Прав., 14 іюля 1804 г. Сб. п., I, №№ 231, 294. Сб. р., I, №№ 52, 72.

29. Сб. п., I, №№ 227, 243. Сб. р., I, № 79. Вороновъ, «Ист.-стат. опис. учебн. зав. С.-Пет. уч. окр.», I, стр. 214. Шмидъ, op. cit., стр. 86 и слѣд. Милюковъ, «Очерки», в. 2, стр. 214—215.

30. Сб. п., I, № 73. Сб. р., I, №№ 17, 19, 22, 29, 33, 45, 112, 116, 128, 143, 150, 168, 176.

31. Сб. р., I, №№ 3, 21, 129, 145. Сб. п., I, №№ 21, 38, 274, 45, 115. Сухомлиновъ, «Матеріалы», стр. 118. Отзывы визитаторовъ Москов. универс. въ отчетѣ министра за 1803 г. Арх. Мин., к. 725, д. 34665, л. 48 и слѣд.

32. Журн. Глав. Правл., 1806 г., 22 ноября. Сб. п., I, №№ 69, 172, 240.

33. Шмидъ, op. cit., стр. 69.

34. Вороновъ., «Ист.-стат. описаніе» и т. д., I, стр. 145.

35. Журн. Гл. Правл., 31 авг., 21 дек. 1805 г.; 24 янв. 1807 г. Сб. р., I, № 135.

36. Сб. п., I, № 9, 72.

37. Сб. п., I, №№ 23, 71, 187, 189, 206, 264, 271, 326, 333, 356, 362, 363, 364, 483, 523. К. Головщиковъ, «П. Г. Демидовъ и исторія основаннаго имъ въ Ярославлѣ училища» во «Времен. Демидов. Юридич. Лицея», ч. неофф., № 53. Селезневъ, «Истор. очеркъ Импер. бывшаго Царскосельск., нынѣ Александровск., Лицея», СПБ. 1861.

38. Сб. п., I, №№ 217, 250. Сб. р., I, №№ 58, 65, 68, 78, 82, 89, 103, 113, 314.

39. Сб. п., I, №№ 86, 137, 143, 182, 187, 188, 224, 248, 301, 411; 34, 80 81. Лалаевъ, «Историч. очеркъ военно-учебн. заведеній», ч. I, СПБ. 1880.

40. «Сборн. матеріаловъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи», т. II, Введеніе и №№ 120, 122. Сб. п., I, №№ 16, 18, 70, 139. А. Погодинъ, «Виленскій учебн. округъ 1803—1831 гг.» (Введеніе къ IV т. Сб. мат. для исторіи просвѣщ. въ Россіи) СПБ. 1901.

41. «Сборн. матер.», т. II, № 225. Сб. п., I, № 57.

42. «Сборн. матер.», т. III, №№ 432. Сб. п., I, № 136.

43. Проф. Владимірскій—Будановъ, «Исторія Императ. Университета Св. Владиміра», т. I, стр. 22 и слѣд. Сб. п., I, № 90.

44. «Сборн. матер.», т. II, введеніе, стр. XXXIV.

45. Сб. п., I, №№ 198, 247, 253, 239. Морошкинъ, «Іезуиты въ Россіи», ч. II. Владимірскій-Будановъ, «Исторія Универс. Св. Владиміра», т. I, стр. 43 и слѣд. Сб. р., I, № 114.

46. Сб. р., № 64, 132.

47. Сб. п., I, №№ 4, 14, 21, 30, 32, 41. Сб. р., I, № 1. Пѣтуховъ, «Вопросъ объ ун-тѣ въ Лифляндіи», Ж. М. Н. Пр., 1901, сент.; «Возникн. и первон. орган. Дерпт. ун-та», ib., окт.-нояб. 1901 г.; «Дерпт. ун-тъ въ перв. эпоху его существованія», ib., 1901, дек., 1902, янв. Журн. Гл. Прав. Уч-щъ за 1803 г., 25 апр., 2, 9, 23 мая, 27 іюня, 15 іюля.

48. Сб. п., I, №№ 12, 125. Отчеты по Д-скому округу за 1803—1806 гг. въ Арх. Мин., карт., 730, д. № 34672 и к. 733, д. № 34673. О Митав. гимн. Арх. Мин., карт. 133, д. № 2911 и к. 1043, д. № 39263.

49. Сб. р., I, №№ 26, 31. Арх. Мин., к. 1043, д. № 39258 и к. 1044, д. № 39270.

50. Арх. Мин., к. 1044, д. № 39276. Журн. Гл. Правл. Уч., 1805 г., 2 и 23 марта, 18 мая; 1807 г., 28 февр., 14 марта.

51. Сухомлиновъ, «Рѣчь по случаю 100-лѣтняго юбилея рожденія Императора Александра I» въ Прилож. къ XXXI т. «Запис. Импер. Академіи Наукъ», № 2. Сб. п., I, №№ 28, 190, 221, 396.

52. Сб. п., I, №№ 196, 197, 238, 254. Шильдеръ, «Императоръ Александръ I», т. III, стр. 72.

53. «Сборн. пост. и расп. по цензурѣ», СПБ. 1862. «Истор. свѣдѣнія о цензурѣ въ Россіи», СПБ. 1862. Сухомлиновъ, «Изслѣд. и статьи по рус. лит. и просв.», т. I. Скабичевскій, «Очерки ист. рус. ценз.» СПБ. 1892, I—II.

54. Общія характеристики эпохи реакціи у Пыпина, «Общ. движ.», гл. 4—5-я, Сухомлинова, «Матер. для ист. образов.», гл. 3-я, Шильдера, «Импер. Александръ I», т. III, гл. 10-я—11-я.

55. Важнѣйшія свѣдѣнія о кн. Голицынѣ и его сотрудникахъ, объ учрежденіи М-ства Дух. Дѣлъ и Народн. Просв. у Сухомлинова, «Матер. для ист. образов.», гл. 1-я и 4-я, Чистовича, «Руководящіе дѣятели духовн. просв. въ Россіи», СПБ. 1894, гл. 6—11-я, его же, «Ист. перевода Библіи на рус. яз.», изд. 2-е, СПБ. 1890 г., гл. 1-я, Благовидова, «Оберъ-прокуроры Св. Синода», К. 1899, гл. 5-я, Шильдера, «Импер. Александръ I», т. IV, особенно гл. 1 и 12-я Goetze, «Fürst Al. Nik. Galitzin und seine Zeit», Leipzig, 1882.

56. Сб. п., I, №№ 376, 530. Сб. р., I, № 156. Сухомлиновъ, «Матер. для ист. образ.», гл. 4-я. Журн. Гл. Правл. Уч. и Учен. Ком-та за 1817—1818 гг.

57. Сухомлиновъ, «Мат. для ист. образ.», гл. 3-я, Сб. п., I, №№ 516, 537, 553. Середонинъ, «Истор. обзоръ дѣятельности Ком-та М-стровъ», т. I., гл. 7-я.

58. Сухомлиновъ, «Матеріалы», гл. 5-я. Ѳеоктистовъ, «Матеріалы для ист. просв. въ Россіи», т. I: Магницкій, СПБ. 1865. Сб. п., I, №№ 442, 461, 469, 473, 543, 547, 562. Журн. Главн. Прав. Уч-щъ и Уч-го Ком-та за 1819—1826 гг.

59. Вороновъ, «Истор.-статист. обозрѣніе», г. 1-я. Григорьевъ, «Импер. С.-Петерб. Ун-тъ въ теченіе первыхъ 50 лѣтъ» СПБ. 1870. Плетневъ, «Первое 20-лѣтіе СПБ. Университета». Сухомлиновъ, «Матеріалы», гл. 6-я. Сб. п., I, №№ 313, 334, 335, 355, 377, 387, 389, 427, 480, 513, 514, 522, 524, 536, 571, 579, 600. Сб. р., I, №№ 182, 194, 195, 215, 237, 240, 248. «Чтенія Моск. Общ. Ист. и Древн.», 1862, кн. 3-я. Журн. Гл. Прав. Уч-щъ, 1817 г.: 13 апр., 11 мая, 13 іюня, 14 ноября. Шмидъ, «Ист. средн. учебн. завед.», стр. 116—121. Обозрѣніе состоянія СПБ. Ун-та за 1826 г., Арх. Мин., к. 1050.

60. Сухомлиновъ, «Матеріалы», гл. 5-я.

61. Сухомлиновъ, «Матеріалы», стр. 50 и прил. VIII. Записка Магницкаго въ прил. къ Журн. Гл. Прав. Уч-щъ 7 октября 1821 г. Журн. Уч-го Ком-та за 1823 г.: 10 марта, 23 іюня. Журн. Гл. Прав. Уч-щъ за 1817 г., 4 марта. Сб. р., I, № 245.

62. Сухомлиновъ, «Матеріалы», стр. 50. Записка кн. Ливена въ прил. къ Журн. Гл. Правл. 7 окт. 1821 г. Далѣе Журн. Уч-го Ком-та, 1821 г.: 8 окт., 5 ноября; 1820 г.: 10 окт. Отзывъ арх. Филарета о «хищнич. владычествѣ философіи», Арх. Мин., к. 298, д. 20091. Ѳеоктистовъ, «Магницкій», стр. 153—201. Разсужденія Гл. Правл. Уч-щъ о философ. наукахъ въ Журн. 1825 г., 9 янв.; 1826 г., 10 ноября.— О преподаваніи естественн. права: Сухомлиновъ, «Матер.», стр. 50—52. Ѳеоктистовъ, «Магницкій», стр. 17—18. Журн. Гл. Пр. Уч-щъ за 1821 г., 10 февр. Журн. Учен. Ком-та за 1820 г.: 20 нояб.; 1821: 26 марта, 16, 23 апр., 21 и 28 мая, 4 іюня, 2 іюля, 20 авг., 17 дек.; 1822 г.: 17 іюня; 1823 г.: 17 марта; 1825 г.: 8 авг. Сб. р. I, № 222.—О преподаваніи богословія: Сб. р., I, №№ 166, 173, 177. Журн. Гл. Прав. за 1819 г.: 23 янв., 28 іюня.

63. Сб. п., I, №№ 337, 423. Сб. р., I, №№ 138, 184, 230. Журн. Уч. Ком-та, 1818 г.: 4 и 16 окт.

64. Сб. п., I, №№ 435, 436, 451, 454, 489, 541, 562.

65. Сб. р., I, № 245. Журн. Гл. Пр. Уч-щъ, 1819 г., 13 ноября.

66. Сб. п., I, ст. 1101. Журн. Гл. Прав., 1819 г., 14 ноября. Журн. Ком. для учреж. уч. взаимн. обуч., 1820 г., 1 іюля.

67. Сб. п., I, №№ 340, 448. Журн. Гл. Прав. Уч-щъ, 1816 г., 8 дек.; 1822 г., 20 янв.

68. Вороновъ, «Ист.-стат. обозр.», ч. I, стр. 216—218. Шмидъ, «Ист. сред. уч. зав.», стр. 125—133. Сухомлиновъ, «Матер.», стр. 47—48 (гл. 4-я.). Сб. р., I, № 174. Журн. Гл. Пр. Уч-щъ, 1816 г., 8 дек.; 1817 г., 1 марта; 1819 г., 30 янв., 13 и 27 марта; 1821 г., 7 окт. Журн. Уч. Ком-та, 1818 г., 24 апр., 15 мая, 12 іюня, 13 ноября; 1819 г., 20 февр., 29 мая. Арх. Мин., к. 1050, д. 39329.— О Законѣ Божіемъ: Сб. р., I, №№ 165, 170, 198. Въ 1819 г. слушалось въ Главп. Правл. предложеніе неизвѣстнаго ввести въ учебныя заведенія чтенія Св. Писанія съ тою цѣлью, чтобы ученики составляли библейскія сотоварищества. Журн. 1819 г., 9 янв.—О Петерб. гимназіи: Вороновъ, «Ист.-стат. опис.», ч. 1, стр. 129—135. Сб. п., I, №№ 340, 524, 533. Сб. р., I, №№ 222, 225, 231, 293.—Новые учебные планы не уничтожили дѣйствія 11 § устава 1804 г., дозволившаго умножать число учебныхъ предметовъ и учителей, если позволяютъ средства. Наприм., см. Сб. р., I, № 239.

69. Объ учительскихъ кандидатахъ: Сб. п., I, №№ 448, 569. Сб. р., I, № 220. Журн. Гл. Пр., 1819 г., 28 іюня.— О скудости матеріальн. средствъ учебн. завед.: Сб. п., I, №337, 425. Журн. Гл. Пр., 1817 г., 13 апр.; 1820 г., 4 авг.—О платѣ за ученье: Сб. п., I, №№ 367, 425. Сб. р., I, №№ 186, 207. Шмидъ, «Ист. сред. уч. зав.,» стр. 121—125. Арх. Мин., к. 1019, д. 39090.—О служ. и пенс. правахъ педагоговъ: Сб. п., I, №№ 406, 522, 527; Сб. р., I, № 227.

70. Журн. Уч-го Ком-та, 1818 г., 13 ноября; 1819 г., 29 янв., 20 февр.; 1821 г., 9 іюня. Журн. Гл. Правл., 1819 г., 30 янв., 27 марта.

71. О Петербур. благор. пансіонѣ и Высш. училищѣ: Вороновъ, «Ист.-стат. обозр.,» ч. I, стр. 134—135.—О Москов. пансіонѣ: Сб. р., I, № 168. Журн. Гл. Пр., 1817 г., 13 апр.; 1819 г., 30 янв. Журн. Учен. Ком., 1818 г., 13 ноября.—Мнѣніе Главн. Правл. о лицеяхъ: Журн. 1818 г., 25 іюня. Журн. Уч. Ком-та, 1818 г., 24 іюля, 3 и 10 авг. Сб. п., I, ст. 1361.—О Царскос. лицеѣ: И. Селезневъ, «Истор. очеркъ Имп. Алекс. Лицея», стр. 29—41 и 148—149. Сб. п., I, №№ 333, 336, 356, 359, 362-364, 483, 523.—О

Ришел. лицеѣ: Сб. п., I, №№ 354, 361, 386, 407, 418, 419, 542, 565.—О Нѣжин. лицеѣ: Сб. п., I, №№ 470, 472, 617. Сб. р., I, № 221.—О Ярослав. лицеѣ: Сб. п., I, №№ 567, 587, 606.

72. Сб. п., I, №№ 340, 387—389. Журн. Гл. Пр. Уч., 1817 г., 7 сент., 28 дек. Въ 1822 г. университеты получили право выпускать кандидатовъ съ чиномъ 10-го и студентовъ—съ чиномъ 12-го класса. Сб. п., I, № 541.

73. Журн. Уч. Ком-та, 1818 г., 13 ноября. Журн. Гл. Прав., 1819 г., 24 апр.; 1818 г., 14 февр.

74. Вороновъ, «Ист.-стат. обозр.,» ч. I, стр. 155, 201, 219, 233—234. Сб. п., I, №№ 417, 429, 456. Журн. Ком-та для учрежд. уч-щъ взаимн. обуч. съ 1820 г. въ Арх. Мин. Журн. Гл. Пр. Учи-щъ, 1822 г., 20 сент. Журн. Учен. Ком-та, 1819 г., 8 мая. Дѣла Арх. Мин., №№ 13457—8, 13460—64, 13467.

75. Сб. п., I, №№ 325, 329, 546, 548. Вороновъ, op. cit., стр. 149—155.

76. Объ отдѣленіи Кіев. губ. отъ Вилен. окр.: Сб. п., I, № 404. Объ іезуитахъ: Сб. п., I, №№ 467, 517, 528, 529, 539, 540, 595. Сб. р., I, № 204. Журн. Гл. Пр., 1821 г., 20 янв. Журн. Уч. Ком-та, 1820 г., 30 окт.; 1821 г., 8 янв. О Волын. лицеѣ: Сб. п., I, № 421. Влад. Будановъ, op. cit., стр. 47—57. О тайн. обществахъ въ Вилен. округѣ: Влад. Буд., стр. 49, 54, 57. Сб. п., I, № 599. Арх. Мин., д. №№ 36810, 130258, 130262, 130263, 65017. «Русс. Арх.» 1874 г. Вержбовскій, «Къ исторіи тайн. общ. и кружковъ среди литов.-польск. молодежи въ 1819—1823 гг.» Варшава, 1898 г. А. Погодинъ, «Виленскій учебн. округъ въ 1803—1831 г.»

77. Объ уставѣ Дерпт. ун-та и его округа 1820 г.: Сб. п., I, № 481, 482. Арх. Мин., к. 123, д. 3031 и к. 113, д. 2237. Журн. Учен. Ком., 1818 г., 4 іюля; 1819 г., 26 іюля. Журн. Гл. Прав., 1819 г., 17 іюля. О сельск. училищахъ: Сб. п., I, №№ 422, 426, 592, 593. Сб. р., I, № 199. П. С. З., № 27135.

78. Журн. Гл. Пр. Уч., 1824 г., 17 апр. Журн. Уч. Ком., 1823 г., 8 дек.; 1824 г., 29 марта.

79. Сб. п., I, № 395.

80. «Ист. свѣд. о цензурѣ». Сухомлиновъ, «Изсл. и ст.». Скабичевскій», Очерки, Журн. Гл. Правл. 1820—1824 гг..

81. Стоюнинъ, «Ист. соч.: А. С. Шишковъ. СПБ. 1880. «Записки» А. С. Шишкова. Сб. р., I, №№ 251, 260. Библіографія о Шишковѣ у Пыпина, «Ист. рус. лит.», IV, стр. 284. О службѣ сотрудниковъ Ш-ва ихъ формуляры въ Арх. Мин.

82. Fr. Busch, «Der Fürst K. Lieven und die K. Universität Dorpat unter seiner Oberleitung. Dorpat, 1846. Дѣло о назначеніи Л-на министромъ и формуляры его сотрудниковъ въ Арх. Мин.

83. Сб. п., II, 1, №№ 2, 41, 55, 56, 99, 171, 173, 182, 147, 174, 176, 154, 162, 148; I, № 610, 602. Арх. Мин., к. 1448, д. 46483.

84. Сб. р.. I, №№ 254, 275. Арх. Мин., к. 467, д. 49922.

85. Сб. п., II, 1, №№ 11—12, 15. Журн. Ком-та устр. учебн. зав. въ Арх. Мин. Высоч. резолюціи въ Арх. Мин., к. 2839. д. 87817.

86. Сб. п., I, №№ 601, 603, 605; II, 1, №№ 25, 84, 92, 114, 138, 139, 142, 151, 192, 210, 212; Сб. р., I, № 270. Журн. 8, 95, 96, 97, 100, 111-го засѣд. Ком-та.

87. Сб. п., II, 1, №№ 10, 17, 18. Сб. р., I, №№ 245, 328.

88. Сб. п., II, 1, №№ 48, 53, 57, 63. Сб. р., I, №№ 319, 320, 325. Журн. 24-го засѣд. Ком-та.

89. Сб. п., II, 1, № 1, 41, 42, 156, 179, 282; ib., I, №№ 599, 604, 608, 617, 624, 628. Въ 1831 г. министръ разъяснилъ что въ университеты могутъ быть принимаемы лица не моложе 17 лѣтъ. Сб. р., I, № 387.

90. Журн. Ком-та за соотвѣт. время. Различн. документы въ Арх. Мин., к. 1592, д. 49970.

91. Журн. Ком-та за 1826—1828 гг. Сб. п., II, 1, № 78, 79. Шмидъ, «Ист. ср. уч. зав.», стр. 272—277.

92. О мѣропріятіяхъ, предшест. изданію устава: Сб. п., I, № 599; II, 1, №№ 26, 41, 59. Сб. р., I, № 250, 271, 420. О нов. уставѣ: Журн. Ком-та устр. уч. зав. за 1826—1828 гг. Разная переписка: Арх. Мин., к. 1588, д. 49927. Сб. п., II, 1, №№ 84, 315, 413. Шмидъ, «Ист. ср. уч. зав.», стр. 224—272. Вороновъ, «Ист.-стат. обозр.», ч. II, стр. 1 и слѣд.

93. Сб. р., I, № 384, 389, 398, 408, 462. Журн. Ком-та устр. уч. зав. Шмидъ, «Ист. ср. уч. зав.», стр. 280—290.

94. Отзывы Ком-та о привиллегир. уч. завед. въ зас. 54 и 55-мъ. Еще Арх. Мин., к. 1588, д. 49927. Сб. п., II, 1, № 85, 130. Сб. р., I, № 370, 371, 373.

95. Сб. п., II, 1, № 216 и ст. 519—521. Журн. 127-го засѣд. Ком-та.

96. Журн. 28, 33, 48, 51, 57, 67, 82, 92, 97, 101, 105, 106, 111, 123-го засѣд. Ком-та. Сб. п., II, 1, №№ 203, 211, 257, 258, 259, 262.

97. Сб. п., II, 1, № 165. Сб. р., I, №№ 383, 392, 406, 410, 411, 417. Записка А. С. Пушкина въ «Девятнадц. вѣкѣ», 1872 г., кн. 2-я.

98. Сб. п., II, 1, №№ 108, 114, 116, 140, 175. Разсужд. Ком-та объ учебн. дѣлѣ на Кавказѣ въ засѣд.: 42, 47, 60, 65, 66, 86, 90-мъ.

99. Журн. 27, 110, 112—114, 123, 124, 127, 128, 137-го засѣд. Ком-та. Арх. Мин., к. 3704, д. 126199; к. 2435, д. 64957. Сб. р., I, № 352, 353. О наблюденіи за преподав. рус. яз., ib., ст. 569.

100. Журн. 44, 49, 50, 62, 63, 65, 69, 73, 124—127-го зас. Ком-та. Арх. Мин., дд. 65017 и 49940. Влад. Будановъ, «Ист. ун-та св. Влад.», стр. 57—59. Сб. п., I № 601, 603; II, 1, №№ 92, 139, 146, 160, 167, 191, 192, 196, 199, 204, 208. Новоселовъ, «Ревизія проф. Сенковскимъ Бѣлорусскихъ училищъ въ 1826 г.», Ж. М. Н. Пр., 1872 г., чч. 160—161.

101. Сб. п., II, 1, № 106, 127.

102. ib., № 172.

103. ib., № 65—66, 162—163.

104. «Истор. свѣд. о цензурѣ». «Сборн. пост. и расп. по цензурѣ». Скабическій, «Очерки», гл. 10—11-я. «Записки и дневникъ» Никитенко, I, стр. 277.

105. «Ученыя Записки Импер. Академіи Наукъ, 1856 г., т. II. «Рус. Арх.», 1871 г. Н. П. Барсуковъ, «Жизнь и труды М. П. Погодина», см. по указателямъ В. В. Майкова для I—VII книгъ въ концѣ послѣдней, для VIII—XIII отдѣльно. Формуляры о службѣ Уварова и его сотрудниковъ въ Арх. Мин. «Записки» Никитенко за соотвѣт. годы.

Печатные отчеты по Министерству за 1833—1849 гг. Записки графа Корфа въ Рус. Старинѣ» за 1899 —1900 гг. Шмидъ, «Ист. ср. уч. зав.», стр. 82—83. «Десятилѣтіе М-ства Нар. Просв. 1833—1843 гг.»

106. Біографія кн. Ширинскаго-Шихматова, составл. Елагинымъ въ Журн. Мин. Нар. Просв., чч. 85—87. Отчеты за 1849—1853 гг. «Отчеты Имп. Ак. Наукъ по Отд. рус. яз. и словесности за 1852—1865 гг.» Труды, указан. въ предыд. примѣч.

107. Сб. п., II, 1, №№ 223, 404, 414, 424, 454, 565, 676, 731, 738; II, 2, №№ 45, 393. Арх. Мин., к. 1448, д. 46483.

108. Бліохъ, «Финансы Россіи въ XIX в». Сб. п., II, 1, №№ 71, 95, 316, 390, 586, 328, 508, 528. Арх. Мин., к. 676, д.31640. Сб. п., II, 1, №№ 304, 387.

109. Сб. п., II, 1, №№ 229, 425; II, 2, № 518.

110. Сб. п., II, 2, №№ 533, 651, 682, 689; Сб. р., III, №№ 51—56, 58—60, 62—64, 67, 70, 92, 111.

111. Сб. п., II, 1, №№ 239, 411, 491, 527, 638, 694; II, 2, № 277. «Десятилѣтіе М. Н. Пр.», стр. 6.

112. Сб. п., II, 1, №№ 399, 489, 524; II, 2, №№ 98, 139, 189, 460.

113. О Варшав. округѣ: Сб. п., II, 1, № 731; II, 2, №№ 39, 490. Сб. р., II, №№351, 489, 524, 558. О подчиненіи учебн. округ. мѣстн. ген.-губернаторамъ: Сб. п., II, 1, №614; II, 2, №№ 334, 403, 457, 544.

114. Сб. п., II, 1, №№ 272, 279. Журн. 134—135-го зас. Ком-та. Переписка по дѣлу о нов. уставѣ: Арх. Мин., д. 49970 и 49973. Владим.-Будановъ, «Ист. ун-та Св. Влад.», I, стр. 68. Характеристика относится къ уставу Кіевск. ун-та 1833 г., но она вполнѣ приложима и къ уставу 1835 г. «Десятилѣтіе М. Н. Пр.», стр. 18. Текстъ устава: Сб. п., II, 1, № 417. Дополнит. постановленія объ испытаніяхъ: Сб. п., II, 1, №№ 468, 479, 539. О желающихъ обучаться медицинѣ: ib., № 282. О пенсіонныхъ правахъ профессоровъ ib., №№ 207, 256, 542.

115. «Десятилѣтіе М. Н. Пр.,» стр. 20 и слѣд. О спеціальн. испытаніяхъ: Сб. п., II, 2, № 285; IV, № 298. Сб. р., I, № 484; II, №№ 38, 753, 758, 880; III, №№ 4, 84.

116. Журн. 135, 137-го засѣд. Ком-та устр. уч. завед. Сб. п., II, 1, №№ 219, 415, 485, 545, 609; II, 2, №№ 217, 248, 331. Сб. р., II, №№ 861, 251. «Десятилѣтіе» и т. д., стр. 27 и слѣд. Шевыревъ, «Ист. Моск. Ун-та», стр. 458—487. Григорьевъ, «Импер. С.-Петерб. Ун-тъ», стр. 112—113. Правила испытаній на медиц. степени: Сб. п., II, 2, № 326, 473.

117. Арх. Мин., д. № 15955, д. 89795. «Десятилѣтіе», стр. 18—19. Сб. п., II, 1, №№ 549, 682; II, 2, №№ 304—306, 466. Сб. р., II, №№ 127, 192, 334, 386, 362, 436, 447, 467, 470, 476, 488, 673, 720, 721, 759, 807.

118. Сб. п., II, 2, № 409. Сб. р., II, №№ 709, 738. Арх. Мин., д. 90328.

119. Арх. Мин., к. 3110, д. 90328 а. Сб. п., II, 1, №№ 276, 323, 359 Сб. р., I, № 433; II, №№ 27, 29, 52, 89. «Десятилѣтіе», стр. 19. О формен. одеждѣ: Сб. п., II, 1, №№ 540, 679. Сб. р., II, №149.

120. «Десятилѣтіе», стр. 33. Арх. Мин., к. 165, д. 130537. Еще д. 98004 и д. 100879. Сб. р., II, № 865. Сб. п., II, 2, №№ 480, 482, 493. «Русск. Старина»

1900 г., апр., май. «Историч. свѣд. о цензурѣ», стр. 56—58. Барсуковъ, «Жизнь и труды М. П. Погодина», кн. X, гл. 61—62-я.

121. Сб. п., II, 2, №№ 494, 498, 507, 513, 517, 519, 540, 578—582. Сб. р., III, №№ 38, 105, 110. Сб. п., III (1 изд.), ст. 1414 и № 374.

122. Сб. п., II, 1, №№ 189, 229, 453, 593, 659; II, 2, №№ 8, 198, 414. Сб. р., II, №№ 481, 647, 670, 718, 777, 839. «Десятилѣтіе», стр. 29—31. Шмидъ, «Ист. ср. уч. зав.», стр. 374—380.

123. О Лицеѣ кн. Безбородко: Сб. п., II, 2, № 29. О Ришел. лицеѣ: ib., II, 1, № 556; II, 2, №№ 128, 616. Сб. р., II, №№ 219, 352, 716, 760, 848. О Демидовск. лицеѣ: Сб. п., II, 2, № 322. О медиц. учрежден.: Сб. п., II, 2, №№ 30—31, 46, 52, 88, 180, 181, 308.

124. «Десятилѣтіе», стр. 8, 20. Сб. п., II, 1, ст. 948, 951.

125. Сб. п., II, 2, №№ 304—306. Сб. р., I, № 438; II, №№ 234, 721, 752.

126. Въ 1837 г. изданы правила испытаній для уѣздн. уч-щъ и гимназій. Сб. р., II, №№126, 478, 765, 877. О знаніи древн. языковъ для полученія аттестатовъ, ib., №№ 95, 575. Воспитанники Нижегор. и Пензен. дворян. институтовъ, гимназій Тифлиской, Кавказской и Сибирской получ. чинъ 14-го кл. безъ знанія древн. язык. Сб. п., II, 1, № 690. Объ измѣненіяхъ учебн. плановъ гимназій: Сб. р., II, №№ 684, 754, 812. О реальн. классахъ: «Десятил.,» стр. 21—22. Сб. п., II, 1, № 686, 687. О законовѣдѣніи и вост. языкахъ: «Десятил.,» 23—25. Сб. п., II 1, №№ 407, 615, 622, 707; II, 2, №№ 207, 394, 417. Сб. р., II, №№ 843, 859, 907. Шмидъ, «Ист. ср. уч. зав.», стр. 289—348. Вороновъ, «Ист.-стат. опис.,» ч. II, стр. 113—183.

127. Шмидъ, op. cit.», стр. 349—374. Вороновъ, op. cit., стр. 141 и слѣд. Влад.-Будановъ, «Ист. ун-та св. Владиміра», т. I, стр. 538. Арх. Мин., к. 3362, д. 100904. Сб. п., II, 2, № 476, 610.

128. Сб. р., I, № 433; II, №№ 31, 95, 97, 126, 208, 240, 478, 765, 877; III, №№ 125—127.

129. Сб. р., I, № 430. «Десятил.», 33—34. О Москов. Инст.: Сб. п., II, 1, №№ 301, 476; 2, №№ 325, 485. О Вилен., ib., II, 1, №№ 650, 671; 2, №№ 64, 130. Сб. р., II, № 494. О Нижегор.: Сб. п., II, 2, № 244. О Пензенск.: Сб. п., II, 2, №№ 51, 218, 379. О 1-й Спб. гимн., ib., II, 1, № 595. Еще общ. мѣры: Сб. р., II, №№ 44, 129, 743. Примѣры подробн. положеній и штатовъ благор. пансіоновъ, ib., I, №№ 495, 506. О 6-лѣтней обязат. службѣ стипендіатовъ: Сб. п., II, 1, № 419; II, 2, №№ 602, 731. О порядкѣ денежн. взносовъ: ib., II, 1, №№ 266, 298, 471, 475.

130. «Десятилѣтіе», 10 и слѣд. Сб. п., II, 2, № 151. Сб. р., II, №№ 18, 186, 189, 202, 203, 266—267 и т. п. Вороновъ, ч. II, 183—214.

131. Сб. п., II, 1, №№ 371, 643, 726; II, 2, №№ 27, 172, 269, 372, 399. Сб. р., I, № 462; II, №№ 105, 166, 306, 383, 492, 823. Арх. Мин., д. 47702. Вороновъ, 215—237. «Десятил.», стр. 10.

132. «Десятил.», 27—29. Сб. п., II, 2, № 289. Сб. р., II, №№ 54, 409, 672, 776, 905. Вороновъ, ч. II, 286—320. Шмидъ, 338 и слѣд.

133. Всеподд. отчетъ за 1850 г. Сб. р., III, № 44.

134. Арх. Мин., к. 3459, д. 114709. Сб. п., II, 2, №№ 625, 652, 671; Сб. р., III, № 101. Шмидъ, 388—396. Вороновъ, ч. II, 144. Объ уѣздн. уч-щахъ: Сб. п., II, 2, № 741. Шмидъ, тамъ же.

135. «Десятилѣтіе», 14 и слѣд. Сб. п., II, 1, №№ 271, 281, 349, 549; II, 2, №№ 140, 770. Сб. р., 1, №№ 475, 482; II, №№ 58, 166, 539, 724, 834, 856. Вороновъ, ч. II, 238 и слѣд.

136. «Десятил.», 16—17. Сб. п., II, 1, №337. Дополн. постановленія и распоряженія по закону 1 іюля 1834 г.: Сб. п., II, 1, №№ 363, 368, 369, 484, 486, 506, 716, 734, 737; II, 2, №№ 174, 418, 456, 512, 514. Сб. р., I, №500; II, №№ 4, 9, 20, 28, 30, 73, 428, 496, 697.

137. П. С. З., 2е, № 8054. Сб. п., II, 2, №№ 95, 168, 278—283, 316, 543. Вороновъ, ч. II, стр. 272, и слѣд. «Систематич. указатель литературы о евреяхъ на рус. языкѣ со времени введенія граждан. шрифта по декабрь 1889 г.» СБП. 1892, отд. VI.

138. «Десятилѣтіе», отд. 2-е и прилож.

139. «Десятил.», отд. 2-е и прилож. Сб. п., II, 1, №№ 231, 243, 279—280, 305, 394, 631, 645, 668, 695; II, 2, №№ 71, 126, 164. Влад. Будановъ, «Ист. ун-та Св. Владиміра», т. I.

140. Сб. п., II, 1, №№ 227, 234, 247, 252, 255, 285, 338, 394, 409, 413, 430, 431, 436, 438, 507, 666; II, № 230. О прих. уч-щахъ: Сб. р., I, №444; II, №№ 745, 890; III, 159.

141. Сб. п., II, 1, №№ 196, 275, 295; II, 2, № 130; III, №137 въ прилож.

142. Журн. Гл. Пр. Уч., 1833 г., 23 апр., 21 сент. Сб. п., II, 1, №№ 373, 503, 568, 619, 645, 650, 656; II, 2, №№ 28, 123. Арх. Мин., к. 1358, д. 44757. «Десят.», прилож.

143. «Десятил.», прилож. Сб. п., II, 1, № 410; II, 2, №№ 215, 749.

144. Сб. п., II, 2, №№ 544, 559, 649, 663. Отчеты по М-ству за 1850—1853 г.

145. Общій взглядъ Уварова: «Десятил.», 61-70. Объ уставѣ 1840 г.: Арх. Мин., к. 3633, д. 76029. Сб. п., II, 2, № 54. Сб. р., II, № 455, 779. О спец. уч-щахъ: Сб. п., II, 2, №№ 18, 25, 55, 69, 83, 212, 243. Объ учителяхъ и частныхъ уч-щахъ: Сб. п., II, 2, №№ 84, 152, 173, 184, 208; Сб. р., II, №№ 490, 563, 524, 855. О высш. образов. польск. юношества въ рус. ун-тахъ: Сб. п., II, 2, №№ 15, 170, 314, 360, 381. Сб. р., II, №№ 178, 224, 417, 469, 485, 783, 805, 852. О рус. языкѣ: Сб. п., II, 2, №№ 67, 73, 85. О Дополнит. Положеніи и нормальн. штатѣ: Арх. Мин., к. 3513, д. 82237. Сб. п., II, 2, №№ 490, 660. Сб. р., II, № 866, 872. О Благор. пансіонѣ: отчеты по М-ству за 1847—1848 г.г. Сб. п., II, 2, № 440. О мѣрахъ 1846 г.: Арх. Мин., к. 684, д. 126747. Сб. п., II, 2, №№ 351, 356, 552.

146. О преобразован. 1851—1852 г.г.: Сб. п., II, 2, № 597, 666; Сб. р., III, № 124. О славян. языкѣ: Сб. п., II, 2, № 595. Другія мѣры: ib., №№ 591—594, 668.

147. «Десятилѣтіе», 47—61.

148. Вопросъ о преобразованіи уч. завед. Дерпт. округа: Арх. Мин., к. 3704, д. 126199; к. 157, д. 130349; к. 1593, д. 49994. Сб. п., II, 1, № 524. Объ Ун-тѣ: Сб. п., II, 1, №№ 244, 393, 518, 519, 557, 563, 647, 709; II, 2, №№ 126, 182. Сб. р., II, №№ 648, 853.

149. О рус. яз. въ средн. и низш. учебн. зав.: Арх. Мин., к. 2435, д. 64957. Сб. п. II, 1, №№ 270, 296, 526. Сб. р., II, №№ 125, 379, 875. Объ измѣн. учебн. плановъ: Арх. Мин., к. 3021, д. 85486. Сб. п., II, 2, №№ 147, 478. Сб. р., II, №№ 483, 737, 862, 886, 896.

150. Арх. Мин., к. 3021, д. 85486; к. 2435, д. 64957. Сб. п., II, 2, №№ 489, 529, 531, 532, 619, 657, 704, 711. Сб. р., III, №№ 69, 72, 146, 166.

151. Сб. п., II, 1, №№ 336, 399; II, 2, №№ 270, 295, 333, 368, 400, 422, 431, 435, 454, 460, 487, 557, 570, 712, 722.

152. «Десятилѣтіе», 75—76. Сб. п., II, 1, №№ 447, 581; II, 2, №№ 108, 133, 135, 346.

153. Сб. п., II, 1, №№ 314, 346, 629; III, № 3.

154. Сб. п., II, 2, №№ 315, 349, 434, 523, 524. О провинціальн. публичн. библіотекахъ: Сб. п., II, 1, № 330. «Десят.», 88—89.

155. Сб. п., II, 1, №№ 370, 530, 601. Н. П. Барсуковъ, «Жизнь и труды П. М. Строева». СПБ. 1878.

156. «Сборн. пост. и распор. по цензурѣ». «Историч. свѣдѣнія о цензурѣ». Скабичевскій, «Очерки», гл. 12—18-я. Много цѣннаго матеріала даютъ Н. П. Барсуковъ, «Жизнь и труды М. П. Погодина», «Записки и дневникъ» Никитенко, «Записки гр. Корфа» въ «Русс. Старинѣ», 1899—1900 г.г.

157. Статья Никитенко въ «Запискахъ Импер. Ак. Наукъ» 1870 г., т. XVII. Годичные отчеты по Министерству. «Записки и Дневникъ» Никитенко. Барсуковъ, «Жизнь и труды М. П. Погодина», тт. XV—XVI. Статья: «Крат. очеркъ главн. расп. по М-ству Нар. Пр. за послѣдн. 7 лѣтъ» въ Ж. М. Н. Пр., ч. 115. Формуляры о службѣ въ Арх. Мин. Указанія на некрологи у Межова, «Матеріалы по ист. нар. просв.», т. III.

158. Формуляры о службѣ въ Арх. Мин. Геннади, «Кратк. свѣд. о писателяхъ, умершихъ въ 1866 г.» въ «Рус. Арх.,» 1868 г. Лоранскій, «Историч. очеркъ Горн. Института». «Записки и Дневникъ» Никитенко. «Рус. Біографич. Словарь». Годичн. отчеты по Министерству.

159. Формуляры о службѣ въ Арх. Мин. «Записки и Дневникъ» Никитенко.

160. Сб. п., II, 2, №№ 732; III, №№ 45, 51—53, 56, 65.

161. Сб. п., II, 2, №№ 733, 747, 766; III, №№ 2, 55, 164. Сб. р., III, №№ 172, 231, 243.

162. Сб. п., III, №№ 36, 256, 258, 284. Сб. р., III, №№ 408, 419, 442. Арх. Мин., к. 3649, д. 136, 707.

163. Сб. п., III, № 44.

164. Шмидъ, «Ист. средн. уч. завед.», стр. 433 и слѣд.

165. Объуправленіи ун-тами и профессорахъ: Сб. п., III, №№ 271, 347. О возстановленіи нормальн. порядка учебной жизни: Сб. п., III, №№ 47, 116, 250. О восточн. факультетѣ: Сб. п., II, 2, № 756; III, №№ 278, 334. Григорьевъ, «Импер. С.-Петерб. ун-тъ въ теченіе перв. 50 лѣтъ», стр. 123 и слѣд. О приготовленіи учителей: Сб. п., II, 2, № 725; III, №№ 171, 256—257. Арх. Мин., к. 3815, д. 153342.

166. Сб. п., III, №№ 28, 34, 149, 176, 206, 242, 251, 347, 355, 381; Сб. р., III, №219, 330. Арх. Мин., к. 2124, д. 140431; к. 3084 и дд. 124384 и 146163; к. 2044, д. 133859а. Григорьевъ, «Импер. С.-петерб. ун-тъ». Спасовичъ, «Сочиненія», т. IV. Никитенко, «Записки и дневникъ». Георгіевскій, «Краткій очеркъ правительствен. мѣропріятій противъ студенч. безпорядковъ». Спб. 1890. Біографія Имп. Александра II, сост. Татищевымъ, въ I т. Русск. Біограф. Словаря.

167. Сб. п., III, №№ 113, 119, 201—202; Сб. р., III, №№ 377, 409. Шмидъ, «Ист. средн. уч. зав.», 431. Статья Татищева Объ Импер. Александрѣ II. въ «Рус. Біогр. Словарѣ», т. I.

168. Сб. п., III, №№ 1, 57, 71, 193, 346.

169. Отчетъ за 1857 г. Арх. Мин., к. 2124, д. 140431; к. 3593, д. 122514. Сб. п., III, № 356. Шмидъ, «Ист. средн. уч. завед.», стр. 429 и слѣд.

170. Сб. п., III, №№ 148, 213, 268—269. Лихачева, «Матеріалы по исторіи женск. образованія въ Россіи», 1856—1880 гг., гл. I-II.

171. Сб. п., III, №№ 95, 96, 138, 204, 205, 358, 378.

172. Сб. п., III, №№ 59, 81, 91, 132, 306. Сб. р., III, №№ 208, 326, 331, 420, 446. Абрамовъ, «Наши воскресныя школы». СПБ. 1900.

173. О пріемѣ учащихся: Арх. Мин., к. 3593, д. 122514. Сб. п., III, №№ 79, 94, 246. О преобразованіи дворян. училищъ и гимназіальн. отдѣленій: Сб. п., III, №№ 151, 155, 248. Сб. р., III, № 333. О женск. образованіи: Сб. п., III, №№ 102, 158, 749. О польск. языкѣ: Сб. п., III, №№ 102, 133, 277. Въ прилож. къ штатамъ, ст. 137. Въ эти же годы разрѣшено преподаваніе польскаго языка и въ частн. женск. учебн. завед.-Правила для приход. уч-щъ юго-западн. губерній оставлены въ силѣ. Сб. р., III, № 159.

174. Арх. Мин., к. 3648, д. 120570 и к. 672, д. 115803. Сб. п., III, №№ 73, 103, 172, 216, 230, 231, 286. Сб. р., III, № 226.

175. О Дерптск. округѣ: Арх. Мин., к. 31121, д. 85486. Отчеты по Министерству за 1856—1858 гг. Сб. п., III, №№ 142, 150, 308, 309—312. О горск. школахъ на Кавказѣ: Сб. п., III, № 220.

176. «Сборн. пост. и расп. по цензурѣ». «Историч. свѣд. о цензурѣ». Скабичевскій, «Очерки», гл. 20—22. Записки и дневникъ» Никитенко. Джаншіева, «Изъ эпохи вел. реформъ», «гл. 6. Барсуковъ, «Жизнь и труды М. П. Погодина,» тт. XIV-XVI.

177. Формуляры о службѣ въ Арх. Мин. Некрологъ въ «Рус. Старинѣ», 1887 г. «Обзоръ дѣятельности М. Н. Пр. за 1862 – 1864 г.» Докладъ 7 сент. 1865 г. въ отдѣльн. оттискѣ и дѣло о немъ въ Арх. Мин., к. 712, д. 143738. «Записки и дневникъ» Никитенко за 1862—1866 гг. Біографія Импер. Александра II въ «Рус. Біографич. Словарѣ», т. I.

178. Сб. п., III, №№ 385, 387, 388, 410, 432, 469, 514, 586, 587; IV, № 85. Сб. р., III, № 584. «Обзоръ дѣятельности Мин. Нар. Пр. за 1862—1864 гг.», стр. 1-21 и прил. №№ 1—5. Журн. Мин. Нар. Пр., 1863, ч. 119.

179. Сб. п., III, №№ 409, 491. «Обзоръ», стр. 21—33. Скабичевскій, «Очерки ист. рус. цензуры», гл. 23—24.

180. Сб. п., III, №№ 495, 506, 520, 523, 529, 559, 575, 597, 618, 623, 642. «Обзоръ», стр. 33—50. Арх. Мин., к. 3814, д. 152906.

181. Исторія составленія устава 1863 г. въ статьѣ: «По поводу новаго университет. устава», Журн. Мин. Нар. Пр., 1863 г., ч. 119, отд. II, и въ «Обзорѣ дѣятельности М-ства», стр. 71—93. Въ прилож. перечень напечатанныхъ М-ствомъ матеріаловъ по унскому вопросу. Сб. п., III, №№ 397, 442, 453, 465, 503, 516, 517. Важнѣйшіе циркуляры въ поясненіе устава: Сб. р., III, №№ 577, 585, 592, 593, 612—614, 620, 634, 646. О приготовленіи профессоровъ: Сб. р., III, № 485. «Обзоръ дѣятельности М-ства», стр. 80—82. Объ испытаніяхъ на ученыя степени: Сб. р., III, № 619. «Обзоръ», стр. 79. О приготовленіи учителей: Сб. п., III, №№ 521, 530; IV, №№ 22, 91, 109, 432. «Обзоръ», стр. 124—127. Арх. Мин., к. 3097, д. 146315. Шмидъ, «Ист. средн. уч. зав.», стр. 486—493. «Матеріалы

по вопросу о приготовленіи учителей для гимназій и прогимназій» въ Ж. М. Н. Пр., 1865 г., ч. 126. О пріемѣ учащихся въ ун-ты: Сб. р., III, №№ 484, 575, 582, 649. Объ открытіи С.-Петерб. ун-та: Сб. п., III, №№ 400, 426, 435, 518. Григорьевъ, «С.-Петерб. ун-тъ», стр. 313—317. Объ открытіи Новоросс. ун-та: Сб. п., III, №№ 437, 547, 607. Сб. р., III, № 487. «Обзоръ», стр. 88—90. Маркевичъ, «25-лѣтіе Импер. Новороссійск. Ун-та» въ «Записк. Имп. Нов. Ун-та», т. 53.

182. «Обзоръ», стр. 93—101. Всеподдан. докладъ 7 сент. 1865 г.

183. О мѣропріятіяхъ, предшествующихъ уставу 1864 г., «Обзоръ дѣятельности Мин. Нар. Пр.,» стр. 101—162. Сб. п., III, №№ 450, 459, 504, 528, 529, 550, 558. Шмидъ, «Ист. средн. уч. завед.» Объ уставѣ 1864 г. и введеніи его въ дѣйствіе: Сб п., III, №№ 630, 631; IV, №№ 19, 20, 34, 65, 87. Сб. р., IV, №№ 9, 16, 23, 31, 39, 43, 45, 46, 48, 51, 64, 72, 76—78. Статья: «По поводу новаго устава гимназій и прогимназій» въ Журн. Мин. Нар. Пр., 1864 г., ч. 124. «Обзоръ», 122—124; въ прилож. перечень напечатанн. матеріаловъ. Шмидъ, 455—477.

184. Арх. Мин., к. 758, д. 139930, чч. I—III; к. 3771, д. 141267, ч. I. Сб. п., III №№ 393, 609—610. «Обзоръ», стр. 204 и слѣд. Объ уѣздн. училищахъ: «Обзоръ», 162—203.

185. Арх. Мин., к. 3771, д. 141268, ч. I—II. Сб. п., IV, №№ 23. Журн. М. Н. Пр., 1865 г., апр., отд. IV. «Обзоръ», 262. «Матеріалы по вопросу о приготовленіи учителей начальныхъ народныхъ училищъ».

186. Сб. п., III, №№ 404, 507; IV, №9. «Обзоръ», стр. 262—293. Лихачева «Матеріалы», вып. III.

187. «Обзоръ», стр. 293—304.

188. «Обзоръ», стр. 304—317.

189. «Дневникъ Законовъ Царства Польскаго» за 1862—1866 гг. Сб. п., IV, дополненія. Біографія Императора Александра II въ «Русск. Біограф. Словарѣ».

190. И. П. Корниловъ, «Русское дѣло въ сѣверо-западн. краѣ», СПБ. 1901 г. Арх. Мин., к. 3097, д. 146318. Его же, «Памяти гр. М. Н. Муравьева», СПБ. 1898. А.В. Бѣлецкій, «Сорокалѣтіе русск. начальн. школы въ с.-зап. краѣ Россіи». Вильна 1902.

191. Сб. п., III. №№ 499, 509, 585; IV, №№ 47, 69.

192. Сб. п., III, №№ 392, 417, 451, 484, 486, 501, 559, 561, 567, 597, 621, 633; IV, №№ 32, 50. Напечатанная М-ствомъ брошюра: «Народн. школы въ юго-зап. краѣ».

193. Сб. п., IV, №№ 1—2, 52.

194. Дѣло Д-та Нар. Просв. $\frac{\text{№ 13}}{\text{1865 г.}}$ Общ. Разр. объ усиленіи преподаванія рус. языка въ учебн. заведен. Остзейск. края. «Историч. обзоръ мѣръ правительства для усиленія въ Остз. краѣ способовъ къ изученію рус. языка», СПБ. 1863.

195. Докладъ 7 сент. 1865 г. «Обзоръ», 52—53 и прил.

196. «Обзоръ», 53—54, 66. Сб. п., III, №460.

197. «Обзоръ», 54—56.

198. «Обзоръ», 56—57. Сб. п., III, № 441.

199. «Обзоръ», 60—63.

200. «Обзоръ», 57—60 и докладъ 7 сент. 1865 г.

201. Формуляръ о службѣ въ Арх. Мин. Ежегодн. всепода. отчеты по М-ству. Біографія Имп. Александра II въ «Русск. Біограф. Словарѣ».

202. Сб. п., IV, №№ 148, 151, 410, 413; V, №№ 214, 312, 376; VI, 249, 506; VII, №№ 32, 158, 318, 919. Сб. р., IV, №№ 144, 375; V, №№ 62, 122, 255, 256, 332. А. И. Георгіевскій, «Къ ист. Учен. Ком-та», Ж. М. Н. Пр., 1900 г., ноябрь, дек.

203. Сб. п., IV, №№ 208—209, 468, 534; VI, № 234.

204. Сб. п., IV, №№ 523, 524; VI, № 366.

205. Сб. п., V, № 320; VI, № 66.

206. Сб. п., IV, № 260.

207. Сб. п., VI, № 235; VII, № 24.

208. Сб. п., VII, № 907.

209. Сб. п., IV, №№ 331, 332, 396; V, № 55.

210. Сб. п., IV, №№ 194, 242, 373; V, № 226; VI, № 387.

211. Сб. п., IV, № 184; VI, №№ 56, 387.

212. Сб. п., IV, №№ 186, 298, 304, 596; VII, №№ 31, 212.

213. Сб. п., IV, №№ 211—212, 453; VI, 340; VII, 315, 343, 379, 453. А. И. Георгіевскій, «Краткій-историч. очеркъ правит. мѣръ и предначертаній противъ студенч. безпорядковъ». СПБ. 1890. Арх. Мин., к. 3009, д. 162276; к. 3020, д. 145799, чч. I-IV.

214. Сб. п., IV, №№ 220, 221, 542, 543; V, № 129; VI, № 251.

215. Сб. п., IV, № 394; V, № 338; VI, №№ 129, 207.

216. Сб. п., V, № 420; VI, 167.

217. С. п., IV, №№ 317, 414; V, 71, 425; VI, № 156.

218. Сб. п., IV, №№ 290, 546, 572; V, 72, 290.

219. Сб. п., V, №№ 375, 394; VII, 496.

220. Сб. п., IV, № 444—445.

221. Сб. п., IV, №№ 411, 454; V, 229, 299.

222. Сб. п., VII, №№ 99, 553.

223. Сб. п., V, № 5; VII, 355. Лихачева, «Матеріалы», в. III.

224. Сб. п., IV, №№ 288, 356, 581, V, ст. 254—255. Сб. р., IV, №№ 94, 106, 107, 114, 115, 117, 155, 156, 157, 173, 193, 199, 228. Шмидъ, «Ист. ср. уч. зав.», 509, 515, 516.

225. Сб. п., IV, № 536; V, №№ 25, 74, 196 и ст. 948. Ж. М. Н. Пр., 1867 г., апр. Шмидъ, «Ист. средн. уч. зав.», 503 и слѣд. Арх. Мин., к. 3823, д. 153783; к. 4308, д. 139848; к. 4294, д. 165271. Статьи Каткова собраны въ книжкѣ «Наша учебная реформа», М. 1890. Библіографія полемики у Межова, «Мат. для ист. просв. въ Россіи», т. III, 181 и слѣд. Ж. М. Н. Пр., 1867 г. чч. 133, 134; 1871 г., чч. 155, 156,158; 1872 г., ч. 164; 1873 г., ч. 169.

226. Отчетъ за 1873 г. Сб. п., V, № 249; VI, № 229; VII, № 418. Сб. р., V, №№ 61, 78, 116, 211, 206, 245, 263, 264. Крюковскій, «Алфавитн. сборникъ пост. и распор. по С.-Петерб. уч. окр.». Исаенковъ, «Сборн. пост. и распор. по гимн. и прогимн. Москов. уч. окр.»

227. Сб. п., V, №№ 303, 314, 318, 398; VI, №№ 61, 219, 353, 393; VII, №№ 106, 300, 439. Сб. р., V, № 312. Крюковскій, «Алфав. Сборникъ».

228. Гр. Капнистъ, «Къ вопросу о реорганизаціи средн. образованія», СПБ., 1900, стр. 69 и слѣд. В. И. Модестовъ, «Школьн. вопросъ». СПБ. 1880. Никитенко, «Записки и дневникъ», т. III, стр. 349.

229. Сб. п., IV, №№ 219, 270, 326; V, №№ 199, 337; VI, №№ 147, 364, 530. Крюковскій, «Алфав. Сборн.». Фальборкъ и Чарнолускій, «Настольн. книга по народн. образованію», т. II. «О предполаг. город. уч-щахъ и уч-скихъ институтахъ», Ж. М. Н. Пр., 1869 г., ч. 143. Замѣчанія на проектъ, тамъ же, ч. 146, 165.

230. Сб. п., IV, №№ 418, 436; V, № 110; VI, №№ 12, 13, 158, ст. 271—274. Сб. р., V, №№ 347, 378. Аннинъ, «Сводъ законоположеній по народн. образованію», ч. I. Арх. Мин., к. 329, д. 145557; к. 2807, д. 156082а; к. 3942, д. 156561. Журнальн. литература о народ. образованіи у Межова, «Матер. для ист. просв.», т. III.

231. Сб. п., VI, №№ 70, 318, 323, 414; VII, №№ 69, 70, 124, 301. Сб. р., V, №№ 151, 185. Аннинъ, «Сводъ», ч. I. Арх. Мин., к. 3934, д. 156412, чч. I—III. «Объ устройствѣ управленія нач. народн. уч-щами», Ж. М. Н. П. 1872, ч. 163.

232. Сб. п., V, № 253; VI, № 330, 549, VII, №№ 69, 802. Дѣло Д-та Нар. Пр. по разряду начальн. уч-щъ, $\frac{\text{№ 39}}{\text{1873 г.}}$, ч. I.

233. Сб. п., IV, ст. 1728—1729; V, №№ 63, 88, 136, 143, 147, 167, 191, 220, 281, 284, 297, 354; VI, №№ 40, 73, 92, 97, 143, 145, 165, 245, 290, 302, 364, 456, 539, 547, 550. Сб. р., V, № 145. Фальборкъ и Чарнолускій, «Настольн. книга», ч. II; «Учительск. семинаріи и школы», СПБ. 1901. Сначала графъ Толстой не сочувствовалъ мысли объ учрежденіи учительскихъ семинарій; въ 1866 г., въ представленіи Государств. Совѣту, онъ говорилъ: «потребность въ учительскихъ семинаріяхъ не вызывается настоящимъ положеніемъ дѣла. Для народа нужна лишь разумная грамотность, для чего ненужны дорогіе учителя. Ихъ можно найти въ сельскомъ духовенствѣ, въ семинаристахъ».

234. Сб. п., IV, №№ 150, 298, 529, 621; VI, №№ 360, 361. Сб. р., IV, № 367. Фальб. и Чарнол., ч. II.

235. Сб. п., V, №№ 123, 137, 321; VI, №№ 96, 506, 544. «Очеркъ дѣятельности пост. Комиссіи народн. чтеній за 25—лѣтіе ея существ.», СПБ. 1897.

236. Отчеты по Министерству за 1874—1875 гг. Жур. Учен. Ком-та за 1874 г.: мнѣніе Комитета: «Введеніе обязательнаго обученія въ нѣкоторыхъ только мѣстностяхъ и по рѣшенію самихъ жителей представляетъ не болѣе какъ полумѣру, отъ которой ожидать сколько нибудь значительныхъ послѣдствій нельзя и которая можетъ имѣть нѣкоторую важность только какъ попытка въ этомъ направленіи, способная до нѣкоторой степени содѣйствовать разрѣшенію этого весьма сложнаго и труднаго вопроса. Система же настоящаго обязательнаго обученія тогда только можетъ принести свои плоды, когда она будетъ введена какъ общій для всего Государства Законъ, ибо при этомъ только условіи и можно ожидать, что народъ по достоинству оцѣнитъ эту благодѣтельную мѣру и что лица, наблюдающія за выполненіемъ обязательнаго обученія, могутъ дѣйствовать вполнѣ свободно и рѣшительно. Но, признавая въ принципѣ обязательное обученіе за мѣру, вообще полезную для Государства, Ученый Комитетъ полагаетъ, что въ настоящее время можетъ быть сдѣлана лишь попытка введенія обязательнаго обученія лишь тамъ, гдѣ существуютъ благопріятныя

для того условія». Арх. Мин., к. 4532, д. 156750а, к. 3628, д. 156960а. «По вопросу объ обязательности начальн. народн. образованія», Ж. М. Н. Пр., 1867 г., ч. 134; 1874 г., чч. 175, 176. А. С. Вороновъ, «Значеніе обязательн. обученія». Баронъ Н. Корфъ, «Объ обяз. обуч. въ Россіи», Вѣстн. Евр., 1872 г. С. Миропольскій, «Школа и государство». СПБ. 1883. Указанія на журн. литер. у Межова, «Матер.», т. III, стр. 507.

237. Сб. п., IV, №№ 126, 127, 567; V, №№ 84, 85, 433; VI, №№ 27, 131; VII, №№ 49, 175, 227, 455. Родевичъ, «Сборн. дѣйств. пост. и расп. по жен. гимн. и прог.» Лихачева, «Матеріалы», III.

238. Сб. п., V, № 343; VI, №№ 128, 258, 291. Сб. р., V, №№ 295, 296.

239. Сб. п., IV, № 277, 296; VI, № 161; VII, № 441. Ж. М. Н. Пр., 1867 г., ч. 133.

240. О Дерпт. ун-тѣ: Сб. п., VI, № 80; VII, № 515. О русск. языкѣ и гимназіяхъ: Сб. п., IV, №№ 214, 263, 316, 361, 471, 521, 540; V, №№ 68, 119, 311, 437; VI, №№ 1, 44, 71, 129, 205. Сб. р., V, № 231. О начальн. образованіи: Сб. п., IV, №№ 498, 514, 519; V, №№ 355,393. Сб. р. IV, № 340. Аннинъ, «Сводъ законоположеній», ч. III.

241. Сб. п., IV, №№ 119, 139,144, 171, 178, 299, 380,415—417; V, №№ 147, 220, 253, 308; VI, №№ 40, 59, 145; VII, №№ 7, 207. «Объ устройствѣ училищной части въ юго-западн. краѣ Россіи», Ж. М. Н. Пр., 1869 г., ч. 146.

242. О Варшав. ун-тѣ: Сб. п., IV, №№ 442—443. Доп., № 26; V, № 165. О средн. учебн. заведеніяхъ: Сб. п., V, №№ 201, 367; VI, № 10. О начальн. образованіи: Сб. п., V, №№ 23, 124, 284; VI, №№ 89, 191, 253; VII, № 407. Вообще о мѣрахъ по Варшавск. округу: Ж. М. Н. Пр., 1867 г., ч. 135; 1868 г., ч. 139; 1869 г., ч. 141; 1870 г., ч. 147.

243. Сб. п., IV, № 539, 360; VI, №№ 110, 314, 410; V, № 167. «Объ образованіи инородцевъ» въ Ж. М. Н. Пр., 1867 г., ч. 134—136; 1868 г., ч. 137. Ильминскій, «Школа для обученія дѣтей крещеныхъ татаръ въ Казани», ib., 1867 г., ч. 134.

244. Объ Оренбур. учебн. округѣ: Сб. п., VI, № 66. О Туркест. краѣ: Сб. п., VI, № 235; VII, №№ 162, 662.

245. Сб. п., IV, № 395; V, №№ 107, 289; VI, № 81; VII, №№ 55,402, 495,699.

246. Сб. п., IV, № 526; V, № 438, VI, № 316; VII, № 21, 321, 557.

247. Сб. п., V, № 47; VI, №№ 29, 235, 236; VII, №№ 155, 399, 804.

248. Сб. п., IV, № 558; VI, 68.

249. Сб. п., IV, № 419; V, № 192.

250. Сб. п., IV, № 482; VI, № 553; VII, № 382.

251. Сб. п., IV, №№ 207, 295.

252. Формуляры о службѣ статсъ—секретарей Сабурова, барона Николаи, графа Делянова и ихъ сотрудниковъ въ Арх. Мин. Отчеты по М-ству за 1881—1897 гг. «Обзоръ дѣятельности вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія за время царствованія Императора Александра III». СПБ. 1901 г.

253. Сб. п., VIII, №№ 38, 130; IX, № 17.

254. Сб. п., VIII, № 188; XII, №№ 206, 218, 285. Отчеты по М-ству за соотвѣтствующіе годы.

255. Сб. п., VII, № 905; IX, №№ 25, 42; XII, № 169; XIII, № 129. «Обзоръ», стр. 90—107. А. И. Георгіевскій, «Къ исторіи Учен. Комитета», Ж. М. Н. Пр., 1900, ноябрь, дек.; 1902 г., апр. Годичные отчеты.

256. Сб. п., VIII, № 396; X, №№ 248, 338, 547.

257. Сб. п., VIII, № 25; IX, № 80; X, № 42. «Учебн. заведенія М. Н. Пр.», СПБ. 1895.

258. Сб. п., XII, № 197. «Учебн. завед. М. Н. Пр.»

259. Сб. п., VIII, № 376.

260. Сб. п., X, № 208; XII, № 217.

261. Сб. п., VII, № 907.

262. Сб. п., VIII, №№ 56, 83. Георгіевскій, «Краткій историч. очеркъ правительств. мѣръ и предначертаній противъ студенч. безпорядковъ». Статья П. Н. Милюкова о русскихъ ун-тахъ въ Энциклопедич. Словарѣ Брокгауза и Эфрона.

263. Георгіевскій, «Кратк. историч. очеркъ» и т. д. «Отчетъ по Государств. Совѣту за 1884 г.» П. Г. Виноградовъ, «Учебное дѣло въ нашихъ ун-тахъ», «Вѣстн. Евр.», 1901 г., окт. «Обзоръ . . за время царствованія Имп. Александра III». Сб. п., VIII, №№ 367, 379; IX, №№ 38, 135; X, №№ 75 157, 337, 365, 595, 610, 617; XI, №№ 101, 158, 403, 436. Общія распоряженія по ун-тамъ у Деманта, «Алфав. сборн. пост. и расп. по С.-Петерб. учебн. округу».

264. Сб. п., X, №№ 59, 393. «Обзоръ», 449—463.

265. Сб. п., XIII, № 61. «Обзоръ», 463—469.

266. «Обзоръ», 469—476.

267. Сб. п., XII, № 230. «Обзоръ», 476—482.

268. Сб. п., VIII, № 74; X, №№ 304, 433; XI, № 133; XII, № 8. «Обзоръ», 187—209.

269. Сб. п., XI, № 166; XII, 180, 225; XIII, 62.

270. «Обзоръ.», 82—90.

271. Георгіевскій, «Крат. ист. очеркъ». 85. «Обзоръ», 209—217. Сб. п. XI, № 170.

272. Сб. п., VIII, № 334; XII, № 26; XIII, № 206.

273. Исаенковъ, «Сборн. пост. и расп. по гимназ. и прог. Москов. учебн. окр.», изд. 2., стр. 329, 576, 340. Сб. п., XI, № 446. «Обзоръ», 233—286.

274. Исаенковъ, «Сборн.», стр. 633 и слѣд., 659 и слѣд. «Обзоръ», loc. cit. Сб. п., XII, № 24.

275. «Обзоръ», 236—286. Сб. п., XI, №№ 94, 269; X, №№ 41, 401, 402, 600. Исаенковъ, Сборн., 643 и слѣд., 744 и слѣд.

276. «Обзоръ», 286—308. Сб. п., VII, № 801; X, № 602.

277. Сб. п., VII, №№ 904, 931; VIII, №№ 116, 169, 208; IX, № 22; X, № 490; XIII, №№ 33, 100, 273. «Обзоръ», 328—371. Вл. И. Фармаковскій, «Начальн. школа М-ства Нар. Пр.», СПБ. 1900. «Статист. свѣдѣнія по нач. образованію въ Росс. Имперіи за 1896 г.».

278. «Обзоръ», 371—383.

279. «Обзоръ», 383—419. Фармаковскій, «Нач. школа М-ства Нар. Пр.» Фальборкъ и Чарнолускій, «Народн. образованіе въ Россіи». «Статист. свѣд. за 1896 г.» Аннинъ, «Сводъ законоп.», ч. I. Сб. п., VIII, № 157; X, № 599. XV, № 19 (1897 г.) и 15 (1898 г.) Арх. Мин., к. 3628, д. 156960 a и дѣло Д-та Нар. Пр. по проекту Положенія о школахъ духовн. вѣдомства.

280. «Обзоръ», 383—419. Фармаковскій, «Начальн. школа». Фальборкъ и Чарнолускій, «Народн. образованіе». Сб. п., X, №№ 534, 637, 672; XI, № 379. Рѣшенія Сената по спорнымъ вопросамъ учебной администраціи у Фальб. и Чарнолус., «Настольн. книга по народн. образованію», т. I.

281. «Обзоръ», 418—419. Сб. п., X, № 538.

282. «Обзоръ», 308—328. Сб. п., VII, № 800; VIII, № 392, 466; IX, № 192; X, № 272.

283. «Обзоръ», 421—424. Сб. п., X, №№ 133, 465; XII, № 221.

284. «Обзоръ», 419—421. Сб. п., VIII, № 387; IX, № 169.

285. «Обзоръ», 483—526. «Сборн. матеріаловъ по техническому и профессіон. образованію» СПБ. 1895 г., т. I. Сб. п., VIII. №№ 34, 73; IX, № 102; X, № 563; XI, №№ 52, 171, 408, 412, 447; XII, №№ 140, 280, 294, 317; XIII, №№ 31, 181, 182, 223, 305.

286. Сб. п., X №№ 2, 579; XI, №№ 22, 71, 174, 222; XII, №№ 90; XIII, 14.

287. Сб. п., VII, №№ 744, 756; X, №№ 39, 173, 622; XI, №№ 132, 361; XII, №№ 1, 196.

288. Сб. п., VIII, № 436; X, №№ 97, 204, 371, 423, 451, 668; XI, №№ 14, 118, 121, 139, 176, 380, 468; XII, №№ 109, 319; XIII, № 154.

289. Сб. п., VII, № 928; VIII, 166, 198, 235, 482; IX, №№ 117, 156; X, №№ 240, 510, 579, 594; XI, №№ 80, 120, 453; XII, 61.

290. Сб. п., X, №№ 40, 61, 143, 247; XII, №№ 115, 132; XIII, № 153.

291. Сб. п., VII, № 751; VIII, №№ 178, 313, 333, 350; X, №№ 628, 669; XI, 24; XII, №№ 73, 134; XIII, № 52.

292. Сб. п., VIII, №№ 152, 153, 346, 376; IX, 149; XI, 39; XII, 191; XIII, 298; XV, № 142.

293. Сб. п., IX, № 190; XII, №№ 38, 131, 143.

294. Сб. п., XII, № 264. «Обзоръ», 1—23.

295. «Обзоръ», 24—40.

296. Сб. п., XI, № 239; XIII, 205. «Обзоръ», 41—47.

297. «Обзоръ», 47—50.

298. Сб. п., X, №№ 268, 576. «Обзоръ», 50—54.

299. Сб. п., VIII, № 388; IX, 60; XII, 162. «Обзоръ», 55—65.

300. Сб. п., IX, № 91. «Обзоръ», 73—82.

301. Сб. п., XIII, № 51. «Обзоръ», 107—108.

302. Сб. п., XII, №№ 76; XIII, 67. «Обзоръ», 108—109.

303. Формуляры о службѣ въ Арх. Мин. Всеподданнѣйшіе отчеты за 1898—901 гг. «Краткій обзоръ дѣятельности Мин. Нар. Пр. за время управленія покойнаго министра Н. П. Боголѣпова» въ Ж. М. Н. Пр., 1901 г., іюль. Дѣла Д-та Нар. Пр. «Журн. Высоч. учрежд. при М. Н. Пр. Комиссіи для опредѣленія дальнѣйш. плана насажденія промышлен. образованія въ Имперіи и обсужденія вопроса о реорганизаціи средн. и низшихъ технич. училищъ». СПБ. 1902.

УКАЗАТЕЛЬ.

*

*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

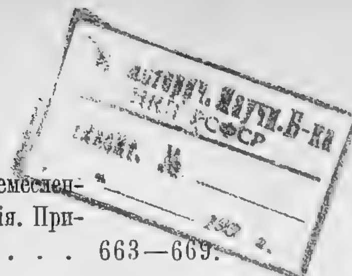
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стр.	*Строка сверху.*	*Напечатано.*	*Читай.*
41	18	1808 г.	1807 г.
56	9	продолжила	продолжило
58	23	учителй	учителей
86	23	18 ноября	25 ноября
162	12	Министерствомъ будучи, уже	Министерствомъ, будучи уже
165	39	когда во время	когда, во время
188	25	правъ	права
271	34—35	субсидируемыя	субсидируемые
333	19—20	Румянцовымъ	Румянцевымъ
336	30	начальству,	начальству
343	21—22	Харьовскаго	Харьковскаго
349	13	познаніямъ	познаніямъ;
514	14	соотвѣственно	соотвѣтственно
705	3	канцеляріи	канцеляріи попечителя.

Добавленіе.

На стр. 482-й, въ спискѣ попечителей учебныхъ округовъ, пропущенъ попечитель Московскаго округа, князь Н. П. Мещерскій (1874—1880 г.).

